

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07920044 4

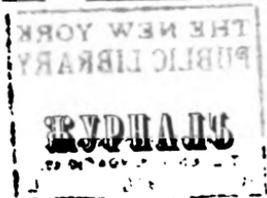

INDEXED

*QCA

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

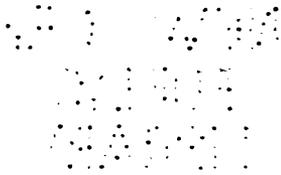
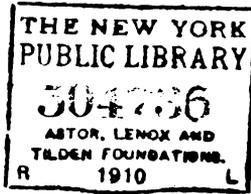
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

ТОМЪ V

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАНА

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 4 сентября 1861 года

Ценсоръ *Θ. Веселого*

ЗА ЧѢМЪ ИЩЕШЬ, ТО И НАЙДЕШЬ

ЖИЗНЬ БАЛЬЗАМИНОВА

КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Л И Ц А

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА, вдова.

МИХАЙЛО ДМИТРИЧЪ БАЛЬЗАМИНОВЪ, сынъ ея.

АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА, сваха.

МАТРЕНА, кухарка.

ЛУКЪЯНЪ ЛУКЪЯНЫЧЪ ЧЕБАКОВЪ, офицеръ въ отставкѣ. Очень приличный господинъ, среднихъ лѣтъ, съ усами, лысоватъ: сертукъ застегнуть на всѣ пуговицы. Выраженіе лица насмѣшливо.

Бѣдная комната у Бальзаминовыхъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

БАЛЬЗАМИНОВА (пьеть чай) и МАТРЕНА (стоитъ у двери).

Бальзаминова. Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, послѣ бави-то!

Матрена. Ужь это начто лучше! По всѣмъ жилкамъ, по всѣмъ суставамъ пройдетъ.

Бальзаминова. А гдѣ же Миша? что-то не видать его.

Матрена. Спитъ, умаялся.

Бальзаминова. Ну, пускай спитъ.

Матрена. Чтожъ! пускай спитъ. Никакихъ важныхъ дѣлъ за нимъ нѣтъ; остановки не будетъ. А я его сослѣдила, куда онъ ходитъ.

Бальзаминова. Куда же?

Матрена. Тутъ близехонько. Только онъ не прямо ходитъ, а кругъ большой дѣлаетъ, чтобы сослѣдямъ виду не показать. Таково далеко уйдетъ, да потомъ и воротится переулками, глаза отводить.

Бальзаминова. Да будетъ ли толкъ-то какойнибудь?

Матрена. Ктожъ его знаетъ? Ужъ это его дѣло. Надо полагать, что и тутъ ничего себѣ не выиграетъ.

Бальзаминова. Отчего же ты такъ, Матрена, думаешь?

Матрена. Мало виду изъ себя имѣетъ, польститься-то не на что! Ну и чиномъ еще не вышелъ.

Бальзаминова (*встаетъ*). Пей, Матрена, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли. (*Уходитъ. Матрена садится къ столу и пьетъ. Бальзаминова возвращается. Матрена встаетъ*) Сиди! (*Матрена садится, только оборотившись къ Бальзаминовой задомъ*). Спитъ еще. (*Садится*). А какъ ихъ по фамилии-то, гдѣ онъ ходитъ?

Матрена (*оборотивъ голову*). Пѣженовыхъ.

Бальзаминова. Ктожъ они такіе?

Матрена. Сами по себѣ.

Бальзаминова. Какъ же такъ сами по себѣ?

Матрена. По своей части.

Бальзаминова. Экая ты безтолковая! Чтоже они, служащіе или купцы?

Матрена. Должно, торгуютъ.

Бальзаминова. Ктожъ у нихъ изъ женскаго-то полу?

Матрена. Двѣ сестры — обѣ дѣвки, ужъ въ лѣтахъ. Только выходу имъ никакого нѣтъ; сидятъ наверху у себя взаперти, все одно подъ замкомъ.

Бальзаминова. Отчего же?

Матрена. Такой приказъ отъ братьевъ.

Бальзаминова. Зачѣмъ же такой приказъ?

Матрена (*дуя въ блюдечко и оборачиваясь*). Потому страмъ.

Бальзаминова. Какой же страмъ?

МАТРЕНА. Очень на мужчинъ безстыжи. Такія, говорить, за-
вистливыя, что бѣда. (*Накрываетъ чашку*) Покорно благодарствуй-
те! (*Встаетъ и уноситъ самоваръ*).

БАЛЬЗАМИНОВА. Говорятъ: за чѣмъ пойдешь, то и найдешь!
Видно, не всегда такъ бываетъ. Вотъ Миша ходитъ, ходитъ, а все
не находитъ ничего. Другой бы бросилъ давно, а мой все не уни-
мается. Да коли правду сказать, такъ Миша очень справедливо раз-
суждаетъ: «Вѣдь мнѣ, говорить, убытку нѣтъ, что я хожу, а при-
быль можетъ быть большая; слѣдовательно я долженъ ходить. Хо-
дить понапрасну, говорить, скучно, а бѣдность—то еще скучнѣй.»
Что правда, то правда. Нечего съ нимъ и спорить. (*Шумъ за сце-
ной*) Что тамъ у васъ? (*Входитъ Бальзаминова*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

БАЛЬЗАМИНОВА и БАЛЬЗАМИНОВЪ

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Что же это такое, маменька! Помилуйте! На
самомъ интересномъ мѣстѣ...

БАЛЬЗАМИНОВА. Что такое?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Да Матрена меня разбудила на самомъ инте-
ресномъ мѣстѣ. И очень нужно ей было тамъ чашки убирать.

БАЛЬЗАМИНОВА. Развѣ ты что-нибудь во спѣ видѣлъ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Да помилуйте! на самомъ интересномъ мѣ-
стѣ! Вдругъ вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстрѣчу
мнѣ идетъ дама, красоты необыкновенной, и говорить: господинъ
Бальзаминовъ, я васъ люблю и обожаю! Тутъ какъ на смѣхъ,
Матрена меня и разбудила. Какъ обидно! Что бы ей хоть немного
погодить? Ужъ очень мнѣ интересно, что бы у насъ дальше—то было.
Вы не повѣрите, маменька, какъ мнѣ хочется доглядѣть этотъ сонъ.
Развѣ уснуть опять? Пойду, усну. Да вѣдь пожалуй не при-
снится.

БАЛЬЗАМИНОВА. Разумѣется не приснится.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Экая досада! Мнѣ бы теперь, по моимъ дѣ-
ламъ, очень нужно такой сонъ видѣть; можетъ-быть онъ мнѣ что-
нибудь и напороочилъ бы. Что, маменька, меня никто не спраши-
валъ?

Бальзаминова. Это что еще за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминовъ. Я, маменька, новое знакомство завелъ. Лукьянъ Лукьянычъ Чебаковъ... отличнѣйшій человекъ. Онъ капитанъ въ отставкѣ.

Бальзаминова. К чему это?

Бальзаминовъ. Какъ к чему! Что вы это говорите! Вы знаете, маменька, какая у насъ сторона! Я ужь теперь далеко не хожу, а хожу тутъ поблизости.

Бальзаминова. Такъ чтоже?

Бальзаминовъ. Какъ чтоже! Какое необразованіе свирѣпствуетъ въ нашей сторонѣ, страсть! Обращенія не понимаютъ, человѣчества нѣтъ никакого! Пройди по рынку мимо лавокъ лишній разъ, — сейчасъ тебѣ прозвище дадутъ, кличку какую-нибудь. Почти у всякихъ воротъ кучера сидятъ, толстые, какъ мясники какіе, только и дѣла, что собакъ глядятъ, да играютъ съ ними; а собаки-то, маменька, какъ львы. Вѣдь по нашему дѣлу иногда нужно разъ десять мимо оконъ-то пройти, чтобы замѣтили тебя, а они развѣ дадутъ! Сейчасъ засвищутъ, да и давай собаками травить.

Бальзаминова. Какъ же это можно живого человекъ собаками травить?

Бальзаминовъ. Какъ можно? Что вы, маменька! Развѣ они знаютъ учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а тамъ хоть человекъ до смерти загрызи, ему все равно.

Бальзаминова. Какое необразованіе!

Бальзаминовъ. Меня раза три травили. Впервыхъ перепугаютъ до-смерти, да еще бѣжишь съ версту, духу потомъ не переведешь. Да и срамъ! какой срамъ-то, маменька! Ты тутъ ухаживаешь, стараешься понравиться — и вдругъ видятъ тебя изъ окна, что ты летишь во всѣ лопатки. Что за видъ, со стороны-то посмотрѣть! Невѣжество въ высшей степенн... что ужь тутъ! А вотъ теперь, какъ мы съ Лукьянъ Лукьянычемъ вмѣстѣ ходимъ, такъ меня никто не смѣетъ тронуть. А знаете, маменька, что я задумалъ?

Бальзаминова. А что?

Бальзаминовъ. Я хочу въ военную службу поступить.

Бальзаминова. Да ты проснулся ли совсѣмъ-то, или еще все бредишь?

Бальзаминовъ. Нѣтъ, позвольте, маменька: вто дѣло разсудить надо.

Бальзаминова. Да что тутъ разсуждать-то! Много ли ты лѣтъ до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминовъ. Сколько бы я ни прослужилъ, вѣдь у меня такъ же время-то идетъ, за то офицеръ. А теперь что я! Чинъ у меня маленький, притомъ же я человекъ робкій, живемъ мы въ сторонѣ необразованной, шутки здѣсь все такія неприличныя, да и насмѣшки... А-вы только представьте, маменька: вдругъ я офицеръ, иду по улицѣ смѣло, ужъ тогда смѣло буду ходить; вдругъ вижу — сидитъ барышня у окна, я поправляю усы...

Бальзаминова. Все вздоръ какой говоришь! А чѣмъ жить-то мы будемъ, пока ты въ офицеры-то произойдешь?

Бальзаминовъ. Ахъ, Боже мой! Я и забылъ про это, совсѣмъ изъ головы вонъ! Вотъ видите, маменька, какой я несчастный человекъ! Ужъ отъ военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мнѣ нельзя. Я вамъ, маменька, говорилъ, что я самый несчастный человекъ въ мѣрѣ, вотъ такъ оно и есть. Въ какомъ я мѣсяцѣ, маменька, родился?

Бальзаминова. Въ маѣ.

Бальзаминовъ. Ну вотъ всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы разсудите сами, въ нашемъ дѣлѣ безъ счастья ничего не сдѣлаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вотъ ужъ правду-то русская пословица говоритъ: «не родись умепъ, не родись пригожь, а родись счастливъ.» А все-таки я, маменька, не унываю. Этотъ сонъ... хоть я его и не весь видѣлъ — чортъ возьми эту Матрену! — а все-таки я отъ него могу ожидать много пользы для себя. Этотъ сонъ, если разсудить, маменька, много значить, охъ какъ много!

Бальзаминова. Да ты помнишь ли въ лицо ту даму, которую видѣлъ вонъ-то?

Бальзаминовъ. Помню, маменька: какъ сейчасъ гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное...

Бальзаминова. Это хорошо.

Бальзаминовъ. Это, маменька, для насъ первое дѣло. У кого въ лицѣ строгость, я вѣдь съ тѣмъ человекомъ разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминова. Да и я не люблю.

Бальзаминовъ. Другой на тебя смотреть — точно допросъ

тебѣ дѣлаетъ. Ну, чтожъ тутъ хорошаго! Конечно, если строго разобратъ, такъ мы имѣемъ недостатки въ себѣ, въ образованіи, ну и въ платьѣ тоже. Когда на тебя смотрятъ строго, чтожъ тутъ дѣлать? Конфузиться да обдергиваться.

Бальзаминова. Разуѣбется. А вотъ ты коли ждешь кого, такъ одѣлся бы пошолъ; что въ халатѣ—то сидишь!

Балазаминовъ. Да, маменька, я сейчасъ одѣнусь. Лукьянъ Лукьянычъ вѣдь человекъ свѣтскій; какія у него трубки, съ какими интарьями, маменька! (*уходитъ*).

Бальзаминова. Какой странный сокъ! Ужъ очень прямо; такъ что-то даже неловко: «я васъ люблю и обожаю»... Хорошо какъ такъ и на яву выдетъ, а то вѣдь сны—то больше все наоборотъ выходятъ. Еслибы она ему сказала: «Господинъ Бальзаминовъ, я васъ не люблю и вашего знакомства не желаю» — это было бы гораздо лучше. (*Красавина входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ

БАЛЬЗАМИНОВА и КРАСАВИНА

Красавина. Съ повинной, матушка! Не вели казнить, вели рѣчь говорить.

Бальзаминова. Есть же люди на свѣтѣ, которые стыда не имѣютъ!

Красавина. Есть, матушка, есть всякаго народа.

Бальзаминова. Конечно, мы люди бѣдные, маленькіе, но однакоже вѣдь надобно, Гавриловна, немножко и совѣтъ знать.

Красавина. Нешто я, матушка, не понимаю! У меня совѣсть—то чище золота, одно слово — хрусталь, да чтожъ ты прикажешь дѣлать, коли такія оказіи выходятъ? Ты разсуди, какая мнѣ радость, что всякое дѣло все врозь да врозь! Первое дѣло — хлопоты даромъ пропадаютъ, а второе дѣло — всему нашему званію мараль. А просто сказать: «знать не судьба!» Вотъ и все тутъ. Ну да ужъ я вамъ за всю свою провинность теперь заслужу.

Бальзаминова. Ну признаться сказать, я отъ тебя, кромѣ насмѣшки, ничего ожидать не могу.

Красавина. Не такая душа у меня. Бжели я противъ кого виновата, такъ ужъ я пополамъ разорвусь, а за свою вину вдвое за-

служу. Вотъ у меня какая душа! Хоша оно въ нынѣшнемъ свѣтѣ съ такой добродѣтелью жить трудно, милая...

Бальзаминава. Ты лучше, Гавриловна, и не говори! я тебѣ въ этомъ вѣрить не могу. Мы люди бѣдные, какой тебѣ интересъ?

Красавина. А не вѣришь, такъ я тебѣ вотъ что скажу: хорошій-то который женихъ, ловкій, и безъ свахи невѣсту найдетъ, а хоть и со свахой, такъ съ него много не возьмешь; ну а твой-то плохъ, ему безъ меня этого дѣла не состряпать; значить я съ него возьму что мнѣ захочется. Знаешь русскую пословицу: «у всякаго плута свой расчетъ»? Безъ расчета тоже въ нынѣшнемъ свѣтѣ жить нельзя.

Бальзаминава. Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя такъ приняла. Мнѣ обидно, что моимъ сыномъ какъ дуракомъ помыбаютъ.

Красавина. Ничего, матушка; брань на вороту не виснетъ. Намъ не привыкать стать къ брани-то, наше званіе такое. А сына твоего мы обезпечимъ, ты не безпокойся.

Бальзаминава. Чайку не хочешь ли?

Красавина. Ну его! И безъ него жарко. Что такое чай? Вода! А вода, вѣдь она вредъ дѣлаетъ, мельницы ломаетъ. Ужь ты меня лучше ужь какъ слѣдуетъ поподчуй, я къ тебѣ вечеркомъ зайду. А теперь вотъ что я тебѣ скажу. Такая у меня на примѣтъ есть краля, что, признаться сказать, согрѣшила — подумала про твоего сына, что мошь не жирно ли ему это будетъ?

Бальзаминава. Ктожь такая?

Красавина. Ну объ этомъ рѣчь впереди. Вотъ видишь ты, дѣло какого роду: она вдова и съ большимъ капиталомъ, отъ этого самаго я скучаетъ.

Бальзаминава. Скажите пожалуйста!

Красавина. Такъ точно. И какъ, матушка моя, оловѣла, такъ никуда не выѣзжаетъ, все и сидитъ дома. Ну а дома чтожь дѣлать? извѣстно — покушаетъ да почивать ляжетъ. Богатая женщина, чтожь ей дѣлать-то больше!

Бальзаминава. Отчего же это она при такомъ капиталѣ никуда не ѣздитъ и знакомства не имѣетъ?

Красавина. Лѣнива. Ужь сколько разъ я ей говорила: «что, мошь, ты никуда не съѣдешь, али къ себѣ гостей не позовешь?» Въ гости ѣхать, говорить, — одѣваться надобно: а пріѣдешь — разговаривать нужно.

Бальзаминава. Развѣ она и разговаривать не любитъ?

Красавина. Какъ не любить! Только чтобы не торопясь, съ прохладой. Ну такимъ то родомъ, сударыня ты моя, отъ этакой то жизни стала она толстѣть и тоску чувствовать. И даже такъ, я тебѣ скажу, тяжесть такая на нее напала, въ родѣ какъ болѣзнь. Ну и сейчасъ съ докторами совѣтоваться. Я была при одномъ докторѣ. Вотъ докторъ ей и говорить: «вамъ, говорить, лекарства никакого не нужно; только чтобы, говорить, развлечение и безпремѣнно чтобы замужъ шли».

Бальзаминава. А она чтожь?

Красавина. Она ему сейчасъ въ руку три цѣлковыхъ бумажку. Порядокъ этотъ знаетъ.

Бальзаминава. Нѣтъ, я не про то! Я насчетъ того, что замужъ-то идти?

Красавина. «Я, говорить, замужъ не прочь; только гдѣ его найдешь дома-то сидя?» — А я-то, говорю, начто? — «Ну, говорить, хлопочи!» Такъ вотъ какія дѣла и какія оказіи бывають.

Бальзаминава. Ну а какъ насчетъ состоянія?

Красавина. Сверхъ границъ. Однихъ только денегъ и билетовъ мы двѣ считали-считали, счесть не могли, такъ и бросили. Да я такъ думаю, что не то что намъ, бабамъ, а и мужчинамъ, если двухъ хорошихъ взять, и то не счесть!

Бальзаминава. Какъ же это не счесть?

Красавина. Такъ вотъ и не счесть. Посчитаютъ-посчитаютъ, да и бросятъ. Ты думаешь, считать-то легко? Это, матушка, всеѣмъ вамъ кажется, у кого денегъ нѣтъ. А поди-ко попробуй! Нѣтъ, матушка, счесть мудреное дѣло. И чиновники-то, которые при этомъ приставлены, и тѣ, кто до сколько умѣетъ, до столько и считаетъ: потому у нихъ и чины разные. Твой Михайло до сколько умѣетъ?

Бальзаминава. Да я думаю, сколько ни дай, все сочтеть.

Красавина. Ну гдѣ ему! Тысячъ до десяти сочтеть, а больше не сумѣетъ. А то вотъ еще какія оказіи бывають, ты знаешь ли? Что-то строили, ужъ я не припомню, такъ архитекторы считали, считали, цифирю не хватило.

Бальзаминава. Можетъ ли это быть?

Красавина. Вѣрно тебѣ говорю. Такъ что же придумали: до которыхъ поръ сочтутъ, это запишутъ, да опять цифирь-то сначала и оборотятъ. Вотъ какъ! Такъ чтожь тутъ мудренаго, что мы де-

негъ не сочли? Ну деньги деньгами, — это само по себѣ, а еще домъ.

БАЛЬЗАМИНОВА. Большой?

КРАСАВИНА. А вотъ какой: заведи тебя въ середку, да оставь одну, такъ ты и заблудишься, все равно что въ лѣсу, и выходу не найдешь, хоть караулъ кричи. Я одинъ разъ кричала. Мало тебѣ этого, такъ у насъ еще лавки есть.

БАЛЬЗАМИНОВА. Ты ужь что-то много насказала! Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невѣстѣ-то.

КРАСАВИНА. Это ужь его дѣло. Да что это его не видать?

БАЛЬЗАМИНОВА. Не знаю, онъ дома былъ. Миша! (*Бальзаминова уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ТѢЖЕ и БАЛЬЗАМИНОВЪ

КРАСАВИНА. Красота ты моя писаная, разрисованая! Все ли ты здоровъ? А у насъ всѣ здоровы быки и коровы, столбы и заборы.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Я еще и говорить-то съ тобой не хочу. Вотъ что!

БАЛЬЗАМИНОВА. Нѣтъ, Миша, ты съ ней не долженъ такимъ манеромъ обращаться; ты еще не знаешь, какую она пользу можетъ тебѣ сдѣлать.

КРАСАВИНА. Не тронь его, пуцай! Что это ты такой гордый сталъ? Аль нашолъ на дорогѣ сумму какую значительную?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Она-то пользу сдѣлаетъ? Что вы маменька, ей вѣрите? Она все обманываетъ.

КРАСАВИНА. Я обманываю? Значить ты души моей не знаешь. Ты слыхалъ ли когда пѣсню:

• Никто души моей не знаетъ,
И чувствъ моихъ не могутъ описать? •

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Зачто она меня, маменька, обманываетъ? Чтѣ я ей сдѣлать? Она сваха, — она и должна сватать, а не обманывать.

КРАСАВИНА. А ты ищи себѣ подъ пару, такъ тебя никто и не

будеть обманывать; а то ты все не подь масть выбираешь-то. Глаза то у тебя больно завистливы.

Бальзаминовъ. А тебѣ какое дѣло! Да и совсѣмъ не отъ зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благородныя чувства. Развѣ можно съ облагороженными попятіями въ бѣдности жить? А коли я не могу никакими средствами достать денегъ, значить я долженъ жениться на богатой. *(Садится)* Ахъ, маменька, какаѣ это обида, что все на свѣтѣ такъ нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бѣдный — на бѣдной. Есть ли въ этомъ какая справедливость? Одно только притѣсненіе для бѣдныхъ дудей. Еслибъ я былъ царь, я бы издалъ такой законъ, чтобъ богатый женился на бѣдной, а бѣдный — на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Красавина. Ну вотъ когда такой законъ отъ тебя выдетъ, тогда мы и будемъ жить по твоему; а до тѣхъ поръ, ужь ты не взыщи, все будетъ по старому русскому заведенію: «по Сенькѣ шапка, по Еремкѣ кафтанъ». А то вотъ тебѣ еще другая пословица: «видитъ собака молоко, да рыло коротко».

Бальзаминовъ. Вотъ видите, маменька, вотъ она опять все на смѣхъ. Зачѣмъ она пришла? Кто ее просилъ?

Красавина. Мнѣ вѣдь какъ хотите! Я изъ-за своего добра кланяться не стану. Какая мнѣ оказія!

Бальзаминова. Что это ты, Гавриловна? Ты видишь, онъ не въ своемъ умѣ. Какъ тебѣ, Миша, не стыдно!

Красавина. Чтожъ онъ важность—то на себя напустилъ? Навязывать ему что ли? Ужъ это много чести будетъ! Москва-то не клиномъ сошлась; найду не хуже его.

Бальзаминова. Нѣтъ, ты этого, Гавриловна, не дѣлай. Это тебѣ грѣхъ будетъ! Ты, Миша, еще не знаешь, какія она намъ благодѣянія оказываетъ. Вотъ ты поговори съ ней, а я пойду, признаться сказать, послѣ бани-то отдохнуть хочется. Я полчаса, не больше.

Красавина. Да хоть и больше, такъ ктожъ тебѣ запретить?
(Бальзаминова уходитъ).

ДВУДЕНЕ ПЯТОЕ

КРАСАВИНА, БАЛЬЗАМИНОВЪ, потомъ МАТРЕНА.

Бальзаминовъ. Вотъ ты сердиться-то умѣешь, а каково мнѣ было тогда, какъ меня изъ дому выгнали? Вотъ такъ асаже!

Красавина. А ты еще все не забылъ? Видишь, какой ты злопамятный! Ну вотъ за этотъ-то за самый афронтъ я и хочу тебѣ заслужить.

Бальзаминовъ. Чѣмъ же ты заслужишь?

Красавина. Невѣсту нашла.

Бальзаминовъ. Ну ужъ не надо. Опять тоже будетъ. Я самъ нашолъ.

Красавина. Мудрено что-то! Гдѣ-жъ это?

Бальзаминовъ. Какъ же! такъ я и сказалъ тебѣ!

Красавина. Ничего у тебя не выдетъ.

Бальзаминовъ. А вотъ посмотримъ.

Красавина. И смотрѣть нечего. (*Входитъ Матрена и становится у двери, приложивъ руку къ щекѣ*). Ты самъ разсуди! Какую тебѣ невѣсту нужно?

Бальзаминовъ. Извѣстно какую, обыкновенную.

Красавина. Нѣтъ, не обнаковенную. Ты человекъ глухой, значить...

Бальзаминовъ. Какъ же, глухой! Ишь ты дурака нашла!

Матрена. А что, уменъ?

Бальзаминовъ. Ты молчи, не твое дѣло!

Красавина. Ты послушай! ты человекъ глухой, значить тебѣ...

Бальзаминовъ. Да что ты все: глухой, да глухой! Это для тебя я можетъ-быть глухъ; а для другихъ совсѣмъ нѣтъ. Давай спросимъ у кого-нибудь.

Красавина. Давай спросимъ! Да нечего и спрашивать. Ты повѣрь мнѣ, я человекъ старый, обманывать тебя не стану.

Матрена. Какой ты, Михайло Митричъ, какъ погляжу я на тебя, спорить здоровый! Гдѣ-жъ тебѣ съ ней спорить?

Бальзаминовъ. Какъ же не спорить, когда она меня дуракомъ называетъ?

Матрена. Она лучше тебя знает. Коли называетъ, значить правда.

Бальзаминовъ. Да что вы ко мнѣ пристаѣли! Что вамъ отъ меня надо?

Красавина. Постой, погоди! Ты не шуми! Ты возьми терпѣніе, выслушай! Ты глупый человекъ, значить тебѣ умнѣй себя искать невѣсту нельзя.

Матрена. Само собой.

Красавина. Значить тебѣ нужно искать глупѣй себя. Вотъ такую-то я тебѣ теперь...

Бальзаминовъ (*встаетъ*). Что ты ко мнѣ пристаешь! Что ты ко мнѣ пристаешь? Я тебѣ сказалъ, что я слушать тебя не хочу. А ты все съ насмѣшками да съ ругательствомъ! Ты думаешь, я вамъ на-смѣхъ дался? Нѣтъ, погоди еще у меня!

Красавина. Что же ты сдѣлаешь?

Бальзаминовъ. Я знаю, что сдѣлать! Ты меня не тронь! Я служащій, обидѣть меня не смѣешь! Я на тебя и судъ найду!

Красавина. Судъ? Что ты, въ умѣ ли? А судиться, такъ судиться! Ты думаешь, я испугалась? Давай судиться! Подавай на меня просьбу! Я отвѣтъ найду. Въ какой судъ на меня жаловаться пойдешь?

Бальзаминовъ. Это ужь мое дѣло.

Красавина. Да ты всѣ ли суды знаешь-то? Чай только магистратъ и знаешь? Намъ съ тобой будетъ судъ особенный! Позовутъ на глаза — и сейчасъ рѣшеніе.

Бальзаминовъ. Для меня все равно.

Красавина. Что же станешь на судѣ говорить? Какіе во мнѣ пороки станешь доказывать? Ты и словъ-то не найдешь; а и найдешь, такъ складу не подберешь! А я и то скажу, и другое скажу; да слова-то напередъ подберу одно къ другому. Вотъ насъ съ тобой сейчасъ и рѣшать: мнѣ привелегію на листъ напишутъ...

Бальзаминовъ. Какую привилегію?

Красавина. Противъ тебя привелегію, что я завсегда могу быть лучше тебя и во всемъ превозвышена; а тебя въ лабеть поставятъ.

Бальзаминовъ. Въ какой лабеть? Что ты врешь!

Красавина. А еще мужчина, еще служащій, а не знаешь, что такое лабеть! Гдѣжь тебѣ со мной судиться!

Матрена. У! Безстыдникъ!

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Такъ чтожь это вы меня со свѣту сжить что ли хотите? Силъ моихъ не хватитъ! Батюшки! Ну васъ къ чорту! (*Быстро беретъ фуражку*). Отъ васъ за это вереть убѣжишь. (*Бросается въ дверь и сталкивается съ Чебаковымъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

ТѢЖЕ и ЧЕБАКОВЪ

ЧЕБАКОВЪ. Что это вы? Что это вы, господинъ Бальзаминовъ?

МАТРЕНА. Батюшки! Онъ въ умѣ повихнулся.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Ахъ, извините-съ! Такое невѣжество! Вы не можете себя представить! Это ужасъ что такое!

ЧЕБАКОВЪ. Послушайте, Бальзаминовъ, что съ вами такое?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Ничего-съ! Очень вамъ благодаренъ! Конечно, съ моей стороны неучтивость... Извините! Покорнѣйше прошу садиться!

ЧЕБАКОВЪ (*сидясь*). Послушайте, Бальзаминовъ, вы что-то не въ своей тарелкѣ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Да помилуйте-съ, Лукьянъ Лукьянычъ, никакъ невозможно! Необразование, насмѣшки...

ЧЕБАКОВЪ. Ну, да это въ сторону! Послушайте, что же вы исполните, что обѣщали, или нѣтъ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Какъ же можно! Непремѣнно-съ.

ЧЕБАКОВЪ. То-то же! А то вѣдь вы, пожалуй.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Ужь ежели я что, Лукьянъ Лукьянычъ, обѣщаль-съ...

ЧЕБАКОВЪ. Ну да, разговаривайте! Знаемъ мы васъ. Только послушайте, Бальзаминовъ, вамъ надо башмачникомъ одѣться.

МАТРЕНА. Батюшки!

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Зачѣмъ же это-съ?

ЧЕБАКОВЪ. А вотъ я вамъ сейчасъ объясню.

КРАСАВИНА. Ну прощай, башмачникъ! Ужь я къ тебѣ больше не пойду; потому, мой другъ, что хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ (*Уходитъ и Матрена за ней*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

БАЛЬЗАМИНОВЪ и ЧЕБАКОВЪ

ЧЕБАКОВЪ. Послушайте, это сваха должно быть?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Такъ точно-съ. Конечно невѣжество...

ЧЕБАКОВЪ. Такъ вотъ что, Бальзаминовъ: нельзя иначе, надо непременно башмачникомъ. А то какъ же вы къ нимъ въ домъ войдете? А вы надѣньте сертукъ похуже, да фуражку, вотъ хоть эту, которая у васъ въ рукахъ, волосы растреплите, запачкайте лицо чѣмъ-нибудь и ступайте. Позвоните у воротъ, вамъ отопрутъ, вы и скажите, что-моль башмачникъ, барышнямъ мѣрку снимать. Тамъ ужъ знаютъ, васъ сейчасъ и проведутъ къ барышнямъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. А потомъ чтоже-съ?

ЧЕБАКОВЪ. Послушайте, Бальзаминовъ! Вы чудакъ. Какъ же вы спрашиваете, что дѣлать! Вы влюблены или нѣтъ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Влюбленъ-съ.

ЧЕБАКОВЪ. Такъ вѣдь надо же вамъ объясниться. И кстати, письмо отдадите. Моей отдайте вотъ это письмо (*отдаетъ письмо*), а своей откройтесь въ любви, скажите, что хотите ее увезти, станьте на колѣни. Да вы послушайте, не перемѣшайте: моя старшая, а ваша младшая; моя Анфиса, а ваша Раиса.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Помилуйте! Какъ можно! А вы, Лукьянъ Лукьянычъ, ужъ открылись-съ?

ЧЕБАКОВЪ. Давно ужъ...

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Мы ихъ, Лукьянъ Лукьянычъ, скоро увеземъ-съ?

ЧЕБАКОВЪ. Какъ будутъ согласны, такъ и увеземъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Моя будетъ согласна-съ, потомучто она на меня такъ смотритъ, когда мы мимо проходимъ, что даже уму непостижимо-съ.

ЧЕБАКОВЪ. Послушайте, ну вотъ и прекрасно.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Только, Лукьянъ Лукьянычъ, какъ бы намъ не ошибиться насчетъ...

ЧЕБАКОВЪ. Насчетъ денегъ? Нѣтъ, господинъ Бальзаминовъ, я въ этомъ никогда не ошибаюсь.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. То вы, а то я-съ.

ЧЕБАКОВЪ. Онѣ сестры, у нихъ поровну капиталъ отъ отца. Братья оттого не отдаютъ ихъ замужъ, что денегъ жаль.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Ну, такъ я сейчасъ-съ, только сертукъ надѣну-съ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

ЧЕБАКОВЪ (одинъ). Экой дурачина! Вотъ олухъ-то! Воображаетъ, что въ него влюбятся. А впрочемъ, если смотрѣть на жизнь съ философской точки зрѣнія, такъ и такіе люди полезны. Кого нынче заставишь башмачникомъ одѣться! А эта штука мнѣ можетъ стоять полтора ста тысячъ. Изъ-за этого куша я здѣсь другой годъ живу, нарочно по близости квартиру нанялъ. Только чортъ ихъ возьми, живутъ очень крѣпко! Не то что видѣться, а и письмо-то передать большихъ трудовъ и издержекъ стоитъ. Если мнѣ этотъ дуракъ поможетъ ее увезти, — я его, голубчика, въ поминанье запишу.

(Входитъ Бальзаминовъ въ сертукѣ).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

ЧЕБАКОВЪ и БАЛЬЗАМИНОВЪ

ЧЕБАКОВЪ. Послушайте, вы настоящій сапожникъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Башмачникъ-съ.

ЧЕБАКОВЪ. Только послушайте, ну какъ ваше начальство узнаетъ, что вы башмачнымъ мастерствомъ занимаетесь?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Да, нехорошо-съ, да и отъ товарищей тоже-съ...

ЧЕБАКОВЪ. Нѣтъ, я шучу. Помилуйте, кто же это узнаетъ! Послушайте, я вамъ даже завидую. Вы будете разговаривать съ любимой женщиной, а я долженъ страдать въ одиночествѣ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Да-съ. А ужъ какъ я радъ-съ, я хоть плясать-съ готовъ-съ.

ЧЕБАКОВЪ. Именно на вашемъ мѣстѣ плясать надобно. Послушайте, Бальзаминовъ, а ну какъ васъ тамъ высѣкутъ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Чтоже это, Лукьянъ Лукьяпычъ! Я не пойду-съ! Какъ же вы сами посылаете, а потомъ говорите, что высѣкутъ? Начто же это похоже-съ!

ЧЕБАКОВЪ. Какъ вы, Бальзаминовъ, шутокъ не понимаете!

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Хорошо какъ шутки, а ежели въ самомъ дѣлѣ-съ?

ЧЕБАКОВЪ. Ужь будьте покойны! Я бы васъ не послалъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Покоенъ-то я покоенъ, а все-таки...

ЧЕБАКОВЪ. Послушайте, ну полноте! Пойдемте! Я за вами буду сзади слѣдить.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Пойдемте-съ. (*Подходятъ къ двери*). Матрена! Скажи маменькѣ, что я ушюлъ.

МАТРЕНА (*за дверью*). Сама увидить.

(*Уходятъ*).

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛИЦА

ДОМНА ЕВСИГНЕВНА БЪЛОТЪЛОВА. вдова лѣтъ тридцати-шести, очень полная женщина, пріятнаго лица, говоритъ лѣниво съ разстановкой.

АНФИСА ПАНФИЛОВНА)

РАИСА ПАНФИЛОВНА) ПЕЖЕНОВЫ, дѣвицы лѣтъ подь тридцать, ни хороши, ни дурны; ни худы, ни толсты; одѣты въ простыхъ ситцевыхъ блузахъ, но въ огромной величины кринолинахъ.

ХИМКА (Афимка), горничная дѣвочка Пѣженовыхъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

КРАСАВИЦА.

Сцена представляетъ два сада, раздѣленные посерединѣ заборомъ. Направо отъ зрителей садъ Пѣженовыхъ, а налѣво — Бѣлотъловой. Въ садахъ скамейки, столики и проч.; въ саду Бѣлотъловой налѣво видны двѣ ступеньки и дверь въ бесѣдку; у забора съ обѣихъ сторонъ кусты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

(Въ саду на лѣвой сторонѣ.)

БЪЛОТЪЛОВА и **КРАСАВИЦА** (*сидятъ на лавочкѣ*).

Бѣлотълова. Вотъ мы тутъ посидимъ, потомъ пойдемъ въ бесѣдку, тамъ закусимъ, посидимъ. Тамъ закуска приготовлена. Да потомъ опять сюда придемъ, посидимъ.

Красавина. Еще бы! Своя воля, что хотимъ, то и творимъ.

Бѣлотълова. Чтожъ ты мнѣ жениха, скоро?

Красавина. Скоро, красавица моя, скоро. Нельзя же вдругъ! Въдѣ жениховъ у меня много, да все не тотъ сортъ. Для тебя я ужъ особенно займусь, хорошаго тебѣ сыщу.

Бѣлотълова. Сыщи хорошаго.

Красавина. Ужъ ты будь покойна, это нашихъ рукъ дѣло. Есть у меня одинъ на примѣтъ, а рекомендовать боюсь.

Бѣлотълова. А чтоже?

Красавина. Онъ бы и ничего, да дурашень, Богъ съ нимъ.

Бѣлотълова. Очень дурашень?

Красавина. Да таки порядочно. Да ты объ этомъ дѣлѣ не печалься; безъ мужа не останешься.

Бѣлотълова. Ну хорошо.

Красавина. Вѣришь ты, я для тебя всей душой! Коли есть женихи на днѣ моря, я и со дна моря для твоего удовольствія достану. Да ужъ и ты меня не обидь.

Бѣлотълова. Я не обижу, я добрая.

Красавина. Ктожъ этого не знаетъ! Весь свѣтъ знаетъ. А это я къ тому говорю, красавица ты моя писаная, что отъ кого же намъ и жить-то, бѣднымъ сиротамъ, какъ не отъ васъ, богатыхъ людей? Вамъ жить да нѣжиться, а намъ для васъ служить. Ты сиди только да придумывай, а ужъ для тебя все, окромя развѣ птичьяго милока.

Бѣлотълова. Ничего не придумаешь.

Красавина. Лѣнь тебѣ, красавица моя, а то какъ бы не придумать. Я бы на твоемъ мѣстѣ, да съ твоими деньгами, такое веселье завела, такихъ чудесъ бы натворила, что ни объ чемъ бы, кромѣ меня, и не разговаривали.

Бѣлотълова. А чтожъ бы ты сдѣлала?

Красавина. Да вотъ тебѣ первое. Коли не хочешь ты никуда ѣздить, такъ у себя дома сдѣлай: позови бабъ побольше, вели приготовить отличный обѣдъ, чтобы вина побольше разнаго, хорошаго; позови музыку полковую: мы будемъ пить, а она чтобы играла. Потомъ всѣ въ садъ, а музыка чтобы впереди, да такъ по всѣмъ дорожкамъ маршемъ, потомъ опять домой, да пѣсни; а тамъ опять маршемъ. Да такъ чтобы три дни кряду, а начинать съ утра. А ворота вели запереть, чтобы не ушолъ никто. Вотъ тебѣ и будетъ весело.

БѢЛОТЪЛОВА. Весело, только хлопотъ много.

КРАСАВИНА. А ты мнѣ прикажи, я всѣ хлопоты на себя возьму. Я орелъ на эти дѣла.

БѢЛОТЪЛОВА. Ну хорошо, какъ-нибудь сдѣлаемъ.

КРАСАВИНА. Да поскорѣй бы! Хорошаго дѣла никогда откладывать не должно!

БѢЛОТЪЛОВА. Не пойти ли намъ въ бесѣдку?

КРАСАВИНА: Погоди! Посидимъ здѣсь; хорошо на воздухѣ-то. Поговоримъ объ чемъ-нибудь для время-провожденія.

БѢЛОТЪЛОВА. Я ужь не знаю объ чемъ говорить. Пѣтъ ли по Москвѣ разговоръ какого?

КРАСАВИНА. Мало ли разговоры, да всему вѣрять-то нельзя. Иногда колоколь льютъ, такъ нарочно пустую молву пускаютъ, чтобы звончѣе былъ.

БѢЛОТЪЛОВА. Войны не слыхать ли?

КРАСАВИНА. Войны не слыхать. Тихо вездѣ; по всей землѣ замренье вышло. Земля трясется мѣстами, объ этомъ слухъ есть; мѣстахъ въ трехъ трясение было.

БѢЛОТЪЛОВА. Нехорошо.

КРАСАВИНА. Что хорошаго! Сама знаешь, писано есть объ этомъ. Да вотъ еще, для всякой осторожности, надобно тебѣ сказать: шайка разбойниковъ объявилась. •

БѢЛОТЪЛОВА. Откуда-жь они?

КРАСАВИНА. Изъ дикихъ лѣсовъ, говорятъ. Днемъ подъ каменнымъ мостомъ живутъ, а ночью ходятъ по Москвѣ, желѣзные когти у нихъ надѣты на руки и всѣ на ходуляхъ; по семи аршинъ ходулято, а атаманъ въ турецкомъ платьѣ.

БѢЛОТЪЛОВА. Зачѣмъ на ходуляхъ?

КРАСАВИНА. Для скорости, ну и для страху.

БѢЛОТЪЛОВА. Пойдемъ въ бесѣдку, посидимъ, закусимъ!

КРАСАВИНА. Пойдемъ! Какой у тебя аппетитъ, дай тебѣ Богъ здоровья, меня ижно завидки берутъ. Ужь чего лучше на свѣтѣ, коли аппетитъ хорошъ! Значитъ весь человекъ здоровъ и душой покоенъ.

(Уходить.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

(На правой сторонѣ)

Выходятъ : АНФИСА ПАНФИЛОВНА и РАИСА ПАНФИЛОВНА

РАИСА. Тоска, Анфиса.

АНФИСА. Тоска.

РАИСА. Ой, батюшки, какъ скучно! (*молчаніе.*)

АНФИСА. И нейдетъ и не шлетъ никого!

РАИСА. Да кого же прислать! Ты знаешь, къ намъ ходу нѣтъ.

АНФИСА. Онъ въ прошломъ письмѣ писалъ, что придумаетъ что-нибудь. Не послать ли Химку въ лавочку : не дожидается ли онъ тамъ съ письмомъ?

РАИСА. За Химкой-то ужъ подсматривать стали. Бабушка все ворчить на нее, должно быть что-нибудь замѣтила; да старуха нянька все братцамъ пересказываетъ. Выходи, Анфиса, поскорѣй замужъ и я бы къ тебѣ переѣхала жить : тогда своя воля ; а то вѣдь это тоска.

АНФИСА. Еще какая тоска-то! А за кого я пойду? Я лучше умру, а ужъ не пойду за тѣхъ жениховъ, что братцы сватаютъ. Певѣжество-то мнѣ и дома надоѣло. А мы сами немножко виноваты : тогда, какъ тятенька умеръ, ужъ мы много себѣ вольности дали.

РАИСА. Вотъ золотое-то было времячко! Есть чѣмъ вспомнить!

АНФИСА. Вотъ братцы-то насъ и присадили. Такая тоска въ этомъ положеніи.

РАИСА. Хоть волкомъ вой! Ахъ, тоска, Анфиса! Ахъ, тоска!

АНФИСА. Я думала-думала, да придумала одну штуку.

РАИСА. Что же ты придумала?

АНФИСА (*оглядываясь*). Бѣжать съ Лукьянъ Лукьянычемъ.

РАИСА. Что ты сестрица! Какъ это можно!

АНФИСА. А чтожь такое! Жалко чтоль мнѣ кого здѣсь? Взяла да и ушла. Конечно, пока мы здѣсь живемъ, такъ братья надъ нами власть имѣютъ ; а какъ изъ воротъ, такъ и кончено. И деньги свои потребую, какія мнѣ слѣдуютъ.

РАИСА. Это я думаю страшно, сестрица, когда увозять.

Анфиса. Ничего, Раиса, не страшно. Вѣдь ужь меня увозили, ты помнишь?

Раиса. Помню. Только ты тогда скоро воротилась.

Анфиса. Ну что старое вспоминать! Вотъ я теперь и жду отъ Лукьянъ Лукьяныча письма объ этомъ объ самомъ. Только какъ онъ его передастъ?

Раиса. Ужь какъ-нибудь придумаешь.

Анфиса. Тогда тебя къ себѣ жить возьму.

Раиса. Вотъ мы, Анфиса, заживемъ-то! По всѣмъ гуляньямъ, по всѣмъ дачамъ будемъ ѣздить. Я себѣ тоже военного выберу.

Анфиса. А что же этотъ, твой-то?

Раиса. Бѣлобрысый-то? Ну что за крайность! Кабы ничего лучше въ предметъ не было, такъ ужь такъ бы и быть —отъ скуки.

Анфиса. Развѣ онъ тебѣ не нравится?

Раиса. Онъ мнѣ что-то, Анфиса, гнусненькъ кажется.

Анфиса. Зачѣмъ же ты съ нимъ кокетничаешь?

Раиса. Отъ тоски. Все-таки развлеченіе. Ахъ, тоска! Ахъ, тоска!

Анфиса. А онъ пожалуй подумаетъ, что ты въ него влюблена.

Раиса. Пускаетъ его думаетъ, убытку-то мнѣ немного.

Анфиса. Знаешь, Раиса, что я тебѣ говорила-то, что бѣжать-то съ Лукьянъ Лукьянычемъ? Вѣдь это можетъ-быть очень скоро будетъ. Я ужь что нужно на первый разъ, приговорила; хоть сейчасъ собраться да и была такова.

Раиса. Вотъ я посмотрю, какъ ты убѣжишь, да и я можетъ тоже сдѣлаю. Не умирать же тутъ съ тоски въ самомъ дѣлѣ! *(Химка вбѣгаетъ, дрожа отъ страха и запылавшись.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

АНФИСА, РАИСА и ХИМКА

Анфиса. Что ты, Химка?

Химка. Пришолъ... пришолъ...

Анфиса. Кто пришолъ?

Химка. Башмачникъ пришолъ, башмачникъ пришолъ.

Анфиса. Какой башмачникъ?

Химка. Не знаю какой, не знаю. Батюшки, страсти! Говорить знакомые послали, барышнямъ мѣрку снимать, мѣрку снимать.

Раиса. Это отъ Лувьянъ Лукьяныча должно-быть?

Анфиса. Непременно. Ктожь его пустилъ?

Химка. Я пустила, всё снятъ, я пустила. Ахъ страсти!

Анфиса. Гдѣ же онъ?

Химка. У садовой калитки дожидается. Онъ у калитки...

Анфиса. Веди его сюда скорѣй, да смотри, чтобъ не увидали.

Химка. Сейчасъ, сейчасъ! Батюшки! сейчасъ (*убѣгаетъ*).

Раиса. Ишь ты какой придумщикъ! Башмачника прислалъ.

Анфиса. Благороднаго человѣка сейчасъ видно: у него всё и поступки благородные. Ну кто придумаетъ башмачника прислать, кромѣ благороднаго человѣка? Никто на свѣтѣ.

Раиса. Мы этого башмачника на весь домъ шить башмаки заставимъ, онъ намъ и будетъ письма переносить (*Входятъ Бальзаминовъ и Химка*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

АНФИСА, РАИСА, БАЛЬЗАМИНОВЪ и ХИМКА

Анфиса (*тихо*). Да вѣдь это твой бѣлобрысый.

Раиса. Вотъ сюрпризъ!

Анфиса. Бѣги, Химка, постереги у калитки: коли въ домъ про-
снутъ, такъ ты дай знакъ какой-нибудь.

Химка. Сейчасъ! Сейчасъ! Вотъ страсти-то! (*убѣгаетъ*)

Анфиса. Однако, какъ вы смѣлы!

Бальзаминовъ. Любовь все преодолеваетъ съ.

Анфиса. Лукьяна Лукьяныча давно ли видѣли?

Бальзаминовъ. Даже только сейчасъ съ. Я отъ нихъ къ вамъ
письмо имѣю.

Анфиса. Такъ давайте!

Бальзаминовъ (*подаетъ письмо*). Извольте-съ. Они отвѣтъ
просили-съ. (*Анфиса отходитъ, распечатываетъ и читаетъ*)

Раиса. Васъ зовутъ Михайло Дмитричъ?

Бальзаминовъ. Точно такъ-съ. Это я собственно для васъ съ.

Раиса. Что для меня?

Бальзаминовъ. Въ такомъ видѣ-съ.

Раиса. Покорно васъ благодарю.

Анфиса. Раиса, поди сюда! Вы, господинъ Бальзаминовъ, извините: намъ нужно поговорить. Вы посидите на лавочкѣ, подождите. *(Раиса подходитъ къ Анфисѣ)*

Бальзаминовъ *(садится на лавочку у забора)*. Оченно хорошо-съ.

Анфиса *(читаетъ)*. «У меня все готово. Докажите, что вы меня любите не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ. Доказательствъ моей любви вы видѣли много. Для васъ я бросилъ свѣтъ, бросилъ знакомство, оставилъ все удовольствія и развлеченія, и живу болѣе года въ этой дикой сторонѣ, въ которой могутъ жить только медвѣди да Бальзаминовы...

Раиса. Ахъ, это правда.

Анфиса. Правда! *(читаетъ)* «Кажется этого довольно. Больше я ждать не могу. Изъ любви къ вамъ я рѣшаюсь избавить васъ изъ неволи; теперь все зависитъ отъ васъ. Если хотите, чтобъ мы были оба счастливы,—сегодня, когда стемнѣетъ и ваши улягутся спать, что произойдетъ вѣроятно не позже девятаго часа, выходите въ садъ. Въ переулкѣ, сзади вашего сада, я буду ожидать васъ съ коляской. Заборъ вашего сада, который выходитъ въ переулокъ, въ одномъ мѣстѣ плохъ...

Раиса. Да, братецъ давно говорилъ объ этомъ. На этой недѣлѣ хотѣлъ починить.

Анфиса *(читаетъ)*. «Мы разберемъ нѣсколько досокъ, и вы будете на свободѣ. Мы съ вами поѣдемъ верстѣ за пятнадцать, гдѣ меня ждутъ мои пріатели, и уже все готово, даже и музыка...

Раиса. И музыка! Ахъ какъ это весело! А здѣсь-то какая тоска!

Анфиса. Ахъ, Раиса! Вотъ что значитъ благородный человѣкъ! Увозить дѣвушку, все устроить отличнымъ манеромъ, и потомъ даже съ музыкой! Кто кромѣ благороднаго человѣка это сдѣлаетъ? Никто рѣшительно.

Раиса. Чтоже, Анфиса, ты поѣдешь?

Анфиса. Еще бы послѣ этого да я не поѣхала! Это даже было бы неучтиво съ моей стороны. *(Читаетъ)* «Впрочемъ, можетъ-быть вамъ ваша жизнь нравится и вся ваша любовь заключается въ томъ, чтобы писать письма и заставлять обожателей во всякую погоду ходить по пятнадцати разъ мимо вашихъ оконъ? Въ такомъ случаѣ извините, что я предложилъ вамъ бѣжать со мной...

РАИСА. Отчего же онъ объ насъ такъ низко думаетъ?

АНФИСА. Я ему докажу, что я совсѣмъ не такихъ понятій объ жизни. (*Читаетъ*) «Конечно, очень похвально слушаться братцевъ, бабушекъ и тетушекъ...

РАИСА. Анфиса, это онъ въ насмѣшку!

АНФИСА. Разумѣется. (*Читаетъ*) «но зачѣмъ же губить свою молодость и отказывать себѣ въ удовольствіяхъ? Съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта. Если вы сегодня не рѣшитесь, я завтра уѣзжаю на Кавказъ. Цѣлую ваши ручки. Весь вашъ...»

РАИСА (*заглядывая въ письмо*). А это что?

АНФИСА. А это Люди, Червь, значитъ: Лукьянъ Чебаковъ. Ну, Раиса, я пойду напишу ему отвѣтъ, а ты тутъ посиди съ Бальзаминовымъ. Ты мнѣ послѣ скажи, что онъ тебѣ будетъ говорить.

РАИСА. А какъ же Бальзаминовъ выдетъ отсюда? Вѣдь его никто не видалъ, какъ онъ вошелъ?

АНФИСА. Вотъ еще бѣда-то!

РАИСА. Знаешь что, Анфиса: я его какъ-нибудь спроважу черезъ заборъ.

АНФИСА. Ну хорошо. Отвѣтъ я съ Химкой пришлю. Прощайте, господинъ Бальзаминовъ! (*уходитъ*)

РАИСА (*Бальзаминову*). Я сейчасъ къ вамъ приду (*проводжаетъ Анфису*).

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Вѣдь вотъ теперь надо въ любви открываться, а я ничего не придумалъ, никакихъ словъ не прибралъ. Эка голова! Что ты будешь дѣлать! Будь тутъ столбъ или дерево покрѣпче, — такъ бы взялъ да и разбилъ ее въ дребезги. Сваха-то давеча правду говорила, что я дуракъ. Чтожъ въ самомъ дѣлѣ? не стоять же столбомъ! На счастье буду говорить что въ голову придетъ: можетъ быть и хорошо выйdetъ. Вотъ каковы пріатели! Сколько разъ просилъ, чтобы показали, какъ въ любви объясняться — ни одинъ не показалъ. Все изъ зависти, всякій для себя бережотъ (*Раиса возвращается*). Вотъ идетъ! Вотъ, что мы будемъ дѣлать?

ДВЕНЕ ПЯТОЕ

БАЛЬЗАМИНОВЪ и РАИСА

РАИСА. Извините, что мы васъ заставили дожидаться!

Бальзаминовъ. Ничего-съ! Очень пріятно-съ! (*молчаніе*)
Онѣ куда же пошли-съ?

Раиса. Она пошла отвѣтъ писать.

Бальзаминовъ. Онѣ скоро-съ?

Раиса. Нѣтъ, она очень долго пишетъ. Мы скоро не умѣемъ;
для этого привычка нужна, а мы кромѣ писемъ ничего не пишемъ.

Бальзаминовъ. Я тепереча все скучаю-съ.

Раиса. И мы тоже скучаемъ. Такая тоска, вы не повѣрите.

Бальзаминовъ. Да вы можетъ-быть не оттого-съ.

Раиса. Оттого что все сидимъ взаперти, не видимъ никакихъ
развлеченій.

Бальзаминовъ. А я отъ другого-съ.

Раиса. Отчего же вы?

Бальзаминовъ. Я даже по ночамъ не сплю-съ.

Раиса. Можетъ-быть днемъ спите?

Бальзаминовъ. Нѣтъ, совѣмъ не оттого-съ.

Раиса. А отчего же?

Бальзаминовъ. Отъ чувствъ-съ.

Раиса. Отъ какихъ же это чувствъ?

Бальзаминовъ. Я такъ чувствую себя, что я самый несчаст-
ный человѣкъ въ жизни.

Раиса. Довольно странно это слышать отъ васъ. Мужчины во-
обще счастливѣй женщины.

Бальзаминовъ. Но не всѣ-съ.

Раиса. У женщины несчастіе заключается оттого, что она за-
всегда подо что-нибудь подвластна.

Бальзаминовъ. А у мужчины несчастіе заключается отъ
любви-съ.

Раиса. Значитъ, надобно такъ полагать, что вы влюблены?

Бальзаминовъ. Такъ точно-съ.

Раиса. Кто же эта женщина, которая могла васъ прельстить
собою?

Бальзаминовъ. Я не смѣю вамъ этого открыть-съ.

Раиса. Отчего же?

Бальзаминовъ. Вамъ можетъ-быть будетъ противно меня
слушать-съ.

Раиса. Нисколько не противно; даже совѣмъ напротивъ.

Бальзамлиновъ. Въ такомъ случаѣ-съ позвольте вамъ выра-
зить, что эта женщина — вы самая-съ есть-съ.

РАИСА. Ахъ, скажите! Я этого никакъ не ожидала.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Могу я сколько-нибудь надежду имѣть-съ, или нѣтъ-съ?

РАИСА. Я еще ничего не слыхала отъ васъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Для моей любви нѣтъ словъ-съ. Я бы и желалъ выразить-съ; но никакъ не могу-съ.

РАИСА. Говорите хотя то, что можете сказать!

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Одно только и могу сказать-съ, что я самъ себя тиранъ.

РАИСА. Какое же въ этомъ тиранство?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Самое жестокое тиранство-съ. Ежели человекъ влюбленъ-съ и даже не спитъ ночи, и не знаетъ словъ-съ...

РАИСА. Вы давно въ меня влюблены?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Въ четвергъ послѣ обѣда, на прошлой недѣлѣ.

РАИСА. Такъ это недавно! Лукьянъ Лукьянычъ любитъ Анфису полтора года.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. И я могу-съ... даже больше.

РАИСА. Ну это еще неизвѣстно. Можетъ-быть вы непостоянный кавалеръ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Я считаю это въ мужчинахъ за низкость-съ.

РАИСА. Коли вы влюблены, отчего же вы мнѣ письма не написали? Влюбленные всегда пишутъ письма.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Я не смѣлъ-съ. А ежели вы такъ снисходительны, то я первымъ долгомъ почту написать вамъ даже нынче. А вы мнѣ напишете на отвѣтъ-съ?

РАИСА. Отчего же не написать.

БАЛЬЗАМИНОВЪ. А ежели бѣжать-съ, — вы согласны будете?

РАИСА. Ужь это очень скоро.

БАЛЬЗАМИНОВЪ (*становится на колѣни*). Сдѣлайте такое одолженіе-съ! Лукьянъ Лукьянычъ тоже хотятъ увезти вашу сестрицу, такъ ужь и я-съ, чтобы вмѣстѣ-съ...

РАИСА. Ну хорошо, я подумаю. Встаньте! Ну увидить кто-нибудь? Вонъ Химка бѣжить (*Бальзаминовъ встаетъ. Вбѣгаетъ Химка*).

Химка (*подаетъ Бальзаминову письмо*). Вотъ письмо, вотъ письмо! Батюшки, страсти! Проснулись, всѣ проснулись! (*убѣгаетъ*)

РАИСА. Ахъ, какъ же быть! Куда же мнѣ васъ дѣтъ? Черезъ дворъ теперь нельзя.

БАЛЬЗАМИНОВЪ (*оглядывается по сторонамъ и подпрыгиваетъ*). Что же я-съ? Какже я-съ? А-я-яй! А-я-яй!

РАИСА. Развѣ черезъ заборъ? Вы умѣете?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Разъ, два, три-съ... разъ, два, три — и тамъ-съ.

РАИСА. Такъ ступайте скорѣй!

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Сейчасъ-съ (*блѣзжитъ за кустъ и лѣзетъ на заборъ нальво*).

РАИСА. Не туда, не туда! Это въ чужой садъ. (*Бальзаминовъ не слушаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

(На лѣвой сторонѣ)

БЪЛОТЪЛОВА и КРАСАВИНА (*выходятъ изъ бесѣдки и остаются на ступеняхъ*).

БЪЛОТЪЛОВА. Ты говоришь, что разбойники на ходуляхъ ходятъ? Можетъ-быть это колоколь лютъ.

КРАСАВИНА. Ужъ это такъ точно, повѣрь моему слову! Вотъ видишь заборъ. Такъ выше этого забора у нихъ ходули (*Бальзаминовъ показывается на заборѣ*).

БЪЛОТЪЛОВА. Ахъ! Вотъ они. (*Ублѣзаетъ въ бесѣдку. Сваха отъ испуга садится на ступеньку*.)

БАЛЬЗАМИНОВЪ (*спрыгнулъ съ забора*). А-я-яй! Ой-ой-ой!

РАИСА (*за заборомъ*). Что съ вами?

БАЛЬЗАМИНОВЪ. Въ крапиву-съ.

РАИСА. Ну прощайте! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

КРАСАВИНА и БАЛЬЗАМИНОВЪ

КРАСАВИНА. Ахъ ты, батюшки мои, какъ перепугалъ окаянный! Все сердце оторвалось. Чтobъ тебѣ пусто было! (*Бальзамин-*

новъ *выходить изъ-за куста*). Ишь тебя, гдѣ лукашка-то (*) носить!

Бальзаминовъ. Гдѣ же это я? Вотъ и ты здѣсь!

Красавина. Я-то здѣсь; ты-то какъ попалъ?

Бальзаминовъ. Я оттуда ..

Красавина. Видно хорошо приняли, да можетъ и угостили чѣмъ-нибудь? Шенпанскимъ что ли, чѣмъ ворота запираютъ! Аль собаками травили?

Бальзаминовъ. Ты меня выведи какъ-нибудь отсюда.

Красавина. Тебя-то? Скажи ты мнѣ, варваръ, что ты съ нами сдѣлалъ? Мы дамы тучныя, долго ли до грѣха! Оборвется сердце — и конецъ. Нѣтъ, мы тебѣ руки свяжемъ, да въ часть те-перича.

Бальзаминовъ. Да зачто же?

Красавина. А зато, что не лазій по заборамъ! Развѣ показано по заборамъ, ворами дорогу указывать? Ты у меня какъ хозяйку-то испугалъ, а? Какъ? Такъ что теперь неизвѣстно, жива ли она тамъ въ бесѣдкѣ-то! Вотъ что, другъ ты мой!

Бальзаминовъ. Что же это такое? Боже мой! Несчастный я человекъ!

Красавина. Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, какъ тебя счесть? За вора?

Бальзаминовъ. Да какой же я воръ?

Красавина. А за что за другое, — такъ тебѣ же хуже будетъ. Она честнымъ манеромъ вдовѣтъ пятый годъ, теперь замужъ идти хочетъ, и вдругъ черезъ тебя такая мараль пойдетъ. Она по всѣмъ правамъ на тебя прошеніе за свое безчестье подастъ. Что тебѣ за это будетъ? Знаешь ли ты? А ужъ ты лучше, для облегченія себя, скажи, что воровать пришолъ. Я тебѣ по дружбѣ совѣтую.

Бальзаминовъ. Ахъ, Боже мой! Да какже это, страмъ какой! Акулина Гавриловна, сдѣлай милость, выпусти какъ-нибудь!

Красавина. Теперь «сдѣлай милость», а давеча такъ изъ дому гнать! Ты теперь весь въ моей власти, понимаешь ты это? Что хочу, то съ тобой и сдѣлаю. Захочу — прощу, захочу — подъ уголовную подведу. Засудятъ тебя и зашлютъ, куда Макаръ телять не гонялъ.

(*) Уменьшительное отъ «лукавый», простонародное слово.

Бальзаминовъ. Долго ль меня напугать? я человекъ робкій. Ужь я тебѣ все что ты хочешь, только ты не погуби меня.

Красавина *(встаетъ)*. Ну вотъ что: двѣ тысячи цѣлковыхъ.

Бальзаминовъ. Гдѣ же я возьму?

Красавина. Ужь это не твое дѣло. Будутъ. Только ужь ты изъ подъ моей власти ни на шагъ. Что прикажу, то и дѣлай! Какъ только хозяйка выдетъ, говори, что влюбленъ. *(Показывая на заборъ)*. Тамъ тебѣ нечего взять, я вѣдь знаю; а здѣсь дѣло-то скорѣй выгорить, да и денегъ-то впятеро противъ тѣхъ.

Бальзаминовъ. Что же это такое? Я умру. Въ одинъ день столько перемѣнъ со мной! Это съ ума сойдешь! Я тебя золотомъ осыплю.

Красавина. Завтра приду къ тебѣ, условіе напишемъ; а теперь говори одно, что влюбленъ. *(Заглядываетъ въ бесѣдку)*. Домна Евстигневна! выходи, ничего! *(Бѣлотълова выходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ

БАЛЬЗАМИНОВЪ, КРАСАВИНА и БѢЛОТЪЛОВА

Бѣлотълова. Какъ я испугалась, думала умру.

Красавина. Ты бѣ выпила чего-нибудь покрѣче! Отъ испугу это хорошо.

Бѣлотълова. Я выпила.

Красавина. Ну и ничего, и пройдетъ. Ты не бойся, это знакомый, онъ по ошибкѣ. *(Беретъ Бальзамина за руку и хочетъ подвести къ Бѣлотъловой)*

Бальзаминовъ *(тихо)*. Ужь очень онъ полны.

Красавина. Ты еще разговаривать сталъ! *(Подводитъ)* Вотъ тебѣ Михайло Дмитричъ Бальзаминовъ. *(Бальзаминову)* Цѣлуй ручку! *(Бальзаминовъ цѣлуетъ)*

Бѣлотълова. Зачѣмъ же вы?

Бальзаминовъ. Влюбленъ-съ.

Красавина. Ну да, влюбленъ. Такъ точно. Это онъ вѣрно говоритъ. Вотъ и потолкуйте, а я по саду погуляю *(уходитъ за кусты)*.

Бѣлотълова. Лучше сядемте. *(Садятся на скамейку)*. Какъ же это вы?

Бальзаминовъ. Черезъ заборъ-сь.

Бѣлотѣлова. Отчего черезъ заборъ?

Бальзаминовъ. Отъ любви-сь. Вы не сердитесь на меня-сь?

Бѣлотѣлова. Нѣтъ, я никогда не сержусь. Я добрая. Вы что дѣлаете?

Бальзаминовъ. Я? ничего-сь.

Бѣлотѣлова. И я тоже ничего. Скучно одной-то ничего не дѣлать, а вмѣстѣ веселѣе.

Бальзаминовъ. Какъ же можно-сь, гораздо веселѣе!

Бѣлотѣлова (*кладетъ руку на плечо Бальзаминуву*). Вы хотите вмѣстѣ?

Бальзаминовъ. Даже за счастье почти-сь.

Бѣлотѣлова. Я очень добрая, я всему вѣрю; такъ ужь вы меня не обманите.

Бальзаминовъ. Какъ же это можно-сь! Я за низкость считаю обманывать.

Бѣлотѣлова. Ну хорошо! Вы меня любите, и я васъ буду...

Бальзаминовъ. Покорнѣйше благодарю-сь. Пожалуйте ручку поцѣловать!

Бѣлотѣлова. Натѣ! (*даетъ руку*) А то подвиньтесь поближе: я васъ такъ...

(Бальзаминовъ подвигается, она его цѣлуетъ. Сваха выходитъ изъ-за кустовъ.)

Красавина. Ну вотъ и прекрасно! Значить и дѣлу конецъ!

Бѣлотѣлова (*встаетъ*). Пойдемте въ бесѣдку.

Бальзаминовъ (*Красавиной*). Мнѣ бы домой-сь.

Красавина. Мы лучше его отпустимъ. Ты ступай! Поцѣлуй ручку и ступай! Такъ прямо, изъ калитки въ ворота, никто тебя не тронетъ.

Бальзаминовъ (*цѣлуетъ руку у Бѣлотѣловой*). Прощайте-сь.

Бѣлотѣлова. До свиданья.

Красавина. До завтра, до завтра. (*Бальзаминовъ уходитъ*) А мы вотъ съ тобой потолкуемъ. Ну какъ тебѣ?

Бѣлотѣлова. Онъ мнѣ понравился. Ты мнѣ его!

Красавина. Ну а его, такъ его. Все это въ нашихъ рукахъ: Вотъ у насъ теперь и пированье пойдетъ, — дымъ коромысломъ. А тамъ и вовсе свадьба.

Бѣлотѣлова. Свадьба долго; а онъ чтобъ и прежде каждый день... ко мнѣ.

Красавица. Стоитъ объ этомъ толковать. Чтожъ ему дѣлать-то! Такъ же бѣгаетъ. А ужъ теперь пуцай тутъ съ утра до ночи.

Бѣлотѣлова (*смыется*). Вотъ мнѣ теперь гораздо веселѣй.

Красавица (*смыется*). Ахъ ты, красавица моя писаная! Ишь ты развеселилась! Вотъ я тебя чѣмъ утѣшила. Еще ты погоди, какое у насъ веселье будетъ! (*Смыются оба*). Пойдемъ въ бесѣдку, я тебя проздравлю какъ слѣдуетъ.

(Уходить.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Л И Ц А

БАЛЬЗАМИНОВА.
БАЛЬЗАМИНОВЪ.
ЧЕБАКОВЪ.
КРАСАВИНА.
МАТРЕНА.

Комната у Бальзаминовыхъ та же, что въ первой картинѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминава (*одна*). Ахъ, какъ я долго проспала! Ужъ смеркается. Въ головѣ такъ тяжело, и сны все такіе снились страшные. Все Мишу воснѣ видѣла. Ужъ разумѣется о чемъ думаешь, то и воснѣ видишь. Гдѣ-то онъ теперь? А что-нибудь либо дѣлается съ нимъ, либо сдѣлается необыкновенное. Сна-то никакъ не распу-таю; ужъ очень много видѣла-то я. Чего-чего не было! Я отроду такихъ сновъ не видала. Вотъ кабы умнаго челоуѣка найти, сейчасъ бы и посовѣтовалась, а одной не разобрать. Вотъ развѣ какъ вдвоемъ съ Матреной не разберемъ ли. Умъ хорошо, говорятъ, а два лучше. Простая она женищина-то, необразованная совсѣмъ; пожалуй-что въ снахъ-то понятія-то большого не имѣеть. Вѣдь про-

стой человекъ спитъ крѣпко, а если что и видитъ, такъ ему все равно, у него на это понятія нѣтъ. Матрена!

(Входитъ Матрена).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

БАЛЬЗАМИНОВА и МАТРЕНА

Бальзаминова. Ты, Матрена, умѣешь сны разбирать?

Матрена. Да что ихъ разбирать-то! Мало ли что снится!

Бальзаминова. Конечно не всякій сонъ къ чему-нибудь; бывають сны и пустые, такъ, къ погодѣ. А вотъ ты замѣть, коли чему быть, такъ непременно прежде сонъ увидишь.

Матрена. Да чему быть-то! Быть-то нечему!

Бальзаминова. Разные перевороты могутъ быть съ человекомъ: одинъ изъ богатства въ бѣдность приходитъ, а другой изъ бѣдности въ богатство.

Матрена. Не видать что-то этихъ переворотовъ-то: богатый богатымъ такъ и живетъ, а бѣдный, какъ ни переворачивай его, все бѣдный.

Бальзаминова. Какъ ты глупо разсуждаешь! Развѣ не бываетъ, что на дорогѣ находятъ значительныя суммы? Ну вотъ Миша жениться можетъ на богатой: вотъ богатъ и будетъ.

Матрена. Оно точно, что говорить! Чѣмъ чортъ не шутить! Только ужъ на рѣдкость это дѣло будетъ, какъ нашъ да на богатой женится!

Бальзаминова. Разумѣется на рѣдкость. А все-таки можетъ случиться; такія ли еще дѣла бывають.

Матрена. Что говорить! Всяко случается. На грѣхъ-то, говорятъ, и изъ палки выстрѣлишь.

Бальзаминова. Ну вотъ видишь ли! Значить, чтожъ мудреного, что Миша женится на богатой? Вотъ въ этакое-то случаѣ сонъ-то и много значить, когда ждешь-то чего-нибудь. Такой ужъ я, Матрена, сонъ видѣла, такой странный, что и не знаю чему приписать! Вижу: будто я на гуляньи что ли, только народу, народу, видимо-невидимо...

Матрена. Это къ снѣгу говорить.

Бальзаминава. Къ какому же снѣгу! Что ты, въ умѣ ли! Въ августѣ—то мѣсяцѣ!

Матрена. Ну такъ къ дождю.

Бальзаминава. Да и не къ дождю.

Матрена. Ну а коли не къ дождю, ужъ я больше не умѣю сказать, къ чему это.

Бальзаминава. Не умѣешь, такъ и молчи; а то ты только перебиваешь. Я ужъ и такъ половину перезабыла; ужъ очень много со мной во снѣ приключеніевъ—то было. Только тутъ ли, послѣ ли, вдругъ я вижу корабль. Или нѣтъ, корабль послѣ.

Матрена. Уплыветъ что-нибудь.

Бальзаминава. Погоди! Сначала я вижу мостъ, и на мосту сидятъ все бабы съ грибами и съ ягодами...

Матрена. Мостъ — это съ квартиры съѣзжать на другую.

Бальзаминава. Постой! не перебивай ты меня! Только за мостомъ — вотъ чудеса-то! — будто Китай. И Китай этотъ не земля, не городъ, а будто домъ такой хорошей и написано на немъ: «Китай». Только изъ этого Китая выходятъ не китайцы и не китайки, а выходитъ Миша и говоритъ: «Маменька, подите сюда, въ Китай!» Вотъ будто я собираюсь къ нему идти, а народъ сзади меня кричитъ: «не ходи къ нему, онъ обманываетъ: Китай не тамъ, Китай на нашей сторонѣ». Я обернулась назадъ; вижу, что Китай на нашей сторонѣ, точно такой же, да еще не одинъ. А Миша будто такой веселый, пляшетъ и поетъ: «я поѣду во Китай—городъ гулять!»

Матрена. Ну ужъ это, вотъ рѣжь ты меня сейчасъ на части,— низачто не пойму, къ чему приписать.

Бальзаминава. Гдѣ тутъ понять! Да это что! Много я еще чудесъ-то видѣла; и все-то Миша въ глазахъ, все-то Миша.

Матрена. Все сокрушаешься объ немъ, объ его маломъ разумѣ, вотъ и видишь.

Бальзаминава. То онъ пляшетъ, то догоняетъ кого-то, то за нимъ кто-то гонится. То пропадетъ куда-то, то вдругъ явится.

Матрена. Да это и на яву все такъ же: то пропадетъ, то явится. Вотъ давеча пропалъ, а теперъ, гляди, явится. Хоть бы его въ судъ за дѣло за какое присадили, поменьше бы слонялся, слоны-то продавалъ.

Бальзаминава. Какое ужъ ему дѣло давать, по его ли разуму?

Матрена. Да вотъ онъ, напоминѣ-то легокъ.

(Входитъ Бальзаминовъ).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

ТЪЖЕ и БАЛЬЗАМИНОВЪ

Бальзаминовъ (*садится*). Ну, маменька, конечно.

Бальзаминава. Значить, благополучно?

Бальзаминовъ. Еще какъ благополучно-то! Такъ, маменька, что я думаю, что не переживу отъ радости. Теперь, маменька, и дрожки бѣговья, и лошадь сѣрая, и все... Ухъ, усталъ!

Бальзаминава. А какой я безъ тебя сонъ видѣла!

Бальзаминовъ. Чтѣ сонъ! Со мной на яву то было, чтѣ никому ни въ жизнь не приснится. У своей былъ... и у той былъ, чтѣ сваха-то говорила, у Бѣлотѣловой, я фамилію на воротахъ прочелъ, какъ выходилъ оттуда; а туда черезъ заборъ...

Матрена. Ишь ты, нелегкая-то тебя носить!

Бальзаминовъ. Молчи ты! Ты еще не знаешь, съ кѣмъ ты теперь говоришь! Маменька, вотъ онѣ, мечты-то мои! Анѣ вотъ правда выходитъ. Ухъ, духъ не переведу!

Бальзаминава. Чтѣ, богато она живетъ?

Бальзаминовъ. Богато. Домъ, лошади, садъ, деньги, все...

Бальзаминава. Значить правду сваха-то говорила, что денегъ счету нѣтъ?

Бальзаминовъ. Правду.

Бальзаминава. Ну чтожъ ты?

Бальзаминовъ. Женюсь.

Бальзаминава. На комъ?

Бальзаминовъ. На обѣихъ.

Матрена. Что ты, татаринъ что ли! Очувствуйся хоть малость!

Бальзаминава. Что это ты, Миша, право! Обрадуешься, такъ ужъ себя не помнишь! Говоришь такія слова, что ниначто не похоже.

Бальзаминовъ. Погодите, постойте! А то я помѣшаюсь въ мысляхъ. Этакое счастье, и вдругъ, въ одинъ день...

Матрена. Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ!

Бальзаминовъ. Да замолчи ты! Я, маменька, себѣ человекъка найму, камердинера; а Матрену прочь... за грубость.

МАТРЕНА. И давно бы ты нанялъ. (*Уходитъ*)

Бальзаминова. Ну а эта, какъ ее, Пѣженова что ли? У нея сколько?

Бальзаминовъ. Полтора ста тысячъ.

Бальзаминова. У этой много поменьше, чѣмъ у той.

Бальзаминовъ. За то эта, маменька, помоложе, а та постарше, — ну такъ у ней побольше.

Бальзаминова. И согласна она за тебя замужъ идти, Пѣженова-то?

Бальзаминовъ. Обѣ согласны. Только одна, чтобъ увезти; а другая такъ дома. Не отдохну никакъ.

Бальзаминова. Ну какъ же ты?

Бальзаминовъ. Погодите, маменька, погодите! Вотъ онъ садъ-то я нынче воснѣ-то видѣлъ! Я въ двухъ садахъ былъ.

Бальзаминова. А я, Миша, Китай видѣла. Ужь не знаю къ чему?

Бальзаминовъ. У Бѣлотѣловой лавка въ китай-городѣ, вотъ и весь вашъ сонъ.

Бальзаминова. И то правда.

Бальзаминовъ (*быстро встаетъ*). Чтоже это такое! Боже мой! Представьте, маменька...

Бальзаминова. Да ты посиди, отдохни.

Бальзаминовъ. Ахъ, маменька, не мѣшайте! Представьте, маменька, я бѣдный молодой человекъ, хожу себѣ по улицѣ, и вдругъ чтоже? И вдругъ теперь поѣду въ коляскѣ! И знаете, что мнѣ въ голову пришло? Можетъ-быть за Пѣженовой садъ отдадутъ въ приданое: тогда можно будетъ заборъ-то разгородить, сады-то у нихъ рядомъ, и сдѣлать одинъ садъ. Разныхъ бесѣдокъ и алей...

Бальзаминова. Да ты никакъ въ самомъ дѣлѣ на обѣихъ хочешь жениться?

Бальзаминовъ. Вотъ вы меня, маменька, всегда останавливаете! Никогда не дадите помечтать. Чтожъ такое! я этимъ никому вреда не дѣлаю. Коли нельзя жениться на обѣихъ, я бы хоть помечтать по крайней мѣрѣ, а вы меня разстроили.

Бальзаминова. Ну мечтай, Богъ съ тобой!

Бальзаминовъ (*задумывается. Молчаніе*). Нѣтъ, маменька, самъ чувствую, что начинается все путаться въ головѣ, такъ даже страшно дѣлается. Плановъ-то много, а обдумать не могу. Сейчасъ я думалъ объ домѣ, ну и представился мнѣ въ умѣ домъ, большой,

каменный, и львы на воротахъ ; только левъ будто и разѣваетъ ротъ, каменный—то, да и залаялъ, а я объ этомъ и думать не хотѣлъ, обо львѣ—то. Хочу его изъ головы—то выкинуть, никакъ пойдетъ. А отчего это? Оттого что я не привыкъ думать, какъ богатые люди думаютъ; все думалъ такъ, какъ бѣдные думаютъ; вотъ оно теперь богатство—то въ головѣ и не помѣщается. А вотъ привыкну, такъ ничего.

Бальзаминова. Чтѣ мудренаго, что не помѣщается! Этакая пропасть! Иной разъ и о пустякахъ думаешь, да умъ за разумъ заходить; а тутъ, съ такими деньгами, — просто бѣда!

Бальзаминъ (*задумавшись*). Если башню выстроить, большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будетъ тамъ и голубей держать...

Бальзаминова. Оставь, Миша! Не думай, хуже будетъ!

Бальзаминъ. Само думается, маменька. Правду говорить, маменька, что съ состояніемъ—то много заботы бываетъ.

Бальзаминова. А ты давай—ка лучше поговоримъ объ чемъ—нибудь другомъ! А то сохрани Господи, долго ли до грѣха, пожалуй совсѣмъ свихнешься.

Бальзаминъ. Извольте, маменька! Другой бы сынъ, получивши такое богатство—то, съ матерью и говорить не захотѣлъ; а я, маменька, съ вами объ чемъ угодно, я гордости не имѣю противъ васъ. Нужды нѣтъ, что я богатъ, а я къ вамъ съ почтеніемъ. И пусть всѣ это знаютъ. Съ другими я разговаривать не стану, а съ вами всегда. Вотъ я какой! (*садится*)

Бальзаминова. Еще бы! А которая лучше лицомъ—то изъ нихъ?

Бальзаминъ. Мнѣ, маменька, всѣ богатыя невѣсты красавицами кажутся; я ужъ тутъ лица никакъ не разберу.

Бальзаминова. Чтоже ты мнѣ не расскажешь, какъ у васъ дѣло—то было?

Бальзаминъ. До того ли мнѣ, маменька, помилуйте! Вотъ Красавина придетъ, расскажетъ. (*Задумывается*) У меня теперь въ головѣ, маменька, лошади, экипажи, а главное — одежда, чтобы къ лицу.

Бальзаминова. Брось, Миша, брось, не думай! Право я боюсь, что ты съ ума сойдешь. Да чтоже это мы въ потемкахъ—то сидимъ! Ишь какъ смерклося. Пойду велю огня зажечь.

Бальзаминовъ. Погодите, маменька! Не нужно огня, въ потемкахъ лучше.

Бальзаминова. Ну что хорошаго въ потьмахъ сидѣть?

Бальзаминовъ. Въ потьмахъ, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при огнѣ, только надобно зажмуриться, а въ потемкахъ можно и такъ, съ открытыми глазами. Я теперь могу себя представить какъ угодно. И въ залѣ могу себя представить въ отличной, и въ каретѣ, и въ саду; а принесите вы свѣчку, — я сейчасъ увижу, что я въ самой бѣдной комнатѣ, мебель скверная, ну и все пропало. Да и на себя-то взгляну, — совѣмъ не тотъ, какой я въ мечтахъ-то.

Бальзаминова. Какой же ты?

Бальзаминовъ. Въ мечтахъ я себя представляю, маменька, что я высокаго роста, полный и брюнетъ.

Бальзаминова. Разумѣется лучше.

Бальзаминовъ. Вотъ смотрите, маменька; вотъ я вамъ буду сказывать, что мнѣ представляется. Вотъ будто я сижу въ залѣ у окошка, въ бархатномъ халатѣ; вдругъ подходитъ жена...

Бальзаминова. Ну а потомъ чтожъ?

Бальзаминовъ. «Поѣдемъ, говорить, душенька на гулянье!»

Бальзаминова. Отчегожъ не ѣхать, коли погода хорошая?

Бальзаминовъ. Отличная, маменька, погода. Я говорю: «поди, душенька, одѣваться, и я сейчасъ одѣнусь». — Человѣкъ! — Приходитъ человѣкъ. «Одѣваться, говорю, давай, и приготовь голубой плащъ на бархатной подкладкѣ!» Вотъ не нравится мнѣ, маменька, у него улыбка-то какая противная. Какъ точно онъ смѣется надо мной.

Бальзаминова. Ужъ съ этимъ народомъ бѣда!

Бальзаминовъ. Вотъ и грубить. Ну я этого прогоню, я себѣ другого возьму (*что-то шепчетъ про себя*).

Бальзаминова. Чтожъ ты замолчалъ?

Бальзаминовъ. Это мы, маменька, съ женой разговариваемъ и цѣлуемся. Вотъ, маменька, садимся мы съ женой въ коляску, я взялъ съ собой денегъ пятьдесятъ тысячъ.

Бальзаминова. Зачѣмъ такъ много?

Бальзаминовъ. Какъ знать, можетъ-быть понадобятся!

Бальзаминова. Ты бы лучше дома оставилъ.

Бальзаминовъ. Еще украдутъ, пожалуй. Вотъ ѣдемъ мы дорогой, всѣ намъ кланяются. Приѣзжаемъ въ эрмитажъ, и тамъ всѣ кланяются; я держу себя гордо. (*Въ испугъ вскакиваетъ и ходитъ*

въ волненіи). Вотъ гадость—то! Вѣдь деньги—то у меня, пятьдесятъ-то тысячъ, которыя я взялъ, пропали.

Бальзаминова. Какъ пропали?

Бальзаминовъ. Такъ и пропали. Должно быть вытащилъ кто-нибудь.

Бальзаминова. А ты не бери съ собой!

Бальзаминовъ. Въ самомъ дѣлѣ не возьму. Все равно и дома украдутъ. Кудажъ бы ихъ дѣтъ? Въ саду спрятать, въ бесѣдкѣ подъ диванъ? Найдутъ. Отдать кому-нибудь на сбереженіе, пока мы нагулянье-то ѣдимъ? пожалуй зажилить, — не отдастъ послѣ. Нѣтъ, лучше объ деньгахъ не думать, а то безпокойно очень; объ чемъ ни здумаешь, все онѣ мѣшаютъ. Такъ я безъ денегъ будто гуляю.

Бальзаминова. Гораздо покойнѣе.

Бальзаминовъ. Вотъ, маменька, выхожу я изъ сада, жандармъ кричить: «коляску Бальзаминова!» (*Входитъ Чебаковъ*). А я будто, маменька, генераль...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т Ъ Ж Е и Ч Е Б А К О В Ъ

Чебаковъ. Послушайте, Бальзаминовъ, это вы—то генераль?

Бальзаминова. Ахъ, батюшка, извините! Мы и не видали, какъ вы вошли.

Бальзаминовъ. Ахъ, я и не зналъ, что вы здѣсь—съ. Я такъ, по домашнему, съ маменькой—съ... а то я при васъ бы не сталъ такихъ глупостей говорить—съ! Впрочемъ чтожъ такое, въ сумеркахъ отчего же и не заняться иногда, не помечтать—съ?

Чебаковъ. Ужъ вы бы лучше объ чемъ-нибудь другомъ, а не объ генеральствѣ.

Бальзаминовъ. Нѣтъ, отчего же въ сумеркахъ—съ...

Чебаковъ. Да и въ сумеркахъ нельзя. Нѣтъ, вы бросьте это занятіе!

Бальзаминова. Чтоже это мы въ потемкахъ-то сидимъ! Извините, батюшка! я сейчасъ пойду, огня принесу.

Чебаковъ. Послушайте, не безпокойтесь, мы и такъ другъ друга знаемъ.

Бальзаминова. Все—таки лучше, пристойнѣе (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

БАЛЬЗАМИНОВЪ и ЧЕБАКОВЪ

ЧЕБАКОВЪ. Послушайте, ваше превосходительство, намъ надо будетъ отправиться.

Бальзаминовъ. Куда же-съ?

ЧЕБАКОВЪ. Все туда же. Насъ тамъ ждутъ.

Бальзаминовъ. Зачѣмъ же это онѣ насъ ждутъ-съ? Вѣдь я вамъ письмо принесъ; а завтра можно опять-съ.

ЧЕБАКОВЪ. Вотъ въ письмѣ-то и написано, чтобъ мы приходили сегодня.

Бальзаминовъ. И я-съ?

ЧЕБАКОВЪ. И вы.

Бальзаминовъ. Что же мы тамъ дѣлать будемъ-съ?

ЧЕБАКОВЪ. Вамъ хочется знать? Ну ужъ этого я вамъ не скажу. Вотъ пойдете, такъ сами увидите.

Бальзаминовъ. А я-то чтожъ буду дѣлать-съ? Вѣдь ужъ я теперь въ любви объяснился, ужъ послѣ этого что мнѣ дѣлать, я не знаю-съ.

ЧЕБАКОВЪ. Я васъ научу.

Бальзаминовъ. Вотъ вы давеча говорили — увезти; а я васъ, Лукьянъ Лукьянычъ, и забылъ спросить, куда же это ихъ увозятъ-съ?

ЧЕБАКОВЪ. Куда хотите.

Бальзаминовъ. А на чемъ же я увезу-съ?

ЧЕБАКОВЪ. Послушайте, я васъ этому всему научу, только пойдете.

Бальзаминовъ. Я сейчасъ-съ *(беретъ фуражку)*.

(Входитъ Бальзаминава).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

ТѢЖЕ и БАЛЬЗАМИНОВА

Бальзаминава. Куда же это ты, Миша?

Бальзаминовъ. Къ Пѣженовымъ-съ.

Бальзамино́ва. Развѣ ужъ ты рѣшился?

Бальзаминовъ. Нѣтъ, маменька, какъ можно рѣшиться! Да вотъ Лукьянъ Лукьянычъ говоритъ, что надо идти.

Чебаковъ. Послушайте, разумѣется надо.

Бальзаминовъ. Вотъ видите, маменька! А рѣшиться, я не рѣшился-съ. Потому, извольте разсудить, маменька, дѣло-то какое выходитъ: ежели я рѣшусь жениться на одной-съ, вѣдь я другую должень упустить. На которой ни рѣшишь — все другую должень упустить. А вѣдь это какая жалость-то! Отказаться отъ невѣсты съ такимъ состояніемъ! Да еще самому отказаться-то.

Чебаковъ. Послушайте, вы скоро?

Бальзаминовъ. Сейчасъ-съ.

Бальзамино́ва. Такъ зачѣмъ же ты идешь?

Бальзаминовъ. Ну ужъ, маменька, что будетъ, то будетъ, а мнѣ отъ своего счастья бѣгать нельзя. Все сдѣлано отлично, такъ чтобъ теперъ не испортить. Прощайте.

(Уходить).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

БАЛЬЗАМИНОВА и потомъ МАТРЕНА

Бальзамино́ва. Такія мудренныя дѣла дѣлаются, что и неразберешь ничего! Теперъ одно только и нужно: хорошую ворожею найти. Такъ нужно, такъ нужно, что кажется готова послѣднее отдать, только бы поговорить съ ней. Что безъ ворожеи сдѣлаешь? И будешь ходить какъ въ потьмахъ. Почему мы знаемъ съ Мишей, которую теперъ невѣсту выбрать? Почему мы знаемъ, гдѣ Мишу счастье ожидаетъ въ будущемъ? Съ одной можетъ-быть счастье, а съ другой — несчастье; опять же и домъ: иной счастливъ, а другой нѣтъ; въ одномъ все ко двору, а въ другомъ ничего не держится. А какой — намъ неизвѣстно. Какъ же это такъ наобуишь рѣшиться! Солидные-то люди, которые себѣ добра-то желаютъ, за всякой малостью ѣздятъ къ Ивану Яковличу, въ сумашедшій домъ, спрашиваться; а мы такое важное дѣло да безъ совѣта сдѣлаемъ! Ужъ что не порядокъ, такъ не порядокъ. Нѣтъ ли тутъ поблизости хоть какой-нибудь дешовинькой? Она хоть и не такъ явственно скажетъ, какъ дорогая ворожея, а все-таки что-нибудь понять можно будетъ. Матрена!

(*входит Матрена*). Нѣтъ ли у насъ тутъ гдѣ, недалеко, ворожеи какой-нибудь?

Матрена. Какой ворожеи?

Бальзаминова. Гадалки какой-нибудь?

Матрена. Вамъ про что спрашивать-то?

Бальзаминова. Объ жизни, объ счастьѣ, обо всемъ.

Матрена. Такихъ нѣтъ здѣсь.

Бальзаминова. А какія же есть?

Матрена. Вотъ тутъ есть одна: объ пропажѣ гадаеть. Коли что пропадетъ у кого, такъ сказываетъ. Да и то по именамъ не называетъ, а больше все обинякомъ. Спросятъ у нея: «кто, моль, укралъ?» А она поворожить да и скажетъ: «думай, говорить, на черпаго, или на рябого.» Больше отъ нея и словъ нѣтъ. Да и то, говорятъ, отъ старости что ли, все вретъ больше.

Бальзаминова. Ну, мнѣ такой не надо.

Матрена. А другой негдѣ взять.

Бальзаминова. Вотъ какая у насъ сторона! Ужь самага не-обходимаго. и то не скоро найдешь! На картахъ кто не гадаеть ли, не слыхала ль ты?

Матрена. Есть тутъ одна, гадаеть, да ее тепереча увезли.

Бальзаминова. Куда увезли?

Матрена. Гадать увезли, далеко, верстъ за шестьдесятъ, говорятъ. Барыня какая-то нарочно за ней лошадей присылала. Лакей сказывалъ, который привѣзжалъ-то, что барыня эта разстроилась съ бариномъ.

Бальзаминова. Съ мужемъ?

Матрена. Нѣтъ, оно выходитъ, что не съ мужемъ, а такъ у ней, посторонній. Такъ повезли гадать, когда помиряется. А больше тутъ никакихъ нѣтъ.

Бальзаминова. Ты не знаешь, а то чай какъ не быть. Такая ты незанимательная женщина, ни къ чему у тебя любопытства нѣтъ.

Матрена. А начто мнѣ? Мнѣ ворожить не объ чемъ: горъ золотыхъ я ни откуда не ожидаю. И безъ ворожбы какъ-нибудь вѣкъ-то проживу.

Бальзаминова. Загадаю сама, какъ умѣю (*Достаетъ карты и гадаеть*). Вотъ что, Матрена: теперь гляди сваха зайдетъ, такъ поставь-ко закусочки какой-нибудь въ шкафъ. (*Матрена приноситъ закуску и уходитъ. Входитъ Бальзаминовъ*).

ДВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ

ТѢЖЕ И БАЛЬЗАМИНОВЪ

Бальзаминава. Чтѣ ты такъ скоро?

Бальзаминовъ (*садится*). Кончено, маменька! Такимъ дуракомъ меня поставили, что легче бы кажется сквозь землю провалиться.

Бальзаминава. Да какимъ же это манеромъ? Расскажи ты мнѣ.

Бальзаминовъ. Очень просто. Приходимъ мы съ Лукьянъ Лукьянычемъ къ ихнему саду, гляжу — ужъ и коляска тутъ стоитъ. Только Лукьянъ Лукьянычъ и говоритъ мнѣ: «ну, господинъ Бальзаминовъ, теперь наше дѣло къ концу подходитъ». — Такъ у меня мурашки по сердцу и пошли. — «Давайте, говорить, теперь за работу, заборъ разбирать.» Такъ я маменька, старался, даже вспотѣлъ. Вотъ мы три доски сняли, а тѣ ужъ тутъ дождаются. Вотъ онъ старшую, Анфису, беретъ за руку: «садитесь, говорить, въ коляску.» Потомъ, маменька, начинаютъ всѣ цѣловаться: то сестры промежду себя поцѣлуются, то онъ, и ту поцѣлууетъ, и другую. Чтѣ мнѣ тутъ дѣлать, маменька, сами посудите? Какъ будто мнѣ и неловко, и точно какъ завидно, и словно чтѣ за сердце сосеть... ужъ я не знаю какъ вамъ сказать. Я сейчасъ въ ревность.

Бальзаминава. Ты это нарочно?

Бальзаминовъ. Само собой, что нарочно. Надо же себя поддержать противъ нихъ. Я, маменька, хотѣлъ показать Раисѣ-то, что я въ нее влюбленъ. Я и говорю Лукьянъ Лукьянычу: «какое вы имѣете право цѣловать Раису Панфиловну?» Они какъ захохотутъ всѣ. Я, маменька, не обращаю на это вниманія и говорю Раисѣ Панфиловнѣ: «когда же, говорю, мы съ вами бѣжать будемъ?» А она, маменька, вообразите, говоритъ мнѣ: «съ чего вы это выдумали?» А сама цѣлуется съ сестрой и плачетъ. Потомъ Лукьянъ Лукьянычъ сѣли въ коляску съ Анфисой и уѣхали. А Раиса, маменька, прямохонько мнѣ такъ и отпечатала: «подите вы отъ меня прочь, вы мнѣ надобли до смерти», да подобравши свой кришолитъ, сѣгомъ домой. Чтѣжъ мнѣ дѣлать? я и воротился.

Бальзаминава. Это оттого, Миша, что ты все отъ меня

скрываешь, никогда со мной не посоветуешься. Расскажи ты мнѣ, какъ у васъ это дѣло было съ самаго начала.

Бальзаминовъ. Порядокъ, маменька, обыкновенный. Узналъ я, что въ домѣ есть богатая невѣста, и началъ ходить мимо. Онѣ смотреть да улыбаются, а я изъ себя влюбленного представляю. Только одинъ разъ мы встрѣчаемся съ Лукьянъ Лукьянычемъ (я еще его не зналъ тогда), онѣ и говорить: «за кѣмъ вы здѣсь волочитесь?» Я говорю: «я за старшей.» А и сказалъ-то такъ, наобумъ. Влюбитесь, говорить, въ младшую, лучше будетъ. Чтожъ, маменька, развѣ мнѣ не все равно?

Бальзаминава. Разумѣется!

Бальзаминовъ. Я и влюбился въ младшую. «Я, говорить, вамъ помогать буду, потомъ мы ихъ вмѣстѣ увеземъ». Я на него понадѣялся, а вотъ что вышло! Вотъ, маменька, какое мое счастье-то!

Бальзаминава. Какъ же ты, Миша, не подумалъ, куда ты увезешь невѣсту и на чемъ? Вѣдь для этого деньги нужны.

Бальзаминовъ. Я, маменька, на Лукьянъ Лукьяныча надѣялся.

Бальзаминава. Очень ему нужно путаться въ чужія дѣла! Всякій самъ о себѣ хлопочетъ.

Бальзаминовъ. А впрочемъ, маменька, коли правду сказать, я точно въ туманѣ былъ; мнѣ все казалось, что коли она меня полюбитъ и согласится бѣжать со мной, вдругъ сама собой явится коляска; я ее привезу въ домъ къ намъ...

Бальзаминава. На эту квартиру-то?

Бальзаминовъ. Вы не повѣрите, маменька, какъ бывало начну думать, что увожу ее, такъ мнѣ и представляется, что у насъ домъ свой, каменный, на Твејской.

Бальзаминава. Жаль мнѣ тебя, Миша! Совѣтъ еще ты дитя глупое.

Бальзаминовъ. Ужъ очень мнѣ, маменька, разбогатѣть-то хочется.

Бальзаминава. Ничего-то ты въ жизни не сдѣлаешь!

Бальзаминовъ. Отчего же, маменька?

Бальзаминава. Оттого что не умѣешь ты ни за какое дѣло взяться. Все у тебя выходитъ не такъ, какъ у людей.

Бальзаминовъ. Нѣтъ, маменька, не оттого что умѣнья нѣтъ, а оттого что счастья нѣтъ мнѣ ни въ чемъ. Будь счастье,

такъ все бы было, — и коляска, и деньги. И съ другой невѣстой тоже будетъ, вотъ посмотрите. Придетъ сваха, да такую вѣсточку скажетъ, что на ногахъ не устоишь. (*Красавина встаетъ*) Да вотъ она! Вотъ она! (*Бальзаминовъ и Бальзаминова встаютъ*).

ДВЕННАДЕЦАТЫЕ ДЕЙСТВІЕ

ТѢЖЕ ■ КРАСАВИНА

Бальзаминова. Чѣмъ, матушка, обрадуете? Мы тутъ безъ васъ завяли совсѣмъ.

Бальзаминовъ (*Красавиной*). Погоди, не говори! я зажмурюсь, все легче будетъ.

Красавина. Охъ, далеко я ѣхала, насилу доѣхала (*садится*).

Бальзаминова. Откуда-жь это, матушка?

Красавина. Отсюда не видать.

Бальзаминовъ. Погодите, маменька, погодите!

Красавина. Ѣхала селами, городами, темными лѣсами, частыми кустами, быстрыми рѣками, крутыми берегами; горлышко пересохло, языкъ призамялся.

Бальзаминовъ. Хлопочите, маменька! Хлопочите скорѣй! (*Бальзаминова достаетъ изъ шкапа водку и закуску, и ставитъ на столъ*). Вотъ пей, да и говори, ужь что-нибудь одно.

Бальзаминова (*наливаетъ рюмку*). Кушайте на здоровье!

Красавина. Выпью, куда торопиться-то.

Бальзаминовъ. Ну, ну, поскорѣе! А то я умру сейчасъ, ужь у меня подъ сердце начинается подступать.

Красавина. Ишь ты какой скорый! Куда намъ торопиться-то! Надъ нами не каплетъ.

Бальзаминовъ. Чтожь она не говорить! Маменька, что она не говорить? Батюшки, умираю! Чувствую, что умираю! (*садится*).

Красавина. Не умрешь! А и умрешь, такъ и опять встанешь (*беретъ рюмку*). Ну, честь имѣю поздравить! (*пьетъ*)

Бальзаминова. Съ чѣмъ, матушка, съ чѣмъ?

Красавина. Какъ съ чѣмъ! А вотъ стрѣлецъ-то твой подстрѣлилъ лебедь бѣлую.

Бальзаминава. Неужли, матушка, вправду? Слышишь, Миша?

Бальзаминовъ. Говорите что́ хотите! я умеръ.

Красавина. Много онъ маху давалъ, а теперь попалъ, — подъ самое подъ правое крылушко.

Бальзаминава. Въ послѣднее-то время, знаете ли, много съ нами такихъ несчастныхъ оборотовъ было, такъ ужъ мы стали очѣнь сумнительны.

Красавина. Да что́ тутъ сумлѣваться-то! Хоть завтра же свадьба! Такъ онъ ей понравился, что говорить: «сейчасъ подавай его сюда!» Ну сейчасъ, говорю, нехорошо, а завтра я тебѣ его предоставлю. «А чтобъ онъ не сумлѣвался, такъ вотъ снеси ему, говорить, часы золотые!» Вотъ они! Отличные, послѣ мужа остались. Ну что, ожилъ теперь?

Бальзаминовъ (*вскакиваетъ*). Ожилъ! ожилъ! Давай ихъ сюда! (*Беретъ часы*) Чтожъ это, маменька, я васъ спрашиваю?

Бальзаминава. Это тебѣ за долгое твое терпѣніе счастье выходить.

Красавина. А ты помнишь нашъ уговоръ? Ты на радостяхъ-то не забудь!

Бальзаминовъ. Ты просила двѣ?

Красавина. Двѣ.

Бальзаминовъ. Ну такъ вотъ ты знай же, какой я человекъ! Маменька, смотрите, какой я человекъ! Я тебѣ еще пятьдесятъ рублей прибавлю.

Красавина. Ишь ты расщедрился! Ну да ужъ нечего съ тобой дѣлать, и то деньги.

Бальзаминовъ. Маменька, ужъ вы теперь смотрите за мной, какъ бы со мной чего не сдѣлалось. Батюшки мои! батюшки мои! (*Прыгаетъ отъ радости*). Я теперь точно новый человекъ сталъ. Маменька, я теперь не Бальзаминовъ, я кто-нибудь другой!

Красавина. Давай пляску сочинимъ на радости!

Бальзаминовъ. Давай! А вы, маменька, говорили, что я сдѣлать ничего не умѣю! А ты говорила, что я дуракъ!

Красавина. Я, братъ, и теперь отъ своихъ словъ не отступлюсь.

Бальзаминава. А ты, Миша, не обижайся! Пословица-то говорить, что «дуракамъ счастье». Ну вотъ намъ счастье и вы-

шло. За умомъ не гонись, лишь бы счастье было. Съ деньгами-то мы и безъ ума проживемъ.

Бальзаминовъ. Еще бы! Начто мнѣ теперь умъ? А давеча, маменька, обидно было, какъ денегъ-то нѣтъ, да и ума-то нѣтъ, говорятъ. А теперь пускай говорятъ, что дуракъ: мнѣ все одно.

Красавина. А то вотъ еще есть пословица Ты долго за невестами ходилъ?

Бальзаминовъ. Долго.

Красавина. А пословица-то говоритъ: «за чѣмъ пойдешь, то и найдешь».

Бальзаминава. И то, матушка, правда.

Бальзаминовъ (*Красавиной*). Ну, давай плясать! Становись! (*Счага становится въ позу*).

А. ОСТРОВСКІЙ

МОЕ ДѢТСТВО

(ИЗЪ ОДНѢХЪ ЗАПИСОКЪ)

III

Теперь мнѣ уже 11—12 лѣтъ, — и почему бы кажется періодъ, начинающійся хоть съ этого времени, не назвать отрочествомъ? — Да просто потому, что въ этотъ періодъ едва ли хотя на іоту измѣнился мой образъ жизни, мое положеніе въ семействѣ, мои понятія наконецъ, закованныя въ тяжолыя кандалы, дома и виѣ его. Подъ возрастами я понимаю не одно физическое проростаніе; а нравственное едва ли шло въ паралель съ физическимъ, какъ увидимъ изъ послѣдующаго разсказа (различныхъ обломковъ знаній и свѣденій, привитыхъ въ гимназій и полученныхъ дома, я не могу брать въ расчетъ при словѣ развитіе — да еще *нравственное!*). Бывали правда добрыя, свѣтлыя минуты и въ моемъ прозябаніи, но онѣ такъ и остались минутами, проблесками, не прибавляя, или почти ничего не прибавляя въ умственную сокровищницу; а безъ такихъ подачекъ уму, что значать всѣ возрасты, какъ не одно продолжительное дѣтство?

И такъ, поведемъ нашъ разсказъ.

Собственный домъ, въ который перебрались мы изъ острога, находился на одной изъ лучшихъ улицъ города и состоялъ изъ главнаго дома, отдававшагося въ наемъ, и небольшого флигеля, въ которомъ и помѣстилось все наше семейство. Не буду описывать устройство флигеля, но скажу только, что тѣснота была въ немъ такая, что даже отецъ заблагоразсудилъ отдѣлить дѣтей мужескаго пола въ нижній этажъ дома, предназначавшійся

прежде для кучеровъ и солдатъ пожарной команды, находившихся при отцѣ въ качествѣ деньщиковъ, вѣстовыхъ и проч. Мы заняли одну комнату, а кучера и солдаты помѣстились въ двухъ другихъ, смежныхъ съ нашею. Такое сосѣдство разумѣется не осталось безъ послѣдствій: въ непродолжительное время мы научились играть въ карты, въ такъ называемую «подкаретную» игру, курили махорку и довольно искусно украшали свою рѣчь такими фигурами и оборотами, что даже сами кучера приходили въ восторгъ: «тверже нашего заворачиваетъ...» рассуждали они. Дѣйствительно, я никого не зналъ изъ своихъ гимназическихъ товарищей, кто бы развратился такъ рано и такъ глубоко, какъ мы. Не смотря на жалобы, отовсюду приносимыя на насъ отцу, на различные наказанія, которымъ подвергались мы, съ каждымъ днемъ продѣлки наши дѣлались чаще и циничнѣе, потому что добрые наставники и руководители — кучера и солдаты, неумоимо подучивали и подстрѣкали насъ. Такъ мы, по ихъ наущенію, ходили ночью красть голубей (голубиная охота была сильно развита въ нашемъ городѣ), посѣщали кабаки и другія публичныя заведенія, ѣздили на лодкѣ вынимать рыболовныя снасти и красть рыбу и т. д., и т. л. Отецъ, хотя и наказывалъ насъ за всѣ эти продѣлки, мало обращалъ вниманія на источникъ, изъ котораго мы черпали всѣ наши теоретическія познанія и, не смотря на всѣ препятствія, пробовали ихъ на практикѣ.

Такимъ-то образомъ я и братья прожили довольно долго въ слишкомъ плохомъ обществѣ, рано узнавъ грязную сторону жизни.

Домъ нашъ, какъ и всякій домъ, имѣлъ при себѣ дворъ, на дворѣ конюшни, каретникъ, погреба, баню и проч. Надъ каретникомъ былъ выстроенъ мезонинъ, а около конюшни сидѣла на цѣпи собака, обреченная на вѣчную неволю и постоянно лаявшая на своихъ и чужихъ. Кругомъ двора располагались различные сосѣдства: направо дьяконовъ дворъ, налѣво домъ какой-то старушки-чиновницы, а на задахъ безчисленное множество избушекъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *бабушкина взвоза*... Дьяконовъ дворъ весь былъ заставленъ избушками, расположенными во всевозможныхъ направленіяхъ: одна смотрѣла маленькими окнами, какъ бѣльями украшенными бумагой, на средину двора, гдѣ расло какое-то дерево и стояла опрокинутая вверхъ днищемъ лодка, о которой уже лѣтъ пять тянулся споръ

между наследниками какого-то рыбака. Другая избушка как будто старалась перебѣжать ей дорогу, и вся наклонившись напередъ, вотъ-вотъ, казалось, бросится съ мѣста; третья стояла весьма прилично, хотя была уже достаточно стара и на крышѣ своей произращала густую траву и подсолнечники: эта избушка чиновничья, потому что хозяйка ея, Трегубиха, была просватана когда-то, въ молодости, за чиновника. Нѣсколько дачужекъ стояли вокругъ помойной ямы, и злополучные хозяева ихъ знай только покрикивали, почти вылѣзая изъ окошка: «не лейте, ради Бога, дрянь-то передъ окнами: все нутро воротить отъ вони!» и нѣкоторые изъ нихъ лѣтъ по двадцати повторяли этотъ возгласъ... Надъ всѣми избушками царила баня, не потому чтобы она была лучше ихъ, или больше, или занимала особенно видное мѣсто, — нѣтъ, она была очень дряхла, мала была до того, что всѣ стѣны и потолокъ были исхлестаны вѣниками, какъ только можетъ исхлестать православный народъ, имѣющій неосторожность запариваться до смерти. Что, наконецъ, баня не занимала особенно виднаго мѣста — явствуетъ уже изъ того, что она, т. е. ея крыша и стѣны, служили мѣстомъ гимнастическихъ упражненій для всѣхъ и каждого, а въ томъ числѣ и для меня; а гимнастика, нужно замѣтить, не уважалась въ то время между отцами и матерями... И такъ, баня потому царила надо всѣмъ дворомъ, что въ ней жилъ самъ дьяконъ, хозяинъ... Это былъ хромою, ветхій старикъ, жившій анахоретомъ съ воскресенья и до вечера пятницы, въ которую онъ выбирался изъ бани на крышу (крыша какого-то сарая около бани была плоская), если дѣло было лѣтомъ, или къ родственникамъ, жившимъ на этомъ же дворѣ, если была зима. Часа въ четыре, въ пятницу, онъ обыкновенно собиралъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, и по совершеніи обильнаго возліянія бахусу, былъ уносимъ ими изъ бани на крышу или къ родственникамъ. Въ эти дни мнѣ только и случалось видѣть трупъ дьякона; въ остальные онъ, по увѣренію благочестивыхъ старушекъ, «спасался».

Объ дьяконовомъ дворѣ я распространяюсь особенно много потому, что онъ служилъ почти постояннымъ моимъ убѣжищемъ. Снимается ли нагайка съ гвоздя — сейчасъ на дьяконовъ дворъ; уѣхалъ ли отецъ со двора — идешь на дьяконовъ дворъ заниматься гимнастикой на стѣнахъ и на крышѣ бани, или рыться въ мусорѣ, наваленномъ въ огромнѣйшемъ количествѣ повсюду.

Такъ что когда, вслѣдствіе одного печальнаго событія, я болѣлся показаться на дьяконовъ дворъ, мнѣ сдѣлалось ужасно грустно, и я долго-долго простаивалъ у забора, глядя въ щель на милый, но недоступный дворъ.

Съ бабушкинымъ взвозомъ, разстилавшимся позади нашего дома, я былъ знакомъ слишкомъ мало: зналъ только дворикъ старика, путешествовавшего когда-то въ Іерусалимъ, и другой — унтеръ — квартала, постоянно пьянаго и увѣрявшаго насъ, что онъ надъ нами начальникъ, «потому, разсуждалъ унтеръ-кварталъ, сейчасъ въ часть отведу, не посмотрю, что отецъ брахмейстеръ». Чтоже было дѣлать съ такимъ злымъ человѣкомъ? Лучше ужъ не ходить на бабушкинъ взвозъ....

Дворъ сосѣдки-чиновницы совершенно не привлекалъ нашего вниманія, потомучто на немъ не было ни мусору, ни бани, но постоянно господствовала тишина. Иногда только сынъ чиновницы, напившись пьянъ, нарушалъ эго спокойствіе, потомучто, желая погонять голубей, до которыхъ былъ большой охотникъ, бросалъ цѣлыя бревна на крышу, стараясь спугнуть какого-нибудь турмана, не имѣвшаго охоты совершить воздушное путешествіе. На дворъ поднимался тогда ужасный гвалтъ, послѣ котораго рьяный голубятникъ запирался матерью въ чуланъ, — и опять наступала всеобщая тишина.

Широкая рѣка, протекавшая недалеко отъ нашего дома, привлекала особенное мое вниманіе, потомучто здѣсь я находился на совершенной свободѣ; за мной не слѣдилъ ничей зоркій глазъ и ухо мое не слышало больше звуковъ родного голоса, тяжело отдававшихся на сердцѣ. Лѣтомъ я уходилъ на рѣку ловить рыбу, зимою — кататься на салазкахъ, и выбравшись изъ дому, неохотно возвращался назадъ. Знакома была также мнѣ и привольная степь, разстилавшаяся далеко за городомъ, куда я уходилъ гораздо рѣже, но гдѣ былъ еще счастливѣе, еще спокойнѣе.

Получивши мѣсто брантмейстера, отецъ былъ совершенно очарованъ новою должностію. Особенно его занимали лошади, а теперь ихъ вдоволь, слѣдовательно было надъ чѣмъ потѣшиться. Я говорю «потѣшиться», — и дѣйствительно отецъ ужасно любилъ учить молодыхъ лошадей, почему самъ обучалъ вновь или переучивалъ всѣхъ пожарныхъ лошадей. Помощникомъ себѣ въ этомъ онъ выбралъ пожарнаго солдата, извѣст-

наго своей силой, и при его содѣйствіи цѣлый день занимался выѣзживаніемъ и наказываніемъ безотвѣтныхъ животныхъ. Для себя онъ также накупилъ молодыхъ лошадей, обученіе которыхъ принесло не мало огорченія матушкѣ, боявшейся, что отецъ искалѣчитъ какъ-нибудь себя. Матушка пробовала даже передавать свои опасенія отцу, но онъ грубо замѣтилъ, что это не бабье дѣло, слѣдовательно нечего ей и толковать.

По характеру, добротѣ, мягкосердечію матушка представляла совершенный контрастъ отцу. Положившая всю жизнь свою въ семейство, она отличалась необыкновенною заботливостію о дѣтяхъ, рабскою покорностью мужу и необыкновенною гуманностью въ обращеніи съ прислугой, что даже не нравилось отцу, утверждавшему, что «по ея милости, люди дѣлаютъ что хотятъ.» Никогда я не забуду ея жолтаго, худого лица, постоянно озабоченнаго и печальнаго; ея рѣчей, постоянно тихихъ и нѣжныхъ; ея кроткихъ, задумчивыхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилось столько доброты, но доброты подавленной, запуганной. Бѣдная женщина только тихонько отъ отца позволяла иногда себѣ приласкать кого-нибудь изъ насъ, боясь упрека въ баловствѣ. Батюшка и матушка почти постоянно жили въ ссорѣ между собою, т. е. отецъ не говорилъ съ ней ни слова, а матушка боялась завести съ нимъ рѣчь и только по временамъ долго и пристально смотрѣла на него своими кроткими, умоляющими глазами. Зная придирчивый характеръ отца и не желая досаждать ему своимъ присутствіемъ, матушка по большей части забивалась куда-нибудь въ темный уголокъ и довольно часто плакала втихомолку. За обѣдомъ родители поневолѣ должны были сходитья вмѣстѣ, и часто случалось, что кроткая женщина, долго сдерживавшая свое горе, наконецъ раздражалась истерическимъ плачемъ, къ которому и мы присоединили свой голоса, а отецъ тотчасъ уходилъ въ кабинетъ, бросивъ съ досады на полъ нѣсколько приборовъ и проклиная все и всѣхъ. Такіе припадки накопившагося горя всегда стоили матушкѣ слишкомъ дорого, потому что послѣ нихъ цѣлыя недѣли она вылеживала то въ бреду, то въ летаргіи. Да, тяжолоя участь выпала на ея долю!

Но вотъ наступалъ какой-нибудь праздникъ, въ который, по убѣжденію отца, «нужно было мириться даже съ врагами своими». Какъ радовалась матушка такому дню! Какъ хлопота-

ла, бѣгала она вездѣ, стараясь угодить отцу! Къ обѣду приготавливать любимыя его кушанья, послѣ обѣда ходить на цыпочкахъ сама и просить насъ дѣлать тоже, чтобы не разбудить любимаго и *простившаго* ее мужа. Она знаетъ, что такихъ дѣвѣй немного выпадеть на оя печальную долю, и потому старается по возможности шире развернуться съ своею добротою, по возможности больше запасть радостью, которую завтра же смѣнитъ горе и слезы. Весело улыбается она теперь, глядя на все, и горячо цѣлуетъ своихъ дѣтей, едва ли вполнѣ раздѣляющихъ ея радость. Въ самомъ дѣлѣ, едва только проходилъ праздникъ, отецъ сейчасъ же снималъ съ себя тяжелое обязательство, и опять...

Въ числѣ сослуживцевъ отца по полиціи находился одинъ приставъ, обремененный подобно отцу многочисленнымъ семействомъ. Приставъ и отецъ довольно скоро подружились между собою и рѣшились образовывать своихъ дѣтей совокупными силами. Прежде всего, разсуждали они, нужно научить ихъ танцамъ и французскому языку, безъ которыхъ человекъ не человекъ.

Какъ-то вечеромъ пріѣхалъ къ намъ приставъ и объявлялъ отцу, что учитель найденъ.

— Гдѣ вы его откопали? спросилъ отецъ.

— Да мнѣ рекомендовалъ его мой письмоводитель, отвѣчалъ приставъ.

— Это хорошо, замѣтилъ отецъ.

— Письмоводитель говоритъ, что онъ ловко танцуетъ; даже, говоритъ, ему можно экзаментъ произвести.

— Безъ этого нельзя: кто его знаетъ, каковъ...

— Да и дешево беретъ, распространился приставъ: — четвертакъ за урокъ, только водки, говоритъ, ужъ двѣ волю давайте...

— Этого добра намъ не покупать—стать.

— Онь, видите ли, танцественно началъ приставъ: — прежде акробатомъ этимъ былъ, ну и всѣ эти штуки отменно знаетъ, потому что они тамъ чортъ знаетъ что дѣлаютъ: и по канату хо-

дять и черезъ голову ломаются; слѣдовательно, я полагаю, для танцевъ онъ хорошъ будетъ.

— Должно-быть хорошъ будетъ, почти утвердительно изрекъ отецъ.

— Отличный будетъ, съ достоинствомъ произнесъ приставъ, и пріятели чокнулись. Черезъ нѣсколько дней, часовъ въ шесть вечера, мы отправились къ приставу, гдѣ должноствовало произойти испытаніе.

Учитель былъ низенькаго роста, лупоглазый, широкоплечій, съ одутловатымъ лицомъ и краснымъ носомъ. Отцу онъ очень понравился, потомучто много разсуждалъ съ нимъ объ военной службѣ и увѣрялъ, что военные въ танцахъ «собаку съѣли.»

— Какъ же вы ихъ будете учить танцамъ, когда они настоящей выправки не имѣютъ? разсуждалъ отецъ.

— Это ничего, замѣтилъ учитель. — Мы будемъ въ одно время проходить и танцы и выправку; безъ этого нельзя. У меня теперь каждый ученикъ, можно сказать, ноги будетъ на шею закладывать, выворачивать ихъ носками назадъ и все такое, потомучто я, можно сказать, всѣ кости въ немъ позломаю и повывихаю.

— То-то, это главное, чтобы подвижность то-есть имѣлъ.

— Я вѣдь теперь, можно сказать, прежде всего смотрю, какъ сложенъ человѣкъ: если у него ноги не годятся для танцевъ, я долженъ ихъ передѣлать, это ужъ мое дѣло — на то я учитель.

Объясненія тянулись довольно долго, и такъ какъ отъ времени до времени они прерывались употребленіемъ всевозможныхъ водокъ, то наконецъ учитель дошелъ до того, что началъ разсказывать, какъ онъ былъ въ Парижѣ первымъ балетмейстеромъ, а оттуда черезъ океанъ по желѣзной дорогѣ ѣздилъ въ Америку. Приставъ и отецъ, чтобы не упустить время, предложили учителю показать имъ свое искусство, видя, что черезъ часъ онъ уже не будетъ никуда годиться. Старшій сынъ пристава, юноша лѣтъ восемнадцати, воспитывавшійся въ уѣздномъ училищѣ, взялъ гитару и съ нѣкоторой застѣнчивостью началъ наигрывать «чижика», а учитель, засучивъ рукава, пустился выдѣлывать такія штуки, что становилось страшно за него. Онъ держалъ въ рукахъ платокъ, которымъ размахивалъ во всѣ стороны, то медленно переваливаясь съ ноги на ногу, то бѣшено бросаясь изъ угла въ уголъ, отчего половицы гудѣли и дрожали

какъ подъ конскими копытами. Долго бѣсновался учитель, прыгая по комнатѣ; долго отецъ и приставъ смотрѣли на него съ нѣмымъ восторгомъ, а матушка, жена пристава и мы, дѣти, съ ужасомъ и недоумѣніемъ; наконецъ, сдѣлавши отчаянный прыжокъ, учитель не могъ удержаться и полетѣлъ навзничь. Раздался хохотъ, и торжествующаго учителя повели къ столу, уставленному графинами и бутылками.

— Ну, а пофранцузскому научите ихъ? спрашивалъ отецъ учителя.

— Всему научу! Я всѣ языки знаю, даже арабскій знаю, бормоталъ учитель, безпорядочно болтая руками и ногами.

На слѣдующій же день началось наше ученье. Раза по три въ недѣлю мы обучались отдѣльно каждымъ семействомъ, а по воскресеньямъ назначались общіе танцевальныя вечера у насъ или у пристава. Французскій языкъ какъ-то плохо подвигался впередъ, потому что учитель, какъ оказалось, зналъ только *mon cher, s'il vous plait*, да и то послѣднее выраженіе относилъ по преимуществу къ водкѣ. Кромѣ различныхъ кадрилией, экосезовъ, полекъ и проч., насъ заставляли разучивать множество характерныхъ танцевъ, на которые матушка не могла даже смотрѣть безъ сожалѣнія, видя какъ пьяный учитель выворачивалъ наши ноги то туда, то сюда.

Между тѣмъ одна изъ сестеръ, подвергавшаяся вмѣстѣ съ нами танцевальнымъ мученіямъ, была отдана въ пансіонъ, а для другихъ сестеръ, старшаго брата и меня нанятъ былъ учитель музыки, слѣпой органистъ католической церкви. Но сколько ни бился съ нами слѣпецъ, отсутствіе музыкальныхъ способностей въ насъ наконецъ заставило—таки его отказаться отъ уроковъ. Отецъ былъ крайне огорченъ отзывомъ слѣпца объ нашихъ способностяхъ и все-таки пригласилъ новаго учителя, который на этотъ разъ присовѣтовалъ мнѣ вмѣсто фортепьянъ заняться скрипкой, увѣряя, что руки мои слишкомъ способны для того. Почти два года учился я на скрипкѣ, и опять въ результатъ — отсутствіе музыкальныхъ способностей.

Въ числѣ несчастныхъ, учившихся вмѣстѣ съ нами танцеванію, находилась внучка одного купца, содержавшаго торговлю баби и трактиръ. Старикъ-купецъ жилъ постоянно въ самыхъ патриархальныхъ нравахъ и отличался необыкновенной старостью и силой, о которой и рассказывалъ постоянно. Пѣкото-

рые опыты его силы я видѣлъ собственными глазами: такъ, онъ ставилъ сороковую бочку съ масломъ на-поцѣ (вертикально, на дно), свободно ломалъ двѣ подковы и проч.

— Я въ жизни моей никого не ударилъ, обыкновенно рассказывалъ о себѣ дѣдушка. — Да какъ и ударить-то? Народъ мелкій — сразу убьешь. А въ торговлѣ, господа честные, безъ этого не обойдешься: вотъ и стражду самъ отъ себя!..

— Одинъ разъ, продолжалъ онъ: — жена меня больно лопыла, вотъ я ей и поднесъ оплеуху, она такъ и покатила. Я въ полицію... Прибѣгаю... Такъ и такъ, говорю, жену убилъ — выручайте. Пошли мы съ приставомъ домой, а она, волкъ ее уѣшь, сидитъ да лается: вотъ какая, чортъ, живущая была! Да, пострадалъ я отъ нея покойницы, доняла!..

Часто отецъ, отъ нечего дѣлать, ѣздилъ къ этому купцу въ баню и бралъ съ собою кого-нибудь изъ насъ. Потомъ мы отправлялись къ старику-хозяину и начинались рассказы съ той и другой стороны: отецъ все про военную службу, купецъ — про старинное житье-бытье. Дѣдушка, подобно главѣ стойковъ Сенекъ, ежедневно ходилъ въ баню, съ тою только разницею, что древній философъ дѣлалъ это по нѣскольку разъ въ сутки, а старикъ только одинъ разъ, кромѣ субботы: тогда два.

— Да что! ходишь одинъ-одинешенекъ, инда одурь тебя возьметъ, — ну, пойдешь въ баню да и выпаришься, да еще скипидарцемъ помажешься, вотъ оно и ладно. А въ субботу такъ зависть тебя одолѣетъ, такъ бы все и сидѣлъ въ банѣ, — вотъ потому и хожу въ субботу два раза.

Старикъ всегда упрекалъ отца за неумѣнье пить водку.

— Вы, молодые люди (отцу было тогда 65 лѣтъ), дрянь! Какъ мы были въ вашихъ лѣтахъ, по четверти вышивали заразы; а вы проглотите десятка полтора-два рюмокъ, да и съ ногъ долой: это не дѣло...

Постоянно враждя съ откупомъ, сильно притѣсненнымъ всѣхъ трактирщиковъ, онъ самъ признавался, что разъ даже нагналъ на откупщика лихорадку, — «все по вѣтру самъ пу-скалъ», прибавлялъ добродушный купецъ.

Большой пріязню отца пользовался также его предмѣстникъ, слѣпой старикъ, выслужившійся изъ рядовыхъ. У старика была бойкая, сварливая жена, извѣстная въ городѣ подъ именемъ «озорницы» и управлявшая въ послѣднее время вмѣсто своего

мужа пожарной командой. Семейство стараго брантмейстера состояло кромѣ того изъ сына и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна только-что вышла замужъ и поселилась съ мужемъ въ главномъ нашемъ домѣ. Семейство брантмейстера посѣщало насъ довольно часто, и въ этомъ-то кругу впервые должны были устанавливаться мои понятія; тутъ въ первый разъ я услышалъ тѣ сужденія, выводы и взгляды, которые выработались тогдашнимъ провинціальнымъ обществомъ. Старый брантмейстеръ и его семейство считались тогда далеко не послѣдними членами нашего общества, а между тѣмъ изъ нѣсколькихъ фактовъ, которые я приведу сейчасъ, легко будетъ видѣть, какъ далеко ушло тогда это общество въ своемъ умственномъ развитіи.

Часто случалось намъ скромно просиживать долгіе вечера въ обществѣ стараго брантмейстера и всего его семейства. Какъ люди военные, отецъ и брантмейстеръ побывали въ различныхъ кампаніяхъ, откуда и унесли съ собою чудесныя воспоминанія о различныхъ диковинкахъ. Зять брантмейстера, котораго судьба бросала и въ Малороссію, и въ архангельскую губернію, и въ Якутскую область, тоже присоединялъ свой звучный голосъ къ рассказамъ отца и брантмейстера; увлекаясь, за нимъ голосила старая брантмейстерша, а за нею разумѣется плелись и ея дочки — тоже смышленныя дѣвицы. Чего-чего, бывало, тутъ не рассказываетъ! И о кievскихъ вѣдьмахъ, и о колдунахъ, и о проклятыхъ, обреченныхъ на вѣчную скитальческую жизнь, и о громѣ, и объ отводѣ глазъ фокусниками, — однимъ словомъ, еслибы вы желали получить превратныя понятія обо всемъ, вы бы послушали рассказы нашихъ добрыхъ знакомыхъ.

— Вѣдьмы, говорятъ, никогда пѣшкомъ не ходятъ, замѣчалъ старый брантмейстеръ.

Отецъ и зять брантмейстера, а за нимъ и мы всѣ начинали хохотать.

— Чтò вы смѣтаете? возражалъ слѣпой. — Я самъ не вѣрилъ прежде, а теперь знаю, что это правда. У насъ былъ солдатъ Захарченко, такъ самъ видѣлъ, какъ вѣдьма ѣхала на курицѣ, ейбогу!

— Нѣтъ, кажу, этого не можетъ быть, вступался зять, языкъ котораго сохранилъ еще нѣкоторый малороссійскій отгѣнокъ.

— Бываетъ, бываетъ, прерывалъ его отецъ: многіе видѣли...

— Я потому и говорю, что видѣль, утверждалъ ободренный слѣпецъ: — я самъ много вѣдьмъ видѣль, прибавлялъ онъ наконецъ.

— Это вѣдьмы верхомъ ѣздить? наивно спрашивалъ кто-нибудь изъ насъ.

— Верхомъ, верхомъ, нетерпѣливо отзывался отецъ.

Матушка боязливо посматривала то на невиннаго распросчика, то на отца, начинавшаго уже хмуриться.

— А на лошадяхъ верхомъ вѣдьмы ѣздить? допытывался тотъ же любопытный.

— Ну, полно врать-то! рѣзко замѣчалъ отецъ. — Когда же баба ѣздитъ на лошади верхомъ?.. Вѣчно суетесь съ своими глупостями. Вы бы молчали да слушали, что старшіе говорятъ; а эти пустяки у няньки можете спрашивать!

Ну, и присмирѣвъ любопытный, и дожидается, что скажутъ старшіе; а они не заставляютъ долго ждть себя.

— Вонъ, когда я былъ въ Якутской области, такъ тамъ все на собакахъ ѣздить, рассказывалъ зять брантмейстера.

— Въ Англии, читалъ я въ газетахъ, на крысахъ почту скоро будутъ возить — больно шибко бѣгають; на птицахъ ужъ возять, да теперь новый король народился, такъ на крысахъ приказано, опять рассказывалъ сѣдой и слѣпой брантмейстеръ.

— Тамъ одинъ лордъ все на медвѣдяхъ ѣздитъ, ввертывалъ звучнымъ голосомъ зять.

— Эхъ, у нашего полкового командира славный медвѣдъ былъ! вступался отецъ.

Разговоръ на нѣкоторое время переставалъ былъ общимъ и только изрѣдка слышалось, какъ замужняя дочь брантмейстера рассказывала матушкѣ о своемъ петербургскомъ дѣдѣ.

— У него по сту человекъ генераловъ однихъ бываетъ каждый день — всѣ обѣдаютъ.

Но не умѣя сообразить своихъ словъ съ дѣйствительностью, тотчасъ же отпускаетъ такую фразу:

— Богачъ, одно слово... По шести тысячъ на серебро проживаетъ въ годъ: вѣдь ато, сообразите, двадцать съ чѣмъ-то тысячъ, говоря по нашему.

И опять молчаніе.

— Нынче облако надъ нашей крышей такъ низко прошло,

что я испужалась, рѣшалась наконецъ выговорить младшая дочь браунштейнера.

— А вотъ задѣло бы за крышу и своротило напрочь, резонно замѣчала ея матушка.

— Нѣтъ, не своротить, вступался зять.

— Какъ не своротить? своротить! утверждала опять браунштейнерша.

— Ну, меня-то вы, кажу, не увѣрите: я вѣдь видѣлъ облако-то.

Всѣ смотрѣли на рассказчика съ недоумѣніемъ.

— Когда я былъ еще мальчикомъ, продолжалъ онъ, — такъ у насъ облако въ полѣ упало, мы и побѣжали смотрѣть: такъ оно мягкое, какъ кисель; мы даже палками тыкали въ него.

Противъ такого аргумента разумѣется никто уже не могъ возражать и всѣ остались въ полнѣйшей увѣренности, что облако похоже на кисель.

Слушаешь—слушаешь, бывало, подобныя разсужденія старшихъ и придешь наконецъ къ такому заключенію, что съ кучерами хоть и не толкуешь о подобныхъ возвышенныхъ предметахъ, а все какъ-то веселѣе и отраднѣе.

Кромѣ этихъ знакомыхъ отецъ имѣлъ еще многое множество чиновниковъ, съ которыми водилъ хлѣбъ—соль вслѣдствіе служебныхъ обязанностей, а матушка цѣлую кучу различныхъ старушекъ, уважавшихъ ее за доброе сердце и гостепріимство. Изъ старушекъ, посѣщавшихъ матушку, особенно живо сохранился въ моей памяти образъ одной доброй, пожилой майорши, постоянно посѣщавшей матушку во время болѣзни, что случалось очень нерѣдко, и искренно сочувствовавшей незавидному положенію ея въ семействѣ. Часто проживала у насъ тоже по цѣлымъ недѣлямъ какая-то дѣвица, которая знала почти весь городъ, ходила по дѣламъ, разносила сплетни — но никто не зналъ, кто она такая. Постояннаго жилища у ней не было и она блуждала изъ дома въ домъ; и какъ только наскучало ей въ одномъ мѣстѣ, она сейчасъ же сочиняла про него сплетню, распускала ее по городу и, выгнанная за это, отпраивалась въ другое, обвиняя только-что покинутый ею домъ въ невѣжествѣ, грубости и недоброевѣстности относительно ея. Такъ кочевала эта бѣдная дѣвица до самаго отъѣзда моего съ родины и все оставалась таинственною и неразгаданною.

Не всегда впрочемъ отецъ былъ строгъ и недоступенъ; иногда и на него находили добрыя минуты, въ которыя онъ разговаривалъ и смѣялся съ нами, позволяя даже маленькимъ сестрамъ трепать свои усы и бакенбарды. Въ одну изъ такихъ минутъ мы даже сумѣли какъ-то упросить его свозить насъ въ театръ. Дѣло было на масляницѣ, когда въ театрѣ давались два спектакля, утренній и вечерній. Насъ повезли поутру. Въ касѣ театра отецъ выторговалъ кажется полтину, и вотъ мы вошли въ ложу. Небольшой, грязный залъ освѣщался десятью или двѣнадцатью масляными лампами, отчего въ креслахъ и глубинѣ ложъ царствовала тьма, а въ райкѣ (галлерей) слышны были только глухіе голоса, изъ которыхъ можно было заключить о пребываніи тамъ людей. Кусокъ дырявой, нѣкогда раскрашенной холстины безпорядочно болтался то туда, то сюда; въ оркестрѣ сидѣло счетовъ восемь человѣкъ музыкантовъ, втеченіе цѣлаго часа занимавшихся настроиваніемъ своихъ инструментовъ, — впрочемъ публика не обращала особеннаго вниманія на этотъ раздражающій душу визгъ и ревъ. Занавѣсъ заколебался и медленно сталъ подниматься вверхъ и когда совершенно исчезъ за драпировкой, послышался рѣзкій возгласъ: «довольно!» Что давали въ то время, не могу припомнить. Могу сказать только, что первое дѣйствіе прошло совершенно незамѣченнымъ публикою и непонятымъ мною. Но вѣроятно давалась драма, потому что послѣ новаго поднятія занавѣса и новаго крика «довольно!» на сцену явился господинъ въ какомъ-то гнѣдомъ плащѣ и чернобурой шляпѣ, свирѣпый и громогласный до того, что маленькія сестры юркнули въ глубину ложи и не рѣшались выйти оттуда. Онъ бродилъ сначала въ совершенной темнотѣ и все чего-то искалъ, алкая и рыкая. Наконецъ, остановившись у слабаго подобія рампы, гнѣдой трагически произнесъ: «Затворите двери!» Дрожь пробѣжала по моему тѣлу при этомъ ревѣ. «Принесите свѣчи!» опять рыкнулъ актеръ, и сестры начали хныкать въ глубинѣ ложи. Что дальше было, не помню хорошенько. Помню только, что тутъ является какая-то госпожа и останавливается въ дверяхъ. Герой нашъ, стоя на авансценѣ, скрестивши руки, громко произноситъ, увидѣвши ее: «Приди въ мои объятія!» — «Ахъ, не обнимай меня такъ больно!» взвизгиваетъ госпожа, ухватившись обѣими руками за юбку платья, и, дѣлая книксенъ, продолжаетъ стоять въ дверяхъ. Послѣ второго акта занавѣсъ

какъ-то рухнулъ и на сценѣ послышался опять прежній рѣзкій голосъ. Раздались было аплодисменты, но голоса будочниковъ скоро заглушили все. Слѣдующіе акты драмы прошли совершенно такъ же, т. е. я ровно ничего не понималъ. Послѣ драмы давался какой-то водевиль, который, помню, мнѣ понравился; но сестры никакъ не могли успокоиться и со слезами просили отца ѣхать скорѣе домой.

Должность отца, какъ брантмейстера, была крайне безпкойна, потомучто пожары въ то время случались то и дѣло, днемъ и ночью, и шестидесяти-пяти-лѣтнему старику нужно было скакать, сломя голову, куда-нибудь на конецъ города. Мы почти всегда сопутствовали отцу, тиховько отъ матушки убѣгая вслѣдъ за нимъ. Разъ, помню, горѣлъ винный заводъ; мы побѣжали туда. Дѣло было въ концѣ юля. Пришедши на пожаръ и достаточно налюбовавшись имъ, мы отправились въ фруктовый садъ, принадлежавшій къ тому же винному заводу, воровать яблоки. Насъ было нѣсколько человѣкъ; одни влѣзли на деревья и рвали яблоки, другіе остались на землѣ и собирали. Когда мы уже собирались отправиться съ захваченной добычей и перелѣзали черезъ заборъ, вдругъ были остановлены неизвѣстно откуда явившимися казаками. Кто-то изъ бывшихъ съ нами соумышленниковъ, желая избѣжать непріятной исторіи, объявилъ казакамъ, указывая на насъ, что мы дѣти брантмейстера. Говители наши тотчасъ отвели насъ всѣхъ къ отцу, а сей, отложивши на нѣкоторое время заботу о прекращеніи пожара въ сторону, отвелъ насъ на какой-то дворъ и съ помощью казацкихъ нагаекъ тутъ же учинилъ расправу надъ своими и чужими. Черезъ нѣсколько времени, когда зашолъ къ намъ одинъ чиновникъ, сынъ котораго былъ наказанъ отцомъ вмѣстѣ съ нами, отецъ мой очень вѣжливо извинился передъ нимъ, что распорядился безъ его спросу.

Каждый день поутру отецъ ѣздилъ рапортовать полицмейстеру о состояніи пожарной команды, а оттуда, вмѣстѣ съ частиками приставами, отправлялся куда-нибудь выпить водки; часа въ два онъ обѣдалъ дома, затѣмъ отдыхалъ часовъ до семи, а остальное время дня проводилъ двоякимъ образомъ: или читалъ дома молитвенникъ и псалтырь, если дѣло было зимою или осенью, или сидѣлъ на скамейкѣ у крыльца, если было лѣтнее или весеннее время. Мы были свободны только въ отсутствіе

отца и разумѣется дѣлали что хотѣли; при немъ же, по большей части, укрывались въ своихъ комнатахъ или усаживались вокругъ матери въ ея спальнѣ.

Если заболѣвалъ кто-нибудь изъ насъ, отецъ сейчасъ же принималъ въ больномъ живѣйшее участіе и дѣлался его медикомъ и кураторомъ на все время болѣзни. Лекарства, даваемые отцомъ въ этомъ случаѣ, были очень незамысловаты: такъ отъ лихорадки всегда лечилъ онъ раковыми жерновками, которыя предварительно измельчались и потомъ давались больному въ водкѣ. Корь и оспу ничѣмъ не лечили, а только привязывали руки больного, чтобы онъ не чесался. Случалось кому-нибудь разрѣзать ногу или переломить голову (а это случалось) — сейчасъ наливали въ рану березовой водки и на вопли несчастнаго коротко отвѣчали: «а я вотъ еще высѣку, когда рана-то заживетъ, а то теперь неловко». Рана, съ божіей помощью, заживала и обѣщаніе сдерживалось.

Такъ и жили мы изо-дня въ день; иногда только праздники доставляли нѣкоторую отраду. Пасха разумѣется была самымъ веселымъ праздникомъ. На страстной недѣлѣ отецъ обыкновенно собственноручно закалывалъ свинью, истязанія и мученія которой прежде смерти тянулись иногда по цѣлому часу. Кажется все горло изрѣзано въ мелкіе кусочки и отецъ поворачиваетъ въ ранѣ ножъ то туда, то сюда, но едва только кучера и солдаты выпустятъ изъ рукъ уши и ноги несчастнаго животнаго, какъ оно вскочитъ и побѣжитъ.

— Эту не зарѣжете въ горло, ваше благородіе, разсуждаетъ какой-нибудь солдатъ: — ужъ такая попалась, ее надо колоть подъ лѣву лопатку.

— Полно вратъ-то! перебиваетъ его отецъ, отряхая съ рукъ запекшуюся кровь, и приказываетъ снова поймать и привести свинью.

Ее снова ловятъ и отецъ, хотя и отвергавшіи доводы солдата, начинаетъ однако колоть «подъ лѣву лопатку».

Послѣ закланія отецъ самъ же начинаетъ свѣжить свинью и потомъ дѣлитъ ее на части, причемъ окорока сначала солить, потомъ коптить въ дымовой трубѣ, послѣ чего никто не рѣшается ихъ ѣсть, потому что они ужасно воняютъ дымомъ.

Но вотъ приходитъ наконецъ самый праздникъ. Отецъ будитъ всѣхъ къ заутренѣ, наряжается въ полный парадный муш-

дирь, насъ всѣхъ одѣваютъ тоже въ парадныя платья, — и мы идемъ въ церковь. Я смотрю въ лицо матушкѣ и не узнаю ея: на губахъ играетъ улыбка, глаза блещутъ какъ-то весело, даже цвѣтъ лица какъ-будто переимѣнился. Отстаиваемъ заутренню, за ней обѣдню, и съ радостью, именно «веселыми ногами», бѣжимъ домой. А тутъ столъ уже ломится подъ разными яствами и пивами.

— Ну, Христось воскресе! произноситъ отецъ, крестясь перцемъ образомъ.

Мы тоже крестимся.

— Ну, Христось воскресе! опять повторяетъ онъ, обращаясь къ матушкѣ.

Родители трижды цѣлуются, и я вижу слезу радости, блеснувшую на рѣсницѣ матушки.

Затѣмъ отецъ и матушка христосуются съ кажлымъ изъ насъ.

Тутъ ужъ и поидеть закуска!

— А что, мать, вѣдь хороши колбасы я изготовилъ? говорить отецъ: — ты пробовала ихъ? прибавляетъ онъ, обращаясь къ матушкѣ.

— Хороши, очень хороши, похваливаетъ матушка, для которой теперь все хорошо — очень хорошо.

— Только слишкомъ солонъ да перцу много — горько! говорить сестра.

— Это ничего... Перецъ и соль полезны для человѣка — ихъ много и нужно, мягкимъ голосомъ объясняетъ отецъ.

Закусишь, пойдешь на качели или просто на улицу, посмотрѣть какъ ѣздятъ съ визитами, или яйца катать по лубочку вздумашь, или въ козны играть... какъ все весело теперь!

Рождество Христово также составляло большой праздникъ для нашего семейства; а наканунѣ крещенья мы вмѣстѣ съ отцомъ ставили кресты на дверяхъ и окнахъ, чтобы нечистая сила не ввалилась въ комнату. Еще большой для насъ праздникъ былъ Илья пророкъ, потому что этотъ день считался праздничнымъ въ пожарной командѣ, имѣвшей образъ Ильи пророка. Всѣ части съѣзжались на нашъ дворъ, гдѣ солдаты угощались виномъ и закуской, а для высшихъ полицейскихъ властей устраивалась закуска или даже цѣлый обѣдъ.

Для каждого изъ насъ праздники были величайшей отрадой,

потому что тогда мы получали нѣсколько больше свободы и гораздо рѣже подвергались замѣчаніямъ отъ отца, принимавшаго въ праздники болѣе доступный и веселый видъ.

То, что я говорю о себѣ, совершалось въ такой же степени и относительно моихъ братьевъ и сестеръ, потому что обстановка наша зависѣла отъ отца, а для него, какъ выражался онъ, «не было ни любимыхъ, ни нелюбимыхъ дѣтей: всѣ одинаково равны». Следовательно, братья и сестры, хотя и отличавшіеся отъ меня по характеру и наклонностямъ, въ сущности должны были выйти совершенно тѣмъ же, чѣмъ вышелъ я, потому что жили при одной и той же обстановкѣ.

Но не пора ли сказать что-нибудь о гимназiи, этомъ свѣточѣ науки, блиставшемъ для меня въ юдоли плача и скорби?..

IV

Реставрированная гимназія, съ новымъ начальствомъ и формами имъ произведенными, едва ли далеко ушла отъ прежней, ветхой, полуразвалившейся, съ ея пузатымъ директоромъ и готтентотскими нравами. Правда, нѣкоторыя внѣшнія измѣненія придали ей болѣе приличный видъ; но не этого нужно было для гимназіи, требовавшей коренныхъ, глубокихъ преобразованій, на которыя новое начальство не было способно по своей недалекости.

Разсказъ мой, уже потерявшій послѣдовательность, теперь кажется долженъ совершенно отказаться отъ нея, потому что мнѣ хочется сдѣлать возможно-полный очеркъ гимназіи, оставивъ на нѣкоторое время въ сторонѣ домашнюю жизнь, къ которой впрочемъ я возвращусь въ концѣ главы.

Новый директоръ — высокій, сутуловатый мужчина, среднихъ лѣтъ, съ лицомъ посящимъ на себѣ отпечатокъ бурно проведенной молодости, отчего и голосъ его отличался какимъ-то неприятнымъ, гнусливымъ тѣмбромъ, принадлежалъ къ числу провинціальныхъ аристократовъ-чиновниковъ, имѣющихъ похвальную привычку ничего не дѣлать, на подчиненныхъ смотрѣть свысока, топорщиться отъ самолюбія и проч. На гимназію онъ мало обращалъ вниманія, потому что его чинъ и мѣсто не позволяли «вертѣться съ мальчишками», которыхъ «выпороть

можетъ и инспекторъ»; да кромѣ того и времени не было для этого, потомучто клубъ, карты и знакомство съ высшими городскими властями поглощали всѣ часы дня и ночи, такъ что бѣднѣе некогда даже было выспаться. До какой степени былъ простоватъ нашъ новый начальникъ, можно судить по слѣдующему факту:

Въ числѣ членовъ клуба, въ который успѣшилъ записаться директоръ, находился столоначальникъ или секретарь какой-то палаты, прежде бывшій его ученикомъ. Пересматривая какъ-то списокъ, новый нашъ начальникъ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ поставленъ въ обществѣ на одну доску съ своимъ ученикомъ — да по списку членовъ еще ниже его!.. Тутъ какъ-то скоро случилось собраніе членовъ и старшинъ, и злополучный директоръ объявилъ имъ, что принужденъ выйти изъ клуба, «потомучто не намѣренъ стоять на одной ступени съ человѣкомъ, котораго поролъ изъ собственныхъ рукъ»... Какъ ни просты были его слушатели, но такое киргизъ-кайсацкое мнѣніе поразило ихъ до того, что кто-то замѣтилъ директору, что «клубъ ничего не потеряетъ съ его выходомъ»...

Другой фактъ:

Одному изъ моихъ товарищей случилось проходить мимо дома одного изъ мѣстныхъ бюрократовъ, гдѣ подъ окномъ сидѣли хозяинъ и директоръ. Ученикъ почему-то не поклонился. Пришедши въ классъ, директоръ разбранилъ его за такую дерзость.

— Я близорукъ, замѣтилъ ученикъ.

— Въ такомъ случаѣ ты долженъ всегда снимать шапку передъ домомъ его превосходительства, потомучто ты не видишь, есть ли кто подъ окномъ, или нѣтъ...

Множество фактовъ подобнаго рода, прямо вытекавшихъ изъ субъективной недалекости директора, скоро подорвали даже то небольшое уваженіе, какимъ сначала пользовался онъ въ гимназій, а въ обществѣ онъ сдѣлался предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ, причемъ впрочемъ по прежнему сохранялъ свой гордый, недоступный видъ. Въ гимназій безпрестанно рассказывали о немъ различные анекдоты, пародировали его голосъ и манеры и, наконецъ, окрестили незатѣйливымъ именемъ Олѣхи, поставивъ его такимъ образомъ наряду съ Петькой, Митькой-Сайгой, Макаркой и прочими.

Совершенно иной человѣкъ былъ инспекторъ, захватившій

въ свои руки управленіе гимназіей и производившій различныя реформы, долженствовавшій, по его мнѣнію, имѣть благотворное вліяніе на внѣшнюю и внутреннюю жизнь заведенія. Энергіи въ немъ, правда, было довольно много, но что значила она при его взглядѣ на воспитаніе? Могли ли привести эти крайнія, дикія мѣры къ какимъ-нибудь добрымъ, порядочнымъ результатамъ?.. Прежде всего, увидѣвши на примѣръ, что учителя ничего не дѣлаютъ, онъ или заставилъ ихъ заниматься, или вытѣснилъ въ отставку совершенно уже неспособныхъ дѣлать хотя что-нибудь. И дѣйствительно, многіе изъ прежнихъ нашихъ наставниковъ принялись за дѣло, но принялись изъ-подъ палки, по принужденію, давно уже потерявъ и охоту, и умѣнье учить чему-нибудь, почему положеніе учениковъ сдѣлалось до крайности тяжелымъ. Начались строгія преслѣдованія лѣнивцевъ, для возбужденія которыхъ инспекторъ употреблялъ розгу, и гимназія превратилась въ какую-то кордегардію, откуда то и дѣло слышались вопли и крики. Кромѣ наказаній за уроки, наказывали за всевозможныя продѣлки, о которыхъ инспекторъ узнавалъ отъ различныхъ шпионовъ, выбранныхъ изъ сторожей и учениковъ. Съ какимъ варварствомъ и невозмутимымъ хладнокровіемъ производились эти наказанія, можно судить по слѣдующему случаю, — случаю, какихъ наберется не одинъ десятокъ:

Мальчикъ, лѣтъ четырнадцать, бывшій кажется въ третьемъ классѣ, плохо учился изъ нѣмецкаго языка. Инспектору надоѣло сѣчь его за каждый невыученый урокъ, и вотъ онъ придумалъ посадить его на недѣлю въ карцеръ, гдѣ бы онъ занимался исключительно нѣмецкимъ языкомъ, а между тѣмъ, для поддержанія въ немъ энергіи, ежедневно давать ему по семидесяти розогъ. Однажды задавшись какимъ-нибудь вопросомъ, настойчивый инспекторъ не любилъ отступать отъ него безъ отвѣта, и бѣдный мальчикъ дѣйствительно вытерпѣлъ положенное истязаніе втеченіе недѣли.

Все наказанія однако приносили слишкомъ мало пользы, развивая въ получавшихъ ихъ терпѣніе и упорство, что впрочемъ не мѣшало таки безумному инспектору слѣдовать однажды навсегда предначертанному плану.

Здѣсь нелишне будетъ сказать нѣсколько словъ объ учителяхъ, изъ которыхъ многіе, съ переходомъ моимъ въ четвертый классъ, были люди почти неизвѣстные мнѣ до тѣхъ поръ, пото-

нучто циклъ изучаемыхъ предметовъ значительно расширился; изъ прежде же поучавшихъ, одни преподавали новыя науки, другіе изъ лѣтняевъ сдѣлались вдругъ необыкновенно прилежными и совершенно измѣнились, т. е. по вѣщности.

Въ четвертомъ классѣ мнѣ приходилось узнать и алгебру съ геометрией, и исторію съ словесностью, и греческій языкъ, такъ что поневолѣ призадумался передъ такою програмою! Къ этому нужно прибавить, что при тогдашнемъ методѣ преподаванія, всѣ гимназическіе предметы до того были отдѣлены другъ отъ друга, что при изученіи какого-нибудь новаго, имѣющаго прямую аналогію съ только-что пройденными, ученикъ становился совершенно въ тупикъ и безсознательно заучивалъ мертвыя буквы учебника. Учителя мало заботились объ истолкованіи задаваемаго урока и ограничивались только короткимъ рыканіемъ: «отъ сихъ до сихъ...» Помню напримѣръ, какъ учитель алгебры, желая похвастаться ученостью, иногда задавалъ намъ такія задачи, къ которымъ никто не могъ даже и приступить. За одну изъ такихъ задачъ, неразрѣшонныхъ нами, учитель поставилъ весь классъ на колѣни. Вошелъ инспекторъ и спросилъ, за что мы наказаны.

— Да вотъ неопредѣленное уравненіе не умѣли рѣшить... Лѣтняи! ничего не дѣлаютъ, отвѣчалъ учитель.

— А вы имъ разрѣшите и объясните, замѣтилъ инспекторъ, и сѣлъ на стулъ, желая видѣть, какъ разрѣшить и объяснить учитель (инспекторъ былъ математикъ).

Лысый, постоянно полупьяный учитель невольно долженъ былъ повиноваться. Онъ подошелъ къ доскѣ, крикнулъ, почесалъ лысину и принялся разрѣшать задачу; обломки мѣла такъ и летѣли въ стороны. Написавши довольно много, учитель посмотрѣлъ, посмотрѣлъ — и стеръ; опять написалъ — опять стеръ. Снова принялся писать, таже исторія. Инспекторъ улыбнулся, всталъ со стула и, пробормотавъ «мудреная задача!» вышелъ изъ класса, посадивши насъ по мѣстамъ; а находчивый учитель, начисто вытирая доску, громко произнесъ:

— И такъ, эту задачу, которую я разрѣшилъ теперь вамъ, вы должны приготовить къ слѣдующему классу.

— Да приготовить, батюшки!.. а то всѣхъ перепорю! скрежеща зубами заревѣлъ лысый учитель.

Этому-то существу я обязанъ моими познаніями въ алгебрѣ,

физикѣ и тригонометріи, о которыхъ всегда имѣлъ и имѣю самое смутное понятіе. Предметовъ, излагаемыхъ имъ, онъ не зналъ и довольствовался тѣмъ, что ученики зазубривали урокъ свой по учебнику слово-въ-слово. Такъ наирямѣръ одинъ изъ моихъ товарищей на вопросъ лысаго учителя «почему это такъ?» всегда отвѣчалъ: «о семь сказано въ такомъ-то параграфѣ», и учитель удовлетворялся.

Замѣчательный оригиналъ былъ учитель греческаго языка. Свой предметъ онъ зналъ отлично, но прослуживши около тридцати лѣтъ учителемъ, потерялъ всякую охоту къ передачѣ своихъ знаній и постоянно занимался въ классѣ пустою болтовнею, рассказывая событія изъ своей домашней жизни.

— У меня сегодня Васса больна (Васса — его кухарка Василиса), разсуждалъ онъ, обращаясь къ цѣлому классу и разводя руками. — Вотъ по той причинѣ и хожу въ нечищенныхъ сапогахъ. (Учитель поднималъ ногу; всѣ улыбались)... Батракъ (работникъ, онъ же кучеръ) не могъ вычистить, сколь-я его ни привуждалъ: «не умѣю», говоритъ.

Иногда греческій учитель любилъ поговорить и о литературѣ; тогда разговоръ тотчасъ же склонялся на Лермонтова и Пушкина, къ которымъ старикъ за что-то питалъ глубокую ненависть.

— Чтó мнѣ ваши Лермонтовы, Пушкины! обыкновенно говорилъ онъ мягкимъ, какъ будто суконнымъ языкомъ: — болваны! дрянъ!.. Вонъ Софокль, Аристофанъ, Херасковъ, Капистъ, вотъ это писатели, этихъ совѣтую читать, а Лермонтовъ и Пушкинъ — болваны!

Какъ только мы перешли въ четвертый классъ и явились на урокъ къ этому учителю, онъ сейчасъ же роздалъ намъ толстый лексиконъ, вѣкогда сочиненный имъ.

— За него вы заплатите мнѣ каждый сообразно своему состоянію. А книга хорошая, полезная, безъ нея не обойдетесь, разсуждалъ авторъ.

Дѣйствительно, книга эта впоследствии весьма и весьма пригодилась матушкѣ для различныхъ хозяйственныхъ подѣлокъ: при печеніи пироговъ, завертываніи различныхъ цѣлебныхъ травъ и кореньевъ, завязываніи банокъ съ вареньемъ и проч.

Особенно забавлялъ насъ учитель, когда, выйдя на крыльцо, кричалъ: «батракъ! подавай скотину!» т. е. «кучеръ, подавай

лошадь!» — этот оборотъ рѣчи всегда приводилъ насъ въ восторгъ.

Съ учителемъ греческаго языка оригинальностью могъ поспорить развѣ только учитель исторіи, у котораго учебникъ Кайланова считался единственнымъ научнымъ пособіемъ и который простодушно увѣрялъ, что римляне ѣздили на оленяхъ. Въ классѣ онъ постоянно спалъ, а ученики поочередно вставали и какъ будто отвѣчали урокъ, бормоча всевозможныя нелѣпности: это впрочемъ дѣлалось для инспектора, который посмотривши въ окно, видѣлъ бы, что урокъ идетъ какъ слѣдуетъ. Въ ясные, солнечные дни сладкій сонъ учителя обыкновенно нарушался его слушателями, имѣвшими привычку посредствомъ осколковъ зеркалъ отражать лучи свѣта въ глаза своего наставника; такая забава дѣлалась иногда во все продолженіе урока и учитель уходилъ изъ класса взбѣшоннымъ.

Петька, съ которымъ я имѣлъ уже счастье познакомиться при самомъ поступленіи въ гимназію, читалъ въ четвертомъ классѣ и далѣе геометрію, которую излагалъ всегда съ удивительнымъ краснорѣчіемъ и совершенно непонятно. Съ учениками своими онъ попрежнему обходился съ заносчивостью и презрѣніемъ, однихъ считая «мужичками», другихъ «замарашками.»

Словесность, прежде преподаваемую какимъ-то старичкомъ по книжкѣ Кошанскаго, читалъ теперь новый учитель, только-что окончившій курсъ въ одномъ изъ столичныхъ университетовъ. Это была свѣжая, молодая натура, полная силъ и энергій, человѣкъ обладавшій огромными спеціальными и энциклопедическими познаніями, что и заставило его довольно скоро выбрать болѣе широкую арену для своей дѣятельности. Но и въ то недолгое время, которое учитель пробылъ въ нашей гимназій, глубоко была потрясена имъ старая система воспитанія и память объ немъ навсегда сохранилась между его учениками. Учителя тоже помнили и помнить молодого учителя словесности, постоянно упрекавшего ихъ въ жестокосердіи и неумѣньи передавать взятаго на себя предмета. Все измѣнилось навремя подъ благотворнымъ вліяніемъ этого умнаго, гуманнаго человѣка. Въ ученикахъ своихъ онъ умѣлъ развить охоту къ чтенію, постоянно прочитывая самъ различныя книги и, кромѣ того, снабжая ими желающихъ. Уроки всегда рассказывались имъ съ такою ясностью и такъ понятно, что каждый

могъ повторить ихъ , не прочитывая по книгѣ. Кромѣ своего предмета, онъ сообщилъ намъ необходимыя понятія почти о всѣхъ наукахъ, показавъ въ тоже время методъ къ изученію ихъ и степень важности каждой во всеобщемъ знаціи. Съ какою радостью мы встрѣчали всегда этого человѣка и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали его рѣчи , всегда тихой , нѣжной и ласковой, если она обращалась къ намъ лично , и живой и понятной , если онъ передавалъ намъ какія-нибудь научныя свѣденія. Въ классѣ господствовала мертвая тишина ; даже самые шаловливые мальчики затихали и напрягали слухъ , боясь проронить хотя одно слово... Особенно полное и глубокое впечатлѣніе онъ произвелъ на насъ чтеніемъ Жуковского, къ поэзіи котораго питалъ тогда особенную склонность нашъ дѣтскій, мечтательный умъ. Мы, помню, плакали надъ сказкой «Рустемъ и Зорабъ», прочитанной, правда, съ необыкновеннымъ умѣньемъ и чувствомъ. До какой степени было сильно вліяніе учителя словесности на всѣхъ его окружающихъ , можно судить напримѣръ уже потому, что учитель греческаго языка пересталъ бранить Лермонтова и Пушкина , а учитель исторіи отказался отъ римскихъ оленей и , кромѣ того , началъ спрашивать хронологію различныхъ историческихъ событій , думая , что теперь уже исчерпывается вся наука. Математики, прежде занятые разговорами о различныхъ пирушкахъ и попойкахъ , въ которыхъ принимали живѣйшее участіе , тоже бросились въ науку, стараясь отыскать «квадратуру круга», и можетъ-быть нашли бы, если бы отъѣздъ учителя не вывелъ ихъ опять на житейскую дорогу. Инспекторъ смотрѣлъ искоса на новатора и попрежнему продолжалъ сѣчь лѣнивцевъ , уводя впрочемъ ихъ въ нижній этажъ, откуда неслышны были уже вопли...

Особенно много приходилось учителю спорить съ директоромъ касательно такъ называемыхъ литературныхъ бесѣдъ. Бесѣды эти назначались для учениковъ шестаго и седьмого классовъ; на нихъ прочитывалось сочиненіе, написанное кѣмъ-нибудь изъ учениковъ , и защищалось имъ же противъ возраженій , дѣлаемыхъ его товарищами. Директоръ поставлялъ каждому въ непремѣнную обязанность «возражать»; кто не дѣлалъ этого, тотъ или ставился имъ на колѣни, или былъ осыпаемъ всевозможными ругательствами. Кромѣ того, темы для сочиненій назначались самаго возвышеннаго характера : «о благодетельствѣ души», «о во-

лѣ», «о различіи между разсудкомъ и разумомъ, степени аналогій ихъ между собою и сліяніи въ одномъ общемъ источникѣ — умѣ» и проч. и проч. Такая чепуха разумѣется не понравилась молодому учителю, и онъ возсталъ какъ противъ дурного обращенія съ взрослыми учениками, такъ равно и противъ темъ съ философскимъ или психологическимъ отгѣнкомъ. Директоръ противился. Тогда учитель наотрѣзъ отказался посѣщать бесѣды. Дѣлать было нечего: упорный любитель возвышенныхъ темъ и низкой брани принужденъ былъ уступить, и бесѣды приняли живой, осмысленный характеръ, лишонный пареній и колѣнопреклоненія.

Молодой учитель пробылъ въ нашей гимназіи довольно недолго, оставивъ однако добрую, прочную память по себѣ между учениками и преслѣдуемый проклятіями своихъ товарищей, кредитъ которыхъ между воспитанниками былъ подорванъ навсегда и грубая матеріальная сила уже не могла служить опорой въ отношеніяхъ между оставшимися учителями и учениками. Кафедра словесности скоро была занята другимъ кроткимъ и умнымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ однако той энергіи, какою владѣлъ прежній учитель.

Тутъ учителя начали смѣяться какъ-то слишкомъ часто; но не одинъ изъ нихъ не отличался особенно похвальными качествами, хотя многіе пріѣзжали прямо съ университетской скамейки, гдѣ, какъ извѣстно, каждый «кипитъ, желаетъ...»

Но вѣрно такова уже среда, что попавши въ нее человѣкъ невольно отрѣшается отъ всего, что вчера только было дорого его сердцу, что составляло предметъ безплодныхъ мечтаній. Дѣйствительно, каждый изъ только-что выпущенныхъ молодыхъ людей какъ нарочно дѣлался именно тѣмъ, къ чему онъ былъ менѣе всего приготовленъ, но никогда не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ и способенъ былъ быть, къ чему онъ готовился нѣсколько лѣтъ. Выѣсто учителей, гимназія всегда имѣла отличныхъ карточныхъ игроковъ, великолѣпныхъ пьяницъ, изящныхъ кавалеровъ и проч., — но никогда почти не имѣла опытныхъ и добросовѣстныхъ наставниковъ, въ чемъ она постоянно нуждалась. Правда, иногда пожалуй попадались учителя до того добросовѣстные въ выполненіи своихъ обязанностей, что ученики бѣгази отъ ихъ классовъ, потому что добросовѣстный наставникъ гнулъ Богъ вѣсть какую ерунду, думая, что этимъ онъ развиваетъ своихъ

слушателей. Между ними особенно замѣчательнѣе былъ новый учитель исторіи.

Это была мизерная фигурка, лѣтъ двадцати, только-что выпущенная изъ педагогическаго института съ серебряной медалью (отчего же не съ золотой?). Педагогъ, на первый же разъ, застѣнчиво объявилъ намъ, что онъ пріѣхалъ только на время, что его таланты замѣчены правительствомъ и скоро онъ будетъ отправленъ за границу, а потомъ займетъ кафедру въ иркутскомъ университетѣ (тогда носились слухи объ открытіи университета въ Сибири). Профессорская кафедра была пунктомъ помѣшательства новаго учителя. Спросивши насъ о пріобрѣтенныхъ нами знаніяхъ въ исторіи, учитель сказалъ, что его методъ преподаванія будетъ совершенно иной: что онъ будетъ читать лекціи, а не задавать уроки, почему всѣ мы должны были внимательно слушать его и записывать. У меня гдѣ-то еще сохранились отрывки изъ его лекцій, обличающія въ quasi-профессорѣ крайнее тупоуміе и неумѣнье даже говорить почеловѣчески. Наконецъ паскучило учителю готовить лекціи, и вотъ онъ принялся прочитывать намъ различныя эпохи по книгамъ. Такъ напримѣръ тридцатилѣтнюю войну онъ читалъ цѣлый годъ по Шиллеру, ломка котораго производилась при помощи лексикона, отчего постоянно получался удивительнѣйшій наборъ словъ при совершенномъ отсутствіи даже граматической связи. Римскую исторію заблагоразсудилъ онъ взложить по Нибуру, искаженіемъ котораго также занимался почти годъ и тоже при помощи лексикона. Предоставивъ учителю коверкать великихъ писателей, мы занимались въ это время карточной игрой или какимъ-нибудь подобнымъ дѣломъ, все-таки болѣе интереснымъ чѣмъ лекціи.

Особенно выразилась недалекость quasi-профессора по слѣдующему обстоятельству:

Однѣ изъ учениковъ гимназіи по окончаніи курса намѣревались ѣхать въ университетъ. Учитель почему-то заблагоразсудилъ протежировать ему и далъ письмо къ профессору исторіи въ томъ университетѣ, куда ѣхалъ молодой человѣкъ. Не довѣряя учителю и плохо полагаясь на его благоразуміе, ученикъ вскрылъ письмо и къ удивленію своему прочелъ въ немъ слѣдующее:

«Милостивый государь! (писалъ quasi-профессоръ) Извините, что я, человѣкъ совершенно незнакомый вамъ, осмѣливаюсь рекомендовать молодого ювошу, подателя настоящаго письма.

какъ способнѣйшаго и даровитѣйшаго изъ моихъ учениковъ. Главная же цѣль письма, милостивый государь, состоитъ въ томъ, что я прошу у васъ извиненія за то, что не могу прѣѣхать къ вамъ университетъ держать экзаменъ на магистра, потому что считаю болѣе выгоднымъ ѣхать въ университетъ нашего округа.

«Имѣю честь быть и проч.,
такой-то.»

Письмо быстро разошлось между гимназистами и по поводу его было сочинено ими множество забавныхъ анекдотовъ.

Наскучивъ безплодными самоубиваніями, да кромѣ того, получая постоянно выговоры отъ директора за дурные наши отвѣты на экзаменахъ, учитель рѣшился наконецъ покориться необходимости и взявъ какое-то руководство, принялся подобно прочимъ сослуживцамъ задавать уроки, ограничиваясь скромнымъ замѣчаніемъ: «отъ сихъ и до сихъ...»; самъ между-тѣмъ пустился въ свѣтъ, гдѣ привелъ всѣхъ въ восторгъ своею любезностью и ловкостью, а тамъ, попавшись въ сѣти какой-то дѣвицы, жепился, — ну, и конецъ всему! прощай и Иркутскъ, и Европа, и кафедра! Правда, мысль о профессорствѣ никогда не покидала бѣдняка, и долго-долго среди различныхъ соло слышались возгласы молодого человѣка, что ему предстоитъ отправиться за границу и потомъ завять кафедру; но это были уже пустые звуки, а вѣдь прежде человѣкъ трудился для подобной цѣли!

Вотъ та двойная эгида, подъ гнетомъ которой я быстро выросъ въ юношу, готового ежеминутно расправить крылья и вспорхнуть свободно и самостоятельно... Поставленный въ дурное положеніе дома, въ гимназій я попадалъ въ положеніе еще худшее. Умъ мой нигдѣ не находилъ пищи для своего правильнаго развитія и, или безплодно засыпалъ, или устремлялся со всею жадностью голоднаго бѣдняка на первую попавшуюся пищу, отчего, прежде всего и сильнѣе, развивались во мнѣ дурныя склонности, заглушая находившіяся въ бездѣйствіи и силѣ добрыя начала. Кромѣ «Выжигиныхъ», «Мазепы» и еще кое-какой подобной дряни я ничего не успѣлъ прочесть до 15—16 лѣтъ, потому что книгъ достать было негдѣ, денегъ, на которыя я могъ бы купить ихъ, не было, а бібліотека отца состояла изъ псалтыря, молитвенника и пресловутаго календаря, выдержки изъ котораго я привелъ въ началѣ записокъ. Чегоже оставалось дѣлать въ подобномъ положеніи? Нужно же куда-нибудь направить молодя, кипучія

силы... Разумѣется, приходилось дѣлать вещи нехорошія, развивать себя тою стороною, отъ которой долго-долго впоследствии не можетъ отучиться слабая натура, правда уже узнавшая настоящую дорогу. А между-тѣмъ я думалъ ѣхать въ университетъ, для котораго былъ столько же приготовленъ, какъ портной для сапожнаго мастерства. Я не зналъ не только на что я пригоденъ, но даже сомнѣвался — пригоденъ ли я на что-нибудь? Такая мысль по крайней мѣрѣ пришла мнѣ наканунѣ моего отъѣзда съ родины, и я дѣйствительно увидѣлъ, что гимназія не только не дала мнѣ ничего, но даже отняла послѣднюю надежду въ собственныя силы, въ сознаніе своего человѣческаго я... Но объ этомъ послѣ; теперь скажемъ нѣсколько словъ о нашей общественной и домашней жизни.

Городъ нашъ, какъ и слѣдуетъ всякому городу, имѣлъ различныя учрежденія, изъ которыхъ объ одномъ — театрѣ — я уже говорилъ; кромѣ театра въ немъ было также собраніе, куда мы иногда отправлялись на такъ называемые дѣтскіе балы, въ залъ, или просто въ качествѣ зрителей — на хоры, откуда съ любопытствомъ смотрѣли на танцующихъ. Хоры были устроены такимъ образомъ, что видно было только изъ первыхъ мѣстъ, остальные зрители созерцали потолокъ и люстру, что впрочемъ не мѣшало приходить имъ въ совершенный восторгъ. Для того, чтобы занять переднія мѣста, нужно было ѣхать слишкомъ рано, когда еще не зажигаютъ свѣчей, почему любители брали съ собою огарки, которые такимъ образомъ освѣщали ихъ среди тьмы. Дѣтскіе балы, на которыхъ я участвовалъ, и которые мнѣ, непривыкшему къ обществу, сильно не нравились, имѣли, по тогдашнему моему мнѣнію, большое сходство съ кулачными боями, до которыхъ я былъ большой охотникъ. И дѣйствительно, какъ тамъ, такъ и здѣсь, сначала выпускаются маленькіе, а большіе смотреть; потомъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, большіе мало по малу разгорячаются и выступаютъ на сцену, отбѣгая дѣтей на задній планъ. Между большими особенно мнѣ нравился необыкновенно развязный молодой человѣкъ, котораго къ концу вечера постоянно выводили изъ залы, потому что онъ или канкапировалъ, или отплясывалъ трепака, среди монотонныхъ и крайне-нравственныхъ провинціальныхъ барышень.

Учрежденія подобнаго рода, ясно указывающія на нѣкоторую развитость тогдашняго общества, какъ-то не гармонировали

съ его понятіями, въ доказательство нелѣпости которыхъ я приведу нѣкоторые факты.

Лѣтомъ, въ концѣ іюня, явился неизвѣстно откуда пророкъ, *яко* доказывавшій, что на петровъ день городъ провалится сквозь землю. Предвѣщатель былъ посаженъ въ часть, и полиція, при всемъ своемъ стараніи, никакъ не могла убѣдить жителей въ ложности подобнаго предсказанія. Простолюдины вывезли изъ города свое имущество, а такъ называемое общество, хотя и не раздѣляло мнѣній черни, однако все-таки заблагоразсудило выѣхать въ этотъ день изъ города, думая, что «пожалуй и провалятся»... Прошелъ день Петра и Павла, прорицатель получилъ порядочную порцію розогъ, бѣглецы возвратились въ городъ, — и общество опять зажило прежнимъ порядкомъ, выжидая новаго пророка.

Но вмѣсто пророка явилось нѣчто лучшее...

Разъ, поутру, возвратившись съ базара, отецъ собщилъ намъ, что «въ третью часть взять «оборотень» — и совѣтовалъ сходить посмотреть его. Дѣйствительно, около части собралось множество народа, между которымъ виднѣлись и члены лучшаго вашего общества. Мы взобрались на заборъ и видѣли только какъ будочникъ билъ палкою какого-то мужика, требовавшего, чтобы ему показали оборотня. Потомъ нѣсколько полицейскихъ солдатъ принялись разгонять толпу, вокругъ которой уже устроилось катанье, и цвѣтъ нашего общества, заинтересованный оборотнемъ, развѣзжалъ кругомъ части.

Вообще понятія тогдашняго общества были слишкомъ ограничены; предразсудковъ въ немъ держалась цѣлая тьма и взглядъ на вещи обуславливался извѣстными чертами, однажды навсегда привитыми няньками, бабками, или переходящими по наследству отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку. Такъ напримѣръ явилась комета — война будетъ; а кто поученіе да поумнѣе, сейчасъ объяснитъ, что бѣлый и черный арабъ идутъ на Россію. Томится въ агоніи какая-нибудь старуха-купчиха, — цѣлый городъ кричитъ: «вѣдьма! надо конекъ у крыши поднять!» Подъ колѣбкой чешется — голодъ будетъ; переносица — наборъ... Однимъ словомъ, всѣ понятія были точно такого же сорта, какими были они нѣсколько лѣтъ тому назадъ во всѣхъ нашихъ провинціяхъ. Объ газетахъ и такъ называемой политикѣ никто не смѣлъ и подумать. Политическія новости приносились или солда-

тами, шедшими на побывку, или старушками, приходившими изъ отдаленныхъ деревень и увѣрявшими, что все это объяснилъ какой-нибудь сидень-бобыль, сорокъ лѣтъ не встававшій съ мѣста. Если же кто-нибудь осмѣливался противорѣчить подобнымъ выдумкамъ, его называли вольнодумцемъ, — что и случилось съ нашимъ любимымъ учителемъ словесности, старавшимся по возможности распространить въ обществѣ здоровыя понятія. И дѣйствительно, тогдашняя литература, правда, достаточно уже богатая, но слишкомъ мало относившаяся къ жизни, слишкомъ замкнутая въ самой себѣ, не могла заинтересовать общество, для котораго литература постоянно служила не пищей, а забавой, развлеченіемъ; — вотъ почему въ большинствѣ тогдашней провинціальной молодежи, дурно воспитанной и мало развитой, литература не могла имѣть успѣха, потому что была слишкомъ скучнымъ развлеченіемъ, слишкомъ головоломной забавой. Бывали, правда, исключенія и здѣсь, но по своей малочисленности они совершенно терялись въ тупой, невѣжественной массѣ, воспитавшейся на банальныхъ французскихъ романахъ и отечественныхъ поддѣлкахъ въ родѣ романовъ Булгарина, Зотова и другихъ.

Передъ окончаніемъ мною курса отецъ потерялъ мѣсто брантмейстера, потому что начальство нашло его устарѣвшимъ для управленія этой должности. Старшій братъ, долго страдавшій въ гимназіи, наконецъ вышелъ, не окончивши курса, и при помощи нѣкоторыхъ знакомыхъ и пріятелей отца, которые успѣли убѣдить его отпустить брата въ одну изъ столицъ, уѣхалъ для изученія медицины въ высшемъ медицинскомъ заведеніи.

Тутъ скоро случилось въ нашемъ городѣ происшествіе, именно похищеніе и убійство двухъ или трехъ мальчиковъ. Завязалось огромное дѣло; пріѣхала цѣлая комиссія для его изслѣдованія, и отецъ снова получилъ мѣсто смотрителя при вновь-устроенной исключительно для этого случая тюрьмѣ. Здѣсь собрано было нѣсколько десятковъ ихъ и вмѣстѣ съ ними туда же посаженъ одинъ изъ частныхъ приставовъ, сослуживецъ отца. Арестантовъ содержали очень строго, каждого въ отдѣльной комнатѣ. Отецъ перебрался въ новую тюрьму одинъ, потому что для семейства не было въ ней помѣщенія, что впрочемъ весьма обрадовало насъ. Дѣло длилось около года и когда окончилось, то отецъ снова переселился изъ тюрьмы.

Между тѣмъ подходило время выпускныхъ экзаменовъ, которыхъ я впрочемъ не боялся, потомучто втеченіе года постоянно былъ первымъ ученикомъ. Товарищи мои начали поговаривать объ университетѣ, перебирали различные факультеты, совѣтовались между собою и проч. Я не могъ принять участія въ ихъ разсужденіяхъ, потомучто не зналъ мнѣнія отца объ этомъ предметѣ. Помнилъ только, что нѣсколько времени тому назадъ отецъ говорилъ мнѣ, что въ военную службу я не гожусь — трусь, потому онъ намѣренъ пустить меня «по штатской». Братъ между тѣмъ въ своихъ письмахъ постоянно совѣтовалъ отцу отправить меня въ университетъ, представляя различные резоны, на которые отецъ отвѣчалъ только помахиваніемъ головы и извѣстною фразою, что онъ учился на мѣдныхъ деньги — и дѣтей такъ же хочетъ образовать.

Экзамены прошли благополучно. Я окончилъ курсъ первымъ ученикомъ и имѣлъ кромѣ того право на поступленіе въ университетъ безъ экзамена. Выкупивши изъ гимназической бібліотеки нѣсколько негодныхъ книгъ, раздававшихся тогда всѣмъ окончившимъ курсъ за довольно повышенную цѣну въ видахъ очищенія подваловъ гимназіи отъ этого мусора, и получивъ аттестатъ, я явился къ отцу и показалъ ему то и другое.

— Куда же ты хочешь теперь поступить? спросилъ вдругъ отецъ, разсматривая мой аттестатъ.

— Мнѣ бы хотѣлось въ университетъ, отвѣчалъ я какъ-то глупо, дѣйствительно не понимая хорошенько, зачѣмъ я поѣду туда?

— Да что ты тамъ будешь дѣлать? спросилъ отецъ, глядя на меня.

— Я буду учиться...

— Мало ты еще тутъ учился всему: и въ острогѣ учился, и въ гимназіи учился, возразилъ отецъ.

— Всѣ товарищи ѣдутъ, вернулъ я.

— Вотъ то-то и плохо, что ты ѣдешь не по собственному желанію, а потомучто другіе такъ дѣлаютъ. А ты скажи, самъ-то хочешь-ли? И потомъ, не дождавшись отвѣта, онъ продолжалъ: — Впрочемъ поѣзжай, съ Богомъ!

Я бросился цѣловать его руки, обрадовавшись чему-то, а почему — этого не могъ понять.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я тогда ѣхалъ въ университетъ?

имѣлъ ли я хотя нѣкоторое понятіе о томъ, что ожидаетъ меня впереди? чѣмъ казались мнѣ науки, которыя я долженъ буду проходить?.. На всѣ эти вопросы я могу откровенно отвѣчать только одно: «ничего этого я не понималъ...» Я ѣхалъ потому-что ѣхали другіе, выбралъ извѣстный факультетъ опять-таки потому-что и другіе его выбрали; а эти *другіе* столько же знали все это, какъ и я. Однимъ словомъ, собралась толпа глупыхъ юношей и, ровно ничего не понимая, разрѣшила все безъ малѣйшаго затрудненія. Были, правда, нѣкоторые споры о томъ, кому какой факультетъ избрать, но они прекратились весьма скоро, потому-что каждому ничего не стоило взять тотъ или другой, смотря потому, какъ это нравилось большинству.

— Кто на юридическій поступаетъ? спрашивалъ чей-нибудь голосъ.

— Я, былъ отвѣтъ.

— Что тебѣ за охота быть крючкомъ? спрашивали юриста.

— Ну, такъ я на камеральный поступаю.

— Камералы дураки, замѣчали ему. А ты поступай-ка на медицинскій: всѣ поступають на медицинскій.

— Ну, хорошо...

Разсужденія при выборѣ факультетовъ были дѣйствительно въ подобномъ родѣ, и каждый послѣ думалъ, что онъ обсудилъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, что факультетъ онъ выбралъ вполне соотвѣтствующій его способностямъ и силамъ и т. д. и т. д.

Вотъ наконецъ наступило время покинуть родной городъ. Въ роковой день всѣ собрались въ залъ; отецъ вынесъ икону, благословилъ, поцѣловался со мной трижды и предоставилъ дальнѣйшіе проводы матушкѣ, братьямъ и сестрамъ, которые намѣревались проводить меня за городскую заставу. Выѣзжая со двора, я взглянулъ на нашъ милый домъ, гдѣ столько лѣтъ тянулось мое дѣтство, — и слезы невольно покатались изъ глазъ. Вотъ проѣхали мы мимо гимназій, проѣхали еще нѣсколько знакомыхъ домовъ и на насъ вдругъ глянулъ цѣлою сотнею оконъ острогъ. Еще грустиѣе, еще тяжеле сдѣлалось мнѣ.

— Вотъ, Миша, и острогъ, замѣтила матушка сквозь слезы: — тутъ мы жили когда-то ..

— Да... могъ только отвѣтить я, потому-что слезы совершенно душили меня.

За городской заставой мы простояли нѣсколько минутъ, по-

тому что должны были дожидаться вѣхавшихъ вмѣстѣ со мной товарищей. Наконецъ — все готово; я прощаюсь съ родными въ послѣдній разъ, раздается звукъ колокольчика и тройка трогается... Прощай, родина!

Да, какъ ни тяжела моя дѣтская жизнь, какъ ни мало осталось свѣтлыхъ воспоминаній и какъ ни безобразны всѣ воспоминаванія, встающія теперь въ моей памяти, — но сердце все-таки тревожно бьется при мысли, что въ этомъ уголкѣ протекли цѣлыя 11—12 лѣтъ, что на этомъ кладбищѣ, гдѣ многіе погребли цѣлыя жизни, и я вижу свѣжую могилу моего дѣтства! И вотъ сама собой шепчутся слова поэта:

Родина-мать!

 Сколько-бъ на нивахъ бесплодныхъ твоихъ
 Даромъ ни сгнуло силъ молодыхъ,
 Сколько бы ранней тоски и печали
 Долгія бури твои ни нагнали
 На боязливую душу мою —
 Я побѣжденъ предъ тобою стою!

М. ВОРОНОВЪ

ОТЪ БОСФОРА ДО ПЕРСИДСКАГО ЗАЛІВА

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ, ВЕДЕННЫХЪ ВО ВРЕМЯ ЧЕТЫРЕХЛѢТНЯГО ПУТЕ-
ШЕСТВІЯ ДЕМАРКАЦІОННОЙ КОМИССІИ ПО ТУРЦІИ И ПЕРСІИ

ПРОДОЛЖЕНІЕ

МАЛАЯ АЗІЯ

ГЛАВА V (*)

Масляница безъ блиновъ, но не безъ перекодваній и ледяныхъ горъ. Картина нашего каравана. Чемъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Мятелица. Д. Шибазаръ. Долина Болосъ. Д. Чифликъ. Турецкій комиссаріатскій чиновникъ. Выступать въ походъ или не выступать. Чамлы-Бель. Воспоминаніе о Кіоръ-оглу. Ханъ султанъ Мурада. Ночлегъ въ Ени-Базаръ. Последний переходъ до Сиваса. Историческія воспоминанія. Настоящее положеніе города.

Была масляница, но блиновъ не было. Да и до блиновъ ли было намъ! Но если русскіе желудки наши лишены были на этотъ разъ обычнаго своего лакомства, зато въ нашихъ глазахъ, съ самаго вступленія на анатолійскій берегъ, постоянно пестрѣли и кружились масляничныя явленія: это ледяныя горы, по которымъ скользили мы на лошадахъ своихъ, и разнообразіе причудливыхъ характерныхъ костюмовъ, какъ на жителяхъ проходимыхъ нами мѣстностей, такъ и на насъ самихъ; такъ что еслибъ караванъ нашъ, со всею своею оригинальною обстановкою, появился въ эту прожорливую и гуляивую недѣлю на одной изъ нашихъ улицъ, его бы

(*) См. «Время» за іюнь и августъ 1861 года.

приняли за очень удачно и очень эффектно костюмированный воѣздъ :

Впереди шагаль турокъ—проводникъ, завернутый въ свою полосу япанчу и вооруженный дубиною ; за нимъ ѣхали два нашихъ каваса (1), Османъ, молодой и очень красивый мальиъ, и Абдуррезакъ, очень немолодой и очень некрасивый усачъ, нанятые комиссiею въ Константинополь. Оба въ фескахъ, повитыхъ желтымъ платкомъ съ цвѣтами ; въ анатолийскихъ капотахъ, изъ верблюжьей матерiи, съ башлыкомъ ; у пояса турецкая сабля и пистолеты. За этими двумя воинами слѣдовалъ Е. И—чъ, съ своею свитою, состоявшею изъ трехъ человекъ ; то были : я, исполнявшiй при комиссарѣ должность секретаря и переводчика, Я. С. П., офицеръ корпуса топографовъ, и молодой топографъ И. А. О., въ скоромъ времени выучившiйся свободно объясняться потурецки и поперсидски. За нами ѣхали наши люди и наконецъ тянулся караванъ подъ командою *македонца Ставри*, въ распоряженiи котораго находились и Карванъ-Баша Мгдыси (2), со всеъмъ его разношерстнымъ народомъ.

Надо было видѣть насъ, увѣнчанныхъ остроконечными башлыками, окутанныхъ азiйскими капотами всехъ фасоновъ, увѣшанныхъ оружиемъ всякаго рода и возсѣдавшихъ на сѣдлахъ всевозможныхъ видовъ, турецкихъ, курдскихъ, англiйскихъ, казацкихъ!.. Надо было видѣть, какъ гуськомъ лѣплились мы по горнымъ тропинкамъ, съ безконечнымъ хвостомъ громоздко навьюченныхъ лошадей и муловъ, окруженныхъ конными или спѣшившимися погонщиками ! Какъ картинно качались мы на сѣдлахъ, когда лошади наши, обрываясь, уходили въ снѣгъ по шею, или съ усилениемъ пробирались между камнями, тонувшими въ глубокой грязи ! Какъ живописно размахивали мы руками, при понуканьи коней своихъ ! Какъ тоскливо опускали головы, стараясь защитить обвѣтрившiяся лица свои отъ влажныхъ поцѣлуевъ крутившагося въ воздухѣ снѣга!.. Все жалось, все хмурилось, все мокло, все индiвѣло.

И чѣмъ далѣе подвигались мы, тѣмъ снѣгъ становился глубже, назывчнѣе, досаднѣе. Лѣса рѣдѣли и далеко-далеко отступали отъ дороги, а наконецъ и совершенно исчезли за горизонтомъ, оставляя передъ глазами нашими необозримыя пространства вол-

(1) Вооруженный служитель.

(2) Армяне неправильно производятъ это слово отъ двухъ армянскихъ : *мак-теки* (видѣть смерть). *Мгдыси* есть арабская форма арабскаго слова *иудей* или *иудей*, которымъ мусульманы называютъ Иерусалимъ, а посѣщавшихъ этотъ городъ именуютъ *мгдыси*, такъ же какъ посѣщавшихъ Мекку — *Хаджи*, Кербелу — *Кербелани*, Мешхедъ — *Мешхеди*.

нистой мѣстности, обнаженной отъ всякой растительности, покрытая однообразною бѣлою пеленою, безъ самадѣйшей темной точки, на которой бы зрѣніе наше могло отдохнуть отъ яркаго сверканья снѣга. Уже многіе изъ прислуги нашей вооружили носы свои противъ этого зла, мѣстными очками изъ выпуклой волосяной сѣтки въ дранковой оправѣ на ниточкахъ; другіе для этого натирали порохомъ свои подглазія; третьи, наконецъ, просто-напросто завязывали глаза платками, отдавая себя на произволь своего четвероногого вѣрнаго слуги.

Выйдя изъ очень красиваго ушеля, мы встрѣчены были страшною мятелюю, и можно сказать оцупью добрались до Инебазара, незначительной деревни, откуда дорога потянулась верстъ на двадцать на пять, по обширной долинѣ Болосъ. Въ концѣ этого пути нашли мы въ *Чифтликъ*, мизерной деревушкѣ, расположенной на значительной высотѣ, пріютъ на ночь.

Усталость и одолевавшій насъ сонъ не помѣшали намъ, на почлегѣ этомъ, прослѣдить довольно забавный эпизодъ изъ турецкихъ обычаевъ: комиссаріатскій чиповникъ, имѣвшій отъ правительства порученіе отвезти въ Харнугъ какія-то суммы, прибылъ въ Чифтликъ на зарѣ и сталъ требовать лошадей, но отказывался наотрѣзъ заплатить жителямъ прогоны. Споръ между ними и брань и угрозы чиновника еще продолжались, когда мы проснулись. Разглядѣвъ однакоже попристальнѣе европейскихъ гостей, молодецъ притихъ, поспѣшно расчитался съ жителями, вскочилъ съ прислугою своею на коней и былъ таковъ!

Вьюга выла и бѣсилась всю эту ночь, и на утро, когда мы поднялись съ походныхъ постелей для новыхъ похолныхъ трудовъ, мы застали ее еще во всемъ ея разгарѣ. Вся окрестность скрывалась въ клубахъ торопливо сновавшихъ облаковъ, сыпавшихъ частый и мокрый снѣгъ; вѣтеръ, гудя, быстро несъ его почти параллельно землѣ; сугробы, выше вчерашняго аршина на полтора, холмились около приземистыхъ лачугъ турецкой деревушки этой и громоздились на ихъ крышахъ... А между тѣмъ скотъ нашъ выючили и сѣдали! Посмотрѣвъ на картину эту, я покачалъ головой и возвратился въ пріютъ нашъ доложить Е. И—чу о состояніи погоды, въ надеждѣ, что выступленіе въ походъ будетъ отложено хоть на нѣсколько часовъ. Хозяинъ лачуги и хозяинъ каравана Мгдысы, вошли въ одно время со мною и старались уговорить его обождать немного. «Дорогу замело, говорили они, и сверхъ того, посреди тумана, невозможно направляться... Снѣгъ будетъ лѣпить глаза, вѣтеръ задерживать движеніе скота... Долго ли сбиться съ пути, оборваться въ пропасть!»

Е. И. вышелъ, осмотрѣлся и... скомандовала полдемъ, утверждая, что погода не замедлитъ проясниться. Разговаривать было нечего и, что грѣха таить, я съ зампраниемъ сердца и очень недобольпый, взобрался на коня. Все готово, проводникъ стоитъ по колѣни въ снѣгу, и опершись на длинную дубину, ждетъ приказаній... Караванъ зашевелился и мы врѣзались въ эту страшную завихруху; но, о чудо! Не успѣли мы сдѣлать двухъ-трехъ шаговъ, какъ туманы разступились передъ нами будто по слову волшебника, выгнуло солнце, облака двинулись эшелонами по разнымъ направлениямъ, надъ нами открылись голубыя пятна неба, и все шире и шире. Свѣжій снѣгъ засверкалъ ослѣпительнымъ блескомъ, горизонтъ разрастался, окрестность плавно выдвигалась какъ бы изъ-за кулисъ, со всѣми своими причудливыми изворотами и высотами; даль, еще подернутая свинцовою тѣнью бѣжавшихъ облаковъ, манила насъ въ свои холодныя объятія... Жутко, но хоть впаю передъ носомъ, — и за то спасибо! И отрадно было намъ на солнышкѣ, на свѣжемъ воздухѣ послѣ мрачной и непривѣтной ночи, въ которой мы провели ночь на 13 февраля.

И этотъ переходъ шолъ все долиною Болосъ, посреди высокихъ горъ и пропастей, и вотъ передъ нами поднялось, во всемъ своемъ грозномъ величии, знаменитое гнѣздо соловья-разбойника Анатоли, знаменитаго Кюръ-оглу. Это бѣдовый *Чамлы-Бель* (Пихтовый хребетъ), на которомъ имѣлъ притонъ этотъ налетъ-пѣснопѣвецъ... когда именно, и на самомъ ли дѣлѣ, — объ этомъ не заботятся говорить намъ ни само поэтическое преданіе, ни иѣсни Кюръ-оглу, составляющія и понынѣ главный и лучшій запасъ анатолійскихъ бардовъ. Тутъ-то, говорятъ они, гнѣздился онъ съ своею шайкой изъ семисотъ семидесяти семи разбойниковъ, съ своимъ усыновленнымъ дѣтищемъ, этимъ поэтически-прекраснымъ юношей Айвазомъ, котораго онъ хитростью отнялъ у отца-пастуха и съ красавицей Нигарой, дочерью турецкаго султана, имъ похпщенной. Отсюда-то направлялъ онъ свои ночные набѣды, сюда убѣгалъ отъ преслѣдованій; эти то дебри оглашалъ онъ своимъ львинымъ рыканіемъ въ минуты гнѣва, и соловьинымъ пѣніемъ въ минуты вдохновенія, почти съ нимъ неразлучнаго! По этимъ-то высотамъ и стремнинамъ прядалъ онъ и носился соколомъ на своемъ ненаглядномъ любимцѣ Кыратѣ, этомъ сѣромъ пегасѣ, *не имѣвшемъ себя подобнаго по красотѣ, отважности, силѣ и быстротѣ.*

Вотъ онъ, Чамлы-Бель, это настоящее разбойничье гнѣздо по своей неприступности. И намъ взбираться на самое его темя, — теперь, когда трудности дорогъ его усложнились присутствіемъ глубокихъ снѣговъ, залегшихъ страшными сугробами между его

вѣковыхъ елей и сосенъ! А нельзя сказать чтобы наши бегеры (¹) походили на Кырата!

Что и рассказывать про всѣ мученія, испытанныя нами на Чамлы-Белѣ! По рыхлому, только-что выпавшему снѣгу, посреди густого лѣса малорослыхъ елей, надъ головокружительными обрывами, карабкались мы до вершины впродолженіе двухъ часовъ; когда же, взнемогшіе отъ усталости, взобрались на самое темя горы, на встрѣчу намъ выѣхалъ всадникъ... ужь не тѣнь ли это Кіоръ-Оглу? Нѣтъ, всадникъ нашъ и издали не напоминалъ собою этого чудобогатыря. Это былъ солдатикъ Низама, гнавшій съ десятокъ полковыхъ лошадей къ какому-то посту.

— Нейдите далѣе, кричалъ онъ, поровнявшись съ нами: — дорога нѣтъ!.. оборветесь! Экая чортова гора!

— Ну, говорили мы между собою, прошолъ ты, — пройдемъ и мы! Спускъ не хуже же будетъ подъема!

И мы принялись за работу. Да и работа же была! Безъ всякой точки опоры для ногъ, лошади наши крутились и барахтались въ снѣгу, скользили, катились по почти отвѣсному спуску. Какихъ намъ стоило усилій, чтобы держаться на сѣдлахъ! Лофъ, такъ тотъ просто кубаремъ несся внизъ передъ нами.

Худо ли, хорошо ли, а мы таки очутились наконецъ у подошвы Чамлы-Белы здоровы и невредимы, со всѣми нашими выюками и людьми, и скоро добрались до стараго хана султанъ-Мурада, гдѣ сѣдали привалъ, закусили и набрались свѣжихъ силъ для второй половины перехода.

Въ *Ени-Базаръ*, довольно большой деревнѣ, состоящей изъ 80 мусульманскихъ и 40 армянскихъ домовъ, ожидалъ насъ отличный ночлегъ.

Но на утро, 14 февраля, предстояла намъ дорожка до Сиваса, дорожка, какъ говорили намъ, нелакая.

И въ самомъ дѣлѣ, что это было! Новые Чамлы-Белы, казалось, росли на пути нашемъ, по мѣрѣ нашего движенія впередъ; обрывы на обрывахъ, снѣгъ все глубже и глубже, все ослѣпительнѣе и задорнѣе для глазъ. Но что всего было досаднѣе, это встрѣчи, учащающіяся обыкновенно по близости большого города. Вереница верблюдовъ, ословъ, съ выюками и безъ выюковъ и безъ конца, то и дѣло натыкались на насъ, — а своротить было некуда. То намъ, то имъ приходилось свихнуться съ протоптанной стези и уходить по поясъ въ снѣжный пуховикъ и лежать на немъ-лежмя, пока не

(¹) Испорченное персидское слово баргиръ — вычное животное или простенькая дорожная лошадь.

минуешь окаинная встрѣча. При этомъ обыкновенно свернется нѣсколько व्यюковъ и пошла потѣха! Задержка страшная, а отдыха нѣтъ и жолчь мутится немилосердно. Одна только встрѣча доставила хоть мысламъ нашимъ нѣкоторое развлеченіе. Это нѣсколько курдскихъ всадниковъ, спѣшившихъ, сколько позволяла дорога, уйти отъ погони, которая, какъ намъ указали въ помертвѣлой дали, двигалась довольно быстро по ихъ слѣду. Развѣхавшись съ курдами, миновали мы и башни-бозуковъ, за ними охотившихся; а впоследствии узнали что, башни-бозуки, на одномъ ночлегѣ, нагнали курдовъ, окружили лачужку, въ которой они залегли, заставили ее арбами (1), и грозились сжечь ихъ живьемъ, если они не сдадутся. Курды положили оружіе и были отведены въ Сивасъ. Подобныя исторіи случаются чуть не ежедневно и теперь.

Между тѣмъ мы подошли къ Кызыль-Ырмаку (красная рѣка), и отсюда намъ оставалось всего три часа пути до города. Много ли, казалось бы, какихъ-нибудь двадцать верстъ перехода! А между тѣмъ намъ, при усталости нашей, показались онѣ цѣлымъ вѣкомъ. Вѣдь ужъ сорокъ верстъ было пройдено нами, и при какой дорогѣ!

Пройдя часа два по самому берегу рѣки, мы отъ полуразвалившагося древняго каменнаго моста на Иылдызъ-Сую, оставивъ Кызыль-Ырмакъ въ сторонѣ, пошли прямо; рѣка же эта поворачиваетъ на западъ и обходитъ городъ въ двухъ верстахъ разстоянія. Дорога черезъ мостъ ведетъ въ Кейсарію.

Въ половинѣ пятаго часа дня дотащились мы до Сиваса, опередивъ караванъ свой. Уже стемнѣло, а каравана не было; мы начали беспокоиться, а вмѣстѣ съ нами и докторъ, нашъ попутчикъ, бросившій своихъ дамъ на дорогѣ, чтобы не оставлять пріятной бесѣды нашей. Вытребовавъ у мѣстнаго начальства нѣсколько конныхъ забтіе (2), мы отравили ихъ отыскивать въ слѣгахъ добро наше. Часа слишкомъ черезъ четыре послѣ нашего прихода, припелся наконецъ и караванъ, по съ большими аваріями; и въ томъ члелѣ болѣе всего опечалила насъ офтальмія, одолевшая, въ разной степени, почти всѣхъ людей каравана, не смотря на предосторожности, о которыхъ я говорилъ, не пощадившая и офицеровъ, и неутомимаго нашего *на всь руки*, если позволено мнѣ такъ выразиться: я говорю о Ставри Байко, на драгоценной дѣятельности котораго держалась вся наша походная жизнь; потому что онъ исполнялъ должности мажордома, провіантмейстера, шталмейстера,

(1) Двухколесныя тяжелыя азіатскія телеги.

(2) Забтіе — полицейскій солдатъ, или вѣрше, внутренняя стража.

форшейдера, банкира, а впоследствии показывал все новые и новые таланты, выручавшие насъ очень часто изъ затрудненій.

Пришлось взять за бока Ренучи. Не успѣлъ этотъ *заботливый* мужъ снять съ сѣделъ занропастившуюся-было семью свою, брошенную имъ посреди дороги, какъ его позвали къ больнымъ, и латинская кухня въ первый разъ явилась у насъ на сцену. Заходили пивки, примочка, рожки, горячая вода и разныя микстуры.

Покуда цѣлительныя средства, употребленныя итальянскимъ медикомъ, возымѣютъ свое дѣйствіе надъ воспаленными глазами страждущихъ путниковъ, скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ мы совершили наше вступленіе въ городъ и въ отведенную намъ квартиру.

Но прежде всего что такое Сивасъ? Помнить ли читатель главныя и столь грозныя черты его исторіи? О зарожденіи его и его младенчествѣ немного данныхъ находимъ мы въ древнихъ лѣтописяхъ, а въ новѣйшую исторію онъ едва-едва занесъ свое имя... За то въ тѣ времена, когда въ Малой Азій, съ такимъ задоромъ, хозяйничали римляне, византійцы, сарацины, сельджукскіе турки, монголы,—Сивасъ былъ большой, значительный городъ. Его нѣсколько разъ разрушали, и не только стѣны его, но и самое народонаселеніе гибло отъ меча и пламени.

Когда онъ былъ взятъ Тимуромъ, мусульманъ и христіанъ постигла одна участь.

Первые, въ числѣ четырехъ тысячъ, были по шею зарыты въ землю и окончили такимъ образомъ жизнь свою въ неслыханныхъ мукахъ. Христіанъ велѣлъ онъ побросать кучами въ огромныя ямы, прикрутивъ веревками головы ихъ къ ихъ ногамъ, прикрыть досчатыми крышками и засыпать ихъ землею. Несчастныя жертвы осуждены были такимъ образомъ, въ западѣ своей, на долгія предсмертныя муки и гибли затѣмъ однѣ за другими, оглашая стѣнами татарскіе шатры, разбитые надъ имъ головами.

Даже прокажонные и самыя пріюты ихъ были уничтожены Тимуромъ изъ опасенія, чтобы зараза не сообщилась его стану. За исключеніемъ молоденькихъ мальчиковъ и дѣвицъ, все народонаселеніе потонуло въ крови своей.

Да, страшныя бѣдствія пережилъ этотъ жалкій, этотъ грязный турецкій городишко, который вонъ тамъ, передъ нами, торчитъ на томъ же уединенномъ холмѣ, посреди той же обширной равнины, гдѣ нѣкогда процвѣталъ и пилъ чашу мученичества знаменитый, царственный Севастъ Митридатовъ, Антоніевъ, Сенекеримовъ!

Ровно четыреста сорокъ девять лѣтъ и четыре мѣсяца послѣ Ти-

мурова нашествія, подступалъ подъ стѣны Сиваса отрядъ чужеземцевъ, пришедшихъ совершенно съ противоположной монголамъ стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ совершенно противоположною цѣлю. То былъ отрядъ безобидный, вооруженный единственно въ видахъ собственной защиты, такъ-таки ни разу и не обнажавшій праздныхъ мечей своихъ, и заряжавшій ружья свои противъ однихъ перепеловъ и фазановъ; отрядъ миротворцевъ, платившихъ чистою монетою за грязныя квартиры, проливавшій кровь однихъ барановъ, плѣнявшій жителей одною своею галантерейностью.

Времена Эръ-Тогруловъ и Тимуровъ прошли невозвратно; но варварамъ немногимъ бы досталось поживиться въ теперешнемъ Сивасѣ! Этотъ далеко не процвѣтающій городъ Анатолиі много того что имѣеть въ настоящее время до трехъ тысячъ домовъ.

Издали онъ еще показался намъ туда-сюда. Вышка посрединѣ холма съ исправно и до сихъ поръ бьющими часами, порадовала было наше зрѣніе; и въ самомъ дѣлѣ, при возвышенномъ мѣстоположеніи города, это украшеніе придаетъ ему нѣчто живописное; но когда, пробравшись по злодѣйской дорогѣ, вдоль рѣки, покрытой тамъ и здѣсь порядочными льдинами, мы подошли къ самимъ городскимъ стѣнамъ и вступили въ лабиринтъ затхлыхъ улицъ, вливавшихъ съ своею ношею грязи и снѣга, между дрянными домишками и мазанками, и стали поминутно наткаться на бревна, какими-то указательными пальцами торчавшія въ стѣнахъ надъ улицами, мы еще съ большимъ нетерпѣніемъ рвалия къ жилью, чтобъ и отдохнуть отъ тяжелаго перехода, и отвести глаза наши отъ этого невылага зрѣлища.

А между тѣмъ обычная, обыденная фраза наша: «Какъ должно быть здѣсь хорошо лѣтомъ» — неволью вырвалась у каждаго изъ насъ, когда мы пробѣгали глазами, изъ края въ край, эту обширную, привольную равнину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами и посреди которой поднялся холмъ, весь засыпанный строениями; когда мы представляли себѣ ее, въ одеждѣ густой зелени и цвѣтовъ и вырѣзавшіеся на ней узоры полуразрушенныхъ стѣнъ крѣпости, верхней и нижней, а вдали, верстахъ въ четырехъ отъ города, на окраинѣ равнины, живописно высящійся утесъ съ памятникомъ Абдуль-Вехабъ, санджаклара (знаменщика) Мухаммедова; а на дальномъ горизонтѣ вѣчные снѣга Курдистанскихъ горъ!

Наконецъ мы въ городѣ.

ГЛАВА VI

Сивась. Квартира наша. Наши хозяева. Весь караванъ гаскленлся. Медицинскіе подвиги доктора Ренучи. Губернаторъ. Деревей. Абауль-Ве-хабъ. Прудъ сорока мучениковъ и св. Александръ. Древняя мечеть. Монастырь св. креста. Текке Шемси азизъ. Ссора грековъ и армянъ. Праникъ. Бой-Бей Перахимъ.

Первый домъ, къ которому привели насъ, оказался неудобнымъ, и хазнадаръ Паши, явившійся передъ нами, какъ листъ передъ травой, повелъ насъ далѣе. Вскорѣ мы нашли обширное и довольно привольное помѣщеніе въ домѣ одного армянина, восьмидесяти-лѣтняго старика Кеніишъ-оглу, отца семи сыновей, рожденныхъ имъ вѣроятно для нашего истязанія: не успѣли мы войти въ домъ, какъ они всѣ ввалились гурьбою, и насѣли на насъ съ косолапыми любезностями и пересоленною угодливостью, и завертѣлись около носовъ нашихъ какъ семь липкихъ осеннихъ мухъ.

Караванъ нашъ въ этотъ день, какъ я уже сказалъ, совершенно раскленлся. Не говоря о вьюкахъ, порядочно размочалившихся въ дорогѣ, о скотѣ, едва волочившемъ ноги отъ усталости, всѣ, и слуги и господа, исключая самого Е. И—ча, разомъ заплатили дань суровому климату Арменіи. Кто возился съ глазами, кто съ дурнотою, кто съ чирьями, и мой вѣрный Петро очень некстати схватилъ ноготьду. Служба затормазилась; съ кухнею едва могли справиться. Ктому же въ домѣ не все было исправно: въ окнахъ его, вмѣсто стеколъ, торчала изодраная мѣстами бумага, что при 10° мороза по Реомюру, не совсѣмъ-то способствовало нашему удовольствію. Огонь напрасно трещалъ и суетился въ каминѣ, и кокетливо на насъ поглядывалъ: не большую онъ помощь оказывалъ усталымъ, страждущимъ и мерзнувшимъ путникамъ! Къ ночи морозъ усилился до 13°. А тутъ еще семь палачей! Отецъ ихъ, хозяинъ дома, сухинкій старичекъ, съ сѣдинкой бородкой, въ высокомъ черномъ каукѣ, повязанномъ чернымъ платкомъ, посидѣлъ себѣ, помолчалъ, пососалъ свою поминутно потухавшую трубку и ушелъ на женскую половину; но потомство его, это безпардонное потомство, не подавалось. Видно не отъ однихъ турецкихъ властей приходилось намъ пить горькую чашу бѣшеннаго гостеприимства!

Но утоливъ кое-какъ ненашутку расхолодившійся аппетитъ съ помощью чая и остатковъ отъ завтрака, мы безъ церемоніи расположились на постеляхъ, наваливъ на себя всѣ свои плащи и шубы.

Когда свѣчки были погашены и по стѣнамъ комнаты и по холмившимся на тѣлахъ нашихъ покрывамъ уже блуждали одни блески каминаго пламени, эти азіятскіе Демьяны рѣшились наконецъ подняться съ своего мѣста и упились, шаркая туфлями по каменному полу.

Усталость взяла свое, и ночь прошла для насъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ; наутро многіе изъ больныхъ чувствовали себя довольно бодрыми; а около трехъ часовъ пополудни мы сѣли на коней и отправились съ визитомъ къ губернатору.

Сивасомъ правилъ въ то время Аббасъ Паша, старый обломокъ древней и знаменитой фамиліи Чапанъ-Оглу. Предки его, и самъ его отецъ, были деребеями, то есть ленивыми владѣтелями сивасскаго округа. Эти деребеи, въ переводѣ, — князья долинъ, были независимые князьки, владѣвшіе большею частью анатолійскихъ округовъ, и каждый изъ нихъ самовластно хозяйничалъ въ своемъ княжествѣ, безъ всякаго вмѣшательства и контроля Порты, которой они посылали опредѣленные дары. Фамилій этихъ было нѣсколько, и самыми знаменитыми и сильными считались Кара-Османъ Оглу въ Смирнѣ, Кальовджу въ Бруссѣ, Кючюкъ-Али въ Сисѣ, Балабанъ-Оглу въ Акъ-Сераѣ, и наконецъ Чапанъ-Оглу, хозяинъ всѣхъ земель въ центрѣ Малой Азіи отъ Кянгеры, Ангоры, Амасіи, Токата до Караманіи и до береговъ Средиземнаго моря; онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ бея или князя Іозгатскаго. Господа эти выводили въ поле войско, числительностью, какъ говорили намъ, доходившее у нѣкихъ до сорока и до пятидесяти тысячъ, какъ напримѣръ у послѣднихъ двухъ, и охраняли пути сообщенія противу хищничества курдовъ. Все трепетало ихъ имени; безопасность и спокойствіе царствовали по городамъ, селамъ, дорогамъ ихъ владѣній; по все это почти совершенно исчезло вмѣстѣ съ вліяніемъ и правами деребеевъ и съ распространеніемъ централизаціи власти на всю азіятскую Турцію. Все это должно въ особенности относиться къ фамиліи Чапанъ-Оглу, сильнѣйшей изъ всѣхъ и болѣе другихъ дорожившей своею независимостью, которая была утрачена ею въ 1814 году, послѣ упорной защиты противъ султанскихъ войскъ, его атаковавшихъ. Послѣдній деребей этой фамиліи, отецъ нынѣшняго губернатора Сиваса, не хотѣлъ выйти изъ дворца своего, предавшаго пламени непріятелемъ, и погибъ подъ развалинами и этого дворца, и своей независимости.

Аббасъ Паша, съ перваго взгляда, показался намъ первообразомъ азіятскаго вельможи, по сану и происхожденію. Ни тѣни роскоши ни въ одеждѣ, ни въ убранствѣ пріемной комнаты, гдѣ мы нашли его громоздившимся на диванѣ; ни той азіятской красоты въ

наружности, которая напрямѣрь отличала нашу Амасіи; лицомъ своимъ напоминалъ онъ хищную птицу, — носъ клювомъ, глаза на выкатѣ, и лѣвый безпрестанно закрывался; лѣтъ ему было подлѣ шестьдесятъ; но рѣзкость, а вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то величавость приемовъ, но простота и увѣренность рѣчи, служили выраженіемъ прирожденной привычки властвовать и повелѣвать.

Послѣ вводныхъ фразъ, неизбѣжныхъ принадлежностей каждой турецкой бесѣды, въ особенности при приѣмѣ европейскихъ гостей, и посреди неизбѣжнаго, но гораздо болѣе первыхъ пріятнаго табачнаго дыма, губернаторъ, не безъ явнаго самодовольствія, коснулся минувшей силы и блеска своего очага, и личнаго своего вліянія въ странѣ, въ особенности же того страха, который имя его внушало курдамъ.

— Пока вы на землѣ моей, не бойтесь ничего! сказалъ онъ между прочимъ: — вродна курдская собака не оскалитъ на васъ зубы и не унесетъ ни клочка вашихъ одеждъ: — чокъ карыштырма! бунда Чапавъ-оглу варъ! (Не очень то шути, вѣдь тутъ Чапавъ-оглу есть!)

— Этотъ девизъ нашего дома пзвѣстенъ во всѣхъ углахъ и захолустьяхъ Курдистана и держитъ воришскъ въ почтительномъ отдаленіи отъ моихъ владѣній. Если же кто изъ нихъ и забредетъ ко мнѣ, такъ тутъ ему и конецъ. Вотъ хоть бы сегодня.

И онъ рассказалъ намъ, какъ пойманы были въ эту ночь семь курдовъ, которыхъ мы встрѣтили наканунѣ, и что они сидятъ теперь у него въ кандалахъ. Курды эти, а въ ихъ числѣ извѣстный налетъ Бой-Бей Ибрахимъ, содержались у него подлѣ надзоромъ и ушли-было, но какъ мы видѣли, ненадолго. Мутушъ-паша, командиръ кавалерійскаго полка, расположеннаго въ Сивасѣ, котораго мы также посѣтили въ тотъ же день, спросилъ насъ, не пожелаемъ ли мы видѣть этого разбойника, содержащагося въ его домѣ. Разумѣется мы не отказались отъ такого любопытнаго зрѣлища, и по данному пашою знаку, черезъ нѣсколько минутъ введенъ былъ въ комнату арестантъ.

Это былъ небольшого роста, пузатый господинъ лѣтъ пятидесяти. Одуловое лицо его, съ кривымъ толстымъ носомъ и большими съ поволокой черными глазами, было очень смугло; борода съ просѣдью торчала какъ-то въ сторону; грязная чалма изъ старой шали на бекрень; на широкихъ плечахъ затасканный курдинскій балахонъ въ продольныхъ широкихъ полосахъ, бурый съ бѣлыми; на босыхъ ногахъ кандалы и желтыя туфли. Разговаривать намъ съ нимъ было некстати, а бесѣда бы эта могла быть далеко не безынтересна. Мы разсматривали его съ любопытствомъ; онъ

глядѣть на насъ тупо, неопредѣленно, казалось безъ всякой мысли, и только сопѣлъ.

— Вы не судите, сказалъ намъ лхой полковой командиръ, указывая на разбойника, — вы не судите этого молодца по его жалкой и смиренной наружности! Это удалая, безстрашная голова! Для него зарѣзать человѣка все равно что выкурить трубку. Ну да онъ пошалилъ довольно; теперь ему кажется не сносить головы.

Въ этотъ же день мы осмотрѣли нѣкоторыя достопримѣчательности города и прежде всего медресе (школу) Гыльсъ-эд-дина Кай Хосрова сельджукскаго, тѣло котораго похоронено тутъ же во дворѣ. Памятникъ еще хорошо сохранился и щеголяетъ какъ своей архитектурою, такъ и великолѣпными надписями и украшениями.

Полюбовавшись этимъ прекраснымъ остаткомъ древности, мы выѣхали въ поле и направились къ большой армяно-католической деревнѣ Пркникъ, отстоящей верстъ на шесть, на семь отъ города; но тутъ мы рѣшительно ничего не нашли замѣчательнаго.

Возвратясь въ городъ, мы вошли въ Улу-джами или большую мечеть, бывшую во время оно греческимъ храмомъ. Это громадное зданіе, до одной трети высоты своей, вросло въ землю и громко говоритъ воображенію о величіи, нѣкогда его озарявшемъ. Одна только половина памятника обращена въ мечеть, отличающуюся между прочимъ отсутствіемъ всякихъ украшеній и убранствъ: тяжолыя выбѣленные стѣны, плоскіе деревянные своды, четверугольные массивные столпы, на полу цыновка. Нигдѣ ни малѣйшей греческой надписи, и только тамъ и здѣсь на столпѣ или на стѣнѣ мелькнетъ вамъ изображеніе креста. Вотъ и все.

Другая половина греческой святыни составляетъ собою дворъ мечети. Проводники наши сказали намъ, что эта Улу-джами сельмая, по величинѣ, мечеть оттоманскихъ владѣній.

Остальную часть этого дня мы провели дома, но не совѣтъ покойно. Армянское общество Сиваса почтило насъ своимъ особеннымъ вниманіемъ, и визитамъ этихъ добрыхъ людей и изъясненіямъ ихъ чувствъ не было конца.

Настоятель армянскаго монастыря, приходившій къ намъ со всею братіею, пригласилъ насъ къ вечернѣ. Мы съ удовольствіемъ разумѣется приняли приглашеніе, и всѣмъ намъ чрезвычайно понравилась и самая служба, и въ особенности пѣніе клира. Миѣ еще ни въ одной армянской церкви не случалось до того времени слышать такихъ прекрасныхъ и стройныхъ голосовъ; и между прочимъ, одинъ прелестный собою мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, восхитилъ насъ музыкальностью своего пѣнія. Послѣ службы мы зашли къ настоятелю.

17 февраля, едва мы проснулись, какъ намъ доложили, что греческое общество просить позволенія явиться къ Е. И—чу. И двери были открыты раннимъ посѣтителемъ. Съ первыхъ же словъ они обратились къ Е. И—чу съ просьбою быть посредникомъ между нами и армянскимъ обществомъ, отнимающимъ будто-бы у грековъ мѣсто для совершенія церковныхъ ходовъ и погребенія мертвыхъ.

Вслѣдствіе этого домогательства, весь этотъ и весь слѣдующій день мы возились съ представителями обѣихъ общинъ, чтобы привести ихъ къ соглашенію. Но армяне не уступали, и вотъ какъ объясняли права свои.

Армянъ, говорили они, какъ въ Сивасѣ, такъ и окрестностяхъ его, до двухъ тысячъ семи сотъ домовъ, тогда какъ грековъ здѣсь не болѣе сорока семействъ. Когда они поселились въ краю этомъ, мы приняли ихъ какъ братьевъ во Христвъ и уступили имъ небольшую церковь, но безъ принадлежащей къ ней земли, потому что до пятисотъ семействъ нашихъ имѣютъ здѣсь погребенными предковъ своихъ; а для религіозныхъ надобностей нашихъ греческихъ братій, мы отвели имъ въ другомъ мѣстѣ участокъ, о которомъ они и слышать не хотятъ и даже не ходятъ въ церковь свою, потому что имъ надо для этого проходить по улочкѣ, которую мы провели черезъ оспариваемую ими у насъ землю.

Процессъ ихъ давно уже разсматривался въ Константинополѣ; но греческая община не надѣялась его выиграть, потому, говорила она, что община бѣдна, а армяне сильны и богаты; а потому греки и воспользовались присутствіемъ русской комиссіи, чтобы попытаться достигнуть цѣли своей съ помощью ея посредничества; и на другой день, 18-го, когда мы посѣтили ихъ убогій, темный и запущенный храмъ, въ которомъ греческій священникъ для насъ отслужилъ обѣдню и молебенъ, всѣ греки не упустили случая помолиться, поглазѣть на гостей, отъ которыхъ ожидали разрѣшенія ихъ дѣла, и потому церковь была биткомъ набита, и Е. И—чу по дано было, послѣ службы, прошеніе уже на бумагѣ.

Напрасно однакоже мы бились изо всѣхъ силъ, чтобы помирить спорившихъ, и получили только отъ армянскаго Гавріила, архіепископа сивасскаго, обѣщаніе не противиться, до разрѣшенія тяжбы ихъ Портою, погребенію греческихъ покойниковъ въ оградѣ греческой церкви.

Я привелъ, между прочимъ, случай этотъ какъ образчикъ тѣхъ безпрестанныхъ и повсемѣстныхъ споровъ и ссоръ между армянами и греками, ссоръ, которыя, начиная отъ Іерусалима до мельчайшей деревушки какого-нибудь азійскаго захолустья, развѣдаютъ

вѣковѣчную язву вражды между двумя націями и поддерживаютъ соблазнъ въ христіанскомъ обществѣ Востока.

Мусульманы, забывая о собственномъ своемъ расколѣ, поселяющимъ такую глубокую вражду между суннитамъ и шіитами, не видятъ причины уважать христіанскій міръ, на клочки разорванный разными сектами, и разъединенный взаимною ненавистью. И какъ нарочно, нигдѣ въ настоящее время религіозныя страсти не обуреваютъ христіанскаго моря въ такой степени, и такъ открыто и постоянно, какъ на мусульманскомъ Востокѣ; а въ турецкихъ владѣніяхъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь.

И вопервыхъ уже эта разница въ календарѣ, приводящая христіанскія секты къ разновременному празднованію главнѣйшихъ церковныхъ дней — рождества, вознесенія, воскресенія христова и другихъ; вовторыхъ, постоянная зависть, постоянное ожесточеніе между церквами, между паствою, служащая поводомъ къ нескончаемымъ и упорнымъ тяжбамъ и къ скандальнымъ явленіямъ, которыхъ естественнымъ судьбою становится господствующій надъ ними тотъ же мусульманинъ, враждебный имъ по своимъ вѣрованіямъ. И удивительно ли послѣ этого, что мусульманинъ, глядя на картину этихъ позорныхъ раздоровъ, съ презрѣніемъ пожимаетъ плечами и сильнѣе прежняго прижимаетъ куранъ къ своей груди!

И кто найдетъ виновнаго въ этомъ омутѣ? Грекъ указываетъ на армянина, армянинъ на грека, католикъ на армянина и на грека; а тутъ подмостился и протестантъ, и указываетъ на всѣхъ. — и всѣ обвиняютъ другъ друга, другъ на друга жалуются и каждый вооружонъ, въ свою очередь, доказательствомъ своей правоты!

А тутъ новые прозелиты католическіе и протестантскіе, возстановленные пропагандистами противъ среды, съ которою они ихъ разлучили, поселяя распрю и разъединеніе и смуты въ семействахъ христіанскихъ и въ цѣлыхъ общинахъ! И сколько ихъ въ каждомъ почти городѣ! Греки и армяне, халдеи и арабы-христіане, по шло-сти христіанскихъ миссіонеровъ, и тѣ и другіе, въ свою очередь, ходятъ, въ одномъ и томъ же городѣ, въ три-четыре разныхъ церкви. Родственныя связи расторгнуты и члены общинъ, раздробленныхъ на мелкіе разновѣрные кружки, отворачиваются другъ отъ друга, и мрачно и ворча глядятъ на вчерашнихъ своихъ братьевъ.

Очень печальная картина!

Но возвратимся въ Сивасъ и посѣтимъ двѣ христіанскія святыни. 18 февраля провели мы все утро въ армянскомъ монастырѣ, во имя святого животворящаго Креста. Позавтракавъ у настоятеля, мы пошли въ церковь, возобновленную въ 1005 г. Св. Ѡаддей принесъ сюда съ собою двѣ частицы креста Спасителя, которому и

посвятилъ храмъ этотъ. Одна часть святилища этой находится на алтарѣ, другая въ серебряномъ крестѣ, положенномъ на серебряное блюдо. На алтарѣ, сверхъ того, два другіе креста: одинъ съ мощами св. Фаддея, другой съ мощами св. Варооломея. Это въ первомъ придѣлѣ. Второй придѣлъ выстроенъ былъ св. Григоріемъ, просвѣтителемъ Арменіи, послѣ посвященія его въ епископы въ Кейсаріи греческимъ патриархомъ Леонтіемъ. Св. Григорій принесъ сюда тѣло св. Каранета, патриарха, совершилъ здѣсь литургію и отправился затѣмъ въ верхнюю Арменію на подвигъ просвѣщенія. Здѣсь находятся также мощи св. Николая и св. Василія. Третій придѣлъ построилъ св. Фаддей вскорѣ послѣ смерти Спасителя. Въ монастырѣ хранятся мощи многихъ святыхъ, два гроба и камень отъ пруда сорока мучениковъ, который мы вечеромъ того же дня и посѣтили.

Это есть ничто иное, какъ ключъ прозрачной воды подъ самыми стѣнами города, въ четверугольной гранитной рамѣ, въ семь аршинъ въ квадратѣ и осѣненный низкими, почти плоскимъ деревяннымъ куполомъ. Говорили намъ, что крышу эту приказалъ сдѣлать, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, какой-то русскій путешественникъ, чтобы защитить бассейнъ отъ нечистотъ. Рассказали также и легенду объ источникѣ и въ заключеніе прибавили, что когда христіане вытащили изъ пруда тѣла сорока мучениковъ, для того чтобы предать ихъ землѣ, изъ воды вспорхнули сорокъ птичекъ и взвились къ небесамъ. Въ числѣ мучениковъ былъ и Александръ, язычникъ. Приставленный для наблюденія за совершеніемъ казни, онъ такъ былъ тронутъ преданностью и терпѣніемъ, съ которыми выносили пытку угольники, воспѣвавшіе, посреди мученій, славу божію, что бросился къ нимъ въ прудъ, принялъ мученичeskій вѣнецъ и былъ причисленъ къ лику святыхъ.

9 марта сюда стекаются христіане и совершаютъ молебствіе.

По дорогѣ отъ Ванка или армянскаго монастыря къ бассейну сорока мучениковъ, мы видѣли, неподалеку отъ перваго, источникъ, снабжающій Сивастъ единственною для пяти годною и даже очень хорошею водою, и посѣтили прелестный, расположенный на самомъ краю отвѣснаго утеса, мавзолей Абдуль-Вехаба-Эль-Газя, знаменщика Мухаммедова. Нѣсколько чинаровъ стройно поднимаются у подошвы утеса будто паникадилы, поставленные предъ гробницею святого. Мавзолей, какъ и всѣ подобныя ему мусульманскія часовенки, красивъ особенно издали. Гробъ санджакдара покрытъ зеленымъ покровомъ и осѣненъ будто бы тѣмъ самымъ зеленымъ знаменемъ, который онъ носилъ передъ пророкомъ. На гробѣ лежатъ его четки.

Въ свободное отъ разчѣводовъ время я по цѣлымъ часамъ просиживалъ на крышѣ одного сосѣдняго дома, стараясь перевести на бумагу очаровательныя узоры надписей и орнаментовъ, украшавшихъ стѣны, уже тронутыя разрушеніемъ Гѣкъ-Медресе, о которой я упоминалъ выше. Хозяйка дома, добрая старуха, кутаясь изо всей мочи въ свое покрывало, приносила мнѣ всякій разъ каменную жаровенку для отогрѣванія рукъ, костенѣвшихъ на тринадцати-градусномъ морозѣ, подчивала меня теплою водою съ распущеннымъ въ ней розовымъ бургавскимъ леденцомъ, и даже вызывалась сварить кофе. Внукъ ея, мальчикъ лѣтъ шести, хорошенькій, живой, ужасно хлопоталъ, чтобы меня не безноковали сосѣдніе ребятишки, воровавшіе, съ ближайшихъ крышъ, осалить Френга любопытствомъ, а можетъ-быть и еще чѣмъ другимъ. Крошка, кровитель мой, несказанно смѣшилъ меня, посреди моихъ занятій, вреуморятельными, но преловкими своими распоряженіями (вѣрно отецъ его служилъ по полицейской части): схвативъ палку и осыпая любопытныхъ довольно крупною и энергическою бранью, онъ бросался отъ центра, занятаго мною, по разнымъ радіусамъ, какъ котенокъ, и съ угрозою хлопалъ палкою по выступамъ террасы; оборванцы вдругъ прыснуть отъ него будто брошенные сильною рукою, а въ то же время другія лезутъ съ другой стороны. Мальчуганъ туда. И новая брань, и новыя угрозы. Прелесть что за дивертисментъ!

Но забавнѣе всего была однажды сцена посреди улицы, гдѣ я занимался рисовкою того же памятника, только съ другой стороны. Народъ, уже покрупнѣе сосѣдей моего молодца и въ гораздо большее числѣ, можно сказать садился мнѣ на плечи, пляя голову къ моему альбому... Напрасно я упрашивалъ эту безцеремонную гурьбу удалиться, она только густѣла все болѣе и болѣе. Забѣиѣ, взятаго мною для моего охраненія, тоже не слушали. Досталось же мнѣ въ продолженіе четырехъ лѣтъ отъ этихъ уличныхъ ротозѣевъ! Терпѣніе мое наконецъ лопнуло и я уже хотѣлъ удалиться, какъ вдругъ пробрался ко мнѣ мой крошечный кровельный другъ и привался гонять народъ, осыпая его ругательствами и упираясь руками въ первыя попавшіяся ему ноги, или махая знакомою уже мнѣ палочкой. И что вы думаете!.. Варвары отхлынули и я спокойно могъ кончить мою неискусную, но усердную работу.

19 мы съѣздили верстъ за пять отъ города въ текке или обитель дервишей Халветіе. Возлѣ текке огромный древній минареть, въ которомъ показываютъ гробъ мусульманскаго святого, основателя секты этихъ дервишей мевлевійскихъ, Шемси-Азиза, очень уважаемаго всѣми мусульманами. Старшина обителя, почтенный и

очень красивый старикъ ; съ густыми сѣдыми локонами , въ высокой шапкѣ съ округленнымъ верхомъ и красивыми надписями изъ курана , принялъ насъ очень радушно , учтиво и поподчивалъ кофеемъ . Старикъ объяснялъ намъ , въ чемъ состоитъ тарикатъ ихъ или ихъ правило ; но это исторія слишкомъ мудрая и совершенно отвлеченная , а потому и неинтересная для читателя .

На другой день , захватъ дорогою къ бригадному командиру Мустафѣ нашѣ , очень пріятному старику , мы отиравились проститься съ губернаторомъ . Въ этотъ разъ Аббасъ былъ въ какомъ-то кисломъ расположеніи духа ; но считая долгомъ сказать , на разставаньи , хоть что-нибудь любезное , онъ сообщилъ намъ , что утромъ , сидя у окошка , онъ увидѣлъ , какъ мальчишки , скатавъ комокъ снѣгу , пустили его съ пригорка внизъ и какъ комокъ этотъ , по шѣрѣ того , какъ онъ катился , увеличивался въ объемѣ .

— Этотъ комокъ снѣгу , сказалъ въ заключеніе папа , — я уподобилъ вамъ , господа : и вы , какъ онъ , растете , подвигаясь впередъ , и путешествуя , дѣлаетесь большими людьми .

Этою довольно приторною фразою заключилась бесѣда папа и мы распрощались съ нимъ .

Глазные больные наши почти всеѣмъ поправились ; но накануне еще офальмія зацѣпила и тучнаго Мидыси . Позвали Ренучи ; но оказалось , что больной уже самъ началъ свое леченіе , не дожидаясь итальянскаго хекимъ-баши . Этотъ сынъ Арменіи изволилъ ногтемъ большого пальца открыть себѣ кровь , ковырнувъ довольно ловко свою лобную вену .

Больнымъ нашимъ предстоятъ еще одинъ лишній день въ Спассѣ . 21-го числа мы не могли выйти въ походъ по случаю страшной мятели и провели весь день дома . А пора было проститься съ семью осенними мухами , съ несноснымъ лаемъ безчисленныхъ собакъ , терзавшихъ слухъ нашъ по вечерамъ , съ неспособными визитами , прививаемыми и отдаваемыми , съ учтивостями , любезностями властей и христіанскихъ жителей и наконецъ съ довольно значительнымъ холодомъ .

Уже мы располагались провести послѣднюю ночь нашу въ Сивасѣ , какъ прибѣжалъ посланный отъ дефтердара , директора счетовъ дѣлъ , и привезъ отъ него Е. И.—чу комплименты съ приложеніемъ блюда маслинъ и начиненныхъ миндалемъ винныхъ ягодъ .

Мы сдѣлали честь этому угощенію и завернулись въ свои отѣла .

ГЛАВА VII

Въ походъ, въ походъ! Мятель. Глубокій снѣгъ. д. Сефикъ д. Улашъ. Потасовки. Рензчи приглашается на консультацию. Братъ медика сивасскаго. Холодъ. Деликѣй-ташъ. Картина нашей кочевки. Глубочайшій снѣгъ. Сойтаръ-Баши. Кангалъ. Встрѣча каравановъ. Аладжа-ханъ. Гористая дорога. Хасанъ-Челеби. Хекимъ-ханъ. Григорій Абрамовичъ и его пророческій сонъ. Татаръ. Неутѣшительныя свѣденія о предстоящемъ пути.

Мятель не унималась, хотя и потеряла нѣсколько силы своей; но откладывая выступленія нашего въ дальнѣйшій путь намъ не пришлось болѣе, и 24-го числа осѣлали мы походныхъ коней своихъ.

За эти тринадцать дней, проведенныхъ нами въ Сивасъ, снѣгу еще поприбавилось въ полъ, и ненашутку.

Когда-то дозволено мнѣ будетъ вывести читателя изъ этихъ вѣчныхъ снѣговъ, накопляющихся съ такимъ упорствомъ подъ перомъ моимъ? Что дѣлать! до Малатіи не такъ-то близко, и еще нѣсколько переходовъ придется мнѣ угощать его повтореніями и этими однообразными картинками зимы и зимнихъ переходовъ. Но, въ Малатіи мы отдохнемъ отъ вихъ, и пока оттолкъ доберемся до Месопотаміи, снѣгъ только по временамъ будетъ попадаться на пути нашемъ; а затѣмъ и совершенно растаетъ и уступитъ мѣсто всѣмъ обаяніямъ роскошной малоазійской весны.

Намъ въ этотъ день предстоялъ большой переходъ верстъ въ пятьдесятъ до д. Улашъ; такъ по крайней мѣрѣ рѣшено было сонномъ погонщикомъ нашего каравана. Но капитанъ баши-бозуковъ изъ баши Дели-Келле (удалая голова) Мустафа, родомъ черкесь, котораго Аббасъ-наша далъ намъ, съ четырьмя людьми, въ провожатые, объявилъ, что этого перехода, въ зимнее время, никто не можетъ одолѣть, и совѣтовалъ остановиться для ночлега въ д. Сефикъ, какихъ-нибудь въ верстахъ двадцати отъ Сиваса. Мы его послушались и хорошо сдѣлали. Переходъ былъ чрезвычайно трудный и неприятный.

Перейдя черезъ старинный каменный мостъ о восемнадцати аркахъ, длиною въ шестьдесятъ сажень, а шириною въ двѣ съ половиною, мы вступили на снѣжную равнину, на которой сначала было показался маленькій снѣжокъ, но ненадолго, и мы пошли цѣли-

комъ по глубокому снѣгу посреди бѣшеной мятелицы и густого тумана.

И какъ подумаю , что все это давно, давно миновало ; что я набрасываю воспоминанія мои объ этихъ тяжелыхъ минутахъ моей жизни, сидя въ уютномъ кабинетѣ, посреди всѣхъ удобствъ и приволій родного города, подъ одною кровлею съ моими близкими...

Да , жутковато было. Тайтъ нечего. Но то ли еще впереди!

И такъ мы шли-нешли отъ Сиваса , прокладывая себѣ дорогу наудачу, потомучто все сливалось передъ нами въ одну сплошную массу снѣга, утопавшую во мглѣ. И вотъ на вершинѣ одного крутого и высокаго подъема проводники наши остановили караванъ, объявляя, что потеряли дорогу и всякую возможность направляться посреди предметовъ , занесенныхъ и ступежавшихся снѣжною вьюгою. Минутъ пять вертѣлись мы на одномъ мѣстѣ, припадая къ снѣгу по разнымъ направленіямъ , чтобъ отыскать на немъ какой-нибудь слѣдъ... Напрасно! Что дѣлать , не назадъ же было идти! Да и уцѣлѣла ли еще , подъ завихрой, стезя , только-что проложенная нами ?

Но въ то время, какъ мы недоумѣвали, что предпринять, вдругъ передъ нами очутилось новое лицо, какъ-будто выросло изъ земли. Это милое созданіе , съ заиндѣвѣвшими бровями и бородою и закутанное въ бурый турецкій плащъ, взялось вывести насъ на дорогу. Какъ послѣ этого не вѣрить въ существованіе добрыхъ гениевъ, выручающихъ изъ бѣды заблудшагося путника, также точно какъ и въ существованіе злыхъ кикиморъ, обходящихъ его дорогу ?

Караванъ тронулся, и безъ дальнѣйшихъ остановокъ, безъ малѣйшихъ препятствій и бѣдствованій, добрелъ подобру-поздорову до ночлега нашего около часу пополудни.

Квартира намъ была отведена сравнительно отличная, опрятная, теплая и свѣтлая ; что и требовалось доказать! Мы вздохнули.

Деревня *Сефикъ*, состоящая всего изъ тридцати мусульманскихъ домовъ, едва выглядывала на свѣтъ божіи изъ-подъ тяжелой перины снѣжныхъ сугробовъ, и сонными и спящими отъ мороза глазами смотрѣла на пришельцевъ. Караванъ размѣстился кое-какъ; скотъ, разумѣется, гдѣ остановился, тамъ и остался чавкать кормъ свой и фыркать и сопѣть, побрякивая отъ времени до времени бубенчиками; люди, повозившись около нихъ и около мерзлыхъ вьюковъ, юркнули въ дымившіяся хаты. Все стихло, только не унимались мять да Ставри-Байко, не знавшій ни покоя, ни усталости. Еще съ красивыми отъ офталміи глазами, повязанными платкомъ съ примочкою, юлилъ онъ около животныхъ, чтобъ посмотреть,

нѣтъ ли между ними зарѣзанной лошади или мула; около выюковъ — чтобы отыгть какую-нибудь посудину или другую нужную вещь; около жителей — чтобы добыть яицъ, молока, хлѣба, живности; около этопленнаго имъ очага, — чтобы приготовить обѣдъ намъ; наконецъ около насъ — чтобы исполнять всѣ наши желанія...

— Ставри! крикнеть ему бывало Е. И.

— Oui, m'sieur! зазвенитъ косою макалонецъ издали, и летитъ стремглавъ, спотыкаясь о наваленные выюки, тамъ о бревно, здѣсь о порогъ... и почти всегда задѣнетъ за что-нибудь приближаясь; и приподымая фуражку, никогда бывало не забудетъ сказать: mille excuses, m'sieur.

— Vous n'avez pas trouvé du pain frais, Stavri? спрашиваетъ его командиръ.

— Zé vous démande pardone, m'sieur. Z'ennai trouvé d'excellane.

— Qu'est-ce que vous nous donnerez à manger ce soir?

— Zé une poitraille de moutone, des poulets; zé fais la soupe au kufte⁽¹⁾, une sislik⁽²⁾ et une pilaf...⁽³⁾ Si m'sieur désire enncor quelque sose?..

— Faites une sauce, si vous voulez.

— None, zé dis-quelque autre sose...

— Ah oui, quelque autre chose! Je comprends...

И такъ далѣе. И все шло какъ по маслу.

Едва забрежжилъ свѣтъ, народъ нашъ сталъ выползать каждый изъ своего ночного пріюта, и работа закипѣла. Снова стучать походныя кровати наши, складывавсь въ чохлы, снова вещи и провизія летятъ въ чемоданы и сундуки; а эти, въ свою очередь, уходятъ въ разверстную пасть кожаныхъ хурджиновъ⁽⁴⁾, по которымъ шаркаютъ толстыя веревка и прыгаетъ Лофъ, обнюхивая ихъ, съ приличнымъ вѣрной собакѣ усердіемъ; снова погонщики притягиваютъ къ тюкамъ и сундукамъ выючныхъ лошадей, дожовывающихъ свою порцію; и около нихъ переваливается тяжелый Мгдысі, дымя свою коротенькую трубку, пажи сѣлаютъ коней нашихъ, Ставри ворхаетъ съ одного конца сцены на другой. Мы допиваемъ чай. Последняя посуда убирается, послѣдній выюкъ громоздится, и уже подтянуть; напуганная понюшка отправляется въ востъ, дорожныя трубки закурены. «На коней, господа!» И снова караванъ на дорогу.

(1) Кюте — клецки.

(2) Шишлыкъ — мясо, жареное на вертелѣ.

(3) Разварное пшено въ маслѣ.

(4) Большая турецкія сумки.

Первые полтора часа этого перехода — поцѣрять ли мнѣ? — были еще несноснѣе вчерашнихъ. Но затѣмъ погода разъяснилась и уже до самаго Улаша не переставала улыбаться намъ; но какъ только, черезъ другіе три часа пути, вошли мы въ отведеннiю намъ квартиру, какъ она опять нахмурилась и облака заклумблись надъ нами, и очень некстати, потому что назавтра предстояло намъ взбираться, по рассказамъ, на самую высокую гору нашего маршрута отъ Чернаго моря до Месопотаміи. Снѣгу-то, снѣгу, говорятъ! Страшно.

Въ Улашѣ свутникъ нашъ докторъ Ренучи сдѣлалъ двѣ операціи: впервыхъ, разрѣзалъ нарывъ на пальцѣ моего Петра, который, по милости одного своего пальца, не могъ служить мнѣ продолженіе двухъ недѣль, и во-вторыхъ пустилъ своему погонщику кровь... изъ носу кулакомъ. У нихъ вышло какое-то недоразумѣніе насчетъ денегъ; погонщикъ сталъ шумѣть, ну, а докторъ не выдержалъ — и въ носъ его. Роковой день! Кровавая станція! Одновременно съ этою кулачною операціею, кровь лилась въ другомъ концѣ нашего стана: македонскій герой *на всѣ руки* работалъ надъ физиономіей юнаго Джіованни, одного изъ слугъ; поставивъ ему два добрые фонаря и выпачкавъ все лицо кровью, уже не знаю изъ какой части Джіованниевой головы пролитою, онъ отправился къ Е. И.—чу съ объясненіемъ дѣла, въ то самое время, какъ докторъ уже рассказывалъ ему о своихъ подвигахъ.

Не успѣлъ еще остыть гнѣвъ расходившагося итальянца, какъ какой-то чудакъ въ турецкой одеждѣ подалъ ему клочекъ испанской бумаги и заговорилъ съ нимъ на родномъ его языкѣ. Это было приглашеніе отъ соотечественника его, медика сивасскаго наши, ѣхать съ его братомъ, подателемъ записки, навѣстить одного труднаго больного, а именно начальника деревни Кангалъ, къ которой послѣзавтра лежалъ нашъ путь. Доктора просили ѣхать немедленно и скоро, обѣщая приличную плату отъ больного.

Какъ тутъ быть? Неужели бросить своихъ злобастыхъ ламъ на наши руки и самому тащиться одинацать часовъ по страшнымъ дорогамъ на неизвѣстное? Первое неудобство конечно не очень бы важно было въ глазахъ этого попечительнаго мужа и отца: онъ почти на каждомъ переходѣ оставлялъ харемъ свой плестись за нашимъ караваномъ, чтобъ занимать насъ своею бесѣдою; но что получить онъ за трудъ? Вотъ вопросъ, занимавшій его преимущественно. За совѣтами онъ бросился разумѣется къ намъ, а за свѣденіями о личности мудира, къ нашимъ конвойнымъ. Онъ было уже и согласился съ нашимъ мнѣніемъ, что человѣколюбіе предписываетъ ему ѣхать, и уже велѣлъ было осѣдлать коня; когда же Му-

стафа объявить ему, что болѣе какихъ-нибудь пятидесяти пиастрвтъ или трехъ рублей серебромъ, онъ не долженъ надѣяться получить отъ большого повелителя Кангала, докторъ нашолъ, что долгъ заботиться о семействѣ своемъ гораздо священнѣе всѣхъ прочихъ обязанностей... И братъ сивасскаго медыка отпраздился въ Кангалъ одинъ показывать надъ турецкимвъ сановникомъ искусство свое лечить безъ пособія медицины, съ которою онъ былъ знакомъ только по имени. Но онъ былъ братъ хекимъ-баши! Не доумлю ли этого для снѣжкостивя турка?

И болѣно было, и смѣшно слушать всю эту исторію.

25 февраля, пройдя вдоль Дегирменъ-сую (мельничная рѣка), мы благополучно перебрались черезъ грозный перевалъ Деликли-ташъ (дырявый камень) (1), на которомъ нашли грязную маленькую деревушку съ общимъ названіемъ Дербендъ (застава). Круто было и смѣшно; но погода, при 12° холоду, стояла превосходная, и мы безъ большихъ трудовъ и непріятностей миновали его, сдѣлавъ на полпути небольшой привалъ. Недаромъ говоритъ пословица: не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, — и въ самомъ дѣлѣ, переходъ, пугавшій наше воображеніе издали, на дѣлѣ оказался легче многихъ и сопровождается былъ даже неожиданнымъ развлеченіемъ.

Военные начальники въ Турціи имѣютъ при собѣ походныхъ шутовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ сойтаровъ, которыхъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы веселостью своею, болтовнею, пѣснями, кривляньями и всякаго рода дурачествами забавлять отрядъ, сокращать для него время тяжкихъ переходовъ и поддерживать въ немъ бодрость и хорошее расположеніе духа. Шутъ обыкновенно одѣтъ въ разныя лохмотья и имѣетъ на головѣ какую-нибудь дурацкую остроконечную шапку съ бубенчиками, бусами, съ чекалимъ хвостомъ и тому подобными атрибутами и ѣдетъ впереди отряда. Рядомъ съ нимъ шествуетъ конный литавщикъ, состоящій у него въ распоряженіи и надъ которымъ онъ иногда выдѣлываетъ потѣшныя штуки.

Бывшій съ нами весельчакъ Аджемъ-оглу (персіанецъ) былъ башъ-сойтартъ или главный шутъ Аббаса-пашы.

Чего только онъ не выдѣлывалъ для нашей потѣхи, самымъ со-вѣстливымъ образомъ разыгрывая свою обычную роль!

(1) Пужулъ въ своемъ путешествіи по Малой Азіи, называетъ эту вершину *Дерекли-ташъ*. Но столбъ потурочки не дерекъ, а дырекъ; и въ такомъ случаѣ это бы было не *каменный столбъ*, какъ онъ перевелъ это названіе, а *столбовой камень*. Впрочемъ я сомнѣваюсь, чтобы ухо мое, привыкшее къ турецкому языку, могло обмануть меня. Да и на извѣстныхъ картахъ написано *Деликли-ташъ*.

То декламировалъ онъ, то пѣлъ трогательнымъ голосомъ персидскіе стихи, зажимивъ глаза и забрасывая назадъ голову, съ которой то и дѣло, какъ будто сама собою, сваливалась треуголка его изъ чекалей шкуры шерстью внаружу, и съ хвостомъ того же животного, торчавшимъ въ видѣ султана; и онъ, не останавливая лошади и переваливаясь на сѣдлѣ, съ комическими ужимками подымалъ ее, и вмѣстѣ съ прилипшимъ къ ней снѣгомъ, нахлобучивалъ опять себѣ на носъ; то онъ коверкался и хлопалъ по головѣ своего терригора литавричка; то вдругъ растянется на снѣгу, вмѣстѣ съ своею лошадейю, приученною къ этому дѣлу, и оба лежать какъ бездыханныя трупы; то барахтается съ нею въ снѣгу, ложится полъ нее, и умная лошаденка не шелохнется, чтобъ не причинить движеніями боли своему хозяину; то, по командѣ его, она примется ползати, растопыривъ всѣ четыре ноги. Однимъ словомъ походный дивертисментъ этотъ снѣжилъ и забавлялъ насъ самымъ удачнымъ образомъ. Не думаю, чтобы самъ Ираклитъ удержался отъ хохоту при видѣ всѣхъ дурачествъ неутомимаго сойтара, одлѣннаго сверхъ того прекомическою наруганностью.

По поэтической натурѣ своей и по огромному носу, онъ былъ настоящій Овидій Назонъ. А въ шутовствѣ персіяне не уступятъ лучшимъ Клоунамъ, если не превосходятъ ихъ. Это былъ вмѣстѣ и люстикъ, и пульчинелью, и клоунъ, и рансодъ.

Чтò всего болѣе смѣшило меня въ Ажемъ-оглу, это нѣжныя любовныя стихи, выметавшіе изъ огромнаго, зубастаго рта этого носатаго чучелы, и чувство, волновавшее гнусливый голосъ, которыми они были произносимы. Серебристыя дѣны, благовоныя локоны, каралловыя уста, глаза газели, дугообразныя брови красавицъ, растерзанныя сердца и жареныя печенки влюбленныхъ, — какъ разноцвѣтные бураки трещали и лопались въ воздухъ, и вдругъ въ данную минуту, граветь дробь чугунныхъ котелковъ литавричка... Унылыя тоны, крутымъ поворотомъ, обращаются въ allegro и мѣвшее тѣло сойтара запрыгаетъ на сѣдлѣ въ калансъ веселому ритму; локти поднимаются выше головы и мохнатая шанка опять на снѣгу.

Приведу здѣсь только одну турецкую оду извѣстнаго поэта Баки, замѣчательную нѣкоторою оригинальностью и пропѣтую сойтаромъ съ особеннымъ чувствомъ:

«Отъ пламени любви, зажжоннаго тобою, въ сердцаѣ моемъ разлаются вздохи и стенанія.

«Вздохи тѣ образуютъ паръ, паръ образуетъ облако, облако молниеносное.

«Жжотъ ли огонь раны моего сердца, нанесенныя ему красотою твоего стана, —

«Огонь тотъ обращается въ свѣтило, свѣтило въ солнце, солнце лучезарное.

«Льются ли слезы изъ очей моихъ по тебѣ, о жемчужина несравненная! —

«Слезы мои обращаются въ потокъ, потокъ въ море, въ море, полное царскаго жемчуга.

«Пронесутся ли по горамъ, подобно вихрю, вздохи мои по твоимъ локонамъ, —

«И горы обращаются въ поляны, поляны въ саль, садъ устланый нарциссами.

«Встрѣтитъ ли взоръ Баки почку розана, —

«И почки обращаются въ листья, листья въ колючее терніе, въ терніе кинжаламъ подобное».

Признаюсь, сожалѣлъ я отъ души, когда, по приближеніи нашемъ къ Кангалу, и Дели-Келле и Аджемъ-оглу и чугуныя котелки, получивъ свою подачку, и повернувъ лошадей, ударились въ обратный путь и оставили намъ отъ себя только одни веселыя воспоминанія.

Право, посмѣяться иногда отъ души — здорово. Бываютъ минуты въ жизни нашей, когда за подобное побужденіе отдалъ бы послѣднюю копѣйку, тамъ — чтобы возвратитъ потерянный аппетитъ или сонъ, здѣсь — чтобы заставить желудокъ исполнять свои обязанности, оживитъ унывшую душу, расшевелитъ отяжелѣвшее тѣло, одереветѣлыя мускулы.

А на повѣрку вышло, что мы еще дурной-то дороги не видали; по крайней мѣрѣ переходъ отъ Деликли-таша до *Камала* иревосходилъ, въ этомъ отношеніи, все что намъ до тѣхъ поръ случилось испытать.

Деликли-ташскій мудиръ далъ намъ до Аладжѣ-хана въ проводники сына своего, красиваго молодого щеголя съ длинными волосами и кокетливыми приемами.

Когда мы вышли изъ Дербенда, туманъ былъ такъ густъ, что въ пяти-шести шагахъ ничего нельзя было различить; но вскорѣ поднялся вѣтерокъ, и мы передъ собою увидѣли узенькую тропочку, пробравшуюся въ глубочайшемъ снѣгу, въ которой лошади наши, поминутно соскальзывавшія въ сторону, буквально ухвали, вмѣстѣ съ сѣломъ; такъ что когда, минутъ черезъ двадцать по выступленіи нашемъ, пришлось объѣзжать намъ встрѣчный караванъ верблюдовъ, протянувшійся версты на полторы, — сѣдла я всѣ выюки наши свернулись въ снѣгъ; и мы томительно барахтались въ

немъ, какъ это было съ нами, когда мы подходили къ Сивасу. Какъ мы справились, какъ дотянулись до свободнаго мѣста, не помню; бредя выше пояса въ снѣгу, мы запыхались, вспотѣли, измучились, выбились изъ силъ. Но тутъ опять новыя встрѣчи, посреди не разрѣжавшагося тумана, повылъ барахтанья въ снѣгу; лошади съ трудомъ устанавливали ноги на узенькой стезѣ и качались съ боку на бокъ, какъ пьяныя, такъ что почти нельзя было держаться на сѣдлѣ. Мы опередили однакожъ караванъ свой, поровнявшись съ Казыклы-су, и истерзанные шести-часовымъ ужаснымъ переходомъ, да остановками при встрѣчахъ, стоимыми намъ другихъ, четырехъ часовъ, доплелись до *Кангала* около двухъ часовъ пополудни, и расположились въ очень хорошемъ постояломъ домѣ. Деревня небольшая; въ ней нашли мы пятнадцать армянскихъ и двѣнадцать мусульманскихъ домовъ, хорошую каменную церковь и мечеть.

Но напрасно ждали мы каравана; проходилъ часъ за часомъ, а его не было видно. И съ нимъ еще запропастились опять и горемычныя итальянки. Вотъ уже и шестой часъ вечера, а каравана нѣтъ какъ нѣтъ. Бѣдовое дѣло!

Но вотъ въ туманѣ, надъ дорогой, заходили блѣдныя точки, черныя все болѣе и болѣе. Слава Богу, караванъ идетъ! И все успокоилось. Ренучи посѣтилъ больного мудира⁽¹⁾, но братъ сивасскаго врача уснорилъ развязку и уже Азраилъ протягивалъ руки свои, чтобы отвести новую правотѣрную душу къ гуріямъ пророка.

Переходъ слѣдующаго дня, отъ Кангала до Аладжа-Хана, былъ нѣсколько лучше предыдущаго, но совершенно въ томъ же родѣ. Погода была нехолодная; туманъ разсѣялся только съ половины перехода, когда мы мѣновали Иылаплы-Дагъ (эмѣишную гору) и не смотря на волнистую мѣстность, по которой пролегла дорога наша, окруженная пирамидальными высотами, мы почти вовсе не чувствовали усталости, когда слѣзли съ коней на новомъ ночлегѣ. Зато мусульманскій домъ, отведенный намъ; былъ просто ужасенъ отъ грязи, пыли и мрака, въ немъ царствовавшихъ. Недаромъ конакчи или квартиргеръ, привелъ насъ въ Кангалъ въ домъ армянскаго семейства, сказалъ намъ: «я васъ нарочно привелъ въ домъ къ христіанину: христіане умѣе мусульманъ, ничего неумѣющихъ хорошо дѣлать». Положимъ онъ говорилъ это изъ лести и въ надеждѣ получить за таковой отзывъ двойной бахшишъ, но что въ словахъ этихъ не было ошибки, въ этомъ мы убѣждались ежедневно.

Деревня *Аладжа-Ханъ* состоитъ изъ тридцати дворовъ и полу-

(1) Правитель.

чила свое названіе *полосатно-каравансарая* отъ мечети, выкрашенной широкими полосами, красныя съ бѣлыми.

Мудиръ этихъ бѣдныхъ деревень исполняютъ должность старосты и начальника конныхъ объѣздчиковъ внутренней стражи.

Но у Мгдыси опять разболѣлись глаза и вся прислуга наша была до того замучена послѣднимъ походомъ, продолженіе десяти съ половиною часовъ, по самой убійственной дорогѣ, что надо было подумать объ отдыхѣ и уже хотѣла было остановиться здѣсь на сутки; но потомъ раздумали по нѣкоторымъ соображеніямъ, въ числѣ которыхъ непоследнее мѣсто занимало желаніе поскорѣе добраться до лучшей стоянки.

28-го февраля шли мы по чрезвычайно гористой и трудной дорогѣ, по узенькой снѣжной тропинкѣ, при сильномъ вѣтрѣ, кричавшемъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ мы подвигались. Черныя тучи замѣтно густѣли на вершинахъ ближайшихъ возвышенностей и въ томъ числѣ на круглой горѣ Султанья-окъ-атыгы-тепеси, — сонѣ, на которой *султанъ стрѣлялъ изъ лука*, и другія дальнѣйшія высоты Керкесъ-Дагъ, Янухъ-Аглынь-Дагъ, Кыныхъ-Дереси, и Кёсюлю-Дагъ.

Солнце играло съ нами въ тютю: то выглянетъ изъ-за кружившихся около него тучъ, то опять за ними спрячется, и бурунъ накидывался на насъ тогда съ новою силою, засыпая снѣгомъ и караванъ нашъ, и тропинку, по которой мы плелись ощупью, и всю окрестность. Такъ шли мы почти пять часовъ, но тутъ, когда уже до станціи оставалось не болѣе двѣнадцати верстъ, туманъ сверотилъ съ дороги, тучи передъ нами разступились, открылось небо, вѣтеръ стихла, снѣгу на дорогѣ поубавилось, и изъ-за безпрерывныхъ поворотовъ, спусковъ, подъемовъ, выдвигались передъ нами все новыя и новыя декорацин горъ, которыхъ сѣверные склоны покрыты были толстымъ слоемъ снѣга, а южные были сухи какъ лѣтомъ и своею чернотой успокоивали глаза наши, раздраженные отъ постоянного блеска снѣговъ...

Хасанъ-Челеби, въ которой мы сошли съ лошадей, большая хорошая деревня, изъ семидесяти домовъ, очень живописно расположенная на обоихъ берегахъ горнаго ручья и обставленная кругомъ высокими горами, въ то время сплошь покрытыми снѣгомъ. А ужъ что за квартира намъ была отведена, такъ хотъ бы вѣкъ вѣковать въ ней! Просторная, опрятная, веселая, снабженная коврами и разными другими удобствами, она показалась намъ лучшею изъ всѣхъ посѣщенныхъ нами.

Но ужъ весна снѣжитъ къ намъ навстрѣчу, уже вливаемъ мы ея бальзамическое дыханіе, и скоро-скоро она приметъ насъ въ

свои горячія объятія! Какъ пріятно будетъ отвязаться наконецъ отъ этихъ мятелей и тумановъ, вынырнуть изъ этого океана снѣговъ! Но думали ли мы тогда, что встанетъ время, когда мы будемъ вдыхать по нимъ, и какъ еще! Тогда же мы только и думали о томъ, качаясь на сѣдлахъ и понуриявъ голову, какъ бы дожить поскорѣе до теплаго солнышка, до зелени, до цвѣтовъ! Но, какъ я только что сказалъ, все это приближалось къ намъ форсированнымъ маршемъ... И мы оживали къ надеждѣ.

1-го марта двинулись мы отъ Хасанъ-Челеби къ Хекимъ-Хану, отстоящему отъ послѣдняго ночлега нашего верстъ всего на двадцать на пять.

При самомъ выступленіи нашемъ мы переправились вбродъ чрезъ горный потокъ Улу-чай, или Улу-дерѣ, большую рѣку, не оставляющую насъ почти во весь переходъ, что доставило намъ случай переправиться черезъ нее еще разъ десять въ этотъ день. Дорога наша шла по скаламъ, виляя, волнуясь и изворачиваясь помывутно и открывая передъ нами все новые и новые виды, одни живописнѣе другихъ, одни другихъ величественнѣе и привлекательнѣе.

Но всѣ эти картины являлись глазамъ нашимъ сквозь частую сѣтку мокраго снѣга, падавшаго хлопьями, и въ промежуткахъ черныхъ тучъ, гулявшихъ въ уровень съ нами по скатамъ горъ, по темнымъ ущельямъ и пропитывавшимъ воздухъ непріятною сыростью. Не досадно ли право? То-то бы праздникъ былъ намъ, еслибъ погода была яснѣе!

Оставивъ направо высокій Ардаванъ-Дагъ, налѣво — развалины каравансарая Султанъ Мурада, Сааръ-Кай, Баллы-Кай, Гѣкча-Кай, Гебе-Деликъ, Кюзунъ-гутъ-Карлы-Дагъ, мы изъ ущелья Каракысыкъ подошли къ самому селенію Хекимъ-хану, премило расположенному въ живописной ложбинѣ, посреди множества садовъ и высокихъ горъ, не такъ однакоже близко подступившихъ къ нему, какъ то было въ Хасанъ-Челеби. Здѣсь, сказали намъ, очень много прекрасныхъ фруктовъ, и горы покрываются цвѣтами.

Квартира наша и тутъ не хуже послѣдней, если не лучше, и такъ просторна, что мы помѣстились въ ней со всѣми нашими людьми.

Когда мы вошли въ комнату, назначенную собственно для насъ, къ Е. И — чу подошелъ какой-то старикъ въ зеленомъ бивншѣ, въ бѣлой чалмѣ, съ четками въ рукахъ. Лицо его было блѣдно, безстрастно, съ небольшою сѣдинькой бородкой. Нижнее зѣтерѣ его было перепоясано бѣлымъ муслиновымъ кушакомъ; на груди висѣла на цѣпочкѣ большая агатовая бляха, покрытая надписью, ка-

торую я впоследствии прочелъ. То было известное арабское выражение шитскаго толка, встрѣчаемое часто на персидскихъ и индѣйскихъ сабляхъ и амулетахъ: *ля фета илля Али, ля сейфуиъ илля зильфekarъ*, т. е. нѣтъ юноши подобнаго Алию и нѣтъ меча, подобнаго зильфekarу (мечу Алиеву обоюдоострому).

— Сними саблю, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ довольно чвстымъ русскимъ нарѣчіемъ съ легкимъ татарскимъ акцентомъ и протянулъ къ моему шефу обѣ руки.

Мы всѣ выпучили на него глаза.

— Кто ты такой, старый человекъ? спросилъ его одинъ изъ насъ, пока старикъ помогалъ Е. И—чу снимать его дорожную амунацію. — Ужъ не русскій ли?

Но самоваръ уже шипѣлъ на складномъ столѣ нашемъ, потому что караванъ въ этотъ день опередилъ насъ, и мы разсѣлись около него, пригласивъ и бѣзую чалму занять возлѣ насъ мѣсто и готовясь выслушать его исторію.

— Меня зовутъ Григорьемъ Абрамовичемъ, а по нашему Мухаммедъ Ханомъ, началъ нашъ новый знакомецъ. Я сынъ покойнаго—Мухаммедъ-Джафаръ Кули хана Хойскаго, и вмѣстѣ съ двумя моими братьями былъ отправленъ генераломъ Ермоловымъ изъ Тифлиса въ Петербургъ. Высочайшій дворъ обласкалъ насъ и мы скоро сдѣлались фаворитами знатныхъ особъ. Въ 1827 г. я однакожъ уѣхалъ въ Персію; а братья мои Исмаиль-Ханъ и Мухаммедъ-Кули ханъ остались въ столицѣ; дослужились до генеральскаго чина и старшій имѣлъ Анну первой степени. Оба они впоследствии поселились въ Шеки, гдѣ Мухаммедъ-Кули и умеръ. Въ турецкую войну, я былъ въ рядахъ турецкихъ войскъ; потомъ, имѣя полкъ командою триста делябашей, я дрался противъ Мухаммедъ-Али—паши египетскаго и участвовалъ въ несчастномъ для турокъ низибскомъ дѣлѣ. Потомъ ходилъ въ Мекку, посѣтилъ Кудси-Шерифъ (Іерусалимъ), и возвратясь въ Анатолію поселился въ Хекимъ-Ханъ, гдѣ по любви женился на двѣнадцатилѣтней красоткѣ и живу здѣсь вотъ уже девятнадцать лѣтъ. Не я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю, добавилъ онъ, годы проведенные мною въ Петербургѣ и Тифлисѣ между русскими!..

Григорій Абрамычъ, перебирая четки, перечелъ мнѣ множество известныхъ именъ, говоря, что съ этими лицами онъ находился въ самыхъ близкихъ и лучшихъ отношеніяхъ.

Онъ говорилъ недурно порусски, но медленно, искалъ слова и выговаривалъ ихъ иногда презабавно. Не довѣряя однакожъ познаніямъ своимъ въ языкѣ этомъ, онъ просилъ меня перевести Е. И—чу слѣдующую фразу.

— Скажи полковнику, что я прошу Бога, чтобы онъ порадовалъ его столько же, сколько онъ меня порадовалъ своимъ прибытіемъ.

— Да, продолжалъ онъ обращаясь уже ко мнѣ, то потурецки, то поперсидски, а уже двадцать два года не говорилъ порусски. Я зналъ этотъ языкъ хорошо; вѣдь я тринадцать лѣтъ прожилъ въ Россіи, гдѣ меня иначе не называли какъ Григорьемъ Абрамычемъ. Но я имѣлъ предчувствіе съ самаго утра, что сегодня именно представится мнѣ подобный случай. Повѣрьте. И этииъ предчувствіемъ я обязанъ видѣнію, приснившемуся мнѣ этой ночью. Переведите пожалуйста его высокоблагородію.

Когда я изъявилъ Григорію Абрамычу готовность мою исполнить его желаніе, онъ погладивъ свою бороду, рассказалъ какой-то невѣроятнѣйшій сонъ, очевидно выдуманный имъ.

— Не правда ли, какой удивительный и пророческій сонъ? заговорилъ онъ опять на нашемъ языкѣ, обращаясь къ Е. И—чу.

Съ начала разсказа его я было развѣсилъ уши; но услышавъ заключеніе, смекнулъ, что у Григорья Абрамыча что-нибудь да на умѣ, и ожидалъ отъ него настоящаго истолкованія его пророческаго сна; и ожидалъ недолго. Вечеромъ, по возвращеніи нашемъ съ прогулки по селенію, гдѣ онъ служилъ намъ за чичероне, онъ наклонился къ моему уху:

— Душа моя, сказалъ онъ мнѣ поперсидски, не будешь ли такъ добръ, чтобъ объяснить г. полковнику мою крайнюю нужду? Въ прошломъ году хлѣбъ не уроился, и я затрудняюсь въ прокормленія семьи моей. Я бы очень былъ ему благодаренъ, еслибъ онъ мнѣ далъ денегъ на покунку кило (¹) пшеницы. Вѣдь это немного: всего 90 шастровъ.

Вотъ онъ, сонъ-то пророческій, подумалъ я. Знаю я тебя, персидская натура! Ловкіе господа, нечего сказать!

Я однакожъ передалъ просьбу его Е. И—чу, и Григорій Абрамычъ могъ поздравить себя съ авторскимъ успѣхомъ.

Въ числѣ замѣчательностей Хекимъ-хана, чамоносный чичероне нашъ указалъ намъ на развалины очень древняго каравансара, который, по словамъ его, былъ нѣкогда обнесенъ стѣною по волю знаменитаго Кепрюлю-Заде Мухаммедъ наши для обороны въ случаѣ нападенія бепкокойявихъ курдовъ.

Затѣмъ онъ повелъ насъ въ армянскій кварталъ, состоявшій домовъ изъ двадцати, и показавъ на самый бѣднѣйшій изъ нихъ, объявилъ, что это церковь. Мы пожелали войти въ нее. Побѣждали

(¹) Кило содержитъ въ себѣ отъ 54 до 66 фунтовъ вѣсу.

за священникомъ, жившимъ тутъ же рядомъ. Священникъ въ то время спалъ. Старика растолкали; онъ вскочилъ и спросоуля выбѣжалъ изъ своей мазанки, въ ночномъ колпакѣ и въ туфляхъ своихъ на босу ногу; не понимая, что съ нимъ дѣлается и чего отъ него хотятъ, онъ тыкался въ стѣны домовъ и дико смотрѣлъ вокругъ себя, быть-можетъ принимая насъ за курдинскихъ хищниковъ, пришедшихъ за церковною утварью. Но когда онъ пришелъ въ себя и отворилъ намъ такъ называемую церковь, когда мы вошли нагнувшись въ ея низенькую дверь, и разглядѣли, при свѣтѣ двухъ-трехъ зажженныхъ для насъ свѣчурокъ, внутренность этой жалкой землянки, обращенной въ храмъ божій, я понялъ, что священнику нечего было бояться разбойниковъ, потому что въ церкви не было не только утвари, но почти ничего, напоминающаго храмъ божій, а что всего вѣрнѣе, онъ оторопѣлъ отъ стыда, что приходилось обнаруживать передъ русскими гостями такое крайне жалкое положеніе своего храма.

Впередъ уже въ мазанкѣ не было ни одного окна. При входѣ налѣво, камелекъ съ грудю остывшаго пепла; бревенчатая стѣна покосилась и закоптѣла, вмѣсто занавѣси какая-то почерпѣвшая тряпка; алтарь сложенъ изъ глины и даже не выдѣленъ; на немъ, въ ветхомъ и грязномъ платкѣ, евангеліе, и въ тѣни образъ Богоматери, одинъ выкупаншій своимъ присутствіемъ и даже не безвкусною живописью, страшную нищету, неоправданность и запущенность церкви. Передъ выходомъ изъ нея, мы замѣтили еще, по сторонамъ, два дырявые полотна, одно съ ликомъ Николая чудотворца, другое съ изображеніемъ Григорія просвятителя; но что это были за произведенія! Наконецъ посреди церкви стояли козлы, покрытые какою-то ветошью и на ней апостолъ; то былъ палой.

Пенюватая бѣдность! Но вѣрнѣе, невѣроятное пренебреженіе! Надъ дверьми обрушившихся крѣпостныхъ стѣнъ, видна надпись, въ которой я могъ прочесть имя Алаэддина.

Григорій Абрамовичъ объяснялъ, что въ окрестностяхъ есть много развалинъ церквей и замковъ, съ изображеніями; но что зимой къ нимъ добраться нельзя. Мы могли вѣрить и не вѣрить этимъ показаніямъ нашего новаго друга; но повѣрить ихъ намъ не представлялось никакой возможности; а такъ какъ онъ самъ не посѣщаль этихъ диковинокъ, а только по наслышкѣ зналъ о ихъ существованіи, и потому не могъ передать намъ о нихъ ни малѣйшихъ подробностей, то мы и перешли къ другимъ предметамъ разговора. Намъ всего болѣе забавляли его воспоминанія о Россіи. Онъ съ самодовольствіемъ повторялъ имена русскихъ друзей своихъ.

— Скажи полковнику, что я прошу Бога, чтобы онъ порадовалъ его столько же, сколько онъ меня порадовалъ своимъ прибытіемъ.

— Да, продолжалъ онъ обращаясь уже ко мнѣ, то поперидски, то поперсидски, а уже двадцать два года не говорилъ порусски. Я зналъ этотъ языкъ хорошо; вѣдь я тринадцать лѣтъ прожилъ въ Россіи, гдѣ меня иначе не называли какъ Григорьемъ Абрамычемъ. Но я имѣлъ предчувствіе съ самаго утра, что сегодня именно представится мнѣ подобный случай. Повѣрьте. И этииъ предчувствіемъ я обязанъ видѣнію, пріеннявшемуся мнѣ этой ночью. Переведите пожалуйста его высокоблагородію.

Когда я изъявилъ Григорію Абрамычу готовность мою исполнить его желаніе, онъ погладивъ свою бороду, разсказалъ какой-то мѣлчайшій сонъ, очевидно выдуманый имъ.

— Не правда ли, какой удивительный и пророческій сонъ? заговорилъ онъ опять на нашемъ языкѣ, обращаясь къ Е. И—чу.

Съ начала разсказа его я было развѣсилъ уши; но услышавъ заключеніе, смекнулъ, что у Григорья Абрамыча что-нибудь да паушь, и ожидалъ отъ него настоящаго истолкованія его пророческаго сна; и ожидалъ недолго. Вечеромъ, по возвращеніи нашемъ съ прогулки по селенію, гдѣ онъ служилъ намъ за чичероне, онъ наклонился къ моему уху:

— Душа моя, сказалъ онъ мнѣ поперидски, не будешь ли такъ добръ, чтобы объяснить г. полковнику мою крайнюю нужду? Въ прошломъ году хлѣбъ не уродился, и я затрудняюсь въ прокормленія семьи моей. Я бы очень былъ ему благодаренъ, еслибъ онъ мнѣ далъ денегъ на покунку кило (1) пшеницы. Вѣдь это немного: всего 90 піастровъ.

Вотъ онъ, сонъ-то пророческій, подумалъ я. Знаю я тебя, персидская натура! Ловкіе господа, нечего сказать!

Я однакожъ передалъ просьбу его Е. И—чу, и Григорій Абрамычъ могъ поздравить себя съ авторскимъ успѣхомъ.

Въ числѣ замѣчательностей Хекимъ-хана, чалмоносный чичероне нашъ указалъ намъ на развалины очень древняго каравансарага, который, по словамъ его, былъ нѣкогда обнесенъ стѣною по волю знаменитаго Кѣпрюлю-Заде Мухаммедъ паши для обороны въ случаѣ нападенія беспоконныхъ курдовъ.

Затѣмъ онъ повелъ насъ въ армянскій кварталъ, состоявшій домовъ изъ двадцати, и показавъ на самый бѣднѣйшій изъ нихъ, объявилъ, что это церковь. Мы пожелали войти въ нее. Побѣжали

(1) Кило содержитъ въ себѣ отъ 54 до 66 фунтовъ вѣсу.

за священникомъ, жившимъ тутъ же рядомъ. Священникъ въ то время спалъ. Старика растолкали; онъ вскочилъ и спросонья выбѣжалъ изъ своей мазанки, въ ночномъ колпакѣ и въ туфляхъ своихъ на босую ногу; не понимая, что съ нимъ дѣлается и чего отъ него хотятъ, онъ тыкался въ стѣны домовъ и дико смотрѣлъ вокругъ себя, быть-можетъ принимая насъ за курдинскихъ хищниковъ, пришедшихъ за церковною утварью. Но когда онъ пришолъ въ себя и отворилъ намъ такъ называемую церковь, когда мы вошли нагнувшись въ ея низенькую дверь, и разглядѣли, при свѣтѣ двухъ-трехъ зажженныхъ для насъ свѣчурокъ, внутренность этой жалкой землянки, обращенной въ храмъ божій, я понялъ, что священнику нечего было бояться разбойниковъ, потому что въ церкви не было не только утвари, но почти ничего, напоминающаго храмъ божій, а что всего вѣрнѣе, онъ оторопѣлъ отъ стыда, что приходилось обнаружить передъ русскими гостями такое крайне жалкое положеніе своего храма.

Вопервыхъ уже въ мазанкѣ не было ни одного окна. При входѣ нагѣво, камелекъ съ грудю остывшаго пепла; бревенчатая стѣна покосилась и закоптѣла, вмѣсто занавѣси какая-то почернѣвшая тряпка; алтарь сложенъ изъ глины и даже не выдѣленъ; на цемъ, въ ветхомъ и грязномъ платкѣ, евангеліе, и въ тѣни образъ Богоматери, одинъ выкупавшій своимъ присутствіемъ и даже не безвкусною живописью, страшную нищету, неопытность и запущенность церкви. Передъ выходомъ изъ нея, мы замѣтили еще, по сторонамъ, два дырявые полотна, одно съ ликомъ Николая чудотворца, другое съ изображеніемъ Григорія просвѣтителя; но что это были за произведенія! Наконецъ посреди церкви стояли козлы, покрытые какою-то ветошью и на ней апостолъ; то былъ палой.

Непонятная бѣдность! Но вѣрнѣе, невѣроятное пренебреженіе!

Надъ дверьми обрушившихся крѣпостныхъ стѣнъ, видна надпись, въ которой я могъ прочесть имя Алаэддина.

Григорій Абрамовичъ объяснялъ, что въ окрестностяхъ есть много разваливъ церквей и замковъ, съ изображеніями; но что зимой къ нимъ добраться нельзя. Мы могли вѣрить и не вѣрить этимъ показаніямъ нашего новаго друга; но повѣрить ихъ намъ не представлялось никакой возможности; а такъ какъ онъ самъ не посѣщалъ этихъ диковинокъ, а только по наслышкѣ зналъ о ихъ существованіи, и потому не могъ передать намъ о нихъ ни малѣйшихъ подробностей, то мы и перешли къ другимъ предметамъ разговора. Намъ всего болѣе забавляли его воспоминанія о Россіи. Онъ съ самодовольствіемъ повторялъ имена русскихъ друзей своихъ.

Но Е. И. не хотѣлъ бросать посреди дороги горемычное италя-
янское семейство; также не хотѣлъ онъ и миновать любопытныя
во многихъ отношеніяхъ мѣстности и дѣлать огромный крюкъ на
юго-западъ, къ окрестностямъ Мараша, совершенно въ сторонѣ
отъ прямого направленія. Маршрутъ поэтому измѣненъ не былъ, и
противисидъ съ прекраснымъ ночлегомъ и Григорьемъ Абрамычемъ,
съ его разсказами и пѣснями, и пожелавъ ему при этомъ новыхъ
пророческихъ сновидѣній въ родѣ послѣдняго, мы рѣшительно и
храбро двинулись на Малатію.

М. Г.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ «ДЕРЕВНЯ»

(Н. Н. —ской)

Вотъ и околица, вотъ мельница и прудъ
Весь въ красномъ пламени... А тамъ за нимъ пойдуть
Волной широкою колосья наливные!
При блескъ утреннемъ пурпурнаго луча
Сверкнули крестики за рощей золотые —
То ветхій сельскій храмъ. Колесами стуча,
Плотной старою поѣхала телѣга;
Здоровой свѣжестью повѣяло съ полей,
Гречихой, коноплей... Съ качнувшихся вѣтвей
Закапала роса. А утренняя вѣга
Очарованіемъ своимъ еще царить...
Безшестество листокъ въ огнѣ зари висить,
Какъ озолоченный...

Скорѣй, моя телѣга!

Бывало — помнишь ли? — подпершися рукой,
Съ несносной книгою сидишь. Передъ тобой
Изъ непонятныхъ буквъ, изъ-за тупой указки
Выходятъ странныя, причудливыя сказки...
Такъ душно въ комнатѣ, и скучно, и темно!
Сирень врывается въ раскрытое окно
И сыплются цвѣтки на столъ, благоухая;
И звонъ ко всенощной, и ржанье лошадей,
И крикъ, веселый крикъ несется, замирая,
Со скрипомъ колеса съ желтѣющихъ полей;
И въ небѣ голубомъ слѣдишь за лѣтомъ птицы,
И въ ветерпѣнни мнешь окраины страницы,
И тетку строгую ужъ слушаешь едва,
Какъ опьянѣлая кружится голова,

И хочется бѣжать въ оврагъ къ пруду и къ лодкѣ,
И плакать хочется подъ грозный голосъ тетки!..

Иль зимнимъ вечеромъ, — какъ снѣгомъ бьетъ въ стекло
Мать летучая, — при нагорѣвшей свѣчкѣ
На сундукъ большомъ, окованномъ, у печки
Въ тѣни угла сидишь уютно и тепло
И няню слушаешь. Узнавъ и гнетъ и горе,
Я понималъ уже, какъ пѣла мнѣ она,
Что мукой вѣчною какою-то полна
Ея душа... Поетъ бывало: «въ синемъ морѣ
Плыла лебедушка... Вдругъ соколъ налетѣлъ...»
И въ сердцѣ у меня послѣдній звукъ звенѣлъ —
И я рыдалъ, обидѣ припомнивъ рядъ несчетный,
И няню цѣловалъ съ любовью безотчетной...

О. ВЕРГЪ

УЧЕНІЕ СПИНОЗЫ О БОГѢ

(изъ исторіи философіи Куно Фишера) *)

I

Понятіе субстанціи, которое новая философія въ Декартѣ взяла за свою исходную точку, только у Спинозы было дѣйствительно утверждено, или, что тоже, было мыслимо безъ противорѣчія. На одномъ этомъ, повторяемъ, опирается значеніе Спинозы, и такъ какъ для насъ духъ его эпохи совершенно достаточно объясняетъ эту ясную, съ геометрической прочностью построенную систему, то мы не станемъ теряться въ темныхъ ученіяхъ кабалистики, съ которой нѣрѣдко ставили философію Спинозы въ непосредственную связь. Теософія и спинозизмъ суть понятія очень различныя, если только подъ теософію разумѣть не сущность философіи вообще, а нѣкоторый особенный ея характеръ.

Принципъ Спинозы есть понятіе о сущности вещей. Это не есть понятіе вещи, которое составляетъ себѣ человѣческой умъ, отвлекая его отъ вѣшняго явленія, но первоначальное понятіе, котораго бытіе лежитъ не внѣ его, но содержится въ немъ самомъ. Это первоначальное понятіе должно поэтому быть мыслимо, какъ первоначальная сущность или какъ *причина самого себя*. Но существо, не основанное на чемъ-нибудь внѣ себя, и потому не ограниченное внѣ, есть *совершенно безконечное* существо или *Богъ*, внѣ котораго ничего нѣтъ, и который поэтому необходимо составляетъ *единственное* существо. Это единное безграничное существо *свободно* отъ всякаго вѣшняго принужденія и *вѣствуетъ необходимо*, потому что лишено всякаго внутренняго произвола; оно *лишено самости*, потому что безгранично; оно *безсознательно*, потому что лишено са-

(*) Отрывокъ изъ перваго тома, котораго переводъ приготавливается къ печати. Куно Фишеръ указываетъ на это мѣсто, какъ на изложеніе взгляда, собственно ему принадлежащаго.

мости; оно не имѣетъ ни ума, ни воли, потомучто у него нѣтъ сознанія, и не опредѣляется никакими цѣлями, потомучто дѣятельность по цѣлямъ можетъ быть мыслима только при умѣ и волѣ. Поэтому Богъ объемлетъ собою всѣ вещи въ порядкѣ необходимомъ, но не цѣлесообразномъ, въ необходимости естественной, но не нравственной, и такъ какъ въ Богѣ сущность и явленіе, понятіе и существованіе составляютъ одно и тоже, то Богъ *есть* то, что содержится въ его понятіи: природа или естественный порядокъ вещей.

І. ПОНЯТІЕ БОГА

Я приостанавливаю изложеніе системы и ищу для ея понятія о Богѣ правильной точки зрѣнія, не для того, чтобы судить о немъ, но только для того, чтобы ясно и отчетливо рассмотреть его, чтобы оно не было смѣшиваемо ни съ подобными, ни съ противоположными явленіями и могло быть понято само по себѣ, въ его особенномъ положеніи. Нужно совершенно изгнать изъ ума ложныя точки зрѣнія, которыя извратили спинозизмъ и пріучили представлять его почти всегда въ ложномъ видѣ. Эти точки зрѣнія были или односторонни и такъ-сказать видѣли только профиль спинозистическаго понятія о Богѣ, или же они были ослѣплены предвзятыми, религиозными или философскими мнѣніями и не были въ состояніи видѣть чуждый предметъ безъ тумана.

Мы видѣли, какіе моменты заключаетъ въ себѣ спинозистическое понятіе о Богѣ, и какъ понятія повидимому противоположныя возводятся здѣсь къ математическому равенству. Богъ Спинозы есть равенство свободы и необходимости: онъ свободенъ, потому что онъ безграниченъ или безконеченъ, онъ необходимъ, потому что лишонъ самости или безличенъ. Ясно, что оба эти опредѣленія совершенно покрываютъ одно другое, что быть безграничнымъ значить тоже самое, что быть лишоннымъ самости, что въ умѣ Спинозы безконечное существо превышаетъ всякую границу, а слѣдовательно и границу личности.

Но что будетъ, если этого Бога поймутъ только съ одной стороны, если одному особенно ясна будетъ его *безличность*, а другому преимущественно его *безконечность*? Оба конечно будутъ судить о Богѣ Спинозы и вообще объ его ученіи односторонне и противоположно одинъ другому; истинный смыслъ этой философіи будетъ растолкованъ въ противоположномъ направленіи, и потому необходимо искажонъ и сдвинутъ съ надлежащаго своего мѣста. Въ знаменитомъ спорѣ, возникшемъ надъ гробомъ Лессинга относительно

ученія Спинозы, и составляющѣмъ интереснѣйшій документъ въ полемиической литературѣ новой философіи, роли были распределены по этимъ двумъ одностороннимъ точкамъ зрѣнія. Фридрихъ Гейнрихъ Якоби, хорошо знакомый съ спинозизмомъ и одаренный конгеніальною проницательностью для пониманія этой системы, всотвратимо держалъ свой взоръ на *безличности* спинозистическаго Бога и составилъ свое сужденіе подъ впечатлѣніемъ этого бездушнаго понятія. Моисей Мендельсонъ, благомыслящій популярный философъ, который умѣлъ искусно подвизаться только въ границахъ своей эпохи на публичныхъ площадяхъ просвѣщенія, держался за *безконечность* спинозистическаго Бога и объяснялъ систему сообразно съ своимъ умомъ, въ настоящемъ случаѣ пи конгеніальнымъ, ни достаточно свѣдущимъ для того, чтобы вѣрно судить о предметѣ, составлявшемъ предметъ разсужденій. И Гердеръ, раздѣлявшій въ своихъ метафизическихъ понятіяхъ направленіе Мендельсона, былъ не такой человекъ, чтобы могъ разрѣшить спорное дѣло и примирить противоположныя сужденія. Замѣчательный и роковой для исторіи спинозизма споръ, въ которомъ съ одной стороны самое рѣзкое сужденіе было обусловлено основательнѣйшимъ знаніемъ дѣла, между тѣмъ какъ съ другой стороны люди, защищавшіе спинозизмъ и желавшіе примирить его съ обыкновеннымъ сознаніемъ, въ сущности были мало съ нимъ знакомы! Вопросъ, къ которому наконецъ пришелъ этотъ споръ, былъ такого рода: что такое ученіе Спинозы — *атеизмъ* или *теизмъ*?

Спиноза отрицаетъ личность Бога, и слѣдовательно отрицаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствующаго и чувствуемаго Бога, который, какъ бы ни были различны представленія о немъ, составляетъ въ основѣ сущность всѣхъ религій. Личность и силы, которыя изъ нея слѣдуютъ, обуславливаютъ существенную особенность проявляющагося Бога; поэтому признаніе безличнаго Бога есть отрицаніе Бога вообще, и система Спинозы, оправдывающая такое признаніе, должна понести обвиненіе въ этомъ отрицаніи. Вмѣстѣ съ личностью она отрицаетъ Бога, вмѣстѣ съ волею отрицаетъ свободу. Понятіе Бога, лишоннаго самости, есть *атеизмъ*; понятіе необходимости, исключющей произволъ и нравственную дѣятельность, есть *фатализмъ*. Таковъ взглядъ, который Якоби составилъ о спинозизмѣ, основательно изучивши эту систему, и который былъ имъ изложенъ въ остроумныхъ тезисахъ, составляющихъ въ исторіи спинозизма эпоху возрожденія (*). Слова «атеизмъ» и «фатализмъ» въ

(* Jacobi, Ueber die Lehre des Spinoza in Briefen an Moses Mendelssohn, 1783, S. 118—137. (Объ ученіи Спинозы въ письмахъ къ Моисею Мендельсону).)

устахъ Якоби составляютъ не упреки, а *понятія*; меньше всего они должны быть принимаемы въ томъ ненавистномъ и неблагоклонномъ смыслѣ, въ которомъ принялъ ихъ противникъ Якоби въ этомъ спорѣ, и въ которомъ они слишкомъ часто были выставлены другими противъ спинозизма. (1) Якоби понимаетъ и съ удивленіемъ смотритъ на свѣтлую, чистую душу, которая могла найти свой покой въ мышленіи и свой рай въ умѣ, но въ этомъ раѣ онъ открываетъ только умъ, и это чисто-логическое небо, въ которомъ нѣтъ никакого мѣста для *невѣдомаго* Бога, онъ называетъ атеизмомъ. Понятый Богъ для него не есть Богъ свободный, и потому не есть дѣйствительный Богъ; философія, которая пониманіе считаетъ своимъ долгомъ и слѣдуетъ теченію доказательства до конца, не впадаетъ въ атеизмъ, какъ въ преступленіе, но подвергается ему, какъ своей судьбѣ. Въ смыслѣ Якоби, не Спиноза атеистъ, но атеистъ умъ вообще и та философія, которая предается одному только понятію. Не каждое ли доказательство есть постоянный выводъ, не каждый ли выводъ есть положеніе, обусловленное другимъ положеніемъ? Каждое положеніе, которое я доказалъ, есть обусловленное положеніе, и такъ какъ систематическое мышленіе образуетъ непрерывный ходъ доказыванія, то все, что я мыслю, обусловлено, и *одно только обусловленное мыслимо* или достижимо для логическаго доказательства. Поэтому умъ никогда не можетъ открыть безусловнаго или божественнаго, а можетъ только отрицать его; поэтому мыслимый или доказанный Богъ есть всегда отрицаемый Богъ, философія есть безъ исключенія атеизмъ и Спиноза величайшій примѣръ ея. При такомъ взглядѣ на философію, котораго основательность или неосновательность мы не будемъ пока изслѣдовать, хорошо понятно, какое впечатлѣніе должны были произвести Спиноза и его ученіе на душу Якоби, соединявшаго единственнымъ въ своемъ родѣ образомъ глубоко-мыслие съ глубиною чувства, интересъ знанія съ потребностью вѣры, ясное спокойствіе мышленія съ диамрамбическимъ порывомъ духа. Философія была для него *сродною* противоположною; Спинозу онъ считалъ за чистѣйшій образецъ ея; онъ понималъ тайныя жизненныя біенія этой системы и видѣлъ въ ней совѣтъ не то явленіе, какое видѣлъ его другъ Гаманнъ, для котораго спинозизмъ былъ не сродною, а *вполнѣ чуждою* противоположною, и который съ инстинктивнымъ отвращеніемъ отступилъ отъ ске-

(1) Moses Mendelssohn, Brief an die Freunde Lessings. II B., Sämml. Werk. (Письмо къ друзьямъ Лессинга).

лета геометрическаго правоучителя» (1). Якоби знаетъ, что нѣтъ ничего выше, какъ стремленіе къ истинѣ, но онъ убѣждаетъ себя, что это стремленіе заблуждается, какъ скоро дѣйствуетъ однимъ умомъ и избираетъ путь чистаго доказыванія; въ атеизмѣ онъ видитъ неизбежную судьбу философіи, а въ Спинозѣ философа, который исполнилъ эту судьбу и перенесъ ее съ спокойствіемъ и самоотверженіемъ героическаго духа.

Всякое человѣческое умозрѣніе — *атеистично*: такъ судилъ въ то время Якоби. Всякое человѣческое умозрѣніе *теологично*: такъ въ наше время судить Фейербахъ. Всякое пониманіе, по Якоби, есть обусловливаніе, и потому отрицаніе безусловнаго: мышленіе для него есть урожденный атеизмъ. Всякое пониманіе, по Фейербаху, есть обобщеніе и потому отрицаніе индивидуальнаго и естественнаго; мышленіе для него есть урожденный теологъ. Только понимать *Бога* значитъ отрицать его, утверждаетъ одинъ. Только понимать *природу*, значитъ отрицать ее, утверждаетъ другой. Принципъ спинозизма есть *понятіе Бога*; оттого эта система есть атеизмъ: такъ заключаетъ Якоби. Принципъ спинозизма есть *понятіе природы*; оттого эта система есть теологія: такъ заключаетъ Фейербахъ (2). Такъ какъ Спиноза только *мыслитъ* Бога, то онъ долженъ сущность Бога объяснять природою; такъ какъ онъ только мыслитъ природу, то онъ долженъ объяснять ее сущность Богомъ. Для Якоби спинозизмъ значитъ *Deus sive natura*, т. е. отрицаніе божества или атеизмъ; для Фейербаха онъ значитъ *natura sive Deus*, т. е. отрицаніе природы или теологія. Такимъ образомъ ясно, что у обоихъ противоположныя сужденія основаны на одномъ и томъ же взглядѣ на философію Спинозы, и что эту систему *съ одной* и *той же* отношеніи одинъ считаетъ за атеизмъ, а другой за теологію. Мы не станемъ далѣе слѣдить за знаменательною и поучительною антитезою, обнаружившеюся въ этомъ случаѣ, мы просто примѣняемъ ее къ системѣ Спинозы, и измѣряя спинозизмъ этими противоположными сужденіями, произнесенными съ одинаковымъ пониманіемъ, и повидимому съ одинаковымъ правомъ, мы найдемъ, что они для насъ взаимно уничтожаются, и что всѣсы спинозизма, которые съ одной стороны должны склониться къ атеизму, а съ другой къ теологіи, придутъ снова въ свое равновѣсіе. Система, которая по причинѣ того же логическаго строенія одному

(1) J. G. Hamann's Briefwechsel mit Jacobi. Fr. H. Jacobi's Werke III Bd., 3 Abtheil.

(2) Ludwig Feuerbach, Grundsätze der Philosophie der Zukunft. 1843. Ges. Werke, Bd. II.

кажется атеизмомъ, а другому — теологією, не будетъ для насъ ни то ни другое.

II. СУЩНОСТЬ РЕЛИГИИ

Сужденіе Якоби не только односторонне, но и совершенно ошибочно въ своемъ выраженіи, потомучто его выраженіе со-всѣмъ не передастъ того смысла, который одинъ могъ съ нимъ соединяться у Якоби, и слово, имъ употребленное, не идетъ къ понятію, служащему основаніемъ его сужденія. Одностороннее сужденіе можетъ быть уравновѣшено другимъ противоположнымъ и на столько же справедливымъ, но ошибочное и извращенное сужденіе нужно исправить, и въ этомъ случаѣ мы поправимъ слово атеизмъ такъ, какъ этого требуетъ точка зрѣнія Якоби. Потомучто названіе здѣсь имѣетъ совершенно не тотъ смыслъ, какой представляетъ значеніе слова и въ какомъ его обыкновенно употребляютъ. Именно Якоби не нашолъ въ ученіи Спинозы чего-то совершенно другого, чѣмъ простой теизмъ, и такъ какъ атеизмомъ можно назвать только логическое отрицаніе теизма, то это слово не говоритъ того, чего не доставало для Якоби въ спинозизмъ. Еслибы дѣло было только въ теизмъ, то это скромное желаніе легко могло быть удовлетворено какою-нибудь иною философією, чѣмъ философія Спинозы; Якоби долженъ бы былъ допустить Мендельсона наставлять себя въ просвѣщенномъ теизмъ болѣе пріятнаго образа мыслей, и безъ сомнѣнія сталъ бы дѣйствовать заодно съ великимъ множествомъ автиспинозистовъ своего времени. Почему онъ не согласенъ съ *лейбнице-вольфовою* философією? «Потомучто она не менѣе фаталистична чѣмъ Спинозина, и приводитъ безостановочнаго изслѣдователя къ тѣмъ же основаніямъ» (1). Якоби слишкомъ проицателенъ, чтобы предпочесть спинозизму менѣе послѣдовательныя философіи, и онъ очень дурно бы держался на своей точкѣ зрѣнія, еслибы сталъ довѣряться непрочнымъ предположеніямъ и недоказаннымъ понятіямъ, пустымъ билетамъ метафизики. Нѣтъ понятія о Богѣ въ какой бы то ни было философіи, которое замѣняло бы ему атеизмъ Спинозы. Личный Богъ, котораго ищетъ Якоби и отрицаніе котораго находитъ въ спинозизмъ, есть не *понятіе* личнаго Бога, но *самъ онъ*, или, какъ не безъ намѣренія было сказано выше, *чувствующая и чувствуемая* сущность вещей: очевидно это есть Богъ въ *непосредственномъ* отношеніи къ человѣку, Богъ ошущенный человѣкомъ и живой въ его сердцѣ: единство боже-

(1) Jacobi, Ueber die Lehre des Spinoza, S. 172.

ственного и человеческого, недостижимое никакимъ сплюгистическимъ, а тѣмъ менѣе механическимъ путемъ. Но этотъ личный Богъ, который становится ощущаемымъ и потому долженъ быть ощущаемъ, — что онъ такое, какъ не внутреннее общеніе человѣка съ Богомъ, состоящее не въ мышленіи, а въ жизни, не въ философіи, а въ религіи, не въ понятіи, а въ чувствѣ, не въ извѣстномъ родѣ теизма, но единственно въ состояніи върованія. Личный Богъ въ смыслѣ Якоби есть религія; ея-то не находятъ онъ въ философіи Спинозы, и то *alpha privativum*, которое онъ ставитъ передъ теизмомъ, чтобы сдѣлать приговоръ спинозизму, мы должны въ смыслѣ Якоби мыслить передъ религіею. Онъ говоритъ: «Спинозизмъ есть атеизмъ.» Мы объясняемъ это положеніе такъ: Спинозизмъ есть *alpha privativum* религіи, или, какъ выражается самъ Якоби въ пояснительномъ примѣчаніи къ этому краткому положенію, правильное понятіе ученіе Спинозы не допускаетъ никакой религіи. Только въ томъ случаѣ, если мы подъ Богомъ разумѣемъ религію или Бога непосредственно присутствующаго въ человѣческомъ духѣ, формула Якоби справедлива и сообразна съ точкою зрѣнія, на которой этотъ рѣшительный умъ держится противъ спинозизма и вѣстѣ противъ всей догматической философіи. Онъ не ставитъ новаго понятія на мѣсто стараго, но пролагаетъ совершенно иное направленіе духа, чѣмъ дискурсивное познаніе: онъ противоположаетъ философіи религію и, если Спинозу мы признаемъ за величайшаго философа до-кантовскаго времени, то на исходѣ изъ него мы въ Якоби видимъ перваго мыслителя новаго времени, который обратилъ вниманіе на фактъ религіи, который не принимаетъ этотъ фактъ догматическимъ образомъ за теологическую формулу, но понимаетъ его въ его человѣческомъ характерѣ, рассматриваетъ его не какъ доктрину, но какъ жизнь души, и въ этомъ смыслѣ ставитъ передъ философіею, какъ знакъ великаго вопроса.

Якоби есть одна изъ тѣхъ многозначительныхъ натуръ, *охлажденных* и глубочайшимъ образомъ волнуемыхъ какою-нибудь неразрѣшонною задачею, которая является только въ катастрофы, когда кризисъ исторіи требуетъ такихъ умовъ броженія, которые совершенно тверды и рѣшительны въ томъ, что ихъ не удовлетворяетъ, и съ неодолимою логикой побѣждаютъ то, что противостоятъ имъ, но наоборотъ въ томъ, чего они желаютъ, бывають только галательны и потому обыкновенно шатки. Такіе умы соединяють провидательность съ энтузіазмомъ, и будучи нелицеприятными и мѣткими критиками прошедшаго, представляютъ слабыхъ и неопредѣленныхъ пророковъ будущаго. Такія натуры, привлекательныя и примиренныя среди борьбы великихъ контрастовъ, въ своемъ ду-

шевномъ стрѣ похожи на сократова демона, который всегда неопредѣленъ и загадоченъ, когда утверждаетъ, и говоритъ всего яснѣе, когда отрицаетъ. Такимъ образомъ Якоби настроенъ отрицательно въ отношеніи къ философіи и положительно въ отношеніи къ религіи; онъ нашолъ формулу, чтобы отрицать философію, но не нашолъ такой, которая обнимала бы его собственный принципъ: *онъ критикъ Спинозы и пророкъ Шлейермахера*. И такъ атеизмъ Спинозы въ умѣ его крѣпка означаетъ отрицаніе религіи, и Якоби, употребляя это слово, слѣдуетъ словоупотребленію догматической философіи, еще не видящей различія между религіею и теологіею. Но сказала ли бы онъ лучше, еслибы назвалъ спинозизмъ *нерелигіознымъ*? Это выраженіе было бы двусмысленно и во всякомъ случаѣ было бы въ противорѣчій съ собственнымъ принципомъ Якоби; потому что если религія, какъ признаетъ этотъ мыслитель, есть *человѣческая душевная жизнь въ глубочайшемъ ея основаніи*, то какимъ образомъ нѣкоторое понятіе можетъ уничтожить этотъ неразрушимый фактъ? какъ возможно, чтобы вообще какая-нибудь философія была нерелигіозна? Да еще философія Спинозы, котораго самъ Якоби предпочтительно передъ всѣми прочими философами привѣтствуетъ какъ религіозный характеръ, превознося его такими словами: «Будь благословенъ ты, великій и даже святой Бенедиктъ! Какъ бы ты ни философствовалъ о природѣ высочайшаго существа, какъ бы ни заблуждался въ словахъ, *въ твоей душѣ была его истина и твоя жизнь была его любовь*» (1).

III. ФИЛОСОФІЯ И РЕЛИГІЯ

Что спинозизмъ отрицаетъ понятіе религіи, это не значитъ слѣдовательно, что эта философія нерелигіозна или что ея основатель нерелигіозенъ, но *только то, что она не въ силахъ объяснить религію*. Вотъ многозначительный смыслъ якобіева положенія: «спинозизмъ есть атеизмъ.» Философія можетъ только понимать, а потому можетъ и отрицать только понятія; она отрицаетъ понятія, которыхъ не можетъ обнять, или факты, которыхъ не можетъ объяснить. Если она отрицаетъ понятіе какого-нибудь факта, то она значитъ признается, что не имѣетъ силы объяснить этотъ фактъ, а подобное признаніе не есть разрушеніе вещей, но составляетъ недостатокъ понятій. Поэтому въ сущности весьма неразумно видѣть въ отрица-

(1) Jacobi, Wider Mendelssohns Beschuldigungen in dessen Schreiben an die Freunde Lessings. Gesammelte Werke, B. IV, Abth. 2, S. 245. (Противъ обвиненій Мендельсона въ его письмѣ къ друзьямъ Лессинга).

ніяхъ философіи зажигательныя ракеты, бросаема въ мирную все-ленную, тогда какъ они представляютъ ничто иное, какъ яркое пламя, которое озаряетъ недостаточное устройство и внутреннюю ограниченность извѣстной философской системы, и отъ котораго всегда зажигается высшее сознание новой философіи.

Если Зеновъ, зная, отрицаетъ движеніе, то что отсюда слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли, что движеніе дѣйствительно не существуетъ и что этотъ философъ никогда не двигался? Не слѣдуетъ ли скорѣе, что философія въ этомъ сознаніи еще была не въ состояніи объяснить движеніе и что ея принципъ еще не имѣлъ силы понять это явленіе? Или, когда Гѣлипскъ, картезіанецъ, отрицаетъ непосредственную связь духа и тѣла, то-есть человѣческую жизнь, то развѣ изъ этого слѣдуетъ что-нибудь, кромѣ бѣдности его началъ, которыя держались крутой противоположности между мыслящей и протяженной субстанціей и потому необходимо должны были признавать неповиною и чудесною фактическую связь той и другой?

Если философія въ рѣшительныхъ поворотныхъ точкахъ своей исторіи произноситъ сужденіе: познаніе не существуетъ, какъ это было сдѣлано въ древности великими софистами непосредственно передъ Сократомъ, или въ новое время Давидомъ Юмомъ непосредственно передъ Кантомъ, то что слѣдуетъ изъ этого отрицанія? Слѣдуетъ развѣ, что фактъ познанія уничтоженъ и что науки перестали существовать? Или же то, что философія въ тогдашнемъ ея положеніи, когда кругозоръ ея простирался только на естественный міръ, еще не занимала такой точки зрѣнія, съ которой бы дѣйствительно могла разсмотрѣть этотъ фактъ, а еще менѣе обладала силою объяснить его?

Какъ Давидъ Юмъ относится къ догматической философіи новаго времени въ разсужденіи *познанія*, такъ точно относится Фр. Г. Якоби къ этой философіи въ разсужденіи *религіи*. Сомнѣніе Юма и вѣра Якоби, встрѣчающіяся на одинаковой высотѣ историческаго развитія, были послѣдними стадіями догматизма, моментами перехода, въ которыхъ приготавлилась новая эпоха и философія поднялась выше своей тогдашней точки зрѣнія. Юмъ доказываетъ догматической философіи, что она не въ состояніи объяснить познаніе и слѣдовательно объяснить самое себя, что поэтому ей не остается ничего болѣе, какъ отрицать познаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ само себя. Якоби доказываетъ спинозизму, принимая его за родовое понятіе догматической философіи, что онъ не въ состояніи объяснить религію или Бога присущаго въ человѣкѣ, что слѣдовательно ему ничего болѣе не остается, какъ отрицать религію или самого себя. Если поэтому Юмъ думаетъ право называть философію *алогическою*;

такъ какъ она не объясняетъ понятій, то и Якоби должно быть позволено считать философію *атеистическою*, потому что она не можетъ объяснить религіи. Здѣсь мнѣ является многозначительный свѣтъ, который распространяется съ этой точки на прошедшее и будущее философіи и котораго я не оставляю прежде, чѣмъ онъ станетъ видѣнъ и вамъ; потому что только при этомъ свѣтѣ можетъ быть совершенно понято ходъ новой философіи. Да и мнѣ кажется, что именно эта точка зрѣнія еще никѣмъ не замѣчена, а тѣмъ менѣе изслѣдована; потому что болшею частью умѣютъ видѣть только *тѣни*, бросаемыя сомнѣніемъ Юма и вѣрою Якоби на всю философію, и легко убѣждаются — что философія во всякомъ случаѣ должна быть принесена въ жертву или сомнѣнію, или вѣрѣ. И дѣйствительно, справедливо, что до тѣхъ поръ, пока отдѣляютъ объ эти точки одну отъ другой, философія конечно должна остаться въ тѣни и дать мѣсто вѣрѣ, которая у Юма обращена на внѣшніе чувственные опыты, а у Якоби на внутренній божественный опытъ. Но что же? Если обнять и соединить вмѣстѣ и то и другое направленіе, какъ соединила ихъ всемірная исторія, то не будетъ ли яснѣе солнца, что *философію въ одну и ту же эпоху одинъ признаетъ алогическою, а другой атеистическою*? Слѣдовательно не должно ли предполагать, что истинно логическая философія должна быть и истинно религіозною, и что съ задачею познанія разрѣшится и задача религіи? Исторія доказываетъ это великое предположеніе. Сомнѣніе Юма предлагаетъ философіи задачу познанія, а вѣра Якоби предлагаетъ ей задачу религіи; вотъ почему первый породилъ критическую философію, а второй религіозную *философію*, и то, чего искалъ въ Юмѣ и Якоби *сократовъ демонъ новой философіи*, то открыто Кантомъ и Шлейермахеромъ.

Но я захожу впередъ своего предмета, стараюсь уяснить его, и былъ принужденъ противъ воли къ этому отдаленному изслѣдованію, слѣдуя за точкою зрѣнія, съ которой Якоби смотритъ на понятіе о Богѣ Спинозы. Теперь мы знаемъ, что значитъ атеизмъ въ этомъ мѣстѣ, знаемъ, что этимъ словомъ должно быть означено ничто иное, какъ неспособность философіи объяснить религію изъ догматическихъ понятій. Въ этомъ словѣ, понятіи такимъ образомъ, заключается совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой вообще и обыкновенно придаютъ ему и который даетъ значеніе пятна въ характерѣ и преступнаго дѣянія тому, что въ сущности представляетъ только безсиліе теоріи. Если ученіе Спинозы дѣйствительно есть атеизмъ, въ смыслѣ Якоби, то можно ли однако сказать, что Спиноза былъ чело-вѣкъ безъ религіи? Точно также справедливо бы было заключеніе, что тотъ Элеатъ, который отрицалъ движеніе, былъ святой

столпникъ. И можно ли повторять другія часто слышимыя рѣчи, что спинозизмъ уничтожаетъ религію и вытѣсняетъ ее изъ души тѣхъ, кто становится его приверженцами? Одинаково справедливо было бы заключеніе, что когда Зенонъ отрицалъ движеніе, небесныя тѣла были задержаны въ своемъ теченіи и міровое движеніе останавливалось.

Что за суетѣрный страхъ передъ понятіями, какъ-будто они какіе-то волшебники, по манію которыхъ законы теряютъ свою силу и мірозданіе измѣняетъ свои вѣчныя условія! Какое неразумное недовѣріе, еще болѣе малодушное, чѣмъ этотъ страхъ, — смотрѣть такимъ образомъ на религію, какъ будто какое-нибудь движеніе мысли можетъ поколебать этотъ вѣчный фактъ, можетъ играть имъ, какъ ничтожнымъ явленіемъ. Еслибы у нихъ было великое и твердое чувство религіи, какъ у Якоби и Шлейермахера, съ какимъ бы юморомъ встрѣтили они мнимый атеизмъ философа, вмѣсто того чтобы, какъ теперь, съ такою тоскою и такою ненавистью постоянно произносить это злое слово!

II

Спинозово понятіе о Богѣ, съ чисто-религіозной точки зрѣнія, которую занимаетъ Якоби, оказалось атеизмомъ, то-есть философею, которая не можетъ объяснить факта религіозной жизни. Въ этомъ словѣ не заключалось ни малѣйшаго упрека. Только тѣ, которые не обладаютъ знаніемъ и пониманіемъ философскихъ вещей, могли такъ превратно понять это выраженіе и тѣмъ самымъ впасть въ одинаковую грубую несправедливость въ отношеніи къ Якоби и къ Спинозѣ. Развѣ есть какой-нибудь упрекъ въ томъ, когда утверждаютъ, что картезианская философія не можетъ объяснить естественной жизни? Почему же должно быть упрекомъ, если о спинозистической философіи говорить, что она не можетъ объяснить религіозной жизни? Каждый считаетъ картезианскую философію *механическою*, такъ какъ она отрицаетъ жизнь. Точно въ томъ же смыслѣ Якоби считаетъ спинозизмъ *атеистическимъ*, такъ какъ онъ отрицаетъ религію. Въ первомъ случаѣ слово механизмъ не дѣлаетъ изъ Декарта *машину*, и во второмъ случаѣ слово атеизмъ точно такъ же не дѣлаетъ Спинозу *еретикомъ*.

I. ПОНЯТІЕ АТЕИЗМА

И такъ, что же нужно отвѣчать тѣмъ, которые противъ ученія Спинозы употребляютъ слово атеизмъ въ обыкновенномъ догмати-

ческомъ смыслѣ, касающемся не факта религіи, а понятія о Богѣ? Прежде всего я желалъ бы изслѣдовать, возможно ли вообще отрицать понятіе Бога. Потомучто иное что-нибудь не можетъ значить атеизмъ; онъ отвергаетъ то, что теизмъ принимаетъ; и если теизмъ утверждаетъ логическое понятіе Бога, то атеизмъ долженъ отрицать его. Забудьте хорошенько — *понятіе*. Но если Богъ есть понятіе, взвѣшиваемое логически, то онъ очевидно есть высшее или абсолютное понятіе, объсмлющее собою всѣ другія, и я не вижу, какимъ образомъ когда-нибудь философія можетъ обойтись безъ такого понятія, и какъ поэтому возможно, чтобы какая-нибудь философія его отрицала. Потомучто познаніе становится философіею только тогда, когда оно восходитъ къ нѣкоторому высочайшему понятію, и если достоинства такого понятія представляютъ многообразную лѣствицу степеней и не могутъ быть отчеканены во всеобщую ходячую монету, то ни въ какомъ случаѣ однакоже невозможно совершенное отсутствіе или *alpha privativum* понятія о Богѣ. Искать этого понятія значитъ философствовать; не искать его или относиться къ нему равнодушно, значитъ нефилософствовать; отрицаніе этого понятія составляетъ противоположность всякому философствованію и всякому пониманію. Отрицать понятіе о Богѣ значитъ тоже самое, что отрицать высочайшее понятіе, а такъ какъ оно есть вполнѣ довершенное понятіе, то вмѣстѣ съ понятіемъ о Богѣ нужно отринуть *понятіе вообще*. Какимъ образомъ это возможно? Конечно только при мышленіи *чуждомъ понятій* и *противномъ понятіямъ*. Мышленіе чуждое понятій противорѣчатъ самому себѣ, а мышленіе противное понятіямъ отрицаетъ само себя; одно есть мышленіе *алогическое*, другое *нелогическое*. Первое вообще не есть мышленіе, потомучто мышленіе состоитъ только въ понятіяхъ; второе такъ мало развито, что оно въ одно и тоже время одно и тоже утверждаетъ и отрицаетъ, и дѣйствуетъ противъ закона противорѣчія, перваго правила обыкновенной логики. И такъ атеизмъ, отрицающій понятіе о Богѣ, есть или бессмысленное слово, или въ высшей степени смутная мысль, во всякомъ случаѣ *логическая невозможность*, которая можетъ встрѣтиться гдѣ угодно, но только не въ философіи, такъ какъ философія всегда, даже на нисшей своей степени и въ неглубокой формѣ, все-таки есть нѣкоторый родъ теоріи. Система же атеизма есть величайшая нелѣпость, какую только можно выдумать, потомучто изъ чистаго отрицанія понятій, составляющаго атеизмъ, никакимъ образомъ невозможно сдѣлать системы, всегда состоящей изъ связнаго порядка понятій. Понятіе Бога можно отрицать, только отрицая вообще понятія и слѣдовательно общія и нормативныя опредѣленія; а такъ какъ въ мышленіи это

совершенно невозможно, то такъ называемый атеизмъ можетъ встрѣтиться никакъ не въ мышленіи, а только тамъ, гдѣ единичное можетъ быть утверждаемо и такъ-сказать закрѣплено, какъ единичное, отвергающее свое соподчиненіе общему. Но такое эгоистическое дѣйствіе можетъ быть совершенно никакъ не мыслью, а только жизнью; потому что субъектъ мышленія есть всегда общая и разумная сущность, субъектъ же жизни напротивъ есть единичное и къ самому себѣ направленное недѣлимое. Вотъ почему атеизмъ можетъ имѣть мѣсто только въ жизни, а никакъ не въ мышленіи, только въ практикѣ, вращающейся около себялюбиваго недѣливаго, а никакъ не въ теоріи, которая постоянно стремится къ общимъ родамъ и законамъ, и если Якоби открылъ религію въ глубинѣ человѣческой жизни, какъ ея вѣчное глубокое основаніе, то и атеизмъ мы находимъ только въ жизни, только на ея поверхности, въ хаосѣ ея своеобразныхъ движеній. Какъ религія, такъ и атеизмъ не суть умственные системы, но *жизненные состоянія*. Религія есть человѣческая жизнь въ ея стремленіи къ безконечному. Атеизмъ есть человѣческая жизнь въ ея стремленіи къ единичному и преходящему бытію. *Религія есть преданность, атеизмъ есть своекорыстіе*. Мысль, разсматриваемая сама по себѣ, ни преданна, ни своекорыстна; вотъ почему философія, разсматриваемая сама по себѣ, не есть ни религія, ни атеизмъ. Бываютъ ли изъ этого исключенія? Очень хорошо знаю я, что противопоставятъ моему положенію, и совершенно готовы встрѣтить примѣры, которые повидимому говорятъ противъ меня. Миѣ укажутъ на тѣ философіи, которыя принимаютъ своекорыстіе за свой принципъ и явно исповѣдуютъ атеизмъ, которыя не только допускаютъ это выраженіе, но охотно его слышать и съ большимъ шумомъ всюду провозглашаютъ свое имя; миѣ укажутъ не греческихъ софистовъ, на матеріалистовъ французскаго просвѣщенія, можетъ-быть на кого-нибудь изъ новыхъ, ревностно старавшихся заслужить это имя, чтобы казаться опасными для другихъ и значительными для себя. Но на что же сводится дѣло этихъ людей, если изслѣдовать его серьезно, а не судить о сущности предмета по первой видимости слова? Они возвели атеизмъ въ формулу и обнаруживъ его тайну, выставили на свѣтъ противорѣчіе, имѣющее мѣсто между *логическимъ понятіемъ и атеистическою жизнью*: это противорѣчіе должно было быть высказано, чтобы стать виднымъ, и нужно было совершенно ясно его видѣть, чтобы вполне разрѣшить. Вотъ почему эти философы никогда не достигали того, чего хотѣли; на словахъ они утверждали атеизмъ, но въ сущности они ему измѣняли, и за *софистическими* умами въ философіи постоянно шли по пятамъ *сократическіе*.

Атеизмъ въ смыслѣ Якоби составлялъ противоположность религии; въ обыкновенномъ смыслѣ онъ есть противоположность философіи, именно своекорыстное жизненное состояніе, понимаемое софистическо, и я не вижу, что общаго въ этомъ атеизмѣ съ ученіемъ Спинозы, потому что о послѣднемъ никто не станетъ серьезно утверждать, что оно составлено софистически и что его принципъ есть человѣческое своекорыстіе. Если спинозизмъ есть атеизмъ въ смыслѣ Якоби, то онъ составляетъ рѣшительнѣйшую противоположность ему въ смыслѣ другихъ. Но можетъ-быть изъ философіи Спинозы можно вывести такой атеизмъ, если ее критически изслѣдуетъ умъ въ родѣ Бэля, и можетъ-быть понятіе о Богѣ, признаваемое Спинозою, въ сущности есть ничто иное, какъ смутный и скрытый атеизмъ? Потому что Спиноза называетъ сущность вещей Богомъ или *природою*, слѣдовательно онъ очевидно обоготворяетъ міръ; а такъ какъ міръ состоитъ изъ вещей, то онъ очевидно обоготворяетъ вещи; а такъ какъ вещи, по свидѣтельству очевидности, существуютъ атомистически и каждая изъ нихъ занимаетъ собою особое существованіе, то онъ обоготворяетъ каждую *отдѣльную вещь*, и должно наконецъ допустить, если самъ онъ этого и не утверждаетъ, что каждая отдѣльная вещь есть, если не самъ Богъ, то часть Бога. И такъ очевидно это ученіе совершенно отрицаетъ понятіе Бога и прямо ведетъ къ атеизму въ грубѣйшей формѣ. Такое ученіе безъ сомнѣнія; но какъ же оно относится къ спинозизму? Оно такъ мало похоже на него, что не можетъ быть принято даже за самую поверхностную его карикатуру. Спиноза понимаетъ божество какъ существо вполне безконечное, имѣющее безконечное существованіе и потому исключющее всякую границу, какъ отрицаніе. Можно ли утверждать, что божество или безконечный міръ онъ отождествляетъ съ отдѣльнымъ существованіемъ, или съ конечнымъ міромъ, составляющимъ ничто иное, какъ грубый комплексъ чувственныхъ вещей? Такъ является мірозданіе человѣческому воображенію или воззрѣнію, чуждому понятій, но не уму Спинозы. Нужно не прочесть, не говорю уже понять, у этого философа ни одной строчки, для того чтобы считать его способнымъ къ такому представленію: какимъ образомъ Спиноза, постигающій божественную сущность въ величайшей ея чистотѣ и охраняющій ея понятіе отъ всякаго ограниченія, могъ самъ затемнить эту возвышенную мысль смутнымъ хаосомъ вещей или даже ограничить ее частнымъ явленіемъ? Философію Спинозы выдавать за атеизмъ все равно, что понятіе вѣчнаго пространства опредѣлить какъ хаосъ безчисленныхъ точекъ. Если подъ міромъ разумѣютъ сумму чувственныхъ вещей, то *этотъ* міръ есть проходящій эффектъ въ божествѣ Спино-

зы, потому что онъ есть вполне исчезающее бытіе, и Гегель правъ, говоря въ этомъ смыслѣ, что систему Спинозы скорѣе можно упривузить въ «акосмизмъ», чѣмъ въ атеизмъ, такъ какъ въ его міровомъ понятіи истинно существуетъ только божество (1).

И такъ выдавать ученіе Спинозы за атеизмъ въ обыкновенномъ смыслѣ есть или софизмъ, или невѣжество. Софизмъ, если слово *міръ карочно* принимаютъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, который даетъ ему Спиноза, если съ разума переводятъ его на чувственность, и такимъ образомъ выведутъ безъ большихъ хлопотъ паралогизмъ, что въ спинозизмѣ чувственныя вещи составляютъ божество; невѣжество, если вообще не знаютъ того, что думалъ Спиноза, и услышавши только, что онъ не раздѣлялъ прямо ходячихъ представлений о Богѣ и мірѣ, приписываютъ его системѣ всякаго рода нечестности. Хорошо бы было, еслибы софисты и невѣжды перестали судить о твореніяхъ философовъ и довольствовались бы тѣмъ, что они и безъ того слишкомъ часто были *судьями* въ томъ, въ чемъ не могли быть *критиками*.

Пусть Якоби, самъ употребившій слово атеизмъ противъ ученія Спинозы, защититъ его отъ того атеизма, въ которомъ его упрекаетъ непонятливость идиотовъ. «И Спиноза», говоритъ Якоби, сравнивая его съ Лессингомъ, «читилъ провидѣніе, хотя оно было для него нечто иное, какъ тотъ самый порядокъ природы, который необходимо возникаетъ изъ ея вѣчныхъ законовъ; и онъ относилъ все къ *Богу, единому существу*, и полагалъ высшее благо въ томъ, чтобы познавать Безконечнаго и любить его выше всего». (2) «Къ несчастію, восклицаетъ Спиноза, дѣло дошло до того, что люди, признающіе, что они не имѣютъ о Богѣ никакого понятія и что познаютъ его только посредствомъ чувственныхъ вещей (причины которыхъ имъ неизвѣстны), не краснѣя обвиняютъ философовъ въ атеизмѣ.» (3)

Слова Якоби, которыя мы только что привели, объясняютъ намъ вѣстѣ еще другое понятіе, въ которомъ такъ же какъ въ атеизмѣ онъ упрекалъ ученіе Спинозы, и мы столь же мало найдемъ смыслъ *фатализма* на поверхности слова, какъ мало могло быть найдено значеніе понятія *атеизмъ*, по одному его названію. Атеизмъ здѣсь не отрицаетъ понятія о Богѣ, и фатализмъ не утверждаетъ понятія фа-

(1) Hegel, Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. 3 Thl. (Gesammelte Werke, Bd. XV) S. 361.

(2) Jacobi, Wider Mendelssohns Beschuldigungen in dessen Schreiben an die Freunde Lessings. Gesammelte Werke, Bd. IV, Abth. 2, S. 238.

(3) Eh proh dolor! res eo jam pervenit, ut, qui aperte patentur, se Dei ideam non habere et Deum non nisi per res creatas (quarum causas ignorant) cognoscere, non erubescant philosophos atheismi accusare. Tr. Theol. Pol. cap. II, p. 173.

тума или предназначенной судьбы. Конечно, высшая мысль Спинозы есть *необходимость*, но не такая, которая составляет неразумную силу воиъ міра и слѣно играетъ съ лишонными воли вещами, а напротивъ внутренняя закономерность самого міра, слѣдовательно ни рокъ, ни судьба, ни фатумъ. Если пзъ природы круга слѣдуетъ равенство радіусовъ, то эту необходимость опредѣляетъ не фатумъ, а математика, и такимъ образомъ обнаруживается не сила рока, а сущность самой фигуры. Точно такъ въ мірозданіи дѣйствуетъ субстанція или иманентная сущность вещей, и эта необходимость, дѣйствующая во всѣхъ явленіяхъ, есть не играющая судьба, а закономерная природа. Спинозистическая необходимость есть сообразное съ природою дѣйствіе или математическое слѣдованіе. Фатумъ есть неразумное господство или таинственное предназначеніе. Если въ спинозистическомъ Богѣ вообще нѣтъ никакого опредѣленія, то какимъ образомъ можетъ здѣсь быть *предопредѣленіе*? Предопредѣленіе вдвое больше противорѣчитъ сущности этого Бога, чѣмъ опредѣленіе, и мы должны сказать собственными словами Спинозы, что фатумъ въ Богѣ есть жесточайшая нелѣнность, какую только можно себя представить. И такъ что же хочетъ сказать Якоби своимъ фатализмомъ противъ Спинозы, о которомъ самъ же онъ сказалъ, что тотъ чтилъ провидѣніе, хотя это провидѣніе было ничто иное, какъ порядокъ природы, необходимою проистекающій изъ ея законовъ? Онъ далекъ отъ того, чтобы найти въ ученіи Спинозы обыкновенный фатализмъ, и скорѣе защищаетъ философа отъ этого понятія столь же ревностно, какъ ограждалъ его отъ безсмыслицы обыкновеннаго атеизма. Какъ скоро мы поймемъ Якоби, мы уже постоянно не будемъ упускать изъ виду точку зрѣнія, которую онъ открылъ и въ первый разъ подвѣлъ противъ философін; но вообще мы не прежде вѣрно оцѣнимъ противоположность Спинозы и Якоби и напрасно бы старались отыскать положеніе, занимаемое послѣднимъ въ исторіи, пока не постигнемъ оригинальнаго характера, лежащаго на всей дѣятельности Якоби. Онъ открываетъ религіозную жизнь въ противоположность философін, которая не въ состояніи понять этого факта, и, какъ Спиноза излагаетъ метафизику какъ бы *in abstracto*, такъ же чисто и безиримѣсно Якоби держится на точкѣ зрѣнія религіи. Для философін есть уединенное мѣсто, удаленное отъ остальной человѣческой жизни и обитаемое только размышляющимъ умомъ. Есть уединенное и неприкосновенное мѣсто для благовѣрнаго человѣческаго сердца, гдѣ ведетъ свою тихую жизнь религія. Тамъ живетъ Спиноза, а здѣсь Якоби. Если вообще существуетъ противоположность между философіею и религіею, то ее можно найти только въ ихъ отвлеченно взятыхъ направленіяхъ,

и Спиноза и Якоби составляютъ воплощеніе этой противоположности. Религія существуетъ только тамъ, гдѣ божество наполняетъ и утверждаетъ человѣческое бытіе и обратно бываетъ *ощущаемо* и утверждаемо этимъ бытіемъ. Богъ Спинозы не обращаетъ вниманія на человѣка; этотъ Богъ по своей природѣ никогда не можетъ стать религіею: вотъ почему философія Спинозы есть атеизмъ. Богу религіи соответствуетъ любвеобильное и отеческое міроуправленіе; Богу спинозизма соответствуетъ безсердечное и математическое міроуправленіе: вотъ почему эта философія есть фатализмъ. Съ религіозной точки зрѣнія Якоби, философія, которая доказываетъ сущность Бога и ходъ вещей *more geometrico*, не принимая въ расчетъ личной человѣческой жизни, должна была казаться атеистическимъ и фаталистическимъ ученіемъ. Оба эти опредѣленія имѣютъ одно и тоже значеніе. Атеизмъ противоположенъ религіи, фатализмъ противоположенъ религіозному міровоззрѣнію. Философія Спинозы есть и то и другое, потому что она не можетъ понять и слѣдовательно должна отрицать состояніе религіи и основанный на немъ взглядъ на вещи.

II. ПОНЯТІЕ ТЕИЗМА

Якоби судить о философіи съ точки зрѣнія человѣческой религіи, а не съ точки зрѣнія правобѣрной догматики. Онъ утверждаетъ, что между жизнью религіи и рационализмомъ философіи существуетъ непримиримая противоположность, которая систематически раскрылась въ ученіи Спинозы. Подобное различіе, установленное столь глубоко и несогласимо, естественнымъ образомъ должно было возбудить сильное противорѣчіе въ тѣхъ, кто жилъ разомъ въ обѣихъ этихъ областяхъ и кто думалъ, что понятіе *рациональной религіи* представляетъ точку соваденія, въ которой примиряются разумъ и религія, или философія и вѣра. Въ интересъ рациональной религіи, за которую стояли въ восемнадцатомъ вѣкѣ идеализмъ философіи и просвѣщеніе теологіи, нужно было опровергнуть Якоби и попытаться согласить спинозово понятіе о Богѣ съ религіею. Это и было сдѣлано *Моисеемъ Мендельсономъ* (1), который тотчасъ вооружился противъ Якоби, а позднѣе *Гердеромъ* (2), который раздѣлялъ удивленіе Якоби къ Спинозѣ, и, зная его систему гораздо лучше Мендельсона, шло по слѣдамъ этого послѣдняго съ большимъ вниманіемъ и безъ всякаго увлеченія. Потому что Мендельсонъ трактовалъ спорные вопросы, возникшіе между нимъ и Якоби, хотя въ полномъ смыслѣ слова *sine studio*, но зато тѣмъ болѣе *cum ira*, и, ослабило ли его встревоженное чувство дружбы къ Лессингу, или раздраженное

самолюбіе, но только онъ не видѣлъ, въ чемъ собственно состоитъ предметъ спора; религія Лессинга до конца осталась для него столь же скрытою, какъ философія Спинозы, а еще менѣе подозрѣвалъ этотъ отставшій метафизикъ, какой новый духъ возникъ въ принципѣ вѣры Якоби. Онъ не зналъ, долженъ ли онъ защищать Лессинга противъ Спинозы, или скорѣе Спинозу противъ Якоби; поэтому онъ дѣлалъ и то и другое, и наконецъ доказывалъ, что ученіе Спинозы, если только немножко исправить его, могло еще допустить теизмъ, или по крайней мѣрѣ какъ «очищенный пантеизмъ», легко могло согласоваться съ духомъ просвѣщенной религіи.

Мендельсонъ и Гердеръ не поняли противоположности между Спинозою и Якоби, и потому не могли примирить ея. Для нихъ осталось темнымъ истинное ея основаніе, потому что они не постигли генія ни Спинозы, ни Якоби, и слѣдовательно не могли быть къ нимъ справедливыми. Спинозовское понятіе о Богѣ они перевели на лейбницевскую теологію, якобьевъ принципъ вѣры на обыкновенное понятіе религіи, и казалось серьезно были убѣждены, что противоположность философіи и религіи совершенно изглаживается на нейтральной и бесплодной почвѣ вольфовой метафизики, потому что она, какъ философія, должна удовлетворять понятіямъ Спинозы, и, какъ теизмъ, вѣрѣ Якоби. Однимъ словомъ, они доказывали *согласіе спинозизма съ раціональною религіею*; а подъ такую религію они разумѣли не вѣрующее состояніе человѣческой жизни, а нѣкоторое ученіе о Богѣ и о божественныхъ вещахъ, метафизическую систему, въ которой была рѣчь о личномъ творцѣ міра и о мудромъ порядкѣ вещей. Раціональная религія была для нихъ тоже самое, что просвѣщенный теизмъ и, если только удалось представить философію Спинозы какъ просвѣщенный теизмъ, то отсюда для нихъ само собою слѣдовало ея согласіе съ раціональною религіею, исчезала противоположность, установленная Якоби, и былъ опровергнутъ принципъ вѣры, стремящійся уйти изъ области всякаго умозрѣнія.

Если принять (что мы тотчасъ изслѣдуемъ ближе), что философія Спинозы допускаетъ какую-нибудь формулу теизма, то все-таки этимъ ничего не было бы доказано противъ Якоби, потому что то, что Якоби называетъ вѣрою, есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ то, что Мендельсонъ и Гердеръ называютъ религіею. Раціональная религія есть понятіе *догматической философіи*, вѣра же Якоби есть состояніе человѣческой жизни, открытіе, которое не могло быть лишено значенія отсталыми понятіями, но могло быть объяснено только послѣдующими и дѣйствительно новыми понятіями философіи. Что это за понятія, разумѣется будетъ сказано не здѣсь, но только позднѣе, когда ходъ исторіи достигнетъ до самого Якоби, и въ

своимъ мѣстѣ я покажу, что въ Якоби человѣческое сознание сдѣлало или пыталось сдѣлать открытіе, которое идетъ дальше всякаго догматическаго мышленія и котораго послѣднее разъясненіе еще можетъ—быть таится въ пѣдрахъ философіи. По крайней мѣрѣ достоверно, что Якоби, критикъ Спинозы и пророкъ Шлейермахера, гораздо больше имѣеть значенія въ исторіи философіи и именно даетъ гораздо большій толчекъ ея послѣднему періоду, чѣмъ это обыкновенно думаютъ и допускаютъ историки философіи. Подобныя умы нужно судить не по вѣшнему объему ихъ сочиненій; отрывочный характеръ, который могутъ имѣть эти сочиненія, не долженъ для насъ ни размельчать, ни уменьшать ихъ геніяльности.

И такъ научный процессъ этихъ теистовъ съ Якоби мы представляемъ тому вѣку, который породилъ его, и будемъ принимать теперь участіе въ этомъ спорѣ *только на столько*, на сколько дѣло касается спинозизма. Возможно ли то, что принимали на себя Мендельсонъ и Гердеръ, — представить спинозово понятіе о Богѣ, какъ теизмъ? И тотъ и другой исходили изъ спинозовскаго Бога, но перевода это понятіе на способъ представленій, чуждый спинозизму, они легко выдѣляли изъ него признаки теизма. Невозможно понимать это безконечное существо въ смыслѣ протяженія, какъ *экстенсивную* величину, потому что подобная безконечность противорѣчитъ себѣ самой и извращенный пантеизмъ такого рода долженъ быть всячески изгнанъ изъ ученія Спинозы: или исправляя его вмѣстѣ съ Мендельсономъ, или заравѣе иначе объясняя его съ Гердеромъ. Если же безконечность принимать не экстенсивно, то остается только понимать ее интенсивно, то-есть не какъ величину, но какъ *силу*, именно *безконечную* силу, которая не можетъ состоять ни въ какой иной дѣятельности, какъ въ *мысленіи*. И такъ спинозовскій Богъ составляетъ первоначальную мыслительную силу и слѣдовательно не есть ни лишонное мысли существо, ни слѣпая сила, но мировой умъ, какъ создатель и первообразъ мудраго и въ порядкѣ существующаго творенія. По этому первообразу трудно отгадать устройство самого образа, который въ этомъ случаѣ есть міръ. Если Богъ представляетъ умъ, начертывающій планъ міра, то произведеніемъ божественной силы безъ сомнѣнія будетъ *наилучшій* міръ и отдѣльныя вещи будутъ въ постепенномъ порядкѣ лѣствицы приближаться къ Богу. Такимъ представленіемъ повидному теизмъ спасенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ спинозизмъ перешолъ въ теодицею Лейбница. Мы едва понимаемъ, какъ возможно было подобное *qui pro quo* системъ и какимъ образомъ такой псевдо-спинозизмъ могъ быть излагаемъ почтенными и учеными мужами со всею серьезностью убѣжденія. Въ наше время нужно немного знанія ис-

торіи філософія и еще менше остроумія въ логическихъ различіяхъ, для того чтобы опять различіе между Спинозою и Лейбницемъ; но тотъ вѣкъ вольфовскаго просвѣщенія, который совершенно потерялъ изъ виду истиннаго Спинозу, и котораго метафизика была скорѣе удобна, чѣмъ опредѣленна, можетъ-быть неизбежно долженъ былъ обмануться въ различіи своей философіи отъ спинозистической. И въ философіи бываютъ совѣсти узкія и совѣсти широкія, могущія принять въ себя все чужое, безъ всякаго слѣда конгеніальности: узкая совѣсть сжимаетъ принимаемое, широкая распространяетъ его; въ одномъ случаѣ предметъ теряетъ свой особенный характеръ и долженъ подчиниться прокустовой мѣркѣ, въ другомъ предметъ теряетъ всякій характеръ вообще и становится общимъ мѣстомъ. Вольфова метафизика имѣла широкую совѣсть и въ Мендельсонѣ и Гердерѣ примѣнила ее къ спинозизму.

Мы оставляемъ въ сторонѣ тепзмъ нѣмецкаго просвѣщенія, это опредѣленное ученіе восемнадцатаго вѣка, образовавшееся подъ непосредственнымъ влияніемъ философскихъ понятій и основанное скорѣе на заключеніяхъ разума, чѣмъ на религіозномъ убѣжденіи. Обращаемъ наше изслѣдованіе къ теизму вообще. Мы должны поэтому опредѣлить формулу, которая обнимала бы всѣ различныя формы теизма и вмѣстѣ съ тѣмъ въ генетическомъ опредѣленіи объясняла бы вмѣстѣ его понятіе и источникъ происхожденія. Потому что философствующій умъ никогда не порождаетъ теизма, а только доказывалъ, или скорѣе старался доказать его, и самое представленіе, составляющее теизмъ, уже существовало, прежде чѣмъ діалектическія заключенія философіи принялись его доказывать.

Теизмъ учить о личномъ *Богѣ* или понимаетъ божественную сущность въ формѣ личнаго существованія. Это выраженіе есть формула, приложимая ко всѣмъ теистическимъ системамъ, которыя согласны въ томъ, что они понимаютъ божество личнымъ, и только степенями различаются въ дальнѣйшемъ развитіи этого представленія. Только представляя себѣ божество личнымъ, мы можемъ *видѣть въ немъ существо съ всемогущею волею*, которое можетъ какъ бы оставить позади себя естественно-необходимый ходъ вещей, идущій шагъ за шагомъ, и противостать человѣку *непосредственно*, или открыться ему *прямо*, безъ этого безконечнаго посредствованія. Но прямое общеніе человѣка съ Богомъ есть религія. Между тѣмъ какъ наука постигаетъ необходимый ходъ явленій, и потому объясняетъ человѣку его безконечно посредствуемую зависимость отъ сущности вещей, религія, какъ опредѣлялъ ее Шлейермахеръ, есть чувство *непосредственной* зависимости. Это будетъ не понятіе, ни представленіе, но *жизненное состояніе*, которое становится по-

нѣтіемъ или представленіемъ, когда стремится объяснить себя и которое находитъ это объясненіе самого себя только въ представленіи личнаго Бога. Поэтому основаніемъ этого представленія всегда служитъ религія; личный Богъ есть религіозное понятіе и теизмъ во всякомъ случаѣ есть *религіозное ученіе*. Религіозный человѣкъ *живетъ* въ непосредственной связи съ божественнымъ, какъ физическій человѣкъ живетъ въ непосредственномъ единеніи съ природою, а нравственный съ нравственнымъ закономъ. Вотъ почему религіозный человѣкъ хочетъ, чтобы Богъ былъ для него непосредственнымъ объектомъ, то-есть онъ хочетъ представлять и созерцать его и слѣдовательно необходимо долженъ олицетворять его. Личный Богъ есть олицетворенный Богъ, а олицетворенный Богъ есть проектъ религіи. Поэтому теизмъ и религія тѣсно связаны психологически, но теизмъ не есть религія, потому что религія есть не ученіе, а жизнь, и именно, чтобы еще разъ выставить здѣсь рѣшительные атрибуты противъ легкомысленныхъ недоразумѣній, не нисшее и преходящее, но совершенное и абсолютно необходимое жизненное состояніе, отъ котораго не можетъ отрѣшиться человѣкъ, и которое нельзя отрицать или отвергнуть, хотя бы повѣтія еще были безсильны, для того чтобы проникнуть и объяснить его. Поэтому теизмъ содержится только въ *психологій религіи* и никогда не встрѣчается въ естественномъ познаніи вещей.

III. СПИНОЗИЗМЪ И ТЕИЗМЪ

Какъ же теперь относится къ теизму философія Спинозы? Она мыслитъ Бога какъ воистинѣ безконечное существо и, отрицая въ немъ каждое ограниченіе, она не можетъ понимать его въ формѣ личнаго существованія, не можетъ отдѣлять его отъ природы и принимать его за непосредственный предметъ по ту или по эту ея сторону. Такимъ понятіемъ отрицается всякое определенное представленіе о Богѣ и слѣдовательно, отнимая отъ него всякое представленіе или воззрѣніе, это понятіе въ самомъ принципѣ противорѣчитъ всякому теизму.

«На твой вопросъ», говоритъ Спиноза въ одномъ изъ своихъ писемъ, «нравю ли я о Богѣ столь же ясное *понятіе*, какъ о треугольникѣ, отвѣчаю утвердительно. Но если ты меня спросишь, имѣю ли я о Богѣ столь же ясный *образъ*, какъ о треугольникѣ, то я отвѣчу отрицательно. *Потому что мы не можемъ воображать Бога, а можемъ только постигать*» (1).

(1) Ad quaestionem tuam, an de Deo tam clarum, quam de triangulo habeam

Перенесемъ себя вполне въ образъ мышленія Спинозы, Если Богъ есть абсолютное бытіе, то внѣ его нѣтъ никакого бытія, потому что иначе онъ долженъ бы былъ опредѣляться въ отношеніи къ этому другому бытію и слѣдовательно былъ бы не абсолютнымъ, а только относительнымъ существомъ, какъ бы возвышенно и духовно впрочемъ оно ни казалось человѣческому воображенію. Этимъ разрушается представленіе *монотеизма*, потому что въ этомъ религіозномъ ученіи для Бога хотя не существуетъ другихъ боговъ, но подлѣ него или подъ нимъ существуетъ міръ; міръ существуетъ отъ Бога, и Богъ въ этой трансценденціи есть отдѣльное существо. Поэтому въ дѣйствительности онъ не безконеченъ и только считается безконечнымъ въ правовѣрномъ представленіи. Монотеизмъ ограничиваетъ Бога и потому по спинозистическимъ понятіямъ есть его отрицаніе, такъ какъ *omnis determinatio est negatio*.

Если же Богъ вообще не есть какое-нибудь особенное существо, то его никакъ не должно представлять подъ условіями конечнаго бытія и облекать человѣческими атрибутами; формы природы еще менѣе ему соотвѣтствуютъ, чѣмъ отвлеченія монотеизма; никакимъ образомъ нельзя его индивидуализировать, потому что это значило бы прямо оставлять его въ границахъ конечнаго. Вотъ почему религіозный антропоморфизмъ не только далеко не изображаетъ божественной сущности, но скорѣе есть ея отрицаніе и притомъ болѣе грубое отрицаніе, чѣмъ монотеизмъ; потому что антропоморфизмъ раздробляетъ единство божіе на множество конечныхъ недѣлимыхъ. Этимъ разрушаются представленія *политеизма*, какъ пустые идолы, въ которыхъ воображеніе, не управляемое понятіями, представляетъ себѣ вѣчное. Спинозовскій Богъ не есть ни *моносъ* по ту сторону міра, ни индивидуумъ, созданный людьми по своему образу. Въ мірномъ Богу недостаетъ міра и потому онъ несовершенъ, а Богъ въ явленіи человѣческаго бытія есть прямо вѣчно конечное. Совершенное существо, какъ его понималъ Спиноза, не можетъ обитать ни одиноко на небѣ, ни вмѣстѣ съ другими себѣ равными на олимпѣ или въ пантеонѣ.

Наконецъ, если спинозовскій Богъ не терпитъ ограниченія индивидуальности, приписываемой ему фантазією, то для него совершенно невозможно самому войти въ эти границы. Если для Спинозы заключается жестокое противорѣчіе уже въ представленіи абсолютнаго существа во множествѣ недѣлимыхъ, то для ума этого философа со-

ideam, respondebo affirmando. Si me vero interrogas, utrum tam claram de Deo, quam de triangulo habeam *imaginem*, respondebo negando. Deum enim non imaginari, sed quidem intelligere possumus. (Ep. 60.)

вершено невыносимо — заключить божество въ единичное недѣлимое.

Божественный разумъ, не терпящій отдѣленія отъ міра въ монотеизмъ, еще менѣе можетъ принять формы политеизма, а меньше всего можетъ воплотиться въ христіанствѣ. Вотъ почему вочеловѣченіе Бога есть жесточайшее противорѣчіе для божества въ спинозизмѣ. Въ смыслѣ Спинозы — Богъ сталъ человѣкомъ, значить: субстанція стала модусомъ. Богъ явился въ этомъ единичномъ человѣкѣ — въ смыслѣ Спинозы значить: субстанція стала этимъ единичнымъ модусомъ, или, чтобы сдѣлать нагляднымъ противорѣчивое отношеніе посредствомъ геометрическаго примѣра: безконечное пространство есть вотъ этотъ одинъ треугольникъ! На этомъ примѣрѣ для спинозизма объясняются противорѣчія религіозныхъ представленій. Сравните божество съ безконечнымъ пространствомъ; монотеизмъ является уму Спинозы, какъ-будто говоря: безконечное пространство находится внѣ фигуръ; политеизмъ, какъ-будто говоря: безконечное пространство состоитъ изъ извѣстныхъ фигуръ; христіанство такъ, какъ-будто оно говоритъ: безконечное пространство есть эта единичная фигура.

Совершенно ясно, что изъ этихъ религіозныхъ представленій всего менѣе Спиноза можетъ освоиться съ послѣднимъ, потому что вочеловѣченіе Бога, это средоточіе христіанскаго ученія, совершенно непонятно для его философія. Догматъ вочеловѣченія, какъ вся на характеристически выражается Спиноза, для него тоже, что квадратура круга, потому что какъ квадратъ не можетъ получить природы круга, такъ точно невозможно, чтобы Богъ принялъ природу человѣка.

И какъ спинозистическій Богъ всего дальше отъ вочеловѣченнаго Бога христіанства, такъ всего ближе онъ кажется сроднымъ съ возвышенною сущностью монотеизма. Потому что монотеизмъ утверждаетъ по крайней мѣрѣ единство Бога, но только представляя Бога по ту сторону міра, онъ ограничиваетъ это единство, слѣдовательно уничтожаетъ его и образуетъ дуализмъ Бога и міра. Монизмъ согласуется, дуализмъ не согласуется съ мыслью Спинозы. Это отношеніе многозначительно. Монотеизмъ произошелъ изъ пантеистическихъ религій востока, обоготворявшихъ субстанцію или сущность вещей, какъ силу природы. На высшей степени восточнаго духа, въ *иудейской* религій, субстанція отдѣлилась отъ элементовъ природы, постепенно очистилась отъ смѣшенія съ космическими силами и противостала чувственному міру, какъ чисто духовная сущность. Такимъ образомъ въ *иудейскомъ* сознаніи изъ субстанціи сталъ субъектъ, изъ силы природы *Иегова*, и съ монотеизмомъ раскрылась

бездна между Богомъ и міромъ. *Iudei* Спиноза мыслятъ монотеизмъ ; онъ остался философомъ-іудеемъ въ томъ, что *понятіе* высочайшее представленіе своей религіи. Понятіе во всякомъ случаѣ отрицаетъ дуализмъ. Философія Спинозы отрицаетъ дуализмъ іудейской религіи , она превращаетъ *моносъ* въ *панъ* и слѣдовательно монотеизмъ въ пантеизмъ. Мысля совершенное существо , Спиноза долженъ обнимать имъ все бытіе , слѣдовательно ничего не можетъ исключать изъ него , потомучто иначе это существо было бы недостаточно и несовершенно. Его Богъ не исключаетъ міра и не противостоитъ ему , какъ особый субъектъ ; онъ не можетъ дѣйствовать на міръ извнѣ и потому составляетъ не *causa transiens* , а *causa immanens* міра.

Этотъ Богъ не можетъ ничего избрать изъ міра для своихъ цѣлей , потомучто онъ вообще не избираетъ , а *дѣйствуетъ* ; поэтому въ отношеніи къ нему нѣтъ избраннаго народа , такъ какъ вообще ничто не существуетъ въ отношеніи къ нему ; этотъ Богъ не имѣетъ никакихъ особенныхъ интересовъ , и потому не вступаетъ ни въ какіе особенные союзы ; онъ дѣйствуетъ не по афектамъ , но по *основаніямъ* : онъ не есть ревнующій Богъ , мстящій за грѣхи отцовъ , потомучто въ немъ нѣтъ ни ревности , ни грѣховъ . Въ этомъ Богѣ нѣмѣютъ страсти , волнующія человѣческую грудь , онъ пульсируетъ въ цѣломъ мірозданіи вѣчнымъ ритмомъ причинности . Онъ не сравниваетъ вещей , онъ только ихъ производитъ ; нѣтъ ни отрицаній , ни превосходныхъ степеней , которыя могли бы обозначить въ немъ неизречаемое , а «святая святыхъ» есть для него пустой знакъ . Богъ Спинозы , если проведемъ противоположность до конца , есть не древній завѣтъ , а вѣчно обшлюющійся міръ , и вотъ почему іудейскіе вѣроучители проклинали своего философа за то , что онъ мыслилъ этого Бога .

ИЗЪ ГЕЙНЕ

(О. Е. Б—въ-Б—ль)

Помнишь, мы съ тобою были
Двое маленькихъ дѣтей —
Залѣзали на курятникъ
И въ соломѣ, межъ клѣтей,

Проходящимъ всѣмъ павстрѣчу,
Подражая пѣтуху,
Дѣтскимъ голосомъ кричали
Звонко такъ : «ку-ка-ре-ку!»

И въ ребяческихъ затѣяхъ,
Другъ мой милый, помню я,
Мы жилище создавали
Изъ ларей и изъ тряпья.

Въ немъ, живя открытымъ домомъ,
Рады были мы гостямъ :
Кошка старая сосѣда
Заходила въ гости къ намъ ;

(И немало старыхъ кошекъ
Повстрѣчалось намъ потомъ)
О здоровьи, о погодѣ
Толковали мы втроемъ,

Какъ большіе, разсуждали,
Что куда сталъ хуже свѣтъ,
Кофей дорогъ и что денегъ
Въ обращеньи вовсе нѣтъ.

Правда, это были игры;
Но действительность, ей-ей,
Во сто разъ невыносимѣй
Для больной души моей.

Навсегда умчались игры,
Деньги, счастье и любовь,
И съ тобою, другъ мой милый,
Мы дѣтьми не будемъ вновь!

Н. СТРАННОПОЛЬСКІЙ

СЪ ЧЕШСКАГО

(Изъ Гавличка)

Не вели ты свое тѣло на кладбищѣ хоронить :
Тамъ поновскія коровы надъ тобой будутъ ходить.
Отъщи себѣ могилу въ сторонѣ, гдѣ каждый годъ,
Вся нѣжнымъ ароматомъ, липа стройная цвѣтетъ,
Гдѣ въ вѣтвяхъ тѣнистыхъ птицы укрываются порой
И гдѣ парубокъ гуляетъ съ молодой дорогой.
Изъ могилы сладкимъ медомъ побѣжишь ты по вѣтвямъ,
И не мало аромату этотъ сокъ придастъ цвѣтамъ ;
Прилетятъ толпой къ нимъ пчелы медъ душистый собирать,
И тобой дѣвицы будутъ горькій кофеи подслащать.

И. СТРАННОПОЛЬСКІЙ

МЕРИ БАРТОПЪ

ПОВѢСТЬ О МАНЧЕСТЕРСКИХЪ ТРУЖЕНИКАХЪ

(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

ГЛАВА XXX

О тяжкая ночь
Неисходной печали!
Во мракъ ищю я
Исхода, пути,
Но въ тьмѣ и туманѣ
Мнѣ ихъ не найти.
Ночная тоска
Мрачна и тяжка!..

Джобъ нашолъ мистрисъ Вильсонъ въ тоскливомъ безпокойствѣ и волненіи: она все ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, ни слова не говоря съ хозяйкою, но испуская отъ время до времени такіе тяжелые, болѣзненные вздохи, что всѣ присутствующіе невольно содрогались.

— Ну! произнесла она, быстро и рѣзко обратившись къ Джобу, какъ только онъ вошелъ въ комнату.

— Ну, говори же! повторила она быстро, прежде нежели онъ сообразилъ какъ и что отвѣчать; надо знать, что онъ трудился выдумать какой-нибудь успокоительный и добродушный вздоръ, чтобы уговорить ее хоть на время. Но вопросъ и настойчивое движеніе вдовы такъ ошеломили его, что онъ совершенно нехотя выговорилъ чистую правду.

— Вилль еще не пріѣзжалъ. Однако онъ можетъ еще пріѣхать и поспѣть какъ разъ въ время.

Она съ минуту пристально на него посмотрѣла, какъ бы сомнѣваясь, можетъ ли еще быть что-нибудь хуже этого отвѣта. Потомъ тихо покачала головою и сказала гораздо спокойнѣе, нежели можно было ожидать, судя по ея судорожной походкѣ и взволнованному состоянію за минуту передъ тѣмъ :

— Лучше не говори этого. Ты этого не думаешь. Ты почти такъ же отчаяваешься, какъ и я. А я такъ и знала съ самаго начала, что мальчика моего повѣсятъ за то, чего онъ не дѣлалъ. Да это и лучше; пусть ужь Господь приберетъ его изъ этого тяжкаго міра, гдѣ больше нѣтъ ни правды, ни милости.

Она подняла глаза — помолилась какъ-будто про себя — и сѣла.

— Ну-ну, вотъ ужь ты и пошла расписывать! сказалъ Джобъ. — Вилль правда отплылъ сегодня утромъ на своемъ кораблѣ, но только эта бравая дѣвушка, Мери Бартонъ, ужь поѣхала за нимъ въ догонку и конечно привезетъ его назадъ, лишь бы удалось ей съ нимъ слово перемолвить. Она еще не возвращалась. Такъ чего жь ты? не убивайся же! Все будетъ ладно.

— Все ладно и будетъ, сказала она, — но не такъ какъ ты думаешь. — Джема повѣсятъ и онъ отойдетъ къ отцу и къ братишкамъ своимъ. Тамъ Господь милосердый положилъ предѣлъ слезамъ и сътованіямъ, тамъ Спаситель Иисусъ призираетъ малыхъ дѣтей, которые тоскуютъ по матерямъ, покинутымъ на землѣ. Эхъ, Джобъ! хорошо тамъ, и мнѣ очень туда хочется, и все-таки тоска беретъ, какъ подумаю, что и Джемъ скоро туда отойдетъ. Я бы и не подумала тосковать, если бы намъ съ нимъ хоть сегодня же умереть, да если бы только знали, что онъ невиненъ — какъ я знаю!

— Рано или поздно узнаютъ, и горько раскаются въ томъ, что повѣсили его ни за что ни прочто, возразилъ Джобъ.

— О, это такъ. Бѣдные, бѣдные! Да проститъ имъ Богъ ихъ страшную ошибку.

Джобъ между тѣмъ не могъ сидѣть на мѣстѣ, и то и дѣло подходилъ то къ двери, то къ окну, точно звѣрь въ клеткѣ. На дворѣ была тьма кромѣшная. Луна еще не вставала.

— А вы бы лучше ложились спать! произнесъ онъ, стоя у окна. — Назавтра вамъ надо собраться съ силами. Джемъ вовсе потерается, коли увидитъ васъ такой слабой да хилой. Я схожу теперь за Мери. Она вѣрно ужь пріѣхала. Вы не бойтесь, я приду къ вамъ и все расскажу; только уходите, ложитесь въ постель.

— Добрый ты мой другъ, Джобъ Легъ! я пойду и лягу, коли хочешь. Но ты помни же это: какъ только промыслишь Мери, тотчасъ веди ее ко мнѣ, тотчасъ ко мнѣ! — Она говорила очень тихимъ голосомъ, но спокойно.

— Какже, какже! сказалъ Джобъ и шмыгнулъ изъ дому.

Прежде всего онъ пошелъ къ мистеру Бриджнорту, потому что вдругъ вообразилъ, что Вилль и Мери его тамъ ожидаютъ.

Но ихъ тамъ не было. Мистеръ Бриджнортъ самъ только что воротился, и Джобъ задыхаясь поднялся на лѣстницу и пробрался въ кабинетъ, чтобы переговорить съ нимъ о положеніи дѣла.

— Плохо дѣло! сказалъ адвокатъ роясь въ бумагахъ и выражая на лицѣ серьезныя опасенія. — Джонсонъ говорилъ мнѣ сегодня, какъ это было: ему передала та женщина, у которой квартировалъ Вильсонъ. Сдается мнѣ, что эта миссъ Бартонъ понапрасну прогуляется. Вся надежда на шаткость поличныхъ свидѣтельствъ и на отличную репутацію подсудимаго. Надежда правда очень слабая и неопредѣленная. Однако я пригласилъ въ присутствіе мистера Клинтона и онъ постарается дать самый лучший отзывъ. А теперь, любезнѣйшій другъ, позвольте пожелать вамъ доброй ночи и выпроводить васъ отсюда. Мнѣ почти всю ночь придется просидѣть за письмомъ. Вы видѣли моего писаря, какъ шли сюда? Видѣли? Ну такъ потрудитесь тотчасъ же послать мнѣ его сюда.

Послѣ этого Джобу оставаться не приходилось и отвѣсивъ низкій поклонъ, онъ ушелъ.

Пошелъ онъ къ мистрисъ Джонсъ. Она была дома, но Чарли опять куда-то исчезъ. — Этого малаго никакая сила не удержитъ, говорила мать. Развѣ запрешь его на ключъ да на замокъ, да и то не всегда вѣрно; вотъ она разъ заперла было его на чердакъ, а онъ въ слуховое окно юркнулъ, да и былъ таковъ. Теперь-то онъ можетъ быть опять пошелъ на пристань, за той молодой женщиной. Ужъ онъ найдетъ себѣ дѣло на пристани.

Джобъ, незванный и непрошенный, усѣлся на стулъ, рѣшившись дожидаться возвращенія Чарли.

Мистрисъ Джонсъ гладила и складывала бѣлье и все время продолжала толковать о Чарли и о своемъ мужѣ, который служилъ матросомъ на какомъ-то кораблѣ, отправившемся въ Индію, и оставилъ ей мальчишку, съ которымъ она не могла сладить. Она вздыхала, тужила и жаловалась и на матросовъ, и на портовые города, и на бури морскія, и на бессонницу, и на худые штанишки своего сына,

а Джебъ давно уже не слушалъ ея и только внимательно прислушивался ко всѣмъ голосамъ и шагамъ на улицѣ.

Наковецъ пришолъ и Чарли, но пришолъ одинъ.

— Видно Мери Бартонъ попала въ какую-нибудь бѣду, сказала овъ, обращаясь исключительно къ Джебу. Объ ней не слышать ни на одной изъ пристаней, а Борнъ говоритъ, что лодка-то, на которой она поѣхала, была съ чеширской стороны. Такъ ужъ до завтра мы о ней ничего не узнаемъ.

— Завтра утромъ, въ девять часовъ, ей надо быть въ судѣ, сказалъ Джебъ печально: она должна дать показаніе въ уголовномъ дѣлѣ.

— Такъ она и говорила, то-есть что-то въ этомъ родѣ, сказалъ Чарли, очевидно желавшій узнать еще что-нибудь. Но Джебъ молчалъ.

Овъ больше рѣшительно не зналъ, что дѣлать; и потому всталъ, поблагодарилъ мистрисъ Джонсъ за тепло и вышелъ на улицу. Тутъ овъ постоялъ и обдумалъ, какіе еще остались шансы ко спасенію и каковъ вѣроятный исходъ дѣла?

Потомъ овъ медленно повернулъ въ ту сторону, гдѣ оставилъ мистрисъ Вильсонъ. Больше дѣлать нечего, это ясно. Однако овъ все мѣшкаялъ на улицѣ и долго еще бродилъ, все надѣясь, что усталость склонитъ старуху ко сну до его возвращенія и что такимъ образомъ овъ какъ-нибудь избѣгнетъ ея распросовъ.

Овъ осторожно прокрался въ домъ; но заспанная хозяйка таки дождалась его и дѣвицу, которая, какъ ей сказали, будетъ ночевать вмѣстѣ съ мистрисъ Вильсонъ.

Спросонья, хозяйка такъ застучала, стараясь зажечь свѣчу (сама-то она дремала у камина), что изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ мистрисъ Вильсонъ:

— Кто тамъ?

Джебъ не отвѣчалъ и затаилъ дыханіе, надѣясь, что она забудется и больше ничего не услышитъ; но хозяйка, нимало не дѣлившая его опасеній, уронила щипцы, которые рѣзко застучали и звякнули, и вслѣдъ затѣмъ начала такъ пространно и громко извиняться, что не могло больше оставаться сомнѣнія въ присутствіи Джеба.

— Джебъ! Джебъ Легъ! крикнула вдова въ волненіи.

— Ахъ ты Господи! бормоталъ Джебъ, нехотя направляясь къ ея двери. Хотѣлъ бы я знать, грѣхъ ли теперь соврать немножечко? А ложь-то можетъ быть успокоитъ ее, дать ей выспаться. А то,

коли завтра дѣло лопнетъ, она пожалуй еще двѣ недѣли не заснетъ. А? попробовать развѣ.

— Джобъ, ты здѣсь что ли? произнесла она опять, дрожащимъ, смятеннымъ голосомъ.

— Какже, здѣсь я! А я думалъ, что ты ужь спишь!

— Сплю? Какже можно заснуть, пока я не узнаю, нашолся ли Вилль?

— Вотъ тебѣ и разъ! проворчалъ Джобъ и прибавилъ вслухъ: Небось, нашолся Вилль, цѣлъ и невредимъ, и завтра явится куда надо!

— И поручится за моего бѣднаго мальчика, да? поручится онъ за Джема? скажетъ, что онъ былъ съ нимъ, Джобъ? Да говори же, ради Бога!

— Э, куда ни шло! подумалъ Джобъ, за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Какже! крикнулъ онъ опять, все пояснить и присягу дать; а Джемъ оправдается и выдетъ невиненъ какъ дитя новорожденное.

Послышался шорохъ въ комнатѣ мистрисъ Вильсонъ, и Джобъ стоя у двери догадался, что она уже стоитъ на колѣнахъ и дрожащимъ голосомъ возсылаетъ благодаренія и радостныя слезы къ Богу.

Слыша это, Джобъ смутился, сердце у него оторвалось: онъ подумалъ о завтрашнемъ разочарованіи, о страшномъ пробужденіи ожидавшемъ ее поутру; онъ увидѣлъ всю тщету своей лжи. Но чтожъ теперь дѣлать!

Пока онъ слушалъ да размышлялъ, она кончила свою молитву.

— А Мери? Ты нашолъ ее у мистрисъ Джонсъ, Джобъ? продолжала она спрашивагь.

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Да, она теперь тамъ. Господи прости и помилуй! добавилъ онъ шопотомъ. Кто бы могъ подумать, чтобы я на старости лѣтъ сталъ такимъ отъявленнымъ вралемъ!

— Христось съ нею, гдѣ жъ она? Что неидетъ сюда, лечь въ постель. Ей пора отдохнуть и оправиться.

Джобъ откашлянулся, сплюнулъ въ сторону всѣ укоры своей совѣсти и отвѣчалъ:

— Да она немножко устала, утомилась отъ этого путешествія на лодкѣ, а мистрисъ Джонсъ упросила ее остаться переночевать. Ея домъ кстати недалеко отъ судебной палаты, такъ завтра оттуда сподручнѣе идти въ судъ.

— Ну, теперь легче пошло! продолжалъ Джобъ про себя, съ легкимъ стеланіемъ. — Видно самъ отецъ лжи пришолъ на подмогу, потому что рѣчь у меня пошла какъ по маслу, словно я и дѣло говорю. Авось больше не станеть спрашивать, то-то бы хорошо! Уйду, покаместъ она опять не столкнула меня съ бѣсомъ!

И онъ ушолъ въ кухню, гдѣ у камина продолжала ожидать его заспанная и лѣнивая хозяйка. Мужъ ея давно уже ушолъ спать.

Но Джобъ все еще не могъ ни на что рѣшиться и придумывалъ, что бы ему дѣлать. Будь онъ теперь въ лучшей постели изъ всего Ливерпуля, и тогда бы ему не удалось заснуть.

— Ты меня оставь тутъ, я посижу въ креслѣ, сказалъ онъ наконецъ хозяйкѣ, которая все еще стояла, дожидаясь его ухода.

Такъ какъ онъ былъ старинный другъ дома, то хозяйка оставила его въ покоѣ; впрочемъ можетъ-быть она слишкомъ дремала, чтобы воспротивиться чему-либо, и рада была какъ-нибудь отдѣлаться отъ гостя, лишь бы добраться до своего пуховика.

ГЛАВА XXXI

-Ужель прошла томительная ночь
 Съ тоской моей и мукой ожиданья?
 Та ночь, когда душа моя была
 Полна одною, неотвязной мыслью:
 Что изречетъ мнѣ завтра судія —
 -Невиннаго или виновнаго?... О судьба!
 А для иныхъ — для тысячи людей —
 Все та же ночь такъ мирно проходила,
 И счастье новое на утро имъ несла!

Вильсонъ

Но гдѣ же въ самомъ дѣлѣ Мери?

Какъ отлегло бы отъ сердца у бѣднаго Джоба, еслибы онъ могъ видѣть ее! А онъ просто измучился на ея счетъ; и сколько разъ, въ теченіе этой долгой ночи, выбранилъ онъ и ее и себя; — ее за упрямство, а себя за уступчивость, за то что согласился на ея неразумное желаніе все сдѣлать самой и одной отправиться за Виллемъ.

Правда, что Мери также не видала въ глаза постели, какъ и Джобъ, въ эту ночь; но все-таки она была подъ кровомъ честныхъ, почтенныхъ, хотя и грубыхъ людей.

Она не противилась, когда старый лодочник схватил ее за руку и потащил за собою по докамъ, черезъ лабиринтъ мелкихъ закоулочковъ. Она покорно пошла за нимъ, едва сознавая, что передвигаетъ ноги, не зная куда идетъ, но какъ-то смутно радуясь тому, что кто-то ею распоряжается.

Онъ привелъ ее къ старому-престарому домику, очень маленькому и построенному очевидно прежде всѣхъ другихъ зданій этой улицы, что и было вѣроятно причиною его почтенной, провинціальной и солидной наружности. Лодочникъ втолкнулъ ее въ кухню и увѣрившись наконецъ, что она цѣла и дорогою не пропала, хлопнулъ ее ладонью по спинѣ и произнесъ: Тутъ!

Кухня была свѣтлая и веселенькая, ярко освѣщенная огнемъ камина; этотъ яркій свѣтъ — а можетъ-быть отчасти и колотушка по спинѣ — привели Мери въ себя и она разомъ почувствовала всю неловкость и сомнительность своего положенія: приходилось тотчасъ отдавать о себѣ отчетъ маленькой, суетливой старушкѣ, хлопотавшей у очага. Лодочникъ повелъ себя въ этомъ случаѣ очень хладнокровно: онъ тотчасъ усѣлся въ свое кресло, и не удостоивая свою старуху никакими объясненіями, принялся жевать табакъ, при чемъ поглядывалъ на Мери съ самодовольнѣйшимъ видомъ: взглядъ его выражалъ то торжество побѣдителя, захватившаго въ руки мятежнаго врага, то лукавство тюремщика, какъ бы говорящаго: теперь попробуй вырваться!

Старуха — жена его — все еще стояла, съ кочергою въ рукѣ, ожидая, чтобы ей объяснили наконецъ, кого это мужъ такъ нецеремонно притащилъ къ себѣ въ гости; но пока она съ изумленіемъ глазѣла на дѣвушку, щеки Мери сначала вспыхнули, потомъ поблѣли какъ полотно: — въ глазахъ у ней потемнѣло — она схватилась за комодъ, чтобы не упасть — все пошло кругомъ передъ нею и она во весь ростъ упала на полъ.

Мужъ и жена бросились къ ней на помощь: подняли ее, безчувственную, и пока старикъ поддерживалъ ее на одной колѣнкѣ, старуха поплелась за холодною водою. Принесши воду, она плеснула ею въ лицо Мери, которая громко всхлинула, но все-таки не открыла глазъ и была такъ же блѣдна.

— Кто такая, Бенъ? спросила старушка, растирая безсильныя, онѣмѣвшія руки дѣвушки.

— Я почему знаю? отвѣчалъ супругъ сурово.

— Ну чтожъ, продолжала жена успокоительнымъ тономъ, съ которымъ обыкновенно обращаются къ капризнымъ дѣтямъ, и прибавила какъ бы про себя: — я вѣдь думала, что тебѣ можетъ-быть извѣстно, потому какъ ты ее привелъ домой. Бѣдняжка! Чтѣ ужъ ее спрашивать о чемъ-нибудь! Лишь бы помочь-то. Ахъ досадно, что спирту моего нѣтъ у меня теперь: въ прошлое воскресенье въ церкви я его сосѣдкѣ отдала, — она сердечная никакъ не могла удержаться отъ дремоты во время проповѣди. Ахти батюшки мои! да какая она блѣдная!

— На-ка, поддержи ее маленько! сказалъ мужъ.

Она повиновалась, продолжая шептать свои тихія рѣчи и не обращая вниманія на его отрывистые, рѣзкіе возгласы; для нея стараго, любящаго сердца и возгласы-то эти были словно перлы драгоценныя, потому что она отъ юныхъ лѣтъ не переставала еще любить своего мужа горячо и преданно: да и его, стараго ворчуна, кажется втайнѣ смягчали и угомоняли звуки ея добраго голоса, хотя онъ ни за какія блага не согласился бы обнаружитъ передъ ней сокровищъ своей давнишней нѣжности, вѣчно сокрытой подъ грубѣйшею оболочкой.

— Что ему, старому, надо тамъ? шептала старушка наклоняясь надъ дѣвушкой и укладывая ея голову какъ можно удобнѣе. — Вотъ перо мое вытацилъ, которое ужъ у меня никакъ пять лѣтъ лежитъ нетронутое. Съ нами сила Господня! Жжотъ вѣдь, жжотъ мое перо! А-а, знаю теперь — вотъ вѣдь какой догадливый: жжонныя перья, говорятъ, помогаютъ отъ обморока. Да, да, а этой бѣдняжкѣ и это не помогаетъ! Ну, теперь чего еще? Ага! Свѣтлая голова у моего старины: я бы вовѣкъ этого не придумала!

Старикъ между тѣмъ лазилъ на угловую полку и досталъ оттуда четырехъ-угольную склянку съ темнымъ, настоящимъ спиртомъ, и съ надписью: Золотая вода.

— Вотъ это такъ! сказала жена, когда онъ влилъ немножко этой жидкости въ полуоткрытый ротъ Мери и дѣвушка встрепенулась и кашлянула. — Вотъ, Господь съ нимъ! всегда-то онъ такой добрый, да изобрѣтательный.

— Вотъ ужъ нѣтъ! прорычалъ онъ, съ удовольствіемъ глядя на румянецъ, оживившій щеки дѣвушки и на ея открывшіеся глаза, съ удивленіемъ смотрѣвшіе вокругъ: — вотъ ужъ нѣтъ! Я средѣ еще не бывалъ такъ глупъ.

Жена помогла Мери встать и усадила ее въ кресла.

— Теперь ладно что ли, молодушка? спросил лодочникъ съ участіемъ.

— Да, сэръ, благодарю васъ. Я право, сэръ, не знаю какъ благодарить васъ, прибавила Мери слабымъ голосомъ.

— А провалъ васъ возьми съ вашей благодарностью! И онъ отряхнулся, взявъ свою трубку и вышелъ изъ дому безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Старуха осталась въ совершенномъ недоумѣніи насчетъ званія и положенія своей странной гостыи.

Мери посмотрѣла вслѣдъ за уходящимъ лодочникомъ, потомъ обратила грустные глаза на хозяйку и сдѣлала слабое движеніе, чтобы встать и тоже уйти изъ дому — сама не зная куда.

— Ни-ни! Кто бы ты ни была, а на улицу выходить тебѣ не годится теперь. Можетъ статья (продолжала старушка вполголоса) ты и пропащая какая; оно такъ и сдается мнѣ, потому что больно ужъ ты смазлива. Ну чтожъ! Пропაცія—то эти и терпятъ всего больше; потому порядочный человѣкъ никогда не пропадетъ, все будетъ на Бога надѣяться; а вотъ грѣшники-то и страдаютъ, душой скорбятъ и утѣшенія имъ нѣтъ. Горько имъ! Ихъ-то и жалко пуще всего, имъ и помогать надо. Не выйдетъ она сегодня изъ моего дома, кто бы ни была! Будь она себѣ хоть самая пропащая изъ всего Ливерпуля, и то не выпущу. Хотѣлось бы мнѣ только знать, гдѣ ее старикъ мой подцѣпилъ!

Мери, разсѣянно слушавшая эту рѣчь, попробовала дать хозяйкѣ нѣсколько положительныхъ, хотя и отрывочныхъ свѣденій.

— Я не пропащая, сударыня, право нѣтъ. Хозяинъ вашъ возилъ меня въ лодкѣ въ море, вслѣдъ за однимъ отплывшимъ кораблемъ. Тамъ есть одинъ человѣкъ, котораго очень нужно для спасенія жизни другого человѣка, котораго завтра судить будутъ. Капитанъ не отпустилъ его, но онъ сказалъ, что все-таки воротится, въ проводной лодкѣ — При воспоминаніи о своихъ разбитыхъ надеждахъ, Мери начала плакать, а старушка принялась утѣшать ее, начавъ съ своего обычнаго «ну чтожъ!»

— Ну чтожъ! И воротится, вѣрно воротится. Ужъ я знаю. Ты только не печалься, перестань объ этомъ горевать. Ну право же, непремѣнно воротится.

— О, я такъ боюсь! такъ боюсь, что не воротится! восклицала Мери, тѣмъ не менѣе очень утѣшенная увѣреніями старушки, хоть и знала, что увѣренія эти неосновательны.

Продолжая толковать вполголоса, отчасти про себя, отчасти обращаясь къ Мери, старушка приготовила чай и стала упрашивать гостью чего-нибудь перекусить и подкрѣпиться. Но Мери качая головою рѣшительно отказалась отъ ѣды, и только чашку чаю выпила съ жадностью. Вся внутренность ея горѣла отъ проглоченной въ безпамятствѣ водки и каждое впечатлѣніе воспринимала она съ необычайною живостью и болѣзненнымъ чувствомъ, между тѣмъ какъ голова у ней страшно болѣла и пылала.

Говорить ей очень не хотѣлось, потому что все выходило навыворотъ: произносились совѣтъ не тѣ слова, которыя она намѣревалась выговорить. Такъ она и сидѣла молча, а мистрисъ Стерджисъ (ея хозяйка) между тѣмъ продолжала говорить, убирая чайную посуду и во все время суетясь по комнатѣ изъ угла въ уголь, такъ что глядя на нее у Мери голова кружилась. Ей очень бы хотѣлось теперь проститься съ доброю старушкой и пойти спать. Но куда?

Старый лодочникъ воротился, но глядѣлъ еще сердитѣе и грубѣе прежняго. Онъ швырнулъ ногою сухія туфли, приготовленныя для него женою, и на всѣ ея рѣчи отвѣчалъ суровымъ рычаніемъ. Мери приписывала все это тому, что старикъ непріятно пораженъ, найдя ее все еще подъ своимъ кровомъ, и стала собираться съ силами чтобы покинуть этотъ домъ. Но она ошибалась. Черезъ нѣсколько времени онъ сказалъ, пристально смотря на огонь и какъ-будто къ нему исключительно обращаясь: — Вѣтеръ дуетъ прямо имъ навстрѣчу!

— Ай, неужто? сказала тихо жена, которая, зная его насквозь, очень хорошо понимала, что его теперешняя сварливость происходитъ единственно отъ затаеннаго сочувствія. — Ну чтожь! Вѣтеръ по вочамъ то и дѣло мѣняется. До утра еще далеко. Бьюсь объ закладъ, что съ тѣхъ поръ какъ ты смотрѣлъ, онъ уже перемѣнился.

Она взглянула въ окно на ближній флюгеръ, блестящій при лунномъ свѣтѣ на чужой крышѣ; но какъ истая жена и мать моряковъ, она мигомъ увидѣла, что флюгеръ стоитъ на самой неблагоприятной точкѣ: испутивъ глубокой вздохъ, она отвернулась отъ окна и начала по своему обыкновенію отыскивать другихъ средствъ къ утѣшенію.

— А развѣ некому больше дать въ судѣ-то показаніе, что вамъ завтра нужно? спросила она.

— Некому, отвѣтила Мери.

— И нѣтъ у васъ подозрѣній ни на кого другого, если тотъ и вправду невиновать?

Мери не отвѣчала, но вся вздрогнула.

Стерджисъ замѣтилъ это.

— Перестань надѣдаться ей своими распросами! сказалъ онъ женѣ. — Ей надо лечь въ постель, вишь она какъ продрогла отъ морской сырости. Я стану наблюдать за этимъ проклятымъ вѣтромъ — провалъ бы его взялъ — и за флюгеромъ. Вотъ какъ приливъ наступитъ, такъ и принесетъ ихъ.

Мери пошла наверхъ, шепча благодаренія и благословенія добрымъ людямъ, пріютившимъ ее, чужую сироту. Мистрисъ Стерджисъ привела ее въ комнату, въ которой все говорило о морѣ и о чужихъ земляхъ. Тутъ была кровать одного изъ сыновей, отплывшаго недавно въ Китай, и къ потолку привѣшена была койка другого сына, носившагося теперь по волнамъ балтійскаго моря. Простыни повидимому сшиты были изъ паруснаго холста, но не смотря на суровый цвѣтъ и грубость ткани, казались очень чистыми и гладкими.

На стѣнѣ висѣли два изображенія кораблей, съ подписями ихъ названій. На эти грубыя картинки обратились глаза доброй матери и смотрѣли до тѣхъ поръ, пока не наполнились слезами. Однако она отерла слезы рукою и веселымъ тономъ начала увѣрять Мери, что постели очень чистыя.

— Я не могу спать, благодарю васъ. Я вотъ тутъ буду сидѣть, если позволите, сказала Мери садясь на стулъ у окна.

— Ахъ нѣтъ, пожалуйста! сказала мистрисъ Стерджисъ: — хозяинъ мнѣ велѣлъ уложить васъ, и это надо сдѣлать. И что пользы наблюдать? Знаете пословицу — не глазѣй на чугуны, не то не закипитъ. А я вѣдь вижу, на что вы смотрите — все на флюгеръ. А я вотъ стараюсь на него никогда не глядѣть, не то такъ съ него глазъ и не спустишь. Иногда, какъ вѣтеръ-то подыметъ, у меня сердце выболитъ; но я стараюсь не глядѣть въ окошко и дѣлать свое дѣло, и не думать больше ни о чемъ, кромѣ своего дѣла.

— Позвольте мнѣ немножко посидѣть! упрашивала Мери, видя что хозяйка непремѣнно желаетъ ее уложить. Ея тонъ, ея взглядъ убѣдили хозяйку.

— Ну пожалуйста, пусть будетъ по вашему. Тамъ, внизу, мнѣ за это достанется, ужъ знаю я. Онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока

вы не ляжете. Такъ ужъ сидите потише, чтобы онъ думалъ, что вы заснули.

И Мери тихо, не шевелясь съ мѣста, всю ночь не спускала глазъ съ упрямаго флюгера. Она сидѣла на стулѣ у окна, отстраняя рукою занавѣску, повѣшенную въ спальнѣ отъ луннаго свѣта; голова ея прислонилась къ косяку, глаза горѣли, и съ рѣзкою болью вперялись на одинъ предметъ.

Наконецъ на горизонтѣ встало багровое утро и краснымъ заревомъ обдало комнату.

То было утро судебнаго дня!

ГЛАВА XXXII

...Тебя здѣсь обвиняютъ
Въ жестокомъ нарушеніи правъ господнихъ,
Въ томъ, что потворствуя страстямъ своимъ слѣпымъ,
Чужую жизнь ты отнялъ произвольно.
И словомъ, ты — чтобы назвать тебя
Тѣмъ страшнымъ именемъ, что всѣхъ приводитъ въ трепетъ,
Блѣднить чело и сердце холодить —
Убийца!..

Мильманъ.

Изъ всѣхъ безпокойныхъ людей, которымъ отъ чрезмѣрнаго волненія души ночь эта показалось длинною, едва ли не всѣхъ взволнованнѣе и безпокойнѣе былъ несчастный отецъ убитаго юноши. Онъ и вообще мало спалъ съ тѣхъ поръ какъ разразилось надъ нимъ это несчастіе: его постоянно преслѣдовали смутныя, тревожныя мысли, не давашія ему покою ни днемъ, ни ночью.

И всѣхъ безсоннѣе была конечно эта ночь. Онъ тысячу разъ думалъ и передумывалъ, все ли сдѣлано, все ли подготовлено къ непремѣнной гибели Джемса Вильсона; онъ начиналъ уже почти жалѣть, что слишкомъ поторопился веденіемъ этого дѣла, а между тѣмъ чувствовалъ, что не вкусить ни минуты покоя и отдохновенія, пока не добьется мести. Впрочемъ не знаю, употреблялъ ли онъ слово «мечь» въ своихъ соображеніяхъ и мечтахъ: онъ все звалъ ее «правосудіемъ», и вѣроятно считалъ свою цѣль законною жаждой правды на землѣ. И не зналъ онъ ни покоя, ни отдыха ни душѣ, ни тѣлу: безпрестанно, непрерывно шагалъ онъ взадъ и впередъ по своей спальнѣ, утомленную и тоскливою походкой звѣря, запертаго

въ кѣтку; когда же наболѣвшіе члены его наконецъ отказывались служить и онъ на минуту садился, то во всѣхъ суставахъ начиналась у него такая нервическая дрожь, такія болѣзненные, какъ бы судорожныя подергиванья, что онъ тотчасъ снова вставалъ и принимался ходить, избирая этотъ родъ утомленія и боли, какъ меньшее изъ двухъ золъ.

Съ разсвѣтомъ пробудилась вся его дѣятельность: онъ тотчасъ отправился будить своего адвоката, и еще разъ измучилъ его своими допросами и наставленіями; потомъ открылъ свои часы и сталъ ждать, когда наконецъ откроютъ засѣданіе и начнется судъ.

Что за дѣло ему до живыхъ, — до жены и дочерей, — что за дѣло до нихъ, когда тутъ лежитъ мертвый (все еще непогребенный, по настоятельному желанію отца; а отецъ не хотѣлъ хоронить его до тѣхъ поръ, пока убійца не будетъ приговоренъ къ казни)?

Въ девять часовъ всѣ собрались на общее, страшное свиданіе.

Судья, присяжные, истецъ, подсудимый, свидѣтели — всѣ собрались подъ одною кровлей; кромѣ того было тутъ множество народу, болѣе или менѣе принимавшаго участіе въ различныхъ процессахъ, однако участіе пассивное; въ числѣ такихъ людей находились Джобъ Легъ, Бенъ Стерджисъ, Чарли Джонсъ и многіе другіе.

Джобъ Легъ тщательно избѣгалъ вопросовъ со стороны мистрисъ Вильсонъ. По правдѣ сказать, онъ даже очень мало пользовался ея обществомъ въ это утро, потому что всталъ ранехонько и тотчасъ отправился отыскивать Мери; когда же окончательно убѣдился, что о ней нѣтъ ни слуху, ни духу, онъ съ отчаянія рѣшился все-таки не разочаровывать мистрисъ Вильсонъ, разсудивъ, что горе никогда не приходитъ слишкомъ поздно; и если ужъ ударъ неизбеженъ, то лучше какъ можно долѣе оставить ее въ невѣденіи насчетъ предстоящей бѣды. Она заняла свое мѣсто на скамьѣ свидѣтелей, и хотя была очень утомлена и слаба, но не показывала ни страха, ни смятенія.

Пока Джобъ протѣснялся въ толпѣ народа, желая пройти впередъ, писарь мистера Бриджнорта подозвалъ его къ себѣ.

— Вотъ письмо къ вамъ отъ нашего кліента, сказалъ онъ.

У Джоба сердце замерло, когда онъ бралъ письмо. Онъ и самъ не зналъ чего испугался, но ему все чудилось, что вотъ-вотъ Джемъ самъ признаетъ себя виновнымъ и тѣмъ опрокинетъ всѣ ихъ надежды.

Письмо было такого содержанія:

«Любезный другъ! Отъ всего сердца благодарю васъ за доброе вниманіе, за то что позаботились найти для меня адвоката; но мнѣ онъ никакой пользы не принесетъ, хотя многимъ другимъ можетъ быть и принесъ бы Тѣмъ не менѣе, дорогой другъ мой, я вамъ очень обязанъ. Я предвижу, что дѣло кончится для меня неблагопріятно, — и неудивительно: будь я самъ на мѣстѣ одного изъ присяжныхъ, я призналъ бы виновнымъ челоуѣка, противъ котораго было бы столько явныхъ уликъ. И такъ, если они признаютъ меня виноватымъ, то не ихъ вина. Однако, Джобъ Легъ, я думаю вы и сами знаете, что я такъ же виноватъ въ этомъ преступленіи, какъ новорожденное дитя, — хотя доказать этого я не могу. Если бы я не думалъ, что вы увѣрены въ моей невинности, то конечно не посмѣлъ бы и писать къ вамъ, не посмѣлъ бы выражать вамъ своихъ желаній. Не забудьте, что это желанія, — что это слова челоуѣка, ожидающаго скорой смерти. Дорогой мой другъ, позаботьтесь о моей матери; дѣло не въ деньгахъ, потому что и она и тетка Алиса на этотъ счетъ совершенно обезпечены. Но вы пожалуйста не тягитесь ею, когда она будетъ говорить съ вами обо мнѣ, и что бы ни думали, что бы ни говорили другіе, показывайте ей, что вы считаете меня казненнымъ понапрасну. Я не думаю, чтобы она долго могла пережить меня, и всѣхъ насъ. Будьте нѣжны къ ней, Джобъ, ради меня; и если подчасъ она будетъ брюзглива или немножко капризна, то простите ей и сообразите все что она выстрадала въ жизни. Я знаю, что матушка никогда не усомнится во мнѣ, Господь съ нею.

«Есть другая особа, которую мнѣ кажется я любилъ слишкомъ сильно. Однако эта-то любовь и составляла отраду всей моей жизни. Она будетъ думать, что я убилъ ея возлюбленнаго, что я причиною всѣхъ ея горестей, всѣхъ теперешнихъ страданій. Такъ и надо, чтобы она думала Тяжело мнѣ это выговорить, но дѣлать нечего: такъ и надо. Для нея это будетъ лучше, а объ ней только я теперь и думаю. Однако, милый Джобъ, вы для своихъ лѣтъ очень крѣпкаго здоровья и быть-можетъ проживете еще очень долго; въ такомъ случаѣ, черезъ много лѣтъ, если вы почувствуете приближеніе своей кончины, то скажите ей — такъ же торжественно, какъ я самъ теперь говорю вамъ, — что я умеръ невинно. Теперь вы ей этого не говорите, но черезъ много лѣтъ можно сказать: иначе я не могу вынести мысли, что она во всю свою долгую жизнь будетъ меня ненавидѣть, какъ убійцу своего возлюбленнаго, и ненависть эту унесетъ

съ собою въ могилу. Мнѣ слишкомъ тяжело было встрѣтить ее на томъ свѣтѣ все еще непримиренною со мною, а о томъ, какъ бы она взглянула на меня здѣсь — я и думать боюсь.

«И такъ, Богъ да благословитъ васъ, Джебъ Легъ, и затѣмъ прощайте.

«Преданный вамъ

«Джемсъ Вильсонъ.»

По прочтеніи письма Джебъ нѣсколько разъ перевернулъ его въ рукахъ, глубоко вздохнулъ и завернувъ его небрежно въ обрывокъ газетной бумаги, положилъ въ жилетный карманъ. Потомъ пошелъ къ двери той комнаты, гдѣ находились свидѣтели, чтобы навѣдаться, не тутъ ли Мери Бартонъ.

Когда дверь отворилась, онъ увидалъ ее сидящую у стола, на который она положила обѣ руки, а голову склонила на руки. Положеніе это выражало совершенное отчаяніе и конечно этого было достаточно, чтобы вовсе обезкуражить бѣднаго, смущеннаго Джеба; а тутъ еще раздавались неудержимыя рыданія и горькія жалобы мистрисъ Вильсонъ, которыя ясно доказывали, что она хотя отчасти была уже разочарована въ блистательныхъ надеждахъ, поданныхъ имъ наканунѣ. Самой мистрисъ Вильсонъ въ дверь не было видно, а Джебъ конечно не полюбопытствовалъ заглянуть въ комнату подалѣе.

Печально воротился онъ въ толпу зрителей, радуясь, что ни вдова, ни Мери не видали его у дверей.

Нѣсколько оправившись отъ своего смятенія и достаточно соображившись съ мыслями, чтобы понять что вокругъ него происходитъ, онъ услышалъ, что уже начался судъ Джемса Вильсона по дѣлу объ убійствѣ Генри Карсона. Писарь громогласно читалъ изложеніе дѣла, и минуты черезъ двѣ послѣдовалъ обычный вопросъ: «что вы скажете, виновенъ или не виновенъ?»

Не смотря на то что отвѣтъ уже былъ извѣстенъ, потому что неизмѣнно и всегда былъ одинъ и тотъ же, — въ присутствіи настало мертвое молчаніе: торжественная тишина присутствовала даже и этотъ чисто официальный приступъ. Подсудимый стоялъ, крѣпко сжавъ губы и пристально смотря на судью — но только тѣлесными очами видѣлъ онъ его; духовный же взоръ его блуждалъ далеко-далеко... Воображеніе какъ-будто представляло въ быстрой переменахъ всю картину прошедшей жизни: сначала мелькнули воспоминанія дѣтства, отецъ такъ гордившійся имъ, своимъ первенцемъ; ми-

льй товарищъ дѣтскихъ игръ — рѣзвая Мери ; потомъ надежды и любовь... отчаяніе, и все-таки любовь, и пустота въ мірѣ, и тоска въ жизни безъ ея отвѣтной любви ; потомъ мать, бездѣтная мать, но ненадолго уже бездѣтная, скоро и она соединится со всѣмъ, что любила на землѣ, а пока будетъ доживать, то не станетъ мучиться сомнѣніями и опасеніями за дитя свое, — она вѣритъ въ невинность его... И вотъ, внезапно очнувшись отъ своего забытья, онъ произнесъ тихимъ и твердымъ голосомъ :

— Невинентъ, милордъ.

Всѣ обстоятельства убійства, нахожденіе тѣла и улики противъ Джема были извѣстны большей части присутствующихъ почти такъ же какъ намъ съ вами ; поэтому во время чтенія обвинительнаго акта, въ публикѣ поднялся маленькій шумъ и завелись разговоры.

— Вонъ, что сидитъ за Вильсономъ, это и есть мистеръ Карсонсъ-отецъ.

— Какая благородная наружность у этого старика ! Какое суровое, непреклонное выраженіе и какой классическій профиль ! Не правда ли, какъ онъ напоминаетъ нѣкоторые бюсты Юпитера ?

— Ахъ, меня больше интересуеетъ подсудимый. Я вообще ужасно люблю наблюдать преступниковъ. Всмотриваешься въ этотъ человѣческій образъ, общій всѣмъ людямъ, и все стараешься уловить въ немъ признаки тѣхъ злодѣйствъ, которыми они выдѣлились изъ людей массы. Я таки довольно видѣлъ убійцъ, на своемъ вѣку, но признаюсь, мнѣ рѣдко случалось встрѣтить человѣка, съ такимъ рѣзкимъ отпечаткомъ каинова преступленія на лицѣ, какъ вотъ у этого подсудимаго.

— Гм... я конечно не физиономистъ, но лицо его право не производитъ на меня такого дурного впечатлѣнія. Конечно, онъ теперь мраченъ и угрюмъ, но вѣдь это очень естественно въ его положеніи.

— Да вы посмотрите внимательнѣе на его низкій лобъ, выражающій такую рѣшительность, на опущенные глаза, на бѣлыя, стиснутыя губы. Онъ и головы не поднимаетъ, — посмотрите !

— Лобъ у него не очень низокъ, еслибы только откинуть назадъ эти громадные черные волосы, и притомъ форма лба довольно хорошая, по всѣмъ признакамъ. Если и другіе судятъ человѣка по такимъ пустымъ примѣтамъ, то лучше бы ужъ тюремный цирюльникъ остригъ этого молодца прежде суда. А что касается до опущенныхъ глазъ и стиснутыхъ губъ, то это происходитъ отъ его теперешней

ажитации. Повѣрьте, мой милый, что къ нравственности подсудимаго это нимаго не относится.

Бѣдный Джемъ! Даже и великолѣпные волосы твои, которыми такъ гордилась нѣжная мать, послужили теперь къ твоему осужденію!

Позвали свидѣтелей. Сначала къ отвѣту потребовались только полисмены, люди привычные къ дѣламъ такого рода и такъ хорошо знавшіе, чего именно отъ нихъ требуютъ, что всѣ ихъ показанія были кратки, обстоятельны и нимаго не утомили вниманія слушателей.

— Ясно какъ день противъ подсудимаго, шепнулъ одинъ изъ писарей другому.

— То-есть черно какъ ночь, сострилъ его собесѣдникъ, и оба улыгнулись.

— Джени Вильсонъ! Это кто? судя по фамиліи, должно быть родственница?

— Родная мать, — та, что даетъ показаніе насчетъ ружья, помните?

— О, да, — какже, помню! Ну плохо же ей, бѣдняжкѣ, я полагаю.

Тутъ оба смолкли, потомучто одинъ изъ чиновниковъ подвелъ мистрисъ Вильсонъ къ скамьѣ свидѣтелей. Я часто называю ее старухой и старушкой, потомучто въ сущности она кажется гораздо старѣе своихъ лѣтъ, а по настоящему ей тогда могло быть немного больше пятидесяти. Частію отъ болѣзни, или отъ ушиба, полученнаго ею еще въ молодости и оставившаго на лицѣ ея слѣды затаеннаго страданія, частію отъ сварливаго нрава, частію отъ горя, или наконецъ отъ прихрамыванья, она всегда была очень старообразна. Но теперь ей казалось далеко за семьдесятъ лѣтъ: всѣ черты лица ея заострились, глаза и щеки впали, кожа сморщилась и походка была чрезвычайно слаба. Она видимо старалась подавить рыданія, успокоиться и бессознательно силилась такъ вести себя, чтобы угодить сыну, котораго она такъ часто огорчала своимъ нетерпѣніемъ и рѣзкостью. Онъ скрывалъ лицо руками, положивъ ихъ на перила рѣшотки, и въ этомъ положеніи оставался почти во все время пока продолжался судъ, что не мало возбуждало публику противъ него. Присяжный адвокатъ началъ допросъ.

— Ваше имя Джени Вильсонъ?

— Да, сэръ.

— Вы мать подсудимаго?

— Да, сэръ, повторила она дрожащимъ гласомъ, въ которомъ все еще слышны были слезы; но она усиленно подавила ихъ, желая выказать себя передъ сыномъ какъ можно приличнѣе.

Адвокатъ приступилъ къ важнѣйшей части допроса, клонившейся къ доказательству того, что ружье, найденное на мѣстѣ преступленія, точно принадлежитъ подсудимому. Мистрисъ Вильсонъ съ самаго начала такъ ясно доказала это полисмену, что теперь опираться было невозможно; и потому, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, ружье внесли въ присутствіе и задали ей положительный вопросъ:

— Это ружье принадлежитъ вашему сыну, не такъ ли?

Въ мучительномъ безсиліи произнесть роковое слово, она ухватилась за перегородку обѣими руками, и наконецъ тоскливо промолвила:

— О, Джемъ, Джемъ! Чтѣ мнѣ сказать?

Всѣ головы потянулись впередъ, чтобы разслушать отвѣтъ подсудимаго, хотя на общій ходъ слѣдствія отвѣтъ этотъ не могъ имѣть вліянія. Онъ поднялъ голову, — лицо его выражало полнѣйшее состраданіе къ матери, и вмѣстѣ съ тѣмъ твердую рѣшимость все вынести, чтѣ бы ни вышло ему на долю. Онъ произнесъ:

— Говори правду, матушка.

Такъ она и сдѣлала, съ покорностью малаго ребенка. Каждый изъ присутствующихъ чувствовалъ, что она говоритъ правду и невольно расположился къ матери и сыну, послѣ этого краткаго обращенія ихъ другъ къ другу. Но страшный судья оставался непоколебимъ, присяжные не выказали ни малѣйшаго сочувствія, и адвокатъ торжественно изложилъ передъ судилищемъ все обстоятельства дѣла, упомянувъ между прочимъ объ отсутствіи Джема изъ дому въ тотъ вечеръ какъ совершилось убійство, и вообще обо всѣхъ уликахъ противъ подсудимаго.

Чтеніе кончилось. Матери позволили сойти внизъ. Но она не могла долѣе сдерживать порывовъ материнскаго сердца и внезапно обратившись къ судѣ, котораго считала верховнымъ распорядителемъ судьбы сына, стала говорить своимъ подавленнымъ, прерывающимся голосомъ:

— Ну, сэръ, хоть я и сказала вамъ правду, чистую правду, какъ она мнѣ велѣла; но вы съ моихъ словъ не вздумайте его осуждать на казнь! О, милордъ, клянусь вамъ, что онъ невиненъ какъ дитя въ утробѣ матери. Вѣдь я мать ему, я его выкормила, вынянь-

чила, и съ перваго дня рожденія утѣщалась имъ каждый часъ, такъ мнѣ ли его не знать! Ужь я конечно лучше его знаю, чѣмъ вонъ эти молодцы (она кивнула головою на присяжныхъ и новымъ усиленіемъ воли принудила себя отчетливо произносить слова), — они, я думаю, сроду его не видывали до сего дня. Милордъ судья, да онъ такой добрый, такой хорошій, что я не разъ дивилась на него глядя: есть ли на немъ какой грѣхъ? И сколько разъ, бывало, какъ нападетъ на меня сердитый часъ (а я таки бываю сердита), пеняла я на себя, и говорила: неблагодарная я этакая, слѣпая грѣшница, мнѣ ли Господь не послалъ Джема? чего бы еще кажется, какого надо добра послѣ этого? А вотъ Господь и наказалъ меня. Если же Джемъ... если Джема возьмутъ у меня, то останусь я круглой сиротой; и такая буду бѣдная, такая бѣдная, никого у меня больше не будетъ, кто бы душу мою отогрѣлъ, и не могу я на это сказать — да будетъ воля божія! Не могу я, милордъ, нельзя этого!

Рыдая произнесла она послѣднія слова и вышла изъ присутствія, поддерживаемая нѣсколькими служителями правосудія, которые вели ее однакоже съ почтеніемъ и заботливостью, достойными ея великой печали.

Улики шли одна за другою, усиливаясь и умножаясь по мѣрѣ появленія новыхъ свидѣтелей, такъ что грозили вскорѣ окончательно погубить Джема. Уже доказана была подлинность ружья, и то, что за нѣсколько дней до убійства онъ грозился на молодого Карсонса; и даже то, что полиція принуждена была въ то время разнять противниковъ и вмѣшаться въ ихъ ссору, для предупрежденія какой-нибудь крайности. Оставалось доказать, что были достаточно побудительныя причины къ угрозѣ и къ самому убійству. Полисменъ, слышавшій на улицѣ крупный разговоръ Джема съ Карсонсомъ, передалъ его присутствію и такимъ образомъ навелъ на слѣдъ Мери Бартонъ.

Теперь и ее потребовали къ допросу. Зала присутствія была уже биткомъ набита, но этой частью слѣдствія публика такъ сильно интересовалась, что въ дверяхъ стали тѣсниться новыя толпы.

Старый Карсонсъ почувствовалъ новое сжиманіе сердца при мысли, что сейчасъ увидитъ эту Елену — причину всѣхъ золъ и бѣдъ; онъ ждалъ ея появленія съ смѣшаннымъ чувствомъ участія и отвращенія; потомучто покойникъ вѣдь любилъ ее, да и она можетъ-быть на свой ладъ любить и оплакиваетъ то же существо, которое онъ теперь такъ горько оплакиваетъ! Въ тоже время онъ

какъ-будто ненавидѣлъ ее, презиралъ ея пресловутую красоту, причину его горя; онъ ревновалъ къ ней своего покойнаго сына, и хотѣлъ бы отнять у ней даже законное право горевать о немъ, о безвременной его кончинѣ. Надо напомнить читателю, что въ публикѣ всѣ считали рѣшоннымъ и подписаннымъ, что красивый, веселый и блистательный, богатый, молодой джентльменъ безъ всякаго сомнѣнія былъ предпочтенъ красавицею этому угрюмому, серьезному кузнецу, который притомъ же долженъ трудами рукъ своихъ зарабатывать хлѣбъ насущный.

До сихъ поръ ходъ дѣла вполне соответствовалъ заветнымъ надеждамъ и ожиданіямъ мистера Карсонса: на суровомъ лицѣ мстителя, съ котораго казалось навѣки исчезла улыбка, выразилось довольство, родъ какого-то мрачнаго наслажденія.

Всѣ глаза обратились на ту дверь, въ которую входили свидѣтели. Даже Джемъ поднялъ голову и захотѣлъ взглянуть на нее хоть на одинъ мигъ, чтобы потомъ отвернуться отъ ея негодующаго взгляда. Служитель пошелъ за нею.

Она все еще сидѣла въ томъ положеніи, въ которомъ за два часа назадъ видѣлъ ее Джобъ Легъ, въ полуотворенную дверь. Она не шевельнулась съ тѣхъ поръ ни однимъ пальцемъ. Сторожъ окликнулъ ее, но она не тронулась съ мѣста и оставалась до того неподвижною, что онъ сочелъ ее спящею и подошедши тронулъ ее. Она тотчасъ вскочила, быстрыми, поспѣшными шагами послѣдовала за нимъ въ присутствіе и сѣла на скамью свидѣтелей.

И изъ всего этого моря человѣческихъ образовъ, смутно и туманно волновавшихся передъ нею, различала она только двѣ определенныя точки: судью, могущаго осудить, и подсудимаго, которому быть-можетъ суждено умереть.

Мягкіе лучи утренняго солнца заструились черезъ высокое окно надъ ея головою и освѣтили ея роскошныя, золотистыя волосы, густыми прядями подобранные подъ маленькій чепчикъ; въ томъ же лучѣ заронились мошки. Между тѣмъ вѣтеръ надворъ перемѣнился — перемѣнился почти въ ту минуту, какъ она перестала наблюдать за олюгеромъ; а она этого не замѣтила, не знала!

Многіе изъ присутствующихъ, ожидавшіе увидѣть красавицу плотную, кровь съ молокомъ — сильно разочаровались при видѣ Мери, потомучто она была блѣдна какъ мертвецъ; лицо ея выражало какую-то странную рѣшимость, а въ глубокихъ, сѣрыхъ глазахъ такъ и просвѣчивала скорбная, смятенная душа. Но нѣкоторые изъ

зрителей тотчасъ признали въ ней красавицу иного рода, сѣвшую такой высокой, чистой и странной прелестью, что иныхъ она поразила на многіе годы, такъ что ее уже забыть не могли.

Собраніе рябило и путалось въ ея глазахъ; она почти ничего не могла разобрать, кромѣ все тѣхъ же двухъ завѣтныхъ образовъ, и на первый простой вопросъ адвоката кажется объ имени ея и званіи — отвѣчала совершенно машинально, точно во снѣ. Точно также отвѣчала она и на два или три другіе вопроса, все еще отуманенная и не увѣренная, чтобы все это происходило въ дѣйствительности, все еще не проникнувшись сознаніемъ страшной истины.

Какъ вдругъ, сама не зная какъ и отчего, она очнулась. Внезапно нахлынуло на нее сознаніе, что все это правда, что сотни глазъ устремлены на нее, что сама она произноситъ живыя слова, что вотъ этотъ человѣкъ, склонившій голову на руки, не иной кто какъ Джемъ. Лицо ея вспыхнуло яркимъ румянцемъ, но тотчасъ краска сбѣжала и щеки стали еще блѣднѣе прежняго. Боясь самой себя, боясь измѣнить ужасной тайнѣ, сокрытой во глубинѣ души ея, она съ усиленіемъ напрягала свои способности, чтобы быть какъ можно внимательнѣе, отвѣчать впопадъ и все понять, о чемъ ее спрашиваютъ. Изошривъ такимъ образомъ свое вниманіе, она услышала слѣдующій вопросъ, сдѣланный молоденькимъ адвокатомъ, крайне довольнымъ, что ему досталось допрашивать именно этого свидѣтеля.

— А позвольте спросить, который изъ поклонниковъ былъ счастливѣе? Вы сказали, что знакомы съ обоими молодыми людьми. Кто же былъ счастливѣе, т. е. котораго вы изволили предпочесть?

Да кто-же онъ, этотъ дерзкій допросчикъ, такъ смѣло проникающій въ ея сердечную тайну? Что за человѣкъ, который осмѣлился, при цѣломъ собраніи незнакомаго народа, спрашивать то, что женщина со слезами, съ краскою на лицѣ, повѣряетъ обыкновенно одному только человѣку, наединѣ, да и то не вдругъ?

Лицо Мери выразило живѣйшее негодованіе: она холодно и твердо посмотрѣла въ глаза дерзкому адвокату. Но въ ту же минуту она замѣтила, какъ дрогнула фигура человѣка, стоявшаго тамъ, въ углу, за адвокатомъ, какъ двѣ руки мгновенно опустились внизъ и какъ въ ея сторону обратилось лицо — проникнутое такою неизяснимою любовью, такой неисходной печалью, такою мучительною боязнью въ ожиданіи ея отвѣта, что она въ ту же минуту рѣшилась на все. Настоящая минута всего важнѣе, — будущее представля-

лось ей неизмѣримой, мертвенной пустыней, мысль о немъ повергала ее въ безуміе. Но *теперь* пришла пора сознаться въ своей ошибкѣ, пора сознаться даже въ своей любви. Да, именно теперь, когда онъ, возлюбленный, всеми покинутъ, осуждаемъ и преслѣдуемъ, теперь-то и не стыдно признаваться въ любви къ нему. И такъ, она медленно обернулась къ судѣ, частію для того, чтобы доказать противному допросчику, что она не съ нимъ имѣетъ дѣло, частію, чтобы скрыть свое лицо и самой не видѣть того, другого, который такъ мучительно ожидалъ ее страшнаго отвѣта.

— Меня спрашиваютъ, котораго изъ двухъ я больше любила? Прежде можетъ-быть мнѣ нравился мистеръ Гарри Карсонъ — право не знаю, — забыла; по подсудимаго, Джемса Вильсона, я любила больше всего на свѣтѣ, любила невыразимо, и теперь люблю еще сильнѣе, хотя до сихъ поръ онъ никогда не зналъ объ этомъ ни слова. Извольте видѣть, сэръ, я лишилась матери тринадцати лѣтъ отъ роду, когда еще не знала ни добра, ни худа; а была я тщеславна, глупа, неопытна, и любила слушать какъ прославляли мою наружность. Тутъ повстрѣчалась я съ бѣднымъ этимъ молодымъ Карсонсомъ; онъ меня замѣтилъ, сталъ увѣрять, что любить меня; а я, по глупости своей, думала, что онъ затѣваетъ на мнѣ жениться. Ужасна, сэръ, для дѣвочки потеря матери, особливо въ молодыхъ лѣтахъ. Ну, а мнѣ казалось, что хорошо-бы попасть въ барыни, быть богатой и никогда больше не знать нужды и заботы. И сама я не знала, какъ мнѣ дорогъ Джемъ Вильсонъ, до самаго того дня, какъ онъ пришолъ ко мнѣ одинъ разъ съ предложеніемъ жениться на мнѣ, а я отвѣчала рѣзкимъ и жестокимъ отказомъ (Богъ видитъ, сэръ, моя жизнь тогда была несладкая, я была внѣ себя); онъ повѣрилъ на слово и съ того дня покинулъ меня. И я съ тѣхъ поръ ниразу его не видала, не говорила съ нимъ ни полслова, хотя мнѣ очень хотѣлось его видѣть, чтобы показать ему какъ-нибудь, что оба мы поторопились и напрасно разошлись такъ внезапно; потому что какъ только онъ ушолъ отъ меня тогда, я въ одну минуту узнала навѣрное, кого я люблю — и люблю больше жизни... прибавила она, понизивъ голосъ при этомъ вторичномъ признаніи. — Но такъ какъ джентльменъ спрашиваетъ меня, кого я окончательно предпочитала, то объявляю, что мистеръ Карсонъ мнѣ только нравился и льстил моему самолюбію; а Джемса Вильсона я...

Она закрыла лицо руками, чтобы скрыть яркую краску, покрывавшую ее щеки, шею и даже пальцы.

Настала минута молчанія. Рѣчь ея конечно внушила слушателямъ участіе и сожалѣніе къ подсудимому, но она же и усиливала правдоподобность его преступленія. Адвокатъ продолжалъ допросъ:

— Но вѣдь вы видали молодого мистера Карсонса и послѣ отъказа, сдѣланнаго подсудимому Вильсону?

— Да, часто видала.

— Слѣдовательно разговаривали съ нимъ въ послѣднее время?

— Собственно разговоръ съ нимъ я имѣла только однажды.

— О чемъ же? Какова была сущность вашего разговора? Сказали ли вы ему, что предпочитаете другого?

— Нѣтъ, сэръ. Я не думаю, чтобы дурно поступила теперь, откровенно высказавъ свои чувства; но тогда, у меня никогда не достало-бы смѣлости признаться одному молодому человѣку въ томъ, что я люблю другого. Я никогда не говорила мистеру Карсонсу о Джемсѣ. Никогда.

— Что-же вы говорили ему во время этого послѣдняго, окончательнаго *разговора*, какъ вы его называете? Если не помните выраженій, то по крайней мѣрѣ передайте точный смыслъ своихъ словъ.

— Постараюсь, сэръ, но хорошенько не припомню. Я ему сказала, что не могу его любить и не желаю болѣе имѣть съ нимъ никакихъ сношеній. Онъ всячески старался переувѣрить меня, уговаривалъ, но я стояла на своемъ и наконецъ убѣжала.

— И никогда съ тѣхъ поръ не говорили съ нимъ?

— Никогда!

— Помните, сударыня, что вы говорите подъ присягою. Скажите-же, говорили ли вы когда либо подсудимому о вниманіи къ вамъ мистера Генри Карсонса? о вашемъ знакомствѣ съ нимъ? Не пытались ли когда нибудь возбудить въ немъ ревность, похвальнось поклонникомъ высшаго полета?

— Никогда. Этого никогда! — проговорила она такъ твердо и рѣшительно, что въ истинѣ этихъ словъ не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Не знаете ли вы, до какой степени ему извѣстны были сношенія ваши съ мистеромъ Карсонсомъ? Помните присягу.

— Никогда, сэръ. Я ничего не знала до тѣхъ поръ, пока услышала о ссорѣ его съ мистеромъ Карсонсомъ, и о томъ, что Джемъ сказалъ при полиціи. Но все это я услышала уже послѣ убійства. Я и до сихъ поръ не могу придумать, кто могъ сказать Джемю? О, сэръ, позвольте мнѣ удалиться!

Она чувствовала, какъ мало-помалу разсудокъ, власть надъ собою и самыя физическія силы ее оставляли, она рѣшительно тѣрпала сознаніе, и лишилась уютребленія своихъ членовъ. Заставлять ее долѣе оставаться въ судѣ не было надобности, она свое дѣло сдѣлала, и ее отпустили. Подозрѣнія противъ подсудимаго стали еще сильнѣе; но онъ уже оправился, выпрямился и вся его фигура выражала столько достоинства, рѣшимости и твердости, что это придавало ей какое-то особое достоинство. А между тѣмъ онъ погрузился въ глубокую думу.

Во все это время Джекъ Легъ трудился успокоить и утѣшить мистрисъ Вильсонъ, которая сначала оставалась въ залѣ, чтобы по-смотреть на свое дѣтище, а потомъ стала рыдать и всхлипывать такъ громко, что принуждена была выйти на свѣжій воздухъ, и тамъ, сидя на ступеняхъ палаты, горько плакала. Неизвѣстно, кто бы принялъ Мери подъ свое покровительство, по выходѣ ея изъ залы, еслибъ не мистрисъ Стерджисъ, добрая жена стараго лодочника; движимая участіемъ къ Мери, она явилась таки въ присутствіе и теперь протѣснилась къ ней, чтобы вывести ее изъ залы.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказала ей Мери. Я отсюда не уйду, надо-же наблюдать, смотреть, а нето его повѣсятъ!

— О, какъ можно! воскликнула старушка. Его не повѣсятъ, будьте спокойны. Ктому-же и вѣтеръ вовсе перемѣнился, а это вѣдь для него добрый знакъ. Пойдемте-ка, какія вы горячія! То блѣднѣете, то краснѣете — вѣрно вы нездоровы. Пойдемте отсюда.

— Ахъ, ничего я не знаю, только низачто не уйду отсюда, отвѣчала Мери страннымъ посиѣшнымъ шопотомъ, хватаясь за перила, какъ бы изъ страха, чтобы какая нибудь посторонняя сила не увлекла ее прочь. Мистрисъ Стерджисъ стала около нея и терпѣливо выжидала, время отъ времени просовывая голову впередъ и стараясь разсмотрѣть, тутъ ли ея мужъ. И каждый разъ она видѣла его, крѣпко стоящаго на мѣстѣ, глядящаго во всѣ глаза и слушающаго обоими ушами. Жена могла быть увѣрена, что пока не кончится засѣданіе, онъ не уйдетъ, и дома ея не хватится.

Мери продолжала крѣпко держаться за перила: ей надо было на что нибудь опереться, какъ нибудь устоять на мѣстѣ въ этой душной, кружащейся залѣ. Она думала, что если ухватится за что-нибудь жесткое и твердое, ей легче будетъ слушать и понимать, — а то какая страшная боль въ головѣ и какой одуряющій трудъ вслушиваться и сознать все это! Вотъ они всѣ въ морѣ, плывутъ по

большимъ, пѣнистымъ волнамъ, и говорятъ всѣ вмѣстѣ, разомъ, и никто не замѣчаетъ, никто не хочетъ слушать ея отца, который велитъ имъ молчать и слушать, что онъ скажетъ. Но вотъ опять, кажется, зала перестаетъ качаться и кружиться — всѣ по мѣстамъ и ей опять можно разсмотрѣть судью: онъ все сидитъ какъ идола, неподвижный и важный, въ своихъ регаліяхъ. А противъ него Джемъ, онъ смотритъ на нее и кажется хочетъ сказать: неужели мнѣ умереть за твоего от...? — она страшнымъ усиліемъ принудила себя опомниться и на минуту пришла въ себя. Но мысли ни на минуту не оставались въ порядкѣ: опять, опять все закружилось и спуталось; она все больше теряла сознание, все меньше могла владѣть собою, и начала бормотать какія-то несвязныя рѣчи. Ихъ слышала одна мистрисъ Стерджисъ, всѣ остальные слишкомъ заняты были ходомъ дѣла, которое приближалось къ концу.

Адвокатъ подсудимаго избѣгалъ перекрестныхъ допросовъ, предоставляя себѣ право снова призвать свидѣтелей послѣ; инструкции были ему даны такія неточныя, такія краткія, исходъ дѣла такъ много зависѣлъ отъ показанія посторонняго лица, которое все еще не являлось въ присутствіе, что въ сущности онъ и самъ не зналъ, съ чего начать защитительную рѣчь; до сихъ поръ онъ довольствовался безмолвнымъ наблюденіемъ и только выжидалъ случая представить какой-нибудь законный протестъ. Развалившись въ креслахъ, онъ все нюхалъ табакъ, стараясь придать этому движению самое презрительное выраженіе; изрѣдка онъ подымалъ брови и обмѣнивался какимъ-нибудь замѣчаніемъ съ мистеромъ Бриджнортомъ, который сидѣлъ за его спиною.

Бриджнортъ интересовался дѣломъ несравненно болѣе адвоката, потому быть-можетъ, что въ немъ принималъ участіе старый пріятель его, Джобъ Легъ; а Джобъ между тѣмъ чрезъ Чарли Джонса познакомился съ Беномъ Стерджисомъ, который рассказалъ ему всѣ подробности вчерашняго путешествія Мери: выслушавъ все это, онъ протѣснился къ мистеру Бриджнорту и передалъ ему всѣ эти свѣденія, а также свои опасенія и надежды.

Впрочемъ Джобъ сообщилъ все это до того кратко, что Бриджнортъ почти не понялъ и заключилъ только, что время дорого и что надо его выиграть, что и передалъ адвокату, который въ эту минуту всталъ съ мѣста, чтобы начать защитительную рѣчь.

Джобъ, получивъ наконецъ достаточное понятіе о положеніи дѣла, и доставивъ нужныя свѣденія адвокату, сталъ искать Мери.

Оглядѣвшись хорошенько, онъ увидѣлъ ее, стоящую рядомъ съ какою-то старушкой очень приличной наружности; лицо Мери было воспалено и тревожно, губы ея безпрестанно шевелились, какъ будто она то и дѣло что-то рассказывала, а глаза, ни на чемъ не останавливаясь, безпрерывно перебѣгали съ одного предмета къ другому, точно она чего-то искала. Джобъ подумалъ, не его ли она ищетъ, и пошелъ проталкиваться къ ней. Но когда онъ наконецъ протѣснился до нея, она на него не обратила никакого вниманія, и какъ онъ съ ней ни разговаривалъ, она все продолжала осматриваться и все такъ же дико поводила глазами. Онъ пытался прислушаться къ ея торопливому бормотанью и услышалъ повтореніе все однихъ и тѣхъ же словъ:

— Мнѣ нельзя сходить съ ума, никакъ нельзя, низачто. Говорятъ, что сумашедшіе высказываютъ всю правду; да это неправда. Вѣдь я всегда была лгунья; право лгунья, а не сумашедшая. Мнѣ и нельзя сходить съ ума, никакъ нельзя, низачто.

Какъ вдругъ она замѣтила, съ какимъ горестнымъ вниманіемъ слѣдить за ней Джобъ; рѣзкимъ движеніемъ обернувшись къ нему, она было хотѣла попрекнуть его нахальнымъ подслушиваньемъ, но внезапно увидѣла что-то — или кого-то — кто даже и въ теперешнемъ ея состояніи разомъ сосредоточилъ на себя ея вниманіе. Тогда, сильнымъ взмахомъ поднявъ руки вверхъ, она громко крикнула:

— О Джемъ, Джемъ! Ты спасенъ, а я — безумная! — и въ то же мгновеніе ее схватили судороги. Осторожно и почтительно ее вынесли изъ присутствія, но всеобщее вниманіе уже обратилось въ другую сторону: дверь отворилась и въ залу ворвался какой-то отчаянный матросъ, который черезъ стулья, скамьи и перила, помимо сторожей и полисменовъ, пробирался впередъ, усердно ломая на пути все преграды.

Чиновники сильно противились такому насильственному вторженію, но никакъ не могли убѣдить новопривышшаго въ необходимости болѣе правильной системы дѣйствія; насилу уломали его отправиться на мѣсто, пазначенное ему закопомъ, т. е. на скамьи свидѣтелей. Вилль до того измучился мыслію объ опасности, которой въ его отсутствіе подвергался Джемъ, что даже и теперь еще опасался, что вотъ-вотъ схватятъ подсудимаго и повѣсятъ, прежде нежели онъ, Вилль, успеетъ произнести свое оправдательное показаніе. Что касается до Джоба Лега, то онъ пришелъ въ совершенное смятеніе, что уже видно изъ того, съ какимъ равноду-

шіемъ онъ допустилъ добрую мистрисъ Стерджисъ — совершенно ему незнакомую женщину — унести изъ присутствія несчастную Мери, которая между тѣмъ металась въ конвульсіяхъ.

— Эта-то очнется, отойдетъ! Объ ней думать нечего! думаль онъ и дрожащею рукой навараксалъ на доскуткѣ бумаги коротенькую записочку мистеру Бриджнорту; Бриджнортъ, съ своей стороны, видя бурное вторженіе Виля въ замиравшее отъ ожиданія присутствіе, тотчасъ понялъ, что это долженъ быть тотъ самый отсутствующій свидѣтель, который таки явился (лучше поздно чѣмъ никогда) и еще можетъ спасти подсудимаго отъ вѣрной казни. Пока зрители волновались и въ залѣ происходило смятеніе и крики, раздавались приказанія и увѣщанія, обращенныя къ Вилю, а Мери уносили изъ присутствія въ припадкѣ судорогъ, Бриджнортъ сохранилъ самое адвокатское присутствіе духа, и прежде нежели дошли до него трепетныя каракули Джоба Лега, онъ уже сообразилъ всѣ обстоятельства, вспомнилъ объ отплытіи Виля на корабль и о томъ, какъ Мери догоняла его, и о томъ, какого рода показаніе могъ онъ принести въ судъ.

Когда все это было передано джемову адвокату, онъ ободрился; онъ радовался не столько возможности спасти подсудимаго, въ невинности котораго и самъ еще сильно сомнѣвался, сколько случаю блеснуть юридическимъ краснорѣчіемъ и яркими красками описать собранію, какъ «мужественный юноша, уносимый шумными волнами безбрежнаго океана, возвращенъ былъ на берегъ благородными стараніями смѣлой дѣвицы», — и какъ «опасно бываетъ беззавѣтное довѣріе къ шаткимъ основамъ поличныхъ свидѣтельствъ», и проч., и проч. Между тѣмъ допросчикъ картинно скрестилъ руки на груди, поднялъ брови и недовѣрчиво сжалъ губы, какъ бы готовясь разбить въ пухъ и прахъ дерзновеннаго свидѣтеля, который осмѣливался приносить ложное показаніе. Ибо, да будетъ всѣмъ извѣстно, что приличія требуютъ считать весьма подозрительными и вздорными тѣ показанія, которыя противорѣчатъ мнѣнію адвокатовъ, получившихъ за поддержки такого мнѣнія значительныя суммы денегъ; и если кто либо изъ свидѣтелей возьмется доказывать, что истецъ, нанявшій адвоката, неправъ, или затѣялъ дѣло ошибочно, то такого свидѣтеля нерѣдко гласно обвиняютъ въ клятвопреступленіи, въ сообщничествѣ и предлагаютъ ему подумать о спасеніи безсмертной души своей.

Но какъ только Вилль отчасти достигъ своей цѣли, какъ только

онъ убѣдился, что судья и присяжные выслушаютъ его показаніе отъ начала до конца, и увидѣлъ передъ собою Джема— правда, блѣднаго и исхудалаго, но все же живого и здороваго— такъ онъ мигомъ утомился, вполне овладѣлъ собою и съ величайшимъ присутствіемъ духа приготовился ясно и разумно отвѣчать на вопросы. Онъ разсказалъ во первыхъ извѣстную намъ исторію о томъ, какъ передъ истеченіемъ отпуска онъ намѣренъ былъ, согласно давнишнему обѣщанію, навѣстить своихъ родныхъ на островѣ Менѣ; какъ всѣ деньги нечаянно издержалъ въ Манчестерѣ, и потому принужденъ былъ отправиться въ Ливерпуль пѣшкомъ, что и сдѣлалъ въ тотъ самый вечеръ, какъ совершилось убійство; и какъ вплоть до Голлинсъ-Трина провожалъ его пѣшкомъ двоюродный его братъ Джемъ Вильсонъ, нынѣ подсудимый. Онъ чрезвычайно обстоятельно изложилъ всѣ подробности этихъ проводовъ, и потомъ разсказалъ, какимъ страннымъ образомъ его воротили съ дороги въ Америку и какъ онъ мучился опасеніями всякаго рода, пока противные вѣтры задерживали въ морѣ проводную лодку. Присяжные, за полчаса передъ тѣмъ уже составившіе было окончательное мнѣніе, почувствовали, что мнѣніе это самымъ неожиданнымъ и неудобнымъ образомъ поколеблено послѣднимъ показаніемъ. Они до того смѣшались, что были почти благодарны допросчику за то, что онъ всталъ съ грознымъ челомъ и очевидно приготовился опровергнуть показаніе, такъ некстати перепутавшее самое ясное, по ихъ мнѣнію, дѣло. Если нѣкоторые изъ присяжныхъ такъ горячо приняли къ сердцу эту неудачу, то что же долженъ былъ чувствовать старый мистеръ Карсонъ, при видѣ впечатлѣнія, произведеннаго на всѣхъ свидѣтельствомъ молодого моряка? Все это конечно нисколько не поколебало собственной его увѣренности въ преступленіи Джема; въ груди его кипѣла буря; его ненависть, его жажда мести уже избрали искупительную жертву; онъ направилъ всѣ силы и всѣ средства къ вѣрнѣйшей ея гибели, и теперь разочаровать старика въ его любимыхъ надеждахъ, обмануть его ожиданія, было хуже, чѣмъ отнять у голоднаго тигра его готовую добычу. Его страшно поблѣднѣвшее лицо, помутившіеся глаза, искаженные черты, не давали болѣе ни малѣйшаго понятія о величавыхъ бюстахъ Юпитера.

Допросчикъ, которому предстояло переслѣдовать показаніе Вилля, замѣтилъ измѣнившееся лицо мистера Карсона, и желая подслужиться ему съ перваго же раза, пересолил дѣло оскорбительно дерзкимъ вопросомъ:

— Ну, любезный, вы прекрасно рассказали присутствію презанятельную и преумилительную исторію. Теперь кто же может сомнѣваться въ чистѣйшей невинности вашего родственника, подсудимаго? Но вы пропустили одно обстоятельство весьма интереснаго свойства; такое обстоятельство, безъ котораго, по моему мнѣнію, показаніе ваше неполно. Не угодно ли вамъ будетъ сообщить господамъ присяжнымъ, что побудило васъ къ такому интересному повѣствованію? То—есть, какое количество звонкой монеты, съ изображеніемъ нынѣ благополучно царствующей особы, получили вы, или имѣете получить — за то, что явились съ пристани, или покинули для этого какое-нибудь другое, менѣе приличное мѣсто — и произнесли передъ почтеннымъ собраніемъ такую рѣчь (которая; должно сознаться, дѣлаетъ честь своему изобрѣтателю и вашему наставнику)? Помните, сэръ, что вы присягали.

Вилль не вдругъ вникнулъ въ значеніе этой рѣчи, испещренной такими непривычными для его слуха выраженіями, и на минуту даже смѣшался. Но какъ только онъ добрался до смысла, то вспыхнулъ и такъ пристально посмотрѣлъ своими ясными, большими и честными глазами на допросчика, что тотъ въ свою очередь принужденъ былъ потупиться передъ пронизательнымъ взглядомъ. Тогда Вилль отвѣчалъ :

— Вотъ лучше вы скажите судѣ и присяжнымъ, много ли вамъ заплатили за то, чтобы нагло оскорблять человѣка, который какъ передъ Богомъ высказалъ одну святую истину, и ни за какія блага не согласился бы соврать, хотя бы за это посулили ему богатѣйшую взятку, когда либо достававшуюся на долю законниковъ за обдѣлываніе грязныхъ дѣлъ. А, сэръ? скажете что ли? Я съ своей стороны, милордъ (онъ обратился къ судѣ), готовъ присягнуть хоть тысячу разъ сряду, если того потребуетъ ваша милость или господа присяжные, лишь бы повѣрили моему слову. Да вотъ, я вижу тутъ въ толпѣ кормчаго, О'Бріена, съ которымъ я воротился въ проводной лодкѣ. Не угодно ли кому изъ вашихъ распросить его обо мнѣ?

Это было очень кстати, и адвокатъ подсудимаго тотчасъ приступилъ къ допросу О'Бріена. Кормчій далъ то самое показаніе, которое могло совершенно очистить Вилля отъ подозрѣнія въ подкупѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ погони, слышалъ переговоры, происходившіе между лодкою и кораблемъ, и въ своей собственной проводной лодкѣ привезъ Вилля обратно въ Ливерпуль. Что же касается до самого кормчаго, назначаемого обыкновенно высшими лицами мор-

скаго вѣдомства и выбираемаго изъ числа благонадежнѣйшихъ людей, — его уже никакія подозрѣнія не могли коснуться.

Мистеръ Карсонсъ въ отчаянномъ изнеможеніи прислонился къ спинкѣ своего кресла. Онъ достаточно былъ знакомъ съ ассизными судами вообще, чтобы знать, какъ неохотно сдаются присяжные на самыя очевидныя улики, если по закону уличеннаго слѣдуетъ казнить смертью. Въ то время, когда еще дѣло шло какъ по маслу и подсудимый подвергался наибольшей опасности, Карсонсъ старался умѣрять свои пылкія надежды, соображая, что все-таки присяжные бываютъ въ такихъ случаяхъ очень неговорчивы. Теперь ужъ и соображать нечего; ему казалось почти вѣрнымъ, что по какому-то непонятному недосмотру, чья-то посторонняя сила вмѣшалась въ это дѣло, выкинула неожиданную штуку, и вотъ убійца его сына, убійца любимаго дитяти, безотвѣтнаго и ненагляднаго Гарри, все еще не схороненнаго, какъ-нибудь выскользнетъ изъ рукъ, уйдетъ отъ правосудія и отпавитъ себѣ преспокойно поживать на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ уже никогда не суждено сіять его блистательному сыну.

Такъ и случилось. Подсудимый еще разъ закрылъ лицо руками, чтобы скрыть отъ чересчуръ любопытныхъ взглядовъ толпы непобѣдимое волненіе, имъ овладѣвшее; Джобъ Легъ пересталъ толковать съ мистеромъ Бриджнортомъ; Чарли присмирѣлъ; присяжные одинъ за другимъ возвратились и сѣли по мѣстамъ, и судья сдѣлалъ обычный вопросъ, на который долженъ былъ послѣдовать рѣшительный, страшный отвѣтъ...

Рѣшеніе это самимъ присяжнымъ казалось не совсѣмъ удовлетворительнымъ, потомучто они окончательно не были увѣрены въ невинности подсудимаго; признать же его виновнымъ, послѣ послѣдняго показанія, было бы странно; но такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ преступника ожидала смерть — а смертный приговоръ никому не легко произносить надъ ближнимъ, то всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя легли на вѣсахъ правосудія на сторону Джема, и въ мертвой тишинѣ едва дышавшаго собранія раздалось окончательное «невиненъ»!

Еще минута молчанія — и въ залѣ поднялся смѣшанный говоръ и шопотъ: всѣ вполгососа обсуждали рѣшеніе суда. Джемъ стоялъ неподвижно, съ опущенною головою. Бѣдный малый былъ подавленъ приключеніями послѣднихъ часовъ.

Вступивъ въ залу присутствія, онъ не имѣлъ почти никакой надежды на свое оправданіе, и даже не желалъ жизни, потомучто все

ему говорило о равнодушіи или даже о ненависти Мери. Она вѣдь любила другого, и съ ея точки зрѣнія онъ, Джемъ, былъ убійцею ея возлюбленнаго. И вдругъ, въ этой темной пучинѣ неисходной тоски, въ которую облеклось было для него понятіе о жизни, сверкнулъ яркій лучъ невыразимой отрады: Мери сказала, что любить его — и вотъ все преобразилось, просіяло, а будущаго въ этомъ міртъ быть-можетъ не суждено ему... Но онъ ни на чемъ не могъ остановить мыслей кромѣ ея словъ, ея открытаго признанія въ страстной любви къ нему; все остальное какъ-то смѣшалось, спуталось, да онъ и не старался ничего разбирать. Главное въ томъ, что она любить его.

И вотъ жизнь, полная милыхъ образовъ, внезапно освѣтившаяся цѣлою радугой отраднхъ надеждъ, виситъ на волоскѣ, на тончайшей паутинкѣ. Онъ пробовалъ увѣриться, что любовь ея смягчитъ для него и самую смерть. Но ему то-и-дѣло мерещилось, чѣмъ могла бы сдѣлаться жизнь заодно съ нею, и онъ тяжело дышалъ, онъ мучился, ждалъ и изнемогалъ отъ неизвѣстности. Появленіе Вилля только усилило муку ожиданія.

Полный смыслъ судейскаго рѣшенія не вдругъ достигъ до его сознанія. Голова у него кружилась, онъ не двигался. Кто-то дернулъ его за рукавъ. Онъ обернулся и увидѣлъ Джоба Лега: по смуглымъ, морщинистымъ щекамъ старика текли обильныя слезы: онъ тщетно пытался оправиться и заговорить какъ слѣдуетъ. Онъ схватилъ руку Джема и сталъ пожимать ее, чтобы какъ-нибудь выразить волновавшія его чувства.

— Ну, ступай же, поворачивайся! Я думалъ, ты радъ будешь отдѣлаться отъ такой штуки! вскричалъ тюремщикъ, успѣвшій между тѣмъ ввести другого блѣднаго подсудимаго, впалые глаза котораго выражали страшное смятеніе, тогда какъ остальные черты лица его точно окаменѣли.

Джобъ Легъ началъ протѣсниться на выходъ изъ залы и Джемъ безпрекословно за нимъ послѣдовалъ.

Толпа разступилась и многіе поспѣшно подбирали свои платья прочь съ дороги, чтобы не прикоснуться какъ-нибудь къ Дjemu: атмосфера преступленія еще не развѣялась вокругъ него, и онъ все еще какъ будто причастенъ былъ къ убійству.

Но вотъ онъ вышелъ на открытый воздухъ, онъ снова свободенъ! Хотя иные еще недовѣрчиво на него поглядывали, но друзья радостно обступили его: Джобъ и Вилль изо всѣхъ силъ жали ему

руки. Онъ не сопротивлялся, и пріятели поочередно принимались трясти его за руки, ни на минуту не останавливаясь въ этомъ пріятномъ и полезномъ занятіи, между тѣмъ какъ Бенъ Стерджисъ страхивалъ съ себя «всю эту дурь» и усердно ругалъ Чарли Джонса, зато что тотъ кувыркался и ходилъ на головѣ вокругъ *суженаго* Мери; а въ томъ, что Джемъ ея суженый, теперь не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія. А Джемъ во все это время чувствовалъ только слабость и дурноту; онъ бы далъ Богъ знаетъ что, за право хоть на одинъ часъ остаться одному — хотя бы даже въ маленькой камеркѣ тюрьмы своей, чтобы на свободѣ перебрать въ своей памяти всѣ событія протекшей недѣли и сообразить все, что сулилъ ему въ будущемъ исходъ сегодняшняго утра. Голосомъ, прерывающимся отъ подавленнаго волненія, отъ душившихъ его слезъ, онъ произнесъ наконецъ:

— Гдѣ она?

Его привели въ ту комнату, гдѣ сидѣла его мать. Ей уже рассказали какимъ образомъ оправданъ ея сынъ, и она теперь смѣялась, и плакала, и болтала, и предавалась выраженію всѣхъ чувствъ, сдержанныхъ и затаенныхъ въ продолженіе этихъ дней. Когда привели сына, она со слезами бросилась къ нему на шею. Онъ отвѣчалъ на всѣ ея ласки, но все смотрѣлъ по сторонамъ, смотрѣлъ дальше. Кромѣ матери и друзей, пришедшихъ съ нимъ вмѣстѣ, въ комнатѣ никого не было.

— Э, дитяtko! сказала она наконецъ, когда голосъ у ней немножко прочистился. — Видишь теперь, что значитъ хорошее-то поведеніе. Вотъ я замолвила за тебя доброе слово, присяжные-то и не посмѣли тебя вѣшать. Да куда! послѣ того, что я имъ о тебѣ говорила, и думать было нечего. Хорошо, что меня-таки пустили ѣхать въ Ливерпуль; да ужъ такъ или иначе, пріѣхала бы я, знала, что безъ меня тебѣ плохо будетъ, сокровище мое. Но какой же ты блѣдный и дрожишь весь!

Онъ опять сталъ цѣловать ее, но все оглядывался, все смотрѣлъ вокругъ и опять произнесъ тотъ же вопросъ:

— Гдѣ она?

ГЛАВА XXXIII

Ты не бойся палящаго зноя,
 Ни холодной зимы, ни снѣговъ :
 Ты укрѣлся въ объятія покоя
 Отъ боренія бурныхъ вѣтровъ.

Долгъ житейскій исполнивъ неложно,
 Суждено тебѣ изду получить,
 И отнынѣ тебѣ уже можно
 Отдыхать, наслаждаться, любить....

Она попала въ такой міръ , въ которомъ до слуха ея не достигали уже ни слова примиренія , ни сладкія надежды , ни ободренія : въ міръ горячешныхъ грезъ , на одрѣ жестокой болѣзни. День за днемъ и часъ за часомъ , вскакивала она то и дѣло , громко умоляя отца своего спасти Джема, или же обращалась къ вѣтру и волнамъ , безжалостнымъ и безучастнымъ , и ихъ молила сжалиться надъ нею ; и снова , снова произносила эти беспорядочныя , жалкія мольбы , напрягая для этого свои послѣднія , бѣдныя силы, и измученная падала на постель , съ тихими воплями отчаянной тоски. Ей говорили , что Джемъ живъ и здоровъ , приводили его къ ней ; но ни зрѣніе , ни слухъ не служили ей болѣе проводниками внѣшнихъ впечатлѣній , и голосъ человѣческой не пробуждалъ въ ней сознанія.

Одинъ Джемъ понялъ смыслъ нѣкоторыхъ странныхъ ея изреченій и догадался , что она , также какъ онъ , почему-то знаетъ или подозрѣваетъ , что убійца Карсонса отецъ ея.

Уже давно (конечно если измѣрять время количествомъ происшествій и думъ , а не часовъ и не ударовъ маятника) Джемъ заподозрилъ Джона Бартона въ убійствѣ Карсонса , и хотя не могъ сообразить за что и почему , но различныя мелкія обстоятельства (въ томъ числѣ и то , что за два дня передъ тѣмъ , Бартонъ взялъ у него на подержаніе ружье) , навели Джема на истинную правду. То думалъ онъ , что Бартонъ какъ-нибудь провѣдалъ объ ухаживаньи Гарри Карсонса за дочерью и вздумалъ такъ жестоко отмстить ему за это ; то полагалъ , что причиною вражды и мести были извѣстныя столкновенія и горькія размолвки между фабричными и фабрикантами , размолвки , въ которыхъ Бартонъ всегда принималъ такое горячее участіе. Но если Джемъ считалъ своею обязанностью умал-

чивать объ этомъ и сохранять тайну даже и тогда, когда молчаніе подвергало опасности его собственную жизнь, и даже послѣ смерти подвергало память его презрѣнію и ненависти Мери, то теперь, когда Мери отдалась ему, онъ считалъ себя во сто кратъ болѣе обязаннымъ беречь ихъ общую тайну и наблюдать, чтобы она какъ-нибудь въ бреду не обличила отца, — она, которая столько для него сдѣлала, такъ мужественно его спасала, и вотъ теперь на столько потеряла рассудокъ и всякую власть надъ собою, что даже не помнила что говорить.

Всю ночь Джемъ провелъ на ногахъ, ходя изъ угла въ уголъ въ тѣсномъ домикѣ Бена Стерджиса. Онъ прислушивался къ беспорядочному бреду бѣдной Мери, которая лежала въ маленькой спальнѣ наверху; за нею съ нѣжностью ухаживала мистрисъ Стерджисъ и тихо плакала отъ жалости. Мери произносила отрывочныя фразы, темный смыслъ которыхъ былъ ясенъ для Джема; но мало помалу бредъ ея дошелъ до такихъ отчаянныхъ, неутолимыхъ воплей и раздражающихъ намековъ, что Джемъ не выдержалъ и самъ больной, измученный и печальный сошелъ внизъ; тамъ у камина сидѣлъ спящій Бенъ Стерджисъ, считавшій повидимому своею обязанностью прохранѣть эту ночь въ креслахъ, а не въ постелѣ, чтобы быть въ готовности исполнять различныя порученія, какъ-то сбѣгать къ доктору, въ аптеку, и т. д.

Джемъ не думалъ спать, и не могъ оторвать своего вниманія отъ безпрестаннаго прислушиванья, хотя ничего сколько-нибудь утѣшительнаго разслушать было невозможно. Передъ разсвѣтомъ ему послышался тихій, осторожный стукъ въ уличную дверь; отворить эту дверь конечно было не его дѣло, но такъ какъ Бенъ крѣпко спалъ, онъ рассудилъ, что слѣдуетъ отпереть и посмотреть по крайней мѣрѣ кто тамъ стучится, чтобы знать, стоитъ ли беспокоить изъ-за этого хозяевъ. На порогъ дома оказался Джебъ Легъ, и Джемъ тотчасъ узналъ его въ полусвѣтѣ занимающагося утра.

— Каково ей? Ага! бѣдняжка, это она тамъ! Что и говорить! Какой странный голосъ однакоже: такъ и скрипитъ. А въ здоровомъ-то состояніи какая она тихонькая, какъ пріятно говорить!.. А ты, парень, не опускайся такъ-то, зачѣмъ унывать!

— Какъ же быть, Джебъ! Есть ли человѣческое терпѣнье слушать, какъ такая голубка страдаетъ и стонетъ? Кабы она была мнѣ и совѣмъ чужая, то кажется нельзя равнодушно слышать: такая молоденькая, и... да что тутъ толковать, Джебъ! Я не могу гово-

ритель объ этомъ какъ бы слѣдовало мужчинѣ... — Рыданія душии Джема.

— Пусти же меня, что сталъ? сказалъ Джобъ насильно входя въ домъ, потомучто Джемъ все время держался за скобу и заграждалъ ему дорогу: ему не хотѣлось впускать Джоба, чтобы онъ не слышалъ словъ Мери и такъ отлично зная всѣхъ, о комъ она уюминала, не догадался въ чемъ дѣло.

— Я вѣдь пришолъ за дѣломъ, продолжалъ Джобъ: —вопервыхъ надо мнѣ было узнать, каково ей, бѣдной дѣвочкѣ. Вотъорыхъ я вчера вечеромъ получилъ отъ Маргариты письмо; она въ большой тревогѣ: докторъ говоритъ, что старуха наша едва ли протянется еще нѣсколько дней, а вѣдь нехорошо будетъ, коли ей придется умирать одной, или хоть бы при Маргаритѣ и мистрисъ Девенпортъ. Вотъ я и придумалъ, что останусь здѣсь присматривать за Мери и ходить за нею, а вы съ Виллемъ возьмите съ собой мать и ступайте проститься съ Алисою.

Печальное лицо Джема еще больше вытянулось. Джобъ продолжалъ:

— Маргарита пишетъ, что она все еще въ бреду, воображаетъ, что она дома, у своей матери; но по моему все-таки слѣдуетъ вамъ туда отправляться: не бросать же старуху на чужія руки, надо чтобы кто изъ своихъ закрылъ ей глаза по крайней мѣрѣ.

— Да развѣ нельзя вамъ съ Виллемъ проводить матушку домой? А я бы къ вамъ прѣхалъ, когда... попробовалъ отговориться Джемъ.

— Слушай, братъ! рѣзко перебилъ его Джобъ: —кабы ты зналъ, что мать изъ-за тебя перестрадала, то не подумалъ бы отъ нея отвертываться на ту самую пору, какъ она тебя чуть не изъ гроба вытащила. Знаешь ли, что она нынче ночью меня будила, да и говорить: Джобъ, говори, прости что я тебя потревожу, да скажи мнѣ только, неужто это все на яву? Вправду ли Джемъ оправданъ? О, дай Господи, чтобы все это былъ не сонъ! — Она, видишь ли, не можетъ взять въ толкъ, почему ты теперь не съ нею, а съ Мери Бартонъ. Ну хорошо, хорошо! я-то знаю почему. Но ты-то знай, что мать никогда сразу неуступаетъ сыновняго сердца невѣсткѣ, она по клочечкамъ будетъ его отстаивать, и коли уступитъ наконецъ, то все-таки будетъ ворчать. Нѣтъ, Джемъ. Теперь слѣдуетъ тебѣ уѣхать съ матерью, коли вѣруешь въ Бога и желаешь отъ него милости. Она вдова, протѣ тебя у ней никого нѣтъ. А за Мери не бой-

ся: она молода, все вынесетъ и выйдетъ молодцомъ. Добрые люди, что пріютили ее, кажется народъ почтенный, а я за нею стану при-сматривать будто за родною дочерью (которая лежитъ теперь, бѣд-няжка, на холодномъ лондонскомъ кладбищѣ!). Оно конечно, ей все-таки лучше бы быть между своихъ, чѣмъ тутъ-то валяться въ чужомъ домѣ. По моему Джону Бартону гораздо бы приличнѣе сидѣть дома, да смотрѣть за дочерью, чѣмъ прохлаждаться Богъ вѣсть по какимъ городамъ и заниматься не своимъ дѣломъ!

Въ умѣ Джема мелькнула новая мысль, новое опасеніе: что, если Мери въ бреду запутаеъ отца? На всякій случай онъ сказалъ Джобу:

— Ахъ, она такъ ужасно бредитъ! Вотъ всю ночь поминаеъ отца и припугиваеъ его ко вчерашнему происшествію въ судѣ. Недостаеъ только, чтобы она вообразила, что и его судятъ такъ же какъ меня.

— Что мудренаго! возразилъ Джобъ. Больные въ ея положеніи мало ли что нутають. Всего лучше не обращать на это вниманія. Ну, Джемъ, ступай же съ матерью домой, и оставайся тамъ, пока Алиса не отойдетъ, а всѣ заботы о Мери поручи мнѣ старику.

Джемъ почувствовалъ, что Джобъ совершенно правъ и что спорить нечего, но какъ тяжело, какъ горько сжалось его сердце, когда онъ въ послѣдній разъ подошелъ къ двери спальни и вперилъ долгій, нѣжный прощальный взглядъ на Мери! Она сидѣла въ постели, чудные волосы ея, какъ-то болѣзненно потускнѣвшіе, были распу-щены въ безпорядкѣ, голова обвязана мокрымъ полотенцемъ, всѣ черты лица искажены безпокойствомъ и болью.

Глаза его наполнились слезами. Надѣяться онъ не умѣлъ, потому что равнія гѣрести сокрушили уже свѣжія силы его души, а теперь всякій предметъ представлялся ему въ особенно черномъ цвѣтѣ. Что если она умретъ именно теперь, когда онъ только что овладѣлъ сокровищемъ ея любви! И что если (хуже того!) она на всю жизнь останется помѣшанною, бѣднымъ уродцемъ, а сумашедшіе, какъ извѣстно, живутъ иногда подолгу и несмотря на сильнѣйшія стра-данія, на совершенную безпомощность, достигають глубокой ста-рости...

Джобъ отчасти угадалъ его мысли и тихо проговорилъ: Джемъ!

Тотъ не двигался.—Джемъ! повторилъ Джобъ, желая непремѣнно сосредоточить его вниманіе на своихъ словахъ. Молодой человекъ быстро обернулся и это движеніе сорвало съ рѣсницъ его накопѣв-

шія слезы. — Надо надѣяться на Бога и въ его рукахъ оставить ее! произнесъ Джебъ. Онъ сказалъ это тихо и медленно, но слова его запади въ душу Джема, и онъ ушолъ съ нѣскольکو затихшимъ и смягченнымъ сердцемъ

Несмотря на то что мистрисъ Вильсонъ обязана была спасеніемъ единственно вмѣшательству Мери, Джемъ засталъ ее очень недовольною тѣмъ, что онъ провелъ бессонную ночь у постели бѣдной страдалицы. Она распространилась о важности сыновнихъ обязанностей относительно родителей, и сказала между прочимъ, что эти обязанности выше всѣхъ другихъ. Джемъ задумался и вспомнилъ, что вчера мать чуть ли не понимала этого правила наоборотъ, потому что изъ угожденія сыну такъ усиленно поддвляла свой крутой нравъ и всѣ свои естественныя стремленія. Однако, вспомнивъ о вчерашнемъ, онъ живо представилъ себѣ всѣ обстоятельства того дня, и то что жизнь его висѣла на волоскѣ отъ постыдной казни, и то что во тѣмъ впервые блеснулъ ему тогда лучъ надежды и любви, и сердце его еще болѣе смягчилось, и онъ съ истиннымъ мужествомъ сталъ переносить мелкія шероховатости будничной жизни. А это была заслуга немалая, потому что послѣ напряженнаго состоянія, въ которомъ онъ провелъ последнюю недѣлю, всѣ нервы его какъ-то ослабли и онъ чувствовалъ себя почти такимъ же раздражительнымъ и брюзгливымъ, какъ бывало мать его.

Алиса была еще жива, не страдала, но и только: трехнедѣльный младенецъ едвали могъ быть физически слабѣе ея, а полугодовой ребенокъ безъ сомнѣнія лучше ея могъ сознать всѣ окружающіе предметы. Но и въ этомъ состояніи она разливала вокругъ себя какой-то необыкновенный миръ и тишину. Вилль сначала горько расплакался, увидѣвъ свою нѣжную вторую мать близко къ смерти; но и теперь, какъ всегда, въ присутствіи ея нельзя было долго предаваться порывамъ горькаго чувства, громкимъ изъявленіямъ печали. Теплая вѣтра, одушевлявшая ее во всю жизнь, оставила дивный свѣтъ свой въ ясныхъ глазахъ старушки, освѣтила все лицо ея какимъ-то неземнымъ отблескомъ. Въ рѣчахъ ея не было уже тѣхъ частыхъ обращеній къ Богу и безпрестанныхъ повтореній священныхъ словъ, какъ бывало прежде, въ здоровомъ состояніи; не было и тѣхъ увѣщаній ближнимъ, которыя обыкновенно произносятся на смертномъ одрѣ благочестивые люди. Она только и бредила попрежнему счастливыми днями своего веселаго, милаго дѣтства, и дорогими ея сердцу картинами своей сѣверной родины.

Зрѣніе давно уже измѣнило ей, а она все еще видѣла старинную обстановку первыхъ лѣтъ, ничѣмъ не обезображенную и не потускнѣвшую въ эти долгіе, трудные годы. Давнишніе покойники для нея ожили во образѣ цвѣтущей юности, и самая смерть пришла какъ новая благодать, словно тихая ночь для усталого и утомившагося ребенка. Все *здѣшнее* она честно исполнила, работу свою окончила и сдала.

Чего больше желать богатѣйшему и славнѣйшему изъ владыкъ земныхъ ?

— Матушка, спокойной ночи! Милая матушка, благословите меня еще разъ. Я очень устала и мнѣ такъ хочется спать!—То были послѣднія слова ея по ея сторону жизни.

Она скончалась на другой день послѣ возвращенія ихъ изъ Ливерпуля. Съ этого времени Джемъ замѣтилъ, что мать ревниво наблюдаетъ за нимъ, стараясь сослѣдить какой-нибудь признакъ его стремленія воротиться къ Мери. Но онъ рѣшилъ уже непременно уѣхать туда какъ только кончатся похороны; ему хотѣлось хоть мелькомъ взглянуть на свою Мери; Джемъ не писалъ ниразу, ему даже и въ голову не приходило, чтобы это могло быть нужно. Если Мери умретъ, онъ самъ успеетъ извѣстить объ этомъ друзей ея; если она выздоровѣетъ, онъ самъ же привезетъ ее домой. Вообще онъ смотрѣлъ на писаніе какъ на вспомогательное средство при занятіяхъ естественною исторіей, средство приложить бумажку съ толковымъ опредѣленіемъ къ какому-нибудь скорпиону или жуку, но отнюдь не считалъ его средствомъ излагать свои мысли.

Вслѣдствіе этого политѣйшаго невѣденія насчетъ Мери, Джемъ находился въ постоянномъ волненіи и страхѣ, и въ каждомъ входившемъ человѣкѣ, въ каждой запискѣ, подозрѣвалъ вѣсть о смерти своей суженой.

Вносить этого долѣе онъ не могъ, но рѣшился не тревожить мать и не объявлять ей своего намѣренія до тѣхъ поръ, пока тѣло Алисы не будетъ окончательно предано землѣ.

Въ воскресенье послѣ обѣда они съ искренними слезами похоронили ее. Вилль плакалъ неутѣшно: его обуяло прежнее, чисто-дѣтское чувство одиночества и тоски между «чужими».

Мало-помалу Маргарита приблизилась къ нему, какъ бы ожидая, что онъ къ ней обратится за утѣшеніемъ; вскорѣ пылокое горе его перешло въ тихую грусть, потомъ въ задумчивость, и хотя ему все еще казалось, что радости его навѣки разлетѣлись, но онъ безсо-

знательно началъ свыкаться съ мыслью, что Маргарита должна принадлежать ему, — и въ сѣрую ткань будничной жизни стала пробираться яркая, золотая ниточка. Однако, возвращаясь съ похоронъ, онъ велъ подъ руку Джени Вильсонъ, а Маргарита шла съ Джемомъ.

— Маргарита, я ѣду въ Ливерпуль завтра, съ первымъ утреннимъ поѣздомъ; пора освободить вашего дѣдушку.

— О, я думаю, онъ съ величайшею охотой ухаживаетъ за бѣдной Мери: она почти такъ же дорога ему, какъ и я. Да не лучше ли мнѣ поѣхать? Я все это время такъ пристально занята была Алисою, что это мнѣ и въ голову не входило. Я конечно не могу быть ей такъ полезна какъ всякій другой, но все-таки Мери пріятно будетъ видѣть около себя знакомое женское лицо. Ахъ, какъ мнѣ совѣстно, Джемъ, что я прежде не догадалась! прибавила Маргарита съ очевиднымъ раскаяніемъ.

Но предложеніе ея отнюдь не по сердцу было ея спутнику. Онъ нашолъ, что лучше говорить безъ обиняковъ, и просто объяснить ей свои намѣренія, а то онъ было хотѣлъ схитрить, распространившись о необходимости освободить Джоба Лега, да и нануталъ.

— По правдѣ сказать, Маргарита, мнѣ просто самому хочется ѣхать туда, и ѣхать для себя, а вовсе не для вашего дѣдушки. Я ни дня ни ночи покоя не знаю, думая о Мери. Жить ли ей или умереть, а я считаю ее передъ Богомъ своею женой, все равно какъ-будто мы были обвинены; а такъ какъ поэтому я имѣю полное право ухаживать за нею, то не уступлю этого права даже и ..

— Отцу ея? подсказала Маргарита, когда голосъ его оборвался на этомъ словѣ. — Да, очень странно, что такая дѣвушка какъ Мери брошена на произволъ судьбы и должна на чужихъ рукахъ выдерживать такую страшную болѣзнь. Джонъ Бартонъ словно въ воду канулъ — никто не знаетъ куда онъ дѣвался, а то я бы попросила Морриса написать къ нему насчетъ Мери. Ужъ какъ бы кстати было, еслибы онъ воротился домой!

Джемъ былъ совершенно противнаго мнѣнія.

— У Мери и теперъ нѣтъ недостатка въ друзьяхъ, сказалъ онъ. Тѣхъ, у кого живетъ она, тоже можно назвать друзьями, хотя недѣлю тому назадъ мы и не подозрѣвали, что существуютъ такіе люди на свѣтѣ. Но видно самое лучшее средство скоро сблизиться и подружиться, это — заботиться объ одномъ и томъ же предметѣ, имѣть общее дѣло, общее горе. Хозяйка обращается съ нею какъ мать

родная, а хозяинъ кажется очень почтенный и хорошій человекъ, судя по тому, что я успѣлъ развѣдать о немъ. Но вотъ мы уже почти пришли домой, а я все еще главнаго не сказалъ вамъ, Маргарита. У меня до васъ просьба: позаботьтесь немножко о матушкѣ въ мое отсутствіе. Ей оно конечно будетъ не по сердцу, а я еще ничего и не говорилъ ей объ этомъ. Если она будетъ ужь очень недовольна, то я возвращусь завтра къ ночи, если же не очень, то я намѣренъ остаться до тѣхъ поръ, пока не рѣшится судьба Мери, къ добру ли, къ худу ли. Вилль тоже останется съ матушкой, и хоть немного поможетъ вамъ поладить съ нею.

Это послѣднее обстоятельство одно только и было непонутру Маргаритѣ. Она все боялась слишкомъ часто попадаться ему на глаза и какъ-будто навязываться, однако вовсе не хотѣла высказать эту боязнь Джемю, который до сихъ поръ повидимому и не подозрѣвалъ, что существуетъ на свѣтѣ какая-нибудь влюбленная пара кромѣ его и Мери.

Маргарита изъявила таки согласіе на всѣ предложенія Джема, хотя далеко не охотно.

— Если вамъ можно будетъ, Джемъ, зайдите пожалуйста къ намъ вечеромъ, я наберу кой-какихъ нужныхъ вещицъ для Мери, и вы тогда скажете мнѣ надолго ли уѣзжаете. Если вы воротитесь завтра къ ночи, и Вилль тамъ будетъ все время, то можетъ-быть мнѣ и незачѣмъ ходить къ вашей матушкѣ?

— Нѣтъ, Маргарита, все-таки сходите! У меня сердце не будетъ на мѣстѣ, если вы не общаете хоть на минуту зайти къ ней. Впрочемъ сегодня вечеромъ я таки зайду къ вамъ. Прощайте. Пойдите-ка, — нельзя ли вамъ какъ-нибудь попросить Вилля проводить васъ домой? Мнѣ хочется остаться съ матушкой наединѣ, чтобы поговорить на свободѣ.

Нѣтъ, этого Маргарита не сдѣлаетъ! И вправду, жертва была бы уже слишкомъ велика: это значило вовсе забыть всякій стыдъ и чуть не бросаться на шею Виллю.

Однако все устроилось благополучно: тотчасъ по возвращеніи домой, Вилль, все еще подавленный своею горестью, ушелъ навѣрхъ плакать на свободѣ. Оставшись вдвоемъ съ матерью, Джемъ немедленно приступилъ къ объясненію.

— Матушка!

Она быстро отняла отъ глазъ смоченный платокъ и обернулась,

глядя прямо ему въ лицо. Это движеніе его раздосадовало и онъ не обинуясь объявилъ довольно поспѣшно :

— Матушка ! Завтра утромъ я отправляюсь въ Ливерпуль, навѣстить Мери Бартонъ.

— А что за родня тебя Мери Бартонъ, чтобы скакать за нею такимъ манеромъ ?

— Коли выздоровѣтъ, — будетъ мнѣ женою, а коли умретъ... ну, лучше и не говорить, что будетъ со мною, если она умретъ.

Голосъ его оборвался.

Мать на минуту растрогалась ; но тотчасъ ее кольнуло чувство прежней ревности, еще усилившейся съ тѣхъ поръ какъ этотъ единственный сынъ точно съ того свѣта вернулся къ ней, неожиданно избѣгнувъ страшной опасности. Сердце ея сжалось и очерствѣло, она не почувствовала ни малѣйшей симпатіи къ сыну и отвернулась отъ него. На лицѣ его выразилось то самое серьезное, ребяческое вниманіе, съ которымъ въ былые годы приходилъ онъ къ матери съ какимъ-нибудь вопросомъ или горемъ.

Она заговорила тѣмъ холоднымъ и сдержаннымъ тономъ, котораго именно ожидалъ и опасался Джемъ, смутно угадывая впередъ каждое слово, прежде нежели оно произносилось.

— Ты ужь не маленькій, воленъ дѣлать что вздумаешь. Известно, кому дѣло до старухи-матери и до всего, что она вытерпѣла? первая смазливая рожица всегда затретъ ее. Живо помнится мнѣ, какъ въ прошлый вторникъ я на тебя глядѣла въ судѣ — и мнѣ казалось, что мой ты, весь мой собственный, а судья словно дикій звѣрь, который хочетъ вырвать тебя изъ моихъ рукъ. Я тогда кажется заступилась за тебя, годилась таки на что-нибудь. А теперь можетъ-быть ты и думать забылъ объ этомъ.

— Матушка ! Вы знаете, вѣдь вы очень хорошо знаете, что я во всю жизнь неспособенъ забыть всего, что вы для меня сдѣлали — а дѣлали вы очень много. Но почемужъ вы думаете, что въ моемъ сердцѣ только для васъ однихъ и есть мѣсто? Васъ я могу любить все такъ же какъ и всегда, и Мери буду любить, какъ только можно сильнѣе.

Онъ ждалъ отвѣта. Но мать не удостоила его и взглядомъ

— Матушка, отвѣчайте же ! сказалъ онъ наконецъ.

— Что мнѣ отвѣчать? Ты кажется ничего не спрашиваешь.

— Ну, теперь спрашиваю. Завтра утромъ я поѣду къ ней, къ своей нарѣченной невѣстѣ. Милая матушка ! Благословите ли вы

меня на этотъ путь? Если Богу угодно будетъ, чтобы она выздоровѣла, примете ли вы ее въ домъ какъ родную дочь?

Она не рѣшалась ни отказать, ни согласиться. Настало молчаніе.

— Къ чему ты туда поѣдешь! спросила она наконецъ сварливо. Опять наскочишь на какую-нибудь исторію. Гораздо лучше сидѣть дома со мною.

Джемъ всталъ и съ отчаяннымъ, нетерпѣніемъ зашагалъ по комнатѣ. Она не хочетъ его понять!.. Наконецъ онъ остановился прямо передъ нею. Она сидѣла смиренно, съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства и кротости.

— Матушка! Я часто думаю, какой превосходный человѣкъ былъ мой отецъ. Вы мнѣ не разъ рассказывали о первомъ времени вашего знакомства и сватовства, о томъ несчастномъ случаѣ съ колесомъ, о вашей болѣзни и о прочемъ. Какъ давно это было?

— Да ужъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ! сказала она со вздохомъ.

— Я думаю, какъ вы лежали тогда больныя, вамъ и въ голову не приходило, что вы доживете до теперешнихъ лѣтъ и будетъ у васъ такой молодчина сынъ, какъ я?

Она слегка улыбнулась и взглянула на него. Ему только того и было нужно.

— Ну, тебѣ до отца-то далеко; онъ непримѣръ былъ краше! сказала она, глядя на него съ нѣжностью, не смотря на свои неободрительныя слова.

Онъ еще раза два прошолся взадъ и впередъ. Ему хотѣлось свернуть разговоръ на свое теперешнее положеніе.

— Хорошее было время, когда батюшка былъ живъ!

— Вотъ ужъ что правда, то правда, дитяtko. Такого времени мнѣ не дожидаться больше на своемъ вѣку.

Она печально вздохнула.

— Матушка!—онъ остановился окончательно и нѣжно взялъ ее за руку.

— Вѣдь вы желали бы, чтобы я былъ такъ же счастливъ какъ отецъ мой былъ въ свое время? Вы вѣдь рады будете, если кто-нибудь сдѣлаетъ меня такимъ же счастливымъ человѣкомъ, какимъ вы дѣлали батюшку? Такъ вѣдь, милая матушка?

— Я далеко не все сдѣлала для его счастья! отвѣчала она тихимъ голосомъ, съ глубокою печалью и раскаяніемъ.—Онъ могъ бы

быть гораздо счастливѣе. Но послѣ того несчастнаго случая у меня нравъ сталъ ужасно неровный, и съ тѣхъ поръ уже никогда не поправился. А онъ, голубчикъ мой, скончался, и не знаетъ теперь какъ я горюю о томъ, что подчасъ мучила и донимала его.

— Ну, матушка, это еще неизвѣстно! сказалъ Джемъ усуюкительно. — Какъ бы то ни было, вы прожили отлично, какъ дай Богъ всякому. Ну ради его, матушка, не откажите же мнѣ въ своемъ благословеніи: благословите меня ѣхать къ той, которую Господь присудилъ быть моею женою — если когда либо приведется мнѣ жениться. Ради *его*, коли не хотите ради меня самого, постарайтесь полюбить ту женщину, которая будетъ для меня тѣмъ же, чѣмъ вы были для него. А я, матушка, и не прошу у Бога лучшей жены, лучшаго и вѣрнѣйшаго сердца, чѣмъ то, что вы принесли въ домъ отца моего.

Жесткое выраженіе исчезло съ ея лица, — она все еще отворачивалась отъ Джема, но больше потому, что изъ глазъ ея струились слезы, возбужденныя его словами, а не потому чтобы сохраняла какое-либо горькое чувство. Когда же замолкъ его тихій, умоляющій мужественный голосъ, она подняла руки, пригнула голову сына къ своей, и торжественно произнесла:

— Богъ да благословить тебя, Джемъ, дорогое дитя мое! да благословить онъ и Мери Бартонъ, ради тебя!

Сердце Джема встрепенулось, и съ этой минуты вмѣсто опасеній въ душѣ его возродилась надежда на спасеніе Мери.

— Матушка! Только не скрывайтесь отъ Мери, покажите ей себя въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, и она будетъ любить васъ не меньше чѣмъ я.

Такъ, попеременно улыбаясь, плача и лаская другъ друга, провели они вечеръ въ серьезныхъ разговорахъ.

— Мнѣ еще надо сходить къ Маргаритѣ. Каково? уже десять часовъ, кто бы могъ подумать? Вы, матушка, не ждите меня пожалуйста. Вамъ съ Виллемъ пора на покой, вы оба измучились. Я ворочусь черезъ часъ.

Маргаритѣ вечеръ показался очень длиннымъ и скучнымъ. Она уже совсѣмъ было перестала ждать Джема, когда слышала его шаги.

Онъ рассказалъ ей о благопріятномъ оборотѣ мыслей мистрисъ Вильсонъ, о своихъ надеждахъ и радостяхъ, но ничего не упомянулъ объ опасеніяхъ.

— Какъ подумаешь , сказала она , какъ радость—то сходится съ горемъ ! Вотъ вы будете считать свою помолвку съ того дня , какъ мы схоронили милую Алису . Да , скоро забываются покойники !

— Милая Маргарита !.. Но что мудренаго , вы такъ измучились за это время , да и меня заждались сегодня . Только вотъ что я вамъ скажу : если Господу угодно посылать намъ новыя заботы , новыя радости и занятія , хотя бы даже и рядомъ съ свѣжею могилой , то изъ этого не слѣдуетъ , чтобы покойники тутъ же предавались забвенію . Маргарита , вы вѣдь помните наши лица , можете себѣ представить нашу наружность ?

— Конечно ! Но что же общаго между этимъ и воспоминаніями о бѣдной Алисѣ ?

— А вотъ что . Вы вѣдь не безпрестанно стараетесь припоминать наши лица , не то и дѣло трудитесь надъ этимъ ; но я увѣренъ , что часто , когда напимѣрь вы засыпаете , или такъ сидите тихо и спокойно , лица наши представляются вамъ вдругъ очень живо и съ любовью на васъ смотрятъ . Вѣрно вы для этого не дѣлаете особыхъ усилій и не считаете своею обязанностью непремѣнно думать о знакомыхъ лицахъ , а все—таки видите ихъ . Такъ и со всѣми , кого мы навѣки теряемъ . Если они при жизни были достойны нашей искренней любви , то мы ихъ и послѣ смерти не забудемъ . Это противно нашей природѣ . И такъ же странно было бы съ нашей стороны упрекать себя въ томъ , что мы предаемся посылаемой Богомъ радости , или въ томъ , что упускаетъ изъ вида наши горести : какъ бы вамъ странно было раскаяваться въ томъ , что вы не безпрестанно припоминаете , какое лицо у вашего дѣдушки или какъ на небѣ горятъ звѣзды . Еслибы вы и хотѣли забыть все это , то не могли бы , потому что помнить такъ пріятно , такъ хорошо ! Не бойтесь же , чтобы я позабылъ объ Алисѣ .

— Я и не думаю , Джемъ — теперь , по крайней мѣрѣ . Только мнѣ показалось , что вы все ужъ объ Мери...

— Вспомните однако , какъ давно я сдерживался и терпѣлъ молча . Ахъ , какъ бы рада была милая тетя Алиса , еслибы знала , что мнѣ есть надежда жениться на Мери !.. то—есть конечно если Богу угодно будетъ сохранить ее .

— Въ послѣднія двѣ недѣли она бы ничего этого не поняла , хоть бы вы и сказали ей . Съ самаго вашего отъѣзда ей все представлялось , что она маленькая и бѣгаетъ за своею матерью . Должно—быть въ дѣтствѣ она была пресчастливымъ ребенкомъ ! Какъ пріятно ей

было вспоминать объ этихъ прошлыхъ временахъ , лежа на смертномъ одрѣ ; и такая она стала сѣдая , дряхлая !

— А я никого не зналъ счастливейе ея , когда она и жива-то была .

— О да , и какъ тихо , спокойно она скончалась ! — все думала , что она у матери на рукахъ .

И оба они тихо задумались объ этой мирной , блаженной кончинѣ .

Прошло одиннадцать . Джемъ встрепенулся .

— Миѣ давнымъ-давно пора уходить . Дайте миѣ узелокъ . Матушку не забудете ? Спокойной ночи , прощайте , Маргарита .

Она проводила его и заперла за нимъ дверь . Онъ остановился у крыльца , чтобы поправить узелокъ . Дворъ , улица , все спало ; все давно успокоилось въ тихій воскресный вечеръ . Звѣзды мирно свѣтились надъ пустынными улицами и луна все обливала мягкимъ свѣтомъ . Крыльцо , на которомъ стоялъ Джемъ , было въ тѣни .

Послышались тяжелые , медленные шаги по мостовой . Джемъ еще не успѣлъ перевязать своего узелка , какъ на улицѣ показался человекъ : слабая , хилая фигура , съ очевиднымъ трудомъ и усиленіемъ тащившая изъ сосѣдняго колодца ведро воды ; она прошла мимо Джема , повернула за уголъ и тутъ , при свѣтѣ луны , Джемъ узналъ въ этомъ согбенномъ , дряхломъ человекѣ съ поникшею головой — Джона Бартона .

Какъ зловѣщее привидѣніе , не могущее управлять своими движеніями , прошелъ онъ однообразнымъ , тяжелымъ шагомъ вплоть до своей двери , вошелъ въ домъ , и тяжелая скоба , звякнувъ за нимъ , прозвучала въ ночной тиши заунывно и жалобно . Потомъ все снова смолкло .

Съ минуту Джемъ стоялъ неподвижно , подавленный мыслями , которыя пробудились въ немъ при видѣ отца Мери .

Маргарита не знаетъ , что онъ возвратился : стало-быть онъ какъ воръ прокрался ночью въ собственное жилище ?.. Джемъ и прежде нерѣдко видалъ его мрачнымъ , но въ эту ночь было въ немъ что-то особенное : какъ-будто сокрушила его внутренняя борьба , и утративъ всякое къ себѣ уваженіе , таится онъ и пресмыкается одинъ одишечекъ .

Сказать ли ему о болѣзни Мери ? Джемъ кззалось , что этого не надо , и по многимъ причинамъ . Нельзя было извѣщать о болѣзни , не коснувшись въ то же время многихъ другихъ обстоятельствъ , о

которыхъ лучше умолчать при немъ. — пусть уже Мери сама когда-нибудь все объяснить ему. До сихъ поръ повидимому никто не думалъ подозрѣвать его въ преступленіи. Ко всему этому примѣшивалось въ сердцѣ Джема величайшее нежеланіе встрѣчаться съ Бартономъ лицомъ къ лицу, такъ какъ онъ не сомнѣвался въ его злодѣяніи.

Конечно, онъ отецъ Мери и это даетъ ему право знать все что до нея касается; но предположивъ, что онъ, какъ отецъ, тотчасъ захочетъ видѣть ее, идти къ ней, — кто могъ ручаться за послѣдствія? Въ числѣ множества смѣшанныхъ чувствъ, выражаемыхъ ею въ бреду горячки, вмѣстѣ съ нѣжнѣйшими изъявленіями дѣтской любви къ отцу, выражала она и опасеніе съ нимъ встрѣтиться. Видно было, что она инстинктивно приходитъ въ ужасъ при мысли о томъ, что онъ пролилъ кровь; это обстоятельство какъ бы раздѣляло для нея особу отца на двѣ личности — одну, прежнюю, которая лелѣла, няньчила и любила ее во всю жизнь, и другую. — теперешнюю, которая заняла себя кровавымъ преступленіемъ и стала причиною всѣхъ ея горестей и бѣдъ.

Каковы же могли быть послѣдствія, еслибы онъ предсталъ передъ нею въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда преобладало именно это чувство?

Джемъ не могъ, не хотѣлъ подвергать ее такимъ ужаснымъ случайностямъ; да поправдѣ сказать, онъ уже считалъ ее болѣе своею, чѣмъ принадлежащею кому бы то ни было въ мірѣ, хотя бы даже предъявитель такихъ правъ на нее былъ человекъ, облеченный въ священнѣйшій санъ отца и незапятнанный никакимъ позорнымъ или преступнымъ дѣломъ. Теперь, по убѣжденію Джема, беречь ее, лелѣять и устранять отъ всякаго зла, — уже его дѣло.

Таковы были мимолетныя думы, ощущенія и мысли Джема, стоявшаго все время на ступени крылечка, послѣ печальной встрѣчи съ этой удрученною тѣнью: онъ все еще продолжалъ смотрѣть вслѣдъ за нею въ опустѣвшее пространство. Но если всѣ эти размышленія покажутся вамъ темными, сбивчивыми, если вы не вдругъ поймете настоящихъ побужденій Джема, то могу васъ увѣрить, что именно изъ нихъ онъ вывелъ слѣдующее рѣшеніе: распорядиться и дѣйствовать, какъ-будто онъ и не думалъ встрѣчаться съ этимъ прозрачнымъ подобіемъ Джона Бартона

ГЛАВА XXXIV

Диксвелль.

Прощенье, о! прощенье, и могилу!

Мери.

Богъ видить скорбь души твоей, родитель!
А я невольнo трепещу при мысли
О томъ, что могъ ты сдѣлать...

Диксвелль.

. . . . О, молчи!

Мери.

Тяжелый жребій палъ тебѣ на долю!

Эллиотъ.

Когда Джемъ вошелъ въ домъ, гдѣ лежала больная Мери, она все еще была въ опасности и жизнь ея висѣла на волоскѣ; доктора боялись сказать что-либо положительное, и большихъ надеждъ не подавали. Однако положеніе ея было уже не такъ томительно для окружающихъ, потому что она лежала въ совершенномъ забытіи и неподвижности, что происходило частью отъ болѣзни, частью отъ утомленія послѣ всего что ей довелось испытать.

Джему съ своей стороны пришлось теперь испытывать то самое мученіе, которое такъ знакомо всякому, сидѣвшему у постели больного, мученіе гораздо невыносимѣе для мужчины нежели для женщины: это ожиданіе переменъ и безпомощное, однообразное сидѣніе на мѣстѣ, безъ всякаго дѣла и безъ всякой пользы для того, кому такъ хотѣлось бы помочь.

Но наконецъ пришла и награда за долгое терпѣніе: тяжелое дыханіе Мери стало тише и ровнѣе, страдальческое, безпокойное выраженіе лица смягчилось и перешло въ тихое утомленіе и слабость. Она заснула обыкновеннымъ, натуральнымъ сномъ; всѣ окружающіе заходили на цыпочкахъ, начали говорить шопотомъ и сдерживали дыханіе, хотя имъ очень хотѣлось вздохнуть полною грудью и произнести сердечное благодареніе.

Она открыла глаза. Умъ ея находился въ чисто младенческомъ состояніи: ей нравились красненькіе узоры на обояхъ, ее пріятно успокаивалъ полусвѣтъ отъ опущенныхъ сторъ и нѣсколько развлекали различные предметы, какъ-то рисунки кораблей, фестончики на занавѣсахъ и цѣстрые букеты, намалеванные на спинкахъ стуль-

евъ. Она засмотрѣлась на стеклянный шаръ, въ которомъ насыпанъ былъ разноцвѣтный песокъ съ острова Вайта и который висѣлъ въ амбразурѣ окна. Все это занимало ее такъ полно, что она кажется и не желала иныхъ развлеченій и даже ни о чемъ не спросила мистрисъ Стерджисъ, хотя видѣла, какъ эта добрая женщина стояла надъ нею съ чашкой чая и поила ее съ ложечки.

Она не видала также другого лица, просіявшаго такой законной радостью, такой горячей благодарностью, — не видала ни благоговѣнно сложенныхъ рукъ, ни влажныхъ глазъ, съ тихимъ восторгомъ слѣдившихъ за ея томными движеніями; а если и замѣтила за занавѣскою это заглядывающее, радостное лицо, то была слишкомъ слаба, чтобы остановить на немъ свое вниманіе или сознать, что тотъ, котораго она такъ страстно любила, стоитъ надъ нею и благодарить Бога за каждый ея взглядъ, за каждое дыханіе.

Во все продолженіе этого получасового бѣднія никто не проронилъ ни одного слова, а она снова задремала, и снова начали они шептаться и жестами передавать другъ другу свои отрадные ощущенія. Джемъ сѣлъ около кровати, и слегка придерживая сторонку полога, смотрѣлъ и не могъ насмотрѣться на блѣдное, измученное личико, съ такими заострившимися чертами.

Она опять проснулась, кроткіе глаза ея раскрылись и встрѣтились съ устремленнымъ на нее взглядомъ. Она тихо улыбнулась, какъ дитя завидѣвшее мать-кормилицу, и продолжала смотрѣть на него все тѣми же дѣтски-чистыми глазами, безсознательно наслаждаясь тѣмъ что видѣла. Мало-помалу сознаніе блеснуло въ этихъ глазахъ, точно она догадалась или что-то вспомнила: блѣдныя щеки окрасились вдругъ яркимъ румянцемъ и она слабымъ движеніемъ попробовала скрыть лицо въ подушку.

Джемъ призвалъ на помощь всю свою силу воли, чтобы сдѣлать то что было нужно въ эту минуту, т. е. отойти и позвать мистрисъ Стерджисъ, которая преспокойно дремала у каминна. Исполнивъ это, онъ привужденъ былъ поскорѣе выйти изъ комнаты, чтобы оправиться отъ сильнѣйшаго радостнаго волненія, готоваго вырваться наружу въ каждомъ его движеніи, взглядѣ и звукѣ голоса.

Съ этихъ поръ Мери начала быстро поправляться.

По многимъ причинамъ слѣдовало стараться какъ можно скорѣе отвезти ее домой. Всѣ джемовы дѣла были въ Манчестерѣ. Тамъ жила мать его, тамъ предстояло ему устраивать и свое новое хозяйство.

Дѣла его находились теперь въ самомъ безпорядочномъ и неопредѣленномъ состояніи, благодаря павшему на него подозрѣнію и аресту, и присутствіе его на мѣстѣ необходимо было для поправленія всего этого; быть-можетъ репутація его успѣла уже такъ пострадать, не взирая на рѣшеніе присяжныхъ, что въ Манчестерѣ оставаться болѣе не приходилось. Онъ помнилъ какъ недоброжелательно посматривали рабочіе и самъ хозяинъ на одного человѣка, подозрѣваемого въ какомъ-то преступленіи и случайно попавшаго къ нимъ въ словолитню. Его мучила теперь мысль, какъ онъ самъ почиталъ тогда предосудительнымъ для порядочнаго человѣка, работать вмѣстѣ съ бывшимъ колодникомъ; ему то и дѣло вспоминался этотъ бѣднякъ, съ понуренною головой и униженнымъ взглядомъ, приходившій честно зарабатывать насущный хлѣбъ и таки выгнанный изъ завода косыми взглядами, намеками и отмалчиваньемъ своихъ товарищей.

Джемъ очень хорошо зналъ, что добрая слава его запятнана, что многіе быть-можетъ и до сихъ поръ считаютъ его преступникомъ; что въ послѣдствіи онъ можетъ еще безукоризненною жизнью оправдаться въ общемъ мнѣніи, но въ настоящую минуту нужно вооружиться терпѣніемъ и приготовить къ худшему; чѣмъ скорѣе переживетъ онъ всѣ эти неизбежныя испытанія, тѣмъ лучше. Ему хотѣлось бы поскорѣ явиться съ типографію и лично удостовѣриться, какъ будутъ на него смотрѣть. И чудились ему косые взгляды, обидные намеки и всеобщее отчужденіе...

Но была одна причина, по которой Джемъ также и опасался нѣсколько возвращенія Мери домой, по выздоровленіи: ему страшно было подумать объ ожидающей ее тамъ встрѣчѣ.

Какъ ни думалъ, ни гадалъ Джемъ, — никакъ не могъ рѣшиться, что дѣлать. Онъ чувствовалъ въ себѣ силу дѣйствовать всячески, какъ бы трудно или тяжело ни пришлось ему, лишь бы исполнить по совѣсти долгъ свой. Но совѣсть рѣшительно воспрещала ему говорить съ Мери объ отцѣ, при теперешнемъ ея бесполезномъ и слабомъ состояніи. Съ однимъ именемъ его связывалось уже столько тяжелаго и мрачнаго! Какъ ни старайся говорить о немъ равнодушно и спокойно, все-таки нельзя такъ притвориться, чтобы не показать ей, что страшная тайна ея ему извѣстна.

Что касается до Мери, то она стала несравненно тише и кротче нежели была когда-либо: послѣ болѣзни всѣ ея движенія, взгляды, голосъ и рѣчи прониклись какою-то особою нѣгой и лаской. Каза-

люсь, ей не хотѣлось прерывать сладкой тишины даже пріятными звуками своего собственнаго голоса, и мало говорила она даже съ самимъ Джемомъ, который жадно впивалъ каждое ея слово.

Впрочемъ на лицѣ ея написано было столько любви и довѣрія, что Джемъ не съ чего было пугаться ея частаго безмолвія и разсѣянности. Лишь бы она любила его, все остальное пойдетъ отлично; а щекотливаго предмета, для обоихъ равно тягостнаго, лучше покажеться вовсе не касаться.

Насталъ теплый, ясный день. Мери вышла наконецъ на свѣжій воздухъ, опираясь на руку Джема, плотно прислоняясь къ его радостно-бьющемуся сердцу; а мистрисъ Стерджисъ, стоя на порогѣ своего домика, съ веселымъ видомъ благословляла ихъ на прогулку.

Они дошли до рѣки. Мери вздохнула.

— О Джемъ, отведи меня домой. Эта рѣка словно вся скована изъ тяжелаго, зыбкаго, ослѣпительнаго металла, какъ въ тотъ день, когда я заболѣла.

Джемъ повелъ ее обратно. Она опустила голову такъ низко, какъ будто искала чего на землѣ.

— Джемъ! — Онъ весь превратился въ слухъ; она на минуту остановилась.

— Когда мнѣ можно будетъ домой? то-есть въ Манчестеръ? Мнѣ такъ наскучило это мѣсто, хотѣлось бы на свою сторону.

Она говорила тихимъ голосомъ и безъ всякаго нетерпѣнія, но такъ печально, какъ-будто отъ исполненія своего желанья ожидала большого горя.

— Безцѣнная моя! поѣдемъ куда тебѣ угодно, лишь бы достало у тебя силъ вынести переѣздъ. Я просилъ Джоба сказать Маргаритѣ, чтобы она все приготовила къ твоему пріѣзду. Она будетъ тебя беречь и покоить. Дома тебѣ дѣлать нечего. Джебъ самъ предлагаетъ свою квартиру.

— Да. Но мнѣ надо быть дома, Джемъ. Теперь я постараюсь вести себя хорошенько. О нѣкоторыхъ вещахъ намъ говорить не слѣдуетъ (она понизила голосъ), но слѣлай милость, не противься моему возвращенію домой. Не будемъ больше говорить объ этомъ; я должна быть дома, и одна.

— Не одна же, Мери!

— Нѣтъ, одна. Я не могу сказать тебѣ, зачѣмъ мнѣ это нужно. Но ты можешь догадаться и тогда вѣрно поймешь, почему я не хочу

больше говорить объ этомъ — по крайней мѣрѣ теперь. Общай, милый Джемъ, общай!

Онъ общалъ. Чтобы угодить этимъ умоляющимъ глазкамъ, онъ готовъ былъ общать все на свѣтѣ. Но тутъ же втайнѣ раскаялся и почувствовалъ, что сдѣлалъ глупость. Потомъ разсудилъ, что ей виднѣе, что она знаетъ можетъ-быть больше его, и составила какой-нибудь планъ дѣйствій, въ который ему мѣшаться нечего.

Одно только дурно, что завелся такой предметъ, о которомъ оба не дерзають заговаривать, и молча должны угадывать свои взаимныя мысли по этому поводу, блѣднѣя, отворачиваясь другъ отъ друга и замолкая невольно при каждомъ случайномъ намекѣ!

Въ одинъ прекрасный день Мери оказалась довольно окрѣпшею, чтобъ ѣхать въ Манчестеръ. Ей очень хотѣлось этого, но сердце дрогнуло при мысли о разставаньѣ съ гостепріимнымъ кровомъ, подъ которымъ даже басистая ворчба Бена Стерджиса не нарушала общаго мира и гармонически сливалась въ пріятный акордъ съ остальными домашними мотивами. Ей грустно было покидать тихую, уютную комнатку, въ которой оказали ей столько нѣжнаго участія; жаль стало даже раздвижного полога у кровати, при мысли, что она никогда больше не увидитъ его. А если неодушевленные предметы внушали ей такія сожалѣнія, то каково было разставаться съ почтенными стариками, принявшими ее подъ свой кровъ и няньчившими какъ родное дѣтище? Тутъ-то вспомнились ей все капризы, все неразумныя требованія, которыми она донимала ихъ въ полусознательной дремотѣ своей болѣзни, и съ горькимъ раскаяніемъ бросившись на шею къ доброй мистрисъ Стерджисъ, она однимъ только слезами могла ей выразить свою благодарность и любовь.

Бенъ топтался вокругъ ихъ съ четырехгранной бутылкой «золотой водки» въ одной рукѣ и стаканчикомъ въ другой. Онъ подходилъ то къ Мери, то къ Джемю, то къ своей женѣ, и каждому наливая полный стаканчикъ, уговаривалъ выпить для подкрѣпленія силъ; но такъ какъ каждый поочередно отказывался, то онъ выпивалъ самъ и снова начиналъ обходить компанію съ тѣмъ же предложеніемъ и тѣми же послѣдствіями.

Проглотивъ третій стаканчикъ, онъ благоволилъ объясниться по этому поводу:

— Терпѣть не могу лишней траты. Налилъ, такъ выпей. Вотъ мое правило! — Сказавъ это, онъ поставилъ бутылку обратно въ шкафъ.

Наконецъ онъ же повелительнымъ голосомъ сказалъ Джемю и Мери, что пора имъ убираться, потому-де, что опоздаютъ къ поѣзду. Мистрисъ Стерджисъ до тѣхъ поръ держалась молодцомъ; но какъ только молодые люди вышли изъ дому, она не могла удержать слезъ и стала громко рыдать и всхлипывать, несмотря на упреки мужа. Услыхавъ, какъ на колокольнѣ пробило два часа, она встrepенулась и съ невольною, радостной надеждой, воскликнула:

— А можетъ быть опоздаютъ таки на желѣзную дорогу!

— Какъ! И опять сюда вернуться? Нѣтъ, нѣтъ! Это пустыяки. Мы свое дѣло сдѣлали, поплакали, проводили и будетъ. Нечего снова заводить. А нето, какъ опять провожать придется, надо будетъ совсѣмъ опрастывать ту бутылку; сей часъ только три чарки вылилъ — расходъ немалый! Пора бы уже Джемю воротиться изъ Гамбурга, да привезть мнѣ еще этой заморской водицы.

Подъѣзжая къ Манчестеру, Мери блѣднѣла все больше и больше, и лицо ея приняло почти суровое выраженіе. Въ сущности, она только готовяла себя къ свиданію съ отцомъ, на случай если застанетъ его дома. Джемъ никому не заикнулся о полночной встрѣчѣ своей съ Джономъ Бартономъ; но она точно предчувствовала, что гдѣ бы онъ ни странствовалъ, а рано или поздно воротится таки домой. Въ какомъ расположеніи духа она застанетъ его — Богъ вѣсть. Объ этомъ и подумать было страшно. Съ тѣхъ поръ какъ она узнала о способности отца къ преступленію, въ собственномъ ея характерѣ открылась ей какая-то мрачная сторона, которую она также боялась изслѣдовать. Была минута, когда ей со страху захотѣлось просить, чтобы ее избавили отъ ужасной необходимости жить вдвоемъ съ убійцею! Она припоминала его обычную суровость и сосредоточенность въ тѣ времена, когда еще душа его не смущалась памятью о злодѣйствѣ; припоминала раздражительность его и уныніе, и представляла себѣ, какъ они попрежнему будутъ проводить долгіе вечера: она, до поздней ночи изнывая надъ трудною работою; онъ, суровѣе и страшнѣе чѣмъ когда-либо, съ мукою угрызеній въ своей страдальческой душѣ. Повременамъ на нее нападалъ такой страхъ отъ этихъ мыслей и картинъ, что хотѣлось кричать и плакать.

Но сознаніе обязанности, дѣтская любовь и благодарность за все добро и ласку, испытанныя отъ него съ ранняго дѣтства, помогли ей побѣдить этотъ ужасъ. Она рѣшилась все выносить, хотя бы каждый день пришлось трепетать и бояться; рѣшилась терпѣливо сносить всѣ неровности его тяжелаго нрава, и не только терпѣливо, но

съ глубокою жалостью за нимъ ухаживать, зная, какова страшная участь каждаго убійцы. Она нѣжно будетъ беречь его, какъ подobaетъ невинности охранять виновнаго, выжидая благоприятныя минуты, чтобы при случаѣ пролить на глубокія раны сердца цѣлительный бальзамъ утѣшенія.

Съ невозмутимымъ спокойствіемъ человѣка, искренно рѣшившагося терпѣть до конца, она приблизилась къ дому, который по привычкѣ называла еще своимъ домомъ, но который утратилъ уже всю неприкосновенную святость семейнаго очага.

— Джемъ! сказала она, остановившись у воротъ дворика, за два шага отъ квартиры Джоба Лега. — Поди къ Джобу и тамъ жди меня подчасъ, никакъ не меньше. Если черезъ полчаса я не приду, то ступай прямо къ матушкѣ, поклонись ей отъ меня поласковѣй. Я пришлю Маргариту, когда мнѣ нужно будетъ тебя видѣть. — Она глубоко вздохнула.

— Мери, Мери! Не могу я оставить тебя. Ты рассуждаешь такъ холодно, какъ будто мы другъ другу чужіе, а у меня все сердце рвется за тобой. Я знаю для чего ты меня удаляешь, но...

Онъ говорилъ громко и тревожно; она положила руку на его плечо и заглянула еще въ глаза съ нѣжнымъ упрекомъ; всѣ члены ея дрожали и она дрожащими губами сказала ему:

— Милый Джемъ! Я бы часто говорила тебѣ о любви своей, еслибы не высказалась однажды такъ ясно и откровенно на этотъ счетъ, въ извѣстномъ тебѣ случаѣ. Вспоминай о той минутѣ, Джемъ, всякій разъ какъ я покажусь тебѣ холодною. Тогда я охотно и безъ утайки выразила словами все, что у меня было на сердцѣ; а теперь, хотя не говорю о своемъ горѣ при разставаньѣ съ тобою, а любовь въ сердцѣ осталась все та же. Но не время говорить о такихъ вещахъ. Если я теперь не исполню того, что считаю своею обязанностью, то потомъ всю жизнь буду упрекать себя. Джемъ, ты обѣщаль...

Сказавъ это она ушла, и боясь чтобы онъ все-таки не вздумалъ за нею слѣдовать, прошла дворикъ несравненно быстрѣе, чѣмъ сдѣлала бы это въ другомъ случаѣ. Вотъ и дверь, вотъ желѣзная ручка; одно мгновеніе — и дверь отворилась.

Тамъ сидѣлъ отецъ тихо и неподвижно; онъ даже не обернулся, чтобы посмотрѣть кто вошелъ; а можетъ-быть узналъ походку, угадалъ по движеніямъ и общей манерѣ.

Онъ сидѣлъ у огня, или лучше-сказать у камина, потому что

огня не было. Въ рѣшоткѣ завязли нѣсколько кучекъ холодной стѣрой золы, давнымъ-давно оставшейся отъ горѣвшаго когда-то угля. Онъ занималъ свое обычное мѣсто въ креслахъ, конечно по привычкѣ, руководившей всѣмъ механизмомъ его отжившаго существа. Казалось, вся энергія души и тѣла сосредоточилась гдѣ-то внутри, въ одномъ изъ великихъ хранилищъ жизни, и тамъ изнемогала въ борьбѣ съ сокрушителемъ-врагомъ, совѣстью.

Руки его были сложены, пальцы крѣпко сжаты, что обыкновенно служить признакомъ нѣкоторой рѣшимости, силы; но въ немъ такъ очевидно было противное, что положеніе тѣла опредѣлилось совершенно случайно, независимо отъ него самого; казалось, его можно бы свалить съ мѣста однимъ ударомъ соломенки.

Что касается до лица, то оно истомилось и высохло какъ у скелета, съ тою разницею, что такого страдальческаго выраженія у скелетовъ не бываетъ. Нельзя было равнодушно видѣть этого человѣка, какъ бы ни хотѣли вы ожесточиться противъ его злодѣянія.

Но при видѣ этой полной безпомощности, этого глубокаго самоуниженія и страданья, Мери мгновенно позабыла о преступленіи. Мы видѣли, какъ трудно ей было согласить мысль объ отцѣ съ мыслию объ убійцѣ; теперь это стало еще труднѣе: она видѣла въ немъ только отца, своего милаго, дорогаго отца! Каковы бы ни были причины его страданій, самыя страданія дѣлали его для нея дороже чѣмъ когда-либо. Злодѣйство какъ-то отошло на задній планъ, утратило для нея свое значеніе.

Она обошлась съ нимъ горячо и нѣжно, стараясь услужить ему и угодить на всѣ лады.

У ней было немного денегъ, остатокъ отъ вознагражденія за роль свидѣтельницы въ судѣ; когда смерклось, она тихонько вышла изъ дому и купила нѣкоторыхъ вещей, необходимыхъ для продовольствія отца.

Непонятно, какимъ образомъ прожилъ онъ и остался въ живыхъ итеченіе послѣднихъ дней, проведенныхъ тутъ въ полномъ одиночествѣ. Мери нашла домъ такимъ же пустымъ, какимъ оставила его: не было ни угля, ни свѣчъ, ни съѣстной провизіи, и никакихъ вообще припасовъ.

Она скоро воротилась домой, но проходя мимо двери Джоба Лега, приостановилась. Джемъ, безъ сомнѣнія, давно уже отправился домой и вѣроятно какъ-нибудь убѣдилъ Маргариту не ходить сегодня къ подругѣ, иначе она бы уже пришла къ Мери.

Но завтра... завтра вѣдь она придетъ непременно! А кто какъ не слѣшая Маргарита чуткимъ ухомъ слѣдитъ за всѣми интонаціями, вздохами, прислушивается къ самому безмолвію?

Желая какъ можно скорѣе воротиться къ отцу, Мери не стала больше раздумывать; однако безсознательнымъ движеніемъ отворила дверь къ квартирѣ Джоба, сама не зная, что сказать.

— Это Мери Бартонъ! Я ее узнала по дыханію, дѣдушка! Это Мери Бартонъ.

Радость Маргариты и горячія изліянія ея нѣжности сильно подѣйствовали на Мери: она не могла удержаться отъ слезъ, ослабѣла, смутилась и сѣла на первый попавшійся стулъ.

— Эге! Мери, ты таки поправила съ тѣхъ поръ какъ я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ. Ну-ка, что скажешь, каковы мы съ Джемомъ сидѣлки? Коли всѣ промыслы упадутъ, то я обращаюсь къ этой службѣ. А Джемъ кажись на всю жизнь законтраковался? А? Нечего такъ краснѣть, душа моя. Теперь вы порядкомъ, я думаю, объяснились на этотъ счетъ!

Маргарита держала ее за руку и тихо улыбалась.

Джобъ Легъ взялъ свѣчу въ руки и началъ оглядывать Мери въ подробности.

— Вотъ и румянецъ есть въ лицѣ, правда немного. Но когда я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ, у тебя и губы-то были бѣлыя какъ мѣлъ. Носикъ тоже еще немножко осунулся; ты теперь больше прежняго стала похожа на отца. Господи! Да что съ тобою? Не опять ли дурно тебѣ?

При имени отца Мери дѣйствительно поблѣднѣла и сжалась; но чувствовала, что теперь-то и надо сказать о немъ что-нибудь.

— Батюшка воротился, сказала она,—но совсѣмъ большой и слабый. Онъ прежде никогда такой не бывалъ. Я даже Джема просила не приходите къ намъ, чтобы какъ-нибудь не обезпокоить отца.

Она говорила поспѣшно и, какъ ей самой показалось, ненатуральнымъ голосомъ; но они повидимому ничего не замѣтили и не обратили вниманія даже на ея намекъ, что всякій визитъ будетъ лишній. Джобъ тотчасъ воткнулъ въ пробку булавку съ какимъ то насѣкомымъ, которое держалъ въ рукахъ, и сказалъ:

— Отецъ воротился! Каково? а Джемъ мнѣ ни слова не сказалъ. П еще боленъ... Сейчасъ пойду, развеселю его маленько болтовней своей. Охъ ужъ эти депутаціи, никогда отъ нихъ не жди добра!

— О, Джобъ! Батюшка не выдержитъ... батюшка очень боленъ! Не приходите! право, вы очень добры и милы, но сегодня по крайней мѣрѣ...

Она не знала что сказать и въ отчаяннѣ видѣла, что Джобъ продолжаетъ убирать своихъ мошекъ. — Не приходите, пока я не пришло за вами или сама не приду. Батюшка теперь въ такомъ положеніи, я думаю ему не годится принимать постороннихъ. Пожалуйста не ходите. Я стану каждый день приходить къ вамъ и извѣщать о его здоровьѣ. Мнѣ теперь надо поскорѣе къ нему. Милый Джобъ, добрый Джобъ! Не сердитесь на меня. Еслибы вы знали все, вы бы право пожалѣли меня.

Джобъ между тѣмъ ворчалъ съ самымъ недовольнымъ видомъ и даже Маргарита нѣсколько сдержаннымъ тономъ пожелала ей доброго вечера. Въ эту минуту для Мери очень некстати была чья-либо холодность, тѣмъ больше не могла она перенести мысли, что эти добрейшіе, искренніе друзья сочтутъ ее неблагодарною; поэтому она воротилась отъ двери, и быстро обнявъ Джоба поцѣловала сначала его, потомъ Маргариту. Слезы ручьями текли по ея щекамъ, но она не произнесла больше ни слова и поспѣшно выйдя изъ дому, пошла къ себѣ.

Отецъ все еще сидѣлъ въ той же позѣ, какъ блѣдный призракъ. Онъ отвѣчалъ на ея вопросы (впрочемъ весьма немногочисленные, потому что столькихъ предметовъ нельзя было касаться), но отвѣчалъ односложными словами, слабымъ, тонкимъ, почти дѣтскимъ голосомъ, и ни разу не поднялъ глазъ: онъ не смѣлъ взглянуть на дочь. Говоря съ нимъ, или просто ходя по комнатѣ, она также избѣгала смотрѣть на него. Ей хотѣлось быть какъ всегда, обращаться съ нимъ какъ обыкновенно, но какъ ни усердно она старалась объ этомъ, внутреннее чувство говорило ей, что это невозможно.

Такъ провели они нѣсколько дней. По вечерамъ онъ медленно взбирался по лѣстницѣ наверхъ въ свою спальню, и въ долгіе часы ночи Мери слышала, какъ вырывались изъ его груди глухіе стоны и болѣзненные вопли, обыкновенно сдержанные и глубоко затаенные продолженіе дня.

Сколько разъ, сидя и прислушиваясь по ночамъ къ этимъ томительнымъ звукамъ, она думала: не легче ли будетъ его бѣдному сердцу, если она пойдетъ и признается ему, что все знаетъ, и жалѣетъ о немъ, и любитъ его больше прежняго?

Дни проходили такъ же однообразно, тяжело и тихо, какъ первый

вечеръ горькаго ихъ свиданія. Онъ ѣлъ безъ всякаго удовольствія. Повидимому пища не приносила ему никакой пользы, потому что съ каждымъ днемъ лицо его становилось призрачнѣе, мертвеннѣе.

Всѣ сосѣди держались отъ нихъ въ сторонѣ. Въ послѣдніе годы Джонъ Бартонъ имѣлъ въ себѣ что-то отталкивающее, что удалило отъ него всѣхъ, кромѣ тѣхъ немногихъ друзей, которые его знали смолоду, или умѣли привлечь его довѣріе и сочувствіе. Кому охота ходить къ человѣку, вѣчно нахмуренному, суровому и погруженному въ глубокую думу. Сосѣди ограничивались изъясненіемъ участія и нѣсколькими добродушными вопросами, въ то время какъ Мери выходила изъ дому или возвращалась къ себѣ черезъ дворикъ. Съ своей тяжелой тайной на душѣ, Мери сдѣлалась подозрительна, и такое сдержанное обращеніе показалось ей крайне страннымъ и значительнымъ. Джо-ба и Маргариты ей также сильно недоставало: она такъ уже привыкла со всѣми своими горестями обращаться прямо къ нимъ и отъ нихъ ожидать утѣшенія и помощи.

Но всего больше вздыхала она о той роскоши, которою такъ недавно наслаждалась въ обществѣ Джема, — о ежедневномъ, ежечасномъ его попеченіи, нѣжной любви и готовности отвѣчать отъ нея каждую пылинку, каждую черную мысль.

Она знала, что онъ часто бродитъ вокругъ ея дома, хотя въ первые два дня это сознаніе было чисто-духовное. На третій она встрѣтилась съ нимъ у Джо-ба Лега.

Ее приняли очень хорошо и очевидно старались быть съ нею дружелюбными; но все-таки замѣтно было, что между ними пролегла какая-то сѣрая завѣса, особенно чувствительная для Мери. Что же касается до Джема, то въ его голосѣ, глазахъ и во всякомъ движеніи такъ и видѣлась самая страстная, самая благоговѣйная и довѣрчивая любовь. Довѣріе особенно проявлялось въ томъ, что онъ почти-тельно избѣгалъ того единственнаго пункта, о которомъ запрещено ему было заговаривать.

Онъ вышелъ отъ Джо-ба Лега вмѣстѣ съ нею. Они остановились на тротуарѣ: онъ держалъ ее за руку, съ сильнѣйшимъ желаніемъ удержать ее, и спрашивалъ, скоро ли они увидятся опять?

— Матушкѣ такъ хочется тебя видѣть! прошепталъ онъ. — Не можешь ли придти завтра, или когда-нибудь?

— Не знаю, отвѣчала она тихо. Но теперь еще подожди немного — надо подождать. Милый, мнѣ нужно идти къ нему! Милый мой Джемъ!

На другой день (четвертый съ прїѣзда въ Манчестеръ), сидя у окна и печально размышляя надъ какимъ-то шитьемъ, Мери увидѣла на дворѣ личность, которую конечно меньше всѣхъ на свѣтѣ желала видѣть : Салли Ледбиттеръ.

Она очевидно шла къ нимъ; чрезъ минуту она постучалась въ дверь. Джонъ Бартонъ безпокойно взглянулъ исподлюбя въ ту сторону. Мери знала, что если не вдругъ отворить или отвѣчать, то Салли не задумается войти безъ приглашенія. Поэтому она поспѣшно вскочила съ мѣста, отворила дверь, встала на порогъ, все время бѣжно держась за скобу, и старалась по возможности загородить дорогу и не допустить любопытную дѣвицу даже заглянуть въ комнату.

— Ну, Мери Бартонъ, воротилась таки наконецъ! Я слышала что ты дома, вотъ и пришла послушать, что ты скажешь новенькаго.

Она намѣрена была непременно войти и видѣла, что Мери этого не желаетъ. Поэтому она встала на цыпочки и глядя ей черезъ плечо постаралась увидѣть что тамъ такое, втайнѣ надѣясь высмотрѣть какого-нибудь любовника; но вмѣсто того глазамъ ея представилась мрачная фигура суроваго старика, котораго она всегда усердно избѣгала, и быстро спрятавшись опять за Мери, она продолжала разговоръ за дверью и какъ можно тише.

— Ага! такъ и батька-старый воротился! Чтожъ онъ говорить о твоихъ дѣянїяхъ въ Ливерпулѣ и прежде? Ты ужъ знаешь гдѣ. Теперь, душенька, скрывать нечего, потомучто все напечатано на весь свѣтъ.

Мери тихо вздохнула и попросила Салли переимѣнить разговоръ : онъ и прежде всегда былъ ей непрїятенъ, а теперь вдвое хуже отъ той легкости, съ какою Салли трактовала все на свѣтѣ. Еслибы онъ были однѣ, Мери еще вынесла бы это довольно терпѣливо, — такъ ей казалось по крайней мѣрѣ — но теперь она была почти увѣрена, что отецъ прислушивается : онъ притаилъ дыханіе и какъ будто измѣнилъ свое безучастное положеніе. Однако удержать языкъ любопытной Салли не было никакой возможности : она желала узнать всѣ подробности приключеній Мери; подобно многимъ *барышнямъ* въ заведеніи миссъ Симондсъ, она очень зазидовала ея знаменитости, тогда какъ сама Мери считала эту славу самою незавидной!

— Нѣтъ, да отчего же избѣгать разговора объ этомъ? Вѣдь это было и въ «вѣдомостяхъ», и въ «вѣстникѣ», да Дженъ Годсонъ слышала отъ кого-то, что и въ лондонской газетѣ было перепечатано.

Ты прославилась какъ настоящая героиня, Мери. А какова тебѣ показалась роль свидѣтельницы? Не правда ли, какіе безстыдники эти адвокаты? Такъ и впиваются глазами. Бьюсь объ закладъ, что ты раскаялась, что не приняла моего предложенія и не надѣла моего чернаго шарфа! Такъ вѣдь, Мери, а? Говори правду.

— По правдѣ сказать, Салли, я объ этомъ и не вспомнила. До того-ли было? сказала Мери съ упрекомъ.

— Ахъ, я и забыла. Ты тогда ужъ очень занялась этимъ болваномъ, Джемсомъ Вильсономъ. Нечего сказать! Если мнѣ доведется когданибудь стать свидѣтельницею въ ассизномъ судѣ, то подцѣплю себѣ дружка почище подсудимаго. Хоть писца какого-нибудь, все же лучше, — или по крайней мѣрѣ тюремнаго сторожа.

Какъ ни грустно было Мери въ эту минуту, но она не могла удержаться отъ улыбки при дикой мысли о подцѣпленіи «дружка» въ такое время, въ такомъ мѣстѣ, особенно при такихъ обстоятельствахъ.

— Мнѣ и въ умъ не приходило высматривать себѣ жениховъ, увѣряю тебя. Только что объ этомъ толковать, мнѣ и вспомнить-то тяжело! Какъ поживаетъ миссъ Симондсъ и всѣ другія?

— Все благополучно. Да, кстати: она мнѣ поручила передать тебѣ, что если ты впередъ будешь хорошенько вести себя, то можешь опять приходиться работать. Я тебѣ говорила, что послѣ всѣхъ этихъ исторій она рада будетъ взять тебя обратно, для приманки покупателей. Теперь хоть изъ Сальфорда стануть ѣздить къ намъ въ магазинъ, лишь бы однимъ глазкомъ на тебя взглянуть, и это будетъ продолжаться пожалуй мѣсяцевъ шесть сряду!

— Полно пожалуйста, не пойду я къ миссъ Симондсъ. Мнѣ и взглянуть на нее совѣстно. Да еслибъ и не совѣстно...

Она остановилась и покраснѣла.

— Ахъ! знаю я, о чемъ ты думаешь. Но вѣдь теперь это не вдругъ же сладится, и такъ какъ его изъ типографіи выгнали, то я бы на твоёмъ мѣстѣ подумала да и передумала, прежде чѣмъ отказываться отъ миссъ Симондсъ.

— Выгнали изъ типографіи! — Джема? вскрикнула Мери.

— Разумѣется. А ты и не знала? Какже, порядочные люди не захотѣли работать вмѣстѣ съ... Нѣтъ впрочемъ, этого я не буду говорить, потому что ты все-таки ужасно хлопотала изъ-за этой тамъ очной ставки что ли? Впрочемъ я съ своей стороны и не подумала

бы сердиться на горяченькаго молодца, который бы изъ ревности вырнулъ своего соперника. Вонъ въ театрѣ они и все такъ.

Но Мери думала о Джемѣ. Какое добро съ его стороны — ниразу ей не говорить о потерѣ мѣста! И какъ много ужъ онъ пострадалъ изъ-за нея!..

— Расскажи-ка мнѣ объ этомъ подробнѣе, сказала она.

— А вотъ видишь, у нихъ у всѣхъ тамъ подбланы шпаги такія въ комедіи, и какъ только... начала Салли. Но Мери нетерпѣливо тряхнула головою и перебила ее:

— Джемъ-то, Джемъ! я тебя о немъ спрашиваю.

— О-о! о немъ я знаю не больше всѣхъ другихъ. Говорятъ, ему отказали отъ мѣста, потому что другіе считаютъ, что ты не совѣмъ его оправдала отъ этаго убійства, хотя можетъ-быть присяжнымъ и въ самомъ дѣлѣ не хотѣлось его вѣшать. Старый мистеръ Карсонъ ужасъ какъ злится на судью, на присяжныхъ и на всѣхъ тамъ законниковъ. Такъ я слышала.

— Надо идти къ нему... пойду къ нему! шептала Мери поспѣшно и въ волненіи.

— Онъ тебѣ скажетъ, что я всю правду говорила, ничего не сокрала, сказала Салли. — А я твоего отвѣта не буду передавать миссъ Симондсъ; ты лучше два раза подумай, разсуди. Прощай покаместъ.

Мери затворила дверь и возвратилась въ комнату.

Отецъ сидѣлъ все въ томъ же положеніи, въ той же неизмѣнной позѣ. Только голова его еще больше пригнулась къ землѣ.

Она надѣла шляпку, чтобы идти въ Энкотсъ: ее томило непреодолимое желаніе видѣть Джема, распросить его, утѣшить, увѣрить въ своей любви и преданности.

Въ ту минуту какъ она, передъ выходомъ, наклонилась надъ отцомъ, онъ въ первый разъ заговорилъ добровольно. Но голова его была такъ низко опущена, а голосъ такъ слабъ и глухъ, что она не расслышала и принуждена была вовсе нагнуться къ нему. Помолчавъ еще съ минуту, онъ повторилъ свою фразу:

— Скажи Джему Вильсону, чтобы приходилъ ко мнѣ сегодня, въ восемь часовъ.

Разслышала ли онъ разговоръ ея съ Салли Ледбиттеръ? Ей казалось, что онъ говорили очень тихо. Думая объ этомъ и обо многомъ, она пошла въ Энкотсъ.

ГЛАВА XXXV

«...О, еслибы онъ жилъ, —
 Повърте, на себя онъ самъ бы наложилъ
 Со всею строгостью такое покаянье.
 Я знаю, онъ горячъ на всякое дѣянье:
 И нынѣ, истину святую возлюбя,
 Такую муку онъ избралъ бы для себя,
 Что лютые враги бы вчужѣ содрогались
 И заживо ему грѣхи его прощались».

Соути («Родрикъ»).

Повернувъ въ улицу, гдѣ жили Вильсоны, Мери встрѣтила Джема; онъ подошелъ къ ней такъ внезапно, что она вздрогнула.

— Ты идешь къ матушкѣ? спросилъ онъ, съ нѣжностью взявъ ее подъ руку и умѣряя шаги.

— Да; и ты тоже? О, Джемъ, правда ли это? Скажи мнѣ!

Она знала, что по выраженію ея лица онъ непременно пойметъ ся темный вопросъ. Однако онъ съ минуту промолчалъ и поколебался, прежде нежели отвѣтилъ ей.

— Безцѣнная моя, это правда; я и не хочу скрывать — если ты точно объ этомъ говоришь. Я больше не буду работать въ Дункомбовой словолитнѣ. Теперь, мнѣ кажется, намъ уже нечего тантъ другъ отъ друга, и если я не сказалъ тебѣ вчера, то просто изъ страха огорчить тебя. Ты не бойся, я скоро найду другую работу.

— Но зачѣмъ же тебя выключили, когда присяжные признали тебя невиннымъ?

— Оно вѣдь не то чтобы выключили, но я самъ нашолъ, что лучше оставить это мѣсто. Многіе изъ рабочихъ такъ или иначе выказывали, что имъ непріятно будетъ опять находиться подъ началомъ у меня; иные давно меня знаютъ и вполне во мнѣ увѣрены; но другіе — и этихъ гораздо больше — выразили сомнѣніе на мой счетъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ даже объ этомъ молодому Дункомбу.

— О Джемъ, какъ имъ не совѣстно! сказала Мери съ печальнымъ негодованіемъ.

— Нѣтъ, милая! Я не знаю, зачѣмъ же ихъ винить? Эти бѣдники ужасно стоятъ и держатся за свою репутацію; имъ больше и гордиться-то нечѣмъ, и потому очень натурально, что они боятся всякаго подозрительнаго человѣка и берегутся его какъ заразы.

— Но ты... что они отъ тебя видѣли, кромѣ добра? Могли бы казаться узнать тебя короче за это время.

— Нѣкоторые знаютъ; управляющій, я увѣренъ, считаетъ меня невинноватымъ. Онъ даже сказалъ это сегодня; говоритъ, что толковалъ со старшимъ Дункомбомъ и порѣшили, что лучше бы мнѣ хоть на время оставить Манчестеръ. Они хотятъ меня рекомендовать куда-нибудь въ другое мѣсто.

Но Мери все качала своею печальной головкой и повторяла съ грустью:

— Могли бы они лучше знать тебя, Джемъ.

Джемъ сжалъ маленькую ручку въ своихъ жесткихъ, рабочихъ рукавахъ. Минуты черезъ двѣ онъ спросилъ:

— Мери, очень ты привязана къ Манчестеру? Скажи мнѣ, большое бы горе для тебя было покинуть эту конченную труппу?

— Съ тобою? спросила она, тихо и спокойно взглянувъ на него.

— Конечно, душа моя! Въ этомъ-то можешь быть увѣрена, я бы не сталъ тебя просить уѣхать изъ Манчестера покуда я самъ тутъ. Но много хорошаго говорятъ о Канадѣ, а у нашего управляющаго есть тамъ родственникъ, и тоже по типографской части. Ты знаешь ли гдѣ Канада-то, Мери?

— Н... нѣтъ, кажется не знаю. Но вѣдь съ тобою, Джемъ... (голосъ ея понизился до тихаго шопота) все равно...

Послѣ этого что за дѣло до географіи?

— А отецъ? произнесла вдругъ Мери, разомъ прерывая сладкое молчаніе единственной фальшивой нотой своей жизни.

Она взглянула на серьезное лицо своего друга и тутъ же вспомнила о порученіи отца.

— О, Джемъ, я еще не говорила тебѣ?.. Батюшка велѣлъ сказать, что ему тебя нужно зачѣмъ-то; просить придти сегодня въ восемь часовъ. Зачѣмъ бы это, Джемъ?

— Не знаю, возразилъ онъ. Во всякомъ случаѣ приду. Мучиться да разгадывать не слѣдуетъ, продолжалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, впродолженіе которыхъ они въ молчаніи ходили по переулку, куда Джемъ завелъ ее при началѣ разговора. — Пойдемъ къ матери, а потомъ я тебя провожу домой, Мери. Когда я встрѣтилъ тебя, ты вся дрожала: нельзя еще стало-быть отпустить тебя одну въ такую даль, сказалъ онъ, съ любовью преувеличивая ея слабость и безпомощность.

Они еще немножко погуляли, обмѣнялись нѣсколькими фразами, въ сущности весьма незначительными, по крайней мѣрѣ для насъ съ вами, но для нихъ имѣвшими полный, драгоценный смыслъ, наполнившій ихъ обоихъ невыразимымъ счастьемъ.

Пробило половина седьмого.

— Пойдемъ, поговори съ матушкою. Она знаетъ, что ты будешь ей дочерью, Мери, дорогая моя.

Они вошли. Джени Вильсонъ уже сердилась на сына, зато что такъ поздно воротился домой. Онъ еще ничего не говорилъ ей о своемъ удаленіи изъ типографіи. У ней была страсть готовить какіе-нибудь съѣстные сюрпризы или маленькія удовольствія для тѣхъ, кого она любила; когда же эти послѣдніе какъ-нибудь запаздывали или являлись не вовремя, она приходила въ волненіе, въ отчаяніе, и какъ только показывались предметы ея стараній и нѣжности, она на нихъ опрокидывалась съ упреками и ворчливымъ брюзжаньемъ; такимъ образомъ постоянно нарушался миръ, единая отрада всякаго семейнаго очага, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ и скромнъ, и всѣ домашніе питали особое отвращеніе и ненависть къ ея «упитаннымъ тельцамъ», которые котя и доказывали ея привязанность и нѣжность, но все же перѣдко причиняли брань и смуты въ домѣ.

Глядя на возрастающую густоту и потомъ жесткость картофельныхъ аладьевъ, которыя готовились къ джемову чаю, мистрисъ Вильсонъ сначала вздыхала, потомъ стала ворчать.

Дверь отворилась и онъ вошелъ. Лицо его такъ и сіяло гордою улыбкой, а Мери Бартонъ, которую онъ велъ подъ руку, краснѣла, конфузилась, и опускала длинныя рѣсницы на яркіе глаза, свѣтлѣвшіеся блаженствомъ. Юная чета казалась погруженной въ лучезарную атмосферу счастья.

Чтоже материнское сердце? Неужели оно вовсе погрязло въ картофельномъ тѣстѣ? Нѣтъ, на одно только мгновеніе почувствовала она горечь обиды, досаду за пропавшіе труды свои; потомъ, женская душа переполнилась нѣжнымъ сочувствіемъ къ сыну: она раскрыла объятія и заключивъ въ нихъ Мери, съ радостными слезами шептала ей на ухо:

— Господь съ тобою, Мери, благословляю тебя! Только сдѣлай его счастливымъ, и Богъ съ вами!

Джему не легко было разлучать этихъ двухъ, милыхъ ему существъ, которыя ради его начинали уже такъ много любить другъ

друга; но приближалось время, назначенное для свиданія съ Джономъ Бартономъ, а до его квартиры было недалеко.

По дорогѣ къ дому они говорили мало, но шли быстро и много думали.

Солнце еще недавно сѣло, но сумерки пачинали сгущаться въ тѣсномъ городѣ. Когда отворилась дверь бартоновой квартиры, Джемъ почти ничего не могъ разсмотрѣть въ комнатѣ, освѣщенной лишь скуднымъ топливомъ камина.

Но Мери все увидѣла разомъ.

Глазъ ея, привычный ко всей обыкновенной обстановкѣ этой комнаты, тотчасъ разсмотрѣлъ, что въ ней было необыкновеннаго, — она увидѣла и все поняла.

Отецъ стоялъ за своимъ кресломъ, и держался за его спинку, какъ бы боялся упасть. Прямо противъ него стоялъ мистеръ Карсонсъ, и рѣзкія черты его суроваго профиля чернымъ силуэтомъ рисовались на огнѣ каминнаго пламени.

За Бартономъ сидѣлъ Джемъ Легъ: опершись локтями на столъ, онъ положилъ голову на руки и очевидно слушалъ, — но какъ глухо горевалъ о томъ, что приходилось ему слышать.

Въ разговорѣ повидимому произошелъ перерывъ: всѣ съ минуту молчали; Мери и Джемъ стали у полуотворенной двери, не смѣя шевельнуться, затаивая самое дыханіе.

— Такъ ли я разслышалъ? началъ старый Карсонсъ, глухимъ, дрожащимъ голосомъ. — То ли вы сказали? Такъ это вы убили моего сына — моего единственнаго сына? (последнія слова отзывались жалобой и неисходною печалью; но тутъ онъ заговорилъ грозно и свирѣпо). Не воображайте, чтобы я расположенъ былъ къ милости и пощадилъ васъ изъ-за того только, что вы сами признались въ своемъ злодѣйствѣ. Говорю вамъ, что ни на волосъ не смягчу наказанія, какое можетъ присудить вамъ законъ: какъ вы не пощадите моего сына, такъ и я не прощу васъ, не пощажу!

— Я и не прошу пощады, возразилъ Бартонъ тихимъ голосомъ.

— Прѣсите или не прѣсите — мнѣ дѣла нѣтъ. Вы будете повѣшены, слышите — повѣшены! сказалъ Карсонсъ, подступая ближе и повторяя страшное слово съ насмѣшливымъ торжествомъ: ему хотѣлось обдѣть противника хотя частицею той жолчи, что кипѣла въ груди его.

Джонъ Бартонъ тяжело дышалъ; но не отъ страха: ему только то казалось ужаснымъ, что онъ успѣлъ внушить такую къ себѣ ненависть, которой исполнено было каждое слово, движеніе и взглядъ стараго Карсонса.

— Что до казни, сэръ, я и самъ знаю, что заслужилъ ее. Это въ порядкѣ вещей. Конечно, вещь ужасная; но вотъ что я вамъ скажу, сэръ, продолжалъ онъ, вдругъ оживляясь и выпрямившись: — еслибы вы повѣсили меня на другой день послѣ преступленія, я бы на колѣняхъ благодарилъ и благословлялъ васъ. Смерть! Господи, что смерть въ сравненіи съ жизнью... съ такою жизнью, какую я тянулъ въ послѣднія двѣ недѣли! Моя жизнь и вообще была благо не великое; но такая жизнь, какъ съ той ночи!.. — Онъ вздрогнулъ при этой мысли. — Да что, сэръ, я неразъ хотѣлъ на себя руки наложить, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ своихъ думъ. А не убилъся я вотъ почему: испугался, чтобы на томъ свѣтѣ память о злодѣйствѣ не стала меня мучить еще пуще. О, Богу одному извѣстно, какъ грызеть меня совѣсть, какъ боюсь, чтобы онъ не осудилъ меня за то, что безъ должнаго терпѣнія несу этотъ крестъ, имъ посланный мнѣ — и въ тысячу разъ худшій нежели всѣ казни и висѣлицы, сэръ!

Волненіе прервало его голосъ, онъ на минуту замолкъ и потомъ снова заговорилъ:

— Съ того дня, (можетъ оно и грѣшно съ моей стороны, но что дѣлать!) съ того дня я все думаю: если попаду въ тотъ міръ, гдѣ, говорятъ самъ Господь обитаетъ, онъ можетъ-быть научить меня добру и злу, научить — хоть и накажетъ. Я таки пострадалъ здѣсь. И еще пройду черезъ адскій огонь съ радостью, лишь бы очиститься отъ грѣха. Страшное это дѣло! А что до казни, то это все пустяки.

Онъ въ изнеможеніи опустился на стулъ, Мери бросилась къ нему. До этой минуты онъ какъ будто и не замѣчалъ ея присутствія.

— Ахъ дитяtko! произнесъ онъ слабымъ голосомъ: это ты! Гдѣ же Джемъ Вильсонъ?

Джемъ подошелъ. Джонъ Бартонъ снова заговорилъ, глухимъ, прерывистымъ голосомъ.

— Другъ! ты изъ-за меня много вытерпѣлъ. Допустивъ тебя до этого, я сдѣлалъ худшую подлость въ жизни. И это противъ тебя, за котораго самъ поручусь какъ за дитя новорожденное. Я и не

благодарю тебя за это, не благословляю. Благословеніе мнѣ подобныхъ никому въ прокъ не пойдетъ. А Мери ты будешь любить, не смотря на то, что она моя дочь.

Онъ замолчалъ и на нѣсколько минутъ все стихло въ комнатѣ.

Мистеръ Карсонъ собрался уйти. Взявшись за ручку двери, онъ разъ остановился и помедля немного сказалъ :

— Надѣюсь, вы понимаете съ какими намѣреніями я ухожу : иду прямо въ полицію и сейчасъ пришлю взять тебя, негодяй, и твоего сообщника. Завтра утромъ ты перескажешь свою исторію тѣмъ, которые въ правѣ запереть тебя въ тюрьму, и скоро ты на дѣлѣ испытаешь, каково бываетъ на висѣлицѣ.

— О, сэръ! вскричала Мери, кидаясь впередъ и хватая мистера Карсона за руку : — отецъ мой умираетъ! Взгляните на него, сэръ. Если вамъ нужна смерть за смерть, то она уже близка. Оставьте мнѣ его на нѣсколько послѣднихъ часовъ! Онъ и такъ умретъ, позвольте же мнѣ быть при немъ сколько можно дольше. О, сэръ! Если есть въ васъ капля жалости, оставьте его умереть здѣсь!

Джонъ всталъ съ мѣста, прямой и суровый, и сказалъ :

— Мери, дитя мое, я должникъ его! Умру — гдѣ и когда онъ прикажетъ. Ты правду говоришь, я къ смерти близокъ; но что за дѣло, гдѣ проведу остальные часы жизни? Все это время пройдетъ въ борьбѣ душевной, въ битвѣ за добрую славу, за доброе имя на томъ свѣтѣ. Я пойду куда вамъ угодно, сэръ. А онъ невиненъ, прибавилъ онъ слабо, указывая рукою на Джема и снова падая на стулъ.

— Небось! Его не посмѣютъ тронуть! тихо произнесъ Джебъ Легъ.

Мистеръ Карсонъ опять было повернулся къ двери, съ тѣмъ же неумолимымъ выраженіемъ лица, но еще разъ остановленъ былъ голосомъ Джона Бартона, который опять всталъ и опираясь на Джема произнесъ :

— Сэръ, одно слово! Моя голова постѣдѣла отъ страданій, а ваша отъ старости...

— А развѣ я не страдалъ? сказалъ Карсонъ, какъ бы желая возбудить сочувствіе или жалость въ убійцѣ своего сына.

И убійца въ душѣ отозвался на этотъ призывъ, и простоналъ при мысли о мукѣ, которой былъ причиною.

— А мои волосы развѣ не отъ горя посѣдѣли? Развѣ я не трудился, не изнемогалъ отъ заботъ и работы, безпрестанно переходя отъ опасеній къ надеждамъ, и все свои надежды полагая въ одномъ единственномъ сынѣ? Я не говорилъ тогда о нихъ, но желѣя ихъ въ сердцѣ своемъ. Я казался суровымъ и грубымъ, — можетъ-быть для другихъ я и былъ таковъ, но не для него, нѣтъ! Никому не понять, какъ много, какъ невыразимо я любилъ его! Даже онъ самъ никогда не подозрѣвалъ, какъ у меня сердце прыгало при одномъ звукѣ его шаговъ, какъ дорогъ онъ былъ своему старому отцу! И вотъ онъ умеръ... убить.. не услышитъ моихъ рѣчей, не обрадуетъ глазъ моихъ! Онъ, мое солнце, моя радость — навѣки скрылся и навѣки настала для меня темная ночь. О, Господи, поддержи меня, укрѣпи меня! стоналъ старикъ.

Слезы отуманили глаза Джона Бартона. Такъ все равно, что бѣдный, что богатый, хозяинъ ли, рабочій ли, — все равны, все братья по сердцу, по способности къ страданію? Не та ли печаль грызла и убивала его самого, по смерти маленькаго Тома, въ тѣ давно, давно прошедшіе годы, которые казались теперь прожитыми какъ бы въ иномъ мірѣ?

Несчастный, стоявшій передъ нимъ, пересталъ быть для него «хозяиномъ», существомъ чуждаго происхожденія, вѣчнымъ и естественнымъ врагомъ его; хозяиномъ, который цѣлый вѣкъ ходитъ въ золотѣ, ѣстъ на серебрѣ, а сердце носитъ каменное, недоступное никакимъ человѣческимъ интересамъ, исключая торговыхъ; пересталъ онъ казаться ему притѣснителемъ, противникомъ, и представился вдругъ въ видѣ очень бѣднаго, несчастнаго и безнадежнаго старика.

Сочувствіе къ несчастному, состраданіе, составлявшее всегда отличительную черту бартонова характера, наполнило теперь сердце его, и онъ ощутилъ потребность сказать этому бѣдному богачу, изнемогавшему подъ бременемъ горя, теплое слово утѣшенія, надежды.

Но кто же онъ, утѣшитель и ободритель? Точно ли онъ имѣетъ право своимъ участіемъ смягчить страданіе ближняго? Не онъ ли самъ причиною всехъ этихъ бѣдъ?

О, сокрушительная мысль! О, тяжкое, подавляющее воспоминаніе! Онъ навѣки утратилъ право помогать ближнему.

Удрученный этою мыслью, уничтоженный сознаніемъ неисчислимыхъ послѣдствій своего злодѣйства, онъ упалъ на стулъ. До

сихъ поръ онъ столько же помышлялъ о траурномъ домѣ, о безутѣшныхъ родителяхъ убитого, какъ солдатъ, спокойно спускающій курокъ, думаетъ о несчастной женѣ и плачущихъ дѣтяхъ, которыхъ онъ въ эту минуту превращаетъ во вдову и сиротъ.

Джонъ Бартонъ смотрѣлъ на свой поступокъ какъ на средство пострадать извѣстное сословіе, вѣчно стремящееся поработить другое сословіе и извлечь изъ него наибольшую для себя пользу за наименьшее количество денегъ; онъ имѣлъ въ виду по большей мѣрѣ уничтожить заносчиваго участника важной торговой фирмы, всѣми силами мѣшавшаго возвышенію меньшихъ братій, безпомощныхъ бѣдняковъ. Но даже и съ этой точки зрѣнія, какъ скоро прошолъ первый порывъ увлеченія, онъ не могъ укрыться отъ мстителя, — неизбежнаго угрызения совѣсти.

Теперь же онъ ясно понималъ, что поднялъ руку на человѣка, убилъ брата, и ничего добраго не выйдетъ изъ этого злодѣйства, никому оно не пойдетъ впрокъ, даже и братьямъ-страдальцамъ, для которыхъ онъ рѣшился на страшное дѣло.

Съ сокрушоннымъ сердцемъ опустилъ онъ голову на столъ. Каждое порывистое рыданіе, каждый стопъ, вырывавшійся изъ груди Карсонса, ножомъ вртзывался ему въ сердце.

Онъ почувствовалъ себя достойнымъ всеобщаго проклятія, и въ тоже время сознавалъ, что бесполезно держаться за софизмы и парадоксы, въ силу которыхъ онъ сочелъ своею обязанностью совершить преступленіе. А между тѣмъ ему все сильнѣе и сильнѣе хотѣлось чѣмъ-нибудь оправдать себя, дать хотя какое-нибудь объясненіе своему поступку. Слабо поднявъ голову, онъ взглянулъ на Джоба Лега и прошепталъ:

— Я не зналъ что дѣлалъ, Джобъ; Богъ видитъ, что не зналъ. О, сэръ! продолжалъ онъ, стремительно бросаясь къ ногамъ Карсонса: скажите, что вы прощаете мнѣ муку, которую я вамъ причинилъ. До моихъ страданій, до смерти, казни, мнѣ право дѣлать, — вы это знаете. Но, ради Господа, простите вы мнѣ долгъ мой!

— Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ! произнесъ Джобъ тихо и торжественно, какъ бы на молитвѣ; эти слова показались ему естественнымъ продолженіемъ бартоновой молебны.

Мистеръ Карсонсъ отвелъ руки отъ лица, подернутаго сумрачною ненавистью.

— Пусть мои долги останутся неотпущенными, лишь бы дожидаться отмщенья за убитого сына.

Есть богохульные дѣла, какъ и богохульные слова: всякое же стокое, безжалостное дѣло есть въ своемъ родѣ богохульство.

Мистеръ Карсонъ вышелъ изъ дому, а Джонъ Бартонъ остался на полу, распростертый и почти бездыханный.

Его подняли и съ тайною надеждой на скорый конецъ, отнесли наверхъ.

Нѣсколько времени всѣ молча прислушивались то къ его слабѣвшему дыханью, то къ внѣшнимъ звукамъ со двора: каждый разъ какъ по мостовой раздавались поспѣшные шаги, они думали что то идутъ полицейскіе.

Выходя изъ этого дома, мистеръ Карсонъ былъ въ сильнѣйшемъ волненіи. Голова его кружилась и вся кровь кипѣла. Въ глазахъ у него до того все темнѣло и шуталось, что онъ не видѣлъ даже темно-синяго ночного неба. Чтобы хоть нѣсколько оправиться и успокоиться, онъ прислонился къ рѣшоткѣ какого-то дома и безсознательно вперилъ глаза въ небесную твердь, величаво взиравшую миллионами звѣздъ своихъ.

Мало-помалу ему послышался собственный его голосъ, какъ будто отдающійся тамъ, въ безконечномъ пространствѣ: голосъ повторялъ послѣднія слова его, но какъ заунывно, какъ печально!

— Пусть мои долги останутся неотпущенными, лишь бы дожидаться отмщенья за убитого сына!..

Онъ попробовалъ стряхнуть съ себя тяжелое впечатлѣніе этихъ словъ, развлечь свое воображеніе. Онъ былъ въ лихорадочномъ состояніи, ему сильно нездоровилось. Немудрено!

Постоявъ немного онъ направился домой, а не въ полицію, какъ угрожалъ Бартону. Все равно, подумалъ онъ, успею и утромъ. Нечего опасаться, чтобы преступникъ скрылся, — во всякомъ случаѣ не уйдетъ.

И онъ старался разогнать незваные мысли, призраки, голоса, которые туманили его голову; чтобы возстановить духовное равновѣсіе свое, онъ пошелъ тихо и ровно, принуждая себя сознательно смотрѣть на все окружающее.

Былъ тихій весенній вечеръ и на улицахъ много народу. Между прочимъ шла по тротуару нянька съ маленькою дѣвочкой, которую она вела повидимому домой, съ какого-нибудь дѣтскаго праздника, вѣроятно даже съ танцевальнаго вечера, потому что хоро-

шенькая малютка была одѣта въ нарядное бѣлое платье, а чудныя ножки, стараясь поспѣвать за нянькою, все время выдѣлывали какое-то па, мѣрно выбивая тактъ какого-то веселаго мотива

Какъ вдругъ на нее нашолъ сзади мальчикъ лѣтъ девяти или десяти, съ виду комиссіонеръ или носильщикъ, довольно грубый и грязный. Въ сравненіи съ легкою, бѣленькой дѣвочкой, онъ казался злоуѣщимъ великаномъ. Не знаю какъ это случилось, но только проходя мимо, онъ невзначай свалилъ дѣвочку съ ногъ, ударилъ ее о мостовую, и не обративъ ни малѣйшаго вниманія пошелъ дальше.

Малютка встала, плача отъ боли, и какъ видно не понапрасну, потому что съ чистенькаго личка, за минуту предъ тѣмъ такого свѣжаго и нѣжнаго, канала теперь алая кровь и испещряла нарядную тальму крупными пятнами, которыхъ такъ часто боятся маленькія дѣти.

Нянька, женщина сильная и рѣшительная, схватила мальчика за руку въ ту самую минуту, какъ мистеръ Карсонсъ, бывшій свидѣтелемъ всей этой сцены, подходилъ ближе.

— Ахъ ты негодный сорванецъ! Вотъ я тебя отдамъ полицмену, сейчасъ отдамъ! Видишь ли какъ ты ушибъ бѣдную барышню? видишь? — И няня при каждомъ словѣ неистово трясла его за плечо.

Мальчикъ смотрѣлъ сердито и дерзко, но тѣмъ не менѣе замѣтно робѣлъ при имени полицмена — этого уличнаго людоѣда всѣхъ нашихъ повѣсь. Нянька замѣтила это и стала его насильно тащить впередъ, чтобы, какъ она выражалась, задать ему «хорошенькую острастку».

Ужасъ мальчика возрасталъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гнѣвъ его; какъ вдругъ кроткая малютка, удерживая рыданія, схватила няню за шею и сказала:

— Постой, милая няня, я вѣдь не очень ушиблась. Плакать очень стыдно, я знаю. Онъ вѣдь непарочно. *Онъ не знаетъ что дѣлаетъ*, не знаетъ вѣдь, послушай мальчикъ? Няня не будетъ звать полицмена, ты не бойся. — И она протянула губки къ своему обидчику, чтобы онъ ее поцѣловалъ, и по дѣтскому домашнему обычаю, «помирился».

— Вотъ это паренъ будетъ помнить и впередъ будетъ остороженъ, по милости этой крошечной дамочки! — сказалъ какой-то прохожій, не то себѣ, не то Карсонсу, который все время наблюдалъ за дѣтьми.

Карсонсъ повидимому не обратилъ вниманія на это замѣчаніе и прошолъ дальше. Но просьба малютки напомнила ему другой тихій, прерывающійся голосъ, недавно обращавшійся къ нему такъ униженно и смиренно, все съ тою же мольбой объ отпущеніи великаго грѣха.

— Я не зналъ что дѣлалъ...

Эти слова пробудили въ его душѣ еще и другое воспоминаніе : онъ ихъ гдѣ-то слышалъ или читалъ, въ томъ же искупительномъ смыслѣ. Гдѣжь бы это?

Неужели?...

Придя домой онъ непременно посмотритъ, не тамъ ли это. И вотъ, войдя въ свой домъ, онъ прямо, не говоря ни слова, пошолъ наверхъ, въ свою бібліотеку, и вынулъ изъ шкапа большую, великолѣпно изданную біблію, съ золотымъ обрѣзомъ и застежками. Она была такъ мало въ употребленіи, съ тѣхъ поръ какъ вышла изъ мастерской переплетчика, что съ трудомъ можно было разлѣпить страницы.

На самой первой страницѣ, которую открылъ мистеръ Карсонсъ, попались ему имена дѣтей и его собственное имя.

«Генри Джонъ, сынъ вышеупомянутыхъ Джона и Елисаветы Карсонсъ.

Родился 29-го сентября 1815 г.»

Для порядка слѣдовало теперь вставить число и годъ его смерти. Но страница вдругъ исчезла изъ глазъ старика, отуманившихся слезами.

И потянулись длинной вереницей думы и воспоминанія, начиная съ того дня, когда онъ съ гордою радостью купилъ эту дорогую книгу, чтобы вписать на первой страницѣ день рожденія своего новорожденнаго сына.

Онъ положилъ голову на открытую страницу и слезы медленно катились на нетронутые листы книги.

Убийца сына наконецъ нашолся ; онъ самъ сознался въ своемъ злодѣяніи. А между тѣмъ — странно ! — Карсонсъ не могъ питать къ нему той страстной ненависти, которую ощущалъ, воображая себя убійцу молодымъ, заносчивымъ человѣкомъ, нагло попирающимъ всѣ законы божескіе и человѣческіе. Какъ ни хотѣлось ему удержать въ себѣ мстительныя чувства, которыя онъ считалъ необходимою данью памяти сына, но въ душу прокрадывалась невольная жалость къ бѣдному, изсохшему, сокрушонному подобію чело-

вѣка, который исповѣдался передъ нимъ сегодня въ грѣхѣ своемъ и умолялъ его о прощениі.

Во дни своего младенчества и молодости, мистеръ Карсонъ былъ бѣденъ и привыкъ къ бѣдности; но то была бѣдность приличная, чистенькая, а не та безобразная, голая нищета, которую онъ замѣтилъ во всѣхъ углахъ бортонова дома и которая такъ странно противорѣчила великолѣпію и комфорту его собственнаго жилища. И онъ погрузился въ непривычныя размышленія о неравенствѣ благъ между братьями-человѣками.

Очнувшись отъ раздумья, онъ обратился къ предмету первоначальныхъ своихъ поисковъ, — евангелію. Тамъ подозрѣвалъ онъ существованіе нѣжнаго, жалобнаго изрѣченія! «Они не знаютъ что дѣлаютъ — не вѣдаютъ что творятъ».

Была уже глухая полночь и въ домѣ все было тихо и спокойно. Ничто не тревожило старика, ничто не прерывало его странныхъ, необычайныхъ занятій.

Много лѣтъ назадъ, евангеліе служило ему букваремъ: по немъ онъ учился читать. Но это было такъ давно, что онъ едва научился тогда помнить по порядку всѣ происшествія, а Духа жизни такъ и не понималъ.

Теперь онъ снова принялся читать сказаніе, съ участіемъ малаго ребенка: начавъ съ начала, онъ продолжалъ почти съ жадностью и въ первый разъ уразумѣлъ смыслъ цѣлаго. Наконецъ онъ дошелъ до конца, — до страшнаго конца — и тутъ встрѣтилъ знакомую, жалобную мольбу.

Закрывъ книгу, онъ впалъ въ глубокое раздумье.

И всю ночь архангелъ боролся съ демономъ...

Другіе всю ночь провели у одра смерти. Джонъ Бартонъ очнулся и былъ въ полной памяти. Повременамъ онъ говорилъ даже почти съ прежнею энергіей, съ прежнимъ грубымъ краснорѣчіемъ.

— Часто я, часто искалъ прямого пути въ жизни; а это задача для бѣднаго человѣка не легкая. По крайней мѣрѣ для меня она была трудна. Никто не научилъ меня, никто не показалъ, гдѣ найти дорогу. Въ дѣтствѣ выучили меня читать, а книгъ никакихъ не дали. Только слышалъ я, что библія хорошая книга. Вотъ, какъ подростъ я, вошелъ въ разумъ и принялся за библію. Но кто же бы зналъ, что черное черно и бѣлое бѣло, еслибы всѣ вокругъ васъ такъ жили и дѣйствовали, какъ будто черное бѣло, а бѣлое-то и есть черное. Это единственное мое оправданіе на томъ свѣтѣ.

Прости мнѣ, Господи! Но право могу сказать, что охотно бы исполнялъ все что сказано въ писаніи, еслибы видѣлъ, что и другіе вѣруютъ. Но всѣ, хоть и толкуютъ о евангеліи, и приводятъ тексты, а дѣйствуютъ ровно наоборотъ. Въ тѣ времена я ходилъ бывало съ моей библией, словно малое дитя, и указывая пальцемъ на какое-нибудь мѣсто, у всѣхъ спрашивалъ, что оно значитъ? И никто мнѣ не отвѣтилъ. Потомъ взялъ я себѣ за правило два-три другихъ текста, ясныхъ какъ божій день, и попробовалъ дѣлать то самое, что тамъ приказано. Но — ужь не знаю какъ это случилось, только вижу, что и богатые и бѣдные, всѣ, всѣ, столько же заботятся объ этихъ текстахъ, какъ я о лордъ-мерѣ лондонскомъ. Такъ я мало-помалу и убѣдился, что это только такъ выдуманно, чтобы морочить бѣдныхъ невѣждъ, женщинъ, ребятъ, и тому подобныхъ.

— Не долго я старался жить какъ велитъ писаніе; но это время показалось мнѣ словно въ раю. Покойница Алиса ободряла меня. Но всѣ остальные твердили: держись за свои права, тащи въ свою сторону, нето другіе перетянуть. А жена и дѣти совсѣмъ ничего не говорили, только безпомощность и нищета ихъ громко вопіяла противъ меня; и сталъ я дѣйствовать какъ всѣ. Тогда умеръ мой малютка Томъ. Это все вы уже знаете. А мнѣ что-то тяжело... дыханье спираетъ и въ глазахъ темно, точно я слѣпну.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ совершеннаго безмолвія и тишины, онъ снова заговорилъ:

— Вообще говоря, любить ближняго мнѣ было нетрудно, не смотря на то, до чего я дошелъ теперъ. Было время, когда я кажется могъ любить даже и хозяевъ, кабы они допустили. То было въ мое евангельское время, когда еще сынъ не умиралъ съ голоду. Часто у меня сердце разрывалось надвое: такъ хотѣлось и погоревать вмѣстѣ съ бѣдными, страждущими братьями, и любить тѣхъ, которые по моему мнѣнію довели ихъ до этого положенія.

— Подъ конецъ я отчаялся, пересталъ мѣрять дѣянія человѣческія на евангельскую мѣрку; потомъ подумалъ, что и мнѣ нечего такъ держаться за библию — одинъ въ полѣ не воинъ. Впрочемъ это я можетъ-быть и прежде вамъ рассказывалъ. Но съ тѣхъ поръ я падалъ все ниже, ниже, ниже...

Послѣ этого онъ не могъ больше говорить послѣдовательно, у него вырывались только отрывистыя фразы.

— Не думалъ я, чтобы онъ былъ ужь такъ старъ.... О, кабы

онъ только простилъ меня! — Потомъ онъ бормоталъ безсвязныя, горячія слова молитвы.

Джобъ Легъ пошелъ домой, ошеломленный неожиданнымъ ударомъ. Мери и Джемъ остались ждать кончины. Предсмертная агонія началась уже. Стало свѣтать, и Джемъ вышелъ изъ дому отыскивать какую-нибудь аптеку или москательную лавочку, гдѣ бы можно было достать прохладительнаго питья для бѣднаго страдальца.

Во время его отсутствія Бартону стало хуже: онъ метался, уналъ поперегъ своей постели и почти пересталъ дышать. Мери тщетно силилась приподнять его, горе и недавняя болѣзнь слишкомъ истощили ея собственныя силы.

Дверь внизу отворилась; она стала кричать и звать Джема на помощь.

Но по лѣстницѣ слышались тяжелые шаги... не джемовы.

Черезъ минуту мистеръ Карсонсъ стоялъ на порогѣ. Въ одно мновеніе онъ понялъ въ чемъ дѣло.

Онъ поднялъ изнемогшее тѣло умирающаго, переложилъ его, и отлетающая душа съ благодарностью взглянула на него просвѣтлѣвшими глазами Джона Бартона. Карсонсъ продолжалъ поддерживать его въ объятіяхъ: умирающій сложилъ руки на молитву.

— Молитесь за насъ! сказала Мери падая на колѣни и совершенно забывая въ эту торжественную минуту объ отношеніяхъ отца къ мистеру Карсонсу.

Какія же слова могли ему придти въ голову, какъ не тѣ, что онъ только что прочелъ въ святой книгѣ?

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!.. остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ....

И когда онъ кончилъ эти слова, Джонъ Бартонъ лежалъ уже мертвый въ объятіяхъ стараго Карсонса.

Такъ кончилась трагическая жизнь бѣднаго человѣка.

Мери навремя лишилась сознанія. Когда она очнулась, то была уже внизу: Джемъ ее поддерживалъ на скамьѣ у камина. Джобъ и Карсонсъ стояли тутъ же, тихо и благоговѣйно разговаривая между собою. Потомъ мистеръ Карсонсъ простился и вышелъ изъ дому, а Джобъ произнесъ вслухъ, но какъ-будто самъ съ собою:

— Услышалъ Богъ молитву этого человѣка: Онъ укрѣпилъ его.

ГЛАВА XXXVI

«Первый, сумрачный день ничтожества —
последний день опасности и печалей».

Байронъ.

Съ самаго прїѣзда своего изъ Ливерпуля, Мери какъ-то смутно, инстинктивно чувствовала — хотя быть-можетъ не сознавала — что одного теперь слѣдовало желать для отца, а именно скорѣйшей смерти.

Она видѣла, что угрызенія совѣсти разрушительно дѣйствуютъ на его тѣло; но не дерзала обращаться къ безконечному источнику милосердія съ вопросомъ, что ожидаетъ отца въ будущей жизни?

Сначала этотъ ударъ страшно поразилъ ее и повергъ въ глубокое отчаяніе; но какъ только она пришла въ себя, получила способность соображать и мыслить, — въ душѣ ея пробудилась полная покорность судьбѣ. Можно себя представить, что ни Джемъ не покупился на выраженія любви и нѣжности, ни Джебъ съ Маргаритою не пожалѣли участія и заботы, чтобы утѣшить и приголубить бѣдную сироту, оставшуюся теперь въ мірѣ одинокою, безъ роду и племени.

Она не знала и не спрашивала ничего о похоронахъ; объ этомъ при ней говорили шопотомъ и все устроилось безъ ея участія. Она отдалась въ распоряженіе друзей съ истинно ребяческимъ довѣріемъ, довольная тѣмъ, что ее оставили на свободѣ предаваться грезамъ и воспоминаніямъ, отъ которыхъ тихо струились по ея блѣднымъ щекамъ теплыя слезы.

Этотъ день показался ей длиннѣйшимъ въ жизни, потому что ни до какихъ занятій, ни до какихъ заботъ ее не допустили; но быть можетъ эта-то длина ничѣмъ не занятаго дня и принесла ей наибольшую пользу, хотя время тянулось очень томительно. Она успѣла обдумать свое положеніе со всѣхъ сторонъ, и вполне сознала всю важность и всѣ послѣдствія своего сиротства. Такимъ образомъ однимъ страданіемъ меньше досталось ей на долю: она не испытала горечи страшнаго пробужденія, наступающаго наутро послѣ великой потери. Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ дождаться смерти близкаго человѣка къ ночи, т. е. около того времени, когда

обыкновенно мы ложимся спать. Очень естественно, что переживъ послѣдніе часы агоніи, измучившись отъ горя, хлопотъ и даже отъ безсонныхъ ночей, мы засыпаемъ тогда почти внезапно, не успѣвъ порядкомъ вникнуть въ смерть; и вотъ, просыпаясь поутру, поражаетъ насъ полное сознание потери, пустоты, неизмѣнимой и неизбѣжной во вѣки вѣковъ.

Съ разсвѣтомъ и для мистрисъ Вильсонъ наступила извѣстная череда заботъ и занятій. Она считала приличнымъ непремѣнно сдѣлать визитъ своей будущей невѣсткѣ. По какой-то привычкѣ, по сцѣпленію мыслей (переходя отъ смерти къ кладбищу, отъ кладбища къ церкви и отъ церкви къ праздникамъ), она вообразила, что нужно одѣться въ парадное платье — давно уже не надѣванное, — и теперь не безъ удовольствія занималась просушкой и расправленьемъ своихъ старушечьихъ нарядовъ передъ каминомъ.

Джемъ воротился домой въ день смерти Джона Бартона довольно поздно; онъ былъ подавленъ впечатлѣніями дня, изрядно усталъ, но засталъ мать очень занятою глаженьемъ траурнаго платья и крайне разговорчивою. Какъ ни хотѣлось ему отдохнуть и успокоиться, но пришлось сѣсть и отвѣчать на ея вопросы.

— Ну, Джемъ! Скончался таки онъ, сердечный?

— Да. Вы откуда узнали, матушка?

— А Джобъ заходилъ ко мнѣ, по дорогѣ къ гробовщику, и разсказалъ. И чтоже, хорошо онъ умиралъ?

Джема поразило, что мать еще не знаетъ объ исповѣди Джона Бартона на смертномъ одрѣ; но вспомнивъ о скромности Джоба Лега, онъ понялъ его молчаніе на этотъ счетъ и втайнѣ рѣшилъ, что покуда возможно, мать его ничего не узнаетъ. Лишь бы уговорить ее какъ-нибудь переселиться съ ними въ Канаду, какъ онъ предлагалъ Мери, — тогда уберечь печальную тайну отъ Джени Вильсонъ будетъ несравненно легче; а сохранить тайну, по мнѣнію Джема, нужно было для будущаго семейнаго спокойствія. Трудно было ожидать, чтобы мистрисъ Вильсонъ, при раздражительности своего нрава, не упоминала хоть изрѣдка о преступленіи Джона Бартона; а Джему хорошо было извѣстно, какое тяжелое впечатлѣніе производили бы на Мери подобныя напоминанія. Вслѣдствіе такихъ соображеній онъ рѣшился завтра же какъ можно раньше сходить къ Джобу и склонить его къ совершенному молчанію объ этомъ дѣлѣ; онъ зналъ, что съ этой стороны можно было рассчитывать на полнѣйшій секретъ, хотя бы дѣло было уже извѣстно и Маргаритѣ.

Но что сдѣлаетъ мистеръ Карсонъ? Возможно ли какими-нибудь доводами убѣдить его пощадить память несчастнаго Бартонъ?

Эти размышленія были прерваны крикливымъ голосомъ успѣвшей уже разсердиться матери.

— Джемъ! говорила она, — начтожь ты, желала бы я знать, стоялъ у смертнаго одра, коли не вынесъ оттуда ниодной путной вѣсти? Вотъ я тутъ цѣлый день торчу одна одинешенька (кромѣ той минуты, что Джебъ провелъ у меня) и думаю себѣ: авось Джемъ придетъ, да поразкажетъ, — онъ молъ самъ былъ въ домъ въ ту пору какъ умиралъ старикъ; а ты вотъ сидишь, словно истуканъ, и собакъ слова не вымолвить, не то что матери. Чтоже за толкъ ходить по людямъ и глядѣть какъ умираютъ, коли не можешь послѣ того припомнить ни одного изрѣченія покойника!

— Да изрѣченій никакихъ не было, матушка, замѣтилъ Джемъ.

— Вотъ тебѣ на! Этакой охотникъ былъ рѣчи говорить, а тутъ, какъ самый-то просторный случай вышелъ, онъ и спасовалъ! Да вѣдь такого случая въ другой разъ не дожدهшься! Чтоже, спокойный былъ конецъ?

— Онъ всю ночь очень мучился, отвѣчалъ Джемъ, неохотно вспоминая объ этой ночи.

— А ты догадался ли подушку изъ-подъ головы вытащить? Не вытащилъ? Ну, молодецъ! Какъ это ты, кажется и ученый, и воспитанный, а того не знаешь, что это одно средство помочь человѣку въ такомъ родѣ? Въ подушкѣ навѣрное были голубиные перья! Эхъ, какъ подумаешь, не малыя дѣти вы съ Мери, а не смыслите, что никогда смерть не приходитъ спокойно, коли подъ головой у человѣка подушка съ голубиными перьями.

Джемъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отъ всей этой болтовни уйти въ свою коморку и тамъ, лежа на кровати обдумать безъ помѣхи все что случилось и что предстояло сдѣлать.

Вопервыхъ слѣдовало увидѣться съ мистеромъ Дункомбомъ, прежнимъ его хозяиномъ, и потому на другой день рано утромъ онъ отправился на заводъ, гдѣ проводилъ обыкновенно цѣлые дни въ продолженіе столькихъ лѣтъ, гдѣ передумалъ всѣ свои думы, пережилъ всѣ свои опасенія и надежды. Несладко было ему думать, что отнынѣ предстоитъ отвыкать, отрывать отъ знакомыхъ мѣстъ; тяжело было также видѣть, какъ измѣнились къ нему отношенія большей части товарищей-рабочихъ. Пока онъ стоялъ у входа въ словолитню, ожидая мистера Дункомба, мимо его прошли многіе изъ ра-

ботниковъ , возвращавшихся отъ завтрака ; и изъ всѣхъ едва нашлись двое или трое, которые удостоили бы узнать его и подали ему руку : остальные или вовсе не кланялись , или ограничивались легкимъ киваньемъ головою, и то издали.

— Тяжело это, думалъ Джемъ съ горькимъ чувствомъ и какою-то спазмою въ горлѣ, — тяжело думать, что какъ честно ни живи между людьми, а всегда они рады слушать на тебя всякую клевету и вѣрить ей. Кабы остаться въ Англии , я бы скоро спать нажилъ общее уваженіе ; но тогда чтб бы пришлось вынести бѣдной Мери ! Рано или поздно правда откроется и всѣ стануть пальцами показывать на дочь Джона Бартонъ. Хорошо еще , что Господь судить не такъ строго какъ люди : это одно можетъ послужить намъ всѣмъ утѣшеніемъ.

Мистеръ Дункомбъ не вѣрилъ виновности Джема, хотя Джемъ и въ этотъ разъ ничѣмъ не опровергъ возводимыхъ на него обвиненій ; но тѣмъ не менѣе онъ находилъ , что при существующихъ обстоятельствахъ лучше бы ему покинуть родину.

— Я уже кажется говорилъ вамъ , сказалъ мистеръ Дункомбъ, — что правительство обратилось къ намъ съ просьбою о пріисканіи толковаго человѣка и способнаго механика , для приготовленія инструментовъ и машинъ въ новой земледѣльческой школѣ , которую основали теперь въ Канадѣ, въ городѣ Торонто. Это мѣсто хорошее, казенная квартира, участокъ земли и порядочные проценты съ производимыхъ инструментовъ. Я могу показать вамъ и подробности, какъ только найду нисьмо ; оно кажется осталось у меня на дому.

— Благодарю васъ, сэръ. Я и не видавъ письма, могу ручаться, что приму мѣсто. Мнѣ нужно вонъ изъ Манчестера , а разъ что я уйду изъ родного города, все равно — и даже лучше — вовсе оставить Англию.

— Правительство конечно возьметъ на себя ваши путевыя издержки ; я думаю даже , что можно выхлопотать подъемныя деньги на переселеніе вашего семейства, если вы семейный человѣкъ. Но вы вѣдь кажется неженаты ?

— Нѣтъ еще , сэръ , но... и Джемъ запнулся какъ красная дѣвушка.

— Но, сказалъ мистеръ Дункомбъ съ улыбкою , — вы не прочь жениться передъ отъѣздомъ ? а, Вильсонъ ?

— Точно такъ, сэръ. У меня также мать есть, и я надѣюсь, что

она поѣдетъ съ нами. Но за ея проѣздъ я могу заплатить, что же беспокоить начальство?

— Ну, ну! Я сегодня же напишу о представленіи васъ къ мѣсту и скажу, что у васъ семейство, состоящее изъ двухъ душъ. Кто же станетъ спрашивать, въ восходящемъ ли или нисходящемъ поколѣніи? Надѣюсь еще увидѣться съ вами до вашего отплытія, Вильсонъ, хотя впрочемъ не думаю, чтобы васъ заставили долго дожидаться здѣсь. Въ другой разъ приходите ко мнѣ прямо на-домъ: это будетъ гораздо лучше. А то народъ здѣсь такой безтолковый! Крѣпитесь, другъ мой.

У Джема какъ гора съ плечъ свалилась, когда это дѣло устроилось: ему было очень тяжело, пока переселеніе еще не было рѣшено окончательно.

Чѣмъ больше онъ смотрѣлъ и подвигался впередъ, тѣмъ яснѣе и прямѣе становился путь его. Онъ пошелъ навѣстить Мери и при случаѣ сообщить ей о своемъ рѣшеніи; у ней сидѣла Маргарита.

— Дѣдушкѣ нужно васъ видѣть! сказала она Джему, какъ только онъ вошелъ.

— А мнѣ тоже надо его видѣть, возразилъ Джемъ, внезапно припоминая вчерашнее свое намѣреніе просить Джоба о сохраненіи тайны.

И такъ, онъ успѣлъ только поцѣловать разстроенное личико своей печальной невесты, и тотчасъ простившись съ нею, отправился къ старому Легу, который нетерпѣливо ожидалъ его.

Какъ только Джобъ завидѣлъ Джема, онъ закричалъ ему:

— Письмо получилъ отъ мистера Карсонса! Какъ Богъ святъ, онъ хочетъ видѣть тебя и меня. Что же это? Надѣюсь не бѣда какая-нибудь? прибавилъ онъ, глядя на Джема съ недоумѣніемъ. Но если и гнѣздились въ умѣ Джоба какія-либо подозрѣнія, онъ тотчасъ разсѣялись при видѣ честнаго, открытаго и безстрашнаго лица Джема.

— Не могу придумать, чего надо отъ насъ бѣдному старику! отвѣчалъ онъ.

— Можетъ-быть есть еще какой-нибудь пунктъ, который ему кажется темнымъ. Да что же отгадывать попусту? Лучше прямо идти къ нему.

— А не лучше ли тебѣ немножко отстать? А я бы пошелъ впередъ, разузнать въ чемъ дѣло. Онъ, того и гляди, забралъ себѣ въ

голову еще какую-нибудь закорючку, — вообразилъ напимѣръ, что ты сообщникъ, и поставитъ тебѣ западню.

— Я не боюсь! отвѣчалъ Джемъ. — Я никакого зла не дѣлалъ тому бѣдному убитому молодцу и ничего объ этомъ не знаю; впрочемъ признаюсь, было время, когда я точилъ на него зубы. Но если на правду пойдетъ, правда сама собою откроется. Я пойду къ старому джентльмену и передамъ ему все что знаю, потому что теперь ужъ это никому не повредитъ. Ктому же я, по нѣкоторымъ причинамъ, самъ желалъ съ нимъ видѣться и теперешнее свиданіе для меня очень кстати.

Спокойная увѣренность Джема нѣсколько ободрила Джоба; но онъ все-таки втайнѣ сокрушался, что Джемъ не послушался его и не пустилъ впередъ, для развѣдки намѣреній мистера Карсонса.

Между тѣмъ Джени Вильсонъ привела въ порядокъ свой парадный трауръ и отправилась съ визитомъ въ домъ покойника. Она была нѣсколько смущена и взволнована по случаю различныхъ нравоучительныхъ изрѣченій и поговорокъ, которыя считала необходимыми въ подобныхъ обстоятельствахъ, и придумывая что бы такое хорошее сказать сиротѣ, шла къ ней въ довольно возбужденномъ и безпокойномъ состояніи духа.

При входѣ ея Мери, сидѣвшая у огня сложа руки, тотчасъ ее замѣтила, и видя мать Джема, старинную знакомую своихъ покойныхъ родителей, добрую женщину, которая въ дѣтствѣ мало ли чѣмъ баловала ее и тѣшила, она встала, пошла навстрѣчу, бросилась къ ней на шею и сказала сквозь слезы и рыданія:

— О, умеръ вѣдь... скончался, — всѣ умерли, всѣ оставили меня... одну безпріютную!..

— Бѣдная моя, дитя ты мое, бѣдняжка! проговорила Джени Вильсонъ, нѣжно цѣлуя ее. — Ты не одна теперь, не крушишься же такъ; не говоря уже о Томѣ, который съ небесъ призираетъ тебя — вѣдь ты знаешь, что онъ всѣмъ сиротамъ другъ и отецъ, — но вспомни о Джемѣ! Милая Мери, вспомни хоть и обо мнѣ! Я конечно бываю подчасъ и нравна, и вспыльчива, но все же во мнѣ есть душа человѣческая и съ этихъ поръ ты будешь мнѣ дочерью, роднымъ моимъ дѣтищемъ. И Джемъ-то не больше будетъ любить тебя по своему, чѣмъ я буду тебя любить на свой ладъ. И ты, Мери, спускай мнѣ почаще, прости мнѣ крутой мой нравъ, — помни только, что Богъ видитъ, какъ я стану дѣлать тебя, лишь бы ты считала меня матерью и не печалилась больше о сиротствѣ своемъ.

Мистрисъ Вильсонъ давно уже обливалась слезами произнося эту рѣчь, такъ непохожую на заготовленные причитанія и изрѣченія, которыми она запасалась для этого визита. Всѣ благочестивыя поговорки выскочили изъ ея памяти и осталось одно чистое, истинно-христіанское и горячее чувство.

Онъ сѣли обѣ на одно кресло и крѣпко обнялись, плача обѣ одномъ и томъ же покойникѣ и надѣясь, вѣруя, любя вмѣстѣ одного и того же живого человѣка.

Съ этихъ поръ ничто уже не омрачало ихъ взаимнаго довѣрія и нѣжной дружбы. Мать даже на Джема скорѣе могла разсердиться нежели на Мери: при невѣсткѣ она до того старалась сдерживаться и умѣрять свою обычную брюзгливость, что мало-помалу самый характеръ ея утратилъ свои неровности и сдѣлался гораздо мягче.

Годы спустя, разговаривая съ Джемомъ, она какъ-то нечаянно проговорила, и онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что ей извѣстно преступленіе Джона Бартона. Они уже давнымъ-давно не видали никого изъ манчестерскихъ, кто бы могъ сообщить ей тайну. Да притомъ едва ли кто и изъ манчестерскихъ зналъ ее: такъ тщательно позаботился Джемъ о полнѣйшемъ секретѣ. Джемъ любопытствовалъ тотчасъ же узнать: вопервыхъ все ли она знаетъ, вовторыхъ — откуда узнала? Оказалось, что сама Мери все рассказала ей.

Въ то самое утро, которое описано въ настоящей главѣ, когда Мери со слезами слушала нѣжныя увѣщанія и принимала ласки отъ мистрисъ Вильсонъ, она повѣдала изумленной гостьѣ тайную причину своей глубокой печали: страшный грѣхъ, который отецъ наложилъ на свою душу.

Она не знала, что Джемъ еще ничего не говорилъ объ этомъ матери, воображая, что эта вѣсть, какъ и сплетня о преступленіи Джема, уже всѣмъ извѣстна въ городѣ. Слово за слово, утренняя, что мистрисъ Вильсонъ и такъ все знаетъ, Мери высказала ей причину своего неисходнаго горя — болѣе неутолимаго чѣмъ то, что причиняетъ одна только смерть.

Въ важныхъ случаяхъ, подобныхъ теперешнему, врожденное великодушіе мистрисъ Вильсонъ высказывалось наружу. Въ мелочахъ и ежечасныхъ бездѣлицахъ, она подавалась своей болѣзненной раздражительности и женской слабости; но великимъ печалямъ она всегда умѣла сочувствовать, вполне понимала ихъ и даже теперь, пока Мери передавала ей ужасное дѣло, она не позволила себѣ выразить ни удивленія, ни ужаса, не выказала любопытства насчетъ

недомолвокъ, не спрашивала подробностей, словомъ — оказалась такъ же деликатна и достойна довѣрія, какъ и сынъ ея. Когда же впоследствии случилось ей изрѣдка ворчать на Мери, — она нападала на нее или за расточительность, или за скупость, за увлеченіе нарядами или за небрежность въ туалетѣ, за излишнюю веселость или неуѣдливую грусть: но никогда, ниразу, въ минуту сильнѣйшаго раздраженія, не попрекнула ее ни кокетствомъ съ Гарри Карсонсомъ, ни родствомъ съ его убійцею. И всякій разъ какъ говорила о Джонѣ Бартонѣ, поминала его съ почтеніемъ, котораго онъ заслуживалъ во всю жизнь свою, до послѣдняго, преступнаго и тяжкаго мѣсяца этой жизни.

Поэтому такъ и поразился Джемъ, когда много лѣтъ спустя мать дала замѣтить свои свѣдѣнія по этому предмету. И съ того дня какъ узналъ онъ — съ нѣкоторымъ угрызениемъ совѣсти, — какъ строго умѣетъ она владѣть собою и какія неизвѣданныя добродѣтели таятся на днѣ ея души, — обычное почтеніе его и нѣжность къ матери смѣнилась глубокимъ благоговѣніемъ. Непрерывъ старались они съ Мери успокоить, украсить послѣдніе годы старушки-матери и сдѣлать ее какъ можно счастливѣе.

Но я касаюсь уже случаевъ гораздо позднѣйшихъ въ жизни нашихъ героевъ, тогда какъ остается сообщить читателю немало происшествій, случившихся лѣтъ за семь назадъ.

ГЛАВА XXXVII

- Богачь-то скачетъ, а бѣдный плачетъ
 Ему вослѣдъ:
 — Зачтожь мнѣ холодъ, болѣзнь и голодъ,
 И скудный свѣтъ? —
 — Толкуй съ попами! а между вами
 Мнѣ братьевъ нѣтъ!•

Въ жизни мистера Карсона случился рѣшительный переломъ. Предметъ всѣхъ заботъ, страданій, надеждъ и опасеній его жизни внезапно исчезъ изъ глазъ; цѣль его канула въ вѣчность, въ таинственный міръ, стоящій за рубежомъ жизни. Самое мщеніе, которое онъ такъ недавно и ожесточенно преслѣдовалъ, не удалось, было въ рукахъ его — и изъ рукъ испарилось, будто по мановенію волшебства.

Въ такихъ обстоятельствахъ человекъ, наименѣ склонный къ размышленію, невольно впадаетъ въ раздумье; тѣмъ болѣе задумался мистеръ Карсонсъ, съ своимъ хотя и не обширнымъ, но здравымъ и энергическимъ умомъ. Впрочемъ эта энергія была едва ли не главнѣйшею причиною его односторонности: онъ потому и не расширилъ своего умственного кругозора, что слишкомъ упорно и страстно предался одной цѣли.

Но вотъ, отъ зданія прежней жизни не осталось и камня на камнѣ, — все разрушено, повергнуто во прахъ, и никогда больше не поднимется. Это было нѣчто въ родѣ перехода земной жизни къ загробной, когда многія изъ причинъ, заставлявшихъ насъ дѣйствовать такъ или иначе, втеченіе долгихъ лѣтъ, обращаются въ ничто и безъ слѣда исчезаютъ. Побывавъ у смертнаго одра убійцы своего сына, мистеръ Карсонсъ послѣднимъ, болѣзненнымъ усиліемъ отторгнувъ душу свою отъ всего прошедшаго, утратившаго теперь всякое значеніе для послѣдующей жизни, и на нѣсколько часовъ погружился въ размышленія.

Разбирая и придумывая, чѣмъ бы снова возбудить себя къ дѣятельности, онъ перебиралъ въ умѣ всякія побудительныя причины, какъ-то: жажду денегъ, почестей, громкаго имени между денежными царьками своего круга, и мало-помалу приходилъ къ убѣжденію, что все это вздоръ, все погибло и схоронено вмѣстѣ съ останками сына. Но вдругъ ему пришло на мысль, что нужно бы подробнѣе и положителнѣе узнать, какія причины могли подвигнуть Джона Бартона на преступленіе? И это печальное любопытство, однажды возбужденное, начало его мучить и терзать. Это-то и заставило его послать за Джобомъ Легомъ и Джемомъ Вильсономъ, отъ которыхъ онъ надѣялся добиться самыхъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Потомъ, зная что мистеръ Бриджнортъ былъ адвокатомъ Джема, онъ самъ пошолъ къ нему на домъ, съ неяснымъ подозрѣніемъ, что Джемъ быть-можетъ все-таки замѣшанъ въ это дѣло, и такъ или иначе способствовалъ убійству его сына.

Возвратясь домой, онъ еще не засталъ у себя званныхъ гостей и на свободѣ имѣлъ время опять надуматься о томъ вечерѣ, въ который выслушивалъ исповѣдь Джона Бартона. Онъ съ досадою вспоминалъ, какъ измѣнила ему обычная суровая надменность, какъ онъ на столько забылся передъ этими людьми, которыхъ ожидалъ теперь, что предался при нихъ изъявленіемъ своего горя, своего отчаянья. И вспоминая все это, онъ запасался теперь холоднымъ са-

мообладаніемъ и твердостью , чтобы въ предстоящемъ разговорѣ не выказать ни малѣйшаго порыва, никакой чувствительности.

Тѣмъ не менѣе, когда вошедшій слуга доложилъ о приходѣ двухъ человѣкъ, которымъ назначено было придти, и пошелъ звать ихъ въ библиотеку, — дрожащія руки и закачавшаяся голова старика ясно показывали , какъ онъ постарѣлъ въ эти три-четыре недѣли и даже какъ волновала его мысль о предстоящемъ свиданіи.

Однако онъ сдѣлалъ надъ собою невѣроятное усиліе и успѣлъ такъ оправиться, что Джобъ Легъ и Джемъ Вильсонъ нашли въ немъ суровѣйшаго и надменнѣйшаго джентльмена, какого когда-либо случалось имъ видѣть, и сердечное участіе, возбужденное въ нихъ прежде искренними изъявленіями его законнаго горя, разомъ изгладилось въ ихъ душахъ при встрѣчѣ съ этимъ непреклоннымъ, деревяннымъ господиномъ.

Онъ пригласилъ ихъ сѣсть , на минуту заслонилъ глаза рукою, потомъ заговорилъ :

— Сегодня утромъ я былъ у мистера Бриджнорта. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ не могъ сообщить мнѣ почти никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній касательно происшествія 18-го числа. Я желаю знать нѣкоторыя вещи и быть-можетъ вы въ состояніи удовлетворить меня. Какъ близкіе друзья, товарищи Джона Бартона, вы вѣроятно многое знаете или имѣете поводъ предполагать. Говорите прямо, чистую правду. То что вы скажете въ этой комнатѣ, никогда не пойдетъ дальше. Ктому же, какъ вамъ извѣстно, законъ ограждаетъ всякаго отъ вторичнаго суда по одному и тому же обвиненію.

Онъ минуточку остановился, потомучто самый процессъ разговора былъ для него утомителенъ и труденъ послѣ извѣстнаго происшествія.

Джобъ Легъ вставилъ тутъ свою рѣчь.

— Ни я, ни товарищъ мой не обижаемся тѣмъ, что вы изволите говорить насчетъ правды. Вы насъ не знаете, стало-быть не можете быть увѣрены въ нашей правдивости. Но все-таки лучше довѣряться чести и правдѣ человѣка, пока онъ не подалъ повода сомнѣваться въ нихъ. А впрочемъ, сэръ, можете спрашивать что угодно: ручаюсь вамъ, что мы или отвѣтимъ чистую правду, или все придержимъ языкъ за зубами.

— Навините, произнесъ Карсонъ, слегка наклоняя голову. Онъ держалъ въ рукѣ какую-то бумагу и до того дрожалъ, что насилу

могъ надѣть очки. — Я желаю знать, Вильсонъ, можете ли вы объяснить, какимъ образомъ ваше ружье попало въ руки Бартона? Вы, кажется отказались отвѣчать на этотъ вопросъ мистеру Бриджъ-норту?

— Точно такъ, сэръ. Еслибы я тогда сказалъ, что зналъ, то непременно замѣшалъ бы въ дѣло Бартона, а потому предпочелъ молчать. Вамъ, сэръ, я готовъ сказать теперь все что знаю; но къ сожалѣнью, это очень немного. Ружье принадлежало сперва моему отцу, который давно уже учился стрѣлять въ цѣль и для этого вмѣстѣ съ Бартономъ ходилъ въ манежъ; они всегда брали съ собою это ружье и стрѣляли изъ него, хотя, поправдѣ сказать, оно очень стараго устройства и довольно плохо дѣйствуетъ.

При этихъ словахъ Джемъ спохватился, но уже было поздно: онъ съ раскаяньемъ увидѣлъ, какъ лицо несчастнаго старика исказилось внутреннею мукой и подавленной тоской. Но такія невольныя и неудержимыя выраженія чувства каждый разъ располагали къ нему Джоба и Джема.

— Одинъ разъ, въ будни, продолжалъ Вильсонъ, — кажется это было въ среду... да, точно такъ, именно въ день св. Патрика, я возвращался домой обѣдать и на порогъ нашего дома встрѣтилъ Джона. Матери моей не было дома, онъ никого не засталъ и сказалъ, что приходилъ попросить у меня ружьяца, и даже безъ спросу взялъ бы его, да не нашолъ. Матушка этого ружья всегда боялась, и потому послѣ смерти батюшки я унесъ его въ свою комнату; тамъ оно и стояло. Я пошолъ къ себѣ, досталъ ружье, вынесъ и отдалъ Джону. А онъ все время стоялъ за дверью на улицѣ.

— А сказалъ ли онъ вамъ, зачѣмъ оно ему понадобилось? спросилъ Карсонсъ поспѣшно.

— Нѣтъ, кажется не говорилъ. Сначала бормоталъ что-то насчетъ манежа и стрѣльбы въ цѣль; а мнѣ и въ голову не вошло что либо другое, потому что онъ столько лѣтъ уже практиковался тамъ.

Пока Джемъ говорилъ, Карсонсъ весь вытянулся въ струнку и превратился въ слухъ. Но теперь напряженіе прошло, онъ вяло и безсильно опустился къ спинкѣ креселъ.

Однако онъ оиять выпрямился, когда Джемъ, желавшій доставить огорченному отцу всякія подробности, заговорилъ снова:

— Я не зналъ зачѣмъ онъ бралъ ружье, не зналъ до тѣхъ поръ, пока меня схватили. Да и теперь не знаю хорошенько. Боже меня сохрани выпутываться изъ своей бѣды, втягивая въ нее стариннаго

пріятеля, друга отца моего, и наконецъ отца любимой дѣвушки. Этого бы я никогда не сдѣлалъ, потому и не хотѣлъ отвѣчать мистеру Бриджнорту; и теперь никому бы не сталъ говорить, кромѣ васъ.

Джемъ сильно покраснѣлъ, упоминая въ своемъ разсказѣ о Мери; но все время такъ прямо и честно смотрѣлъ въ глаза мистеру Карсонсу, что въ невинности и правдивости его не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія. Карсонсъ понялъ, что Джемъ сказалъ все что зналъ, все что могъ. Поэтому онъ обратился къ Джобу Легу.

— Вы кажется все время были въ комнатѣ, пока Бартонъ говорилъ со мною?

— Да, сэръ, отвѣчалъ Джобъ.

— Сдѣлайте одолженіе извините меня за нескромные вопросы; всѣ эти свѣдѣнія, я не знаю, какъ-то благотворно дѣйствуютъ на меня. Скажите пожалуйста, вы не имѣли до тѣхъ поръ никакихъ подозрѣній на Бартона?

— Никакихъ, Богъ свидѣтель! сказалъ Джобъ торжественно. — По правдѣ сказать — ты ужъ извини, пожалуйста, Джемъ, — я долго думалъ, что точно Джемъ во всемъ виноватъ. Повременамъ мнѣ казалось рѣшительно невозможнымъ, чтобы онъ былъ преступникомъ; я былъ увѣренъ въ немъ, какъ въ самомъ себѣ. И вообще всякій разъ, какъ хорошенько обдумывалъ, рѣшалъ, что не онъ это сдѣлалъ. Но на Бартона все-таки никогда не думалъ.

— А между тѣмъ, судя по его признанію, онъ тогда отлучился, сказалъ Карсонсъ, посмотрѣвъ на бумагу.

— Какже, и долго былъ въ отлучкѣ, — не знаю сколько именно. Но вѣдь это часто бываетъ, что мы словно ослѣпнемъ, и до тѣхъ поръ не видимъ что у насъ подъ носомъ, пока другіе пальцемъ не укажутъ. Да и то, еслибы не самъ Бартонъ объяснилъ на смертномъ одрѣ, по какой причинѣ онъ это сдѣлалъ, я бы никакъ не могъ догадаться; тогда какъ еслибы Джемъ былъ виноватъ, то стоитъ взглянуть на Мери Бартонъ, чтобы понять, что тутъ одной ревности довольно.

— Такъ вы полагаете, что Джонъ Бартонъ ничего не зналъ о несчастной склонности моего сына... (Карсонсъ мелькомъ взглянулъ на Джема и поправился) объ отношеніяхъ его къ Мери Бартонъ? Этотъ молодой человѣкъ, Вильсонъ, какъ видите слышалъ о нихъ.

— Особа, сообщившая мнѣ объ этомъ, возразилъ Джемъ — ясно сказала мнѣ, что ничего не говорила и не намѣрена говорить отцу

Мери. Я полагаю, что онъ объ этомъ не слыхивалъ. А еслибы слышалъ, то не таковскій былъ человекъ, чтобы умолчать или оставить подобное дѣло безъ вниманія.

— Ктому же, сказалъ Джобъ, — причина, которую онъ объяснилъ на смертномъ одрѣ, кажется достаточною, особливо для тѣхъ, кто лично и коротко зналъ его.

— Вы хотите сказать о чувствахъ его, возбужденныхъ отношеніями рабочихъ къ фабрикантамъ? Вы думаете, что онъ такъ поступилъ изъ мщенія, чтобы отплатить моему сыну за участіе его въ усмиреньи работниковъ?

— Ну, сэръ, возразилъ Джобъ, — это рѣшить трудно. Джонъ Бартонъ былъ неохотникъ спрашивать чужого совѣта и о дѣлахъ своихъ никогда не распространялся. Поэтому я могу только вывести заключенія изъ его мнѣній и разсужденій вообще, а объ этомъ предметѣ въ особенности онъ отроду при мнѣ не заикался. Извольте видѣть, его ужасно мучила мысль, какъ согласить богатство и нищету съ ученьемъ Христовымъ...

Джобъ остановился, придумывая, какъ бы яснѣе выразить свою мысль, т. е. впечатлѣніе, произведенное на Бартона постоянною и горькою противоположностью между различными людскими состояніями и состояніями. Но не успѣлъ еще онъ приискать выраженій, какъ мистеръ Карсонъ сказалъ:

— Значитъ онъ былъ овенить, — поборникъ равенства, общинной собственности, и тому подобныхъ нелѣпостей?

— О нѣтъ! Джонъ Бартонъ не былъ дуракомъ. Ему нечего было толковать, что еслибы сегодня сдѣлать всѣхъ людей равными, то завтра же найдутся такіе, которые встанутъ утромъ пораньше и перегоняютъ остальныхъ. Не былъ онъ также изъ тѣхъ, что гонятся за богатствомъ и знатностью. Напротивъ, не было человека умѣреннѣе его, лишь бы былъ у него и у его семьи хлѣбъ насущный. Но что всего пуще сокрушало и мучило его во всю жизнь (и многихъ бѣдняковъ, сэръ, также сокрушаетъ, пуще бѣдности и нищеты, хуже самаго голода), такъ это то, что люди, у которыхъ платье хорошее, пища сладкая и карманы полны денегъ, держатся отъ него поодаль и знать не хотятъ, хорошо ли ему или худо; живъ ли онъ, нѣтъ ли, и куда дѣнется — въ адъ или въ рай. Ему больно было видѣть, что куча золота такъ разъединяетъ людей, пролагаетъ бездну между братьями. Потому что ему пуще всего хотѣлось любить ближняго: онъ былъ человекъ любящій до того времени какъ

вышелъ изъ терпѣнья, и видѣть не могъ безъ обшенства, какъ его братья-бѣдняки терпятъ на божьемъ свѣтѣ, — какъ-будто Христось-то не былъ бѣденъ и не терпѣлъ! Было время, сказывалъ онъ, когда онъ всѣхъ людей любилъ горячо и ко всѣмъ равно былъ расположенъ, считая ихъ всѣхъ равными. А въ послѣдніе годы ожесточился, глядя на горести и бѣды ближняго и думая, что богатые могли бы всему помочь, да не хотятъ.

— Вотъ такъ-то и всѣ вы воображаете, сказалъ мистеръ Карсонсъ. — А между тѣмъ что мы тутъ можемъ сдѣлать? Спросъ на товары, и слѣдственно количество работы, не отъ насъ зависитъ, и вообще не можетъ зависѣть ни отъ одного человѣка, ни отъ цѣлаго сословія. Все отъ обстоятельствъ чисто внѣшнихъ, которые подвластны единой волѣ божьей. Коли товары нейдутъ съ рукъ, то чтоже намъ дѣлать? Вѣдь и мы не меньше васъ отъ этого терпимъ.

— Ну, оно меньше-то меньше! Я, сэръ, хотя политической экономіей не занимаюсь, но это знаю вѣрно. Человѣкъ я неученый, а глаза у меня все-таки есть. И никогда не случалось мнѣ видѣть, чтобы хозяева наши худѣли и слабѣли отъ недостатка пищи; и вообще, перемѣны въ ихъ образѣ жизни незамѣтно, хотя можетъ-быть у нихъ бываютъ свои недочеты; только въ такихъ случаяхъ они отказываютъ себѣ въ предметахъ роскоши, тогда какъ нашъ братъ бѣднякъ лишается всего необходимѣйшаго для поддержанія жизни. Вы, сэръ, вѣроятно сами согласитесь, что плохо бываетъ человѣку, когда онъ Богъ знаетъ что бы далъ, лишь бы добыть работы, заработать пропитаніе своимъ дѣтямъ; и какъ ни радъ бы онъ работать изъ послѣднихъ силъ, работы не даютъ и семья голодаетъ. Джонъ Бартонъ конечно не такъ бы расписалъ вамъ эти дѣла, онъ былъ мастеръ; а я говорю только что самъ знаю.

— Послушайте, любезнѣйшій. Положимъ, что двое людей живутъ вмѣстѣ, но въ одиночествѣ; одинъ печетъ хлѣбы, другой шьетъ сертуки, или что-нибудь подобное. Теперь разсудите, охота ли хлѣбопеку уступать свои продукты, обмѣнивая ихъ на сертуки, единственно для того чтобы доставлять работу товарищу, тогда какъ сертуковъ ему вовсе не требуется? Таково именно положеніе дѣлъ между нами; стоитъ только замѣнить единицы крупными цифрами. Съ улучшеніемъ машинъ, съ усовершенствованіемъ промышленности, произойдутъ безъ сомнѣнія огромныя перемѣны въ занятіяхъ массъ. Пустяки все, вздоръ! — Такъ и быть должно.

Джобъ Легъ подумалъ нѣсколько минутъ.

— Да, правда, тошно приходилось прядильщикамъ и простымъ ткачамъ, когда пошли эти шпульки да самолеты. Съ тѣхъ поръ вся жизнь пошла кривь и вкось. А я все-таки не перестаю думать, что и самолеты, и машины, и желѣзныя дороги, — все отъ Бога. Я уже довольно таки пожилъ на свѣтѣ и убѣдился, что Господь, насылая бѣдствія, направляетъ ихъ къ вящему благу. Все къ лучшему; но я увѣренъ также, что насылая бѣдствія, Богъ предоставляетъ облегчать ихъ тѣмъ, кого рассудилъ за благо надѣлать и счастьемъ, и богатствомъ, и всякими благами. Конечно, не мнѣ рассуждать о томъ, какъ привести въ исполненіе начертанія господня, это дѣло трудное; но въ томъ я убѣжденъ, что надѣлая человѣка земными благами, Богъ въ тоже время и тѣмъ самымъ налагаетъ на него обязанности. Долгъ счастливыхъ — помогать несчастнымъ нести крестъ свой.

— А между тѣмъ факты говорятъ намъ — и это каждый день подтверждается на дѣлѣ, — что человѣку несравненно лучше быть самостоятельнымъ, дѣйствовать независимо и ни на кого не надѣяться кромѣ себя, — сказалъ Карсонъ задумчиво.

— Съ фактами нельзя обращаться какъ съ точными количествами: назвавъ два какихъ-нибудь факта, вы не имѣете права выводить изъ нихъ произвольнаго, отвлеченнаго заключенія. Богъ одарилъ человѣка чувствами и страстями, которыхъ ни подъ какія формулы подводить нельзя, потому что онѣ по природѣ своей измѣнчивы и шатки. Иные даже созданы слабыми, и слабости эти очень разнообразны. Такъ одинъ слабъ тѣломъ, другой разумомъ, третій характеромъ, четвертый не умѣетъ отличить добра отъ худа, и такъ далѣе; а кто и отличаетъ добро отъ зла, часто не имѣетъ твердости держаться правой стороны. А по моему, кому какую силу Богъ далъ, тотъ и долженъ ее употреблять на пользу и помощь слабѣйшему; — а факты — да чортъ съ ними! Прошу извиненія, сэръ. Я порядкомъ не умѣю выразить свою мысль. Языкъ у меня словно кранъ, крѣпко занертой: вода изнутри такъ и напираетъ, а наружу выходятъ однѣ капельки.

Джобу въ самомъ дѣлѣ было грустно и досадно, что не умѣлъ онъ хорошенько изъясниться, тогда какъ въ душѣ у него все было такъ ясно и положительно.

— Все чтó вы говорите безъ сомнѣнія очень вѣрно, возразилъ мистеръ Карсонъ; но какъ же вы думаете приложить эти понятія къ дѣйствіямъ фабрикантовъ, — на примѣръ къ моимъ поступкамъ? прибавилъ онъ серьезно и задумчиво.

— Не довольно я ученъ, чтобы доказать-то! Въ головѣ у меня мысли хорошія, я вѣрю въ нихъ какъ въ евангеліе, а вотъ выложить-то вамъ ихъ по порядку не знаю, сэръ. По моему у хозяевъ должно на совѣсти лежать — между прочимъ и у васъ, сэръ, лежитъ на совѣсти — вопросъ, все ли сдѣлали передъ Богомъ, чтобы облегчить разныя бѣды ближняго, которыя бываютъ непремѣнными слѣдствіями вашего обогащенія? Рѣшать такіе вопросы, благодаря Бога, не мое дѣло. А вотъ Джонъ Бартонъ брался за нихъ, и отвѣчалъ — нѣтъ! Это его огорчило, ожесточило, съ ума свело; а дошедши до безумія, онъ совершилъ великій грѣхъ, сотворилъ бѣду непоправимую; потомъ оплакивалъ ее кровавыми слезами, и — я увѣренъ — смиренно, кротко подвергнется наказанію на томъ свѣтѣ. Я отроду не видывалъ такого горькаго, искренняго раскаянія какъ въ ту ночь.

Нѣсколько минутъ длилось совершенное молчаніе. Мистеръ Карсонсъ закрылъ лицо руками и казалось вовсе забылъ о присутствіи постороннихъ; а они совѣстились прервать его спасительное раздумье и не вставали съ мѣстъ.

Наконецъ онъ сказалъ, не глядя на нихъ, смотрѣвшихъ на него съ такимъ участіемъ:

— Спасибо вамъ обоимъ, что пришли, — и откровенно со мною поговорили. Но мнѣ сдается, Легъ, что мы нимало не убѣдили другъ друга въ возможности, — въ силѣ или безсиліи хозяевъ облегчить зло, на которое жалуются люди.

— Ахъ, сэръ, больно мнѣ огорчать васъ въ такую минуту, но надо объяснить: я вовсе не о силѣ говорилъ, а о томъ, что насъ всего пуще печалитъ: у нихъ намѣреній-то нѣтъ, ни охоты облегчать страданія, которыя иногда какъ чума свирѣпствуютъ въ промышленныхъ городахъ; а хозяевамъ въ это время ничуть не хуже обыкновеннаго. Еслибы мы видѣли, что они сколько-нибудь хлопчуть, стараются за насъ, — какъ бы долго ни пришлось намъ ждать дѣйствительной помощи, и даже еслибы вовсе не пришла эта помощь, но пришли бы вы и сказали намъ: бѣдныя вы головы! у насъ молъ по васъ душа выболѣла и всячески мы старались, да дѣлать нечего, помочь нельзя! — ну, право намъ легче бы было и мы бодро переживали бы тяжелыя времена. Вѣдь нельзя себя представить, не испытавъ лично, что можетъ вытерпѣть человѣкъ, лишь бы могъ онъ вѣрить, что ему сочувствуетъ ближній и готовъ помочь, чѣмъ можетъ! Если ближнему нечего дать намъ, кромѣ сочувствія и обод-

ренія, — чтожъ! мы принимаемъ крестъ свой прямо изъ рукъ господнихъ и на столько вѣруемъ въ любовь его, что слѣпо предаемъ его волѣ. Вы изволите говорить, что разговоръ нашъ ни къ чему не повелъ? Нѣтъ, повелъ. Я узналъ, съ какой точки зрѣнія вы смотрите на предметы, узналъ и буду помнить; и впередъ, если случится судить о васъ, не стану обсуждать ваши поступки съ своей точки зрѣнія, а только съ вашей. Слѣдовательно, разговоръ этотъ для меня былъ полезенъ. Я человекъ старый, можетъ-быть никогда уже не приведется мнѣ видѣть васъ; но молиться о васъ буду, стану вспоминать и думать о васъ, о вашихъ несчастіяхъ, о вашемъ великомъ богатствѣ и объ ужасномъ концѣ вашего сына, — долго, долго буду думать; и попрошу у Господа Бога благословить васъ и въ здѣшней и въ будущей жизни. Аминь. Простите!

Джемъ во все это время держался въ сторонѣ, съ большимъ почтеніемъ и достоинствомъ. Оба они встали и отвѣсили низкій поклонъ, глядя на мистера Карсона съ глубокимъ участіемъ, — неизбежною данью человекъ, который перенесъ и простилъ большое зло, и притомъ очевидно старается побороть свою печаль и переносить испытаніе мужественно.

Онъ такъ же низко и тихо поклонился имъ въ отвѣтъ. Потомъ быстро подошелъ и крѣпко пожалъ имъ руки. Джебъ и Джемъ молча выпли изъ комнаты.

Бываютъ минуты, когда люди, находясь подъ бременемъ великаго несчастія и созерцая его въ душѣ своей, обрѣтаютъ такую необычайную ясность и чистоту понятій, которая въ древности доходила у иныхъ до прорицанія. Люди, одаренные наибольшою способностью любви и страданія, а также большою силою характера, въ тяжкія минуты совершенно отрѣшаются отъ своей личности и переходятъ отъ сознанія собственной бѣды къ познанію причинъ ея, стараясь найти по возможности вѣрнѣйшее средство избавить отъ нее другихъ.

Отсюда происходитъ высокая и благородная дѣятельность, время отъ времени проявляющаяся въ иныхъ натурахъ, которыя сами испытали въ жизни тяжкіе кресты и желаютъ отъ ближняго отвратить страданія. И это одна изъ благороднѣйшихъ, лучшихъ цѣлей страданія: человекъ твердо борется со зломъ, посланнымъ ему свыше, и побѣждаетъ, на благо будущимъ поколѣніямъ.

Проню немало времени прежде чѣмъ суровая природа Карсона сдалась на это убѣжденіе, и даже когда постигъ онъ отраднѣе

тайну, таже суровость помѣшала ему перемѣнить на свой счетъ общественное мнѣніе. Его судили не по дѣламъ, а по наружности. А измѣнить характеръ все-таки несравненно легче нежели привычки и манеры, созданныя тѣмъ же характеромъ. Люди мало или поверхностно знавшіе мистера Карсонса, до самой кончины продолжали считать его человѣкомъ холоднымъ и жестокимъ. Но тѣ, которые близко его знали и пользовались его довѣренностью, видѣли въ чемъ состояло живѣйшее желаніе, завѣтная мечта его сердца: онъ хотѣлъ, чтобы никому больше не довелось потерпѣть отъ тѣхъ причинъ, которыя его самого заставили пострадать такъ жестоко; онъ хотѣлъ водворить полное довѣріе, полное сочувствіе между хозяевами и рабочими, всѣхъ убѣдить въ той истинѣ, что у обоихъ сословіи общіе интересы; что обдумывать и обсуждать эти интересы слѣдовало сообща; что вслѣдствіе этого нужно стараться объ образованіи рабочихъ, чтобы изъ нихъ выходили люди, а не машины; чтобы привязать рабочихъ къ хозяевамъ узами почтенія и любви, а не одними денежными сдѣлками; словомъ, онъ хотѣлъ, чтобы между обоими сословіями царствовалъ духъ истиннаго христіанства.

Многія улучшенія, введенныя нынѣ на манчестерскихъ фабрикахъ и заводахъ, обязаны своимъ происхожденіемъ вмѣшательству мистера Карсонса. Много есть и такихъ, которыя еще не приведены въ исполненіе; но и тѣ родились въ раздумчивой головѣ этого суроваго человѣка, наученнаго личнымъ опытомъ и несчастіемъ.

ГЛАВА XXXVIII

Не клони насъ, злое время,
Тяжкой долею къ землѣ:
Переносимъ жизни бремя
Мы съ покорностью судьбѣ.
Жажда денегъ, жажда власти
Не приходитъ намъ на умъ;
Не тревожатъ насъ ни страсти,
Ни борьба мятежныхъ думъ.
Какъ ни тяжело жизни бремя,
Не скучаемъ мы въ борьбѣ:
Не клони же, злое время,
Горькой долей насъ къ землѣ!

Барри Корнвалль.

Вскорѣ послѣ похоронъ Джона Бартона, дѣло о переселеніи Джамы въ Торонто окончательно устроилось, и даже день отплытія былъ

назначень. До отъѣзда оставалось уже очень мало времени, а хлопотъ предстояло еще множество: слѣдовало устроить множество хозяйственныхъ мелочей, и кромѣ того побороть препятствіе, котораго Джемъ и Мери одинаково ожидали и боялись. То было сопротивление со стороны мистрисъ Вильсонъ, сопротивление весьма вѣроятное, тѣмъ болѣе что она ничего еще не слыхала о предполагаемомъ отъѣздѣ изъ Англій.

Обоимъ молодымъ людямъ чрезвычайно хотѣлось, чтобы мать навсегда осталась жить съ ними; но они опасались, чтобы отвращеніе отъ разлуки съ родиною не послужило поводомъ къ разрыву ея съ ними. Наконецъ однажды вечеромъ, сидя съ матерью вдвоемъ и замѣчая, что она въ особенно мирномъ расположеніи духа, Джемъ рѣшился во всемъ ей открыться. Но къ величайшему его удивленію она не оказала никакого сопротивленія и выразила готовность всюду слѣдовать за нимъ и за его женою.

— Эта Мерика конечно должна быть сторона дальняя, — поди еще дальше Лондона, — въ чужихъ краяхъ гдѣ-нибудь? Но я вѣдь насчетъ Англій стала вовсе худого мнѣнія, съ тѣхъ поръ какъ тебя, парня тихаго и смиреннаго, взяли да и засадили тутъ въ тюрьму. Куда бы вы ни поѣхали, и я съ вами. Можетъ-быть тамъ, въ индійской землѣ, лучше сумѣютъ отличить хорошаго человѣка. Да что ужъ говорить! сказано, что бѣду.

Такъ съ каждымъ днемъ сглаживались для нихъ всѣ неровности жизненнаго пути: въ настоящемъ все было ясно и просто, въ будущемъ много надеждъ, и вообще на душѣ было такъ легко, что и къ прошедшему возвращаться не болѣе.

— Джемъ! сказала ему Мери, сидя однажды въ сумеркахъ у окна, въ ожиданіи Маргариты, которая приходила къ ней почевать. Голосъ Мери отзывался тихимъ счастьемъ. — Джемъ! Ты еще такъ и не сказалъ мнѣ ниразу, какъ ты провѣдалъ о моихъ глупостяхъ съ бѣднымъ молодымъ Карсонсомъ. — При воспоминаніи объ этой глупости она покраснѣла отъ стыда и спрятала лицо на его плечѣ. Онъ отвѣчалъ:

— Милочка! Странно какъ-то и сказать тебѣ: мнѣ сказала тетка твоя, Эсиръ.

— А-а! помню. А какъ же она-то узнала? Я тогда такъ была разстроена, что и не спросила у ней ничего. Гдѣ ты ее видѣлъ? Я забыла, гдѣ она живетъ.

Мери говорила такъ просто и откровенно, что Джемъ убѣдился

въ совершенномъ ея невѣденіи насчетъ положенія Эсэири и не зналъ что сказать на это. Помолчавъ немного онъ спросилъ :

— А гдѣ ты видѣла Эсэирь, и когда именно? Скажи, милая, потому что до сихъ поръ ты ниразу объ этомъ не упоминала и я теряюсь въ догадкахъ.

— О, это было въ ту страшную ночь, — точно сонъ какой! — И она рассказала ему о полночномъ посѣщеніи Эсэири, прибавивъ : передъ отъѣздомъ надо бы ее отыскать и навѣстить , а я право не знаю, гдѣ ея квартира.

— Милая Мери...

— Что ты , Джемъ? воскликнула она , смущаясь отъ его перъшительнаго тона.

— У бѣдной тети Эсэири нѣтъ никакой квартиры : она изъ тѣхъ несчастныхъ , что шатаются по улицамъ. — И онъ въ свою очередь повѣдалъ ей о встрѣчѣ своей съ Эсэирью , входя притомъ въ такія подробности , что волей или неволей Мери должна была повѣрить и согласиться , хотя это было ей очень горько.

— Джемъ ! сказала она съ горячностью : мы должны отыскать ее , надо ее найти ! — И она встала съ мѣста , какъ будто тотчасъ же хотѣла отправиться на поиски.

— Что же мы можемъ сдѣлать , милочка? спросилъ онъ , нѣжно ее удерживая.

— Что сдѣлать? Какъ , да чего же нельзя сдѣлать , еслибы только найти ее? Ты думаешь , она такъ счастлива на своемъ мѣстѣ , что и не захочетъ мѣнять его? Попробуй только протянуть ей руку помощи ! Да не держи меня , Джемъ : теперь именно такое время , когда подобныя ей женщины выходятъ на улицу , и почему знать , что я сію же минуту не отыщу ее?

— Постой , Мери , подожди минуту . Лучше я самъ пойду сейчасъ искать ее , коли хочешь , хотя поиски , я думаю , будутъ напрасны . Тебѣ выходить не слѣдуетъ . Лучше всего завтра утромъ навѣсть справки въ полицію . Но если я ее найду , какъ убѣдить ее идти за мною? Одинъ разъ она уже отказалась , говоря что никакъ не можетъ отстать отъ пьянства .

— Ты и не убѣдишь никогда , если самъ будешь бояться и сомнѣваться , сказала Мери со слезами . — Ты надѣйся , вѣрь въ то , что осталось въ ней добраго . Обращайся къ ея хорошей сторонѣ — въ ней навѣрное осталось еще что-нибудь... О ! приведи ее домой , и ты

увидишь, мы станемъ такъ любить ее, что она измѣнится къ лучшему.

— Да! сказалъ Джемъ, воспламеняясь словами Мери: — она пойдетъ съ нами въ Америку и мы ей поможемъ отвыкнуть отъ пагубныхъ привычекъ. Сейчасъ пойду, безцѣнная моя, и если сегодня не найду ее, то завтра спросимъ у полиціи. Береги-жъ себя ты, мое сокровище! прибавилъ онъ, нѣжно цѣлуя ее передъ уходомъ.

Но тщетны были поиски. Джемъ всю ночь ходилъ взадъ и впередъ по городу, и не встрѣтилъ Эсэири. На слѣдующій день онъ обратился въ полицію; по описанію его и примѣтамъ, полицейскіе объявили, что имъ извѣстна такая женщина подъ именемъ «Бабочки»: такъ ее назвали по причинѣ необыкновенной нестроты ея нарядовъ, года за два передъ тѣмъ. При помощи полиціи Джемъ розыскалъ одинъ изъ притоновъ такихъ особъ, — грязный трактиръ, за Петровской улицей. Джемъ и помощникъ его, добродушнѣйшій изъ блюстителей порядка, отправились туда и не безъ затрудненій были впущены подозрительною хозяйкой въ просторный чуланъ, въ которомъ человѣкъ тридцать бродягъ обоюга пола, дремали въ повалку весь день, только вечеромъ выходя на промыселъ, — кто воровать, кто просить милостыню, кто продавать себя.

— Я знаю, что здѣсь была эта бабочка, сказала хозяйка, озираясь вокругъ. — Третьягодня вечеромъ она приходила, говоря, что у ней нѣтъ ни пенни за душой и не на что нанять угла; что еслибы здѣсь была деревня, а не городъ, то можно бы куда-нибудь въ кусты зайти да и издохнуть, либо въ яму какую; а тутъ на улицахъ полиція никому не даетъ покою, а ей надо гдѣ-нибудь лечь умирать. Ну, у насъ здѣсь тоже не Богъ знаетъ какой покой, но въ ту ночь довольно было просторно, пусто; я-же человѣкъ не злой — кабы была позлаѣ смолоду, то мало ли могла бы нажить добра, да вотъ нѣту, характера недостало. Ну, я тогда и послала ее сюда, а теперь кажись ее здѣсь нѣтъ.

— А плоха она была? спросилъ Джемъ.

— О, кожа да кости, и кашель такой, что ломилъ ее пополамъ.

Распрашивая далѣе, они узнали, что она чувствовала приближеніе смерти и въ тоскѣ захотѣла еще разъ подышать чистымъ воздухомъ. Она вышла, но никто не зналъ куда направилась.

Джемъ поручилъ передать ей множество привѣтствій, и во всякомъ случаѣ просилъ хозяйку и полицмена тотчасъ послать за нимъ, какъ только нападутъ на ея слѣды; потомъ пошелъ въ квартиру

Мери, которой не видѣлъ цѣлый день, проведенный въ поискахъ. Онъ передалъ ей все что узналъ, и оба, опечаленные неуспѣшностью дѣла, долго и грустно молчали.

Спустя нѣсколько времени они начали говорить о своей будущности. Дня черезъ два Мери должна была сдать квартиру и на недѣлю уйти жить къ Джобу Легу, а потомъ обвѣнчаться и тотчасъ ѣхать въ Америку. Разсуждая объ этихъ планахъ, влюбленные опять незамѣтно впади въ сладкое, мечтательное безмолвіе.

Мери сидѣла рядомъ съ Джемомъ, который обнялъ ее за талю; склонивъ голову на его плечо, она думала обо всемъ, что произошло въ этомъ домѣ, и о томъ, что скоро она навѣки его покинетъ.

Какъ вдругъ она почувствовала, что Джемъ встрепенулся, — и сама встрепенулась, не зная отчего; она попробовала заглянуть ему въ лицо, но сумерки были уже такъ густы, что выраженія его она не могла разглядѣть. Онъ обернулся къ окну; она взглянула по тому же направленію и увидѣла блѣдное лицо, крѣпко прижавшееся снаружи къ стекламъ и пристально смотрящее въ темную комнату.

Пока они смотрѣли, какъ бы прикованные къ мѣсту и немогшіе ни думать, ни шевелиться, блестящіе глаза блѣднаго призрака помутились и вся фигура беззвучно, бессильно упала за окномъ на мостовую.

— Это Эсвиръ! сказали они оба разомъ, и бросились вонъ изъ комнаты. Тамъ, у стѣны, лежало что-то похожее на груды бѣлыхъ и полныхъ тряпокъ, а въ тряпкахъ валялась бѣдная Бабочка — въ обморокъ или мертвая, — нѣкогда чистая и прекрасная Эсвиръ.

Какъ раненая лань усиленно тащить свои разможонные члены въ зеленую чащу, гдѣ она родилась и выросла и гдѣ хотеть умереть, такъ эта несчастная пришла взглянуть на знакомый пріютъ своей прежней невинности, чтобы тутъ и сложить свои усталыя кости. Невозможно было навѣрное распознать, жива ли она была, или уже бездыханна.

Въ эту минуту подошли Джобъ съ Маргаритою, которая пришла почевать. Онъ сказалъ, что у Эсвири еще бьется пульсъ. Ее снесли наверхъ и положили на постель не раздѣвая, изъ боязни неосторожнымъ движеніемъ потревожить остатокъ потухающей жизни. Но все было тщетно.

Около полуночи она широко раскрыла глаза и оглянула знакомую комнату. Джобъ Легъ стоялъ на колыняхъ у постели и громко,

усердно читалъ молитвы ; но замѣтивъ ея взглядъ, онъ остановился. Она судорожнымъ движеніемъ привстала и сѣла на кровати.

— Такъ это все былъ сонъ? произнесла она порывисто. И по привычкѣ, которую не потеряла даже въ этотъ страшный смертный часъ, стала ощупывать у себя на груди медальонъ. Захвативъ его рукою, она пришла въ сознание, и поняла, что въ самомъ дѣлѣ пережила все то, что съ нею случилось въ послѣдніе годы.

Тогда она снова упала въ подушки и не говорила больше ни слова. Она все держала въ рукѣ медальонъ съ волосами своей дочери, и повременамъ прикладывая его къ губамъ, долго и нѣжно цѣловала. Пока была у ней сила плакать, она тихо и горько плакала, потомъ умерла.

Ее положили въ могилу рядомъ съ Джономъ Бартономъ ; тамъ они и покоятся вмѣстѣ, а на камнѣ, ихъ покрывающемъ, нѣтъ ни имени, ни чиселъ, ни вензелей, вырѣзаны только слѣдующія слова :

**• Псаломъ СIII, ст. 9: Не вѣченъ бо гнѣвъ Его и не вѣвѣки
пробудеть Его ярость. •**

Я вижу длинный и низкій деревянный домъ, чистенькій и просторный. Первобытный лѣсъ кругомъ вырубленъ, только одно старинное, развѣсистое дерево оставлено около самага домика и осѣняетъ его кровлю. Вокругъ жилища раскинутъ садъ, дальше идетъ обширный огородъ. Надъ всею картиной разливается роскошное сіянье лѣтняго солнца и все окрашиваетъ яркими, жаркими красками.

Въ дверяхъ дома стоитъ Мери и глядя на дорогу въ городъ, дожидается возвращенія мужа, который долженъ придти съ обычной работы. Она смотритъ и слушаетъ съ тихою улыбкой пѣсенку, раздающуюся изнутри дома :

Идетъ татка по дорожкѣ,
Несетъ сладкія лепешки;
И гостинцы и пироги
Онъ для Джони приберегъ.

Джони гулитъ и поетъ нѣтухомъ, а бабушка выноситъ его къ двери и наслаждается тѣмъ, что онъ отъ нея неидетъ къ матери, не смотря ни на какія приманки.

— Письма изъ Англіи! Оттого я такъ и замѣшкался.

— О Джемъ, Джемъ! Чтожъ ты ихъ такъ крѣпко держишь? Чтѣ тамъ пишутъ?

— Вѣсти все хорошія. Ну-ка отгадай, чтѣ пишутъ?

— Ахъ нѣтъ, лучше скажи. Я не умѣю отгадывать! говоритъ Мери.

— Такъ и не хочешь? Ну-ка, матушка, что вы скажете?

Джени Вильсонъ подумала съ минуту.

— Вилль женился на Маргаритѣ? сказала она.

— Несовсѣмъ — а близко того. Вотъ старушка-то наша подогативѣ молодой. Ну же, Мери, постарайся отгадать.

Онъ наминуту съ намѣреніемъ закрылъ руками глаза своего малютки, пока тотъ, нетерпѣливымъ движеніемъ не оттолкнулъ его руки, говоря по своему:

— Не визу...

— Ну вотъ, а теперь видишь, Джони? Чтожъ Мери, угадала?

— Что-нибудь сдѣлали съ Маргаритою, чтобы возвратитъ ей зрѣніе? сказала Мери.

— Такъ. Ей дѣлали операцію и она теперь видитъ такъ же хорошо какъ и прежде. Она выходитъ за Вилля, 25 числа ихъ свадьба, а въ слѣдующій переѣздъ онъ пріѣдетъ съ нею сюда. Джобъ Легъ тоже собирается, но только не къ тебѣ, Мери, и не къ вамъ, матушка, даже не къ тебѣ, молодецъ мой (и онъ поклонился поцѣловать сына), а просто ѣдетъ поискать новыхъ насѣкомыхъ въ Канадѣ: такъ Вилль пишетъ. Какъ видите, матушка, онъ только и помышляетъ о жукахъ.

— Милый Джобъ Легъ! сказала Мери тихо и задумчиво...

К О Н Е Ц Ъ

ВЪ ГОРАХЪ

Сырая мгла лежитъ въ ущельѣ ;
А тамъ — какъ призраки легки,
Въ стыдливомъ, дѣвственномъ весельѣ,
Въ багрящахъ утра — ледники...

Какою жизнью вѣетъ новой
Мнѣ съ этой снѣжной вышины,
Изъ этой чистой, бирюзовой,
И свѣта полной глубины !..

Тамъ, знаю, ужасъ обитаетъ,
И вѣтъ людского тамъ слѣда, —
Но сердце точно отвѣчаетъ
На чей-то зовъ : «туда, туда !»

А. МАЙКОВЪ

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

V

ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ

Три дня спустя по прибытіи моемъ въ острогъ, мнѣ велѣно было выходить на работу. Очень памятенъ мнѣ этотъ первый день работы, хотя продолженіе его не случилось со мной ничего очень необыкновеннаго, по крайней мѣрѣ взявъ въ соображеніе все и безъ того необыкновенное въ моемъ положеніи. Но это было тоже одно изъ первыхъ впечатлѣній, а я еще продолжалъ ко всему жадно присматриваться. Всѣ эти три первые дня я провелъ въ самыхъ тяжелыхъ ощущеніяхъ. «Вотъ конецъ моего странствованія: я въ острогъ!» — повторялъ я себѣ поминутно: — «затѣ пристань моя на многіе, долгіе годы, мой уголъ, въ который я вступаю съ такимъ неловѣрчивымъ, съ такимъ болѣзненнымъ ощущеніемъ... А кто знаетъ? можетъ-быть — когда, черезъ много лѣтъ, придется оставить его, — еще пожалѣю о немъ!..» — прибавлялъ я не безъ примѣси того злораднаго ощущенія, которое доходитъ иногда до потребности нарочно беречь свою рану, точно желая полюбоваться своей болью, точно въ сознаніи всей великости несчастія есть дѣйствительно наслажденіе. Мысль современемъ пожалѣть объ этомъ уголѣ — меня самого поражала ужасомъ: я и тогда уже предчувствовалъ, до какой чудовищной степени приживчивъ человекъ. Но это еще было впереди, а покажѣсть теперь, кругомъ меня все было враждебно и — страшно... хоть не все, но разумѣется такъ мнѣ казалось. Это дикое любопытство, съ которымъ оглядывали меня мои новые

товарищи-каторжники, усиленная их суровость съ новичкомъ изъ дворянъ, вдругъ появившимся въ ихъ корпораціи, суровость, иногда доходившая чуть не до ненависти, — все это до того измучило меня, что я самъ желалъ ужь поскорѣе работы, чтобъ только поскорѣе узнати и извѣдать все мое бѣдствіе разомъ, чтобъ начать жить какъ и всѣ они, чтобъ войти со всѣми поскорѣе въ одну колею. Разумѣется, я тогда многого не замѣчалъ и не подозрѣвалъ, что у меня было подъ самымъ носомъ; между враждебнымъ я еще не угадывалъ отраднago. Впрочемъ нѣсколько привѣтливыхъ, ласковыхъ лицъ, которыхъ я встрѣтилъ даже въ эти три дня, покамѣстъ сильно меня ободрили. Всѣхъ ласковѣе и привѣтливѣе со мной былъ Акимъ Акимычъ. Между угрюмыми и ненавистливыми лицами остальныхъ каторжныхъ, я не могъ не замѣтить тоже нѣсколько добрыхъ и веселыхъ. «Вездѣ есть люди дурные, а между дурными и хорошіе», — спѣшилъ я подумать себѣ въ утѣшеніе: — «кто знаетъ? эти люди можетъ-быть вовсе не до такой степени хуже тѣхъ, *остальныхъ*, которые *остались тамъ*, за острогомъ». Я думалъ это и самъ качалъ головою на свою мысль, а между тѣмъ, — Боже мой! — еслибъ я только зналъ тогда, до какой степени и эта мысль была правдой!

Вотъ наприимѣръ тутъ былъ одинъ человѣкъ, котораго только черезъ много-много лѣтъ я узналъ вполнѣ, а между тѣмъ онъ былъ со мной и постоянно около меня почти во все время моей каторги. Это былъ арестантъ Сушиловъ. Какъ только заговорилъ я теперь о каторжникахъ, которые были *не хуже* другихъ, то тотчасъ же невольно вспомнилъ о немъ. Онъ мнѣ прислуживалъ. У меня трое былъ и другой прислужникъ. Акимъ Акимычъ еще съ самаго начала, съ первыхъ дней, рекомендовалъ мнѣ одного изъ арестантовъ, — Осипа, говоря, что за тридцать копѣекъ въ мѣсяцъ онъ будетъ мнѣ стряпать ежедневно особое кушанье, если мнѣ ужь такъ противно казенное и если я имѣю средства завести свое. Осипъ былъ одинъ изъ четырехъ поваровъ, назначаемыхъ арестантами по выбору въ наши двѣ кухни, хотя впрочемъ оставлялось вполнѣ и на ихъ волю принять или не принять такой выборъ; а принявъ, можно было хоть завтра же опять отказаться. Повара ужь такъ и не ходили на работу, а вся должность ихъ состояла въ печеніи хлѣба и варкѣ щей. Звали ихъ у насъ не поварами, а стряпками (въ женскомъ родѣ),

впрочемъ не изъ презрѣнія къ нимъ, тѣмъ болѣе что на кухню выбирался народъ толковый и по возможности честный, а такъ, изъ шлепкой шутки, чѣмъ наши повара нисколько не обижались. Осипа почти всегда выбирали, и почти нѣсколько лѣтъ сряду отъ восточно былъ стряпкой, и отказывался иногда только на время, когда его ужь очень забирала тоска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и омета проносить вино. Онъ былъ рѣдкой честности и кротости челоуѣкъ, хотя и пришилъ за контрабанду. Это былъ тотъ самый контрабандистъ, высокій, здоровый малый, о которомъ уже я упоминалъ; трусъ до всего, особенно до розогъ, смиренный, безответный, ласковый со всѣми, ни съ кѣмъ никогда не поссорившійся, во который не могъ не проносить вина, не смотря на всю свою трусость, по страсти къ контрабандѣ. Онъ вмѣстѣ съ другими поварами торговалъ тоже виномъ, хотя конечно не въ такомъ размѣрѣ, какъ напримѣръ Газинъ, потомучто не имѣлъ смѣлости на многое рискнуть. Съ этимъ Осипомъ я всегда жилъ очень ладно. Чтоже касается до средствъ имѣть свое кушанье, то ихъ надо было слишкомъ немного. Я не ошибусь, если скажу, что въ мѣсяцъ у меня выходило на мое прокормленіе всего рубль серебромъ, разумѣется кромѣ хлѣба, который былъ казенный, и иногда щей, если ужь я былъ очень голоденъ, не смотря на мое къ нимъ отвращеніе, которое впрочемъ почти совсѣмъ прошло впослѣдствіи. Обыкновенно я покупалъ кусокъ говядины, во фунту на день. А зимой говядина у насъ стоила грошъ. За говядиной ходилъ на базаръ кто-нибудь изъ инвалидовъ, которыхъ у насъ было по одному въ каждой казармѣ, для надзора за порядкомъ, и которые сами, добровольно, взяли себѣ въ обязанность ежедневно ходить на базаръ за покупками для арестантовъ и не брали за это почти никакой платы, такъ развѣ пустяки какіе-нибудь. Дѣлали они это для собственнаго спокойствія, иначе имъ невозможно бы было въ острогѣ ужиться. Такимъ образомъ они проносили табакъ, кирпичный чай, говядину, галачи, и проч. и проч., кромѣ только развѣ одного вина. Объ винѣ ихъ и не просили, хотя иногда и подчивали. Осипъ страдалъ мнѣ нѣсколько лѣтъ сряду все одинъ и тотъ же кусокъ жареной говядины. Ужь какъ онъ былъ жаренъ, — это другой вопросъ, да не въ томъ было и дѣло. Замѣчательно, что съ Осипомъ я въ нѣсколько лѣтъ почти не сказалъ двухъ

словъ. Много разъ начиналъ заговаривать съ нимъ, но онъ какъ-то былъ неспособенъ поддерживать разговоръ: улыбнется бывало или отвѣтитъ да или нѣтъ, да и только. Даже странно было смотрѣть на этого геркулеса семи лѣтъ отъ роду.

Но кромѣ Осипа, изъ людей мнѣ помогавшихъ былъ и Сушиловъ. Я не призывалъ его и не искалъ его. Онъ какъ-то самъ нашолъ меня и прикомандировался ко мнѣ; даже не помню когда и какъ это сдѣлалось. Онъ сталъ на меня стирать. За казармами для этого нарочно была устроена большая помойная яма. Надъ этой-то ямой, въ казенныхъ корытахъ, и мылось арестантское бѣлье. Кромѣ того Сушиловъ самъ изобрѣталъ тысячи различныхъ обязанностей, чтобъ мнѣ угодить: наставлялъ мой чайникъ, бѣгалъ по разнымъ порученіямъ, отыскивалъ что-нибудь для меня, носилъ мою куртку въ починку, смазывалъ мнѣ сапоги раза четыре въ мѣсяцъ; все это дѣлалъ усердно, суетливо, какъ будто Богъ знаетъ какія на немъ лежали обязанности, однимъ словомъ совершенно связалъ свою судьбу съ моею и взялъ всѣ мои дѣла на себя. Онъ никогда не говорилъ напримѣръ: «у васъ столько рубахъ, у васъ куртка разорвана» и проч., а всегда: «у насъ теперь столько-то рубахъ, у насъ куртка разорвана». Онъ такъ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза и кажется принялъ это за главное назначеніе всей своей жизни. Ремѣсла, или какъ говорятъ арестанты, рукомесла у него не было никакого, и кажется только отъ меня онъ и добывалъ копейку. Я платилъ ему сколько могъ, то-есть грошами, и онъ всегда безотвѣтно оставался доволенъ. Онъ не могъ не служить кому-нибудь и, казалось, выбралъ меня особенно потому, что я былъ обходительнѣе другихъ и честнѣе на расплату. Былъ онъ изъ тѣхъ, которые никогда не могли разбогатѣть и поправиться, и которые у насъ брались сторожить майданы, простаивая по цѣлымъ ночамъ въ снѣгахъ на морозѣ, прислушиваясь къ каждому звуку на дворѣ на случай плацъ-майора, и брали за это по пяти копеекъ серебромъ чуть не за всю ночь, а въ случаѣ просмотра теряли все и отвѣчали спиной. Я ужь объ нихъ говорилъ. Характеристика этихъ людей — уничтожать свою личность всегда, вездѣ и чуть не передъ всѣми, а въ общихъ дѣлахъ разыгрывать даже не второстепенную, а третьестепенную роль. Все это у нихъ ужь такъ по природѣ. Сушиловъ былъ очень жалкой малый, вполне безотвѣт-

ный, и приближенный, даже забытый, хотя его и никто у нас не билъ, а такъ ужъ отъ природы забытый. Миѣ его всегда было отчего-то жаль. Я даже и взглянуть на него не могъ безъ этого чувства; а почему жаль,—я бы самъ не могъ отвѣтить. Разговаривать съ нимъ я тоже не могъ; онъ тоже разговаривать неумѣлъ, и видно что ему это было въ большой трудъ, и онъ только тогда оживался, когда, чтобъ кончить разговоръ, дашь ему что-нибудь сдѣлать, попросишь его сходить, сбѣгать куда-нибудь. Я даже наконецъ увѣрился, что доставляю ему этимъ удовольствіе. Онъ былъ не высокъ и не малъ ростомъ, не хорощъ и не дурецъ, не глупъ и не уменъ, не молодъ и не старъ, немножко рябоватъ, отчасти бѣлокуръ. Слишкомъ опредѣлительнаго объ немъ никогда ничего нельзя было сказать. Одно только: онъ, какъ миѣ кажется и сколько я могъ догадаться, принадлежалъ къ тому же товариществу, какъ и Сироткинъ, и принадлежалъ единственно по своей забытости и безотвѣтности. Надъ нимъ иногда посмѣивались арестанты, главное зато, что онъ смѣнялся дорогою, и въ партію въ Сибирь, и смѣнялся за красную рубашку и за рубль серебромъ. Вотъ за эту-то ничтожную цѣну, за которую онъ себя продалъ, надъ нимъ и смѣялись арестанты. Смѣяться значитъ переимѣниться съ кѣмъ-нибудь именемъ, а слѣдственно и участью. Какъ ни чуденъ кажется этотъ фактъ, а онъ справедливъ, и въ мое время онъ еще существовалъ между препровождающимися въ Сибирь арестантами въ полной силѣ, освященный преданіями и опредѣленный извѣстными формами. Сначала я никакъ не могъ этому повѣрить, хотя и пришлось наконецъ довѣрить очевидности.

Это вотъ какимъ образомъ дѣлается. Препровождается на примѣръ въ Сибирь партія арестантовъ. Идутъ всякіе: и въ каторгу, и въ заводъ, и на поселеніе; идутъ вмѣстѣ. Гдѣ-нибудь дорогою, ну хоть въ пермской губерніи, кто-нибудь изъ ссыльных пожелаетъ смѣниться съ другимъ. На примѣръ какой-нибудь Михайловъ, убійца или по другому капитальному преступленію, находитъ идти на многіе годы въ каторгу для себя невыгоднымъ. Положимъ онъ малый хитрый, тертый, дѣло знаетъ; вотъ онъ и высматриваетъ кого-нибудь изъ той же партіи попростѣ, позабытѣе, побезотвѣтнѣе, и которому опредѣлено назначеніе побольше сравнительно: или въ заводъ на малые годы,

или на поселенье, или даже въ каторгу, только помешьше срокомъ. Наконецъ находить Сушилова. Сушиловъ изъ дворовыхъ людей и сосланъ просто на поселенье. Идетъ онъ уже тысячи полторы верстѣ, разумѣется безъ копейки денегъ, потому что у Сушилова никогда не можетъ быть ни копейки, — идетъ изнуренный, усталый, на одномъ казенномъ продовольствѣ; безъ сладкаго куска хоть мимоходомъ, въ одной казенной одеждѣ, всѣмъ прислуживая за жалкіе мѣдные гроши. Михайловъ заговариваетъ съ Сушиловымъ, сходится, даже дружится и наконецъ на какомъ-нибудь этапѣ поить его виномъ. Наконецъ предлагаетъ ему: не хочеть ли онъ смѣняться? Я дескать, Михайловъ, вотъ такъ и такъ, иду въ каторгу не каторгу, а въ какое-то «особое отдѣленіе». Оно хоть и каторга, но особая, вѣдуще стало быть. — Объ особомъ отдѣленіи во время существованія его, даже изъ начальства-то не всѣ знали, хоть бы напримѣръ и въ Петербургѣ. Это былъ такой отдѣльный и особый уголокъ, въ одномъ изъ уголковъ Сибири, и такой немногочисленный (при мнѣ было въ немъ до семилесяти человекъ), что трудно было и на слѣдъ его напасть. Я встрѣчалъ потомъ людей служившихъ и знающихъ о Сибири, и которые отъ меня только въ первый разъ услыхали о существованіи «особаго отдѣленія». Въ Сводѣ Законовъ сказано объ немъ всего строкъ шесть: «Учреждается при такомъ-то острогѣ Особое отдѣленіе, для самыхъ важныхъ преступниковъ, впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжкихъ каторжныхъ работъ.» Даже сами арестанты этого «Отдѣленія» не знали: что оно, навѣчно или на срокъ? Сроку не было положено, сказано—впредь до открытія самыхъ тяжкихъ работъ, и только; — стало быть «вдоль по каторгѣ.» Немудрено что ни Сушиловъ, да и никто изъ партіи этого не зналъ, не исключая и самого сосланцаго Михайлова, который развѣ только имѣлъ понятіе объ Особомъ отдѣленіи судя по своему преступленію, слишкомъ тяжкому и за которое уже онъ прошелъ тысячи три или четыре. Слѣдственно не пошлютъ же его въ хорошее мѣсто. Сушиловъ же шолъ на поселенье; чего же лучше? «Не хочешь ли смѣняться?» Сушиловъ подъ хмѣлькомъ, душа простая, полонъ благодарности къ обласкавшему его Михайлову, и потому не рѣшается отказать. Ктому же онъ слышалъ уже въ партіи, что мѣняться можно, что другіе же мѣняются,

сѣдственно необыкновеннаго и неслыханнаго тутъ вѣтъ ничего. Соглашаются. Безсовѣстный Михайловъ, пользуясь необыкновенною простотою Сушилова, покупаетъ у него имя за красную рубашку и за рубль серебромъ, которые тутъ же и даетъ ему при свидѣтеляхъ. Назавтра Сушиловъ уже не пьянъ, но его поятъ опять, ну да и плохо отказываться: полученный рубль серебромъ уже пропить, красная рубашка немного спустя тоже. Не хочешь, такъ деньги отдай. А гдѣ взять цѣлый рубль серебромъ Сушилову? А не отдастъ, такъ артель заставитъ отдать: за этимъ смотрятъ въ артели строго. Ктому же, если далъ обѣщаніе, то исполни, — и на этомъ артель настоитъ. Иначе сгрызутъ. Забьютъ вожалуй, или просто убьютъ, по крайней мѣрѣ застрашаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допусти артель хоть одинъ разъ въ такомъ дѣлѣ поблажку, то и обыкновеніе смѣны именами кончится. Какъ можно будетъ отказываться отъ обѣщанія и нарушать уже сдѣланный торгъ, уже взявши деньги, — кто же будетъ его потомъ исполнять? Однимъ словомъ — тутъ артельное, общее дѣло, а потому и партія къ этому дѣлу очень строга. Наконецъ Сушиловъ видитъ, что ужь не отмолишься и рѣшается вполне согласиться. Объявляется всей партіи; ну тамъ кого еще слѣдуетъ тоже дарять и поятъ, если надо. Тѣмъ разумеется все равно: Михайловъ или Сушиловъ пойдутъ къ чорту на рога, ну а вино-то выпито, угостили; — сѣдственно и съ ихъ стороны лолокъ. На первомъ же этапѣ дѣлаютъ напримѣръ перекличку; доходить до Михайлова: «Михайловъ!» Сушиловъ откликается: я! «Сушиловъ!» Михайловъ кричитъ я — и пошли дальше. Никто и не говоритъ ужь больше объ этомъ. Въ Тобольскѣ ссыльных разсортировываютъ. «Михайлова» на поселеніе, а «Сушилова» подъ усиленнымъ конвоемъ препровождаютъ въ особое отдѣленіе. Далѣе никакой уже протестъ невозможенъ; да и чѣмъ въ самомъ дѣлѣ доказать? На сколько лѣтъ затянется такое дѣло? Что за него еще будетъ? Гдѣ наконецъ свидѣтели? Отрекутся, еслибъ и были. Такъ и остается въ результатъ, что Сушиловъ за рубль серебромъ, да за красную рубаху въ «особое отдѣленіе» пришолъ.

Арестанты смѣялись надъ Сушиловымъ, — не зато, что онъ смѣялся (хотя къ смѣявшимся на болѣе тяжелую работу съ

легкой, вообще питаютъ презрѣнiе, какъ ко всякому впаавшимся въ просакъ дуракамъ), а зато, что онъ вѣялъ только красную рубаху и рубль серебромъ: слишкомъ ужъ ничтожная плата. Обыкновенно мѣняются за большiя суммы, опять таки судя относительно. Берутъ даже и по нѣскольку десятковъ рублей. Но Сушиловъ былъ такъ безответенъ, безличенъ и для всѣхъ ничтоженъ, что надъ нимъ и смѣяться—то какъ—то не приходилось.

Долго мы жили съ Сушиловымъ, уже нѣсколько лѣтъ. Мало-помалу онъ привязался ко мнѣ чрезвычайно; я не могъ этого не замѣтить, такъ что и я очень привыкъ къ нему. Но однажды, — никогда не могу простить себѣ этого, — онъ чего-то по моему просьбѣ не выполнилъ, а между тѣмъ только что взялъ у меня денегъ, и я имѣлъ жестокость сказать ему: «вотъ, Сушиловъ, деньги-то вы берете, а дѣло-то не дѣлаете». Сушиловъ смолчалъ, сбѣгалъ по моему дѣлу, но что-то вдругъ загрустилъ. Прошло дня два. Я думалъ: не можетъ быть, чтобъ онъ это отъ моихъ словъ. Я зналъ, что одинъ арестантъ, Антонъ Васильевъ, настоятельно требовалъ съ него какой-то грошовый долгъ. Вѣрно денегъ нѣтъ, а онъ боится спросить у меня. На третiй день я и говорю ему: «Сушиловъ, вы кажется у меня хотѣли денегъ спросить, для Антофа Васильева? Нате». Я сидѣлъ тогда на нарахъ; Сушиловъ стоялъ передо мной. Онъ былъ кажется очень пораженъ, что я самъ ему предложилъ денегъ, самъ вспомнилъ о его затруднительномъ положенiи, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время онъ, по его мнѣнiю, ужъ слишкомъ много у меня забралъ, такъ что и надѣяться не смѣлъ, что я еще дамъ ему. Онъ посмотрѣлъ на деньги, потомъ на меня, вдругъ отвернулся и вышелъ. Все это меня очень поразило. Я пошелъ за нимъ и нашолъ его за казармами. Онъ стоялъ у острожнаго частокола, лицомъ къ забору, прижавъ къ нему голову и облокотясь на него рукой. — «Сушиловъ, что съ вами?» спросилъ я его. Онъ не смотрѣлъ на меня и я, къ чрезвычайному удивленiю замѣтилъ, что онъ готовъ заплакать: «Вы, Александръ Петровичъ... думаете...» — началъ онъ прерывающимся голосомъ и стараясь смотрѣть въ сторону, «что я вамъ... за деньги... а я... я... эхъ!» Тутъ онъ оборотился опять къ частоколу, такъ что даже стукнулся объ него лбомъ, — и какъ зарыдаетъ!.. Первый разъ я видѣлъ въ катор-

гѣ человѣка плачущаго. Насилу я утѣшилъ его, и хотѣвъ съ этихъ поръ, если возможно это, еще усерднѣе началъ служить мнѣ и «наблюдать меня», но по нѣкоторымъ, почти неуловимымъ признакамъ я замѣтилъ, что его сердце никогда не могло простить мнѣ попрекъ мой. А между тѣмъ другіе смѣялись же надъ нимъ, шпыналы его при всякомъ удобномъ случаѣ, ругали его иногда вѣрнопко,—а онъ жилъ же съ ними ладно и дружелюбно и никогда не обижался. Да, очень трудно бываетъ распознавать человѣка, даже и послѣ долгихъ лѣтъ знакомства!

Вотъ почему съ перваго взгляда каторга и не могла мнѣ представиться въ томъ настоящемъ видѣ, какъ представлялась послѣдствію. Вотъ почему я и сказалъ, что если и смотрѣлъ на все съ такимъ жаднымъ, усиленнымъ вниманіемъ, то все-таки не могъ разглядѣть много такого, что у меня было подъ самымъ носомъ. Естественно меня поражали сначала явленія крупныя, рѣзко выдающіяся, но и тѣ можетъ-быть принимались мною неправильно и только оставляли въ душѣ моей одно тяжелое, безнадёжно-грустное впечатлѣніе. Очень много способствовала тому встрѣча моя съ А—вымъ, тоже арестантомъ, прибывшамъ незадолго до меня въ острогъ и поразившимъ меня особенно мучительнымъ впечатлѣніемъ въ первые дни моего прибытія въ каторгу. И впрочемъ узналъ еще до прибытія въ острогъ, что встрѣчусь тамъ съ А—вымъ. Онъ отравилъ мнѣ это первое тяжелое время и усилилъ мои душевныя муки. Не могу умолчать о немъ.

Это былъ самый отвратительный примѣръ, до чего можетъ опуститься и исполниться человѣкъ и до какой степени можетъ убитъ въ себѣ всякое нравственное чувство, безъ труда и безъ распаянія. А—въ былъ молодой человѣкъ, изъ дворянъ, о которомъ уже я отчасти упоминалъ, говоря, что онъ переносилъ нашему плацъ-майору все что дѣлается въ острогѣ, и былъ друженъ съ его денщиномъ Федькой. Вотъ краткая его исторія: Недокончивъ нигдѣ курса и разсорившись въ Москвѣ съ родными, испугавшимися развратнаго его поведенія, онъ прибылъ въ Петербургъ, и чтобъ добыть денегъ, рѣшился на одинъ подлый доносъ, т. е. рѣшился продать кровь десяти человѣкъ, для немедленнаго удовлетворенія своей неутолимой жажды къ самымъ грубымъ и развратнымъ наслажденіямъ, до которыхъ онъ,

соблазненный Петербургомъ, его кондитерскими и Мѣщанскими, сдѣлался падохъ до такой степени, что будучи человекомъ неглупымъ, рискнулъ на безумное и безсмысленное дѣло. Его скоро обличили; въ доносъ свой онъ впуталъ невинныхъ людей, другихъ обманулъ, и за это его сослали въ Сибирь, въ нашъ острогъ, на десять лѣтъ. Онъ еще былъ очень молодъ, жизнь для него только-что начиналась. Казалось бы, такая страшная переменѣна въ его судьбѣ должна была поразить, вызвать его природу на какой-нибудь отпоръ, на какой-нибудь переломъ. Но онъ безъ малѣйшаго смущенія принялъ новую судьбу свою, безъ малѣйшаго даже отвращенія, не возмутился передъ ней нравственно, не испугался въ ней ничего, кромѣ развѣ необходимости работать и разстаться съ кондитерскими и съ тремя Мѣщанскими. Ему даже показалось, что званіе каторжнаго только еще развило ему руки на еще большія подлости и пакости. «Каторжникъ, такъ ужь каторжникъ и есть; коли каторжникъ, стало-быть ужь можно подличать, и не стыдно». Буквально, это было его мнѣніе. Я вспоминаю объ этомъ гадкомъ существѣ какъ объ феноменѣ. Я нѣсколько лѣтъ прожилъ среди убійць, развратняковъ и отъявленныхъ злодѣевъ, но положительно говорю, никогда еще въ жизни я не встрѣчалъ такого полного нравственнаго паденія, такого рѣшительнаго разврата и такой наглой низости, какъ въ А—вѣ. У насъ былъ отцеубійца, изъ дворянъ; я уже упоминалъ о немъ; но я убѣдился по многимъ чертамъ и фактамъ, что даже и тотъ былъ несравненно благороднѣе и человѣчнѣе А—ва. На мои глаза, во все время моей осторожной жизни, А—вѣ сталъ и былъ какимъ-то кускомъ мяса, съ зубами и съ желудкомъ, и съ неутомимой жаждой наигрубѣйшихъ, самыхъ звѣрскихъ тѣлесныхъ наслажденій, а за удовлетвореніе самаго малѣйшаго и прихотливѣйшаго изъ этихъ наслажденій онъ способенъ былъ хладнокровнѣйшимъ образомъ убить, зарѣзать, словомъ на все, лишь бы спрятаны были концы въ воду. Я ничего не преувеличиваю; я узналъ хорошо А—ва. Это былъ примѣръ, до чего могла дойти одна тѣлесная сторона человѣка, не сдержанная внутренне никакой нормой, никакой законностью. И какъ отвратительно мнѣ было смотрѣть на его вѣчную насмѣшливую улыбку. Это было чудовище, нравственный квазимодо. При-

бавьте къ тому, что онъ былъ хитеръ и уменъ, красивъ собой, нѣсколько даже образованъ, имѣлъ способности; нѣтъ, лучше пожаръ, лучше моръ и голодъ, чѣмъ такой человѣкъ въ обществѣ! Я сказалъ уже, что въ острогѣ все такъ неподвижилось, что шпіонство и доносы процвѣтали и арестанты нисколько не сердились за это. Напротивъ, съ А—мъ всѣ они были очень дружны и обращались съ нимъ несравненно дружжелюбнѣе чѣмъ съ нами. Милости же къ нему нашего пьянаго майора придавали ему въ ихъ глазахъ значеніе и вѣсъ. Между прочимъ онъ увѣрилъ майора, что онъ можетъ снимать портреты (арестантовъ онъ увѣрялъ, что былъ гвардіи поручикомъ), и тотъ потребовалъ, чтобъ его высылали на работу къ нему на домъ, для того разумѣется, чтобъ рисовать майорскій портретъ. Тутъ-то онъ и сошелся съ девьцикомъ Федькой, имѣвшимъ чрезвычайное вліяніе на своего барина, а слѣдственно на всѣхъ и на все въ острогѣ. А—въ шпіонилъ на насъ по требованію майора же, а тотъ, хмѣльной, когда билъ его по щекамъ, то его же ругалъ шпіономъ и доносчикомъ. Случалось, и очень часто, что сейчасъ же послѣ побой майоръ садился на стулъ и приказывалъ А—ву продолжать портретъ. Нашъ майоръ кажется дѣйствительно вѣрилъ, что А—въ былъ замѣчательный художникъ, чуть не Брюловъ, о которомъ и онъ слышалъ, но все-таки считалъ себя вправѣ лупить его по щекамъ, потому дескать, что теперь ты хоть и тотъ же художникъ, но каторжный, и хоть будь ты раз-Брюловъ, а я все-таки твой начальникъ, а стало-быть что захочу, то съ тобою и сдѣлаю. Между прочимъ онъ заставлялъ А—ва снимать ему сапоги и выносить изъ спальни разные вазы, и все-таки долго не могъ отказаться отъ мысли, что А—въ великій художникъ. Портретъ тянулся безконечно, почти годъ. Наконецъ майоръ догадался, что его надуваютъ, и убѣдившись вполне, что портретъ не оканчивается, а напротивъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становится на него непохожимъ, рассердился, исколотилъ художника и сослалъ его за наказаніе въ острогъ, на черную работу. А—въ видимо жалѣлъ объ этомъ, и тяжело ему было отказаться отъ праздныхъ дней, отъ подачекъ съ майорскаго стола, отъ друга-Федьки и отъ всѣхъ наслажденій, которыя они вдвоемъ изобрѣтали себѣ у майора на кухнѣ.

По крайней мѣрѣ майоръ, съ удаленіемъ А—ва, пересталъ преслѣдовать М., арестанта, на котораго А—въ безпрерывно ему наговаривалъ, и вотъ за что: М., во время прибытія А—ва въ острогъ, былъ одинъ. Онъ очень тосковалъ; не имѣлъ ничего общаго съ прочими арестантами, глядѣлъ на нихъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ, не замѣчалъ и проглядѣлъ въ нихъ все, что могло бы подѣйствовать на него примирительно, и не сходился съ ними. Тѣ платили ему тою же ненавистью. Вообще положеніе людей, подобныхъ М., въ острогѣ ужасно. Причина, по которой А—въ пошелъ въ острогъ, была М. неизвестна. Напротивъ А—въ, дождавшись съ кѣмъ имѣеть дѣло, тотчасъ же увѣрилъ его, что онъ сосланъ совершенно за противоположное доносу, почти за то же, за что сосланъ былъ и М. М. страшно обрадовался товарищу, другу. Онъ ходилъ за нимъ, утѣшалъ его въ первые дни каторги, предполагая, что онъ долженъ былъ оченъ страдать, отдавалъ ему послѣднія свои деньги, кормилъ его, подѣлился съ нимъ необходимѣйшими вещами. Но А—въ тотчасъ же возненавидѣлъ его, именно за то, что тотъ былъ благороденъ, за то, что съ такимъ ужасомъ смотрѣлъ на всякую низость, за то именно, что былъ совершенно непохожъ на него, и все что М., въ прежнихъ разговорахъ, передалъ ему объ острогѣ и о майорѣ, все это А—въ успѣшалъ при первомъ случаѣ донести майору. Майоръ страшно возненавидѣлъ за это и угнеталъ М., и еслибъ не вліяніе коменданта, онъ довелъ бы его до бѣды. А—въ же не только не смущался, когда потомъ М. узналъ про его низость, но даже любилъ встрѣчаться съ нимъ и съ насмѣшкой смотрѣть на него. Это видимо доставляло ему наслажденіе. Мнѣ нѣсколько разъ указывали на это самъ М. Эта подлая тварь, потому бѣжалъ съ однимъ арестантомъ и съ конвойнымъ, но объ этомъ побѣгѣ скажу послѣ. Онъ очень сначала и ко мнѣ подлизывался, думая, что я не слыхалъ о его исторіи. Повторяю, онъ отравилъ мнѣ первые дни моей каторги еще большей тоской. Я ужаснулся той страшной подлости и низости, въ которую меня свергнули, среди которой я очутился. Я подумалъ, что здѣсь и все такъ же подло и низко. Но я ошибался: я судилъ обо всѣхъ по А—ву.

Въ эти три дня, я въ тоскѣ слонялся по острогу, лежалъ на своихъ нарахъ, отдавалъ шить надежному арестанту, указавъ:

ному мнѣ Акимъ Акимычемъ, изъ выданнаго мнѣ казеннаго хюста, рубашки, разумѣется за плату (по скольку-то грошей съ рубашки), завелъ себѣ по настоящему совѣту Акима Акинча складной тюфячекъ (изъ войлока, обшитаго холстомъ), чрезвычайно тоневкій, какъ блинъ, и подушку, набитую перьями, страшно жесткую съ вепривычки. Акимъ Акимычъ сильно хлопоталъ объ устройствѣ мнѣ всѣхъ этихъ вещей и самъ къ сему участвовалъ, собственноручно сшилъ мнѣ одѣяло изъ лоскутковъ стараго казеннаго сукна, собраннаго изъ выносившихся панталонъ и куртокъ, купленныхъ мною у другихъ арестантовъ. — Казенныя вещи, которымъ выходилъ срокъ, оставались въ собственности арестанта; онѣ тотчасъ же продавались тутъ же въ острогѣ, и какъ бы ни была изношена вещь, все-таки была надежда сойти съ рукъ за какую-нибудь цѣну. Всему этому сначала очень удивлялся. Вообще это было время моего перваго столичневѣя съ народомъ. Я самъ вдругъ сдѣлался такимъ же простонароднымъ, такимъ же каторжнымъ, какъ и они. Ихъ привычки, понятія, мнѣнія, обыкновенія, — стали какъ-будто тоже менши, по крайней мѣрѣ по формѣ, по закону, хотя я и не раздѣлялъ ихъ въ сущности. Я былъ удивленъ и смущенъ, точно и не подозревалъ прежде ничего этого и не слышалъ ни о чемъ, хотя и зналъ и слышалъ. Но дѣйствительность производила совѣтъ другое впечатлѣніе, чѣмъ знаніе и слухи. Могъ ли я, заиримѣрь, хоть когда-нибудь прежде подозревать, что такіе вещи, какъ такіе старые обноски, могутъ считаться тоже вещами? — а вотъ сшилъ же себѣ изъ этихъ старыхъ обносковъ одѣяло! Трудно было мнѣ представить себѣ, какого сорта было сукно, среднее на арестантское платье. Съ виду оно какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ походило на сукно, толстое, солдатское; но чуть-чуть пошевеливъ, оно обрѣзалось въ какой-то бредень и раздиралось возмутительно. Впрочемъ суконное платье давалось на годичный срокъ, но и съ этимъ срокомъ трудно было справиться. Арестантъ работаетъ, носить на себѣ тяжести; платье обтирается и обдирается скоро. Тулупы же выдавались на три года и обыкновенно служили въ продолженіе всего этого срока и одеждой, и одѣялами, и подстилками. Но тулупы крѣпки, хотя и верѣякость было на комъ-нибудь видѣть, къ концу третьяго года, т. е. срока выноски, тулупъ заплатанный простою холстиной.

Несмотря на то, даже очень выношенные, по окончаніи опредѣленнаго имъ срока, продавались конеекъ за сорокъ серебромъ. Нѣкоторые же, получше сохранившіеся, продавались за шестъ или даже за семь гривенъ серебромъ, а въ каторгѣ это были большія деньги.

Деньги же — я уже говорилъ объ этомъ, — имѣли въ острогѣ страшное значеніе, могущество. Положительно можно сказать, что арестантъ, имѣвшій хоть какія-нибудь деньги въ каторгѣ, въ десять разъ меньше страдалъ, чѣмъ совсѣмъ не имѣвшій ихъ, хотя послѣдній обезпеченъ тоже всѣмъ казеннымъ, и к чему бы кажется имѣть ему деньги? — какъ разсуждало наше начальство. Опять таки повторяю, что еслибъ арестанты лишены были всякой возможности имѣть свои деньги, они или сходили бы съ ума, или мерли бы какъ мухи (несмотря на то, что были во всегъ обезпечены), или наконецъ пустились бы въ неслыханныя злодѣйства, — одни отъ тоски, другіе — чтобъ поскорѣе быть какъ-нибудь казеннымъ и уничтоженнымъ, или такъ какъ-нибудь «перемѣнить участь» (техническое выраженіе). Если же арестантъ, добывъ почти кровавымъ потомъ свою конейку, или рѣшась для пріобрѣтенія ея на необыкновенныя хитрости, сопряженныя чяго съ воровствомъ и мошенничествомъ, въ тоже время такъ безразсудно, съ такимъ ребяческимъ безсмысліемъ тратить ихъ, то это вовсе не доказываетъ, что онъ ихъ не цѣнитъ, хотя бы и казалось такъ съ перваго взгляда. Къ деньгамъ арестантъ жаденъ до судорогъ, до омраченія разсудка, и если дѣйствительно бросаетъ ихъ какъ щепки, когда кутить, то бросаетъ за то, что считаетъ еще одной степенью выше денегъ. Что же выше денегъ для арестанта? Свобода или хоть какая-нибудь мечта о свободѣ. А арестанты большіе мечтатели. Объ этомъ я кой-что скажу послѣ, но, къ слову пришлось: повѣрять ли, что я видалъ сосланныхъ на *двадцатилѣтній* срокъ, которые мнѣ самому говорили, очень спокойно, такія напрямѣръ фразы: «а вотъ подожди, дастъ-Богъ кончу срокъ, и тогда»... Весь смыслъ слова «арестантъ» означаетъ челоѣка безъ воли; а тратя деньги, онъ поступаетъ уже по *своей воли*. Несмотря ни на какія клейма, кандалы и ненавистныя пали острога, заслоняющія ему божій міръ и огораживающія его какъ звѣря въ клѣткѣ, — онъ можетъ достать вина, т. е. страшно запрещенное наслажденіе, воспользо-

мисля клубничкой, даже иногда: (хоть я: не всегда) надкудить слова ближайшимъ: начальникомъ, начальствою и даже умсера-мисера, которые сквозь пальцы будутъ смотреть на то, что съ дуракомъ воевать и дисциплину и даже жестокость, сверка торгу, еще покуражиться валь шивил, а покуражиться арестантъ умасно мѣтъ, то есть представляться: предъ товарищами и увѣрить даже сабосомъ на слова, что у него сила и власти несравненно больша, чѣмъ кажется, — однимъ словомъ — можетъ макутить, мабуянить, разобидѣть кого-нибудь въ пракъ и доказать ему, что онъ все это можетъ, что все это «въ нашихъ рукахъ», т. е. увѣрить себя въ томъ, о чемъ бѣдняку и помыслить невозможно. Кстати: вотъ отчего можетъ-быть въ арестантахъ, даже и въ трезвомъ видѣ, замѣчается всеобщая наклонность къ куражу, къ хвастовству, къ комическому и наивѣщому: доосажденію собственной личности, хотя бы призрачному. Наконецъ во всемъ этомъ кутежѣ нѣ свой рискъ? — значить все это имѣеть хоть какой-нибудь приракъ жизни, хоть отдаленный приракъ свободы. А чего не сдѣла за свободу? Какой миллиончикъ, еслибъ ему сдѣлили горъ и вѣдѣй, не отдалъ бы всѣхъ своихъ миллионковъ за одну глотку воздуха?

Удивляются иногда начальники, что хоть какой-нибудь арестантъ шивил, себя нѣсколько лѣтъ такъ смисро, привѣрие, даже дисциплинѣмъ это сдѣлали за похвальное поведене, и вдругъ рѣшительна съ того, ни съ сего, — томне бѣсь въ чего вѣзъ, — макутилъ, макутилъ, мабуянилъ, а иногда даже просто на уголокъ преступленіе фискнулъ или на язву: непочтительность предъ высшимъ начальствомъ, или убилъ кого-нибудь, или заисказалъ и проч. Смотрятъ на него и удивляются. А между тѣмъ можетъ-быть вся-то причина этого внезапнаго верына въ томъ челоикѣ, отъ котораго всего этого можетъ можно было ожидать его, — это тесливное, судорожное проявленіе личности, инстинктивная жскя до самомъ себя, желаніе залвить себя, свою прививенную личность, вдругъ появляющееся и доходящее до злобы, до бѣшенства, до омраченія разсудка, до припадка, до судорогъ. Такъ можетъ-быть эаживо ехороненный въ гробу и проснувшійся въ немъ, колотать въ свою крышку и силится обросить ее, хотя разувѣется разсудокъ могъ бы убѣдять его, что все это уси-ля останется тщетнымъ. Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ ужь

не до разсудка: тутъ судороги. Въспомню еще въ собрании, что почти великое символическое проявление личности въ преступленіи считается преступлениемъ; а въ иномъ случаѣ оному естественно все равно; что, большое; что, малое проявленіе. (Быть такъ у насъ ослыши, раскинуть чашу; упрекнуть на всю даже жопу и убійство). И только тогда стоить читать: «оплачься, погони; погони; плачь; денежку удержиши!» А потому; вслѣдствіе; лучше; не доводить до этого. Вебъа была безъ спешаще.

Да; но какъ это сдѣлать? И такъ; но оплачься; плачь; денежку удержиши; погони; погони; плачь; денежку удержиши!

VI

— При вступленіи въ острогъ.

При вступленіи въ острогъ, у меня было нѣсколько денегъ; въ рукахъ съ собой было немного, изъ опасенія, чтобъ не отобрали, но на всякій случай было спрятано, т. е. заклеено въ переплетѣ евангелія, которое можно было пронести въ острогъ, нѣсколько рублей. Эту книгу, съ заклеенными въ ней деньгами, подарилъ мнѣ еще въ Тобольскѣ тѣ, которые тоже страдали въ ссылкѣ и считали время си уже десятилѣтнимъ и которые во всякомъ несчастномъ уже давно привыкли видѣть брата. Есть въ Сибири, и почти всегда не переводится, нѣсколько лицъ, которые являются значеніемъ жизни своей поставляютъ себя — братскій уходъ за «несчастными»; состраданіе и собогънованіе о насъ, точно о родныхъ дѣтяхъ, совершенно безкорыстное; святое. Не могу не привешать здѣсь краткій объ одной встрѣчѣ въ городѣ; въ который находился нашъ острогъ, жила одна дева, Настасья Ивановна, вдова; Разумѣется; никто изъ насъ, въ бытность въ острогѣ, не могъ познакомиться съ ней лично. Кажется, значеніемъ жизни своей она избрала помощъ слышаннымъ, но болѣе всѣхъ заботилась о насъ. Было ли въ семействѣ у ней какое-нибудь подобное же несчастье, или кто-нибудь изъ особенно дорогихъ и близкихъ ей людей пострадалъ по какому-нибудь преступленію; но только она какъ-будто за особое счастье почитала сдѣлать для насъ все, что только могла. Многого она конечно не могла; она была очень бѣдна. Но мы, ели въ острогѣ,

установили, что тамъ въ острогахъ есть у насъ единственный другъ. Между прочимъ она намъ часто сообщала новости, въ которыхъ мы очень нуждались. Вышла изъ острога и отправилась въ другой городъ, я успѣлъ побывать у ней и познакомиться съ нею лично. Она жила гдѣ-то въ форштадтѣ, у одного изъ стоекъ близка къ родственникамъ. Была она не стара и не юна, но хороша и не дурна; даже слышать было удивительно, образована ли? Замѣчалась только въ ней, на каждомъ шагѣ, одна безконечная доброта, непреодолимое желание угодить, облегчать, сдѣлать для насъ невременно что-нибудь приятное. Все это такъ и видѣлось въ ея тихихъ, добрыхъ взглядахъ. Я провѣлъ вмѣстѣ съ друтиемъ изъ острожныхъ моняхъ товарищій у ней почти цѣлый вечеръ. Она такъ и глядѣла намъ въ глаза, смѣялась когда мы смѣялись, смѣшила соглашаясь со нами, что бы мы ни сказали; суетилась угостить насъ хоть чѣмъ-нибудь, чѣмъ только могла. Подать было чай, закуски, напитки сласти, и если бы у ней были тысячи, она бы каталась имъ обрадовалась только потому, что могла бы лучше намъ угодить и облегчить нашихъ товарищей, оставшихся въ острогѣ. Прощаясь, она вынесла намъ по сигарочницѣ на память. Эти сигарочницы она склеивала для насъ, сама изъ картона (ужь Богъ знаетъ какъ онѣ были склеены), оклеивала ихъ цвѣтной бумажкой, точно такую же, въ какую переплетаются краткія арифметическія дѣтскія школь (а можетъ быть и дѣйствительно на одной изъ нихъ была какая-нибудь арифметика). Кругомъ же обѣ сигарочницы были, для красоты, оклеены тоненькимъ бордюромъ изъ золотой бумажки, за которую она можетъ быть вѣроятно платила въ лавкѣ. «Вотъ вы курите же сигарочки, такъ можетъ быть и пригодится вамъ», сказала она, какъ бы извиняясь робко передъ нами за свой подарокъ... Говорить явилось (и слышать и читать это), что высочайшая любовь къ ближнему есть въ то время и величайшій эгоизмъ. Ужь въ темъ тутъ-то быть эгоизмъ, — никакъ не пойму.

Хоть у меня вовсе не было при входѣ въ острогъ большихъ денегъ, но я какъ-то не могъ тогда серьезно досадовать на тѣхъ изъ каторжниковъ, которые, почти въ первые часы моей острожной жизни, уже обманули меня разъ, пренаивно приходили ко другому, ко третьему и даже ко пятому разу заимать у меня.

Но признаюсь въ одномъ, откровенно: мнѣ очень, было досадно, что въ рѣшетѣ, ядѣ, съ своими наивными хитростями, совершенно должна быть, какъ мнѣ казалось, считать, меня просто-филой, а дурачкомъ, и смѣяться надо мной, именно потому, что я въ пятый разъ давала имъ, деньги. Имъ, непременно должно было казаться, что я поддаюсь на ихъ, обманы въ остроги, и если бы, напортивъ, я имъ отказывалъ и прогналъ ихъ, то бы уцѣлеть, они, скала бы несравненно болѣе, уважать меня. Но какъ я, не до-селевалъ, я отказывать, все-таки, не могъ. Досадовалъ же я, по-тому, что серьезно и заботливо думалъ въ эти первые дни, о томъ, какъ я на изгой ногѣ, поставлю я себя, въ острогѣ, т. е. лучше сказать, на какой ногѣ, долженъ быть, стоять, съ ними. Я, думъ-ствовалъ и понималъ, что вся эта среда для меня совершенно, не-одна, что я въ совершенныхъ потемкахъ, а что, въ потемкахъ, нельзя, прожить столько, лѣтъ. Слѣдовало приготовиться. Разу-мѣвая, я, рѣшилъ, что, прежде всего, надо, поступать, прямо, какъ, внутреннее чувство и совѣсть, велитъ. Но я, зналъ, тоже, что видъ, это, только, афоризмъ, а передо мной, все-таки, явится, одна, меджидаица, практика.

И, потому, несмотря на всѣ мелочныя заботы, и оцѣль устройствъ въ казармѣ, о которыхъ я, уже упоминалъ, и въ кото-рую, воевалъ, меня, по преимуществу, Акимъ Акимычъ, несмотря, на то, что, они, нѣсколько, и развлекали, меня, — страшился, самая, доска, все болѣе и болѣе, меня, мучила. «Мертвый домъ» говоритъ, я, самъ, себѣ, присматриваясь, иногда, въ сумерки, съ крылечка, нашей казармы, къ арестантамъ, уже, собравшимся съ работы, и, бываю, слышавшимся, до площадкѣ, острожного, двора, изъ казармы, въ кухню и обратно. Присматриваясь, къ нимъ, и по-лицамъ, и движеніямъ, ихъ, старался, узнавать, что, они, за люди, и какіе, у, нихъ, характеры? Они же, шлолись, передо мной, съ нахму-ренными, лбами, или ужь, слишкомъ, развеселые, (эти два вида, не-болѣе, встрѣчаются, и почти, характеристика, каторги), ругались, или просто, разговаривали, или наконецъ, прогуливались, въ длин-ночку, какъ-будто, въ задумчивости, тихо, плавно, и, иные, съ уста-лыми, и апатическимъ, видомъ, другіе, (даже, и, вѣдь!), — съ вы-домъ, заносчиваго, превосходства, съ шапками, набобренъ, съ ту-лунами, въ накидку, съ дерками, лукавыми, взглядомъ, и съ на-хальной, переосмѣшкой. Все, это, моя, среда, мой, товарищій, миръ, и

дуть и, — съ которыми, хочу не кону, а дожить жить. . . Я про-
бавлять было распрашивать и разузнавать объ нихъ у Акима Аки-
мыча, съ которыми очень любилъ пить чай, чтобъ не быть од-
ному. Многоходомъ сказать, чай, въ это первое время, былъ почти
единственною моею пищею. Отъ чаю Акимъ Акимычъ не отка-
зался и самъ настаивалъ нашу смѣшную, самодѣльный, ма-
ленький самоваръ изъ жести, который далъ мнѣ на поддержаніе.
М. Анисъ Акимычъ выпивалъ обыкновенно одинъ стаканъ (у
него были и стаканы); ѣли мы молча и чинно, возвращая мнѣ
его благодарилъ и тотчасъ же принимался отдѣлывать мѣлодѣ-
ю. Но того, что мнѣ надо было узнать — сообщить не могъ и да-
же не понимая, къ чему я такъ особенно интересуюсь характерами
ограждающихъ насъ и ближайшихъ къ намъ каторжниковъ, и слу-
шалъ меня даже съ какой-то хитренькой улыбочкой, очень мнѣ
противной. Нѣтъ, видѣно надо самому испытывать, а не распраши-
вать, подумалъ я.

На четвертый день, также какъ и въ тотъ разъ, когда я
ходилъ перекопываться, выстроились рано поутру гарестанты,
два ряда, въ площадкѣ передъ кордегардіей, у острожныхъ
воротъ. Впередъ, лицомъ къ намъ, и сзади — вытянулись сол-
даты съ заряженными ружьями и съ прижатыми штыками.
Солдаты имѣютъ право стрѣлять въ арестанта, если тотъ взду-
маетъ бѣжать отъ него; но въ тоже время и отвѣчаетъ за свой
выстрѣлъ, если сдѣлалъ его не въ случаѣ самой крайней необ-
ходимости; тоже самое и въ случаѣ открытаго бунта катор-
жниковъ. Но кто же бы вздумалъ бѣжать явно? Найдется ли
хелерый офицеръ, кондукторъ, а также инженерные унтеръ-
офицеры и солдаты, приставы надъ производившимся рабо-
тами. Сдѣлали перекличку: часть арестантовъ, хохливалъ въ
шпальни, отправлялась прежде всѣхъ; до нихъ инженерное на-
чальство и не касалось; они работали собственно на острогѣ и
обшивали его. Затѣмъ отправились мастерскія, а затѣмъ и на
обыкновенныя черныя работы. Въ числѣ человекъ двадцати
другихъ арестантовъ отправился и я. За крѣпостью, на замерз-
шей рѣкѣ, были двѣ казенныя барки, которыя за негод-
ность нужно было разобрать; чтобъ по крайней мѣрѣ старей-
шій не пропасть даромъ. Впрочемъ весь этотъ старый матеріалъ
кажется очень мало; столбъ, почти ничего. Дрова въ городѣ про-

двоялись во цѣль ничтожной и кругомъ ясу было множество. Носылали почти только для того, чтобы арестантамъ не сидѣть слома руки; что и сами-то арестанты хорошо понимали. За такую работу они всегда принимались вале и апатически, а почти совсѣмъ другое бывало, когда работа сама по себѣ была дѣланая, шившая, и особенно когда можно было выпросить себѣ на урокъ. Тутъ они словно чѣмъ-то одушевлялись, и хотѣ имъ вовсе не было никакой отъ этого выгоды, но, я самъ видѣлъ, выбивались изъ силъ, чтобы ее поскорѣй и получше докончить; даже самолюбіе ихъ тутъ какъ-то заинтересовывалось. А въ настоящей работѣ, дѣлавшейся болѣе для профоры, чѣмъ для надобности, трудно было выпросить себѣ урокъ; а надо было работать вплоть до барабана, бывшего привезъ домой въ одинадцать часовъ утра. День былъ теплый и туманный; снѣгъ тутъ не таялъ. Вся наша кучка отправилась за крѣпость на берегъ, слегка побрякивая цѣпами, которыя хотя и были скрыты подъ одеждою, но все-таки издавали тешкій и рѣзкій металлическій звукъ съ наждачь шагомъ. Два-три человека отдѣлились за необходимыми инструментами въ нейкаувъ. И шолъ вмѣстѣ со асьми и денежъ какъ-будто оживился: шивъ хотѣлось поскорѣе увидѣть и узнать, что за работа? какая это каторжная работа? и какъ я самъ буду въ первый разъ въ жизни работать?

Помню все до малѣйшей подробности. На дорогѣ встрѣтился намъ какой-то мѣщанинъ съ бородкой, остановился и засунулъ руку въ карманъ. Изъ нашей кучки немедленно отдѣлился арестантъ, снулъ шанку, принялъ подааніе — пять копеекъ и проворно воротился къ своимъ. Мѣщанинъ перекрестился и пошелъ своею дорогою. Эти пять копеекъ въ тоже утро проѣли на кандалахъ, раздѣлявъ ихъ на всю нашу партію поровну.

Изъ всей этой кучки арестантовъ одни были, по обыкновенію, угрюмы и неразговорчивы, другіе равнодушны и вали, третьи лѣнливо болтали промежь собой. Одинъ былъ ужасно чему-то радъ и веселъ, пѣлъ и чуть не танцовалъ дорогою, прибрякивая съ наждачь прыжкомъ кандалами. Это былъ тотъ самый невысокій и плотный арестантъ, который въ первое утро все въ острогѣ, поссорился съ другимъ у воды, во время умыванья, за то что другой осмѣлился безразсудно утверждать про себя, что онъ птица каганъ. Звали этого развеселившагося пар-

на Скуратовъ. Наконецъ онъ зацѣлъ какую-то ладую пѣсню, изъ которой я помню припѣвъ:

Безъ меня меня женили —
Я на мельницѣ былъ.

Недоставало только балалайки.

Его необыкновенно-послало расхождение духа разумѣется тотчасъ же; забылте, въ дѣкоторыхъ изъ нашей партіи негодование, даже притяко было чуть не да обиду.

— Зовышь! съ украинною преговарилъ одинъ арестантъ, до котораго впрочемъ вовсе не касалось дѣло.

— Одна была дѣсна у отца, я ту передалъ, тудакъ! — зацѣлъ другой, изъ мрачныхъ, холоднымъ выговоромъ.

— Я-то подожди тудакъ, немедленно возразилъ Скуратовъ, а мы въ дашей Полтавѣ галушкой подавились.

— Ври! самъ-то что дѣлалъ! Дантамъ или хаббаль.

— А теперь слово чортъ, алрама кормить, — прибавилъ третій.

— Я, впрочемъ, братцы, наибѣженный человекъ, — отлѣчалъ съ легкимъ вздохомъ Скуратовъ, какъ-будто раскаяваясь въ своей наибѣженности и обращаясь ко всемъ вообще и ни къ кому къ особености: — съ самаго сызмалѣтства на черносидѣ да на паврусскихъ булкахъ испытанъ (т. е. воспитанъ. Скуратовъ нарочно коверкалъ слова), родимые же братцы мои и теперь еще въ Москвѣ свою лавку имѣютъ, въ прохожемъ ряду вѣтромъ торгуютъ, купцы богатѣющие.

— А ты чѣмъ торговалъ?

— А по разнымъ качествамъ и мы происходили. Вотъ тогда-то, братцы, и получилъ я первыя двѣсти...

— Неужто рублей! — подхватилъ одинъ любопытный, даже вздрогнувъ услышавъ про такія деньги.

— Нѣтъ, милый человекъ, не рублей, а палокъ. Лука, а Лука!

— Кому Лука, а тебѣ Лука Кузьмичъ, нехотя отозвался маленькой и тоненькой арестантискъ, съ востренькимъ носикомъ.

— Ну Лука Кузьмичъ, чортъ съ тобой, такъ ужь и быть.

— Кому Лука Кузьмичъ, а тебѣ дялюшка.

— Ну, да чортъ съ тобой и съ дялюшкой, не стоитъ и гово-

ратъ! А хорошее было слово хотѣлъ сказать. Ну такъ вотъ, братцы, такъ это случилось, что не долго и жажить въ Москвѣ; дали мнѣ тамъ на послѣдокъ пятнадцать кнутиковъ, да и отправили вонъ. Вотъ я...

— Да за что отправили-то?... перебилъ одинъ, прилежно слѣдившій за рассказомъ.

— А на ходъ въ карантикъ; не пей шунтовъ; не играй на беледьяхъ; такъ что я не успею, братны, настоящимъ образомъ въ Москвѣ разбогатѣть. А очевидно, очевидно, очевидно того не тѣлъ, чтобъ богатымъ быть. И ужь такъ мнѣ этого хотѣлось, что и не знаю какъ и сказать.

Многіе разсмѣялись. Скуратовъ былъ очевидно тѣмъ добровольныхъ весельчаковъ, или лучше шутовъ; которые какъ будто ставили себѣ въ обязанность развеселить своихъ угрюмыхъ товарищей и разумеется ровно ничего кромѣ брани за это не получали. Онъ принадлежалъ къ особенному и замѣчательному типу, о которомъ мнѣ можетъ быть еще придется поговорить.

— Да тебя и теперь вмѣсто соболя бить можно, замѣтилъ Лука Кузьмичъ. Ишь, одной одежи рублей на сто будетъ! —

На Скуратовъ былъ самый ветхій, самый заносенный тулупишка, на которомъ со всѣхъ сторонъ торчали заплаты. Онъ довольно равнодушно, но внимательно осмотрѣлъ его сверху до низу.

— Голова зато дорого стоитъ, братцы, голова! отвѣчалъ онъ. — Какъ и съ Москвой прощался, тѣмъ и утѣшенъ былъ, что голова со мной вмѣстѣ пойдетъ. Прощай Москва, спасибо за баню, за вольный духъ, славно исполосовали! А на тулупъ ничего тебѣ, милый человекъ, смотреть...

— Небось на твою голову смотреть?

— Да и голова-то у него не своя, а подаанная, опять вязался Лука. — Ее ему въ Тюмени Христа-ради подали, какъ съ партией проходилъ.

— Чтожь ты, Скуратовъ, небось мастерство имѣть?

— Како мастерство! поводырѣ былъ, гаргосовъ водилъ, у нихъ голыши таскалъ, замѣтилъ одинъ изъ нахмуренныхъ. — вотъ и все его мастерство.

— Я дѣйствительно дробоваль-было сапоги точать, — отвѣ-

члв Скуратовъ, безобразно немилый и поганый змѣчелъ. Всею одну перу и сточалъ и вѣрнѣе да въ вѣрнѣе вѣрнѣе вѣрнѣе.

— Чтожъ, покупалъ?

— Да парвелея такой, что видно Бога не боится, отчаивать не боится; вынулъ его Гостюда, кулины, отчаивать не боится.

Всѣ вокругъ Скуратова такъ и покатились со смѣху.

— Да потомъ еще разъ работалъ, ужъ здѣсь продолжалъ съ прельстившимъ младшепровісомъ Скуратовъ въ Столяру Ободруму Монораву, верунику, толкови и раставлялъ.

— Чтожъ еще, доволень былъ?

— Ничъ, братцы, доволеньчъ. На тылоу члвбъ обрываетъ, да еще колѣбкою завалавъ, поца съди. Столяру такъ рассердился: — Этъ, обчталъ похлѣвнѣ; обчталъ поторжнѣ!

Погодя-того немножко, Ак-кулининъ мужъ на дворѣ...

Неудивленно занялся оубъ снова и вучился притоньнати фрцеры-анкулетамъ.

— Ишь, безобразный чолвкъ! прерывалъ шедшій (содѣлы) похлѣвнѣ, съ е. любимецъ прерываемъ своимъ на носу глаза.

— Безобразный чолвкъ! заигнѣлъ другой, похлѣвнѣнати въ сервнннхъ гономъ.

И рѣшительно не понималъ, зачѣмъ на Скуратова серагелъ, и въ вообще — почему всѣ веселые, и ишь уже успѣлъ я вымѣнить въ мѣ первые дмр, мажъ-буата наводилъ. Убъ обчталъ прѣдѣлнѣ! Глѣвѣ дохалъ и другнѣ и относилъ къ личностнѣ. На это бмѣ не личнѣста, а глѣвѣ зато, что въ Скуратовѣ; не было замѣрнѣн, не было строгого манускного вида, себѣвнннго (до)стоинства, которымъ держалъна была (всѣ)катернѣ до медонства; одинъ словнѣ, зато, что оны были, по нѣз это выраженнѣю, «безмолвенный» чолвкъ. Однако на веселнѣхъ не на всѣхъ пердѣлнѣсь и не всѣхъ такъ трогривованнѣ, какъ Скуратовъ и другнѣ; шу жалобннѣкъ. Итъ какнѣ съ собой позволѣлъ обчталъ съ чолвкъ добродушннѣ и безъ вагнѣ, точѣсть оне подвергался увнженнѣю. Это меня даже поразило. Но были и нѣз веселнѣхъ, которые унѣлѣ и любилѣ отгрнзнутъелѣ и спуску ннкому; не давали: тѣхъ принужденнѣ безѣ уваженнѣ. Тутъ же, оны гдѣ же кучкѣ людей былъ одинъ нѣз такнѣхъ зубастнѣкъ, а въ еущнѣста:

развеселымъ и пріятнѣйшимъ человекомъ, до вечера отъ этой стороны я узналъ уже послѣ, видный и рослый парочка съ большой бородавкой на щекѣ и съ прекомическимъ выраженіемъ лица, пріятель дождавша моего и сѣдла моего. Называлъ его шюкромъ, потому что мода-то онъ служилъ съ шюкерахъ; теперь же находился въ особомъ отдѣленіи. Пріятель мой еще продолжал много повороты, и въ концѣ концовъ остановился въ —

Впрочемъ и на рѣкѣ «сербской» была такъ многолюдная масса неголующій въ доселѣе похвалы. Въ лагерѣ было многолюдно человекъ, мѣтившихъ на периферію, на значаще вассала дѣла, на некоторость, на характеръ на умъ. Многимъ изъ такихъ дѣйствительно были люди умные, съ характеромъ, и дѣйствительно достигали того, на что мѣтали, то есть перемогая и заставляя того нравственнаго вліянія на своихъ товарищей. Между собою эти умники были часто большіе враги — и каждый изъ нихъ имѣлъ много ненавистниковъ. На прочихъ арестантовъ они смотрѣли съ состраданіемъ и даже съ снисходительностью, «сбръ» ненужныхъ не затѣвали, у начальства были на хорошихъ счету, имъ работати являлось какъ-будто распорядителни, и иногда изъ нихъ не стала бы придраться направишь за пѣсни; до такія малость они не унижались. Со мной всѣ такіе были замѣчательно вѣжливы, во все продолженіе каторги, но не очень разговаривали, темъ какъ-будто изъ достоинства. Объ нихъ тоже придется говорить подробнѣе.

Пришли на берегъ. Внизу, на рѣкѣ, стояла заморская въ водѣ старая барка, которую надо было пометъ. На той сторонѣ рѣки сивѣла стена; вѣдь былъ угрюмый и пустынный. Я ждалъ, что такъ еще и бродятъ за работу, но объ этомъ и не думалъ. Иные расхлѣли на салтыкля по берегу брезента и легли всѣмъ изложилъ на сапогъ кистей съ туземнымъ табакомъ, продававшимся на базарѣ въ ластахъ по три копейки за фунтъ, въ коротышнѣ пиджачное трубки съ маленькими деревянными трубками самодѣльной. Трубки «сапурились»: повойнице солдаты обтупили насъ кѣсье и съ скучающимъ видомъ прицѣпились къ стержнямъ.

— И что догадался пометъ эту барку? промолвилъ одинъ какъ бы про себя, ни къ кому впрочемъ не обращался. — Ще neckъ чтохъ захотѣлось?

— А кто насъ не боится, тотъ и дотадался, зашѣлилъ другой!

— Куда это мужичка-то валить? помолчавъ спросила первая, разувитая повалившись отъѣта на прежній вопросъ и унахлызавъ вдалека на толпу мужиковъ, пробравшись куда-то густою по цѣльному снѣгу. Всѣ лѣнливо оборотились въ ту сторону и съ нечего дѣлать принялись ихъ пересмѣивать. Одинъ изъ мужиковъ, послѣдній, шель какъ-то необыкновенно сѣдло, расставилъ руки и сѣловитъ забить голову, на которой была длинная мужичья шапка, греческимъ. Вся фигура его цѣлкомъ влекло обемчалась на бѣломъ снѣгу.

— Ишь братанъ Петровичъ, какъ оболосся! — зашѣлилъ снѣгъ, передразнивая выговоромъ мужиковъ. Вызвѣстало, что крестьяны всеобще смотрѣли на мужиковъ гнѣсною съмысломъ, и что половина изъ нихъ были изъ мужиковъ.

— Задній-то, ребята, ходитъ точно рѣдкую садити.

— Это гажкодумъ, у него дешого мого, зашѣлилъ третій.

Всѣ засмѣялись, но какъ-то тоже лѣнливо, какъ-будто сонно. Между тѣмъ подошла калашница, бѣлая и разбитая бабона.

У ней взяли калачей на подаанный пятакъ и раздѣлили тутъ же поровну.

Молодой паренъ, торговавшій въ острогѣ калачами, забралъ лентка два и хрипло сталъ сворать, чтобы выторговать три, а медя казача, какъ слѣдовало по обыкновенному порядку. Но плашница не соглашалась.

— Ну а того-то не дашь?

— Чего еще?

— Да чего мыши-то не ѣдятъ.

— Да чтобъ-те лавило! — взвизгнула бабонка и зашѣлилась.

Наконецъ появился и приставъ надъ работами, унтеръ-офицеръ съ палочкой.

— Эй вы, что расѣлись? Начивать!

— Да что, Иванъ Матвѣичъ, дайте уречь, проговорили одинъ изъ «начальствующихъ», медленно подымаясь съ мѣста.

— Чего лавеча на разводкѣ не спрашивали? Барку растащи, вотъ-те и уречь.

Кое-какъ наконецъ поднялись, и спустились къ рѣкѣ, едва влоча ноги. Въ толпѣ тотчасъ же появились и «распорядители»

на крайней нуждѣ на словахъ. Оказалось, что барку не тѣдова-
ло рубить еря, а надо было по возможности сохранить бревна
и въ особенности поперечныя жереры, прибывши по всей длинѣ
своей по одну сторону бревна деревянными гвоздями; — работа долгая и
скучная.

— Вотъ надѣть бы перво-наперво оттащить это бревнушко.
Принимайся; ребятѣ замѣтилъ одинъ, вовсе не расшорившись
и на начальствующій, а просто чернорабочій, бессловесный и ти-
хий малый, молчавшій до снѣга порѣ, и нагнувшись обхватилъ
руками толстое бревно, пожимая помощниковъ. Но никто не
цмалъ ему. — Ишь какой! —
— Да, подымешь небось! И ты не подымешь, да и пѣла
такой, медвѣдь, приди же тутъ не подымаетъ! — проворчалъ кто-то
сквозь зубы.

— Такъ чтожь, братцы, какъ начинать-то? я ужь и не
знаю.. проговорилъ озадаченный выскочка, оставивъ бревно и
приподнявъсь.

— Всякъ работа въ переработашь.. чего выскочить?

— Треть курамъ корму раздать обочтется, а туда же пер-
вый.. Свистота!

— Да я, братцы, ничего, отговаривался озадаченный: — я
только такъ..

— Да чтожь мнѣ на васъ чехлы пенадѣть, что ли? азь со-
мнѣ воеь ерякаете на зяму? крикнулъ опять приставъ, съ не-
доумѣиешъ смотря на двадцатиголовую толпу, незнавшую какъ
приняться за дѣло. — Начинать! скорѣй!

— Скорѣй скорого не сдѣлаешь, Иванъ Матвѣичъ..

— Да ты и такъ ничего не дѣлаешь, ай! Савельевъ! Раз-
говора не прозвать! тебѣ говорю: что стоишь, глаза продаешь!..
начинать!

— Да я чтожь одинъ сдѣлаю?..

— Ужь задайте урокъ, Иванъ Матвѣичъ..

— Сказано — не будетъ урка. Растащи барку в ъдѣи домой.
Начинать!

— Пришлось наконецъ, но вѣло, нехотя, неумѣло. Даже до-
садно было смотрѣть на эту здоровенную толпу дюжыхъ работ-
никовъ, которые камется рѣшительно недоумѣвали, какъ вѣиться
за дѣло. Только было принялся вынимать первую, самую ма-

моя куколка, — сказала лось, что она дома в саду, куда лосевский, как присяго, было въ оправданіе пристава; свидѣтели галъ была было работать, а надо было принятись лось-шабуда вые. Пошла лосев разсужденіе прошесть собой: томъ, какъ при- няться; шате, что дѣлать? Разумется мало, по малу дѣше до ругавъ, грозило, зейти и подальше... Приставъ опять прикри- чалъ и помахалъ палочкой, но шокера оцѣдъ сломалась. Оказа- лось двохомъ, что топоровъ мало и кто мало, она прически ка- кой-нибудь инструментъ. Тотчасъ же отрядили двухъ парней, пять комъ комъ, за инструментомъ въ крѣпость, а там, андалин, всѣ остальные преспонедмо устѣлись за баркѣ, а вынуди они тру- бочы в оцѣтѣ закурили, а там, андалин, андалин, андалин.

Приставъ наконецъ плонулъ, а там, андалин, андалин, андалин. — Ну, отъ васъ работа не займаетъ! Эхъ, народъ, народъ! — проворчалъ онъ сердито, махнулъ рукой и пошелъ въ крѣпость, похаживая палочкой.

Черезъ часъ пришелъ кондукторъ. Спроебно и выслушавъ арестантовъ, онъ объявилъ, что дѣсть на уроки минутъ еще че- тыре какоры, но дакъ, ягробъ ужъ онѣ не ломаются, а дѣлькоры, да сверхъ того, отаѣдилъ, разобрать значительную часть барни, съ тѣмъ, что тогда ужъ можно будетъ идти домой. Урокъ былъ башной, но, батюшницъ, какъ принялись! Куда дѣлалась дѣла, су- да дѣлось, недоумѣніе! Застучали топоры, начали вывертывать дедовыя гвозди. Остальные подиладывали толстые шесты и десаа на щихъ въ двадцать рукъ, бойко и мастерски выламывали какоры, которыя, къ удивленію моему, выламывались тре- веръ совершенно цѣлыя и неопорченныя. Дѣло шипѣло. Вѣ вдругъ какъ-то замѣчательно поутило. Ни, диншихъ словъ, ни ругани! всомъ, знакъ что едззать, что сдѣлать, куда стая, что посоветовать. Ровно за полчаса до барабана заданный урокъ былъ оконченъ, и арестанты, пошлѣ домѣй усталые, но совер- шенно довольные, хоть и выиграли все по тѣ, какъ-нибудь, по- л часа противъ указаннаго времени. Но относительно меня я замѣ- тилъ одну особенность: куда бы я ни прикнулся имъ, помогавъ во время работы, вездѣ я бывалъ поумѣста, вездѣ мѣшалъ, вездѣ меня, вуть, не съ брашью, отсидѣли прочь.

Какой-нибудь послѣдній обрывокъ, который ни самъ-то былъ самымъ плохимъ работникомъ и не смѣлъ быцзуть перелъ

другими материнскими, небойсьбы еще и потолкаешь, а тогда станешь свравать крикнуть на меня и прогнать меня, если я стану замахиваться на вас, тогда стану предлагать, что я ему отдамся. Не парецъ одинъ изъ бойскихъ прямо и грубо сказала мнѣ: куда идешь, слушайте слова! что соваться куда не спрашиватьте!

— Показала въ агъширять! тотчасъ же подхватывала другой. — А ты лучше кружну своимъ, — сказала мнѣ третій, — да и ступай сбравать на каменное построение, да на табашное раворение, а адъсь табъ нечего дѣлать.

Длинно пришлось стоять отдѣльно, а отдѣльно стоять, тогда въ работность, какъ-то съобщено. Но когда дѣйствительно такъ случилось, что я отошелъ и сталъ на конецъ барина, тотчасъ же закричали: — Вонъ какихъ надавали работныхъ; чего съ нами сдѣлаешь? Ничего не сдѣлаешь!

Все это разувѣется было нарочне, потому что всѣхъ что тишило. Надо было помолиться надъ бывшими дворянскими, а кажется они были рады случаю.

Очень невятно тежора, потому, какъ уже я говорилъ прежде, моравитъ спросить мою при наступленіи въ острогъ было: какъ дести себя, какъ поставишь себя передъ этими людьми? Я предположить, что часто будутъ у меня такія-же столкновения съ ними, какъ поверъ на работѣ. Но несмотря ни на какія столкновения, я рѣшился не мѣшкать алада моихъ дѣйствій, уже отчасти обдумавшаго мною въ это время; я зналъ, что онъ справедливъ. Именно: я рѣшилъ, что надо держать себя какъ можно прямо и независимо, отнюдь не выказывать особеннаго старанія сблизиться съ ними; но и не отвергать ихъ, если они сами помелаютъ обласканыя. Отнюдь не бояться ихъ угрозъ и шепидети и, по возможности, дѣлать видъ, что не замѣчаю того. Отнюдь не сблизиться съ ними на нѣкоторыхъ невѣстныхъ пунктахъ и не давать потачки нѣкоторымъ ихъ привычкамъ и обычаямъ, однимъ словомъ — не направляться самому на полное ихъ товарищество. Я догадался съ перваго взгляда, что они прежде претирали бы меня за это. Однако, по ехъ понятіямъ (и я узналъ это впоследствии наизусть), я все-таки долженъ былъ соблюдать и уважать передъ ними даже дворянское престоименіе мое, то есть нѣжиться, ласкаться, брезгать ими, сыркать на каждой шагъ, бидерушничать. Такъ именно они понимали что такое дво-

никогда. Они разумеется ругали бы меня за это, но все-таки узнала бы про себя: Такая роль была не по мнѣ; и никогда не была дворняшкой по ихъ понятіямъ; но зато я дала себѣ слово никакой уступкой не уступить передъ ними ни образованія моего, ни образа мыслей моихъ. Еслибъ я стала, мнѣ въ угоду, поддаться къ нимъ; соглашався съ ними; флихирничать съ ними гускаться въ разные ихъ качества; чтобъ выиграть ихъ расположение, — они бы тотчасъ же предположили, что и дѣлаю что въ страха и трусости и съ презрѣніемъ обманываю бы со мной. А — въ быль не примѣръ: они ходили къ маюру и она сама была съ его. Съ другой стороны, мнѣ и не хотѣлось завидывать передъ ними въ холодную и недоступную въ близости, какъ дѣлали вѣлки! Я очень хорошо видѣлъ теперь, что они презираютъ меня зато, что я хотѣлъ работать, какъ и они, не поддаться и не ломался передъ ними; и хоть я навѣрно зналъ, что потому они принуждены будутъ переимѣнить обо мнѣ свое мнѣніе, но все-таки мысль, что теперь они какъ-будто имѣютъ право презирать меня, думая, что я на работѣ завскаивалъ передъ ними, — эта мысль ужасно огорчала меня.

Когда вечеромъ, по окончаніи послѣ-обѣденной работы, я ширнулся въ острогъ, усталый и измученный, страшная тоска опять одолѣла меня. «Сколько тысячъ еще такихъ дней впереди, — думалъ я, — все такихъ же, все однихъ и тѣхъ же!» Молча, уже въ сумерки, скитался я одинъ за казармами, вдоль забора и вдругъ увидѣлъ нашего Шарика, бѣгущаго прямо ко мнѣ. Шарикъ былъ наша острожная собака, такъ, какъ бывають ротныя, батарейныя и эскадронныя собаки. Она жила въ острогѣ съ незапамятныхъ временъ, никому не принадлежала, всѣхъ считала хозяевами и кормилась выбросками изъ кухни. Это была довольно большая собака, черная съ бѣлыми пятнами, дворняшка, не очень старая, съ умными глазами и съ пушистымъ хвостомъ. Никто-то никогда не ласкалъ ея, никто-то никогда не обращалъ на нее никакого вниманія. Еще съ перваго же дня я поглядывалъ ее и въ рукъ далъ ей хлѣба. Когда я ее гладилъ, она стояла спиной, ласково смотрѣла на меня и въ знакъ удовольствія тихо нахала хвостомъ. Теперь, долго меня не видя, — меня, перваго, который въ нѣсколько лѣтъ вздумалъ ее приласкать, она бѣгала в отыскивала меня между всѣми, и отыскавъ за казармами, съ

внѣдомъ, пустилась мнѣ навстрѣчу. Уши и щеки, какъ дѣ со мной стало, и я д. бросился цѣловать ее, я обнялъ ее голову: она выскочила мнѣ передними лапками на плеча, и начала лизать мнѣ лицо. «Такъ вотъ другъ», котораго мнѣ посылають судьба!» — подумалъ я, в каждый разъ, когда потомъ, въ это первое тяжелое и угрюмое время, я возвращался съ работы, то прежде всего, не входя еще никуда, я сѣдывалъ за казармы, со скачущимъ впереди мной и визжающимъ отъ радости Шарикомъ, обхватывала его голову, а цѣловать, цѣловала ее, и какое-то сладкое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мушительно-горькое чувство, шло мнѣ въ сердце. И, конечно, мнѣ даже пріятно было думать, какъ будто казалась вѣрять, вобѣ своей же мужей, что вотъ, на всемъ свѣтѣ только и осталась теперь для меня одно существо, меня любящее, ко мнѣ привязанное, мой другъ, мой единственный другъ, — моя вѣрная собака Шарикъ.

ОБЛОДЪ ДУСТИВСКІЙ

Въ то время, когда я сидѣлъ за казармы, Шарикъ, вѣчно вѣсивъ на плечахъ свои лапки, и визжа отъ радости, лизалъ мнѣ въ лицо, и цѣловала мнѣ въ щеки, и цѣловала мнѣ въ губы, и цѣловала мнѣ въ глаза, и цѣловала мнѣ въ носъ, и цѣловала мнѣ въ уши, и цѣловала мнѣ въ волосы, и цѣловала мнѣ въ шею, и цѣловала мнѣ въ спину, и цѣловала мнѣ въ руки, и цѣловала мнѣ въ ноги, и цѣловала мнѣ въ все, что было у меня на теле, и цѣловала мнѣ въ все, что было у меня на одеждѣ, и цѣловала мнѣ въ все, что было у меня въ комнатѣ, и цѣловала мнѣ въ все, что было у меня въ саду, и цѣловала мнѣ въ все, что было у меня въ деревнѣ, и цѣловала мнѣ въ все, что было у меня въ мірѣ.

ПОКУДА

ПОВѢСТЬ

I

Какъ странно созданъ человѣкъ! Говорятъ — существо свободное... какой вздоръ! Я не знаю существа болѣе зависящаго: развитіе его ума, характера, его взглядъ на вещи, — все зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ. Разумъ, эта высшая способность человѣка, кажется данъ ему для того, чтобы глубже чувствовать собственное безсиліе и униженіе передъ случайностью.

Прежніе товарищи упрекаютъ меня, что я ничего не дѣлаю, говорятъ, что служеніе обществу есть долгъ всякаго честнаго человѣка. Я много спору съ ними по этому поводу. Счастливые люди! въ тридцать лѣтъ они сохранили юношескій пылъ и тѣ высокія вѣрованія, что такъ облагораживаютъ ошибки, за которыя я преслѣдую моихъ товарищей безпощадною насмѣшкой и чувствую злобную радость, когда замѣчаю, что слова мои дѣлаютъ на нихъ впечатлѣніе; но въ то же время въ глубинѣ души, гдѣ такъ много неизъяснимой печали, я имъ завидую. И много бы я отдалъ за упоеніе ихъ вѣры...

Я слишкомъ рано началъ жить, т. е. думать, наблюдать и разбирать людей, ихъ характеры, привычки и страсти.

Условія, при которыхъ сложился мой характеръ, какъ нельзя болѣе благопріятствовали такому результату. Съ дѣтства меня никто не любилъ; вся любовь и надежды матери и сестеръ были сосредоточены на старшемъ братѣ: то былъ красивый и бойкій мальчикъ, самолюбивый и надменный. Онъ былъ старше меня

двумя годами; каждый, кто видѣлъ насъ вдвоемъ, невольно дѣлалъ сравненіе, такъ невыгодное для меня, причемъ моя застѣчивость и неловкость еще сильнѣе бросались въ глаза, и тогда какъ брату расточали похвалы и ласки, обо мнѣ или забывали, или, что еще хуже, утѣшали. Съ тѣхъ поръ какъ я началъ сознавать себя, это обидное снисхожденіе было для меня невыносимо: зависть и вражда къ брату тлупоко запали въ мою дѣтскую душу.

Чтобы избѣжать неприятныхъ столкновеній съ домашними, я старался какъ можно болѣе отдаляться отъ всѣхъ; разъ и навсегда я принялъ эту мѣру и, несмотря на выговоры, даже наказанія, не выходилъ изъ своей комнаты. Дѣтей было много въ нашемъ домѣ: кромѣ насъ съ братомъ, трехъ сестеръ и дочери гувернантки, мать моя воспитывала еще двухъ дочерей своей умершей сестры, и ни съ кѣмъ изъ нихъ я не могъ сойтись. Напрасно гувернеръ и гувернантка старались заставить меня идти гулять выѣсть съ братомъ и сестрами, или играть въ садѣ: я упорно отказывался и сходилъ съ мнѣи только въ классной комнатѣ. Я всегда одинаково удовлетворительно зналъ мой урокъ, не заслуживалъ ни похвалъ, ни порицаній; разъ только я особенно хорошо отвѣчалъ на исторіи, которой всегда занимался съ любовью: учитель посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, началъ расхваливать въ похвалахъ и ставить мое прилежаніе въ примѣръ другимъ дѣтямъ, упрекая ихъ въ несправедливости ко мнѣ. Не знаю почему похвала эта показалась мнѣ слишкомъ поздною и обидною, и съ этого дня я старался какъ можно менѣе обращать на себя вниманія. Мать хотѣла отучить меня отъ этихъ странностей, но всѣ ея попытки остались безъ успѣха и она должна была примириться съ моимъ характеромъ, тѣмъ болѣе, что я никому не мѣшалъ. Я былъ такъ радъ, что меня оставили въ покоѣ! И скучно, однообразно проходило мое дѣтство: не освятили его ни ласки родныхъ, ни дружба сверстниковъ. По цѣлымъ часамъ я сидѣлъ въ моей комнатѣ, тогда какъ веселые голоса дѣтей и звонкій смѣхъ ихъ порой долетали до меня; я сидѣлъ одинъ, и сколько думъ проходило въ моей головѣ!.. Я такъ свыкъся съ этими думами, такъ полюбилъ ихъ, что онѣ сдѣлались для меня лучшимъ наслажденіемъ. Я особенно любилъ думать во время вечерней молитвы. Не знаю почему мнѣ такъ нравился этотъ торжественный часъ, когда даже ненави-

стая гувернантка не находила приложенія своей должности; напрасно смотрѣла она по сторонамъ, желая сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе: на всѣхъ лицахъ былъ покой и тишина. Я стоялъ обыкновенно позади всѣхъ; прислонясь къ стѣнкѣ и сложивъ руки, я уходилъ въ свой фантастическій міръ и вызывалъ любимые образы и событія. Но часто, когда съѣзжались гости, комнаты были ярко освѣщены, въ залѣ играла музыка, мои сестры, красивые и нарядныя, какъ бабочки порхали по гладкому паркету, мое сердце рвалось туда, я проклиналъ мое добровольное заточеніе: искушеніе было сильно; но я вспоминалъ моего ловкаго и счастливаго брата и преданныхъ ему сестеръ, вспоминалъ ихъ насмѣшки — и чувство ненависти, непримиримой вражды заглушало во мнѣ всѣ другія чувства. Я думалъ: они всѣ заодно, а я одинъ... И долго я плакалъ, потомъ отыскивалъ какія-нибудь книжки и начиналъ читать. Чтеніе развлекало и занимало меня; помню, какое наслажденіе доставляли мнѣ сказки: «Чудовище и красавица» и «Дѣвочка красная-шапочка». Я перечиталъ всѣ книжки нашей дѣтской бібліотеки, и когда въ свободныя отъ уроковъ часы мнѣ нечего было дѣлать, я снова принялся-было ихъ перечитывать, но уже не нашолъ и половины тѣхъ красотъ, которыя меня поражали съ перваго раза. Я даже началъ сомнѣваться въ дѣйствительности описываемыхъ происшествій. Какъ-то, перечитывая въ третій разъ «Чудовище и красавицу», я чувствовалъ усталость и скуку. Это было дѣломъ; мы жили на дачѣ. Съ досады я бросилъ книжку и пошелъ въ садъ; тамъ никого не было: мои сестры и братъ гуляли съ гувернанткой въ роцѣ. За садовой рѣшеткой я увидалъ крестьянскихъ мальчиковъ, играющихъ въ лошадки. Я съ завистью прислушивался къ ихъ шумному говору и рѣзкому смѣху, подумалъ немного о томъ, не лучше ли было бы, еслибы я родился въ крестьянской семьѣ, и не останавливаясь долго на этой мысли, я перелѣзъ плетень и просилъ ихъ принять меня въ свою игру. Но они мнѣ рѣшительно отказали, на томъ основаніи, что я баринъ, начали дразнить меня и гнать прочь, такъ что я впередъ не смѣлъ показаться въ ихъ кружкѣ. Но я на этомъ не остановился; мнѣ какъ-то удалось завести знакомство съ сыномъ нашего дворника, и черезъ его протекцію меня приняли въ свое общество крестьянскіе мальчики. Благодаря отсутствію всякаго надзора, ничто не мѣшало моимъ сношеніямъ съ новыми друзья-

ми; я зналъ, что еслибы узнала мать, то она не допустила бы этого, но я велъ дѣла свои осторожно, и лѣто для меня прошло очень весело и пріятно. Я смѣло рассчитывалъ на будущее.

Съ наступленіемъ зимы я снова принялся за чтеніе; на этотъ разъ я добрался до библіотеки моей матери. Мать читала не много, но выписывала всѣ лучшіе журналы, и я началъ читать всѣ новыя повѣсти и романы; правда, многого не понималъ, но читалъ съ наслажденіемъ.

Въ гостиной моей матери, гдѣ по необходимости я долженъ былъ иногда являться, часто бывали споры о всѣхъ этихъ книгахъ. Я съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался, думалъ и повѣрялъ свои собственныя понятія и наблюденія; книги замѣняли мнѣ совѣтниковъ и друзей: въ минуты огорченія и досады я обращался къ нимъ, углублялся до самозабвенія и находилъ мужество и силу, и все окружающее казалось мнѣ такъ глупо и смѣшно передъ тѣми характерами и событіями, о которыхъ я читалъ или воображалъ. Но и книги не всегда отвѣчали на тѣ вопросы и явленія, которые поражали меня и которые я искалъ въ нихъ разрѣшить: вѣроятно это сознаніе недостатка въ творчествѣ привело меня къ тому, что я рѣшился быть писателемъ. Мнѣ было тогда лѣтъ тринадцать; первымъ моимъ опытомъ въ литературѣ была драма: «Роковой кинжалъ». Сюжетъ ея былъ самый замысловатый. Дѣйствіе происходило въ Испаніи: герой, храбрый и благородный донъ Фернандо томится въ темницѣ, прекрасная донна изнываетъ въ разлукѣ тоже гдѣ-то въ заточеньи. Я очень трогательно изображалъ судьбу героевъ, погибшихъ въ цвѣтъ лѣтъ жертвою людскоіи несправедливости и злобы; все шло какъ по маслу до того мѣста, гдѣ герой бѣжалъ изъ темницы и пріѣхалъ освободить свою возлюбленную: онъ уже подставилъ лѣстницу и началъ пилить желѣзную рѣпотку, какъ вдругъ меня позвали въ классъ. Я кое-какъ сунулъ тетрадку подъ подушку моей постели и отправился. Когда я возвратился назадъ въ мою комнату, то не нашолъ своей тетрадки тамъ, гдѣ ее оставилъ; въ испугѣ я началъ рыться въ постели, растрепалъ всѣ мои пожитки, но всѣ усилія были напрасны: «Роковой кинжалъ» исчезъ. Я распрашивалъ прислугу, рылся во всѣхъ углахъ и не могъ придумать, куда дѣвалась моя тетрадка. Вѣрно взялъ братъ! — мелькнуло въ моей головѣ, и чѣмъ болѣе я размышлялъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ вѣроятности

такого предположенія. Эта мысль привела меня въ бѣшенство : я заперся въ моей комнатѣ и не выходилъ къ обѣду. Но всему бываетъ конецъ , и я успокоился , вообразилъ себя героемъ , котораго преслѣдуетъ злая судьба , и покорился. Я былъ увѣренъ , что рано или поздно мой добрый геній восторжествуетъ и нацѣлитъ моихъ враговъ. На другой день , какъ только я явился къ чаю , сестры переглянулись съ братомъ и расхохотались ; я не ошибся : они похитили и прочли мой «Роковой кинжалъ». Стыдъ , негодованіе и злость терзали меня , но я скрылъ все въ глубинѣ души и казался равнодушнымъ ; тѣмъ не менѣе сестры и братья переставали потѣшаться надо мною и даже стали называть меня «Роковой кинжалъ», о чемъ сообщили и гувернанткѣ. Тогда злость моя не имѣла границъ ; я сталъ придумывать , какъ бы отомстить моимъ злодѣямъ , и эта новая мысль врѣзалась въ мой мозгъ и не давала покоя. Я не спалъ ночи ; но все , что придумывалъ , казалось или неудобнымъ , или недостаточнымъ. Я остановился на томъ , что зарѣжу себя перочиннымъ ножичкомъ и оставлю имъ письмо ; я уже началъ сочинять это письмо , и оно выходило такъ трогательно , что читая его , я плакалъ навзрыдъ. Нервы мои были сильно раздражены : я не выдержалъ и занемогъ.

II

По выздоровленіи моемъ я сдѣлался еще задумчивѣе , еще сосредоточеннѣе ; я весь ушелъ въ свой внутренній міръ и много думалъ надъ самимъ собой. Я рѣшился поступать такъ , чтобы ни въ чемъ не упрекать себя : въ каждомъ словѣ , въ каждой мысли отдавалъ себѣ отчетъ , и оттого малѣйшая ошибка стоила мнѣ мучительнаго раскаянія. Въ то время въ домѣ нашемъ явилась новая личность : мать моя позволила гувернанткѣ взять къ себѣ своего сына изъ кадетскаго корпуса на время каникулъ. Павелъ былъ мнѣ ровестникъ ; у него былъ прямой и до невѣроятности вспыльчивый характеръ. Сначала вмѣстѣ съ братьями и сестрами онъ преслѣдовалъ меня насмѣшками и даже превзошелъ ихъ въ колкости и дерзости ; я встрѣчалъ эти гоненія довольно равнодушно : со времени моей болѣзни я сдѣлался спокойнѣе. Разъ какъ-то Павелъ поссорился съ одною изъ моихъ кузинъ и по-

жаловался на нее матери: я хорошо зналъ этот фактъ, въ которомъ виноватъ былъ Павелъ и оправдать дѣвочку передъ матерью. Въ припадкѣ горячности, Павелъ разбранилъ меня и назвалъ дѣвчонкой; обидѣе этого эпитета ничего не могло быть для меня; но я не возражалъ, не оправдывался и не мстилъ. Когда вспышка Павла прошла, ему было передо мной неловко: онъ пересталъ смѣяться надо мной и избѣгалъ меня. Я первый заговорилъ съ нимъ. Не помню хорошо, какъ это было. Помню только, что при первомъ моемъ словѣ Павелъ взглянулъ на меня съ изумленіемъ; повидимому онъ не ожидалъ, что я не сержусь на него, потомъ вдругъ бросился мнѣ на шею, обнялъ меня и заплакалъ. Съ этой минуты мы были друзьями.

Натура Павла была одна изъ тѣхъ страстныхъ, восторженныхъ натуръ, для которыхъ нѣтъ середины: онѣ или любятъ, или ненавидятъ, или подчиняются, или угнетаютъ; въ любви его ко мнѣ было что-то фанатическое: онъ безусловно вѣрилъ въ мою непогрѣшимость, во всѣхъ своихъ дѣлахъ требовалъ моего совѣта и поступалъ по немъ, не разсуждая. Такое рабство возмущало меня: я старался смягчить, облагородить наши отношенія; но онъ не хотѣлъ понять моей деликатности, и если я не просилъ его сдѣлать для меня что-нибудь, заступиться, когда мнѣ дѣлаютъ выговоръ, взять на себя мою вину, онъ толковалъ это по своему: сердился, выходилъ изъ себя, осыпалъ меня упреками, чрезъ нѣсколько времени извинялся, раскаявался, проклиналъ себя и нарочно дѣлалъ шалости, чтобы быть наказаннымъ; такимъ образомъ онъ мучилъ себя и меня. Это была глубокая, поэтическая личность съ огромными достоинствами и недостатками.

Какъ бы то ни было, но я много обязанъ этой дружбѣ и она безъ сомнѣнія имѣла вліяніе на мой характеръ. Высказывая ему свои душевные мысли и планы и встрѣчая полное сочувствіе, я былъ какъ-то самоувѣреннѣе; его мысли и намѣренія я всегда обдумывалъ и старался усвоить, если они мнѣ нравились.

Бывало лѣтнимъ вечеромъ въ рекреационное время, когда всѣ приготавливаютъ уроки на завтрашній день, а солнце свѣтитъ весело и влажный воздухъ вызываетъ изъ комнаты, — сердце мое полно сладкихъ ощущеній: я не могъ заучивать городовъ и рѣкъ и ходилъ по комнатѣ объ руку съ Павломъ съ тетрадкой въ рукахъ. Мы вслухъ мечтали о будущемъ, и сколько было вѣры

въ себя, сколько надеждъ въ этихъ свѣтлыхъ грезяхъ!.. Какъ часто потомъ; оставшись снова одинъ; я любилъ вспоминать объ этихъ вечерахъ...

По окончаніи каникулъ я просилъ мою мать позволить мнѣ видѣться съ Павломъ и она часто отпускала меня въ корпусъ и просила Павла приходить на праздники; такимъ образомъ наши дружескія отношенія продолжались до окончанія его курса. Съ поступленіемъ на службу, онъ уѣхалъ на Кавказъ, а я поступилъ въ университетъ. Сначала мы вели переписку; но интересы наши такъ разнились, что естественнымъ образомъ нельзя было поддержать ее. И порвалась между нами крѣпкая, дружеская связь: каждый пошелъ своей дорогой, весь отдаваясь теченію избраннаго пути, бросая на алтарь далекой цѣли все, что было личнаго, дорогого, милого.

Я слушалъ лекціи по юридическому факультету. Какое широкое поле дѣятельности открылось для горячей головы; жаждущей истины! Я любилъ науку для науки, чистой и безкорыстною любовью, и отдался ей съ увлеченіемъ всею силою души, помимо всякаго личнаго интереса. Мать сердилась на меня за то, что я отсталъ отъ общества, сдѣлался дикаремъ; мои манеры приводили ее въ отчаяніе. «На что ты похожъ? говорила она мнѣ. — Какъ я покажусь съ тобой въ свѣтъ? Меня всѣ будутъ упрекать; а развѣ я виновата? Вѣдь Анатолій братъ же тебѣ»... И она все болѣе и болѣе горячилась и осыпала меня упреками. Я слушалъ ее съ почтительнымъ вниманіемъ и не возражалъ: это еще болѣе сердило ее; она рѣшила наконецъ, что я потерянный, что изъ меня ничего не выдетъ. Въ этихъ выговорахъ для меня не было ничего новаго: я ихъ всегда ожидалъ и потому не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія, продолжая вести себя такъ, какъ внушало собственное благоразуміе, и избавилъ мать отъ непріятности являться со мною въ обществѣ.

Въ моемъ гордомъ одиночествѣ я привыкъ быть самостоятельнымъ, привыкъ не подчиняться авторитету, какъ бы онъ ни былъ высокъ; но я не былъ слѣпъ къ своимъ недостаткамъ и зналъ ихъ лучше всякаго другаго. Я давно научился думать, наблюдать характеры; но чѣмъ болѣе смотрѣлъ я на моего брата, этого идола семьи, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ своемъ нравственномъ превосходствѣ. Анатолій былъ неглупый малый, но пустой, дерзкій фатъ, притязательный и вздорный; я былъ

къ нему необыкновенно равнодушенъ: дѣтская невѣрильность исчезла безъ слѣда, а болѣе серьезнаго чувства онъ не могъ внушить мнѣ.

III

Братъ кончилъ курсъ въ университетѣ и готовился поступить въ военную службу; у него съ сестрами былъ совѣтъ: въ какой полкъ лучше поступить? Послѣ долгихъ преній всѣ единогласно рѣшили, что лучше уланскаго кивера ничего не можетъ быть, — и братъ поступилъ въ уланы. Сестры восхищались имъ. И въ самомъ дѣлѣ, военный мундиръ очень шолъ къ его высокому росту и стройному стану. Я самъ любовался имъ, когда онъ ѣздилъ верхомъ на статной лошади, или танцевалъ съ кузиной Нелли, самой красивой и граціозной изъ нашихъ дѣвицъ. Онъ являлся и на гуляньяхъ, и на балахъ всегда подлѣ Нелли, былъ любезенъ и предупредителенъ до мелочности; а дома, когда не было гостей, они постоянно ссорились.

Передъ однимъ баломъ, сидя одинъ въ гостиной, я услышалъ въ сосѣдней комнатѣ споръ Анатолія съ его товарищемъ Тѣшинымъ, который былъ очень близокъ въ нашемъ домѣ, — кому быть кавалеромъ Нелли. Нелли была на сторонѣ Тѣшина; но Анатолій требовалъ, чтобы она была съ нимъ, на томъ основаніи, что она уже нѣсколько разъ имѣла своимъ кавалеромъ Тѣшина, что это замѣтять — и будутъ говорить.

Нелли надулась и сказала, что она будетъ со мной. Всѣ удивились странности явиться съ такимъ букой: онъ еще сдѣлаетъ пожалуй какую неловкость, да поѣдетъ ли еще онъ? — Нелли была непреклонна. Наконецъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ; въ залѣ остались только Тѣшинъ и Нелли. Подали огня. Нелли стала играть на фортепьяно, офицеръ сѣлъ подлѣ нея. Я сидѣлъ въ темной комнатѣ противъ двери и смотрѣлъ на нихъ; мною овладѣла пріятная лѣнь, звуки *Carnaval de Venise* едва перебирали моими чувствами; я былъ въ состояніи непонятнаго довольства и покоя, такъ что еслибы мнѣ сказали въ эту минуту, что я долженъ завтра идти на смерть, — я не испугался бы. На душѣ у меня было свѣтло и весело. Передо мной какъ въ туманѣ рисовались двѣ стройныя фигуры.

— Довольно, перестаешь играть, сказала Тѣшинъ, взявъ руку Нелли, и голова его такъ близко наклонилась къ ней, что черные его волосы коснулись ея плеча. Звуки *Capnaval de Venise* замерли, будто порвались; лицо Тѣшина прильнуло къ обнаженному щеку Нелли. Стѣны и стулья закружились у меня въ глазахъ, дыханіе замерло.

— Какъ ты хороша, Нелли! сказала молодой человѣкъ.

— Перестань болтать вздоръ! сказала Нелли, вставая со стула. Онъ обнялъ ее и они начали ходить по комнатѣ.

— Отчего ты непременно хочешь имѣть своимъ кавалеромъ Александра Федорыча?

— Для контраста, отвѣчала она, смѣясь весело.

— Плутовка! проговорилъ молодой человѣкъ.

— Миѣ пора одѣваться, сказала Нелли.

— погоди, еще успеешь: я такъ рѣдко вижу тебя одну. И онъ впрянулъ ее къ себѣ; но она вырвалась и смѣясь бросилась въ комнаты. Она скользнула мимо меня, ея платье махнуло по креслу, на которомъ я сидѣлъ, и при этомъ движеніи струя воздуха какъ-то освѣжительно коснулась моего лица.

— Ты сегодня поѣдешь съ нами на балъ? спрашивала меня Нелли, совѣтъ одѣтая выходя въ залу.

Я отказывался сколько могъ.

— Неправда, ты поѣдешь, ты долженъ ѣхать: я буду съ тобой танцевать цѣлый вечеръ. Она обвиняла мою шею бархатными руками; быстрые глазки ея свѣтились такъ близко, что у меня кружилась голова.

— Ну чего тебѣ стоитъ съѣздить? Ты слѣлаешь миѣ этимъ огромное удовольствіе, говорила она, и голосъ ея звучалъ особенно ѣжко и мягко. — Ты не откажешь, когда я прошу тебя такъ искренно! Ты такъ уменъ... прибавила она съ хитрою улыбкой.

Я согласился.

Мы скоро отправились; въ каретѣ насъ сидѣло четверо: я съ Нелли, Тѣшинъ и одна изъ сестеръ. Тѣшинъ сидѣлъ противъ Нелли: всю дорогу они болтали. Я молчалъ; въ головѣ моей былъ какой-то туманъ: недавно видѣнная сцена за фортепьяно такъ и мерещилась въ глазахъ. Спутники мои заговорили о предстоящей свадьбѣ одной изъ моихъ сестеръ.

— А вы скоро выдете замужъ? спросилъ Тѣшинъ Нелли.

— Скоро, отвѣчала она съ увѣренностью.

— А за кого? Можно узнать?

— За одного старичка.

— Для контраста? — вырвалось у меня.

Нелли засмѣялась.

Таковы были женщины, которыхъ я встрѣчалъ. Онѣ не могли внушить симпатіи. Гдѣ же та женщина, о которой я мечталъ, не воздушная, блестящая нимфа, не образецъ кротости и смирения, а женщина-человѣкъ, со всеми человѣческими достоинствами и недостатками? Вопросъ о ея судьбѣ волновалъ и мучилъ меня, и какъ часто сердце мое болѣло за нее!.. И вотъ наконецъ явилась она: она не бросилась мнѣ въ глаза съ перваго раза и не поразила меня ничѣмъ; можетъ-быть при другихъ обстоятельствахъ я прошолъ бы мимо, не замѣтивъ этой прекрасной души. Въ жизнь мою я не встрѣчалъ подобной женщины! — Я зналъ женщинъ умнѣе, добрѣе, прекраснѣе, но не встрѣчалъ другой Зенaidы. Было что-то особенное, самобытное въ ея характерѣ и образѣ мыслей. Я познакомился съ ней, когда она была невѣстой брата: это не мѣшало мнѣ не обращать на нее вниманія до тѣхъ поръ, пока я не узналъ ее короче.

Въ то время я кончилъ курсъ въ университетѣ и только-что началъ служить, только-что встрѣтился лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, на которую до сихъ поръ смотрѣлъ сквозь разовую дымку утренней зари. Въ то время все въ нашѣмъ обществѣ волновалось и стремилось впередъ съ какой-то лихорадочной поспѣшностью, какъ бы желая вознаградить даромъ прожитое время. Каждый видѣлъ, сколько у насъ накопилось дѣла и сколько предстоитъ нерешенныхъ вопросовъ. Я видѣлъ какъ падаетъ величайшее изъ золъ — рабство, но сердце мое не рдовалось: я зналъ какъ глубоко вросли въ нашу почву корни этого рокового зла и какъ много нужно усилій, чтобы отыскать и вырвать ихъ. Они пробрались во всѣ слои нашего общества и опутали его тонкою, крѣпкою сѣтью: ихъ не выдернуть безъ боли цѣлому организму. Я вѣрилъ, что молодое поколѣніе съ благороднымъ самоотверженіемъ приметъ общими силами искоренять все, что есть у насъ негоднаго и вреднаго, и гордая мысль о своемъ участіи въ дѣлѣ общественнаго преобразованія было моимъ нравственнымъ двигателемъ: на ней сосредоточились всѣ мои желанія и надежды; но каково было мое разочарованіе, ко-

гда я поступилъ на службу! Я узналъ, что въ продолженіе многихъ лѣтъ я долженъ довольствоваться на поприщѣ служебной дѣятельности скромной ролью переписчика. Помимо этой механической работы я пытался заявить мою мысль: но мени встрѣтили насмѣшками, наградили эпитетомъ *высочки* и — только: протесты мои ничего болѣе не вызвали, можетъ-быть потому, что не умѣлъ взяться за дѣло. Какъ бы то ни было, но сердце мое было и болѣло. Я видѣлъ, какъ мимо безнаказаннаго зла, которое привело бы въ негодованіе каждаго свѣжаго человѣка, проходили люди съ почтеннымъ именемъ и огромнымъ вѣсомъ, не замѣчая его, или не желая замѣтить. Съ невозмутимымъ равнодушіемъ смотрѣли они на все, что дѣлалось передъ глазами: казалось, ничто не могло возбудить не только ихъ участія или симпатіи, но даже удивленія. Два года моего существованія на службѣ никому ничего не принесли, и мнѣ самому стаповилось въ тигость; но я не падалъ духомъ и все чего-то ждалъ, все на что-то надѣялся. Мнѣ приходилось встрѣчать людей съ возвышенными стремленіями, людей, которые умѣютъ какъ-то сдѣлать свое существованіе полезнымъ, — и этихъ немногихъ явленій было довольно, чтобы освѣжить меня. Я пытался быть полезнымъ помимо служебной дѣятельности и тутъ только увидалъ, какъ мало я знаю жизнь и общество, среди котораго жилъ. Гдѣ же я былъ столько лѣтъ? Чему учился? Къ чему готовился? Я былъ юристомъ и долженъ былъ надолго сложить свой знанія и смотрѣть безъ участія какъ совершаются дѣла, рѣшающія судьбу людей, которыхъ я любилъ горячей, безпредѣльной любовью. Я долженъ былъ еще многому учиться, чтобы быть человекомъ. Переписывая бумаги и съ особенной злостью выводя слова: «*поелику*» и «*яко*», я прибрѣталъ знаніе людей и терялъ вѣру въ будущее, въ самого себя. Но чтобы не имѣть причинъ упрекать себя въ лѣни или недостаткѣ характера, я продолжалъ служить. Начальнику не нравилось во мнѣ многое: моя манера вступать въ разговоръ со старшими, совершенно некстати высказывать свое мнѣніе и еще болѣе странная и совсѣмъ неумѣстная привычка — противорѣчить.

Впрочемъ начальникъ мой Трифонъ Аванасьячъ былъ человѣкъ добрый и кроткій; но при всемъ своемъ великодушіи онъ не могъ мнѣ извинить дурного почерка и ставилъ въ примѣръ долговязаго и извилистаго Лутушкина, что въ столѣ у Ивана

Иваныча. Въ самомъ дѣлѣ, Лутошкинъ имѣлъ восхитительный почеркъ и никогда не зналъ соперниковъ въ каллиграфіи; я могъ только завидовать ему. Но вскорѣ и я переписывалъ, если не красиво, то довольно чисто, какъ выражался мой начальникъ, которому наконецъ вздумалось выйти въ отставку, къ совершенному моему удовольствію, тѣмъ болѣе, что на его мѣсто поступилъ человекъ рыцарской чести. Это былъ статный, красивый господинъ лѣтъ тридцати; въ его манерахъ была какая-то рѣзкость и нетерпѣливость, во всей наружности столько увѣренности и отваги, что хватило бы на десять такихъ молодцовъ. Вообще физіономія Сергѣя Петровича Зеленовскаго папониала собою разбойника. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ человекъ примѣрной чести между чиновниками; онъ не только не бралъ взятокъ, но отказывался даже отъ жалованья. Когда нѣкій господинъ вздумалъ *поблагодарить* его за что-то, Зеленовскій пришелъ въ ярость и грозилъ отдать его подъ судъ; въ эту минуту онъ былъ прекрасенъ, какъ воплощеніе гнѣва и презрѣнія, и произвелъ эффектъ; все чиновничество нашего департамента пришло въ трепетъ и уныніе; но это впечатлѣніе скоро разсѣялось. Зеленовскій цеглижировалъ службой; онъ пріѣзжалъ въ департаментъ въ 12 часовъ утра на парѣ красивыхъ играющихъ лошадей, которыхъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ; въ присутствіи, посвящая, ходилъ по комнатамъ, садился для разнообразія на столъ, или на окно, очень неохотно принимался за бумаги, не думая, что часто однимъ почеркомъ пера рѣшаетъ судьбу людей. Съ чиновниками онъ обращался возмутительно-небрежно; его отвѣты и приказанія были коротки и отрывисты. Вообще его поступленіе не произвело существенной перемены. Подчиненные скоро примѣнились къ его характеру и ловко обманывали цоваго начальника, смѣясь между собою надъ его недалекостью.

Разъ какъ-то возвратясь изъ департамента очень не въ духѣ, я встрѣтилъ у насъ Зенаиду. Она сидѣла въ залѣ подлѣ Пелли, которая играла на фортепяно. Облокотясь на спинку кресла и поддерживая голову, Зенаида сидѣла неподвижно; въ выраженіи ея лица, въ тоскливомъ взглядѣ, было столько серьезной печали и той безсильной покорности, за которой видна цѣлая без-

дна отчаянія, что мнѣ стало неловко. Я остановился въ дверяхъ и не зналъ, — идти ли въ комнату, или вернуться. Она замѣтила меня, я подошелъ. Зенаида, улыбаясь, протянула мнѣ руку и о чемъ-то заговорила, но я ничего не понимаю. «Отчего это она такъ печальна?» вертѣлось у меня въ головѣ. Вошелъ братъ. Нелли зашла по его просьбѣ давно наскучившій мнѣ романсъ: «*Что такъ сильно, сердце, бьешься*». У нея былъ хорошій голосъ и она шла съ особеннымъ выраженіемъ, которое искупало пустоту содержанія.

— Вздоръ! сказала Зенаида какъ бы невольно, когда сестра пропѣла: «*Воля счастья не даетъ*».

— Отчего? спросилъ Апатолій.

— Воля не даетъ счастья! Такъ что же его даетъ?!

— Вы такъ часто ратуете за свободу, Зенаида, какъ-будто оно непремѣнное условіе счастья.

— Конечно.

— Ужъ только никакъ не для женщины.

— Женщина должна слѣпо подчиняться, слѣпо вѣрить, сказала одна изъ сестеръ.

Зенаида молчала. По лицу ея пробѣжала презрительная усмѣшка.

Я вдругъ заспорилъ съ братомъ по этому предмету. Мы спорили такъ долго и съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти одного изъ насъ. Чѣмъ болѣе горячился и выходилъ изъ себя мой противникъ, тѣмъ удачнѣе я бралъ надъ нимъ верхъ и тѣмъ серьезнѣе и печальнѣе становилась Зенаида. Весь этотъ вечеръ она была задумчива, разсѣянна и рано ушла домой. Она не говорила со мной ни слова, но прощаясь, крѣпко пожала мнѣ руку и съ этого дня ея внимательный взглядъ съ выраженіемъ любопытства останавливался на мнѣ. Я никогда не искалъ случая говорить съ Зенаидой, но внимательно вслушивался, когда она говорила съ другими, и все болѣе и болѣе находилъ въ ней достоинствъ. Я немогъ понять, что свело Зенаиду съ моимъ братомъ; между ними было такъ мало общаго; она была очень умна и такъ правильно смотрѣла на вещи: что же ей нравилось въ этомъ фанфаронѣ, котораго она не могла уважать? Дѣло было такъ просто. Мать Зенаиды была капризная и вздорная старуха, зараженная нелѣпыми предрасудками. Ея строгость въ отношеніи къ дочери доходила до смѣшного. Му-

дрено ли, что молодой дѣвущкѣ хотѣлось вырваться на волю? Но въ то время я иначе смотрѣлъ на поступокъ Зенаиды: я видѣлъ въ немъ отвратительную ложь и гнусную безнравственность. Я позабывалъ, что положеніе женщины безвыходно, что это лежитъ въ семействѣ, что ложь — единственная ея оборона противъ деспотизма главы семейства.

Въ воспитаніи, которое дѣлаетъ ее ни на что неспособной и ничкѣ чему негодной кромѣ паркета, въ предрассудкахъ общества, которое готово закидать грязью и оттолкнуть женщину за всякое ея свободное дѣйствіе, порицая ее въ уклоненіи отъ какихъ-то природныхъ обязанностей и отбивая у ней всякую охоту къ труду, а слѣдовательно и къ самостоятельности, — лежитъ начало рабства. Женщина выходитъ замужъ, чтобы имѣть вѣрное средство къ жизни, или скорѣе вырваться на волю; но она горько ошибается, потому что рабство, неутомимо преслѣдуя ее, является и тутъ, но въ другихъ формахъ. Тоже случилось и съ Зенаидой.

IV

День свадьбы моего брата приближался. Зенаида казалась спокойною, или это только казалось. Братъ долженъ былъ жить послѣ свадьбы уже не съ нами, что очень огорчало сестеръ; онѣ просили его провести дѣто вмѣстѣ на дачѣ. Наконецъ день свадьбы насталъ; это было въ іюнѣ. Помню я, было свѣтлое, ясное утро. Я всталъ рано; въ домѣ была суматоха, прислуга убирала комнаты, сестры хлопотали за туалетомъ. Я сидѣлъ одинъ въ моей комнатѣ и думалъ о Зенаидѣ. Неизъяснимая тоска терзала мое сердце и страшныя предположенія волновали умъ. Когда я серьезно подумалъ о своей грусти, она показалась мнѣ странною и неумѣстною, да и самъ-то я смѣшонъ, такъ что я старался скрыть ее отъ самого себя. Я взялъ ружье и пошелъ въ лѣсъ; но сердце болѣзненно ныло и слезы просились на глаза. Отчего же въ самомъ дѣлѣ мнѣ не жалѣть Зенаиду? Кому какое дѣло до меня? Никто ничего не пойметъ, ничего не замѣтитъ...

И возвратился изъ лѣсу часовъ въ десять вечера. Домъ нашъ былъ ярко освѣщенъ, въ саду горѣли плошки, толпы любопытныхъ тѣснились около дома, стараясь заглянуть въ окно, откуда

слышались звуки бальной музыки. Я пробрался въ мою комнату через садъ ; меня никто не замѣтилъ. Звуки оркестра , веселые голоса гостей , шумъ подъѣзжающихъ экипажей и визгъ любопытныхъ кумушекъ сливались въ одинъ странный гулъ и неистово терзали мой слухъ . Сквозь эту адскую музыку мнѣ слышался плачь и ропотъ собственнаго сердца ; мнѣ хотѣлось бѣжать , уйти отъ своей печали , отъ самого себя...

Съ наступленіемъ почти шумъ утихалъ повсюду , толпы дюбодытныхъ рѣдѣли . Начало свѣтать , когда я вышелъ на улицу . Влажный воздухъ охватилъ мою разгоряченную голову и лизалъ грудь живительной струей . Широкій просторъ полей манилъ меня къ себѣ на лоно всеобъемлющей тишины и покоя . Около дома почти никого не было ; кучера покачивались на козлахъ ; глубокая дремота замѣнила оживленную бесѣду . Заспанный и сердитый лакей появлялся иногда у экипажа и , немилосердно ждая , отъскидывалъ свою карету . Тишина прерывалась стукомъ колесъ подъѣзжавшаго къ крыльцу экипажа ; въ него бросалась разряженная барыня съ блѣднымъ , утомленнымъ лицомъ и помятымъ платьемъ ; стукъ затворенной дверцы раздавался рѣзко , однако , затѣмъ слышался шумъ быстро отъѣзжающаго экипажа ; шумъ этотъ постепенно замиралъ и опять наступала тишина . Я вышелъ вонъ изъ деревни . Все тихо и пусто , кругомъ ровное , гладкое , широкое пространство , кой-гдѣ окаймленное лѣсомъ , котораго черныя зубчатые вершины рѣзко рисуются на голубомъ фонѣ неба . Ночныя тѣни бережно приподнимаются ; все притаялось , будто замерло въ благоговѣйномъ ожиданіи . Въ этой простой , однообразной картинѣ , въ этой таинственной тишинѣ было что-то величавое , неизъяснимо-прекрасное . Чувство восторженнаго умиленія охватило мою душу ; въ ней не было мѣста личнымъ желаніямъ и страстямъ . Бѣдный сынъ праха , я чувствовалъ силу генія въ развернутомъ передо мной художественномъ произведеніи ! Я остановился какъ вкопанный , сложивъ руки и устремивъ глаза на раскинувшійся надо мной широкій сводъ , и чудилось мнѣ , что кто-то глядитъ на меня оттуда глубокимъ , пронизательнымъ взглядомъ...

V

Цѣлую недѣлю шолъ проливной дождь. Казалось природа плакала съ неудержимымъ отчаяніемъ, и наплакавшись до истощенія силъ, отдыхала, какъ больная. Наконецъ солнце какъ-то особенно привѣтливо и томно выглянуло изъ-за толпы блуждающихъ безцѣльно облаковъ, но не вдругъ начало обогрѣвать землю: оно нехотя, небрежно бросало яркіе лучи, разсыпалось брильянтами въ дождевыхъ капляхъ и снова пряталось за встрѣчныя облака. Только къ вечеру, когда облака совершенно разсѣялись, оно съ радостнымъ трепетомъ залило теплыми лучами все, что ни попадалось на пути. Но я не слишкомъ обрадовался солнцу, я находилъ особенную прелесть въ ненастьѣ. Въ наслажденіи ненастьемъ я находилъ что-то серьезное и глубокое, чего не промѣнялъ бы за безпечное веселье, которое наводитъ веселое сіянье солнечныхъ лучей. Вотъ почему я не спѣшилъ воспользоваться хорошимъ вечеромъ и остался дома, когда всѣ ушли гулять. Я долго ходилъ по комнатамъ. Я какъ-то особенно любилъ быть одинъ въ домѣ; хорошо и привольно быть одному и думать: это не то-что запереться въ тѣсной комнатѣ, какъ это я часто дѣлалъ подъ предлогомъ занятій, когда хотѣлось думать. Я обошелъ весь домъ и мнѣ захотѣлось войти въ комнату Зенаиды. Я вошелъ. Я никогда не былъ въ этой комнатѣ. Въ ней было довольно безпорядка, и это мнѣ понравилось: я имѣлъ отвращеніе къ нѣмецкой акуратности. Я сѣлъ на диванъ перель рабочимъ столикомъ, и задумался о Зенаидѣ. Благодаря дурной погодѣ, которая не выпускала изъ комнаты, члены семейства въ это время болѣе имѣютъ случая высказываться и сталкиваться между собою. Разница въ характерахъ Анатолія и Зенаиды съ каждымъ днемъ становилась очевиднѣе. Анатолій, мелочной и завистливый, не выносилъ ея превосходства онъ старался уничтожить ее, въ пустякахъ показывалъ свою власть, придирался къ ея словамъ, къ самымъ незначительнымъ поступкамъ и толковалъ ихъ въ дурную сторону. Съ своей стороны Зенаида хотѣла поставить себя внѣ всякой власти; я удивлялся ея умѣнью давать иногда самому щекотливому разговору шуточнѣйшій оборотъ или поставить своего противника въ такое положеніе, что онъ

мы должны согласиться, или явно выказать свое невѣжество. Во всякомъ случаѣ она умѣла сохранить свое достоинство; но тѣмъ не менѣе, положеніе ея было незавидно. Между Зенаидой и моимъ братомъ завязалась тайная вражда, непонятная можетъ быть для нихъ самихъ; она быстро развилась и не общала ничего добраго.

Голоса въ саду заставили меня обернуться къ окну: Зенаида и Аватолій рука объ руку шли по дорожкѣ. Они живо разговаривали и смѣялись, и сколько искренности было въ этомъ весельѣ! Я невольно залюбовался на эти красивыя молодыя лица; къ моему удивленію мысли разсѣялись. Впечатленіе было сильно; въ эту минуту я былъ близорукъ: мысль моя не шла далѣе этой гладкой, свѣтлой поверхности.

Я долго еще оставался въ этой комнатѣ, гдѣ все, начиная отъ перевернутой книги до брошенной на диванѣ мантильи, которую сегодня я видѣлъ на ней, все говорило о недавнемъ присутствіи хозяйки. Вдругъ дверь быстро отворилась, и Зенаида вошла въ комнату. Въ жизнь мою я не былъ такъ сконфуженъ.

— Вы здѣсь зачѣмъ? спросила она весело, подходя ко мнѣ и смотря на меня пристально.

— Я... я... искалъ карандашъ.

— И ищете на диванѣ, сложа руки? Много же вы найдете! Сказывайте, зачѣмъ пришли? продолжала она настойчиво.

Я смѣшался и не помню, что отвѣчалъ.

— Такъ-то? сказала она, погрозивъ мнѣ пальцемъ. — Хорошо! Да чтожь вы стоите? Вотъ хоть бы помогли одѣться.

Она подала мнѣ свой бурнусъ.

— Ну теперь пойдите гулять. Что вы все сидите въ комнатѣ!

— Пожалуй пойдите, отвѣчалъ я равнодушно.

— Отчего это вы такъ невеселы? спросила она, когда мы вышли въ садъ.

— Чему-жь мнѣ радоваться?

— Не радоваться, но быть, какъ всѣ. Знаете ли что? Мнѣ давно хотѣлось съ вами говорить. Вы отличный человекъ, но вы большой эгоистъ. Васъ нужно исправить и тогда изъ васъ будетъ что-нибудь хорошее. Отчего вы бѣгаете людей? Это невротично, потому что такихъ людей, какъ вы, немного.

Я замѣлялся. — Хандрить не хорошо! сказала она, не обращая вниманія на мой смѣхъ.

— Вы кажется хотите привести меня на путь истинный? оказывай я по-злостию.

Зенаида молчала. На лицѣ ея не было и тѣни досады.

— Вы хотите щеголить сердцемъ, продолжалъ я. — Это старая штука!

Она молчала. Лицо ея было спокойное и грустное.

Мы встрѣтились съ сестрами и я ихъ оставилъ.

На душѣ моей легло какое-то горькое, безпокойное чувство; большое сердце выло отъ неосторожнаго прикосновенія. Что она ко мнѣ пристасть? Что ей нужно? — думалъ я, и меня разбирала слеза.

Я долго гулялъ въ рощѣ и возно вечеромъ, возвращаясь домой, я увидалъ Зенаиду. Она сидѣла у воротъ на скамейкѣ и слегка покачивалась на мѣстѣ, какъ это было всегда, когда она задумывалась. По мѣрѣ того какъ я подходилъ, враждебныя чувства мои къ этой женщинѣ смѣшались съ другими, противоположными чувствами, внезапно нахлынувшими при взглядѣ на нее. Голова моя шла кругомъ, сердце замирало: я готовъ былъ броситься передъ нею на колѣни, излить мою душу... Но я опомнился и прошелъ быстро, не взглянувъ на нее.

— Александръ, крикнула она мнѣ вслѣдъ: — подите сюда!

Я остановился, не вѣривъ ушамъ и не обернувшись назадъ до тѣхъ поръ, пока снова не услышалъ: — Александръ, подите сюда!

Я подошелъ.

— Вы сердитесь? сказала она и протянула мнѣ руку. — Не ирритесь! — И въ выраженіи голоса, съ которымъ были сказаны эти простые слова, въ выраженіи ея свѣтлыхъ глазъ — было столько искренности, участія и симпатіи... Я горячо цѣловалъ ея руку и не знаю чѣмъ бы кончилъ эту сцену, еслибы она не прервала меня:

— Пойдемте домой! Поздно, сказала она.

Мы пошли. Она о чемъ-то заговаривала; я слушалъ ея голосъ и ловилъ слова, не разбирая смысла: сердце мое было полно безотчетнаго довольства. Мы вошли въ домъ. Она пошла на балконъ: я слѣдовалъ за нею, не отдавая себѣ отчета, для чего

я это дѣлать. Мы много говорили. Я никогда не забуду этого вечера. Погода была недурна: ночь самая обыкновенная, но тѣмъ не менѣе прекрасная, прекрасная своей примиряющей тишиной, своею торжественностью. Деревья сада тихо качали кудрявыми вершинами и сѣтка ихъ тѣни слегка шевелилась на полу балкона. Красивая голова моей собесѣдницы и вся ея грациозная фигура четко рисовалась въ полумракѣ; мягкій воздухъ будто гладилъ меня по лицу и чувство наслажденія разлилось у меня въ груди: то же чувство свѣтлосось въ неподвижномъ, будто забывшемся взглядѣ Зенаиды. Я былъ готовъ согласиться, что жизнь прекрасна, что въ ней много высокихъ наслажденій, и можетъ-быть въ это время нефальшиво понималъ ея простой, глубокий смыслъ.

— Да, хорошо жить на свѣтѣ! сказалъ я.

— Тому, кто умѣетъ находить хорошее и пользоваться имъ, отвѣтила Зенаида, и будто въ подтвержденіе ея словъ изъ залы пронеслись звуки «ортепяно»: Нелли пѣла «Гондольеръ молодой». Я очень люблю эту пѣсню: слова ея, выраженіе, съ которыми они были пропѣты, затронули мое сердце и зарождали въ него чувство самонадѣянности и допольства. Я вѣрилъ въ возможность счастья, а время шло и безвозвратно уносило вмѣстѣ съ собою будничной жизни все, что въ ней было рѣзкаго и дорогого...

VI

Зенаида пыталась внести смыслъ въ домъ моей матери, окружила себя людьми съ здравыми понятіями, съ новыми воззрѣніями: то были большею частью молодые люди безъ громкихъ именъ и связей, съ одними личными достоинствами. Она много читала и почти никуда не выѣзжала: все это сильно не нравилось моей матери и она привисывала ея занятія и поступки желанію показать себя достойнѣе ея дочерей и племянницъ, воспитаніемъ которыхъ очень гордилась. Сестры отдалялись отъ Зенаиды и по своему обсуживали и осмѣивали ея слова и поступки. Зенаида съ обыкновеннымъ своимъ тактомъ, полнымъ достоинства и благородства, отстаивала себя и, всегда вѣрная себя, твердо шла своимъ путемъ, несмотря на мелкія оскорбленія и придирки.

Явленіе этой личности произвело сильное впечатлѣніе въ нашемъ семействѣ; каждый волею или неволею чувствовалъ ея вліяніе. Я видѣлъ въ Зенаидѣ мой идеалъ женщины; ея жажда дѣятельности и знаній, мечтавъ о свободѣ, презрѣнію пустоты и мелочности — я горячо сочувствовалъ.

— Нѣтъ, вы не правы, сказала мнѣ Зенаида, когда я говорилъ ей о моихъ безплодныхъ трудахъ, растроченныхъ напрасно силахъ: — у жизни есть цѣли, для которыхъ можно отдать жизнь, есть мгновенія, за которыя можно много и долго страдать.

— Укажите мнѣ эти цѣли, дайте мнѣ эти мгновенія! сказалъ я въ порывѣ невыразимой тоски.

Она молчала.

— Чѣмъ же заплатитъ мнѣ жизнь за всѣ вѣрованія, которыя она отняла, — говорилъ я, — за всѣ благородныя стремленія, которымъ она посмѣялась?

— Такъ вотъ оно что! Вы хотите торговаться съ жизнью и боитесь проиграть... Вы слишкомъ мелочны, слишкомъ расчетливы и себялюбивы: вы не стоите лучшей участи.

— Развѣ я говорю о возмездіи? — Я только хочу видѣть результатъ моихъ усилій...

— Ждите.

— Чего же ждать, когда все пошло прахомъ?

— Значитъ вы не умѣете взяться за дѣло. Гдѣ вашъ проектъ объ арестантахъ?

— Не приняли.

— А статья о приходскихъ училищахъ?

— Все пошло къ чорту!

Зенаида задумалась. Я смотрѣлъ на нее съ какимъ-то злобнымъ, горькимъ торжествомъ. Она ушла на балконъ. Я долго сидѣлъ одинъ и думалъ, но мало-помалу всѣ горькія чувства успокоились и улеглись въ моей груди. Я пошелъ къ Зенаидѣ.

Мы заговорили о новой актрисѣ, вспоминали впечатлѣніе, произведенное ея игрою, потомъ перешли вообще на искусство, и оба такъ воодушевились, что впечатлѣніе перваго разговора почти сгладилось. Мы не замѣтили, какъ подошелъ Анатолій.

— Зенаида, ты ѣдешь завтра къ Зеленовскимъ? спросилъ онъ.

Я замѣтилъ вдругъ, какъ губы Зенаиды сжались и брови нахмурились.

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Нѣтъ? повторилъ изумленный Анатолій. — А если я тебя прошу?

— Все равно: я не могу.

Анатолій вспыхнулъ.

— Послушайте, Зенаида, сказалъ онъ серьезно: — это изъ рукъ вонъ. Вы по одному какому-нибудь странному капризу, въ желанія противорѣчить, такъ какъ это вашъ конекъ, хотите меня сдѣлать дуракомъ передъ Зеленовскимъ. Я сказалъ ему, что ты будешь...

— Ктожъ тебя просилъ объ этомъ? Ты знаешь, что я не люблю туда ѣздить.

— Но если я хочу, чтобъ ты была?..

Зенаида молчала.

— Если вы не ѣдете къ Зеленовскимъ, то не поѣдете ни къ мшишъ Тѣшиннымъ, ни Марусинимъ.

Я всталъ и ушелъ въ садъ.

— Вы пренебрегаете людьми, которыхъ я уважаю, и знакомствомъ съ которыми дорожу; вы ни во что ставите мои интересы — слышалось съ балкона.

Я долго ходилъ по саду. Ночь была сырая и холодная, какія обыкновенно бываютъ въ началѣ августа. Густой бѣлый паръ стлался по землѣ, звѣзды горѣли тускло, въ воздухѣ волновалась мутная игла и сердце мое, за минуту полное мира и спокойствія, ныло отъ сомнѣнія и тоски.

Семейство Зеленовскихъ познакомилось съ нами вскорѣ послѣ свадьбы Зенаиды. Мать Сергѣя Петровича, надменная и капризная старуха, на всѣхъ смотрѣла свысока и покровительственно, особенно на Зенаиду, родныхъ которой никто не зналъ. У Сергѣя Петровича были еще двѣ сестры, довольно безцвѣтныя личности, пропитанныя претензіями матери. Все наше семейство было въ восторгѣ отъ такого знакомства и очень тщеславилось имъ. Зеленовскій расточалъ вниманіе Нелли и всѣ рѣшили, что быть свадьбѣ; только Зенаида оставалась равнодушной къ общей радости.

VII

Разъ какъ-то я гулялъ въ рошѣ. Погода была тихая и ясная, но гуляющихъ почти никого не было : всѣ съѣзжались въ городъ. Августъ былъ въ концѣ ; отовсюду вѣяло близостью осени. Солнце уже не жгло и не сверкало весело : оно пряталось за облака и рано уходило на ночлегъ. Я сѣлъ у пруда и смотрѣлъ, какъ раз-вернувшаяся передо мною картина, что такъ недавно нѣжила взглядъ роскошною растительности и свѣжестью красокъ, блѣднѣла, сбрасывая съ себя пышное убранство, и будто говорила мнѣ свое послѣднее «прости»! — и сердце мое болѣзненно отозвалось на этотъ грустный привѣтъ. «Возвратится!» говорилъ я самъ себѣ, смотря на удаляющееся лѣто и желая заглушить безотчетное уныніе ; а въ груди моей что-то плакало, вторя нескончаемой, заунывной пѣснѣ вѣтра. Мнѣ хотѣлось обилтъ эту квартиру, чтобы хоть на мигъ удержать разрушеніе, защитить ее отъ неумолимой силы, предъ которой такъ безропотно склонилась она. Кругомъ все было тихо, и мнѣ казалось, что я одинъ посреди этой пустыни ; но вотъ изъ-за густой группы лѣса, за которую, извиваясь, уходилъ прудъ, послышались голоса и вскорѣ на прудѣ показалась лодка. Она медленно приближалась и я узналъ сидящихъ въ ней знакомыхъ лицъ : то были Зеленовскій, Зенаида и Нелли. Они поровнялись со скамейкой, на которой я сидѣлъ : меня никто не замѣтилъ. Зеленовскій опустилъ весла и говорилъ что-то съ большимъ одушевленіемъ, Нелли слушала опустивъ глаза и нешного отвернувшись, онъ смотрѣлъ на Зенаиду, которая сидѣла напротивъ. Она казалась изволнованною и почему-то это подѣйствовало на меня неприятно. Я поздно возвратился домой : у насъ былъ Зеленовскій и еще нѣсколько гостей. Всѣ сидѣли въ залѣ, разговаривали, спорили, смѣялись. Я вышелъ на балконъ и сѣлъ на нижнихъ ступеняхъ лѣстницы. Вскорѣ за мной на балконъ вошли Зенаида и Зеленовскій. Зеленовскій говорилъ что-то съ большимъ жаромъ ; я началъ прслушиваться.

— Еслибы я искалъ только женщины, я бы очень много нашолъ ихъ, говорилъ Сергій Петровичъ : — и для чего же я бы искалъ ее именно въ васъ ?

Я не расслушала что отвѣчала Зенаида.

— Какія-жъ вамъ нужны доказательства? продолжалъ онъ. — Чѣмъ наконецъ вашъ мужъ заслужилъ право на вашу любовь? Развѣ тѣмъ, что васъ за него отдала ваша мать, а жени вы избираете сами?

— Чего-жъ будетъ потомъ? сказала Зенаида послѣ долгаго молчанія.

— Вы предпочитаете оставаться съ вашей золотой срединой?

— Кто-жъ вамъ это сказалъ?

— Такъ что же?.. Что вамъ мѣшаетъ? Неужели вы придерживаетесь извращенныхъ понятій нравственности? Неужели принадлежать мужу, котораго не любишь и не уважаешь по вашему нравственно? Въ васъ нѣтъ даже самолюбія!.. Вѣдь вы знаете, что я люблю васъ...

— Этого мало: нужно, чтобы я любила.

— Вы никого не полюбите! отвѣчалъ Зеленовскій послѣ долгаго молчанія.

Дверь балкона стукнула: вошелъ мой братъ и Тѣшинъ. Они заговорили о балахъ въ Сокольникахъ. Братъ увѣрялъ, что тамъ не стоитъ быть: публика дрянъ, зала никуда не годится. Тѣшинъ вступился за залу. Анатолій увѣрялъ, что она могла быть лучше. — Но вѣдь и всѣ существующіе предметы могли быть лучше! глубокомысленно замѣтилъ Тѣшинъ.

— Я съ этимъ согласенъ, отвѣчалъ братъ: — но въ Сокольникахъ должно быть лучше...

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ. Наконецъ Тѣшинъ в Анатолій ушелъ въ комнату.

— Вотъ вы кого мнѣ предпочли! сказалъ Зеленовскій Зенаидѣ вслѣдъ уходящаго Анатолія.

Зеленовскій скоро уѣхалъ. Съ этого дня онъ почти пересталъ къ намъ ѣздить. Моя мать и сестры сдѣлались къ нему очень холодны; но все мое вниманіе было обращено на Зенаиду. Я зналъ, что все семейство смотритъ на нее какъ-то враждебно, сестры втихомолку совѣтуются о чемъ-то, и едва подходятъ Зенаиде, какъ онѣ прекращаютъ разговоръ. Мать особенно сдѣлалась холодна съ ней. Зенаида почти не выходила изъ своей комнаты; всѣ ея знакомые оставили ее, потому что мать и Анатолій обращались съ ними очень недобро. Наконецъ братъ съ женою уѣхалъ на свою квартиру.

Въ домѣ нашемъ безъ нихъ точно опустѣло: сестры притихли, мать начала хандрить, гости съѣзжались рѣже. Я почти пересталъ видѣть Зенаиду: она ѣздила къ намъ рѣдко, а къ нимъ почти никогда. Бывало въ сумерки, когда я безъ огня вожу въ залѣ съ любимыми думами, часто въ какомъ-то забытій я оставался и смотрѣлъ на двери прежней комнаты Зенаиды. Я ждалъ, что вотъ отворятся эти двери и покажется вытокая, смуглая женщина. Я съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался и — слышался мнѣ шумъ ея шелкового платья, въ глазакъ мелькали неопредѣленные тѣни; мало-помалу онѣ сгруппировывались въ одинъ любимый образъ: онѣ дѣлались все яснѣе и яснѣе, и приближался ко мнѣ медленной, величавой походкой Зенаида... Я хватался за голову, бѣжалъ вверхъ и долго ходилъ по улицамъ безъ мысли и цѣли.

VIII

Разъ какъ-то Зенаида пришла къ намъ утромъ. Сестеръ и матери не было дома, а ей непременно нужно было ихъ видѣть. Я сказалъ, что онѣ скоро возвратятся и она осталась дожидаться.

— Вы кажется читали, Александръ? сказала она мнѣ. — Прошу васъ, продолжайте: я не буду мѣшать вамъ.

Я увѣрялъ, что мнѣ пріятнѣе говорить съ ней: она не обратила вниманія на мои слова, сѣла поодаль отъ меня и задумалась. Я замѣтилъ, что она особенно грустна, и чтобы развлечь ее, я заговорилъ о постороннихъ предметахъ. Мало-помалу ея веселость возвратилась: она казалась особенно оживленною, остроумна и какъ-то неестественно смѣялась; но въ ея шуткахъ проглядывала жолчь и горечь.

— Ахъ, какъ тяжело! сказала она схвативъ себя за голову. — Вотъ это хорошая пословица: «*Что имѣемъ — не хранимъ, потерявши плачемъ*». Какъ бы я не хотѣла теперь разставаться съ Москвой: здѣсь все-таки лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ провинціи.

— Вездѣ хорошо, гдѣ насъ любятъ! снывалъ я, не понимая къ чему все это она говорить.

— Не знаю, отвѣчала она : — меня никто не любилъ.

— Неправда... сказалъ я, не смотря на нее.

— Вы думаете? спросила она, ия чувствовалъ, что она на меня смотрѣла.—Если любовь можетъ существовать при желаніи приобрести любимую личность въ свою собственность, подчинить ее своему произволу, присвоить себѣ право располагать ея судьбой, взять на себя отвѣтственность за ея поступки, вмѣшиваться въ дѣло ея совѣсти, то и меня любили. Можно ли же не желать избавиться отъ такой любви? Но какъ избавиться?

Она закрыла лицо руками и съ минуту сидѣла неподвижно. Но вотъ она подняла голову, и въ ея лицѣ, въ самой позѣ было столько величія и глубокой покорности. Нѣсколько времени мы молчали.

— Отчего вы не бываете у насъ? спросила вдругъ Зенаида.

— Некогда... отвѣчалъ я въ смущеніи.

Она посмотрѣла на меня своимъ пристальнымъ пронизательнымъ взглядомъ и настойчиво повторила :

— Отчего?

Я чувствовалъ, что краснѣлъ, и у меня не было силъ сказать что-нибудь.

— А, такъ вотъ оно что!.. сказала она. — Значить я не ошиблась... Она медленно встала и взяла свою шляпку. Я подошелъ къ ней. Какое-то предчувствіе говорило мнѣ, что я ее больше не увижу. Мнѣ хотѣлось удержать ее, насмотрѣться на это милое лицо... Я обнялъ ея талию и плакалъ какъ безумный.

Когда я взглянулъ на нее, лицо ея было печально и серьезно.

— Зенаида, я такъ люблю васъ... А вы!..

— Любите : проговорила она не смотря на меня, и мнѣ показалось, что голосъ ея дрожалъ. Она надѣла свою шаль и вышла изъ комнаты. Я молча смотрѣлъ ей вслѣдъ и сердце мое разрывалось. Я понималъ, что она уходила навсегда и уносила съ собой всѣ мои радости и надежды на счастье. Мнѣ было горько и обидно.

На другой день совершенно неожиданно явился ко мнѣ мой братъ.

— Мать очень сердится? спросилъ онъ меня.

Я отвѣчалъ, что ничего не замѣтилъ. Да и за что ей сердиться?

— Развѣ ты ничего не знаешь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ... Что такое?

— Это просто несчастье! я терлю голову и не знаю что дѣлать.

Онъ подвинулъ ко мнѣ свой стулъ.

— Вотъ видишь въ чемъ дѣло, началъ Анатолій. — Нелли вздумалось влюбиться въ Зеленовскаго, или она просто мѣтила за него замужъ, — это все равно, ну и мать была рада. А Зеленовскій провелъ ихъ всѣхъ: онъ былъ влюбленъ въ Зенаиду. Было у нихъ тамъ что, или нѣтъ, — чортъ ихъ знаетъ, только мать ужасно сердится, что не состоялась свадьба Нелли. И пускай бы еще сердилась на одну Зенаиду, а то и на меня тоже. Вотъ еще недавно разсердилась за то, что Зенаида познакомилась съ актрисой. Это конечно нехорошо, потомучто компрометируется все семейство: у меня сестры невѣсты; хотя онѣ живутъ и не съ нами, но все-таки неловко. Да я-то въ чемъ тутъ виновать? Что я въ самомъ дѣлѣ — блюститель нравственности, квартальный надзиратель?..

Убѣдившись такими доводами въ несчастьи брата, я конечно ему сочувствовалъ, но тѣмъ не менѣе не могъ заявить этого сочувствія на дѣлѣ, не могъ придумать, чѣмъ бы помочь горю.

Черезъ недѣлю сказали мнѣ, что Анатолій рѣшительно поссорился съ женой и она уѣхала на лѣто въ деревню къ одной своей пріятельницѣ. Но лѣто проходило, а Зенаида не возвращалась. Братъ кажется не очень скучалъ и ея отсутствіе мало беспокоило его. Послѣ онъ мнѣ самъ рассказывалъ, что Зенаида живетъ гдѣ-то въ гувернанткахъ и онъ этому радъ; жизнь съ ней ему надобна, потомучто это не женщина, а упрямый чортъ, съ ней нельзя не ссориться; но что при всемъ этомъ ему трудно было съ ней разстаться, потомучто былъ влюбленъ.

IX

Въ домѣ нашемъ по отъѣздѣ Зенаиды все пошло прежнимъ порядкомъ. Сначала въ кругу знакомыхъ моей матери много говорили о ней: одни рассказывали, что Зенаида была влюблена въ Зеленовскаго и хотѣла оставить мужа, но къ счастью, это скоро обнаружилось; другіе — что мужъ не вынесъ ея скандальнаго пове-

дверь и выгнать ее изъ дому, а мало ли еще что говорили! Анна юный отрокъ выжила, разокосыла мнѣ эти сны; что же касается моей матери, то одно имя Зенаиды приводило ее къ церквямъ и никто изъ домашнихъ не забывалъ о ней въ присутствіи моей матери. Какъ скоро это прошествіе церквей имѣло семействѣ быть живостью, фантазія краснорѣчивыхъ рассказчиковъ истощилась и всё забыло Зенаидѣ. Я чувствовалъ себя одинокимъ и какъ бы беззащитнымъ среди людей, которые бросали грязью въ мой идеалъ; я чувствовалъ безсиліе, и сколько негодованія и злобы, сколько отчаянія и стыда было въ этомъ чувствѣ! Я бросилъ службу, знакомства и по цѣлымъ часамъ не выходилъ изъ комнаты. Мало-помалу всё эти чувства смирились и успокоились подъ гнетомъ апатіи.

Такъ проходили годы.

Разъ какъ-то, я сидѣлъ одинъ въ моей комнатѣ и смотрѣлъ въ окно. Предо мною раскинулась пестрая картина низкихъ, грязныхъ домовъ съ разноцвѣтными крышами. Я мысленно приподнималъ это жалкое рубище города, заглядывалъ во всё углы отъ роскошныхъ гостиныхъ до мрачныхъ подваловъ, и сколько трагическихъ, раздирающихъ душу картинъ представилось моему воображенію, сколько жертвъ увлеченія, порока и нужды гибло въ этой горячимъ ключемъ бьющей жизни! Въ ухахъ моихъ гремѣли проклятія и слышались подавленные стоны и все это покрывалось общимъ напряженнымъ шумомъ города, будто усиливающего подавить внутреннюю боль. И подымались со dna души моей, давно уснувшія подъ гнетомъ апатіи чувства любви и печали...

Въ это время ко мнѣ вошелъ Анатолій. Онъ повертѣлся вокругъ меня, и видя, что я не обращаю на него вниманія, сѣлъ и довольно таинственно повелъ рѣчь о превратностяхъ судьбы, наконецъ договорился до того, что сообщилъ извѣстіе о смерти Зенаиды. Она жила въ гувернанткахъ въ какомъ-то уѣздномъ городѣ, по словамъ Анатолія, переходила изъ дома въ домъ и ввгдѣ не могла ужиться; наконецъ наняла себѣ квартиру гдѣ-то на чердакѣ, жила въ бѣдности, не имѣла даже горничной, бѣгала по урокамъ изъ-за какихъ-нибудь грошей, наконецъ простудилась и умерла. Я принялъ это извѣстіе довольно равнодушно. Да и что могло возбудить во мнѣ подобное явленіе? Смерть по-

хитила жертву, заранѣе ей обреченную... Развѣ вся эта масса людей, что такъ волнуется и стремится впередъ большимъ потокомъ, не останавливаясь и не вдумываясь, оснарявая другъ у друга право первенства на праздники жизни, и въ чаду похитѣла ненавидя и преслѣдуя другъ друга съ упорнымъ ожесточеніемъ, — не падеть передъ ней безъ сопротивленія и борьбы? Рано или поздно — не все ли равно?

А. С—ВА

СВѢЖЕЕ ПРЕДАНИЕ

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

ГЛАВА IV

Судьба ты русло жизни. — Рядъ
Случайностей неуволнимыхъ,
Неровность почвы, жѣнь преградъ
То шаткихъ, то неодолимыхъ —
Опредѣляетъ вѣчный скатъ...

Жизнь русская не водопадомъ
Слетѣла съ каменныхъ вершинъ,
Не сыпалась жемчужнымъ градомъ
И не спѣшила — средь долинъ,
Освободясь отъ пышной пѣны,
Подъ сѣнью дремящихъ раниъ
Плескаться въ мраморныя стѣны,
И не видала надъ собой
Протянутую въ золотой
Коронѣ листьевъ — роскошь сада,
Плетенку съ кистью винограда.

Нѣтъ! наша жизнь текла иной
Дорогой, — тихою рѣкой;
Надъ ней таинственно шумѣла
Непроходимые лѣса,
И сѣверныя небеса
Въ ней отражались...

Помню мели

Песчанья, волнистой мглой
 Подернуты, — сосны, ели,
 Солому, копотъ, волчій вой,
 Пѣснь заунывную, далекій
 Звонъ колокола, одинокій
 Шалашъ, костеръ, кой-гдѣ слѣды
 Пожара, да изъ-подъ воды
 Видѣющіеся, пороги.

И долго я искалъ дороги,
 И, медленно, гдѣ-то, где-то, мотъ
 Я плылъ, толкая мой челнокъ,
 И вѣрилъ я въ существованье
 Иныхъ, счастливыхъ береговъ:
 Мнѣ говорилъ объ нихъ Камковъ,
 Герой недавняго преданья.

Не разъ въ излучинахъ рѣки
 Сходились наши челноки...
 Онъ старше былъ, иловець усталый,
 Я былъ прелъ нимъ ребенокъ малый,
 И онъ училъ меня весломъ,
 Махать смѣлѣ. Вдругъ нахнуло
 На насъ мятелю... Все вкругомъ
 Вдругъ побѣлѣло, и потомъ
 Его чуть въ тину не отинуло,
 Меня чуть не затерло льдомъ.

И я мой челнъ разбитый бросилъ
 Порой на берегъ выхожу:
 Тамъ вижу я обломки весель,
 И пригорюнившись сижу...

Взломало ледъ — и тѣже волны
 Стремятся въ даль, и по волнамъ
 Плывають другихъ другіе челны
 Къ обѣтованнымъ берегамъ.
 Привѣтъ вамъ, братья! Шуть счастливыи!
 Я по пословицѣ правдивой —
 «Рыбакъ узнаеть рыбака»,
 Васъ узнаю издалека.

Привѣтъ вамъ, братья! Но не знаютъ,
Знать не хотятъ, не узнаютъ,
И на привѣтъ не отвѣчаютъ —
И мимо берега плывутъ...

Пойду домой. Чтожъ дѣлать дома?
Дремать ли? Пчелку ли читать, —
За Гарибальди улетать...
Или пародіи писать,
Иль живописнаго альбома
Переворачивать листы,
Встрѣчать невѣрные черты
Знакомыхъ лицъ, глядѣть на виды
Кавказа дикаго, Тавриды
Покинутой, степей пустыхъ —
И вызывать воспоминанья,
И смутно чувствовать, что въ нихъ
Нѣтъ прежняго очарованья?

Ужель разочарованъ я?
Давно ли!.. Да, мои друзья,
Кто въ самого себя лишь вѣритъ,
И говорить, что вѣра въ немъ
Еще кипитъ живымъ ключемъ,
Тотъ или недалеко умомъ,
Иль очень тонко лицемѣритъ.
Что значить вѣрить въ самого
Себя... въ себя, — въ свою особу! —
Нулемъ быть, подвигаться къ гробу
Отдѣльной точкой, ничего
Кругомъ не видѣть, злою жаждой
Томиться вѣчно, ибо каждаго
Изъ насъ, какихъ бы ни былъ силъ,
Одинъ — ничтожество, и геній
Безъ дружныхъ рукъ, безъ увлеченій
Простынетъ, если не простымъ.

Гдѣ сердце тухнетъ, гдѣ не свѣтитъ
Сей факелъ гордаго ума,
Тамъ можетъ-быть вопросовъ тьма

Изъ жизни встанеть ; жизнь отмѣтить
 Ихъ можетъ-быть но не отвѣтить
 Ни на одинъ изъ нихъ —

Люби !

Огня, огня побольше !

.

Давно одинъ сажу я дома,
 Не слышу прежнихъ голосовъ...
 И снится мнѣ мой другъ Камковъ,
Неволью снится !

Вамъ знакома

Его каморка — стало-быть
 Начну короче говорить.

Что дѣлаетъ Камковъ ? Читаетъ —
 Статью ли пишетъ ? Нѣтъ, страдаетъ.
 Но — что за вздоръ ! ужели онъ
 Seriously, нешутя влюбленъ !
 Спросите. — Этого не знаетъ
 Пока никто, а за него
 Я право не могу ручаться.
 Онъ можетъ вдругъ опять приняться
 За философію. Тогда
 Мы будемъ съ носомъ, господа.
 И первый буду я сконфуженъ.
 Скажите, безъ любви кому
 Тогда романъ мой будетъ нуженъ ?

Конечно, другу моему
 Не чужды были увлеченья,
 Но — это были тревоженья,
 Похожія на вдохновенья ;
 Онъ какъ-то вспыхивалъ и — гасъ.
 Я знаю, что Камковъ неразъ
 Плѣнялся красотою женской,

То городской, то деревенской,
 Плѣнялся выраженьемъ глазъ,
 Плѣнялся милой простотою,
 (Неужто болѣе ничѣмъ?)
 Но онъ до глупости былъ нѣмъ,
 Суровъ до самоотреченья,
 До невозможности желать
 Взаимности... Я размышленья
 Его могу вамъ передать.
 — Камковъ! онъ думалъ: — ты опять
 За старое... тебѣ ли съ рыломъ
 Суконнымъ да въ гостиной рядъ!
 Ты въ одиночествѣ уныломъ
 Уже заплѣсневѣлъ, измятъ
 Ты рано внутренней борьбою...
 И ничему не поддавался,
 И ни за чѣмъ не погнался.
 Тебѣ ль роскошничать! Что страсти?! —
 Въдь это роскошь жизни. Мнѣ ль
 Сгорать и млѣть у нихъ во власти?
 Вонъ на дворѣ шумить мятель...
 Въ окошки дуетъ... сыро, чадно...
 Бюсть Пушкина одинъ парадно
 Стоитъ и лоснится въ углѣ.
 Поэтъ! спасибо! (хоть за это,
 Бѣднякъ, благодари поэта!)
 Вонъ — безпорядокъ на столѣ,
 И старыхъ лексиконовъ томы
 Такими кислыми глядятъ,
 Что кажется чихнуть хотятъ.
 Увы! въ такія ли хоромы,
 Къ инымъ мечтамъ приучена,
 Взойдетъ она — моя жена,
 Иль хоть любовница?.. Быть-можетъ.
 Любовь моя все превозможетъ.
 (Все можетъ статься на бѣду!)
 Чѣмъ я отпраздную побѣду?
 Вавоемъ съ ней къ Печкину пойду
 Или въ Сокольники поѣду?..

 Извольте видѣть, господа,
 Какъ размышлялъ онъ иногда.

И размышляй всегда онъ эдакъ, —
 Я бѣ убѣдился напоследокъ,
 Что изъ героя моего
 Не выдетъ ровно ничего.
 Байронствующій Подколесникъ,
 Онъ былъ бы для меня несносенъ.
 Но не любилъ онъ, а мечталъ
 Нензъяснимый идеалъ,
 Нензъяснимой красотой
 Его дразнилъ, манилъ и ждалъ.
 Передъ больной его душою
 Онъ встанетъ тѣнью молодой
 Неуловимой, роковой,
 И умъ его не развѣнчаетъ
 Ея чела... Недаромъ онъ
 Какъ бы предчувствіемъ страдаетъ —
 Какъ-будто чѣмъ-то огорченъ,
 Сердитъ, — и не подозрѣваетъ,
 Какъ онъ великъ и какъ смѣшонъ.

Вотъ онъ на циферблатъ коснется,
 Семи часовъ зачѣмъ-то жлетъ —
 Какъ-будто опоздать боится,
 И въ тоже время тайно злится,
 Что стрѣлка медленно ползетъ.

У баронесы онъ обѣдалъ,
 И хоть шампанскаго отвѣдалъ,
 Но былъ не веселъ, и домой
 Пришолъ сердитый.

— Боже мой!

Ему сказала на прощанье
 Жена барона: — васъ просить
 Хотятъ, черезъ меня, учить
 Одно премилое созданье, —
 Княжну Таптыгину. Ей лѣтъ
 Шестнадцать, и она ужъ въ свѣтъ
 Пустилась. Думаю, учиться
 Ей некогда; ктому жъ она
 Собою очень недурна;
 За нею стануть волочатся,
 И ужъ волочатся.

— Но я.

Сказалъ Камковъ, — ужь двѣ недѣли
Хожу къ мимѣ въ домъ, и вамъ меня
Просить не нужно.

— Въ самомъ дѣлѣ!..

Уже?!

И взоръ ся скользнулъ
Кула-то въ сторону. Минута
Прошла въ молчаньѣ. Почему-то
Герой мой фракъ свой застегнулъ,
Вздохнулъ и руку протянулъ
За шляпой.

— Признаюсь вамъ, — рада
Я за княжну, но не за васъ...

— Во всякомъ случаѣ мнѣ надо
Спѣшить домой... Который часъ?

— Опять домой! Ну погодите,
Не важничайте. Расскажите...
Неужели не скучно вамъ
Сидѣть съ княжной и по складамъ
Ее учить! Княжну я знаю:
Она мнѣ дальняя родня,
Хоть и бываетъ у меня
Довольно рѣдко. Князь — отсталый
Помѣщикъ, и гордецъ немалый,
Подъ часъ хвастунъ и враль большой,
Въ разводѣ съ бѣдною женой,
Въ долгахъ по горло, утопаетъ
Въ шампанскомъ и лакеевъ бьетъ.
Дочь съ папеньки примѣръ беретъ,
И маменьки не уважаетъ:
Какъ та ее ни умоляетъ
Видаться съ ней, — она какъ ледъ,
И нѣтъ въ ней сердца. Гувернантку...
Ну словомъ эту англичанку...
Кто ей наполь, когда отецъ
Любимую свою цыганку
Прогналъ изъ дома наконецъ?
Я и княгиня. — И ужели
Княжна умна! Вы двѣ недѣли

Даете ей уроки — ну
Какъ вы находите?

— Княжну

Я мало знаю...

— Не успѣли

Вы раскусить...

— Да, подтвердить

Камковъ, — еще не раскусили.

И баронесѣ показалось,
Что онъ надулся. Подошла
Она къ роялю, провела
Рукой по клавишамъ, взяла
Акордъ, и громко засмѣялась:
— Ахъ, чтобъ раскусывать, у васъ
Недостаетъ зубовъ подъ часъ:
Вы только мастера кусаться!

Камковъ упрямо сталъ прощаться,
Сказалъ, что ѣдетъ на урокъ.

— Я бѣ заперла васъ на замокъ,
Я посадила бы васъ въ клетку,
Когда бѣ могла! Зачѣмъ вы рѣдко
Являетесь! По четвергамъ
Зачѣмъ васъ вѣтъ... И какъ же вамъ
Не грѣхъ, не стыдно?!

Такъ игриво,

И строго и полусутоливо,
Съ особеннымъ умѣньемъ дамъ
Великосвѣтскихъ, баронеса
Его бранила и была
Любезна. Вдругъ — оборвала
Потокъ рѣчей. не подала
Руки, и вышла вонъ...

— Мила

Какъ бѣсъ; но похитрѣ бѣса! —
Подумалъ про себя Камковъ...

Домой пришолъ онъ въ шесть часовъ,
И трубку закурилъ, и ходитъ,
Какъ-будто мѣста не находить

Или не знаетъ что начать;
 Но вы, друзья, хотите знать,
 Какъ могъ Камковъ, отъ обожанья
 Прелестной женщины, съ такимъ
 Умомъ и сердцемъ развитымъ,
 Дойти до страннаго желанья
 Противорѣчить ей, сердить,
 И даже иногда съ ней быть
 Ейбогу чѣмъ-то въ родѣ Буки?
 Давно ли онъ почти безъ скуки
 Могъ съ нею время проводить,
 Смѣяться, спорить, говорить
 Съ ней объ открытіяхъ науки,
 И объ искусствахъ, и о томъ,
 Куда мы наконецъ идемъ,
 Какая всѣхъ насъ ожидаетъ
 Судьба, — и прочее. — Ктому жъ
 Жена мила, довѣрчивъ мужъ,
 Сынъ тупъ — и все какъ подобаетъ.

Давно ли странный мой герой
 Былъ далеко нехладнокровенъ,
 Когда Моцартъ или Бетховенъ
 Былъ оживленъ ея игрой,
 Когда рояль ея гремѣла
 Какъ божій громъ, или нѣжно пѣла,
 И слышался кристальный звукъ
 Подъ пальцами искусныхъ рукъ;
 Когда у ней лицо горѣло,
 И темные какъ ночь глаза
 (Которыхъ ни одна слеза
 Не оросила) покрывались
 Блестящей влагой и къ нему
 Съ завѣтной тайной обращались.
 Когда — Богъ знаетъ почему,
 Она невольно любовалась
 Своимъ влияньемъ... то терялась
 Въ мечтахъ — была оживлена,
 То становилась вдругъ блѣдна,
 Игру внезапно прерывала,
 И говорила: «Чтоже вы

Молчите?» — и сама молчала
Не поднимая головы.

Когда она его встрѣчаетъ —
И руку нехотя даетъ,
И такъ же нехотя беретъ
Ее назадъ, — не отвѣчаетъ,
Или глазами провожаетъ,
Когда онъ хочеть не простясь
Уйти домой въ урочный часъ.
Ужели онъ не замѣчаетъ
Въ ней перемѣны, и не льститъ
Его такая перемѣна?
И онъ не ждетъ — не дорожитъ
Мивутами!

Какая пѣна

Морская, взбитая волной,
Сравнится съ млечной бѣлизной
Ея роскошныхъ плечъ и шей?
Чей голосъ мягче, взоръ смѣлѣй?
Что въ свѣтѣ можетъ быть темнѣй
Ея волосъ? Они какъ змѣи
Крутятся — и Камковъ не разъ
Ихъ видѣлъ, издали косясь,
И передъ познимъ баломъ въ балномъ
Костюмѣ онъ ее видалъ,
И утромъ иногда встрѣчалъ
Ее у сына — въ бѣломъ спальномъ
Нарядѣ, въ блузѣ и чепцѣ,
Съ дремотной томностью въ лицѣ,
Съ тѣмъ тонкимъ, не остывшимъ жаромъ
Постели, ночи и всего,
Что было тайной для него;
Въ томъ *нелице*, въ которомъ даромъ
Не любятъ женщины себя
Показывать: онъ любя
Или по дружбѣ позволяютъ
Собой пѣнять насъ по утрамъ;
Лишь тѣ, которые снимаютъ
Съ нихъ мѣрку, этого не знаютъ;
Башмачникъ напимѣръ для дамъ
Что значитъ? — ничего!

.
 Тогда протянутая ножка
 Безчувственна — и стало-быть
 Башмачникъ можетъ приходить
 Въ тотъ ранній часъ, когда окошко
 Еще завѣшано, и свѣтъ
 Дневной, изъ-за пурпурныхъ складокъ
 Скользя, глядитъ на безпорядокъ
 Счастливой спальни. Но поэтъ —
 Философъ — словомъ, мой ученый
 Для баронесы былъ *персоной*,
 А не ремесленникомъ; съ нимъ
 Нецеремонность эта съ дѣтства
 Была бы въ ней ничѣмъ инымъ,
 Какъ только шалостью кокетства
 Или затѣями любви.

Какъ баронеса умудрилась
 Въ него влюбиться? чѣмъ плѣнилась?
 Иль можетъ-быть у ней въ крови
 Везувій тлѣлъ! — Къ чему напрасно
 Судить-рѣдять иль обвинять!
 Природа — деспотъ: самовластно
 Царить и любить направлять
 Людей на собственныя цѣли,
 Чтобы не слишкомъ разжирѣли,
 Чтобы не застывалась кровь —
 И посылаетъ намъ любовь.

И это все герой мой видѣлъ
 (Хоть и не скоро увидалъ).
 Зачтожь природу онъ обидѣлъ?
 Зачто, злодѣй, возненавидѣлъ
 Ея кокетство? — Дурь нашла,
 Или природа обожгла
 Его зато, что онъ случайно
 Какъ трусь ей въ очи заглянулъ,
 Иль по незванью оттолкнулъ
 Онъ чашу съ нектаромъ, и тайно
 Раскаивался въ этомъ? — Да,
 Была минута, господа...
 И онъ домой пришолъ смущенный,

Почти всю ночь не спалъ я, сонный,
 Страдалъ, какъ будто кошмаръ
 Его давилъ...

Что это значить?

Не то ли, что любви запросъ
 Того, кто въ бѣднота возросъ,
 Всегда сначала озадачить?
 Не то ли, что сердечный жаръ
 Могъ заразить его? Горячка
 Не такъ прилипчива, какъ то
 Чего мы скрыть не въ силахъ. Кто
 Матросъ, того морская качка
 Не можетъ не качать; унять
 Ее по щучьему велѣнью
 Нельзя: попробуйте придать
 Къ любви сомнѣнье, къ увлеченью
 Разсудокъ или долгъ — и васъ
 Начнетъ покачивать какъ-разъ.

И долго былъ обуреваемъ
 Камковъ, и у него едва
 Не закружилась голова.
 Онъ устоялъ — мы это знаемъ.
 Минервы зоркая сова
 Спугнула голубей Венеры,
 Онъ заглянулъ въ лицо Химеры...
 Я не завидую ему
 И не браню, а потому
 И ставлю вмѣсто восклицанья
 Недоумѣнiя крючекъ:?

Тамъ, гдѣ блаженство, гдѣ страданье,
 Тамъ, гдѣ кипить страстей потокъ, —
 Что добродѣтель? что порокъ?
 Кого винить? чѣмъ восхищаться?
 Кого безжалостно казнить?
 Предъ кѣмъ безмолвно преклоняться?

Что значить въ женщинѣ губить
 Покой души или сердце, — быть
 Любимымъ и не откликаться?
 Или любя ее, не смѣть

Къ ней прикоснуться? маску скинуть
 И во время ее покинуть —
 Или напротивъ, не имѣть
 Довольно силъ, чтобъ съ ней разстаться,
 Когда мы знаемъ, что она,
 Любя другого, намъ вѣрна?
 Притворствомъ удовлетворяться,
 Иль недовольно притворяться?
 Кто лучше, выше наконецъ
 По мнѣнью свѣта въ вѣкъ нашъ зрѣлый:
 Умъ пламенный, въ развратѣ смѣлый,
 Иль благороднѣйшій глупецъ?
 Та дѣвушка, что отдавалась
 Любви и счастью сполна
 И, судьями оскорблена,
 Наплакалась и настрадалась —
 Или бездушная жена?

Все лицемѣріе отбросивъ,
 Скажите — оттого ль смѣшонъ
 Намъ будетъ нынѣшній Юсифъ,
 Что онъ въ развратѣ не посвященъ,
 И что за это Фараонъ
 Его въ темницу не посадить,
 А Богъ казной не наградить?

Вопросовъ тьма. Кто съ ними сладить,
 Кто ихъ обсудить и рѣшить?
 Любви и счастья кодексъ вѣренъ
 Стариннымъ спискамъ, но давно
 Кой-къмъ то здѣсь, то тамъ похеренъ —
 Справляться стало мудрено.
 Различно каждый понимаетъ.

Ужель Камковъ воображаетъ,
 Что философія должна
 Другіе сердцу дать уставы,
 Что наконецъ рѣшить она,
 Въ чемъ наша воля, въ чемъ мы правы?
 Или нацѣренъ онъ создать
 Теорію любви сначала,
 Чтобъ хоть идея оправдала

Его любовь, чтобъ онъ сказать
 Могъ смѣло, почему онъ любить —
 И гибнетъ самъ или жертву губить?
 Или онъ думаетъ: любя
 Жену другого, подкупая
 Лакеевъ, мужа надувая, —
 Какъ онъ посмотритъ на себя?
 И если правдѣ онъ измѣнитъ, —
 Чѣмъ онъ въ душѣ ее замѣнитъ?

Не правда ли, для многихъ онъ
 И непонятенъ, и смѣшонъ?
 А будь онъ просто человѣкомъ,
 Такимъ какъ всѣ, какъ вы да я,
 Не споръ въ душѣ съ лукавымъ вѣкомъ
 И наконецъ не мучь себя
 Пустой, но честною борьбою, —
 Онъ былъ бы франтъ во всей красѣ,
 Ему бъ завидовали всѣ.

И такъ Камкову не давалась
 Любовь — онъ это видѣлъ самъ
 («Гдѣ тонко тамъ и рвется»). Вамъ
 Самимъ, я думаю, случалось
 Такія страсти испытать:
 Ихъ право можно доканать.
 Перекрестившись, въ двѣ недѣли.
 Я этотъ срокъ нарочно далъ,
 Ибо герой мой въ самомъ дѣлѣ
 Ихъ въ двѣ недѣли доканалъ.

Зачтожь однако баронесу
 Онъ хитрой женщиной назвалъ
 И даже угодилъ бѣсу —
 Зачто? За то ли, что она
 Къ нему немножко ревновала?
 Кто жъ не ревнуетъ? Что княжна
 Ее немножко напугала,
 Что безтолковый мой герой,
 Съ тѣхъ поръ какъ занять сталъ княжной,
 Все брови хмурить — увѣряетъ,
 Что онъ страдаетъ головой,

Что онъ быть-можетъ ей мѣшаетъ
 Когда заходить по утрамъ
 Къ ней въ кабинетъ, — учтивъ и скученъ,
 И сталъ замѣтно равнодушнѣе
 Къ ея радушнымъ четвергамъ?

(А четверги друзьямъ открыты —
 Дружбѣ прогресса и молвы,
 И лѣтописцами Москвы
 Конечно будутъ не забыты.)

Никто на этихъ вечерахъ
 Не могъ читать у ней въ глазахъ,
 И сдержанное нетерпѣнье
 Въ ней истощилось — перешло
 Въ тревожный сонъ, въ недоумѣнье,
 Въ желанье дерзкое — на зло
 Всему, во что бы то ни стало
 Имъ овладѣть... Она страдала.

Конечно, ей не привыкать
 Страданье смѣхомъ прикрывать;
 А кто привыкъ — тому не надо
 На это хитрости большой.

Такъ ошибался мой герой;
 Но говорила въ немъ досада.

— А! думалъ онъ, когда домой
 Шолъ вечеромъ: — вы не щадите
 Княжны, вы рады клеветать
 На дѣвушку — и вы хотите,
 Чтобъ я былъ веселъ!.. Нѣтъ, пора
 Мнѣ отрезвѣть! Мнѣ надоѣли;
 Мнѣ скучны ваши вечера:
 Ни зла въ нихъ нѣту, ни добра.
 Какая польза въ самомъ дѣлѣ —
 Предъ этой свѣтскою толпой
 Мѣшать науку съ болтовней,
 И никого не убѣждая,
 Хозяевъ тѣшить ради чая?
 И все что вызвано трудомъ,

Нуждой, бессонными ночами,
 И жаждой знанья, и слезами,
 Нести какъ дань въ богатый домъ
 Гдѣ всѣ такъ праздны, все такъ ложно?...
 Но признаюсь вамъ, невозможно
 И передать всего того,
 Что лѣзло въ голову его.

На подмороженныя лужи
 Ступая всей своей ступней,
 Не чувствуя вечерней стужи,
 Онъ шолъ съ повикшею головою.
 Но... не забывъ онъ объ урокъ...

Заря блѣднѣла. На востокъ
 Туманъ лиловый холодѣлъ,
 Надъ кровлями и надъ крестами
 Ночь тихо двигалась. Блестѣлъ
 Зенитъ вечерними звѣздами.
 Москва подобно небесамъ
 Спѣшила засвѣтить другія,
 Таинственныя, но земныя
 Созвѣздія — и къ фонарямъ
 Послала буточниковъ. Вамъ
 Извѣстно, что и съ фонарями
 Въ Москвѣ, какъ въ небѣ со звѣздами,
 Порой такъ глухо и темно,
 Что можно заблудиться я ; но,
 Друзья. примите въ разсужденіе :
 Чѣмъ пасмурнѣе освѣщеніе,
 Чѣмъ наши улицы грязнѣй,
 Тѣмъ вдвое больше наслажденія
 Сидѣть въ семьѣ иль у друзей,
 Или съ возлюбленной своей
 Передъ шипящимъ самоваромъ,
 Вести пріятную вдвоемъ
 Бесѣду (ворковать), иль ромъ
 Въ чай подливая, спорить съ жаромъ.
 И жизнь халатная тогда
 Милѣ вдвое, господа.

Камковъ не ѣздилъ за границу,
 Не видѣлъ газовыхъ пучковъ
 Огня при блескѣ зеркаловъ,
 И нашу древнюю столицу
 Съ матеріальной стороны
 Считалъ тогда довольно свосной.
 Теперешніе крикуны
 Тогда ходили съ рожей постной,
 И громко ни одинъ изъ нихъ
 Не смѣлъ безчестить мостовыхъ...
 Ихъ фельетоны были слабы
 (То были розы безъ шиновъ).

Но, господа, — бьетъ семь часовъ.
 Куда стремится мой Камковъ
 На подрѣзяхъ черезъ ухабы?
 Вотъ площадь, вотъ гостинный рядъ,
 Огни, возы, крестьяне, бабы
 Кадушки, клѣти... вотъ стоятъ
 На хвостикахъ, развѣсивъ уши,
 Свиной мороженыя туши...
 Капустой пахнетъ... вотъ висятъ,
 Какъ бусы, прѣсные баранки,
 Стоятъ мальчишки надъ лоткомъ,
 И сбитень пьеть подъ фонаремъ
 Приказный...

Ковыляютъ санки —

Камковъ не видитъ ничего.
 Міръ будничныи предъ нимъ мелькаетъ.
 Онъ брызжетъ грязью на него,
 Когда въ ложбину попадаетъ,
 То ваньку за кушакъ хватаетъ,
 То упирается въ задокъ.

Камковъ стремится на урокъ.
 (Урокъ — обязанность святая...)
 И ѣдетъ онъ, не забывая,
 Что ждетъ его семья друзей,
 Стаканы съ чаемъ, кренделей
 Тарелка, трубка, разговоры
 На тысячу ладовъ, мечты,
 Пріятельскія остроты,

Философическія споры,
 И Б, и К, и Г, и тотъ,
 Кого онъ скоро обойметъ
 Въ послѣдній разъ и въ даль проволить,
 И тотъ, кто Гейне переводить,
 И тотъ, кто вѣчно всѣхъ смѣшить,
 И тотъ, кто иногда груститъ
 О запертой на ключъ невѣстѣ...

Когда они собирались вмѣстѣ —
 Никто изъ нихъ не козырялъ,
 Не напивался : пьянство, карты
 Къ инымъ изъ нихъ — увы! — позвѣй
 Пришли — уже на склоуѣ дней,
 Когда Баконъ и Декарты
 И Гегели отъ насъ ушли,
 Какъ волны теплаго тумана,
 Что поутру поднявшись рано,
 Плывутъ съ прозябнувшей земли
 Черезъ верхушки лѣса въ небо,
 Не зная сами, что весной
 Подъ ихъ волнистой пеленой
 Для зеренъ будущаго хлѣба
 Спасительная теплота
 Была незримо разлита.

Друзья Камкова собирались
 Въ тотъ вечеръ цѣлою семьей,
 Затѣмъ что мысленно прощались
 Уже другъ съ другомъ : разлетались
 Они съ грядущею весной...

Но мы ихъ общество покинемъ,
 И въ новый, незнакомый домъ
 Отправимся.

Пора ! — войдемъ.
 Суконный занавѣсъ развинемъ,
 Отворимъ лаковую дверь.
 Посмотримъ, гдѣ-то онъ теперь,
 Герой нашъ ? Вотъ онъ, — новой сферой
 Какъ чародѣйствомъ окружонъ,
 Какъ-будто воодушевленъ,

Или проникнуть новой вѣрой
 (Таковъ его вечерній видъ),
 Въ уютной комнаткѣ сидеть
 Передъ молоденькой княжною,
 Съ раскрытой книгой подъ рукою,
 И двѣ свѣчи предъ нимъ горять,
 И дѣвушки глаза блестятъ
 Своей прозрачной глубиною —
 Въ нихъ отъ рѣсницъ ея порою
 Тѣнь неподвижная стоитъ.
 Съ наивнымъ, робкимъ изумленьемъ
 Она ему въ лицо глядитъ,
 Какъ—будто все что говорить
 Камковъ, какимъ—то страннымъ пѣньемъ
 Ей кажется. Ея уста
 Полуоткрыты... грудь не смѣетъ
 Дышать, какъ—будто возникаетъ
 Предъ ней великая мечта
 О жизни... Словно привидѣнье,
 А не учитель передъ ней
 Сидитъ, и разъясняетъ ей
 Души святое назначенье,
 На землю сводить небеса,
 И въ этомъ видитъ чуда.
 То прозу, то стихи читаетъ,
 Не спрашиваетъ ни о чемъ,
 Вопросы самъ подозрѣваетъ,
 Молчитъ съ минуту — и потомъ
 За ученицу отвѣчаетъ
 Такъ просто и съ такимъ лицомъ
 Спокойно-яснымъ, что, признаться,
 Друзья, вамъ можетъ показаться
 При этомъ случаѣ, что онъ
 Порядочный хамелеонъ.
 Куда дѣвалась вся досада?
 Гдѣ эта глупая хандра?

Но, господа, уже пора
 Давно, чтобъ съ силами собраться,
 Мнѣ съ этою главой разстаться.

Какъ змѣй, что сбросивъ чешую,

Объ ней ужь больше не хлопочеть,
Такъ я четвертую мою
Главу бросаю съ плечъ. Кто хочетъ
Поднять, пусть поднимаетъ ; кто
Желаеть затоптать, пусть топчетъ...
.....
Зоялъ бранить — позтъ не ропчетъ.

Я. ПОЛОНСКИЙ

МОРМОНИЗМЪ И СЪЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, основатель секты мормоновъ предсказывалъ, что «прежде второго пришествія будетъ большой переворотъ въ южной Каролинѣ по поводу вопроса о невольничествѣ, и много будетъ пролито крови».

Это предсказаніе почти готово исполниться. Соединенные Штаты раздѣлились на два враждебныя союза: и каждую минуту можетъ изгорѣться междоусобная война. Какую роль займутъ мормоны въ этой драмѣ? Хотя и свободные, они тѣмъ не менѣе враждебно смотрятъ на правительство Штатовъ; воспользуются ли они этимъ случаемъ, чтобъ утвердить свою самостоятельность, или останутся по видимому равнодушными зрителями событій? Вотъ интересная задача, которая безъ сомнѣнія снова обратитъ общее вниманіе на это собраніе, какъ называютъ себя мормоны, новѣйшикъ угоди-тось. Многіе писатели рассказывали происхождение, нравы и политическую исторію этого общества; новѣйшіе публицисты сообщили намъ еще нѣсколько взглядовъ на социальное положеніе мормоновъ, на доктрины и на почву, заселенную ими.

Самый замѣчательный трудъ принадлежитъ Жюлю Реми, ученому натуралисту. Онъ занялся этимъ предметомъ, безъ предвари-тельно-составленнаго взгляда или прелубѣжденія; прежде чѣмъ произнести окончательный приговоръ, онъ рѣшилъ хорошевыко взглядѣться. Книга его есть собраніе всѣхъ его безпристрастныхъ наблюденій, изъ которыхъ каждый читатель можетъ составить свой собственный взглядъ на предметъ.

I. СТРАНА МОРМОНОВЪ

По замѣчательному сближенію, страна, въ которой поселились мормоны, представляетъ разительное сходство съ ихъ теократиче-скимъ правленіемъ: она какъ-будто нарочно создана для нихъ.

Всѣ географы признали за фактъ, что каждая нація отражаетъ на себѣ всѣ физическія особенности страны, въ которой она развивается; здѣсь же совсѣмъ другой случай: новый народъ, какъ бы чувствующій потребность приблизиться къ окружающей природѣ, прінсипируетъ самъ въ нѣдрахъ горъ мѣсто, соотвѣтствующее его генію. Смотрѣть ли на выборъ мормоновъ, какъ на обыкновенную игру случая? Они называютъ себя израильтянами Новаго-Свѣта, и доктрины ихъ во многомъ сходны съ доктринами Іудеевъ: потому-то и поселились они въ странѣ, напоминающей Палестину. Посрединѣ ихъ владѣній разстилается Мертвое море, въ которое впадаетъ рѣка подобная Іордану, вытекающая, также какъ и онъ, изъ прекраснаго озера, напоминающаго Генисаретское море. Въ обѣихъ странахъ есть цвѣтущія, плодоносныя долины, окруженныя скалами, и обѣ онѣ граничатъ пустыней. Чтобъ достигнуть обѣтованной земли, мормоны должны были пройти по пустынямъ, какъ и израильтяне по пескамъ и скаламъ Синайскаго полуострова. Шолобно Моисею, Лосіею Смитъ не могъ ввести своихъ братьевъ въ американскій Ханаанъ: честь перейти Іорданъ досталась Брайему Юнгу, ихъ новому Навуну.

Земля Ута (Utah), которую прежде невѣрно называли Большимъ Бассейномъ и которую мормоны сначала переименовали въ Пустыню или Страну Песль, представляетъ равнину между Скалистыми горами и Сіеррою-Невадою, въ Калифорніи. Она возвышается надъ уровнемъ моря, къ сѣверу, отъ 1200 до 1400 метръ, но постепенно склоняется къ югу, гдѣ незаметно соединяется съ пустынными равнинами Колорадо. Она покрыта отдѣльными цѣпами горъ, почти параллельными меридіану и раздѣленными пространными долинами, которыя издали кажутся рукавами большой рѣки. Нѣкоторыя изъ этихъ долинъ орошаются рѣками, но больше встрѣчается временныхъ озеръ, съ тинистой соленою водою, или даже подземныхъ ключей, вырывающихся мѣстами на поверхность земли. Ни одна рѣка Уты не вливается въ большія рѣки, вытекающія изъ Скалистыхъ горъ, но впадаютъ въ соленыя озера или исчезаютъ въ песокъ, образуя тинистыя болота.

Ута, по договору 1848 года доставшаяся Соединеннымъ Штатамъ, почти равна по величинѣ своей Франціи; мормоны занимаютъ только ея восточную часть. Главное населеніе расположилось у подножія горъ Уайзатчъ (Wasatch), въ іорданской долинѣ, и у береговъ Большаго Соленаго озера, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ внутреннихъ морей. Это озеро, котораго настоящій объемъ сдѣлался извѣстенъ только съ 1850 г., благодаря изслѣдованіямъ капитана Стансбери, имѣетъ не менѣе ста льѣ въ окружности; глубина же

его незначительна: она не превышаетъ десяти метровъ, а въ средней величинѣ, не болѣе двухъ. Въ средней озерѣ есть нѣсколько славныхъ острововъ до 1000 метровъ и болѣе; самый большой изъ нихъ и самый близкій къ столицѣ мормоновъ Антеловъ-Эйландъ соединяется съ континентомъ песочной полосой, почти постоянно сухой лѣтомъ, но заливаемой послѣ большихъ дождей и во время бури.

Стансбери-Эйландъ, второй по величинѣ островъ, тоже соединяется съ землею узкимъ перешейкомъ; въ немъ есть прекрасная пастбища, и сосѣдніе хлѣбопашцы присылаютъ туда свой скотъ, чтобъ сохранить его отъ набѣговъ индѣйцевъ.

Въ водахъ Большого озера растворено множество соляныхъ веществъ. Степень солености измѣняется смотря по времени года, продолжительности дождей или засухи; но во всякомъ случаѣ сильнѣе нежели въ водахъ океана. Въ воды этого озера нѣтъ возможности погрузиться, и при тихой погодѣ можно заснуть на его поверхности.

Плавать однакожъ очень трудно, потомучто нужно, чтобы ноги были всегда въ водѣ. Если одна капля воды попадетъ въ глазъ, боль бываетъ невыносимая, а когда проглотишь ее, случается припадокъ спазматическаго кашля. Капитанъ Стансбери утверждаетъ, что самый искусный пловецъ не справился бы съ его волнами во время вѣтра и вдали отъ берега.

Въ Великомъ озерѣ нѣтъ ни рыбы, ни моллюсковъ; представителями жизни являются въ немъ водяныя растенія изъ породы водоросли (доячс) и маленькій червь, разрывающій песокъ у береговъ. Фосфоръ, занесенный въ него водами Иордана, быстро засыпаетъ. На поверхность озера прилетаютъ цѣлыя стаи чакль, дикихъ гусей, лебедей и утокъ. На въ какой другой части Америки, кромѣ развѣ тихихъ водъ Потомака, невидать такого множества птицъ. Стаи маленькихъ пеликановъ, подѣ предводительствомъ двухъ старшихъ, смотрятся въ озеро съ вершины всѣхъ скалъ, между тѣмъ какъ отцы ихъ отправляются на рыбную ловлю въ другія рѣки.

Деревьевъ нѣтъ ни на берегу, ни на смежныхъ долинахъ; вдали только виднѣются кусты чернобыльнива и другихъ растений, выносившихъ соляную почву.

Глубина воды почти никогда не извѣстна, потомучто берегъ представляетъ множество тинистыхъ отмелей, на которыхъ останавливается вода. Лѣтомъ грязь высыхаетъ и дѣлается похожа на лоскутки кожи; черные мѣлани выходятъ изъ трещинъ земли, и воздухъ дѣлается душнымъ.

Все озеро окружено подобными равнинами, изъясляющимися одной черной цѣпью на южной сторонѣ. На западъ идутъ сѣвѣ долины между озеромъ и рядомъ отдаленныхъ горъ. Во время сильныхъ дѣвнихъ мѣсяцевъ эти долины покрываются тонкимъ слоемъ соли, въ видѣ кристалла, на поверхности котораго образуются трещины, что дѣлаетъ равнину похожою на морскую зыбь. Экипажъ капитана Стансбери плавалъ шестьдесятъ миль около этихъ береговъ, не найдя капли воды, годной къ употребленію. Одно изъ соляныхъ полей имѣло двадцать километровъ въ длину и двѣдцать въ ширину и представляло массу въ четыре миль кубическихъ. Какъ только пойдетъ дождь, вода просто, воздухъ сдѣлается влажнѣе, — соль растворяется и является грязноватая, вязкая поверхность.

Въ прежнія времена Большое соленое озеро имѣло значительное протяженіе. Всюду замѣтны, на значительной вышинѣ отъ теперешняго уровня озера, наносныя возвышенія и скалы. На сѣверѣ отъ Большого озера капитанъ Стансбери насчиталъ тринадцать наносныхъ возвышеній, изъ которыхъ самое высокое шестьдесятю метрами превышаетъ настоящую поверхность. На островѣ Фремонъ, возвышающемся на 250 метръ, нашли уступы прежнихъ береговъ, подобные ступенямъ гигантской лѣстницы и идущіе до самой вершины горы. Очевидно, что горы были прежде утесистыми островами, подобно тѣмъ, которые еще теперь видѣются на поверхности озера.

Легко понять, какъ въ продолженіе вѣковъ вода постоянно убывала и испарилась такимъ большимъ количествомъ соли. Большой Бассейнъ отдѣляется отъ Тихаго океана высокими горами, которыя останавливаютъ дождевыя облака и не позволяютъ имъ приносить влажность въ равнину; а между тѣмъ пары улетучиваются сильно; вода озера легко уносится вѣтромъ, черезъ горныя цѣпи. Влѣствие этой постоянной убыли, уровень озера понижается, ручьи высыхаютъ, соль собредоточивается болѣе и болѣе въ бассейнѣ озера, такъ что только снѣгъ и дожди пополняютъ убыль воды. Очень вѣроятно, что теперь испареніе пополняется дождями, потому что уровень озера то возвышается, то понижается. Въ посѣщеніе Реми, береговые жители сказали ему, что въ послѣдніе три года вода возвысилась на два метра и была нѣсколько меньше солона.

Озеро Ута, отъ котораго страна получила названіе, гораздо меньше Большого озера, но зато и далеко не такъ солено. Оно лежитъ у подножія горъ Уайзачъ на пятнадцать лѣ къ югу отъ столицы мормоновъ. Длина его пятьдесятъ километровъ, а ширина двадцать пять; глубина же только пять метровъ. Многочисленные протоки

собираютъ эту прѣсную и прозрачную воду, избытокъ которой они удерживаютъ Солоному озеру, посредствомъ узкой и углубленной Иорданской долины (Долины), окружающія это озеро, очень красивы, по все-таки уступаютъ долинамъ уайзачскихъ возвышеній. Между этими возвышеніями, находящимися между горами Виргинія и Нью-Юрка, можно указать на Камы-Велли, Воберъ-Велли, Коамъ-Велли и въ особенности Тампановоръ-Велли, отдѣленную отъ равнины узкимъ пространствомъ, по которому нельзя было проложить другого пути, кромѣ прорубленнаго въ скалахъ. Прекрасный подопадъ въ 300 метровъ вышины, отдѣляется отъ отвѣснаго карниза и низвергается въ темную глубь. Выше ущелье образуетъ обширный кругъ, куда вытекаютъ чрезвычайно-замѣчательные минеральные источники. Почти вся почва бассейна, поверхность которой имѣетъ десять квадрат. километровъ, покрывается подъ своимъ известковым туфомъ. На этомъ общемъ базисѣ образовались четыре возвышенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно велика сила воды. Некоторые источники вытекаютъ изъ щоронкообразныхъ отверстій, но большая часть прорыва себѣ конусы, подобныя маленькимъ вулканамъ и соединяетъ свои воды въ кратеры; здѣсь они колцеобразно складываютъ туфъ и склеиваютъ тростникъ, растущій на окраинѣ конуса.

Средняя температура этихъ источниковъ бываетъ отъ 27 до 43 градусовъ, по Цельсіусу. Множество тремучихъ змѣй, привлеченныхъ теплотою, поселяются въ щеляхъ туфа или обвиваются вокругъ тростника. Большое количество другихъ минеральныхъ источниковъ, вытекающихъ изъ подножія горъ и вслѣдствіе прозвѣстнаго названія Пивного, Пароходнаго и пр., показываютъ, что вулканическія силы дѣйствуютъ и выше нагорной равнины. Самый извѣстный источникъ тотъ, въ которомъ мормоны крестятъ своихъ небаптовъ. Чтоже касается до простыхъ источниковъ, то они рѣдки и почти всегда наполнены солеными и известковыми веществами; обыкновенно составъ ихъ воды зависитъ отъ времени года. Весною и въ началѣ лѣта, во время таянія снѣговъ, вода приблизительно чиста; во время засухи, соль и известка сосредоточиваются въ маломъ количествѣ воды и дѣлаютъ ее совершенно негодною. — Количество произволящей земли занимаетъ въ длину пространство отъ 4 до 5 градусовъ широты у западнаго подножія горъ Уайзачъ; по ширинѣ этого пояса, среднимъ числомъ, не болѣе двухъ или трехъ километровъ. Къ этой узкой произволящей полосѣ, которая одна только годна къ обработыванію, можно бы прибавить Иорданскую долину, еслибы была возможность провести въ нее каналы. Почва этой долины и смежныхъ съ нею состоитъ изъ песчаной земли, совер-

женно бесплодной отъ недостатка сырости. Къ западной части лежа въ Утѣ очень рѣдки, небо неизмѣнно ясно, продолженіе шестидесятидневъ, отъ апрѣля до октября; источниками, стекающими въ горы. Утѣ зачатъ, слишкомъ неземанствены, такъ что обрабатывать землю можно только мѣстами. Въ первое время колонизаціи; сырая земля, отдыхавшая продолженіе вѣковъ; инакже со времени выступанія Уты изъ моря, была довольно плодородна; и въ некоторыхъ мѣстностяхъ; почва которыхъ состоитъ изъ обломковъ полевыхъ шпатовъ; приносила почти такую же жатву, какъ въ приморскихъ частяхъ; но черноземъ, лежащій на слое жирной глинны (А), теряетъ постепенно свое питательное вещество, и эта глинистая почва, выступая на поверхность полей, прикасается къ корнямъ растений и сжигаетъ ихъ своимъ жирнымъ началомъ. Земля, дающая первый годъ обильную жатву, на второй годъ едва производитъ нѣсколько сухихъ стеблей, а при слѣдующемъ сборѣ представляетъ голую поверхность, на которой тамъ и сямъ видны клочки пожелтѣвшей травы. По необходимости земледѣльцы Уты ведутъ кочевую жизнь. По прибытіи къ Большому бассейну переселенцы поселились на берегахъ озера Уты и въ болѣе доступныхъ мѣстахъ равнины; но поврежденіе полей заставило ихъ возвратиться на небольшія долины, и такимъ образомъ съ каждымъ годомъ они все болѣе и болѣе удаляются въ горы. Качество земли ухудшается наравнѣ съ возрастаніемъ населенія. Къ этому неплодородію почвы нужно прибавить губительное опустошеніе оравачи. Было вычислено, что земля Уты не можетъ прокормить болѣе мильона людей. Житница мормоновъ есть Кашъ-Велла, расположенный къ северу отъ Большого озера.

Къ востоку отъ равнины Иордана и маленькой цѣпи горъ Окиръ простирается пустыня, состоящая изъ сплошной глинистой массы, усыпанной кустарниками чернобыльника (*artemisia*). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея незамѣтно никакихъ слѣдовъ растительности, и она походитъ на шоссе изъ цемента, изрѣзаннаго безчисленными многоугольными расчепами. Нѣтъ ни одного ручья въ этой песчаной пустынѣ, и только послѣ долгаго времени путешественникъ изрѣдка встрѣтитъ поля, покрытыя кристалами соли, въ бѣлой поверхности которыхъ отражаются облака и лазурь неба. На горизонтѣ виднѣется рядъ вулканическихъ скалъ. Блескъ этой огромной

(А) Эта глина известна подъ названіемъ: *glina saloeratus* (*saloeratus-clay*). *Saloeratus* означаетъ углекислую соль. Энгельманъ нашолъ въ этой глинѣ частицы обыкновенной соли, частицы сѣрнистой известки, большое количество сѣрнистой магнезии, и очень малую часть органическихъ веществъ.

пустыни дѣйствуетъ совершенно, и потому всѣ предметы принимаютъ какой-то мрачный колоритъ.

Среди этихъ огромныхъ равнинъ, обитавшихъ только несметнымъ количествомъ необыкновенной формы ящерицъ, пролегаетъ путь нашихъ эмигрантовъ. Со времени открытія Калифорніи люди умирали здѣсь тысячами; быки и лошади въ огромномъ числѣ окочевывали отъ жажды. Ихъ разбросанныя кости служатъ указаніемъ пути; ночью же, когда не слышно болѣе хрустѣнія подъ ногами скелетовъ; путешественникъ останавливается изъ боязни заблудиться.

Миражъ, производимый отраженіемъ солнечныхъ лучей на этихъ песчаныхъ и соляныхъ равнинахъ, представляетъ иногда странныя явленія и обезображиваетъ предметъ почти до невѣроятности. Реми рассказываетъ объ этомъ удивительный случай:

«Передъ нами протекала величественная рѣка, берега которой окаймляли пирамидальныя деревья, похожія на тополь. Вода въ ней была такъ чиста и прозрачна, зеленѣющія аллеи казались распространяли такую прохладу, что мы инстинктивно пришпорили нашихъ коней, чтобы какъ можно скорѣе достигнуть воды и ей утолить нашу жажду. Но вскорѣ рѣка выступила изъ береговъ и образовала море, омывающее подошвы фантастическихъ горъ. Цѣлые зубчатые острова вымывали изъ глубины этого незнакомаго океана, на которомъ красовались суда всевозможныхъ родовъ и паруса которыхъ раздувались невидимымъ вѣтромъ. Мысы, похожіе на плывущія гребешки, и таинственныя пещеры отдѣлялись отъ горъ, какъ опоры свода античныхъ соборовъ. Въ небольшой губѣ огромные плиты играли на поверхности ея, выпуская изъ себя воду въ видѣ серебристыхъ фонтановъ, совершенно какъ дельфины забавляются на тихомъ берегу Перу. На первомъ планѣ этого морского ландшафта возвышались роскошныя жилища въ итальянскомъ вкусѣ, которыя казалось утопали въ густой зелени деревьевъ. Потомъ нашимъ глазамъ представилось шествующее войско, съ военнымъ оркестромъ, артиллерією и съ эскадронами, командуемыми начальниками съ перьями на шлемѣ. Столбы пыли подымались къ небу и отражались въ зеркальной поверхности воды...»

Несмотря на отвращеніе, внушаемое ученіемъ и нравами мормоновъ, неоспоримо однако, что они оказали важную услугу человечеству и цивилизаціи, населивъ эти негостепріимныя страны. Эта бесплодная равнина, отдѣляющая скатъ Тихаго океана отъ ската Атлантическаго моря, казалась негодною для земледѣія.

И такъ въ центрѣ этой безмолвной пустыни мормоны положили

основаніе своему священному городу, который казался долженъ быть предназначенъ въ скоромъ времени складочнымъ мѣстомъ между Нью-Йоркомъ и Санъ-Франциско, западною Европою и восточною Азіею. Какъ должны быть благодарны люди, интересующіеся вопросомъ о переселеніи, этимъ фанатикамъ, желавшимъ избѣгнуть цивилизаціи, а которые несмотря на то, сдѣлались самыми замѣчательными ея поборниками! Безъ особеннаго напряженія силы воли мормоны не могли бы выполнить своей задачи. Исполненные въ глубинѣ души жаждою мести, и будучи столь же послушны своему отечеству, какъ и вѣрны своимъ убѣжденіямъ, они покидаютъ поля и жилища, оставляютъ городъ ими основанный, священнѣйшій храмъ изъ мрамора, который сдѣлался имъ такъ же дорогъ, какъ кааба мусульманину, и поручаютъ только нѣкоторымъ изъ своихъ собратій достроить его и освятить съ большимъ торжествомъ. Мужчины, женщины и дѣти, предшествуемые своими жрецами, переходятъ по льду Миссисипи и преникаютъ въ необитаемые лѣса Иова, руководствуясь компасомъ, подобно матросамъ на морѣ. Прибывъ въ суровую зиму къ берегамъ Миссури, они укрываются отъ холода въ ямахъ, вырытыхъ ими въ землѣ, и безъ боязни приготавливаются къ ужасамъ голода. Въ то же время самые храбрые изъ молодыхъ людей, составляютъ авангардъ, перекидываютъ мосты черезъ рѣки и прокладываютъ дорогу въ пустыняхъ запада. Между тѣмъ приходитъ письмо отъ президента Соединенныхъ Штатовъ, въ которомъ онъ требуетъ отъ этого выселяющагося народа пятьсотъ человѣкъ на службу неблагодарной республики, отъ которой они терпятъ всѣ несчастія. Пятьсотъ человѣкъ; самыхъ полезныхъ изъ этого кочующаго общества, отправляются безъ ропота на этотъ зовъ, старики же и инвалиды заступаютъ ихъ мѣста въ прокладываніи дорогъ и земледѣліи.

Нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ облегчаютъ страданія переселенцевъ; но вскорѣ наступаетъ вторая зима, и народъ, состоящій изъ 15,000 бѣглецовъ, снова дѣлается добычей голода и измороза, которые под конецъ становятся такъ ужасны, что заставляютъ ихъ питаться кожею оружія и сбруи; но эти несчастія никого не поколебали въ своей рѣшимости. Къ голоду присоединяется холера и цынга; тысячи мертвыхъ похоронены въ равнинахъ, и шествіе эмигрантовъ походитъ на похороны. Мормоны видятъ въ этомъ только болѣе причины благодарить Спасителя, и продолжаютъ путешествіе съ необходимыми остановками, чтобы дать отдыхъ больнымъ. Наконецъ 24 іюля 1847 г., сто сорокъ три человѣка, составляющіе авангардъ, увидѣвъ съ высоты холма большое Соленое озеро, бросаются на колѣни для благодаренія Бога, и

въ тотъ же вечеръ принимаются за работу; копаютъ землю, прокладываютъ дороги и прорываютъ каналы для орошенія земли.

Но конецъ страданіямъ мормоновъ еще не пришелъ. Голодъ, вълѣствие опустошенія полей саранчею, были довольно омутительны для нихъ въ продолженіе еще двухъ лѣтъ; и до первой половины 1849 года они должны были довольствоваться 24 лотами пшеницы на человака въ день. Съ этого времени благоденствіе мормоновъ было нарушаемо исключительно только войной.

У этихъ смѣлыхъ посленцевъ слѣдующая пословица въ большомъ употребленіи: *яма, которую — никогда ничего не сдѣлало; дорога — произвело чудеса; сдѣланъ — имѣло всегда бластателный результатъ*. На самомъ дѣлѣ исторія мормоновъ кажется дѣнь-то чудомъ.

II. УЧЕНІЕ МОРМОНОВЪ

Мормонизмъ могъ возникнуть и пользоваться танимъ успѣхомъ только въ Соединенныхъ Штатахъ. Эта республика представляется намъ въ видѣ большой лабораторіи, гдѣ всѣ религіозныя, социальныя и политическія теоріи берутъ свое начало. Тамъ въ одно и то же время имѣетъ мѣсто самая крайняя свобода мнѣній съ ужаснымъ рабствомъ, умерщвленіе плоти — съ возстановленіемъ ея, безбрачіе — съ многоженствомъ, коммунизмъ — съ иждивенчествомъ. Это волевая школа, гдѣ всѣ теоріи древняго міра, основанныя на принципѣ авторитета или свободы, испытываются, чтобы потомъ служить въ составленіемъ вселенной. Человѣческія теоріи, едва родившіяся въ утѣ, пускаютъ тотчасъ корни въ этой непаханной почвѣ, отягчающейся своимъ гостепримствомъ въ отношеніи всякихъ идей и эмигрантовъ. Среди этого американскаго общества, гдѣ секты дробятся до невозможности, гдѣ религія совѣсти отдѣльнаго лица вытѣсняетъ всѣ существующія религіи, гдѣ каждый свободно принимаетъ свою віру и переиъваетъ ее по собственному произволу, въ этой странѣ черезъ противоидіеіствіе образуется новая религія. Дробленію сентъ она противопоставляетъ сильную организацію своей непреломной теократіи, отбрасываетъ республиканскую свободу и превозноситъ совершенное сосредоточиваніе всѣхъ силъ и всякой воли въ головѣ папы; черезъ поработеніе женщинъ она доходитъ до поработенія народа. Между тѣмъ какъ католицизмъ, религія съ неограниченною властью, постепенно терлетъ свою относительную важность въ англо-саксонскихъ республикахъ, американскій папа укрѣпляется тройною короною и присвоиваетъ себѣ духовную и свѣтскую власть.

«Реми и почти все историкн, занимавшіеся начатками новой религіи, полагаютъ, что Юсіефъ Смитъ, основатель мормонизма, вычитное какъ всякій лицеизвѣръ. Замѣчая около себя борьбу безчисленныхъ сектъ, споръ тысячамъ лѣтъ, види свое мать агрушкою религіозныхъ заблужденій, онъ думалъ, что настала удобная минута утвердить себя въ качествѣ пророка, окружить себя свитою и плутовою и шествовать на пути почестей и богатства. Вѣроятно, что Юсіефъ Смитъ посвятилъ свою жизнь пророчеству; но развѣ онъ не понималъ бы подл равнодушіе и ненависть, какъ многіе другіе лицеизвѣры, явившіеся въ разные времена, еслибы подл концы самъ не сталъ вѣрять въ свое ученіе и откровеніе? Не можетъ быть, чтобы человекъ, основавъ религію, не былъ самъ убежденъ въ ея истинѣ и не былъ проникнутъ вѣрою, которой горни не могутъ служить препятствіемъ, и которая такъ поработачаетъ сердца людей. Чтобы проповѣдывать истину или заблужденіе, необходимо слѣдять самому за собой съ полнымъ усердіемъ и преданностью, необходимо идти прямо къ цѣли, безъ задней мысли; безъ скрытности въ мысляхъ и безъ угрызений совѣсти. Эта непоколебимая вѣра, это чистосердечіе могутъ слиться съ точнымъ знаніемъ человѣчества и съ удивительной дипломатіей; но основатели религіозныхъ сектъ приносятъ свои страсти, свои дарованія, свои расчеты въ жертву вѣрѣ, которая ихъ увлекаетъ.

Къ чести всего человѣчества, мы должны оказать, что пріятіе Юсіефа Смита не составляетъ исключенія въ исторіи религіи. Узвленное самолюбіе, неукротимое желаніе, жажда мести, дѣйствуя зводно съ заразительнымъ безумствомъ, безъ сомнѣнія преобразовали всю эту ложь въ предметы новаго ученія, и въ послѣдніе годы своей жизни онъ слѣдился по ихъ мнѣнію вдовольственнымъ чаетъ. Онъ началъ свою карьеру низкимъ обманщикомъ, а окончилъ ее самоувѣреннымъ мормонскимъ пророкомъ. Въ искренности этого человека насъ заставляетъ еще болѣе вѣрить то, что онъ не былъ обольщенъ, какъ другіе временщики, могуществомъ; онъ остался чистымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Носивши именованіе пророка, онъ не престоавилъ быть дѣйствительно справедливымъ, добрымъ и щедрымъ; онъ постоянно заботился о бѣднѣвшихъ и нуждающихся; преимущественно посѣщалъ ихъ и бралъ ихъ въ повѣреніе. Онъ оборонилъ всѣхъ своею любезностью и шилымъ обхожденіемъ. «Онъ питалъ отеческую любовь къ своимъ друзьямъ и былъ замѣчательно великодушенъ въ отношеніи своихъ враговъ. Его любимое препровожденіе времени было играть въ шашки съ дѣтьми.» Мормоны, которые его звали, отзываются о немъ съ особеннымъ восторгомъ, и даже его противники отдаютъ

ому полную справедливость. Обвиненный тридцать-десять разъ, но большей частью своимъ оправданъ, онъ никогда не будетъ осужденъ. Не служатъ ли эти тридцать-десять приговоровъ прислужныхъ достоянствомъ свидѣльства о тѣхъ половахъ нашего пророка? И развѣ можно не признать, что убѣжденіе, а не обвиненіе, должно коснуться Силу главнымъ орудіемъ для переворота? Большое участіе, съ которымъ было принято откровеніе мормоновъ въ Америкѣ, много способствовало успѣху новаго ученія. Щекотливому патристическому мнению американцевъ льстило то обстоятельство, что имъ не нужно было обращаться къ Старому Свѣту за священными примѣрами. Но и кривды мормоновъ, земной рай, никогда не существовавшей отдаленной Месопотаміи въ Халдѣи, но въ центрѣ американской Месопотаміи — между рѣкою Миссисипи и Миссури; иныя земли (1) или краснокожіе американцы, суть истинный народъ Бога, и до нашего времени имъ удалось удержаться въ своей національности, между тѣмъ какъ евреи разбѣли по всему земному шару. Чтобы исполнить свою миссію, Іисусъ Христосъ долженъ былъ явиться въ Новомъ-Свѣтѣ и проповѣдывать свое ученіе, какъ онъ проповѣдывалъ его въ Палестинѣ. Въ Америкѣ вскорѣ возникнетъ новый Иерусалимъ, и святой Іоаннъ находится на равнинахъ востока, дожидая деня своего вступленія въ этотъ священный городъ, чтобы показать избранному народу ключи Мельхиседека. И такъ американецъ, гордый славою своего отечества, можетъ радостно видѣть въ немъ развитіе настоящаго, прошедшаго и будущаго челоуѣчества. Но это только второстепенная причина успѣха Іосифа Смита: самая сущность заключается въ томъ, что мормоны домогаются замѣнить истинную и брѣву весьма обыкновенной, глубокое благочестіе — пустою вышностью, и представляютъ типичны образцы богобоязненнымъ душамъ легкій путь къ славою.

Всѣ путешественники увѣряютъ, что мормоны далеки отъ тѣго, чтобы быть людьми религіозными въ полномъ смыслѣ этого слова. Конечно, между ними есть и въжныя и чистосердечныя души, которые правякуты неподдѣльной любовью ко всему хорошему, истинно расположенье къ людямъ и научаютъ съ удивительною речивостью слова, внушяющыя неспитамъ; но большинство мормоновъ кажется намъ людьми необразованными, которые устраниаютъ себя

(1) Въ откровеніи мормоновъ сказано, что евреи, укравшіеся въ Америку, раздѣлились на двѣ враждебныя партіи, неспитовъ и ламанитовъ. Эти послѣдніе сдѣлались новѣры своему Богу; истребили своихъ братій неспитовъ и овладѣли всѣмъ континентомъ. Отъ нихъ происходятъ индѣйцы.

отъ обязанности размышлять. Не имѣя собственнаго убѣжденія, они вѣрятъ на слово, а мало-помалу религія ихъ обращается въ привычку и становится «вольвопримованіемъ», чистѣйшею изышностью. Мормоны, которые обсуживаютъ богословскіе вопросы и размышляютъ объ естествѣ Бога, ангеловъ и бессмертной душѣ, не пользуются уваженіемъ.

На одного ученаго, Оуренъ Преттъ, который двадцать шість жизни провелъ въ составленіи, въ видѣ ученія, мифа и преракованъ основателемъ мормонизма, смотрѣли почти какъ на вѣроотступника, потому что онъ слишкомъ серьезно смотрѣлъ на религію и сдѣлался ея великимъ истолкователемъ. Напротивъ того, тѣ, которые не терпятъ въ безполезныхъ отвлеченностяхъ и вѣрятъ на слово, служатъ у нихъ образцомъ святости. Настоящій мормонъ добровольствуется послушеніемъ и благоучастіемъ платить десятую часть своего имущества, своихъ доходовъ и своего заработка.

Не бесполезно изучить ученіе Юзефа Смита, потому что оно находится въ тѣсной связи съ учрежденіями и общественными вѣдѣньями мормоновъ. Долгое время полагаютъ, что оно не представляетъ ничего новаго, и за исключеніемъ возобновленія древней полигаміи, болѣе или менѣе походитъ на ученія безчисленныхъ протестантскихъ сектъ, которыя привлекла къ себѣ вѣрующій народъ Соединенныхъ Штатовъ. Но это заблужденіе. Мормоны по справедливости протестуютъ противъ всякаго усюбленія или азачиванія (domials) своего отечества. Они имѣютъ свое собственное откровеніе, своего пророковъ и свои догматы; они представляютъ новый союзъ и считаютъ христіанство, какъ это послѣднее наследовано религіею ересей. Юсефъ Смитъ получаетъ какъ бы въ священное вѣдѣніе книги еврейскаго союза, равно какъ и новый заветъ, объявляетъ ихъ откровеніемъ свыше и даетъ народу, какъ онъ говоритъ, настоящую библію, книгу мормоновъ.

При первомъ взглядѣ, совокупность откровенія мормоновъ представляется только странную эклектическую философію индусонитъ миссовъ, неарійна платоническія и еротическія, магометанскую чувственность и христіанскія заповѣди. Какъ Зороастръ, вершавы признаютъ добро и злого генія; какъ Пифагоръ, они вѣрятъ въ переселеніе душъ; еще недавно они приняли американскую мечту о родствѣ умовъ по симпатіи душъ, соединяющихся у мотиль. У крестителей они заимствовали крещеніе погруженіемъ въ воду, у апокалипсическихъ сектъ вѣру въ *millenium*, а у всѣхъ фанатиковъ — видѣнія, пророчества и чудеса. Каждая религія, каждая ересь доставили ученію мормоновъ свою долю истины и заблужденія. Прежде всего, мормоны ссылаются на своихъ мнѣмыхъ пред

вооруженные. Мормоны — иудей по преданию, иудей по вѣрѣ въ ангеловъ и злыхъ ангеловъ, но понятіемъ составленнымъ ими о вещественномъ Богѣ, по умозрѣнію о семействѣ, иудей по своей ненависти къ египтянамъ, иудей по своей алчности къ богатству сей земли: они также думаютъ, что все золото, наплавленное въ жезлахъ сундукахъ, должно принадлежать имъ, и что все человѣчество работавъ и множество работъ заняты обработкою и украшеніемъ земли, на которой черезъ тысячу лѣтъ будутъ возвышаться изъ земли изъ брилліантовъ и рубиновъ.

Несмотря на существованія у стальныхъ различныхъ религій, учене мормоновъ составляетъ все-таки вѣчто однородное. Какъ дѣтрянъ, отводящая съ противоположныхъ горъ, выпадаютъ въ одно вѣщное озеро, такъ и совершенно различные догматы сливаются въ этомъ грубомъ матеріализмѣ. Религій мормоновъ учить, что все состоитъ изъ вещества, все есть грубая сила, оконченное дѣйствіе. Богъ, по мнѣнію мормоновъ, есть только могущественнѣйшій человекъ; никогда онъ даже не имѣлъ передъ нами преущества; не онъ возвысился въ небесной іерархіи, и теперь сидитъ на возвышенномъ тронѣ рая. У него есть глаза, ротъ и уши; онъ одного съ нами происхожденія, имѣетъ вѣскольдо лѣтъ; дѣти его такъ же многочисленны, какъ песчинки на днѣ морскомъ. Онъ есть какъ всѣ люди, онъ съ удовольствіемъ выливаетъ зачатъ кровавыхъ жертвоприношеній, и когда храмъ Нового Иерусалима будетъ оконченъ, то зарѣжутъ быковъ и большое число агнцевъ, чтобы сдѣлать ему угодное. Отецъ, дѣла и всѣ члены Бога, его реальные и двоюродные братья — такъ же могущественны, какъ и онъ; но люди не обязаны имъ ни любовью, ни уваженіемъ, потому что наши свѣтъ не подлежатъ ихъ покровительству: они управляютъ планетами или отдаленными созвездіями системами. У нихъ такое же тѣло какъ у насъ, они ѣдятъ, пьютъ, населаютъ свои серали, и какъ боги Гомера, увлекаются пороками отогнушеніями. Сатана есть также богъ, и мормоны даютъ ему почетное мѣсто, уверяя, что онъ хотѣлъ даровать земное прощеніе всѣмъ грѣшникамъ безъ исключенія. Предъ трономъ Господа завязался споръ, и Люциферъ былъ проклятъ и изгнанъ за свою слишкомъ всебузданную любовь къ людямъ. Сатана, превратившись въ демона, тѣмъ не менѣе *gentleman*; простыя искушенія суть для дьяволовъ второго разряда и самыхъ низшихъ чертенятъ.

Всѣ люди суть сыновья Бога-Отца, справедливо названнаго такъ, потому что онъ великій творецъ. Мы родились въ его обиталищѣ, мы вкушали небесный нектаръ; потомъ, какъ бабочки, мы потеряли свои божественныя крылья и обратились въ личинки.

ны; душу нашу составляет живое воспоминаніе о блаженствѣ, который насъ тѣмъ окружалъ; райское сіяніе представляется намъ какъ бы во снѣ; мы слышимъ отдаленное эхо небесныхъ радостей и грусть, которая насъ отдѣляетъ независимо отъ насъ самимъ — ничто иное, какъ сожалѣніе о нашемъ прежнемъ отечествѣ. Молебны нашей смерти, всѣ матеріальныя частицы, теряютъ свою органическую связь и обращаются въ болѣе или менѣе продолжительной реакціи въ спиртъ или облачный эфиръ. Но истовѣніи этого времени искуса, злые люди снова начнутъ свое поприще, а добрые, которые заслужили рай, снова облечутся въ безсмертное тѣло и сдѣлаются богами. Они дадутъ роскошные праздники, сидятъ за великолѣпно-украшенными столами, и будутъ питаться амброзіей, пить нектаръ, а жоны ихъ превратятся въ богини неподкупной красоты.

Такое ученіе потворствуетъ самому безграничному эгоизму. Мормонъ въоправдѣ укрѣпелъ, что въ небесномъ житиіи онъ будетъ обладать богатствомъ, могуществомъ, похвалами, удовольствіями, елдоострастемъ, въ особенности когда онъ здѣсь умѣетъ достигнуть титула проповѣдника. Будучи духовнымъ и свѣтскимъ княземъ на землѣ, мормонскій священникъ останется княземъ и въ небесной странѣ; онъ будетъ пользоваться всѣми своими силами и способностями, и наслаждаться тѣлесными и душевными удовольствіями; онъ похвастается въ замогильную жизнь свое богатство, и елдоострастемъ сложными процѣтами. Правовѣрные, которые обладаютъ въ душѣ и въ котормъ честолюбіемъ, не упускаютъ случая возвыситься; послушные до раболѣпства и точно платятъ десятую часть доходовъ, они увѣрены, что приобретаютъ титулъ ангела и бога, который на основаніи великаго ученія ихъ, остается вице-корономъ свѣта за начальниками церкви. Это безразсудное честолюбіе существуетъ не только въ глубинѣ ихъ сердца, но и обнаруживается въ мнѣніяхъ повѣвшихъ угольниковъ: «люди въ мнѣніи только для удовольствія», говорятъ, «хотятъ такъ называемый елдоостръ». И богъ мормоновъ походитъ на своихъ сыновей, потому что коня самый большой эгоистъ, и въ всѣхъ дѣлахъ существуетъ. Въ такихъ ужасныхъ выраженіяхъ другой такелухъ елдоостръ определяетъ свое вѣрованіе въ создателя швейцарскій и французскій. Правленіе мормоновъ основано на тѣхъ же началахъ какъ и у боговъ неба; оно являеть реакціонное. Папа Брайемъ Юнгъ, иномазанскій муромъ по приказанію Мелхиседека, и въ одно и то же время пророкъ и обладатель елдоостръ способностью откровенія; и какъ президентъ церкви; онъ пользуется гораздо большею властью, чѣмъ какой-либо монархъ въ мірѣ; онъ повелитель души и вѣла; мормонскіе ораторы не боятся даже называть его въ лицѣ боговъ и

земляхъ. Брайемъ, Юнгъ присоединилъ къ себѣ вице-президента Бимбалла и селитника Вольса. За этими триумvirатомъ непосредственно слѣдуетъ великій патриархъ, потомъ слѣдуютъ по порядку двѣнадцать апостоловъ, великіе проповѣдники, число которыхъ простирается до четырехъ тысячъ, епископы, раздѣленные на группы по семидесяти человѣкъ; далѣе старосты или elders. Всѣ эти сановники принадлежатъ къ ордену Мельхиседека, между тѣмъ какъ законоучители и дьяконы подвергаются искусу, извѣстному подъ именемъ ордена Аарона; это вновь обращенные; они составляютъ большую часть правовѣрныхъ, несмотря на титулъ проповѣдника. Всѣ духовные чиновники суть вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтскіе; забота о материальныхъ нуждахъ общества возложена на тѣхъ же, которые заняты спасеніемъ души. Это та же теократія, какъ она найдена была иезуитами, во время миссіи изъ Бразиліи и Парагвая. Одно только удивительно, что, несмотря на эту организованную іерархію и на привязанность мормоновъ къ раздѣлкамъ и церемоніямъ, великіе сановники Нового-Іерусалима носятъ обыкновенную одежду съ правовѣрными и не присвоиваютъ себѣ различныхъ титуловъ. Какъ истинные явки, верховные первосвященники имѣютъ только одно преимущество передъ остальными правовѣрными: они пользуются правомъ не снимать шляпъ во время службы.

Хотя теократія по своей природѣ неизмѣнима, но Брайемъ Юнгъ, какъ человѣкъ знающій свое дѣло, не хотѣлъ уничтожить послѣдніе слѣды республиканскаго правленія, которое было знакомо мормонамъ американскаго происхожденія съ самаго дѣтства. Еще существуетъ одна чистая формальность, которая подкрѣпляетъ власть главы и даетъ ей демократическое утвержденіе: два раза въ годъ пророкъ являетя народу и снова единогласно избирается всѣми гражданами. Этотъ призракъ верховной власти нисколько не умаляетъ власть Брайема, потому что правовѣрные видятъ въ этомъ только случай получить благословеніе пророка. Это всеобщее одобреніе, сохраняющее свой ядль для извѣстныхъ избраній, не дряхлѣетъ также ничего опаснаго: это не болѣе, какъ насмѣлка. Повѣрщикъ при баллотировкѣ отмѣчаетъ въ свѣдѣніи каждаго изъ братьевъ, противъ номера, которымъ отмѣченъ письменный голосъ, положенный въ урну. Такимъ образомъ каждый неблагомыслящій избиратель становится извѣстенъ своимъ начальникамъ и можетъ быть отмѣченъ какъ измѣнникъ обществу. Сверхъ того церковный образъ поощренія у мормоновъ, который составляетъ часть ихъ богослуженія, подавляетъ въ зародышѣ всякую независимую мысль въ правовѣрныхъ. Мормоны должны дать кадку въ сиферщенномъ

и неоспоримомъ послушаніи Брайну Юнгу и начальникамъ церкви; они общаются, самыми ужасными клятвами, приносятъ въ жертву свое семейство, благосостояніе и жизнь для блага общества; илапнутся въ случаѣ надобности отказаться отъ своей собственности въ пользу церкви, и обзываются никогда не опаривать даже самыми позорными приказаніи, и учить самія нечестивыя и предательскія преступленія въ угодность своимъ начальникамъ. Они рѣшаются быть «восномъ», затаскаемой тряпкой въ рукахъ Брайна. Ничего не можетъ быть ужаснѣе для будущности мормоновъ, какъ это отрѣшеніе отъ собственной воли. Но странное дѣло: слѣдуя внушенію, данному имъ оальной американской демократіей, ученики Іосифа Смита превзошли въ твердости даже своихъ соотечественниковъ въ одинаковый промежутокъ времени; чтобы заставить цѣлста овнесь посрела безплодной пустыни, они въ сильной стешени развили свою личную инициативу. Будучи неутомимыми работниками, они несли свою славу въ томъ, чтобы все дѣлать самими и ничего не требовать у могущественныхъ людей, которые ими управляютъ; но эти энергическіе люди, столь совершенные для простыхъ землекоповъ, демократы во всемъ, что относится къ материальному существованію, безвозвратно отказались отъ нравственной воли: они оставили за собой только руки и отдали свои души.

Обработывая землю и строя города, они заставляютъ своихъ начальниковъ заботиться объ общественныхъ и политическихъ нуждахъ. Немножко возникаетъ вопросъ: не послѣдуетъ ли за этимъ отреченіемъ отъ будущаго существованія души полное отнятіе у мормоновъ великой инициативы и даже материальныхъ заботъ? Все превращается у чловѣка, который отдалъ свою душу. Уже нравственное чувство у мормоновъ притупилось; также, несмотря на маинѣсть, обнародованный Іосифомъ Смитомъ во время его кандидатства на мѣсто президента Соединенныхъ Штатовъ, несмотря на ученіе объ уничтоженіи мормонскихъ сектъ въ своихъ первыхъ мѣстахъ основанія — Киртландѣ, въ Джаксонъ-кентри и въ Нову, рабство почти уже гласно признано въ Новомъ-Іерусалимѣ: и при ихъ безусловномъ послушаніи своему владыкѣ, неудивительна такая послѣдовательность. Предметы, о которыхъ ораторы разсуждаютъ въ торжественныхъ собраніяхъ, вообще по природѣ своей удивляютъ иновѣрцевъ. Въмѣсто того чтобы говорить о блаженствѣ небесной жизни, о спасеніи души, или просто о вопросахъ нравственности, проповѣдники долго останавливаются на материальныхъ нуждахъ общества; они вкратцѣ перечисляютъ вновь прибывшихъ переселенцевъ впродолженіе года и разсѣянныхъ по всѣмъ частямъ владѣнія; они толкуютъ о доходахъ, получаемыхъ съ рудниковъ, о

пользованіи лѣсомъ, объ усовершенствованіяхъ, сдѣланныхъ работниками въ приготовленіи орудій. Эта забота о матеріальномъ благолествіи очень понятна, потому что будущая жизнь, по мнѣнію мормоновъ, есть простое продолженіе настоящей, и слѣдовательно у нихъ нѣтъ основанія такъ долго останавливаться на томъ, что относится къ тому свѣту; Новый-Іерусалимъ, основанный ими, не болѣе какъ торговый домъ, котораго фирма и составъ не измѣняется въ продолженіе тысячелѣтія. И такъ очень естественно, что мормоны, будучи людьми необходимо практическими, болѣе всего занимаются настоящимъ и матеріальнымъ положеніемъ общества. Подъ предлогомъ войны, мормонизмъ есть только средство не принимать всѣхъ религіозныхъ проблемъ.

Обряды богослуженія приспособлены къ той же цѣли, къ исключенію мысли. Во всѣхъ церемоніяхъ, символическіе обряды играютъ важную роль; ихъ постоянно возобновляютъ и ставятъ непремѣннымъ условіемъ для спасенія; но это только матеріальныя символы; умъ не можетъ бѣть долго ими занятъ. Такимъ образомъ всякій, кто въ чемъ-нибудь провинился, долженъ снова креститься, подъ опасеніемъ утратить свое названіе угодника: безъ погруженія въ воду грѣшника, грѣхъ его не можетъ быть смытъ. Эта матеріальная необходимость возстановительнаго крещенія существуетъ для живыхъ и мертвыхъ. Всякій человѣкъ, умершій въ какомъ-нибудь преступленіи, не иначе можетъ быть спасенъ, какъ если кто-либо изъ его друзей, оставшійся въ живыхъ, не очистится за него въ очистительной водѣ: такимъ же образомъ можно жениться вмѣсто умершаго и родить ему семейство, назначенное увеличивать славу покойника въ вѣчности.

Такова у нихъ религія и такова нравственность: мормоны не менѣе пошлы и грубы въ своихъ идеяхъ о бракѣ, какъ и въ своемъ ученіи о богахъ и о судьбѣ въ будущей жизни. Среди общества, въ которомъ женщина болѣе уважаема и свободна чѣмъ въ какой либо странѣ міра, мормоны объявляютъ полигамію и порабощеніе женщинъ, неминуемое слѣдствіе многоженства. Этотъ догматъ ихъ религіи могъ такъ оскорбить американскій народъ, что Іосифъ Смитъ, увѣряя, что получилъ его какъ божественное откровеніе 12 июня 1843 года, сообщилъ о немъ только своимъ самымъ закадычнымъ друзьямъ; а Брайемъ Юнгъ обнародовалъ его только въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1852 года, когда могъ уже располагать болѣе чѣмъ тридцатью тысячами подданныхъ въ Утѣ и слѣдовательно имѣлъ достаточно силы, чтобы устоять противъ нападенія союзныхъ войскъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что основатель мормо-

низма слѣдовалъ тайному, недостойному желанію прѣвращенія полигаміи.

Дѣйствительно, эти люди, для которыхъ «жеселье есть цѣль жизни» и которые надѣются быть «богами-эгоистами», видятъ въ богатствѣ и могуществѣ ясный знакъ благословенія свѣдѣ; чѣмъ богаче мормонъ и чѣмъ ближе онъ стоитъ къ божеству, тѣмъ болѣе онъ возвышается на избранной имъ іерархіи.

Въ Америкѣ, гдѣ народонаселеніе слишкомъ малочисленно для обработки земли, жены и дѣти могутъ играть роль только предметовъ излишняго богатства. Дѣти суть сильные работники, отдающіе всѣ свои силы замѣнѣ пищи; женщины суть ревностныя служанки, заботящіяся о порядкѣ жилищъ, объ удобствахъ и матеріальныхъ наслажденіяхъ своихъ мужей и повелителей, преобразуя бѣдность въ довольство, довольство въ богатство, при помощи благоразумія и расчетливости. Такъ какъ благоволеніе боговъ къ мормонамъ измѣряется прибрѣтеннымъ богатствомъ, то имъ слѣдуетъ заботиться объ увеличеніи числа жонъ и дѣтей. Такимъ образомъ человѣкъ обогащается на землѣ и въ раю достигаетъ вѣчной славы. Каждый изъ этихъ браковъ болѣе укрѣпляетъ его на пути къ небесному престолу. «Глава многочисленнаго семейства — восклицаетъ апостолъ Орсонъ Хилъ — царствуетъ навсегда въ центрѣ своей собственной славы, подобно Богу въ вѣчности».

Къ этому столь важному для мормоновъ пункту слѣдуетъ прибавить политическія причины, которыя играютъ не менѣе важную роль. Мормоны твердо увѣрены, что они назначены быть повелителями всей земли. Здѣсь все принадлежитъ имъ по праву: золото и серебро, поля и дворцы; но для того, чтобы завоевать землю съ ея богатствами и роскошью, имъ слѣдуетъ обзавестись могущественною арміею; по словамъ библіи, дѣти Авраама должны быть такъ же многочисленны, какъ песчинки на днѣ морскомъ. Мормоны ввели, или лучше-сказать возстановили полигамію, съ цѣлью удивительнымъ образомъ увеличить народонаселеніе. Всѣ дѣти, усопшія души которыхъ они вызываютъ и даруютъ имъ жизнь, должны служить имъ въ будущемъ солдатами: имъ завѣщана слава защищать новую теократическую имперію противъ нашествія американской республики, потому отдѣлиться отъ всей земли, при помощи евреевъ и древняго міра. «Торопитесь жениться! восклицаетъ Брайенъ Юнгъ.—Чтобы я не видѣлъ болѣе мальчиковъ старше шестнадцати и дѣвочекъ старше четырнадцати лѣтъ!» И такъ у нихъ считается ужасною вѣщою противъ отечества не имѣть нѣсколькихъ жонъ, когда къ тому представляется случай; проповѣдники терпятъ приверженца моногаміи, но называютъ его въ церкви человѣкомъ «іера-

двѣтъ къ вѣрѣ». Зато приверженецъ полигаміи можетъ до безконечности увеличивать число своихъ жонъ: «всѣ дочери людей созданы для него, и та изъ нихъ, которая выходитъ замужъ за иностранца, сама приготавливаетъ себя адъ».

Порабощеніе женщины есть первое условіе полигаміи. Нужно, чтобы жена знала и говорила, что она подчинена, и взаимно своей любви требовала отъ мужа покровительство и дружбу; необходимо, чтобы она терпѣла отъ него униженіе и перестала быть подругой, чтобы сдѣлаться его собственностью. Ничто такъ хорошо не соотвѣтствуетъ іерархической системѣ, принятой мормонами. По ихъ вѣнію, женщина обладаетъ душою второго разряда и не можетъ прямоноситься съ Богомъ; ея молитвы не прежде достигнуть неба и ей не прежде даруется спасеніе, пока она не возьметъ себя мужа. Та же, которая остается дѣвицей, обращается въ ничто; законъ мормоновъ признаетъ также за дѣвицей право требовать себя мужа, «чтобы трудиться для его вѣчной славы». Это глубокое униженіе, и между тѣмъ всѣ путешественники серьезно увѣряютъ, что большинство мормонскихъ жонъ кажется совершенно примирилось со своею участью и радостно занимаетъ свои мѣста въ гаремѣ мужей-полигамовъ. Основатели мормонизма, живя въ свободныхъ штатахъ сѣвера, гдѣ республиканскія начала почерпаютъ всю свою силу въ вѣрахахъ самого семейства, очень хорошо знаютъ, что для того, чтобы заставить торжествовать полигамію, нужно было прежде всего вытребовать согласія у самихъ жонъ. Для мужа не могли превозносить это грубое ученіе; между тѣмъ какъ жоны, уже разъ подавшись ему, могли служить ему опорою своимъ увлекательнымъ фанатизмомъ. Никакое учрежденіе не можетъ имѣть успѣха, если женская половина общества не предана ему всей душой. Своимъ кроткимъ и медленнымъ вліяніемъ на мужчинъ и властью надъ дѣтьми, женщины имѣютъ въ своихъ рукахъ судьбу религій и имперій; чтобы основать теократію, могущую неотмѣнно поработить всякую совѣсть, слѣдовало сперва поработить женщинъ и поселить въ нихъ гордость ихъ подчиненнымъ положеніемъ. Вотъ за это-то дѣло взялись мормонскіе ораторы съ большимъ искусствомъ и съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца. Имъ это удалось, и теперь сами мормонскія женщины помогаютъ имъ въ своемъ собственномъ униженіи и предпочитаютъ удовольствія гарема любви и свободѣ. Изъ фанатизма такого рода, онѣ вообще охотнѣе выходятъ замужъ за многожонныхъ старцевъ, чѣмъ за молодыхъ холостяковъ, которые еще часто встрѣчаются въ Утѣ. Это весьма понятно: слава мормоновъ взвѣшивается какъ здѣсь, такъ и на небѣ числомъ жонъ. И такъ

молодая дѣвушка, желающая возсѣдать въ рай на возвышенномъ тронѣ, должна преимущественно свататься за патриарха, огромное семейство котораго обезпечиваетъ ему безсмертную славу. Есть еще другая причина, которая должна привлекать ихъ къ многоженному старцу: можно гораздо менѣе бояться за отступленіе отъ вѣры такого паши, чѣмъ молодого человѣка, который въ продолженіе многихъ лѣтъ подвергнутъ искушеніямъ свѣта. Когда старикъ-мужъ окончитъ свое земное существованіе, то молодыя жены его, раздѣлявшія съ нимъ свою судьбу, могутъ прибавить къ своимъ семействѣмъ пріятную увѣренность, что онѣ составили свое спасеніе. Въ этой многобрачной жизни заключается какая-то приманка для прельщенія нѣкоторыхъ женщинъ. «Чѣмъ болѣе имѣешь мужей, тѣмъ болѣе смѣешься (the more, the merrier)!» говорила молоденькая дѣвушка Жюлю Реми. Кстати о мормонской полигаміи: мысль о составленіи общины женщинъ была высказана, но безуспѣшно. Напротивъ того мормоны ужасно строги до своихъ правъ самовластнаго и исключительнаго господства. Будучи мужьями нѣсколькихъ жонъ, которыми они владѣютъ какъ стадомъ барановъ, они становятся очень щекотливы при вопросѣ о своихъ правахъ господина; они стараются, въ глазахъ иностранца, придать какую-то таинственность своему хозяйству и всему что имъ принадлежитъ; они ставятъ между собою и язычниками непреодолимую преграду своего эгоизма. Жоны суть самая святая и драгоценная собственность, и всякій кто обольститъ жену, дочь, или сестру мормона, долженъ погибнуть отъ руки оскорбленнаго. Мормоны говорятъ прямо, что они будутъ наказывать смертью всякое нарушение правовъ, когда владѣніе Уты будетъ преобразовано въ самовластное государство съ правомъ издавать собственные законы. Правда, что разводъ позволенъ и многократно повторяется: вотъ здѣсь-то полигамія приближается къ кровосмѣшенію. Реми рассказываетъ объ одной мормонкѣ, которая была шесть разъ замужемъ, и четыре мужа которой были еще живы.

Но можно было заранѣе предвидѣть по законамъ статистики, что полигамія произведетъ совершенно противоположные результаты, чѣмъ мормоны ихъ ожидали. Народонаселеніе менѣе увеличивается, какъ еслибы каждый угодникъ довольствовался одной женой и еслибы всѣ холостяки Уты были женаты (1). Серали мно-

(1) Въ концѣ 1858 года, насчитывали въ этой странѣ до 3617 многожонныхъ мужей, изъ которыхъ 1117 имѣли пять жонъ и болѣе; но большая часть мормоновъ не могла еще себѣ найти жонъ; даже вѣроятно, что число мужчинъ превышаетъ число женщинъ, какъ во всѣхъ странахъ, населенныхъ эмигрантами. Равновѣсіе между сектами еще не восстановлено.

гомонныхъ мормоновъ относительно представляютъ гораздо меньше дѣтей, чѣмъ «log-houses» американскихъ землекоповъ. Множество угодницъ, вышедшихъ замужъ слишкомъ рано, безплодны или мало плодовиты; кромѣ того смертность на новорожденныхъ ужасна: она даже гораздо значительнѣе, чѣмъ въ самыхъ нездоровыхъ мѣстностяхъ Северо-американскихъ Штатовъ. Папа Брайенъ Юнгъ въ 1855 году имѣлъ уже пятьдесятъ жонъ, и въ прошломъ году у него родилось девять дѣтей на одной недѣлѣ. Незнаваемо число всѣхъ, которыми онъ обладалъ; но теперь у него ихъ осталось болѣе тридцати. Замѣчено также, что въ Утѣ, какъ и въ пренахъ Турціи, родится гораздо болѣе дѣвочекъ чѣмъ мальчиковъ, между тѣмъ какъ видно совершенно противное въ странахъ, гдѣ господствуетъ моногамія. Впрочемъ дѣти мормоновъ, которыя остаются въ живыхъ, очень красивы и сильны.

III. СОЦІАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ МОРМОНОВЪ

Прогуливаясь по столицѣ мормоновъ, Жюль Реми не могъ не придти въ восхищеніе какъ отъ повсемѣстнаго порядка, такъ и отъ совершеннаго довольства, которое выражалось на лицахъ и въ разговорахъ жителей. Всѣ были въ движеніи. Не было ни питейныхъ домовъ, ни клубовъ, ни публичныхъ заведеній: взаимныя ихъ были мастерскія и самыя разнообразныя заводы и фабрики; дневная работа едва прекращалась на нѣсколько минутъ, и притомъ всегда при полномъ согласіи; пьянство и нищенство были совершенно неизвѣстны. По этой причинѣ мормоны съ полнымъ правомъ могли назвать свою страну — Страною Пчелъ: самый городъ походить на вѣчно жужжащій улей.

Къ несчастію, въ такомъ дѣятельномъ обществѣ одинъ только неапатическій трудъ считается важнымъ и заслуживающимъ полнаго вниманія. Всякій стремится сдѣлаться скорѣе работникомъ, начиная отъ простаго смертнаго до перваго изъ ихъ апостоловъ, и даже Брайенъ Юнгъ, сдѣлавшійся папою, не покинулъ свое столярное ремесло; всякій считаетъ своею обязанностью пренебрегать науками. Обитатели Уты походятъ на золотопромышленниковъ Калифорніи и Австраліи, во время золотыхъ приисковъ. На профессоровъ смотрятъ весьма неблагоклонно; они играютъ самую незначительную роль въ обществѣ. На самомъ дѣлѣ, самая задача, которую они на себя возложили, не ведетъ ли прямо къ просвѣтленію разума, къ исторженію невѣжества, а слѣдовательно и къ сопротивленію панской власти? Такимъ образомъ большая часть учрежденій, основанныхъ Брайеномъ Юнгомъ, находится теперь только на бу-

магъ. Университетъ въ пустынь находится въ полномъ составѣ: онъ имѣетъ своего канцлера, своихъ двѣнадцать профессоровъ, но безъ слушателей и даже безъ аудиторій. Школы, въ которыхъ занимаются первоначальнымъ обученіемъ, открыты только въ предѣленіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ; содержатели такихъ школъ, дурно вознаграждаемые за труды свои и преданные на общее посяганіе, считаются за одну изъ бѣдственныхныхъ язвъ и живутъ, почти безъ исключенія, въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Ничто не можетъ лучше охарактеризовать первобытное состояніе Уты, какъ копія, снятая Жюлемъ Реми съ надписи, прибитой на дверяхъ одной изъ школъ:

«Мы, учитель школы, привѣтствуемъ всѣхъ своихъ собратій!

«Въ понедѣльникъ 19 ноября, въ день убійствъ ста восьмидесяти тысячъ ассирійцевъ ангелами господними, назначается вторичное открытіе моихъ курсовъ по богословію, чтенію и письму, вмѣстѣ съ орфографіею. Но такъ какъ, послѣ семилѣтняго пребыванія нашего въ этой странѣ, наступилъ голодъ, то дѣны съ каждаго обучающагося дитяти, мальчика или дѣвочки, будутъ слѣдующія:

«За одинъ мѣсяць — четверникъ пшеницы или кукурузы, или два четверника картофеля. Но такъ какъ у насъ теперь зима, то каждый обязанъ принести съ собою, чрезъ каждые пятнадцать дней, по одному кедровому орѣху. Тѣ же, которые не могутъ платити хлѣбомъ или бермутскимъ картофелемъ, могутъ замѣнить свое приношеніе — медвѣжьимъ мясомъ, бѣлками или сушеными тыквами, равно какъ шнекомъ или сыркомъ.

«И такъ какъ я въ настоящее время страдаю голодомъ, то я желаю бы, чтобы плата за полмѣсяца была мнѣ отдана впередъ.

«Содержатель школы.»

Безполезное для мальчиковъ образованіе въ то же время гибельно и для дѣвушекъ. «Умѣть шить, вышивать, заниматься садоводствомъ, стряпать кушанья, содержать въ чистотѣ свое жилище, — вотъ чѣмъ должны ограничиваться всѣ познанія женщины, говоритъ Брайемъ. — Если же вы вздумаете занять ихъ чтеніемъ, то дѣй сейчасъ же накинутся на романы, повѣсти и тому подобную дрянь, стануть пренебрегать своими обязанностями, сдѣлаются непослушными какъ въ отношеніи мужей своихъ, такъ и отцовъ. Приучайте ихъ къ работѣ! Приучайте ихъ къ работѣ!» Какая разница, относительно образованія, между мормонами и американскими Штатами, Нью-Йоркомъ, Огейо и западомъ! Тамъ чуть ли не седьмая часть всего народонаселенія посѣщаетъ школы; процвѣтають публичные лекціи, гимназіи, институты, университеты, профессора пользуются

всеобщимъ прометомъ и всѣ законодатели поставляютъ свою главнѣйшую заботу — упрочить матерьяльное существованіе всѣхъ публичныхъ учебныхъ заведеній. Несмотря на плашенное желаніе благосклонно смотрѣть на угодниковъ, Реми не могъ не признаться, что дѣти ихъ вообще грубы, большіе лгуны, и уже съ юныхъ лѣтъ склонны къ разврату; употребляютъ почти всегда неприличныя выраженія, какъ-будто бы они были посвящены во всѣ тайны политиканта. Это преждевременное развращеніе дѣтей происходитъ отъ многихъ причинъ: они съ самыхъ молодыхъ лѣтъ лишены отцовской ласки; ихъ никогда не приучаютъ къ уваженію матерей, которыя почти всегда играютъ самую жалкую роль въ семейной жизни; ихъ слишкомъ рано посвящаютъ въ сокровенныя тайны; все грубое обученіе ограничивается механическимъ трудомъ, и существуетъ почти полное отсутствіе всякихъ умственныхъ занятій, которыя только одни въ состояніи облагородить сердце и развить умъ.

Мормоны вообще презираютъ всѣ науки, и въ особенности питаютъ полное отвращеніе къ медицинѣ. На самомъ дѣлѣ, люди, которые сами себѣ не принадлежатъ, которые поручаютъ душу и тѣло свое на попеченіе представителямъ Бога на землѣ, — поступили бы въ высшей степени незаконно, еслибы не требовали сохраненія здравія своего отъ своихъ проповѣдниковъ. Нѣсколько американскихъ медиковъ, поселившихся въ Гривъ-Сольтъ-Лекъ-Сити присвоили себѣ право заниматься леченіемъ, и такимъ образомъ какъ бы вступили въ соперничество съ преступнымъ ученіемъ Брайема-Юнга; присутствіе ихъ терпимо, но тѣ изъ мормоновъ, которые тайно обратятся къ ихъ помощи, почитаются или слабыми въ вѣрѣ, или вѣроотступниками, и не могутъ быть приняты въ члѣна церкви, до тѣхъ поръ пока не будутъ вторично окрещены.

Только одни проповѣдники имѣютъ право лечить. Для изученія этого искусства, отъ нихъ не требуются ни анатомическихъ, ни физиологическихъ познаній; имъ достаточно помазать больного масломъ, благословить и въ продолженіе долгаго времени молиться около постели больного. Какъ скоро пациентъ излечивается, благодарилъ своей крѣпкой натурѣ, или горячей вѣрѣ, то онъ приноситъ благодарность проповѣднику, которому принадлежитъ вся слава; но если болѣзнь кончается смертью, то въ этомъ видятъ твердую волю боговъ, и преступенъ будетъ тотъ, который обличитъ въ нечестивѣсть самоувѣреннаго мормона!

Если допустить, что они дѣйствительно страшатся умственной дѣятельности, то замѣнь того мормоны, увлеченные грубою, физическою силою, такъ называемою конкретно-матерьяльною, съ та-

кою страстью предаются механическому труду, которая свойственна только однимъ американцамъ. Они владѣютъ бумажными фабриками, типографіями, механическими заводами, мельницами для фабрикаціи свекловичнаго и тростниковаго сахара, чугунолитейными, бронзовыми, свинцовыми заводами, суковными, ковровыми фабриками; ружейными и пороховыми заводами, литографіями, рисовальными и вышивальными школами; во время лѣта маленкій пароходъ совершаетъ постоянные рейсы по Соленому озеру; экипажи тянутса вдоль всѣхъ главныхъ улицъ.

Мормоны-механики даже въ состояніи быть строителями пароходовъ, и въ одной изъ послѣднихъ экспедицій можно было замѣтить, съ какимъ замѣчательнымъ искусствомъ были построены одинъ изъ локомотивовъ. Они чеканятъ золотыя монеты того же самаго достоинства, какъ у американцевъ, и эти монеты отлчаются особеннымъ символическимъ изображеніемъ, представляющимъ глазъ Іова, покрытый фригійскою шапкою. Въ узкихъ долинахъ они прокладываютъ до того искусно дороги, что онѣ принесли бы честь любому изъ нашихъ европейскихъ инженеровъ: они перекидываютъ черезъ рѣки мосты, строятъ желѣзныя дороги для добыванія желѣзной руды и каменнаго угля. У нихъ только золотыя и серебряныя руды находятся въ пренебреженіи: Брайемъ Юнгъ, признавая по справедливости развращеніе и неповиновеніе неизбежными послѣствиями разработки драгоценныхъ металловъ, положительно запрещаетъ своимъ вѣрнополданнымъ заниматься этимъ ремесломъ.

Быстрое развитіе священнаго города мормоновъ Гритъ-Сольтъ-Лекъ-Сити (Great-Salt-Lake-City) поражаетъ не только американцевъ, но и жителей всѣхъ странъ. Городъ этотъ, расположенный въ видѣ амфитатра на скатѣ холма, недалеко отъ праваго берега Іордана и въ двухъ или трехъ льѣ отъ устья этой рѣки при Большомъ Соленомъ озерѣ, имѣлъ еще въ 1850 г. только нѣсколько домовъ. Въ настоящее время Гритъ-Сольтъ-Лекъ-Сити, имѣющий 16,000 жителей, представляетъ собою одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ. Всѣ улицы, шириною въ 40 метровъ, орошаются по обѣимъ сторонамъ протоками чистойшей воды, берега которыхъ усажены въ два ряда густыми ивами. Дома, всегда чистые и даже очень красивые, отдѣляются отъ улицы деревьями, густыми кустарниками и цвѣточными оградами. Огромныя площади, полныя прохлады и тѣни, прерываютъ собою однообразіе длинныхъ и совершенно прямыхъ улицъ. Въ какой необъяснимый восторгъ приходятъ путешественники, когда они, послѣ продолжительныхъ и однообразныхъ странствованій по песчанымъ степямъ, увидятъ наконецъ клочекъ земли, воздѣланной человѣческими ру-

вещи! Мормоны, приходящіе изъ Европы или Калифорніи, увидѣвъ уже издали священнѣйшій городъ, падаютъ на колѣни, подобно странствующимъ мусульманамъ, увидѣвшимъ званія Мекки или Мединѣ.

Брайемъ Юнгъ позаботился болѣе о своемъ удобствѣ, чѣмъ о прославленіи Бога, потому что въ то время какъ фундаментъ храма едва только выступалъ отъ поверхности земли, дворецъ папы уже почти совершенно оконченъ. Строеніе это очень оригинально по своей мавританской архитектурѣ и какъ-будто бы предназначается для серали; оно построено изъ отличнаго гранита и многихъ другихъ горныхъ породъ, привезенныхъ съ большимъ трудомъ съ соседнихъ горъ. Мормоны утверждаютъ, что скинія ихъ превосходитъ своимъ великолѣпіемъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя памятники; между тѣмъ, суда по плану, снятому Реми съ будущей замѣчательности, она кажется намъ весьма неизящной. Храмъ этотъ представляетъ смѣсь всѣхъ возможныхъ стилей — готическаго, романскаго, мавританскаго, и исключая симетріи, не будетъ отличаться никакимъ другимъ достоинствомъ. Правда, планъ этого зданія не былъ начертанъ самимъ Богомъ, какъ это было при построеніи Нову (Новуоо); но зато храмъ Уты построенъ только на время: при началѣ тысячелѣтія будетъ построенъ другой въ штатѣ Миссури, на томъ самомъ мѣстѣ земнаго рая, гдѣ первый человекъ благословилъ своихъ дѣтей.

Вотъ что принималъ Юсифъ Смитъ за жертвенникъ, высѣченный изъ камня, на которомъ праотецъ Адамъ совершалъ первое свое жертвоприношеніе; и вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, мормоны въ одинъ прекрасный день предадутъ пламени злыхъ и нечестивыхъ людей всего земнаго шара. Въ ожиданіи же приближающейся, столь прославленной эры, храмъ въ Гритъ-Сольтъ-Лекъ-Сити останется центромъ всего свѣта и единственно истинной скиніей мормоновъ.

Столица не будетъ имѣть другихъ церквей, равно какъ и города и селенія Уты будутъ имѣть только по одной часовнѣ, замѣняющей собою величій храмъ, въ которомъ лично служитъ пророкъ. Размноженіемъ церквей Брайемъ Юнгъ опасается ослабить силу вѣрующаго, уменьшать благоговѣніе, долженствующее существовать въ храмѣ господнемъ; должно, чтобы храмъ въ головѣ каждаго представлялся какимъ-то невыразимымъ величіемъ, должно, чтобы въ стѣнахъ священной церкви всѣ видѣли свою общую родину. По этому случаю мормоны замѣчаютъ, что во всѣхъ населенныхъ городахъ Европы церкви хотя и размножаются, но почти всегда бываютъ пустыни.

По величинѣ и красотѣ своей, второстепенные города Утичи могутъ быть сравнены съ Гритъ-Соальтъ-Лейтъ-Сити, Филморъ, въ которомъ помѣщается законодательное собраніе и верховный земскій судъ,—самое жалкое и грязное мѣстечко. Только слѣдующіе три города заслуживаютъ нѣкотораго вниманія по своему положенію: Отденсъ-Сити (Ogden's City), расположенный къ сѣверу отъ столицы, на одномъ концѣ своемъ образуетъ живописную долину; Прово (Provo), прилегающій къ устью Тимпагоноса (Timpaqonos), около озера Уты, и наконецъ Цедеръ-Сити (Cedar-City), построенный на томъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ прежде городъ, считаемаго ацтеками, и гдѣ по временамъ встрѣчаются въ вѣдрахъ земли остатки окрашенныхъ черепковъ. Затѣмъ Грантсвилль (Grantville), Непи (Nephi), Манти (Manti), Райзонъ (Rayson), Парованъ (Parowan) — ничто иное какъ селенія; всѣ зданія ихъ ограниваются одноэтажными домами и небольшими погребями весьма красивой наружности; только-что построенныя, они уже ежeminутно угрожаютъ разрушеніемъ. Самая система построенія очень простая. Какъ только находятъ удобное мѣсто, то вынимаютъ изъ почвы на 3 и 4 фута глубины глину, потомъ рѣжутъ изъ нея четырехугольные бруски на подобіе кирпичей, и раскладываютъ ихъ на землѣ; когда кирпичи эти достаточно высохли на солнцѣ, то ихъ прямо, въ такомъ видѣ, употребляютъ въ дѣло.

Всѣ города Уты населены мормонами, которые по происхожденію своему принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ націямъ: здѣсь можно найти американцевъ, и англичанъ, и скандинавовъ, и нѣмцевъ, и французовъ, и негровъ; даже встрѣчаются иногда индусы, каяки (капас) и китайцы. «Всѣ эти люди, говоритъ Рени, рожденные въ средѣ самыхъ различныхъ и часто совершенно противоположныхъ вѣрованій и предразсудковъ, различные по своему языку, нравамъ, законамъ, націямъ и обычаямъ;—эти люди должны составить одно цѣлое. На самомъ дѣлѣ, они соединяются и притомъ такими прочными узами, какими рѣдко соединяются между собою родные братья, живутъ въ полной гармоніи, посреди континента Америки, и образуютъ совершенно новую, независимую, тѣсную по своему единству націю. Можетъ-быть, благодаря этому разнообразію происхожденій, нравовъ и воспитаній, такъ легко управлять мормонами и составить изъ нихъ одну цѣлую, нераздѣльную націю. Покинутые въ степи, они не могутъ иначе привязаться другъ къ другу, какъ вслѣдствіе одного и того же фанатизма. Ни одна изъ партій не на столько могущественна, чтобы могла взять верхъ надъ другою; пришедшіе съ различныхъ концовъ земли, они всѣ поражаются, благоговѣютъ при

заглавъ въ это могущественное общество, принимающее ихъ въ свою среду. Гордость немножко не мѣшаетъ имъ безпрекословно повиноваться единой власти, коль скоро они видятъ, что всѣ единоглаголющъ равны между собою и пользуются одинаково независимостью.

Должно къ этому прибавить, что Брайемъ Юнгъ, глава мормонства, обладалъ замѣчательною способностью, или правильнѣе сказать, истиннымъ гениемъ — соглашать всѣ разнообразныя элементы своего народа. Замѣчательная хитрость соединялась съ доброю душою и неукротимою силою характера. «Онъ преслѣдовалъ каждую цѣль съ необыкновеннымъ упорствомъ, рѣдкою стойкостью и въ высшей степени замѣчательною самоувѣренностью, достигающей въ умѣ только однихъ великихъ политикамъ.»

Спокойно, хладнокровно и разсудительно онъ разбираетъ каждое дѣло и не спѣшитъ быстрымъ окончаніемъ его; но разъ постановили, онъ неуклончиво преслѣдовалъ свою мысль и не прекращалъ дѣйствіе свое до тѣхъ поръ, пока не видѣлъ полного успѣха. Въздѣвъ своего постоянно веселаго расположенія духа и кроткаго нрава онъ имѣлъ самыя непринужденныя манеры; всѣ служащія и жены его питали къ нему, какъ къ яростному фанатику, безпредѣльное почтеніе; онъ умѣлъ обворожить даже своихъ непріятелей и поработать или отдалить отъ себя всѣхъ тѣхъ, которые всегдѣ подчинялись ему. Кромѣ того все, казалось, совершалось въ немъ съ полнымъ убѣжденіемъ: безъ этого важнаго условія даже самый даровитый человекъ не можетъ создать что-нибудь великое. Онъ обладалъ многими достоинствами и недостатками, которые такъ по-сердцу невѣжественному и полудикому народу. Необыкновенная твердость воли и рѣдкое благоразуміе были главнѣйшими симптомами его двулѣтнаго правленія; онъ обладалъ способностью смѣнить всѣхъ окружающихъ, и громкій смѣхъ всегда сопровождалъ его бойкую рѣчь; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заслужилъ уваженіе людей корыстолюбивыхъ тѣмъ, что старался увеличивать свое богатство счастливыми спекуляціями.

Самый смѣхъ его казался въ глазахъ мормоновъ самымъ чистосердечнымъ; будучи ребенкомъ, онъ всего одиннадцать дней смѣлъ на школьной скамьѣ, а между тѣмъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и говорилъ на языкѣ раз, т. е. онъ объяснялся только съ тѣми изъ вѣрнопопавшихъ, которые обладали даромъ истолкованія; онъ не зналъ ни одного слова по-французски, и если кто-нибудь заговаривалъ на чужомъ языкѣ, то ему уже казалось, что шуткались на его жизнь. Мормоны считали его за вдохновеннаго диктанта.

Благоразумная политика Брайема проявлялась рѣшительно во всемъ. Недопуская мормоновъ группироваться около Солоняго озера и на плодородныхъ долинахъ уайэчскаго возвышенія, онъ рѣшилъ на всемъ протяженіи этой страны свои колоніи такъ благоразумно, что города составляли собою длинную, непрерывную цѣпь, такъ чтобъ въ случаѣ внѣшнихъ войнъ или принужденнаго отступленія можно было обратить ихъ въ укрѣпленія или засады. Еще до открытія золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи, цѣпь этихъ укрѣпленій, окружавшихъ Страну Ичель, направлялась отъ моря по направленію Санъ-Франциско по долинамъ Карсонъ, Сіера-Невада и Сакраменто; но какъ скоро Калифорнія стала Эльдoradoю всѣхъ народовъ, Брайемъ Юнгъ тотчасъ повялъ, что въ настоящее время они уже не настолько укрѣплены, чтобы можно было противодействовать ими нападеніямъ внѣшнихъ враговъ, и потому приказалъ упразднить свои аванпосты и взамѣнъ того расположилъ ихъ съ южной стороны, по направленію Ріо-Колорадо и южной Калифорніи. Построенные города при полошвѣ возвышенности Уайэчской и воздѣланныя колоніи индѣйцевъ, расположенныя въ долине Ріо-Виргенъ на дальномъ разстояніи другъ отъ друга, представляютъ собою какъ бы этапы, при помощи которыхъ начальникъ губерніи можетъ поддерживать свободныя сообщенія съ моремъ. Брайемъ Юнгъ обходится съ индѣйцами весьма миролюбиво и притомъ необыкновенно воздержно, вслѣдствіе своего кроткаго нрава и справедливости. Еслибы когда-нибудь американская республика объявила мормонамъ войну, то послѣдніе могутъ навѣрное рассчитывать на помощь тридцати тысячъ вооруженныхъ индѣйцевъ.

Коль скоро Брайемъ Юнгъ возымѣетъ желаніе построить гдѣ-нибудь новую колонію, онъ прямо, безъ всякихъ предварительныхъ соглашеній посылаетъ своихъ вѣрноподданныхъ къ мѣсту назначенія. Эти послѣдніе тотчасъ оставляютъ свои жилища и выселяются въ назначенный день одни или вмѣстѣ съ женами, смотря по желанію пророка. Такъ въ началѣ суровой зимы, когда земля уже была покрыта значительнымъ слоемъ снѣга, были выселены около шестидесяти семействъ для основанія города Санъ-Петъ (San-Pete) и для построенія для себя шалашей. Такимъ образомъ наша мормоновъ, подобно Горному Старцу, подвергаетъ своихъ вѣрноподданныхъ различнаго рода лишеніямъ, заставляетъ ихъ испытывать голодъ, холодъ и жажду, и все для того, чтобы быть увѣреннымъ, что въ случаѣ войны или отступленія можетъ онъ рассчитывать навѣрное на ихъ беспрекословное повиновеніе. Въ настоящее время мормоны, живущіе въ пустыняхъ, съ такою неустра-

нимоетью перекладать съ одного мѣста на другое, какъ будто бы вся земля принадлежала имъ. Реши, спѣшившій вообще своею похвальною, употребилъ на проѣздъ отъ Сакраменто до Большого Соленого озера пятьдесятъ восемь дней, между тѣмъ какъ онъ встрѣтилъ на дорогѣ одного мормона, который совершалъ тотъ же самый путь въ десять дней. Онъ оставался въ день только три раза, и притомъ каждая стоянка его продолжалась не болѣе двухъ часовъ; онъ вмѣстѣ съ слугою своимъ, едва успѣвали вздремнуть. Они скакали рысью по двухъ огромныхъ мулахъ, которые за неизвѣстнѣй травы довольствовались въ день однимъ фунтомъ сухарей. Правда, что нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ такою же силою какъ мормоны: одинъ изъ нихъ, германскаго происхожденія, отправился однажды совершенно одинъ изъ Сентъ-Люи въ Калифорнію пѣшкомъ, потащивъ за собою небольшую тележку съ багажомъ и съѣстными припасами. Тележку свою онъ потерялъ во время бури, переправляясь черезъ рѣку Веберъ, и очутился въ Сакраменто въ одномъ рубищѣ.

Колонисты-миссіонеры, отправляемые Брайемъ Юнгомъ въ чужія страны, должны уже сами заботиться о своемъ существованіи. Надѣленные благословеніями и напутственными молитвами обществомъ мормоновъ, они безъ гроша денегъ оставляютъ свои жилища, многочисленную семью, и отправляются, вмѣстѣ съ однимъ изъ каравановъ эмигрантовъ, въ Калифорнію или къ одному изъ атлантическихъ портовъ, смотря по мѣсту назначенія. Во время дороги, они стараются добыть себѣ денегъ или въ качествѣ камешниковъ, или столяровъ, или носильщиковъ, или вообще работниковъ; иногда занимаются матросами или поварами на корабляхъ, которые должны доставить ихъ въ Европу, Китай, Австралію или на острова Тихаго океана. Достигнувши мѣста назначенія, они въ одно и тоже время заботятся и объ основаніи своей конгрегациі, и о доставленіи себѣ работы. Часто, преслѣдуемые полиціею, они укрываются или обращаются въ бѣгство въ сосѣднія деревни, и тамъ борются съ нуждою, не находя ни въ комъ сочувствія. Нѣкоторые изъ нихъ вступаютъ въ свиту англійской милиціи, путешествуютъ съ нею и своими проповѣдями стараются привлечь ее къ себѣ.

Въ Англіи мормонскіе апостолы привлекаютъ къ себѣ наибольшее число приверженцевъ: въ концѣ 1851 г. около 33,000 вновь обращенныхъ были записаны въ городскую книгу Ливерпуля.

Въ Скандинавіи тысячи земледѣльцевъ и работниковъ увлекаются этимъ новымъ ученіемъ, которое своею грубою простотою привлекаетъ къ себѣ непросвѣщенные умы; но строгость шведскихъ

законовъ удерживаетъ огромное число еретиковъ при своей церкви. Общія собранія въ Мальмю (Malmö) часто разсѣваются полицейскими мѣрами; нерѣдко огромная толпа, вооруженная палками и ружьями, разрушала частные дома, служившіе сералями и, затѣвывая угодниковъ, немилосердно била ихъ и потопъ ссылали во рвы. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Швеціи, члены консисторіи установили штрафъ въ 25 рейхсталеровъ для тѣхъ, которые примутъ къ себѣ въ гости мормоновъ, или отдадутъ имъ въ наемъ комнату, или даже кто отведетъ имъ небольшой уголокъ во время преслѣдованія. Въ Даніи же, гдѣ на основаніи конституціи 1849 г., каждому предоставляется право свободнаго богослуженія, общества мормоновъ находятся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи (1). Весьма замѣчательно, что проповѣди мормоновъ имѣютъ успѣхъ только на сѣверѣ; изъ числа всѣхъ послѣдователей этого ученія насчитываютъ нѣсколько сотъ французовъ, итальянцевъ и испанцевъ. Чтѣ за причины такой противоположности? Ихъ много, и притомъ самыхъ разнообразныхъ. Прежде всего должно замѣтить, что большая часть апостоловъ направляется къ Британіи, гдѣ они могутъ проповѣдывать на родномъ языкѣ своемъ и пользоваться полною свободою; потомъ, какъ извѣстно, низшій, бѣдный классъ народонаселенія сѣвера, говоря вообще, гораздо грубѣе и вѣжественнѣе жителей южныхъ странъ. Они вообще склонны къ фантазмагоріи, къ призрачному міру, какъ всѣ эксцентрики. Напротивъ того, жители южной Европы тѣсно связаны съ своею религіею, менѣе склонны къ колонизаціи и даже одна мысль объ отправленіи въ Уту наводитъ на нихъ ужасъ. Кромѣ того, одна изъ главнѣйшихъ причинъ заключается между прочимъ въ томъ, что жители южной Европы не нуждаются въ неограниченной власти для прощенія грѣховъ, а слѣдовательно тѣмъ болѣе и въ признаніи какого-то заатлантическаго папы; римская церковь, которая ихъ вскармливала и вспоила, только требуетъ отъ нихъ пребыванія въ своей средѣ. Какъ бы то ни было, миссіонеры мормоновъ даже на сѣверѣ дѣлаютъ своими послѣдователями только низшій, первѣственный классъ: отъ этого происходитъ ихъ настоящій неуспѣхъ

(1) Къ 1 января 1857 года, послѣдователей Юсефа Смита было въ Скандинавіи до 2,692, изъ которыхъ 340 жили въ Швеціи, 198 въ Норвегіи и 2,447 въ Даніи. Одинъ городъ Копенгагенъ заключалъ въ себѣ до 1208 мормоновъ, почти сотую часть всего народонаселенія. Въ Исландіи же апостолы приобрѣли только семь послѣдователей своего ученія. Впрочемъ цифры эти даютъ только весьма слабое понятіе о великомъ успѣхѣ апостоловъ мормоновъ, потому что большая часть, становясь послѣдователями новаго ученія, переселяется въ свое новое отечество — Новый Іерусалимъ.

изъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ родилась эта новая вѣра; они обрѣцаютъ въ Америкѣ только вновь прибывшихъ эмигрантовъ.

Въ 1859 г. насчитывали въ Утѣ около 80,000 мормоновъ (1). Не принявъ въ расчетъ участка Каосонъ-Велли, населеннаго рудокопами, который въ скоромъ времени составитъ самостоятельное владѣніе и будетъ носить названіе Невада (Nevada), число жителей Уты простирается теперь до 100,000 и потому мормоны имѣютъ право причислять свою страну къ числу верховныхъ штатовъ. Впрочемъ еще сомнительно, чтобы общій конгрессъ призналъ ихъ штатъ, когда въ немъ еще до сихъ поръ многоженство находится въ полнѣмъ почетѣ. Уже мормоны, живущіе въ Калифорніи и другихъ частяхъ Союза, принуждены были отказаться отъ своего дорогого обычая. 5 апрѣля 1860 г. представительная палата въ Вашингтонѣ дѣлала предложеніе объ уничтоженіи многоженства, въ пользу котораго было 149 голосовъ, противъ 60; но сенатъ замедлилъ рѣшеніемъ этого вопроса и только потому мормоны не объявляютъ открытой войны федералистамъ. Въ настоящее же время, благодаря вопросу о невольничествѣ, рѣшеніе остановлено, и мормоны могутъ укрѣплять крѣпости свои на горахъ.

Можно положительно сказать, что Брайемъ Юнгъ и его вѣроповѣданные ни на минуту не прекращали своей вражды съ американскою республикою; безпорно, она явилась вслѣдствіе стычекъ между представителями Союза, обреченными управлять страной, и духовными лицами, которыя иногда также временно получаютъ полную власть. Магистраты, учрежденные тамъ федералистами, существуютъ только номинально, изъ вѣжливости, потому что если двое мормоновъ поссорятся между собою и захотятъ, чтобы ихъ разсудилъ судъ Соединенныхъ Штатовъ, то они, прежде чѣмъ рѣшиться на это, предварительно обращаются для разсмотрѣнія спора къ

(1) Реми утверждаетъ, что въ 1859 г. число мормоновъ, распространенныхъ по всему земному шару, простиралось до 186,000, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Ута имбегъ	80,000
Соединенные Штаты и Калифорнія	40,000
Британія	33,000
Австралія, Новая Зеландія, Сандвичевы острова, Тамти и другіе.	10,000
Кавада и Англія.	8,000
Скандинавія	5,000
Германія	3,000
Южная Америка и Антильскіе острова	2,000
Швейцарія и Пьемонтъ	1,500
Франція	500
Другія страны (Азія, Африка и проч.)	3,600

Всего . . . 186,600

одному изъ братьевъ Брайему или Кимбаллу. Они довершаютъ только своимъ законамъ, въ родѣ монсеевыхъ, по которымъ всевозможныя преступленія и злодѣянія наказываются одинаковымъ образомъ: око за око, зубъ за зубъ. Реми нападаетъ на служащихъ федералистовъ, посланныхъ въ Уту президентомъ Соединенныхъ Штатовъ: онъ укоряетъ ихъ, безъ исключенія, въ страсти къ картежной игрѣ, въ развратѣ; этимъ конечно они все болѣе и болѣе становятся ненавистнѣе мормонамъ и возбуждаютъ противъ себя общее негодованіе. Положимъ даже, что это бываетъ только съ нѣкоторыми изъ федералистовъ, но во всякомъ случаѣ фактъ, что всѣ недавно опредѣленные, служащіе американцы живутъ въ совершенной враждѣ съ мормонами, ясно показываетъ, какъ велика ненависть этихъ послѣднихъ къ союзу. Въ 1857 и 1858 г., вслѣдствіе однихъ неудовольствій между Брайемъ Юнгомъ и представителями Вашингтона, Ута была атакована арміею федералистовъ. Конечно, пророкъ могъ весьма легко уничтожить ихъ, такъ какъ она была немногочисленна, но безспорно, онъ скоро увидѣлъ всю угрожающую ему опасность отъ такой побѣды, потому что приготовлялся къ новому походу и, ради мщенія, предалъ пламени всѣ города, по которымъ проходилъ.

Мормоны никогда не принимаютъ къ себѣ *язычниковъ*, равно какъ и язычники, проходящіе владѣніе Уты, безъ рекомендательныхъ писемъ, никогда къ нимъ не обращаются, потому что между язычниками и американскими общинами существуетъ непримиримая ненависть. Мормоны говорятъ объ египтянахъ съ такимъ отвращеніемъ, съ какимъ мнѣе предки ихъ, іудея, говорили иногда объ идумееняхъ и моавитянахъ. Когда мормоны еще не были *своими* виноградинокъ, то они съ ужасомъ помышляли объ употребленіи при причастіи вина, взятаго у язычниковъ; епископы предпочитали употреблять для этого воду. При всякомъ случаѣ они обнаруживали полное отвращеніе ко всему американскому и, какъ говорятъ, при совершеніи своихъ священныхъ таинствъ, они проклинали всю великую республику. Приметь ли эта ненависть мормоновъ къ язычникамъ свободный ходъ, и колыно «ангеловъ—губителей», о которыхъ уже такъ много говорили, отмстить ли за смерть Іосифа и Іерувима Смита, за всѣ гоненія, за голодъ, который они претерпѣвали и за всѣ лишенія, которымъ подвергались во время страшнаго исхода? Извѣстно только то, что мормоны имѣютъ уже ружья, съ которыми они научаются обращаться, и что разъ въ недѣлю они собираются вмѣстѣ и маневрируютъ. Самый храбрый и непоколебимый изъ всѣхъ мормоновъ, это — солдатъ, потому что онъ какъ-то слѣпо повинуется своему начальству и въ своей смерти видитъ безгра-

ничью благодать, посылаемую ему отъ Бога. Забывая о великомъ распространеніи другихъ религіозныхъ сектъ, мормоны гордятся только своимъ необычайнымъ успѣхомъ, что въ тридцать лѣтъ они успѣли привлечь къ себѣ до 200,000 человекъ, изъ которыхъ 100,000 составляютъ какъ бы одну нераздѣльную націю. Въ этомъ фактѣ апостолы мормоновъ видятъ вѣрный залогъ своей блестящей будущности. Уже они считаютъ себя завоевателями всей вселенной. Послушать ихъ, такъ богословы Уты уже знакомы въ совершенствѣ не только съ нашею современною исторіею, но даже и съ послѣдующею: въ грядущемъ Гогъ и Магогъ, т. е. короли земли и ихъ войска, соединяются вмѣстѣ, чтобы разорить новѣйшихъ угольниковъ; во имъ нечего этого опасаться, потому что пророкъ ихъ будетъ держать въ рукѣ огненный мечъ Лавана. Гогъ и Магогъ будутъ побѣждены въ сраженіи при Армагеддонѣ и Господь истребитъ чумою и голодомъ послѣдніе остатки всей арміи. Тогда мормоны останутся владѣтелями всего міра и воцарится полное благополучіе, существующее уже тысячи лѣтъ. Иудеи древняго міра станутъ перестраивать свой храмъ въ Іерусалимѣ, между тѣмъ какъ израильтяне или мормоны, при помощи побѣжденныхъ индѣйцевъ, построятъ себѣ новый Іерусалимъ на землѣ Джаксонъ, въ самомъ центрѣ древняго, земнаго рая. Континенты Европы и Америки, отдѣленные въ настоящее время Атлантическимъ океаномъ, снова соединятся вмѣстѣ, какъ это было въ первый день сотворенія міра, и построитъ города на приподнятой землѣ моря: «между двумя Іерусалимами будетъ пролегать широкая дорога, до которой еще никогда не касалась лапа льва и которая еще оставалась сокровенною для глаза орла.»

Все это совершится еще до истеченія настоящаго столѣтія, и Брайемъ Юнгъ нисколько не задумываясь утверждаетъ, что въ 1890 году Соединенные Штаты уже не будутъ болѣе существовать.

Свободные американцы, напротивъ того, положительно утверждаютъ, что они не могутъ выносить посреди своей республики такую ужасную теократію, которая образуетъ изъ себя штатъ невольниковъ и которая своимъ страннымъ іерархическимъ устройствомъ подвергаетъ опасности личную свободу. Послѣ борьбы, подробности которой трудно предсказать напередъ, мормоны будутъ принуждены или постепенно переходить въ американскія колоніи и такимъ образомъ ослабить свою централизацию, или же переселиться на острова Тихаго океана. Можетъ-быть смерть Брайема, рука котораго умѣла такъ искусно управлять этою странною, заставитъ ихъ разсѣяться на враждебныя другъ другу партіи, которыя совершенно безсознательно будутъ подкапывать себѣ мо-

гилу. Въ Америкѣ, гдѣ всѣ событія быстро сдѣляются одни другими, гдѣ все развивается съ неизмѣрною быстротою, можетъ быть фанатизмъ къ мормонизму не перейдетъ отъ отца къ сыну. Тѣмъ болѣе, что доктрины и нравы мормоновъ уже принесли свои плоды: новѣйшее поколѣніе заражено до глубины души и уже не живеть болѣе никакому вѣроу, составляющему достойное возражающее государство.

Можно сказать, что періодъ паденія мормоновъ уже начался. Правда, что число ихъ все еще возрастаетъ, города украшаются, дороги увеличиваются, но несмотря на то, всѣ эти улучшенія новѣйшихъ угодниковъ далеко отстали отъ быстрой цивилизаціи сѣверныхъ штатовъ.

Владѣніе Уты было населено прежде Калифорніи и въ немъ считаются только до 100,000 жителей, между тѣмъ какъ въ штатѣ Тихаго океана — слишкомъ 500,000 душъ; въ немъ процветаетъ обширная торговля, многочисленные заводы, желѣзныя дороги и пароходы. Колоніи Калифорніи дѣлаютъ частыя нападѣнія на владѣніе Уты, и даже завладѣли всею правою стороною ея.

Земледѣльцы Вашо (Washoe), Карсона (Carson) и озера Пирамиды (Pyramid), въ числѣ 60,000 человекъ, непримиримые враги мормоновъ, ежегодно приближаютъ свои аванпосты къ Новому Иерусалиму, не повинуютъ никакимъ законамъ мормоновъ и ежедневно угрожаютъ разрушеніемъ всего государства Брайема Юнга, какъ скоро число ихъ увеличится. Въ то же самое время рудокопы Канваса (Kanvas), едва пришедшіе на поляны востока, раздвигаютъ свои границы до подошвы Скалистыхъ горъ и взбираются на вершины холмовъ, гдѣ представляется глазамъ зрителя Большое Соленое озеро. Граница, которая отдѣляетъ Новый Иерусалимъ отъ Нью-Йорка и Сан-Франциско, кажется для глаза весьма незначительною. Первоначально весьма обыкновенная улица соединила между собою этотъ городъ съ другими двумя городами Тихаго и Атлантическаго океана; потомъ проложили дорогу болѣе роскошную; въ настоящее время уже электрическія проволоки распространяются по поверхности Уты; не пройдетъ десяти лѣтъ, — линіи желѣзныхъ дорогъ, которыя уже и въ настоящее время окружаютъ границы мормоновъ, составятъ главный путь въ этой пустынѣ для всѣхъ народовъ. Человѣчество солидарно: вотъ роковой законъ, котораго ни одно человеческое общество не въ состояніи обойти. Какъ бы нравственно общество ни было, оно не можетъ существовать изолированнымъ; пожалуй, на время оно можетъ поселиться въ пустынѣ, окружить себя своими законами, регламентаціями, различнаго рода запрещеніями, — воздушная завѣса рано или поздно падаетъ

быть опрокинута, и тѣ изъ эгоистовъ, которые до сихъ поръ не желали мирнымъ путемъ вступить въ соприкосновеніе съ сосѣдними народами, только послѣ продолжительныхъ и жестокихъ жертвъ попадутъ въ человѣческую среду. Фанатизмъ мормоновъ, замѣчательная промышленность ихъ, согласіе, даже очевидная справедливость не будутъ въ состояніи спасти ихъ отъ судьбы, которая имъ угрожаетъ, потому что они встали поперегъ человѣчества; въра ихъ называетъ имъ на непріятелей и будущихъ рабовъ въ лицѣ всего человѣчества, между тѣмъ какъ встанная реальія есть всеобщее братство.

THE
 CHURCH OF
 CHRIST
 OF THE
 LATTER
 DAYS
 SAINTS
 AND
 REDEEMERS
 OF
 MANKIND
 IN
 FULL
 COMMUNICATION
 WITH
 THE
 CHURCHES
 AND
 COMMUNITIES
 OF
 ALL
 FAITHS
 AND
 DENOMINATIONS
 OF
 ALL
 COUNTRIES
 AND
 CLIMATES
 IN
 THE
 YEAR
 OF
 OUR
 LORD
 1844

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢТИ

(О. С. Ч—ской)

Опять я въ деревнѣ. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живетъ легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрелъ я въ сарай и заснулъ глубоко.
Проснулся : въ широкія щели сарая
Глядятся веселаго солнца лучи.
Воркуетъ голубка ; надъ крышей летая,
Кричатъ молодые грачи.
Летитъ и другая кака-то птица —
По тѣни узналъ я ворону какъ разъ !
Чу ! шопотъ какой-то... а вотъ вереница
Влоль щели внимательныхъ глазъ !
Все сѣрые, каріе, синіе глазки —
Смѣшались какъ въ полѣ цвѣты.
Въ нихъ столько покоя, свободы и ласки,
Въ нихъ столько святой доброты !
Я дѣтскаго глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замеръ : коснулось души умиленье...
Чу ! шопотъ опять !

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ

Борода !

ВТОРОЙ

А баринъ, сказали !..

ТРЕТІЙ

Потише вы, черти !

ВТОРОЙ

У баръ бороды не бываетъ — усы.

ПЕРВЫЙ

А ноги-то длинныя, словно какъ жерди.

ЧЕТВЕРТЫЙ

А вона на шапкѣ глядитко — часы!

ПЯТЫЙ

Ай важная штука!

ШЕСТОЙ

И цѣпь золотая...

СЕДЬМОЙ

Чай, дорого стоитъ?

ВОСЬМОЙ

Какъ солнце горитъ!

ДЕВЯТЫЙ

А вона собака — большая-большая!

Вода съ языка-то бѣжитъ.

ПЯТЫЙ

Ружье! поглядитко: стволина двойная,
Замочки рѣзные...

ТРЕТИЙ (съ испугами)

Глядитъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ

Молчи, ничего! постоимъ еще, Гриша!

ТРЕТИЙ

Прибѣсть...»

Испугались шпионы мои

И кинулись прочь: человекъ заслыша,
Такъ стайей съ мякны летятъ воробы.
Затихъ я, прищурився — снова явился,

Глазенки мелькаютъ въ щели.

Что было со мною, — всему подивились

И мой приговоръ нарекаю :
 — Такому-то гусю ужъ что за охота !
 Лежалъ бы себѣ на печи ?
 И видно не баринъ : какъ вѣхалъ съ болота,
 Такъ рядомъ съ Гаврилой... « Услышитъ, молчи ! »

О, милые плуты ! Кто часто ихъ видѣлъ,
 Тотъ, вѣрю я, любить крестьянскихъ дѣтей ;
 Но если бы даже ты ихъ ненавидѣлъ,
 Читатель, какъ «визкаго рода людей», —
 Я все-таки должецъ признаться открыто,
 Что часто завидую имъ :

Въ ихъ жизни такъ много поэзіи слито,
 Какъ дай Богъ балованымъ дѣткамъ твоимъ.
 Счастливый народъ ! Ни науки, ни нѣги
 Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они.

Я дѣлывалъ съ ними грибные набѣги :
 Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни,
 Старался примѣтить грибное мѣстечко,
 А утромъ не могъ низачто отыскать.

«Взгляни-ка, Савося, какое волечко !»
 Мы оба нагнулись, да разомъ и хватъ
 Змѣю ! Я подпрыгнулъ : ужалила больно !
 Савося хохочетъ : — «попался просто !»...

Зато мы потомъ ихъ губили довольно
 И клали рядкомъ на перилы моста.
 Должно-быть за подвигъ славы мы ждали.
 У насъ же дорога большая была :
 Рабочаго званія люди сновали

По ней безъ числа.

Копатель канавъ вологжанинъ,
 Дулильщикъ, портной, шерстобить,
 А то въ монастырь горожанинъ
 Подъ праздникъ молиться катить.

Подъ наши густые, старинныя вязы
 На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
 Ребята обступятъ : начнутся рассказы
 Про Кіевъ, про турку, про чувливыхъ еврей.
 Иной подгуляетъ, такъ только держися
 Начнетъ съ Воючки, до Казани доидеть

Чухну передразнить, мордву, черемшю,
 И сказкой потѣшить, и пригнать свернуть!
 «Прощайте, ребята! Старайтесь найнче:
 На Господа Бога во всеиъ потрафлять!
 У насъ бывъ Вавило, жилъ весьиъ побогаче,
 Да вздумалъ однажды на Бога рошталъ,
 Съ тѣхъ поръ захудалъ, разорился Вавило,
 Нѣтъ меду со пчель, урожаю съ земли,
 И только въ одномъ ему счастье было,
 Что волосы изъ носу нибко-росли...»
 Рабочій разставитъ, разложитъ снаряды —
 Рубанки, подпилки, долота, ножи:
 «Гляди, чертенята!» А дѣти и рады —
 Какъ пилишь, какъ лудичь — имъ все покажи.
 Прохожій заснетъ подъ свои прибаутчи,
 Ребята за дѣло — пилить и строгать!
 Иступать пилу — не наточишь и въ сутки!
 Сломають буравъ — и съ испугу бѣжать,
 Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали,
 Что новый прохожій, то новый рассказъ...

Ухъ, жарко!.. До полдня грибы собирали,
 Вотъ изъ лѣсу вышли — навстрѣчу какъ разъ
 Синѣющей лентой, извилистой, длинной,
 Рѣка луговая: прыгнули гурабой
 И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной
 Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
 Рѣка огласилась и смѣхомъ и всеиъ:
 Тутъ драка — не драка, игра — не игра...
 А солнце палить имъ полуденнымъ зноемъ.
 Домой, ребятинки! ѣдять пора.
 Вернулись: у каждаго полно лукошко,
 А сколько рассказовъ! Попался косою,
 Поймали ежа, заблудились немножко
 И видѣли волка... у, страшный какой!
 Ежу предлагають и мухъ и козявокъ,
 Карней молочко ему отдають свое —
 Не пьетъ! отступились...

Кто ловить шивокъ

На лавѣ, гдѣ мати колотить бѣлье,
 Кто нянчить сестренку двухлѣтнюю Глашку,
 Кто тащить на шожню ведерка краску;

А тотъ, подвязавши шодъ горло рубашку,
 Тайственно что-то чертить по песку;
 Та въ лужу забила, а эта съ обивой
 Сплела себѣ славный вѣнокъ :
 Все бѣленькой, желтенькой, блѣдно-лиловой
 Да изрѣдка красный цвѣтокъ.
 Тѣ спать на припекѣ, тѣ плашутъ въ присаду,
 Вотъ дѣвочка ловить лукошкомъ лошадку :
 Поймала, вскочила и бѣдетъ на ней.
 И ей ли, подъ солнечнымъ зноемъ рожденной
 И въ фартукъ съ поля домой принесенной,
 Бояться смиренной лошади своей?..

Грибная пора отойти не успѣла,
 Глади — ужъ чернеховьки губы у всѣхъ,
 Набили оскому : черница поспѣла!
 А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
 Ребаческій крикъ, повторяемый эхомъ,
 Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
 Испугана пѣшьемъ, аukanьемъ, смѣхомъ,
 Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
 Зайчонокъ ли вскочитъ — содомъ, суматоха!
 Вотъ старый глухарь съ обливающимъ крыломъ
 Въ кусту заволился... ну, бѣдному плохо!
 Живого въ деревню тащатъ съ торжествомъ...

— Довольно, Ванюша! гулялъ ты не мало,

Пора за работу, родной! —

Но даже и трудъ обернется сначала
 Къ Ванюшкѣ нарядной своей стороной :
 Онъ видитъ какъ поле отецъ улобруетъ,
 Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно,
 Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,
 Какъ колосья растутъ, наливаются зерно.
 Готовую жатву подрѣжутъ серпами,
 Въ снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ,
 Просушатъ, колотать-колотить цѣпами,
 На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.
 Отвѣдаетъ свѣжаго хлѣбца ребенокъ
 И въ поле охотнѣй бѣжитъ за отцомъ.
 Навьютъ лѣ сѣнца : «полѣзай, пострѣленокъ!»
 Ванюша въ деревню вѣзжаетъ царемъ...

Однакоже зависть въ дворянскоѣ дѣтяти
Посѣять нимъ было бы жаль.

И такъ, обернуть мы обязаны истати
Другой стороною медаль.

Положимъ, крестьянскій ребенокъ свободно
Ростеть, не учась ничему,

Но выростеть онъ, если Богу угодно,
А сгнбнуть ничто не мѣшаетъ ему.

Положимъ, онъ знаетъ лѣсныя дорожки,

Гарцуетъ верхомъ, не боится воды;

Зато безопадно ѣдятъ его мошки,

Зато ему рано знакомы труды.

Однажды, въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.

Гляжу — подымается медленно въ гору

Лошадка, везущая хворосту возъ,

И шестуя важно, въ спокойствіи чинномъ

Лошадку ведетъ полъ-узды мужичокъ

Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,

Въ большихъ рукавицахъ... а самъ съ ноготокъ!

— Здорово, парнище! — «Ступай себѣ мимо!»

— Ужь больно ты грозенъ, какъ я погляжу!

Откуда дровишки? — «Изъ лѣсу, вѣстимо;

Отецъ, слышишь, рубить, а я отвожу.

(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).

— А что, у отца-то большая семья? —

«Семья-то большая, да два человекъ

Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я...»

— Такъ вотъ оно что! А какъ звать тебя? — «Власомъ».

— А кой тебѣ годикъ? — «Шестой миновалъ...

Ну, мертвая!» крикнулъ малюточка басомъ,

Рванулъ подъ-узды и быстрѣй зашагалъ...

На эту картину такъ солнце свѣтило,

Ребенокъ былъ такъ уморительно малъ,

Какъ-будто все это картонное было,

Какъ-будто бы въ дѣтскій театръ я попалъ.

Но мальчакъ былъ мальчикъ живой, настоящій,

И дровни, и хворость, и пѣгонькій конь,

И снѣгъ до окошекъ деревни лежащій,

И зимняго солнца холодный огонь —

Все, все настоящее русское было.

Съ клеймомъ нечелюдной, мертвящей вимы,
 Что русской душѣ такъ мучительно мило,
 Что русскія мысли вселяетъ въ умы, —
 Тѣ честныя мысли, которымъ нѣтъ доли,
 Которымъ нѣтъ смерти —
 Въ которыхъ такъ много и злобы и боли,
 Въ которыхъ такъ много любви!

Играйте же, дѣта! Растите на волѣ!
 На то вамъ и красное дѣтство дано,
 Чтобъ вѣчно любить это скудное поле,
 Чтобъ вѣчно вамъ милымъ казалось оно.
 Храните свое вѣковое наслѣдство,
 Любите свой хлѣбъ трудовой —
 И пусть обданые поэзіи дѣтства
 Проводитъ васъ въ нѣдра землицы родной!..

Теперь намъ пора возвратиться къ началу.
 Замѣтите, что стали ребята смѣливѣе, —
 — Ай! воры идутъ! закричалъ я Фингалу;
 — Украдутъ, украдутъ! Ну прятъ поскорѣй! —
 Фингалушка скорчалъ серьезную мину,
 Подъ сѣно пожитки мои закопалъ,
 Съ особымъ стараньемъ припряталъ дичину,
 У ногъ моихъ легъ — и сердито рычалъ.
 Обширная область собачьей науки
 Ему въ совершенствѣ знакома была;
 Онъ началъ такія выкидывать штуки,
 Что публика съ мѣста сойти не могла.
 Дивятся, хохочутъ! Ужь тутъ не до страха!
 Командуютъ сами: — Фингалка, умри!
 — «Не засти, Сергѣй! Не толкайся, Кузяха!
 Смотри — умираетъ — смотри!»
 Я самъ наслаждался, валяясь на сѣнѣ,
 Ихъ шумнымъ весельемъ. Вдругъ стало темно
 Въ сараѣ: такъ быстро темнѣетъ на сценѣ,
 Когда разразится грозъ суждено.
 И точно: ударъ прогремѣлъ надъ сараемъ,
 Въ сарай полилась дождевая рѣка,
 Актеръ залился оглушительнымъ ласемъ,

А зрители дали стрелка!
Широкая дверь отперлась, заскрипѣла,
Ударилась въ стѣну, опять заперлась.
Я выглянулъ: темная туча висѣла
Надъ нашимъ театромъ какъ разъ;
Подъ крупнымъ дождемъ ребяташки бѣжали
Босые къ деревнѣ своей...
Мы съ вѣтряшъ Фингаломъ грозу передали
И вышли искать дупелей.

Н. НЕКРАСОВЪ

УГОЛОКЪ АНДАЛУЗІИ

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ)

посвящено А. И. Якунчиковой

Разлука съ Кадисомъ. — Пароходъ. — TORTILLAS PER NEBAS. — Пассажиры. — Берега Гвадалквивира. — Приѣздъ въ Севилью. — Первое впечатлѣніе. — FONDA DE PARIS. — Разказы. — Севилья ночью. — Нѣсколько словъ о нравахъ. — Утро. — Севилья днемъ. — Жиральда. — Соборъ. — LA CARIDAD. — Легенда о Донъ-Хуанъ. — Натурализмъ. — Св. Феликсъ де СОНТАЛІСІО. — Драгоценное фланерство. — ПЕРІАНА. — Торговая площадь. — Церковная процессія. — Религіозность. — Поездка въ ALCALA. — Дороги. — Происшествіе. — Въ театрѣ. — ЗАЛА НАЦИОНАЛЬНЫХЪ ТАНЦЕВЪ. — Бонанца. — Дорога и страна. — Разочарованіе. — Хересь. — PUERTO ST-MARIA. — Возвращеніе въ гавань Кадиса.

Кадисъ рѣшительно околдовалъ насъ. Съ каждымъ днемъ мы болѣе и болѣе къ нему привыкали; съ каждымъ днемъ труднѣе было изъ него вырваться. Возвращаясь поздно ночью въ фонду Vista-Allegri, мы всякій разъ давали себѣ слово непременно уѣхать завтра; но наступитъ утро, выйдешь на балконъ, взглянешь на синій океанъ, на бѣлый городъ, который начинаетъ пробуждаться, — и тутъ же исчезнетъ вчерашняя рѣшимость, тутъ же начнешь хитрить съ самимъ собою и примешься обдумывать, какъ бы склонить товарищей остаться здѣсь еще лишній день. Такъ дѣйствовалъ каждый изъ насъ, но дѣйствовалъ втайнѣ, потому что съ наступленіемъ вечера каждый въ свою очередь краснорѣчиво начиналъ доказывать, что лишній этотъ день былъ нѣкоторымъ образомъ жертвой, принесенной въ видахъ дружбы и товарищества.

Какъ ни трогателенъ такого рода combat de générosité, но время повидимому нисколько имъ не умилялось: оно шло-себѣ сво-

нимъ чередомъ , и съ каждой секундой сокращало срокъ , назначенный намъ для путешествія по Испаніи. Подконецъ мы даже испугались.

— Господа! повторяли мы чаще одинъ другому , и каждый разъ съ большею энергіей и убѣжденіемъ : — господа! шутки въ сторону : продолжая такимъ образомъ , мы право рискуемъ не видать Севильи...

Наконецъ рѣшено было выѣхать изъ Кадиса 15 октября.

Каждое утро отправлялись изъ Кадиса два парохода : одинъ уходилъ въ одиннадцать часовъ , другой въ двѣнадцать ; между Кадисомъ и Севильей всего семь часовъ разстоянія по Гвадалквивиру. Предположите , что въ концѣ плаванія по Гвадалквивиру находится не Севилья , но Коломна или Серпуховъ , — и тогда бы казалось съ удовольствіемъ можно было предпринять такое путешествіе ; а между тѣмъ (судите по этому , какой городъ Кадисъ) намъ все-таки трудно было съ нимъ проститься.

Въ условный день , часу въ одиннадцатомъ мы стояли однакожь на пристани.

Накупивъ свѣжихъ , только-что сорванныхъ съ дерева гратъ , сѣли мы въ шлюпку и отправились на пароходъ. На черныхъ крыльяхъ его колесъ большими золотыми буквами написано было : «Севилья». Мы пріѣхали почти цѣлымъ часомъ раньше ; палуба была совершенно пуста.

— Господа! вспомните , что мы еще не завтракали! произнесъ С^о , между тѣмъ какъ мы смотрѣли на бѣлый Кадисъ , перстрѣвшій своими зелеными балконами , полосатыми маркизами и терасами , наполненными цвѣтами и зеленью ; все это мѣстами повторялось на гладкой , густой лазури океана. — Господа! мы такъ боялись не сдержать слова , продолжалъ С^о , — такъ боялись не ослабнуть духомъ и снова не остаться въ Кадисѣ , что совершенно забыли о желудкѣ! Нечего ждать пріѣзда пассажировъ ; надо напротивъ спѣшить избавить себя отъ такой опасной конкуренціи : начать ѣсть — намъ меньше останется! Пойдемте-ка въ буфетъ и распорядимся заблаговременно...

Речь С^о не могла не встрѣтить сочувствія : дѣйствительно всѣ были очень голодны. Общество поспѣшило сойти во вторую палубу , гдѣ разставлены были два стола , накрытые скатертью.

— La lista! carta! закричали всѣ въ одинъ голосъ , обращаясь къ буфетчику , котораго , даже безъ большихъ усилій воображе-

нія, легко было принять за бандита, перерядившагося въ черную куртку и такіе же панталоны.

Въ дѣлѣ насыщенія себя «lista» оказалась однакожъ совершенно лишнею вещью.

Изъ двадцати блюдъ, означенныхъ на ней, мы ни въ одномъ не могли дать себѣ даже приблизительнаго отчета; не было названія, котораго каждый изъ насъ не толковалъ бы по-своему. Каждый день въ Vista-Allegri мы находили готовыми завтракъ, обѣдъ, и виному тогда въ гблову не пришло — хоть разъ спросить названіе блюдъ, записать ихъ или запомнить, чтобы при случаѣ не стать втупикъ, какъ это теперь съ нами дѣлалось.

— Госюда, вотъ тутъ, подъ номеромъ восьмымъ написано: Tortillas per herbas, замѣтилъ Б. Т.: — это безъ всякаго сомнѣнья значить: супъ tortue, черепаховый супъ. Дѣлать нечего, спросимъ хоть супъ tortue; онъ очень питателенъ; авось достаточно будетъ, чтобы заморить голодъ до Севильи.

— Tortillas per herbas! уже говорили мы буфетчику, подымая кверху четыре пальца правой руки, что обозначало четыре порціи.

Въ ожиданіи принесеннаго были сверху купленные гранаты: мы принялись завтракать, заѣдая ихъ маленькими бѣлыми хлѣбцами, которые тутъ же лежали на столѣ, въ плетеной соломенной корзинкѣ.

Хлѣбъ былъ изъ рукъ вошь плохъ: кисель, тяжолъ; отзывался чѣмъ-то затхлымъ; другого хлѣба мы впрочемъ не пробовали еще въ Испаніи; даже въ милой нашей фондѣ Vista-Allegri онъ не былъ лучше. Его пекутъ здѣсь изъ кукурузной муки и безъ дрожжей. Гранаты зато оказались превосходными. Между здѣшними гранатами и тѣми, которыя продаются у насъ въ милотиныхъ лавкахъ, сходство тоже, что между свѣженькой семнадцатилѣтней дѣвушкой и сорокалѣтней старой дѣвой, умирающей отъ сухотки. Здѣсь розовая оболочка веревъ наполнена прохладяющимъ сладкимъ сокомъ, который льется струйками и обсахариваетъ пальцы, какъ только начнешь снимать шкуру.

Полчаса послѣ ухода буфетчика, онъ снова явился съ подносомъ, усаженнымъ четырьмя тарелками.

— Вотъ наконецъ и tortillas! раздалось радостное восклицаніе.

Но радость смѣнилась изумленьемъ, какъ только взглянули

мы въ тарелки : вмѣсто четырехъ порцій черепаховатаго супа, передъ нами красовались четыре яичницы! Tortillas per herbas — испанскія яичница. Наши гастрономическія свѣдѣнія пополнились сверхъ того тѣмъ еще, что испанская яичница невозможна даже для голоднаго человѣка : она приправляется зеленюватымъ оливковымъ масломъ, пересыпается рубленнымъ чеснокомъ и кусочками прогорькалаго свиного сала.

Бѣда да и только ! приходилось почти умирать съ голоду на порогѣ буфета и кухни, наполненныхъ по всей вѣроятности съистыми припасами всякаго рода. Ксчастію, вскорѣ подошолъ на выручку одинъ пассажиръ : онъ намъ знакомъ былъ по Кадису.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, весельчичи, улыный малый, родомъ берлянецъ ; онъ уже девятый разъ совершалъ путешествіе по Испаніи, живалъ здѣсь по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, зналъ языкъ отлично, а страну какъ свои пять пальцевъ. Его посылали сюда въ качествѣ своего повѣреннаго хозяина одной изъ самыхъ значительныхъ полотняныхъ фабрикъ сѣверной Пруссіи. Такихъ комиссіонеровъ по части полотняныхъ здѣлій Германіи здѣсь очень много.

Бѣлья рубашки, которыми любуешься на груди шajos, юшки, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ маленькія вожики андалузлянокъ — все это, не мѣшаетъ замѣтить, произрастаетъ и обрабатывается на нѣмецкой почвѣ. Пораженный щегольствомъ кадитановъ и кадитанокъ, я, признаюсь, сначала начиналъ сомнѣваться въ истинѣ того, что читалъ о жалкомъ состояніи промышленности въ Испаніи ; но бесѣды съ нашимъ знакомымъ вѣнцемъ и потомъ время убѣдили меня, что читанное и слышанное нимало не преувеличено. На всемъ пространствѣ пиренейскаго полуострова нѣтъ ни одной фабрики, ни одного завода, за исключеніемъ одной только Каталоніи и преимущественно Барцелоны. Самая промышленность Каталоніи и Барцелоны важна только сравнительно ; произведенія ихъ какъ капля въ морѣ въ отношеніи къ общей потребности ; кому же, такъ какъ удобныя дорогъ не существуетъ, и произведенія это доставляются на мулахъ, они, вѣсьма естественно, обходятся покупателю втридорога. Всевозможные товары приходятъ сюда изъ Германіи, Франціи и Англіи ; они достигаютъ своей цѣли частью правильными торговыми путями, и тогда, благодаря огромной таможен-

ной пошлинѣ, обходится еще дороже мѣстныхъ произведеній; частью, заграничный товаръ распространяется контрабандой; послѣдній несравненно больше въ ходу, потому что, сравнительно, все-таки продается дешевле. Говорятъ, правительство начинаетъ принимать мѣры касательно поощренія национальной промышленности. Давно бы пора! Слушая рассказы о томъ, какъ оно до сихъ поръ дѣйствовало, кажется какъ словно переходимъ изъ міра дѣйствительности въ міръ фантастическихъ кошмаровъ.

Правительство, еще въ концѣ семнадцатаго столѣтія, преслѣдовало купцовъ хуже очумленныхъ: оно отводило имъ въ города самыя отдаленныя, глухія улицы, оставляло безъаказными и даже поощряло всевозможныя оскорбленія, которыя умыленно наносились купцамъ какъ «низкимъ людямъ»; правительство позволяло грабить купца и само ловило случай, чтобы конфисковать его имущество. Правительство, которое въ тогда вѣроятно состояло изъ людей сравнительно болѣе просвѣщенныхъ, тѣмъ не менѣе, раздѣляло дикую, невѣжественную точку зрѣнія народа въ отношеніи къ торговлѣ и вообще промышленнымъ людямъ; недѣльное, безумное чувство ненависти и презрѣнія къ послѣднимъ какъ ни вредило успѣхамъ и процвѣтанію страны, было однакожъ сильнѣе чувства национальной, государственной пользы.

Причина презрѣнія къ промышленности объясняется отчасти исторіей, а также характеромъ испанскаго народа. Въ глазахъ старыхъ испанцевъ, тотъ кто занимался ремесломъ, клалъ на себя клеймо вѣчнаго безчестія; онъ словно отдѣлялъ себя отъ испанцевъ и шолъ по стопамъ ненавистныхъ арабовъ, которые первые внесли ремесло въ отечество, и до изгнанія ихъ, одни занимались промыслами. Тотъ кто доставалъ себѣ пропитаніе ручной работой, презирался потому еще, что никто не смѣлъ ему промѣнять низкое орудіе промысла на благородное оружіе; никто не смѣлъ ему бѣжать съ оружіемъ на защиту отечества; и тѣмъ самымъ облагородить свое положеніе вѣнчанъ вдалеко; если онъ не дѣлалъ этого, онъ стало-быть былъ трусъ, слабодушень, не имѣлъ чувства достоинства, не имѣлъ понатія о чести. Такъ думалъ народъ въ то время; отчасти, онъ и теперь еще несовсѣмъ отрезвился отъ такихъ понятій. Духъ реформы хотя значительно уже выдохся, но и понинѣ еще живеть въ испанскомъ народѣ. Несмотря на это, помысливъ того какъ

время считало ненависть къ давно изгнаннымъ арабамъ, промышленность конечно велла бы свое и мало-помалу необходимость дала бы ей право гражданства; но тутъ задержало ее еще другое обстоятельство, именно страшный наплывъ золота изъ Америки; возможность доставать себѣ все необходимое, не производя ничега своими руками, немилосердно облѣнила и избаловала испанца. Баловство и лѣность съ успѣхомъ также поддерживались безчисленными монастырями, которые покрывали почти Испанію; въ нихъ прокармливали даромъ всякаго, кто ни являлся. Такъ было въ старой Испаніи; но не забудьте, давно ли наприѣръ уничтожены здѣсь эти монастыри, приучавшію народъ къ лѣности и дармоѣдству?

Причины эти все-таки не виѣли бы кажется тѣхъ горькихъ послѣдствій для промышленности, еслибъ, какъ я замѣтилъ, духъ рыцарства, лихости, удалства, героизма своего рода, не жаль еще до сихъ поръ въ душѣ почти каждаго испанца, еслибъ народъ сильно ему не сочувствовалъ. Духъ этотъ натурально противится жизни осѣдлой, замкнутой, тихо-трудолюбивой. Удалъ, ловкость, опасность, рѣшимость, сила, — имѣющія въ себѣ въ нѣвѣнн каждаго полудикаго народа, конечно должны казаться особенно соблазнительными испанцу, существу патуры огненной, страшно впечатлительной, склонной къ чудесному, къ приключеніямъ, быстро увлекающейся воображеніемъ. Здѣсь имена великихъ дѣятелей на поприщѣ мануфактурномъ, — имена, которыми гечовы были бы гордиться Англія, Бельгія и Франція, — долго не встрѣтятъ еще сочувствія народа. Вотъ наприѣръ мажоръ Монтесъ, или Хесе-Марія, удалой разбойникъ, прославившійся грабежами на большихъ дорогахъ, — это другое дѣло! Хесе-Марія увлечетъ кого угодно; недаромъ имя его такъ популярно, недаромъ народъ любитъ говорить о немъ, съ жаромъ рассказываетъ о его пехожденіяхъ и называетъ его храбрымъ саваго и честнымъ, удалымъ, добрымъ малымъ. Такіе отзывы слышны здѣсь даже отъ людей дѣйствительно почтенныхъ,azoleвъ заслуживающихъ уваженія, честность которыхъ неприкосновена.

Но возвратимся къ нашему пароходу, который пущень уже въ ходъ и бьетъ колесами воду.

На палубѣ, кромѣ насъ и еще знакомаго нѣмца, прибыло пять пассажировъ. Несмотря на то, что общество наше состояло всего-

нашего на десяти человекъ, одна на два сказать, странно было составлено: тутъ было трое русскихъ, два нурландца, одинъ прусакъ, два испанца, одинъ американецъ, адмиральская особа женскаго пола, бывшая съ нами (особа очень хорошенькая, съ черными блестящими глазками, черными, прекрасными волосами и веселымъ вздернутымъ носикомъ), оказалась однослѣдствіемъ французженкой.

Говорю «однослѣдствіемъ», потому что въ narrow время мѣсяца по этому предмету были слишкомъ раздѣльны; они служили поводомъ къ долгимъ, весьма даже серьезнымъ преніямъ. Одна ссылаясь на кавалера юной путешественницы, — молодого рыжаго американца, съ выдавшеюся нижней челюстью и одѣтанъ въ странный дорожный костюмъ, — хотѣли мнѣрешнне считать въ ней южную смуглую американку, или владѣлку по крайней мѣрѣ; другіе навсичь опрокидывали такое предположеніе: они стояли на томъ, что дама, — испанка чистѣйшей крови; послѣднее мнѣніе особенно горячо защищалъ Ф. Напрасно надрывался нашъ нѣмецъ, стараясь убѣдить всѣхъ, и каждого, что пассажирка — французженка, что самъ онъ слышалъ, какъ изъяснялся онъ на чистѣйшемъ парижскомъ маршѣ, что если хотѣтъ знать — она даже не жена американца, какъ предполагали многіе, но возлюбленная его, захваченная имъ по дорогѣ изъ Парижа, — Ф. стоялъ все-таки на своемъ; онъ предлагалъ пари, и въ силу своего мнѣнья приводилъ, какъ несомнѣнное доказательство, алгалузской породы, маленькую ножку, быструю главу, мѣтвъ кожи и наконецъ черное атласное платье путешественницы.

— Ручаюсь чѣмъ угодно, что она не соотечественница! проекиданно заговорилъ одинъ изъ испанцевъ, высокій молодой ледовѣкъ, котораго богъ-вѣсть почему также, вринали мы, отъидать за доктора. Онъ подросту былъ еприсадо, чинились; мы познакомилсь съ нимъ еще въ буфетѣ и пашавъ въ немъ, какъ вообще во всѣхъ испанцахъ, съ которыми приводилъ случаи сталкиваться, очещъ любезнаго, привѣтливаго и добродушнаго челявѣка.

— Не могу утвердительно рѣшить, какой она нации, проекижалъ онъ, косясь на нее: — но только она не испанка: на это вамъ ручаюсь. Впрочемъ въ этомъ легко убѣдиться: садитесь рядомъ съ нею, вы съ одной стороны, я съ другой — закиньте онъ, обращаясь ко мнѣ, такъ какъ я стоялъ къ нему, воблики.

Предложение было мгновенно приведено въ дѣйствиѣ. Хорошенькая дама углубилась въ чтеніе какой-то книжки и повидимому не обратила на насъ малѣйшаго вниманія.

Испанецъ, говорящій довольно хорошо по-французски, началъ разсуждать меня о Парижѣ.

Съ первыхъ же словъ глаза дамы оторвались отъ книжки и украдкою взглянули въ нашу сторону.

Не медля минуты, я приступилъ къ самому одушевленному описанію парижской жизни и увеселеній; хорошенькое личико сосѣдки дамѣтдо оживилось; наконецъ, когда я заговорилъ о публичныхъ балахъ и коснулся Мабилл, сосѣдка очевидно не могла удержаться собою; она засмѣялась, но желая вѣроятно сохранить на время инкогнито, посвѣщила нагнутьея черезъ борть и сдѣлала видъ, какъ-будто смотритъ на воду.

Французская живость и сообщительность скоро однагожь надъ своею: не прошло минуты, дама обернулась и первая съ нами разговорила. Минутъ десять спустя, мы бесѣдовали такъ же непринужденно и весело, какъ-будто вѣкъ были знакомы.

Общество наше, вполнѣ теперь примиренное и согласное, поспѣшило къ намъ присоединиться. Разговоръ сдѣлался обширнѣе: американецъ, спутникъ французкини, привилъ въ немъ нѣкогда большее участіе. Вниманіе, оказанное ему дамѣ, очевидно ему помѣшало; подъ впечатлѣніемъ того, что предложилъ вынуть сигары и выкалывалъ при этомъ безразности, которую никакъ нельзя было назвать отъ горделива, созданнаго повидимому нѣкогда чело- сообщительности.

Мы не замедлили узнать въ немъ одного изъ тѣхъ акцентриковъ-турисковъ, которые слушать всегда французамъ неистощимой темой для остроумія. Это дѣйствительно былъ чудакъ: пераго номера. Онъ ѣхалъ въ Севилью не столько изъ любовныя стра и по собственному побужденію, сколько потому, что тамъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ его отецъ, потому старшій братъ и наконецъ пять лѣтъ назадъ, второй братъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ при этомъ специальную цѣль: собратъ библіотеку изъ трехъ тысячъ томовъ старыхъ испанскихъ изданій; нельзя же было третьему брату, который имѣлъ съ миліонами наслѣдства одностороннюю страсть къ библіоманіи, нельзя же было ему не послѣдовать примѣру родителя и братьевъ! Такъ какъ отецъ и братья: пребыли въ Севильѣ ровно годъ, третій братъ рѣшилъ

пробыть въ Севильѣ до пятнадцатаго октября слѣдующаго года, что, считая съ вышшняго числа, составляло ровно триста шестьдесятъ пять дней.

Француженка между тѣмъ, нимало не стѣсняясь, явно выказывала, что всѣ эти объясненія ея спутника, и даже самъ онъ, жестоко ей надобли; она поминутно вѣшивалась въ разговоръ и перебивала его.

— Edouard! повторяла она, приправляя слова свои милыми улыбками и взглядами, которыя очевидно скорѣе намъ предназначались: — je veux aller en Russie! Nous irons en Russie... N'est-ce pas, que tu me prends en Russie?!

— Peut-être, возражала ласкательнѣе языкомъ и всякій разъ съ той же невозмутимой флегмою ея спутникъ: — peut-être! Cela existe dans mon dictionnaire!

Онъ носилъ съ собою книжку, въ которой трехгодичное его путешествіе по Европѣ расписано было день въ день; на третій годъ положено было пробыть шесть недѣль въ Москвѣ и Петербургѣ.

Между тѣмъ какъ мы такимъ образомъ болтали и смѣялись, пароходъ продолжалъ дѣлать свое дѣло.

Въ глубинѣ темносиняго залива, по которому клубилась тѣдой сѣнѣй парохода, Кидись обозначался уже бѣлой полоской; надъ нею, двумя темными крапинами выступали куполъ и колокольня собора. Мы начинали приближаться къ противоположному берегу, плоскому, вешаному, и съ каждой минутой явственнѣе обрисовывались на немъ бѣлыя деревни и города. Прію противъ насъ постепенно выросталъ и расширился городъ Puerto Santa-Maria. Здѣсь пароходъ круто поворачиваетъ влево, такъ что носъ его прямо приходится противъ устья Гвадалквивира; но въ этомъ мѣстѣ устье такъ еще широко, что нельзя опредѣлить глазами береговъ рѣки; присутствіе ея обозначается пока тѣмъ только, что темно-голубой извѣтъ воды теряетъ свою прозрачность и превращается въ мутно-желтоватый. Немного впередъ, на помутившейся поверхности залива глазъ неспособенъ отличать широкую каишу гряда; пароходъ входитъ въ нее и слѣдуетъ ея изгибамъ; потому что она служитъ вѣрнѣйшимъ фарватеромъ для входа въ рѣку. Эта грядъ — ничто другое, какъ вода поэтическаго Гвадалквивира.

Мало-помалу начинаютъ вылезаться оба берега; сѣнѣя вы-

представляется низменная, болохистая равнина, убѣгающая въ неиз-
 тримую даль; ее замыкають горы, которыхъ по отдаленности
 риняли мы сначала за облака на горизонтѣ; кое-гдѣ, у самой
 воды, подымаются группы тощихъ тополей, и тутъ же чернѣютъ
 палачи изъ вѣтвей и листьевъ, жилище рыбаковъ. Остальное
 пространство покрыто иломъ и заросло камышомъ; надъ нимъ
 безпокойно носились большія бѣлыя морскія чайки, испуганныя
 шумомъ парохода. Съ каждымъ поворотомъ колесъ рѣка дѣ-
 лается уже и все менѣе оправдываетъ свое арабское прозвище
 Гвадалквивира, то-есть большой рѣки. Часа полтора послѣ ух-
 ла изъ Кадиса, Гвадалквивиръ представляетъ желтую грязную
 рѣчку шириною сажень въ пять. Словомъ, разочарованіе было
 бы самое полное, еслибъ не берегъ правой стороны, который на-
 рочно какъ-будто для того и созданъ, чтобы путешественникъ
 не забылъ, что онъ въ милой Испаніи. Онъ не перестаетъ тѣ-
 шить гдазъ красивыми деревушками и дородками, выбѣленными
 словно заново. Часто встрѣчаются одинокія фермы; онѣ точно
 также сверкають бѣлизною; по большей части онѣ выбѣгають
 съ своей плоской терасой и красной чередичной кровлей изъ гу-
 щей зелени, которая если ужъ привилась къ почвѣ, то является
 здѣсь во всей силѣ тропической растительности. По всему этому
 берегу, вплоть до Бонанцы, города смѣняются фермами, фермы
 виноградниками или оливковыми плантаціями; на песчаныхъ
 желтыхъ откосахъ, спускающихся къ водѣ, то и дѣло встрѣ-
 чаются стада барановъ, которыхъ пригнали на володой; мѣста-
 ми живописно лежатъ рыбацкія слободки съ длинными, опроки-
 нутыми сверху дномъ лодками и красноватыми сѣтями, которыя
 развѣшаны фестонами на кольяхъ и сушатся на солнцѣ. Все это,
 благодаря яркому освѣщенію, необыкновенной прозрачности
 воздуха и густому бархатному кодеру неба, который сообщаетъ
 гдѣмъ нѣжный голубой цвѣтъ, — превращается въ столько же
 яркихъ картинъ самаго веселаго, праздничнаго характера. Гля-
 дя на все это, не перестаешь себя спрашивать: гдѣжь эта запу-
 щенность и бѣдность, сдѣлавшіяся proverbіальными въ отноше-
 ніи къ Испаніи? вѣрять ли имъ или нѣтъ?

Вотъ наконецъ вправо показалась Бонанца или вѣрнѣе San-
 Lucas de Barrameda: Бонандой называется собственно мѣсто,
 гдѣ расположена пристань Санъ-Люкара. Городъ, окружен-
 ный зеленью, бѣлѣетъ надъ крутымъ, золотистымъ песчанымъ

обрывомъ, который замѣтенъ еще издали; надо миновать его, чтобы достигнуть пристани. Тутъ пароходъ останавливается минутъ на пять, чтобы взять новыхъ пассажировъ и высадить старыхъ. Пароходъ нашъ никого не выпустилъ и принялъ только нѣсколько тюковъ и боченковъ, предназначенныхъ въ Севилью.

Мы поѣхали далѣе.

За Санъ-Люкаромъ тянется лѣсъ изъ зонтикообразныхъ раскидистыхъ сосенъ, который на минуту переноситъ васъ мысленно въ Италію; далѣе, берегъ неожиданно понижается; еще дѣтри поворота рѣки — онъ обращается въ такую же безжизненную пустыню, какъ его *vis-à-vis*. Куда ни глянешь, повсюду желтоватые, обожженные солнцемъ дуга; справа — плоскія, постепенно суживающіяся и убѣгающія въ даль линіи сливаются съ горизонтомъ; слева пустыню замыкаетъ хребетъ Сьеры-Мореты, который по отдаленности принимаетъ видъ фантастическаго шиража: точно града перломутовыхъ облаковъ; которыя протѣчиваютъ сквозь туманъ.

Говоря такъ неуважительно о Гвадалквивирѣ, я забылъ передать вамъ объ одномъ его свойствѣ, которое по всей вѣроятности и заслужило ему въ древности названіе большой рѣки. Грязная и повидимому ничтожная эта рѣченка подвержена страшнымъ разливамъ; они бывають иногда такъ сильны, что опустошаютъ всю страну отъ Кадиса до Севильи.

Разливы происходятъ обыкновенно осенью или зимою, въ дождливую пору года; но не вода дождей этому виною, хотя она льютъ здѣсь какъ изъ ведра и часто продолжаются по нѣсколькимъ суткамъ ерду. Главной причиной служатъ потоки, которые образуются отъ талого снѣгу, растворяемаго дождемъ; въ нѣсколькихъ часовъ они страшно раздуваются и яростно устремляются съ горъ въ Гвадалквивиръ; если къ этому задуетъ югозападный вѣтеръ и море запретъ устье рѣки, — вода стремительно выбѣгаетъ изъ береговъ и затопляетъ всю долину. Въ зиму 1628 года наводненіе продолжалось сорокъ дней; вода поднялась до Севильи, и такъ высоко, что третья часть города была потоплена. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ вода достигла третьяго этажа. Три тысячи домовъ были разрушены; народу погибло бездна, и столько же отъ потопленія, сколько отъ голоду; потеря разнаго рода имущества въ городѣ и по окрестностямъ превышала сумму въ двадцать милліонъ.

Такъ бывало встарину, такъ и теперь нередко повторяется. Къ всему этому надо прибавить еще то обстоятельство, что вода, долго оставаясь послѣ разлива въ низменныхъ мѣстахъ, превращаетъ почву въ болото; съ наступленіемъ жары воздухъ заражается и повсемѣстно распространяетъ перемежающіеся лихорадки и эпидемическія болѣзни. Говорить, герцогъ Монпансье, котораго супружество съдѣлало постояннымъ жителемъ южной Испаніи, давно и сильно хлопочетъ, убѣждая правительство предпринимать работы для канализации береговъ долины Гвадалквивира; неизвестно, на сколько успѣлъ онъ въ этомъ; фактъ тотъ однакожь, что до сихъ поръ ничего еще не сдѣлано; Гвадалквивиръ продолжаетъ разливаться, и крокъ того, годъ отъ году сильнѣе затягивается шломъ; онъ теперь судоходенъ только до Севильи.

Отъ Бованцы, часа на три по крайнему вѣтру, правый и лѣвый берегъ остаются тѣми же, безо всякой переменѣ; тѣ же неоглядныя луговыя равнины, покрытыя чахлой желтоватой травой, сожженной солнцемъ. Гвадалквивиръ дѣлаетъ время отъ времени такіе крутые, частые повороты, что рулевой едва успѣваетъ править парухомъ; колеса съ трудомъ кажется порочаются въ густой бурой грязи; на поверхности ея появляются струйки чистой воды, когда поблизости вливается въ рѣку родникъ или ручей. Одинъ этотъ шумъ колесъ да свистъ вара пробуждаютъ мертвую тишину окрестности; не пролетитъ даже птица. Точно перенесло васъ вдругъ въ пустыню Новаго Свѣта; точно плывешь по одной изъ тѣхъ шоватыхъ рѣжухъ рѣчекъ, которыя орошаютъ луга сѣверной Америки и которыя такъ превосходно описываетъ Куперъ. Нельзя себѣ представить, что еще полтора-два часа—и вдругъ очутишься... гдѣ же?—въ шумной, многолюдной Севильѣ!

Единственнымъ развлеченіемъ этихъ унылыхъ пустынь служатъ стада полудикихъ быковъ. Они пасутся здѣсь круглый годъ; это тѣ самыя быки, которыхъ готовятъ для *corrido di toros* не только Севильи, но и другихъ городовъ Андалузіи. Иногда пароходъ заставлялъ врасплохъ цѣлое стадо на водопой; испуганныя животныя однимъ махомъ выскакивали изъ воды на берегъ и стремительно неслись въ глубину луговъ; случалось, бывали смѣльчаки, которые не слѣдовали за своими товарищами; утоня по брюхо въ тинѣ, они не трогались съ мѣста и только поворачивали голову, всматриваясь притупленно—уди-

внешними глазами во слѣдъ удаляющемуся пароходу. На плоскихъ, убѣгающихъ въ даль линіяхъ пустыни, вырѣзавшаяся тогда характерный силуэтъ пегонщика, человека верхомъ, вооруженнаго длинной пикой, съ ружьемъ, сверкающимъ за спиной, въ высокой черной широкополой шляпѣ, изъ-подъ которой краснѣлъ край платка, которымъ здѣсь народъ обвязываетъ голову; ноги его, обвернутыя до колѣнъ кожей, исчезали до пояса въ желѣзныхъ стремянахъ, имѣвшихъ видъ заостренныхъ ладокъ; изъ-подъ шляпы обрисовывалась пара бакенштейвъ, обстриженныхъ въ видѣ котлетки, и между ними смотрѣло смуглое бедуйское лицо, оживленное бѣлками глазъ; красный кушакъ, коричневая куртка, коротенькіе штаны, плащъ брошенный на одно плечо, — дополняли костюмъ. Иногда такая фигура, припавъ грудью къ луцѣ высокаго арабскаго сѣдла, проносилась со степи во весь духъ лошадей, крутя надъ головою петлю аркана, которымъ ловятъ невокорныхъ, строптивыхъ быковъ. Все это, оживляя пустыню, усмивало вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе дикости, отдавало мысль отъ близости цивилизаціи.

Время отъ времени поворотъ рѣки какъ словно приближалъ насъ къ линіи горъ, которыя продолжали замыкать горизонтъ лѣваго берега; хребтъ Сьеры-Морены былъ очень далеко; но необыкновенная чистота и прозрачность воздуха дарада возможность distinctly различать зубчатую профиль сибирскихъ вершинъ, очертаніе пропастей и уступовъ, которые въ безпорядкѣ громоздились другъ на дружку. Солнце садилось прямо протѣвъ насъ; невозможно передать словами тѣхъ эффектовъ свѣта и тѣни, какими отдѣвались горы: цвѣта радуги, чистѣйшіи кобальтъ, изумрудъ, грудь голубя, золото и розовое серебро слабо переливались дивную фантазмагорію яркихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неудовидимыхъ воздушныхъ красокъ, которыя переливались по склонамъ Сьеры-Морены. Свѣтъ отъ нея разливался какъ-будто во всей окрестности; онъ словно сообщался даже грязному Гвадалупиду, изгибы котораго ярко теперь сверкали въ потемнѣвшихъ берегахъ.

Съ приближеніемъ къ Севильѣ, Сьера-Морена снова уходитъ въ глубину и постепенно затушывается отдаленіемъ. Какъ бы взаимно этого, оба берега, особенно правый, опять начинаютъ оживать. Все замѣтно говоритъ о близости большаго города. Снова одинъ за другимъ и постепенно чаще и чаще пока-

зависаетъ отдѣльными фермы, и бѣдыя какъ молоко деревни, потоненныя зеленою. Растительность здѣсь еще роскошнѣе, чѣмъ даже въ окрестностяхъ Санъ-Люкара. Виноградникамъ нѣтъ конца; оливыя плантаціи и серебристые тополя смѣнились апельсиновыми рощами и гранатовыми деревьями; мѣстами, надъ бѣлымъ каменнымъ куполомъ мирадора (вышки, пристроенной къ верхней части зданія), сохранившимъ свою арабскую форму, стройно, выбѣгаетъ пальма; мѣстами, надъ песчанымъ обрывомъ берега, синѣютъ испанскіе алоэ или фантастически путаются и гнутся впередъ яркозеленыя лопатки колючаго кактуса. Санинъ Гвадалквивиръ стыдится какъ-будто своей грязь и старается себя украсить; на поверхности его, кромѣ мелкихъ рыбацкихъ лодокъ, появляются время отъ времени барки съ треугольными латинскими парусами, поставленными въ видѣ раскрытыхъ ножицъ. Все это — барки, скаты береговъ, зелень, деревни, сложивъ весь передній планъ картины, которая развертывалась передъ глазами, постепенно погружалось въ густую синеватую тѣнь; надъ ней все ярче и ярче разгорался между тѣмъ закатъ, исполованный пурпуровыми волокнистыми диніями. Въ воздухѣ замѣтно посвѣжѣло.

Немного погодя, на верхушкѣ отдаленной башни сверкнула златая точка.

— Это статуя Вѣры надъ Жиральдой! подсказалъ знакомый нашъ нѣмецъ: — а вопъ подлѣ нея открылась теперь верхняя часть собора, — добавилъ онъ, указывая на темную зубчатую массу, которую издали можно было принять за возвышенную часть города.

Крутой поворотъ Гвадалквивира неожиданно открылъ глубокую золотистую перспективу, въ которой фиолетовыми пятнами обозначались арки какаго-то моста, церкви, зданія и множество лодокъ наполненныхъ народомъ; говоръ и восклицанія исходивъ оттуда; съ каждой минутой городской шумъ усиливался; вѣстѣ съ тѣмъ сгущались тѣни и холодѣлъ воздухъ. Слѣва, въ темнотѣ, потянулся наконецъ рядъ зданій, которыя казались выросшими изъ воды: здѣсь начинался (такъ объяснилъ намъ нѣмецъ) кварталъ Трианы. Справа между тѣмъ вдругъ потянуло запахъ лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ; минутой спустя, мы отбали густую стѣну зелени, которая въ этомъ мѣстѣ превращаетъ берегъ въ роскошнѣйшую прогулку: это Alameda Cristiana,

любимый загородный садъ жителей Севильи; между совершенно черными стволами кипарисовъ, олеандровъ, гранатовыхъ, лимонныхъ и апельсиновыхъ деревъ, мелькали въ голубоватомъ полусвѣтѣ бѣлыя движущіяся пятна и раздавались голоса гуляющихъ.

Пароходъ прямо шолъ къ низенькой башнѣ, которая выставлялась надъ водою.

— Это такъ называемая *Togo del Oro* — башня, куда, говорили, складывалось въ бывшее время все золото, привозимое сюда изъ Америки, пояснилъ намъ нѣмецъ.

Togo del Oro превращена теперь кажется въ таможенный таможенно-рожевой пунктъ. Саженьхъ въ десять до нея приходится приставь.

Когда пароходъ остановился, заря успѣла окончательно угаснуть; вмѣстѣ съ зарею исчезли также какъ-будто черныя, мрачныя пятна, мѣстами затемнившія перспективу города; они разошлись, начинали сквозить и постепенно сливались въ общій голубоватый тонъ, который сообщался всему густымъ синимъ свѣтомъ звѣзднаго неба.

Всѣ эти впечатлѣнія промелькнули для насъ почти безсознательно; страшная суета происходила на палубѣ парохода. Каждый спѣшилъ скорѣе выбѣжать на приставь; оживился даже нашъ американецъ, по крайней мѣрѣ голосъ его не переставалъ раздаваться посреди общаго гама.

Съ первымъ шагомъ на берегъ, насъ обступила толпа носильщиковъ; подплась кутерьма невообразимая; всѣ кричали разомъ и каждый немилосердно тащилъ въ свою сторону. Нипрадно надсаживались мы, повторяя: *Fonda de Paris*, — куда насъ рекомендовали, напрасно цѣплялись мы отчаянно за наши дорожные мѣшки: ничего не помогало. Богъ-вѣсть чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ не подоспѣлъ на выручку знакомый испанецъ и потомъ нѣмецъ; оба хотѣли остановиться въ одной гостинницѣ съ нами; вскорѣ на крикъ испанца: *Жювани! Жювани!* — выскочилъ весь впопыхахъ изъ толпы маленький челоуѣкъ, сопровождаемый бѣлымъ пуделемъ; это былъ итальянецъ, служившій въ качествѣ проводника или гида при гостинницѣ *Fonda de Paris*. Онъ тотчасъ же распорядился наймомъ носильщиковъ, нагрузилъ нашъ багажъ, и мы вошли въ Севилью черезъ темные ворота, продѣланные въ высокой зубчатой стѣнѣ.

Не знаю болѣе мучительнаго состояннѣ какъ то, которое испытываешь вступая ночью въ новый городъ, особенно когда городъ этотъ давно возбуждалъ любопытство; перечтешь заранѣе всевозможныя описанія, ловишь каждый живой рассказъ, чтобы короче съ нимъ познакомиться, строишь обольстительныя планы, жадно ждешь минуты, чтобы провѣрить, на сколько воображеніе украсило или не дошло до дѣйствительности, — и видишь между тѣмъ, что все это надо отложить на завтра... да, на завтра, даромъ-что идешь самншь городомъ и даже ко всему можешь такъ-сказать прикоснуться рукою. Безполезность усилій, чтобы рассмотреть тотъ или другой предметъ, который вдругъ живо напомнитъ прочитанное или слышанное, еще сильнѣе раздражаетъ любопытство и усиливаетъ сердечное волненіе. Проходя мимо собора, я не могъ утерпѣть, чтобы не взбѣжать на ступеньки одного изъ входовъ; еще минута—я и приподнять бы кожанный фартукъ, которымъ заслоняются здѣсь двери храмовъ, — но В. Т. удержалъ меня.—Что за ребячество! сказалъ онъ:—вы только портите себѣ первое впечатлѣніе; поберегите его. Что теперь увидите? мракъ только одинъ и ничего больше! То ли дѣло завтра будетъ!..

Улицы, по которымъ мы проходили, были темны и узки; множество народу толкалось взадъ и впередъ; кое-гдѣ раздавался свистъ, хохотъ и бряцанье гитары. Совершенный мракъ, посреди котораго все это совершалось, усиливалъ впечатлѣніе. Два или три раза изъ темной впадины протянулась къ намъ рука и сильный голосъ произнесъ: *ppa limosina por l'amor de Dios!* Мы вышли наконецъ на небольшую площадь, обсаженную вокругъ деревьями; фонтанъ шумѣлъ посерединѣ; между деревьями блистало нѣсколько освѣщенныхъ оконъ.

Это были окна *Fonda de Paris*.

Наружная дверь прямо вводитъ въ *ratio*.—довольно просторную комнату, гдѣ вмѣсто потолка натянуть холстъ; полъ вымощенъ квадратами изъ сѣраго и бѣлаго мрамора; по стѣнамъ, выблѣнными мѣломъ, стелятся выющіяся растенія; въ углахъ горшки съ олеандрами, обсыпанными цвѣтами; мраморныя скамьи съ высокой спинкой окружаютъ *ratio*; посерединѣ бассейнъ, обложенный мраморомъ, цвѣтами и раковинами; надъ нимъ узорчатая мраморная чаша, изъ которой бьетъ фонтанъ. Все это освѣщается мягкимъ полусвѣтомъ нѣсколькихъ цвѣтныхъ бумаж-

ныхъ фонарей, привѣшенныхъ къ веревкамъ, идущимъ поперегъ *ratio*, отъ карниза къ карнизу.

Номера расположены во второмъ этажѣ: одинъ весь состоитъ изъ какихъ-то длинныхъ, низенькихъ коридоровъ, лацонирующихъ старинные католическіе монастыри. Комнаты здѣсь такъ же чисты какъ въ *Vista-Allegri* Кадиса; во весь полъ разостланы пестрые плетеные ковры изъ цвѣтной соломы; подъ постелами кисейные полога отъ мускитовъ; цѣну взяли съ насъ почти ту же, что и въ Кадисѣ, несмотря на то, что приняли насъ здѣсь за путешественниковъ англичанъ.

Разобравъ свой багажъ по померамъ, мы спустились въ столовую, — длинную залу, которая непосредственно находится за *ratio*. Общество фонды давно уже отобѣдало; но такъ какъ вмѣстѣ съ пароходомъ изъ Кадиса всегда ждутъ новыхъ гостей, одна половина стола оставалась накрытою.

На дальнемъ концѣ стола сидѣло человекъ восемь испанцевъ и французовъ; по всей вѣроятности те были привычные посетители, *habitués* гостиницы: они громко разговаривали, покуривая сигары и папиросы, которыя тутъ же свертывали,

Не помню рѣшительно, какія подавались блюда; не помню даже, были ли они приправлены оливковымъ масломъ, были ли подогрѣты, или состояли изъ свѣжихъ припасовъ. Кадисъ пріучилъ насъ быть невзыскательными. Вообще, въ Испаніи ѣда не доставляетъ удовольствія: здѣсь пьютъ и ѣдятъ ровно на столько, чтобы поддержать существованіе. Помню только, что во время этого обѣда поглощено было неизвѣстное количество виноградъ, свѣжихъ фигъ и апельсиновъ. Равнодушіе къ блюдамъ происходило можетъ-статья оттого также, что съ первой минуты какъ сѣли мы обѣдать, вниманіе наше сильно было заинтересовано разговоромъ, происходившимъ на другомъ концѣ стола. Предметомъ бесѣды были разбойники. Мы только-что познакомились съ Испаніей; была ли возможность не прислушаться?

Говорилось между прочимъ о происшествіи, которое случилось на дняхъ съ почтовой каретой, перевозившей путешественниковъ изъ Кордовы въ Мадридъ. На нее напали разбойники; связавши кучера, начальникъ шайки объявилъ, чтобы никто не боялся за свою жизнь, что онъ никого не тронетъ; онъ требовалъ только немедленной выдачи казенныхъ денегъ. «Я былъ

на службѣ государства, сказалъ онъ: — правительство у насъ неблагодарно; оно не платило мнѣ жалованья нѣсколько лѣтъ сряду; я следовательно считаю себя вправе взять то, въ чемъ мнѣ такъ несправедливо отказали за мои заслуги. Отымая эти деньги, я беру только то, можетъ-быть даже менѣе того, — что задолжало мнѣ правительство!..» Взявъ деньги, онъ развязалъ кучера, велѣлъ распрячь лошадей и потребовалъ, чтобы путешественники не трогались съ мѣста по крайней мѣрѣ два часа; это было необходимо, чтобы дать время ему и его товарищамъ уйти въ горы; въ случаѣ неисполненія такого уговора, онъ грозилъ своимъ напасть и уже на этотъ разъ обѣщалъ всѣхъ перерѣзать какъ цыплятъ. Мы тутъ же узнали, что въ настоящее время въ госпиталѣ Севильи находится до шестидесяти человѣкъ раненыхъ воиновъ; но въ этомъ обстоятельствѣ разбойники не принимали никакого участія. Раненые были по большей части жертвы *malograda*, — «раздраженной руки»: такъ говорятъ здѣсь, желая выразить увлеченіе, минутную вспышку, досаду, которыя въ Испаніи оканчиваются обыкновенно ударомъ ножа.

Ножъ, *navaja* — любимѣйшее оружіе андалузцевъ; у нихъ онъ такой же точно предметъ щегольства и необходимости, какъ шашка у черкесовъ. Лезвее *navaja* имѣетъ форму рыбы и конецъ остриетъ съ обѣихъ сторонъ: оно покрыто узорами и надписями, выведенными грубой эмалью краснаго и чернаго цвѣта; ножъ носятъ за поясомъ, но не съ боку, а за спиною. Не считая *majos*, щеголей и удалцовъ, каждый почти андалузецъ умѣетъ биться на ножахъ; умѣнье это обусловливается столько же необходимостью, сколько составляетъ особое искусство: усовершенствованіе въ немъ непоследній предметъ хвастовства; говорятъ даже, опытные люди мѣло довольно взглянуть на разрѣзы раны, чтобы тотчасъ узнать молодца, который нанесть ее.

Всѣ эти рассказы являлись какъ нельзя болѣе кстати при работѣ въ столицѣ Андалузій; они открывали передъ нами одинъ уголокъ мѣстныхъ нравовъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

Было уже около девяти часовъ, когда мы встали изъ-за стола; насъ давно поджывало пройтись по городу.

Повернувшись съ площади *нальво*, мы прямо вышли на главную улицу; она называется кажется *Calle de Toledo*; это Невскій проспектъ Севильи. Улица освѣщалась одними только окнами и дверями богато убранныхъ магазиновъ и лавокъ; впрочемъ

она была такъ узка и невысока (рѣдкій домъ имѣлъ болѣе двухъ этажей), что и при этомъ даровымъ освѣщеніемъ можно было превосходно разсматривать гуляющихъ; лучи свѣта, падавшіеся на оконъ и дверей, придавала толпѣ еще болѣе нестроты и живописности.

Съ первыхъ же шаговъ насъ поразило множество женщинъ; онѣ составляли двѣ трети толпы по крайней мѣрѣ. Вторыми предметамъ удивленья, — но да этотъ разъ не радостнымъ, а досадливымъ, — были кринолины, шаши и шляпки, — помнится современиныя французскія шляпки, которыя попадались на каждомъ шагу. Не странно ли, что именно то, чего не слѣдовало никакъ переимать у Европы, что было здѣсь такъ красиво, то скорѣе всего и передѣлалось на европейскій ладъ? Баскина, мантилья, граціозная прическа изъ волосъ и живыхъ цвѣтовъ, которая такъ идетъ къ андалузскому типу, видимо исчезаютъ, чтобы дать мѣсто изобрѣтеніямъ парижской моды. Отъ прежняго сохранился только вѣеръ; онъ шумитъ и переливается въ рукахъ каждой женщины, сверкая въ полумракѣ своими блестящими. Множество мужчинъ одѣваются также поевропейски; безпрестанно попадались франты, которые сдѣлали бы честь италядскому бульвару въ Парижѣ. Но какъ эффектно зато выставлялись посреди всего этого маленькая, надѣтая набекрень дойдоковая шапочка съ затянутыми кверху полями, цвѣтная куртка, шитая шнурками, убранная по швамъ серебряными пуговками и открывающая на груди бѣлую рубашку, перехваченную у талии широкимъ краснымъ или желтымъ кушакомъ; съ какою жадностью слѣдишь въ толпѣ за мантилей и головкой, убранной додрсами съ двумя пучками жасмина на вискахъ! Здѣсь, точно также какъ въ Кадисѣ, мужчины не даютъ руки дамамъ; женщины ходятъ отдѣльными группами.

Севильянки, сколько я могъ замѣтить, живѣе кастилянокъ, меньше ихъ ростомъ и смуглѣе. Походка ихъ и приемы прощанья чѣмъ-то неуловимо-быстрымъ, сильнымъ, игривымъ, кокетливымъ; невообразимая миловидность и грація движеній, съ какими нѣсколько разъ въ секунду женщина раскроетъ и сложитъ вѣеръ, увѣренность во взглядѣ и поступи, — все это, въ соединеніи съ красотой типа и выраженіемъ чего-то страстнаго въ каждой чертѣ лица и каждомъ движеніи, дѣлаетъ ихъ обольстительными выше всякаго описанія: при встрѣчѣ съ ними на-

сто удернивающихся, чтобы не ажнуть; сердца довольно вздрагивают. И слышно до двасиди дѣлается, когда вспомнишь, что прелесть можетъ восхищаться дарыжкамками. Выраженія: зажигательныя взгляды, молниеносныя взгляды, здѣсь только имѣютъ мѣсто; попятно, отчего кажутся они у насъ такою натяжкой. Какъ вообще во всѣхъ породахъ листой крови, типъ севильянокъ не отличается большимъ разнообразіемъ; всѣ какъ словно напоминаютъ одна другую; у всѣхъ большіе черныя глаза съ красными арабскими разрѣзомъ, идущимъ къ вискамъ; вѣки окружены густою бакрамою темныхъ какъ уголь рѣсницъ; сверканіе бѣла на смугломъ лицѣ усиливаетъ блескъ и безъ того огненного взгляда; никогда, впрочемъ не видалъ я такихъ прелестныхъ, аристократическихъ, всевозможныхъ поэтическихъ сравненій будутъ бытъ предъ дѣйствительностью.

Ничего не скажу вамъ о маленькихъ ножкахъ и ручкахъ, о красотѣ, волосѣ, станѣ и плечѣ (здѣсь, замѣтьте, носятъ на удивленіе, какъ и въ Мадридѣ, платья съ открытымъ лифомъ и короткими рукавами); все это такъ хорошо, такъ въ самомъ дѣлѣ, сообразительно, такъ способно сладко одурманить человѣка, что духу недостаетъ описывать; портишь только впечатлѣніе!

Обворожительныя улыбки и страстные взгляды, здѣсь дпрочесть очень дешовая монета; обращаясь къ равнодушному, они сужаютъ только янакомъ веселости и бойкости, отличающихъ андалузскій характеръ; не только взглядъ и улыбка, но самый непринужденный разговоръ не даетъ еще повода уноситься мечтаніями касательно успѣха. Не думайте однакожъ, чтобы ограниченная эта свобода рѣчей и обращенія дѣйствовали во вредъ такъ называемой нравственности; ничуть не бывало; между ними нѣтъ ничего общаго. Чистота нравовъ нисколько здѣсь не хуже той, которую встрѣчаешь въ нашихъ сѣверныхъ обществахъ, тѣмъ нѣтъ воздержности, la retenue и ханжеская мораль (говорю ханжеская, потому что никто ей не вѣритъ: ни тѣ, которые ее одобряютъ, ни тѣ, которые ей слѣдуютъ) часто скрываютъ грубѣйшую растлѣнность воображенія и самаго сердца. Въ Испаніи никто не оскорбляется видомъ влюбленнаго молодого человѣка, который настойчиво ухаживаетъ за дѣвушкой; влюбленный иди повю, — женихъ, какъ его здѣсь неправильно называютъ, потому что ухаживанье ни къ чему еще не обязываетъ, считается съ предметомъ своего сердца по нѣскольку разъ въ день,

говорить съ дѣвушкой безъ свидѣтелей, проводить напролетъ ночи, бесѣдуя съ нею у рѣшотки окна или балкона: не кажется ли это опасно и предосудительно, въ смыслъ строгой морали, чьи затаенныя пылкія желанія, тайныя переписки или ухаживанья: волокитство, которые ничѣмъ не оправдываются, ни страстью, ни даже влеченіемъ? Эта свобода, которой точно также пользуются дѣвушки Англии, даетъ самостоятельность, дѣлаетъ женщинъ существами вполне сознательными; раннее сближеніе съ обществомъ мужчинъ развиваетъ опытъ, который столько же служитъ потомъ защитой собственной нравственности, сколько даетъ умѣнье отличить пустого волониту отъ человѣка въ самомъ дѣлѣ привязаннаго сердцемъ. При страстности темперамента и пылкости воображенія, здѣсь, сколько слышно, очень мало *однакожь несчастныхъ случаевъ*, какъ у насъ говорится; ухаживателемъ за замужними женщинами здѣсь точно также рѣдкое исключеніе: ужь одно это не довольно ли говорить въ пользу морали? При короткости женскаго обращенія, которое у насъ тотчасъ же даетъ мужчинамъ право быть смѣлыми и самоуверенными, въ Испаніи ненарушимо сохранилась утонченная рыцарская вѣжливость; женщины, даже между простонародьемъ, уступаютъ всегда первый шагъ, даютъ первое мѣсто. Учтивость бросается въ глаза даже въ обращеніи мужчинъ простого класса между собою; впрочемъ и то надо сказать: бранное слово, оскорбительное названіе, толчекъ — встрѣтили бы здѣсь короткій отвѣтъ: ножъ въ бокъ безъ дальнихъ церемоній.

Въ Толедской улицѣ нѣтъ ровно ничего особенно-замѣчательнаго, а между тѣмъ не было возможности урваться отсюда раньше поздней ночи: такъ обаятельно дѣйствуютъ страшное оживленіе и веселость севильской толпы.

Черныя атласныя и бѣлыя вѣера, усыпанные блестками или расписанныя изображеніями боя быковъ, шуршать и движутся со всѣхъ сторонъ какъ міриады большихъ пестрыхъ ночныхъ бабочекъ; веселыя восклицанія и затаенный шопотъ, нѣнне фанданго, раздающееся то тутъ, то тамъ, взгляды, отъ которыхъ захватываетъ дыханіе, милое, полное граціи движеніе головки, какимъ привѣтствуютъ знакомыхъ на улицѣ; изъ оконъ и балконовъ; акорды гитаръ и смѣхъ въ окнахъ, потопленныхъ жаркомъ; языкъ, лица, огненная, полная выраженія мимика, — все это носить такую печать оригинальности, дышетъ такъ вооду-

неодолимо, такъ можно жить, страсти, жизни, что позволилъ себя ощущиваешь: точно ли живешь посреди всего этого, или такъ только носишь все это виденья?

Возвращаясь домой темными, узенькими, извилистыми переулками, освѣщенными только сверху синей полосой звѣзднаго неба, мы встрѣтили нѣсколько повіосъ съ шляпой надвинутой на глаза, въ плащѣ и съ гитарой; гитара умолкала какъ только раздавались наши шаги; насъ предупредили, что лишнее любопытство въ этихъ случаяхъ считается верхомъ невѣжества; знаи сверхъ того, что оно не всегда обходится даромъ и не нѣтъ желанія получить на сонъ грядущій ударъ пачажа между ребрами, мы спѣшили пройти мимо.

Здѣсь любовь кажется главная цѣль и самое серьезное занятіе жизни. Въ Испаніи точно также какъ въ Сициліи случалось мнѣ встрѣчать людей надѣленныхъ природой всѣми возможными дарами; до знакомства съ ними спрашиваешь:

— Кто этотъ господинъ? что онъ дѣлаетъ? служить гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ.

— Художникъ онъ?

— Нѣтъ.

— Пѣвецъ?

— Нѣтъ.

— Литераторъ?

— Нѣтъ.

— Негоціантъ?

— Нисколько.

— Что же онъ наконецъ?

— Были вы вчера въ театрѣ? спрашиваютъ васъ вмѣсто отвѣта.

— Да.

— Не замѣтили ли вы во второмъ бунуарѣ съ лѣвой стороны хорошенькую жевщину въ бѣломъ платьѣ?

— Да.

— Господинъ, о которомъ вы спрашиваете, любить ее вотъ скоро уже пять лѣтъ! отвѣчаютъ вамъ такъ же спокойно, какъ еслибъ дѣло шло объ опредѣленіи самаго серьезнаго занятія, самой блистательной, дѣятельной карьеры.

н. Охъ любить: что же вы еще хотите чтобъ онъ дѣлалъ? Жизнь отъ достаточна кажется наполнена!

Климатъ, темпераментъ, національный характеръ обусловливаютъ жизнь народа; естественно, что жизнь въ Испаніи должна управляться другими условіями чѣмъ у насъ. Романтикъ, восторженный мечтатель — у насъ наиримѣръ комическіе типы, чуть ли не сапожны школярства, сумасбродства, тупоумія; романтическое направленіе не только осмѣивается въ личностяхъ, его преслѣдуютъ даже въ произведеніяхъ литературы. Теперь только въ Испаніи да еще можетъ-быть въ Сициліи романтизмъ и поэзія сохранились не только въ старыхъ романахъ, но и въ самой жизни. Вы ихъ встрѣчаете здѣсь гуляющихъ по улицамъ такъ же дѣйствительно и свободно, какъ у насъ чиновниковъ, офицеровъ и такъ-называемыхъ дѣловыхъ людей.

.. Сгупайте ночью по Севильѣ, загляните въ любой переулокъ, не въ ту часть его, которая посеребрена луною, но въ другую, гдѣ черная тѣнь домовъ обрисовывается на синемъ небѣ, — вы непременно различите мужскую фигуру, завернутую въ плащъ; широкая шляпа низко надвинута на глаза, правая нога упирается въ ступень или камень, пальцы слегка перебираютъ струны гитары... Идите дальше: подъ сѣнью душистыхъ лимонныхъ деревьевъ или розовыхъ акацій, окружающихъ площадь, на мраморной скамьѣ, ближайшій уголъ которой охваченъ голубымъ лучемъ мѣсяца, сидятъ мужчина и женщина; затаенный ли любовный лепетъ, вздохи ли несутся оттуда, или то слышится неровный шелестъ фонтана, который какъ призракъ бѣдетъ посреди темной площади... Далѣе, изъ кромѣшного мрака неожиданно выступитъ ратіо, освѣщенный цвѣтными бумажными фонарями и алебастровыми лампами, обставленный цвѣтами и зеленью, зеркалами и картинами, съ мраморнымъ фонтаномъ и столами, покрытыми хрусталемъ съ сорбетамъ и студеной водою; нѣсколько паръ мужчинъ и женщинъ танцуютъ болеро; живой грохотъ кастаньетъ, восклицаній, веселый смѣхъ, бряцающіе гитары шумно вырываются на улицу; какимъ огнемъ дышетъ здѣсь каждый взглядъ, каждое движеніе! какая простодушная, откровенная веселость; сколько страсти и простой, естественной граціи! Еще далѣе — и снова все окуталося мракомъ, снова окружаетъ васъ мертвая тишина. Но даже и въ тишинѣ здѣсь слышится что-то жизненное, точно глухо стучитъ чье-то сердце, точно пульсъ

бьется ускореннымъ тактомъ. Дѣло въ томъ, что Севилья, даже въ самый поздній часъ ночи, только притворяется спящею; она засыпаетъ только съ зарею. Какъ бы поздно ни было, въ самыхъ глухихъ, отдаленныхъ переулкахъ не перестаетъ бродить таинственный шелестъ, въ которомъ чудится вамъ то отдаленный лепетъ и вздохи, то мелодическіе акорды гитары... Въ самомъ воздухѣ, напитанномъ запахомъ лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ, проносятся какъ словно какія-то жаркія струи, чье-то страстное дыханіе, которое наполняетъ сердце невѣдомыми до того волненіемъ, желаніями, страстью...

И все это, повѣрьте, не мечты, не выдумки, а дѣйствительность; каждый, кому приводилось быть на югѣ Испаніи, подтвердитъ вамъ, что самъ, лично, испытывалъ обаяніе поэтической жизни, той жизни, которую здѣсь только можно еще встрѣтить.

На другой день меня ни свѣтъ ни заря пробудилъ звонъ колоколовъ; онъ очевидно раздавался не съ колокольни, потому что дребезжалъ подъ самыми моими окнами; ктому же колоколовъ было слишкомъ много и звукъ ихъ слишкомъ былъ тонкъ и мелокъ. Я поспѣшилъ вскочить съ постели, отдернулъ занавѣску, отворилъ дверь балкона и выглянулъ на площадь.

Заря только-что занималась, разливая по небу иѣжно-розовый свѣтъ; тотъ же свѣтъ наполнялъ площадь, проходилъ по деревьямъ обрызганнымъ росю, окрашивалъ фонтанъ и мраморныя скамьи. По мостовой, между деревьями и зданіемъ фонды, выступала длинная вереница муловъ, навьюченныхъ глиняными красными кувшинами, въ которыхъ по ночамъ привозятъ снѣгъ съ горъ для дневнаго потребленья Севильи; подъ шеей каждаго мула болтался длинный мѣднній колоколъ, имѣвшій видъ опрокинутого бокала. Звуканье колоколовъ, сухой стукъ подковъ по мостовой, возгласы погонщиковъ далеко раздавались по пустыннымъ улицамъ; городъ еще не пробуждался. На мраморныхъ скамьяхъ подъ деревьями лежали въ растяжку и завернувшись въ плащъ какіе-то молодцы курившіе папироску; они быть-можетъ провели здѣсь ночь, не имѣя другого приюта; быть-можетъ нарочно пришли сюда съ тѣмъ, чтобы встрѣтить первые лучи и погрѣться, *tomar el sol*, — наслаждаться солнцемъ. — какъ выражаются Испанцы.

Какъ бы сильно ни было впечатлѣніе, которое оставляетъ Се-

вила, — справедливость требуетъ сказать, что городъ собственно играетъ тутъ послѣднюю роль. Испанская поговорка:

Quien no ha visto a Sevilla,
No ha visto à maravilla,

т. е. кто не видалъ Севильи, тотъ не видалъ чуда, справедлива ровно на столько, на сколько относится къ собору, къ національному музею, наполненному драгоценнѣйшими картинами севильской школы, къ Алькансару — старому мавританскому дворцу, къ церкви la Caridad, по главное къ собору. Это зданіе не только чудо Испаніи, но чудо Европы. Городъ собственно, — я разумѣю общій видъ домовъ и улицъ, общественныя увеселенья, удобства, окрестности, — не представляетъ ничего особенно поразительнаго. Севилья пересѣчена по всѣмъ направленіямъ тѣсными, извилистыми, узенькими и очень душно вымощенными улицами. По нимъ круглый день, поминутно скользя и спотыкаясь, проходятъ только вереницы муловъ; рѣдка изъ нихъ такъ широка, чтобы свободно могла проѣхать карета; поэтому ли, или по другой причине, экипажей здѣсь почти невидно; ѣздить только за городъ. По большей части всѣ ходятъ пѣшкомъ; шумная, живая толпа постоянно толкается посреди мостовой. Дома рѣдко превышаютъ два этажа; ихъ акуратно бѣлятъ два или три раза въ годъ; городъ, какъ вообще всѣ испанскіе города, гдѣ мы были, — смотритъ очень чисто. Но известъ и щекотурка, проходя одинаково по всѣмъ зданіямъ, отымаетъ у физиономіи города ту живописность, которую вправѣ ожидать каждый особенно отъ старой Севильи; щекотурка и мѣлъ, кромѣ того что нестерпимо ослѣпляютъ глаза, окончательно затерли и замазали лѣпные мавританскіе узоры, слѣды которыхъ и теперь еще кое-гдѣ выступаютъ надъ старыми воротами и по стѣнамъ домовъ частныхъ обывателей; благодаря щекотуркѣ, окончательно сгладилась скульптурная рѣзба изъ камня и дерева, исчезла живопись, которой такъ недавно еще украшались фасады богатыхъ домовъ.

Съ Жиральды, на которую мы поднялись (съ этого начали мы первыя наши походы въ Севилью), городъ открывается какъ на ладони: онъ лежитъ посреди совершенно плоской обожженной солнцемъ равнины; которая уходитъ съ одной стороны къ подножію Сьеры-Морены, съ другой пропадаетъ въ золотистомъ знойномъ просторѣ, кой-гдѣ оживленномъ прихотливыми изги-

бамп Гвадалквивира. Панорама Севильи и ея окрестностей, — даже при всей готовности моей повергнуться въ прахъ передъ нею, — не произвели на меня ожидаемаго эффекта; въ грандіозномъ отношеніи, я ничего не знаю лучше вида Кадиса съ высоты его соборной колокольни.

Не знаю также, что сказать вамъ о столь прославленной Жиральдѣ. Издали, на меня по крайней мѣрѣ, сдѣлала она гораздо больше впечатлѣнія; кромѣ того что воображеніе настроено было столько лѣтъ въ ея пользу, она дѣйствительно очень граціозно рисуется надъ общемою массою города и невольно привлекаетъ глазъ розовымъ своимъ колеромъ. Вблизи это ничего больше какъ огромная четырехугольная кирпичная башня, сохранившая блѣдныя слѣды арабскихъ лѣпныхъ украшеній вокругъ крошечныхъ рѣлкихъ оконъ, имѣющихъ видъ бойницъ. Свѣдѣнія о томъ, что выстроена она около 1000 года мавританскимъ архитекторомъ азъ-Гебóромъ, изобрѣтателемъ будто бы алгебры; что верхніе три яруса, окруженные мраморными галереями, съ крышей увѣнчанной колосальной бронзовой статуей Вѣры, — воздвигнуты гораздо позже, испанскимъ архитекторомъ Францискомъ Рюйцъ, — интересны для археолога, для историка; художественному чувству до нихъ все равно; оно нимало этимъ не подкупается, потому что понимаетъ и чувствуетъ только наглядныя, непосредственныя наслажденія.

Самое замѣчательное, по-моему, въ Жиральдѣ, это ея лѣстница; она винтообразно обходитъ снизу, вверхъ всю внутренность башни; ступенекъ нѣтъ; она идетъ en pente douce и такъ широка, что два человѣка верхомъ свободно могутъ взобраться до верхаго надстроеннаго яруса, гдѣ привѣшены колокола; освѣщается она тѣми маленькими окнами, которыя видны снаружи.

Впрочемъ, при входѣ на Жиральду, послѣ перваго бѣлаго взгляда, все вниманіе исключительно отдаешь собору; онъ почти примыкаетъ къ Жиральдѣ, которая служитъ ему колокольней.

Сверху онъ представляется цѣлымъ кварталомъ сѣрыхъ каменныхъ зданій, соединенныхъ въ одно цѣлое. Сначала глазамъ не вѣришь, что всѣ эти терасы, окруженные каменными балконами и идущія одна за другою, что это безчисленное множество верхушекъ, сводовъ и каменныхъ куполовъ, что весь этотъ лѣсъ башенъ, готическихъ стрѣлокъ, контрфорсовъ — принадлежитъ одному строенію.

Размѣры собора еще болѣе увеличиваются, когда сойдешь внизъ и начнешь оглядывать его у основанія. Въ наружности его нѣтъ и не могло быть одинаковаго обще-характернаго стиля. Онъ начатъ еще арабами; главная часть мечети и теперь совершенно цѣла; она выходитъ на дворъ de los Naranjos, сохранившій прежнее свое назначеніе сада; цѣль даже фонтанъ, гдѣ мусульмане совершали омовеніе; дворъ обсаженъ громадными апельсиновыми деревьями; они, говорятъ, посажены еще арабами. Въ четырнадцатомъ столѣтіи къ мечети, обращенной въ церковь, начали пристраивать новый храмъ. Соборный причетъ, владѣвшій тогда несмѣтными сокровищами, принесъ въ жертву на постройку его всѣ свои доходы, оставя для себя только необходимое. Такъ опредѣлено было по обѣщанію. Основаніемъ плану служила такая мысль: «построить храмъ, каковаго еще не было на землѣ христіанской, которому бы міръ удивился!» Надо сказать, — цѣль была волюнѣ достигнута. Для выполненія ея конечно много способствовали громадные средства; но сравнительно съ тѣмъ, что осуществилось, средствъ однихъ было мало; къ такому результату могло только привести религиозное фанатическое увлеченіе, которое тогда вдохновляло каждое отдѣльное лицо и управляло всѣмъ обществомъ. Съ постепеннымъ ослабленіемъ религіознаго чувства въ Испаніи, постройка собора замедлялась и наконецъ вовсе остановилась; теперь, по всей вѣроятности, онъ уже никогда не кончится.

Приподнявъ кожанный фартукъ, которымъ завѣшиваются здѣсь церковныя двери, и войди во внутренность собора, чловѣкъ, кто бы онъ ни былъ, чувствуетъ себя приплюснутымъ, уничтоженнымъ, превращеннымъ въ муху.

Пять длинныхъ стрѣльчатыхъ сводовъ чистѣйшаго стиля первой эпохи готики, скрещиваясь между собою, составляютъ потолокъ; его поддерживаютъ ряды колонъ, которыя у капителей кажутся тоненькими, между тѣмъ какъ у основанія онѣ толщиною съ башню; средней сводъ высоты необытной; подъ нимъ свободно могла бы уиѣститься Ивановская колокольня; по всей окружности собора, вдоль внутреннихъ стѣнъ, идутъ счетомъ восемьдесятъ придѣловъ и отдѣльныхъ часовенъ; многіе изъ нихъ могутъ служить большими церквами; въ общей громадѣ размѣровъ, ихъ почти не замѣчаешь. Все это строилось отдѣльными лицами или семействами изъ поколѣнія въ поколѣніе,

и строилось со времени основаніи собора до конца прошлаго столѣтія. Тутъ можете вы прослѣдить всевозможныи стили архитектуры, отъ строгаго готическаго до напыщеннаго рококо, который, попавъ медъ руку испанскимъ художникамъ, превзошелъ богатствомъ орнаментаціи и фантазіей всѣ границы самаго необузданнаго воображенія. Скульптурныя изображенія сцень изъ ветхаго и новаго завѣта и святыхъ изъ бронзы, кости, серебра, мрамора и дерева; рѣзба изъ всевозможныхъ камней и деревъ; колонны, карнизы и фронтоны изъ порфира, яшмы, хрустала, мрамора и обожженой расписной глины; мозаика и рѣдкія картины, — украшаютъ безчисленныя ниши и выступы этихъ приделовъ; престолы ихъ уставлены кромѣ того распятіями, маленкими статуиками, драгоценными подсквѣнниками, складнями, ларохранильницами, цвѣтами въ вазахъ самой тонкой, художественной работы. Стѣны между этими отдѣльными часовнями украшены статуями, барельефами и картинами первокласснѣйшихъ живописцевъ и скульпторовъ Испаніи; тутъ между прочимъ и знаменитый св. Антоній падуанскій Мурильо, — картина, которую многіе считаютъ лучшимъ его произведеніемъ.

Но желаніе дать обо всемъ этомъ хотя даже приблизительное понятіе, было бы безуміемъ. Бывая здѣсь каждый день продолженіе круглаго года, все-таки невозможно всего рассмотреть. Умъ теряется, голова идетъ кругомъ при одномъ воспоминаніи такого страшнаго изобилія чудесъ искусства; они рассыпаны здѣсь съ тою невѣроятною щедростію, о которой могутъ дать понятіе однѣ развѣ церкви Италіи и Сициліи.

Соборъ освѣщается восьмидесятью тремя окнами, расписанными сюжетами изъ священнаго писанія; живопись принадлежитъ лучшей эпохѣ процвѣтанія живописи на стеклѣ; оригиналами служили русуки первыхъ итальянскихъ, нѣмецкихъ и испанскихъ мастеровъ времени возрожденія. Такъ какъ окна расположены на значительной высотѣ и обходятъ вокругъ внутрення стѣны, — солнце освѣщаетъ ихъ попеременно, проходя свой дневной кругъ. Въ какое время ни войдешь въ соборъ, лучи солнца, пронизывая съ той или другой стороны окна и окрашиваясь яркими цвѣтами, спускаются радужными полосами въ сумрачный полусвѣтъ величаваго зданія; изламываясь на прихотливѣйшихъ, мелнкихъ граняхъ колонъ, проходя сквозь облака ладана, закрадываясь въ глубокіе смуглыя барельефы и завитки изъ

дерева, захватывая мѣстами мозаику и позолоту. — бросая нестрыя пятна на каменные плиты пола съ изображеніемъ гербовъ и надписей, на живописныя группы преклоненныхъ молящихся, — лучи эти дополняютъ магическій эффектъ собора, повольно приводятъ самаго равнодушнаго зрителя къ ощущенію чего-то близкаго экстазу.

На мои глаза, главное чудо этого общаго чуда — это иконостасъ (retablo) и хоръ, — мѣсто, гдѣ органъ и куда во время службы собирается причетъ для пѣнія псалмовъ и молитвъ. Они расположены другъ противъ друга и занимаютъ середину главнаго свода.

Retablo отгороженъ высокою бронзовою рѣшеткою во вкусъ богатѣйшаго renaissance; за ценою, во всю ширину свода, отъ колонъ до колонъ идутъ мраморныя ступени, оканчивающіяся площадкой; тутъ главный престолъ. Глаза ослѣпляются звѣздами изъ драгоценныхъ камней, мерцаніемъ огней сотенъ паникадилъ, блестящихъ наложь шитыхъ жемчугомъ и золотомъ, богатствомъ утвари, столько же драгоценной по работѣ, сколько по цѣнности. За престоломъ, все пространство между колонами замыкается иконостасомъ, который въ вышину равняется высотѣ свода. Онъ весь изъ дерева; ряды барельефовъ идутъ одинъ за другимъ; о числѣ ихъ можете судить уже потому, что на retablo изображеной весь ветхой и новый завѣтъ; каждый барельефъ обрамленъ широкой деревянною рѣзной каймою, изрытой какъ медовый сотъ, покрытый херувимчиками, фигурами, ангелами, святыми; все это путается съ листьями, плодами, орнаментами, фантастическими химерами; страшное богатство воображенія озадачиваетъ не менѣе чѣмъ самое выполненіе; каждый узоръ рѣзна показываетъ сознательнаго, сильнаго мастера; ничтожнѣйшая мелочь пройдена съ любовью, а между тѣмъ все бойко, смѣло, свободно отъ рутины, дышетъ чѣмъ-то индивидуальнымъ, проникнуто огнемъ истиннаго вдохновенія. Барельефы, въ которыхъ фигуры вышнюю около аршина, выполнены чуть ли еще не съ большими мастерствомъ.

Хоръ точно также весь деревянный. Вы входите въ замкнутое пространство, открытое только сверху; оно вокругъ исполосовано высокими монументальными сѣдальницами, усыпанными изысканнѣйшей рѣзбою; все что только могла придумать готика, все что присоединило къ ней потомъ пламенное воображеніе испанскихъ

художниковъ, является здѣсь въ самомъ полномъ, самомъ пышномъ видѣ. Толстые томы гравюръ, десятки тысячъ фотографій, цѣлыя коллекціи гипсовыхъ слѣпковъ конечно не передадутъ воистиннѣе полное изобиліе этихъ деталей, которыя при безконечномъ разнообразіи формъ сливаются все-таки въ одно гармоническое, очаровательное цѣлое.

Глядя на такія работы, невольно падаешь духомъ, когда мысленно перенесешься къ тому, что теперь производится въ томъ же родѣ...

Искусство рѣзбы изъ дерева, не мѣшаетъ замѣтить, неотъемлемо принадлежитъ Испаніи; оно процвѣтало здѣсь съ незапамятныхъ временъ и вѣроятно перешло вмѣстѣ съ испанцами во Фландрію. Въ рѣдкой деревенской церкви не встрѣчаются здѣсь хорошіе образчики скульптуры изъ дерева. Лучшіе художники, Беррухуегъ, ученикъ Микель-Анжело и основатель мадритской школы, Бехера, Алонзо-Кано и другіе не пренебрегали деревомъ; изъ такого рода произведеній нерѣдко встрѣчаются здѣсь истинные *chefs-d'œuvre*.

Надъ хорами возвышается одинъ изъ самыхъ большихъ католическихъ органовъ; трубы его, толстыя какъ колонны, украшены также деревянной рѣзбою. Въ хорѣ участвуетъ болѣе ста-пятидесяти человекъ, не считая сотни дѣтей, которые подтиваютъ дискантомъ, занимаясь въ тоже время перелистываніемъ пудовыхъ потныхъ книгъ, воздвигнутыхъ на вертящихся скульптурныхъ наложяхъ.

Случалось, въ это самое время войти въ соборъ: человѣчскіе голоса и звуки органа терются въ отдаленіи; прислушавшись — точно поютъ нѣсколько серафимовъ, которые спрятались гдѣ-нибудь подъ завиткомъ или гранью въ неизмѣримой вышнѣ главнаго свода.

Между хоромъ и *retablo* возвышается бронзовый подсвѣчникъ; его примешь сначала за намятникъ, поставленный надъ логіей какого-нибудь важнаго прелата; онъ служитъ поддержкою восковой свѣчки, въ которой двѣ тысячи пятьдесятъ фунтовъ вѣсу: это цѣлая мачта! Въ годъ сожигается въ соборѣ двадцать тысячъ фунтовъ воску и столько же фунтовъ масла; краснаго вина на совершеніе тайны причащенія выходитъ до восемнадцати тысячъ литровъ; всякій день въ восьмидесяти придѣлахъ происходитъ до пятисотъ службъ. Поэтому

представляю вамъ сдѣлать окончательный выводъ о размѣрѣхъ севильскаго собора. Размѣрамъ этимъ, надо замѣтить, отвѣчаютъ богатство сокровищъ, которыя намъ показывали въ ризницѣ: здѣсь буквально нагромождены горы золота, серебра, жемчуга и драгоценныхъ камней; мы видѣли между прочимъ огромныя часовни и модели храмовъ изъ золота и серебра; ихъ выносятъ иногда во время церковныхъ процессій; одно изъ нихъ помещается на особыхъ пародныхъ носилкахъ, которыя могутъ поднять не менѣе сорока человекъ. Рѣзные шкафы, обступающіе кругомъ стѣны ризницы, биткомъ набиты драгоценною утварью и ризами, которымъ цѣны нѣтъ. Словомъ, описать соборъ и все что въ немъ заключается, невозможно; повторяю вамъ: при одномъ воспоминаніи голова идетъ кругомъ и мысли путаются!

Чтобы разомъ кончить съ архитектурой и художествами, попрошу васъ на минуту въ бывшую монастырскую церковь de la Caridad; монастырь превращенъ теперь въ городскую больницу. Уже причина, которой церковь обязана своимъ существованіемъ, сама по себѣ интересна: ее выстроилъ кто бы вы думали? — выстроилъ ее донъ-Хуанъ де Марана, — тотъ самый донъ-Хуанъ, который, справедливо или нѣтъ, пользуется нѣсколькими столѣтіями извѣстностью перваго волокиты, гуляки, развратника и безбожника. Вотъ что рассказываетъ о немъ легенда по поводу церкви la Caridad: разъ ночью донъ-Хуанъ возвращался съ пирушкой въ самомъ веселомъ настроеніи духа; на поворотѣ въ темную улицу, слухъ его былъ пораженъ унылымъ, протяжнымъ нѣніемъ; онъ остановился; голоса приближались. Вскорѣ изъ-за угла показалась погребальная процессія; впереди шли въ два ряда монахи съ зажженными свѣчами, освѣщавшими ихъ коричневые капоры, съ дырами прорѣзанными для глазъ; позади шел покойникъ. — «Кого хоронять?» спросилъ донъ-Хуанъ. — «Донъ-Хуана де Марана!» гробовымъ голосомъ отозвались монахи. Такой отвѣтъ нѣсколько озадачилъ гуляку; онъ подошелъ еще ближе и повторилъ свой вопросъ. — «Хоронимъ донъ-Хуана, повторили въ свою очередь монахи: — послѣдуйте за нами, почтенный caballero, помолитесь за упокой грѣшной души его!..» Донъ-Хуанъ взглянулъ въ лицо покойника; такъ какъ въ Испаніи покойниковъ носятъ съ открытымъ лицомъ, донъ-Хуану легко было убѣдиться, что покойникъ дѣйствительно былъ нигде

другой, какъ его собственная особа. «Странно!!» подумалъ отрезвившійся волокита. Не прозносся слова, онъ присоединился къ шествію и вошелъ въ церковь; тутъ присутствовалъ онъ при отпѣваніи и погребеніи самого себя. На другой день его нашли лежащаго въ обморокъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходила погребальная церемонія. Это обстоятельство такъ сильно подѣйствовало на донъ-Хуана, что онъ вполне раскаялся, пострясся въ модахи и пожертвовалъ все свое состоянье на постройку церкви, теперешней de la Caridad.

Церковь великолѣпна; тутъ во всей своей ослѣпительной роскоши являеся соединеніе всѣхъ возможныхъ мотивовъ итальянскаго *renaissance* съ французскимъ *rocoquo*, — стили, который особенно часто украшаетъ храмы Испаніи; его зовутъ здѣсь *plateresco*; бѣлыя стѣны храма наполовину исчезаютъ подъ позолотою орнаментовъ. Здѣсь находятся двѣ знаменитыя картины Мурильо: умноженіе хлѣбовъ и Моисей исторгающій воду изъ скалы. Хотя картины эти по величинѣ чуть ли не самыя большія произведенія художника (во второй восемнадцать фигуръ въ натуру), но обѣ повѣшены такъ высоко, что вполне насладиться ими можно только съ помощью бинокля. Въ той же церкви у входа видѣлъ я странную картину Хуана-Вальдеса: изъ темнаго фона выступаютъ на первый планъ два трупа, лежащіе одинъ противъ другого; они въ состояніи полного гніенія; кожа мѣстами раздулась и позеленѣла, мѣстами треснула, сползла и пропускаетъ мириады бѣлыхъ червей съ красными головками; одинъ трупъ въ порфирѣ и коронѣ; другой въ тиарѣ и парамонѣ, царскомъ облаченіи; у ногъ ихъ навалены въ безпорядкѣ скипетръ, регалии, короны, груды золота; знаки земнаго отличія поставлены здѣсь въ контрастъ неизбежному отвратительному жизненному концу, который всѣхъ уравниваетъ.

Нельзя кажется, придумать менѣе симпатическаго сюжета; прибавьте еще къ тому страшную пластическую правду выполненія. Но живопись такое многостороннее искусство, что даетъ долю эстетическаго наслажденія уже тогда, когда хотя одну изъ его условій превосходно выполнено; письмо Хуана Вальдеса такъ великолѣпно, исполнено такого смака, такой жизненности, что независимо отъ сюжета, противъ воли все-таки отрываешься отъ картины.

На могу утерпѣть, чтобы не упомянуть о колоссальномъ дере-

влиномъ барельефъ, который поставленъ здѣсь вмѣсто запрестольнаго образа. Девять фигуръ въ ростъ окружаютъ Спасителя, только-что снятаго съ креста. Вы представить себѣ не можете, какая поражающая сила въ выраженіи лицъ: слѣды страданий, начертанные не только въ лицѣ Христа, но въ сжатыхъ мускулахъ его тѣла, даже на самой кожѣ, мѣстами висящей лохмотьями; все это однакожъ, по мнѣнію художника, было слишкомъ еще слабо для полноты впечатлѣнія; онъ расписалъ барельефъ красками, и такъ натурально, что, готовъ побожиться, видѣлъ передъ собою живыхъ людей. Такихъ скульптурныхъ произведеній много въ церкви la Caridad. Намъ показывали деревянную статую Спасителя, изображеннаго въ ту минуту, какъ онъ привязанъ къ позорному столбу; глядя на эту статую, также расписанную, невольно замираетъ сердце и духъ захватываетъ; Христосъ стоитъ совершенно какъ живой; кожа виситъ клочьями, обнажая мѣстами кости колѣнъ и ребра; кровь льется ручьями по лицу и одеждѣ; стекла рубиноваго цвѣту вставлены тамъ, гдѣ кровь запеклась или остановилась въ видѣ капли; помутившіеся глаза, которымъ художникъ далъ выраженье страданья, котораго вѣкъ не забудешь, — сдѣланы для большей вѣрности изъ цвѣтнаго эмали; они смотрятъ изъ-подъ темныхъ впадинъ, осыпанныхъ прядями *натуральныхъ волосъ*; волоса въ свою очередь вырываются изъ-подъ *настоящаго терноваго вѣнца*...

Такія изображенія на каждомъ шагу попадаютъ въ Испаніи. Здѣсь реализмъ въ искусствѣ дошелъ до крайнихъ своихъ предѣловъ. Стремленіе къ натуральному, все равно въ какомъ бы отъвратительномъ видѣ оно ни представлялось, составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ испанскаго художества. Кроткій идеалъ, вдохновлявшій итальянскихъ живописцевъ и скульпторовъ XV, XVI вѣка, проникалъ сюда, но повидимому въ то время никого не увлекъ, никого не тронулъ; не того искало пламенное, необузданное воображеніе испанца: разжигаемое безуміемъ религіознаго фанатизма, оно могло находить удовлетвореніе только въ потрясающихъ эффектахъ, въ такихъ произведеніяхъ искусства, которыя не только льстили, но если можно, усиливали бы въ немъ фанатическое настроеніе духа. Художникамъ легко было достигнуть такой цѣли; они стремились къ ней столько же по собственному чувству, сколько вслѣдствіе напра-

впенія даннаго исскуству духовной инквизиціей; она паходила свою выгоду поддерживать фанатизмъ: это было удобнѣйшее средство управлять народомъ по своему произволу.

Послѣ картинъ, извѣющихся предметомъ пытки, истязанія монаховъ, забивающихъ себя до смерти камнемъ въ грудь и т. д., съ большимъ еще умиленіемъ останавливаешься и отдыхаешь сердцемъ передъ головками мадонъ и ангеловъ Мурильо. Глядя на нихъ, не ощущаешь того тяжелаго гнета, который невольнио ложится на душу передъ мрачными картинами большой части его соотечественниковъ. Въ религиозныхъ произведеніяхъ Мурильо грозная, ужасающая сторона религіи замѣнена сердечной, человѣческой, любящей, которая собственно составляетъ главный смыслъ христіанскаго ученія. Доброта, кротость, милосердіе были идеалами Мурильо; такими чувствами по крайней мѣрѣ проникнуты всѣ лица его картинъ священнаго содержанія; не потому ли онѣ такъ намъ и симпатичны, что самый идеалъ художника всѣмъ доступнѣе?..

Бѣда да и только! Эта Севилья заключаетъ въ себѣ такое изобиліе художественныхъ сокровищъ, что право не знаешь на что рѣшиться: упомянуть ли только о самомъ значительномъ, или ужь лучше сряду пропустить все художественное, такъ какъ дѣло здѣсь собственно въ бѣгломъ очеркѣ путевыхъ впечатлѣній? Последнее по-моему благоразуміе. Съ другой стороны на каждомъ шагу встрѣчаются здѣсь такія рѣдкости, что право совѣстно какъ-то пройти ихъ молчаніемъ. Можно ли напримѣръ слова не сказать объ Алькансарѣ, мавританскомъ дворцѣ, недавно еще возобновленномъ стараніями герцога Монпансье?.. Рѣшаюсь однакожь умолчать о немъ, хотя бы даже изъ чувства уваженія къ нему же самому. Тутъ цѣлыми страницами ничего не скажешь; не передашь даже приблизительнаго понятія читателю, незнакомому напримѣръ вовсе съ архитектурой арабовъ. Читатель не бывшій въ Испаніи, но интересовавшійся когда-нибудь ея арабскими памятниками, по всей вѣроятности давно уже перечелъ все что говорится о нихъ въ книгахъ Вiarдо, Боткина, Готье и другихъ болѣе спеціальныхъ сочиненіяхъ. Къ тѣмъ же источникамъ пусть обратятся всѣ тѣ, кого особенно занимаетъ національный музей Севильи (el museo provincial, какъ сказано въ каталогѣ). Исторію испанской живописи, точно также какъ биографію художниковъ, найдете вы у Рачинскаго и Вiarдо; Бот-

Кинь такъ прекрасно опредѣлялъ поэтизмъ мурильевской живописи, такъ вѣрно и тонко объясняетъ его стиль и манеру, что пришлось бы только повторять его слова говоря о великомъ живописцѣ.

Музей самъ по себѣ, какъ архитектурное званіе, а также и въ отношеніи внутреннаго декоративнаго устройства, не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Снаружи мрачныя старинныя стѣны; внутри тѣ же гладкія стѣны. Здѣсь весь интересъ и роскошь сосредоточиваются въ картинахъ. Такъ напримѣръ въходите въ длинную большую залу съ темнымъ закопѣлымъ потолкомъ и паутинами во всѣхъ углахъ; стекла огромнаго итальянскаго окна въ глубинѣ очевидно немыты съ того дня, какъ зданіе перестало быть монастыремъ; полъ выстланъ кирпичемъ, весь потрескался и покрытъ пылью; но въ этой залѣ счетомъ девятнадцать запрестольныхъ картинъ Мурильо (*). Можете судить, что могло бы ожидать здѣсь зрителя, еслибъ картины эти были хорошо освѣщены и обставлены болѣе достойнымъ образомъ! По-моему перлъ этого драгоценнаго собранія — св. Феликсъ, подносящій Христа-младенца Богородицѣ. Не знаю, чтобы кисть Мурильо произвела что-нибудь совершеннѣе; здѣсь полотно, краски, словомъ матерьяльныя части живописнаго искусства окончательно какъ бы исчезли; передъ вами открывается воздушное квадратное пространство, въ которомъ клубятся легкія

-
- (*) 1. Богородица и преклоненный передъ нею св. Августинъ.
 2. Зачатіе пресвятой Дѣвы (въ томъ же родѣ какъ у насъ въ Эрмитажѣ).
 3. Св. Леандръ и Бонавентура.
 4. Рождество спасителя.
 5. Св. Филиппъ (de Santalicio), подносящій Христа-младенца Богородицѣ.
 6. Св. Тома (de Villanueva), раздающій милостыню нищимъ.
 7. Св. Юста и св. Руфина, поддерживающія модель Жиральды.
 8. Св. Антоній падуанской и Христосъ-младенецъ, являющійся на библии.
 9. Зачатіе пресв. Дѣвы; надъ нею Богъ-отецъ и сонмъ ангеловъ.
 10. Тотъ же сюжетъ.
 11. Благовѣщеніе.
 12. Христосъ на крестѣ и св. Францискъ.
 13. Св. Феликсъ (de Santalicio); поясная фигура съ Христомъ-младенцемъ на рукахъ.
 14. Св. Иоаннъ-креститель.
 15. Богородица съ Христомъ-младенцемъ.
 16. Тотъ же сюжетъ.
 17. Ангелъ, поддерживающій тѣло Христово.
 18. Богородица съ Христомъ-младенцемъ на рукахъ.
 19. Іосифъ съ Христомъ-младенцемъ на рукахъ.

облака, пасквиль проникнуты свѣтомъ ; слѣва, въ бѣлой развѣвающейся одеждѣ тихо спускается Богородица ; прелестное кроткое лицо ея освѣщается невидимыми небесными лучами ; справа, внизу, на едва примѣтномъ клочкѣ земли, стоитъ на колѣняхъ святой ; лицо его, опрокинутое назадъ, исполнено восторженнаго умпленья ; вся душа перешла кажется въ полные сладкихъ слезъ глаза, устремленные къ дивному видѣнію ; руки его, простертыя впередъ, покрыты бѣлымъ покровомъ ; на немъ спящій Христосъ—младенецъ. Картина особенно тѣмъ еще замѣчательна, что въ ней кромѣ поэзіи и прелести выраженья, еще мѣтѣ выказывается условнаго, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ Мурильо ; она очевидно написана въ минуты самаго горячаго вдохновенья. Сюжетъ, взятый вѣроятно изъ мѣстной легенды и пьвало не трогающій современнаго зрителя, подтверждаетъ только то, что мы сказали по поводу картины Хуана—Вальдеса : въ живописи, болѣе чѣмъ въ другомъ пластическомъ искусствѣ, главное дѣло не столько въ содержаніи, сколько въ поэтическомъ чувствѣ художника и потомъ въ совершенствѣ техническихъ условій.

Но чудеса искусства сами по себѣ ; какъ бы велика ни была жадность къ картинамъ, статуямъ и вообще предметамъ художества, является наконецъ минута пресыщенья ; нервы утомляются, падаютъ и требуютъ отдохновенія. Но даже и мимо искусства иѣтъ города, гдѣ бы время проходило такъ пріятно, какъ въ Севильѣ. Не знаю, въ какой степени развита въ ней общественная жизнь и на сколько удовлетворяется ею постоянный житель ; но путешественникъ, который пріѣзжаетъ сюда на три—четыре педѣли, который радъ уже, если можетъ познакомиться съ вѣншей обстановкой, у котораго иѣтъ времени посмотреть изнанку и тѣмъ самымъ можетъ—быть испортить свѣжесть первыхъ впечатлѣній, — такой путешественникъ ни въ какомъ случаѣ не соскучится въ Севильѣ. Мы прожили по крайней мѣрѣ такъ пріятно, какъ ни въ какомъ другомъ городѣ Европы.

Утро начиналось всегда съ того, что отправившись бродить по городу безъ цѣли, куда глаза глядятъ ; зайдешь обыкновенно въ соборъ, Алькансаръ, музей la Caridad или другую церковь ; часто, сюда привлечетъ не столько чувство изящнаго, сколько попросту желаніе отдохнуть. Я уже сказалъ, что Севилья, какъ городъ, не представляетъ ничего особенно великолѣпнаго ; а между

тѣмъ нигдѣ не фланируешь съ такимъ наслажденіемъ. Любопытство постоянно на-сторожкѣ, ни на секунду не усыпляется; на всемъ здѣсь такая печать своеобразности, такъ все непохоже на Европу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря солнцу и небу, благодаря инстинктивному чувству изящнаго, свойственному южнымъ пародамъ, — все является здѣсь въ такомъ картинномъ, живописномъ видѣ, что самое фланерство получаетъ свой процентъ эстетическаго наслажденія.

По цѣлымъ часамъ засматриваешься иногда въ голубую тѣнь, падающую отъ старой стѣны, гдѣ толпа смуглыхъ, кудрявыхъ, черномазыхъ *michachos* (мальчишекъ) скачутъ и возятся какъ чертенята, играя въ *toros*. Взвѣсивъ на себя роль быка подражаетъ съ необыкновеннымъ искусствомъ всѣмъ приемамъ и движеніямъ разъяреннаго животнаго; другіе, кто сидя верхомъ на палочкѣ, кто съ клочкомъ бумаги или листомъ лапуха въ рукѣ, прыгаютъ вокругъ, представляя пикадоровъ и *banderillos*. Наконецъ, подбоченясь съ комическою важностью, выступаетъ *матадоръ*; бычекъ бросается впередъ, и въ ту же секунду падаетъ къ ногамъ *матадора* при громкихъ возгласахъ всѣхъ остальныхъ ребятишекъ; нерѣдко къ тоненькому голоску дѣтей присоединяется богатырской басъ взрослога челоуѣка: проходя мимо, онъ не могъ не остановиться, а подконецъ и самъ увлекся. Мѣстами поднятый коверъ наружной двери позволяетъ любоваться *ratio* съ его милой, граціозной обстановкой: цвѣтами, фонтаномъ и женщинами, играющими въ *феромъ*. Мѣстами вниманіе останавливается на группѣ нищихъ; выразительность лицъ, позы, живописность лохмотьевъ, охваченныхъ яркими переливами солнца и тѣни, объясняютъ, отчего даже идеальнѣй Мурильо не могъ протривиться оболещенію и бралъ иногда нищихъ оригиналомъ для своихъ картинъ.

Иногда отправлялись мы въ отдаленнѣйшія части города, заходили въ *Триану*, — кварталъ, слывшій когда-то самымъ опаснымъ угломъ чуть ли не всей Андалузій. Населеніе *Трианы*, состоявшее преимущественно изъ цыганъ (*gitanos*), наполнялось еще людьми самаго сомнительнаго промысла. Теперь *Триана* интересна только по воспоминаніямъ; на улицахъ ея, лишенныхъ мостовой, взбудораженныхъ точно послѣ землетрясенія и обставленныхъ жалкими низенькими *мазанками*, поросшими репейникомъ и *алоэ*; изрѣдка развѣ встрѣтишь оборванное цыганское семейство, ко-

торое варить что-то въ котелкѣ у входа въ жилище. Къ уничтоженію опаснаго населенія Трианы нимаю однакожь не содѣйствовало правительство ; оно здѣсь не на столько заботливо и предусмотрительно. Какъ мы ни спрашивали, никто не могъ сказать, отчего Триана годъ отъ году пустѣеть.

Гвадалквивирь отдѣляетъ предмѣстье отъ города ; чтобы снова повасть въ Севилью, надо перейти каменный мостъ и миновать большую площадь ; ее замыкають справа набережная и городская стѣна ; слѣва площадь открывается на Кампанію, въ которой величаво рисуются арки римскаго водопровода. Площадь эта съ утра до вечера, не выключая часовъ сіесты, постоянно полна народомъ ; здѣсь торгуютъ съѣстными припасами и тѣми мелкими обиходными предметами, которые составляютъ потребность простаго класса ; здѣсь также продають и пробуютъ лошадей, ословъ и муловъ ; посреди шумнаго, непонятнаго говора, неразъ приходилось слышать знакомыя слова цыганскаго языка, которыя удавалось прежде слышать въ Зарайскѣ или Серпуховѣ. Громадныя досчаныя тележки съ сѣномъ и запряженныя парю воловъ, длинныя цѣпи разукрашенныхъ муловъ съ перекидными плетеными корзинами, наполненными овощами, арбузами, виноградомъ, граватами и кувшинами ; гурты гусей и свиней, собаки и лошади, — все это суеть и движется въ страшномъ безпорядкѣ посреди толпы, которая повидимому нимаю этиаъ не стѣсняется. Тутъ можно увидѣть костюмы всѣхъ провинцій Андалузій и Каталоніи. Не знаешь куда дѣваться отъ суеты и гаму, отъ оборванныхъ тшсасосъ, которые кричатъ надъ самымъ ухомъ : « Fuego ! fuego ! » предлагая огонь въ мѣдныхъ тазахъ съ угольями ; отъ продавцовъ воды, которые тутъ же голосятъ во всю силу легкихъ : « Agua ! agua gelato ! Quien quiere agua fresquita ? »

При всей своей безпорядочной суетѣ, толпа эта, надо замѣтить, ведетъ себя необыкновенно прилично ; причина того трезвость и еще та вынужденная осторожность и учтивость въ обращеніи другъ съ другомъ, о которой я говорилъ выше. О кабакахъ здѣсь нѣтъ помину ; ихъ замѣняютъ такъ называемые *refrescos*, лавочки, гдѣ за самую ничтожную плату можно получить порцію свѣту съ лимоннымъ сокомъ или стаканъ холодной воды, въ который для вкуса опускается кусокъ отвердѣлой сахарной пѣны, весьма схожій съ нашими кондитерскими безе. Во всю мою

бытность въ Испаніи, разъ, только случилось видѣть цыцаго; толпа *muchachos*, взрослыхъ мужчинъ и женщинъ шла за нимъ, сопровождала каждый его шагъ свистомъ и насмѣшками; изъ оконъ высовывались головы любопытныхъ; при видѣ цыцаго, мужчины начинали свистать и лаять пособачьему.

Фланерство наше, надо правду сказать, не всегда одинаково было безъ цѣли; мы только почему-то тщательно иногда скрывали ее другъ отъ друга. Случалось напримеръ, что каждый изъ насъ выразить желаніе отдѣлиться отъ общества и идти самъ по себѣ; прекрасно; всѣ соглашались; разойдутся въ разные стороны и потомъ, часъ спустя, смотришь — всѣ сошлись пожалуй хоть бы въ дверяхъ сигарной фабрики. Сигарныя фабрики чаще другихъ мѣстъ Севильи служили пунктомъ такихъ неожиданныхъ столкновеній. Дѣло въ томъ, что здѣсь, въ одной залѣ работаетъ до пятисотъ молоденькихъ дѣвушекъ; изъ нихъ бездна хорошенькихъ; все это поетъ, болтаетъ, смѣется и куритъ; онѣ курятъ сколько хотятъ, съ тѣмъ чтобы не унести табакъ изъ фабрики. *Cigarrera* совершенно особенный типъ; онѣ соответствуютъ прежнему типу парижской гризетки; въ многочисленномъ классѣ женскаго населенія Севильи только сигареры сохранили національный костюмъ: онѣ являются по праздникамъ въ коротенькой баскинѣ, корсажѣ обнажающемъ плечи и съ широкими рукавами, усыпанными блестками; вечеромъ, на всѣхъ площадяхъ и прогулкахъ вы ихъ встрѣтите съ сигарою по рту и вѣтромъ, который быстро переходитъ изъ одной руки въ другую; онѣ гуляютъ небольшими группами; въ нѣсколькихъ шагахъ непременно слѣдуютъ лихіе, щегольски одѣтые *majos*; случалось впрочемъ встрѣчать и русскихъ.

Нѣтъ кажется города въ мірѣ, гдѣ бы встрѣчалось на каждомъ шагу столько случайностей, такое разнообразіе ощущеній и такіе контрасты, какъ въ Севильѣ; оттого-то именно онѣ такъ и дорогъ фланеру. Не успѣешь отвести глазъ отъ группы веселыхъ хорошенькихъ *cigarreros*, — и вдругъ наталкиваешься на зрѣлище, отъ котораго замираетъ сердце отъ ужаса, и въ волосахъ пробѣгаетъ ознобъ: мимо васъ проносятъ окровавленнаго человѣка, который бьется въ предсмертныхъ судорогахъ; сейчасъ за сосѣднимъ домомъ онѣ сдѣлались жертвой *раздраженной руки*, то-есть попросту его хватили пожомъ; крикъ, шумъ, смятеніе мгновенно наполняютъ улицу. Нѣсколько шаговъ далѣе, снова

мертва тишина; и вдругъ изъ-за угла, на поворотѣ, васть неожиданно оглушаютъ веселые звуки военной музыки. — Что это? спрашиваешь. — Церковная процессія!..

Первый разъ какъ застигнулъ меня на улицѣ такой неожиданный музыкальный концертъ, — я поспѣшилъ прижаться къ стѣнѣ, нимало не сомнѣваясь, что навстрѣчу идетъ батальонъ или полкъ солдатъ. Ничуть не бывало! Музыканты, игравшіе какой-то вальсъ, служили авангардомъ церковной процессіи. За музыкантами, въ нѣсколько рядовъ и въ полномъ облаченіи выступало духовенство; подъ фиолетовымъ бархатнымъ балахномъ, украшеннымъ кистями, золотымъ шитьемъ и страусовыми перьями, тяжело пыхтѣлъ и переваливался старый жирный монахъ, съ глазами неподвижно, насильственно какъ-то опущенными къ землѣ; вокругъ суетились мальчѣкѣ въ бѣлой одеждѣ, державшіе зажженные свѣчи или махавшіе во все стороны курившимися кадьями; далѣе, ярко пестрѣли и сверкали на солнцѣ хоругви, серебряные рѣзные фонари, воздвигнутые на цвѣтныхъ шестахъ, изображеніи церкви и башенъ, или возвыпалась на богатыхъ позьякахъ деревянная крашеная мадона съ вѣнкомъ розъ на головѣ и одѣтая въ пышное бальное платье съ безчисленнымъ множествомъ кружевныхъ волановъ; за ними гусливо, но во весь голосъ и совершенно въ разладъ пѣли пѣвчіе; шествіе замыкалось новыми нескончаемыми рядами духовныхъ лицъ въ полной парадной одеждѣ. Все это было очень живописно и даже эффектно если хотите, но ради чего это дѣлалось, рѣшительно не могу объяснить себѣ.

Сколько я могъ замѣтить при встрѣчѣ съ такими процессіями, испанцы не только не умиляются ими, но остаются къ нимъ совершенно равнодушными; мало того, не обращаютъ даже на нихъ почти никакого вниманія. Процессія состоитъ иногда болѣе чѣмъ изъ двухсотъ лицъ духовенства, а между тѣмъ ее сопровождаютъ нѣсколько нищихъ старухъ и толпа *michaschos*; послѣднихъ очевидно привлекаетъ только музыка.

Вслѣдствіи разговора, а также и то, что приводилось самому видѣть, окончательно убѣдили меня, что Испанія, слывшая когда-то самой религіозной страной католическаго міра, — теперь наоборотъ, едва ли не самая равнодушная къ религіи.

Причина этого очевидна: она вся въ дѣйствіяхъ самого духовенства, которое въ свое время перешло здѣсь всевозможные

предѣлы власти и злоупотребленій. Впадая въ крайности, свойственныя пылкимъ народамъ, испанцы перерѣзали монаховъ своихъ, какъ только перестали ихъ болѣть. Бѣлое духовенство уцѣлѣло какимъ-то чудомъ; не потому ли можетъ-быть, что слишкомъ уже презиралось народомъ? Надо видѣть, съ какимъ восторгомъ встрѣчаются въ театрѣ сцены, гдѣ смѣются надъ духовенствомъ, пародируютъ духовныхъ лицъ и комически расцѣпываютъ «de profundis». И все это происходитъ какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ спустя послѣ уничтоженія инквизиціи, которая, въ ханжескомъ усердіи своемъ поддержать вѣру, пережгла, перерѣзала и передушила болѣе десяти миліоновъ человѣкъ испанскаго народа. Печего сказать, цѣль славно достигнута!

Иногда, уговорившись какапуиѣ, мы вставали часовъ въ шесть-семь утра и дѣлали поѣздки за городъ. Разъ даже заѣхали мы очень далеко. Не знаю кто-то сообщилъ Б. Т., что верстахъ въ пятнадцать отъ Севильи, въ мѣстечкѣ Alcala, превосходная охота съ ружьемъ; тамъ, увѣрили, въ такомъ страшномъ изобиліи водились въ это время куропатки, что можно было стрѣлять ихъ дюжинами почти не сходя съ мѣста. Б. Т. страстный охотникъ; судите, что съ нимъ сдѣлалось послѣ такого извѣстія. Мы пробовали было его успокоить, совѣтовали справиться, такъ ли дѣйствительно было какъ рассказывали, выставляли ему на видъ всеѣмъ извѣстное свойство андалузцевъ, — свойство, которое вѣроятно не даромъ заслужило имъ названіе испанскихъ гасконцевъ, — ничего не помогало; мы все равно что толкали воду. Ясно слѣдовательно, приходилось сдѣлать уступку въ его пользу. Что прикажете дѣлать съ человѣкомъ, который несутя видѣлъ высочайшую степень земного блаженства въ томъ, чтобы подстрѣлить куропатку въ Андалузін! Мы согласились ему сопутствовать и рѣшили завтра же чѣмъ-свѣтъ съѣздить въ Алкалу.

Въ тотъ же вечеръ Жіованни (гидъ фонды de Paris), сопровождаемый своимъ неизбѣжнымъ бѣлымъ пуделемъ, отправился заказывать лошадей и экипажъ; послѣдній предназначался тѣмъ изъ насъ, которые наотрѣзъ объявили, что скорѣе согласятся проесть лошадь подъ мышкою до Алкала, чѣмъ просидѣть на ней пятнадцать верстъ верхомъ.

Часовъ въ шесть мы были на ногахъ и выходили изъ дверей нашей фонды. Жіованни и еще три человѣка въ коричневыхъ

платцахъ и такого же цвѣту лицахъ; держали подъ узлицы лошадей.

— Гдѣ же карета? спросили мы.

— Готова.

— Чтожъ она не является?

— Невозможно проѣхать: она слишкомъ широка и не проѣзжала бы въ узлицу, спокойно возразилъ Жюваппи: — пусть господы, которые ѣдутъ верхомъ, садятся; остальныхъ я провожу до экипажа...

— Далеко ли идти?..

— Почти на край города, къ puerto de Carmona...

Puerto de Carmona выходитъ на большую торговую площадь, о которой я уже говорилъ.

Дѣлать нечего, тронулись въ путь.

Почти у выхода на площадь, подъ черепичными навѣсами съ толстыми каменными столбами, увидѣли мы длинный крытый фургонъ, запряженный шестью мулами по два въ рядъ. Фургонъ, напомилавшій наружной своей формой старые омнибусы, страмившіе когда-то Невскій проспектъ, былъ по внутреннему своему устройству еще неудобнѣе послѣднихъ: двѣ голыя скамьи во всю длину, и только; доски пола просвѣчивали и перегибались подъ ногами. Зато мулы, выбритые отъ заднихъ ногъ до половины спины, исчезали почти подъ кистями, буфами и помпонами изъ цвѣтной шерсти; mayoral, — кучеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ владѣлецъ экипажа и муловъ, представлялъ изъ себя одну изъ тѣхъ пышныхъ, великолѣпныхъ фигуръ, которыми нельзя довольно налюбоваться, даромъ-что ихъ на каждомъ шагѣ встрѣчаешь въ Севильѣ. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, онъ былъ одѣтъ совершеннымъ шеголемъ: красный широкой кушакъ, коротенькіе голубые панталоны съ серебряными пуговками по швамъ, кожаные штилеты до колѣнъ, открывающія съ боковъ голую икру, голубая шитая куртка, яркой платокъ вокругъ шеи съ длинными концами, падающими на бѣлую рубашку; голова его съ сѣдыми висками, рѣзко выступавшими на смуглой какъ корица кожѣ, повязана была жолтымъ яркимъ фуляромъ; ее прикрывала сверхъ этого маленькая, надѣтая набекрень шапочка съ круто-загнутыми полями и украшенная кисточками; лицо кучера, гладко выбритое, съ парюю черныхъ бакенновъ въ видѣ котлетъ по бокамъ, исподнецо было выраже-

ня веселости, дикости, удали, — словомъ лицо вполне андалузское.

Подлѣ муловъ хлопотало еще нѣсколько человѣкъ, напоминавшихъ лицомъ и одеждой тѣхъ бандитовъ, которые неожиданно выскакиваютъ изъ бочекъ въ пьесѣ Фра-Дьяволо.

Увидавъ насъ, тауога! послалъ намъ знакъ пріѣзтва исполненный достоинства, подобралъ возжи и сѣлъ на козлы, приглашая насъ скорѣе занять наши мѣста.

Прошло однакожь болѣе десяти минутъ прежде чѣмъ мы тронулись съ мѣста; мулы низачто не хотѣли выйти изъ-подъ навѣса; крики людей и хлопанье бичей усиливали только видимому ихъ упрямство; они бились, рвались, даяли, и чѣмъ болѣе стоявшіе вокругъ люди кричали и дергали, тѣмъ медѣе подвигалось дѣло. Наконецъ раздался ужасный крикъ, мулы рванулись впередъ какъ бѣшеные и во весь духъ поднесли насъ по мостовой; до сихъ поръ не понимаю какимъ чудомъ выскочилъ нашъ фургоны и мы вмѣстѣ съ нимъ, цѣлы и невредимы, изъ лабиринта столбовъ, окружавшихъ дворъ и цадѣсь. Въ первую минуту у насъ рѣшительно отшибло память; помню только, какъ мы скакали по мостовой, держась другъ за дружку и стучась головами въ кузовъ и досчатый стѣны.

— Ауа! ауа! кричалъ во весь голосъ тауога!, яростно маху тѣмъ размахивая въ воздухѣ сигарой.

— Ауа! ауа! вторили ему еще громче изъ толпы, которая, не знаю какъ успѣвала раздаваться, чтобы дать намъ дорогу и не быть раздавленной.

На концѣ площади, уже при самомъ вѣздѣ на мостъ, всѣ эти крики, грохотъ экипажа и топотъ шолковъ, слился вдругъ въ одинъ неистовый гамъ, и фургоны получили неожиданно такой толчокъ, отъ котораго едва не разсыпался въ щелки. Мы посидѣли выскочить воцъ. Мулы наши цѣлкомъ вломались въ обозъ, спускавшійся гуськомъ съ моста.

Пока распутывались построжки, разводили муловъ, мы ничиній разъ имѣли случай замѣтить ту учтивость въ обращеніи, которая отличаетъ испанскій народъ отъ всякаго другаго; такой случай, не говорю у насъ, но во Франціи и даже Англии не обшолся бы безъ обмѣны бранныхъ словъ, пожалуй даже драки; здѣсь все ограничилось только выразительными жестами и взглядами; послѣ этого, всѣ съобща принялись подсоблять другъ

ружкѣ; минуту пить «спустя»; *tauroga* закурилъ свою сигару, живо предложивъ огня товарищамъ, уѣлся на козлы и мы нова посканали, продолжая стучаться головами.

Въ Агсѣла надо ѣхать по той же дорогѣ какъ въ Мадридъ. Милонавъ мостъ Евдалквивира, оставя влѣвъ Триану, мы вскорѣ ощутились на совершенно пустынной дорогѣ; странно даже было видѣть, что въ такомъ близкомъ разстояніи отъ города не было признака жилья. Въ обѣ стороны развѣтывалась песчаная однообразная равнина, усеянная горами камней, насквозь прожженныхъ солнцемъ; кое-гдѣ на краю дорбги лѣпилась развалина мазавки, обросшая репейникомъ или громадными синеватыми алоэ, которые высоко выбѣгали своими колючими острьяками надъ плоской, знойной линіей горизонта. Время отъ времени попадались длинныя цѣпи муловъ, перегибавшіеся подъ тяжестью мѣшковъ съ мукою; встрѣчались также верховые въ коричневыхъ плащахъ, закрывавшихъ нижнюю половину лица, съ ружьемъ за плечами и широкихъ навинутыхъ на глаза шляпахъ.

Жаръ между тѣмъ замѣтно начиналъ дожимать насъ; дребезжавшій досчаной потолокъ фургона чувствительно накаливался. Къ этому вскорѣ присоединилась тонкая песчаная пыль, которая клубами вривалась въ окна, въ щели и нестерпимо жгла и саднила лицо. Кто-то предложилъ закрыть окна; но въ ту же минуту принуждены были снова опустить ихъ, потому что чуть не задохлись отъ духоты.

На шестой или седьмой веретѣ одинъ изъ нашихъ обратилъ всеобщее вниманіе на человѣка, который бѣжалъ подлѣ фургона; онъ былъ безъ шляпы, въ оборванной синей рубашкѣ и такихъ же панталонахъ, которые придерживалъ рукою, изъ боязни вѣроятно потерять ихъ на дорогѣ. Заподозривъ его тотчасъ же въ злостныхъ намѣреніяхъ стнщить что-нибудь, мы стали украдкой наблюдать все его движенія; но простетвіи минуты мы узнали въ немъ одного изъ тѣхъ подгоняльщиковъ (*zagal*), которыхъ берутъ здѣсь кучера, чтобы подгонять путемъ-дорогой капризныхъ, упрямыхъ муловъ. *Zagal* появлялся то съ одной стороны фургона, то съ другой, то забѣгалъ къ передовымъ муламъ; носясь такимъ образомъ во весь духъ и придерживая свои панталоны, онъ успѣвалъ въ то же время подбирать камушки, которыми со всего маху пускалъ въ муловъ, заставляя ихъ ска-

кать еще шибче; потъ лилъ съ него ручьями; набравъ горсть камней, онъ иногда ловко вскакивалъ на козлы и передавалъ имъ кучеру, который въ свою очередь принимался пускать имъ и въ хвостъ, и въ голову. Нашъ *zagal* могъ еще по всей справедливости считать себя счастливейшимъ человѣкомъ: ему представлялась еще возможность садиться на козлы; но большей части козлы бываютъ также заняты пассажирами; въ такихъ случаяхъ бѣдняга пробѣгаетъ отъ станціи до станціи, не имѣя возможности перевести духъ; замѣтите, станціи здѣсь огромныя, не менѣе двадцати пяти верстъ.

Но здѣсь впрочемъ этому никто не удивляется; андалузы не даромъ слывутъ людьми самыми легкими на подъемъ, лучшими ходоками и скороходами.

Часамъ къ десяти жаръ сдѣлался рѣшительно невыносимъ; къ счастью, около этого времени прибыли мы въ *Alcala de los Panaderos*.

Несмотря на такое трескучее названіе, въ *Алкаль* всего одна улица; она обстановлена жалкими низенькими домами, выѣленными мѣломъ; ихъ до того накаляю солнце, что подлѣ нихъ чувствовался жаръ какъ отъ плавильнаго жерла чугунаго завода. *Алкала* расположена между голыми кремнистыми холмами и однимъ концомъ своимъ примыкаетъ къ маленькой мутной рѣкѣ съ двумя водяными мельницами; здѣсь печется часть хлѣба, доставляемая каждую ночь на мулахъ въ Севилью. На одномъ изъ холмовъ вырѣзывается въ сверкающемъ до ослѣпленія небѣ профиль римскихъ развалившихся укрѣпленій. Кругомъ ни одной былинки, ни одного деревца; отовсюду сверкаетъ одинъ камень, накаляющій воздухъ; у мельницы торчатъ двѣ-три чачлыя ветлы, но и тѣ отъ корня до маковки засыпаны жгучею пылью и мукою.

Possada (постоялый дворъ), гдѣ мы остановились, ничѣмъ не отличалась отъ остальныхъ домовъ; съ улицы входилъ въ мрачную, закопѣлую кухню съ пучками луковицъ, развѣшенныхъ по потолку; на стѣнахъ бросаются въ глаза ружья и мушкетеры, и ни одной кострюли; прямо — рядъ столбовъ, а за ними непосредственно конюшни, такъ что, заказывая завтракъ, мы вдоволь наблюдали какъ нашъ *шаугол* устаниваливать муловъ; запахъ кухни конечно не такъ сильно щекоталъ наши ноздри, какъ запахъ навоза. Слѣва, низенькая дверь приводитъ въ об-

широкую комнату со сводами и поломъ, вымощеннымъ плитами; вокругъ стѣнъ каменные скамьи и длинные сосновые столы, пропитанные насквозь запахомъ масла.

Несмотря на это, Б. Т. настоятельно требовалъ, чтобъ мы немедленно отправлялись съ нимъ на охоту.

— Завтракъ будетъ скуденъ, это ужъ по всему видно, скажешь онъ въ видѣ убѣжденья: — не лучше ли походить часокъ-другой и прибавить къ нему дюжинки двѣ жирныхъ куропатокъ!

Жюванни, котораго мы взяли съ собою, передалъ намъ, что по словамъ кучера, загаля и содержателя посады, лучшимъ мѣстомъ для охоты былъ холмъ, гдѣ возвышались развалины.

Б. Т. схватилъ ружье, оглянулъ насъ торжествующимъ взглядомъ и ринулся къ двери.

Мы несвольно за нимъ послѣдовали.

На половинѣ холма, покрытаго колючимъ кустарникомъ и глыбами обвалившихся стѣнъ, мы едва уже могли переводить духъ; солнце, кромѣ того что ослѣпляло глаза, разслабляло насъ до того, что мы едва передвигали ногами; нечего было думать идти далѣе, впрочемъ чѣмъ не спадеть этой. Б. Т. очевидно самъ начиналъ это чувствовать, но страсть брала верхъ надъ всѣмъ; онъ все-таки лѣзъ выше и казалось, употреблялъ еще больше стараній, чтобы насъ ободрить. Призвавъ на помощь послѣднія силы, мы съ отчаяньемъ пошли за нимъ. Наконецъ, когда полчаса спустя, покрытые царапинами, пылью и потомъ, вернулись мы къ развалинамъ, — Б. Т. вдругъ сѣлъ на камень и уныло свѣсилъ голову.

— Чтожъ это значить? спрашивали мы: — отчего вы не идете далѣе? Мы исполнили ваше желаніе; видите, мы здѣсь! Ступайте же за вашими куропатками...

— Далѣе идти незачѣмъ! возразилъ онъ, мрачно озираясь вокругъ.

— Какъ?

— Не стѣнть!

— Стало-быть нѣтъ куропатокъ? спросили мы, тщетно стараясь отыскать клочекъ тѣни, куда бы можно было укрыть хоть голову: — но этого быть не можетъ! съ чего же всѣ они увѣряли, что здѣсь куропатки водятся въ такомъ изобиліи?..

— А чортъ же ихъ знаетъ, съ чего они это взяли! досадливо

разразился Б. Т.: — здѣсь дичь вотъ какая: одна только и можетъ быть! добавилъ онъ, указывая на мпірады ящерицъ, которыя быстро сповали по сверкающимъ на солнцѣ обломкамъ.

Отдохнувъ немного, мы поспѣшили спуститься. Но въ садѣ насъ ожидало новое разочарованіе: хозяинъ, обѣщавшій прежде пустить для насъ въ холъ всю свою провизію, объявлялъ теперь, что въ его распоряженіи только луковицы, чеснокъ, шоколадъ, виноградъ и хлѣбъ. Дѣлать нечего, надо было покориться горькой судьбѣ; мы тутъ же принялись за хлѣбъ, который даромъ-что здѣсь изготовляется, оказался почему-то еще жестче и прѣснѣе чѣмъ въ Севильѣ.

Но этимъ еще не кончилось.

Едва сѣли мы въ большой комнатѣ со сводами и пропустили въ ротъ первую виноградинку, изъ кухни послышались такіе неистовые крики, поднялся такой грохотъ, что мы разомъ, какъ бы по командѣ, вскочили на ноги. Въ ту же секунду въ комнату стремительно влетѣли два человѣка верхомъ на лошадакъ; одинъ былъ молодой, другой уже старикъ; оба неистово гинали и вращали надъ головою нагайками. Не успѣли мы откинуться назадъ, какъ лошадь молодого поскользнулась и шаркнулась объ полъ; сѣдокъ вывернулся изъ-подъ нея съ невыносимою ловкостью, поставилъ ее на ноги, ударилъ нагайкой, вскочилъ въ сѣдло, пригнулся къ луцъ, гикнулъ и пропалъ въ дверяхъ въ сопровожденіи стараго своего товарища. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ.

На крикъ хозяина и хозяйки мы выбѣжали въ кухню въ ту самую минуту, какъ верховые во весь духъ проскакали во улицъ. Въ жизнь не забуду того яростнаго отчаянья, которому предавались владѣтели посады; они рвали на себѣ волосы, метались по угламъ, били себя въ грудь кулаками, крестились, испускали то глубокіе вздохи, то потоки угрозъ и проклятій. Даже увѣщанія кучера, загала и Жіованни, которые сюда же выбѣжали, долго не могли привести ихъ въ болѣе спокойное состоянье.

Наконецъ дѣло объяснилось: молодыя, надѣлавшіе всю эту суматоху, были италъги, — отецъ и сынъ, два мелкихъ владѣльца землею, которые давно острили зубы на хозяевъ посады; они выжидали только случая насолить имъ. Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, они выбрали минуту, когда собрались гости; вры-

идея, верховъ, они имѣли въ виду надѣлать больше скандала и тѣмъ усилить оскорбленіе хозяевамъ. Какъ могли они изловчатся, чтобы проскочить на лошади въ низенькую, узкую дверь кухни и потомъ нашей комнаты, это для меня до сихъ поръ остается загадкой.

Переждавъ зной, мы къ обѣду тѣмъ же путемъ вернулись въ Севилью.

Радѣвшая такимъ образомъ по окрестностямъ (но съ большою однакожъ удачей), или фланируя по улицамъ, не видѣли никакъ проходить день. А между тѣмъ главный запасъ силъ надо было всегда приберегать къ вечеру; потомучто только отъ семи часовъ до поздней ночи, Севилья начинаетъ жить полною своею жизнью; она тогда только является во всемъ своемъ блескѣ. Въ эту пору впечатлѣннѣй еще больше, и они еще разнообразнѣе. О весельи и говорить нечего. Веселость андалузскаго характера сообщаетъ всему городу оживленье, о которомъ одни развѣ Палермо или Неаполь во время карнавала могутъ дать понятіе.

За часъ до солнечнаго заката, когда улицы начинаютъ потопляться прохладною тѣнью, и только крыши домовъ и колокольни горятъ еще золотомъ и пурпуромъ, ярко вырѣзывался въ густой синеви небѣ, идешь обыкновенно на площадь del Duque или на Alameda christiana; послѣдняя — садъ на берегу Гвадалквивира; сюда по вечерамъ собирается весь beau-monde Севильи. Такъ бывало впрочемъ тогда только, когда улаживалъ за обѣдомъ, что афишки не возвѣщаютъ baile pasional, т. е. балетъ или національные танцы. Въ такомъ случаѣ christiana и фланерство по улицамъ, безъ размышленія приносились въ жертву театру. Въ Севильи ихъ нѣсколько. Одинъ особенно (не помню его, названія) отличается великолѣпнѣйшемъ; зала блѣдно-лилоаго цвѣта съ позолотой; вмѣсто стульевъ вольтеровскія кресла, обитыя краснымъ сафьяномъ. Но зала, превосходныя декорации, игра актеровъ и самая прелесть танцовщицъ, — все забывается передъ рядами красавицъ, которыми унизаны ложи. Обыкновенныя руки, играющія вѣеромъ, взгляды, которыми обмѣниваются изъ ложи въ ложу, милое движеніе головъ при встрѣчѣ съ знакомыми, манты, откинутаго назадъ и открывающія матовыя чудныя плечи, пряди черныхъ волосъ съ магноліей или камеліей на вискахъ, — все это поминутно отрываетъ отъ сцены.

Первый разъ какъ случилось мнѣ быть въ театрѣ, я лишній разъ убѣдился въ присутствіи граціи, которая проникаетъ природу южнаго человѣка и высказывается въ самыхъ даже мелочныхъ его привычкахъ и обычаяхъ.

На сцену вышла молоденькая, хорошенькая антриса; она спѣла сайнетъ, національную пѣсню, и спѣла ее превосходно; съ окончаніемъ второго куплета, зала, къ великому моему удивленію, вдругъ наполнилась неистовымъ шипѣніемъ, смѣшаннымъ съ особеннымъ какимъ-то звукомъ, похожимъ на чмоканье. Я взглянулъ на бѣдную актрису: она обводила публику глазами, и приложивъ руку къ сердцу, кланялась во всѣ стороны; она, — такъ по крайней мѣрѣ показалось мнѣ въ эту минуту, — вымалывала о спусхожденіи. Въ негодованіи на публику, я обратился къ сидѣвшему рядомъ со мною бельгійскому консулу.

— Это ни начто не похоже, сказала я: она прелестно поетъ; зачѣмъ же всѣ на нее вдругъ напустились?..

— Какъ напустились? проговорилъ онъ съ удивленіемъ: — напротивъ, слышите: публика въ восхищеніи и благодаритъ ее...

— Странный способъ выражать благодарность: всѣ шипать и чмокаютъ!

— Ну да, чмокаютъ: этимъ-то именно публика и хочетъ сказать ей, что находитъ ее очень милою и потому посылаетъ ей поцѣлуй!

Здѣшнія театральныя танцовщицы очаровательны. Онѣ могутъ только не нравиться нашимъ балетмейстерамъ, танцорамъ и танцовщицамъ, у которыхъ нелѣпѣйшая рутинна и такъ называемая *школа* окончательно извратила вкусъ; которымъ противостественные труды выломали кости, безобразно вывернули носки и колѣна и вдобавокъ заморили ихъ до чахотки; вмѣсто траціи вы видите только искусственную, приторную афектацію; вмѣсто хорошенькой женщины передъ вами болѣе или менѣе разогнутый циркуль.

Испанская танцовщица — просто прежде всего хорошенькая женщина; въ ней увлекательно именно то, что нѣтъ ничего заученаго, условнаго; каждое ея движеніе отмѣчено свободой и природной, натуральной граціей; она танцуетъ не по заказу, но страстно, съ увлеченіемъ. Поэтому самому любителю танцевъ (и ктожь не слѣдается имъ въ Испаніи!), чтобы вполне усладить себя, никакъ не долженъ идти въ театръ; сценическая обсто-

женна рѣшительно отымаешь здѣсь половину удовольствія ; вы видите живой танецъ, исполненный страстными, воодушевленными женщинами, вамъ не сидится на мѣстѣ, вась неволью тянуть впередъ. вы увлечены, а тутъ сиди, не трогайся съ мѣста и смотри издали !

Андалузы, большіе охотники до танцевъ, предупредили такое неудобство. Въ Севильѣ существуетъ особое мѣсто, куда съходятся по вечерамъ танцоры и любители національныхъ танцевъ. Тамъ только съ полной непринужденностью, во всемъ великолѣпнн исполняется настоящій типическій болеро, jota aragonesa, olé, фанданго и сегидилья.

Мы конечно не пропускали ни одного такого вечера.

Еще заранѣе, во время обѣда, ни о чемъ больше никто не говорилъ, какъ о предстоящемъ удовольствіи. Слушая наши рассказы, изо всего нашего общества одинъ молодой американецъ (тотъ самый, что ѣхалъ на пароходѣ) сохранялъ невозмутимое равнодушіе. Впродолженіе этихъ двухъ недѣль, какъ мы пріѣхали въ Севилью, онъ буквально ниразу не ступилъ за порогъ фонды.

— Торопитесь мнѣ незачѣмъ, говорилъ онъ, когда мы выражали ему наше удивленіе : — я пробуду здѣсь до слѣдующаго октября ; въ годъ все успѣю увидѣть ; кому же ходить мнѣ теперь некогда : я занятъ составленіемъ каталога тѣхъ книгъ, которыя намѣренъ отыскивать.

Онъ точно также не выпускалъ однакожъ изъ фонды и свою спутницу-парижанку. Можете судить, что происходило съ этой особой, созданной изъ одного нетерпѣнія, любопытства и подвижности. Прислушиваясь къ нашимъ рассказамъ, она выходила изъ себя ; сидя въ своемъ номерѣ, она положительно съ ума сходила и лѣзла на стѣны ; подконецъ самъ американецъ сталъ намъ на нее жалованья.

Тронутый ея положеніемъ, я началъ разъ его упранивать пойти съ нами послѣ обѣда смотрѣть національные таицы. Онъ долго упряился ; наконецъ всѣ приступили къ нему съ той же просьбой ; онъ согласился, но съ тѣмъ условіемъ однакожъ, чтобы придти на мѣсто не раньше той минуты, какъ начнутся таицы. Таковъ ужъ былъ капризъ его ; иначе онъ не соглашался ; онъ говорилъ, что сейчасъ же уйдетъ назадъ, если придется дожидаться.

Было около восьми часовъ: танцы начинаются ровно въ семь: я поскорѣе отправился; я общалъ дожидаться условной минуты и возвѣстить о ней всему нашему обществу.

Мѣсто, гдѣ происходили танцы, находилось въ сосѣдней улицѣ; оно занимало второй этажъ стариннаго, мрачнаго дома; вѣтал каменная лѣстница съ потертыми ступенями приводитъ прямо къ двери большой залы съ бревенчатымъ потолкомъ и голыми стѣнами, освѣщенными нѣсколькими лампами; въ мѣсто мебели, вокругъ деревянныя скамьи. Толпа привычныхъ посѣтителей была уже въ полномъ сборѣ; человекъ до ста испанокъ и испанцевъ, кто одѣтый поевропейски, кто въ национальномъ костюмѣ, нѣсколько прїѣзжихъ иностранцевъ — стояли группами, рассказывали вздѣ и впередъ, шумно разговаривали, играли въ карты и курили. Посрединѣ залы прогуливался самъ хозяинъ вмѣстѣ съ тѣмъ учитель танцевъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, въ сѣрой курткѣ, коротенькихъ панталонахъ и бѣлыхъ чулкахъ à jour. На полу, кой-гдѣ по угламъ, живописными группами сидѣли цыгане, мужчины и женщины, старые и молодые; всѣ они были въ лохмотьяхъ, случайно подобранныхъ на улицѣ; кой-гдѣ на полипявшихъ цвѣточныхъ лоскутьяхъ сверкала уцѣлѣвшая блестящая или выдавалась яркая новенькая заплота; но даже и въ такую одежду, многія изъ молоденькихъ бросались въ глаза дикой своей красотой. Танцовщицы еще не являлись; онѣ выходятъ по знаку изъ сосѣдней комнаты, которая доступна только учителю: но танцоры, большею частію изъ цыганъ, были уже налицо и настраивали гитары. То что я говорилъ о танцовщицахъ, относится точно также и къ танцорамъ: это такіе лихіе, красивые и полные одушевленія молодцы, которые такъ вотъ и просеяты въ картину; андалузскій костюмъ, самъ уже по себѣ щеголеватый, — придаетъ ихъ движеніямъ какую-то особенную мужественную красоту и грацію; гуемые свои волосы прячутъ они въ пунцовую или синюю сѣтку; она концомъ спускается на затылокъ и потомъ свѣшивается на плечо.

— Скоро начнутся танцы? спросилъ у двухъ-трехъ знакомыхъ мужчинъ, которые неизмѣнно приходили сюда каждый вечеръ.

— Минуть черезъ пять... можетъ быть даже раньше. Уже почти восемь часовъ.

Я побѣжалъ предупредить общество, но не успѣлъ я сойти

десятокъ ступеней, какъ неожиданно до слуха долетѣли трескотня кастаньетъ и живое бряцанье гитаръ, возвѣстившія появленіе танцовщицъ. Много уже разъ приводилось мнѣ бывать въ этой залѣ; я зналъ, что меня тамъ ожидало; но при всемъ томъ, въ эту минуту, — признаюсь чистосердечно, — забыть французжку, американца, забыть ожидавшее меня общество, и стремительно, сломя голову полетѣть вверхъ по лѣстницѣ въ залу. Никто впрочемъ не былъ изъ нихъ потому въ претензіи; каждый соглашался, что на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже самое. Сама французженка и ея снудникъ, явившіеся четверть часа спустя, объявили напрямикъ послѣ перваго же танца, что находятъ мое увлеченіе совершенно натуральнымъ и вполне его оправдываютъ.

Не смѣйте, читатель; вамъ можетъ-быть не случилось заглядывать въ эту танцевальную залу Севильи; когда вы тамъ побываете, тогда скажете намъ свое мнѣніе.

Мнѣ по крайней мѣрѣ не случалось еще видѣть болѣе увлекательнаго зрѣлища.

Начать съ того, что всѣ танцовщицы прелесть какъ хороши собою; костюмъ ихъ очень живописенъ: онъ состоитъ изъ цвѣтнаго, очень низенькаго корсажа и коротенькой баскины; все это обшито блестками, яркими кучками лентъ и живыми цвѣтами; ножки такъ хороши, обуты съ такимъ изяществомъ, что такъ влечетъ перецѣловать ихъ отъ первой до послѣдней. Наконецъ, неподдѣльная страстность взглядовъ и движеній, необыкновенная живость самаго танца, исполненнаго сладострастной итъги и граціи, мотивъ пѣсни, которая сопровождаетъ танецъ, бряцанье гитаръ; лихорадочный трепеть кастаньетъ, воодушевленіе, которое постепенно овладѣваетъ зрителями, — все это дѣлаетъ изъ этой залы чуть ли не самое соблазнительное мѣсто Севильи и легко можетъ вскружить голову самому апатическому смертному.

Самый обворожительный танецъ для меня, это ôla: въ немъ танцоръ и особенно танцовщица переходятъ всѣ оттѣнки постепенно разгорающейся страсти. Въ мое время, танецъ этотъ исполнялся неизмѣнно одною и тою же парой.

По данному знаку, на середину залы выходила молоденькая цыганка; рубашка, низко обнажавшая плечи, и пестрая юбка были всей ея одеждой; маленькая ея головка и тонкая, граціозно

выгнутая шея съ трудомъ казалось выносила тяжесть смоляныхъ косъ, изъ которыхъ на правѣй високъ выбѣгала живая пунцовый цвѣтокъ. Трудно представить себѣ что-нибудь извѣннѣе овала ея лица, золотисто-бронзоваго и вмѣстѣ съ тѣмъ покрытаго матовою блѣдностью, — не тою блѣдностью, которая на сѣверѣ служитъ признакомъ болѣзни, но южною блѣдностью, которая еще болѣе возвышаетъ красоту женщины; на на одномъ камѣ не встрѣчалъ я болѣе тонкой профили; въ линіяхъ плечъ, рукъ и ногъ этой дѣвушки сохранилась во всей чистотѣ своей высочайшая тонкость породы; онѣ дышали тою женственною прелестью и строгою законченностью, которой любуемся мы на древнихъ греческихъ изваяніяхъ; вся она почему-то представлялась (и не мнѣ одному) типомъ Клеопатры въ молодости. Къ такому сходству способствовала также величавость и строгость выраженія, которыя рѣзко отличали эту дѣвушку отъ остальныхъ ея подругъ.

Танецъ начинался съ того обыкновенно, что она слегка наклоняла голову и опускала глаза, такъ что рѣсницы ея бросали тѣнь на щеки; она, казалось, задумывалась о чемъ то, не замѣчала ни толпы, ее обступившей, ни своего танцора, который между тѣмъ впивался въ нее огненными глазами и слегка побрякивалъ гитарой; при второмъ и третьемъ акордѣ хоръ цыганъ, сидѣвшихъ тутъ же, выпускалъ вздохъ: этимъ вздохомъ начинаются многіе припѣвы, поющіеся во время танцевъ. Вздохъ незамѣтно переходилъ въ мотивъ; онъ постепенно подхватывался всѣмъ хоромъ; къ нему мало-помалу присоединялись звуки кастаньетъ и гитаръ. Первые движенія танцовщицы были медленны; стоя на мѣстѣ и продолжая смотрѣть въ землю, она лѣниво, какъ бы послѣ сна, перегибала станъ и плавно разводила руками; танцоръ тѣмъ временемъ оживлялся съ каждой секундой; по мѣрѣ того какъ учащался темпъ мотива, звуки гитаръ и кастаньетъ усиливались, — энергическое лицо танцора наполнялось выраженіемъ какой-то сатанинской страсти; глаза его сверкали какъ у тигра, пальцы судорожно дергали по всѣмъ струнамъ гитары, онъ нетерпѣливо топталъ ногами. Наконецъ танцовщица подняла голову и бросила на него взглядъ; глаза ихъ встрѣтились.

— Аа! аа! Раздалось кой-гдѣ изъ толпы. Зрители плотнѣе обступили танцоровъ; увлекаясь заодно съ ними, они начи-

нали также притопывать ногами и трещать кастаньетами, потому что каждый проходящий сюда приносить непременно кастаньеты въ карманѣ.

— Ауа! ауа! подхватывали десятки голосовъ.

— Ауа! ауа! дико покрякивалъ въ свою очередь танцоръ, разжигая все болѣе и болѣе танцовщицу.

Глаза ея уже сверкали огнемъ; увлекаемая какъ-будто магнетической силой взглядовъ, она тянулась къ танцору, который ускорялъ шагъ, заходилъ къ ней то съ одной стороны, то съ другой, манилъ ее глазами и все болѣе и болѣе старался разжечь ее. Но дѣло уже было сдѣлано: огненная, неукротимая страсть говорила въ каждомъ ея движеніи; плечи ея вздрагивали, щени порѣли, руки жадно ловили танцора, тонкій станъ изгибался и сладострастно опрокидывался назадъ; черные зрачки блистали огнемъ ненасытныхъ желаній.

Изъ всѣхъ присутствующихъ не было человѣка, у котораго при этомъ не вздрагивало бы сердце: толпа рѣшительно выхлупла изъ себя; все вокругъ стучало ногами, трещало кастаньетами, судорожно вскрикивало, вторя крикамъ цыганъ и цыганокъ, которые изступленно били въ ладоши, звенѣли гитарами и постепенно ускоряли темпъ вѣсивъ; энтузіазмъ толпы очевидно все болѣе и болѣе воодушевлялъ танцоровъ. Подконецъ танецъ принимаетъ характеръ такой бѣшеной и откровенной страсти, которая сдѣлала бы его невозможнымъ ни на какой европейской сценѣ; онъ оканчивается тѣмъ, что танцовщица въ страстномъ изнеможеніи падаетъ на грудь танцора, который быстро обхватываетъ ея талию, приподымаетъ ее на воздухъ, цѣлуетъ и торжественно выноситъ изъ толпы.

Сколько кажется, во всѣхъ танцахъ Испаніи, танцоры и танцовщицы дѣйствуютъ не столько ногами, сколько всѣмъ корпусомъ; глаза и выраженіе лица, на которомъ проходятъ всѣ гаммы страсти, играютъ также не послѣднюю роль. Здѣсь хорошевыя ножки, необезображенные сверхъестественными трудностями, служатъ какъ бы для того только, чтобы бить тактъ, между тѣмъ какъ станъ, руки, бюстъ и головка, повинувшись быстротѣ или медленности темпа, производятъ граціозные перегибы. Во многихъ танцахъ существуютъ позы, гдѣ станъ опрокидывается назадъ до такой степени, что плечи танцовщицы почти касаются пола; руки слѣдуютъ тому же движенію и трещать

кастаньетами, между тѣмъ какъ ножка, вытянутая впередъ, бьетъ тактъ, но въ самую ту минуту, когда вамъ кажется, что танцовщица изнемогаетъ отъ усталости и едва имѣетъ силы играть кастаньетами, она вдругъ быстро вскакиваетъ, снова осыпаетъ васъ искрами своихъ взглядовъ, — и вся превращается въ одинъ неуловимый вихрь, въ одну подвижность.

Многіе танцы тѣмъ оканчиваются, что танцовщица, выбравъ глазами кого-нибудь изъ зрителей, — исполняетъ для него особенно самыя соблазнительныя свои позы; по окончаніи танца, она неожиданно подбѣгаетъ къ избранному и бросаетъ ему на лицо свой платокъ... Передъ возвращеніемъ платка, въ него заворачиваютъ обыкновенно деньги. Не совѣтую однакожь быть слишкомъ щедрымъ: платки полетятъ на васъ со всѣхъ сторонъ; и тогда, если у васъ хоть сколько-нибудь слабъ характеръ, вы погибли, — это неизбежно: такъ было по крайней мѣрѣ со многими изъ нашихъ товарищей; сердце ихъ чуть ли не до сихъ поръ еще въ Севильѣ!

Когда выйдешь на улицу послѣ такихъ впечатлѣній, можете судить, какъ обаятельно должна дѣйствовать жаркая голубая севильская ночь! Самые старые и холодные изъ насъ, даромъ-что сознавали весь комизмъ своего положенія, выказывали тѣмъ не менѣе въ эти минуты самыя явные знаки восторженности и страстнаго настроенія. Да, такъ случалось; о молодыхъ и говорить нечего. Для всѣхъ насъ впрочемъ пребываніе въ Севильѣ врядъ ли когда-нибудь изгладится изъ памяти.

Прощаясь съ нею съ палубы парохода, мы отвернули глаза тогда только, какъ блестящая маковка фигуры надъ Жиральдой окончательно скрылась въ золотомъ парѣ, потоплявшемъ равнину Гвадалквивира.

Памъ оставалось еще два дня до срока, когда намъ корабли должны были оставить рейдъ Кадиса, съ тѣмъ чтобы войти въ Средиземное море. Надо было воспользоваться этимъ временемъ, чтобы увидѣть еще что-нибудь кромѣ Севильи. Мы остановились на такомъ планѣ: спускаясь по Гвадалквивиру въ Кадисъ, остановиться на пристани Бонанца; оттуда хотѣлось намъ пройти сухимъ путемъ до Puerto Santa-Maria, потомъ сѣсть въ вагонъ желѣзной дороги, осмотрѣть Хересъ, и на другой день снова вернуться въ Puerto. Капитанъ парохода обѣщалъ между тѣмъ, по

приѣздѣ въ Кадисъ, высадить съ корабля катеръ, который долженъ былъ ждать нашего возвращенія въ Puerto.

Въ Бонациѣ прощанья съ нами довольно забавная сцена. Едва сошли мы съ парохода и ступили на пристань, насъ плотно обступила ватага кучеровъ; ихъ было до пятидесяти. Сверкая глазами, производили неистовые жесты, все принялись кричать въ одно время и каждый дорывался впередъ, усиливаясь захватить скорѣе наши дорожные мѣшки; напрасно надсаживали мы горло, повторяя заранее приготовленные фразы и стараясь вразумить ихъ, стараясь объяснить по крайней мѣрѣ куда хотимъ ѣхать, — ничего не дѣйствовало; напротивъ, чѣмъ отчаяннѣе защищали мы мѣшки свои, тѣмъ крѣпче они ихъ держали; мѣмъ громче мы кричали, тѣмъ наступивше оны наступали, тѣмъ яростнѣе на насъ дѣлали. Словомъ, мы положительно ужъ не знали какъ выпутаться и нещутя начинали падать духомъ. Даже Б. Т., никогда въ жизни не терявшій терпѣнiя, сохранявшiй невозмутимое равнодушіе въ минуты самыхъ жестокихъ штормовъ и сильной опасности, — и тотъ наконецъ вышелъ изъ себя. Рванувшись отчаянно впередъ, онъ вдругъ замахалъ руками и прокричалъ громовымъ голосомъ, который на секунду покрылъ весь городъ :

— *Sacha diavolo! — Russia batiçento! Imperatore batiçento de la Russia!*

Но такъ какъ и это не произвело никакого дѣйствiя, напротивъ, къ крикамъ присоединился еще громкой смѣхъ, — Б. Т. разсудилъ за лучшее засмѣяться въ свою очередь, чему и всѣ мы невольно поддавались. Мы рѣшились отлѣзть въ руки этимъ разбойникамъ и сдѣловать за тѣмъ изъ нихъ, изъ рукъ которыхъ труднѣе было вырвать мѣшокъ. Каждый кучеръ завладалъ такимъ образомъ двумя изъ насъ и порядокъ мгновенно возстановился. Шагахъ въ двадцати стояло множество двуколесныхъ красныхъ одноколокъ въ родѣ неаполитанскихъ *coçicolas*; разница въ томъ, что мадилькой кузовъ испанской *calessa* прилагая непосредственно къ оглоблямъ, такъ что каждое движеніе мила передается сѣдоку; кучеръ усаживается точно также какъ и въ Неаполѣ — частію на оглоблю, частію на досечку, куда упираются ноги путешественниковъ. Съ великимъ трудомъ мы помѣстившись рядомъ въ каждой *calessa*. Кучеръ въ національной андалузской шапочкѣ, бѣлой рубашкѣ, шитой курткѣ, красномъ

кушакъ и кожаныхъ штиблетахъ, прыгнуть съ неизмовѣрною легкостью на свое сѣдалище, но тѣмъ не менѣе отдалить намъ ноги; улыбувшись въ видѣ извиненія, онъ свернулъ *parelitos* (папирску), взялъ лихую, молодецкую позу, весело подмигнувъ намъ — и мы понеслись, подпрыгивая какъ мячики. Мулъ вообще неохотно двигается съ мѣста; но если ужъ пришло ему желаніе скакать, онъ лѣтитъ безъ удержу; его тогда ничѣмъ не остановишь. Не могу сказать, чтобы намъ было покойно и мягко сидѣть.

Нельзя сказать также, чтобы мы были совершенно покойны нравственно.

Мы прежде еще слышали, что вообще вся страна между Сант-Люкаромъ, Хересомъ и Puerto, была далеко не безопасна. На наше счастье, какъ пастъ увѣрили, конечно могъ попасться кучеръ, связанный тѣсною дружбой съ разбойниками, — дружбой, которая застраховывала насъ отъ опасности; такая дружба скрѣпляется тѣмъ обыкновенно, что кучеръ платитъ разбойнику условленную контрибуцію и такимъ образомъ на извѣстное время покупаетъ безопасность себѣ и сѣдокамъ своимъ. Очень могло быть, что кучеръ нашъ находился въ самыхъ братскихъ отношеніяхъ съ разбойниками и былъ однимъ изъ самыхъ аккуратныхъ плательщиковъ контрибуціи; но даже и при такомъ обстоятельствѣ мы все-таки чувствовали себя несомнѣнно спокойно.

Кромѣ разбойниковъ, на глухихъ перепутьяхъ Испаніи встрѣчаются еще такъ называемые *gateros* — люди, занимающіеся мирнымъ хлѣбопашествомъ, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ не прочь воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы напасть на путешественника и пустить его нагншомъ продолжать путешествіе. Эти *gateros* опаснѣе разбойниковъ: противъ послѣднихъ защищаться не станешь; ограничишься тѣмъ, что отдашь кошель и поѣдешь далѣе, напутствуемый «*Vayan ustedes con Dios!*» — фразой, которой почти каждый встрѣчающійся на дорогѣ провожаетъ здѣсь путешественника; противъ *gatero*, нападающаго часто въ одиночку, непремѣнно начнешь отбиваться, и ничего нѣтъ мудренаго, если почувствуешь въ боку *poaja*, прежде чѣмъ успеешь взвести курокъ пистолета. Кромѣ того, въ первую минуту не придетъ даже въ голову взять предосторожность. *Gatero* не отличишь отъ обыкновеннаго простолюдина; кто знаетъ, это можетъ-быть тотъ пшій, который робко подходитъ къ вамъ,

протягиваетъ руку и жадно говоритъ: «una limosina por l'amor de Dios!» или «buena cañero, caballeros!» и т. д.

Мѣстность, которая открылась передъ нами послѣ San-Lucar, имѣла впрочемъ такой характеръ, что мысль объ опасности невольно рождалась сама собою. Какъ только за нами скрылся городъ, въ обѣ стороны пошла такая дичь и глушь, какой я отроду еще не видывалъ. Справа и слѣва возвышались ряды каменныхъ небольшихъ холмовъ, которые притались другъ за дружку; на всемъ этомъ не было признака какой бы то ни было жизни; вокругъ ни былинки; повсюду одинъ голый рыжеватый грунтъ и камень съ хрищемъ. Солнце, раскаляя круглый годъ почву, превращало здѣсь въ золу и пепель самый зародышъ растительности; самый этотъ пепель уносило вѣтромъ; оставались только голые, рыжіе кряжи холмовъ, такихъ же сухихъ, какъ пемза. Небо сверкало надъ ними какъ плавеная мѣдь; скаты холмовъ, къ которымъ мѣстами приближалась дорога, отражали такой сильный жаръ и такъ нестерпимо блистали, что каждый разъ приходилось закрывать ладонью глаза, чтобы не ослѣпнуть. Несмотря на конецъ октября и пятый часъ пополудни, пекло такъ невыносимо, что мы при выѣздѣ изъ Санъ-Люкара принуждены были снять сертукъ, жилетъ и галстукъ; но даже и въ одной рубашкѣ было жарко.

Кой-гдѣ по окраинѣ дороги, надъ грудой камней торчалъ деревянный крестъ, выкрашенный красной или черной краской. Иногда, въ отдаленіи, по обнаженному холму лѣпилась нѣсколько мазанокъ, которыхъ въ первую минуту невозможно даже было отличить отъ почвы; но и тамъ точно также все казалось выжженнымъ и вымершимъ; звука не слышалось; не видѣлось живой, движущейся точки. Изрѣдка случалось перегонять и встрѣчать вереницы бѣлыхъ ословъ, навьюченныхъ тростникомъ, кувшинами или соломой; за ними верхомъ на бритомъ мулѣ слѣдовалъ человекъ, завернутый въ коричневый плащъ, съ ружьемъ за плечами, въ широкополой шляпѣ, изъподъ которой выглядывало сумрачное оливковое лицо, оживленное бѣлками глазъ; иногда въ такомъ же точно костюмѣ неожиданно показывался у поворота одинокій всадникъ.

— Вотъ gatego! шептали мы, ободряя другъ друга локтемъ и поспѣвая предложить кучеру новую сигару.

Кучеръ, свиставшій и нацѣлывавшій на всю дорогу, бралъ съ

гару, обязательно улыбался, закуривалъ ее и мы проносимся мимо такъ же благополучно, какъ еслибъ ѣхали по Каменноостровскому проспекту.

Несмотря на то, что намъ и прежде и послѣ неразъ приводилось странствовать безъ провожатыхъ по дорогамъ Испаніи, — съ нами не случилось ни одного изъ тѣхъ происшествій, о которыхъ рассказываютъ путешественники; разбойники и galegos до сихъ поръ остались для насъ совершенными мифомъ, такъ что подконецъ стало даже досадно.

Часа въ семь, когда холмы и дороги начали окрашиваться пурпуромъ заката, увидѣли мы передъ собою Puerto Santa-Maria; справа, между обвѣтующими массивами домовъ, открылась свѣлая полоса океана. Станція желѣзной дороги расположена въ верстѣ отъ города. Кучеръ показавъ знаками, что въ городъ ѣхать незачѣмъ, что можно прямо проѣхать къ станціи, что такъ будетъ несравненно ближе. Дѣйствительно, знаніе станціи, несмотря на стущавшіеся сумерки, явственно обозначались свѣта: Мы дали ему знакъ ѣхать скорѣе, потому что, не зная павѣрное времени отправленія поѣзда, хотѣли лучше прибыть раньше.

Вскорѣ однакожь раскаялись мы въ нашей поспѣшности; но поздно было думать поправлять дѣло. На этой полуверстѣ, отдѣлявшей насъ отъ станціи, мы чуть двадцать разъ не сложили себѣ шею; съ каждымъ поворотомъ колесъ мы схватывались другъ за дружку, ожидая, что вотъ сію секунду вышвырнетъ насъ на дорогу. Вся мѣстность была взрыта точно послѣ землетрясенія; колеса уходили то въ глубокія расщелины, то възвѣжали на камни, то съ визгомъ скользили по корнямъ исполинскихъ алоэ, которые мрачно высовывались со всѣхъ сторонъ. На половинѣ этого адскаго пути, солнце село и, какъ это здѣсь обыкновенно бываетъ, наступила вдругъ тьма кровяшная; разъ или два раздался свистъ паровоза: онъ возвѣщаетъ, что паровозъ уже готовъ, можетъ даже быть сейчасъ отходить.

Къ счастью все ограничилось однимъ опасеніемъ и безпокойствомъ; мы благополучно подъѣхали къ станціи и даже прибыли туда минутъ за десять до отправки поѣзда.

На станціи, устроенной по образцу французскихъ станціи, но только съ меньшею роскошью, было такъ мало пассажировъ, что вчужь пришлось пожалѣть акціонеровъ; тутъ между прочимъ увидѣли мы прочесть объявленіе, которое привѣщено было

на вѣхъ стѣнахъ; въ немъ говорится, что компанія «не отвѣчаетъ за все что можетъ случиться на дорогѣ съ пассажирами»..

Несмотря на такой оригинальный способъ внушать довѣріе, мы успѣли однакожь взять билеты и заняли свои мѣста.

У насъ не было рекомендабельныхъ писемъ въ Хересь. Мы не заботились объ этомъ, потому что до сихъ поръ отлично безъ нихъ обходились. Письма — совсѣмъ даже лишняя вещь въ Испаніи, когда прѣзжаешь, какъ мы напрямѣрь, на самое короткое время. Здѣсь такое изобиліе предметовъ, останавливающихъ любопытство, и все это такъ доступно каждому, что дай-богъ успѣть осмотрѣть все что хочется; правы и вся вышняя обстановка жизни исполнены въ Испаніи высочайшаго интереса; чтобы хоть сколько-нибудь познакомиться съ послѣдними, нужны только желаніе и крѣпкія ноги, способныя выдерживать нѣсколько часовъ въ день фланерства.

При всемъ томъ, надо сказать, мы поступили не совсѣмъ основательно, предпринимая на авось путешествіе въ Хересь. Единственную занимательность этого города составляютъ, какъ извѣстно, погреба, или bodegas, какъ ихъ здѣсь называютъ; такъ какъ эти bodegas принадлежать частнымъ лицамъ, — легко могло случиться, что насъ бы туда не пустили безъ особой рекомендаціи. Къ сожалѣнію, все это пришло намъ въ голову уже на пути въ Хересь.

Мы ѣхали не одни: въ одномъ вагонѣ съ нами сидѣло нѣсколько человѣкъ испанцевъ; желая получить какое-нибудь объясненіе касательно нашего затруднительнаго положенія, мы приступили къ нимъ съ распросами; съ первыхъ словъ открылось, что ни одинъ слова не зналъ пофранцузски; мимика, спасавшая насъ столько разъ въ Испаніи, оказалась на этотъ разъ также бесполезною: въ вагонѣ было темно, хоть глазъ выколи.

Съ прѣездомъ въ Хересь положеніе наше окончательно усложнилось. Выйдя изъ вагона, мы очутились на длинной платформѣ подъ аркой; передъ нами открывалась темная и совершенно почти пустынная площадь. Нѣсколько человѣкъ, завернутыхъ въ плащъ, съ шляпами, надвинутыми на глаза и сигарою во рту, расхаживали по одиночкѣ взадъ и впередъ по платформѣ.

Подобравъ дорожныя мѣшки, мы подошли къ ближайшему изъ нихъ.

— *Fonda, fonda! possada!* заговорили мы, стараясь пол-

снить жемами, чего добивались: кто тыкалъ пальцемъ въ ротъ и выразительно, апетитно чмокалъ; кто, приложивъ обѣ ладони къ щекамъ и наклонивъ голову съ видомъ засыпающаго человѣка, принимался даже храпѣть; кто энергически простиралъ руку впередъ, какъ бы желая сказать, чтобы его только скорѣе отсюда вывели.

Незнакомецъ остановился, сверкнулъ въ тѣнотѣ своими бѣлками, пустилъ клубъ дыму, тряхнулъ шляпой, отвернулся и пошелъ далѣе.

Мы приступили ко второму незнакомцу, повторивъ передъ нимъ ту же сцену; но и здѣсь старанія наши были одинаково безуспѣшны: выслушавъ вѣсть повидимому очень внимательно, онъ точно также отвернулся и пошелъ далѣе.

— Господа, чтожь теперь дѣлать? воскликнулъ С., который обыкновенно скорѣе всѣхъ падалъ духомъ въ критическихъ случаяхъ: — куда дѣваться? куда идти — прямо, направо или налево? Надо же чѣмъ-нибудь кончить. Какое право глупое воженье!

— Самое естественное, самое заслуженное положенье для тѣхъ, которые являясь въ какую-нибудь страну, не забываютъ прежде познакомиться сколько-нибудь съ языкомъ! замѣтилъ П.

— Сколько разъ говорилъ я, господа, виѣшался Б. Т., — что отправляясь куда бы то ни было, необходимо составлять по крайней мѣрѣ маленькій списокъ самонужнѣйшихъ фразъ и словъ...

— Всѣ твердили объ этомъ, всѣ постоянно объ этомъ заботились, — и между тѣмъ никто до сихъ поръ ниразу этого не исполнилъ! досадливо перебилъ С. — Всѣ эти размышленія никому однакожь намъ теперь не послужатъ; надо на что-нибудь рѣшиться. Не ночевать же здѣсь въ самомъ дѣлѣ!

Кто-то подалъ мысль собраться всѣмъ въ одну кучку и кричать *fonda* и *passada* до тѣхъ поръ, пока не придутъ къ намъ на выручку. Мысль показалась всѣмъ очень практической.

Секунду спустя, арка и часть площади огласились такимъ хоромъ, который, по всей вѣроятности, не отличался еще ни на одномъ театрѣ; согласіе голосовъ и слова, произносимыя хоромъ, были въ равной степени замѣчательны.

Тѣмъ не менѣе, все это привело къ желанному результату: не прошло минуты, къ намъ суетливо подбѣжалъ маленькій человекъ въ куртку и низенькой шляпѣ.

— *Fonda! Possada!* закричали мы еще громче, обступая незнакома. Б. Т., видя, что незнакомецъ отступаетъ, поспѣшилъ протянуть ему ладошь, побрякивая мелкой монетой.

Послѣдній этотъ мажевръ оказалъ замѣчательный успѣхъ: маленькій человекъ успокоился, одобрительно кивнулъ головой и далъ знакъ, чтобы за нимъ слѣдовали.

Мы прошли нѣсколько темныхъ, узенькихъ улицъ, никого почти не встрѣтивъ; въ рѣдкомъ окнѣ мерцалъ огонекъ. Нельзя однакожь сказать, чтобы было поздно; припоминая Кадисъ и Севилью, когорые въ это время именно только и кипятъ жизнью, мы не могли объяснить себѣ тишины Хереса. Уже одного этого обстоятельства довольно было, чтобы дать о немъ не очень выгодное понятіе.

— *Possada!* сказалъ маленькій человекъ, останавливаясь передъ дверью углового двухъ-этажнаго дома.

Сунувъ ему нѣсколько монетъ, мы пустились вверхъ по лѣстницѣ; поспѣшность наша ясно доказывала, что всѣ мы одинаково были голодны.

Комната, куда мы вошли, освѣщалась единственной жестяной лампадкой, привѣшенной къ мрачной стѣнѣ. Свѣтъ ея позволялъ различать бревенчатый потолокъ, рядъ бутылокъ за прилавкомъ, устроеннымъ въ видѣ алькова, и наконецъ длинный столъ, занимавшій середину комнаты. Съ перваго взгляда поражала здѣсь та же особенность, которая такъ часто встрѣчается въ городахъ Испаніи: особенность состоитъ въ томъ, что заботливость домохозяевъ исключительно кажется обращена на внѣшнюю чистоту домовъ; сверкающая бѣлизна наружныхъ стѣнъ, особенно въ фонахъ и посадахъ второго разряда, служитъ самымъ рѣзкимъ контрастомъ съ внутреннею обстановкой; ее составляютъ обыкновенно голыя закопченныя стѣны, такой же потолокъ, кирпичный, неровный полъ, жирныя скамейки и столъ, покрытый толстой скатертью весьма сомнительной свѣжести.

Шумъ, произведенный нами, разбудилъ хозяина, который лежалъ въ растяжку подлѣ прилавка. При видѣ многочисленнаго общества, которое обѣщало ему явную выгоду, онъ нимало однакожь не обрадовался; напротивъ, онъ досадливо отвернулъ

голову, потирая ладонью сонные глаза, и даже провизнеся въсколко проклятіи.

Нимало не обезкураженные такой выходкой, мы побросали на полъ дорожные мѣшки, шумно разсѣлись вокругъ стола и приступили къ той пантомимѣ, какую пускаютъ въ ходъ балетные пейзазы и разбойники, когда, остановившись передъ оторопѣвшимъ трактирщикомъ, настоятельно показываютъ, что желаютъ добраться до его погреба и кухни.

Мрачное настроеніе владѣльца посады повидимому только усилилось; пробудившись окончательно и сверкая глазами, онъ ринулся впередъ, простеръ руки и прокричалъ громовымъ голосомъ :

— Chicolata!

— No, no chicolata! Не хотимъ шоколада! отозвались всѣ хоромъ, дергая отрицательно головою: — вотъ еще что выдумаль! No, no chicolata! No!..

— Можетъ-статься у него ничего нѣтъ кромѣ шоколада...

— Не можетъ быть! чтоже это за посада послѣ этого! Наконецъ, что до меня касается, я положительно не могу пить шоколаду; я такъ голоденъ, что выпью семь чашекъ и къ завтраму навѣрное буду боленъ...

— Знаете-ли что, господа, промолвилъ Б. Т.: — не обратитесь ли намъ къ нашей любезной *tortillas per herbas*? На этотъ разъ она была бы вовсе нелишнею...

— Превосходно! *Tortillas per herbas*! закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Chicolata! отозвался трактирщикъ еще упряме и досадливѣе прежняго.

— *Tortillas! tortillas!* прокричали мы, стуча кулаками по столу.

При этомъ трактирщикъ вышелъ уже окончательно изъ себя; онъ началъ было что-то говорить, но вдругъ остановился, схватилъ себя за волосы и яростно затопалъ ногами.

Не знаю чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ въ эту самую минуту не вошелъ въ комнату новый гость: то былъ высокій, толстый господинъ съ широкимъ, улыбающимся лицомъ. Трактирщикъ бросился къ нему и началъ говорить очень скоро, сопровождая каждое слово самыми отчаянными жестами.

Можете судить о нашей радости, когда незнакомецъ, обра-

тись къ намъ, заговорилъ вдругъ пофранцузски: радость удвоилась, когда онъ объявилъ, что говорить поиспански такъ же хорошо, какъ на родномъ языкѣ. Это былъ купецъ изъ Бордо, прѣзжающій сюда ежегодно для закупки вина, которыми торговалъ съ Бельгійей; онъ завернулъ въ посаду, чтобы посмотреть, не было ли тутъ его товарищей. Но увы! радость наша не была продолжительна: онъ сказалъ, что въ посадѣ, несмотря на то что она единственная въ Хересѣ, ничего нельзя было достать кромѣ шоколада и кукурузнаго хлѣба.

— Утромъ, во время рышка, другое дѣло; но теперь придется голодать, если вы не охотники до шоколада, сказалъ онъ.—Хересъ въ этомъ отношеніи жалкій городишка; здѣсь прѣзжающіе останавливаются или у знакомыхъ, или на квартирахъ отъ жильцовъ; впрочемъ постойте, можетъ-быть что-нибудь еще и найдется! примолвилъ онъ, весело подмигивая: — здѣсь даже за деньги нерѣдко приходится выманивать услугъ трактирщика, какъ милость какую-нибудь.

Переговоривъ съ хозяиномъ, который упрямо и горячо о чемъ-то спорилъ, французъ радостно объявилъ намъ, что наша утка.

Пока жарили утку, мы воспользовались случаемъ и начали распрашивать новаго знакома, какъ сдѣлать, чтобы осмотрѣть погребъ.

— Очень легко, сказалъ онъ: — какой погребъ желаете вы осмотрѣть?

— Намъ говорили въ Севильѣ, что здѣсь самый знаменитый погребъ принадлежитъ г. Домеку.

— Превосходно! это мой соотечественникъ; онъ будетъ очень радъ вашему посѣщенію; самого Домека нѣтъ въ Хересѣ, но это все равно: здѣсь его племянникъ, очень обязательный и милый человекъ; вы прямо къ нему адресуйтесь. Къ сожалѣнію, я завтра ѣду, а то бы самъ васъ туда свелъ; но это все равно; имя Домека такъ популярно въ Хересѣ, что стоитъ сказать его первому *michasno* — онъ прямо приведетъ васъ на мѣсто.

Наконецъ явилась столь ожидаемая утка.

— *Ma foi, je ne m'attendais pas à un canard pareil! Il est fort celtique!* — воскликнулъ французъ, заглядывая въ блюдо и заливаясь дребезжащимъ смѣхомъ.

Но хорошо было ему смѣяться на сытый желудокъ; каково

намъ приходилось при видѣ этой утки, состоявшей буквально изъ одного каркаса обтянутаго кожей, пережонной въ оливковомъ маслѣ! Непостижимымъ дѣлалось, какъ могла существовать такая птица: хоть бы одинъ живой мускулъ, хоть бы одинъ тонкій ломтикъ мяса! Дѣлать нечего, пришлось обратиться къ шоколаду.

— Да, забавная страна! говорилъ французъ, не умолкавшій ни на минуту: — почва плодородна болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь; народъ одаренъ всеми способностями; и между тѣмъ все, къ чему ни притронешься, — въ самомъ дикомъ, младенческомъ состояннн!.. Не желаю вамъ, господа, доброй ночи, довершилъ онъ прощаясь съ нами: — это невозможно; въ гостиницѣ Хереса такое желаніе имѣло бы даже видѣ насмѣшки; впрочемъ сами увидите.

Онъ нисколько не преувеличивалъ. Мы и Б. Т. отвели маленькую комнату съ кирпичнымъ голымъ поломъ и двумя низенькими диванами, покрытыми вмѣсто подушки какими-то жесткими валунами, которые врѣзывались въ ребра; въ окнѣ, доходяшемъ до полу, недоставало двухъ нижнихъ стеколъ; одно изъ нихъ завѣшивалось тряпкой; раздуваясь по волѣ вѣтра, она только выпускала еще больше воздуха. Но это были еще цвѣточки; едва улеглись мы на диваны и задули свѣчку, тѣло наше почувствовало такой зудъ, какъ-будто насъ заживо поджаривали; минутъ черезъ пять мы начали даже стонать: такъ облѣпили насъ насѣкомые. Комната эта давно, я думаю, не слышала такихъ ожесточенныхъ проклятій. Пособить этому не было никакой возможности; не ночевать же въ самомъ дѣлѣ на улицѣ! Ворочаясь чуть не до зари, мы однакожь заснули.

Немало удивились мы, когда утромъ, взглянувъ на часы, увидѣли, что уже девять.

Подкрѣпивъ силы свои неизбѣжнымъ шоколадомъ, общество наше, спавшее не лучше нашего, отправилось прямо къ Домеку. Французъ сказалъ правду: первый тшчасно, къ которому обратились мы съ именемъ Домека и когорому показали мелкую монету, тотчасъ же понялъ чего мы отъ него хотѣли.

Проходя городомъ, мы немало удивились, увидя улицы запруженными народомъ. Куда дѣвалась вчерашняя тишина! Все суетилось, двигалось и страшно кричало. Здѣсь, узнали мы потомъ, происходили въ этотъ день какіе-то важные выборы.

Вѣшняя фізіономія Хереса, кромѣ общихъ чертъ, свойственныхъ всѣмъ городамъ Андалузїи, то-есть узенькихъ, извилистыхъ улицъ, затемненныхъ выступающими крышками, низкихъ выѣденныхъ домовъ, устѣянныхъ зелеными жалюзи, — не представляетъ ничего особенно характернаго; мы все это видѣли уже сотни разъ. Спускаясь по одной изъ улицъ, замкнутой слѣва огромнымъ сѣрымъ и совершенно голымъ зданіемъ собора (внутри онъ такъ же мало замѣчательнъ, какъ и снаружи) — мы увидѣли рядъ бѣлыхъ стѣнъ; онѣ окружали множество высокихъ строеній, столпившихся въ одну кучку; это были владѣнія Додеки.

Они занимаютъ большое пространство и состоятъ изъ множества отдѣльныхъ дворовъ; каждый дворъ имѣетъ свое специальное назначеніе. Здѣсь каждый день въ продолженіе круглаго года употребляется до двухсотъ работниковъ; во время сбора винограда число это возрастаетъ до полуторы тысячи. Но самое замѣчательное здѣсь, это самые погреба. Девять каменныхъ корпуговъ въ родѣ нашихъ манежей, но только выше, и освѣщенныхъ сверху, установлены снизу до верху рядами бочекъ; каждый рядъ отпѣченъ ярлыкомъ и представляетъ особое отдѣленіе: здѣсь отдѣленіе винъ, отличающихся другъ отъ друга сортомъ винограда: пахарете, амонтильядо, — такое, которое совершило кругосвѣтное плаваніе, такое, которое собираетъ его слѣзая и такъ далѣе; тутъ отличіе состоитъ въ большемъ или меньшемъ времени, которое вино стоитъ въ бочкахъ. Время, какъ извѣстно, удобряетъ хересь; улучшается онъ также и дѣлается мягче черезъ сообщеніе съ воздухомъ. Хересь, какъ большая часть крѣпкихъ южныхъ винъ, содержитъ въ себѣ много спирту; извѣстная часть алькоголя должна улетучиться, и потому большая часть бочекъ стоитъ съ открытыми отверстиями.

Намъ давали пробовать между прочимъ вина, которому сто тридцать лѣтъ; его всего двѣ бочки; оно не продается, но время отъ времени хозяева дарятъ по нѣскольку бутылокъ значительнымъ лицамъ. На мой вкусъ, вино это имѣетъ свойство всего знаменитаго, авторитетскаго: издали подходишь съ благоговѣніемъ; попробуешь — ничего нѣтъ особеннаго, такъ что даже выбравши себя за преждевременное поклоненіе. Вино это попеременно носило названіе всѣхъ великихъ людей своего времени: до четырнадцатаго года на бочкѣ начертано было мѣломъ: Наполеонъ I; послѣ того, первый, путешествующій англичанинъ

стерь это имя и написал на его мѣстѣ: Велингтонъ; послѣднее имя и теперь еще красуется на бочкахъ. Изъ виноградниковъ Домека ежегодно добывается тысячу пятьсотъ тоннъ вина, по тридцати аробовъ въ каждомъ тоннѣ (ароба ровняется шестнадцати литрамъ). Годичный запасъ состоитъ изъ вятнадцати тысячъ бочечковъ вина всѣхъ возможныхъ сортовъ и достоинствъ.

Насъ, весьма натурально, интересовало узнать, въ какой степени существуетъ торговля между Хересомъ и Россіей. Племянникъ г. Домека, вызвавшійся быть нашимъ чичероне, знаетъ очень хорошо имена главныхъ нашихъ виоторговцевъ; онъ сообщилъ, что вотъ уже скоро девять лѣтъ, какъ домъ ихъ прекратилъ съ Россіей всякія сношенія.

— Это почему? спросили мы.

— Ваши виоторговцы требовали слишкомъ низкіе сорта; для насъ выгодноѣе оставлять такое вино у себя; мѣста у насъ много; простоявъ у насъ нѣсколько лѣтъ, оно получаетъ доброту, которая потомъ при продажѣ удваиваетъ цѣнность вина. кромѣ того та еще выгода, что выпускала только хорошее вино, мы поддерживаемъ репутацію дома. Но другіе погреба торгуютъ съ Россіей; у насъ также цюгъ настоящий, хорошій хересъ, но только, сколько мнѣ извѣстно, онъ выписывается изъ Англи: въ Англии хересъ привозится не иначе какъ разбавленный водкой: онъ иначе не выдерживаетъ перевозку моремъ.

Боченокъ въ шестьсотъ бутылокъ хорошаго вина стоятъ въ Хересѣ около трехсотъ пятидесяти рублей серебромъ; есть сорта несравненно дороже. Объ обширной дѣятельности завода Домеки можете судить по башнѣ, которая сложена на одномъ изъ дворовъ изъ дубовыхъ брусевъ, предназначающихся для ежегоднаго изготовленія бочекъ; насъ было восемь человекъ, и всѣ мы свободно взбирались по ея лѣстницѣ, сложенной изъ тѣхъ же брусевъ; съ высоты этой башни открываются не только владѣнія завода, но часть города и ближайшая окрестность.

Насъ пригласили въ домъ владѣльца, — очень роскошный домъ, въ которомъ между прочимъ находится интересное собраніе картинъ старыхъ испанскихъ мастеровъ. Но намъ было не до картинъ, тѣмъ менѣе, что, сколько помнится, ни одной не было особенно знаменитой.

Несмотря на невыгодное впечатлѣніе, произведенное Хересомъ, каждый изъ насъ незольно начиналъ чувствовать тоску.

предшествующую разлукѣ; этотъ день былъ послѣднимъ, который провели мы въ Испаніи. Мы посѣщили проститься съ обязательнымъ племянникомъ Домека, чтобы посѣть вовремя на желѣзную дорогу къ трехчасовому поѣзду.

Хересъ, сколько можно судить изъ оконъ вагона, раскинутъ посреди холмистыхъ полей. Это тѣ самыя поля, на которыхъ въ началѣ восьмого столѣтія арабы одной битвой завоевали у готтовъ Испанію; но историческій интересъ не придаетъ имъ никакой красоты; самыя виноградники, которыми покрыты скаты холмовъ, представляли теперь самый жалкій видъ; плоды были собраны; внаружу вмѣсто густой кудрявой зелени, высывались мириады голыхъ тычинокъ; подъ ними лежали взбудрженными горами рыжіе, блеклые листья. Тотъ же рыжеватый тонъ распространялся на лугахъ, которые, чѣмъ дальше отъѣзжаешь отъ Хереса, тѣмъ больше овладѣваютъ мѣстностью; однообразіе прерывается большими стоячими лужами. Вы представить себѣ не можете, до чего, мѣстами, поражаетъ здѣсь страшная запущенность. Безпечность ли народа тому виною, или малое населеніе — не знаю; на каждомъ шагу встрѣчается мѣстность, которая для землевладѣльца была бы кладомъ; она отвѣчаетъ на всѣ условія выгодной разработки; сила растительности высказывается исполинскими алоэ, достигающими иногда до двухъ съ половиной саженей; ко всему этому между тѣмъ, со времени арабовъ, рука человѣческая не прикоснулась. Въ странѣ, гдѣ вода — такая рѣдкость, послѣ каждаго дождя стелются въ неизмѣнныя мѣста, какъ здѣсь на примѣръ, огромныя лужи, — стоитъ только нѣсколькимъ рукамъ притронуться, чтобы разлить эту воду по канавкамъ и тѣмъ оплодотворить почву. Но руки не дѣлаются, лужи пересыхаютъ, а до того времени распространяютъ въ воздухѣ заразу.

Въ пятомъ часу прибыли мы въ Puerto Santa-Maria, небольшой, но очень оживленный и живописный городокъ на песчаномъ берегу голубого залива, который отдѣляетъ его отъ Кадиса. Нашъ привалецъ въ отаичную посаду. Столовая — чистая, свѣжая комната, обставленная горшками съ зеленью и удобною мебелью — расположена въ нижнемъ этажѣ. Изъ оконъ открывается видъ на море, усыпанное какъ пухомъ бѣлыми мелкими парусами.

Давно не имѣли мы въ Испаніи такого славнаго обѣда; онъ

состоялъ изъ превосходныхъ, только-что вынутыхъ изъ воды устриць, свѣжихъ жареныхъ бараньихъ котлетъ съ бобами, хорошаго вина и плодовъ.

Puerto — любимая лѣтняя прогулка жителей Кадиса и другихъ ближайшихъ городовъ; окрестности Puerto усѣяны садами и дачами богатыхъ мѣстныхъ негодіантовъ и землевладѣльцевъ. Онъ славится также своими родниками, изъ которыхъ многіе имѣютъ пѣлебное свойство. Обернитесь спиною къ морю, а лицомъ станьте къ городу и передъ вами, за первымъ планомъ бѣлыхъ домовъ, насаженныхъ другъ на дружку, съ ихъ терасами и зелеными жалюзи околъ, — развертываются отлогіе холмы, исполосованные бѣлыми линиями стѣнъ, изъ-за которыхъ вырывается самая роскошная растительность; мѣстами надъ нею выбѣгаютъ длинныя чешуйчатые стволы пальмъ съ ихъ раскидистою, граціозною верхушкой. На всемъ этомъ, при обыкновенной прозрачности здѣшняго воздуха, яркости освѣщенія и голубизнѣ неба, лежитъ печать чего-то веселаго, милаго и въ высшей степени живописнаго. Puerto славится также по всей Андалузійи своими боями быковъ; здѣшняя арена одна изъ лучшихъ. Но, какъ я уже сказалъ въ статьѣ своей о Кадисѣ, намъ не удалось видѣть этого зрѣлища; бои быковъ оканчиваются съ исходомъ сентября; причина этого, какъ сказали намъ, дожди, которые появляются около этого времени; почва арены размягчается и дѣлается неспособною для эволюцій маталоровъ, chulos, бандерильосовъ и проч.

Какъ здѣсь обыкновенно бываетъ, — все населеніе, съ наступленіемъ вечера, высыпало изъ домовъ, и улицы ярко запыльи. Въ Puerto любимое мѣсто прогулки — Victoria, апельсиновая роща, раскинувшаяся по берегу моря. Здѣсь, точно такъ же какъ въ Севильѣ и Кадисѣ, съ перваго взгляда бросается въ глаза значительное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ. Большинство женщинъ, вмѣсто черной кружевной мантильи, покрываютъ голову яркимъ краснымъ платкомъ, который ниспадаетъ складками ниже колѣнъ; такой нарядъ идетъ какъ нельзя лучше къ смуглому цвѣту лица, чернымъ волосамъ съ голубоватою волной и блестящимъ андалузскимъ главамъ; типъ женщинъ не такъ строгъ какъ у кадитанокъ; онъ скорѣе приближается къ живому типу женщинъ Севильи. Чѣмъ далѣе заходили мы впередъ, тѣмъ болѣе попадалось хорошихъ: не успѣшь

остановить глаза на одной, смотришь — тамъ идетъ еще красавица.

Но увы! въ то самое время, когда подъ тѣнью апельсиновыхъ деревьевъ Victoria прибывало съ каждой минутой больше гуляющихъ, когда сквозь веселый шумъ толпы, смѣхъ и шелестъ вѣтровъ, стали мѣстами раздаваться акорды гитаръ, когда съ послѣдними вспышками огненнаго заката, Puerto явился передъ нами во всей красѣ своей, — намъ слѣдовало съ ними разстаться!

Катеръ давно уже ожидалъ насъ у пристани. Отъ Puerto до Кадиса одинадцать верстъ. Нашъ корабль стоялъ отъ Кадиса въ полуверстѣ; приходилось слѣдовательно плыть болѣе десяти верстъ, а вдобавокъ плыть въ греблю, потому что тишина воздуха не позволяла поставить парусъ.

Расположившись въ катерѣ лицомъ къ берегу, такъ чтобы по крайней мѣрѣ не выпускать его изъ виду какъ можно долѣе, мы любовались городомъ до тѣхъ поръ, пока быстро набѣжавшія сумерки и наконецъ отдаленные не скрыли его изъ виду. Разъ или два вѣтерокъ принесъ намъ какіе-то неясные звуки, и наконецъ все смолкло и затушевалося ночью. Тогда вниманіе наше обратилось въ другую сторону залива, къ Кадису... Мы всѣ любили его; каждый вынесъ оттуда столько милыхъ, незабвенныхъ впечатлѣній! Но Кадисъ былъ слишкомъ еще далекъ.

Вокругъ насъ разстилалась во всѣ стороны и уходила въ темноту пезыблемая гладь залива. Небесный сводъ, который здѣсь, несмотря на густоту синяго цвѣта, кажется несравненно глубже и еще необъятнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, усыпанъ былъ звѣздами; онѣ отражались въ морѣ во всей чистотѣ алмазнаго своего блеска; слѣдъ нашего катера сверкалъ такимъ фосфорическимъ блескомъ, что позволялъ различать лица; съ каждымъ ударомъ весель, вода закипала вокругъ миллионами огненныхъ искръ и стекала потомъ съ весель серебрястыми блистающими струями.

Нѣсколько педѣль назадъ, эта самая прогулка вырвала бы у насъ крики восторга. Теперь мы плыли молча. Прелесть настоящаго впечатлѣнія усиливала только тягостное чувство разлуки. — «Въ послѣдній разъ! въ послѣдній!.. Прощай! Долго не увидимся! Можетъ даже быть никогда больше!..» повторялъ поочередно то тотъ, то другой. Легко было замѣтить, что въ душѣ каждаго скрывалась одна и таже мысль; ее можно было пере-

вести такими словами : — «Ничего—что Испанія такъ далеко отстала во многомъ отъ Европы : несмотря на всё ея неудобства, безпорядки, безобразіе управленія, дикость и запущенность ; несмотря на голодъ , который часто приходится испытывать , на жесткія постели , на tortillas съ оливковымъ масломъ и несвѣжими яйцами ; несмотря даже на клоповъ и блохъ , живо напоминающихъ родное отечество , — Испанія все—таки самая увлекательная , поэтическая часть Европы , и расставаться съ нею куда какъ не хочется !»

Уже поздно ночью увидѣли мы перелъ собою огромную черную глыбу нашего корабля ; онъ тихо поскрипывалъ , очеркивая въ звѣздномъ небѣ свои веревки и мачты . За нимъ , неподалеку и ниже къ горизонту , сверкалъ знакомый рядъ огней на Адамедѣ Кадиса , гдѣ мы провели чуть ли не лучшіе часы изъ всего нашего путешествія .

Съ зарею мы снова увидѣли бѣлый , милый Кадисъ съ его террасами , цвѣтами , вышками и безчисленными зелеными балконами ; но любовались мы имъ уже не долго ; притомъ любовались мы съ палубы корабля , который летѣлъ на всѣхъ парусахъ и съ каждой минутой все дальше уносилъ насъ въ открытое море...

Д. ГРИГОРОВИЧЪ

ГОЛУБЯТНЯ ⁽¹⁾

Вы думаете рѣчь идетъ о простой голубятнѣ? Нѣтъ, это бѣдная лопатна, въ которой живутъ два старые голубя — мужъ и жена.

Въ одинъ изъ снѣжныхъ мартовскихъ вечеровъ, въ Парижѣ, я сидѣла дома и читала, когда отворилась дверь и мнѣ подали письмо. Не нужно было и распечатывать, чтобъ догадаться, что это была просьба о пособіи. Письма этого рода такъ схожи другъ съ другомъ: одинаковая бумага, почеркъ, какой-то особенный запахъ, характеризующій нищету, часто съ примѣсью запаха водки и табаку.

Замѣчали ли вы, какъ нищета уничтожаетъ въ человѣкѣ его собственную личность? Пока вы богаты, у васъ свои склонности, свой характеръ, свои особенности; обѣдѣли вы — и все это такъ-сказать сгладилось; принимаясь писать письмо о пособіи, вы употребите тѣже общія бѣднякамъ блѣдныя чернила, мысли въ письмѣ примутъ общее всѣмъ направленіе, даже сложите вы письмо общеупотребительнымъ скромнымъ образомъ: однимъ словомъ, выйдетъ письмо о пособіи! То, которое я держала въ рукахъ, не пахло ни табакомъ, ни водкой. Но въ продолженіе зимы мнѣ такъ часто случалось наталкиваться на обманъ и мошенничество, что я имѣла нѣкоторое право сдѣлаться эгоисткой и не съ прежнимъ довѣріемъ смотрѣть на людскія бѣдствія.

У меня промелькнула было грѣшная мысль отдать письмо назадъ не распечатывая, однако я не сдѣлала этого, потому ли, что

(1) Въ прошломъ году въ Парижѣ вышла книга «Les Horizons Prochains», имѣвшая огромный успѣхъ. Она вся состоитъ изъ мелкихъ разсказовъ. Имя автора неизвестно, но безъ сомнѣнія это женщина. Мы перевели изъ этой книги двѣ прилагаемыя повѣсти, чтобъ познакомить публику съ новымъ талантомъ. Прибавимъ только, что талантъ этотъ, по преимуществу религіозный, къ сожалѣнію вдохновляется болѣе католицизмомъ, чѣмъ евангельскимъ ученьемъ.

стало совѣстно самой себя, или что человѣкъ, ожидавшій отвѣта, проговорилъ: «они здѣсь сами.»

Я отпустила его, распечатала письмо и прочла. Въ конвертѣ было два письма. Одно, съ просьбою о пособіи, четко написанное, сходное съ многими изъ получаемыхъ мною прежде. Въ немъ такъ же слова «Богъ», «благодѣтель», «отчаяніе» были написаны большими буквами, съ различными каллиграфическими украшеніями. Описывалась въ немъ крайняя бѣдность, впрочемъ какимъ-то особенно-искреннимъ тономъ, нѣкоторыя фразы казалось вылились прямо изъ сердца; но я такъ уже была предубѣждена противъ всѣхъ увѣреній подобнаго рода, мои уши такъ прислушались къ стонамъ и вздохамъ, что я не чувствовала уже себя способной отличить правильной ноты отъ фальшиваго звука. Вотъ въ чемъ худая сторона призванія людей, посвятившихъ себя на пользу ближняго.

Слѣдующее письмо было совершенно другого рода: это была рекомендація какого-то зажиточнаго господина, проживающаго въ Ліонѣ. Я нѣсколько знала его. Онъ посылалъ ко мнѣ двухъ бѣдняковъ: у нихъ было прежде свое заведеніе и жили они хорошо, но потомъ дѣла какъ-то разстроились. Люди, писалъ онъ, просто примѣрной честности. Они обратились къ нему за помощью, онъ сдѣлалъ для нихъ все что могъ, подѣлился сверхъ того самымъ дорогимъ достояніемъ — частыми христіанскими убѣжденіями; они вѣрили и любили, но имъ противно было жить милостыней. Въ Ліонѣ нечего было дѣлать, Парижъ представился имъ обѣтованной землею и не было средствъ удерживать ихъ долѣе. Жена можетъ-быть бы и не поѣхала: у ней осталось меньше иллюзій; но съ мужемъ и толковать было нечего. Парижъ, гдѣ требуется столько изящной мебели и драпировокъ, а у него такой изящный вкусъ!.. Не прошло вѣдь еще и двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ отличался своимъ искусствомъ можно-сказать во второмъ городѣ Франціи, послѣ Парижа; да ему стоитъ только явиться — и всѣ мастерскія такъ и завалить его работой! Одно только его заботило, что нужно будетъ держать человѣкъ двадцать работниковъ, а это можетъ-быть непріятно женѣ.

Всѣ доводы и аргументы остались безъ пользы; они уѣхали. Письмо, въ которомъ мнѣ рекомендовали ихъ, написано было еще за три мѣсяца. Сколько въ эти три мѣсяца понесено труда, испытано лишеній!

Я быстро отворила дверь и нашла ихъ сидящими смиренно;

рядкомъ на скамейкѣ, въ черной одеждѣ; это были два старья, блѣдныя лица, съ перваго раза возбуждавшія какое-то особенное сочувствіе. Мужу было лѣтъ шестьдесятъ, женѣ за пятьдесятъ, хотя она казалась старше. У ней было кроткое лицо, окаймленное сѣдыми волосами, ясные глаза, сохранившіе какой-то отпечатокъ далекой молодости, спокойно обрисованный ротъ, что-то особенно кроткое, покорное и доброе во всей фигурѣ. Она стояла позади мужа, безъ признаковъ особеннаго замѣшательства, хотя немного склоненная.

Мужъ ея, старый обойщикъ, ни въ чемъ не походилъ на нее: это былъ маленькій человѣчекъ, съ живыми, лихорадочными глазами, порывистыми движеніями; онъ то вставалъ, то садился, казался измученнымъ, безпрестанно взглядывалъ на жену съ любовью, но и любовь эта была какая-то тревожная. У него былъ низкій лобъ, густые сѣдые волосы, узкая голова, и что-то, что при взглядѣ на него заставляло невольно подумать о коноплянкѣ. На самомъ дѣлѣ онъ отличался недостаткомъ, приписываемымъ этой птицѣ; я это замѣтила въ первыя десять минутъ.

Несмотря на убогую жизнь, въ душѣ жены было спокойствіе, а тревожный умъ мужа кипѣлъ и волновался ежеминутно. Она вѣрила и все упованіе возлагала на Бога, онъ тоже вѣрилъ, а между тѣмъ ждалъ помощи отъсюду; она ждала терпѣливо, онъ сгаралъ въ бесполезной тревогѣ; она не оглядывалась на прошедшее, онъ съ горечью припоминалъ его и увеличивалъ свои страданія; она любила его нѣжно и въ этой любви было все ея утѣшеніе, онъ любилъ страстно, и въ любви къ ней были его самыя лютыя муки. Три мѣсяца искали они работы и не нашли.

— Всѣ говорятъ, что я старъ! говорилъ мой бѣднякъ. — Всюду мнѣ заперты двери! не дали обить ни одного стула, ни одной драпировки повѣсить, когда я работалъ въ архіерейскомъ домѣ! Посмотрите, развѣ мои руки ужъ никуда не годны? — и онъ засучивалъ рукавъ своего истертаго платья: — развѣ у меня не всѣ десять пальцевъ?.. Просить милостыню!.. а нужно, потому что нѣтъ хлѣба!

И онъ почти упалъ на скамейку. Жена его остановила на мнѣ свои прекрасные, спокойные глаза, на которыхъ навертывались слезы и взяла за руку мужа.

— Богъ не оставитъ насъ! сказала она такимъ тихимъ, задушевнымъ голосомъ, что вѣрно ея простыя слова дошли до Бога.

Старый обойщикъ вдругъ успокоился.

— Правда, сказалъ онъ: — мы еще счастливы!

Когда они уходили, мужъ инстинктивно, наперекоръ обычаю, взялъ подъ руку жену, вмѣсто того чтобъ самому подать ей руку. Это была его давнишняя привычка, а она и не замѣчала этого. Ниразу эта чистая, смиренная душа не подумала, что была опорой своего стараго товарища; ниразу не замѣтила, что была во всеѣ выше его; приди ей эта мысль, — она была бы ей ненавистна... но къ счастью, она не приходила. Это была не притворная скромность, за которой нерѣдко прячется гордость, не одна лишь наружная покорность, скрывающая твердую волю, способную достигнуть цѣли окольными путями, если нѣтъ силъ идти къ ней прямо; она не говорила: такъ хочеть мужъ! но была искренно готова исполнить его желаніе. Если оно ей не нравилось, она высказывала это спокойно и прямо, но не настаивая; все сдѣланное худо исправляла такъ сказать инстинктивно, почти не отдавая себѣ отчета. Она любила мужа всѣми силами души, уважала и удивлялась ему. Онъ былъ честнѣйшая душа, готовый на добро, неутомимый въ трудѣ, но смотрящій на себя, на жизнь и на все, кромѣ своей жены, съ кѣкой-то мрачной точки зрѣнія.

Въ Парижѣ нетрудно потерять кого-нибудь изъ вида. Оказавъ всю зависящую отъ меня помощь этимъ бѣднякамъ, я занялась другими. Прошло два мѣсяца, она не напоминали о себѣ и я позабыла ихъ, но вдругъ вспомнила и бросилась къ нимъ на квартиру.

Въ комнатѣ былъ одинъ только мужъ.

Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что ихъ опять посетила нужда. Оставалась только необходимая мебель; желѣзная печь, въ которой варился бѣдный обѣдъ, бѣлыя занавѣски на окнахъ и занавѣси съ кровати, старинныя чашки, позолоченные стаканы, эстампы — все отиравилось въ Mont de Piété. Порядокъ въ комнатѣ, нѣсколько лоскутковъ, посланныхъ у кровати вмѣсто ковра, напоминали о присутствіи женщины.

Обойщикъ писалъ такъ прилежно, что въ первую минуту не замѣтилъ меня. Заслышавъ шумъ, онъ поднялъ голову, быстро вскочилъ, усадилъ меня, потомъ по обыкновенію схватился за голову и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Часъ отъ часу хуже! совсѣмъ нѣтъ работы! она измучилась! — Онъ взялъ въ руки работу жены и опять положилъ ее на мѣсто.

— Я ничего не дѣлаю, а она меня кормить! Я умѣю только

протягивать руку. Просить, вѣчно просить!.. Онъ сдѣлалъ отчаянный жестъ; ему припомнилась работа въ архіерейскомъ домѣ.

— И къ довершенію всего, я ее мучу... да, мучу! Мнѣ слѣдовало бы ободрять ее, а выходитъ наоборотъ: я отнимаю у ней послѣднюю силу; слѣдовало бы кротко принимать ея утѣшенія, а я раздражаюсь! У ней есть вѣра, а я принялъ роль демона, стараюсь ее уничтожить. Когда она велитъ мнѣ надѣяться, я спрашиваю, къ чему это ведетъ. Я злой, бесполезный человѣкъ, годный только на то, чтобъ ее мучить!

Онъ откинулся на спинку стула.

— Гдѣ бы вы думали она теперь? въ Mont de Piété, — понесла закладывать часы, которые я подарилъ ей въ день свадьбы, тридцать шесть лѣтъ тому назадъ. А знаете ли, что я сдѣлалъ? Я наказывалъ ей за это цѣлую тьму грубостей! Она на меня посмотрѣла, поцѣловала и снова сѣла на мѣсто. Тогда я грубо сказалъ ей «ступай!» и она вышла.

Нѣсколько минутъ онъ молчалъ.

— Но вотъ посмотрите, заговорилъ онъ уже почти веселымъ голосомъ, подавая мнѣ листъ, который писалъ до моего прихода: — посмотрите! Я справедливъ къ себѣ, это доставитъ ей удовольствіе!

Я прочла: «милая жена, я негодяй. Милая жена, я недостойный человѣкъ!» и такъ исписанъ былъ весь листъ до конца, печатными буквами.

— Не думаю, чтобъ это могло ее обрадовать, сказала я просто.

Онъ съ безпокойствомъ взглянулъ на меня.

— Лучше скажите ей, что вы ее любите.

— Люблю ли я ее! вскричалъ старикъ съ горячностью. — Эта женщина, жена моя, это ангелъ! Въ ней вся моя жизнь! Я очень несчастливъ; мы терпимъ холодъ (и онъ окинулъ взглядомъ бѣдную комнату), иногда голодъ; но все-таки есть минуты, часы даже, когда мы счастливые всѣхъ на свѣтѣ! Вечеромъ мы рано ложимся, свѣчи дороги... Тамъ (и онъ указалъ на бѣдную постель), когда она кладетъ на мое плечо свою голову, я бываю такъ счастливъ, что сердце выпрыгнуть хочетъ! О, если бы умереть въ такую минуту!

— А что же будетъ съ нею?

Онъ вскрикнулъ:

— Такъ, эгоистъ во всемъ и всегда! и началъ ломать руки.

Въ эту минуту растворилась дверь и вошла жена. Съ перваго взгляда замѣтила она разстройство мужа и бросилась къ нему:

— Прости меня, я огорчила тебя; мы выкупимъ ихъ, овятъ и ты самъ надѣнешь мнѣ ихъ на шею! и она обнимала его: — Я принесла хлѣба, всего, будемъ надѣяться на Бога; самъ Христосъ терпѣть голодъ.

Замѣтивъ меня, она немного сконфузилась и замолкла, потомъ поклонилась и поблагодарила меня за посѣщеніе. Старый обойщикъ всегда крѣпко держался своихъ мыслей. При первой возможности, онъ схватилъ исписанный листъ, и съ радостнымъ лицомъ отдалъ его женѣ. Она прочла, покраснѣла, подошла къ столу, быстро написала что-то, показала мужу и разорвала листъ на мелкіе кусочки.

Я уже послѣ узнала эти слова, которыя навсегда запечатлѣлись въ сердцѣ обойщика; вотъ они: «Я твоя счастливѣйшая жена и покорная раба.» Никакія благодѣянія не могутъ замѣнить работы. Обойщику работа была нужнѣе хлѣба.

— У меня есть старое кресло, очень хорошее; можете вы его поправить?

Глаза старика заблестѣли.

— Приходите.

— Когда? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Да завтра! или въ первый ясный день, какъ хотите.

— И... можно будетъ придти съ женою?

— Конечно!

— Она вѣдь знаетъ дѣло лучше меня!

— О, сказала она, съ кроткой улыбкой.

Лицо старика оживилось. Въ одну секунду онъ помолодѣлъ десятью годами; морщины разгладились, станъ распрямился, онъ потиралъ руки; то, чего не могли сдѣлать утѣшенія жены и вся моя помощь, сдѣлала работа, *его работа*. Онъ опять принимался за свое ремесло, и съ нимъ возвращалась вся его молодость и сила.

Онъ побѣжалъ къ комоду, открылъ ящикъ, посмотрѣлъ инструменты; перебралъ ихъ одинъ за другимъ и кажется вовсе забылъ о моемъ присутствіи. Выраженіе лица его жены было чисто небесное; она крѣпко сложила руки и молча смотрѣла на меня.

На другой день была прекрасная погода.

Въ Парижѣ мало скромныхъ уголковъ, и мой крошечный садикъ показался мнѣ въ это утро такимъ свѣжимъ, душистымъ.

Клочекъ голубого неба и зеленого дерна, вьющіяся растенія у забора, золотистый ракутникъ, прекрасные розовые кусты, вокругъ которыхъ такъ и увиваются пчелы, жужжа съ озабоченымъ видомъ;

небольшая палатка, защищающая отъ жара, садовые стулья, столъ и надъ нимъ цвѣтущая акація, усыпающая его своими бѣлыми, ароматными листьями,—вотъ каковъ былъ мой садъ. Конечно это жалкое воспроизведеніе той роскошной природы и той могучей радости, отъ которой расширяется сердце, когда идешь по полямъ весь облитый солнцемъ, свободный.

Уже въ семь часовъ утра я услышала звонокъ и увидѣла входящую чету. Они оба принарядились; платья ихъ были поношены, въ заплаткахъ, но все-жъ имѣли праздничный видъ. Сами они просто сіяли. Старика едва можно было уговорить позавтракать: до такой степени онъ торопился за дѣло. Надо было видѣть, какъ онъ за него принялся! Надѣвъ зеленый передникъ и набравъ погонъ ротъ булавокъ, онъ размѣрлялъ, прикидывалъ, кроилъ, вѣчно былъ недоволенъ и двадцать разъ начиналъ сызнова; все это впрочемъ шло живо, искусно и работа быстро подвигалась.

Жена шила молча, внимательно слѣдя за нимъ, съ такимъ радостнымъ видомъ.

Главной моею заботой было кормить ихъ хорошенько и почаще давать имъ отдыхъ, а главной заботой старика (жена поняла меня сразу) было работать, чтобъ показать, что онъ не забылъ своего мастерства, можетъ сдѣлать еще кой-какія хорошія вещи, а главное—способенъ прокормить жену иначе, чѣмъ собирая милостыню.

Насилу могла я оттащить его отъ этого несчастнаго кресла и заставить отдохнуть немного въ саду, на солнышкѣ. Когда лучи солнца или запахъ цвѣтовъ врывались въ комнату, обойщикъ немедленно приподнималъ голову, говорилъ: «какъ хорошо здѣсь пахнетъ!» и съ новымъ усердіемъ брался за работу.

И былъ онъ счастливъ, по своему счастливъ, перебрасываясь съ женою веселыми фразами, и оба смѣялись—онъ какъ-то отрывисто, она свѣжимъ и ровнымъ смѣхомъ.

Возвратились его счастливые дни, онъ началъ зарабатывать деньги.

Къ вечеру кресло было окончено блистательно; я сказала ему это; у него руки тряслись отъ радости; это былъ советъ другой человѣкъ. Онъ смотрѣлъ на работу съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ, но безъ гордости; казалось, ему было въ привычку хорошо дѣлать дѣло; смотрѣлъ онъ бодро и былъ такъ непривычно спокоенъ... Жена смотрѣла то на него, то на кресло, то опять на него, взглядывала и на меня, и мысленно благодарила Бога. Она

была въ сильномъ полненіи : счастье дѣйствовало сильнѣе горя на ея натуру.

Уходя, мужъ развязно подалъ ей руку; теперь уже онъ дѣлался ея покровителемъ.

Хотѣлось бы мнѣ остановиться на этомъ ясномъ лѣтнемъ днѣ, но увы! нужно досказать до конца.

Старый обойщикъ не ошибся : работа явилась, хотя небольшая, но жить было можно и они были счастливы.

Когда я въ іюлѣ уѣзжала изъ Парижа, въ комнаткѣ ихъ появилась нужная мебель; былъ даже горшокъ резеды на окнѣ, двѣ канарейки, и часы, первый свадебный подарокъ, красовались за поясомъ доброй женщины.

Теперь у нихъ было хозяйство, жили они душа въ душу, однимъ словомъ это было голубятня.

Есть люди, готовые посмѣяться надъ этой старой любовью; я не принадлежу къ ихъ числу.

Мнѣ жаль людей, думающихъ, что для любви есть одно только молодое время, а по прошествіи его сердце иссохнетъ и останется доживать вѣкъ сухо, прозаично, безъ вспышекъ, безъ свѣта и тѣни.

Мужчина и женщина любили другъ друга; въ душѣ ихъ была тѣма нѣжности, цѣломудренности, граціи, тайныхъ волненій, печалей и радостей. Прошли года и они сдѣлались добрыми товарищами: это лучшій исходъ.. Они откровенны, снисходительны къ слабостямъ другъ друга, одинаково радуются и одинаково скучаютъ во весь остатокъ своей жизни, ничего не требуютъ и ничего не даютъ одинъ другому, безъ надеждъ и безъ сожалѣнія ожидая часа разлуки и, когда пробьетъ этотъ часъ, холодно и спокойно расстаются, — они, которые когда-то такъ горячо любили другъ друга!

Говорятъ, это разумно и въ порядкѣ вещей, а я нахожу это безумствомъ, и самымъ возмутительнымъ.

Я уѣхала изъ Парижа: въ немъ свирѣпствовала холера. Когда я возвратилась, декабрьскіе вѣтры оледеняли воздухъ своимъ дыханіемъ; въ домахъ было холодно, неучастно, я должна была заботиться о своемъ помѣщеніи.

Однажды, наканунѣ новаго года, раздается звонокъ; ко мнѣ пришолъ старый обойщикъ. Я почти не узнала его: онъ сидѣлъ на скамѣ одинъ, сторбленный, сморщенный, съ блуждающими глазами, и смотрѣлъ на меня пристально.

— Я голоденъ, проговорилъ онъ глухимъ голосомъ : — потому я рѣшился придти опять къ вамъ.

Я предчувствовала, что случилось что-то ужасное, но не рѣшалась разрѣшить своего сомнѣнiя. Онъ посмотрѣлъ на меня, увидѣлъ, что я ничего не знаю, и вдругъ разразился :

— Жена умерла! дико вскричалъ онъ? — умерла, умерла, умерла!.. И схватился обѣими руками за голову. Потомъ глухо, какъ бы говоря самъ съ собою, онъ разсказалъ свою драму.

Въ самый сильный разгаръ холеры, бѣдная женщина отправилась за покупками и возвратясь заболѣла такъ сильно, что впродолженiи четырехчасовыхъ страданiй, могла только прошептать едва внятное прощанiе съ мужемъ. Руки ея все время были сложены, послѣдняя улыбка напоминала ангела.

— Я одинъ, вотъ уже три мѣсяца! у меня ничего нѣтъ! я самъ ничто, а все-таки живу!.. Господь еще не сжалился надо мною!

Я тихо взяла его руку, какъ дѣлывала прежде его жена; онъ вздрогнулъ. Пока онъ продолжалъ свой разсказъ отрывистыми фразами, я наблюдала за разрушенiемъ, которое сдѣлало горе во всемъ его существѣ: онъ былъ оборванный, грязный, тогда какъ прежде чистота его платья была безукоризненна; щеки ввалились, глаза горѣли, все тѣло судорожно подергивалось. Онъ говорилъ скоро и много, неслыша ни своихъ словъ, ни моихъ возраженiй; жалобы его лились какъ морская волна, ударяющаяся о берегъ. Когда я сильно затрогивала религиозную струну, она издавала неясный звукъ, по скорѣй въ силу привычки... Отчаянiе все заглушило.

— Я не работаю болѣе, голова не на мѣстѣ, говорилъ онъ. — Я двигаюсь, иду, дѣлаю что мнѣ скажутъ, какъ машина! Во мнѣ уже все умерло!.. А я не могу еще умереть! вскрикнулъ онъ вдругъ, вскакивая со скамьи. — Я льмъ! представьте, я могу еще *льмъ*!.. да, я дѣлаю эту низость, потому что голодъ мучителенъ!

Я велѣла принести бульону и еще чего-нибудь съѣстнаго, но онъ отказался, говоря, что у него горло сжимается и что онъ доволенъ тѣмъ, что можетъ говорить и плакать. Человѣкъ чувствуетъ себя ничтожнымъ, при взглядѣ на разъяренное море.

Мысль о своей слабости поражаетъ его. Онъ не можетъ смотрѣть на вѣчные валы и слышать этотъ могучiй голосъ, раздающiйся надъ водами. Есть другой океанъ, котораго предѣлы ему доступны: это бездна печали, одна изъ тѣхъ глубокихъ горестей, для которыхъ нѣтъ болѣе надежды на землѣ, которая находитъ пищу

въ самой себѣ и подобно Прометею, вѣчно привязана къ скалѣ, съ растерзанными внутренностями; одна изъ тѣхъ бездонныхъ пропастей, въ которыхъ исчезаютъ всякая помощь и утѣшеніе.

Я не сказала этому человѣку, что у него былъ идолъ и что Господь сокрушилъ его; я не сказала ему, что жена его была твореніе божіе, а грѣшно такъ привязываться къ творенію, забывая творца; я не сказала ему, что христіанинъ долженъ радоваться ниспосылаемому ему горю.

Я спросила его только, по возможности спокойнымъ голосомъ, захотѣлъ ли бы онъ воротить ее теперь съ неба, гдѣ она безъ сомнѣнія, на эту бѣдную землю, такъ полную всякихъ страданій?

Эта мысль поразила его: — Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ онъ съ вѣжностью, и слезы хлынули изъ его глазъ.

— Желали ли бы вы, чтобы она была теперь на вашемъ мѣстѣ, а вы на ея?

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ онъ, почти съ радостнымъ выраженіемъ: — Господь возлюбилъ ее!

Онъ нѣсколько разъ повторилъ слово *возлюбилъ*, какъ-будто запечатлѣвая въ своемъ сердцѣ это первое утѣшеніе. *Онъ возлюбилъ ее!* эта мысль примиряла его съ волей господней. *Онъ возлюбилъ ее!* повторялъ онъ нѣсколько разъ.

Въ этотъ день не хотѣлъ онъ принять никакой другой пищи.

На другой день я пошла къ нему. На двери прибита была черная досочка съ бѣлою надписью: *здесь покоится Бенаръ вдовець*. Слово вдовець написано было огромными буквами. У меня сжалось сердце. Разсудокъ бѣдняка не выдержалъ напора горя.

Я остановилась на порогѣ. Бенаръ неподвижно сидѣлъ передъ альковомъ. Кровати въ немъ не было: она стояла всторонѣ, неоправленная. Въ альковѣ возвышался изящный катафалкъ.

Я подошла; Бенаръ оглянулся, бросился ко мнѣ и подвелъ меня за руку къ своему мѣсту.

— Вотъ что я сдѣлалъ! сказалъ онъ мнѣ голосомъ, въ которомъ изъ-за грусти проглядывало какое-то удовольствіе. — Посмотрите! и голосъ его дрожалъ, движенія дѣлались лихорадочны. Смотрите! вотъ ея столъ, покрытый чернымъ сукномъ; вотъ кѣтка: канарейки умерли, я позабылъ о нихъ въ своихъ мученіяхъ: *она не сдѣлала бы этого!* Вотъ бѣлые цвѣты! На это я употребляю всѣ свои заработки и все что мнѣ даютъ, все!.. Вотъ ея часы, часы...

(слезы его задупили) Они остановились въ тотъ день... Вотъ ея колыцо... вотъ ея шаль, бѣдная шаль!

Онъ упалъ на колѣни и съ головой закрылся шалью; мнѣ слышались его рыданія. Закрывшись этимъ саваномъ, онъ продолжалъ:

— Въ ней была моя вѣра; она учила меня любить Христа и нести его иго; теперь, она все унесла съ собою! Я не молюсь болѣе, не знаю, вѣрю ли я и приметь ли меня Господь!

Почти инстинктивно я схватила со стула книгу, открыла ее и положила на катафалкъ. Бенаръ узналъ ее, склонился молча къ ея страницамъ и, не дотрогиваясь руками, впился въ нихъ жаднымъ взоромъ, какъ умирающій отъ жажды бросается въ пустынь къ единственному источнику.

— Идѣже не будетъ смерти, печали и воздыханія! — произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ и сдѣлался тихъ и кротокъ, какъ ребенокъ. Онъ закрылъ книгу, съ почтеніемъ поцѣловалъ ее и положилъ на прежнее мѣсто.

— Это ея книга, ея евангеліе. А я и позабылъ о немъ. Да, это она, та прекрасная книга, которую она каждое утро читала и которую мы читали вмѣстѣ по вечерамъ. Это былъ твой отвѣтъ, моя возлюбленная, твое посланіе ко мнѣ. Ты велишь мнѣ надѣяться на Господа, да, да! Я буду читать, буду молиться, смирюсь и онъ сжаляется надо мною, онъ соединитъ насъ!

Съ тѣхъ поръ обойщикъ сталъ видимо спокойнѣе; иногда случалось ему роптать и отчаиваться, но подконецъ онъ смирялся. Иногда вѣра его доходила до высшихъ предѣловъ, онъ бывалъ счастливъ... но случались минуты и горькаго, отчаяннаго сомнѣнья.

Это была слабая, измученная голова, одна изъ тѣхъ натуръ, которыя бываютъ неспособны для разумныхъ людей, потому что онѣ полны противорѣчій и съ ними вѣчно приходится начинать сначала; одно изъ тѣхъ сердець, въ которыхъ горе укореняется сильно, которыя не умѣютъ мириться съ жизнью, и принимаютъ всякое впечатлѣніе сильно, серьезно; сердець, почти всегда разбитыхъ и потому близкихъ Богу.

Онъ не могъ больше работать; любовь къ своему ремеслу у него вовсе исчезла. Онъ сдѣлался комиссіонеромъ, ходилъ, ходилъ до утомленія, какъ машина, и только въ альковѣ дѣлался снова самимъ собою. Тамъ пробуждался въ немъ прежній обойщикъ, душой преданный своему дѣлу.

Всѣ вырученныя деньги онъ употреблялъ на украшеніе ката-

фалка, каждый день придумывалъ новыя вещи, а самъ ходилъ голодный, оборванный, необутый. — Ему нельзя давать денегъ : онъ употребляетъ ихъ на какія-то куски матеріи. Зачѣмъ потакать его сумашествію? — говорили разумные люди.

Но отнимите у бѣдняка эту послѣднюю отраду — и сердце его тотчасъ бы разбилось.

Однажды онъ пришолъ ко мнѣ съ торжествующей миной.

— У меня есть идея ! сказалъ онъ. — Нужно можетъ-быть нѣсколько лѣтъ , чтобы привести ее въ исполненіе , но все равно , это будетъ ! — И онъ понизилъ голосъ :

— Я хочу обтянуть свою комнату чернымъ съ бѣлыми полосами и съ бѣлыми слезинками ! Когда я это окончу , Христосъ возьметъ меня къ себѣ .

Онъ показалъ мнѣ ящикъ , куда пряталъ свои сокровища : тамъ было нѣсколько су и серебряная монета .

Христосъ взялъ его къ себѣ ранѣе...

БѢДНЫЙ МАЛЬЧИКЪ

Онъ былъ несчастливъ и вдобавокъ такъ безобразенъ, какъ позволительно быть только очень умному человѣку, а у него и въ умѣ былъ недостатокъ.

Отецъ его былъ хитрый мужикъ, башмачникъ по ремеслу. Въ часы досуга складывалъ онъ иногда шѣсни и рассказывалъ тѣмъ исторій; глаза у него были сѣрые, вѣчно бѣгавшіе; лицо, въ которомъ высказывалась душа измѣнчивая, если можно такъ выразиться, скользящая какъ змѣя между листьями. Дома бывалъ онъ постоянно грубъ и говорилъ отрывисто.

По воскресеньямъ, въ дурную погоду, онъ изучалъ какую-то старую книгу 1600 года, наполненную полу-медицинскими, полу-магическими формулами; Альбертъ-великій трудился надъ нею больше нежеди Эскулапъ. Въ деревнѣ онъ заслужилъ репутацію знахаря. То тотъ, то другой приходили къ нему подъ вечерокъ просить лекарства для коровы или жены. Платили ему колбасою или косушкой. Расплата происходила большею частью въ кабакѣ. Надо было послушать рассказовъ башмачника: чего-чего не было! Сколькихъ парней онъ перебилъ, сколько разныхъ продѣлокъ за нимъ водилось! Потомъ начинались таинственные рассказы о заколдованной скотинѣ, о привороженной дѣвкѣ, такъ что крестьяне слушали разинувъ рты: «Вотъ-то знаетъ!» говорили бывало.

Если герой нашъ и не былъ совершеннымъ колдуномъ, зато отличался способностью рѣшительно ко всякому дѣлу: онъ былъ и плотникъ, и охотникъ, и столяръ, и кузнецъ. — Сидитъ въ немъ что-то! говаривали люди.

Башмачникъ только посмѣивался на это и притомъ такъ, что на лицѣ его не замѣтишь, что онъ смѣется.

Онъ много добывалъ, но ничего не оставалось въ домѣ: все про-

гуливалось. Онъ увѣрялъ, что виновата жена: порядка нѣтъ, не заведешь ничего, такая яма бездонная! Повторялось это нерѣдко, и бѣдная тщедушная женщина, зная, что однимъ своимъ появлениемъ уже возбуждаетъ гнѣвъ мужа, дѣлалась все безотвѣтнѣе, все безличнѣе и робче. Надо сказать, что и вообще природа не надѣлила ее большимъ разумомъ.

Она постоянно жила въ враждебной атмосферѣ: мужъ или бранилъ, или поднималъ ее на смѣхъ. У ней и движенія были какія-то нерѣшительныя; страхъ сдѣлать дурно вѣчно ее преслѣдовалъ; хотя она была далеко не стара, но у ней постоянно дрожали руки и взглядъ былъ какой-то неопредѣленный. Она не чувствовала себя хозяйкой; ниразу не сказала: *моя кухня, моя постель*. Все было нѣ безпорядкѣ и грязно не потому, чтобы она не убирала, особенно на первыхъ порахъ своего замужества, но потому что у ней *не выходило*; въ ней не было того спокойствія, при которомъ спорится дѣло. Мысли толпились въ ея головѣ, какъ-будто колыхаемая вѣтромъ. Съ годами торопливость ея начала уменьшаться, но не потому, чтобы она надумалась; а потому, что не хватало энергій.

Она поняла инстинктивно, что будетъ тѣмъ спокойнѣе, чѣмъ меньше будетъ попадаться на глаза мужу, и потому выходила только по хозяйственнымъ надобностямъ.

Утромъ она тащилась къ колодцу въ старомъ кокошникѣ, старой кофтѣ, старой юнкѣ, черпала воду, медленно перебивала картофель, плелась домой, ставила въ печь обѣдъ и какъ-то лѣнливо принималась за метлу. Заслышавъ голосъ хозяина, она роняла метлу, давала выкипѣть водѣ; отправивъ обѣдъ, она садилась у печки, въ самый темный уголъ, и такъ просиживала цѣлые часы.

Хозяинъ сидѣлъ въ комнатѣ за работой и злобно взглядывалъ, если жена осмѣлится переступить порогъ. Она дѣлала это очень рѣдко. Вотъ каковы были мужъ и жена.

У нихъ былъ сынъ.

Отецъ, славившійся ученостью, назвалъ его Улисомъ. Никогда еще имя и носящій его не представляли такого разительнаго контраста. Отецъ, разочарованный въ женѣ, возлагалъ большія надежды на сына: онъ будетъ у меня тѣмъ-то; я сдѣлаю изъ него хорошаго ремесленника; онъ у меня господиномъ будетъ! Но мать произвела его на свѣтъ по своему образу и подобию.

Когда онъ былъ мальчишкой, у него была лохматая голова, маленькіе глаза; безъ цвѣта, испуганные какъ у матери, блуждаю-

щія какъ у отца. Носъ былъ почти невѣроятныхъ размѣровъ, ротъ шолъ отъ одного уха къ другому. Все это помѣщалось на двухъ длинныхъ ногахъ, безобразномъ туловищѣ и заключалось руками, длину которыхъ можно бы только извинять способностью къ какой-нибудь работѣ. Но увы! будь онъ самая короткія въ мірѣ, въ нихъ не могло бы быть больше неловкости. Несмотря на все это, Улисъ дѣлалъ всякое дѣло съ большою увѣренностью. Все выходило скверно, но онъ не терялъ мужества.

Если ему попадался въ руки горшокъ, изъ пяти разъ четыре онъ разбивалъ его; брался ли онъ за стулъ, стулъ непременно падалъ; вздувалъ ли онъ огонь, вся зола попадала въ кушанье; когда онъ принимался кормить корову, то бѣдное животное, знавшее издавна его ловкость, всегда отворачивалось, чтобы не получить въ глазъ толчекъ вилами. Ничто не въ силахъ было его сконфузить; когда бывало отецъ, не потерявшій еще надежды исправить сына, пошлетъ ему вслѣдъ тройной зарядъ ругательства, Улисъ дико взглядывалъ на него, покачивался на ногахъ, поднималъ одно плечо и раздражался смѣхомъ Жокриса.

Въ школѣ успѣхи его не были блистательнѣе. — Это замкнутая натура! говорилъ учитель. И въ самомъ дѣлѣ пасилу отомкнули голову Улиса для вмѣщенія въ нее азбуки, но передъ изученіемъ складовъ она снова сомкнулась. Бездна, отдѣляющая склады отъ словъ, навсегда осталась разверстою.

Съ ариметикой было не лучше. Улисъ зналъ, что одно яблоко и еще два яблока составятъ три яблока, и что если сынъ цѣловальника возьметъ у него два, то остается одно; но таже операція, переложенная на цифры, оставалась ему недоступна. Онъ безпокойными глазами смотрѣлъ на бѣлые знаки на черной доскѣ, качался на своихъ безконечныхъ ногахъ, ломалъ мѣлъ между пальцами, проводилъ ими потомъ по лицу, весь классъ раздражался смѣхомъ, а учитель ставилъ его на колѣни, за дверь.

Воскресенья онъ проводилъ на дровяномъ дворѣ.

Въ законѣ божіемъ, когда нужно было говорить наизусть тексты, Улисъ акуратно останавливался на половинѣ третьей строки и не шолъ дальше. Правда, онъ повторялъ сказанное пять или шесть разъ и даже повторилъ бы и двадцать, еслибы отецъ ректоръ не останавливалъ его взмахомъ руки.

Отецъ говаривалъ: вѣдь онъ не глупъ, все придетъ современнымъ, подождите!

Но ничего не приходило. Улисъ росъ тѣмъ же ограниченными мальчикомъ, несмотря на линейку отца ректора и пинии собственнаго родителя.

Онъ заучивалъ, поцугаемъ, что случайно западало въ его тупую голову, былъ добръ, всегда доволенъ собою, догѣрчивавъ къ другимъ и поднималъ носъ, съ видомъ мальчика, которому стоитъ только захотѣть и онъ заткнетъ всѣхъ за-поясъ.

У отца зарождалась страшная мысль, что сынъ его вырастетъ ни къ чему негоднымъ. Однако, ему все не хотѣлось сознаться, частью изъ гордости, частью изъ какой-то почти животной привязанности. Онъ зналъ, что съ того дня, какъ рушатся его надежды на Улиса, онъ способенъ его возненавидѣть; эта мысль страшила его, онъ цѣплялся за каждую иллюзію; только на жену сталъ смотрѣть еще суровѣе.

Мать не могла и любить сына, какъ бы хотѣлось; жизнь въ ней была убита. Когда его били, она страдала какъ-то пассивно, никогда не рѣшаясь вступить.

Отецъ еще не былъ увѣренъ, что всѣ товарищи Улиса считаютъ его идиотомъ. Надъ нимъ смѣялись, строили ему западни, но не мучили слишкомъ, потому что онъ былъ какъ-то необыкновенно чистосердеченъ, всему вѣрилъ, первый смѣялся, когда его надували. Горе и радость онъ принималъ равнодушно. Ни одной игры не составлялось безъ Улиса, его приглашали всюду, ставили на первое мѣсто, а по бокамъ помѣщались два мальчика и дурачили его безъ пощады. Улисъ былъ счастливъ: онъ считалъ себя самымъ острымъ, самымъ красивымъ, самымъ ловкимъ, всѣмъ чѣмъ хотите. Его тщеславіе было только забавно; оно происходило не изъ гордости, но отъ безграничнаго довѣрія, отъ совершенной неопытности, отъ врожденной наивности, которую не могли искоренить никакія разочарованія. Обманутый наканунѣ, Улисъ готовъ былъ снова вѣрить на слѣдующее утро.

Сколько онъ выкинулъ штукъ на дворѣ стараго замка! сколько надъ нимъ хохотали! то были счастливые дни для Улиса, дни его славы! Надо было видѣть, какъ онъ ходилъ на ходуляхъ, кричалъ по-утиному и важно озирался, когда всѣ хохотали.

— Иди сюда, Улисъ, сюда! ты тутъ необходимъ. Одинъ ты и способенъ на это!

И Улисъ взбирался на плеча двухъ мальчишекъ, которые трясли и толкали его; онъ терялъ равновѣсіе, падалъ, потиралъ колѣни, лок-

ти, потомъ, взглянувъ на насмѣшниковъ, важно произносилъ: «стоишь только захотѣть, такъ не упалъ бы!»

Въ другой разъ, плали копѣйку въ ведро воды. — Улисъ, ты одинъ можешь достать ее зубами, мы все отказались. Зажми ротъ и востри отирой глаза.

Улисъ храбро опускалъ голову, но вскрикивалъ, чихалъ, обдавалъ всехъ водою и готовъ былъ повторить десять разъ ту же штуку.

Кто не видалъ Улиса, бѣгущаго взапуски, на своихъ длинныхъ ногахъ и разсѣкающаго руками воздухъ, тотъ не видалъ много хорошаго.

— Улисъ, поцѣлуй самую хорошенькую! — И Улисъ пускался бѣжать, все отъ него, но онъ не унывалъ и бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока его не остановятъ.

Товарищи его были большіе шалуны, но добрые мальчишки. Улисъ ни съ кѣмъ не былъ особенно друженъ, но ни одинъ не рѣшился бы сдѣлать ему зло. Онъ получалъ много пинковъ, кожей его не дорожили правда, но онъ и самъ не обращалъ на это большого вниманія. Не будь Улисъ такъ тупъ, изъ него вышелъ бы герой: такъ много было въ немъ презрѣнія къ страданіямъ, высокой довѣрчивости, чего-то такого простого и рѣшительнаго, что помогаетъ достигнуть цѣли, пройдя огонь и воду.

Бѣдный Улисъ! Ему бывало очень весело по воскресеньямъ, въ дни счастливаго дѣтства, на широкомъ дворѣ; онъ всегда игралъ первую роль или прыгалъ съ другими, забавляясь болѣе всехъ.

Иногда, въ июлѣ, являлся одинъ изъ тѣхъ урагановъ, которые ломаютъ деревья, срываютъ плоды въ огородѣ, разсыпаютъ по землѣ листья. То-то раздолье! Можно подбирать яблоки, вѣтеръ растреплетъ волосы — страшно и хорошо! — тополи гнутся и показываютъ серебряную изнанку своихъ листьевъ, дворъ оглашается крикомъ.

Въ июнѣ, когда стадо отправляется въ горы, бываетъ другая исторія.

Идали слышно, какъ идетъ скотина. Звонъ большого колокольчика и лепетъ маленькихъ, чиканье пастуховъ раздаются по воздуху. Мальчишки собираются къ кабаку, на дорогу. Тутъ останавливаются пастухи и идутъ освѣжиться, потому что путь по горамъ не легокъ, особенно ночью, когда ведешь за собою стадо изъ шестидесяти коровъ! Пока пастухи пьютъ, мальчишки стерегутъ стадо.

— Улисъ, бери-ка большой кнутъ, ты будешь стеречь быка.

Улисъ прехрабро отправаляся.

Вотъ они, вотъ они! впередъ самая лучшая корова, съ букетомъ на головѣ, съ колокольчикомъ, повѣшеннымъ на кожаномъ ремнѣ, съ національнымъ гербомъ! Корова кажется умерла бы, еслибъ съ нея вздумали снять это ожерелье, да это мы знаемъ по опыту! Посмотрите, какъ мѣрно и великолѣпно она выступаетъ.

Вотъ пастухи, серьезные, съ благородными лицами. Они покинули долину и домъ. Стосковались по горамъ, по длиннымъ сумеркамъ, по видамъ на далекое пространство и Альпы. Они жаждутъ свободной жизни, долгихъ переходовъ, сыровъ и всего соединеннаго съ этой жизнью. Вотъ и небольшой возъ съ поклажей; посередкѣ котель; сзади идетъ все стадо; коровы бѣлыя, черныя, пестрыя, рыжія; козы прошли впередъ, онѣ уже нѣсколько дней на горѣ.

Мальчишки суетятся около стада, покрикиваютъ и командуютъ надъ скотиной, пока одинъ изъ пастуховъ не прикрикнетъ на нихъ.

Улису доставался тычекъ рогами, но онъ все-таки возвращался домой съ гордымъ видомъ побѣдителя.

Видя его такимъ, отецъ снова начиналъ надѣяться. А осень! пора кутежа! классовъ нѣтъ, фрукты на каждомъ шагу...

Въ сентябрѣ есть такіе золотые дни, какихъ не бываетъ ни въ одномъ мѣсяцѣ. Солнце немного блѣдно, свѣжія росы освѣжили траву, она плотно скошена; цвѣтовъ нигдѣ невидно, но зато можно ходить по всѣмъ полямъ. Нѣтъ уже никакой жатвы, глазъ смотреть далеко-далеко. Воздухъ легокъ, листва уже не такъ густа и сквозь нее проникаютъ лучи; вся природа идеализируется. Нѣсколько мошекъ, родившихся сегодня и которыя завтра умрутъ, исполняютъ въ воздухѣ какой-то таинственный танецъ. У стволонъ яблонь и грушъ красуются кучи яблокъ красныхъ, бѣлыхъ, янтарныхъ грушъ.

Тогда-то Улисъ лакомился! У отца его не было ни полей, ни огородовъ, но товарищи давали ему яблоковъ, иногда и червивыхъ, да онъ не былъ взыскателемъ.

Наступалъ и октябрь. Коровы возвращались назадъ. Это уже были не тѣ вечера, въ которые онѣ шли на горы и вѣнки украшали ихъ головы, когда въ сумерки раздавался ихъ колокольчикъ и гиканье. Нѣтъ, теперь имъ было холодно въ горахъ, особливо въ послѣднее время, корму было немного, онѣ далеко расходились по полямъ, жадно глотали траву, останавливались у плетня и задумчиво поглядывали вдаль. Большіе колокольчики были сняты, до слѣдую-

щаго лѣта. Деревня оглашалась изъ конца въ конецъ этой музыкой; холмы перекликались между собою; въ самыхъ скрытыхъ мѣстахъ, между скалами, позванивали бубенчики; изъ всего этого выходила какая-то дикая мелодія, недоконченныя ноты которой терялись въ воздухѣ, утопали въ нѣдрахъ безконечной гармоніи.

Тутъ начинаются доходы мальчиковъ. За сто су и пару сапогъ на придачу, если хозяинъ не скупъ, каждый беретъ пасти стадо, во время осени.

Одна-двѣ коровы, нѣсколько барановъ, и за ними бѣлокуренькій, пухлый мальчикъ, съ открытой головой, за которымъ увяжется братишка или сестренка, — вотъ что встрѣчаете вы всюду.

Въ лугу разводить яркій огонь, вырываютъ ямку въ землѣ и прячутъ въ нее запасъ моркови, оставленной на полѣ. На самой вершинѣ груши случится иногда забытый плодъ, такой заманчивый.

— Улисъ, Улисъ, вотъ штука-то! достань-ка, мальчикъ!

Улисъ въ жизнь свою не взлѣзалъ на дерево безъ того, чтобы не свалиться; но ничего! онъ полѣзеть.

— Ты не боишься?

Улисъ подниметъ плечи и пустится; его поддерживаютъ, подтапливаютъ: — Смѣлѣй, уже скоро! — Потомъ вдругъ его отпускаютъ; онъ летитъ на землю, разставивъ, какъ паукъ, руки и ноги. Публика катается по травѣ и хохочетъ.

А все-таки это было хорошее время. У Улисы были тогда свои радости, свои свѣтлыя воспоминанія. Для него также свѣтило солнце, родились яблоки, наступали воскресенья; даставалось правда побольше пинковъ, чѣмъ другому, да онъ за ними не гнался.

Насмѣшекъ онъ не замѣчалъ, ничтожества своего тоже; отца онъ привыкъ видѣть всегда грубымъ; въ апатію матери не вдумывался. По мѣрѣ того какъ онъ выросталъ, а она слабѣла, онъ помогалъ ей, какъ могъ; носилъ воду, кололъ дрова; она говорила, что онъ милъ, онъ ей вѣрилъ, и такъ проходили годы.

Когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ и съ ними возрасла его тупость, жизнь его измѣнилась. Безобразіе увеличивалось. Улисъ былъ до невѣроятности высокъ, невѣроятно неловокъ, непостижимо тупъ.

Товарищи, пришедши въ возрастъ, сдѣлались злѣе; они втягивали Улиса въ плохія продѣлки. Отецъ ректоръ давно отъ него от-

ступился; мать угасала съ каждымъ днемъ. Отецъ становился день ото дня суровѣе; лицо его становилось иногда страшнымъ; никогда не слыжалъ Улисъ не только ласковаго, но и равнодушнаго слова; отецъ или молчалъ, или бранился. У матери недоставало нравственной силы, чтобы утѣшить сына: ей даже это не приходило и въ голову. Отецъ въ мастерской, мать на кухнѣ, сынъ, на котораго кричать, то потому, что онъ скверно дѣлаеть, то потому, что онъ ничего не дѣлаеть, — вотъ вся домашняя обстановка.

Обыкновенно Улисъ свертывался въ уголку, около матери, поднимая колѣни выше головы и перебирая золу руками.

Наконецъ — и это случилось скоро — отецъ понялъ, что сынъ его ниже посредственности; что онъ ничего не знаетъ, ничего и не будетъ знать и ни къ чему ни годенъ; что надъ нимъ все насмѣхаются и подѣлмъ; что онъ дуракъ и басня всей деревни, — онъ, его сынъ!

Это было коротко, ясно и выразительно. Получивъ ясное доказательство и признавъ это фактомъ, отецъ принялся ненавидѣть сына. Въ этомъ онъ никогда не раскаялся. Онъ поступалъ съ нимъ какъ съ вещью. Заваливалъ изнурительной работой, кормилъ мало и плохо, билъ больно, и такъ шло ненавѣнно. Это все сдѣлалось безъ переходовъ, какъ-будто такъ и быть надлежало.

Худо одѣтый, голодный, отвергнутый всѣми, кромѣ товарищей, которые употребляли его для забавы, Улисъ потерялъ часть своего яснаго воззрѣнія на жизнь. Однако товарищамъ удавалось еще бродить въ немъ иногда признаки герояма. Тогда онъ опять выкидывалъ дивныя штуки.

Подчасъ его водили въ кабакъ, поили пьянымъ, сводили съ какимъ-нибудь забѣлкой и приносили домой полумертваго; то посылали его пѣть вечеромъ, подъ окнами самой богатой дѣвушки; отецъ дѣвушки, не любившій шутокъ, подчивалъ его полѣномъ и Улисъ возвращался съ пробитой головой. Въ другой разъ, втягивали его въ дѣло съ лѣсными сторожами или полиціей; съ него требовали штрафъ, отецъ вооружался хлыстомъ, Улисъ прятался въ амбаръ, куда мать приносила ему остатки холоднаго супа.

Тогда-то въ головѣ его проснулось что-то похожее на сознание. Его охватила неясная мысль о своемъ ничтожествѣ; ничего отчетливаго, но какое-то недовѣріе къ себѣ, страхъ находиться съ другими. Онъ мало-помалу созналъ, до какой степени онъ безобразно сложенъ, смѣшонъ и дуренъ.

Это былъ первый шагъ, другіе слѣдовали быстро. Онъ увидалъ свою неловкость, неразвитость, даже сильнѣе чѣмъ онъ существовалъ на дѣлѣ. Казалось, горе развило его умъ, что у него появилась душа для страданій. Онъ созналъ себя униженнымъ, отвергнутымъ; вся жизнь представилась ему въ видѣ пошлаго фарса.

Онъ не углублялся въ анализъ; грусть его увеличивалась и затмила его совѣтъ.

Улисъ сбѣгался дикъ и угрюмъ; онъ быстро проходилъ мимо домовъ, избѣгалъ прежнихъ товарищей и, по окончаніи дѣла, уходилъ прямо на чердакъ, ложился на свои лохмотья и предавался печальнымъ думамъ.

Не стало и помину о самоувѣренной улыбкѣ; онъ чувствовалъ себя глубоко-несчастливымъ, не ненавидѣлъ никого, только сталъ самъ себѣ противенъ.

Большое несчастье чувствовать себя отчужденнымъ отъ общества безобразіемъ и тупостью, знать, что все тобою гнушаются и вправѣ гнушаться. Это страданіе есть первый шагъ къ эгоизму. Оставленный людьми, человѣкъ предается самообожанію; по недостатку благородныхъ ощущеній, довольствуется нисшими.

Съ Улисомъ однакожъ этого не случилось.

Когда онъ понялъ, что онъ существо неудавшееся, что его никто не любитъ, что все смѣются надъ нимъ и поправить этого невозможно; когда онъ со всѣхъ сторонъ обдумалъ свое положеніе, — онъ вдругъ опустился, какъ опустилась его мать, но сознательно и съ чувствомъ глубокой скорби.

Съ иллюзіями молодости закатилось солнце Улиса. Онъ жилъ теперь въ вѣчномъ осеннемъ туманѣ.

Въ прежнее время, послѣ побранокъ отца онъ расправлялъ крылья, убѣгалъ въ деревню за новыми толчками и возвращался веселымъ. Теперь все рухнуло. Дни Улиса тянулись монотонно, одинаково несчастливые. Онъ не пришолъ въ отчаяніе: для этого нужна была сила; онъ совершенно ослабѣлъ тѣломъ.

Отецъ все болѣе радовался отъ возрастающей неспособности сына, а сынъ ослабѣвалъ постепенно. Топоръ, мила, все валилось изъ его рукъ. Гнѣвъ отца, его жесткія слова, проскользавшія прежде незамѣтно, теперь впились въ плоть и кровь сына и оставили глубокіе слѣды.

Онъ не просилъ любви, не чувствовалъ за собой права на чье-

нибудь вниманіе; ему и въ голову не приходило возбудить жалость отца, но онъ медленно умиралъ отъ тягостнаго одиночества.

Подчасъ, когда становилось ужъ очень трудно, онъ взглядывалъ на мать. Ему казалось, что отъ нея могла бы придти помощь; онъ еще не осмѣлился до того, чтобы объясниться съ нею, оказать ей нѣмую ласку, — краснорѣчивое слово всѣхъ, у кого уста сомкнуты, — но онъ инстинктивно почувствовалъ, что къ ней именно нужно адресоваться. Мать въ свою очередь смотрѣла на него съ удивленіемъ; она замѣчала его угрюмость, видѣла, что порой у него пробиваются слезы, что онъ блѣднѣетъ, слабѣетъ и на нападки отца смотритъ не съ прежнимъ равнодушіемъ. Но она неспособна была отыскивать причину; она робко поглядывала на мужа, пятилась къ двери и шептала, что надо терпѣть.

Болезнь усилилась. Грубое обхожденіе отца, недостатокъ пищи, уединеніе, душевныя страданія быстро истощило это бѣдное тѣло, въ которомъ безъ того было немного жизни. Свечера его томилъ жаръ, къ утру трясла лихорадка и никогда одной капли вина, чтобы согрѣть его.

Ни мать, ни сынъ не осмѣливались за столомъ протянуть руку къ бутылкѣ. Наконецъ тѣло несчастнаго покрылось ранами, надо было оставить работу. Отецъ не сказалъ ничего; онъ видѣлъ страданія сына, но былъ слишкомъ ожесточенъ. Улисъ едва осмѣливался сходить съ своего чердака, два раза въ день, чтобы принимать участіе въ семейной трапезѣ. Погрѣвшись немного у печки, онъ медленно вползалъ опять на лѣстницу. Онъ проводилъ тяжелые часы одинъ, безъ развлечения, безъ утѣшеній, съ горечью вспоминая прошедшее, съ ужасомъ вглядываясь въ будущее; такъ сидѣлъ онъ, бессмысленно поглядывая на блѣдную полосу свѣта или на низкій потолокъ своего убѣжища.

Въ деревнѣ никто не замѣтилъ отсутствія Улиса. Онъ ужъ давно удалился отъ парней, его позабыли. Онъ поступилъ какъ хищный звѣрь, ушолъ умирать къ сторонѣ.

Мать съ удивленіемъ слѣдила за ходомъ болѣзни. Однажды, когда отецъ ушолъ на работу, она поднялась къ сыну и тихонько спросила, что съ нимъ?

— Я боленъ, отвѣчалъ Улисъ глухо.

Мать встревожилась, подошла ближе. Худоба сына напугала ее; она разстегнула его грубую рубашку, раскрыла грудь, увидѣла раны, глубоко вздохнула; потомъ спустилась внизъ, принесла уксу-

су, корпии и стала перевязывать раны. Каждый день она дѣлала это тихонько, въ то время какъ отецъ отправлялся въ кабакъ. Руки ея были очень непривычны, перевязки грубы, но сколько облегченія доставляли онѣ Улису, съ какимъ восторгомъ прислушивался онъ къ ея торопливымъ шагамъ по лѣстницѣ!

Случилось около этого времени, что пасторъ и многіе другіе вдругъ стали освѣдомляться, почему не видать Улиса.

Какъ только узнали о его болѣзни, его пришли навѣстить, впрочемъ не рассчитывая, что это можетъ доставить ему удовольствіе: это такое вѣдъ глуное существо! Между тѣмъ онъ страдаетъ, надо ему помочь; у него есть и душа, надо ее утѣшить. Всѣ испугались его одиночества, его болѣзни, помощь пришла со всѣхъ сторонъ. Улисъ благодарилъ, удивленный и все-таки сосредоточенный. Онъ чувствовалъ, что сожалѣють о человѣкѣ, а не о его собственной личности.

Онъ даже сдѣлался еще печальнѣе.

Тогда ему начали говорить о Богѣ, о Спасителѣ. Улисъ слушалъ серьезно, внимательно, какъ бы пораженный новизною слышаннаго, но не говорилъ ничего. Только когда посѣтители начинали стучаться въ дверь, онъ быстро вставалъ и торопливо отпиралъ ее.

Это повторялось часто. Наконецъ стали прибѣгать къ евангелію: не надѣясь, что онъ способенъ что-нибудь понять, ему все-таки прочли нѣсколько главъ, псалмы, исторію патриарховъ и въ особенности жизнь Іисуса. Съ нимъ мало разсуждали: два-три слова простыхъ, другого онъ бы не понялъ. Лицо Улиса начало проясняться, въ немъ проявилось какое-то внутреннее довольство, не прежняя бессмысленная радость, но что-то покорное, сдержанное, благородное... да, благородное. Раза два-три онъ задалъ вопросы, удивившіе посѣтителей.

Такъ шло прогрессивно, какъ день — когда онъ прибавляется, тихо, торжественно — какъ Господь проявляетъ себя. Облаковъ не было, солнце не скрывалось. Не было ни сомнѣній, ни страха, ни борьбы. Евангеліе проникло всецѣло, во всей своей силѣ и прелести въ это наболѣвшее сердце, — и оно просіяло.

Христось встрѣтилъ въ пустынѣ эту слабую душу, онъ поднялъ этого бѣднаго ребенка и взялъ его на свои руки. Христось былъ первый, который возлюбилъ его. Когда Улисъ слышалъ его голосъ, онъ проникъ ему въ душу и онъ тотчасъ за нимъ послѣдовалъ. Со-

мнѣнаться онъ былъ не въ состояніи, подобно Моисею, когда тотъ на горѣ увидѣлъ славу божію.

Онъ внялъ и увѣровалъ всѣмъ своимъ сердцемъ, онъ безгранично возлюбилъ этого Іисуса, который воззвалъ къ нему и сказалъ : сынъ мой, отдай мнѣ твое сердце. Въ его вѣрѣ было что-то веселее, чистое ; въ немъ снова проснулись, подъ перстомъ божіимъ, и довѣріе, и наивность, которыя такъ неполно проявлялись прежде въ его несовершенной натурѣ.

Іисусъ былъ его Богомъ, былъ его создателемъ, еще вчера умершимъ на крестѣ въ жесточайшихъ страданіяхъ, за него, *рабѣюшка!* какъ говорилъ онъ самъ.

И этотъ Христось-побѣдитель присутствовалъ ежечасно въ его бѣдной лачужкѣ. Онъ не осмѣливался ничего или почти ничего говорить другимъ людямъ, но Христу ! Другіе о немъ сожалѣли : это были добрые люди, онъ не стоилъ ихъ сожалѣнія, но Христось ! Христось, который вынесъ и голодъ и холодъ, котораго оскорбляли цѣлую темную ночь передъ пасхой, Христось, прикасавшійся къ прокаженнымъ, этотъ Христось былъ его братъ и Богъ ; въ одно время съ нимъ онъ чувствовалъ себя легко.

Улисъ никогда много не жаловался, теперь пересталъ вовсе. Едва можно было добиться отъ него одного слова о болѣзни. Онъ принималъ обѣщанія библии съ довѣрчивостью дитяти, слушающаго своего отца, онъ ощущалъ ихъ близкое исполненіе. Войти въ царство небесное, узрѣть своего Бога, утолить жажду любви, наслаждаться цѣлую вѣчность неизрѣчнымъ блаженствомъ — казалось ему простой и легкой вещью. Пока онъ могъ вставать, то все ходилъ по чердаку задумавшись, смотря въ неопредѣленное мѣсто. « Я скоро умру ! » говорилъ онъ ; потомъ садился на постель и столько радости свѣтилось въ его чертахъ, такъ энергично выговаривалъ онъ свои немногія слова, въ немъ такъ очевидно было присутствіе Бога, что каждый чувствовалъ себя ниже этого несчастнаго, убитаго существа.

Улису очень хотѣлось *домой*, однако онъ не высказалъ желанія. « Когда онъ увидитъ, что время, — онъ придетъ за мною ! » говорилъ онъ.

Отецъ не видалъ его никогда ; Улисъ не сходилъ внизъ, онъ не входилъ къ нему наверхъ. Нѣкоторые посѣтители, посмѣяте, заходили къ башмачнику. — Вашъ сынъ очень боленъ ! — Отвѣта не бы-

ю. — Онъ очень терпѣливъ. — Ни слова. — Еслибы вы... Холодный, сухой взглядъ прерывалъ окончаніе фразы.

Мать собрала весь остатокъ силъ и сосредоточила ихъ на любви къ сыну. Она не понимала что съ нимъ происходитъ, но ей необходимо было видѣть и слышать его. Когда онъ говорилъ о Богѣ, она напрягала все свои умственные способности; когда онъ молился, она становилась подлѣ него на колѣни. Она тихо вступала въ свѣтлую обитель, въ которой жилъ ея сынъ, она получала радость и счастье изъ вторыхъ рукъ. Она чувствовала, что *такъ хорошо* и хотѣла бы, чтобъ это всегда продолжалось.

Но бѣдный мальчикъ слишкомъ много выстрадалъ.

Однажды вечеромъ, онъ обнялъ свою мать и сказалъ ей:

— Матушка, если хочешь быть вмѣстѣ со мною у Бога, надо вѣрять въ него.

— Да, отвѣчала мать. Она была поражена.

— Позовите отца.

— Отца! повторила она съ испугомъ.

— Ступайте, матушка!

Улисъ ниразу не говаривалъ съ ней такимъ образомъ. Она дрожа спустилась съ лѣстницы, растворила дверь комнаты и стала на порогъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ, она не двигалась. Отецъ обернулся.

— Что нужно? закричалъ онъ.

— Сынъ... Улисъ...

— Ну!

— Онъ зоветъ васъ.

Руки отца слегка задрожали.

— Мнѣ нѣкогда.

Испуганная женщина пошла назадъ.

— Завтра, закричалъ вслѣдъ ей башмачникъ.

Она пришла наверхъ, почти веселая.

— Ну что?

— Онъ сказалъ завтра.

— Завтра! повторилъ сынъ съ странной улыбкой!

Они долго пробыли вмѣстѣ; Улисъ въ этотъ день много говорилъ матери о Спасителѣ; наконецъ, когда стало уже поздно:

— Ступай внизъ, матушка, отецъ забранить.

У матери не было быстрого соображенія, однако что-то тяго-

тѣло у ней на сердце; ей хотѣлось остаться, но отецъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ступайте, матушка, повторилъ Улисъ серьезнымъ тономъ.

Онъ отвернулся къ стѣнѣ, она посмотрѣла на него, прислушалась къ его дыханію, сама не зная почему, и вышла.

Въ эту ночь онъ скончался...

Утромъ мать пришла встревоженная; она удивилась неподвижности сына и торжественной тишинѣ, такъ что сама не могла говорить. Она тронула его пальцемъ, потомъ, внѣ себя, съ крикомъ бросилась внизъ, въ мастерскую, и въ первый разъ въ жизни, громко, съ поднятой головою, съ жестомъ отчаянія вскричала: — Онъ умеръ!

Башмачникъ поблѣднѣлъ, кашлянулъ, потомъ взглянулъ на нее мутнымъ, безощаднымъ взоромъ и такъ смотрѣлъ долго, пока она вновь не склонилась и, опустивъ голову, медленно, задомъ, не убралась въ свой уголокъ у печки. Такъ останется она завтра, еще десять лѣтъ, во весь остатокъ своей страдальческой жизни.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

VII

НОВЫЯ ЗНАКОМСТВА. ПЕТРОВЪ

Но время шло, и я мало-помалу сталъ обживатьъся. Съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе смущали меня обыденныя явленія моею новой жизни. Происшествія, обстановка, люди — все какъ-то примелькалось къ глазамъ. Примириться съ этою жизнью было невозможно, но признать ее за совершившійся фактъ давно пора было. Всѣ недоразумѣнія, которыя еще оставались во мнѣ, я затаилъ внутри себя, какъ только могъ глуше. Я уже не слонялся по острогу какъ потерянный, и не выдавалъ тоски своей. Дико-любопытныя взгляды каторжныхъ уже не останавливались на мнѣ такъ часто, не слѣдили за мной съ такою выдѣланною наглостью. Я тоже видно примелькался имъ, чему я былъ очень радъ. По острогу я уже расхаживалъ какъ у себя дома, зналъ свое мѣсто на нарахъ и даже повидимому привыкъ къ такимъ вещамъ, къ которымъ думалъ и въ жизнь не привыкнуть. Регулярно каждую недѣлю ходилъ брить половину своей головы. Каждую субботу, въ шабашное время, насъ вызывали для этого, поочередно, изъ острога въ кордегардію (не выбрившійся уже самъ отвѣчалъ за себя), и тамъ цырюльники изъ батальоновъ мыли холоднымъ мыломъ наши головы и безжалостно скребли ихъ тупѣйшими бритвами, такъ что у меня даже и теперь морозъ проходитъ по кожѣ при воспоминаніи объ этой пыткѣ. Впрочемъ скоро нашлось лекарство: Акимъ Акимычъ указалъ мнѣ одного арестанта, военного разряда, который за копѣйку брилъ собственной бритвой кого угодно и тѣмъ промышлялъ. Многіе изъ каторжныхъ ходили къ нему, чтобъ избѣ-

жать казенныхъ цырюльниковъ , а между тѣмъ народъ былъ не нѣженка. Нашего арестанта-цырюльника звали *майоромъ*, — почему — не знаю, и чѣмъ онъ могъ напоминать майора — тоже не могу сказать. Теперь, какъ пишу это, такъ и представляется мнѣ этотъ майоръ , высокій, сухощавый и молчаливый парень , довольно глуповатый, вѣчно углубленный въ свое занятіе и непремѣнно съ ремнемъ въ рукѣ, на которомъ онъ денно и пощно направлялъ свою допелъзя сточенную бритву, и кажется весь уходилъ въ это занятіе, принявъ его очевидно за назначеніе всей своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ до крайности доволенъ, когда бритва была хороша и когда кто-нибудь приходилъ побриться: мыло было у него теплое, рука легкая, бритве бархатное. Онъ видимо наслаждался и гордился своимъ искусствомъ и небрежно принималъ заработанную копѣйку, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ дѣло было въ искусствѣ, а не въ копѣйкѣ. Больно досталось А—ву отъ нашего плацъ-майора, когда онъ, фискаля ему на острогъ, упомянулъ разъ имя нашего острожного цырюльника и неосторожно назвалъ его *майоромъ*. Плацъ-майоръ раскисился и обидѣлся до послѣдней степени. «Да знаешь ли ты, подлецъ, что такое майоръ! кричалъ онъ, съ пѣной у рта, восвойски расправляясь съ А—вымъ: — понимаешь ли ты, что такое майоръ! И вдругъ какой-нибудь подлецъ каторжнѣйшій и смѣтъ его звать майоромъ, мнѣ въ глаза, въ моемъ присутствіи!..» Только А—въ могъ уживаться съ такимъ человѣкомъ.

Съ самаго перваго дня моей жизни въ острогѣ, я уже началъ мечтать о свободѣ. Расчетъ, когда кончатся мои острожные годы, въ тысячѣ разныхъ видахъ и примѣненіяхъ, сдѣлался моимъ любимымъ занятіемъ. Я даже и думать ни о чемъ не могъ иначе, и увѣренъ, что такъ поступаетъ всякій лишонный въ срокъ свободы. Не знаю думали-ль, рассчитывали-ль каторжники такъ же какъ я, но удивительное легкомысліе ихъ надеждъ поразило меня съ перваго шагу. Надежда заключеннаго, лишоннаго свободы — совершенно другого рода, чѣмъ настоящимъ образомъ живущаго человѣка. Свободный человѣкъ, конечно надѣется (напримѣръ на перемѣну судьбы, на исполненіе какого-нибудь предпріятія), но онъ живетъ, онъ дѣйствуетъ; настоящая жизнь увлекаетъ его своимъ круговоротомъ вполнѣ. Но то для заключеннаго. Тутъ, положимъ, тоже жизнь, — острожная, каторжная; но кто бы ни былъ каторжникъ и на какой бы

роки онъ ны былъ сославъ, онъ рѣшительно, инстинктивно, не можетъ принять свою судьбу за что-то положительное, окончательное, за часть дѣйствительной жизни. Всякій каторжникъ чувствуетъ, что онъ не у себя дома, а какъ-будто въ гостяхъ. На двадцать лѣтъ онъ смотритъ какъ-будто на два года и совершенно увѣренъ, что и въ пятьдесятъ пять лѣтъ, по выходѣ изъ острога, онъ будетъ такой же молодецъ, какъ и теперь въ тридцать-пять. — «Поживемъ еще!» — думаетъ онъ, и упрямо гонитъ отъ себя всѣ сомнѣнія и прочія досадныя мысли. Даже посланные безъ срока, особаго отдѣленія, вѣтъ рассчитывали иногда, что вотъ нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ придетъ разрѣшеніе изъ Питера: «переслать въ Нерчинскъ, въ рудники, и назначить срокъ». Тогда славно: вонервыхъ въ Нерчинскъ чуть не полгода идти, а въ партіи идти противъ острога нуды лучше! а вотемъ кончить въ Нерчинскѣ срокъ и тогда... И вѣдь такъ рассчитываетъ иной сѣдой человекъ!

Въ Tobольскѣ вѣдѣлъ я прикованныхъ къ стѣнѣ. Онъ сидитъ на цѣпи, этакъ въ сажень длиною; тутъ у него койка. Приковали его за что-нибудь изъ ряду вонъ страшное, совершенное уже въ Сибири. Сидятъ по пяти лѣтъ, сидятъ и по десяти. Большею частью изъ разбойниковъ. Одного только между ними я вѣдѣлъ какъ-будто изъ господъ; гдѣ-то онъ когда-то служалъ. Говорилъ онъ смиренхоньно, пришепетывая; улыбочка сладеньная. Онъ воказывалъ намъ свою цѣпь, показывалъ какъ надо ложиться удобнѣе на койку. То-то должно' быть была овоего рода птица! Всѣ они вообще смирно ведутъ себя и кажутся довольными, а между тѣмъ каждому чрезвычайно хочется поскорѣе высидѣть свой срокъ. Кчему бы кажется? А вотъ почему: Выйдетъ онъ тогда изъ душиной, промзглой комнаты съ низкими кирпичными сводами, и пройдетъ по двору острога, и... и только. За острогъ ужъ его не выпустятъ никогда. Онъ самъ знаетъ, что спущенные съ цѣпи навѣчно уже содержатся при острогѣ, до самой смерти своей и въ кандалахъ. Онъ это знаетъ и все-таки ему ужасно хочется поскорѣе кончить свой цѣпной срокъ. Вѣдь безъ этого желанія могъ ли бы онъ просидѣть пять или шесть лѣтъ на цѣпи, не умереть или не сойти съ ума? Сталъ ли бы еще иной-то сидѣть?

Я чувствовалъ, что работа можетъ спасти меня, укрѣпить мое здоровье, тѣло. Постоянное душевное безпокойство, нерв-

ческое раздраженіе, спертый воздухъ казармы, могли бы разрушить меня совершенно. Чаше быть на воздухѣ, каждый день уставать, приучаться носить тяжести — и по крайней мѣрѣ я спасу себя, — думалъ я, — укрѣблю себя, выйду здоровый, бодрый, сильный, нестарый. Я не ошибся: работа и движеніе были мнѣ очень полезны. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на одного изъ моихъ товарищей (изъ дворянъ), какъ онъ гасъ въ острогѣ какъ свѣчка. Вошелъ онъ въ него выѣстъ со мною, еще молодой, красивый, бодрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой. Нѣтъ, думалъ я, на него глядя: я хочу жить и буду жить. Зато и доставалось же мнѣ сначала отъ каторжныхъ за любовь къ работѣ, и долго они язвили меня презрѣніемъ и насмѣшками. Но я не смотрѣлъ ни на кого и бодро отправлялся куда-нибудь, напримѣръ хотъ обжигать и толочь алебастръ, — одна изъ первыхъ работъ, мною узанныхъ. Это была работа легкая. Инженерное начальство повозможности готово было облегчать работу дворянамъ, что впрочемъ было вовсе не по-блажкой, а только справедливостью. Странно было бы требовать съ человѣка, вполнину слабѣйшаго силой и никогда не работавшаго, того же урока, который задавался по положенію настоящему работнику. Но это «баловство» не всегда исполнялось, даже исполнялось-то какъ-будто украдкой: за этимъ надзирали строго со стороны. Довольно часто приходилось работать работу тяжолоую, и тогда разумѣется дворяне выносили двойную тягость, чѣмъ другіе работники. На алебастръ назначали обыкновенно человѣка три-четыре, стариковъ или слабосильныхъ, ну и насъ въ томъ числѣ разумѣется; да сверхъ того прикомандировывали одного настоящего работника, знающаго дѣло. Обыкновенно ходилъ все одинъ и тотъ же, нѣсколько лѣтъ сряду, Алмазовъ, суровый, смуглый и сухощавый человекъ, уже въ лѣтахъ, необщительный и брезгливый. Онъ глубоко насъ презиралъ. Впрочемъ онъ былъ очень неразговорчивъ, дотога что даже лѣнился ворчать на насъ. Сарай, въ которомъ обжигали и толкли алебастръ, стоялъ тоже на пустынномъ и крутомъ берегу рѣки. Зимой, особенно въ сумрачный день, смотрѣть на рѣку и на противоположный, далекий берегъ, было скучно. Что-то тоскливое, надрывающее сердце было въ этомъ дикомъ и пустынномъ пейзажѣ. Но чуть ли еще не тяжелѣй было, когда на безконечной бѣлой целинѣ снѣга ярко сіяло

сблице; такъ бы и улетѣлъ куда-нибудь въ эту степь, которая начиналась на другомъ берегу и разстилась къ югу одной непрерывной, екатериню, тысячу на полторы версты. Алмазовъ обыкновенно молча и сурово принимался за работу; мы словно стыдился, что не можемъ настоящимъ образомъ помогать ему, а онъ нарочно управлялся одинъ; нарочно не требовалъ отъ насъ никакой помощи; какъ-будто для того, чтобъ мы чувствовали всю вину нашу передъ нимъ и каялись соотвѣстной бесполезностью. А всего-то и дѣла было вытопить печь, чтобъ обжечь накладенный въ нее алебастръ, который мы же бывало и натаскаемъ ему. На другой же день, когда алебастръ бывалъ уже совсѣмъ обожженъ, начиналась его выгрузка изъ печки. Каждый изъ насъ бралъ тяжелую колотушку, накладывалъ себѣ особый лщкъ алебастромъ и принимался разбивать его. Это была преминала работа. Хрупкій алебастръ быстро обращался въ бѣлую блестящую пыль, такъ ловко, такъ хорошо крошится. Мы взматывали тяжелыми молотами и задавали такую трескотню, что самимъ было любо. И уставали-то мы наконецъ, и легко въ тоже время становилось; щеки краснѣли, кровь обращалась быстрее. Тутъ ужъ и Алмазовъ начиналъ смотрѣть на насъ снисходительно; какъ смотрѣть на малолѣтныхъ дѣтей; снисходительно покуривалъ свою трубочку, и все-таки не могъ не ворчать, когда приходилось ему заговорить. Впрочемъ онъ и со всѣми былъ такой же, а въ сущности кажется добрый человекъ.

Другая работа, на которую я посылался, — въ мастерской вертѣть точильное колесо. Колесо было большое, тяжелое. Требовалось немалыхъ усилий вертѣть его, особенно когда токарь (изъ нижеверныхъ мастеровыхъ), точилъ что-нибудь въ родѣ лѣстничной балканы, или ножки отъ большого стола, для казенной мебели какому-нибудь чиновнику; на что требовалось чуть не бревно. Однако въ такомъ случаѣ было вертѣть не подь силу и обыкновенно посылали двоихъ, — меня и еще одного изъ дворянъ, В. Такъ эта работа въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и оставалась за нами; если только приходилось что-нибудь точить. В. былъ слабосильный, тщедушный человекъ; еще молодой, страдавшій туберку. Онъ приблилъ въ острогъ съ годъ передо мною; вместе съ двумя другими изъ своихъ товарищей; — однимъ старикомъ, все время острожной жизни и дивно и пощно молившимся Богу (за что вчель уважали его арестанты) и умершимъ при мнѣ, и

съ другими еще очень молодыми желвакомъ, събитымъ, шуми-
мымъ, сильнымъ, смѣлымъ, который дорогою не съ уваженно
съ полъ-этажа. Б. и тд продолжалась сѣмьсотъ верстахъ отъ
Нужно было видѣть ихъ дружбу между собою. Б. былъ лаво-
вѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ, благородный, съ характе-
ромъ великодушнымъ, но испорченнымъ и раздраженнымъ бо-
лѣвню. Съ колесомъ справлялся, но вѣстѣ я это даже зани-
мало насъ, обомъ. Мнѣ эта работа давала превосходный ме-
дичюкъ.

Особенно тоже я любилъ разгребать сѣтъ. Это бывало обин-
довенно послѣ бурановъ, и бывало очень нѣредко въ зиму. Послѣ
дугачаго бурана, заметало иной армя до половины оконъ, а
иной путь не совѣсть заносило. Тогда какъ уже превращался
бурани и выступало солнце, выгоняли насъ большими кувалди,
а иногда и всѣмъ острогомъ эт отгребать сугробы сѣтъ отъ ба-
зеньныхъ зданій. Каждому давалась допата, всѣмъ вѣстѣ урокъ
иногда такой, что надо было удивляться, какъ можно съ нимъ
справиться, и всѣ дружно принимались за нѣдо. Рыдний, толь-
ко что слегшійся и слегка примороженный, сверху сѣтъ дождо
брался допатою, огромными комками, и разбрасывался кругомъ,
еще на воздухъ обращаясь въ блестящую пыль. Допата, такъ и
врѣзалась въ бѣдую, сверкающую на солнцѣ массу. Арестанты
почти всегда работали эту работу весело. Сѣтѣй шумѣй воздуха
движеніе разгорячали ихъ. Всѣ становились веселѣе, раздвѣлись
хохотъ, вскрикиванья, остроты. Начинали играть въ сѣтѣхъ, не
безъ того разумѣется, чтобы черезъ милуту не закричали. Благо-
разумные и негодующіе на смѣхъ и веселость, и всерубнее урчае-
ніе обыкновенно кончалось руганью.

Мало-помалу я сталъ распространять и кругъ моего знаком-
ства. Впрочемъ самъ я не думалъ о знакомствахъ, я все еще
былъ неспокоенъ, угрюмъ и недоверчивъ. Знакомства мои заде-
лись сами собою. Изъ первыхъ сталъ прѣбывать меня арестантъ
Петровъ. Я говорю *посыщать* и особенно надзираю на это слово.
Петровъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и въ самой отдаленной отъ
меня казармѣ. Свидѣій между нами дошедшему не могло быть
никакихъ; общаго тоже рѣшительно ничего у насъ не было, и
быть не могло. А между тѣмъ, въ это первое время Петровъ
какъ-будто обязанностью почиталъ чужъ не каждый день захо-
дить ко мнѣ въ казарму, или останавливать меня въ шабашное

время, когда бывало я хожу за казармами, по возможности подалее отъ дыхъ глазъ. Миѣ сначала это было неприятно. Но онъ какъ-то такъ умѣлъ сдѣлать, что вскорѣ его сообщенія даже стали развлекать меня, несмотря на то, что это былъ вовсе не особенно сообщительный и разговорчивый человекъ. Съ виду былъ онъ невысокаго роста, сильнаго сложенія, толкій, вертлявый, съ довольно приятнымъ лицомъ, блѣдный, съ широкими скулами, съ смѣлымъ взглядомъ, съ бѣдыми, частыми и мелкими зубами и съ вѣчною щепотью табаку за нижней губой. Класть за губу табакъ было въ обычаѣ у многихъ каторжныхъ. Онъ казался моложе своихъ лѣтъ. Ему было лѣтъ сорокъ, а на видъ только тридцать. Говорилъ онъ со мною всегда чрезвычайно непринужденно, держалъ себя въ высшей степени на равной ногѣ, т. е. чрезвычайно порядочно и деликатно. Если онъ замѣчалъ напримѣръ, что я пишу уединенія, то поговоривъ со мною минуты двѣ, тотчасъ же оставлялъ меня и каждый разъ благодарилъ за вниманіе, чего разумѣется не дѣлалъ никогда и ни съ кѣмъ изъ всей каторги. Любопытно, что такія-же отношенія продолжались между нами не только въ первые дни, но и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду и почти никогда не ставились кочерге, хотя онъ дѣйствительно былъ миѣ предачею. И даже и теперь не могу рѣшить, чего именно ему отъ меня хотѣлось, зачѣмъ онъ лѣзъ ко миѣ каждый дець? Хотя ему и случалось воровать у меня впослѣдствіи, но онъ воровалъ какъ-то нечаянно: денегъ же почти никогда у меня не просилъ, сдѣланные приходивъ до все не за деньгами иди за какимъ-нибудь интересомъ.

Не знаю тоже почему, но миѣ всегда казалось, что онъ какъ-будто до все не жилъ вмѣстѣ со мною въ острогѣ, а гдѣ-то далеко въ другомъ домѣ, въ городѣ, и только прѣсѣщая острогъ мимоходомъ, яхобъ узнать новости, провѣдать меня, посмотреть какъ мы всѣ живемъ. Всегда онъ куда-то спѣшилъ, точно гдѣ-то кого-то оставилъ и тамъ ждутъ его, точно гдѣ-то что-то не доделалъ. А между тѣмъ какъ-будто и не очень суетился. Взглядъ у него тоже былъ какой-то страннѣй: пристанный, съ отбѣскою смѣлости и нѣкоторой насмѣшки, но глядѣлъ онъ какъ-то вдалѣ, черезъ предметъ; какъ-будто изъ-за предмета, бывшаго передъ его носомъ, онъ старался рассмотреть какой-то другой, подалее. Это придавало ему разсѣянный видъ. И нарочно смотрѣлъ иногда: куда поидеть отъ меня Петровъ? гдѣ это его такъ

ждуть? Но отъ меня онъ торопливо бѣжалъ куда-нибудь въ казарму или въ кухню, садился тамъ подлѣ кого-нибудь изъ разговаривающихъ, слушалъ внимательно, иногда и самъ вступалъ въ разговоръ, даже очень горячо, а потомъ вдругъ какъ-то оборветъ и замолчитъ. Но говорилъ ли онъ, сидѣлъ ли молча, а все-таки видно было, что онъ такъ только, мимоходомъ, что гдѣ-то тамъ есть дѣло и тамъ его ждуть. Страшнѣе всего то, что дѣла у него не было никогда, никакого; жилъ онъ въ совершенной праздности (кромѣ казенныхъ работъ разумеется). Мастерства никакого не зналъ, да и денегъ у него почти никогда не водилось. Но онъ и объ деньгахъ не много горевалъ. И объ чемъ онъ говорилъ со мной? Разговоръ его бывалъ такъ же страшенъ, какъ и онъ самъ. Увидить напримѣръ, что я хожу гдѣ-нибудь одинъ за острогомъ, и вдругъ круто поворотить въ мою сторону. Ходилъ онъ всегда скоро, поворачивалъ всегда круто. Придетъ шагомъ, а кажется будто онъ подбѣжалъ.

— Здраствуйте.

— Здраствуйте.

— Я вамъ не помѣшалъ?

— Нѣтъ.

— Я вотъ хотѣлъ васъ про Наполеона спросить. Онъ въ родня тому, что въ двѣнадцать году былъ? (Петровъ былъ изъ капитонистовъ и грамотный).

— Родня.

— Какой же онъ, говорятъ, президентъ?

Спрашивалъ онъ всегда скоро, отрывисто, какъ-будто ему надо было какъ можно поскорѣе объ чемъ-то узнать. Точно онъ справку наводилъ по какому-то очень важному дѣлу, не черищему ни малѣйшаго отлагательства.

Я объяснилъ, какой онъ президентъ и прибавилъ, что можетъ быть скоро и императоромъ будетъ.

— Это какъ?

Объяснилъ я возможность и это. Петровъ внимательно слушалъ, совершенно понимая и скорѣе соображая, даже наклонивъ въ мою сторону ухо.

— Гм. А вотъ я хотѣлъ васъ, Александръ Петровичъ, спросить: правда ли, говорятъ, есть такія обезьяны, у которыхъ руки до пятокъ, а величиной съ самаго высокаго человѣка?

— Да, есть такія.

— Какія же это?

И объяснилъ сколько зналъ и это.

— А гдѣ же онѣ живутъ?

— Въ жаркихъ земляхъ. На островѣ Суматрѣ есть.

— Это въ Америкѣ что-ли? Какъ это говорить, будто тамъ люди внизъ головой ходятъ?

— Не внизъ головой. Это вы про антиподовъ спрашиваете. —

Объяснилъ что такое Америка и, по возможности, что такое антиподы. Онѣ слушалъ такъ же внимательно, какъ будто нарочно приближалъ для однихъ антиподовъ.

— А-а! А вотъ я прошлаго года про графиню Давальеръ читалъ, отъ алыютанта Арефьевъ книжку приносилъ. Такъ это правда, или такъ только выдуманно? Дюма сочинение.

— Разумѣется выдуманно.

— Ну прощайте. Благодарствуйте.

И Петровъ исчезалъ и въ сущности никогда почти мы не говорили иначе, какъ въ этомъ родѣ.

Я сталъ о немъ справляться. М., узнавши объ этомъ знакомствѣ, даже предостерегалъ меня. Онѣ сказалъ мнѣ, что многіе изъ каторжныхъ вселяли въ него ужасъ, особенно сначала, съ первыхъ дней острога, но ни одинъ изъ нихъ, ни даже Газинъ, не производили на него такого ужаснаго впечатлѣнія, какъ этотъ Петровъ.

— Это самый рѣшительный, самый безстрашный изъ всѣхъ каторжныхъ, говорилъ М. — Онѣ на все способенъ; онѣ ни передъ чѣмъ не остановится, если ему придетъ капризъ. Онѣ и вась зарѣжетъ, если ему это вздумается, такъ, просто зарѣжетъ, не поморщится и не раскается. Я даже думаю, онѣ не въ полномъ умѣ.

Этотъ отзывъ сильно заинтересовалъ меня. Но М. какъ-то не могъ мнѣ дать отчета, почему ему такъ казалось. И странное дѣло: нѣсколько лѣтъ сряду я зналъ потомъ Петрова, каждый день говорилъ съ нимъ; все время онѣ былъ ко мнѣ искренно привязанъ (хоть и рѣшительно не знаю за что), — и во всѣ эти нѣсколько лѣтъ, хотя онѣ и жилъ въ острогѣ благоразумно и ровно ничего не сдѣлалъ ужаснаго, но я каждый разъ, глядя на него и разговаривая съ нимъ, убѣждался, что М. былъ правъ и что Петровъ можетъ-быть самый рѣшительный, безстрашный и не знающій надъ собою никакого принужденія человекъ. Поче-

му это такъ мнѣ казалось, — тоже не могу дать отчета. Забыву впрочемъ, что этотъ Петровъ былъ тотъ самый, который хотѣлъ убить плацъ-майора, когда его позвали къ наказанію и когда маноръ «спасся чудомъ», какъ говорили арестанты, — убжавъ передъ самой минутой наказанія. Въ другой разъ, еще до каторги, случилось, что полковникъ ударилъ его на учени. Вѣроятно его и много разъ передъ этимъ били; но въ этотъ разъ онъ не захотѣлъ снести и закололъ своего полковника открыто, среди бѣла дня, передъ развернутымъ фронтомъ. Впрочемъ я не знаю въ подробности всей его исторіи; онъ никогда мнѣ ее не рассказывалъ. Конечно это были только вспышки, когда натура объявлялась вдругъ вся, цѣликомъ. Но все-таки онъ былъ въ немъ очень рѣдки. Онъ дѣйствительно былъ благоразуменъ и даже смиренъ. Страсти въ немъ таились, и даже сильныя, жгучія; но горячіе угли были постоянно посыпаны золою и тѣли тихо. Ни тѣни фанфаронства или тщесавія я никогда не замѣчалъ въ немъ, какъ напримѣръ у другихъ. Онъ ссорился рѣдко, зато и ни съ кѣмъ особенно не былъ друженъ, развѣ только съ однимъ Сироткинымъ, да и то когда тотъ былъ ему нуженъ. Разъ впрочемъ я видѣлъ какъ онъ серьезно разсердился. Ему что-то не давали, какую-то вещь; чѣмъ-то обдѣлили его. Спорилъ съ нимъ арестантъ свлачъ, высокаго роста, злой, задира, насмѣшникъ и далеко не трусъ, Василій Антоновъ, изъ гражданскаго разряда. Они уже долго кричали и я думалъ, что дѣло кончится много-много что простыми колотушками, потому что Петровъ, хоть и очень рѣдко, но иногда даже дирался и ругался какъ самый послѣдній изъ каторжныхъ. Но въ этотъ разъ случилось не то: Петровъ вдругъ поблѣднѣлъ, губы его затряслись и поспѣвши дышать сталъ онъ трудно. Онъ всталъ съ мѣста и медленно, очень медленно, своими неслышными, босыми шагами (дѣломъ онъ очень любилъ ходить босой) подошелъ къ Антонову. Вдругъ разомъ во всей шумной и крикливой казармѣ всѣ затихли; муху было бы слышно. Всѣ ждали что будетъ. Антоновъ вскочилъ ему навстрѣчу; на немъ лица не было... Я не вынесъ и вышелъ изъ казармы. Я ждалъ, что еще не успѣю сойти съ крыльца, какъ услышу крикъ зарѣзаннаго человѣка. Но дѣло кончилось ничѣмъ и на этотъ разъ: Антоновъ, не успѣвъ еще Петровъ дойти до него, молча и поскорѣе выкинулъ ему спорную вещь. (Дѣло шло о какой-то самой жалкой ветошкѣ, о какихъ-то подверт-

какъ)! Разумѣется, минуты черезъ двѣ Антоновъ все-таки ругнулъ его по-маленьку, для очистки совѣсти и для приличія, чтобъ показать, что не совсѣмъ же онъ такъ ужъ струсилъ. Но на руганъ Петровъ не обратилъ никакого вниманія, даже и не отвѣчалъ: дѣло было не въ ругани и выигралось оно въ его пользу; онъ остался очень доволенъ и взялъ себѣ ветошку. Черезъ четверть часа онъ уже попрежнему сложился по острогу, съ видомъ совершеннаго бездѣлья и какъ будто искалъ, не заговорять ли гдѣ-нибудь о чемъ-нибудь полюбопытнѣе, чтобъ приткнуться туда и свой носъ и послушать. Его казалось все занимало, но какъ-то такъ случалось, что ко всему онъ по большей части оставался равнодушнѣе и только такъ сложился по острогу безъ дѣла, негалъ его туда и сюда. Его можно было тоже сравнить съ работникомъ, съ дюжимъ работникомъ, отъ котораго затрещитъ работа, но которому покаместъ не даютъ работы и вотъ онъ въ ожиданіи сидитъ и играетъ съ маленькими дѣтьми. Не понималъ я тоже, зачѣмъ онъ живетъ въ острогѣ, зачѣмъ не бѣжать? Онъ не задумался бы бѣжать, еслибъ только крѣпко того захотѣлъ. Надъ такими людьми какъ Петровъ, разсудокъ властвуетъ только до тѣхъ поръ, покаместъ они чего не захотятъ. Тутъ ужъ на всей землѣ вѣтъ препятствія ихъ желанію. А я увѣренъ, что онъ бѣжать сумѣлъ бы ловко, надулъ бы всѣхъ, но нелѣзъ могъ бы сидѣть безъ хлѣба, гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ рѣчной камышѣ. Но видно онъ еще не набрелъ на эту мысль и не пожелалъ этого *воплнѣ*. Большаго разсужденія, особеннаго здраваго смысла я никогда въ немъ не замѣчалъ. Эти люди такъ и рождаются объ одной идеѣ, всю жизнь безсознательно двигающей ихъ туда и сюда; такъ они и мечутся всю жизнь, пока не найдутъ себѣ дѣла *воплнѣ* по желанію; тутъ ужъ ямъ и голова ниночемъ. Удивлялся я иногда, какъ это такой человекъ, который зарѣзалъ своего начальника за побой, такъ безпрекословно ложится у насъ подъ розги. Его иногда и съкли, когда онъ попадался съ *воплнѣ*. Какъ и всѣ каторжныя безъ ремесла, онъ иногда пускался проносить вино. Но онъ и подъ розги ложился какъ-будто съ собственнаго согласія, т. е. какъ-будто сознавалъ, что за дѣло; въ противномъ случаѣ низачто бы не зегъ, хотъ убей. Дивился я на него тоже, когда онъ, несмотря на видимую ко мнѣ привязанность, обкрадывалъ меня. Находило на него это какъ-то полбсамъ. Это онъ укралъ у меня

библію, которую я ему далъ, только донести изъ одного мѣста въ другое. Дорога была въ нѣсколько шаговъ; но онъ успѣлъ найти по дорогѣ покупателя, продать ее и тотчасъ же пропить деньги. Вѣрно ужъ очень ему дить захотѣлось, а ужъ что очень захотѣлось, то должно быть исполнено. Вотъ такой-то и рѣжетъ человѣка за четвертакъ, чтобъ за этотъ четвертакъ выпить ко-сушку, хотя въ другое время пропустить мимо и съ сотнею тысячъ. Вечеромъ онъ мнѣ самъ и объявилъ о покражѣ, только безъ всякаго смущенія и раскаянія, совершенно равнодушно, какъ о самомъ обыкновенномъ приключеніи. Я было пробовалъ хорошенько его цобранить; да и жалко мнѣ было мою библію. Онъ слушалъ не раздражаясь, даже очень смирно; соглашался, что библія очень полезная книга, искренно жалѣлъ, что ее у меня теперь нѣтъ, но вовсе не сожалѣлъ о томъ, что украсть ее; онъ глядѣлъ съ такою самоувѣренностью, что я тотчасъ же и пересталъ браниться. Брань же мою онъ сносилъ вѣроятно разсудивъ, что вѣдь нельзя же безъ этого, чтобъ не изругать его за такой поступокъ, такъ ужъ пусть дескать душу отведетъ, потѣшится, поругаетъ; но что въ сущности все это вздоръ, такой вздоръ, что серьезному человѣку и говорить-то было бы совѣстно. Мнѣ кажется онъ вообще считалъ меня какимъ-то ребенкомъ, чуть не младенцемъ, непонимающимъ самыхъ простыхъ вещей на свѣтѣ. Если напримѣръ я самъ съ нимъ объ чемъ-нибудь заговаривалъ, кромѣ наукъ и книжекъ, то онъ правда мнѣ отвѣчалъ, но какъ-будто только изъ учтивости, ограничиваясь самыми короткими отвѣтами. Часто я задавалъ себѣ вопросъ: что ему въ этихъ книжныхъ знаціяхъ, о которыхъ онъ меня обыкновенно распрашиваетъ? Случалось, что въреми этихъ разговоровъ я шѣпталъ, да и посмотрю на него сбоку; ужъ не смѣется ли онъ надо мной? Но нѣтъ; обыкновенно онъ слушалъ серьезно, внимательно, хотя впрочемъ не очень, и это послѣднее обстоятельство мнѣ иногда досаждало. Вопросы задавалъ онъ точно, опредѣлительно, но какъ-то не очень дивился полученнымъ отъ меня свѣдѣніямъ и принималъ ихъ даже разсѣянно... Казалось мнѣ еще, что про меня онъ рѣшилъ, не ломая долго головы, что со мною нельзя говорить какъ съ другими людьми, ято кромѣ разговора о книжкахъ я ни о чемъ не пойму и даже неспособенъ понять, такъ что и безпокоить меня нечего.

Я увѣренъ, что онъ даже любилъ меня, и это меня очень по-

раждало. Считалъ ли онъ меня недоросшимъ, неполнымъ человекомъ, чувствовать ли ко мнѣ то особаго рода состраданіе, которое инстинктивно ощущаетъ всякое сильное существо къ другому слабѣйшему, признавъ меня за такое... не знаю. И хоть все это не мѣшало ему меня обворовывать, но я увѣренъ, и обворовывая онъ жалѣлъ меня. «Эхъ дескать! думалъ онъ можетъ-быть, запуская руку въ мое добро, чтожъ это за человекъ, который и за добро-то свое постоять не можетъ!» Но за это-то онъ кажется и любилъ меня. Онъ мнѣ самъ сказалъ одинъ разъ, какъ-то нечаянно, что я уже «слишкомъ доброй души человекъ», и «ужь такъ вы просты, такъ просты, что даже жалость беретъ. Только вы, Александръ Петровичъ, не примите въ обиду — прибавилъ онъ черезъ минуту: — я вѣдь такъ отъ души сказалъ.»

Съ такими людьми случается ипогда въ жизни, что они вдругъ рѣзко и крупно проявляются и обозначаются въ минуты какого-нибудь крутого, поголовнаго дѣйствія или переворота, и такимъ образомъ разомъ попадаютъ на свою полную дѣятельность. Они не люди слова и не могутъ быть зачищниками и главными предводителями дѣла; но они главные исполнители его и первые начинаютъ. Начинаютъ просто, безъ особыхъ возгласовъ, но зато первые перескакиваютъ черезъ главное препятствіе, незадумавшись, безъ страха, идя прямо на всѣ пожи, — и всѣ бросаются за ними и идутъ слѣпо, идутъ до самой послѣдней стѣны, гдѣ обыкновенно и кладутъ свои головы. Я не вѣрю, чтобъ Петровъ хорошо кончилъ; онъ въ какую-нибудь одну минуту все разомъ кончить и если не пропалъ еще до сихъ поръ, значитъ случай его не пришелъ. Кто знаетъ впрочемъ? можетъ и доживетъ до сѣдыхъ волосъ и преспокойно умереть отъ старости, безъ цѣли слоняясь туда и сюда. Но мнѣ кажется М. былъ правъ, говоря, что это былъ самый рѣшительный человекъ изъ всей каторги.

VIII

РѢШИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ. ДУЧКА

Насчетъ рѣшительныхъ трудно сказать; въ каторгѣ, какъ и вездѣ, ихъ было довольно мало. Съ виду пожалуй и страшный

человѣкъ; сообразишь бывало, что про него рассказываютъ, и даже сторонисься отъ него. Какое-то безотчетное чувство заставляло меня даже обходить этихъ людей сначала. Потомъ во многомъ измѣнился въ моемъ взглядѣ даже на самыхъ страшныхъ убійцъ. Иной и не убилъ, да страшнѣе другого, который по шести убійствамъ пришолъ. Объ иныхъ же преступленіяхъ трудно было составить даже самое первоначальное понятіе: до того въ совершении ихъ было много страннаго. Я именно потому говорю, что у насъ въ простонародьи инныя убійства происходятъ отъ самыхъ удивительныхъ причинъ. Существуетъ напримѣръ, и даже очень часто, такой типъ убійцы: живетъ этотъ человѣкъ тихо и смирно. Доля горькая, — терпѣть. Положитъ онъ мужикъ, дворовый человѣкъ, мѣщанинъ, солдатъ. Вдругъ что-нибудь у него сорвалось; онъ не выдержалъ и пырнулъ ножомъ своего врага и притѣснителя. Тутъ-то и начинается странность: навремя человѣкъ вдругъ выскакиваетъ изъ мѣрки. Перваго онъ зарѣзалъ притѣснителя, врага; это хоть и преступно, но понятно; тутъ поводъ былъ; но потомъ ужъ онъ рѣжетъ и не враговъ, рѣжетъ перваго встрѣчнаго и поперечнаго, рѣжетъ для потѣхи, за грубое слово, за взглядъ, для чотки, или просто: прочь съ дороги, не попадайся, я иду! Точно опьянѣетъ человѣкъ, точно въ горячешномъ бреду. Точно перескочивъ разъ черезъ завѣтную для него черту, онъ уже начинаетъ любоваться на то, что нѣтъ для него больше ничего святаго; точно подмываетъ его перескочить разомъ черезъ всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и безпредѣльной свободой, насладиться этимъ замираніемъ сердца отъ ужаса, котораго невозможно, чтобъ онъ самъ къ себѣ не чувствовалъ. Знеть онъ ктому же, что жлетъ его страшная казнь. Все это можетъ-быть похоже на то ощущеніе, когда человѣкъ съ высокой башни тянется въ глубину, которая подъ ногами, такъ что ужъ самъ наконецъ ралъ бы броситься внизъ головою: поскорѣй, да и дѣло съ концомъ! И случается это все даже съ самыми смиренными и непримѣтными дотолѣ людьми. Инныя изъ нихъ, въ этомъ чаду, даже рисуются собой. Чѣмъ забитѣе былъ онъ прежде, тѣмъ сильнѣй подмываетъ его теперь пощеголѣть, задать страху. Онъ наслаждается этимъ страхомъ, любить самое отвращеніе, которое возбуждаетъ въ другихъ. Онъ напускаетъ на себя какую-то *отчаянность*, и такой «отчаянный» иногда самъ ужъ поскорѣе

ждать наказанія, ждетъ, чтобъ порѣшили его, потому что самому становится наконецъ тяжело носить на себѣ эту напускную *отчаянность*. Любопытно, что болѣею частью все это настроеніе, весь этотъ напускъ, продолжается ровно вплоть до эшафота, а потомъ какъ отрезало: точно и въ самомъ дѣлѣ этотъ срокъ какой-то форменный, какъ-будто назначенный заранее определенными для того правилами. Тутъ человѣкъ вдругъ смиряется, ступовывается, въ тряпку какую-то обращается. На эшафотѣ понить — просить у народа прощенія. Приходить въ острогъ, и смотришь: такой слюнявый, такой сопливый, забитый даже, такъ что даже удивляешься на него: «да неужели это тотъ самый, который зарѣзалъ пять-шесть человѣкъ?»

Конечно иные и въ острогѣ не скоро смиряются. Все еще сохраняется какой-то форсъ, какая-то хвастливость; вотъ дескать, я вѣдь не то, что вы думаете; я «по шести душамъ». Но кончаетъ тѣмъ, что все-таки смиряется. Иногда только потѣшить себя, вспоминая свой удалой размахъ, свой кутежъ, бывшій разъ въ его жизни, когда онъ былъ «отчаяннымъ», и очень любить, если только найдеть простычка, съ приличной важностью передъ нимъ поломаться, похвастаться и рассказать ему свои подвиги, не показывая впрочемъ и вида, что ему самому рассказать хочется. Вотъ дескать какой я былъ человѣкъ!

И съ какими утонченностями наблюдается эта самолюбивая осторожность, какъ лѣниво-небреженъ бываетъ иногда такой рассказъ! Какое изученное фатство проявляется въ тонѣ, въ каждомъ словечкѣ рассказчика. И гдѣ этотъ народъ выучился!

Разъ, въ эти первые дни, въ одинъ длинный вечеръ, праздно и тоскливо лежа на нарахъ, я прослушалъ одинъ изъ такихъ рассказовъ, и по неопытности принялъ рассказчика за какого-то колоссальнаго, страшнаго злодѣя, за неслыханный, желѣзный характеръ, тогда какъ въ это же время чуть не подшучивалъ надъ Петровымъ. Темой рассказа было, какъ онъ, Лука Кузьмичъ, не для чего иного, какъ единственно для одного своего удовольствія уложилъ одного майора.

Этотъ Лука Кузьмичъ былъ тотъ самый маленькій, тоненькой, съ востренькимъ носикомъ, молоденькой арестантикъ нашей казармы, изъ хохловъ, о которомъ уже какъ-то и упоминалъ я. Былъ онъ въ сущности русскій, а только родился на югѣ, кажется дворовымъ человѣкомъ. Въ немъ дѣйствительно было что-

то вострое, заносчивое: «мала птячка, да ноготокъ востерь». Но арестанты инстинктивно раскусываютъ челоуѣка. Его очень немного уважали, или какъ говорятъ въ каторгѣ, «ему очень немногo уважали». Онъ былъ ужасно самолюбивъ. Сидѣлъ онъ въ этотъ вечеръ на паряхъ и шилъ рубашку. Шитье было его ремесломъ. Подлѣ него сидѣлъ тупой и ограниченный парень, но добрый и ласковый, плотный, и высокій, его сосѣдъ по нарамъ, арестантъ Кобылинъ. Лучка, по сосѣдству, часто съ нимъ ссорился и вообще обращался свысока, насмѣшливо и деспотически, чего Кобылинъ отчасти и не замѣчалъ по своему простодушію. Онъ вязалъ шерстяной чулокъ и равнодушно слушалъ Лучку. Тотъ рассказывалъ довольно громко и явственно. Ему хотѣлось, чтобы всѣ его слушали, хотя напротивъ и старался дѣлать видъ, что рассказываетъ одному Кобылину.

— Это, братъ, пересылали меня изъ нашего мѣста, началъ онъ, ковыряя иглой, — въ Ч—въ, по бродяжеству значить.

— Это когда же, давно было? спросилъ Кобылинъ.

— А вотъ горохъ поспѣетъ, другой годъ пойдетъ. Ну, какъ пришли въ К—въ — и посадили меня туда на малое время въ острогъ. Смотрю: сидятъ со мной челоуѣкъ двѣнадцать, все хохловъ, высокіе, здоровые, дюжіе, точно быки. Да смиренные такіе: Ыда плохая, вертить ими ихній майоръ какъ его милости *заводно* (Лучка нарочно перевернулъ слово). Сижу день, сижу другой; вижу трусь-народъ. Чтожъ вы, говорю, такому дураку поблажаете?

— А подика-сь самъ съ нимъ поговори! даже ухмыляются на меня. Молчу я. И пресмѣшной же тутъ былъ одинъ хохолъ, братцы, прибавилъ онъ вдругъ, бросая Кобылина и обращаясь ко всѣмъ вообще. — Рассказывалъ какъ его въ судѣ порѣшили, и какъ онъ съ судомъ разговаривалъ, а самъ заливается плачетъ; дѣти, говорить, у него остались, жена. Самъ матерой такой, съдой, толстый. «Я ему, говорить, бачу: ни! А винъ, бисовъ сынъ, все пишеть, все пишеть! Ну, бачу соби, да щобъ ты здохъ, а ябъ подывился! А винъ все пишеть, все пишеть; да якъ писне!.. Тутъ и пропала моя голова!» Дай-ка, Вася, ниточку; гнилыя каторжные.

— Базарныя, отвѣчалъ Вася, подавая нитку.

— Наши швальныя лучше. Анамеднись Невалида посылали,

и у какой онъ тамъ подлой бабы беретъ? продолжать Лучка, вѣвая на свѣтъ нитку.

— У кумы значитъ.

— Значить у кумы.

— Такъ чтоже, какъ же майоръ-то? спросилъ совершенно забытый Кобылинъ.

Того только и было нужно Лучкѣ. Однакожь онъ не сейчасъ продолжалъ свой рассказъ, даже какъ-будто и вниманія не удостоилъ Кобылина. Спокойно расправилъ нитки, спокойно и лѣтливо передернулъ подъ собой ноги и наконецъ-то ужъ заговорилъ:

— Вздурожилъ наконецъ я моихъ хохловъ, потребовали майора. А я еще съ утра у сосѣда жуликъ (*) спросилъ, взялъ да и спряталъ, значить на случай. Разсвирѣпѣлъ майоръ. Вдѣтъ. Ну, говорю, не трусить, хохлы! А у нихъ ужъ душа въ пятки ушла; такъ и трясутся. Вбѣжалъ майоръ; пьяный. «Кто здѣсь? какъ здѣсь? Я царь, я и богъ!»

Какъ сказалъ онъ: «я царь, я и богъ», я и выдвинулся, продолжалъ Лучка: — ножъ у меня въ рукавѣ.

— Нѣтъ говорю, ваше высокоблагородіе, — а самъ по маленьку все ближе да ближе: — нѣтъ ужъ это какъ же можетъ быть, говорю, ваше высокоблагородіе, чтобъ вы были у насъ царь да и богъ?

— А, такъ это ты, такъ это ты? закричалъ майоръ: — буттовщикъ!

— Нѣтъ, говорю (а самъ все ближе да ближе), — нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, какъ можетъ извѣстно и вѣдомо вамъ самимъ, Богъ нашъ, всемогущій и всевѣдущій, единъ есть, говорю. И царь нашъ единъ, надъ всеми нами самимъ Богомъ поставленный. Онъ, ваше высокоблагородіе, говорю, монархъ. А вы, говорю, ваше высокоблагородіе, еще только майоръ — начальникъ вашъ, ваше высокоблагородіе, царскою милостію, говорю, и своими заслугами.

— Какъ-какъ-какъ-какъ! Такъ и закуданталъ, говорить не можетъ, захлебывается. Удивился ужъ очень.

— Да вотъ какъ, говорю; да какъ кинусь на него вдругъ, да въ самый животъ ему такъ-таки весь ножъ и впустилъ. Ловно

(*) Ножъ.

прищомъ. Покатился, да только погами задрывалъ. Я пока бросилъ :

— Смотрите, говорю, хохлы, подымайте его теперь !

Здѣсь уже я сдѣлаю одно отступленіе. Къ несчастію такіа выраженія : «я царь, я и богъ» и много другихъ, продолжавшихъ этому, были въ немаломъ употребленіи встарину, между многими изъ командировъ. Надо впрочемъ признаться, что такихъ командировъ остается уже немного, а можетъ-быть и совсѣмъ перебрѣдъ. Забѣчу тоже, что особенно щеголяли и любили щеголять такими выраженіями большею частью командиры, сами вышедшіе изъ нижнихъ чиновъ. Офицерскій чинъ какъ-будто превозрачиваетъ всю ихъ дустренность, а вѣсть и годову. До того крхтя роль лямкой и перейдя всѣ степеня подчиненности, они вдругъ видятъ себя офицерами, командирами, благородными, и съ непривычки и перваго удобія, превеличиваютъ понятіе о своемъ могуществѣ и значеніи : разумѣется только относительно подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Передъ высшими же они, попрежнему въ подобострастіи, совершенно уже ненужномъ и даже противномъ для многихъ начальниковъ. Иные подобострастники даже съ особеннымъ умиленіемъ спѣшатъ заявить передъ своимъ высшими командирами, что вѣдь они и сами изъ нижнихъ чиновъ, хоть и офицеры, и «свое мѣсто завсегда помнятъ». Но относительно нижнихъ чиновъ они становились чуть не неограниченными повелителями. Конечно, теперь врядъ ли ужъ есть такіе, и врядъ ли найдется такой, чтобъ прокричалъ : «я царь, я и богъ». Но несмотря на это я все-таки замѣчу, что ничто такъ не раздражаетъ арестантовъ, да и вообще всѣхъ нижнихъ чиновъ, какъ вотъ такіа выраженія начальниковъ. Эта чуждость, самопревеличеніе, это превеличенное мнѣніе о своей безнаказанности, рождаетъ ненависть въ самомъ сокровномъ челоуѣкѣ и выводитъ его изъ послѣдняго терпѣнія. Къ счастью, все это дѣло почти прошлое, даже и встарину-то строго предѣлавалось начальствомъ. Нѣсколько примѣровъ тому и я знаю.

Да и вообще раздражаетъ нижній чинъ всякая свѣрзка небрежность, всякая брезгливость въ обращеніи съ нимъ. Иные думаютъ напримѣръ, что если хорошо кормить, хорошо содержать арестанта, все исполнять по закону, такъ и дѣло съ концомъ. Это тоже заблужденіе. Всякій, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни былъ униженъ, хоть и инстинктивно, хоть безсознательно, а

Все таки требует уваженія къ своему человѣческому достоинству. Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ, отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто передъ начальникомъ; но никакими клеймами, никакими кандалами не раставишь забыть его, что онъ человѣкъ. А такъ какъ онъ дѣйствительно человѣкъ, то слѣдственно и надо начинать обращаться почеловѣчески. Боже мой! да и *идельчское* обращение можетъ почеловѣчить даже такого, на которомъ давно уже воплоскумалъ образъ божій. Съ этими-то «несчастными» и надо обращаться *маиболье* почеловѣчески. Это спасеніе и радость моя. Я вѣрчукалъ такихъ добрыхъ, благородныхъ командировъ. Я видѣлъ дѣйствіе, которое производили они на этихъ униженныхъ. Пѣскорѣко ласковыхъ словъ, т. е. и арестанты, чутъ не воспріимли и уваженно. Они какъ дѣти радовались и какъ дѣти начинали любить. Замѣчу еще одну странность; сами арестанты не любятъ слишкомъ фамильярнаго и *слишкомъ* уже добродушнаго съ собой обхожденія начальниковъ. Ему конется уважать начальника, а тутъ онъ какъ-то перестаетъ его уважать. Арестанту любо накричать, чтобы у начальника его были ордена, чтобы онъ былъ видный собою, въ minority у каждаго-нибудь высшаго начальника, чтобы былъ и строгъ, и даже нѣ въ справедливъ, и достоинство бы свое сохранилъ. Такихъ арестанты больше любятъ: значить и свое достоинство сохранилъ, и ихъ не обидѣлъ, стало-быть и все хорошо и красиво.

— Ужъ и жарилъ-жъ тебя должно-быть за это? спокойно замѣтилъ Кобылякъ.

— Гм, жарилъ-то, братъ, оно правда что жарилъ. Дней дайка поужинилъ! Что-то братны, сегодня майлана чѣтъ? не

— Даве пропилъсь, замѣтилъ Вася. — Еслибъ не пропилъсь, такъ оно пожалуй и было бы.

— Еслибъ! да еслибъ и въ Москвѣ сто рублей даюць, замѣтилъ Луца.

— А сколько тебѣ, Луца, дамъ за все про все? заговаривалъ опять Кобылякъ.

— Дамъ, другъ, любезный, сто-цать. А что скажу, братны: вѣдь тутъ мѣдъ не убили, подхватилъ Луца, опять бросая Кобыляка. — Вотъ какъ вышла мѣдъ эти сто-цать, повелачи, меня въ полномъ парадѣ. А никогла-то до сего я еще плетей не отвѣдывалъ. Народу привалило видимо-невидимо, весь городъ съжал-

— «Я? разбойника наказывать буду?», убивецъ значить! Ужъ и какъ глупъ этотъ народъ, такъ не знаю какъ и сказать. Тинешка (?) раздѣлъ, положишь, кричишь, поддержишь, оному! жду: что будетъ? Какъ онъ мнѣ влѣпнеть разъ, — хотѣлъ было и прикинуть, раскрылъ было ротъ, а крику-то во мнѣ и нѣтъ. Голосъ значить остановился. Какъ влѣпнеть два, ну въривъ въ невѣршъ, я ужъ и не слыхалъ какъ два просчитали! А какъ очнулся, слышу считаютъ: семнадцатый. Такъ меня, братья, раза четыре потомъ съ кобылы снимали, но получасу отдыкля: водою рбливали. Гляжу на всѣхъ выпуча глаза, да и думаю: стутъ же помру!»

— А я не померъ? наввно спросилъ Кобыляникъ.

— Лучка обвелъ его въ высочайшей степени презрительнымъ взглядомъ; раздался хохотъ.

— Баляевпа, какъ есть!

— Ни чердакъ нездорово, замѣтилъ Лучка, точно раскаяваясь, что могъ заговорить съ такимъ человѣкомъ.

— Умомъ значить рѣшонъ, скрѣпилъ Вася.

— Лучка хотъ и убилъ шесть человѣкъ, но въ остривъ его никто и никто не боялся, несмотря на то, что можетъ быть онъ душевно желалъ прослыть страшнымъ человѣкомъ.

IX

ИСАИ ОМИЧЪ. ВАНЯ. РАЗСКАЗЪ ВАКЛУШКИНА

Наступалъ праздникъ рождества христова. Арестанты ожидали его съ какою-то торжественностью, и глядя на нихъ, я тоже сталъ ожидать чего-то необыкновеннаго. Дня за четыре до праздника повели насъ въ баню. Въ мое время, особенно въ первые мой тоды, арестантовъ рѣдко водили въ баню. Всѣ обрадовались и начали собираться. Назначено было ити послѣ обѣда и въ эти послѣ-обѣда уже не было работы. Всѣхъ больше радовался и суетился изъ нашей казармы Исая Омичъ Бумштейнъ, котор-ный изъ евреевъ, о которомъ уже я упоминалъ въ четвертой главѣ моего разсказа. Онъ любилъ париться до отупѣнья, до безчувственности, и каждый разъ, когда случается мнѣ теперь,

(1) Палачъ.

перебирая старыя воспоминанія, вспомнить и о нашей каторжной банѣ (которая стоитъ того, чтобъ объ пей не забыть), то на первый планъ картины тотчасъ же выступаетъ передо мною лицо блаженнѣйшаго и незабвеннаго Исаи Оомича, товарища моей каторги и сожителя по казармѣ. Господи, что за уморительный и счастливый былъ этотъ человекъ! Я уже сказалъ нѣсколько словъ про его фигурку: лѣтъ пятидесяти, тщедушный, сморщенный, съ ужаснѣйшими клеймами на щекахъ и на лбу, худощавый, слабосильный, съ бѣлымъ цыплячьимъ теломъ. Въ выраженіи лица его видѣлось непрерывное, ничѣмъ непоколебимое самодовольство и даже блаженство. Кажется онъ ничуть не сожалѣлъ, что попалъ въ каторгу. Такъ-какъ онъ былъ ювелиръ, а ювелира въ городѣ не было, то и работалъ непрерывно по господамъ и по начальству города одну ювелирскую работу. Ему все-таки хоть сколько-нибудь да платили. Онъ не нуждался, жилъ даже *богато*, но откладывалъ деньги и давалъ подъ-закладъ на проценты всей каторгѣ. У него были свой самоваръ, хорошіи тюфякъ, чашки, весь обѣдненный приборъ. Городскіе евреи не оставляли его своимъ знакомствомъ и покровительствомъ. По субботамъ онъ ходилъ подъ конвоемъ въ свою городскую молельную (что дозволяется законами) и жилъ совершенно припеваючи, съ нетерпѣніемъ впрочемъ ожидая выжить свой двѣнадцатилѣтній срокъ, чтобъ «зениться». Въ немъ была самая комическая смѣсь наивности, глупости, хитрости, дерзости, простодушія, робости, хвастливости и нахальства. Мнѣ очень странно было, что каторжные вовсе не смѣялись надъ нимъ, развѣ только подшучивали для забавы. Исаи Оомичъ очевидно служилъ всѣмъ для развлечения и всегдашней потѣхи. «Онъ у насъ одинъ, не тропьте Исаю Оомича», говорили арестанты, а Исаи Оомичъ, хотя и понималъ въ чемъ дѣло, но видимо гордился своимъ значеніемъ, что очень тѣшило арестантовъ. Онъ уморительнѣйшимъ образомъ прибылъ въ каторгу (еще до меня, но мнѣ рассказывали). Вдругъ однажды, передъ вечеромъ, въ шабашное время, распространился въ острогѣ слухъ, что привели жидка и брѣютъ въ кордегардию и что онъ сейчасъ войдетъ. Изъ евреевъ тогда въ каторгѣ еще ни одного не было. Арестанты ждали его съ нетерпѣніемъ и тотчасъ же обступили, какъ онъ вошелъ въ ворота. Острожный унтеръ-офицеръ привелъ его въ гражданскую казарму и указалъ ему мѣсто на на-

рахъ. Въ рукахъ у Исаи Омича былъ его мѣшокъ съ выданными ему казенными вещами и своими собственными. Онъ подо- жмилъ мѣшокъ, вѣсистился на нары и успѣлъ подобрать подъ себя ноги, не смѣя ни на кого поднять глаза, Кругомъ него раздавался смѣхъ и острожные шуточкы, смѣвшія въ виду еврей- ское его происхожденіе. Вдругъ сквозь толпу протѣснился мо- лодой арестантъ, неся въ рукахъ самыя старыя, грязныя и раз- рванныя дѣтня свои шаровары, съ придачею казенныхъ под- вертокъ. Онъ присѣлъ подлѣ Исаи Омича и ударилъ его по плечу :

— Ну, другъ любезный, я тебя здѣсь уже шестой годъ до- ждаю. Вотъ смотри, много ли дашь?

И онъ раздожилъ передъ нимъ принесенныя лохмотья.

Исаи Омичъ, который при входѣ въ острогъ сробѣлъ до того, что даже глазъ не смѣлъ поднять на эту толпу насмѣшли- выхъ, изуродованныхъ и страшныхъ лицъ, плотно обступив- шихъ его кругомъ, и отъ робости еще не успѣлъ сказать слова, — увидѣвъ закладъ, вдругъ встрепенулся и бойко началъ дереби- рать пальцами лохмотья. Даже прикинулъ на свѣтъ. Всѣ ждали, что онъ скажетъ.

— Чтожъ, рубля-то серебромъ дебось не дашь? а вѣдь сто- ло бы! продолжалъ закладчикъ, подмигивая Исаю Омичу,

— Рубля серебромъ нельзя, а семь копѣекъ можно.

И вотъ первыя слова, произнесенныя Исаемъ Омичемъ въ острогѣ. Всѣ такъ и покатались со смѣху.

— Семь! Ну давай хоть семь; твое счастье! Смотрижъ, бере- ги закладъ; головой мнѣ за него отвѣчаешь.

— Проценту три копѣйки, будетъ десять копѣекъ, отпрыдисто и дрожавшимъ голосомъ продолжалъ жидокъ, опуская руку въ карманъ за деньгами и боязливо поглядывая на арестантовъ. Онъ и трусилъ-то ужасно, и дѣло-то ему хотѣлось обдѣлать.

— Въ годъ что ли три копѣйки проценту?

— Нѣтъ не въ годъ, а въ мѣсяць.

— Тугонекъ же ты, жидъ. А какъ тебя величать?

— Исаи Омичъ.

— Ну Исаи Омичъ, далеко ты у насъ пойдешь! Прощай.

Исаи Омичъ еще разъ осмотрѣлъ закладъ, сложилъ и бере- жно сунулъ его въ свой мѣшокъ, при продолжащемся ходотѣ арестантовъ.

Его дѣйствительно всё какъ—будто даже любилъ и никто не обижалъ, хотя почти всё было ему должно. Самъ онъ былъ недоволенъ какъ курица, и видя всеобщее расположение къ себѣ, даже куржился, но съ такимъ простодушнымъ комизмомъ, что ему тогдася же это продадось. Дучка, знавшій на своемъ вѣку много шидковъ, часто дразнилъ его и вовсе не изъ злобы, а такъ, для забавы, точно также какъ забавляются съ сибиркой, вонугасемъ, ужеными вѣтками и проч. Исай Омичъ очень хорошо это зналъ, нисколько не обижался и дуролово отшучивался.

— Эй жидъ, приколочу!

— Ты меня одинъ разъ ударишь, а я тебя десять, молодой это отбѣгаетъ Исай Омичъ.

— Пархъ проклятый!

— Нехай буде пархъ.

— Жидъ пархатый!

— Нехай буде таючки. Хотъ пархатый, да богатый; гроши ма.

— Христа продалъ.

— Нехай буде таючки.

— Славно, Исай Омичъ, молодецъ! Не троньте его, онъ у васъ одинъ! кричать съ хохотомъ арестанты.

— Эй жидъ, хватай кнута, въ Сибирь пойдешь.

— Да я и такъ въ Сибири.

— Еще дальше ушлають.

— А что тамъ панъ Богъ есть?

— Да есть—то есть.

— Ну нехай; былъ бы панъ Богъ, да гроши, такъ вердѣ хорошо будетъ.

— Молодецъ Исай Омичъ, видно это молодецъ! кричать кругомъ, а Исай Омичъ, хотъ и видать, что надъ нимъ же смѣются, но бодрится; всеобщія похвалы приносятъ ему великое удовольствіе и онъ на всю каварму начиняетъ тоненькимъ дискантомъ пѣть: ля-ля-ля-ляля! какой—то палѣный и смѣлиной мотивъ, единственную пѣсню, безъ словъ, которую онъ пѣлъ въ продолженіе всей яторги. Потомъ, позакомнившись со мной, онъ утѣрялъ меня подъ клятвою, что это та самая пѣсня и менше по лотъ самый мотивъ, который пѣли всѣ шестьсотъ тысячъ евреевъ, отъ мада до велика, переходя черезъ Чермное море, и

что каждому еврею заповѣдано пѣть этотъ мотивъ въ минуту торжества и побѣды надъ врагами.

Наканунѣ каждой субботы, въ пятницу вечеромъ въ нашу казарму нарочно ходили изъ другихъ казармъ посмотрѣть, какъ Исая Омичъ будетъ справлять свой шабашъ. Исая Омичъ былъ до того невинно хвастливъ и тщеславенъ, что это общее любопытство доставляло ему тоже удовольствіе. Онъ съ величественною и выдѣляющею важностью накрывалъ въ уголку свой крошечный столикъ, раздѣлывалъ книгу, зажигалъ двѣ свѣчки и, бормоча какія-то сокровенныя слова, начиналъ облачаться въ свою ризу (*рижу*, какъ онъ выговаривалъ). Это была нестрай накидка изъ шерстяной матеріи, которую онъ тщательно хранилъ въ своемъ сундукѣ. На обѣ руки онъ навязывалъ наручники, а на головѣ, на самомъ лбу, прикрѣплялъ перевязкой какой-то деревянный лщичекъ, такъ что казалось изъ лба Исая Омича выходитъ какой-то смѣшной рогъ. Затѣмъ начиналась молитва. Читалъ онъ ее нараспѣвъ, кричалъ, оплевывался, обращивался кругомъ, дѣлалъ дикіе и смѣшныя жесты. Конечно все это было предписано обрядами молитвы и въ этомъ ничего не было смѣшного и страннаго, но смѣшно было то, что Исая Омичъ какъ бы нарочно рисовался передъ нами и щеголялъ своими обрядами. То вдругъ закроетъ руками голову и начинаетъ читать наварядъ. Рыданія усиливаются и онъ въ изнеможении и чуть не съ воемъ склопяетъ на книгу свою голову, утѣчанную ковчегомъ; но вдругъ, среди самыхъ сильныхъ рыданій, онъ начинаетъ хохотать и причитывать нараспѣвъ какимъ-то умиленно-торжественнымъ, какимъ-то разслабленнымъ отъ избытка счастья голосомъ. «Ишь его разбираетъ!» говорятъ бывало арестанты. Я спрашивалъ однажды Исая Омича: что значатъ эти рыданія и потомъ вдругъ эти торжественные переходы къ счастью и блаженству? Исая Омичъ ужасно любилъ эти распросы отъ меня. Онъ немедленно объяснялъ мнѣ, что плачъ и рыданія означаютъ мысль о потерѣ Иерусалима и что законъ предписываетъ при этой мысли какъ можно сильнѣе рыдать и бить себя въ грудь. Но что въ минуту самыхъ сильныхъ рыданій онъ, Исая Омичъ, долженъ вдругъ, какъ бы невзначай, вспомнить (это *вдругъ* тоже предписано закономъ), что есть пророчество о возвращеніи евреевъ въ Иерусалимъ. Тутъ онъ долженъ немедленно разразиться радостью, пѣснями, хохотомъ и

проговаривать молитвы такъ, чтобы самымъ голосомъ выразить, какъ можно болѣе счастья, а лицомъ какъ можно болѣе торжественности и благородства. Этотъ переходъ *сдруж* и напрежнная обязанность этого перехода, чрезвычайно нравились Исая Ѳомичу: онъ видѣлъ въ этомъ какой-то особенный, прехитрый кунштюкъ, и съ хвастливымъ видомъ передавалъ мнѣ это замысловатое правило закона. Разъ, во время самаго разгара молитвы въ комнату вошелъ плацъ-майоръ, въ сопровожденіи караульнаго офицера и конвойныхъ. Всѣ арестанты вытянулись въ струнку у своихъ наръ, одинъ только Исая Ѳомичъ еще болѣе началъ кричать и кривляться. Онъ зналъ, что молитва дозволена, прерывать ее нельзя было, и крича передъ майоромъ, не рисковалъ разумѣется ничѣмъ. Но ему чрезвычайно пріятно было подоматся передъ майоромъ и дорисоваться передъ вами. Майоръ подошелъ къ нему на одинъ шагъ разстоянія: Исая Ѳомичъ оборотился задомъ къ своему столику и прямо, въ лицо майору, началъ читать нараспѣвъ свое торжественное пророчество, размахивая руками. Такъ какъ ему предписывалось и въ эту минуту выражать въ своемъ лицѣ чрезвычайно много счастья и благородства, то онъ и сдѣлалъ это немедленно, какъ-то особенно сощуривъ глаза, смѣясь и кивая на майора головой. Майоръ удивился; но наконецъ фыркнулъ отъ смѣха, назвавъ его дуракомъ и пошелъ прочь, а Исая Ѳомичъ еще болѣе усилилъ свои крики. Черезъ часъ, когда ужъ онъ ужиналъ, я спросилъ его: а что еслибъ плацъ-майоръ, по глупости своей, на васъ разсердился?

— Какой плацъ-майоръ?

— Какъ какой? да развѣ вы не видали?

— Нѣтъ.

— Да вѣдь онъ стоялъ на одинъ аршинъ передъ вами, прямо передъ вашимъ лицомъ.

Но Исая Ѳомичъ серьезнѣйшимъ образомъ началъ увѣрять меня, что онъ не видалъ рѣшительно никакого майора, что въ это время, при этихъ молитвахъ онъ впадаетъ въ какой-то экстазъ, такъ что ничего ужъ не видитъ и не слышитъ, что кругомъ его происходитъ.

Какъ теперь вижу Исая Ѳомича, когда онъ въ субботу склоняется бывало безъ дѣла по всему острогу, всеми силами стараясь ничего не дѣлать, какъ это предписано въ субботу по закону. Какъ

кіе невозможные анекдоты рассказывалъ онъ мнѣ каждыи разъ когда приходилъ изъ своей моленной; какіе иначто неслыханныя извѣстія и слухи изъ Петербурга приносили мнѣ, увѣряя, что получили ихъ отъ своихъ жидковъ, а тѣ изъ первыхъ рукъ.

Но я слишкомъ уже много разговаривалъ объ Исакѣ Соколицѣ.

Во всемъ городѣ были только двѣ публичныя бани! Первая, которую содержалъ одинъ еврей, была померная, съ платою во 50 копѣекъ за номеръ и устроенная для лицъ высокаго полета. Другая же баня была по преимуществу простонародная, ветхая, грязная, тѣсная, и вотъ въ эту-то баню и повели насъ острогъ. Было морозно и солнечно; арестанты радовались уже тому, что выйдутъ изъ крѣпости и посмотрятъ на городъ. Шутки, смѣхъ не умолкали дорогою. Цѣлый взводъ солдатъ провожалъ насъ съ заряженными ружьями, на диво всему городу. Въ банѣ тотчасъ же раздѣлили насъ на двѣ смѣны: вторая дожидалась въ холодномъ передбанникѣ, покаместъ первая смѣна мылась, что необходимо было сдѣлать за тѣсною баней. Но несмотря на то баня была до того тѣсна, что трудно было представить, какъ и половина-то нашихъ могла въ ней уместиться. Но Петровъ не отставалъ отъ меня; онъ самъ безъ моего приглашенія подскочилъ помогать мнѣ и даже предложилъ меня вымыть. Вместе съ Петровымъ вызвался прислуживать мнѣ и Баклушинъ; арестантъ изъ особаго отдѣленія, котораго звали у насъ піонеромъ и о которомъ какъ-то я поминалъ, какъ о веселѣйшемъ и милѣйшемъ изъ арестантовъ, какимъ онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ. Мы съ нимъ уже слегка познакомились. Петровъ помогъ мнѣ даже раздѣваться, потому что по привычкѣ я раздѣвался долго, а въ передбанникѣ было холодно, чуть ли не также какъ на дворѣ. Кстати: арестанту очень трудно раздѣваться, если онъ еще не совсѣмъ научился. Во первыхъ нужно умѣть скоро расшнуровывать подкандалники. Эти подкандалники дѣлаются изъ кожи, вершка въ четыре длиною и надѣваются на бѣлье, прямо подъ желѣзное кольцо, охватывающее ногу. Пара подкандалниковъ стоитъ не менѣе шести гривенъ серебромъ, а между тѣмъ каждый арестантъ заводитъ ихъ себѣ, на свой счетъ разумѣется, потому что безъ подкандалниковъ невозможно ходить. Кандалное кольцо вплотнѣ охватываетъ ногу, и между кольцомъ и ногою можетъ пройти палецъ; такимъ образомъ желѣзо бьетъ по ногѣ, третъ ее и въ одинъ день арестантъ безъ подкандалниковъ усидѣть

бы натереть себя равнѣ. Но спать подкандалышникъ еще не труд-
но. Труднѣе научиться лонко снимать нѣтъ-подъ кандаловъ бѣлье.
Эту цѣльмѣю «онусь! Снять нижнее бѣлье, положимъ хотѣ съ лѣ-
вой ноги, нужно пропустить его сначала между ногой и кандалы-
шникъ кольцомъ; потомъ, освободивъ ногу, протѣвъ это бѣлье на-
задъ сквозь тоже кольцо; потомъ все, уже снятое съ лѣвой но-
ги, продернуть сквозь кольцо на правой ногѣ; а затѣмъ все про-
дѣтое сквозь правое кольцо, опять протѣвъ къ себѣ обратно.
Такая же исторія и съ надѣваньемъ новаго бѣлья. Новичку даже
трудно и догадаться какъ это дѣлается; первый выучилъ насъ
всему этому арестантъ Кореневъ, въ Tobольскѣ, бывшій ата-
манъ разбойниковъ, просидѣвшій пять лѣтъ на цѣпи. Но арес-
танты привыкли и обходятся безъ малѣйшаго затрудненія. Я
далъ Петрову нѣсколько копѣекъ, чтобъ запастись мыломъ и
мочалкой; арестантамъ выдавалось правда и казенное мыло, на
каждаго по кусочку величиною съ двукопѣчникъ, а толщиною
съ ломтикъ сыра, подаваемого по вечерамъ на закуску у «сред-
няго рода» людей. Мыло продавалось тутъ же, въ передбан-
никѣ, вмѣстѣ съ сбитнемъ, калачами и горячей водой. На ка-
ждаго арестанта отпускалось, по условію съ хозяиномъ бани,
только по одной шайкѣ горячей воды; кто же хотѣлъ обмыться
почище, тотъ за грошъ могъ получить и другую шайку, кото-
рая и передавалась въ самую баню, черезъ особо устроенное для
того окошко изъ передбанника. Раздѣвъ, Петровъ повелъ меня
даже подъ-руку, замѣтивъ, что мнѣ очень трудно ступать въ
кандалахъ. «Вы ихъ кверху потяните, на икры», приговари-
валъ онъ, поддерживая меня, точно дядька:—«а вотъ тутъ осто-
режище, тутъ порогъ.» Мнѣ даже нѣсколько совѣстно было; хо-
тѣлось увѣрить Петрова, что я и одинъ умѣю пройти; но онъ
тому бы не повѣрилъ. Онъ обращался со мной рѣшительно
какъ съ ребенкомъ, несовершеннолѣтнимъ и неумѣльнымъ, кото-
рому всякой обязанъ помочь. Петровъ былъ отнюдь не слуга,
прежде всего не слуга; разбидь я его, онъ бы зналъ какъ со-
внѣй поступить. Денегъ за услуги я ему вовсе не обѣщаль, да
онъ и самъ не просилъ. Чтожъ побуждало его такъ ходить за
мной?

Когда мы растворили дверь въ самую баню, я думалъ, что
мы вошли въ адъ. Представьте себѣ комнату шаговъ въ двѣ-
надцать длиною и такой же ширины, въ которую набилось мо-

жеть бытъ, до вѣдн, неловкъ, разомъ, и ужь, по крайней мѣрѣ, чаширо, водемьдесятъ, потому что арестанты, раздѣлены, были всего на двѣ смѣны, а всѣхъ насъ пришло въ баню до двухсотъ человекъ. Дартъ, застилающій глаза, коцотъ, грязь, тѣснота до такой степени, что негдѣ поставить ногу. Я испугался и хотѣлъ вернуться назадъ, но Петровъ, тотчасъ же ободрилъ меня. Какъ-какъ, съ величайшими затрудненіями вротѣснились мы до лавокъ черезъ головы разсѣвшихся на полу людей, просая ихъ цагнувшись, чтобъ намъ можно было пройти. Но мѣста, на лавкахъ всѣ были заняты. Петровъ объявилъ мнѣ, что надо купить мѣсто, и тотчасъ же вступилъ въ торгъ съ арестантомъ, помѣстившимся у окошка. За кофѣйку тотъ уступилъ свое мѣсто, и немедленно получилъ отъ Петрова деньги, которыя тотъ несъ за жаръ въ куцакъ, предусмотрительно взявъ ихъ съ собою въ баню, и тотчасъ же юркнулъ подъ лавку, прямо подъ мое мѣсто, гдѣ было темно, грязно и гдѣ липкая сырость наросла, вездѣ чуть не на полпальца. Но мѣста и подъ лавками были всѣ заняты; тамъ тоже копошился народъ. На всемъ полу не было мѣстанка въ ладошь, гдѣ бы не сидѣли скрючившіеся арестанты, пдескась изъ своихъ шаекъ. Другіе стояли между нихъ торчкомъ, и держа въ рукахъ свои шапки, мылись стоя; грязная вода стекала съ нихъ, прямо на бритыя головы сидѣвшихъ внизу. На подкѣ и на всѣхъ уступахъ, ведущихъ къ нему, сидѣли съживищисъ и скрючившіеся мывшіеся. Но мылись мало. Простолюдины мало моются горячей водой и мыломъ; они только страшно парятся, и потомъ обливаются холодной водой, — вотъ и вся баня. Вѣнниковъ пятьдесятъ на полкѣ подымалось и опускалось разомъ; всѣ хлестались до опьяненія. Пару поддавали поминутно. Это былъ ужь не жаръ; это было пѣкло. Все это орало и гоготало, при звукѣ ста цѣпей, волочившихся по полу... Иные, жадая пройти, запутывались въ чужихъ цѣпяхъ и сами задѣвали по годовамъ сидѣвшихъ ниже, падали, ругались и увлекали за собой задѣтыхъ. Грязь лилась со всѣхъ сторонъ. Всѣ были въ какомъ-то опьянѣломъ, въ какомъ-то возбужденномъ состояніи духа; раздавались визги и крики. У окошка въ передбанникѣ, откуда подавали воду, шла ругань, тѣснота, дѣлая садка. Полученная горячая вода расплескивалась на головы сидѣвшихъ на полу, прежде чѣмъ ее доносили до мѣста. Нѣтъ цѣтъ, а въ окно или въ пріотворенную дверь выглядеть усатое

лицо, создавая съ ружьемъ въ рукахъ, всматривающаго въ безпрядность. Обритый, голый и распаренный докраснѣнья арестантовъ казались еще уродливѣе. На распаренной спинѣ обыкновенно ярко выступаютъ рубцы отъ полученныхъ когда-то ударовъ плетей и палокъ, такъ что теперь вебгати дпны назались вновь израненными. Страшные рубцы! У меня морозъ прѣшолъ по конѣ смотря на нихъ. Поддадутъ паръ застаетъ густымъ горячимъ облакомъ всю баню; все вагопочеть жарить. Изъ облака пара замелькаютъ избитыя спины, бритыя головы, скрюченныя руки, ноги; а въ довершеніи Исая Оомича гогочеть во все горло, на самомъ высочайшемъ полкѣ. Онъ парится до безпамятства, но кажется никакой жаръ не можетъ надъ сытять его; за копѣйку онъ нанимаетъ парильщика, но тотъ наконецъ не выдерживаетъ, бросаетъ вѣнникъ и бѣжитъ стлываться холодной водой. Исая Оомичъ не унываетъ и нанимаетъ другого, третьяго: онъ уже рѣшается для такого случая не смотрѣть на выдержки, и смѣняетъ до пяти парильщиковъ. «Здоровъ париться, людець Исая Оомичъ!» кричатъ арестанты. Исая Оомичъ слытъ чувствуетъ, что въ эту минуту онъ выше всѣхъ и затопилъ всѣмъ нхъ за-поясъ; онъ торжествуетъ, и рѣскимъ, сумашедивнѣмъ голосомъ выкрикиваетъ свою арію: ля-ля-ля-ляля, покрывающую ісь голоса. Миѣ пришлось на умъ, что если всѣ мы вмѣстѣ будемъ когда-нибудь въ пеклѣ, то оно очень будетъ похоже на это мѣсто. Я не утерпѣлъ, чтобъ не сообщить эту догадку Петрову; онъ только поглядѣлъ кругомъ и промолчалъ.

Я было хотѣлъ и ему купить мѣсто подлѣ меня, но онъ услыся у моихъ ногъ и объявилъ, что ему очень ловко. Баглушинъ между тѣмъ покупалъ намъ поду и подносилъ ее по мѣрѣ нашей любви. Петровъ объявилъ, что вымоетъ меня съ ногъ до головы, такъ что «будете совсѣмъ чистенькіе», и усиленно звалъ меня париться. Париться я не рискнулъ. Петровъ вытеръ меня всею мыломъ. «А теперь я вамъ ножки вымою», прибавилъ онъ въ заключеніе. Я было хотѣлъ отвѣчать, что могу вымыть и самъ, но ужъ не противорѣчилъ ему и совершенно отдался въ его волю. Въ уменьшительномъ «ножки» рѣшительно не звучало ни одной нотки рабской; просто-запросто Петровъ не могъ назвать моихъ ногъ ногами вѣроятно потому, что у другихъ, у настоящихъ людей — ноги, а у меня еще только ножки.

Вымывъ меня, онъ съ такими же церемоніями, т. е. съ подк

деревьями и съ предостереженіями на каждомъ шагѣ, точно я былъ парасоромъ, доставляя мнѣ въ передбанникѣ и помогъ надѣть бѣлье, а уже когда совершенно кончилъ съ мной, бросился назадъ въ баню, париться.

Когда мы пришли домой, я предложилъ ему стаканъ чаю. Отъ чаю мы не отказались, выпили и поблагодарили. Мнѣ пришла въ голову мысль рассмотреть и поподнять его носушкой. Косушка нашлась въ нашей казармѣ. Петровъ былъ отъменно доволенъ, вселѣлъ, кракнулъ, и замѣтивъ мнѣ, что я совершенно оживилъ его, насильно отправился въ кухню, какъ будто тамъ безъ него что-то никакъ не могли рѣшить. Въсто него къ мнѣ явился другой собесѣдникъ, Баклушинъ (піонеръ), котораго я еще въ банѣ тоже позвалъ къ себѣ на чай.

Я не знаю характера мнѣ Баклушина. Правда, онъ не давалъ спуску другимъ, онъ даже часто ссорился, не любилъ чтобы вышвыривались въ его дѣла, — однимъ словомъ умѣлъ за себя постоять. Но онъ ссорился ненадолго, и кажется всё у насъ его любилъ. Куда онъ ни входилъ, всё встрѣчали его съ удовольствіемъ. Его знали даже въ городѣ, какъ забавнѣйшаго человѣка въ мірѣ и никогда не теряющаго своей веселости. Это былъ высокій парень, лѣтъ тридцати, съ молодцоватымъ и простодушнымъ лицомъ, довольно красивымъ, и съ бородавкой. Это лицо онъ поворачивалъ иногда такъ уморительно, представляя встрѣчныхъ и поперечныхъ, что окружавшіе его не могли не хотать. Онъ былъ тоже изъ шушниковъ; но не давалъ потачки нашимъ брезгливымъ ненавистникамъ смѣха, такъ что его ужъ никто не ругалъ зато что онъ «пустой и бесполезный» человекъ. Онъ былъ полонъ огня и жизни. Познакомился онъ со мной еще въ первыхъ дней и объявилъ мнѣ, что онъ изъ кантонистовъ, служилъ потомъ въ піонерахъ и былъ даже замѣченъ и любимъ нѣкоторыми высокими людьми, чѣмъ, по старой памяти, очень гордился. Меня онъ тотчасъ же сталъ спрашивать о Петербургѣ. Онъ даже в книжки читалъ. Придя ко мнѣ на чай, онъ сначала разсѣялъ всю казарму, разсказавъ какъ поручикъ Ш. отдалъ утромъ нашего плацъ-майора, и сѣвъ подлѣ меня, съ довольнымъ видомъ объявилъ мнѣ, что кажется театръ состоится. Въ острогѣ затѣвался театръ на праздникахъ. Объявились актеры; устраивались пошленьку декорации. Нѣкоторые изъ города обѣщались дать свои платья для актерскихъ ролей,

даже для испоконнѣ ; да же, черезъ посредство одного денщика, выдвинули достать фелпереній костюмъ съ оксальбантанн. Тогда бы плацъ-майоръ не вздумалъ запротестовать, какъ прошло года. Но прошло года на рождествѣ майоръ былъ не въ духѣ : гдѣ-то проигрался, да и въ острогѣ кому-же пашалили, вотъ онъ и мнреть сѣ али ; а теперь можеть-быть не захочеть стѣснять. Однимъ словомъ Баклушина былъ въ возбужденномъ состояніи. Вѣдно было, что онъ одинъ изъ главныкъ зачинщиковъ театра, и я тогда же далъ себѣ слово непременно побывать на этомъ представленіи. Простодушная радость Баклушина объ удачѣ театра была мнѣ по-сердцу. Слово за слово, и мы разговаривали. Между прочимъ онъ сказаль мнѣ, что не все слышалъ въ Петербургѣ ; что онъ тамъ въ чемъ-то провинился и его послали въ Р. ; впрочемъ унтеръ-офицеромъ, въ гарнизонный батальонъ.

— Вотъ оттуда-то меня ужъ и прислали сюда, замѣтилъ Баклушинъ.

— Да за что же это? спросилъ я его.

— За что? Какъ вы думаете, Александръ Петровичъ, за что? Вѣдь зато что влюбился!

— Ну, за это еще не пришлютъ сюда, возразилъ я събѣса.

— Правда, прибавилъ Баклушинъ, — правда, что я при этомъ же дѣлѣ одного тамошняго нѣмца изъ пистолета подстрѣлилъ. Да вѣдь стоять ли ссылатъ изъ-за нѣнца, посудите сами!

— Однакожъ какъ же это? Разскажите, это любопытно.

— Пресвѣтшая исторія, Александръ Петровичъ.

— Такъ тѣмъ лучше. Разсказывайте.

— Ахъ разсказать? Ну такъ ужъ слушайте...

Я выслушалъ хоть не совсѣмъ свѣтшную, но зато довольно странную исторію одного убійства...

Дѣло это было вотъ какъ, началъ Баклушинъ. — Какъ помнсли это онъ меня въ Р., вижу—городъ хорошій, большой, только нѣнцевъ много. Ну и разумеется еще молодой человекъ, у начальства на хорошемъ счету, кожу себѣ шапку набакренъ, время провожу значить. Нѣмкамъ подмигиваю. И понравилась тутъ мнѣ одна нѣмочка, Луиза. Онѣ обѣ были врачка, для самого никакъ есть чистаго бѣлья, она и ея тетка. Тетка-то старая, фуфурная такая, а житье зажаточное. Я сначала мимо оконъ конягъ дѣвалъ, а потомъ и настоящую дружбу свелъ. Луиза и порусски говорила хорошо, а только такъ какъ-будто картавила;—этакая

то-есть, мы утѣши, что я не же встрѣмала еще такой никогда. & было! снмала того да сегодня она мнѣ жевѣтъ, этого не жети. Сама, потому я жету, это невинность свою сохрмать, чтобъ тебѣ же достойной женой бытъ), и только ласкается, самѣтся такое звонко... да чистовная такая была, я ужъ и не владѣтъ тапнѣтъ кромѣ вѣд. Сама же взявала меня жевѣтъся. Ну какъ не жевѣтъся, подумайте! Вотъ я готовлюсь съ врсѣбой идти къ подполковнику... Вдругъ смотрю — Луиза разъ на свиданіе не вышла, другой не пришла, на третій не бывала... Я письмо отправляю; на письмо нѣтъ отвѣту. Чтожъ это, думаю? То-есть набы обманывала она меня, такъ ухитрилась бы, и на письмо бы отвѣмала и на свиданіе бы приходила. А она и солгать-то не сумѣла; такъ просто отрѣзала. Это тетка, думаю. Къ теткѣ я ходить не смѣлъ; она хоть и знала, а мы все-таки подъ видомъ дѣлали, то-есть тихими стопами. Я какъ угорѣлый хожу, написалъ послѣднее письмо и говорю: коль не придешь, самъ къ теткѣ приду. Испугалась, пришла. Плачетъ; говорить, одинъ нѣмецъ Шульцъ, дивецій ихъ родственникъ, часовникъ, богатый и ужъ пожилой, изъявилъ желаніе на ней жевѣтъся, — чтобъ, говорить, и меня обчастивить, и самому на старости безъ жены не остаться; да я любить онъ меня, говорить, и давно ужъ намѣреніе это держалъ, да все молчалъ, собирался. Такъ вотъ, говорить, Сама, онъ богатый, и это для меня счастье; такъ неужелажъ ты меня моего счастья хочешь лишить? Я смотрю: она плачетъ, меня обнимаетъ... Эхъ, думаю, вѣдъ резонъ же она говорить! Ну что толку за солдата выдти, хотя бы я и унтеръ? — Ну, говорю, Луиза, прощай, Богъ съ тобой; нечего мнѣ тебя твоего счастья лишать. А нѣтъ онъ, хорошъ? — Нѣтъ говорить, пожилой такой, съ длиннымъ носомъ... даже сама разсмѣялась. Ушолъ я отъ нее; чтожъ, думаю, не судьба! На другое это утро пошолъ я подъ его магазинъ, увиду-то она мнѣ сказала. Смотрю въ стекло: сидитъ нѣмецъ, часы дѣлаетъ, лѣтъ такъ сорока пяти, носъ горбатый, глаза выпучены, во фракѣ и въ стоячихъ воротничкахъ, этакихъ длинныхъ, важный такой. Я такъ и пьюнулъ; хотѣлъ было у него тутъ же стекло разбить... да что думаю! нечего трогать, пропало какъ съ возу упало! Пришолъ въ сумерки въ казарму, легъ на койку, и вотъ вѣрите ли, Александръ Петровичъ, какъ заплачу...

Ну, переходитъ такъ день, другой, третій. Съ Луизой не вѣтъ

жусь. А шеезъ тѣмъ услыхала отъ одной кумы (старая была; тоже прачка, къ которой Луиза иногда хаживала), что нѣмецъ про нашу любовь знаетъ, потому-то и рѣшилъ поскорѣй свататься. А то бы еще года два еще поджидать. Съ Луизой будто бы онъ вѣстину такую взялъ, что она меня знать не будетъ; шчо́ будто онъ ихъ, и тетку и Луизу, покуда еще въ черноомъ тѣлѣ держитъ; что можетъ дескать еще и раздумаетъ, а что совсѣмъ-то еще и теперь не рѣшился. Сказала она мнѣ тоже, что послѣавтра, въ воскресенье, онъ ихъ обѣихъ утромъ на кофей звалъ, и что будетъ еще одинъ родственникъ, старикъ, прежде былъ купецъ, а теперь бѣдный-пребѣдный, гдѣ-то въ подвалѣ надсмотрщикомъ служить. Какъ узналъ я, что въ воскресенье они можетъ-быть все дѣло рѣшать, такъ меня зло взяло, что и съ собой совладать не могу. И весь этотъ день и весь слѣдующій только и дѣлалъ, что объ этомъ думалъ. Такъ бы и съѣлъ этого нѣмца, думаю.

Въ воскресенье утромъ, еще я ничего не зная, а какъ обѣдн отошли, — вскочилъ, натянулъ шинель, да и отправился къ нѣмцу. Думалъ я ихъ всѣхъ застать. И почему я отправился къ нѣмцу, и что тамъ сказать хотѣлъ — самъ не знаю. А на всякій случай пистолеть въ карманъ сунулъ. Былъ у меня этотъ пистолетишка такъ, дрянной, съ прежнимъ куркомъ; еще мальчишкой я изъ него стрѣлялъ. Изъ него и стрѣлять-то нельзя ужъ было. Однакожъ я его пулей зарядилъ; думаю: стануть выгонять, грубить; я пистолеть выну и ихъ всѣхъ напугаю. Прихожу. Въ мастерской никого нѣтъ, а сидятъ все въ задней комнатѣ. Окромя ихъ ни души, прислуги никакой. У него всего-то прислуги одна нѣмка была, она жъ и кухарка. Я прошолъ магазинъ; вижу — дверь туда заперта, да старая этакъ дверь, на крючкѣ. Сердце у меня бьется, я остаповился; слушаю: говорятъ понѣмецки. Я какъ толкну ногой изъ всей силы, дверь тотчасъ и растворилась. Сводрю: столъ накрытъ. На столѣ большой кофейникъ и кофей на спиртѣ кипятить. Сухари стоятъ; на другомъ подносѣ графинъ водки, селедка и колбаса, и еще бутылка вина какого-то. Луиза и тетка, обѣ разодѣтыя, на диванѣ сидятъ. Противъ нихъ на стулѣ самъ нѣмецъ, женихъ, причесанный; во фракѣ и въ воротничкахъ, такъ и торчатъ впередъ. А сбоку на стулѣ еще нѣмецъ сидитъ, старикъ ужъ, толстый, сѣдой, и молчитъ. Какъ вошелъ я, Луиза такъ и поблѣдѣла. Тетка было привскочила да

и сѣла, а нѣмецъ накурчился. Такой сердитый; всталъ и застрѣну :

— Что вамъ, говорить, угодно ?

Я было оковызулся, да злость ужь меня сильно взяла.

— Чего, говорю, угодно ! а ты гостя принимай, водкой подуй. Я жь тебѣ въ гости пришоль.

Нѣмецъ подумалъ и говоритъ : Садитъ-сь.

Сѣлъ я. — Давай же, говорю, водки-то.

— Вотъ, говорить, водка; пейте пожалуй.

— Да ты мнѣ, говорю, хорошей водки давай. — Злость-то значить меня ужь очень беретъ.

— Это хорошая водка.

Обидно мнѣ стало, что ужь слишкомъ онъ такъ меня низко ставить. А всего пуще, что Луиза смотреть. Выпилъ я, да и говорю :

— Да ты чтожъ такъ грубить началъ, нѣмецъ? Ты со мною подружись. Я по дружбѣ къ тебѣ пришоль.

— Я не могу быть вашъ другъ, говорить: ви простой солдатъ.

Ну тутъ я и взбѣсился.

— Ахъ ты чучела, говорю, колбасникъ ! Да знаешь ли ты, что отъ сей минуты, я все что хочу съ тобой могу сдѣлать? Вотъ хочешь, изъ пистолета тебя застрѣлю ?

Вывуль я пистолетъ, всталъ передъ нимъ, да и наставилъ дуло ему прямо въ голову, въ упоръ. Тѣ сидятъ ни живы, ни мертвы; пикнуть боятся; а старикъ, такъ тотъ какъ листъ трясется, молчитъ, доблѣдвѣлъ весь.

Нѣмецъ удивился, однакожъ опомнился.

— Я васъ не боюсь, говорить, и прошу васъ, какъ благородный человекъ, вашу шутку сейчасъ оставить, а я васъ совѣсть не боюсь.

— Ой вредъ, говорю, боишься ! А чего ! самъ головы изъ-подъ пистолета пощевелить не смѣешь; такъ и сидить.

— Нѣтъ, говорить, ви это никакъ не смѣешь сдѣлать.

— Да почему жь, говорю, не смѣешь-то ?

— А потому, говорить, что это вамъ строго запрещено и васъ строго наказать за это будутъ.

Топесль чертъ этого дурака чѣмъца знаетъ ! Не поджошь бы

онъ меня самъ, былъ бы жидъ до сихъ поръ; за споромъ только и стало дѣло.

— Такъ не смѣю, говорю, по-твоему?

— Нѣтъ-тъ!

— Не смѣю?

— Вы это совершенно не смѣйтъ со мной сдѣлать...

— Ну такъ вотъ же тебѣ, колбаса! Да какъ даццу его, онъ и покатился на стулъ. Тѣ закричали.

Я досталъ въ карманъ, да и былъ таковъ, а какъ въ крѣпость входилъ, тутъ у крѣпостныхъ воротъ пистолетъ въ кравиву и бросилъ.

Пришелъ я домой, легъ на койку и думаю; вотъ сейчасъ возьмутъ, Часъ проходить, другой, — не берутъ. И ужъ этакъ передъ сумерками, такая тоска на меня напала; вышелъ я; безъ премѣнно Луизу повидать захотѣлось. Прошелъ я мимо часовщика. Смотрю: тамъ народъ, полиція. Я къ кумѣ: вызови Луизу! Чуть-чуть подождать, вижу: бѣжитъ Луиза, такъ и бросилась мнѣ на шею, сама плачетъ: «всему я, говорить, виновата, что тетку послушалась.» Сказала она мнѣ тоже, что тетка тотчасъ же послѣ давешняго домой пришла и такъ струсила, что заболѣла и — молчокъ; и сама никому не объявила, и мнѣ, говорить, запретила; боится; какъ угодно, пусть тамъ и дѣлаютъ. Насъ, говорить, Луиза, никто давеча не видалъ. Онъ и служанку свою услалъ, потому боялся. Та бы ему въ глаза вцѣпилась, кабы узнала, что онъ жениться хочетъ. Изъ мастеровыхъ тоже никого въ домѣ не было; всѣхъ удалилъ. Самъ и кофей сварилъ, самъ и закуску приготовилъ. А родственникъ, такъ тотъ и прежде всю жизнь свою молчалъ, ничего не говорилъ, а какъ случилось давеча дѣло, взялъ шапку и первый ушелъ. И вѣрно тоже молчать будетъ, сказала Луиза. Такъ оно и было. Двѣ недѣли меня никто не бралъ и подозрѣнія на меня никакого не было. Въ эти же двѣ недѣли, вѣрьте не вѣрьте, Александръ Петровичъ, я все счастье мое испыталъ. Каждый день съ Луизой ходилъ. И ужъ такъ она, такъ она ко мнѣ привязалась! Плачетъ: «я, говорить, за тобой, куда тебя сошлютъ, пойду; все для тебя покину!» Я ужъ думалъ всей жизни моею тутъ рѣшиться: такъ она меня тогда разжалобила. Ну, а черезъ двѣ недѣли меня и взяли. Старикъ и тетка согласились, да и доказали на меня...

— Но постоитъ, прервалъ я Баклушина: — васъ за это толь-

ко могли всего-то лѣтъ на десять, ну на двѣнадцать, на полный срокъ, въ гражданскій разрядъ прислать; а вѣдь вы въ особомъ отдѣленіи. Какъ это можно?

— Ну ужъ это другое вышло дѣло, сказали Баклушинъ. — Какъ привели меня въ судную комиссію, капитанъ передъ судомъ и обругай меня скверными словами. Я не стерпѣлъ, да и говорю ему: «Ты что ругаешься-то? развѣ не видишь, подлець, что передъ зеркаломъ сидишь!» Ну тутъ ужъ и пошло по-другому; по-новому стали судить, да за все выѣстъ и присудили: четыре тысячи, да сюда въ особое отдѣленіе. А какъ вывели меня къ наказанію, вывели и капитана: меня по зеленой улицѣ, а его лишитъ чиновъ и на Кавказъ въ солдаты. До свиданія, Александръ Петровичъ. Заходите же къ намъ въ представленіе-то.

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКИЙ

Сидя въ своемъ кабинетѣ, Федоръ Достоевскій, какъ и прежде, читалъ газеты, журналы, переписку, а также и рукописи, которыя ему присылали изъ разныхъ мѣстъ. Онъ былъ въ высшей степени внимателенъ къ своимъ корреспондентамъ, и всегда старался дать имъ какъ можно скорѣе отвѣтъ. Въ это время онъ получилъ отъ одного изъ своихъ корреспондентовъ письмо, въ которомъ сообщалось, что тотъ собирается ѣхать въ Петербургъ, и проситъ Федора Достоевскаго, если онъ будетъ тамъ, то сдѣлать для него какое-нибудь доброе дѣло. Федоръ Достоевскій, прочитавъ письмо, задумался. Онъ былъ въ высшей степени добродушенъ, и всегда старался помочь каждому, кто къ нему обращался. Но въ это время онъ былъ въ высшей степени занятъ, и не имѣлъ возможности сдѣлать для своего корреспондента какое-нибудь доброе дѣло. Онъ только и могъ, что написать ему письмо, въ которомъ сообщалъ ему, что онъ не можетъ сдѣлать для него ничего, потому что онъ въ это время занятъ. Федоръ Достоевскій написалъ своему корреспонденту письмо, въ которомъ сообщалъ ему, что онъ не можетъ сдѣлать для него ничего, потому что онъ въ это время занятъ. Онъ только и могъ, что написать ему письмо, въ которомъ сообщалъ ему, что онъ не можетъ сдѣлать для него ничего, потому что онъ въ это время занятъ.

МАДАМЪ ЛАКОСТЬ

Едва прошло десять лѣтъ со времени произнесенія приговора надъ госпожою Лафаржъ (*), приговора, возбуждавшаго столько толковъ, какъ вдругъ разнесся слухъ о новомъ преступленіи, совершенно схожемъ съ драмою, разыгравшеюся въ Гландье: жена — женщина молодая, поразительной красоты, умная, изящная; мужъ — человекъ грубый, отвратительный; следовательно и развязка та же — мышьлякъ.

Ригнѣ (Riguepeu) — мѣстечко, лежащее вблизи Викъ-Фезансака (Vic-Fezensac), который отстоитъ на двадцать километровъ отъ Оша (Auch), главнаго города департамента Жеръ (Gers). Вблизи Ригнѣ, на возвышеніи, рядомъ съ семью или восемью бѣдными крестьянскими хижинами, видѣнъ большой одноэтажный домъ, съ красной крышей и зелеными ставнями; домъ этотъ носитъ названіе замка Филиберъ.

Въ 1843 г. въ немъ жилъ нѣкто Генрихъ Лакость (Lacoste), владелецъ довольно значительнаго пространства земли, оцѣненной въ 700,000 франковъ и доставшейся ему большею частью по наследству. Два брата, умершіе прежде Генриха Лакоста, оставили ему почти все свое состояніе, въ особенности Филибертъ Лакость, сдѣлавшій его исключительнымъ своимъ наследникомъ. Обогатившись немного поздно, потому что въ 1839 г. ему было 66 лѣтъ, Генрихъ Лакость вздумалъ жениться и бросилъ взглядъ на 20-лѣтнюю дѣвушку, Евфимію Вержесъ (Vergès).

Дочь племянницы Генриха Лакоста, Евфимія Вержесъ жила въ деревнѣ у своихъ родителей, въ Мазеролѣ (Mazergolles), въ Ширепсахъ. Генрихъ Лакость принялъ на себя ея воспитаніе и помѣстилъ ее въ одномъ монастырѣ въ Тарбѣ. На ней-то вздумалъ онъ жениться.

(*) См. «Время» за май мѣсяць.

Свадьба совершилась 23 мая 1841 г.

16 мая 1843 г., по возвращеніи супруговъ Лакость изъ поѣздки на ярманку въ Ригпё, Генрихъ Лакость заболѣлъ. Восемь дней спустя онъ умеръ.

По прошествіи въ некотораго времени, мадамъ Лакость представила завѣщаніе, писанное 1 іюля 1841 г., дѣлавшее ее единственной наследницей покойнаго мужа, смерть котораго, скажемъ мимоходомъ, не возбудила ничьихъ подозрѣній. Потомъ она переѣхала въ Тарбъ (Tarbes) и предалась забавамъ и роскоши, возбуждившей зависть многихъ. Мѣсяца два спустя послѣ смерти мужа, госпожа Лакость начала принимать въ своемъ домѣ молодого человѣка, который, какъ говорили, просиживалъ у нея до полуночи. Начались толки о смерти мужа, старика и скупого, приключившейся такъ вовремя для молодой и расточительной жены. По немногу толки эти усилились и перешли въ слухъ о томъ, что Лакость умеръ неестественной смертью.

Въ декабрѣ 1843 г., то-есть шесть мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Генриха Лакоста, слухи эти возбудили вниманіе судебного начальства. Рѣшено было добыть изъ земли тѣло покойнаго, по вросьбѣ самой же госпожи Лакость, которая намѣревалась начать искъ противъ своихъ клеветниковъ.

18 декабря два врача, приглашенные слѣдственнымъ приставомъ, вскрыли тѣло. Они отняли отъ трупа брюшные органы и часть мускуловъ бедра, взяли немного земли изъ-подъ гроба, а равно и покрывавшей гробъ.

Вещества эти были представлены въ Ошъ, для химическаго разложенія врачу Бутовъ (Bouton) и фармацевтамъ Лиданжъ (Lidange) и Поэъ (Pons). Оказалось, что внутренности Генриха Лакость заключали въ себѣ мышьякъ.

Опытъ этотъ показался неудовлетворительнымъ и назначено новое изслѣдованіе, для производства котораго приглашены изъ Парижа три лучшіе химика: гг. Челюзъ (Férouze), Дѣвержи (Devergie) и Фланденъ (Flandin).

Изъ донесенія ихъ видно, «что часть печени, надъ которой дѣлали изслѣдованіе, заключала въ себѣ значительное количество мышьяку, около пяти миллиграммовъ; что мышьякъ найденъ также и въ кишкѣхъ, хотя въ меньшемъ количествѣ; что въ землѣ, взятой съ могилы, его не оказалось».

Какъ только госпожа Лакость узнала о результатѣ изслѣдованія, она тотчасъ прибыла въ Ошъ, къ одному другу своего мужа, оставшемуся и ея другомъ, и намѣрена была явиться къ королевскому прокурору. Ее едва удержали отъ этого намѣренія.

5 января приказано было арестовать госпожу Лакость. Она возвращалась изъ Ошъ и когда выходила изъ кареты, одинъ изъ лакеевъ указалъ на жандармовъ, приближавшихся къ дому, въ соупутствіи мера. Когда представители власти прибыли къ дому, госпожа Лакость была далеко. Самые тщательные поиски не привели ни къ чему, а люди старались ихъ усложнить по возможности.

Съ этого дня госпожа Лакость сдѣлалась предметомъ постоянныхъ преслѣдованій. Дорога въ Тарбъ, въ Тулузу и въ Викъ-Фезансакъ постоянно посѣщалась жандармами; но всѣ труды были напрасны: госпожа Лакость могла назваться невидимкою. Тайна эта занимала умы въ высшей степени.

Слѣдствіе шло между тѣмъ своимъ путемъ. Оно добралось до нѣкоторыхъ признаковъ, по которымъ можно было обвинить, какъ участника въ преступленіи, стараго и бѣднаго учителя въ Рыгнѣ, Юсефа Мельяна (Meilhan). Мельяна арестовали; при допросѣ онъ отвергъ всякое участіе въ преступленіи, а равно и виновность госпожи Лакость.

2 июля 1844 г. дѣло обонхъ представлено въ уголовный судъ въ Жеръ.

Во время слѣдствія госпожа Лакость дала знать черезъ своихъ друзей, что она явится сама въ данное время. Дѣйствительно, 4 июля она прибыла въ тюрьму въ Ошъ, и выдержала съ большимъ спокойствіемъ трехчасовой допросъ.

10 июля Евфонія Лакость предстала передъ жерскій уголовный судъ, составившійся подъ предѣтельствомъ г. Доннодери (Donnoderie), совѣтница королевскаго суда въ Ажанъ; при немъ состояли гг. Клозакъ де Маацѣ (Closac de Mazieux) и Ландренъ (Landrin), судьи трибунала первой инстанціи. Кресло королевскаго прокурора занималъ г. Кассаньоль (Cassagnol), въ ассистенціи г. Дьезе (Dieuzée), помощника.

Защитникомъ Мельяна былъ адвокатъ Кантелу (Canteloup), извѣстный и уважаемый законовѣдъ въ Ошѣ. Защитникомъ госпожи Лакость — г. Алемъ-Руссо (Alem-Rousseau), старшій адвокатъ ошскаго суда.

Вотъ обвинительный актъ, прочтенный въ этомъ засѣданіи:

Документъ этотъ, напоминая обстоятельства брака Генриха Лакоста съ Евфоніей Вержесъ и скоропостижную смерть мужа, который «несмотря на свои лѣта, пользовался казалось крѣпкимъ здоровьемемъ», объяснялъ, что вслѣдствіе двухъ медицинскихъ изслѣдованій, въ органахъ трупа найдены значительные слѣды мышьяку, «не дающіе никакой возможности сомнѣваться въ отравленіи».

Но кто виновникъ преступленія? При слѣдствіи подозрѣніе пало

на Евфимію Вержесь, которая, будучи женой старца, «унижалась до выполненіи *самыхъ подлыхъ* обязанностей, играла при немъ роль служавки и *низкою услужливостью* льстила самолюбію в скупости стараго мужа».

• Старанія Евфиміи Вержесь были увѣнчаны успѣхомъ: 1 іюля 1841 г. Генрихъ Лакость написалъ завѣщаніе, назначая молодую жену единственной своей наслѣдницей.

• Вскорѣ между супругами начался неудовольствіе. Генрихъ Лакость, желавшій пламенно имѣть потомка, которому могъ бы передать свою фамилію и состояніе, видѣлъ съ горестью безплодность жены.

• Евфимія Вержесь съ своей стороны страдала отъ скупости и ревности мужа. Онъ ей давалъ очень мало денегъ; держалъ почти взаперти; не позволялъ одной ходить даже въ церковь, ни посѣщать своихъ подругъ.

• Таковы были въ 1842 г. взаимныя отношенія супруговъ.

Въ этомъ мѣстѣ обвинительный актъ вводитъ на сцену соучастника, Іосифа Мельяна, учителя въ Ригнѣ, который «имѣлъ съ госпожою Лакостъ частыя сношенія».

• Человѣкъ этотъ, жившій исключительно, какъ казалось, доходами своего званія, началъ вскорѣ пользоваться весьма дурной славой. Онъ обольстилъ, говорятъ, дочь Лескюра, которая забеременѣла и умерла вслѣдствіе выкидыша. Общество подобнаго человѣка, почти семидесятилѣтняго, должно было возбудить отвращеніе молодой женщины; однако Евфимія Вержесь была съ нимъ очень коротка и повѣрляла ему свои домашнія тайны.

• Совѣты такого друга какъ Мельянъ, не могли возстановить согласія между супругами. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1843 г. Лакость говорилъ нѣкому Лесперу: «я очень недоволенъ женой; у нея скверная голова; она мнѣ ни въ чемъ не уступаетъ. Я готовъ даже измѣнить завѣщаніе». Въ апрѣлѣ того же года Генрихъ Лакость повторилъ почти тоже старинному другу своему г. Дюпуи.

Далѣе обвинительный актъ описываетъ поѣздку на ярманку въ Ригнѣ, представляя Лакоста совершенно здоровымъ. Нѣсколько часовъ спустя онъ говоритъ г. Лаффону, сборщику податей: «у меня судороги въ желудкѣ; послѣ стакана вина, который меня заставилъ выпить Мельянъ, я чувствую себя нехорошо». Возвращаясь одинъ изъ Ригнѣ, г. Лакость встрѣчаетъ Ивана Дюррѣ и говоритъ ему: «Мельянъ пригласилъ меня выпить вина; съ тѣхъ поръ у меня болить животъ и тошнить».

Дома Петръ Курне посовѣтовалъ г. Лакосту лечь въ постель и напиться теплой воды. Ночью сдѣлалась сильная рвота. Лакость лежалъ въ комнатѣ близъ кухни; его перенесли въ другую, болѣе отдаленную комнату, «чтобы шумъ ему не мѣшалъ».

Евфимія Вержесь постоянно ухаживала за мужемъ, приготовляла ему питье, не допускала никого къ больному и втеченіи трехъ дней не пригласила врача. Правда, что Лакость не желала его видѣть, «но ничто не доказываетъ, чтобы онъ не переѣхалъ намѣренія». Врачъ Ламолль былъ приглашонъ только на пятый день.

Количество мышьяку, найденное въ органахъ, доказываетъ, что онъ былъ данъ въ нѣсколько пріемовъ, сперва Мельяномъ, а впоследствии Евфиміей Вержесь.

• Когда Генрихъ Лакость скончался, Евфимія Вержесь пролила нѣсколько слезъ; но эта мнимая чувствительность уступила скорѣе жѣсто другимъ заботамъ: Евфимія отпустила сама бѣлье для покойнаго и отправилась тотчасъ отыскивать въ письменномъ столѣ завѣщаніе, назначавшее ее единственной наследницею мужа.

• На слѣдующій день Іосифъ Мельянъ, не посѣтившій вразу Генриха Лакоста во время его болѣзни, поспѣшилъ явиться ко вдовѣ. Евфимія Вержесь пригласила его обѣдать. Послѣ того онъ обѣдалъ у нея снова; но благодарность госпожи Лакость не ограничилась одними наружными доказательствами дружбы: она передала ему вексель на имя Кастера въ 1772 франка и выдала обязательство уплаты ежегодной пенсіи въ 400 франковъ.

• Въ слѣдующемъ августѣ мѣсяцѣ, Мельянъ, возвращаясь отъ вдовы Лакость, встрѣтилъ г. Сабазана и сказалъ, потряхивая деньгами въ карманѣ, что онъ получилъ пенсію за первую треть.

• Въ другой разъ Мельянъ хвасталъ передъ аббатомъ Базія, говоря, что расходы его обезпечены на всю жизнь, что у него есть пенсія и капиталы. Въ тоже время онъ добылъ изъ кармана горсть денегъ, прибавивъ, что кошелекъ его снабженъ всегда подобнымъ образомъ.

• Откуда могли взяться такіа богатства, если они не были цѣною совершеннаго преступленія?

• Въ тоже время Евфимія Вержесь пользовалась и своимъ состояніемъ, и своей свободой.

• Съ первыхъ дней вдовства переписка ея чрезвычайно оживилась. Жена Лесюра то и дѣло что приносила ей письма. Евфимія почти открыто поговаривала о намѣреніи вступить во второй бракъ.

Госпожа Лакость переѣхала въ Тарбъ, нашла у г. Фуркада богатую квартиру, меблированную съ большой роскошью, завела лошадей, кучера и пользовалась всевозможными удобствами жизни. Одинъ изъ первыхъ посѣщалъ ее молодой Б., уходя изъ ея дому не ранѣе полуночи.

Общественное мнѣніе, на которое Евфимія Вержесь казалось не обращала никакого вниманія, заговорило въ свою очередь. Болѣзнь, похитившая такъ быстро Генриха Лакоста, обстоятельства, сопровождавшія ее, возбудили нѣкоторые подозрѣнія; при видѣ

благодѣяній, которыми вдова осыпала Мельяна, каждый подумалъ невольно: «это вѣроятно цѣна стакана вина, давнаго Мельяномъ Лакосту на ярманкѣ въ Ригнѣ».

• Обвинительный голосъ возсталъ скорѣ противъ обоихъ подсудимыхъ.

• Вдова казалось не хотѣла отступить передъ опасностью. Она написала къ королевскому прокурору письмо, прося его вскрыть тѣло, надѣясь, что время сгладитъ слѣды яду. Въ то же время она поручила нѣкому Лабоди узнать, кто изъ жителей Ригнѣ разсѣялъ про нее поносительныя слухи, предупредивъ, что она намѣрена начать искъ противъ клеветниковъ. Лабоди исполнилъ какъ нельзя лучше это порученіе; онъ былъ въ особенности у мера и аббата, которыхъ свидѣтельства слѣдовало опасаться болѣе всего, и сообщилъ имъ о намѣреніи госпожи Лакостъ преслѣдовать тѣхъ, кто говорилъ противъ нее.

• Все это были только средства испугать свидѣтелей, чтобы приобрести ихъ молчаніе; скорѣ госпожа Лакостъ скрылась изъ своего дома и всѣ старанія открыть ея убѣжище остались безуспѣшными.

• Одинъ Мельянъ былъ арестованъ. Въ домѣ его нашли заемное письмо въ 1772 франка и 820 франковъ золотомъ и серебромъ. Обязательства на 400 фр. пенсіи нигдѣ не оказалось.

• Во время многократныхъ допросовъ при производствѣ слѣдствія, Мельянъ для своего оправданія приводилъ объясненія спутанныя и неправдоподобныя, или голословныя отрицанія, которымъ противорѣчили показанія свидѣтелей.

• Доказательствомъ, что 400 франковъ пенсіи были дѣйствительно назначены Евфиміей Вержесъ, служить то, что въ августѣ мѣсяцѣ, срокѣ уплаты пенсіи, Мельянъ, возвращаясь однажды отъ вдовы Лакостъ, сказалъ г. Сабазану, что онъ получилъ пенсію за первую треть.

• Обвиняемый не напоминаетъ себѣ этихъ словъ, но г. Сабазанъ подтверждаетъ сказанное, и показанія его нельзя считать подозрительнымъ. И такъ Мельянъ старается совершенно безуспѣшно оправдать себя; отвѣты его, не уничтожая взведенныхъ обвиненій, служатъ только къ подтвержденію виновности подсудимыхъ. Участь ихъ должна быть одинакова. Если Мельянъ виноватъ, то Евфиміи Вержесъ нельзя считать невиною.

Вотъ текстъ, немного сокращенный, обвинительнаго акта. Въ немъ видно болѣе выводовъ чѣмъ доказательствъ, но ловкость, съ которою онъ былъ составленъ, давала ему большую наружную силу.

Затѣмъ начался допросъ Мельяна.

Мельянъ поселился въ Ригнѣ шесть лѣтъ тому назадъ; до того онъ былъ учителемъ въ Брѣзевиллѣ. Солдатъ во время республики, онъ впоследствии занимался нѣкоторое время въ Бордо и Байоннѣ химіей и физикой.

В. Во время вашего пребывания въ Ригиѣ, вы жили у трактирщика Лескюръ (Lescure). Лескюръ потерялъ дочь; не знаете ли, отъ какой болѣзни?

О. Нѣтъ; дѣвушка эта жаловалась на боль въ желудкѣ; докторъ приказалъ ей выпить кровь и дѣлать ножныя ванны.

В. Знаете ли, что смерть ея приписываютъ выкидышу?

О. Я никогда объ этомъ не слышалъ; во время болѣзни она жаловалась то на то, то на другое. Докторъ...

В. Оставьте болѣзнь и доктора всторонѣ, будемъ говорить про ея смерть. Знаете ли, что сказано было послѣ вскрытія тѣла этой дѣвушки?

О. Знаю: говорили, что тѣло вскрывалъ докторъ Сабатье.

В. Что оказалось при вскрытіи?

О. Не знаю.

В. Давайте отвѣты болѣе положительные. Знаете ли, что послѣ вскрытія докторъ Сабатье объявлялъ, что дочь Лескюра умерла вслѣдствіе выкидыша?

Мельникъ (нетерпѣливо). Да нѣтъ! Я никогда не слышалъ ничего подобнаго.

Президентъ. Такъ какъ вы отпираетесь, то перейдемъ къ другому пункту. Говорятъ, что Лескюръ поймалъ васъ въ преступномъ сообщеніи съ его женой, и разсердившись выгналъ васъ.

Мельникъ. Нѣтъ, нѣтъ! Лескюръ меня не выгонялъ. Вотъ какъ происходило дѣло. Лескюръ ѣхалъ въ дорогу на сидѣль уже на своей лошади, когда мнѣ понадобились деньги мои в бумажки, которыя онъ пряталъ у себя въ шкапу. Не желая его задерживать, я обратился за моими вещами къ женѣ его. Въ это время Лескюръ сѣмолъ съ лошади и вошелъ въ комнату; видя меня близь своей жены, онъ сдѣлалъ движеніе, которое мнѣ не понравилось. На дворѣ было очень жарко; на мнѣ не было сертука; я схватилъ сертукъ за рукавъ, наивнулъ на плечи и вышелъ изъ дому. Я отправился къ аббату и разсказалъ ему все происшествіе; у него же я остался почевать. На слѣдующій день я говорилъ о томъ же доктору Сабатье, который мнѣ отвѣтилъ: «воротитесь; Лескюръ убѣдился въ своей ошибкѣ, онъ извинится передъ вами». Во время моего разговора съ г. Сабатье, мимо насъ прошла госпожа Лакость; она вошла въ домъ, за ней я, Лескюръ бросился ко мнѣ на шею и извинился.

Президентъ. Вы слишкомъ селеръчивы въ вашихъ объясненіяхъ, несогласныхъ съ фактами, доказанными слѣдствіемъ. *Говорите скорее, короче.*

Мельникъ. Я разсказываю какъ происходило дѣло. На слѣдую-

щій день, когда я воротился домой и легъ въ постель, Лескаръ вошелъ ко мнѣ въ комнату и сказалъ: «Забудемъ нашу ссору и будьте веселы попрежнему».

Говоря это Мельянъ рассмѣялся добродушно.

Далѣ обвиненный объяснилъ, что онъ не видѣлъ г. Лакоста и не говорилъ съ нимъ на ярманкѣ въ Ригнѣ; онъ провелъ этотъ день съ капитаномъ Мотъ (Mothe). Въ этотъ же день онъ не имѣлъ никакого тайнаго совѣщанія съ госпожею Лакостъ. Онъ помнитъ, что нѣкто Петръ Курне (Cournet) говорилъ ему о головной боли Лакоста, но не о рвотахъ. Онъ не посѣтилъ Лакоста во время болѣзни, потомучто госпожа Лакостъ увѣряла, будто онъ не желаетъ никого видѣть.

В. Послѣ смерти Генриха Лакоста, не спрашивали ли вы у шера Ригнѣ формы на составленіе обязательства на уплату ежегодной ренты въ 400 франковъ и не упоминали ли при этомъ о госпожѣ Лакостъ? И не показывали ли вы впослѣдствіи г. Сабазану, меру, обязательства на 400 франковъ ежегодной ренты, подписаннаго Ефиміей Лакостъ?

О. Все это очень перепутано! Я вамъ скажу правду. Я далъ госпожѣ Лакостъ 1772 франка; вотъ въ чемъ все дѣло. Она мнѣ выдала вексель на имя Кастера.

В. Дали ли вы деньги до или послѣ полученія векселя?

О. Въ тюрьмѣ я немного позабылъ все это: кажется послѣ. Кажется даже я хотѣлъ дать 1000 франковъ впередъ, но госпожа Лакостъ отъ нихъ отказалась.

В. А 400 франковъ ежегодной ренты?

О. Это была маленькая хитрость съ моей стороны. Сынъ мой постоянно просилъ у меня денегъ; онъ разорялъ меня... Чтобы спасти остатки, я хотѣлъ притвориться, будто отдалъ деньги госпожѣ Лакостъ. Тогда-то я и показывалъ г. Сабазану обязательство въ 400 франковъ, написанное и подписанное мною подъ фамилію Ефиміи Лакостъ. Сынъ могъ мнѣ повѣрить.

В. Но меръ Сабазанъ никогда не встрѣчался съ вашимъ сыномъ?

О. Если не встрѣчался, то могъ встрѣтиться.

В. Сколько у васъ было вашихъ денегъ?

О. 3000 франковъ. Г. Сабазанъ знаетъ хорошо, что у меня были деньги.

В. Вы были учителемъ втеченіи десяти лѣтъ и получали дохода 500 франковъ. Согласно обвиненію, у васъ были цривычка немного дорогія въ ваши лѣта. Какъ же вы могли столько сберечь? Это можетъ удивить cadaго.

О. А! это васъ удивляетъ! Однако въ Брѣзевиллѣ у меня была

квартира и столъ; въ Ригнѣ я жилъ у Лесюра и не всякій день былъ жаркое; столъ — 3 франка, квартира — 2 франка, хлѣбъ... всего 6 франковъ въ мѣсяцъ; стирка бѣлья 6 франковъ въ годъ; всего 130 франковъ въ годъ. Вы видите, что я могъ сберечь кое-что. Кромѣ того я занимался продажей сѣменъ.

Г-жа Лакость, спрошенная въ свою очередь, объяснила, что она вышла замужъ добровольно; ежели полтора мѣсяца спустя послѣ смерти мужа начала принимать одного молодого человѣка, то она прежде его не знала, что мужъ ея былъ ревнивъ и что въ день армянки въ Ригнѣ онъ не жаловался ни на какія страданія.

В. Онъ легъ рано въ этотъ день?

О Вообще г. Лакость ложился рано спать.

В. Онъ спалъ съ вами въ одной комнатѣ?

О. Да; но на слѣдующій день мы разлучились на ночь.

В. Ночью съ вторника на среду Генриха Лакоста рвало?

О. Нѣтъ.

В. Обратите вниманіе на ваши отрицательные отвѣты; фактъ, который вы опровергаете, будетъ вамъ доказанъ свидѣтелями.

О. Я насъ могу увѣрить только въ одномъ: что рвота началась въ четвергъ вечеромъ, и что я тогда за нимъ присматривала.

В. Что давали вы вашему мужу?

О. Я ему давала лимонадъ, дѣлала ванны...

В. Да, но никто не приближался тогда къ г. Лакосту, ни одинъ докторъ не былъ призванъ и даже...

О. Извините, кто только пожелалъ, могъ посѣщать его и докторъ былъ приглашонъ.

Президентъ. Да, въ послѣднія минуты.

Г. Алемъ-Руссо. Генрихъ Лакость самъ не желалъ доктора и имѣлъ на то свои причины.

Президентъ. Мы дѣлаемъ допросъ обвиненной и желаемъ, чтобы она отвѣчала намъ одна. (Обращаясь къ госпожѣ Лакость.) При средствахъ, которыя вы употребляли, страданія не могли увеличиться, а между тѣмъ боль усиливалась. Проволочка, допущенная въ приглашеніи доктора, должна была показаться всѣмъ весьма странною.

Г-жа Лакость, съ живостью и ударяя на каждомъ словѣ: вы забываете, сударь, что рвота началась въ среду вечеромъ и въ четвергъ и что два дня спустя мужъ мой... скончался.

Президентъ. Впрочемъ у насъ есть средство опредѣлить числа: вотъ письмо, писаное г. Лакостомъ къ доктору, въ которомъ онъ самъ описываетъ состояніе своего здоровья.

Г. Алемъ-Руссо. Извините, г. президентъ, письмо писано госпожою Лакостъ подь диктовку мужа.

Президентъ. Дѣйствительно, я не разсмотрѣлъ почерка. Вотъ письмо.

Президентъ читаетъ письмо отъ 19 мая 1843 г., адресованное на имя доктора Буде (Boudé), въ которомъ больной говоритъ между прочимъ, что въ среду его рвало и спрашивается, не принять ли ему кастороваго масла.

Королевскій прокуроръ. Изъ этого письма, писанаго подь диктовку больного, видно, что докторъ былъ приглашонъ уже тогда, когда показалаь рвота.

Г. Алемъ-Руссо. Да, но письмо писано госпожою Лакостъ, которая наконецъ преодолѣла отвращеніе мужа къ врачамъ.

Президентъ. Есть еще одно весьма важное обстоятельство. Госпожа Лакостъ, ухаживая за своимъ мужемъ, исполняла обязанности, возлагаемыя обыкновенно на прислугу, несообразныя ни съ ея положеніемъ, ни съ ея состояніемъ, не принося этимъ никакого облегченія въ страданіяхъ больного. Мы понимаемъ, сколько самоотверженія и добродѣтели въ попеченіяхъ вашихъ для больного старика мужа; только не понимаемъ, почему вы унижались до нѣкоторыхъ подробностей, которыя могли исполнять наемныя руки, или вѣрнѣе сказать, обвинительный актъ объясняетъ это постыднымъ стремленіемъ уничтожить слѣды, которые могли бы предать васъ.

О. Я все дѣлала изъ привязанности и благодарности къ моему мужу.

Президентъ. Вы не давали доктору Буде никакихъ объясненій о болѣзни вашего мужа?

Г-жа Лакостъ. Боже мой! я знала, что мужъ мой былъ всегда боленъ, но онъ постоянно скрывался. Какъ кажется, г. Лакостъ страдалъ грыжей, лишаями... и другими болѣзнями.

Президентъ. Какъ могли вы знать это?

О. Я могла бы легко догадаться обо всемъ по тайнственности, которою окружался г. Лакостъ; онъ часто натиралъ тѣло разными лекарствами; другія принималъ въ микстурахъ, и сердился, если я только замѣчала что-нибудь.

В. Вы говорите, что Генрихъ Лакостъ страдалъ лишаями и другими накожными болѣзнями, что онъ постоянно лечился. Который же врачъ пользовалъ его, или по крайней мѣрѣ какой аптекарь приготовлялъ ему лекарства?

О. Этого я не знаю; кажется, что покойный лечилъ самъ себя. Впрочемъ защитникъ мой скажетъ вамъ вѣроятно болѣе подробностей.

В. Г. Лакость сдѣлалъ завѣщаніе, которымъ онъ назначалъ насъ единственною своею наследницею: знали ли вы объ этомъ?

О. Да, онъ мнѣ показывалъ свое завѣщаніе.

В. Но какъ кажется, въ послѣдствіи онъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Мужъ вашъ очень желалъ имѣть наследника, и когда надежды его не сбывались, онъ началъ жаловаться многимъ лицамъ; чтобы осуществить свои надежды, онъ, говорятъ, обращался даже къ дѣвушкамъ, служившимъ въ домѣ.

О. Объ этомъ многіе говорили мнѣ, въ особенности со времени смерти г. Лакоста.

В. Въ какой бы степени ни были достовѣрны эти слухи, но вы должны сознаться, что они породили въ вашемъ семействѣ споры, несогласія?

О. Нѣтъ, милостивый государь, несогласій у насъ не было.

В. Однако въ это время мужъ вашъ жаловался многимъ на вашъ характеръ. Онъ говорилъ, что вы не имѣли для него прежняго вниманія и намѣревался даже уничтожить свое завѣщаніе?

О. Не думаю, чтобы такъ могло быть.

В. Онъ говорилъ объ этомъ за нѣсколько дней до своей смерти.

О. Повторяю вамъ, что я этому не вѣрю. Мужъ мой любилъ меня и я любила его также.

В. Послѣ смерти г. Лакоста въ тѣлѣ его найдено значительное количество мышьяка.

О. Не знаю какъ это могло случиться.

В. Отравы не подлежитъ сомнѣнію. Были ли у вашего мужа враги?

О. Нѣтъ, сударь, по крайней мѣрѣ я ихъ не знаю.

В. Какимъ же образомъ человекъ, у котораго не было враговъ, съ которымъ вы жили, за которымъ вы ухаживали, какимъ же образомъ человекъ этотъ могъ быть отравленъ?

О. Я не понимаю этого отравленія, если только въ секретныхъ средствахъ, которыя употреблялъ мужъ мой, не было яду.

В. Я бы могъ понять подобный родъ защиты, еслибы вы намъ указали, какія были эти средства: но все что вы говорите, слишкомъ неопредѣленно... Перейдемъ однако къ другому обстоятельству. Мужъ вашъ имѣлъ частыя сношенія съ Мельяномъ. Что это за человекъ? какой нравственности?

О. Я знакома съ Мельяномъ, но нравственной стороны его не знаю.

В. Знаете ли, что въ Ригнѣ Лескюръ выгналъ его отъ себя?

О. Да.

В. Вы уговорили Лескюра принять его снова?

О. Да.

В. Не ходила ли къ вамъ часто жена Лескюра и не приталась ли она отъ всѣхъ во время своихъ посѣщеній?

О. Не думаю.

В. Не была ли жена Лескюра тайнымъ посредникомъ между вами и Мельяномъ?

О. Нѣтъ.

В. Былъ ли Мельянъ у васъ въ домѣ во время болѣзни мужа?

О. Не помню.

В. Послѣ смерти вашего мужа онъ обѣдалъ у васъ нѣсколько разъ?

О. Одинъ разъ — на другой день смерти, и то въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ.

В. Вы дали Мельяну вексель на имя Кастера. Какую сумму онъ вамъ вручилъ?

О. 1772 франка.

В. Дали ли вы ему вексель до полученія денегъ?

О. Нѣтъ, я ему выдала вексель взамѣнъ денегъ.

В. Мельянъ сказалъ, что вы ему подарили эту сумму.

Г-жа Лакостъ, живо: это ложь, чистѣйшая ложь!

В. Мельянъ говорилъ, что вы обязались платить ему ежегодную пенсію въ 400 франковъ и показывалъ даже ваше обязательство, подписанное *Евфимія Лакостъ*.

О. Я никогда не подписываюсь *Евфимія Лакостъ*, но *вдова Лакостъ*.

Президентъ приказалъ секретарю подать нѣсколько писемъ обвиненной; всѣ были подписаны: вдова Лакостъ.

На слѣдующіе затѣмъ вопросы госпожа Лакостъ отвѣтила, что мужъ ея страдалъ нѣкогда разными подозрительными болѣзнями; что въ послѣднее время болѣзни эти усилились, въ особенности съ появленіемъ грижи, и что онъ принималъ много лекарствъ.

Послѣ того приглашены были первые и вторые эксперты для представленія отчета своимъ химическимъ изысканіямъ. Принесены хрустальныя вазы, заключавшія въ себѣ внутренности покойнаго и два бюлечка, на которыхъ видны блестяція, металлическія пятна.

Гг. *Пеллузъ*, *Альфонсъ Девержи* и *Фланденъ* показали, что металлическій составъ, полученный въ видѣ колець, — мышьякъ; что онъ добытъ изъ внутренностей и мускуловъ Лакоста посредствомъ аппарата Марша и что употребленные реагенты были совершенно чисты; въ землѣ, окружавшей гробъ, не найдено мышьяка.

Г. *Девержи* прибавилъ, что наука не допускаетъ существованія

мышьяка въ человѣческомъ тѣлѣ, если оно находится въ нормальномъ состояніи.

Но происходилъ ли мышьякъ, найденный въ тѣлѣ Лакоста, отъ лекарствъ, многократно принимаемыхъ, или отравленіе произошло отъ одного приѣма? Вотъ въ чемъ заключался вопросъ.

Г-жа Лакостъ, вновь призванная, подтвердила, что мужъ ея втирался какимъ-то жирнымъ составомъ и употреблялъ бѣловатое питье, для отстраненія часто возвращавшихся сифилитическихъ страданій.

Докторъ *Ламоль* (*Lasmolles*) показалъ, что Лакостъ хотя былъ скрытенъ, говорилъ однако о лишаяхъ, очень ему докучавшихъ. Онъ принималъ свои средства и никогда не слушалъ наставленій врача. О существованіи грѣзи г. Ламоль узналъ только отъ одного мызника, въ чемъ впрочемъ Лакостъ не сознавался. Онъ не предполагалъ отравленія; видѣлъ какъ госпожа Лакостъ ухаживала за своимъ мужемъ, который не оказывалъ ей никакого неудовольствія. Свидѣтель не слышалъ ничего о стаканѣ вина, предложенномъ Лакосту Мельномъ.

Г. Девержи показалъ, что мышьякъ употребляется при накожныхъ болѣзняхъ, но не знаетъ подобнаго средства для употребленія внутрь.

Г. Фланденъ показалъ, что при нечаянномъ отравленіи, вслѣдствіе употребленія дурно приготовленныхъ препаратовъ мышьяка, въ печени умершаго можно найти столько же яду, сколько и въ печени отравленнаго человѣка. Онъ впрочемъ полагалъ, что смерть Лакоста послѣдовала вслѣдствіе принятаго единовременно значительнаго количества яду.

Г. Дюпун (*Dupou*), отставной офицеръ, показалъ, что въ концѣ апрѣля 1843 г., за двѣ недѣли до смерти, Лакостъ жаловался ему на свою жену, говорилъ, что онъ несчастливъ, что онъ мученикъ, что онъ хочетъ лишитъ жену наслѣдства.

Г. Лесперъ (*Lespère*), обыватель въ Бассонѣ, показалъ почти тоже, присовокупивъ, что Лакостъ не говорилъ женѣ о своемъ завѣщаніи, опасаясь, чтобы она не отравила его; что покойникъ былъ скупъ, ревнивъ и поведенія очень легкаго.

Г. Лафонъ (*Lafont*), сборщикъ податей въ Казо-Данглѣ (*Cazo-Danglès*), показалъ, что 16 августа Лакостъ жаловался ему на судороги въ желудкѣ, сдѣлавшіяся послѣ того какъ онъ выпилъ у Мельяна стаканъ вина; что супруги Лакостъ жили довольно мирно, исключая ненюгихъ ссоръ изъ-за ревности.

Г. Антоній Мотъ (*Mothe*), отставной капитанъ, показалъ, что

16 августа онъ обѣдалъ съ Мельяномъ, гулялъ съ димъ по арманкѣ, гдѣ его и оставилъ, или вѣрнѣе, потерялъ въ толпѣ.

Г. Сабатъе, шланникъ въ Викѣ, утверждалъ, что 16 августа онъ былъ въ Ригнѣ, что Мельянъ въ этотъ день не встрѣчался съ Лакостомъ, что лицо послѣдняго было покрыто лишаями, которые онъ скрывалъ по возможности, что онъ лечился самъ или прибѣгалъ къ помощи ветеринара, что онъ терпѣть не могъ врачей и священниковъ.

Иванъ Дюръё (Durieux), земледѣлецъ въ Ригнѣ, показалъ, что при возвращеніи съ ярманки Лакостъ жаловался на боли въ желудкѣ и что супруги Лакостъ жили очень примѣрно.

Петръ Курье (Courget), камешчицкъ, показалъ, что на слѣдующій день ярманки, по его совѣту, Лакостъ пилъ теплую воду, вслѣдствіе чего его рвало всю ночь.

Доминикъ Милла (Milbas), лакей въ Ригне, показалъ, что въ день ярманки, вечеромъ, Лакостъ былъ боленъ и на слѣдующій день жаловался на сильную рвоту, что госпожа Лакостъ очень ухаживала за мужемъ, носила ему разные отвары и постоянно находилась при немъ.

Наварръ (Navarre), плотникъ въ Викѣ-Фезансакѣ, показалъ, что въ день ярманки Лакостъ заболѣлъ, на слѣдующій день жаловался на боль головы и желудка, но про рвоту не упоминалъ; что въ среду былъ докторъ Ламоль и давалъ слабительное, что Лакостъ употреблялъ какую-то помаду, которую ему прописывалъ какой-то гадатель изъ Ориза; что онъ былъ скупъ и ревнивъ, что во время бодрѣнни кто хотѣлъ могъ навѣщать его.

Наварръ-сынъ показалъ тоже что и отецъ, присовокупивъ, что однажды, когда у него раскраснѣлась щека, Лакостъ сталъ увѣрять его, что это лишай и что онъ вымечился отъ подобной болѣзни жаромъ, который ему давалъ нѣкто Фуассъ.

Якобина Ларрѣ (Largier), хорошенькая 18-лѣтняя дѣвушка, горничная госпожи Лакостъ, показала, что покойный ухаживалъ за ней и однажды, когда она была одна въ комнатѣ, предложилъ ей 2,000 франковъ дохода; Якобина ничего не отвѣтила. На слѣдующій день онъ снова пришелъ къ ней: «Я слѣлалъ завѣщаніе; занисалъ тебѣ 2,000 франковъ дохода; послѣ моей смерти, ты найдешь завѣщаніе за зеркаломъ», сказалъ г. Лакостъ. — Оставьте меня въ покоѣ съ вашимъ завѣщаніемъ, отвѣтила Якобина. «Въ такомъ случаѣ я его уничтожу.» — Сколько вамъ угодно.

Барыня брила своего мужа почти постоянно.

В. Не оказывала ли она ему и другихъ услугъ?

О. Оливиды я видѣла, какъ она подвѣзывала ему панталоны, мыла ноги и стригла ногти.

Г. Алемъ-Руссо. Обвинительный актъ называесть подобное поведеніе подлостью, мы же его называемъ самоотверженіемъ.

Королевскій прокуроръ. По нашему мнѣнію это тонкій расчетъ.

Г. Доэль, аббатъ въ Ригпѣ, показалъ, что онъ видѣлъ обязательство на уплату ежегодной пенсіи въ 400 франковъ, но что почеркъ, которымъ оно было написано, не походилъ на почеркъ госпожи Лакость; что супруги Лакость жили мирно; что во время ихъ бракосочетанія церковный обрядъ не былъ совершенъ въ Ригпѣ, такъ какъ оба находились въ близкомъ родствѣ.

Показанія послѣдовавшихъ засимъ многихъ свидѣтелей не заключали въ себѣ ничего замѣчательнаго и ограничивались только отзывами въ пользу или противъ обвиненной.

По выслушаніи свидѣтелей, президентъ приступилъ къ разсмотрѣнію вопроса о болѣзни г. Лакоста съ судебно-медицинской точки зрѣнія; врачи и химики представили свои заключенія.

Докторъ Пелузь. Господа, вотъ трубочка, заключающая въ себѣ мышьякъ, добытый изъ половины печени, подвергнутой нашему изслѣдованію; мы получили эти два металлическія кольца, которыя легко различить сквозь стекло.

Въ тоже время г. Пелузь показалъ фарфоровыя блюдечки, на которыхъ видны были темныя пятна, происшедшія равнымъ образомъ отъ мышьяка. По мнѣнію врачей, присутствіе мышьяка въ тѣлѣ г. Лакость не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Президентъ. Теперь намъ остается только объяснить это присутствіе мышьяка. Здѣсь представляется нѣсколько судебно-медицинскихъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ будетъ зависѣть исходъ настоящаго дѣла. Скажите, господа, доказано ли, что г. Лакость умеръ отъ отравленія?

Г. Алемъ-Руссо. Я не могу допустить подобной формы вопроса.

Президентъ. Позвольте, въ свое время вы сдѣлаете ваши замѣчанія. Г. Дѣвержи, я повторяю мой вопросъ: умеръ ли Генрихъ Лакость отъ отравленія, умеръ ли онъ отъ мышьяка, даннаго ему съ умысломъ или случайно?

Г. Девержи. Мы дошли только до одного убѣжденія, происекшаго изъ нашихъ изслѣдованій, а именно: что въ тѣлѣ Генриха Лакость заключался мышьякъ. Теперь я прошу г. президента сдѣлать обвиненнымъ нѣкоторые вопросы съ чисто медицинскою точки зрѣнія, и спросить ихъ напимѣръ, продолжалась ли рвота непрерывно отъ начала болѣзни до самой смерти?

Г-жа Лакостъ. Рвота началась не тотчасъ по возвращеніи жука съ ярманки въ Ригпё.

Президентъ. Здѣсь замѣтны двѣ системы: обвинители говорятъ, что рвота началась тотчасъ; защитники утверждаютъ, что рвота показалась только ночью съ среды на четвергъ.

Г. Девержи. Для меня это вопросъ второстепенный; но какъ во время настоящаго пренія многіе предполагали, что г. Лакостъ скончался вслѣдствіе прежнихъ болѣзней, то мнѣ нужно знать: рвало ли его ежедневно и безостановочно?

Г-жа Лакостъ. Нѣтъ, рвота прекратилась было и потомъ возобновилась съ новой силой.

В. Г. Лакостъ принималъ ли пищу, пилъ ли что-нибудь?

Г-жа Лакостъ. Да, онъ любилъ всегда хорошо поѣсть и выпить.

В. Были ли у него сильныя страданія?

О. Да, но только въ послѣдніе дни.

В. Однако онъ могъ вставать, заниматься своими дѣлами?

О. Да, вставалъ.

Докторъ. Этого для меня достаточно. Теперь я могу положительно сказать: мышьякъ былъ принятъ вовнутрь, и то ночью, потому что мы нашли его въ печени.

Перехожу къ другимъ причинамъ, которыя, правдоподобно, могли произвести смерть. По показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей многіе дѣлаютъ себѣ вопросъ: не послѣдовала ли она отъ несваренія желудка или грыжи? Я разберу эти два предположенія.

Докторъ Девержи доказываетъ, что при обстоятельствахъ, въ которыхъ найдено тѣло г. Лакостъ, причиной смерти не могла быть ни грыжа, ни несвареніе желудка, и заключаетъ словами: «Судя по симптомамъ болѣзни, смерть послѣдовала отъ приема мышьяку; срокъ ея совершенно соотвѣтствуетъ количеству найденнаго яду.»

Г. Фланденъ того же мнѣнія.

Г. Пелузь отказывается изложить свое заключеніе.

Г. Мола, докторъ въ Ошѣ, утверждаетъ, что количество мышьяку чрезвычайно мало, едва четыре десятыхъ грана.

Г. Девержи опровергаетъ это мнѣніе, доказываетъ, что мышьяку найдено гораздо больше чѣмъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что химическимъ анализомъ добыта только малая часть его.

Г. Мола полагаетъ, что ежели мышьякъ принимать и въ малыхъ приѣмахъ, то онъ можетъ накопиться и при малѣйшемъ слу-

нѣ вызвать смерть, не быть ея причиною. Въ настоящемъ случаѣ необходимо принять во вниманіе прежнія болѣзни Лакоста.

Г. Девержи соглашается, что тѣло принимаетъ въ себя, но и выдѣляетъ принятое.

Г. Фланденъ. Бывали случаи, что употребленіе помады или втиранія производило смерть, хотя употребленная при составѣ доза не могла быть смертельною.

Г. Лиданжъ, аптекаръ въ Ошѣ. Въ здѣшнихъ окрестностяхъ легко можно доставать вещества, содержація мышьякъ; жидкость Фовьера находится даже въ продажѣ: это большое зло.

Г. Девержи заключаетъ медицинскія пренія слѣдующими словами: «Я утверждаю, что г. Лакость умеръ вслѣдствіе отравленія мышьякомъ; слово *отравленіе* я употребляю съ точки зрѣнія науки: мышьякъ убилъ его.»

12 іюля опросы всѣхъ свидѣтелей были кончены, и г. Кассаболь, королевскій прокуроръ, произнесъ слѣдующія слова:

«Господа!

«Я не нахожу нужнымъ напоминать людямъ, проникнутымъ важностью и святостью возложенныхъ на нихъ обязанностей, о знаменательности настоящаго дѣла; оно говоритъ само за себя: отравленіе будитъ въ насъ столько воспоминаній, даже историческихъ, что каждый легко объяснить себѣ участие принимаемое публикой въ нашихъ преніяхъ.»

«Дѣйствительно, какое преступленіе потребуе́тъ болѣе превратной души, какое преступленіе можетъ возбудить болѣе негодованія? Оно достойно наказанія самаго примѣрнаго!»

Объяснивъ, что и въ древнихъ законодательствахъ отравленіе преслѣдовалось самымъ строгимъ образомъ, прокуроръ приступаетъ къ настоящему дѣлу и говорить:

«Генрихъ Лакость увидѣлъ на одной свадьбѣ свою вначатную племянницу, дѣвицу Евфимію Вержесь. Она ему понравилась и онъ женился на ней. Расчеты молодой женщины видны съ самаго начала супружеской жизни. Она показываетъ мужу привязанность, которой не ощущаетъ: окружаетъ его преувеличенными попеченіями; исполняетъ при немъ обязанности, возлагаемыя обыкновенно на прислугу. И все это дѣлаетъ 23-лѣтняя дѣвушка для 68-лѣтняго старца, котораго въ настоящихъ преніяхъ намъ показывали покрытаго лишаями, расслабленнаго разными болѣзнями! Кто скажетъ, что здѣсь не было расчета?»

«Всѣ эти хитрости удались вполнѣ.»

«1 іюля 1841 г. написано завѣщаніе. Евфимія Вержесь достигла своей цѣли.»

«Тутъ началась для! госпожи Лакость другая забота. У нея нѣтъ дѣтей, она не можетъ удовлетворить желанію мужа. Она знаетъ, что г. Лакость хочетъ имѣть наследника на сторонѣ; для предупрежденія этого она заводитъ въ домѣ шпионовъ. Ей передали, что мужъ ея дѣлалъ денежныя предложенія Луизѣ Дюпун; Якобина Ларѣ сообщила ей подобныя же свѣдѣнія. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло касалось ни болѣе ни менѣе какъ пенсін въ 2,000 франковъ или суммы въ 20,000 франковъ.

• Вотъ каковы были домашнія отношенія супруговъ.

• Въ это время подошла ярманка въ Ригнѣ. Г. Лакость выпиваетъ у Мельяна стаканъ вина. Появляются судороги, онъ заболѣваетъ, умираетъ! Но—нашему, онъ умираетъ отравленный.

• Кто же былъ этотъ Мельянъ? Другъ жертвы! Его другъ!

• Вы знаете бродяжнюю жизнь Мельяна: то солдатъ, то аптекаръ, то купецъ, наконецъ учитель, онъ поселяется въ Ригнѣ. Заводитъ дружбу съ г. Лакостомъ и его молодой женой, посѣщаетъ ихъ часто, слишкомъ часто.

• И замѣтите, какая странность! Лакость боленъ; Мельянъ, другъ его, Мельянъ, посѣщавшій его такъ часто, — Мельянъ не является къ нему! Онъ не былъ въ Филиберѣ во все время болѣзни. О! Мельянъ опасался, чтобы жертва его, въ минуту смерти, не упрекнула его въ преступленіи! Угрызенія совѣсти останавливали его въ эту минуту.

• Я убѣжденъ, что во все время этой страшной болѣзни, онъ не разъ ставилъ ногу на порогъ дома Филиберъ и всякій разъ крикъ совѣсти заставлялъ его возвращаться.»

Далѣе королевскій прокуроръ описываетъ поведеніе Мельяна послѣ смерти Генриха Лакоста; у него деньги, билеты, обязательство на 400 франковъ пенсін.

• Господа, развѣ васъ не поражаетъ слѣдующее обстоятельство: эта молодая женщина ухаживаетъ за старикомъ, на котораго въ тоже время жалуются; старикъ выпиваетъ у Мельяна стаканъ вина и умираетъ въ страшныхъ страданіяхъ; а Мельянъ, этотъ бывший аптекарскій ученикъ, показавшій во время настоящихъ преній столько низма, предъявляетъ всѣмъ билетъ госпожи Лакость, обязательство госпожи Лакость! Господа, этимъ все объясняется!.

Обвинитель разсматриваетъ послѣ того поведеніе госпожи Лакость во время болѣзни мужа, отъ постели котораго она устраняетъ всѣхъ свидѣтелей, исполняя сама, безъ любви, самыя отвратительныя обязанности, призываетъ врача только въ послѣдній день, говоритъ о несвареніи желудка и послѣ смерти занята только своимъ состояніемъ и вознагражденіемъ своего соучастника.

• Нравственныя доказательства изобилуютъ въ настоящемъ дѣлѣ: деньги, найденныя у Мельяна, равнодушіе госпожи Лакость послѣ

смерти мужа, посѣщеніе извѣстнаго молодого человѣка, перешла въ образъ жизни. Не забывайте, что въ дѣлѣ отравленія судебная власть не можетъ явиться къ вамъ съ руками полными доказательствъ; нравственныя доказательства должны имѣть также свою силу. На основаніи подобныхъ доказательствъ произнесенъ приговоръ надъ госпожею Бренвилле; они же приняты во вниманіе при разрѣшеніи дѣла Даржъ. Господа жюри, вы должны судить и разсуждать!

• А въ настоящемъ случаѣ сколько нравственныхъ доказательствъ! Мельяна выгоняетъ Дескюръ: госпожа Лакость, своимъ вліяніемъ, возвращаетъ его въ этотъ домъ. Какая связь существовала между госпожою Лакость и этимъ человѣкомъ? Какое общество она посѣщала? Развѣ ей не было извѣстно, что на Мельяна пало безславіе за поведеніе его въ Ригпѣ? Развѣ она не опасалась одного соприкосновенія съ нимъ? •

Разсказавъ вкратцѣ судебно-медицинскія пренія и объяснивъ на основаніи матерьяльныхъ доказательствъ фактъ отравленія, прокуроръ продолжаетъ:

• Чтоже говорить госпожа Лакость въ свое оправданіе? Что она сама требовала разсмотрѣнія ея дѣла судебнымъ порядкомъ, что тѣло открыто по ея просьбѣ. Почему же госпожа Лакость скрывалась? Развѣ такъ должна дѣйствовать невинная женщина?

• Знаете ли, госпожа Лакость, что вамъ слѣдовало сдѣлать? По моему мнѣнію, вамъ слѣдовало помогать намъ открыто въ нашихъ поискахъ; вамъ слѣдовало просить, чтобы виновный былъ наказанъ; вамъ слѣдовало сказать: мужъ мой выпилъ стаканъ вина у Мельяна; онъ умеръ; допросите Мельяна! Но нѣтъ, вы никогда не обвиняли Мельяна; вы оставили его въ покоѣ, вы ему покровительствовали! •

Въ концѣ рѣчи королевскій прокуроръ обращается къ жюри, проситъ ихъ быть справедливыми, разсмотрѣть тщательно, со всевозможнымъ вниманіемъ, подробности настоящаго важнаго дѣла, и опускаетъ въ чашу два черныхъ шара.

Канцелу, защитникъ Мельяна, сказалъ:

• Господа жюри,

• Юстисъ Мельянъ могъ бы предоставить свою защиту кому-либо изъ знаменитыхъ адвокатовъ столицы; но, увѣренный въ своей невинности, онъ довольствуется помощью, которую мы ему предложили. И потому, господа, я счастливъ и убѣжденъ, что привошу честь моему званию, являясь сегодня на поприще давно мною оставленное, для защиты честнаго человѣка, невиннаго старца •.

Разсмотрѣвъ жизнь Мельяна и прочитавъ нѣсколько свидѣтельствъ, въ томъ числѣ и свидѣтельство муниципальнаго совѣта города Виль-Фезансака, удостоверяющихъ въ поведеніи и нрав-

ственности Мельяна, Кантелу разсматриваетъ обвиненіе и доказы-
ваетъ его неосновательность. Онъ оканчиваетъ слѣдующимъ :

• Говорили: во время болѣзни Лакоста Мельянь не былъ у него! Слава-богу, что такъ случилось. Что сказали бы вы, еслибъ онъ былъ у Лакоста? Вы бы вѣроятно воскликнули: «ядъ не скоро подѣйстви-
валъ; убійца идетъ доконать свою жертву!» Повторяю: слава-богу,
что мы тамъ не были!

• Но на слѣдующій день, узнавъ о болѣзни, мы хотѣли посѣтить
госпожу Лакость. Мы говорили объ этомъ гг. Сабазану, Тенне и дру-
гимъ; намъ сказали, что г. Лятелеръ, другъ дома, являлся два раза и
не былъ принять; это обстоятельство остановило и насъ. Впрочемъ на-
шему примѣру послѣдовали всѣ, даже и аббатъ въ Риглѣ.

• Насъ спрашиваютъ: «зачѣмъ же послѣ того вы были у вдовы?»
Боже мой, да мы были у нее три или четыре раза втеченіи пяти
мѣсяцевъ!

• Мы были на похоронахъ г. Лакость какъ и всѣ; мы были на па-
нихидѣ какъ и всѣ; мы обѣдали у госпожи Лакость какъ и всѣ. Еслибъ
мы этого не сдѣлали, обвинители воскликнули бы: «смотрите! онъ не
могъ отдать послѣдняго долгу Лакосту; совѣсть ему не позволила!»
Вотъ какова была бы ваша рѣчь.

• И вы насъ обвиняете потому, что мы сдѣлали то, что должны
были сдѣлать! Но мнѣ кажется, что нужно хорошо подумать, прежде
чѣмъ начать обвиненіе на столь ненадежномъ основаніи.

• Перехожу къ денежному вопросу. Дѣло идетъ о векселѣ въ 1772
франка, о ежегодной пенсіи въ 400 франковъ, этихъ дарахъ госпожи Ла-
кость Мельяну.

• Дѣйствительно ли вы вѣрите тому, что человекъ можетъ рѣшить-
ся подвергнуться висѣлицѣ изъ-за капитала въ 1772 франка и пенсія
въ 400 франковъ? Этого быть не можетъ. Награда должна соответство-
вать оказанной услугѣ. Не забывайте, что для госпожи Лакость, дѣ-
ло шло о состояніи въ 500,000 франковъ, которое ускользало изъ ея
рукъ.

• Господа, Мельянь обремененный семействомъ, Мельянь преслѣдуе-
мый сыномъ, Мельянь, который долженъ былъ содержать своихъ вну-
ковъ, Мельянь, — за подобную услугу не могъ довольствоваться по-
добнымъ вознагражденіемъ.

Кантелу старается оправдать объясненія представленныя Мелья-
номъ относительно сдѣланныхъ имъ сбереженій, относительно обя-
зательства въ 400 франковъ и векселя на имя Кастера и продол-
жаетъ:

• Я возстановилъ, на сколько умѣлъ, добрую славу этого старца, я
доказалъ его нравственность, я доказалъ, что нѣтъ возможности счи-
тать его виновнымъ. Господа, въ одномъ изъ послѣднихъ процессовъ,
въ процессѣ Довонъ-Калота, одинъ президентъ сказалъ очень справед-

лю, что сомнѣніе судья есть спасеніе обвиняемаго. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ даже сомнѣнія, нѣтъ ни нравственной, ни законной возможности осужденія, есть совершенный недостатокъ доказательствъ, нѣтъ никакой увѣренности.

• Кажется я исполнилъ свою обязанность; оставляя мои ежедневныя занятія, чтобы явиться среди васъ, я хотѣлъ возратить честь достойному семейству, отомстить за оскорбленную истину и остановить несправедливый приговоръ, судебное убійство.

• Господа, вамъ остается только оправдать Мельяна.

Г. Алемъ-Руссо, защитникъ госпожи Лакость, началъ рѣчь слѣдующими словами:

• Господа жури,

• Наконецъ и мнѣ позволено возвысить голосъ. Наконецъ эта молодая женщина услышитъ здѣсь въ первый разъ голосъ дружбы и признанности, она, которую втеченіи осьми мѣсяцевъ преслѣдуетъ подозрѣніе, которую обвиняютъ со всѣхъ сторонъ. Пусть по крайней мѣрѣ слово мое, слово дружбы, позволитъ ей забыть страданія, возбужденныя въ ней рѣчью г. королевскаго прокурора.

• Что скажете вы о томъ расчетѣ, который многіе хотять видѣть въ супружествѣ Евфиміи Вержесъ съ Генрихомъ Лакостомъ? Странный, должно сознаться, расчетъ, который со стороны молодой женщины; известной красавицы, хорошо образованной, имѣвшей наконецъ 20,000 франковъ состоянія, заключался въ томъ, чтобы выйти замужъ за старика, котораго состояніе едва достигало 400,000 франковъ. Не забудьте, что въ то время Генрихъ Лакость потерялъ надежду наследовать послѣ брата своего Филиберта: всѣмъ известно, что этотъ послѣдній сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу какого-то молодого человѣка, котораго называли его сыномъ. Слѣдовательно трудно найти расчетъ въ супружествѣ, заключенномъ при подобныхъ условіяхъ.

• Кажется намѣреніе жевить Генриха Лакоста на дѣвницѣ Вержесъ возникло еще въ 1839 г. Съ того времени г. Лакость помѣстилъ племянницу свою въ пансіонъ въ Тарбѣ, гдѣ она получила, на счетъ своего дяди, прекрасное образованіе; она росла съ тою мыслью, что вскорѣ должна сдѣлаться женою дяди.

• Правда, г. Лакость скрывалъ это намѣреніе; но когда слухъ о свадьбѣ достигъ до Ригнѣ и Филибертъ узналъ о бракѣ, онъ немедленно уничтожилъ свое завѣщаніе. Такимъ образомъ по справедливости можно сказать, что госпожа Лакость сдѣлалась благодѣтельницей своего мужа.

• Бракосочетаніе совершилось въ началѣ 1841 года.

• Едва дѣвушка успѣла вступить въ новую для нея жизнь, какъ тотчасъ поняла опасности и требованія ея положенія. Поэтому мы можемъ неоднократно слышать, какъ она отвѣчала тѣмъ, которые угрожали ей веселиться: нѣтъ, мужъ мой старъ, его нужно беречь; я должна оставаться при немъ; притомъ же я должна сохранить себя

нистою отъ всякаго подозрѣнія. Вотъ съ какими чувствами госпожа Лакостьъ входитъ въ супружескую жизнь; вотъ какъ она понимаетъ, она, молодая и хорошенькая, обязанность самоотверженія, которой остается вѣрною до послѣдняго вздоха того, котораго любила; потому что она дѣйствительно любила своего мужа, своего мужа старика и больного.

• Пришло однако несчастье. Г. Лакостьъ, давно больной, страдающій, дѣлалъ усилія, чтобы скрыть свои страданія отъ молодой жены, что весьма понятно. Наконецъ онъ заболѣваетъ; жена почти исключительно ухаживаетъ за нимъ. Онъ умираетъ два года спустя послѣ своего брака.

• Г-жа Лакостьъ наследовала правда весьма значительное состояніе, но вовсе не такое огромное, какое приписывали.

• Приученная при мужѣ къ жизни простой, почти скудой, мало ея достойной, бросается ли госпожа Лакостьъ къ роскоши, какъ многіе ее обвиняли? Удовлетворяетъ ли она прихотямъ тщеславія? Цѣтъ, не вѣрете этому.

• Г-жа Лакостьъ занята была мыслями болѣе возвышенными, болѣе достойными ея сердца. Она писала къ своимъ маклерамъ, чтобы она дала льготу ея должникамъ. Г. Лакостьъ бралъ 6%; госпожа Лакостьъ не дочетъ 6, она довольствуется 5%; это уменьшаетъ ея состояніе на одну пятую, да ей что за дѣло? Эта женщина, которую обвиняютъ въ преступленіи, которая должна опасаться дѣйствій суда и стараться инстинктивно удалиться отсюда, эта женщина имѣетъ одну цѣль: превратить въ недвижимое все движимое имѣніе, которое она нашла въ бумажникахъ своего мужа. Она не удаляется изъ этихъ мѣстъ, она не думаетъ бѣжать.

• Появляются однако обвинители, находятъ вездѣ и во всемъ доказательства. Говорили, что госпожа Лакостьъ не жалѣетъ своего мужа; но имѣете ли вы право вопрошать подобнымъ образомъ сердце? Принадлежитъ ли вамъ оцѣнка задушевныхъ его чувствъ? Можете ли вы, публичный обвинитель, брать доказательства въ подобныхъ подробностяхъ?.. Госпожа Лакостьъ запирается у себя въ домѣ; она не плачетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, но почитаетъ память того, который былъ ея мужемъ! Если же бы, напротивъ, она говорила всѣмъ о своемъ горѣ, еслибы она показывала свои слезы, вы непременно бы сказали, что эта женщина играетъ недостойную комедію и старается обмануть общественное мнѣніе; такимъ образомъ все обращается противъ обвиняемаго, который имѣетъ несчастье сѣсть на эту скамью.

• Г. Лакостьъ скончался; его похоронили; втеченіи шести мѣсяцевъ всѣ молчатъ; никто никого не подозрѣваетъ. Но вдругъ все переищается: молодая вдова слышитъ глухіе толки; ее обвиняютъ въ соучастничествѣ въ большемъ преступленіи, говорятъ, что она отравила.. вѣтъ, ошибаюсь, — что она велѣла отравить своего мужа! Что сказать маѣ вамъ объ огорченіи этой женщины, о ея слезахъ, о ея негодованіи, о ея отчаяніи?

• Въ виду подобнаго обвиненія представлялись два средства оправданія: начать искъ противъ лицъ, которыя распространяли столь дикую клевету, и въторыхъ, вскрыть тѣло покойнаго; госпожа Лакость знала, что невинность ея должна обнаружиться.

• Наука можетъ, по истеченіи мѣсяцевъ, лѣтъ, даже вѣковъ, найти обвинительный ядъ и дать правосудію возможность: убѣдиться въ преступленіи или провозгласить невинность.

• Г-жа Лакость ободрилась: ей можно оправдаться; не теряя времени, она написала къ г. королевскому прокурору и просила вскрытія тѣла и слѣдствія.

• Но увы! могла ли она ожидать, что тамъ, гдѣ она искала оправданія, ее встрѣтитъ обвиненіе! Несчастная судьба бѣдной женщины, которая должна пройти черезъ всѣ степени униженія!

• Представляется первый вопросъ: правда ли, что г. Лакость палъ жертвой яда, даннаго съ умысломъ или безъ всякаго намѣренія? Я не намѣренъ, господа, разрѣшить этого вопроса. Нѣтъ, я представлю факты какъ они были: сомнительными — если они сомнительны, достоверными — если они окажутся такими.

• Примемъ факты въ хронологическомъ порядкѣ. Выѣзжая изъ Тарба, г. Лакость былъ нездоровъ; его посѣщалъ докторъ и совѣтовалъ пустить кровь. Въ Бессу, Лакость ничего не говоритъ о своихъ страданіяхъ. Въ Ригнѣ всѣ замѣчаютъ въ немъ перемѣну; онъ самъ жалуется на боли въ желудкѣ. Нужно однако сказать слово о привычкахъ г. Лакоста.

• Вы слышали показанія свидѣтелей: онъ обжирался (просните за выраженіе) блюдами простыми, тяжелыми и въ большомъ изобиліи; прибавьте къ тому, что онъ страдалъ застарѣлой грыжей: намется это ясно для всѣхъ. Началась рвота: было ли это во вторичныя или въ первую, все равно; довольно того, что рвота была; она прекратилась, потому ему сдѣлалось хуже. Былъ приглашонъ докторъ, но онъ не могъ остановить болѣзни; г. Лакость скончался. Таковы факты.

• Признаюсь, я немного удивился, когда услышалъ, что г. Лакость не могъ умереть ни отъ грыжи, ни отъ несваренія желудка. На чемъ; на какихъ данныхъ г. Дёвержи основалъ подобное заключеніе? На симптомахъ болѣзни, описанныхъ г. Жамоллемъ по истеченіи шести мѣсяцевъ! Я не опровергну достовѣрствъ г. Жамолля, но спрашиваю себя: можно ли полагаться на точность медицинскаго описанія, сдѣланнаго по прошествіи шести или восьми мѣсяцевъ?

• Мнѣ отвѣтять вѣроятно химическими изслѣдованіями, доказавшими существованіе яда. Пусть и такъ будетъ, я соглашаюсь, — ядъ существуетъ. Но сколько тутъ вопросовъ! Если ядъ существуетъ, то какъ онъ былъ яравитъ? Достоверно ли вы притомъ знаете, что мышьякъ не можетъ быть въ человѣчскомъ тѣлѣ, находящемся въ нормальномъ положеніи? Современная наука говоритъ нѣтъ, а это видно; но вчерашняя говорила да. Чтоже скажетъ завтрашняя?

• Приемъ однако за положительное существованіе яда и перейдемъ къ вопросу: откуда онъ взялся?

• Здѣсь, какъ вы знаете, является система обвиненія, которая говоритъ, что ядъ служить доказательствомъ преступленія, и система защиты, которая будучи принуждена объяснить неизвѣстный ей фактъ, спрашиваетъ васъ: не можетъ ли ядъ быть результатомъ лекарства, не отравилъ ли больной самъ себя, желая вылечиться?

• Г. Лакостъ давно принималъ лекарства, которые мы назовемъ секретными, потому что онъ прятался принимая ихъ, и потому что сегодня мы можемъ только догадываться, какова могла быть натура этихъ лекарствъ.

• Мы собрали много данныхъ, которые могутъ навести насъ на путь истины; мы узнали положительно, что г. Лакостъ требовалъ у одного аптекаря воды Фовлера; правда, что аптекарь ему отказалъ. Это служитъ однако доказательствомъ, что г. Лакостъ нуждался въ Фовлерѣ, лекарствѣ мышьяковомъ, и что слѣдовательно онъ страдалъ какою-нибудь болѣзью, требующею самыхъ сильныхъ и въ тоже время самыхъ опасныхъ средствъ.

• Кто вамъ сказалъ, что не получивъ Фовлера въ Бессу, онъ не обратился за нимъ въ другую сторону и не добылъ его наконецъ? Говорить; аптекаря могутъ выдавать подобныя средства только по предписанію врачей. Дѣйствительно такъ; но развѣ правило это соблюдается, въ особенности въ деревняхъ? Припомните, что въ Бордо г. Лакостъ требовалъ жидкости св. Людовика и когда жена его думала, что дѣло идетъ объ анисовой водкѣ, онъ сказалъ: «Нѣтъ, этого женщины не принимаютъ».

• Долгое время мы сами не знали, что значить жидкость св. Людовика, и теперь только намъ оказано, что Фовлеръ былъ употребленъ въ первый разъ какъ медицинское средство въ госпиталѣ св. Людовика въ Парижѣ. И вотъ вамъ *Газета госпиталей*, гдѣ вы можете прочитать слѣдующее объявленіе: *Растворъ Фовлера, какъ его употребляютъ въ госпиталѣ св. Людовика!* Вы понимаете теперь, сколько правдоподобія во всѣхъ этихъ сближеніяхъ.

• Докторъ Лаланнъ (Lalanne) прислалъ мнѣ свидѣтельство, которымъ удостовѣряетъ, что онъ пользовалъ г. Лакоста отъ хроническихъ лишаевъ; но совѣты его оставались обыкновенно безъ вниманія.

• Невозможно, скажете вы мнѣ, чтобы г. Лакостъ употреблялъ подобныя средства, не посоветовавшись ни съ кѣмъ, и вы не можете намъ указать никого, къ кому бы онъ прибѣгалъ за помощью. — Вы слишкомъ много требуете; развѣ вы не знаете, что г. Лакостъ чувствовалъ антипатію къ врачамъ и что онъ этого не скрывалъ? Съ другой стороны многіе свидѣтели вамъ показали, что онъ обыкновенно прибѣгалъ къ помощи медицинскихъ книгъ.

• Изъ сближенія этихъ обстоятельствъ можно съ достовѣрностью сдѣлать заключеніе, что г. Лакостъ употреблялъ мышьяковыя средства и

что заснѣть смерть его могла быть послѣдствіемъ вредныхъ снадобій, которыя онъ принималъ и количество которыхъ увеличилъ когда ибудь неосторожно, надѣясь на скорѣйшее выздоровленіе.

Далѣе г. Алемъ-Руссо разсматриваетъ вопросъ съ ученой точки зрѣнія, разрѣшаетъ его въ пользу защищаемой имъ стороны, и вооплащаетъ:

• Господа, все здѣсь сомнительно. Таково было послѣднее слово г. Пелуза, таково должно быть послѣднее слово науки: ядъ существуетъ, но мы не знаемъ откуда онъ взялся!

• Кто же могъ отравить Лакоста? Жена не могла сдѣлать этого одна; ей нашли Мельяна... ученаго химика? — нѣтъ, аптекаря! У него родилась мысль, онъ совершилъ преступленіе!

• Однако, ежели г-жа Лакость хотѣла убить мужа, нуженъ ли ей былъ Мельянъ? Не могла ли она добыть мышьяку сама? Говорятъ, это легко было сдѣлать. Слѣдовательно Мельянъ намъ былъ ненуженъ, его соучастіе было излишнимъ.

• Кантелу вамъ доказалъ, что Мельянъ честный и уважасмый всѣми человекъ. Еслибы намѣренія наши были преступны, могли ли бы мы обратиться къ нему?

• Противъ стакана вина, противъ рвота во вторникъ и въ среду, мы имѣемъ доказательство — письмо самаго Лакоста. Онъ пишетъ къ доктору Бубе, просить его совѣта, но не говоритъ ничего о стаканѣ вина; а изъ выраженій письма должно понять, что рвота показалась въ первый разъ не ночью со вторника на среду, а во вторникъ днемъ!

• Я знаю, что вы мнѣ противопоставите показанія вънормальныхъ свидетелей, въ особенности по истеченіи столь продолжительнаго времени?

• Я потерялъ мать: это былъ страшный день для меня! Но, Боже! числа... я теперь не помню!.. Почему же вы полагаете, что люди эти лучше помнятъ вещи, которыя для нихъ менѣе близки, чѣмъ для меня смерть матеря?

Далѣе г. Алемъ-Руссо опровергаетъ выводы, сдѣланные обвиненіемъ изъ передачи билета въ 1772 франка и пенсін въ 400 франковъ, описываетъ юность Евфиміи Вержесь, ея замужество и продолжаетъ:

• Скажу вамъ, г. королевскій прокуроръ, вещь, которая васъ въ-роятно удивитъ, но не менѣе того чистую истину: Евфимія Вержесь, вышла замужъ за Генриха Лакость, дѣлала почти дурную партію. При вступленіи въ бракъ съ кѣмъ бы то ни было дѣвица Вержесь получила 15,000 франковъ; послѣ отца должна была наследовать капиталъ въ 20,000 франковъ, и того 35,000 франковъ! Чтоже принесъ ей мужъ? Каковъ было тогда состояніе г. Лакоста? У него было всего 35,000 фран-

ковъ ! Онъ тогда не наследовалъ еще послѣ брата, своего Филиберта, 35,000, противъ 35,000, „ вотъ все что было „

Въ подтвержденіе своихъ словъ Алемъ-Руссо читаетъ два завѣщанія Генриха Лакостъ, изъ которыхъ видно, что все состояніе его, до вступленія въ бракъ, не превышало 35,000 франковъ.

• И такъ, господа, вотъ каковъ былъ расчетъ двадцатилѣтней дѣвочки, вышедшей замужъ за шестидесяти-осмилѣтняго старика ! Я догадываюсь однако, что вы мнѣ скажете : Евфимія знала, что наследство Филиберта получить Генрихъ Лакостъ. Три брата : Берtrandъ, Филибертъ и Генрихъ, условились взаимно передавать другъ другу свое состояніе.

• Нѣтъ, господа, вы ошибаетесь ! Задолго до женитьбы братъ Филибертъ сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу незаконнаго сына своего. Онъ не любилъ Генриха, и уничтожилъ свое завѣщаніе только тогда, когда Евфимія отдала руку брату его. Такимъ образомъ можно сказать, что Евфимія Вержесь принесла состояніе Генриху Лакостъ.

Разсмотрѣвъ еще показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей, знавшихъ хорошо домашнюю жизнь и нравственность г-жи Лакостъ, Алемъ-Руссо оканчиваетъ рѣчь слѣдующими словами :

• Теперь, господа жюри, вамъ остается только провозгласить невмѣстность этой женщины ; освободите ее скорѣе отъ этой унижительной снани. Вашъ приговоръ можетъ возвратитъ ей свободу и состояніе ; но онъ не возвратитъ ей ни счастья, ни спокойствія, которыхъ она была вправе ожидать и которыя, отняты у нея безвозвратно по ошибкѣ правосудія.

Королевскій прокуроръ опровергаетъ защиту слѣдующимъ образомъ ;

• Вамъ много говорили о секретныхъ лекарствахъ ; одинъ изъ свидѣтелей доказалъ, что у Лакоста были, лишии по цѣлому тѣлу ; но доказательства нѣтъ. Вамъ не могутъ показать той книги, при помощи которой лечился Лакостъ ; вамъ не могутъ показать остатковъ лекарствъ, которыя употреблялъ покойный и которыя должны же были остаться гдѣ-нибудь въ шкапу, въ его комнатѣ.

Разсматривая церковный бракъ г-жи Лакостъ, королевскій прокуроръ опровергаетъ его существованіе и приводитъ три письма равныхъ духовныхъ лицъ, которыя удостовѣряютъ, что всѣ поиски для отысканія свидѣтельства о бракосочетаніи г-на Лакоста оказались безуспѣшными.

Въ этомъ мѣстѣ обвиненія г. Алемъ-Руссо дѣлаетъ послѣднее возраженіе :

• Чтѣмъ это за доводъ, что церковное бракосочетаніе : возмущаетъ

овъ. Но какое имѣете вы право сказать обвиненному: освященъ ли твой бракъ въ церкви? А если обвиненный не нашего вѣроисповѣданія, если овъ деистъ, можете ли вы отказать ему въ свободѣ совѣсти?

— Но благодаря Бога, г-жа Лакость не протестантка, не деистка: она католичка, она одного съ нами вѣроисповѣданія. Бракъ ея былъ освященъ церковью, у меня въ рукахъ письмо Вержеса-отца.

Аленъ-Руссо читаетъ письмо старика Вержесъ, изъ котораго видно, что церковный бракъ совершенъ, съ разрѣшенія епископа, аббатомъ Ре, въ Тарбѣ, въ частной квартирѣ.

— Последнее слово, господа. Двѣ тысячи лѣтъ весь миръ становится на колѣни передъ невинно-осужденнымъ! Не забывайте, господа жюри, невинно обвиняемыхъ! Съ какою поспѣшностью вы войдете вскорѣ въ эту комнату, гдѣ въ дѣйствительности разрѣшится вопросъ о жизни и смерти! Вашъ приговоръ, господа, мы кажется продугадываемъ. За вами будетъ *последнее слово!*

14 июля на всѣ сдѣланные присяжнымъ вопросы о виновности судимыхъ, они дали отрицательный отвѣтъ.

Вѣроятно читатель ожидаетъ подобной развязки. Но здѣсь невольно рождается вопросъ: какую же роль играетъ наука въ процессахъ объ отравленіи мышьякомъ? Въ дѣлѣ Вуреве (въ 1823 г.) г. Оржека находить окись мышьяка тамъ, гдѣ г. Баррюель видитъ только жиръ. Въ дѣлѣ Лафаржъ наука употребляетъ аппаратъ Марша, столь чувствительный, что онъ открываетъ даже миллионную часть мышьяка. Противорѣчія, случаи сомнѣнія, изобилуютъ въ подобныхъ опытахъ, результатомъ которыхъ бываетъ смертный приговоръ. Въ дѣлѣ Лакоста г. Пелузь сказалъ, что количество мышьяку, найденное въ трупѣ, почти исключительное; тогда какъ по мѣрѣ г. Фландена, мышьякъ; найденный въ органахъ Лафаржа, *не можетъ быть определенъ цифрами!* Что думать, когда видимъ еще, что ученые несогласны въ вопросѣ о присутствіи въ человѣческомъ тѣлѣ мышьяку природнаго и когда возбуждается другой вопросъ, еще болѣе важный, — о скрытомъ мышьякѣ, накопившемся въ органахъ и находящемся въ зависимости отъ неопредѣленныхъ еще законовъ всасыванія и выдѣленія? Слѣдуетъ ли подчинять человѣческое сужденіе этой измѣнчивой и невѣрной наукѣ? Слѣдуетъ ли сказать съ г-жою Лафаржъ: «Мое осужденіе спасло г-жу Лакость!»

ЛЕГЕНДЫ СЕРБОВЪ

Взатокамъ сербской литературы извѣстною, какою очаровательной прелестью и глубиной чувства поэты такъ-называемыя *женскія пѣсни* сербовъ, то-есть пѣсни, возникавшія изъ того круга жизни, того міра чувствъ и воззрѣній, которыя, какъ ни близко стоитъ къ нимъ мужчина, могутъ быть такъ хорошо усвоены, такъ поэтически выражены только одною женщиною. Вѣрные древнимъ преданіямъ своей родины, сербы и до сихъ поръ еще предоставляютъ женщинамъ и дѣвушкамъ воспѣвать любовь со всѣми ея надеждами, желаніями, страданіями и радостями, ревностью, вѣрностью и разлукой, любовь во всемъ ея объемѣ и всѣхъ видоизмѣненіяхъ, дружбу и братанье, усыновленіе, сватовство, свадьбу, крестины со всѣми ихъ удовольствіями, праздниками, играми и танцами, и наконецъ тѣснубъ отсутствующихъ, умершихъ и падашихъ въ битвѣ. Потому эти пѣсни — мягкія, пѣжныя, малобразныя, сербъ охотно слушаетъ только въ интимномъ кружку своемъ, и не любитъ ихъ ни на веселой, «бесѣдѣ», ни на шумномъ свадебномъ пиру, ни на похоронной процессіи у носилокъ покойника. Самъ же онъ не поетъ ихъ почти никогда. Достоинѣмъ своего мужского гонима онъ считаетъ только сильное, пластически-образное сказаніе о какомъ-нибудь событіи, сморѣ, битвѣ или о богатырскихъ подвигахъ. Матерьялы для своей пѣсни онъ беретъ только изъ своихъ социальныхъ отношеній, какъ товарища къ товарищу, какъ христіанина къ турку, какъ угнетенца къ притѣснителю, какъ героя къ герою, и поетъ или то, что заслуживаетъ, по его мнѣнію, славы, или то, что изъ устъ въ уста и изъ рода въ родъ должно переходить какъ примѣръ предостереженія или подстрекать слушателей къ мести. Такъ возникли пѣсни смѣлыхъ дѣвичьихъ похитителей, такъ произошли сказанія о гордыхъ войнахъ, поединкахъ, вторженіяхъ и набѣгахъ, «слава» лихого гайдучничества; такъ много столѣтій тому назадъ образовались расколинъ объ упадкѣ великаго Сербскаго княжества, о

Кралевичь Марко, и въ новѣйшее время циклъ сказаній изъ борьбы за свободу при Кара-Георгиѣ и Милошѣ Обреновичѣ, — этотъ чисто-эпическій отрывокъ, который и по своему содержанию, и по своей формѣ стоитъ совершенно отдѣльно и самостоятельно въ циклѣ сербскихъ сказаній, но столько же отличный отъ строго-расположенной, художественной эпопеи, сколько отъ баллады и романа, и только относительно своей научной пластичности, несмотря на множество ужасныхъ варваризмовъ, сродной съ Илиадою и Одиссеей.

Большая часть памятниковъ народной литературы сербовъ собраны и объяснены нѣмецкими поэтами Тальви (Talvj) и Капперомъ. Другіе обработаны Гергардомъ подъ руководствомъ раноумершаго сербскаго поэта, пѣвца войны за свободу, Мулитиновича. Драгоценныя отрывки объ упадкѣ великосербскаго государства и амзельфельдерской битвѣ (1389) соединены въ одно эпическое цѣлое Зигфридомъ Капперомъ (1), а въ подлинномъ видѣ находятся въ огромномъ сборникѣ Вука Караджича (2). Этими источниками пользовались и мы при составленіи настоящей статьи.

Такимъ образомъ въ глубокомъ изслѣдованіи этихъ въ своемъ родѣ высоко-замѣчательныхъ памятниковъ чрезвычайно самобытнаго гения нѣтъ недостатка. Французская, англійская, чешская, нѣмецкая и даже русская литература имѣютъ очень много интересныхъ изслѣдованій о народной поэзіи. Великій поэтъ польскій Адамъ Мицкевичь разсмотрѣлъ ее со стороны павславянски-политической. Нѣмцы, не обращая вниманія на политическія симпатіи и антипатіи народа, сдѣлали добросовѣстную оцѣнку эпической и эстетической стороны сербской поэзіи.

Въ введеніи къ «Пѣснямъ сербовъ» Капперъ указалъ на внѣшнюю особенность сербскихъ легендъ, на ихъ явное и непосредственное происхожденіе изъ до-христіанскаго культа сербовъ и на замѣчательное смѣшеніе элементовъ языческаго и христіанскаго, эллинскаго и римскаго. Богъ этихъ легендъ обращается съ святыми какъ съ подчиненными; вселенная раздѣлена на области, которыми управляютъ поровну — надѣленные силою боги. Несмотря на свое христіанство, богъ этотъ терпитъ виль и другихъ духообразныхъ существъ, допускаетъ ихъ производить на людей добрыя или дурныя вліянія, и даже не противится противодѣйствующей или разрушительной силѣ нѣкоторыхъ безжизненныхъ вещей.

Вотъ въ чемъ заключается огромное преимущество (разумѣется

(1) Fürst Lazar, epische Dichtung. Leipzig, 1853. 3-te Auflage.

(2) См. Gesänge der Serben. 3 Bd. Leipzig. 1852.

съ поэтической точки зрѣнія) легенды православно-славянской, гдѣ преобладаетъ элементъ чисто человѣческій, перелъ западно-католической, которая всегда и вездѣ была строго-церковной. Еслибъ даже сербская легенда и родилась, какъ католическая, въ тихомъ уединеніи монастырей, то и тогда въ ней не выступилъ бы на первый планъ ни самъ монастырь, ни церковь съ тѣмъ или другимъ догматомъ. Все что сербы берутъ для легенды изъ области христіанства, есть высочайшій его символъ — крестъ. Ради него монахи и міряне претерпѣваютъ страшныя бѣдствія и наконецъ одолаживаютъ ихъ; ради креста предпринимаются битвы и походы, и съ помощью креста служители его побѣждаютъ враговъ своихъ. Но большею частью легенда укореняется въ почвѣ чисто-человѣческихъ отношеній, и тогда — это глубокая, прекрасная, общечеловѣческая мудрость, которая черезъ вмѣшательство Бога и его пенсчерпаемой, чудодѣйственной силы дѣлается въ нихъ вліяемою и наглядною. Наконецъ дьяволъ съ страшными силами своего мрачнаго царства, которыя такъ ужасно группируются въ католической легендѣ, играетъ у сербовъ болѣе глупую, чѣмъ опасную роль. По мнѣнію народа, сопротивляться Вышнему и его вѣчно мудрому порядку вещей скорѣе глупо, чѣмъ дурно.

Но православная легенда заходитъ еще далѣе. Безъ всякаго страха интересы чисто-человѣческіе она ставитъ выше церковныхъ. Воскресенье есть день господень, еще святити его: въ этотъ день не должна совершаться ни одна работа. Но выше этого правила стоитъ насущная потребность:

•Зрѣлый колось въ полѣ ждать не будетъ!•

Выше всѣхъ праздниковъ стоитъ у народа прекрасная обязанность благодаренія и заботы о бѣдныхъ и безпомощныхъ ближнихъ. Потомучто воскресенье установлено не для Бога, а для человѣка, чтобы духъ его очистился и возвысился до благочестиваго погруженія въ самого себя. А благодареніе, какъ практическое влитіе въ самого себя и самоочищеніе, стоитъ выше молитвы и считается у сербовъ высочайшимъ служеніемъ Господу. Но послушаемъ объ этомъ слова самой легенды. Герой ея простой крестьянинъ.

Дьяконъ Стефанъ

Рано утромъ Стефанъ дьяконъ поднимался,
Въ воскресенье, до восхода солнца,
Передъ солнцемъ, передъ литургіей.

Но не въ церкви бѣгу идуи онъ :
 Онъ идуи изъ дому въ чисто поле,
 Сѣи въ борозды пшеницу золотую.

Види — идуи по дорогѣ двое старцевъ,
 Двое старцевъ, честныхъ богомольцевъ,
 И привѣтствуютъ Стефана добрымъ словомъ :
 • Богъ тебѣ на помощь, батъка-дьяконъ !
 Отвѣчаетъ имъ Стефанъ на то какъ должно :
 • Благодарствуйте, честные богомольцы !

Тутъ опять ему сказали оба старца :
 • Ты скажи-ка намъ, Стефана, Богъ съ тобою,
 Аль напасть-бѣда съ тобою приключилась,
 Что такъ рано вонче ты поднялся
 Въ воскресенье утромъ раньше солнца,
 Раньше солнца, прежде литургии,
 И изъ дому вышелъ въ чисто поле
 Сѣи въ борозды пшеницу золотую ?
 Аль съ ума ты, человекъ, спятилъ ?
 Али сбѣдася ты туркою поганымъ :
 Крестъ честной ногами попираешь,
 Вѣру милую христову презираешь,
 Отрицаешься отъ всякаго закона ?

Отвѣчаетъ имъ на это Стефанъ дьяконъ :
 • Богъ спаси васъ, старцы-богомольцы !
 Вы спросили — слушайте же правду :
 Я въ своемъ умѣ, а не рехнулся,
 Да не сталъ и туркою поганымъ !
 Отъ креста святого не отрекся,
 Не срамилъ христовой милей вѣры,
 Не поиралъ ногами я законъ !
 А лежать на мнѣ теперь заботы —
 А носить-то ихъ вѣдъ тяжеленько !
 А и тамъ, въ моемъ ли бѣломъ домѣ,
 Восьмерыхъ слѣпцовъ я призираю,
 Да вѣсныхъ питаю ровно столько-жъ :
 Помогаетъ мнѣ моя супруга —
 Да простить Господь намъ прегрѣшенья !

И сказали старцы межъ собою :
 • Не поити ли намъ на дворъ стефановъ —
 Повидать стефанову супругу,
 Посмотрѣть, какъ домоу управляетъ ?

А жена межъ тѣмъ давно ужъ встала —
 Раньше солнца жаркаго поднялась,
 Раньше солнца, прежде литургіи,
 Молотила просо золотое.

Говорятъ привѣтъ ей богомольцы:
 • Богъ тебѣ, хозяйшка, на помочь!
 Стариковъ встрѣчаетъ добрымъ словомъ
 Работящая, прилежная хозяйка:
 • Богъ спаси васъ, старцы-богомольцы!.

Тутъ опять сказали оба старца:
 «Ты скажи-ка намъ, Господь съ тобою,
 Аль напасть съ тобою приключилась,
 Что такъ рано утромъ ты вставала,
 Въ воскресенье, до восхода солнца,
 Прежде солнца, прежде литургіи,
 И молотишь просо золотое?
 Аль совсѣмъ, хозяйка, ты рехнулась,
 Сдѣлалась поганою турчанкой,
 Крестъ святой ногами попираешь,
 Вѣру милую христіанскую поносишь,
 И законъ господень позабыла?»

Говорила дьяконица старцамъ:
 • Богъ спаси васъ, старцы-богомольцы!
 Вы спросили, слушайте же правду:
 Я съ ума покаѣсть не сходила,
 И не сдѣлалась поганою турчанкой,
 И ногами крестъ не попирала,
 Вѣру милую христову не хулила,
 Отъ закона я не отрекалась.
 А лежать на мнѣ теперь заботы,
 А заботы не легко сносить вѣдь:
 А въ моемъ высококъ, бѣломъ домѣ
 Восьмерыхъ слѣпцовъ я призираю,
 Да иѣмыхъ питаю ровно столько жъ,
 Мой супругъ во всемъ мнѣ помогаетъ —
 И простить Господь намъ прегрѣшенья!

Ей на это оба богомольца:
 • Помоги тебѣ Господь, хозяйка!
 Ты скажи, отдашь ли намъ сынишку,
 Что лежитъ тамъ въ люлькѣ волоченой?
 Мы убьемъ сына твоего родного,
 И его ли кровью неповинной

Окропить хотимъ мы бѣлый дворъ твой :
 Кто тамъ нѣмъ — возговорить сейчасъ же,
 А кто слѣпъ, такъ тотъ очами прозреть! •

Призадумалась стѣфанова хозяйка,
 Призадумалась, не знаетъ что ей дѣлать.
 Заломила руки, — плачетъ горько.
 Жалко ей единственнаго сына,
 Да и жаль нѣмыхъ, слѣпыхъ, убогихъ :
 И брала сына она изъ люльки
 Подавала старцамъ богомольцамъ...

Убивали старцы ей сыночка,
 Бѣлый дворъ тогда они кропили
 Теплой кровью малаго дитяти :
 Кто былъ нѣмъ, возговорилъ сейчасъ же,
 Кто былъ слѣпъ, сейчасъ очами прозрѣлъ.
 И пошли своимъ путемъ-дорогой
 Старики сѣдые богомольцы.

Послѣ нихъ Стефаниха подходитъ
 Къ золоченой дѣтской колыбелкѣ,
 Чтобъ сыночка милаго оплакать.
 Глядь-поглядъ — а въ люлкѣ, невредимый,
 Улыбаясь, веселъ — рѣзвый мальчикъ
 Золоченымъ яблокомъ играетъ.

Въ удивленьи матеръ восклицаетъ :
 • Богъ великій! честь тебѣ и слава!
 Развѣ не было здѣсь старцевъ-богомольцевъ?
 Аль сына они не убивали?
 Аль его невинной красной кровью
 Бѣлыхъ стѣнъ они не окропили?
 Аль нѣмые говорить не стали?
 Аль слѣпые свѣтъ не увидали?
 Аль дитя сидитъ не въ колыбели,
 Золоченымъ яблокомъ играетъ? •

А на это мальчикъ въ колыбели :
 • Мать моя, кормилица родная!
 Ты не вѣрь, что были то два старца :
 Вѣрь — то были ангелы господни! •

Силень, статень, веселъ выросъ мальчикъ.
 Кто былъ нѣмъ, — навѣки исцѣлился,
 Кто былъ слѣпъ, — съ тѣхъ поръ навѣки прозрѣлъ.

А пшеница въ полѣ у Стефана
Приносила жатву, чуть не второе.

По нашему мнѣнію, легенда эта весьма замѣчательна; это — прекрасное, въ высшей степени благородно задуманное прославленіе социальной добродѣтели народа — любви къ ближнему, доходящей до самопожертвованія; это — торжество истинной, духовной набожности надъ набожностью дешевой, чисто-наружной, могло произойти только изъ чистѣйшаго, неиспорченнаго пониманья религии. Значеніе этой легенды усиливается еще и тѣмъ, что герой ея — дьяконъ, и стало-быть принадлежитъ къ іерархіи самой церкви. Намъ не должно удивлять, что мы видимъ его за плугомъ: до сихъ поръ еще въ небольшихъ селахъ турецко-христіанскихъ провинцій Турціи, и у насъ въ Россіи, священники, дьяконы и дьячки сами обрабатываютъ землю.

Такимъ образомъ въ жизни и воззрѣніяхъ сербскаго народа элементъ социальный очевидно преобладалъ надъ религіозно-обрядовымъ. Съ основной идеей приведеннаго выше сказанія о дьяконѣ Стефанѣ совершенно согласны легенды о добродѣтеляхъ, которыми пріобрѣтается блаженство неба, и о порокахъ, которые низводятъ въ адъ. Нигдѣ не стоитъ на первомъ планѣ строгое послѣдованіе церковнымъ уставамъ, нигдѣ не идетъ рѣчи о наружномъ богопочитаніи. Вездѣ выступаютъ впередъ обязанности семьянина, хозяина, гражданина, обязанности любви къ ближнему, исполненіе которыхъ приноситъ счастье, а небреженіе ими — осуждаетъ. Когда родная мать св. Петра просила своего сына, пустить ее въ рай, онъ долженъ былъ запереть передъ нею врата обителя блаженныхъ, «потому что она никогда не наполнила жаждущаго, не накормила алчущаго, не одѣла нагого, не одѣла слѣпнаго, и никогда никого не пожертвовала для спасенія души своей, кромѣ ничтожной прахляна, да и ту раздѣлила на троихъ, и потому никогда не могла забыть этой жертвы». Такимъ образомъ не безбожіе, а безчеловѣчіе обратилось въ упрекъ ей. Въ другой легендѣ св. Николай и Илья, исправляющіе, совершенно сходно съ эллино-римскимъ мифомъ о Харонѣ, должность перевозчиковъ черезъ что-то въ родѣ Стикса, сажаютъ въ лодку свою толпу тѣней, желавшихъ перевезтись на ту сторону, въ рай. Изъ цѣлой толпы они прогоняютъ только трехъ, какъ самыхъ великихъ грѣшниковъ: одинъ потребовалъ своего кума къ суду, другой жилъ въ постоянной враждѣ съ сосѣдомъ, а третій замаралъ честь дѣвушки. За эти преступленія, противъ общаго, дома и семейства, по понятіямъ сербовъ, уже нѣтъ изкупленія. Послѣдуемъ за св. Маріей въ адъ и увидимъ какъ тяжело на-

называется тамъ небреженіе этими тремя святынями; даже въ частныхъ случаяхъ. Замѣтимъ еще и то, что св. Марія, вмѣстѣ съ которой мы спустимся въ преисподнюю, не имѣетъ ничего общаго съ матерью Спасителя; это такъ-называемая «огненная» Марія, Огніана, и самая легенда ведетъ начало изъ Черногоріи:

А д ъ

Молитъ Господа Марія Огніана;
 - Дай, о Боже, мнѣ ключи отъ рая!
 Дай мнѣ ихъ, чтобъ дверь я отворилъ:
 Черезъ рай пойду я въ адъ кромѣшный,
 Посмотрѣть какъ грѣшники страдаютъ.
 Да нельзя-ль кого-нибудь изъбавить! -

Молитъ такъ. Господь ей позволяетъ,
 Отдаетъ Маріи ключъ отъ рая,
 Съ ней Петра святого посылаетъ.

Отворились крѣпкіе ворота,
 И идутъ чрезъ райскую обитель
 Петръ святой съ Маріей Огніаной,
 И приходятъ къ пропасти кромѣшной.

И вошли въ ущелье адскій бѣдны.
 Видятъ: идутъ трое по дорогѣ —
 По животъ пылають ноги у' перваго;
 До плеча пылають руки у' другаго!
 Голова у третьяго пылаеть.

Какъ узрѣла то Марія Огніана,
 Вопросаетъ такъ апостола' святого:
 - Ты скажи мнѣ, Петръ, святой апостолъ,
 Какъ тѣ трое грѣшныхъ согрѣшили,
 Что должны терпѣть такіа муки? -

А на это ей святой апостолъ:
 - Расскажу я все тебѣ, Марія!
 Этогъ друга въ бѣдствіи оставилъ —
 По животъ теперъ въ аду пылаеть;
 Тотъ изъ зависти своихъ сосѣдей прокинулъ —
 По плечо теперъ рука пылаеть.
 На родного третій полянулъ руку —
 А теперъ лицо въ огнѣ пылаеть.

Прочь идетъ Марія Огніана.
Глядь — сидятъ два старца у дороги,
А съ борода такъ полыми и пышетъ!

Тутъ опять Марія спросила:
Ты скажи мнѣ, Петръ, святой апостолъ,
Какъ же эти старцы согрѣшили?

Отвѣчаетъ Петръ, святой апостолъ:
- Эти старцы были судіями,
На мірскомъ совѣтѣ застѣдали;
Да судили-то они неправо, ложно,
Поступали своевольно, брали взятки.
Были оба судьи-лихоимцы.

Прочь идетъ Марія Огніана;
Глядь — сидитъ тамъ женщина молодая,
А у ней пылаютъ обѣ руки,
Да не только руки, даже ноги;
На грудяхъ семь амбій у ней висѣло.

Тутъ опять апостола спросила:
- Чтò за грѣхъ та женщина свершила,
Что должна терпѣть такія муки?

А на это Петръ, святой апостолъ:
- Это тоже ты, сестра, узнаешь.
Злая баба та была торговкой,
Да въ вино водицу подливала,
Дорогой цѣной ту пакость продавала!
Жениху, съ которымъ обручилась,
Измѣнивъ, къ другому привязалась,
А когда другого обманула —
Злого зелья грѣшница напилась,
Чтобъ плода ей чрево не давало!
Но судилъ Господь Богъ ей иначе:
Семь сыновъ, сестра, онъ ей назначилъ!
Семь сыновъ сосутъ ей бѣлы-груды,
Съ ними и предъ Господа предстанеть!

И Марія мимо проходила;
Идутъ дальше по заклепамъ ада.
Глядь — сидитъ старуха у дороги,
И пылаютъ обѣ руки-ноги,
А съ волосъ такъ полыми и пышетъ!

Какъ уарѣла то Марія Огніана,
 Подошла сама она къ старухѣ
 И спросила: «въ чемъ ты согрѣшила,
 Что должна терпѣть такіа муки?
 Не могу ли я тебя избавить?»

И въ слезахъ отвѣтила старуха:
 «Что скажу я, если вмѣсто сердца,
 Вмѣсто сердца камень въ бѣлой груди?
 Меня мать родная проклинала,
 А я надъ нею насмѣялась,
 И тронхъ мужей вплоть до погилы
 Я вдовой бездѣтной проводила;
 А когда съ четвертыиъ породилась —
 Двухъ сиротокъ въ домѣ находила.
 Миѣ Господь послалъ ихъ вмѣсто дѣтокъ!
 Одному никакъ было четыре,
 А другому два всего годочка:
 Подошли они ко миѣ ласкаясь,
 Подошли, оставили игрушки,
 Да я скоро, скоро вмѣсто смѣху
 На ихъ глазки слезы вызывала.
 Плачетъ старшій: дай миѣ рубашонку,
 Дай миѣ, мама, бѣлую рубашку!
 Ужь на камень я его столкнула —
 Не вставалъ ребенокъ больше съ камня.
 Плачетъ меньшій: дай миѣ хлѣба, мама!
 Накормила я его землею черной (!)»

И рыдая, грѣшная старуха
 Дальше хочеть каяться Маріи,
 Да апостолъ говорить ей не далъ,
 А беретъ за руки огневья,
 Въ бездны ада грѣшницу толкаетъ.

Плача вонъ идетъ Марія Огніана,
 Черезъ рай ко Господу приходитъ,
 Золотыя ключи къ негамъ его слагаетъ.
 И сложивши такъ возговорила:
 «Господи! да будетъ твоя воля,
 Приговоръ твой праведенъ вовѣки;
 Миѣ-жъ — позволь за кающихся плакать!»

Какъ преступленіе противъ *семейства*, на первомъ плачѣ стоитъ

(!) То-есть свела въ могилу, уморила съ голоду.

въ этой легендѣ легкомысленное расторгненіе помолвки: грѣшница, наказываемая такъ строго, осквернила святыя семейныя отношенія при самомъ началѣ ихъ, и потому, противосестественнымъ, произвольнымъ отреченіемъ отъ священнѣйшаго назначенія женщины — быть матерью, она дѣлается преступницею противъ общества. Почти наравнѣ съ этимъ грѣхомъ наказываются обманъ ближняго, зависть, недоброжелательство, судейская продажность, злоупотребленіе общественнымъ довѣріемъ, измѣна дружбѣ.

О наказаніяхъ же, какія ожидаютъ уклонившихся отъ того или другого устава церкви (припомнимъ на какія терзанія обречены каноническіе преступники въ чисто-католической легендѣ Данта). — о томъ, что ждетъ въ загробной жизни тѣхъ, кто не часто ходитъ въ церковь, въ постные дни ѣстъ мясо, — нѣтъ и помину ни въ этой, да и ни въ какой другой легендѣ сербскаго народа. Мало того, въ нихъ нѣтъ недостатка въ ироническихъ моментахъ; въ которыхъ здравому, незараженному понятію о высокомъ значеніи семейства и ненарушимости отцовской власти противопоставляются уклончивыя, корыстныя дѣйствія нѣкоторыхъ духовныхъ пастырей и отцовъ народа. Послушайте на примѣръ хоть эту драгоценную легенду о томъ,

какъ императоръ Константинъ освѣтъ грѣха очищался

Торжествуетъ императоръ Константинъ
Честный день весенняго Егорья,
День цвѣтовъ торжественно справляетъ (*).

(*) Егорьевъ день, праздникъ весны, совершается сербами очень торжественно. Въ этотъ день, по словамъ Караджича, мужчины купаются, рано утромъ, еще до восхода солнца, въ первый разъ на чистомъ воздухѣ. Дѣвушки и женщины ловятъ съ мельничныхъ колесъ воду, которой они приписываютъ чудодѣйственную силу сгонять съ тѣла всякіе недуги, кладутъ въ нее на почъ разныя травы и цвѣты, особенно зорю (*ligusticum, leristicum L.*) и потомъ купаются въ рѣчкѣ, куда предварительно накидаютъ зелени, цвѣтовъ и молодыхъ березъ. До егорьева дня нельзя не только рвать, но даже и нюхать зори; въ этотъ же день вскій долженъ имѣть изъ нея букетики: молодые мужчины на шляпѣ, а дѣвушки за поясочъ; бараньяго мяса тоже нельзя ѣсть (обычай, который есть и у турокъ). пока священникъ въ день святаго Егорья не благословитъ передъ церковью молодую, украшенную цвѣтами и восковыми свѣчами вродку, за что и получаетъ въ награду баранью шкуру. Не мѣшаетъ также въ егорьевъ день побольше качаться, бороться и спать: послѣднее предостерегаетъ на весь годъ отъ головной боли. Но главную роль играютъ на этихъ праздникахъ торжественныя обѣды. Прежде они давались сербскими царями и великожами съ баснословной роскошью. Не быть гостеприимнымъ въ этотъ день считается большимъ грѣхомъ, чернѣйшею неблагодарностью противъ самого Бога, какъ подателя всѣхъ благъ.

Три стола воздвигнуть прикажутъ онъ,
 Какъ одинъ-то изъ чистого алата,
 Какъ другой изъ серебра литого,
 Изъ воценаго самшита ⁽³⁾ третій.
 А за столъ изъ золота литаго,
 Съѣлъ всѣ четыре патриарха,
 Съ ними вмѣстѣ сербскіе владыки ⁽⁴⁾.

А за столъ изъ серебра литого
 Съѣли вмѣстѣ тридцать три монаха,
 А за столъ изъ гладкаго самшита
 Съѣло триста юныхъ самоучекъ ⁽⁵⁾,
 Между нихъ одинъ былъ всѣхъ моложе.
 Вотъ усѣлись набожные гости
 Наслаждаться трапезою пышной;
 И встаетъ тогда царь Константиносъ.
 Онъ встаетъ съ высокаго престола,
 Съ годовы золотъ вѣнецъ снимаетъ,
 И къ гостямъ честнымъ съ престола сходить.

Прежь всего къ злату столу подходитъ,
 Къ четыремъ премудрымъ патриархамъ
 И двѣнадцати честнымъ владыкамъ.
 Преклоняетъ царь главу свою смиренно,
 Говоритъ къ церковнымъ государямъ:
 - Богъ спаси васъ, кыры-патриархи,
 Да и васъ, достойные владыки!
 Не хотите ль грѣшнику повѣдать
 Какъ ему очистить свою душу,
 Искупить лихое злодѣянье?

Знайте: я — великій этотъ грѣшникъ!
 На отца я, Бога позабывши,
 Наложилъ когда-то эту руку:
 А теперь въ раскаленъи великомъ,
 Искупить хотѣлъ бы окаянство...

⁽³⁾ Самшитъ дерево — *buxus sempervirens*.

⁽⁴⁾ Архiereи.

⁽⁵⁾ Djese vatouise. Это названіе, усвоенное для молодыхъ людей, посвятившихъ себя священническому образованію, произошло вѣроятно изъ прежняго, а болѣею частью и теперешняго недостатка въ высшихъ училищахъ; вслѣдствіе чего молодые люди, готовившіеся въ духовное званіе, выучившись при какомъ-нибудь монастырѣ писать и читать, доходили до всего своимъ умомъ. Слово это вполне соотвѣтствуетъ еврейскому понятію *bachur*.

Говорят на это патріархи.
 Съ ними всѣ епископы-владыки
 (Вѣрно всѣ объ милости царевой
 Да о выгодѣ своей они радѣли,
 А до правды мало было дѣла!):
 • Блескъ коронъ, великій императоръ,
 Всякій грѣхъ съ твоей души снимаетъ!
 Прикажи сковать вѣнцы изъ золота,
 Драгоценнымъ каменьемъ украсить,
 И вели отдать намъ патріархамъ,
 Да и намъ двѣнадцати владыкамъ,
 И простить Господь твою ошибку! •

Выслушалъ ихъ рѣчи императоръ;
 Поклонившись въ поясъ, повернулся;
 Ко второй онъ трапезѣ подходитъ,
 Гдѣ сидѣли тридцать три монаха.
 Здѣсь онъ также голову склоняетъ,
 Говоритъ честнымъ отцамъ монахамъ:
 • Вы отцы премудрые монахи,
 Не хотите ль грѣшнику повѣдать,
 Какъ ему очистить свою душу,
 Искупить большое злодѣянье?
 Знайте — я великій этотъ грѣшникъ;
 На отца, забывши страхъ господень,
 Наложилъ когда-то эту руку;
 А теперь, въ раскаяньи великомъ
 Искупить хотѣлъ бы окаянство... •

И ему отвѣтили монахи:
 • Свѣтъ земли, великій Константинось!
 Искупить грѣхи твои нетрудно
 Утверди ты грамотою царской
 Всѣмъ намъ ровно тридцать три прихода,
 Да построй ты бѣлую обитель,
 Учреди въ ней трапезу монахамъ:
 За тебя они молиться будутъ.
 И тогда — простится твой проступокъ! •

Выслушалъ монаховъ Константинось,
 Поклонился, молча прочь отходить,
 Ко столамъ воцѣнаго самшита.
 Здѣсь онъ также голову склоняетъ.
 Говоритъ всѣмъ юнымъ самоучкамъ:
 • Школяры, молодые самоучки!
 Не хотите ль грѣшнику повѣдать,

Какъ ему очистить свою душу,
 Искупить большое злодѣянье?
 Знайте — я великой этотъ грѣшникъ:
 На отца, забывши страхъ господень,
 Наложилъ когда-то эту руку;
 А теперь, въ раскаяннн великомъ,
 Искупить хотѣлъ бы окаянство!..

Но молчать всѣ триста самоучекъ,
 Ни одинъ суда изречь не смѣеть.
 Но тогда мевъшой школяръ поднялся,
 И не думая о милостяхъ царевыхъ,
 Вспомнянулъ одно господне слово,
 Говорить державному владыкѣ:
 - Ты вѣнецъ напь, славный императоръ!
 Чтѣ желаешь, — то сказать не трудно,
 Не легко-то только грѣхъ очистить.
 Ты построй-ка малую избушку
 Изъ сосновыхъ, изъ смолистыхъ бревень,
 Да обмажь ее смолой да дегтемъ,
 И запрись въ ней, свѣтъ-царь Константинось,
 Запершись положи въ уголочки,
 Въ уголочки угольевъ горячихъ,
 И сиди отъ вечера до утра:
 Если выйдешь, царь, ты невредимымъ —
 Окаянство значитъ отпустилось. .

Какъ услышалъ кесарь эти рѣчи,
 Онъ не могъ отъ гнѣва удержаться:
 Приказалъ ту хижину поставить,
 Приказалъ обмазать дегтемъ, саломъ,
 Запиралъ младого самоучку,
 Запиралъ избу со всѣхъ уголочковъ,
 И изба всю ночь прогорѣла.

Рано утромъ вышелъ императоръ
 Посмотрѣть сгорѣвшую избушку.
 Кромѣ пепла ровво ничего-то
 Отъ избы сосновой не осталось,
 А у пепла юный самоучка —
 У него въ рукахъ псалтирь большая,
 И поетъ онъ, громко славить Бога
 Чтѣ его средь польмнн и дыма
 Сохранилъ онъ зараво, невредимо...

Императоръ чуду удивился,

Приказалъ избу другую ставить,
 Самъ садился, зажигалъ съ углочинь,
 До утра избушка пламенѣла...
 Рано утромъ, еще до разсвѣта
 На пожаръ приходитъ самоучка
 Посмотрѣть, что стало съ государемъ ..
 Кромѣ пепла ровно ничего-то
 Отъ избы сосновой не осталось,
 И царя тотъ пепель покрываегъ
 Съ головы вѣнчанной до сандалій.
 Такъ душа царева очищалась
 Отъ грѣха лихого окаянства...
 Съ той поры сталъ праведникомъ кесарь :
 Онъ питалъ голодныхъ пищей,
 Онъ поилъ питьемъ кто жаждалъ,
 Одѣвалъ нагихъ въ свои одежды,
 Защищалъ всѣхъ бѣдныхъ, притѣсненныхъ —
 До конца рука святой осталась !

Еще разъ приговоръ здраваго народнаго смысла торжествуетъ надъ пристрастнымъ и своекорыстнымъ приговоромъ. Сильный императоръ подчиняется ему наравнѣ съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Какъ тому, такъ и другому должны быть одинаково святы семейныя узы, и только самое жестокое покаяніе можетъ искупить того, кто осмѣлился возстать противъ отеческой власти, выше которой, по понятіямъ южвукъ славинъ, только одна власть божія...

Кругъ сербскихъ легендъ не ограничивается однимъ семействомъ въ собственномъ значеніи этого слова; онъ гораздо шире. Къ семьѣ серба принадлежатъ не одни родственники крови : для него также святы узы воспріемничества, кумовства, усыновленія и братанья. Воспріемничество, которое въ нашемъ новомъ обществѣ считается пустою формальностью; налагаетъ на серба обязанности, которыя развѣ немногимъ чѣмъ меньше обязанностей отца къ сыну. Выбрать кого-нибудь кумоваті есть величайшая честь, знакъ величайшаго довѣрія выбирающаго къ избираемому. Отказаться отъ этой чести считается почти грѣхомъ. Употребить это довѣріе во зло считается самымъ постыднымъ дѣломъ. Вотъ что говоритъ о святости кумовства черногорская легенда о

Манойло, который продаетъ своего крестника

Собрались двѣ матери младыя :
 Какъ одна-то стройная гречанка,

А другая смуглая влашанка.
Идутъ обѣ по дорогѣ къ куму,
По дорогѣ къ Грчичу Манойлу ;
И несутъ они съ собой младенцевъ —
Волошанка смуглая сыночка,
А нарядная гречанка дочку.

И счастливо въ бѣлый дворъ Манойлы
Матери младыя приходили,
И счастливо жъ дѣтокъ окрестили.

Но на утро, на другой день рано,
Говорить гречанка Манойло :
«Слушай, кумъ мой Грчиче Манойло!
Подмѣни мнѣ мерзкую дѣвченку —
Ты подбрось дѣвченку волошанкѣ,
Да отдай мнѣ мальчика-сыночка.
Я клянусь христовой милой вѣрой
Заплатить за это чистымъ златомъ !»

Обольстила (Богъ ей будь судьей !)
Та гречанка Грчича Манойло, —
Подмѣнилъ онъ крестниковъ-младенцевъ.
А потомъ двѣ матери вставали,
Обѣ шли своимъ путемъ дорогой.

А когда на гору поднимались,
Плакать сталъ младенецъ волошанки :
Съ страхомъ слышитъ мать крики боли,
И садится на краю дороги,
Да беретъ младенца изъ пеленокъ...
А въ пеленкахъ дѣвочка лежала.
Разозлилась злая волошанка,
И на камень бросила младенца,
А изорту такъ и хлыщеть пѣна !

Собралась она опять къ Манойлѣ.
И пришедши ко двору Манойлы,
Заложила въ горѣ бѣлы руки,
И рыдая громко завопила :
«Грѣхъ тебѣ отъ Бога, Грчичъ Манойло !
Такъ за злато крестника ты продалъ ?
Заплати за то тебѣ Йована !» (*)

(*) Св. Іоаннъ-креститель считается у сербовъ покровителемъ воспріимничества. День, въ который православной церковью чтится память этого святого, считается у сербовъ такимъ великимъ праздникомъ, что солнце три раза оста

А на то Манойло ей клянется:
 • Нѣтъ, кума, я этого не дѣлалъ ;
 — У него ребенокъ на колѣняхъ —
 Или то не плоть моя родная ? •

И идетъ отъ кума волошанка
 И идетъ домой съ пустою люлькой.
 На коня гнѣдого Грчичъ садится,
 Ёдетъ, скачетъ ко двору гречанки,
 И велитъ ей золото отвѣсить.
 Возвращаясь съ золотомъ тяжолымъ,
 Ёдетъ тихо черезъ лѣсъ на гнѣдкѣ,
 На дорогѣ видитъ онъ ягненка.

• Отсталъ знать отъ родного стада. —
 Грчичъ подумалъ — черненькій ягненокъ..
 Наложилъ стрѣлу онъ на тетиву
 И убилъ ягненка молодого.
 И съ коня усталого онъ сходить,
 Зажигаетъ хворостъ, жаритъ мясо,
 И въ лѣсу обѣдъ себѣ готовить.
 Отъ бедра же жирные кусочки
 Онъ въ мѣшокъ овсяный свой бросаетъ,
 Привезти домой къ женѣ ихъ хочетъ.

На коня вскочилъ Грчичъ, ёдетъ дальше.

Издалека бѣлый дворъ завидѣлъ ;
 Какъ жена навстрѣчу выбѣгаетъ,
 Да ломаетъ руки, громко плачетъ.
 Какъ увидѣлъ то Манойло, закричалъ ей :
 • Чтó случилось ? Говори, жена, скорѣе ! •

Горько плача Грчиха отвѣчаетъ :
 • Сынъ-то нашъ, нашъ сынъ единородный,
 Обратился въ чернаго ягненка...
 Обратился, въ лѣсѣ заблудился ! •

• Горе мнѣ ! воскликнулъ Грчичъ Манойло : —
 Я въ кустахъ нашолъ того ягненка,
 Да убилъ его стрѣлою быстрой
 И къ обѣду жарилъ, приготовилъ,
 И тебѣ привезъ кусокъ отъ яшки ...

наливается въ этотъ день на небѣ, проникнутое святостью торжества и ува-
 жениемъ къ угоднику. Повѣрье это очевидно произошло изъ того, что Ивановъ
 день — одинъ изъ самыхъ длинныхъ юнскихъ дней.

Лѣзетъ правою рукою Грчиха,
Въ овсяной мѣшокъ, за тою лашкой —
Глядь — рука ея родного сына!

И рыдая падаетъ на землю ;
•Посмотри-ка, вотъ тебѣ награда,
За продажу крестника родного !
Безъ слѣда твой родъ со свѣту сгинетъ !.

Вотъ что было. Помолитесь Богу,
Чтобы впредь того же не случилось.

Однимъ изъ отличительныхъ элементовъ южно-славянскаго племени составляетъ *дружба*, узы которой для серба даже святѣе узъ родства крови, потомучто «братанье» основано на свободномъ выборѣ любящихся, тогда какъ родство крови есть дѣло случая. Сербъ не знаетъ ничего постыднѣе, ничего безчестнѣе измѣны другу. Покровителемъ дружескихъ союзовъ считается все тотъ же Іованъ-предтеча, товарищъ дѣтства и другъ Спасителя. Стоить только во имя св. Іована предложить дружбу самому злому врагу, чтобъ онъ сталъ вамъ самымъ вѣрнымъ другомъ. Отвергнуть предложенную такимъ образомъ дружбу считается позорнымъ злодѣяніемъ. Какъ строго наказывается измѣна кумовству, мы уже видѣли изъ предыдущей легенды ; какое высокое понятіе имѣетъ народный духъ о дружбѣ, можетъ показать слѣдующая легенда, тоже черногорскаго происхожденія.

Друзья

Жили долго въ неразрывной дружбѣ
Побратимы Муѣо да Алія (*) ;
Такъ-то дружно жили, что въ знакъ дружбы
Обиѣнялись милыми конями,
Изъ-за полса оружьемъ свѣтлымъ.

Разъ верхомъ сядились оба друга,
Выѣзжали къ берегу морскому,
Чтобъ убить тамъ утницъ-златопѣрыхъ.

Вылеталъ у Муѣо сѣрый соколъ,
У Аліи бѣлъ перепелятникъ.

(*) Мустааа и Али.

Громко крикнулъ Муїо : « соколы добыты ! »
А Алія : « нѣтъ, перевесытънкъ ! »

Крѣпко это Муїо огорчило.
Вотъ потомъ друзья на землю сходятъ
И садятся подъ зеленой елкой.
Студено вино пьютъ въ холодной тѣни ;
Отъ вина подъ елкой засыпаютъ.

И увидѣли то на морѣ три вины ;
И большая меньшимъ говорила :
« А друзья-то право неразлучны,
Никогда поссориться не могутъ !
Той мнѣ васъ, что тѣхъ друзей рассорить,
Дать сейчасъ я сто златыхъ цехиновъ ».

То меньшая вила услышала,
Бѣлы крылья тотчасъ распустила,
Опустилась къ Муїо, къ изголовью,
Стала плакать горькими слезами ;
Слезы щеки Муїо прожигали.

И вскочилъ онъ словно сумашедшій,
Надъ собой красавицу увидѣвъ...
Будить друга громкими рѣчами:
« Вотавъ Алія, ко двору поѣдемъ.
Посмотри, что Богъ мнѣ посылаетъ ! »

Быстро Алія вскакивала на ноги :
« Какъ ! кричить онъ : — чтобъ твой мозгъ высохнулъ !
У тебя такъ двѣ теперь ужъ будетъ,
А у друга ни одной, какъ прежде ? »

Никогда такъ Муїо не было обидно.
Изъ-за пояса онъ выхватилъ свой ханджуръ —
И прошолъ будать сквозь сердце Али:

И упалъ Алія тутъ навзничь. Муїо
Тотчасъ сѣлъ на бѣлую кобылу,
Поднимаетъ красную дѣвицу,
И домой сбирается съ ней ѣхать:

Ржотъ надъ Али лошадь вороная,
Жалобно ржотъ воелъ господинъ.
Горько такъ не плачетъ братъ о братѣ !

Какъ услышалъ Али это ржанье,

Умоляетъ друга со слезами :

• Муйо, слушай ! другъ ты и измѣнникъ !

Поверни ты бѣдую кобылу

Да возьми конечка-сиротинку,

Чтобы стонъ въ лѣсу не раздавался,

Чтобъ дурная слава не ходила

По землѣ объ муйиной измѣнѣ.

Повернулъ свою кобылу Муйо,

Подъ устцы беретъ онъ лошадь друга,

Чародѣйку на лошадь сажаетъ,

Вмѣстѣ съ всю черезъ лѣсъ онъ скачетъ.

Въ чащѣ бора, на краю дороги

Видитъ онъ — сидитъ на камнѣ воронъ,

Воронъ, однокрышная малѣка.

• Эй ! кричитъ онъ ворону-бѣднягѣ : —

Чай тебѣ съ однимъ крыломъ-то плохо ?

— Охъ какъ плохо ! воронъ отвѣчаетъ : —

Мнѣ нельзя безъ крылышка летати ;

Такъ и другъ не можетъ жить безъ друга ;

Вотъ хоть ты бы, Муйо, безъ Аліи !

Самъ съ собою Муйо разсуждаетъ :

• Дурно, Муйо ! право я боюсь,

Что тебѣ сегодншняя удаля

Не добромъ въ деревнѣ отзовется !

Коли птицы такъ тебя ругаютъ,

Такъ товарищи ужъ вѣрно не похвалятъ !

А красавица тихонько шепчетъ :

• Слушай, Муйо ! мы назадъ вернемся !

Я лечу не этакія раны,

Можетъ-быть спасу тебѣ Алію !

Вѣтеръ такъ по полю не летаетъ,

Какъ назадъ къ Аліи мчится Муйо.

Подъѣзжая жъ къ елкѣ, подъ которой

Студено вино два друга пили,

Оглянулся Муйо на дѣвицу

Посмотрѣть, куда она отстала :

Глядь — анъ конь летитъ за нимъ порожній ..

Муйо палъ на землю возлѣ друга...

Да слезами горю не поможешь,

Не вдохнуть ему души въ Алію !

Какъ увидѣлъ Муйо друга мертвымъ,

Изъ-за пояса канджаръ булатный вынулъ,

И вонзилъ себѣ средь бѣлой груди.

Дружба считается у сербовъ неразрывной; но крайней мѣрѣ мелочныя, обыденныя размолвки не въ состояніи разорвать ее; и нужно вмешательство какой-нибудь сверхъестественной силы, напримеръ злой силы виль, чтобы расторгнуть священный союзъ братьевъ.

Прочтавши сообщенныя нами легенды, нельзя не оцѣнить ихъ глубокой, внутренней связи съ жизнью и міровоззрѣніями того народа, среди котораго они сложились. Сербскій народъ, уже цѣлыя столѣтія оставленный на произволъ анархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ необузданнѣйшаго деспотизма, съ удивительнымъ чутьемъ угадалъ, что единственная опора его національности остается въ прочности семейныхъ отношеній, и потому всѣ его пѣсни, всѣ его легенды заняты прославленіемъ домашнихъ добродѣтелей семьянина — любви материнской, дѣтской, братской и супружеской, честнаго пріемничества, вѣрной дружбы, неподкупной честности; всѣ они поддерживаютъ въ народѣ любовь къ національности, возжигаютъ его храбрость, учатъ его самопожертвованію за отчизну, свободу и «милую» христіанскую вѣру, и питаютъ въ немъ непримиримую ненависть къ «поганымъ» иртысителямъ вѣры, свободы и отечества, — туркамъ. Дай-богъ, чтобы народныя пѣвцы Сербіи долго еще не перестали слагать такія легенды!

ПО ПОВОДУ УНИЧТОЖЕНІЯ ОТКУПНОЙ СИСТЕМЫ

И ЗАМѢНЫ ЕЯ АКЦИЗНОЙ

Статья первая

I

Несмотря на мнѣніе нѣкоторыхъ, впрочемъ крайне-неблагожелательныхъ сторонниковъ откупной системы, что она у насъ неизмѣнима по отношенію къ интересамъ государственной жизни, и что потому рано еще считать ее близкой къ концу; несмотря на надежды нѣкоторыхъ господа, находящихъ выгоднымъ для себя существованіе внешнихъ откуповъ; несмотря и на нѣкоторыя другія обстоятельства; — откупная система уже доживаетъ свой вѣкъ и у насъ въ Россіи. И находится она въ такомъ плачевномъ для себя состояніи не только потому, что правительство намѣрено замѣнить ее акцизною системою, но и потому, что Россія, вся Россія уже понимаетъ теперь весь вредъ отъ откуповъ. Она именно сознаетъ, что съ существованіемъ откуповъ неизвѣнно связано множество такого рода злоупотребленій, которыя никакимъ образомъ не допускаются въ государствахъ, находящихся на значительной степени развитія; она сознаетъ теперь, что откупная система не приноситъ надлежащихъ доходовъ ни въ, тогда-какъ на народъ, на его нравственность и промышленность, а потому и на всю участь его дѣйствуетъ вредно. И потому понятно, почему ни въ Россіи, ни въ цивилизованныхъ мірахъ вообще нѣтъ — кромѣ крайне-неблагожелательныхъ, болѣею частью заинтересованныхъ исключеній — сторонниковъ откупной системы; и понятно также, почему правительство наше, рѣшившись по окончаніи послѣдней войны улучшить путемъ административныхъ реформъ участь и участь Россіи, не отложило въ долгій ящикъ уничтоженіе откуповъ, а напротивъ, пошло ружьями приватясь за этотъ во-

прось какъ можно поспѣшнѣе и рѣшить его безъ лишннихъ замедленій. Намѣреніе правительства выказалось сразу — просто, ясно и вполне—опредѣлительно, и потому, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, это намѣреніе встрѣчено глубокимъ сочувствіемъ со стороны рѣшительнаго большинства нашего общества, а возможное, покуда, осуществленіе этого намѣренія — изданіемъ новыхъ акцізныхъ правилъ — принято съ искреннею признательностію. Если же эта признательность, высказавшаяся у насъ не такъ громко, какъ бы это было во многихъ другихъ странахъ въ подобномъ случаѣ, то причина тому заключается какъ въ нѣкоторыхъ невыгодныхъ для всѣхъ условіяхъ нашей общественной жизни вообще, такъ въ особенности въ томъ, что въ это же время, какъ и теперь еще, рѣшался у насъ вопросъ, перель которымъ блѣднѣютъ всѣ остальные, даже весьма важные административные вопросы, а именно вопросъ крестьянской.

Но какъ бы несовершенна ни была откупная система, она тѣмъ **С** менѣе ежегодно доставляла многіе десятки миліоновъ доходу государственной казны, составлявшіе и составляющіе еще такую огромную часть нашихъ государственныхъ доходовъ вообще, какой не составляютъ налоги на напитки ни въ одномъ изъ цивилизованныхъ государствъ. А потому главному министру финансовъ представляется *трудная* задача, при рѣшеніи которой, въ особенности при скоромъ рѣшеніи, едва ли возможно избѣгнуть ошибки, — иногда быть — можетъ значительной. Но разумеется, такого рода ошибки должны вызывать со стороны людей, постигшихъ благоденствіе въ земледѣльчествѣ, трудность подобной задачи не осужденіе, а желаніе помочь администраціи въ устраненіи подобныхъ ошибокъ, въ особенности такой администраціи, которая въ этомъ случаѣ, обезпачивая такой вопросъ съ возможной гласностію, и вывѣчала мнѣніе всѣхъ и каждого, кто только могъ или хотѣлъ содѣйствовать ей въ этомъ отношеніи.

Просимъ читателей нашихъ не принимать означеннаго видѣнія за самъ смыслъ, котораго они не имѣютъ, и не предполагать, чтобы мы хотѣли этими словами сказать что-либо дурное о тѣхъ акцізныхъ правилахъ, которыя уже напечатаны и утверждены. Читателямъ нашимъ безъ сомнѣнія известно, что особые и задумали мы что-либо подобное, по намѣренію наше не могло бы осуществиться никакъ путемъ болѣе или менѣе административнымъ. Кромѣ того, если бы мы возмѣнили намѣреніе разбирать печатно новую акцізную систему дѣломъ должностною, замѣняли прежнюю откупную, и получили бы право разрѣшенія, то ни въ какомъ случаѣ мы не имѣли бы права не критиковать, а только уважать значеніе этого слова,

новой системы, не осуждать въ особенности нашу финансовую администрацію и сотрудничать съ нею въ созданіи этой системы, а только указать на слабыя стороны ея. Мы очень хорошо понимаемъ, что въ случаѣ сильнаго вѣздума еще осуждать кого-либо за эту систему или администрацію какия-либо ея стороны, то каждый имѣлъ бы право замѣтить намъ, что это дѣлаемъ мы не вовремя, слишкомъ поздно, что вопросъ этотъ обсуждался гласно; что ише министерство. Однакожь не только никого не стѣснано въ этомъ отношеніи, но само вызывало всѣхъ и каждого на гласное обсужденіе этого вопроса, и что потому лица, добросовѣстно участвовавшія въ начертаніи новыхъ акцизныхъ правилъ, имѣли полное право отвѣчать посредствомъ своему, что и они изъ тѣхъ, которые крикли только заднимъ умомъ. И съ снатию для насъ, мы сознаемъ въ этомъ отношеніи свои права и обязанности, и потому не съ цѣлью критики, даже въ лучшемъ, этимологическомъ значеніи этого слова, пишемъ мы эти строки. Намѣреніе наше состоитъ въ томъ, чтобъ показать, какое мѣсто занимаетъ новая русская адцизная система въ ряду другихъ подобныхъ же системъ. Кроме того мы желаемъ возбудить вопросъ чисто-научный; но конечно такой научный вопросъ, разрѣшеніе котораго должно равно или поодво имѣть вліяніе на административную практику.

На это намъ могутъ замѣтить, что намъ не для чего вышнывать русскія административныя мѣры въ научные вопросы. Извините, оговоримъ мы. И наша администрація вообще, и даже вся наша русская политика, какъ и администрація и политика англійская, французская и другія, тѣсно связаны съ степенью познаній и образа мыслей лицъ административныхъ и политическихъ вообще, въ особенности главныхъ между нами. Всѣ эти лица слѣдуютъ въ большей или меньшей степени извѣстнымъ преданіямъ, правиламъ, мнѣніямъ; всѣ они въ большей или меньшей степени убѣждены, что для дѣятельности ихъ необходимы познанія и правила, и этимъ познаніямъ и правиламъ они придаютъ, въ большей или меньшей степени, значеніе науки или искусства, но искусства не въ смыслѣ художества, а въ смыслѣ науки. Здѣсь не мѣсто разбирать, въ какой степени та или другая администрація, или та или другая политика, или воѣ онѣ имѣютъ соответствують требованіямъ еще не вполне созданной, сколько нами извѣстно, науки — политики. Это повело бы насъ слишкомъ далеко, да притомъ же удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса намъ не по плечу, — какъ не по плечу оно, свѣтъ думать, и всякому другому человеку, потому что здѣсь слишкомъ много еще нерѣшеннаго, чтобъ одинъ человекъ могъ рѣшить подобный вопросъ. Недаромъ люди съ истиннымъ призваніемъ

нiемъ въ административной и вообще политической дѣятельности учатся долго и много, и дѣйствительно много знаютъ; многomu выучиваются до того времени, когда рѣшаются поступить на политическое поприще, да и находясь уже на немъ, продолжаютъ учиться. Такиа люди всегда чтутъ науку, и можетъ-быть даже лучше ихъ не сознаютъ ея необходимости, а также и практической пользы отъ нея. Конечно, не все государственные люди въ мiрѣ занимаютъ мѣста свои по призванiю, свѣдѣнiямъ и способностямъ своимъ, и не все они потому понимаютъ значенiе науки; тѣмъ не менѣе большая часть даже вовсе не даровитыхъ государственныхъ людей никогда слѣдуетъ, въ большей или меньшей степени, извѣстнымъ правдамъ, которымъ они придаютъ значенiе правилъ необходимыхъ, испытанныхъ истинъ, и на болѣе или менѣе систематическое собранiе которыхъ они такимъ образомъ смотрятъ какъ на собранiе законовъ, правилъ, истинъ, — словомъ, какъ на науку или искусство. Да въ наше время надо вовсе не знать того, что творится въ мiрѣ, чтобъ сомнѣваться во влiянii науки вообще и административныхъ или политическихъ наукъ въ особенности на администрацiю и даже политику вообще. Ужь кажется Наполеонъ III напримеръ, *практическiй человекъ* даже на взглядъ не только обыкновенныхъ *практическихъ людей*, прекрасно устроивающихъ дѣла свои, но и на взглядъ такихъ *практическихъ людей*, дѣйствiя которыхъ иногда приводятъ въ неописанный восторгъ, а иногда такъ даже пугаютъ обыкновенныхъ *практическихъ людей*; а между тѣмъ и Наполеонъ III видитъ и понимаетъ, что безъ науки не обходится не только та или другая часть администрацiи, но и политика вообще. А изъ этого не слѣдуетъ ли между прочимъ, что правы, совершенно правы тѣ наиболѣе способные и свѣдущiе государственные люди, которые всѣми мѣрами покровительствуютъ наукѣ и обуславливаютъ свои дѣйствiя съ ея требованiями; наоборотъ, неправы тѣ, болѣею частью бездарные и во всякомъ случаѣ мале свѣдущiе люди, выскочки въ администрацiи, которые смотрятъ на науку какъ на нѣчто такое, что недостойно ихъ высокаго вниманiя и пригодно только для ученыхъ? Да, нехата было бы въ наше время сомнѣваться во влiянii науки не только на администрацiю, но и на политику вообще. Совершенно другой вопросъ: достаточно ли такое влiянiе? — по на этотъ разъ мы не касаемся этого вопроса; но уже съ насъ довольно и того, что наука и администрацiя, а частью и политика не вовсе чужды другъ другу, чему конечно и слѣдуетъ быть.

Кромѣ того, наше министерство финансовъ въ послѣднее время ясно выкавычиваетъ, нѣкоторыми приѣмами своими, нацѣренiе свое соглашать принимаемыя имъ мѣры и предпринимаемыя про-

бразованія съ требованіями науки, именно науки о финансахъ. Само собой разувѣется, что подобное намѣреніе и въ особенности осуществленіе его можетъ только радовать людей просвѣщенныхъ. Въ этомъ отношеніи неодобреніе возможно только со стороны тѣхъ, которые не понимаютъ что такое наука, какъ она создается и къ чему ведетъ. Ясно, что если наука, вслѣдствіе своей молодости и неразвитости, утверждаетъ или предписываетъ что-либо ложное и вредное, то надо это предварительно доказать, исключить ложное изъ науки; но доколь это не доказано; необходимо слѣдовать ея предписаніямъ, потому что наука есть собраніе истинъ или, по меньшей мѣрѣ, истинъ и мѣръ, признаваемыхъ за истинныя, а истинное не только полезно, но даже безусловно необходимо. Ясно также, что если наше министерство финансовъ стремится къ тому, чтобы мѣры его согласовались съ требованіями науки, то оно стремится къ истинному; а если, кромѣ того, оно еще приглашаетъ и выслушиваетъ экспертовъ, то этимъ оно выказываетъ и намѣреніе свое— истинны, добытыя наукой, примѣнить къ Россіи сообразно съ территориальными и другими условіями нашего быта. Чего же лучше?

Но какъ бы ни былъ хорошъ и вообще рационаленъ въ подобныхъ случаяхъ образъ дѣйствій нашего министерства финансовъ, какъ и всякаго другого министерства финансовъ, оно можетъ достигъ или не достигъ своей прекрасной цѣли, между прочимъ, отъ двухъ обстоятельствъ: во первыхъ оттого, ясно ли и вѣрно ли рѣшила наука тотъ или другой финансовый вопросъ, или же она еще не рѣшила его, или, что тоже, рѣшила покуда невѣрно; а во вторыхъ оттого, какъ поняли эксперты и вообще лица, участвовавшія въ начертаніи извѣстныхъ правилъ, ту или другую финансовую (по наукѣ) истину, примѣненіе которой къ той или другой странѣ составляетъ цѣль этихъ правилъ.

Такимъ образомъ для научной оцѣнки нашей будущей акцизной системы необходимо рѣшить вопросы:

- 1) Что нашло наше министерство финансовъ въ наукѣ по части налоговъ на напитки?
- 2) Что русская система привнесла собой въ науку?
- 3) Которая изъ системъ наилучшая съ точки зрѣнія науки, т. е. съ точки зрѣнія не того или другого народнаго быта, а съ точки зрѣнія обще-экономической?

Читатели наши видятъ, въ чемъ состоитъ задача настоящей статьи. Мы не имѣемъ притязанія дѣйствовать на нашу финансовую администрацію; мы желали бы только вѣсколько подѣйствовать на нашихъ экономистовъ и финансистовъ вообще, а именно поднять вопросъ о налогахъ на напитки, и вмѣстѣ съ тѣмъ и на всѣ косвен-

ные налоги вообще. Намъ кажется, что экономисты и ученые финансисты вообще слишкомъ рано еще почли на розгахъ въ этомъ отношеніи. Слѣдуетъ думать, что предметъ этотъ достоинъ вниманія нашихъ читателей.

II

Всѣмъ извѣстно, съ какою цѣлью облагаютъ правительства людей своихъ разнаго рода податями. Цѣль эта состоитъ въ томъ, чтобъ получать доходы; высшее же искусство въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, чтобы получать возможно болѣе дохода, но въ тоже время возможно менѣе обременять налогами и ихъ взиманіемъ какъ производителей, такъ и потребителей. Такую-то задачу задавали себѣ и правительства при назначеніи существующихъ налоговъ на спиртовые напитки. Такую же задачу решаетъ себѣ и наука о финансахъ. Посмотримъ, какъ рѣшена эта задача теоретически и практически.

Существуютъ двѣ главныя системы налоговъ на спиртовые напитки: англо-германская и французская. Существенная разница между ними заключается въ томъ, что англійская и наибольшая часть германскихъ администрацій облагаютъ спиртовые напитки налогомъ преимущественно въ моментъ ихъ производства, одновременно строго контролируютъ это производство, но зато предоставляютъ потомъ возможно-полную свободу торговли этими напитками; французская же администрація облагаетъ вино налогомъ въ тѣ моменты, когда оно переходитъ отъ производителя къ оптовымъ и мелочнымъ торговцамъ, продающимъ вино потребителямъ.

Англо-германская система подраздѣляется на двѣ: англійскую и прусскую или германскую. Первая дѣйствуетъ въ Англіи, вторая же въ Пруссіи, въ Бельгійи и въ некоторыхъ другихъ государствахъ, преимущественно въ германскихъ.

Не вдругъ конечно образовались эти системы, и много силъ, ума и административнаго таланта надо было употребить, чтобы дойти до того, что представляютъ намъ въ этомъ отношеніи самыя цивилизованныя народы въ мірѣ и ихъ администраціи. Эти системы представляютъ собой послѣднее покуда слово такихъ администрацій; сама наука — *современная теорія финансовъ* — нешла покуда ничего такого, что могла бы она противопоставить такимъ системамъ, хотя правда и далеко не все оправдываетъ она въ нихъ. Но этого конечно мало для науки: отъ нея рано или поздно слѣдуетъ ожидать не одного только осужденія тѣхъ или другихъ адми-

интересныхъ промаховъ, но и представленіи положительныхъ примѣлъ, изложенія совершеннѣйшихъ мѣръ и пріемовъ, должнствующихъ замѣнить собою тѣ, которые подвергаются ея осужденію и заслуживаютъ его.

Разсмотримъ эти системы въ общихъ ихъ чертахъ. Читатели наши увидятъ такимъ образомъ, въ какой степени наука о финансахъ, въ настоящемъ развитіи своемъ, и административная финансовая практика въ наиболее цивилизованныхъ странахъ могли содѣлывать нашему министерству финансовъ въ начертаніи новой акцизной системы. Только путемъ подобнаго сопоставленія и сравненія можно уяснить себѣ относительное достоинство и степень рациональности акцизныхъ системъ.

Въ производствѣ спиртовыхъ напитковъ есть три момента, которые могутъ быть принимаемы, дѣйствительно принимались и въ значительной степени еще принимаются въ основаніе налога на такіе напитки въ время ихъ производства; отчего и образовались слѣдующія три системы:

1) *Вѣдимость переемныхъ кубовъ*. Налогъ взимается съ этой вѣдимости, причемъ принимается въ соображеніе и опредѣляется извѣстное пространство времени для каждой перегонки. При такой системѣ представитель казны, чиновникъ, запираетъ на ключъ кубъ на все время, когда онъ не дѣйствуетъ, и такимъ-то образомъ казна *повидимому* получаетъ налогъ сполна. Эта система довольно легка и удобна, тѣмъ не менѣе она покинута, потому что *въ дѣлствительности* несколько не обезпечиваетъ казны. Здѣсь величина налога столько же зависитъ отъ размѣра, даннаго ему казною, сколько и отъ способности заводчика въ опредѣленное время совершать пять можеть болѣе перегонку, и такимъ образомъ лишать казну значительной части ея дохода. Этотъ способъ акцизнаго сбора существовалъ прежде въ Пруссіи и въ некоторыхъ другихъ странахъ, но теперь принадлежитъ къ числу винувшихъ явленій, потому что не обезпечиваетъ достаточно доходовъ казны.

2) *Важость заторныхъ или кадильныхъ чановъ*, т. е. количество сырыхъ матерьяловъ, изъ которыхъ выдѣлываются напитки, также служить мѣрлою и средствомъ для налога. На этомъ основана *живившая прусская система*.

3) *Количество вообще выкуриваемаго вина* служитъ основаніемъ для налога по английской системѣ.

Вотъ главные образцы взимаемаго въ Пруссіи акцизнаго сбора съ вина. Произведены были опыты, изъ которыхъ выведено, что изъ 100 квартъ готовой бражки добывается около 5 квартъ спирта, принастью въ 30 градусовъ, по спиртометру Траллеса. Сло-

время, было вычислено, сколько и какого материала необходимо при определенной величинѣ заторныхъ для квасильныхъ чановъ при каждой отдельной выкуркѣ, продолжающейся также определенное время, и такимъ образомъ назначенъ налогъ въ 1 грошъ съ каждыхъ 25 квартъ затора, т. е. около 5 кофеекъ серебромъ съ $2\frac{1}{2}$ ведра. Этотъ способъ былъ введенъ въ 1820 г., но уже скоро потомъ, именно въ 1824 году, правительство прусское увидѣло, что оно получаетъ доходъ не сполна, и вотъ по какой причинѣ. Эта форма налога, какъ само собой разумѣется, побуждаетъ заводчиковъ къ тому, чтобъ при *определенномъ* количествѣ выкуриваемаго спирта, объемъ затора былъ возможно малъ, т. е. чтобы отъ известнаго количества затора получалось спирта болѣе того, сколько предполагаетъ казенная администрація, и такимъ образомъ платитъ меньшій налогъ противъ назначеннаго. Съ этой-то цѣлью, и начали заводчики готовить заторъ какъ можно гуще. Правительство, замѣтивъ такую уловку, увеличило въ 1824 году налогъ на 20 процентовъ. Тоже повторилось въ 1838 и потомъ въ 1854 году.

Ясно, что такое обложеніе налогомъ предмета потребленія нерационально въ высшей степени, ибо во первыхъ сковываетъ промышленность тѣмъ, что опредѣляетъ ади, правдливѣе, устанавливаетъ норму производства; во вторыхъ, побуждаетъ производителей обходить законъ и обманывать казну; въ третьихъ, лишаетъ казну значительныхъ доходовъ и наконецъ въ четвертыхъ, стоитъ не дешево.

Въ самомъ дѣлѣ, взиманіе такого налога требуетъ значительнаго числа чиновниковъ и сопряжено съ такими формальностями, которыхъ не называютъ варварскими только потому, что прусское правительство старается быть въ этомъ отношеніи какъ можно снисходительнѣе къ своимъ подданнымъ, и дѣйствительно, оно въ этомъ отношеніи невримѣръ уступиваѣе и кротче правительствъ наримѣръ французскаго и англійскаго. Несмотря однако на такую кротость, уступчивость и снисходительность, нѣкоторые изъ формальностей, которыя неизбежно связаны съ прусскою акцизною системою.

При началѣ производства, заводчикъ обязанъ представлять въ акцизное вѣдомство подробное и точное описаніе завода *своего*, подробный планъ его и вѣдомость обо всѣхъ сосудахъ и вообще предметахъ, необходимыхъ для выкурки вина, съ обозначеніемъ величины этихъ предметовъ и мѣста, которое занимаютъ они на заводѣ. Акцизное вѣдомство посылаетъ чиновниковъ для повѣрки на мѣстѣ этого плана и этой вѣдомости; чиновники вышѣриваютъ сосуды, клеймятъ ихъ, ставятъ на нихъ нумера и подписываютъ

ихъ величину, т. е. Кроме того, не досажая какъ за восемь дней до начала выкурки, заводчикъ обязанъ представить акцизному вѣдомству подробную смѣту всему производству на заводѣ за цѣлый мѣсяць впередъ и ежемѣсячно представлять подобныя смѣты. Они не имѣютъ права что-либо промѣнать на заводѣ иначе и не въ три дня, какъ обозначено въ мѣсядной смѣтѣ или объявленіи. Они не имѣютъ также права употребить въ дѣло тотъ или другой чанъ не въ очередь, или же долженъ получить особенное на то разрѣшеніе. Наконецъ чаны должны быть извѣстныхъ размѣровъ, производство затора также опредѣлено, время этого затора тоже, и проч. и проч. Само собой разумѣется, что каждое нарушение подобныхъ правилъ сопровождается штрафами.

Вотъ въ общихъ чертахъ одна изъ лучшихъ, а можетъ-быть и самая лучшая изъ существующихъ акцизныхъ системъ. Вино между тѣмъ есть одинъ изъ необходимѣйшихъ предметовъ потребленія, и въ странахъ сѣверныхъ оно конечно составляетъ для большинства народонаселенія предметъ, безъ котораго обійтись довольно трудно. Парализовать регламентаціями производство вина, значить затруднять для народонаселенія постоянное, умеренное, а потому и безвредное употребленіе вина, что уже доказано опытомъ и наукой, и наоборотъ, это значить содѣйствовать потребленію вина не въ мѣру, въ праздники, при полученіи рабочими жалованья, т. е. содѣйствовать умноженію пьянства и тѣсно-связанныхъ съ нимъ пороковъ и преступленій.

Легко понять, что такой способъ обложенія предметовъ потребленія не соответствуетъ естественнымъ политико-экономическимъ законамъ, и если что смягчаетъ нѣсколько тягость подобной системы, такъ это то обстоятельство, что она менѣе англійской и французской системы стѣсняетъ кругъ производителей вина и мѣнѣе этихъ системъ вредитъ такому образомъ земледѣлію, цѣнтъ повсюду нуждающемуся, для своего развитія, въ винокурени, доставляющемъ кормъ скоту и проч. И дѣйствительно за относительное достоинство, въ сравненіи съ другими, прусской системы говорить между прочимъ то обстоятельство, что въ Пруссіи есть и можетъ существовать значительное число сельско-хозяйственныхъ винокуренъ; но разумѣется, ихъ было бы несравненно больше, еслибъ акцизная система была лучше, т. е. еслибъ она болѣе соответствовала законамъ и условіямъ народного хозяйства.

Легко понять также, что велика роль акцизныхъ чиновниковъ въ этой системѣ и что уже потому эта система и сама по себѣ не совсѣмъ хороша, и вовсе неприимима къ Россіи. Всемъ извѣстно, что чиновникъ — необходимое явленіе въ государствѣ, но въ тоже

время онъ плохой производитель предметовъ потребленія; а потому желательно было бы, чтобы роль и значеніе чиновниковъ въ производствѣ предметовъ потребленія согласовались съ степенью человѣческаго и гражданскаго развитія и достоинства этихъ лицъ. Потому-то между прочимъ и возможна такая система въ Пруссіи, Бельгіи и въ нѣкоторыхъ другихъ наиболее цивилизованныхъ странахъ, что въ нихъ чиновники, кромѣ крайне-рѣдкихъ исключеній, не имѣютъ обыкновенія, не имѣютъ и возможности, строить для казеннаго воробья, строить себѣ дома.

Ясно, что подобная акцизная система не представляла собой нашему министерству финансовъ такого идеала совершенства; которому необходимо было бы подражать.

Англійская акцизная система существуетъ съ 1825 года; стало-быть результаты ея должны быть извѣстны. Дѣйствительно, теперь уже никто не сомнѣвается, что если съ одной стороны она лучше другихъ системъ обеспечиваетъ доходы казны тѣмъ, что рѣшительно ограничиваетъ и преслѣдуетъ *незаконное*; т. е. не подлежащее акцизу, или правильнѣе, избѣгающее акциза винокурение; то съ другой стороны она наноситъ и значительный вредъ всему народному хозяйству тѣмъ, что крайне ограничиваетъ число лицъ и хозяйствъ, могущихъ съ выгодой для себя и для всего края заниматься винокурениемъ, — словомъ, она сосредоточиваетъ этотъ промыселъ въ рукахъ немногихъ богатыхъ заводчиковъ и лишаетъ земледѣліе тѣхъ выгодъ, которыя могло бы оно извлечь изъ винокурения. Не нужно, думаемъ мы, распространяться о томъ, какъ вредно вліяніе подобной *каскальной* системы на все народное хозяйство и какъ ясно, чтобы не сказать болѣе, жертвуется здѣсь благосостояніе народа и интересамъ казны.

Посмотримъ теперь, какими способами достигнетъ англійская акцизная система подобныхъ результатовъ.

Заводчикъ, винокуръ, прежде всего обязанъ получить дозволеніе, т. е. патентъ или лиценцію, стоющую болѣе 10 фунтовъ стерлинговъ; потомъ онъ обязанъ вывѣсить *вывѣску* съ надписью, объясняющею родъ его заведенія. Выѣстъ съ тѣмъ онъ связанъ разными правилами относительно мѣста, гдѣ можетъ имѣть заводъ. Такъ напримѣръ винокурный заводъ долженъ быть въ чертѣ города или же отстоять не болѣе четверти мили отъ такого города, въ которомъ не менѣе 500 домовъ; кромѣ того, никакая винокурня не можетъ помѣщаться ближе четверти англійской мили отъ ректив-

затора, т. е. составителя водокъ, а также и отъ оптоваго торговца водками и спиртомъ. Малѣйшее нарушеніе такихъ правилъ подвергается виновныхъ высокимъ пенямъ.

Мало того, англійскія акцизныя правила подробно опредѣляютъ количество всѣхъ чановъ, кубовъ и вообще сосудовъ, какое можетъ имѣть заводъ или винокурня, величину, положеніе этихъ сосудовъ и даже самый порядокъ выкурки вина. Эти правила предписываютъ даже, какою краскою должны быть окрашены трубы, соединяющія чаны, и вообще сосуды, необходимые для выкурки вина. Можно было сказать, что англійскій винокуръ устроиваетъ свой заводъ и дѣйствуетъ въ немъ преимущественно по плану предначертанному администраціей, или же что англійскій винокуръ несравненно менѣе хозяинъ въ своей винокурнѣ, нежели англійская администрація!

Несмотря на такія опредѣлительныя правила, которыми бытъ долженъ безусловно слѣдовать, если не хочетъ подвергнуться высокимъ пенямъ, англійскій заводчикъ тѣмъ не менѣе обязанъ, до начала выкурки вина, доставлять въ акцизное управленіе подробное описаніе, планы и рисунки помѣщеній своей винокурни и входящихъ въ ней чановъ, кубовъ, сосудовъ и утвари вообще.

Самый процессъ выкурки совершается подъ строгимъ надзоромъ акцизныхъ чиновниковъ, не выходящихъ можно-сказать изъ винокурни въ это время выкурки и даже приготовленія къ ней. Приступая напрямѣръ къ приготовленію затора, заводчикъ обязанъ уведомить о томъ акцизное управленіе не позже какъ за шесть часовъ; спуская заторъ въ квасильные чаны, онъ также обязанъ объ этомъ дать знать акцизному управленію, при томъ представить ему письменное объявленіе о количествѣ и качествѣ затора, во всею подробностью и т. д. Каждое подобное объявленіе повѣряется имѣетъ чиновникомъ и за каждое малѣйшее уищеніе по этой части заводчикъ подвергается штрафу отъ 20, 50 и до 500 фунтовъ стерлинговъ. Акцизные чиновники имѣютъ право входить въ винокуренные заводы во всякое время дня и ночи; въ случаѣ малѣйшаго подозрѣнія въ нарушеніи заводчикомъ акцизныхъ правилъ чиновникъ можетъ приостановить дѣйствіе завода, взымать банкы, разбирать полы, стѣны, ломать посуду и т. п. Словомъ, въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ власть неограниченную и доколѣ можетъ пользоваться ею, доколѣ не будетъ доказано, что онъ употребилъ ее во зло.

Самый способъ взиманія налога на напитки предоставляетъ англійскимъ акцизнымъ чиновникамъ много правъ, требуетъ отъ нихъ техническихъ по винокурной и пивоварной части свѣдѣній и

ставить ихъ въ необходимость постоянно присутствовать при производствѣ. Этотъ налогъ взимается на тройномъ основаніи, а именно: по количеству и качеству (крѣпости) затора, по количеству и качеству дорной перегонки, и наконецъ по количеству изготавливаемого спирта. Такимъ образомъ доходы казны обезпечиваются вполне, на сколько это возможно при акцизной системѣ.

Такому же надзору и подобнымъ же стѣсненіямъ подвергаются по англійскимъ законамъ и *ректификаторы*, т. е. составители водки, а въ большей или меньшей степени и всѣ торговцы спиртомъ и водкою. Всѣ они обязаны не только платить за патенты, но и исполнять извѣстные правила, почти столь же стѣснительныя, какъ тѣ, которыя существуютъ для винокуровъ.

Помнято, что это чисто-англійская система акциза съ вина и пригодна, и то относительно разумѣется, только для Англій. Благодаря такимъ учрежденіямъ, неограниченныя права акцизныхъ чиновниковъ по надзору за производствомъ питій и по взиманію съ нихъ акциза, если и не парализируются, то конечно превращаются въ этой странѣ въ права и обязанности, строго опредѣленныя и съ точностью выполняемыя, а потому и не допускающія произвола. Въ самомъ дѣлѣ, если велика власть англійскихъ акцизныхъ чиновниковъ, то велика и несомнѣнна также возможность, которую имѣютъ англійскіе заводчики и торговцы напитками — отстаивать права свои и находить защиту отъ произвола акцизныхъ чиновниковъ. Въ этомъ отношеніи Англія совершенно вѣрна себѣ — и здравому смыслу. Ея гражданинъ есть гражданинъ полноправный, ея судья — судья полновластный, ея чиновникъ — то, чѣмъ долженъ быть чиновникъ по своему назначенію, а именно лицо, пользующееся полнымъ довѣріемъ правительства, а потому и уваженіемъ частныхъ лицъ; но въ то же время учрежденія англійскія ревниво и заботливо обезпечиваютъ и защищаютъ права всѣхъ и каждаго, по требованію существующихъ законовъ, да притомъ же и гласность въ Англіи неограниченна, а при такой гласности произволъ и скоро раскрывается, и скоро подавляется. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобъ всѣ законы и учрежденія англійскія были безусловно хороши и во всѣхъ отношеніяхъ лучше законовъ и учрежденій другихъ странъ: нѣтъ, далеко не всѣ законы и учрежденія англійскія хороши; но они вѣрны себѣ, и всѣмъ другимъ англійскимъ законамъ и самой Англіи. Причина же этому, какъ извѣстно, заключается въ духѣ и характерѣ англійскаго народа и его правительства. Потому-то между прочимъ и домогаема въ Англіи невозможная и нелепая во многихъ другихъ странахъ англійская акцизная система.

Французская финансовая администрація предпочитаетъ поражать налогомъ напитки не при самомъ производствѣ ихъ, а передъ потребленіемъ, и этимъ-то главнѣйше отличается французская акцизная система отъ прусской и англійской.

Французская акцизная система чрезвычайно сложна, несравненно сложнее прусской и англійской, хотя и эти не отличаются особенной простотой и вѣрностью здоровымъ экономическимъ началамъ, требующимъ наибольшей, по возможности, экономической свободы для производства предметовъ потребленія.

Всѣ производители спирта и вина раздѣляются во Франціи на слѣдующія категоріи:

1) Такъ называемые *bouilleurs du cû*, выкуривающіе вино изъ собственныхъ своихъ произведеній. Они освобождены какъ отъ патентнаго сбора (лиценціи), такъ и отъ надзора надъ ихъ заведеніями и производствомъ.

2) *Distillateurs*, дистилаторы, производящіе водку изъ произведеній собственныхъ своихъ садовъ и остатковъ разнаго рода винъ. Эти также освобождены отъ контроля акцизнаго управленія и патентнаго сбора, но подвергаются налогу при продажѣ своихъ издѣлій.

3) *Bouilleurs de profession*, т. е. перегонщики спирта и производители водокъ изъ патоки и другихъ остатковъ сахарнаго производства. Къ этой же категоріи принадлежатъ и тѣ изъ дистилаторовъ, которые выдѣлываютъ спиртъ и водки изъ хлѣбныхъ ристеивъ и изъ *кумленыхъ* продуктовъ. Этотъ разрядъ производителей напитков подверженъ и патентнымъ сборамъ, и строжайшему контролю, и разнымъ регламентативнымъ правиламъ. Эти правила едва ли проще и лучше, въ какомъ либо отношеніи, англійскихъ и прусскихъ; малѣйшее нарушеніе ихъ также подвергаетъ виновныхъ высокимъ пенямъ.

Со спирта и вина не взимается акцизнаго сбора, доколѣ они не выходятъ изъ завода; но зато какъ только начинается выпускъ ихъ изъ заводовъ, каждое ихъ передвиженіе и переходъ отъ однихъ лицъ къ другимъ, къ оптовымъ торговцамъ и отъ нихъ къ мелочнымъ, каждый переходъ ихъ изъ завода, подвала или какого либо помѣщенія въ другое,—каждый такой переходъ совершается не иначе какъ съ дозволенія акцизнаго управленія и съ уплатой новаго налога. Намъ бы пришлось написать не менѣе пяти-шести печатныхъ страницъ, еслибъ мы вздумали перечислить всѣ такіе переходы вина и акцизные сборы съ него, существующіе во Франціи. Такихъ сборовъ вѣсколько десятковъ. Мы представили только самую краткую характеристику французской системы, даже не очеркъ

ся; но и сказаннаго нами достаточно кажется, чтобы понять несовершенство ея. Ясно, что она ничѣмъ не лучше двухъ другихъ акцизныхъ системъ, англійской и прусской; едва ли она и имѣетъ лучше, съ точки зрѣнія свободы производства, нашей откупной системѣ. Понятно также, что роль акцизныхъ чиновниковъ въ ней такъ же немалы, какъ въ Пруссіи и Англіи, съ тою только разницею, что во Франціи произволъ такихъ чиновниковъ, въ особенности при извѣстныхъ правительствахъ, ограничивающихъ гласность, менѣе ограниченъ, нежели въ Пруссіи и Англіи. А что мы несколько не преувеличиваемъ, дѣлая такой отзывъ о французской системѣ, то вотъ тому нѣкоторыя изъ доказательствъ:

1) По самымъ умѣреннымъ расчетамъ, по крайней мѣрѣ одна треть напитковъ находитъ возможность избавляться отъ акцизныхъ сборовъ.

2) Контрабандная продажа спирта, водокъ и вина развита во Франціи въ высокой степени.

3) Производство и торговля страшно стѣсняются этой системой, отчего напитки дороги.

4) Винодѣліе спиртовое, какъ промышленность, почти не развивается во Франціи.

5) Акцизные чиновники многочисленны, дорого стоятъ казнѣ, а пользы приносятъ относительно немного.

Вотъ идеалы акцизныхъ системъ, косвенныхъ налоговъ или сборовъ съ напитковъ, которые представляла и представляеть напитокъ преобразователямъ финансовая практика передовыхъ странъ, — идеалы, о которыхъ болѣе или менѣе снисходительно, а частью и съ похвалою отзываются и современная наука о финансахъ.

I. ШИММЪ

ПОДВИГЪ НАШИХЪ КОЛУМБОВЪ ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ОКЕАНѢ

Историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской компаніи и дѣйствія ея до настоящаго времени. Составилъ П. Тихменевъ. Часть I. Спб. 1861. стр. V, 386 и 66.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКИХЪ ЗАСЕЛЕНІЙ ПО БЕРЕГАМЪ ВОСТОЧНАГО ОКЕАНА. Четыре выпуска. Приложеніе къ Морскому Сборнику, 1861.

Восточный океанъ, и именно сѣверный его уголь, давно знакомъ русскимъ служилымъ людямъ. За сто лѣтъ до Беринга служилые люди плавали съ Анадыра въ Колыму моремъ, на баркахъ, называвшихся *кочами* и возили государеву казну, ясакъ; точно также плавали они изъ Колымы на Анадырь, по Ледовитому океану, черезъ Беринговъ проливъ (а отецъ Беринга тогда еще не родился) и по Камчатскому или Берингову морю и возили тоже государеву казну, муку, порохъ и свинець. Въ своихъ рапортахъ или отпискахъ въ случаѣ какого нибудь несчастья на морѣ, они такъ наивно рассказывали о своихъ приключеніяхъ; съ такимъ изумительнымъ самоотверженіемъ добраго стараго времени они спасали казенное имущество съ *коча*, затертаго въ океанѣ льдами, что невозможно читать этихъ поэмъ безъ истиннаго удивленія. Промышленники уже въ тѣ далекія времена вели на Колымѣ и на Анадырѣ дѣятельный торгъ пушнымъ товаромъ, вымѣнивая шкуры на желѣзо и муку; и въ тѣ далекія времена неутолимая корысть тянула въ тундры и въ снѣга толпы удалцовъ, которые наживались непомярно и за то непомярно тѣснили бѣдныхъ туземцевъ, миролюбивый, незлобивый народъ, — чукчей, коряковъ, юкагировъ, тунгусовъ. Промышленники въ дальнихъ краяхъ сами терпѣли всевозможныя лишенія, голодъ, холодъ, цынгу, в ожесточенные страданіями, съ большою легкостью

заставляли тоже самое терпѣть и другихъ. Такъ напримѣръ одинъ изъ государевыхъ кочей носило вѣтромъ по морю нѣсколько недель, такъ что люди наконецъ изнемогли отъ голоду и цынготной болѣзни. Наконецъ кочь остановился, затертый льдами. Экипажъ забралъ государеву казну, состоящую изъ соболей и лисиць, и потащилъ ее на берегъ по льду. Придя на берегъ, служилые люди пашли, что промышленники, знавшіе о ихъ несчастіи, скупили у туземцевъ всю рыбу и не продавали имъ иначе, какъ за ужасную цѣну, по пяти гривенъ за фунтъ, и служилые люди, шатаясь отъ болѣзни и голоду, бродили по юкагирскимъ юртамъ, выпрашивая ради Христа кусокъ рыбы.

Потомъ, въ началѣ прошлаго столѣтія, знаменитый Данило Андѣфоровъ открылъ и завоевалъ подъ высокую царскую руку Камчатку. Съ горстью казаковъ онъ прошолъ по этой странѣ до самаго южнаго мыса, и уѣхалъ въ Россію съ собранными въ государеву казну мѣхами. Его преемникъ Иванъ Козыревъ открылъ и занялъ первые острова курильской гряды, основалъ осѣдлость на островѣ Парамуширѣ, и сильно ограбивъ туземцевъ, послалъ въ государеву казну нѣсколько сороковъ мѣховъ. Вслѣдъ за казаками явились и промышленники, какъ стая вороновъ. вмѣстѣ съ промышленниками явились водка, опиумъ и спонилъ, и здѣсь повторилось тоже самое явленіе, которое замѣчается вездѣ, гдѣ только племя болѣе цивилизованное соприкасается съ дикимъ: послѣднее исчезаетъ какимъ-то роковымъ образомъ, уступая мѣсто первому. Въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія промышленники стали пускаться на острова и вывезли множество мѣховъ съ алеутской и съ курильской гряды. По Россіи ходили слухи о баснословныхъ богатствахъ драгоцѣнными мѣхами тѣхъ острововъ: дикари отдавали за простой, дрянной пожикъ два и три морскіе бобра, или десятокъ и два десятка великолѣпнѣйшихъ лисиць. Явилось множество такъ называемыхъ компаній для промысла мѣховъ. Кто нибудь снаряжалъ корабликъ, такой, на которомъ теперь едва ли кто рѣшится плыть по рѣкѣ, и спускалъ его въ море, обыкновенно въ Охотскѣ. Являлось много охотниковъ, которые обыкновенно назывались промышленниками; происходилъ уговоръ, въ силу котораго промышленники обыкновенно получали половину всѣхъ тѣхъ мѣховъ, какіе добудутъ, и корабликъ пускался въ море. Промышленники были обыкновенно изъ презрѣннѣйшихъ слоевъ низшаго населенія восточной Сибири. Чаще всего это были бѣглецы каторжники, или прощенные, выжившіе свой срокъ на каторгѣ убійцы, воры и разбойники. Это были первые представители Россіи, съ которыми познакомились алеуты и жители американскаго берега,

алискипцы, кенайцы, чугачи и угалахмоты. Понятно, что они получили о насъ не совѣтъ выгодное понятіе.

Различныя компаніи, производившія промыслы на алеутскихъ островахъ, поступали съ жителями несправедливо, очень часто жестоко; но все-таки многія компаніи, дѣйствовавшія въ одномъ мѣстѣ, были для жителей полезнѣе одной большой компаніи, распорядившейся безо всякой конкуренціи. Сначала конечно дикари не имѣли понятія объ относительной цѣнности своихъ мѣховъ; но нѣсколько компаній, старавшихся непрерывно вымѣнять товары въ свою пользу, набавляли цѣну, и алеуты получали за мѣха все болѣе и болѣе тѣхъ предметовъ, въ которыхъ нуждались. Такимъ образомъ мало-помалу алеуты сдѣлались бы по своему богаты и пожалуй стали бы считать себя равноправными со всеми остальными русскими гражданами.

Но явился очень хитрый, проворливый и оборотливый человекъ, купецъ Шелеховъ. Онъ преобразовалъ тамошній край, и подвиги его чувствуются до сихъ поръ. Выѣстъ съ двумя другими купцами онъ образовалъ на десять лѣтъ компанію; на складочный капиталъ онъ построилъ три кораблика и отправился на *«аликсинскую землю, называемую американскою, на знаемые и незнаемые острова для производства пушного промысла и всякихъ поисковъ, и заведенія добровольнаго торга съ туземцами.*

Эта компанія была зерномъ, изъ котораго впоследствии развилась Россійско-Американская компанія. Г. Тихменевъ, въ своей книгѣ, заглавіе которой выписано въ началѣ этой статьи, излагаетъ исторію этой компаніи. Къ несчастію, вышла только первая часть этого сочиненія, и панегирикъ неполонъ, незаконченъ. Но можно утѣшиться тѣмъ, что исторія доведена до 1841 года, когда въ послѣдній разъ возобновлена привилегія компаніи на двадцать лѣтъ, такъ что и послѣднія извѣстія — почти современность. Ктому же еще, по самому существу дѣла, по одинаковости обстановки, подлиги компаніи за послѣднія двадцать лѣтъ не могутъ вовсе ничѣмъ отличаться отъ подвиговъ за все прошедшее время.

Нѣтъ надобности обращать особенное вниманіе на всѣ мелочи и подробности книги г. Тихменева; въ нихъ весьма весьма интереснаго, потому что большого интереса въ панегирикѣ и быть не можетъ. Всякій фактъ, всякое событіе истолковано въ хорошую сторону, къ вышему прославленію имени Россійско-Американской компаніи; но при небольшомъ вниманіи, все это разоблачается и истина оказывается во всемъ блескѣ и во всей полнотѣ, особенно при помощи изданныхъ въ приложеніи къ Морскому Сборнику «матеріаловъ для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ восточнаго

океана.» Г. Тихменевъ имѣлъ въ виду показать, что съ легкой руки Шелехова, Россійско-Американская компанія оказала чуть ли не благодѣяніе Россіи и сѣвернымъ частямъ Восточнаго океана тѣмъ, что собирала съ нихъ въ продолженіи шестидесяти лѣтъ хорошіе барыши.

Такъ, рассказывая о путешествіи Шелехова на Кадьякъ, г. Тихменевъ прибавляетъ :

• Всякій ковечно согласится, что не одна выгода, но и самопожертвованіе на пользу общую могли внушить смѣлому странствователю мысль о подобномъ путешествіи и придать ему силы къ перенесенію всѣхъ трудностей, опасностей и лишеній, которыя надлежало ему испытать, при неуклонномъ стремленіи къ достиженію предназначенной имъ цѣли. •

Еслибы г. Тихменевъ потрудился сблизить съ этой пышной фразой количество вывезеннаго Шелеховымъ груза, то онъ вѣроятно сумѣлъ бы нѣсколько воздержаться. Три корабля первой компаніи Шелехова обошлись въ 70 тысячъ рублей, стало быть каждый около 23,000 руб. Возвращаясь изъ перваго вояжа, два только изъ этихъ кораблей, по собственной оцѣнкѣ промышленника, привезли въ Охотскъ грузу на 732,000 рублей. Когда основной капиталъ послѣ первой операціи увеличивается слишкомъ въ пятнадцать разъ, то понятнымъ становится въ торговомъ человѣкѣ умѣнье выдерживать «всѣ трудности, опасности и лишенія.» Ктому же объ этой поѣздкѣ Шелехова мы имѣемъ свѣденія только изъ его собственнаго журнала и донесенія. Трудности состояли въ томъ, что пришлось выдерживать нѣсколько бурь; по человѣкѣ, пустившійся въ море, поневолѣ выдерживаетъ бури, какими бы намѣреніями онъ ни былъ одушевленъ. Опасности состояли въ томъ, что дикари на островѣ Кадьякъ вовсе не обрадовались прибытію Шелехова, вѣроятно зная по опыту, что посѣщеніе русскихъ не приносило имъ счастья. Жители Кадьяка, *коняги*, требовали, чтобы наши искатели приключеній или барышей удалились отъ острова. Несмотря на то, что Шелеховъ началъ съ ними хитрить и пустился въ переговоры, коняги пустили въ нашихъ нѣсколько стрѣлъ, и черезъ два или три дня ночью напали на промышленныхъ. Произошла драка, въ которой русскіе одержали верхъ. Коняги собрались на одномъ островкѣ и совѣщались о томъ, что имъ дѣлать: вѣроятно, они предполагали опять напасть на пришлецовъ, чтобы истребить ихъ, точно также какъ и всякій народъ имѣетъ право отражать незваныхъ гостей. У Шелехова было пять двухъ-фунтовыхъ пушекъ. Онъ осадилъ конягъ на ихъ неприступномъ каменистомъ островкѣ

и началъ стрѣлять изъ пушекъ по ихъ палатамъ. Бѣдники не имѣли понятія о пушкахъ и считали себя на утесахъ въ совершенной безопасности. Они обратились въ бѣгство, оставивъ въ рукахъ сѣвернаго Кортеса множество убитыхъ и плѣнныхъ. У сѣверо-американскихъ племенъ до сихъ поръ сохранился обычай плѣнныхъ обращать въ рабство; Шелеховъ такъ и распорядился. Онъ поселилъ своихъ плѣнниковъ близъ гавани, снабдилъ ихъ всѣмъ, что нужно для промысла пушныхъ звѣрей и сталъ пользоваться ихъ трудами. При этомъ онъ обезпечилъ себя заложниками, забравъ у нихъ дѣтей, человекъ двадцать.

Далѣе въ своемъ донесеніи Шелеховъ говоритъ, что по его убѣжденію «свѣтъ истинной вѣры Христовой скорѣе всего могъ положить въ нихъ добрыя начала», и потому онъ объяснялъ дѣтямъ и взрослымъ законъ божій и такимъ образомъ возбудилъ въ нихъ желаніе креститься. Передъ отъѣздомъ изъ Кадьяка онъ окрестилъ сорокъ человекъ туземцовъ.

Видно, что ловкій Шелеховъ изукрасилъ свое донесеніе всѣмъ тѣмъ, что могло понравиться тогдашнему правительству. Понятно, что онъ могъ окрестить человекъ сорокъ дикарей, или даже больше. Обращеннымъ въ рабство людямъ нельзя было сопротивляться своему владѣльцу. Ктому же дикари получали при крещеніи по холщевой рубашкѣ и по пяти листовъ табаку. Это имъ очень понравилось, и многіе туземцы говорили впоследствии (около 1810 г.) Головинну, что они готовы принимать крещеніе хоть каждый день, только бы получать рубашки и табакъ, который они такъ любятъ жевать. Понятно тоже, что Шелеховъ открыто лгалъ, увѣряя, будто онъ объяснялъ конягамъ законъ божій: для этого нужно было прежде всего узнать ихъ языкъ, а потомъ самому быть истиннымъ христіаномъ. Ничего этого не было, и новообращенные христіане послѣ того были обращаемы еще нѣсколько разъ. Но не въ христіанствѣ въ самомъ дѣлѣ заключались цѣли Шелехова: дѣло-то состояло въ томъ, что капиталъ его компаніи въ первую операцію увеличился въ пятнадцать разъ. А гдѣ до барышей коснется, тамъ достается не только асутамъ и конягамъ, но и всѣмъ другимъ паціентамъ.

На островѣ Кадьякѣ, на островѣ Аюгнакѣ и на Кенайскомъ берегу Шелеховъ поселилъ своихъ промышленныхъ, и для сохраненія ихъ (а съ ними и барышей) построилъ небольшіе острожки, состоящіе изъ бревенчатаго частокола, какъ до сихъ поръ у насъ строятся остроги для арестантовъ. Для управленія своими заведеніями и невольниками, онъ оставилъ своего прикащика Самойлова и уѣхалъ въ Охотскъ, а оттуда въ Иркутскъ.

Тутъ-то начинаются его продѣлки и подвиги для пріобрѣтенія монополіи. Онъ зналъ очень хорошо, что соперничество другихъ промышленниковъ не дастъ ему спокойно наслаждаться пріобрѣтенными алеутами и конягами, не позволитъ ему одному вывозить изъ страны, богатой пушными звѣрями, всѣ тѣ сокровища, которыя такъ удобно сбывались въ Китай и на всѣхъ русскихъ рынкахъ. Онъ началъ съ того, что представилъ генераль-губернатору Якоби подробное описаніе своего путешествія, карту посѣщенныхъ имъ земель и планы воздвигнутыхъ и заложенныхъ имъ укрѣпленій. Новозавоеванныя страны въ донесеніи его оказались многолюдными и плодородными, острожки оказались крѣпостями, невольники его коняги — россійскими подданными, христіанство распространенымъ. Онъ просилъ генераль-губернатора снабдить его инструкціей относительно того, какъ ему обращаться съ приведенными имъ въ россійское подданство народами, и главное, объ исходатайствованіи милостиваго благоволенія ея величества къ трудамъ его на пользу отечества.

«Безъ монаршаго одобренія малъ и недостаточенъ будетъ трудъ мой (говорить въ своемъ донесеніи Шелеховъ), поелику и къ дѣлу сему приступалъ и приступаю единственно съ тѣмъ, чтобы въ означенномъ морѣ землямъ и островамъ сдѣлать собою обзоръ ие и угождать оныхъ учинить замѣчанія, а въ пристойныхъ мѣстахъ, въ отвращеніе другихъ державъ, расположить надежнѣйшія наши, служація къ славі премуудрой нашей государыни въ пользу свою и нашихъ соотечественниковъ, занятія. И не безъ основанія питаюсь надеждою, что такое намѣреніе и на будущія времена въ тѣхъ странахъ, по мѣрѣ моего стремленія, сколько силъ и возможности будетъ, открою непредвидѣнные государству доходы, съ пользою притомъ и своею.»

Послѣ того правительство предписало сибирскому генераль-губернатору Якоби изложить свое мнѣніе о лучшихъ способахъ къ утверженію владычества Россіи на островахъ восточнаго океана и на берегахъ Америки, объ образованіи управленія туземными народами и объ улучшеніи ихъ быта. Отвѣтъ на это въ Иркутскѣ былъ готовъ и обработанъ самимъ Шелеховымъ. Якоби представилъ, что Шелехову и товарищамъ его «необходимо дать *исключительное право* на производство промысла въ вышесказанныхъ мѣстахъ». Такое мнѣніе Якоби подтверждалъ разными высшими соображеніями, и между прочимъ упоминалъ, что другіе промышленники разстроятъ и опровергнуть все такъ успѣшно пачатое Шелеховымъ. Онъ кончаетъ свое донесеніе словами: «слѣдовательно нельзя не убѣдиться, что лучше ввѣрить *обращеніе* съ туземцами одному че-

ловѣку, извѣстному уже по трудамъ своимъ, чѣмъ многимъ, руководимымъ большею частію корыстолюбіемъ.

Коммерцъ-коллегія, разсмотрѣвъ это мнѣніе Якоби, совершенно съ нимъ согласилась, и при помощи дѣятельнаго искательства Шелехова, придумала даже выдать ему въ ссуду взъ казны безъ процентовъ, на двадцать лѣтъ, двѣсти тысячъ рублей. Дѣло было обдѣлано и обдуманно во всѣхъ подробностяхъ и частностяхъ. Въ добавокъ ко всѣмъ выгодамъ, Шелеховъ и Голиковъ получили похвальные грамоты, шпаги и золотыя медали. Затѣмъ начинается однообразнѣйшая исторія о томъ, какъ снаряжались въ Охотскѣ корабли, отправлялись на острова за промышленными шкурами, возили на острова хлѣбъ и разные предметы мѣны, оттуда возили мѣха. Очень многіе корабли гибли, пропадало пропасть людей. То тамъ разобьется корабль, то здѣсь погибнетъ весь экипажъ съ грузомъ; но все это были обстоятельства неважныя, потому что корабль можно выстроить новый, а грузомъ можно добыть множество. Больше всего поражена была компанія, когда у нея пропала цѣлая партія покорныхъ и кроткихъ алеутовъ, человѣкъ 120, наѣвшихъ гдѣ-то на промыслѣ ловить ракушекъ. Это была потеря невознаградимая, потому что лишала компанію значительнаго числа отборныхъ рабочихъ рукъ.

Удивительно, какъ дешево еще цѣнился хорошій, здоровый алеутъ. Въ 1818 году лейтенантъ Рокфель, французъ, былъ въ Ситхѣ. Тамъ правитель заключилъ съ нимъ условіе для промысла бобровъ, съ тѣмъ, что вся добыча будетъ раздѣлена на двѣ равныя части: одна часть Рокфелю, а другая — россійско-американской компаніи; за свою долю Рокфель долженъ былъ взять на свой корабль 30 байдарокъ, 60 алеутовъ и двухъ приказчиковъ, везти ихъ къ югу, къ берегамъ американскимъ, тамъ, во время промысла морскихъ бобровъ, защищать ихъ въ случаѣ нападенія колюшей и потомъ привезти назадъ въ Ситху. За каждаго алеута, который будетъ убитъ колюшами, онъ обязывался внести по 200 испанскихъ талеровъ. Въ этой экспедиціи было убито двадцать алеутовъ, и два пропало безъ вѣсти. Потомъ еще одинъ умеръ отъ ранъ. Экспедиція вовсе не удалась. Рокфель проигралъ въ эту лотерею; ему пришлось заплатить компаніи 4,600 испан. талеровъ.

Добрый правитель колоній вошелъ въ положеніе Рокфеля, и для поправки его дѣлъ, предложилъ ему снова алеутовъ и байдарки на тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Алеуты немедленно были снаряжены, но матросы рокфелева корабля взбунтовались, потому что не хотѣли подвергать жизнь свою новымъ опасностямъ среди колюшей. «Рѣшительный отказъ моихъ матросовъ — пишетъ Рокфель — прини-

мать дальнѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ, заставлялъ меня поневолѣ отказаться отъ столь выгоднаго предпріятія». — Долгъ, лежавшій на Рокфелѣ, 4600 талеровъ за 23 алеута, правитель согласился принять хлѣбомъ.

Дешево еще цѣнились алеуты, когда изъ нихъ можно было извлекать весьма большія выгоды. Но надо полагать, что они были поставлены дешево для того, чтобы заохотить иностраннаго капитана принимать участіе въ бобровомъ промыслѣ. Никто на свѣтѣ лучше алеута не умѣетъ и не можетъ умѣть охотиться за морскимъ бобромъ. Алеуты даже страстно любятъ эту охоту; въ ней позвія имъ печальной жизни. Алеутъ, увидѣвшій на морѣ бобра, дрожитъ весь, какъ охотничья собака, и не смотря ни на какую бурю, готовъ броситься на свою байдарку, сшитую изъ сивучьей кожи, чтобы плыть на свою любимую охоту. Обыкновенно нѣсколько байдарокъ окружаютъ то мѣсто, гдѣ видѣли бобра; кругъ онѣ дѣлаютъ очень большой, въ версту или больше въ діаметрѣ. Какъ скоро бобръ покажется на поверхность воды, чтобы вздохнуть, ближайшій къ нему алеутъ бросаетъ въ него свою аспидную стрѣлку съ необычайною ловкостью, и тотчасъ поднимаетъ весло, давая ѣтимъ знать своимъ товарищамъ, что бобръ зѣсь. Тотчасъ перемѣняется дирекція, и счастливецъ становится центромъ перемѣстившагося круга байдарокъ. Бобръ можетъ пробыть въ водѣ четверть часа, а потомъ непременно гдѣ-нибудь вынырнетъ, чтобы подышать. Но раненый, онъ такъ долго оставаться подъ водою не можетъ. Только-что онъ покажется, летитъ въ него новая стрѣлка, и онъ тотчасъ опять нырнетъ, если еще въ силахъ. Между тѣмъ кругъ байдарокъ сближается, и добычу вытаскиваютъ съ великимъ торжествомъ. — Колюши тоже бьютъ бобровъ, но они бьютъ ихъ изъ ружей, и потому охота ихъ не бываетъ такъ успѣшна. Бобры боятся ружейныхъ выстрѣловъ, при звукѣ которыхъ цѣлая большая стая уплываетъ и пропадаетъ изъ виду на нѣсколько мѣсяцевъ. У алеутовъ же напротивъ, уйдетъ немного бобровъ и большая часть стая остается въ ихъ рукахъ. Русскіе промышленники пробовали учиться бить бобровъ стрѣлками; но оказалось, что на это нуженъ особенный, природный талантъ, на это нужно родиться на алеутскихъ и другихъ подобныхъ островахъ и вырости на байдаркѣ, среди волнъ бурнаго и туманнаго моря. Бобръ качается на волнѣ; точно такъ же качается байдарка, повинувшись движенію послѣдняго удара весломъ, движенію волны и наконецъ вѣтру; сверхъ того полетъ самой стрѣлки зависитъ отъ направленія и силы вѣтра. Не смотря на всѣ эти сложныя движенія, охотникъ долженъ ихъ предвидѣть всѣ на нѣсколько мгновеній впередъ, и твердою, вѣрною и сильною рукою бросить свою стрѣлку прямо въ цѣль.

Это умѣнье въ алеутахъ такъ важно для успѣховъ промысла, что вѣрно оцѣнить его нѣтъ возможности, и 200 талеровъ за алеута — цѣна ничтожная. Но это было уже въ 1818 году, когда пушные звѣри и алеуты значительно были выбиты и новывелись; а раньше, именно въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго столѣтія, цѣна на алеутовъ была еще ниже.

Въ 1790 году правителемъ промысловъ сдѣлался, по контракту съ Шелеховымъ, разорившійся купецъ Барановъ. Какъ водится, въ контрактѣ было упомянуто для виду, что Барановъ будетъ обращаться съ туземцами кротко и снисходительно. Это конечно была пустая фраза, лишонная всякаго значенія. Обращаться кротко и снисходительно долженъ былъ правитель; положимъ, что такъ; но въ то же время онъ долженъ былъ употреблять ихъ въ работу, посылать на дальніе промыслы. Уже это одно было и некротко, и неснисходительно. Тутъ выходило противорѣчіе, и еслибы правителемъ колоній былъ не Барановъ, человѣкъ слишкомъ двадцать лѣтъ прожившій въ тѣхъ далекихъ краяхъ, и тамъ одичавшій, а кто-нибудь другой, человѣкъ идеально-добрый, человѣкъ возвышеннѣйшихъ чувствъ, и тотъ поступалъ бы съ завоеванными невольниками жестоко и безчеловѣчно, или — не былъ бы правителемъ. Такимъ образомъ мы здѣсь видимъ не Баранова, не Деларова, не Гагемейстера, не кого бы то ни было изъ правителей, изъ которыхъ нѣкоторые были тоже люди не безъ недостатковъ. Мы видимъ систему, вополою, которая уже сама собою портитъ человѣка, искажаетъ его паклонности, дѣлаетъ его деспотомъ болѣе или менѣе рѣзкаго характера.

Дѣло въ томъ, что главный правитель долженъ былъ прежде всего творить волю пославшихъ его купцовъ, то-есть добывать имъ какъ можно больше барышей. Для этого въ его распоряженіе безответственно давалось цѣлое народонаселеніе алеутовъ, курильцовъ, аляксинцовъ, чугачей, кенайцовъ, угалакмиютовъ, колюшей и другихъ прибрежныхъ жителей въ сѣверномъ углу восточнаго океана. Если беречь этихъ туземцевъ, то не только не будетъ барышей, но будутъ убытки, и конечно, компанія не потерпѣла бы такого правителя. Если же давать барыши, то — не было никакой возможности не притѣснять для этого туземцевъ, не заставлять ихъ работать черезъ силу, не разорять ихъ, не увозить ихъ на промыслы верстъ на 500 и на 1000 отъ дома, на вѣчную разлуку съ семействами.

Обстоятельства компанія устроились такимъ образомъ, что безъ невольничества туземцевъ не было бы никакихъ барышей. Джари довольствовались очень немногимъ, и намѣнявъ себѣ на мѣха сколько имъ нужно было желѣза, котловъ, горшковъ, иглодокъ, то-

поровъ , рубашекъ , — весьма желали бы жить спокойно въ своихъ земляныхъ юртахъ. Тогда мѣна останавливалась сама собою. Ктому же еще доставка предстолья мѣны изъ Россіи была дорога до чрезвычайности. Нѣкоторые предметы приходилось везти изъ Москвы сухимъ путемъ до Охотска, а оттуда въ Кадыакъ или въ Ситху на корабляхъ до Камчатки, тамъ зимовать, а оттуда уже на слѣдующій годъ въ Кадыакъ или въ Ситху. Отъ этой перевозки цѣна товаровъ возвышалась неимоверно, и на нѣкоторые товары цѣна удвоялась, на другіе, дешевѣйшіе, даже удесятерилась. Въ такихъ обстоятельствахъ мѣна была вовсе невозможна, тѣмъ болѣе, что вымѣненный пушной товаръ приходилось везти тѣмъ же самымъ путемъ, съ тѣми же громадными издержками. Пушной товаръ обходился бы такъ дорого, что никто не былъ бы въ состояніи покупать алеутскихъ бобровъ и лисицъ. Приходилось принять другія мѣры, и именно насильно заставлять алеутовъ добывать дорогіе мѣха, брать у нихъ эти мѣха и продавать въ Россіи и въ Китаѣ. Тутъ на товаръ падала только цѣна перевозки его въ одинъ ковецъ. При отсутствіи конкуренціи, морскіе бобры продавались у насъ на шапки и на воротники по баснословно высокимъ цѣнамъ. Были любители, которые платили за одинъ воротникъ до двухсотъ, четырехсотъ и пятисотъ рублей; а такъ какъ изъ одного большого бобра выходитъ четыре хорошіе воротника и столько же воротниковъ высшаго достоинства, то каждая пикурка приносила компаніи барыши неестественные. Требовались и большіе расходы. Для правителя и его подчиненныхъ требовались нѣкоторыя вещи, къ которымъ они привыкли въ Европѣ. Надо было возить въ Кадыакъ и въ Ситху все эти вещи и самый хлѣбъ. Пробовали посылать все это изъ Россіи моремъ, черезъ Атлантическій океанъ, вокругъ мыса Горна. Оказалось, что и это непомерно дорого. Но все-таки это окуналось сторицею отъ непомерно дорогой продажи бобровъ и другихъ мѣховъ, какъ въ Кяхтѣ, такъ и въ Россіи.

Но оставалась еще значительная конкуренція: иностранцы, именно англичане и американцы, съ своими кораблями часто посѣщали тѣ края и вымѣнивали мѣха гораздо съходнѣе русскихъ. Причинъ этого было много. Предметы мѣны для колюшей, — ружья, порохъ, свинець и шерстяныя одеяла, — доставлялись англичанами очень дешево и въ большомъ количествѣ, и потому уже, что ближе, и потому, что иностранцы купцы покупали эти товары у себя дома безъ пошлины, тогда какъ американская компанія должна была грузить шерстяныя вещи въ Петербургъ, заплативъ за нихъ провозныя пошлины. Ктому же у насъ было правиломъ — ни въ какомъ случаѣ не продавать колюшамъ и какимъ бы то ни было туземцамъ ни

ружей, ни пороху, ни свинцу. Русская компанія хотѣла владѣть туземцами безусловно и беззавѣтно, которые потому и не должны были имѣть оружія. Англичане и американцы, напротивъ, хотѣли имѣть въ туземцахъ только союзниковъ, совершенно свободныхъ, и мѣняться съ ними на основаніи добровольнаго соглашенія. По-натурно, что такимъ образомъ отношенія гораздо легче, удобнѣе, проще, но зато при нихъ не можетъ быть такихъ колоссальныхъ выгодъ, какими пользовалась наша компанія.

Нашей компаніи хотѣлось во что бы то ни стало избавиться въ тѣхъ краяхъ отъ конкуренціи иностранцевъ, и она хлопотала объ этомъ очень дѣятельно. Дѣла компанія представлены были правительству съ самой благовидной стороны. Показано было, что компанія оказала Россіи огромныя услуги, открыла дальніе острова, поддерживаетъ своими мѣхами кяхтинскую торговлю съ Китаемъ, даетъ такимъ образомъ въ казну большія пошлины и т. д., и если бы не иностранцы, которые своею конкуренціей въ восточномъ океанѣ портятъ все дѣло, то еще не то было бы... Компанія сначала выхлопотала, чтобы запрещенъ былъ ввозъ въ Россію котиковъ, съ тѣмъ, чтобы одна наша компанія имѣла право ихъ привозить. Вслѣдствіе этого, конечно, потребители стали платить компаніи за мѣха еще дороже прежняго, а пользы для Россіи не было никакой. Вредъ же заключался въ томъ, что мы платили за котиковъ гораздо дороже, нежели платили бы тогда, когда на нашемъ рынкѣ было бы этого товара больше и иностранные продавцы соперничали бы въ продажѣ съ компаніей. Запрещеніе ввоза котиковъ не остановило однакоже соперничества иностранцевъ въ промыслахъ компаніи на восточномъ океанѣ. Въ 1800 году приходилъ англійскій корабль, и въ глазахъ русскихъ англичане вымѣняли у колюшей болѣе двухъ тысячъ бобровъ. Надо замѣтить, что колюши были не то, что простодушные алеуты, съ которыми можно было дѣлать что угодно. Это тѣ краснокожіе, съ которыми познакомилъ Европу Кунеръ. Это не низкорослые, сгорбленные, кривопогіе алеуты; это народъ крупный, гордый, смѣлый, страстно любящій свою независимость, воинственный, ловко владѣющій огнестрѣльнымъ оружіемъ, томагавкомъ и вожомъ. Ихъ свирѣпые лица, расписанныя арабесками красной и черной краской, навели ужасъ на робкихъ, миролюбивыхъ алеутовъ.

Въ морѣ алеутскомъ стало убавляться количество бобровъ; но по слухамъ, бобры были южнѣе и въ огромномъ количествѣ. Партиа алеутовъ отсылались къ югу на промыселъ, и добычи было немновѣрно много. Партиа въ семнадцать байдарокъ промыслила какъ-то болѣе двухъ тысячъ бобровъ близъ острова Ситхи. Кадьякскій

правитель Барановъ рѣшился устроить заселеніе на Ситхѣ. Одна изъ выгодъ тамошней мѣстности состояла въ томъ, что гавань ситхинская круглый годъ не замерзаетъ; но невыгодъ было немало: колюши не поддавались промышленникамъ, какъ поддавались бѣдные алеуты; напротивъ, они смотрѣли на русскихъ и на приговленныхъ или алеутовъ какъ на злѣйшихъ своихъ враговъ, которые соперничали съ ними въ добываніи пушного товара, такъ-сказать отбивали у нихъ хлѣбъ. Поэтому понятно, что когда Барановъ устроилъ на островѣ Ситхѣ небольшой острожекъ, то колюши воспользовались первою оплотностью поселенныхъ тамъ людей и петрелили ихъ, а острожекъ сожгли. Погибло 130 человекъ алеутовъ и 20 русскихъ. Осталось въ живыхъ только трое русскихъ, пятеро алеутовъ, восемнадцать женщинъ и шестеро дѣтей.

Черезъ два года послѣ того, въ 1804, Барановъ съ сильною партіею напалъ на колюшей въ ситхинскомъ заливѣ, сначала разогналъ ихъ пушками съ своихъ судовъ, потомъ высадился и тотчасъ занялся постройкою новаго острога, Новоархангельска. При этомъ нападеніи съ нашей стороны было убито трое, ранено двѣнадцать русскихъ и нѣсколько алеутовъ: сколько именно ранено и убито было алеутовъ — и не говорится, потому, вѣроятно, что этого добра было еще тогда довольно. Съ тѣхъ поръ колюши постоянно враждуютъ съ поселившимися между ними русскими и алеутами. Много разъ они нападали на наши промысловыя партіи врасплохъ и уничтожали ихъ безпощадно. Взаимно истраченныхъ алеутовъ привозились другіе, и конечно Барановъ принималъ только людей бодрыхъ, здоровыхъ, способныхъ къ тяжелой работѣ, къ заготовкѣ лѣса, къ охотѣ на пушныхъ звѣрей, къ мореходнымъ трудамъ. Отъ этого конечно на островахъ убавлялось число рабочихъ рукъ, оставались дома калѣки, старики, женщины и дѣти. Кстати замѣтимъ, что по уставу своему компанія имѣла право употреблять на свои промыслы *половину* всѣхъ людей, способныхъ къ работѣ. Нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы эта статья устава исполнялась со всею точностью, потомучто дѣло шло о барышахъ, при чемъ, какъ извѣстно, достается не однимъ гусямъ. Да сверхъ того еще, еслибы челоѣколюбивый правитель и рѣшился строго исполнять уставъ, то и тогда онъ обезлюдилъ бы острова во всей точности закона. Половина всѣхъ здоровыхъ людей, забранныхъ въ нынѣшнемъ году, не возвращается на родину. Черезъ пять лѣтъ берется половина остальныхъ, черезъ два года — еще половина остальныхъ и такъ далѣе. У стариковъ, женщинъ и дѣтей весьма часто не было куска рыбы для утоленія голода, и потому народонаселеніе уменьшалось уже независимо оттого, что оно не увеличивалось по есте-

ственной причинѣ отсутствія съ острововъ молодыхъ и здоровыхъ людей. Это было нерасчетливо, конечно, но всякій правитель хлопоталъ въ особенности о томъ, чтобы въ нынѣшнемъ и въ слѣдующемъ году получить много пушнаго товару, и такимъ образомъ быть хорошимъ правителемъ, доставляя большіе барыши директорамъ.

Г. Тихменевъ, становясь совершенно на точку зрѣнія директоровъ, между прочимъ очень наивно рассказываетъ, что на одномъ изъ курильскихъ острововъ, на Урупѣ, было устроено компанейское заселеніе еще въ 1795 году, подъ командою *передовщика* Звѣздочетова. Всего свезено было туда и оставлено 35 мужчинъ и 3 женщины. Черезъ *десять* лѣтъ послѣ того Рязановъ хотѣлъ подойти къ Урупу, чтобы узнать, что сдѣлалось съ этими несчастными. Г. Тихменевъ увѣряетъ, будто неизвѣстность объ этомъ заселеніи сильно озабочивала правленіе компаніи, но не говоритъ, что же мѣшало правленію осведомиться объ этихъ людяхъ. Рязанову тоже не удалось подойти къ острову. Тѣмъ и кончились заботы правленія о промышленной партіи, которая съ тѣхъ поръ должна была истратить всѣ свои запасы, издержать заряды и т. д. Впослѣдствіи уже сдѣлалось извѣстнымъ, что передовщикъ Звѣздочетовъ варварски обращался съ своими подчиненными и «жестокости его достигли крайнихъ предѣловъ» (замѣчаетъ г. Тихменевъ). Промышленные возстали противъ своего притѣснителя и были такъ великодушны, что только отрѣшили его отъ должности и отвезли его на семнадцатый островъ, съ тѣмъ, чтобы туземцы отвезли его въ Камчатку, вмѣстѣ съ донесеніемъ о его поступкахъ. Звѣздочетовъ умѣлъ обмануть курильцовъ, склонилъ ихъ на свою сторону и при ихъ помощи захватилъ власть опять въ свои руки. Но наконецъ этотъ тиранъ умеръ, а оставшіеся въ живыхъ люди его команды, «не имѣя *никакихъ средствъ къ существованію*, черезъ нѣсколько времени послѣ смерти Звѣздочетова, оставили Урупъ и тѣмъ надолго *лишили компанію выгоды*, извлекавшихся отъ промысла на Курильскихъ островахъ» (стр. 110 и 111).

Наивный разсказъ г. Тихменева и его негодованіе на то, что люди Звѣздочетова лишили компанію выгоды, потому что у нихъ не было *никакихъ средствъ къ существованію* — очень мило. Въ самомъ дѣлѣ, встарину правители такъ называемыхъ колоній, или лучше-сказать приказчиковъ на компанейскихъ промыслахъ, смотрѣли на людей какъ на орудіе благосостоянія компаніи, а стало-быть и правителей. Взгляда государственнаго тутъ быть не могло, какъ по невѣжеству правителей, такъ и потому, что въ такомъ случаѣ колоніи прямо приносили бы убытокъ. Компанія пользовалась мо-

монополією промышловъ на мѣстѣ, неограниченною властью надъ людьми и наконецъ монополією продажи туземныхъ товаровъ въ Россіи и въ Кяхтѣ. Всѣ эти благопріятнѣйшія для торговли обстоятельства были причиною огромныхъ выгодъ. Продажею товаровъ, добывавшихся въ сѣверномъ углу Тихаго океана, завѣдывало правленіе; его операціи, какъ водится въ такихъ случаяхъ, покрыты мракомъ неизвѣстности: говорятъ даже, что для успѣха въ торговыхъ дѣлахъ это очень выгодно, даже необходимо. Положимъ пока мѣсть, что такъ; но акціонеры и не хотѣли разстроивать торговаго дѣла неумѣстнымъ любопытствомъ касательно будущихъ предпріятій; они можетъ-быть и не хотѣли знать, что было въ прошломъ году или за пять лѣтъ тому назадъ. Но весьма любопытно, поучительно и нисколько не вредно для будущаго хода дѣла было бы знать, какъ велись дѣла десять лѣтъ назадъ, напр. кому проданъ чай, вымѣненный въ Кяхтѣ и потомъ въ Шанхаѣ на пушныя товары, почему онъ продавался, въ какое время и на какихъ основаніяхъ. Не взводя никакого подозрѣнія на директоровъ компаніи за всѣ истекшія шестьдесятъ лѣтъ ея существованія, напротивъ, признавая ихъ лицами въ высшей степени добросовѣстными, честными, благородными, никакъ нельзя однакоже не замѣтить, что безотчетное и безотвѣтное распоряженіе чужимъ имуществомъ вводитъ человѣка въ великія искушенія и не избавляетъ отъ лукаваго. Есть люди, между самыми правдивыми и прямыми, которые низачто не хотѣли бы безъ контроля распоряжаться чужимъ добромъ, ни подъ какимъ видомъ не приняли бы на себя такой тяжелой обязанности. Многіе изъ такихъ людей не признавали бы вовсе правильнымъ — держать свои распоряженія по Правленію въ тайнѣ, для самой пользы дѣла, уже не говоря о чувствѣ справедливости. Положимъ, что въ Шанхаѣ вымѣненъ чай, десять тысячъ мѣсть, и чай этотъ приходитъ въ Петербургъ. Для какой-же цѣли держать это втайнѣ? Зачѣмъ не пролавать этотъ чай прямо за шанхайскій, по опредѣленной ли цѣнѣ за каждый цибикъ, или — кто больше дастъ? Почему не объявить, что привезено столько-то бобровъ, и продаются они по такимъ-то цѣнамъ? Вѣдь бобры такой товаръ, на который не найдется конкурентовъ.

Дѣло въ томъ, что встарину, до 1841 года, не было возможности объявить всѣхъ дѣлъ компаніи. Правленіе само не могло опредѣлять, во сколько обошлась ему каждая бобровая шкура, потому что въ цѣну добытаго бобра входитъ безчисленное множество разныхъ данныхъ, издержки на содержаніе главнаго правителя, рабочихъ, чиновниковъ, служителей, содержаніе корабликовъ, выстроенныхъ по правиламъ средневѣковой морской архитектуры, содержаніе

правления, канцелярій и т. д. Вся это, вмѣстѣ съ барышами, платили покупатели бобровыхъ воротниковъ и шапокъ. Но какъ же велики были барыши? Сколько процентовъ набавлялось на сумму издержекъ въ видѣ торговаго барыша? Очевидно, что мѣры тутъ не было, потому что мѣра эта въ нормальной торговлѣ опредѣляется конкуренціей, соперничествомъ, а въ монополіи ровно столько же причиняетъ набавить 20%, сколько и 75%, и 200%. Произвольный неограниченный, а когда уже пошло дѣло на приобретение, то — кто же останавливается на полдорогѣ? И что же за причина остановиться? Тутъ уже — чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Г. Тихменевъ, въ своемъ «Историческомъ обзорѣ Россійско-Американской компаніи» останавливается на 1841 годѣ, когда въ послѣдній разъ была продолжена привилегія компаніи на двадцать лѣтъ, до нынѣшняго 1861 года. Что было въ эти двадцать лѣтъ, были ли освобождены алеуты изъ рабства, или это возжелѣнное время настало для нихъ только теперь, съ окончаніемъ срока привилегіи — мы не знаемъ. Но встарину правители и приказчики дѣлали съ бѣдными туземцами и съ русскими, у нихъ служившими, что имъ было угодно, и очень многіе дѣйствовали подобно Звѣздочетову; не было ни законовъ, ни правительственныхъ мѣстъ и лицъ, не говоря уже о совѣсти.

Сначала русскіе промышленники занимались за извѣстную долю промысла и сами контролировали свои расчеты. Впоследствии съ ними рассчитывались деньгами; но въ сущности это было одно и то же, потому что имъ деньги вовсе не были нужны. Компанія держитъ лавку, изъ которой отпускаетъ промышленникамъ все, что имъ нужно, въ счетъ будущихъ расчетовъ. Водка, ромъ, сапоги, иголки, холстъ, хлѣбъ (если кто хочетъ брать сверхъ своего пайка) — все это выдается промышленнику безирепятственно. Казалось бы, что ничего нѣтъ лучше и удобнѣе этого; но дѣло въ томъ, что всѣ необходимые для промышленныхъ товары оцѣниваются само правленіе, и опять таки за недостаткомъ соперничества другихъ купцовъ, оцѣниваются во сколько хочетъ. Здѣсь тоже остановиться не на чемъ, и хотя для формы главное правленіе назначаетъ цѣну только 50% дороже того, во что вещи обошлись себѣ; но на другой сторонѣ земного шара кто за этимъ усмотритъ? Поэтому случалось, что промышленники, получавшіе жалованье особенными марками, отдавали эти марки въ лавкѣ за товары, и жили такимъ образомъ благополучно до гибели въ морѣ, или до колюшкаго скальпировальнаго ножа, или наконецъ до окончательнаго расчета, происходившаго при отправленіи въ Россію. При расчетѣ оказывалось, что промышленный, втеченіе шести или семи лѣтъ, задол-

жалъ въ лавочку столько, что ему надо заживать *забранные* товары. Поневоля остается промышленный, и заживаетъ расчетъ, и опять входить въ неоплатный долгъ.

Такимъ образомъ разъясняются дѣла. Сущность оборотовъ американской компаніи заключается въ лавочномъ заборѣ въ Новоархангельскѣ, въ спекуляціи на жизнь алеутскихъ и кадьякскихъ семействъ и въ несмысленномъ хвастовствѣ людей, носящихъ дорогіе бобровые воротники и бобровыя шапки.

Самовольство правителей въ Новоархангельскѣ и ихъ приказчиковъ при промыслахъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ доходило до размѣровъ едва вѣроятныхъ. Иногда они нанимали людей на извѣстные сроки и не отпускали ихъ всю жизнь, дѣлая съ ними безотчетно все что хотѣли. Они рассчитывали на удаленіе правительственныхъ властей, на свое полномочіе, и наконецъ на защиту въ петербургскомъ главномъ правленіи, къ которому благоволили разные древніе милостивцы. Для примѣра приведемъ только одинъ рассказанный Головиннымъ случай съ тунгузскимъ княземъ Шихирдинымъ.

Федоръ Шихирдинъ, глава угжурскаго тунгузскаго рода, началъ дѣло въ 1801 году. Племянникъ этого князька, Петръ Шихирдинъ, былъ въ Охотскѣ нанятъ Шелеховымъ, еще въ 1783 году, на четыре года, на острова, съ тѣмъ чтобы по прошествіи этого времени доставить его обратно. Съ тѣхъ поръ, втеченіи восемнадцати лѣтъ, Петра Шихирдина держали на островахъ, въ разныхъ работахъ. Князюкъ Федоръ доказывалъ, что отсутствіе племянника причинило большіе убытки всему угжурскому роду, требовалъ возвращенія племянника и вознагражденія 3000 рублей. Черезъ *шесть лѣтъ* послѣ подачи этого прошенія охотскія власти писали въ охотскую контору американской компаніи объ удовлетвореніи просителя и о высылкѣ на родину съ острововъ князька Петра Шихирдина. Черезъ два мѣсяца охотская контора отвѣчала, что тунгуза Петра Шихирдина ни по выпискамъ, ни по алфавитнымъ книгамъ не значится въ работныхъ людяхъ на островахъ. Черезъ годъ послѣ того, уже въ 1808 году, встецъ опять пріѣхалъ въ Охотскъ и повторилъ свою просьбу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ охотская контора компаніи опять отвѣчала, что тунгуза Петра Шихирдина никогда между рабочими не было, а былъ тунгузъ тоже Петръ, но не Шихирдинъ, а Бабцовъ, отъ котораго самъ проситель отказался незнаніемъ. Еще черезъ годъ проситель узналъ, что его племянникъ зловѣриво названъ Бабцовымъ, и опять требовалъ племянника и денегъ. Охотскія власти опять требовали исполненія его просьбы. Черезъ два мѣсяца охотская контора просила выдать ей копію съ этихъ требо-

вій, а охотскія власти въ этомъ отказали и перенесли дѣло въ Иркутскъ. Тамъ оказалось, что тунгусскій работникъ Петръ Шихирдинъ давно умеръ, еще въ 1786 году, оставя за собою долгу компаніи 55 р. 57 к. Въ дѣлахъ оказалась еще записка, сюда относящаяся, уже 1810 года; изъ нея видно, что Бабцовъ оказался настоящимъ Шихирдинымъ, но что искъ перешолъ въ Петербургъ, въ главное управленіе компаніи, и по обычаю затягивающихся тяжбъ, принялъ другой характеръ: правленіе стало обвинять охотскія власти въ томъ, что онѣ не только не оказываютъ ни въ чемъ пособія, какъ должны были бы по уставу, но *чиняютъ* разныя *насмѣлы*. Чѣмъ дѣло кончилось — покрыто мракомъ невѣстности. Вѣроятно, Петръ Шихирдинъ наконецъ умеръ, старый дядя его конечно послѣдовалъ его примѣру, и дѣло кануло въ вѣчность, а требуемыя 3000 руб. были раздѣлены между акціонерами или директорами.

Этотъ случай довольно подробно разсказанъ въ запискѣ изъ дѣлъ канцеляріи охотскаго портового начальника, напечатанной въ приложеніи къ «Морскому Сборнику» (стр. 17—23). Тамъ же напечатано еще нѣсколько подобныхъ разсказовъ. И это только примѣры, а не всѣ такого рода случаи; конечно, многіе люди были задерживаемы и не находили никакихъ средствъ подать голосъ, дать о себѣ какую-нибудь вѣсть въ Россію. И погибали они среди тумановъ и морозовъ, среди лишеній и недостатковъ, съ длиннымъ спискомъ мелочныхъ долговъ въ лавочкѣ компаніи; они погибли, но такъ-какъ на этомъ свѣтѣ ничто не пропадаетъ, то они возрождались въ видѣ великолѣпныхъ бобровыхъ воротниковъ съ просѣдью и прогуливались по Невскому проспекту, или въ видѣ драгоценныхъ чернобурыхъ лисицъ, и покрытые изумруднаго цвѣта бархатомъ, съ теплотою ласкали снѣжныя плечи красавицъ.

Намъ неизвѣстны подвиги російско-американской компаніи послѣ 1841 года; г. Тихменевъ разскажетъ ихъ намъ во второмъ томѣ своей книги. Говорятъ, что втеченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ сдѣланы большіе успѣхи въ человѣколюбіи относительно алеутовъ и другихъ туземцовъ сѣвернаго края Восточнаго океана; а до того времени російско-американская компанія, весьма выгодная для своихъ акціонеровъ и правленія, была явленіемъ оскорбительнымъ для человѣчества и разорительнымъ для Россіи.

Говорятъ, она была полезна въ томъ отношеніи, что оживила торговлю нашу съ Китаемъ въ Кяхтѣ и заплатила съ своего основанія до 1841 года столько-то миліоновъ пошлины съ отпускныхъ и привозныхъ товаровъ. Но дѣло въ томъ, что въ ея рукахъ была большая часть мягкой рухляди, и еслибы всякій имѣлъ право промышлять мѣха въ тѣхъ моряхъ и на тѣхъ островахъ, которые были

отданы во владѣніе кунеческой компаніи, то мѣховъ было бы добыто не меньше и пошлины съ нихъ были бы уплачены разными промышленниками, а не однимъ приказчикомъ компаніи. Если же мѣховъ и было бы меньше, особенно когда бы алеуты и прочіе туземцы были подъ покровительствомъ правительства, зато алеуты были бы дѣлы; вѣроятно даже ихъ было бы больше прежняго, по известному закону природы, тогда какъ теперь число ихъ уменьшилось болѣе нежели вдесятеро. Курльцевъ, на всей градѣ, теперь осталось не болѣе 56 душъ, тогда какъ въ прошломъ столѣтіи они считались тысячами.

Компанія не сдѣлала ровню ничего для развитія нашего кораблестроенія, тогда какъ на островахъ и по берегамъ моря нельзя ей было обходиться безъ кораблей. Иностранные мореходы и русскіе морскіе офицеры, бывавшіе въ тѣхъ моряхъ, единогласно утверждаютъ, что суда, выстроенныя компаніей въ Охотскѣ, въ Ситхѣ, на Кальякѣ заслуживаютъ полнѣйшаго удивленія по невѣжественности строителей. Всего же удивительнѣе — говорятъ они — что эти суда совершаютъ переѣзды черезъ значительныя моря, каково Охотское, Курльское, и тотчасъ по выходѣ въ море не опрокидываются и не тонутъ. Но что совершенно озадачиваетъ опытнаго, стараго моряка, напримѣръ китобоя, которому случается держаться въ морѣ по нѣскольку лѣтъ сряду, это — поразительная, отважная безпечность или безпечная отважность людей, которые рѣшаются ввѣрить свою жизнь этимъ баркамъ. Корабли строились по указаніямъ *старо-воложныхъ* промышленниковъ, и по преданію сохраняли уже однажды придуманную для нихъ форму.

Компанія не обратила никакого вниманія на огромныя богатства своихъ морей — на китовъ. Безчисленное множество этихъ животныхъ кишитъ тамъ круглый годъ; американскіе и англійскіе корабли ходятъ туда за китовымъ жиромъ какъ въ свою кладовую; флотилии въ сто, во сто двадцать, въ полтораста кораблей ежегодно заглядываютъ въ тѣ моря на короткое время, грузятся жиромъ и уходятъ домой. Одинъ разъ какъ-то компанія выписала китобоя для обученія алеутовъ, невольниковъ. Но наука не принялась, потому что она была не по натурѣ этимъ бѣднымъ, робкимъ добрякамъ. Тѣмъ и кончилась эта осторожная попытка, потому можетъ-быть, что лавочный заборъ отъ этого не увеличился бы и пришлось бы для китоваго промысла перемѣнять систему: строить порядочныя корабли, приглашать образованныхъ шкиперовъ, а въ качествѣ матросовъ посылать не невольниковъ, кадыкцевъ или алеутовъ, а нанимать желающихъ, охотниковъ, и рассчитывать съ ними деньгами, а не заборомъ по лавочкѣ.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что компанія лучше и справедливѣе прежняго вела свои дѣла въ продолженіе послѣдняго истекающаго двадцатилѣтняго срока своей возобновленной привилегіи. Это было неизбѣжно уже по самому времени, вслѣдствіе невольнаго прогресса нашего вмѣстѣ со всѣмъ человѣчествомъ. Этому способствовали и выборъ правителей, которые всегда были образованные офицеры нашего флота, служили въ компаніи, но въ тоже время состояли на службѣ правительства. Поэтому мы съ нетерпѣніемъ будемъ ждать второго и послѣдняго тома книги г. Тихменева, чтобы изучить дѣла этой компаніи. Сквозь панегирикъ иногда видна бываетъ сущность дѣла.

Но признаемся, мало у насъ надежды на то, чтобы улучшенія послѣднихъ двадцати лѣтъ соответствовали требованіямъ человѣчества, и тутъ уже виноваты не столько люди, сколько система. Извѣстно, что и въ эти двадцать лѣтъ осталась въ Новоархангельскѣ лавочка и расчетъ происходилъ на лавочный заборъ, что никто кромѣ компаніи не имѣлъ права привезти на наши острова и прибрежья ни булавки; стало-быть цѣны въ лавочкѣ назначались произвольныя. Извѣстно также, что въ разныхъ заселеніяхъ и промыслахъ начальниками были промышленники-приказчики, съ неограниченнымъ произволомъ, съ правомъ безотчетнаго распоряженія трудами и личностью подчиненныхъ имъ туземцовъ; стало-быть туземцы страдали, потому что власть въ рукахъ невѣжды опаснѣе ножа.

Любопытно будетъ взглянуть на второй томъ г. Тихменева, особенно если онъ отложитъ тонъ панегирика и возьмется за правду. При доступности для него официальныхъ документовъ, это было бы и не очень трудно.

ЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОПУЩЕННЫЯ НАШЕЙ КРИТИКОЙ

Г-ЖА КОХАНОВСКАЯ И ЕЯ ПОВѢСТИ

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!

Литература есть явленіе весьма сложное и многостороннее. Она изъ необходимыхъ ея сторонъ, рѣзко бросающаяся въ глаза, состоитъ въ непрерывныхъ неправильностяхъ и уклоненіяхъ. Не станемъ обманывать себя и скажемъ прямо, что если есть во вселенной міръ фальшивыхъ явленій, то этотъ міръ именно — міръ литературы. Я не говорю о природѣ, гдѣ все правильно и законно: я беру въ соображеніе только сферы человѣческой дѣятельности. По самой сущности дѣла, нельзя представить себѣ дѣятельности болѣе свободной въ уклоненіяхъ, какъ дѣятельность литературная. Мечта, фантазія, самообольщеніе — гдѣ все это возможно, чѣмъ въ литературѣ? Только въ литературѣ можно жить, не касаясь нисколько земли, прямо на облакахъ. Здѣсь область словъ и мыслей, а не грубой дѣйствительности; здѣсь чаще бываетъ просторъ всѣмъ увлеченіямъ, всѣмъ прихотямъ, всѣмъ обманамъ. Литераторы иногда — краснобаи, мечтатели. Они черѣдко принимаютъ слова за дѣло, мысль за чувства; они часто живутъ въ воображаемомъ, а не дѣйствительномъ мірѣ; многія явленія имъ случается видѣть въ искаженномъ, а не въ естественномъ видѣ. Какъ часто они преувеличиваютъ: сентиментальничаютъ и вздыхаютъ тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ страданій; смѣются и бранятся тамъ, гдѣ нужно говорить серьезно. Они все идеализируютъ, все сочиняютъ, даже часто сочиняютъ самихъ себя; они иногда воображаютъ, что достаточно излагать благородныя мысли, чтобы быть дѣйствительно благород-

нымъ, что горя и пламенія на бумагѣ, они и въ дѣйствительности пылаютъ.

И потому нигдѣ нѣтъ столько фальши, столько пустого треска и шума, столько мыльвыхъ пузырей, столько миражей и всякихъ оптическихъ обмановъ, какъ въ литературѣ.

Говоримъ все это не съ тѣмъ, чтобы бросить хотя малѣйшую тѣнь на литературу. Напротивъ, если хотимъ сохранить уваженіе къ литературѣ, если хотимъ не приходить въ уныніе отъ разнѣхъ ея фальшивыхъ явленій, то намъ именно нужно вполне убѣдиться въ ихъ необходимости, неизбежности, и научиться помимо ихъ находить и цѣнить истинныя явленія. Каковы бы ни были недостатки литературы, они происходятъ изъ тѣхъ же благородныхъ источниковъ, изъ которыхъ течетъ и ея живая вода. Великое дѣло — жертвовать собою мысли, даже мечтѣ, даже созданію одного воображенія. Потому что чаще всего человекъ поклоняется другимъ идоламъ, видимымъ и осязаемымъ. Тутъ заблудиться трудно, и неумудрено, что удаляясь отъ этой дѣйствительности, люди часто блуждаютъ и гонятся за призраками. Чѣмъ дальше и труднѣе цѣль, тѣмъ больше тѣхъ, кто падаетъ на дорогѣ или пускается на ложный путь.

Притомъ литература въ себѣ же содержитъ и корень нецѣлѣнія. Ей немало не нужны и совершенно бесполезны постороннія указки и помочи. У этихъ идеалистовъ-литераторовъ чувство истины и красоты такъ тонко, такъ раздражительно въ отношеніи къ уклопеніямъ, что тоньше и раздражительнѣе оно не можетъ быть ни у какого посторонняго надзирателя. Если въ литературѣ не отзовется голосъ въ защиту попираемой истины или поруганнаго идеала, то гдѣ же вы его найдете? Гдѣ же вы найдете голосъ не только довольно сильный, но и на столько живой, настолько воодушевленный и горячій, чтобы онъ могъ дѣйствительно оборонить дѣло, подвергающееся опасности?

Правда ли это однакоже? Правда ли то, что литература всегда есть полная представительница умственнаго движенія народа? Можетъ-быть и нѣтъ; можетъ-быть бываютъ случаи, когда представительство совершается неполнѣ, даже въ значительной степени неполнѣ. Но, еслибы это и было, то во всякомъ случаѣ поправить это дѣло, довести представительство до нѣкотораго совершенства и можетъ литература, и одна только она и можетъ. Потому что она сама смотритъ за собою, и если можетъ-быть кто-нибудь лучше ея видѣть, какъ она дѣйствуетъ, то поправить ея дѣйствіе можетъ только она сама, когда сама же замѣтитъ свою неправильность.

И такъ дѣло ясное: не можетъ быть ничего лучше, какъ если

литература дѣйствуетъ сознательно, если она сама говорить о своихъ недостаткахъ, сама замѣчаетъ свои уклоненія. Призваніе — половина исправленія. Стремленіе къ *дѣятельности*, къ ясному сознанію своихъ отношеній, къ возможно-лучшему участию въ народной, въ настоящей жизни есть также одно изъ литературныхъ, мечтательныхъ стремленій, особенно развѣвившихся именно въ наши времена. Стремленіе сознать свое значеніе, опредѣлить точно свою дѣятельность и ея смыслъ, есть одно изъ лучшихъ проявленій литературы нашего времени. Толки о народности и толки о незрѣлости нашей литературы имѣютъ этотъ, а не другой смыслъ. Литераторы — стараются понять себя и свою дѣятельность. Если вслѣдствіе такого, живо проснушагося стремленія наступили у насъ раздумье, безурядица, хаосъ, безтолочь; если мы вздумали подвергать сомнѣнію значеніе даже такого свѣтозарнаго явленія, какъ Пушкинъ; если появились уродливѣйшія теоріи внутренняго приготовленія, по которымъ поэзія есть суррогатъ дѣятельности, народъ, уважающій свои преданія, недоступенъ прогрессу и т. д.: то все это мнѣ кажется показываетъ только наше желаніе *найти*сь сознательно укрѣпиться на какой-нибудь твердой опорѣ. Въ корнѣ самыхъ фальшивыхъ литературныхъ явленій всегда лежитъ истина.

Фальшь, господствующая въ нашей критикѣ, то-есть во взглядѣ литературы на самое себя, достигаетъ изумительныхъ размѣровъ. Предаваясь благороднѣйшимъ мечтамъ объ отдаленнѣйшихъ предметахъ, мы не видимъ того, что дѣлается прямо передъ нашими глазами. Чего же это не видятъ наши проницательные критики? спроситъ читатель. Нашей изящной литературы, отвѣтимъ мы. Не замѣчали ли вы, что вниманія нашихъ критиковъ и рецензентовъ чаще всего удостоиваются пошлѣйшія произведенія; какія только порождаетъ наша литература? Какое-нибудь сочиненіе д-ра Панезипца, какая-нибудь пустѣйшая брошюрка или сборникъ стиховъ непременно возбуждаютъ остроуміе нашей критики. Глушеніе идетъ нескончаемо и жаръ обличенія обнаруживается необыкновенный. Зато въ отношеніи къ тому, что у насъ имѣетъ дѣятельную цѣну, что нужно любить, холить, — критика слѣпа и глуха.

Хорошо быть чуткимъ и проницательнымъ въ какомъ-нибудь отношеніи; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы хорошо было быть слѣпымъ въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи. Если у насъ есть что-нибудь свое, дѣйствительно вкоренившееся въ русскую почву, дѣйствительно растущее и живое, то прежде всего безъ сомнѣнія сюда принадлежитъ наша изящная, творческая литература. Въ настоящее время эта литература представляетъ, какъ намъ кажется, особенно отрадное явленіе. Нѣтъ у насъ явленій, достигаю-

пихъ крайнихъ предѣловъ величія, но у насъ много замѣчательныхъ талантовъ, и литература течетъ не маленькимъ ручейкомъ, а широкою рѣкою. Въ ней уже не имѣетъ господства что-нибудь фальшивое, заносное, риторическое, выдуманное; мы обладаемъ настоящею литературою, нормальною, неподдѣльною, не сочиняемою, а текущею прямо изъ живыхъ ключей истиннаго творчества. Истинно-творческія явленія никогда не бываютъ и не будутъ исключительно господствующими ни въ какой литературѣ; всегда въ большихъ размѣрахъ будетъ присутствовать примѣсь фальшивыхъ явленій. Но хорошо и то, что истинно творческія явленія не составляютъ у насъ, какъ бывало, исключеній изъ общаго правила, а вошли въ разрядъ обыкновенныхъ, постоянныхъ фактовъ.

Каковы бы ни были впрочемъ размѣры этихъ постоянныхъ, обыкновенныхъ фактовъ, быть слѣпымъ въ отношеніи къ нимъ непростительно и не должно. Творческое произведеніе, даже самое маленькое, есть вещь до такой степени дорогая и прекрасная, что можно только жалѣть о тѣхъ, кто не умѣетъ ее цѣнить. Такое произведеніе есть нѣчто болѣе дѣйствительное, болѣе живое, болѣе правдивое, чѣмъ многое множество иныхъ краснорѣчивыхъ разглаговльствій и смѣлѣйшихъ теорій. Творческое созданіе не есть мечта, софизмъ, миражъ, оптический обманъ; оно есть дѣйствительный предметъ, законно существующій, въ себѣ самомъ носящій свое неотъемлемое право и оправданіе. Критика для такихъ созданій неопасна, скорѣе они опасны для критики; не критикъ ихъ судья, а она судья критика: достоинство критика опредѣляется тѣмъ, насколько онъ понимаетъ ихъ достоинства.

Слѣдовательно критика, неумѣющая цѣнить и понимать творческихъ произведеній, не умѣетъ видѣть самой яркой дѣйствительности, и если она открыто пренебрегаетъ ими, то это признакъ, что она все болѣе и болѣе витаетъ въ области грезъ и мечтаній.

Отсюда прямо слѣдуетъ, что нужно говорить о повѣстяхъ г-жи Кохановской.

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этимъ истинно-творческимъ произведеніямъ, читатели позволятъ намъ еще въсколько остановиться на общихъ размышленіяхъ о нашей критикѣ. Заговоривъ о ея слѣпотѣ, о фальши, которая въ ней господствуетъ, мы воспользуемся случаемъ пояснить эти общія положенія частнымъ нагляднымъ примѣромъ. Мы возьмемъ его изъ многоученой книги, изъ нашего *Энциклопедическаго Словаря*. Во второмъ его томѣ, который вышелъ съ мѣсяцъ назадъ, есть статья «Аксаковъ». Не хотите ли

посмотрѣть, какъ оцѣнены въ немъ литературныя заслуги Сергія Аксакова? Любопытства ради выпишемъ это мѣсто цѣликомъ:

•Критика наша еще не сказала послѣдняго слова о значеніи Аксакова и трудовъ его въ исторіи литературы. Первые сочиненія его, объ охотѣ и уженъи, по своей спеціальности были замѣчены немногими. Масса публики даже жалѣла, что мастерскія описанія и картинны природы перемѣшаны въ этихъ произведеніяхъ съ техническими подробностями, утомительными и непонятными для большинства. Успѣхъ «Семейной Хроники» много содѣйствовало время ея появленія (1836 годъ), когда русская литература только что проснулась отъ долгаго бездѣйствія. Но и въ то время нашлись голоса въ журналистикѣ, обвинившіе автора, если не въ сочувствіи его, то по крайней мѣрѣ въ совершенномъ безучастіи къ такимъ личностямъ, какъ Куролесовъ и даже самъ Багровъ, обходившійся возмутительно съ своею женою и домашними. Петербургскіе журналы находили, что невозможно было восхищаться подобнымъ характеромъ, и главнымъ достоинствомъ разсказа считали типически вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности. Московскіе органы гласности, доводившіе поклоненіе Аксакову до высшей степени, восторгались безусловно всякою строкою «Хроники» и не совсѣмъ ловко опровергали всѣмъ извѣстный фактъ, что исторія семейства Багровыхъ — была исторія дѣйствительно существовавшихъ лицъ. Полемика эта была впрочемъ непродолжительна, и когда черезъ два года явилось продолженіе «Хроники» — «Дѣтскіе годы Багрова-внука», число хвалебныхъ статей объ этой книгѣ было значительно меньше. Стали находить въ ней длинноты, скучныя повторенія. Сама публика встрѣтила книгу съ меньшимъ сочувствіемъ; интересъ ея былъ замѣтно слабѣе. Когда же явились (въ томъ же году) разныя мелкія сочиненія автора, «Современникъ» высказалъ прямо, что видить во многихъ статьяхъ — старческую болтовню и излишнее благоговѣніе автора передъ каждою строкою своихъ произведеній. Другіе журналы отозвались объ нихъ уклончиво, болѣе изъ уваженія къ прежнимъ заслугамъ и личнымъ достоинствамъ писателя. Смерть его была встрѣчена съ сожалѣніемъ всѣми, безъ различія взглядовъ, потому что литература теряла въ немъ благороднаго независимаго дѣятеля.

Хороша оцѣнка! Всего поразительнѣе конечно въ ней то, что составитель ея смѣло вѣрять призрачному міру нашей критикѣ. Миѣнія оцѣнить кажется прямо по количеству страницъ, на которыхъ они изложены, и не можетъ себѣ представить, чтобы глѣбнибуль могли существовать истины кромѣ журналовъ, а въ особенности кромѣ «Современника». Все что говоритъ авторъ, почти совершенно справедливо; дѣйствительно такъ отнеслась критика къ Аксакову; но сама эта критика была изъ рукъ вонъ слаба и несраведлива — одного этого факта не замѣтилъ сотрудникъ «Энциклопедическаго Словаря».

Чтобы не вдаваться въ подробный разборъ и выставить однакоже всю противоположность, которая существуетъ между миражемъ нашей критики и дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ литературѣ, мы попробуемъ сами составить отзывъ объ Аксаковѣ въ паралель отзыву «Энциклопедическаго Словаря». Разумѣется это будетъ только примѣръ, чтобы показать, что *не только сътъ, что съ ошкъ*.

Попробуйте сравнить :

• Критика наша, по недостатку въ послѣднее время критическихъ талантовъ, не успѣла еще показать значенія Аксакова, хотя онъ несомнѣнно занялъ высокое мѣсто въ нашей литературѣ. Уже его сочиненія объ охотѣ и уженнѣ были замѣчены многими. Не смотря на техническія подробности, важныя для однихъ специалистовъ, эти сочиненія читались всѣми, потому что главное ихъ достоинство состояло въ мастерскихъ картинахъ природы, русской природы, прочувствованной русскимъ человѣкомъ. Затѣмъ *Семейная Хроника* (1856) имѣла громадный и вполне заслуженный успѣхъ. Только совершеннымъ отсутствіемъ глубокаго пониманія объясняется то, что нашлись въ журналистикѣ голоса, обвинявшіе автора то въ какомъ-то безучастіи, а то напротивъ въ сочувствіи къ такимъ лицамъ, какъ Куролесовъ и Багровъ, въ ихъ дурныхъ сторонахъ и поступкахъ. Этихъ критиковъ главнѣйшимъ образомъ кажется занималъ вопросъ, что слѣдуетъ дѣлать — щедро наградить или повѣсить Куролесова и Багрова? — и они были въ крайнемъ недоумѣніи, что не смотря на типически вѣрное и глубокое изображеніе дѣйствительности у Аксакова, они не въ состояніи рѣшить такого простаго и легкаго вопроса. Впрочемъ московскіе журналы отдали Аксакову слѣдующую ему дань похвалы и удивленія и, когда петербургскіе журналы стали намекать, что «Хроника» есть исторія дѣйствительно существовавшихъ лицъ, справедливо замѣтили, что не въ этомъ дѣло. *Хроника* есть безъ сомнѣнія главное произведеніе С. Аксакова. Черезъ два года послѣ нея явились «Дѣтскіе годы Багрова-внука», въ которыхъ проявился тотъ же талантъ, хотя въ болѣе узкой рамкѣ. «Современникъ», не понимая всей прелести этой книги, съ чрезвычайнымъ усердіемъ напалъ на нѣкоторыя ея длинноты и повторенія. Когда же явились въ томъ же году разныя мелкія сочиненія автора (въ которыхъ главное мѣсто занимаютъ его «Театральныя и литературныя воспоминанія»). «Современникъ», съ обычною снѣлостью и тонкостью, нашолъ въ нихъ почти одну старческую болтовню и излишнее благоговѣніе автора передъ каждою строкою своихъ произведеній. Эта придиричивая и слѣпая критика не вызвала даже никакихъ опроверженій со стороны Москвы, по той простой причинѣ, что не стоила ихъ. «Воспоминанія», не смотря на малое историческое значеніе многихъ лицъ, которыя въ нихъ дѣйствуютъ, представляютъ удивительно живую картину и вполне воскрешаютъ передъ нами какое бы ни было, но все-таки *наше* былое время. Какъ бы то ни было, сочи-

вѣсія С. Аксакова признаны въ настоящее время классическими, то есть поставлены общимъ мнѣніемъ наряду съ лучшими произведеніями въ нашей литературѣ. Преподаватели словесности повсюду употребляютъ ихъ въ школахъ, какъ образцы для развитія ума и вкуса въ своихъ питомцахъ.

Такъ, по нашему мнѣнію, нужно бы было измѣнить отзывъ «Словаря» объ Аксаковѣ; Аксаковъ, какъ явленіе глубокое и огромное, необходимо долженъ былъ стать камнемъ преткновенія для узкой и слабой критики, и дѣйствительно эта критика запнулась за него и выказала на немъ свое безобразное безсиліе.

Вотъ фактъ нашей литературы, вотъ что въ ней дѣйствительно случилось.

Изо всего этого слѣдуетъ, что съ творческими произведеніями критика должна обращаться чрезвычайно осторожно. Они легко безъ нея обойдутся; не смотря на прилирки и нападки, они найдутъ себѣ читателей, которые вполне оцѣнятъ ихъ достоинства. Повторимъ еще разъ: критика, обращаясь къ творческимъ произведеніямъ, обращается къ дѣйствительности яркой, незыблемой, отъ нея независимой. Критика должна постоянно помнить, что слѣдаться фантазією, призракомъ, миражемъ легче всего можетъ она, сама критика, а никакъ не предметъ ея изученія.

Говоримъ это потому, что легкомысліе, легкомысленное обращеніе съ предметами нашихъ рѣчей у насъ въ большомъ ходу. Мы все шутимъ, все шалимъ, и думаемъ про себя: а что за бѣда? Бѣды-то конечно мало, да и толку-то немного.

Серьезное и глубокое слово рѣдко слышится у насъ; а между тѣмъ всѣ мы мастера на разныхъ дерзкія и самохвальныя рѣчи. Мы дескать всегда стоимъ за истину. Да спрашивается еще, умѣете ли вы различать, что истинно и что ложь? Мы всегда на сторовѣ прогресса. Да прежде всего прогрессъ-то стоитъ ли на вашей сторовѣ? Мы за народъ... Да знаете ли вы хоть что-нибудь о народѣ, кромѣ того, что у людей головы на плечахъ? Да умѣете ли вы еще любить, вы, которые торжественно заявляете о своей пламенной любви? (!)

И такъ первое, что надлежитъ имѣть всякому, кто говоритъ объ истинѣ, прогрессѣ, народѣ, есть глубочайшее благоговѣніе къ истинѣ, прогрессу, народу. У кого нѣтъ этого благоговѣнія, кто не обнаруживаетъ смиренія передъ предметами, о которыхъ говорить, тотъ напрасно похваляется своею любовью къ разнымъ великимъ идеямъ.

(!) Просимъ замѣтить, что мы говоримъ вообще. Въ этомъ общемъ смыслѣ слова наши только же прямо относятся къ г. Аскоченскому, какъ и ко всякому другому.

Точно таково же должно быть отношеніе критика къ произведеніямъ, о которыхъ онъ судить. Если онъ не обнаруживаетъ уваженія къ нимъ, если въ немъ вѣтъ искреннаго усердія и старанія проникнуть въ тайны творческихъ произведеній, то онъ все будетъ произносить имя критика.

Такія рѣчи намъ кажется особенно умѣстны въ настоящемъ случаѣ, когда мы собираемся говорить о г-жѣ Кохановской. Тотъ, кто сталъ бы смотрѣть на нихъ съ какими-нибудь задними мыслями, кто сталъ бы анализировать ихъ содержаніе съ цѣлью извлечь изъ него сухую формулу, кто вздумалъ бы подвести ихъ подъ какую-нибудь готовую шѣрку и тѣмъ порѣшить дѣло, тотъ едва ли бы получилъ послѣ этихъ операций значительный результатъ. Чѣмъ хороши немногія и необъемистыя произведенія г-жи Кохановской? Глубокою мыслью? Современностью вопросовъ? Многостороннимъ и вѣрнымъ изображеніемъ какой-нибудь жизни, какой-нибудь эпохи? Ничто подобное замѣтно не выступаетъ въ этихъ повѣстяхъ. Онѣ не рѣшаютъ ни нашихъ вопросовъ, ничего не сравниваютъ и не противопоставляютъ, ни противъ чего не протестуютъ. Онѣ похожи на музыку, на пѣсню. Такъ что критикъ, одаренный смѣлостью и безбоязненно прилагающей къ творческимъ произведеніямъ свои разъ навсегда готовые требованія, легко можетъ вычеркнуть произведенія г-жи Кохановской изъ числа замѣчательныхъ явленій.

Что мило, что дорого намъ въ изящныхъ произведеніяхъ, — это легко чувствовать тому, кто умѣетъ чувствовать, но сказать всегда трудно. Согласитесь, что самое сильное впечатлѣніе на васъ должно произвести то, что повергаетъ васъ въ изумленіе, что открываетъ передъ вами какую-то безконечность, что шевелитъ въ васъ не извѣстныя, будничныя струны, а именно струны таинственныя, что будитъ въ васъ цѣлый міръ новаго и указываетъ вамъ на безпредѣльно-далекій горизонтъ. Не то произведеніе хорошо, которое только опредѣленно рѣшаетъ какой-нибудь вопросъ, которое только выражаетъ одну законченную мысль, а то, которое, рѣшая вопросы и опредѣляя мысли, въ тоже время даетъ вамъ чувствовать весь океанъ вопросовъ, изъ которыхъ одинъ рѣшонъ, а всю безконечность мыслей, изъ которыхъ одна вами понята. Есть книги, которыя будятъ мысль; есть такія, которыя ее усыпляютъ. Истинно творческія произведенія всегда представляютъ вѣчто оживляющее и освѣжающее, тогда какъ могутъ быть и такія литературныя явленія, которыя дурманятъ какъ бѣлена и усыпляютъ какъ опиумъ.

Каковы бы ни были достоинства формы и содержания повѣстей г-жи Кохановской, онѣ преимущественно дороги намъ тѣмъ, что въ нихъ вѣетъ свѣжей воздухъ, что онѣ производятъ на насъ дѣйствіе бодрящее и освѣжающее. Онѣ исполнены поэзіи, то-есть того свѣта, который неожиданно озаряетъ давно знакомые предметы и открываетъ намъ кроющуюся въ нихъ глубокую жизнь. Но кромѣ того эта поэзія имѣетъ для насъ еще какую-то особенную привлекательность и понятность. Этотъ свѣтъ какъ-будто имѣетъ особенный оттѣнокъ, необыкновенно пріятный для насъ, озаряющій міръ теплѣе и чище всякаго другого свѣта.

Если въ поэтическихъ произведеніяхъ возможна народная самобытность, то безъ сомнѣнія только подъ тѣмъ условіемъ, что каждому народу доступно въ поэзии нѣчто особенное, трудно понятное или можетъ-быть вовсе непонятное другимъ народамъ. Дѣло однакоже не въ томъ, чтобы имѣть что-нибудь свое, особенное, другимъ недоступное; дѣло въ томъ, чтобы это свое стало понятнымъ, особенное стало общечеловѣческимъ. Въ своемъ частномъ нужно открыть общее; самобытная народная поэзія возможна не потому, что другимъ народамъ недоступно это общее, а потому, что они не могутъ открыть его въ этомъ частномъ. Общее же бессильно и ничтожно, какъ скоро оно не въ силахъ озарить собою частнаго; намъ нужна своя поэзія, потому что поэзія другихъ народовъ насъ не удовлетворяетъ; чужая поэзія остается для насъ общимъ, не проникающимъ въ нашу частную, индивидуальную народную жизнь.

Вотъ почему мы съ необыкновенною радостью встрѣчаемъ всѣ произведенія, отъ которыхъ вѣетъ нашей народной особенностью. Въ поэзии, какъ и во всемъ, передъ нами находится далекій и свѣтлый идеалъ, и мы часто готовы судить о произведеніяхъ поэзии не по ихъ внутренней цѣльной гармоніи, а по тѣмъ отрывочнымъ намекамъ, которые указываютъ намъ на нашъ дорогой идеалъ. Въ такихъ намекахъ состоитъ главная привлекательность произведеній г-жи Кохановской. Отъ нихъ вѣетъ русскимъ духомъ, русскою жизнью.

Русская жизнь отзывается, хотя и не выражается вполне (прибавляемъ это для ясности), въ нихъ своими *положительными* сторонами. У насъ есть писатели, которые съ несравненно большимъ искусствомъ, съ несравненно большею силою раскрываютъ намъ народную жизнь; ихъ образы многосторонніе, опредѣленнѣе, крѣпче, чѣмъ лица г-жи Кохановской; но эти образы не того разряда, котораго мы ищемъ и ожидаемъ. Мы *ждемъ* все еще другихъ образовъ, а въ тѣхъ, которые уже даны намъ, — радуемся надеждѣ на эти будущія созданія. Лица же г-жи Кохановской, хотя болѣе

блѣдныя, суть именно наши желанныя образы, положительныя лица нашей жизни. Это тѣ лица, на которыхъ *можетъ* вполне раскрыться наша поэзія, въ которыхъ *можетъ* вполне выразиться наша народная жизнь.

Въ этомъ отношеніи произведенія г-жи Кохановской могутъ быть поставлены въ *одномъ разрядѣ* съ немногими явленіями нашей литературы. Сюда мы относимъ наиримѣрь *Хронику* С. Аксакова и нѣкоторыя произведенія Пушкина, изъ которыхъ главное — *Капитанская дочка*. Все это суть рассказы, въ которыхъ художникъ *прямо* относится къ жизни, то-есть гдѣ онъ нисколько не сомнѣвается въ присутствіи идеаловъ въ этой жизни, гдѣ онъ умѣетъ видѣть эти идеалы, и просто рассказываетъ о томъ, какъ они проявились, какъ обнаружилось въ людяхъ и въ жизни-то, чему всѣ должны поклоняться, что несомнѣнно свято и дорого всѣмъ. При этомъ, проявленія могутъ быть и незначительны и даже очень просты, но вся ихъ цѣна заключается въ томъ великомъ, что проявилось. Что за герой — Маша и Гриневъ въ «Капитанской дочкѣ»? Но намъ дорога та почва, на которой они живутъ, то святое и великое, что инстинктивно живетъ въ нихъ и дѣлаетъ ихъ простыми, но истинными людьми, и притомъ русскими людьми.

Русская поэзія должна возрастать на почвѣ русской жизни. Между тѣмъ наша настоящая, нынѣшняя жизнь, какъ это давно было сказано, раздвояна, не имѣетъ цѣльности, необходимой для того, чтобы быть плодотворною почвою. Въ каждомъ изъ насъ два чело-вѣка: одинъ русскій, нѣчто въ родѣ Бѣлкина, и другой европеецъ, нѣчто въ родѣ Гамлета, принца датскаго. Мы одинаково способны и производить такія вещи, и восхищаться такими вещами, какъ *Камеинный гость* и *Капитанская дочка*. Тургеневъ, поэтъ современной жизни, озираетъ намъ всѣ тайны этого раздвоенія, этой борьбы и совмѣщенія элементовъ, не успѣвшихъ еще придти въ равновѣсіе и согласіе. Писатели же, которые ищутъ цѣльныхъ, почвенныхъ натуръ, необходимо должны были отступить или отъ настоящаго времени, или отъ полнаго круга настоящей русской жизни. *Капитанская дочка* по своему времени принадлежитъ къ той же эпохѣ, какъ и *Семейная Хроника*. Островскій преимущественно любитъ кругъ купечества, котораго внутренно еще не касается наше раздвоеніе.

Точно такъ и г-жа Кохановская въ своихъ рассказахъ или отодвигается назадъ, во времена Екатерины, или уходитъ въ глухія мѣста, въ городки и помѣстья, затерянные въ нашей широкой Россіи и живущіе еще нетронутою народною жизнью. Здѣсь поэтъ лицомъ къ лицу встрѣтилъ сама русская поэзія, встрѣтивъ русскія

пѣсни, такъ глубоко проникающія народную жизнь, такъ ярко освѣщающія ее для того, кто умѣетъ ихъ понимать. Пѣсни, эти самородки чистаго золота, составляютъ почти постоянный элементъ повѣстей г-жи Кохановской. Лица этихъ повѣстей живутъ тою жизнью, обнаруживаютъ тотъ взглядъ на мѣръ, какой выразился въ народныхъ пѣсняхъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность жизни этихъ лицъ. Герои и героини г-жи Кохановской мастера пѣть, а если не пѣть, то вполне сочувствовать пѣнію другихъ.

Такимъ образомъ передъ нами открывается свѣтлый мѣръ, въ которомъ сама повѣсть есть одинъ изъ главныхъ элементовъ и занимаетъ мѣсто, необходимо принадлежащее ей въ гармоническомъ кругу жизни. Содержаніе этой жизни такъ же просто, какъ содержаніе пѣсней: родственныя привязанности, хозяйственныя хлопоты, веселье съ тѣмъ же пѣснями, бракъ, рожденіе, смерть, и память о мѣлыхъ мертвыхъ... Все тоже, что вездѣ творится подъ солнцемъ; но все это освѣщено русскою душою, прочувствовано русскимъ сердцемъ. Завязкою драмы обыкновенно служитъ семейный деспотизмъ — крутая черта нашей жизни. Если хотите, вѣдь это тоже вѣчная борьба, постоянный драматическій элементъ человѣческой жизни вообще. Глубокое семейное чувство не можетъ не приходять въ столкновеніе и борьбу съ тѣмъ, что его нарушаетъ, съ новою любовью, съ образованіемъ новой семьи.

Семейный деспотизмъ у г-жи Кохановской смѣло является въ свѣтлыхъ краскахъ, и это вовсе не вслѣдствіе какихъ-нибудь злыхъ мыслей, — что главное. Онъ дѣйствительно *можетъ* шить свѣтлыя краски. Деспотизмъ, какъ и эгоизмъ, какъ и самолюбіе, составляетъ въ основаніи все-таки проявленіе личности. Любовь *можетъ* служить основою деспотизма, точно также какъ желаніе бѣды высокихъ силъ и дѣйствій — основою самолюбія. Грубая форма *можетъ* быть всегда прощена сердцемъ, какъ скоро она вся проникнута своимъ прекраснымъ содержаніемъ, хотя разумѣется даже и простившій не *можетъ* согласиться на законность ея вошедшаго существованія.

Нравоученіе изъ этого всего то, что дикія формы не должны закрывать отъ насъ истиннаго своего содержанія. Г-жа Кохановская, какъ поэтъ свѣтлой стороны жизни, необходимо должна была показать намъ во многихъ случаяхъ всю несущественность формы передъ содержаніемъ. Среди видимаго страха, деспотизма, насмѣя, какимъ свѣтлымъ ключемъ течетъ у нея внутренняя жизнь людей! Эта жизнь такъ же крѣпка и здорова, какъ крѣпки и здоровы были эти люди среди тысячи неудобствъ и излишествъ. Въ раз-

сказѣ «Послѣ обѣда въ гостяхъ» повидимому все сводится на заданную тему. Любовь Архиповна прямо хочетъ доказать свою исторію, что въ случаѣ разлада между мужемъ и женою, всегда жена виновата. Конечно такъ она и думала, такъ и будетъ внушать всѣмъ, кому можетъ. Между тѣмъ самый рассказъ, полный глубокой жизни, совершенно ускользаетъ отъ всякой общей формулы и не вмѣстѣ въ себя и тѣмъ чего-нибудь оправдывающаго супружескій деспотизмъ. Люди эти признавали разные правила, подчинялись извѣстнымъ предрасудкамъ, дурно распредѣляли между собою власть, дурно понимали свои отношенія. Но все это покрыто, все сглажено, все искуплено ихъ живыми привязанностями, ихъ способностью любить, ихъ глубоко-чувствующимъ сердцемъ, которое наконецъ примиряетъ ихъ между собою и даетъ имъ годы истиннаго счастья. Внѣшняя жизнь со всѣмъ ея разнообразіемъ и безобразіемъ является здѣсь просто какъ *случай* для обнаруженія тѣхъ или другихъ чувствъ; сердечныя же чувства оказываются истиннымъ содержаніемъ жизни.

Понятно, что чѣмъ глубже поэтъ смотритъ на жизнь, чѣмъ меньше онъ останавливается на одной поверхности явленій, тѣмъ вѣрнѣе струны, которыя онъ беретъ и тѣмъ прозрачнѣе озаряется жизнь. Все грязное, нечистое, безобразное легко бросается въ глаза; его видятъ и не-художники, и часто принимаютъ рисовать съ него хаотическія картины и мрачныя карикатуры. Только художникъ способенъ уловить живую душу этихъ явленій, и только художникъ можетъ видѣть глубокой свѣтъ, который иногда горитъ среди этого мрака.

Но видѣть, чувствовать — еще мало; нужно еще возсоздать жизнь съ ея плотью и кровью; нужно, чтобы пониманіе перешло въ дѣло, и чувство въ созданіе. Всѣ наши симпатіи на сторонѣ г-жи Кохановской; мы вполне сочувствуемъ всему, чему она сочувствуетъ въ своихъ образахъ. Но полны ли и реальны ли эти образы — другой вопросъ. По нашему мнѣнію у г-жи Кохановской есть только одно вполне безукоризненное произведеніе, именно *Послѣ обѣда въ гостяхъ* (1). Здѣсь мѣра почти вполне соблюдена; не только картина приходится по рамкѣ, но здѣсь дано надлежащее мѣсто и мрачной сторонѣ, и комизму жизни. Свѣтлый тонъ и краткость всего разказа совершенно естественны, потому что разказъ есть воспоминаніе и ведется отъ лица героини.

Не то въ другихъ разказахъ. Въ *Гайкѣ* (1), объемъ не соотвѣт-

(1) «Русскій Вѣстникъ» 1858, августъ.

(1) «Русское Слово» 1860, апрѣль.

ствуешь содержанію. Какъ ни хороши пани воеводша, ея дочка и женихъ ея дочки, эти образы не довольно полны, не имѣютъ такого обилія реальныхъ чертъ, чтобы занять столько мѣста. Отсюда повторенія, длинноты и всякія кудрявости, которыя нимало не украшаютъ, а только обременяютъ картину.

Въ разсказѣ «Изъ провинціальной галлерей портретовъ» (1), нѣтъ никакой растянутости, но зато краски выходятъ слишкомъ свѣтлы и черты слишкомъ общи. Какъ будто сама это чувства, г-жа Кохановская называетъ эту повѣсть *сказкою о богатырѣ Гаврилѣ Михайловичѣ*. Во всемъ тонѣ этой сказки слышна какая-то напряженность, какія-то лишнія размахиванія и вскрикиванія.

А между тѣмъ какое чудное содержаніе! Мы переносимся въ другой вѣкъ, въ другой міръ, въ жизнь тѣхъ людей, которыхъ рождали во время пѣсенъ и пляски и которые умирали своею смертью. Эта жизнь сложилась крѣпко, имѣла незыблемый строй, твердыя начала, признаваемые за неподверженныя сомнѣнію святую. На такой твердой почвѣ развѣтывалась тогда индивидуальная жизнь, и посмотрите, какъ она была полна и прекрасна. Даже деспотизмъ семейный, деспотизмъ помѣщичій не мѣшалъ ей, потому что принимался за явленіе нормальное.

Особенно замѣчательны въ этой повѣсти отношенія между отцомъ, дочерью и женихомъ, отношенія мастерски схваченныя. Женихъ, которому отказалъ отецъ невесты, является однакоже къ нему въ домъ.

• Извините меня, Гаврила Михайловичъ, развязно говорилъ онъ. Я совсѣмъ было не думалъ заѣзжать къ вамъ и, сами вы знаете, не съ руки мнѣ; да вотъ, проѣзжая, увидѣлъ въ окно Анну Гавриловну, и какъ я самъ здѣсь, вы меня не спрашивайте.

— Приборъ! сказалъ Гаврила Михайловичъ, не спрашивая и сажая за обѣдъ гостя.

Такимъ образомъ дѣло идетъ на чистоту. Два деспота ведутъ борьбу лицомъ къ лицу, какъ будто вполне сознавая, что ихъ воля не имѣетъ никакого права совершенно помѣшать естественному ходу вещей. Гаврила Михайловичъ даже ничего не говоритъ своей дочери; полагаемъ это слишкомъ. Но вѣрная та черта, что онъ ея не пугаетъ, не внушаетъ ей повинновенія правамъ отца; онъ такъ ее любитъ, что не можетъ этого слѣлать, и молча признаетъ за нею право противодѣйствовать своей власти. Дѣло идетъ просто о томъ, *чья возьметъ*; и чья возьметъ, тотъ и правъ. Нельзя не видѣть, что это очень послѣдовательно.

(1) «Русскій Вѣстникъ» 1859, мартъ.

Деспотизмъ здѣсь получаетъ совершенно внѣшнее значеніе, какъ явленіе, уже само собою потерявшее свою существенность. Драма собственно здѣсь не выходитъ, такъ какъ она вышла въ исторіи Любови Архиповны. Существеннымъ въ исторіи Гавриила Михайлыча остались простыя семейныя отношенія, глубокая любовь между членами семьи, слегка взволновавшаяся, а потомъ расширяющаяся прібытіемъ новыхъ членовъ.

Съ сочувствіемъ глядя на этотъ міръ, уже прожитой, уже печезпущій, мы конечно не получаемъ желанія возвратиться къ его отношеніямъ, къ его формамъ и правамъ. Чему же мы сочувствуемъ? Неужели семейному деспотизму? Конечно нѣтъ. Но самое сочувствіе наше уже показываетъ, что есть въ этомъ мірѣ черты намъ родственныя, что сохранилось въ насъ самихъ живыя нити, связывающія насъ съ этимъ міромъ, что въ этомъ мірѣ была и любовь. Таково наиримѣръ крѣпкое семейное начало. Оно такъ глубоко залегло въ природу русскаго человѣка, что какія бы формы ни принимало, какимъ бы колебаніямъ ни подвергалось, безъ сомнѣнія навсегда сохранить надъ нами свою силу именно потому, что главное его основаніе не въ формѣ, ни даже въ преданіи, а въ любви.

Въ заключеніе скажемъ, что рассказы г-жи Кохановской писаны прекраснымъ и своеобразнымъ языкомъ. Вполнѣ знакомая съ народною рѣчью, она почерпнула изъ нея для своихъ разсказовъ богатство, силу и свѣжесть выраженія. Очень жаль, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти прекрасныя свойства переходятъ въ вычурность и кудреватость, и слѣдовательно совершенно теряются. Намъ кажется, что г-жѣ Кохановской нѣтъ никакой нужды насипловать себя ни въ изобрѣтеніи, ни въ изложеніи. При ея глубокомъ талантѣ ей вовсе не нужно еще особенно стараться быть *народною*, писать *чрезвычайно порусски*. Она можетъ, какъ мы думаемъ, дать себѣ полную свободу, и писать что пишется. А что бы она ни написала, все будетъ въ чисто-народномъ духѣ и будетъ звучать чисто-народнымъ языкомъ.

Безъ сомнѣнія мы еще неразъ встрѣтимся съ произведеніями г-жи Кохановской, отъ которой многого ожидаемъ. Мы надѣемся при другомъ случаѣ поговорить о ней подробнѣе, а теперь ограничиваемся этимъ легкимъ очеркомъ.

РАЗСВѢТЪ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢВУШЪ

«Затѣявши какое-нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ, говоритъ Гоголь, и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ, въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка, здадемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальные навмается тутъ же для комитета великолѣпная квартира, съ отопленіемъ и сторожами; а затѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою.»

На эту мысль навелъ насъ журналъ для дѣвицъ «Разсвѣтъ». Цѣль его пожалуй очень хороша, особенно если посмотримъ съ французской точки зрѣнія, гдѣ чѣмъ безразственнѣе мужчина, тѣмъ полнѣйшаго невѣдѣнія требуетъ онъ отъ дѣвушка — невѣсты своей, ни дать, ни взять нашъ другъ и пріятель Анучкинъ, которому непремѣнно нужно, чтобы женщина пофранцузски говорила, и кажется именно потому, что онъ самъ не имѣлъ счастья получить такого блестящаго образованія; но вѣдь мы не французы, а русскіе, и у насъ на этотъ счетъ могутъ быть свои взгляды. Самъ напримѣръ «Разсвѣтъ», въ первомъ же своемъ номерѣ за нынѣшній годъ старается растолковать своимъ читательницамъ, что «слабый умъ въ слабомъ тѣлѣ вовсе не привлекательное качество». Это мысль Стюарта-Милля. Очень хорошо-съ. Но вѣдь чтобы окрѣпѣть умъ, ему нужны сильныя и многостороннія движенія, ему нужна своя умственная гимнастика. Эту гимнастику онъ можетъ отличнѣйшимъ образомъ найти въ чтеніи серьезныхъ книгъ, самаго разнообразнаго только содержанія. И самъ «Разсвѣтъ» проводитъ вездѣ ту мысль, что женщина совершенно такъ же полноправна во всѣхъ отношеніяхъ, какъ и мужчина; онъ хочетъ сдѣлать ей доступными всѣ

занятія наравнѣ съ мужчиною, не исключая даже государственной службы; онъ даже до того простираетъ свои сближенія правъ женщины съ правами мужчины, что въ одномъ мѣстѣ очень наивно спрашиваетъ: «для чего женщину учать быть хорошею матерью, когда мужчину не учать быть хорошимъ отцомъ?» — онъ рѣшительно не признаетъ, чтобы женщина было что-нибудь вредно, что здорово мужчине и наоборотъ, и между тѣмъ самъ издается для взрослыхъ дѣвицъ, стало-быть для дѣвицъ старше пятнадцати лѣтъ: следовательно, самымъ своимъ существованіемъ допускаетъ какую-то замкнутость дѣвицы, допускаетъ нѣкоторую неволю мысли ея, которой нельзя открыть того, что открывается мужчинамъ однихъ съ всю лѣтъ, и не догадывается спросить себя, что если нѣтъ никакой надобности издавать особый журналъ для молодыхъ людей, то какая же предстоить надобность издавать особый журналъ для дѣвицъ? — Такой вопросъ былъ бы гораздо логичнѣе и отвѣтить на него было бы гораздо труднѣе, нежели на вопросъ, предлагаемый «Разсвѣтомъ» и нами выписанный. Да отъ того можетъ-быть и нужно учить женщинъ быть хорошими матерями, что мужчинамъ-то этому никто не учитъ. Надо же, чтобы кто-нибудь умѣлъ это. И главное, намъ такое недоумѣніе кажется совершенно противорѣчащимъ основной идеѣ «Разсвѣта» — идеѣ его существованія. Въдъ это выходитъ несогласіе насчетъ распредѣленія пяти рублей съ полтиною, оставшихся для бѣдныхъ. Понятно существованіе разныхъ специальныхъ журналовъ: напримѣръ «Журналъ для акціоверовъ», «Медицинскій журналъ», «Морской и военный сборникъ». Тѣ должны существовать, потому что свѣдѣнія, составляющія сущность ихъ, неинтересны или ненужны для большинства читающей публики и совершенно неудобны для того, чтобы войти въ составъ неспециальныхъ, литературныхъ журналовъ. Но что такое специальное заключается въ дѣвицъ для того, чтобы она уждалась въ особомъ специальномъ журналѣ? Есть у ней нѣкоторыя особыя, только ей свойственныя и ее интересующія занятія, напримѣръ вышиванье, шитье; но мы не находимъ ничего такого въ «Разсвѣтѣ»: тамъ, никакихъ узоровъ или хозяйственныхъ совѣтовъ не предлагается; тамъ все помѣщаются сочиненія о такихъ предметахъ, которые могутъ быть интересны для всей вообще просвѣщенной публики. Есть разница только въ изложеніи мыслей, есть пропасть напримѣръ недоговорковъ, есть нѣкоторое умалчиваніе о разныхъ вещахъ, есть нѣкоторое, весьма слабое, но очень часто худо-скрытое поползновеніе на нравоученіе; есть какая-то жидковатость мысли, несвободной мысли, сковываемой нѣкоторыми условіями, не существующими въ другихъ журналахъ; есть какая-то водяни-

стость во всемъ, воднипстость, дѣлающая этотъ журналъ скучнымъ и невозможнымъ для ума зрѣлаго, для мысли болрой и сильной... Чтоже это такое? Неужели это недобросовѣстное потаканіе предразсудкамъ общества? Но журналъ «Разсвѣтъ» нигдѣ не сказалъ, что онъ совсѣмъ считаетъ самъ ненужнымъ свое существованіе, а издается только затѣмъ, что въ обществѣ существуетъ потребность въ немъ, погребность, имъ не раздѣляемая; но что видя, какъ сильны предразсудокъ въ обществѣ, онъ будетъ не потакать ему, а смягчать только нѣкоторую суровость его: надо же что-нибудь давать читать дѣвицамъ, когда имъ не даютъ ничего. Но тогда бы была видна какая-нибудь борьба, и борьба въ самой сущности, а не на словахъ. Между тѣмъ мы въ журналѣ «Разсвѣтъ» не находимъ ничего этого. Журналъ этотъ носитъ на себѣ совершенно дѣтскій характеръ. Говорится въ немъ о страстяхъ и любви; но о нихъ почти въ той же мѣрѣ говорится и въ «Журналѣ для дѣтей», издаваемомъ г. Чистяковымъ. Иногда пробиваются въ немъ либеральныя выходки, въ родѣ выше-приведенной нами; но такія выходки противорѣчатъ всему журналу, который весь служитъ все-таки къ тому, чтобы въ слабомъ женскомъ тѣлѣ осталась и умъ слабый, ибо умъ не можетъ окрѣпнуть, питаемый недосказываемыми, незрѣлыми идеями, не доводимыми до всей полноты своего возможнаго развитія. Между тѣмъ только самое широкое разрѣшеніе жизненныхъ вопросовъ расширяетъ нашъ умъ; кто не знаетъ, что самое безнравственное явленіе, только показанное во всѣхъ самыхъ страшныхъ и сокровенныхъ степеняхъ своего развитія, носить въ себѣ несравненно болѣе возможности подѣйствовать нравственно на душу, нежели сама нравственность, высказанная голо и сухо, такъ что въ ней ни ужаснуться нечѣмъ, ни позавидовать нечему? Вѣдь жизнь, показанная съ одной стороны, все-таки мертва и ничему не научить, и всегда, какъ бы ни была хороша сторона ея, намъ показываемая, заставитъ насъ думать да гадать о той, о другой сторонѣ ея, отъ насъ скрываемой, и въ ней-то, въ той другой сторонѣ, всегда занодозримъ мы все самое лучшее, самое интересное, потому что ничто не помѣшаетъ намъ представить ее себѣ такъ, какъ намъ вздумается. Мыслить, значить отыскивать и уничтожать противорѣчія. «Узнайте добро и зло, и будете мудры, какъ боги». О чемъ же я буду мыслить, когда мнѣ показываютъ все только одно? Правда, въ журналѣ «Разсвѣтъ», вовсе не кормятъ дѣвицъ сладкими, идеалическими картинками, — тамъ содержаніе довольно разнообразное; но нѣтъ тѣхъ крайностей, которыя поражаютъ и булятъ мысль. Мы за это совсѣмъ не упрекаемъ «Разсвѣтъ», но мы хотимъ только объяснить ему, что вотъ именно это-то обстоя-

тельство и способствуетъ къ поддержанію слабости ума въ слабомъ тѣлѣ, и намъ только немножко непріятно то лицемѣріе, которое проглядываетъ въ либеральничавши этого журнала: ну, чтожъ? — либо то, либо другое. Зачѣмъ мазать по губамъ фразами? Намъ хочется убѣжденій. Дѣло въ томъ, что меньше всего носятя со своимъ образованіемъ люди истинно получившіе огромное образованіе. Такой человѣкъ всегда какъ-то милъ, хотя самоувѣренно простъ,

И думаетъ свою онъ крѣпкую думу
Безъ шуму.

Гораздо хуже тѣ люди, которые во все время своего воспитанія ничего не дѣлали, и только поняли одно — самое легкое: о томъ, какъ важно и полезно обширное знаніе. Тѣ и возятся со своимъ воспитаніемъ, и дѣлаютъ ко всѣмъ въ глаза. Ихъ и обвинить нельзя: тѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Вѣдь вотъ и въ дѣлѣ прогресса: тѣ, у которыхъ въ душѣ прогрессъ, все и толкуютъ прямо о сокровищахъ души своей; прямо высказываютъ свое безпокойство, желанія, прямо къ дѣлу идутъ, почти не упоминая о прогрессѣ; а у тѣхъ, у кого въ душѣ не вмѣстается ни одного зерна жизни будущей, — постоянно слово *прогрессъ* на устахъ. Это такіе ярые прогрессисты, что Боже упаси! Недавно за однимъ обѣдомъ, когда всѣ подпили, одинъ господинъ ухватилъ другого за шиворотъ, спрашивая:

— Вѣришь ли ты въ *прогрессъ*?

— А что такое *прогрессъ*? спросилъ злой человѣкъ тономъ совершенной наивности.

— Что такое *прогрессъ*?.. что такое *прогрессъ*!.. заговорилъ ярый поклонникъ прогресса: — онъ не знаетъ, что такое *прогрессъ*! воскликнулъ онъ наконецъ, обращаясь къ другимъ съ отчаяннымъ хохотомъ: — хорошъ! хорошъ! что такое *прогрессъ* — не знаетъ!

— Позвольте, и я тоже не знаю, сказалъ другой.

— Прогрессъ, — это сапоги въ смятку, сказалъ прогрессистъ, и ушелъ въ другую комнату.

Для чего же намъ создавать такихъ прогрессистовъ? Для чего этихъ людей размножать между женщинами? Надо давать что-нибудь существенное, что-нибудь такое, что, устанавливаясь въ обществѣ, само бы собой разрушало старыя предрасудки и повѣрья, что вытѣсняло бы ихъ, занимая ихъ мѣсто. А к чему поведетъ на-примѣръ истина, что слабый умъ въ слабомъ тѣлѣ вовсе не есть привлекательное качество, когда эта одна истина не дѣлаетъ ума сильнымъ, а другое все способствуетъ прямо къ тому, чтобы удерживать умъ дѣвцы на старомъ его положеніи? И выходитъ: «Слова,

слова, слова...» И вѣдь слабоумные-то больше всего придержутся къ этому, и съ ними какъ тогда сладить? Они подумаютъ, что вотъ въ этихъ-то словахъ и состоитъ вся крѣпость ума женскаго; что только слѣдуетъ поклониться имъ, да безпрестанно повторять ихъ, чтобы не быть слабыми.

А вотъ возьмемъ на примѣръ самую капитальную статью журнала «Разсвѣтъ»: «Мысли женщины о женщинахъ». Редакція печатаетъ его въ приложеніи, съ особымъ заглавнымъ листомъ и особою нумераціею, что заставляетъ предполагать, что и она смотритъ на это сочиненіе съ большимъ уваженіемъ.

• Предлагаемый переводъ книги «A woman's thoughts about women» предлагаемъ читательницамъ, — пишетъ редакція «Разсвѣта», — находя въ этомъ сочиненіи весьма основательныя сужденія преимущественно о тѣхъ женщинахъ, которыя не вышли замужъ. Эти мысли принадлежащія перу англійской писательницы, хотя назначены для англичанокъ, но по всей истинѣ могутъ относиться и къ русскимъ женщинамъ. Считаемъ необходимымъ оговорить, что все, не касающееся до современнаго положенія русской женщины, а также и то, что отчасти противорѣчитъ основной идеѣ «Разсвѣта», мы исключили изъ перевода.

Мы конечно не станемъ здѣсь говорить о тѣхъ истинахъ, которыя не кажутся намъ неопровержимыми истинами, но которыя однако ходятъ въ обществѣ и отъ которыхъ никакой бѣды быть не можетъ. Но на примѣръ такого рода вещь:

• Въ наше время принято женскія занятія, исключая тѣхъ, которыя называются рукодѣльемъ, вообще раздѣлять на слѣдующія отрасли: «обученіе дѣтей, литературу, изящныя искусства и искусства, служащія для публичнаго развлечения», т. е. искусство актрисъ, пѣвицъ, и т. д.

Изъ этихъ исчисленныхъ мною и доступныхъ женщинамъ въ наше время занятій, послѣднее всѣхъ опаснѣе и труднѣе, потому именно, что личность дѣйствующей особы связана съ исполненіемъ. Можно нарисовать нѣсколько десятковъ картинъ, наполнить множество полокъ написанными нами книгами, и въ то время, какъ дѣти нашего ума бродятъ по всему извѣстному міру, мы можемъ спокойно сидѣть дома, и жить такъ же скромно и мирно, какъ самая счастливая изъ обыкновенныхъ женщинъ. Для артистки дѣло совсѣмъ другое: ей безпрестанно должно являться передъ публикою, не только умственно, но и физически. Глазъ публики не только осваивается съ ея гениемъ, но и съ ея манерами в публикою, въ такой мѣрѣ, что всякій похвальный или осуждающій разговоръ есть въ тоже время и критика ея личности.

Вѣдь стыдно это выписывать, несмотря на то, что эти мысли принадлежатъ перу англійской писательницы. Какъ! совѣтовать жел-

щивамъ заниматься литературою на томъ основаніи, что можно наполнить цѣлыя полки исписанными вами книгами и при этомъ спокойно сидѣть дома, не показывая никому своей личности? Да ужъ по нашему лучше тотъ господинъ, который безо всякихъ соображеній, просто почувствовавъ желаніе быть писателемъ, пошолъ спросить у френолога, есть ли у него способности къ этому? Тотъ обратился хоть къ френологу: тутъ все же есть нѣкоторое уваженіе къ литературнымъ трудамъ; а въ совѣтъ англійской писательницы вичего нѣтъ этого, и въ нашемъ обществѣ, уважающемъ нѣсколько литературу и смотрящемъ на печать до нѣкоторой степени серьезно, это просто смѣшно. И этому-то сочиненію прилавать важность какую-то! И что за пуританизмъ! что за старовѣрство такое! И это особенно нелѣпо еще тогда, когда вспомнишь, что опытъ показываетъ, что изъ всѣхъ искусствъ женщины больше всего отличались и занимали самыя почетныя мѣста именно въ тѣхъ только искусствахъ, гдѣ личность дѣйствующей особы связана съ исполненіемъ. Жоржъ-Занцъ гениальная писательница, но ей далеко до Шекспира, Байрона, Шиллера. Ей далеко даже до Теккерея и Диккенса. Но г-жа Марсъ, Рашиель, Зонтагъ, Тальони — не уступаютъ никому мѣста въ своихъ искусствахъ и имена ихъ будутъ постоянно связаны съ названіями тѣхъ искусствъ, въ которыхъ онѣ были представительницами. Зачѣмъ же идти противъ опыта?

• Кто посѣщаетъ театральныя и музыкальныя общества, — говорить дальше англійская женщина, — тотъ конечно слышалъ повторяемыя безпрестанно слова: «моя роль», «мое пѣніе», «что думаетъ обо мнѣ публика». Да такое самолюбіе, по видимому, и неизбежно. При фразѣ «всякая для себя» лучшія изъ шекспировскихъ героинь краснѣютъ или блѣднѣютъ, вспомнивъ имя своей соперницы. Дѣвицу такую-то нельзя пригласить къ себѣ въ гости изъ боязни, чтобы она не встрѣтилась съ г-жею такою-то, причѣмъ онѣ, навѣрное, не смотря на всю ихъ притворную радостную вѣжливость, тотчасъ же оцѣтнѣютъ, какъ двѣ кошки, сбѣжавшіяся у дверей гостиной. Вотъ тѣ плачевныя, хотя и не вовсе порочныя послѣдствія, къ какимъ свѣтъ, въ которомъ по необходимости должно работать, приводитъ женщинъ.

По этой-то причинѣ призваніе для публичнаго развлеченія или увеселенія, во всѣхъ родахъ, отъ восторженной трагической актрисы до блѣднѣйшей хористки, есть изъ возможныхъ занятій самое опасное, — не вслѣдствіе общепринятаго мнѣнія: у насъ слишкомъ довольно непорочныхъ, степенныхъ актрисъ и пѣвицъ, такъ что нѣтъ надобности возбуждать старый вопросъ о «почетномъ назначеніи» театральнаго подмостка, — во это призваніе опасно по причинѣ различія нравовъ, характера и образа мыслей вообще людей этого сословія.

Богъ знаетъ что такое! И если журналъ «Учитель» возбуждалъ

въ насъ подозрѣнія, не работаетъ ли на него почтенный нашъ знакомый Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ, то, не будь въ журналѣ «Разсвѣтъ» сказано, что это произведеніе пера англійской писательницы, мы непременно заподозрили бы авторомъ этого сочиненія — Пульхерію Ивановну Товстогубиху. Еслибы не заподозрили по выписанному нами отрывку, то окончательно убѣдились бы въ этомъ по слѣдующему :

• Обязанности взаимныхъ отношеній между хозяевами и прислугой исполняются какъ нельзя хуже; между тѣмъ эти отношенія столь необходимы, что они установились при самомъ сотвореніи міра и, вслѣдствіи, освятились библейскими и вообще историческими преданіями, наравнѣ съ самыми священными союзами, существующими между людьми, т. е. наравнѣ съ союзомъ родства и дружбы.

Кто же тому виною? Обѣ стороны. Старшіе виноваты потому, что они, не смотря на свое умственное развитіе и образованіе, все-таки стараются насильно заставить уважать себя только внѣшними отличіями, которыя не могутъ существовать при столь близкихъ отношеніяхъ ихъ къ своимъ подчиненнымъ. Младшіе же виноваты потому, что они, будучи образованы только до той степени, что видятъ недостатки высшаго класса, но не до того, чтобы замѣчать свои собственныя, вслѣдствіе этого отказываются отъ безусловнаго уваженія и послушанія, столь обыкновенныхъ въ древности, и т. д.

Намъ это все очень нравится, и мы выписываемъ это какъ вещь курьозную, дважды курьозную: вопервыхъ — просто какъ произведеніе англійской писательницы, а вовторыхъ, какъ произведеніе англійской писательницы, понравившееся очень редакціи журнала «Разсвѣтъ», и не противорѣчащее основной идеѣ его. Зачѣмъ же кормить такими вещами нашихъ дѣвицъ, да еще предупредивши ихъ съ перваго номера, что мы-де будемъ вашъ слабый умъ развивать, потомучто слабость ума не есть привлекательное качество? Вѣдь это легко сказать! — Есть женщины, преимущественно старыя, которыя придутъ въ гости да и увѣрятъ тѣхъ, къ кому пришли, что тѣ похудѣли, что имъ я года не прожить съ такою жизнію, что у нихъ мужъ тиранъ, дѣти аспиды, — и думаютъ, что онѣ удивительную принесли пользу. Имъ иногда сначала и повѣрятъ, а потомъ на нихъ же разсердятся. Журналу-то ужъ совсѣмъ на нихъ походить неприлично. Зачѣмъ пускать пыль въ глаза? Для чего пускать эту

• Шумиху словъ чужихъ? •

Мы обратили особенное вниманіе на тѣ статьи, гдѣ говорится собственно о женщинахъ, потомучто эти статьи въ журналѣ «Разсвѣтъ» должны бы были особенно тщательно разрабатываться. II

между тѣмъ онѣ-то и оказались особенно слабы, такъ что лучше бы ихъ не было. И все Англія! Сейчасъ мы наудачу развернули еще страницу въ первой попавшейся книжкѣ и читаемъ :

• Въ Англіи женщины въ образованномъ классѣ уже начинаютъ почитать достоинства широкаго, серьезнаго образованія, для котораго нѣкоторыя, по словамъ г. Михайлова, отказываются даже отъ счастья семейной жизни, такъ какъ она не позволила бы имъ развиваться такъ высоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Ужъ не приглашаетъ ли журналъ «Разсвѣтъ» къ тому же самому своимъ читательницъ? Для чего же развивать такой фанатизмъ, да еще фанатизмъ изъ подражанія, фанатизмъ по принципу? И неужели что-нибудь кромѣ слабаго ума можетъ допустить такое монашество во имя нравственнаго развитія?..

Всѣ же остальные статьи въ «Разсвѣтѣ», постороннія, очень хороши, и если ужъ надобно ограничивать чтеніе дѣвушки какими-нибудь выборомъ, то мы смѣло рекомендуемъ журналъ «Разсвѣтъ» для желающихъ. Только намъ крайне бы хотѣлось, чтобы редакція его была просмотрительнѣе въ выборѣ статей, касающихся прямо до вопроса о женщинахъ, и побольше давала чистыхъ, прямыхъ убѣжденій вмѣсто однихъ громкихъ названій ихъ. А то вѣдь чтожь? — заучать читательницы этого журнала эти названія и замѣнивши ими сущность дѣла, начнутъ съ ними носиться, начнутъ шумѣть: намъ ужъ и между мужчинами надоѣли такія явленія.

О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства въ Западной Европѣ и Россіи. Сочиненіе А. Корсака.

Изъ всѣхъ экономическихъ вопросовъ едва ли не больше всѣхъ возбуждалъ и до сихъ поръ возбуждаетъ споры между экономистами вопросъ о распредѣленіи богатства. Одни находятъ, что существующее въ настоящее время распредѣленіе есть единственное законное и полезное для общаго экономического прогресса, а даже единственное возможное при современной организаціи труда, которую они также признаютъ высшею степенью экономического развитія, далѣе которой стало-быть экономическіе успѣхи идти не могутъ. Другіе находятъ современное распредѣленіе и несправедливымъ, и вреднымъ, такъ какъ оно имѣетъ необходимымъ слѣдствіемъ существованіе многочисленнаго пролетаріата, — явленія, которое безъ сомнѣнія печально и само въ себѣ, и еще болѣе печально потому, что оно служило и всегда будетъ служить преградой для успѣховъ политической жизни и цивилизаціи. Пролетаріатъ всегда былъ оружіемъ, которымъ пользовались люди, ниспровергавшіе законы государственныя, и на ихъ мѣстѣ ставившіе свою волю. Достаточно вспомнить, что напримѣръ Пизистратъ, Діонисій, Марій, Сулла, Цезарь, Медичи, домъ Оранскій опирались на бѣдныхъ гражданъ, и съ ихъ помощью достигали власти. Вообще пролетаріатъ страшенъ также и для всякаго правительства. Французская революція своимъ суровымъ характеромъ обязана частью большой массѣ голоднаго народа въ Парижѣ, и не будь этой массы, — ходъ французской исторіи былъ бы безъ сомнѣнія другой. Это всѣ больше или меньше понимаютъ, и на пролетаріатъ не обращаютъ вниманія только тѣ, которые ни на что не обращаютъ вниманія. Партизаны лучшаго распредѣленія богатства, такого, при которомъ возможно было бы уничтоженіе пролетаріата, составляются, благодаря такому взгляду на гибельные результаты пролетаріата, не толь-

ко изъ гуманистовъ и истинныхъ партизановъ прогресса цивилизаціи, но и изъ тѣхъ, которые боятся именно этихъ результатовъ, — т. е. реформъ въ существующемъ порядкѣ, каковъ бы онъ ни былъ, этою массою немущихъ, всегда склонныхъ думать, что они доведены до своего жалкаго состоянія несправедливостью учрежденій.

Индифферентисты, тѣ, которые не обращаютъ вниманія на массу бѣдныхъ рабочихъ, доходятъ до того принципа, что признаютъ пролетаріатъ зломъ неизбѣжнымъ; впрочемъ увѣряютъ, что вредные результаты его могутъ быть отвращены системой полного невмѣшательства общества въ экономическія отношенія частныхъ людей, системою, которой девизъ: *laissez faire, laissez passer*. Въ этомъ увѣреніи, по крайней мѣрѣ со стороны нѣкоторыхъ партизановъ этой школы, играетъ главную роль задвѣя мысль — защита собственныхъ интересовъ въ ущербъ интересамъ бѣднаго класса. Примеры этой недобросовѣстности нетрудно указать въ литературѣ политической экономіи и въ административной практикѣ. Другіе прививаютъ систему *laissez faire, laissez passer* потому, что не хотятъ обратить вниманія на уроки исторіи, гдѣ она осуждена самымъ строгимъ способомъ. Впрочемъ надобно прибавить, что партизаны этой системы состоятъ большею частью изъ людей, которымъ историческая наука мало знакома.

Въ прежнее время, и не такъ давно, голоса партизановъ этой системы были весьма многочисленны и раздавались очень громко, и причину этого надобно частію искать въ томъ, что противники ихъ, увлеченные своею доброю волею, да вѣрою въ человечество, нѣсколько фантастическою, заходили слишкомъ далеко въ своихъ планахъ исцѣлить современныя общества отъ ихъ язвы, пролетаріата. Немуद्रено, что фаланстеры, Икарія многимъ не понравились и даже многихъ напугали и расположили ихъ съ участіемъ слушать противоположное ученіе школы *laissez faire, laissez passer*. Теперь не то. Авторровъ наиболѣе хитрыхъ системъ нѣтъ; а изъ ихъ учениковъ нѣкоторые попали во французскій сенатъ, другіе въ министры новой французской имперіи: имъ ли продолжать дѣло своихъ учителей и дѣлать пропаганду гуманныхъ идей въ какой бы то ни было формѣ? Были произведены и опыты; но менильмонтанская жизнь показалась всѣмъ только смѣшною, Икарія осуществленная оказалась очень плоха, Новый Лепаркъ и Новая Гармонія не удалась, несмотря на необыкновенную личность основателя, который гораздо меньше другихъ былъ мечтателемъ. Вообще лишнія надежды не осуществились; объ нихъ стали меньше говорить; поменьше сталъ слышенъ голосъ и тѣхъ, которые были сильны тѣмъ, что дѣлали реакцію страшнымъ реформаторамъ, въ

планахъ которыхъ большинство видѣло угрозу осудить весь міръ на вѣчную каторжную работу; и теперь ужъ не такъ громко раздаются голоса партизановъ экономическаго квіэтизма. Самый громкій голосъ принадлежитъ кажется г. де Молливари, столь извѣстному русской публикѣ, если впрочемъ его сочиненія не печатаются только въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но и читаются подписчиками этого журнала, что очень мало походитъ на правду; гораздо вѣроятнѣе, что они просто только украшаютъ страницы «Русскаго Вѣстника».

Вообще въ экономической литературѣ крайности погнущивались, и можно сказать, что противоположныя партіи нѣсколько сблизились, но крайней мѣрѣ явились связывающія ихъ ступени, къ числу которыхъ относится между прочимъ и недавно переведенная на русскій языкъ книга Гильдебрандта о школахъ въ политической экономіи. Книга эта подверглась погрому со стороны двухъ журналовъ, наиболѣе интересующихся экономическими вопросами и служащихъ представителями двухъ крайнихъ, противоположныхъ школъ, но въ сущности весьма сходныхъ между собою, потому что и тотъ и другой журналъ принимаютъ свои теоріи какъ послѣднее слово науки, какъ наиболѣе прогрессивное ученіе. Оба они не хотятъ никого видѣть впереди себя. Разница только въ частныхъ взглядахъ: «Русскій Вѣстникъ» принимаетъ одно за послѣднее слово науки, «Современникъ» другое, и оба принимаютъ съ полною вѣрою, съ вѣрою востока. Жаль, если рецензіи обоихъ журналовъ отнимутъ охоту въ публикѣ читать книгу Гильдебрандта. А она была бы очень полезна особенно для нашей публики, совершенно незнакомой съ рациональною исторіею экономической литературы. Нигдѣ такъ хорошо не выставлены особенности экономическихъ школъ, какъ у Гильдебрандта, и особенно нигдѣ такъ совѣстливо не изложено ученіе гуманной школы.

Кромѣ Гильдебрандта много другихъ писателей, равно далекихъ и отъ квіэтизма школы *laissez faire, laissez passer*, и отъ фантастическихъ системъ добрыхъ людей, одушевленныхъ излишнею вѣрою въ аркадскія качества современнаго трудящагося класса. Теперь меньше кричать о стачкахъ работниковъ; но за то съ симпатіею предлагаютъ планы ассоціацій, устриваютъ между ними сберегательныя кассы, и т. п. У насъ рѣшается важнѣйшій вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, съ признаніемъ необходимости для нихъ въ обезпеченіи пропитанія. Мѣстами пробуются на опытѣ ассоціаціи между работниками и результатъ получается удовлетворительный. Вообще кажется можно сказать, что индиферентизмъ школы *laissez faire, laissez passer*, выходитъ изъ моды,

что, вопреки ей, обращаютъ вниманіе не только на массу произведеній, но и на отношеніе къ нимъ производителей, на отношеніе между производителями, между трудомъ и капиталомъ, работникомъ и предпринимателемъ.

Сочиненіе г. Корсака принадлежитъ къ разряду подобныхъ трудовъ, не смотря на свое заглавіе, повидимому необъщающее ничего кромѣ сухости предмета и педантизма въ разработкѣ его. Мы нарочно обращаемъ вниманіе на заглавіе книги г. Корсака, потому что заглавіе книги у насъ до сихъ поръ играетъ болѣе важную роль, нежели самое содержаніе ея, и практическіе люди, къ которымъ повидимому не принадлежитъ г. Корсакъ, хорошо понимаютъ это. Такъ года два назадъ г. Калиновскій — не почтенный издатель «Свѣточа», а другой — издалъ свое сочиненіе о свободѣ торговли: писать что-нибудь о свободѣ торговли вообще, особенно сдѣлать свободную торговлю предметомъ магистерскаго разсужденія, какъ это было у г. Калиновскаго, — уже дурной знакъ: это ни больше ни меньше какъ пересыпать изъ пустого въ порожнее. Между тѣмъ, г. Калиновскій далъ своей книгѣ пышное заглавіе и она имѣла успѣхъ, да еще какой! Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не сказать добраго слова о книгѣ, въ которой намъ обѣщаютъ историческое изслѣдованіе «о развитіи и распространеніи идеи свободной торговли и о примѣненіи ея къ положительнымъ государствамъ западной Европы». Конечно, въ книгѣ г. Калиновскаго ничего этого не было; но кто же заглянулъ дальше заглавія? Если кто рѣшился на этотъ подвигъ, то все-таки не пошолъ дальше того, чтобы перевернуть нѣсколько страницъ и имѣть понятіе объ ихъ общемъ видѣ, о впечатлѣніи, какое онѣ производятъ на читателя. А страницы всѣ были исцѣплены выписками и цитатами и ссылками на экономическую литературу. И книгу г. Калиновскаго провозгласили замѣчательнымъ трудомъ, самого г. Калиновскаго замѣчательнымъ ученымъ и т. п. А между тѣмъ по справкамъ оказалось, что г. Калиновскій впервыхъ въ книгѣ писалъ не о томъ, о чемъ сказалъ въ заглавіи; о чемъ онъ писалъ, трудно даже опредѣлить; вовторыхъ онъ не потрудился даже заглянуть въ тѣ книги, изъ которыхъ приводилъ выписки, хотя эти книги принадлежатъ къ такимъ, которыя составляютъ нѣчто въ родѣ азбуки въ политической экономіи, т. е. ихъ долженъ знать всякій, кто только приступаетъ къ первому знакомству съ этой наукой. Выписки же приведены изъ одной или двухъ книгъ, написанныхъ для облегченія первыхъ шаговъ въ изученіи политической экономіи, между прочимъ изъ знаменитаго справочнаго словаря политической экономіи Гильомена. Собственныя разсужденія въ книгѣ г. Калиновскаго

были таковы, что они могут развѣ служить только доказательствомъ незначительныхъ успѣховъ наукъ у насъ въ продолженіи 150 лѣтъ со времени Петра В., или доказательствомъ упадка научнаго образованія въ послѣдніе три или четыре десятка лѣтъ; по крайней мѣрѣ можно сказать, что Цосошковъ, крестьянинъ время Петра В., для своего времени гораздо основательнѣе разсуждалъ о вопросахъ политической экономіи, нежели магистръ политической экономіи въ 1859 г. Какъ же тутъ, смотря на подобныя явленія въ нашей литературѣ, не сказать: *habent sua fata libelli*, и не сказать, что заглавіе у насъ играетъ важную роль?

Сочиненіе г. Корсака безъ сомнѣнія потому имѣетъ малыя успѣхъ въ нашей литературѣ, что имѣетъ заглавіе слишкомъ простое: о *формахъ промышленности*. Въ самомъ дѣлѣ, намъ всѣмъ такъ надобно всевозможныя формы, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ школахъ. Сначала насъ заставляли заниматься формами грамматическими, да не одного языка, а двухъ, трехъ, четырехъ и даже больше; потомъ шли формы словесныхъ произведеній, за ними формы кристалловъ, формы логическія... скука такая! все надобно думать да соображать. А тутъ подвертываются еще формы промышленности; ну кто ихъ станетъ читать?

Между тѣмъ и формы промышленности имѣютъ свой большой смыслъ, и г. Корсакъ умѣетъ понимать его. «Съ вопросомъ о формахъ промышленности — говоритъ онъ въ началѣ своего изслѣдованія — связаны самыя существенныя интересы общества. Степень самостоятельности и общественнаго значенія предпринимателей, положеніе и степень зависимости отъ нихъ рабочаго класса, отношенія между трудомъ и капиталомъ, различны въ каждой изъ нихъ до такой степени, что необходимо должны вызывать разнообразныя мнѣнія въ наукѣ и такія же желанія въ государственныхъ людяхъ». «Формы промышленности, продолжаетъ г. Корсакъ — обращаютъ на себя вниманіе не столько съ экономической стороны, сколько съ общественной и политической. Въ экономическихъ предмуществахъ новой, господствующей нынѣ системы всѣ болѣе или менѣе согласны: никто напр. не ставитъ спорить, что машинами многое можно сдѣлать лучше и дешевле, чѣмъ обыкновеннымъ, ручнымъ способомъ, что фабрика, по качеству и цѣнѣ своихъ произведеній, стоитъ несравненно выше какой-нибудь мастерской, выдѣлывающей тѣ же самыя издѣлія. Но немного мы насчитаемъ голосовъ, которые, ради экономическихъ выгодъ, совершенно забывали бы темныя стороны фабрикъ въ другихъ отношеніяхъ. О первыхъ, какъ о фактѣ всѣми признанномъ, не можетъ быть и спора. Остается следовательно обширное поле для преній ученыхъ и для дѣятельно-

сти государственныхъ людей въ другихъ сторонахъ вопроса; онѣ-то главнымъ образомъ и обращаютъ на себя вниманіе. Задача представляется весьма трудная и сложная: нужно не отказываясь отъ того, что уже всѣми признано выгоднымъ и благодѣтельнымъ для общества, придти къ удачному рѣшенію остальныхъ пунктовъ вопроса. Отказаться отъ экономическихъ преимуществъ настоящей системы производства невозможно; поэтому главная задача состоитъ въ томъ, какимъ образомъ устранить ея вредныя послѣдствія въ общественномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ и воспользоваться только матеріальными ея выгодами».

Эта выписка сдѣлана съ тѣмъ, чтобы показать характеръ книги г. Корсака, колоритъ, который принадлежитъ автору въ ряду нашихъ экономистовъ. До сихъ поръ мы видѣли въ ряду нашихъ официальныхъ ученыхъ только такихъ писателей, которые, позаимствовавшись главнымъ образомъ отъ людей совсѣмъ неученыхъ, отъ писателей по дилетантизму — Бастья, де-Молнари и подобныхъ, толковали о промышленности не обращая вниманія на то, въ чью пользу идутъ продукты ея, въ пользу трудящихся или въ пользу эксплуатирующихъ. Этого мало: наши официальные ученые явнымъ образомъ были наклонны въ пользу богатыхъ предпринимателей, ко вреду бѣдныхъ работниковъ. Такъ г. Вернадскій считалъ себя обязаннымъ доказывать, что обезпеченіе существованія нашихъ крестьянъ, когда дѣло шло еще объ ихъ освобожденіи, дѣло излишнее. Г. Кашиновскій въ своей диссертациіи выражалъ сожалѣніе, что правительство Людовика Филиппа не прибѣгло къ пушкамъ и штыкамъ для убѣжденія работниковъ, старавшихся защитить свой кусокъ хлѣба. Г. Леонтьевъ, съ кафедръ университетской, на торжественномъ актѣ университета, будучи представителемъ науки и отъ ея имени увѣрялъ публику, что для крестьянина все равно на чьей землѣ ни работать, на своей или на чужой, и что для насъ не будетъ вредно, если наша почва соединится во владѣніи немногихъ богатыхъ людей, а слѣдовательно народъ, подобно тому, какъ это было до Бориса Годунова, будетъ путешествовать изъ одного нѣвія въ другое, отыскивая работы.

Въ ряду такихъ сочиненій, трудъ г. Корсака, написанный имъ ма полученія степени магистра политической экономіи, представляется чѣмъ-то въ родѣ оазиса среди пустыни, и это сравненіе не-премѣнно придетъ въ голову читателю, если попробовавши читать произведенія нашихъ экономистовъ ex officio и по призванію, онъ на одной сторонѣ нашолъ сумъ и убивающую самую африканскую пустыню, а съ другой соединеніе всѣхъ болотныхъ почвъ въ поэтическомъ безпорядкѣ, можетъ-быть не лишонномъ художественно-

сти, но лишонномъ всякой разумной системы и притомъ съ большимъ количествомъ міазмовъ, да еще съ прибавкою отрывковъ изъ той же африканской пустыни. На такого читателя трудъ г. Корсака дѣйствительно произведетъ то впечатлѣніе, какое оазисъ производитъ на путешественника среди песчаной степи.

Въ самомъ дѣлѣ, уже съ первыхъ строкъ сочиненія г. Корсака видно, что онъ не индифферентистъ въ политической экономіи, что онъ именно писатель изъ сферы политической экономіи, а не изъ сферы индустриальной экономіи; что ему нужна не только масса произведеній, а и отношеніе ихъ къ производителямъ; что быть работникомъ его интересуетъ; что онъ разсматриваетъ экономическія явленія не только въ одномъ экономическомъ отношеніи, но также въ общественномъ, нравственномъ и политическомъ. Съ другой стороны очевидно, что г. Корсакъ сталъ на единственно возможную почву при ученыхъ изслѣдованіяхъ, — не отрываться отъ фактовъ и держаться дѣйствительности не затѣмъ, чтобъ принять какъ норму все что она представляетъ, а затѣмъ, чтобъ разобравши хорошо элементы ея, отдѣлать въ нихъ то, что абсолютно необходимо и полезно, отъ того, что представляетъ важныя неудобства и потому должно быть устранено и замѣнено другими элементами, лишонными этихъ важныхъ неудобствъ.

Понятно для чего нужны г. Корсаку формы промышленности, почему онѣ составляютъ предметъ его изслѣдованія. Многіе, особенно у насъ, слышавшіе и начитавшіе о преимуществахъ той или другой системы, той или другой отрасли или формы промышленности, воображаютъ, что намъ недостаетъ именно того, что имъ такъ нравится въ другихъ мѣстахъ и чего они хорошо не понимаютъ, потому что не вычитали полной, всесторонней оцѣнки известной экономической формы. Отсюда происходятъ эти жалобы на непримѣненіе у насъ теоріи свободной торговли, на недостаточное развитіе фабрикъ; отсюда произошла между прочимъ ревность наша къ учрежденію акціонерныхъ компаній: думали, что западная промышленность обязана своими успѣхами акціонернымъ компаніямъ. А оказалось вѣчто очень нехорошее: однѣ компаніи дурно ведутъ свои дѣла, другія кончили свое существованіе, третьи не въ состояніи сдѣлать того дѣла, за которое взялись; а какъ прибавленіе къ этому, являются еще газетныя статьи, которыя объясняютъ и акціонерамъ компаній и публикѣ, что рѣдко гдѣ въ компанейскомъ дѣлѣ обошлось безъ плутовства. Г. Корсакъ рѣшился разсмотрѣть это дѣло обстоятельнѣе, обсудить всѣ условія, отъ которыхъ зависятъ успѣхи той и другой формы промышленности.

Надобно отдать полную справедливость его системѣ: она была еще за дѣло весьма рациональна. Сначала онъ абсолютно разсматриваетъ свойства различныхъ формъ промышленности, безъ отношенія къ той или другой опредѣленной странѣ. Потомъ разсматриваетъ историческія условія, которыя привели за собою развитіе формъ промышленности въ западной Европѣ и въ Россіи; далѣе говоритъ о современныхъ условіяхъ, имѣющихъ вліяніе на формы промышленности на западѣ и у насъ, и отсюда дѣлаетъ свои выводы относительно возможныхъ и желательныхъ усѣховъ различныхъ формъ производства и особенно домашней промышленности въ Россіи.

За основаніе дѣленія промышленности на классы относительно формы г. Корсакъ беретъ въпервыя экономическую самостоятельность труда и вѣтвей его специальности. Съ этой точки зрѣнія онъ дѣлитъ промышленность на нѣсколько родовъ и видовъ, которые можно свести къ двумъ отдѣламъ: большое производство и малое производство. Къ большому производству относятся фабрики и мануфактуры, къ малому ремесла и домашняя промышленность. Авторъ допускаетъ еще третій отдѣлъ — домашнюю систему производства. Но она очевидно одною стороною, капиталомъ, относится къ большому производству; другою, трудомъ, къ малому. Специальность труда, какъ извѣстно, имѣетъ результатомъ возможно большую массу и лучшее качество произведеній. Результатъ экономической независимости труда или работника, есть его экономическая обезпеченность, лучшее вознагражденіе за трудъ и безъ всякаго сомнѣнія гораздо болѣе удовлетворительное нравственное состояніе. Всего болѣе специальности въ трудѣ фабричномъ, который нерѣдко состоитъ въ томъ, что работникъ постоянно повторяетъ одно или нѣсколько самыхъ простыхъ движеній. Этотъ трудъ всегда бываетъ соединенъ съ большою помощію машинъ, и допускаетъ самое крайнее раздѣленіе, даетъ всего больше продуктовъ. Относительно массы произведеній ни одна форма промышленности съ нимъ соперничать не можетъ. Это, вещи дѣло дѣйствительна, и г. Корсакъ напрасно много распространялся о нихъ. Гораздо менѣе специаленъ трудъ въ ремеслѣ, гдѣ работникъ болѣею частію одинъ приготовляетъ цѣлую вещь, переходя отъ одной операціи къ другой, до тѣхъ поръ пока вещь совсѣмъ не будетъ готова. Такъ же мало специаленъ трудъ въ домашней промышленности, гдѣ сельскій житель употребляетъ свое свободное отъ сельско-хозяйственныхъ занятій время на приготовленіе, какъ и набуль мануфактурныхъ произведеній. Здѣсь также болѣею частію.

цѣлая вещь готовится однимъ рабочимъ отъ начала до конца. Даже въ домашней промышленности трудъ можно считать еще не въ спеціаленъ немехъ въ ремеслѣ, потому что въ домашней промышленности работникъ иногда не только самъ обрабатываетъ извѣстную вещь, товаръ, но самъ же и приготовляетъ или обрабатываетъ и сырой материалъ: шерсть, ленъ, даже жемчугъ, которое въ фабричныхъ извѣсткахъ сами же сельскіе работники добываютъ изъ большой руды, и потомъ сами же обращаютъ въ извѣстія. Такимъ образомъ въ домашней промышленности трудъ спеціаленъ не только на фабрикахъ; впрочемъ надобно прибавить, что нигдѣ въ ремеслѣ и въ домашней промышленности трудъ допускаетъ широкое раздѣленіе, если работникъ въ своемъ семействѣ имѣетъ помощниковъ: такъ болѣе легкія и требующія менѣе искусства работы предоставляются женщинамъ и дѣтямъ. Однимъ изъ чудеснѣйшихъ чрезвычайныхъ удивленій тому, что напризмѣръ въ приготовленіи перочинныхъ вещей такими крестьянами онъ нашолъ такое раздѣленіе, которое было бы подѣлать какой-нибудь фабрикѣ или мануфактурѣ. Маленькія дѣти приготавливали въ тубомъ видѣ черенки другія изъ отдѣльвали, третьи въ грубомъ видѣ приготавливали лезвія и металлическія части для ручекъ; наконецъ работники — одни отдѣльвали лезвія, другіе составляли изъ приготовленныхъ частей цѣлое. Слѣдовательно домашняя промышленность, какъ и ремесло, допускаетъ значительное раздѣленіе труда, хотя конечно не такъ, какъ возможно на фабрикахъ при содѣйствіи машинъ.

Относительно степени самостоятельности работниковъ базисное первое мѣсто принадлежитъ домашней промышленности. Вообще мануфактурный работникъ имѣетъ менше самостоятельности, нежели земледѣлецъ, особенно при томъ состояніи сельскаго хозяйства, въ какомъ оно существуетъ у насъ. Нашъ крестьянинъ-земледѣлецъ имѣетъ очень немного потребностей, для удовлетворенія которыхъ онъ нуждается бы въ деньгахъ, т. е. въ трудѣ другихъ; болѣею частью все нужное для него онъ имѣетъ у себя дома и самъ умѣетъ приготовить. Ремесленникъ же долженъ все нужное потому быть его самого, его благосостояніе весьма много зависитъ отъ спроса на его работу: если работы нѣтъ, то ремесленникъ равно какъ и фабричный работникъ, остается безъ средствъ къ жизни. А работы очень часто можетъ не быть и действительно не бываетъ, благодаря извѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ послѣднее время восторбургскіе ремесленники вообще жалуются на уменьшеніе заказовъ, которые по временамъ даже совсѣмъ прекращаются. Такимъ образомъ уже по самой сущности дѣла, и ремесленникъ и фабричный ра-

ботникъ всѣмъ много зависявъ отъ другихъ людей и въ средствахъ къ жизни; имъ не снричь занятія. Фабричный работникъ имѣеть еще другую зависимость — отъ ремесленника. Иногда фабрикантъ уменьшаетъ плату работнику; или потому, что не можетъ больше платити, считывая будущій спросъ и цѣну товаровъ, или потому, желаетъ пользоваться большими выгодами отъ предпріятія, беречь большій процентъ на затраченный капиталъ и отсчитываетъ себѣ большее вознагражденіе какъ автору цѣлаго предпріятія. Въ такомъ случаѣ фабричный работникъ находится въ зависимости не только отъ обстоятельствъ, а отъ личного произвола другого человека, который, ставъ выше всего своимъ выгоду и зная безпомощное состояніе работниковъ, не отъяется ничѣмъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ и строить свое благосостояніе, увеличиваетъ свои капиталы тѣмъ, что уменьшаетъ кусокъ насущнаго хлѣба, который приобрѣтаютъ въ его заведеніи бѣдные рабочіе. Въ этомъ случаѣ фабричный работникъ дѣйствительно беззащитенъ, потому что общественное воззрѣніе во всѣхъ фабричныхъ государствахъ та, что труда предлагаемаго больше, нежели требуется, и фабрикантъ всегда имѣеть возможность съ выгодою для себя замѣнить оставившихъ его работниковъ, тогда какъ работникъ, оставившій фабрику, осуждаетъ себя почти на вѣрную нищету.

Въ ремеслѣ нѣтъ этой послѣдняго вида зависимости: тамъ работникъ зависитъ только отъ спроса, т. е. отъ обстоятельствъ, да разумѣется отъ своего искусства и прилежанія. Въ домашней промышленности также имѣеть мѣсто эта зависимость отъ спроса, но въ ней она гораздо менѣе чувствительна для работника, потому что главная существовавшая порта домашней промышленности состоитъ въ томъ, что въ ней работникъ имѣеть только дополнителныя средства къ жизни; главная его промышленность, основаніе его благосостоянія есть земледѣіе. Если крестьянинъ-земледѣлецъ, занимающійся у себя дома какии-нибудь производствомъ, благодаря недостатку спроса или благодаря предвильнью только этого недостатка, не получаетъ отъ своей промышленности тѣхъ дополнителныхъ средствъ къ жизни, на которыя онъ всегда расчитывалъ и которыя всегда имѣлъ прежде, — его положеніе дурно, ему грозитъ недостатокъ, онъ не можетъ удовлетворить въ некоторымъ изъ своихъ потребностей, но ему не грозитъ нищета, кусокъ хлѣба у него остается, и онъ не лишонъ пристанища, подобно фабричному работнику, потерявшему работу. Это есть главное преимущество домашней промышленности передъ фабричною. Нужно сказать, что преимущество это весьма важно, потому что недостатокъ въ работѣ

не есть что-нибудь необыкновенное: онъ вынужденъ мѣсто не только во время такихъ всеобщихъ кризисовъ, какъ кризисъ 1857 г.; онъ случается довольно часто; даже во всякое время есть много работниковъ безъ работы, и повременамъ бываютъ маленькіе кризисы, благодаря нерасчетливости предпринимателей или благодаря спекуляціи. Крестьянинъ, занимающійся у себя дома какими-нибудь производствомъ, легко переноситъ подобныя кризисы; фабричный работникъ, благодаря имъ лишается куса хлѣба и подвергается имъ гораздо чаще; потому что скопленіе продуктовъ, отъ котораго происходитъ значительное пониженіе цѣны, и невозможность для всѣхъ фабрикатовъ продолжать производство, но крайней мѣрѣ въ прежнихъ размѣрахъ, всего чаще происходитъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыми успѣло овладѣть большое, промышленно фабричное производство.

Кромѣ этого преимущества домашняя промышленность, частію вмѣстѣ съ ремесломъ, имѣетъ много другихъ, весьма значительныхъ сравнительно съ фабриками. Домашняя промышленность не отрываетъ человека отъ семейнаго быта; объ этомъ преимуществѣ распространяться много нечего, его хорошо пойметъ всякій, кто не чувствуетъ тому образу жизни, который есть удѣлъ большаго дворянства европейской промышленности и который состоитъ почти въ отриваніи семейной жизни или въ искаженіи ея. Отъ фабричнаго и вообще отъ большого производства больше нечего и ждать; хорошаго въ этомъ отношеніи быть не можетъ тамъ, гдѣ дѣти обоего пола идутъ на работы безо всякаго надзора, гдѣ женщины и дѣвочки, какъ оказалось изъ официальныхъ исследованийъ въ Англіи, участвуютъ въ работахъ вмѣстѣ съ мужчинами, и притомъ въ такихъ, которыя весьма мало приличны ихъ полу, и должны убавлять въ нихъ всякое чувство стыдливости. Вообще нельзя не признать деморализующаго вліянія фабрикъ, которое совершенно не имѣетъ мѣста въ домашней промышленности. Домашняя промышленность немыслима безъ семейнаго очага, тогда какъ фабричные работники и работницы въ большихъ городахъ осуждены ешею натурою ихъ занятій на удаленіе или на совершенное отчужденіе отъ него. Невыгоды этого рода такъ велики, что правительства Англіи и Франціи еще въ сороковыхъ годахъ сочли нужнымъ вѣстаться въ это дѣло и регламентировали его. Конечно партизаны *laissez faire, laissez passer* осудятъ это, но не осудятъ тѣ, которымъ случилось видѣть на примѣръ эту дѣйствительно безирраственную продажу малолѣтнихъ дѣтей родителями на фабрики, гдѣ они росли какими-то полулюдьми, уродами въ нравственномъ и даже

въ физическомъ отношеніи. Какъ различна съ работою дѣтей, въ семействахъ, гдѣ самымъ малымъ дѣтямъ 7—8 лѣтъ помогаютъ своимъ родителямъ, въ ихъ же присутствіи дѣлаю для ихъ работы какія-нибудь легкія, доступныя для ихъ возраста приготавленія.

Кромѣ того самое разнообразіе дѣятельности жизни земледѣльца, занимающагося мануфактурнымъ производствомъ, имѣетъ на него полезное вліяніе: оно развиваетъ его, расширяетъ его взглядъ на все; это преимущество замѣтили не поэты-идиллики, а экономисты. Въ самомъ дѣлѣ, сравните занятія подобнаго земледѣльца съ работою фабричнаго работника, цѣлый день, цѣлую недѣлю, цѣлую жизнь повторяющаго нѣсколько простыхъ движеній. Тутъ и хорошая натура оупѣтеть, превратится въ автомата, потому что тутъ нѣтъ мѣста для мысли и соображенія. У насъ подобное сравненіе земледѣльца съ работникомъ фабричнымъ, слѣдовательно большею частью городскимъ, можетъ-быть окажется иногда въ пользу работника городского; но это имѣетъ причину въ томъ, что у насъ земледѣлецъ гдѣ-нибудь въ глуши еще почти не подвинулся ни на шагъ изъ того умственнаго и нравственнаго состоянія, въ какомъ онъ былъ до Петра, тогда какъ городской житель такъ или иначе уже подвергнулся вліянію новой цивилизаціи. Притомъ у насъ почти нѣтъ еще такихъ фабричныхъ работниковъ, какіе есть напримѣръ въ Англіи. А что есть преимущество въ занятіяхъ земледѣльческихъ, особенно соединенныхъ съ мануфактурнымъ производствомъ, передъ занятіями фабричными, за это частью ручается то, что оно замѣчено еще Адамомъ Смитомъ. Нибуръ тоже высказываетъ подобное мнѣніе, даже еще даетъ ему болѣе значенія.⁽¹⁾

Разумѣется все-таки главное преимущество домашней промышленности сравнительно съ фабричною заключается въ большей обезпеченности экономической, противъ которой возражать нельзя, и въ томъ, что оно, давая естественное направленіе всей жизни человѣка, тѣмъ самымъ поддерживаетъ на высшей степени весь вообще нравственный уровень человѣка. Прибавимъ, что эта обезпеченность и высшій нравственный уровень, имѣя значеніе и чисто-экономическое, имѣютъ гораздо большее значеніе политическое и общественное.

Конечно эти причины опредѣляли взглядъ г. Корсака на домашнюю промышленность, по которому онъ непохожъ на тѣхъ изъ нашихъ экономистовъ, которые, не имѣя обыкновенія дѣлать

⁽¹⁾ См. изслѣдованіе г. Леонтьева о судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ Римѣ. Р. В. 1861, № 1.

всестороннему критику и критикѣ экономическимъ образомъ, желая бы, чтобъ наши промышленныя быдла вошли въ промышленность тѣхъ же западно-европейскихъ государствъ, которыя дѣла больше нравятся, потому что больше знакомы.

«Принимая выводы науки слишкомъ безусловно и узко, — говорить г. Корсакъ о подобныхъ экономистахъ нашей литературы, — многие не признаютъ законности данного экономического явления, какъ скоро оно не подходитъ подъ какой-нибудь параграфъ учебника. Они знаютъ напимѣръ, что для успешнаго производства необходимо раздѣленіе труда; и вотъ, помня этотъ выводъ науки, дѣлаютъ заключеніе, что мануфактурная промышленность для земледѣльца не годится, что ни она, ни сельское хозяйство не могутъ хорошо идти при такомъ сочетаніи двухъ различныхъ родовъ дѣятельности, что земледѣлецъ-ремесленникъ будетъ дурнымъ земледѣльцемъ и дурнымъ ремесленникомъ. Припоминая, что говорить наука о значеніи капитала въ промышленности, они дѣлаютъ прямое заключеніе, что домашній способъ производства не можетъ устоять въ борьбѣ съ фабриками и не заслуживаетъ никакого поощренія, что онъ неспособенъ къ развитію и осужденъ заранѣе исчезнуть безъ всякихъ слѣдовъ. Далѣе, рассуждая совершенно справедливо, что дешевизна и удобство полученія сырого матеріала имѣютъ большое значеніе для промышленности, и не находя этого условія въ какой-либо отрасли домашняго производства, они тотчасъ же произносятъ надъ нимъ строгій судъ и осуждаютъ на изгнаніе, послѣ чего соображаютъ, куда бы переселить его изъ неподобающаго ему мѣста и какимъ бы промысломъ зашѣстить свободную вакансію. Другія условія промышленной дѣятельности жителей мало обращаютъ на себя ихъ вниманіе: есть сырой матеріалъ на мѣстѣ — есть и мѣсто для промысла; нѣтъ его — нѣтъ и ему мѣста. Подобная логика ведетъ иногда къ весьма страннымъ заключеніямъ, которыя становятся очень опасны, если дѣлаются основаніемъ и указателями для административной дѣятельности».

Г. Корсакъ приводитъ и свое мнѣніе, очень вѣрное, о причинахъ подобныхъ заключеній.

«Трудно — говоритъ онъ — освободиться отъ такого рода ошибокъ, но должно сознаться, что эта трудность происходитъ главнымъ образомъ отъ слишкомъ большой наспѣшности выводовъ, отъ узости взглядовъ, и отъ заранѣе составленныхъ идей. Избѣжать крупныхъ ошибокъ возможно однимъ путемъ: должно не усаждать созерцаніемъ даннаго явления, не лишая его всякой основы, а ана-

двухразъ-оно нуконъ сравнительнаго историческаго, но выдум
своа нтъ енду сво дѣйствительной почвы:

Въ этой послѣдней главѣ г. Корсаковъ изложилъ свое сис-
тему, которой онъ слѣдовалъ при рѣшеніи своей задачи. Онъ об-
стоятельно изложилъ изслѣдованіемъ тѣхъ выгоды, которымъ предте-
маетъ домашн. форма промышленности собственно въ экономиче-
скомъ отношеніи. Фабричное производство, какъ уже сказано,
имѣетъ преимущество предъ всѣми другими формами; относительно
большой, сравнительно, массы произведеній, достигающихъ на нѣтъ-
стнее количество труда; но фабричное производство требуетъ боль-
шихъ капиталовъ для устройства фабрикъ и машинъ, для оборот-
наго капитала, который требуется тѣмъ въ большемъ количествѣ;
что фабрикантъ не всегда рассчитываетъ на скорый сбытъ; и при-
томъ роль фабрикъ ограничивается тѣмъ, что онѣ производятъ
только одновобразныя издѣлія, гдѣ механическое движеніе можетъ
легко замѣнить рука работника. Для издѣлій разнообразныхъ, сло-
жныхъ, часто измѣняющихся сообразно перемѣнѣ вкуса, моды, фа-
брики не могутъ замѣнить личный трудъ человека.

Домашняя промышленность имѣетъ одно экономическое предиму-
щество, которое позволяетъ ему соперничать съ фабриками:
это дешевизна производства. Фабрики производятъ много; но не
смотрѣ на большую массу, произведенія ихъ все-таки не могутъ
быти дешевы, потому что въ цѣну ихъ входятъ вычисленныя выше
элементы, оборотный капиталъ, процентъ и возращеніе основнаго
капитала, ремонтъ и содержаніе фабрики; кромѣ того сюда входятъ
еще непосредственный элементъ—выгода предпринимателя. Все это
дѣлаетъ произведенія фабрикъ дорогими въ нѣтъ-стней степени. Въ
домашней системѣ цѣна продукта составляется только изъ оборот-
наго капитала, т. е. цѣны сырого матерьяла и издержекъ производ-
ства, да платы за трудъ рабочему. Здѣсь нѣтъ процентовъ съ осно-
внаго капитала, потому что капиталъ этотъ ничтоженъ: это нѣтъ-
сколько орудій, стоящихъ весьма незначительной суммой. Здѣсь нѣтъ
платы предпринимателю, потому что предприниматель—это самъ раб-
отникъ, который доволенъ очень умеренной платой за свой трудъ
въ качествѣ работника. Но главное условіе дешевизны произведе-
ній домашней промышленности то, что они не составляютъ главна-
го занятія работника, а только второстепенное, добавочное. Буде
домашнее производство главнымъ занятіемъ, продукты его также
могли бы были дороги. Но работникъ-земледѣлецъ не отъ своей
ремесленной промышленности имѣетъ свое содержаніе; она даетъ
ему только небольшой доходъ для дополненія того, который онъ

нѣтъ отъ земледѣлія: При томъ отъ земледѣлія: своею промышленностью въ свободное отъ сельскохозяйственныхъ занятій время; второе у него безъ проб. принадлежало бы даромъ: Эти домашніе производства даютъ возможность домашней промышленности соперничать даже съ фабриками. Но при этомъ трудно сдѣлать ошибку: все-таки домашняя промышленность не можетъ соперничать съ фабриками въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, которыя по природѣ материала и издѣлія весьма удобны для дѣйствія машинъ, которыя даютъ такое количество продуктовъ, съ которыми никакія формы промышленности соперничать не могутъ. Но сюда относится только одно производство, именно пряленіе хлопчатой бумаги съ машинными предмѣями: ея не можетъ соперничать ни въ какомъ случаѣ ручное пряденіе. Во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности рядомъ съ машинами существуетъ трудъ человека и болѣе или мѣе удачно выдерживаетъ конкуренцію фабрикъ, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ машины доведены до удивительнаго совершенства; такъ пряденіе льна, шерсти вездѣ производится какъ на фабрикахъ машинами, такъ и въ домашней системѣ руками ребятишекъ и работницъ. Во многихъ отрасляхъ производится домашній трудъ, имѣетъ преимущество передъ фабричнымъ. Все это съ возможною подробностью изложено г. Корсакомъ въ нѣсколькихъ главахъ его сочиненія. Особенно подробно разсуждаетъ г. Корсакъ состояніе домашней промышленности въ Россіи. И изъ частнаго анализа, условія и состоянія разныхъ видовъ промышленности авторъ дѣлаетъ общій выводъ, съ которымъ нельзя не согласиться. Въ настоящемъ состояніи наша домашняя промышленность имѣетъ, по словамъ г. Корсака, много темныхъ сторонъ.

... Ея неподвижность и рутинность, — говоритъ онъ, — по большей части дурное качество ея: издѣлія выкупаются только отчасти дешевой, которая не всегда соединяется съ выгодами производителей. Экономическія условія домашняго производства не всегда выгодны; такъ, немногія отрасли его обрабатываютъ домашніе материалы. Раздѣлая общій характеръ мелкаго производства, оно приобретаетъ ихъ покупкою, по мелочамъ у различныхъ торговцевъ, съ прибавкой высокихъ процентовъ. «Въ сбытѣ издѣлій множество мелкихъ посредниковъ. Въ ремесленныхъ отрасляхъ промышленности у насъ еще болѣе чѣмъ за границею затруднены полусрочные ственцыя, болѣе или мѣне близкія, сношенія съ рынкомъ или съ оптовой торговлей; на каждомъ шагѣ дѣлятся барышники; тутъ лаки и т. п. Все это даетъ ненормальное направление конкуренціи производителей, которая усиливается только между производителями»

на въ отношеніи къ перемувашкамъ и торговцамъ, но не къ потребителямъ. Располагая широкимъ объемомъ, монополисты заботятся только о томъ, чтобъ имъ самимъ достались издѣлія дешево; для этого они обращаются къ дешовельнѣ, но шлокимъ работникамъ, а потребителямъ продаютъ эти члехія, но дешовельн издѣлія: все-таки не такъ дешево, какъ могли бы они продаваться при болѣе правыхъ сношеніяхъ съ рынкомъ самихъ производителей. Поэтому же домашнія произведенія у насъ не только не улучшаются, но длаются хуже прожиточн.

Надобно признаться, что эта общая картина нашей домашней промышленности выходитъ совсѣмъ неутѣшительна. Но если поверѣться даже только въ этотъ общій обзоръ, легко убѣдиться, что всѣ причины, имѣющія вредное вліяніе на нее, принадлежатъ не къ причинамъ случайнымъ, а къ такимъ, которыя естественнымъ образомъ не перестанутъ существовать съ постепеннымъ распространеніемъ образованія въ нашемъ сельскомъ населеніи. Конечно не осуждены же мы на вѣчный застои, и было бы странно предположить, что наши наименѣе образованные классы такъ и останутся въ томъ состояніи, въ какомъ они находились до Петра. Такимъ образомъ неподвижность и рутинна рино или пздано должны уступить мѣсто усовершенствованіямъ; разумѣется надобно, чтобъ для этого были приняты какія-нибудь мѣры даже сверху. Правительства западной Европы устрояютъ техническія школы, устраиваютъ выставки; это длается частью и у насъ, но не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, и жители отдаленныхъ губерній почти не имѣютъ возможности пользоваться выгодами подобныхъ учрежденій. Можно желать и надѣяться, что освобожденный земледѣлецъ легко прикинеть къ общему движенію цивилизаціи, и что общее движеніе пойдетъ быстрѣе, нежели оно шло до сихъ поръ. Можно надѣяться, что уничтожатся нѣкоторыя другія препятствія для успѣховъ промышленности нашей вообще, тѣ препятствія, о которыхъ нѣсколько лѣтъ назадъ г. Бабстъ первый поднялъ голосъ, вредное дѣйствіе которыхъ и г. Корсакъ отмѣчаетъ въ своемъ трудѣ. Теперь ужъ время другое; а можетъ-быть иречемъ всѣ эти надежды и не исполнятся. Тогда длаать нечего; и домашняя промышленность войдетъ рядомъ съ другими сторонами жизни, пойдетъ по прямой, взбитой колѣѣ.

Но конечно движеніе впередъ, по крайней мѣрѣ желаніе его, всегда предпологается, когда идетъ рѣчь объ успѣхахъ въ какой бы то ни было сторонѣ общественной жизни; и съ этимъ предположеніемъ можно надѣяться, что рутинна и неподвижность и другія без-

интересом преемствамочеслуги изъ сферы домашней промышленности. Точно такъ же съ общими успехами общественной жизни, съ улучшеніемъ путей сообщенія, крестьянство должно будетъ достигать рынковъ, гдѣ имъ доставать изъ первыя руки сырой материалъ и продавать свои изделия прямо потребителю безъ торговца, такъ и теперь отнимасть отъ него почти всю пользу его занятій. Вотъ какъ г. Корсакъ называетъ барахлинкомъ в деревномъ. Въ селеніяхъ крестьянъ-производителей дѣйствительно многое зависитъ отъ опытности ихъ самихъ, отъ близости, или наоборотъ отъ удаленія. Г. Корсакъ приводитъ случай, какъ крестьяне, приготавлившіе нажестъ въ вологодской губерніи рогожи, бланш отоматически грабли, копанію куцовъ, игорале, сгаторишиа между собою, понизили цѣну рогожи до 14 рублей за тысячу, тогда какъ сами продавали ихъ до 38 рублей торговому дому. Брандтъ въ Архангельскѣ. Это стало извѣстно самому г. Брандту, и онъ отуныль въ промыслѣ отношенія отъ производителямъ, отчего имѣть выгоды и онъ самъ, и еще больша производителя-престяже. Часто, именно благодаря невѣдѣнію, неопытности производителей и потребителей, тѣмъ другіе терпятъ невыгоды отъ слишкомъ дорогихъ посредниковъ. Наме собонъ разумѣется, что эти неопытності, неважные производителямъ мало-помалу должны уменьшатся, уступитъ мѣсто опытности и знанію рынковъ и потребителей. Въ западной Европѣ крестьянство и городской ремесленникъ въ часы отдыха читать свою грешовую газету; нашъ крестьянинъ и ремесленникъ имѣетъ надебнаго занятія, еще недоступнаго ему, всамій правдѣ считаетъ долгиъ напиться; а какъ оказывается изъ вѣдомствъ, недавно вылазшихъ наружу фактовъ, благоумѣренный человекъ не имѣетъ возможности дѣйствовать противъ этого общаго недостатка нашего рабочаго класса. Конечно, если это и другое неидеть тѣмъ же дорогимъ, большахъ успѣховъ ни въ чемъ ждать нельзя.

Но не крайней мѣрѣ наша домашняя промышленность не имѣетъ себѣ никакихъ внутреннихъ, присутщихъ ей причинъ, которыя грозилъ бы ей паденіемъ. Если она существуетъ теперь и разливаетъ доволство тамъ, гдѣ она распространена, — можно надѣяться, что состояние ея будетъ еще лучше, если всѣ выгоды, которыя она доставляетъ, будутъ обращаться въ пользу производителей, а не чужаковъ, посредниковъ между ними и потребителями. Удѣлителю было бы, если бы рутинна и неподвижность уступилъ мѣсто усовершенствованіямъ, тогда посредники доводить плату рабочимъ до истиннаго минимума, дальне, котораго невозможно производство. Усовершенствованія требуютъ вспомоства съ новыми способами

производство, помыкъ орудіи; но это нужды средствъ; а въ настоящемъ положеніи дѣла средства остаются въ рукахъ посредниковъ-купцовъ. Да почета-быть и потому не дѣлается усовершенствованій, что производители не рассчитываютъ на возвышеніе платы за колѣса, дотѣ бы они и улучшались. Что за охота производителю дѣлать вещь лучше, когда онъ знаетъ, что не получитъ за нее больше. Торговцы заботятся только о томъ, чтобъ дешево купить, рассчитывая обмануть покупателя одинъ разъ, а потомъ сказать, чтобъ въ другой разъ «Богъ олушка дослалъ». Известно, что торговля подобнымъ негоднотоваръ только на такихъ расчетахъ и совершается. Эти барышники — истинный бичъ домашней промышленности; безъ нихъ мало того что производство постоянно ухудшалось бы, оно значительно расширилось бы, потому что издѣлія стали бы и лучше и дешевле, и естественно имѣли бы большій сбытъ. Напримѣръ теперь въ Петербургѣ кирскіе сапоги продаются около трехъ рублей за пару, и конечно довольно плохіе. Безъ сомнѣнія такіе сапоги у мастера стоятъ не больше двухъ рублей. Дайте сапожному мастеру три рубля, и вы получите сапоги, за которые въ Петербургѣ нужно заплатить 7 рублей. Товаръ будетъ лучше. И тогда всякій будетъ его покупать, и сбытъ будетъ огромный, потому что уже и теперь онъ довольно значителенъ.

Взглянь г. Корсака на состояніе нашей домашней промышленности, состоянія дѣйствительное и возможное, отличается върностью, какую даетъ ему знакомство съ этимъ дѣломъ и пониманіе значенія домашней промышленности преимущественно у насъ въ Россіи. Не скрывая дурныхъ сторонъ ея, онъ и не приписываетъ имъ большого значенія. Будучи слѣдствіемъ причинъ случайныхъ или такихъ, которыя должны потерять свое дѣйствіе съ успѣхами цивилизаціи, онѣ сами исчезнутъ наконецъ, и тогда домашняя промышленность должна явиться въ лучшемъ видѣ, съ результатами болѣе полезными и для потребителей, и особенно для производителей, и слѣдовательно для народнаго богатства вообще.

«Новѣйшее время. — говоритъ авторъ въ заключеніи своей диссертациі — показало, что даже на западѣ, въ центрѣ фабричнаго производства, гдѣ фабрики поглотили уже родственную имъ мелкую промышленность, гдѣ мелкіе производители не имѣютъ того выгоднаго положенія, въ какомъ могутъ быть наши крестьяне, есть однако возможность даже простымъ рабочимъ пользоваться асьмимъ выгодами фабричнаго производства, на врывахъ самостоятельныхъ хозяйствъ. Возможность эта заключается въ кредитѣ и ассоціаціи мелкихъ ремесленниковъ, въ общественныхъ мастерскихъ и общественныхъ машинахъ.

Вотъ гдѣ рѣшеніе задачи: кредитъ и ассоціація; общественныя мастерскія и общественныя машины. Что касается до общественныя мастерскихъ и машинъ, потребность ихъ для русской домашней промышленности весьма considerable. Русскій народъ съ экономической стороны жизни всегда показывалъ и до сихъ поръ показываетъ много общественнаго духа; но это, если относится къ общественнымъ работамъ, то только при отходныхъ временахъ и притомъ въ таинствѣ, гдѣ является только просто соединенный трудъ, безо всякихъ общихъ построекъ, покупокъ орудій и т. п. Наши крестьяне, при самомъ посредственномъ состояніи, вытѣютъ каждый свою ригу, овинъ, гумно, всѣ орудія; отправляясь въ дорогу, они любятъ собраться массою, но этихъ и контактъ общественный характеръ дѣла. Г. Корсакъ приводитъ примѣръ, что шубники какой-то мѣстности на общій счетъ отправляютъ свои товары въ Москву, и тамъ нанимаютъ лавку: прекрасный примѣръ для подражанія ишимъ сельскимъ промышленникамъ; но тутъ опять ассоціація и сбытъ; а не въ производствѣ. Если, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ, случается, что наши сельскіе производители пользуются одною мастерскою, нѣсколько семействъ, въ такомъ случаѣ они пользуются ею попеременно одинъ послѣ другихъ. Можетъ-быть благодаря этому духу индивидуальности, независимости въ работѣ, имѣетъ столь значительное развитіе вся наша домашняя промышленность. Русскій работникъ, какъ замѣчаетъ самъ г. Корсакъ, не любитъ регулярности, и благодаря частью этому, у насъ происходитъ явленіе противное всѣмъ государствамъ запада, — именно, что иногда фабричныя работники ищутъ работы у фабрикантовъ, а фабриканты ищутъ людей для работы. Да это и вообще противно натурѣ человеческой: человекъ не можетъ вполне слѣжаться машиною; сѣсенный въ томъ и другомъ, онъ хоть въ подробностяхъ работы любить быть самъ себѣ господиномъ; это прекрасно развито Врудопомъ въ критикѣ ученія Луи-Блана. И безъ сомнѣнія, благодаря этой склонности къ индивидуальности въ подробностяхъ жизни и работы, не удалась всѣ попытки организаціи общественнаго труда. Точно такъ же мало примѣнимо у насъ заведеніе общественныя машинъ. Въ Англіи онѣ существуютъ въ городахъ; и те все-таки въ видѣ частной, недѣльной собственности, только устроятся и поживаются такъ, что могутъ служить многимъ рабочимъ. У насъ и машины дороже и капиталы дороже, стало-быть подобная машина потребуетъ значительной наемной платы; и потому ей трудно найти довольно практики даже въ городахъ, не только въ селахъ. Если осуществится что-нибудь подобное, то это будетъ стоить дорого; а не надобно забывать, что главное условіе низенности домашней

промышленности состоитъ въ дешавомъ преобладаніи, и что дѣла фабричныхъ произведеній не можетъ слишкомъ много подниматься благодаря употребленію на фабрикахъ дорогихъ машинъ.

Другое дѣло ассоціаціи и кредита. Кредитъ бывъ у насъ устроенъ въ широкихъ размѣрахъ индустриальномъ правительствѣ для развитія земледѣлія, и въ сомаѣннѣ въ большинствѣ случаевъ служитъ только переводомъ въ расточительности; теперь снова заговорили о тѣхъ же капиталныхъ учрежденіяхъ, можетъ-быть съ ррискомъ помочь не улучшенію земледѣлія, а опять той же расточительности; можно подумать и о помощи домашней промышленности, которая рядомъ съ экономической обезпеченностью земледѣльческаго класса посредствомъ поземельнаго надѣла должна служить основаніемъ будущаго благосостоянія народа и застраховать его противъ пролетаріата, тѣмъ болѣе что въ этомъ дѣлѣ и нуженъ и возможенъ кредитъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ; и главною задачей его должно быть освобожденіе производителей отъ обременительныхъ посредниковъ въ покупкѣ сырого матеріала и продажѣ произведеній. Равно и ассоціаціи не пойдутъ и даже не дойдутъ войти дальне покупка сырого матеріала и продажи издѣлія. Но, опершись на этихъ двухъ подпорахъ, наша домашняя промышленность дѣйствительно должна дать не только такіе результаты, какъ въ Швейцаріи, но даже лучше, потому что несмотря на довольно значительное дѣленіе почвы, все-таки организація русскаго земледѣльческаго класса больше благопріятствуетъ развитію домашней промышленности.

Г. Корсаковъ твердо увѣренъ въ блестящей будущности нашей домашней промышленности. Онъ думаетъ даже, что современныя фабрики уступятъ ей часть своей области, хотя это можетъ-быть и не скоро. Разумѣется, рѣчь идетъ только о такомъ производствѣ, въ которомъ большія машины не имѣютъ того могущества, какъ наприимѣръ въ пряденіи шерсти, льна и т. п. После того какъ онъ замѣлся такъ рраціонально изслѣдованіемъ состоянія домашней промышленности у насъ и въ западной Европѣ, онъ имѣетъ полную компетентность въ сужденіи объ этомъ предметѣ.

«Мы» видѣли, говоритъ онъ, что и въ немъ (домашнемъ производствѣ) возможно раздѣленіе труда, даже самое сложное; на приимѣръ Англіи мы замѣтили, что и для него доступны машины⁽¹⁾, а на многихъ дримѣрахъ Европы и Россіи — что и оно можетъ ука-

(1) Машины употребляются и у насъ въ домашнемъ производствѣ, наприимѣръ въ металлическомъ и друг.

затѣ на прекрасныхъ описаніяхъ производства, что производствомъ болѣе или фабричный трудъ обозначиваетъ благосостояніе рабочихъ, это скоро не встрѣчается на одномъ поприщѣ съ фактами, или даже и въ этомъ случаѣ, когда умѣетъ устроить себѣ въ некоторыхъ видахъ фабричнаго производства, оно удачно конкурируетъ съ фабрикой; что при малѣйшемъ признакѣ ассоціаціи и власти отъ кооператива перекупщиковъ и кулаковъ, при малѣйшей также помощи кредита (не перекупщиковъ) оно даетъ рабочему вполнѣ самостоятельное положеніе.

Вотъ выводъ, до котораго дошелъ г. Корсаки въ своемъ изслѣдованіи о домашней промышленности Россіи. Съ ними нельзя не согласиться; даже болѣе, — съ ними очень крѣпко согласитесь; это именно необыкновенная новость въ нашей экономической литературѣ.

Позволимъ себѣ прибавить къ этому нѣсколько замѣчавій относительно подробности разсмотрѣнія авторомъ различныхъ отраслей промышленности. Источники, которыми пользуется авторъ для полученія свѣдѣній о состояніи домашней промышленности не только западной Европы, но в Россіи, были повидимому недостаточны и неудовлетворительны.

Кажется, г. Корсаки допустилъ въ своемъ изслѣдованіи нѣкоторые невѣрные данныя относительно состоянія нѣкоторыхъ отраслей домашняго производства. Такъ онъ относитъ тканье бумажныхъ матерій къ домашней системѣ изъ числа самыхъ невыгодныхъ занятій для земледѣльцевъ; и это основывается на статьяхъ журналовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, владимирскихъ губернскихъ вѣдомостей и даже на матеріалахъ для статистики Россіи, собираемыхъ по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ. Нѣкому приходило видѣть самому состояніе домашнихъ тканей бумажныхъ матерій на мѣстѣ, тотъ удивится, прочитавши нѣкоторые изъ этихъ статей г. Корсаки. Или можетъ быть состояніе этой промышленности слишкомъ различно для различныхъ мѣстъ, — тому съ трудомъ можно вѣрить. Такъ въ московской губерніи около Богородска, около самой Москвы и Коломны, эта отрасль домашней промышленности находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Крестьяне, даже занимаясь земледѣліемъ, живутъ достаточно именно отъ тканья бумажныхъ матерій. Г. Корсаки приводитъ цаломъ изъ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ около сорокаго года крестьянинъ не могъ на этомъ промыслѣ заработать больше 1р. 70 копѣекъ въ мѣсяцъ, и потому изъ мат. для стат. Россіи, что въ послѣднее время крестьяне ярославской губерніи, занимающіеся

этой промышленности, не могут приобрести эти фабрики больше 24 р. с. Вѣрны ли эти цифры? Крестьяне воеводской губернии, при неупомянутой ответственности, не изъебтвеннымъ разсказомъ, легко заработываютъ 10, 15 и даже до 20 рублей въ мѣсяцъ. Разница слишкомъ велика и не можетъ быть объяснена только разностью заработной платы вообще въ томъ и другомъ мѣстѣ. А, что эти разсказы не выдумка, это видно на дѣлѣ: крестьяне въ этихъ мѣстѣхъ привучены дѣйствительно чрезвычайно достаточно; это легко видѣть даже съ перваго взгляда; тамъ оказывается и послѣ наведенія болѣе основательныхъ справокъ, такъ что цифры, представляемыя г. Корсакомъ, кажутся болѣе нежели подозрительными. И въ самомъ дѣлѣ официальнымъ статистикамъ въ дѣлѣ шыраръ, молочною доверенности давать нельзя: здѣсь возможна и почти всегда дѣйствительно утайка, особенно уменьшеніе шыраръ заработкомъ и вообще доходомъ, изъ опасенія, что изъ большой суммы придется много заплатить куда-нибудь. Конечно если цифры, найденныя г. Корсакомъ, не верны, то наблюдателямъ образомъ убѣдиться въ этомъ трудно: тутъ нужно собственное наблюденіе (даже на мѣстѣ и приговоръ не въ качествѣ оффиціального лица). Но разумѣется тутъ является совсѣмъ другой вопросъ о средствахъ, которые для этого нужны и которыми не всякій можетъ располагать. А была бы только, если бы признано было подобное исследование нашей домашней промышленности.

Если дѣйствительно цифры, добытыя г. Корсакомъ, не верны, это несколько не ослабляетъ его выводовъ, напротивъ даже усиливаетъ. Въ такомъ случаѣ даже современная статистика не будетъ данъ печальна, и это составятъ новый аргументъ въ пользу естественности домашней промышленности на нашей помѣѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если при современныхъ жалкихъ условіяхъ, производствю прѣдставляются результаты довольно удовлетворительныя, то тѣмъ болѣе позволительно ждать отъ него при условіяхъ болѣе благопріятныхъ.

Говоря о современныхъ причинахъ, способствующихъ развитію или упадку домашняго производства, г. Корсакъ повидимому, выдаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ находитъ, что между этими причинами есть въ сколко то такихъ, которыя относятся къ переходящимъ, т. е. что онѣ скоро должны исчезать, и тогда причина развитія домашняго производства будетъ меньше; следовательно оно должно будетъ упасть. Потому онъ и говоритъ, что домашняя серна-промышленность въ настоящее время у насъ еще господствуетъ и значить г. Корсакъ ждетъ, что она перестанетъ господствовать.

Это противорѣчитъ общимъ выводамъ, дѣлающимъ намъ, особенно противорѣчитъ высказанной намъ надеждѣ, что современныя даже фабрики частью уступятъ домашней промышленности изъ того, что имъ уже завоевано. Это можетъ ввести въ ошибку читателей книги Корсака, тѣмъ болѣе что и въ другихъ мѣстахъ въ ней разсказы кос-гдѣ подобныя обломки; и читатель вмѣсто того, чтобъ принять его выводы, отброситъ ихъ и отнесетъ существованіе нескѣ домашней промышленности главнымъ образомъ къ этимъ переходящимъ причинамъ. Читатель въ этомъ ошибется, потому что эти переходящія причины, если и дѣйствительно перестанутъ существовать, все-таки не перестанетъ существовать и не уменьшится наша домашняя промышленность. Къ нимъ г. Корсакъ относитъ: малочисленность сельскаго населенія, слабое раздѣленіе труда въ производствѣ, и слабое развитіе промышленности вообще, отсутствіе благоприятныхъ условій для фабричнаго производства, рѣдкость, недостатокъ путей сообщенія и капиталовъ, низкія цѣны на земледѣльческіе продукты, безъискусственность и невыгодность земледѣлія. Разберемъ коротко эти причины, насколько онѣ благоприятствуютъ теперь домашнему производству, и почему уменьшеніе ихъ будетъ вредно для нея.

Вопервыхъ многочисленность сельскаго населенія. Оно у насъ составляетъ 90% всего населенія. Какъ велико предположить г. Корсакъ уменьшеніе его? Въ Швейцаріи оно составляетъ 87%. Если наше сельское населеніе упадетъ до этой цифры, то можно же въ немъ упадетъ домашняя промышленность, когда въ Швейцаріи она рѣшительно преобладаетъ надъ фабричною? Если же онъ думаетъ, что у насъ цифра эта еще болѣе упадетъ, то отчего не падаетъ она въ Швейцаріи, гдѣ нѣтъ такого выгоднаго для сельскаго населенія распределенія почвъ?

Слабое раздѣленіе труда въ производствѣ. Что это такое? На фабрикахъ и мануфактурахъ у насъ трудъ раздѣленъ по фабричному. Въ домашней промышленности? Но выше приведены сѣны г. Корсака, которые говорятъ противное. Гдѣ же еще слабое раздѣленіе труда? И гдѣ и почему онъ современемъ способенъ достигнуть большее раздѣленіе?

Слабое развитіе промышленности вообще. Г. Корсакъ имѣетъ развитія всѣхъ формъ промышленности. Почему же онъ думаетъ, что домашнее производство въ это время упадетъ, когда уже онъ сказалъ, что наша домашняя промышленность для будущаго находится въ особенно хорошихъ условіяхъ, а въ историческомъ обзорѣ развитія всѣхъ вообще формъ промышленности въ Россіи

сказалъ, что фабричная промышленность, не смотря на сильное подкрѣпительство, всегда шла и до сихъ поръ идетъ плохо; а домашняя промышленность, при всѣхъ ей неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, всегда удачно, даже съ нею соперничала во многихъ отрасляхъ промышленности; а нѣкоторыя до сихъ поръ остаются исключительно за домашнею промышленностью.

Отсутствіе благоприятныхъ условий для фабричнаго производства, т. е. дороговизна работы, недостатокъ капиталовъ и искусныхъ работниковъ. Но почему же думаетъ г. Корсакъ, что работа современнѣе подешевѣтъ? Развѣ онъ рассчитываетъ на пролетариатъ? Нѣтъ, онъ не допускаетъ его, благодаря нашему поземельному устройству и той же домашней промышленности. Стало-быть работа и не будетъ дешевле, и дай Богъ. И почему думаетъ г. Корсакъ, что образованіе большихъ капиталовъ убьетъ домашнюю промышленность? Напротивъ, возьмемъ опять Швейцарію: тамъ большіе капиталы не могутъ соперничать съ домашнею промышленностью и ищутъ себя (коммисіонъ) въ Швейцаріи, между прочимъ во Франціи, на что, какъ извѣстно, и жалуются очень сурово французскіе экономисты, говоря, что швейцарскіе капиталисты скушаютъ современнѣе всю почву Франціи и будутъ отдавать ее въ наймы французамъ; такъ что французы изъ хозяевъ сдѣлаются фермерами чужестранцевъ на своей же почвѣ. Думаетъ ли г. Корсакъ, что техника нашихъ работниковъ вообще поднимется? Это должно непременно быть; только отъ этого прежде всего и больше всего выиграетъ домашняя промышленность, потому что въ ней искусство работника есть единственное условіе достоинства вещи, тогда какъ на фабрикахъ это едва ли не послѣднее, по крайней мѣрѣ не главное. Или швейцарцы сдѣлаются дешевле, но тогда онѣ сдѣлаются доступнѣе для домашней промышленности, и она воспользуется нѣкоторыми изъ нихъ, т. е. воспользуются новымъ оружіемъ въ борьбѣ съ фабриками, которое имъ теперь недоступно.

Недостатокъ путей сообщенія. Но отъ улучшенія путей сообщенія домашняя промышленность выиграетъ больше нежели фабрики, потому что продукты домашней промышленности, равно какъ сырой матеріалъ, употребляемый ею, имѣютъ большею частью объемъ сравнительно большій, чѣмъ объемъ сырого матеріала и продуктовъ фабрикъ. И притомъ наша домашняя промышленность также далеко отправляетъ свои произведенія. Изъ губерній нижегородской, владимірской они идутъ даже въ Малороссію и въ Новую Россію: тутъ въ поддержкахъ транспорта можно много выиграть.

Низкія цѣны на земледѣльческіе продукты. Правда, цѣны эти должны подыматься. Но не надобно забывать, что при этомъ и обра-

ботка должна быть старательнѣе, стало-быть будетъ стоить дороже, и выгода земледѣльца останется пропорціональна выгодамъ другихъ рабочихъ; и земледѣіе не оттянетъ отъ домашней промышленности ничего, тѣмъ болѣе, что зима вѣроятно повремену останется и тогда обработка земли должна будетъ, какъ и теперь, прекращаться. А высокія цѣны на хлѣбъ не повредятъ домашней промышленности сравнительно съ фабриками, потому что земледѣлецъ-промышленникъ все-таки будетъ употреблять по крайней мѣрѣ болѣею частью *свой* хлѣбъ и другіе сельскіе продукты, что всегда обходится дешевле; потому что при покупкѣ его въ городѣ, прибавится цѣна провоза, да барыши купца, и даже не одного.

Такимъ образомъ, если всѣ эти прехолящія условія действительно пройдутъ, то отъ тѣхъ условій, которыя ихъ вызываютъ, домашняя промышленность болѣею частью выиграетъ не только абсолютно, но даже и сравнительно съ фабриками. Г. Корсакъ вѣроятно допустилъ ихъ значеніе по ошибочному стремленію къ исторической полнотѣ, всесторонности, которая перешла у него въ противорѣчіе другимъ его положеніямъ. Впрочемъ тутъ пробивается наружу и другой элементъ, вслѣдствіе котораго этимъ условіямъ авторъ далъ значеніе. Г. Корсакъ называетъ эти условія «своиственными каждому народу на извѣстной степени его экономическаго развитія». Въ другихъ мѣстахъ у него вырываются подобныя выраженія, которыя идутъ какъ-будто изъ мысли, что домашняя промышленность есть низшая ступень экономическаго развитія, за которую слѣдуетъ высшая фабричная промышленность. Эти замеченія имѣютъ начало повидимому въ томъ, что г. Корсакъ не успѣлъ вполне освободиться отъ ученія индустриальной школы. Между тѣмъ въ одномъ мѣстѣ его книги есть мѣсто, которое должно сдѣлать полный разрывъ между нимъ и этою школою. Это похвала, которую онъ дѣлаетъ прусскимъ *die Haspel und die letzte Ordnungen*. Эти *Ordnungen* не больше и не меньше какъ та регламентація производства, отъ которой страдали фабриканты Франціи въ прошломъ столѣтіи. Эта регламентація подверглась едва ли не проклятію экономистовъ. Какъ могъ похвалить ее г. Корсакъ въ Пруссіи въ XIX столѣтіи? А нельзя не признаться, — хорошо сдѣлалъ. Сюда относится между прочимъ выраженіе, что домашнее производство у насъ еще господствуетъ. Самое полное подтвержденіе этой мысли существуетъ въ исторіи экономическаго развитія государствъ Европы и въ сравнительномъ изученіи современнаго состоянія обрабатывающей промышленности въ разныхъ странахъ. Фабричная промышленность во всѣхъ государствахъ пользовалась большимъ покровительствомъ, и не смотря на то, не могла вы-

тѣснить промышленность домашнюю. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ даже домашняя промышленность вытѣснила фабричную. Слѣдовательно при естественномъ ходѣ экономическаго развитія, это имѣло бы мѣсто еще въ большей степени, что и оказывается въ Швейцаріи. Швейцарія есть страна, которая практикуетъ свободу торговли больше нежели какая-нибудь другая страна Европы; слѣдовательно можно допустить, что въ ней наиболѣе естественное отпочвеніе разныхъ формъ промышленности. А въ Швейцаріи основаніе всей промышленности есть домашній трудъ. При этой системѣ промышленность находится на самой высокой степени совершенства. Не говоря о специальностяхъ Швейцаріи, она по крайней мѣрѣ не уступаетъ Франціи въ шолоковомъ, а Англію превосходитъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ, такъ что Англія ограждается отъ ея продуктовъ тарифомъ! Притомъ Швейцарія есть страна богатая капиталами. Такимъ образомъ есть ли какое-нибудь основаніе сказать, что домашняя промышленность есть низшая форма, сравнительно съ фабричною? Нѣтъ, уступая фабричной системѣ нѣкоторые роды производства и принимая во вниманіе обезпеченность работника, его болѣе высокое нравственное и умственное состояніе при господствѣ домашней промышленности, мы должны допустить, что домашняя промышленность на самой высшей степени политико-экономическаго развитія должна стоять рядомъ съ промышленностью фабричною. Конечно, фабричная промышленность есть явленіе позднѣйшее въ исторіи экономическаго развитія; но явившись послѣ, она не должна и не можетъ вытѣснить домашнюю промышленность изъ экономической дѣятельности народа; она должна исключительно взять на свою долю нѣкоторыя отрасли промышленности; другія останутся за домашнимъ производствомъ, какъ это существуетъ во всѣхъ государствахъ Европы, особенно въ Швейцаріи, гдѣ промышленность до сихъ поръ шла и теперь идетъ наиболѣе естественнымъ путемъ, чуждымъ всякаго искусственнаго направленія ея. Могутъ сказать, что фабричная промышленность еще не успѣла вполне развиться, что будущія усовершенствованія въ машинахъ еще расширить ея область, что она пойдетъ тѣмъ же путемъ, какъ шла до сихъ поръ, и будетъ одну отрасль за другою присваивать себѣ исключительно: такъ она присвоила себѣ пряденіе бумаги, потомъ пряденіе шерсти, наконецъ пряденіе льна и т. п. Но въ томъ-то и дѣло, что подобныя захватыванія имѣли мѣсто только въ пряденіи, котораго у фабрикъ никто и не думаетъ отнимать. Но въ другихъ отрасляхъ фабрики существуютъ рядомъ съ домашнимъ производствомъ; въ нѣкоторыхъ они окончательно уступили ему поле, и вообще въ послѣднее время замѣ-

чается, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производствъ, обратное движеніе отъ фабрикъ къ домашней промышленности. Усовершенствованія въ машинахъ безъ сомнѣнія могутъ еще усовершенствовать самое производство на фабрикахъ, но эти усовершенствованія могутъ также принести пользу и домашней промышленности. Надобно прибавить еще, что всѣ важнѣйшія механическія изобрѣтенія и усовершенствованія послѣдняго столѣтія имѣли въ виду большое производство; можно надѣяться, что и малое производство, до сихъ поръ бывшее въ тѣни, не обращавшее вниманія экономистовъ, съ перемѣною взгляда на него не замедлитъ вызвать изобрѣтенія, приспособленныя собственно для него. Тогда и область его и значеніе должны будутъ еще расширяться, а съ тѣмъ вмѣстѣ и благосостояніе рабочихъ классовъ получить новое основаніе и обезпеченіе болѣе прочное, нежели то, которое они имѣютъ теперь.

ОБЪ ИДИОШКАХЪ И О ГЕГЕЛѢ

(Письмо въ редакцію «Времени»)

Какія крохотны коровки!
Есть право mente булавочной головки!

Крылатъ.

Съ изумленіемъ и радостью вижу, милостивый государь, что труды мои на пользу россійской словесности вовсе не такъ ничтожны и микроскопически-малы, какъ я полагалъ сперва по свойственной мнѣ скромности. Я не предполагалъ, что мои незначительныя и робкія наблюденія характеризуютъ такія обширныя сферы и затрогиваютъ такія твердыя убѣжденія, какъ это оказалось. Вижу теперь, что былъ справедливъ, не пренебрегая малымъ и трудясь надъ анализомъ явленій, повидимому не имѣющихъ никакой важности. Черты, мною найденныя, оказываются вполнѣ вѣрными. *Отрицаніе общихъ авторитетовъ* защищается, *самостоятельность мыслей*, до которыхъ каждый собственнымъ умомъ дошолъ, признается за великое благо, *соблазнительная ясность* господствуетъ.

Лучшимъ доказательствомъ этому служить статья: *По поводу журнальной полемики — Пональное недоразумѣніе*, помещенная въ августѣ *Библиотеки для Чтенія*. Я считалъ бы непростительнымъ не воспользоваться этимъ яркимъ явленіемъ, какъ нельзя лучше подтверждающимъ мои слова.

Главное содержаніе этой статьи есть оцѣнка достоинствъ и заслугъ г. Чернышевскаго. Такой обширный и важный предметъ мнѣ не по силамъ, и я осторожно оставляю его въ сторонѣ. Я ограничусь только тѣсною задачею — разобрать то, что сказано въ защиту мнѣній г. Чернышевскаго о паденіи Рима. Изъ этого не будетъ слѣдовать общаго заключенія, но все-таки будетъ слѣдовать иѣкоторое заключеніе, по поговоркѣ: *вы узнаете ихъ по плодамъ ихъ*.

Отчего погибъ Римъ? вотъ вопросъ, который вновь рѣшается

въ статьѣ «Библиотеки для Чтенія». Поклонникъ г. Чернышевскаго, намъ кажется, не вполне понялъ, противъ чего ратовалъ г. Чернышевскій, утверждая, что Римъ погибъ *только отъ варваровъ*.

Мы не должны, говорить поклонникъ, притворяться незнающими того, что именно оригинальнаго заключается въ словахъ г. Чернышевскаго: Римъ погибъ отъ варваровъ. Прежде къ этимъ словамъ обыкновенно прибавляли еще: отъ *роскоши и разврата*. Г. Чернышевскій, вслѣдъ за двумя тремя чрезвычайными авторитетными писателями, опустилъ эти слова: отъ *роскоши и разврата*.

Ну, это не совсѣмъ такъ. Не это отвергаетъ г. Чернышевскій. Сейчас и видно, что авторъ самъ еще очень близокъ къ тѣмъ учебникамъ, въ которыхъ говорится о роскоши и развратѣ, при паденіи государствъ, напримѣръ къ всеобщей исторіи Кайданова. Но мы не намѣрены здѣсь поправлять поклонника, который не сумѣлъ понять рѣчи своего авторитета. Пусть будетъ и такъ. Рѣчь такого рода, что Римъ погибъ отъ роскоши и разврата, положимъ не очень глубокая рѣчь, но все-таки не чужда человѣческаго смысла. Роскошь и развратъ, о которыхъ здѣсь говорится, суть вещи дурныя, ненормальныя; съ этимъ согласится и самъ г. Чернышевскій. Следовательно есть нѣкоторое вѣроятіе, что общество, въ которомъ дурныя явленія взяли перевѣсъ надъ хорошими, можетъ погибнуть.

И такъ посмотримъ, что же возражаетъ на это авторъ статьи. Развѣ это возможно? восклицаетъ онъ въ недоумѣніи; и затѣмъ продолжаетъ:

«Недоумѣніе ваше было бы гораздо значительнѣе, есдабы, напримѣръ, эксцентричные англичане предложили вамъ за огромную премію, доказать возможность гибели отъ разврата и роскоши не то что государства, а хоть семейства индюшекъ, такъ чтобы при рѣшеніи этой задачи никакимъ образомъ не допускалось предположеніе вѣроятности быть перерѣзанными этимъ индюшкамъ, за ихъ вкусное мясо, варварами-людьми, а также и о томъ, что они могутъ опиться и объѣсться. Это послѣднее предположеніе не должно быть допущено потому, что вѣдь и Римъ не опился и не объѣлся; при всемъ вѣстѣ изумленіи къ чудовищнымъ сказкамъ о его несодѣланной роскоши, мы не только можемъ сообразить, но и положительно знаемъ, какъ будто это происходило у насъ на глазахъ, что развратничало и роскошичало въ Римѣ преимущественно меньшинство: остальное громадное большинство населенія страдало, напротивъ, отъ слишкомъ высокой степени добродѣтелей, противоположныхъ разврату и роскоши. Можно держать какое угодно пари, что предполагаемая премія эксцентричныхъ англичанъ не была бы выиграна: вѣроятность гибели семейства индюшекъ отъ роскоши не можетъ быть доказана, не говоря уже о раз-

оратіи, который, въ этомъ случаѣ, способствовалъ бы только къ равно-
мѣрности и процвѣтанію индусской колоніи.

Предполагаю, милостивый государь, что эти драгоценныя слова
были вызваны у автора *соблазнами ясности*. Не погодись онъ за
ясностью, не вздумай по примѣру г. Чернышевскаго объяснять дѣло
сравненіями, — и мы не имѣли бы этого блистательнаго отрывка.
Но въ то же время я прихожу въ величайшее изумленіе, видя, какъ
эта ясность спутываетъ самыя простыя понятія и приводитъ къ не-
проходимой темнотѣ.

Вѣдь что мнѣ приходится теперь подробно объяснять автору?
То, что люди не индюшки, а индюшки не люди!

Древніе Римляне и индюшки — какое удивительное сравненіе!

Авторъ очевидно принимаетъ индюшекъ за людей; онъ не замѣ-
чаетъ того, что роскошь и развратъ суть человѣческія явленія, даю-
щія, свойственныя одному человѣческому обществу, и, какою-то че-
ловѣчешною игрою воображенія, придаетъ роскошь и развратъ — се-
мейству индюшекъ!

Съ другой стороны, авторъ дѣйствительно считаетъ римлянъ ин-
дюшками; потому что единственное зло, которое, по его мнѣнію, мо-
гло бы восползѣдовать для Рима отъ роскоши и разврата, состояло
бы въ томъ, что Римъ бы *опился и объѣлся*. Помилуйте! Для ин-
дюшекъ это конечно единственное дурное слѣдствіе индюшечьей ро-
скоши и индюшечьаго разврата; но зло человѣческой роскоши и
человѣческаго разврата *всего меньше* состоитъ въ томъ, что кто-ни-
будь обожьется или объѣтся.

Авторъ предполагаетъ, что его индюшки образуютъ семей-
ство; положимъ такъ, хотя можетъ-быть еще можно спорить, дѣй-
ствительно ли индюшечье семейство тоже самое, что человѣческое
семейство. Но мы слѣдѣемъ слѣдующее гонкое замѣчаніе: индюш-
ки, никакъ не могутъ образовать государства; поэтому намъ кажен-
ся несомнѣннымъ, что если въ индюшечьемъ мірѣ не можетъ быть
римской имперіи, то въ этомъ мірѣ невозможно и паденіе Рима.
Только мы, люди, в можемъ наслаждаться теперь статьями о паденіи
Рима, случившемся въ нашей исторіи; индюшки же въ своемъ мірѣ
безъ сомнѣнія лишены этого удовольствія.

Вообще замѣтимъ, что для того, чтобы какъ-нибудь понимать
исторію, прежде всего въ полнѣмъ смыслѣ слова, необходимо строго
отличать людей отъ индюшекъ. Если мы станемъ принимать индю-
шекъ за людей, живущихъ семейнымъ образомъ, то конечно отъ
этихъ фантазій бѣда еще небольшая. Г. Чернышевскій въ своемъ
Антропологическомъ принципъ подробно объяснилъ, что въ сердцахъ

курицы, тавтса, очень живыя чувства и что, собаки, разсуждаютъ точь въ точь какъ люди. Несмотря на то, куры попрежнему не считаются особенно-глубокимъ нашимъ сочувствіемъ, и на мнѣнія собакъ никто не обращаетъ большого вниманія. Но если наоборотъ, мы людей будемъ принимать за индюшекъ, тогда все пропало: тогда исторія исчезаетъ совершенно, Римъ погибаетъ только отъ варваровъ — и такъ далѣе, и такъ далѣе, безъ конца! Все будетъ такъ, какъ бываетъ въ индюшечьемъ мірѣ; судьба индюшки, какъ справедливо замѣчаетъ цитуемый нами авторъ, вполне зависитъ отъ варвара, то-есть отъ повара; люди же, какъ извѣстно, привыкли думать, что судьба ихъ немножко зависитъ и отъ нихъ самихъ.

Мнѣ конечно жаль, что въ настоящее время подобныя, нѣсколько элементарныя объясненія стали необходимыми въ нашей литературѣ. Но меня утѣшила въ этомъ случаѣ статья г. Антоновича въ *вѣстникѣ Современника* о Гегелевой философіи. Какъ ней, я продолжалъ бы обратиться автору той статьи, о которой говорилъ выше. Первая страница статьи г. Антоновича принесла бы ему, по моему, великую пользу. Г. Антоновичъ, согласно со мною, возстаегъ противъ увлеченія соблазномъ ясности. Примѣромъ философовъ онъ доказываетъ, что видимая темнота не есть еще дѣйствительная ерунда. Онъ говоритъ, что, на первый взглядъ, смыслъ философовъ скрывается рѣчей чрезвычайнѣе страненъ. Неопытный читатель легко можетъ прийти къ мысли,

будто философы — это какіе-то полупонимившіе люди, по крайней мѣрѣ съ разстроеннымъ воображеніемъ; а иначе какъ же объяснить то, что они говорятъ непостижно съ чѣмъ не сообразна, порой даже въ которой нѣтъ и капли здраваго смысла, убиваются и ломаютъ голову надъ пустяками, о которыхъ и толковать не стоить, которые всякому извѣстны?

Г. Антоновичъ считаетъ подобный наскоро составленный взглядъ невірнымъ и указываетъ на средства, которыми можно отъ него избавиться. Для этого, по его словамъ, нужно *закиматься философіею, вчитаться въ философскія книги, войти во вкусъ философіи*; для этого нужно, чтобы въ такихъ занятіяхъ прошло нѣсколько времени. Какія прекрасныя и, признаюсь, для меня неожиданныя рѣчи! Г. Антоновичъ не совсѣмъ опредѣленно говоритъ здѣсь о времени; но какъ видно изъ дальнѣйшаго, онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что если только есть талантъ (*conditio sine qua non*), то чѣмъ больше времени вчитываться въ философовъ, тѣмъ лучше можно ихъ понимать. Я осмѣливаюсь распространить этотъ глубокий взглядъ и на другія науки; онъ тоже во многихъ случаяхъ могутъ показаться дичью и непостижностью; но такому обольщенію не дол-

жно вѣрять: *нужно задуматься, нужна считатьсѣ*, — и черезъ нѣсколько времени все покажется иначе.

Вотъ что говоритъ г. Антоновичъ о томъ, какъ черезъ нѣсколько времени камуется читателями философы. По его словамъ, ихъ мысли оказываются *имѣющими очень серьезный смыслъ и важное значеніе*; сами философы оказываются людьми съ *большою энергіею и склою въ мыслительной способности*. Читатель убѣждается, что

дѣйствительно, если посмотрѣть на дѣло такъ, какъ онъ (философъ) говоритъ, то естественно и даже необходимо придти къ его мыслямъ, къ его образу воззрѣній на вещи. Всѣ вопросы, казавшіеся новичку, до знакомства его съ философіей, неинтересными и не требующими рѣшенія, теперь представляются ему во всей много-сложной запутанности, представляющей лишь слабую надежду на ихъ рѣшеніе, и чѣмъ больше онъ занимается философіей, тѣмъ яснѣе понимаетъ трудность философствованія, тѣмъ больше уваженія онъ чувствуетъ къ философамъ, создавшимъ самостоятельныя оригинальныя системы, и наконецъ окончательно убѣждается, что не всякая голова, не всякій умъ способны на это дѣло.

Съ трудомъ вы можете себѣ представить, какъ отдално мнѣ было встрѣтить эти строки въ «Современникѣ»! Я очень желалъ бы, чтобы онъ произвели все свое благотѣльное вліаніе на его многочисленныхъ читателей, чтобы они убѣдили ихъ, что чѣмъ больше занимаешься наукой, тѣмъ больше чувствуешь къ ней уваженія!

Г. Антоновичъ очень хорошо указываетъ и на то, по какимъ причинамъ философію и, прибавлю, многое другое, иногда принимаютъ за ерунду. Все это, какъ онъ говоритъ, отъ *недоразумѣній, отъ неумѣнья подняться на высоту отвлеченія*. Все дѣло въ томъ, что люди не умѣютъ или не хотятъ мыслить; новая книга или новая наука — вѣдь это значитъ новая мысль; а люди читаютъ эту книгу или эту науку, — упорно оставаясь при своихъ старыхъ мысляхъ, при своемъ прежнемъ пониманіи. Чтоже мудренаго, что новое имъ кажется *непонятнымъ, бессмысленнымъ, то-есть чужью, ерундою?*

Такъ прекрасно объясняетъ это дѣло г. Антоновичъ, поучая любознательныхъ читателей журнала, въ которомъ онъ участвуетъ. И затѣмъ уже, уже изложивши все свое уваженіе къ философамъ, онъ вступаетъ къ изложенію системы Гегеля. Казалось бы, чего лучше? Но увъ!

Нѣтъ ни въ чемъ намъ благодати...

На одной изъ слѣдующихъ страницъ читатель встрѣчаетъ вотъ какое обстоятельное изложеніе мнѣній Гегеля:

Т. V. — Отд. II.

1/6

«Если кто-нибудь, движимый чувством человеколюбия, мысленно и идеально положил въ карманъ бѣдняка сто руб. сер.; то это значитъ, не обыкновенному разумѣнію, что онъ ровно ничего не положилъ, въ карманъ ничего нѣтъ, онъ абсолютно пустъ; а по возрѣнію Гегеля выйдетъ, что въ карманъ хоть и нѣтъ ста рублей матеріальныхъ, но она не пустой, — въ него положена мысль, которая и лежитъ тамъ, какъ лежали бы и дѣйствительные сто руб., и изъ которой, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствительно могутъ развиваться настоящіе матеріальные руб. ли. Гегелевы мысли и понятія — это дѣйствительно предметы и вещи, которыя такъ сказать можно осматривать и ощущать; на столѣ стоитъ свѣчка, тутъ же подлѣ нея стоитъ мысль о свѣчкѣ, понятіе объ ней; свѣтъ, положивъ, вслѣдствіе своего развитія загорится; въ тоже самое время, огъ этого загорится и свѣчка, то-есть понятіе о горѣніи — реализуется».

Я согласенъ, что въ этомъ отрывкѣ сильно проглядываетъ сочувствіе г. Антоновича къ бѣдняку, который вмѣсто ста рублей имѣетъ въ карманѣ только мысль о ста рубляхъ. Но однакоже, если взять дѣло чисто съ философской точки зрѣнія, что же это такое? Вѣдь если судить по приведеннымъ словамъ г. Антоновича, то въ самомъ дѣлѣ окажется, что Гегель-то *целовѣкъ съ разстроеннымъ воображеніемъ, что онъ поретъ дичь, въ которой нѣтъ и капли здраваго смысла*. А кто такимъ образомъ понимаетъ и толкуетъ глубокомысленныхъ философовъ? Самъ же г. Антоновичъ сказалъ, что такъ ихъ понимаютъ только люди несвѣдущіе, которые не занимались философіею, не вчитались въ книги философовъ, не умѣютъ подняться на высоту отвлеченія. Что же отсюда слѣдуетъ? По строгой логикѣ мнѣ кажется необходимо признать одно изъ двухъ: или что Гегель не стоитъ того, чтобы объ немъ писалъ г. Антоновичъ, или же наоборотъ, что г. Антоновичъ еще не годится для того, чтобы писать о Гегелѣ. Къ крайнему моему ужасу, я не нахожу выхода изъ этой дилеммы.

Все остальное, что содержится въ статьѣ, не выводитъ меня изъ этого недоумѣнія и не разгоняетъ сомнѣнія, колеблющаго мой умъ.

Г. Антоновичъ говоритъ о Гегелѣ по поводу книги Гайма: *Гегель и его время*, переведенной г. Соляниковымъ (Сиб. 1881 г.). Нашъ критикъ повидимому признаетъ Гайма за непреложный авторитетъ и во всемъ слѣдуетъ этому ухищренному нѣмцу. Вотъ это меня и смущаетъ; г. Антоновичъ много говоритъ о Гегелѣ, а о Гаймѣ какъ будто и не рѣшается судить. Между тѣмъ дѣло немаловажное. Въ концѣ концовъ оказывается, что Гаймъ опровергаетъ философію Гегеля и *разбиваетъ ее въ пухъ и прахъ*. И что же? Мы принуждены вѣрить этому на слово. Г. Антоновичъ долго разсуждаетъ о системѣ, объ абсолютномъ, о діалектикѣ, какъ ихъ понимаетъ Ге-

гель и даже вообще философы; но какъ понимаетъ эти важныя матеріи Гаймъ, и слѣдовательно г. Антоновичъ. — остается скрытымъ для читателя. Мнѣ странно, какими образомъ напримѣръ Гаймъ можетъ отвергать и разбить въ пухъ ученіе Гегеля и вообще философовъ объ абсолютномъ, когда самъ Гаймъ, судя по изложенію г. Антоновича, не имѣетъ объ абсолютномъ никакого мнѣнія.

Но не будемъ требовательны. Повѣримъ на слово г. Антоновичу, что Гаймъ во всемъ правъ — какое пріятное убѣжденіе! Книга вполне вѣрная, на которую можно положиться безъ дальнѣйшихъ разсужденій — вѣдь это сокровище!

Теперь понятно, почему г. Антоновичъ съ такимъ высокоуміемъ и повоменіемъ отзывается о замѣчаніяхъ редакціи «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», которая осмѣлилась прибавить нѣсколько своихъ строкъ къ переводу Гайма, первоначально помѣщенному въ ся журналѣ. Къ сожалѣнію, возраженіе г. Антоновича такъ же темно, какъ побѣда Гайма надъ Гегелемъ. Г. Антоновичъ различаетъ то, что смѣшала редакція, именно какіе-то два рода категорій: однѣ, какъ онъ выражается, *обыкновенныя*, а другія *вѣроятно необыкновенныя*; однѣ у него категоріи въ *смыслъ Канта*, а другія *оригинальныя гегелевскія*; послѣднія онъ называетъ *мнимо-самостоятельными*, такъ что первыя будутъ *дѣйствительно самостоятельными*. Очень, очень любопытно. Вѣдь это не шутка — различить два рода категорій! Конечно, г. Антоновичъ полагается на довѣріе читателей къ своему авторитету, но намъ очень жаль, что онъ не счелъ нужнымъ объяснить обстоятельнѣе.

Точно также, едва могу я добраться до того, что думаетъ г. Антоновичъ о философіи вообще, хотя это для меня весьма любопытно, да вѣроятно очень заинтересуетъ и другихъ читателей. Напримѣръ какъ вы думаете, милостивый государь, нужна философія, или можно ее — по боку? Согласитесь, что вопросъ заманчивый, игривый. Вы вѣроятно поблагодарите меня, если я по мѣрѣ силъ объясню вамъ, какъ думаетъ объ этомъ г. Антоновичъ.

Сначала онъ какъ будто и признаетъ философовъ, даже съ большими похвалами отзывается о Гегелѣ; но тайной своей мысли не высказываетъ. И объ абсолютномъ, и о системѣ, и о діалектикѣ онъ говоритъ какъ будто о дѣлѣ. Только мимоходомъ вскользь онъ бросаетъ замѣчаніе, что есть-де философы, которые и не составляли *цѣльныхъ системъ*. Любопытно, очень любопытно, но г. Антоновичъ ничего болѣе не говоритъ объ этихъ философахъ.

Но, приложивъ вниманіе и терпѣніе, *вчитываясь и входя во вкусъ*, можно дойти и до истинныхъ мнѣній г. Антоновича. Въ концѣ статьи воздаются великія похвалы Гайму. Тутъ-то, прикрыт-

шись Гаймомъ, какъ непроницаемымъ щитомъ, и чувствуя себя безопаснымъ, г. Антоновичъ можетъ—быть невольно высказалъ свои мысли, Посмотрите, говоритъ онъ среди своихъ похвалъ „Гаймъ нисколько не уважаетъ авторитетовъ, даже авторитетъ самого Гегеля, великаго Гегеля для него ничемъ! Но здѣсь еще не все.

• И самъ же Гаймъ.—хвалебно продолжаетъ критикъ,—не выдумалъ никакой философіи, не противопоставилъ системъ Гегеля своей системы, да даже не считалъ этого и нужнымъ, говоря, что можно обойтись всегда и безъ философской системы.

Понимаемъ! значить и намъ нужно то же дѣлать. Неопытный читатель пожалуй уже готовъ отказаться отъ всякой философіи; но я удержу его замѣчаніемъ, что слѣдуетъ хорошенько выикнуть въ слова г. Антоновича. Г. Антоновичъ очень остороженъ; онъ сказалъ: *безъ философской системы*, а не просто безъ философіи; безъ системы онъ готовъ остаться, но остаться совсѣмъ безъ философіи, онъ какъ-будто не рѣшается.

Перевертываю еще страницу — и кажется дѣло разъясняется: тамъ есть намеки, что будто бы въ Германіи колеблются и частные и общіе (слышите ли? общіе!) авторитеты; основываясь на примѣръ Гайма, тамъ уже прямо говорится, что — *нѣмецкая литература, самая зрѣлая и развитая, дошла до отрицанія авторитетовъ, до опроверженія цѣлыхъ системъ и наукъ...*

Какъ наукъ? Какихъ наукъ? Вѣдь дѣло шло только объ одной наукѣ, о философіи? Значить вы намекаете, что Германія дошла до отрицанія философіи? И даете понять, что и намъ нужно то же дѣлать?

Да что же это такое? Какъ же можно намеками и обиняками говорить такіа важныя вещи? Кто мѣшалъ изложить все это обстоятельнѣе? Вѣдь это ужасно любопытно — узнать, какъ тамъ все это дѣдается въ Германіи!

Нечего дѣлать, — чтобы удовлетворить своему любопытству, я рѣшился самъ читать Гайма. Не можетъ быть, думалъ я, чтобы нѣмцы опровергали цѣлыя науки. Скорѣе же они натворятъ безъ числа всякихъ новыхъ наукъ, чѣмъ станутъ отвергать прежныя!

Что же я нашолъ? Гаймъ предпринялъ *чисто историческое* изложеніе системы Гегеля. Онъ не совсѣмъ ясно излагаетъ, что онъ разумѣетъ подъ этимъ *чисто историческимъ* изложеніемъ; да впрочемъ намъ и нѣтъ нужды говорить объ этомъ. Пусть посредствомъ этого хитраго приема онъ опровергаетъ Гегеля; дѣло въ томъ, не отрицаетъ ли онъ философіи? Едва ли! Вотъ что онъ пишетъ:

• Я согласенъ также и съ тѣмъ взглядомъ (и уже здѣсь желалъ бы заявить это), что и въ исторической критикѣ нынѣшняго умозрѣнія постоянно должны уже находиться въ запасѣ элементы, рано или поздно должныя составить новое метафизическое аданіе.

А въ другомъ мѣстѣ :

• Вѣроятно путь нашъ приведетъ насъ къ возможности новой спекулятивной продукціи...

Ну такъ и есть ! Нѣмецъ , какъ нѣмецъ ! Недовольный прежними системами, онъ просто мечтаетъ о созданіи еще новой философіи. Дѣло только въ томъ , что, какъ онъ самъ признаетъ , новая спекулятивная продукція еще не удалась ему въ этой книгѣ объ Гегелѣ. Слѣдовательно тутъ онъ былъ на перепутьи между старымъ и новымъ. Ужели же онъ однакоже оставался безъ всякой философіи ? Право не знаю ; я лучше приведу вамъ его собственныя слова, которыми онъ старается описать свое состояніе.

• Глубоко потрясающее чувство овладѣваетъ истиннымъ другомъ философіи, когда онъ пробуждаетъ въ себѣ все человѣческое для того, чтобы слѣдить за бѣніемъ вѣчно живаго, за тѣмъ сопряженіемъ собственнаго духа съ духомъ міра, которое совершается въ одушевленіи исследованія, то стремительнаго, то сосредоточивающагося, то снова устремляющагося.

А въ другомъ мѣстѣ :

• Истинны и дѣйствительности божественныхъ идей я ищу ни въ чемъ иномъ, какъ въ вѣчно живомъ процессѣ человѣческаго духа.

Не забудьте, что этими словами Гаймъ хочетъ обозначить все свое направленіе, тотъ духъ, въ которомъ написана имъ книга. Громкія рѣчи, не правда ли ? Миѣ все кажется, что громъ этихъ рѣчей, сказанныхъ немножко отрывочно, отзывается какими-то знакомыми понятіями, какою-то знакомою философіею. Но, я не берусь рѣшить, что за взглядъ въ нихъ выражается. Послѣдователи Гайма вѣроятно его понимаютъ. Г. Антоновичъ, во всемъ согласный съ Гаймомъ, вѣроятно вмѣстѣ съ нимъ любитъ искать истинны и дѣйствительности божественныхъ идей, и, сопрягаясь съ духомъ міра, слѣдитъ за бѣніемъ вѣчно-живаго.

Но гдѣ же отрицаніе философіи и опроверженіе цѣлыхъ наукъ ? Его нѣтъ и слѣда. Я не думаю, чтобы его можно было найти и въ слѣдующихъ словахъ Гайма :

«Чтобы у насъ непремѣнно была какая-нибудь система, какая-нибудь философія, — въ этомъ конечно нѣтъ необходимости; между тѣмъ безусловно необходимо имѣть чувственно истинны, непокупную совѣстливость, свободу духа, коренящуюся въ характерѣ».

Т. V. — Отд. II.

1/7

Мнѣ не совсѣмъ нравится образъ выраженія этой мысли : слово *необходимость*, а особенно *безусловная необходимость* мнѣ кажется здѣсь неумѣстно ; во самая мысль хороша. Еслибы я сталъ писать на эту тему, то я сказалъ бы такъ :

Позволительно и не знать философіи ; въ этомъ нѣтъ никакой вины ; но никакъ не позволительно писать о философіи, когда ее не знаешь, хотя вина здѣсь и небольшая. Знаніе не обязательно, да оно и не всѣмъ доступно ; нельзя требовать, чтобы всякій былъ философомъ. Но всякій обязанъ быть честнымъ и добрымъ человекомъ, и это всѣмъ доступно. Не имѣя глубокихъ познаній, можно и должно имѣть однакоже *чувство истины*, то-есть умѣть различать, что знаешь и чего не знаешь ; можно и должно быть скромнымъ, то-есть не бросать менѣе свѣдущимъ пыли въ глаза мнимымъ глубокомыслиемъ и всегда быть готовымъ учиться у другихъ, болѣе свѣдущихъ. Знаніе и умъ не составляютъ высшаго достоинства человѣка : въ человѣкѣ мы больше любимъ твердость характера и глубину сердца.

По моему мнѣнію, это вѣрныя и хорошія мысли.

Н. КОС.

PS. Мѣста изъ Гайма не заимствованы мною изъ перевода г. Соляникова, а переведены мною самимъ.

Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола, Записки Александра Б. Изд. Д. Е. Кожанникова.

Спб. 1861 г.

Историческая жизнь человечества идет далеко не ровным путем. Бывают эпохи нравственного застоя, жизнь как-будто умирает, общество довольствуется тем *statu quo*, которое в нем утвердилось с незапамятных времен. Потом вдруг начинается движение, общество как-будто отрезвляется от долгого сна и начинает искать выхода из своего прежнего положения.

Причины такого неровного, порывистого хода истории заключаются в самой жизни человечества. Жизнь есть борьба. Вся она, взятая во всей своей целостности, складывается из жизни многих, часто противоположных друг другу элементов. По самой противоположности своей, эти жизненные элементы не могут ужиться между собой в дружбе: борьба вследствие того между ними неизбежна. Но в этой-то борьбе и заключается главное существенное условие их жизни. В природе та только вода здорова, чиста, которая имеет длинный и сильный проток; те только мускулы сильные, которые постоянно напрягаются и от частых упражнений в борьбе приобретают силу и ловкость. Вот хоть бы дерево, обдуваемое ветром: оно постоянно борется с напором воздуха, гнется, дает ему дорогу и опять выгибается, но эта-то постоянная борьба его с ветром и укрепляет его ткани. То же самое и в жизни. Живет только то, что участвует в борьбе, что постоянно находится под деятельным контролем противоположных сил и в свою очередь само контролирует последних. При деятельной борьбе противоположных сил невозможны крайности и увлечения, невозможны односторонности, которые так дорого иногда обходятся человечеству. Но бывают эпохи, когда

борьба повидимому вовсе прекращается; вотъ тутъ-то и замираетъ жизнь. Историческія обстоятельства помогаютъ какому-либо жизненному элементу выдвинуться на первый планъ; онъ пріобрѣтаетъ тогда особенную силу, и пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, овладѣваетъ такъ-сказать цѣлою жизнью. Борьба тутъ невозможна, все равно какъ одному невозможно бороться противъ троихъ. Для лучшаго объясненія нашей мысли мы воспользуемся примѣромъ. Представьте себѣ арену, на которой нѣсколько бойцовъ. Пока ихъ было много, тутъ пока они были равны по силѣ, на этой аренѣ не было насилія, никто не обижалъ другъ друга. Но представьте, что силы одного умесатерились; равномѣрная борьба невозможна, бойцы одинъ за другимъ удаляются съ арены, на ней остается одинъ только гигантъ и хорошо, если онъ не злоупотребитъ своей силой, что впрочемъ невозможно безъ дѣятельнаго надъ нимъ контрола. Тоже самое и въ жизни. Когда одна кака-либо сила пріобрѣтаетъ особенное, исключительное положеніе въ жизни, начинаются въ ней односторонности и крайности; жизнь не идетъ прежнимъ ходомъ впередъ, когда противоположныя ея силы раздвигались во взаимной борьбѣ, и потому самому дружно шла къ прогрессу: она пріобрѣтаетъ тогда особенное, одностороннее направленіе, которое проникаетъ весь ея составъ и такъ-сказать, окраживаетъ весь ея проявленія. Руководящимъ началомъ тутъ становятся извѣстные принципы, которые дѣлаются при этомъ исключительнымъ пунктомъ всѣхъ возрѣній и правиломъ всякой дѣятельности. Такъ образуются системы, которыя самовластно господствуютъ надъ жизнью.

Но человѣкъ всегда остается человѣкомъ: онъ никогда не свыкнется и не помирится съ такою тяжелой жизнью. Поэтому всѣ эпохи односторонняго господства какой-либо системы сопровождаются недовольствомъ людей, которые живутъ подъ этой системой. Недовольство прежде всего проникаетъ въ ту среду, которой всего тяжелѣе; оно достигаетъ извѣстной степени, — и вотъ начинаются у ней энергическія усилія выйти изъ своего тягостнаго положенія.

Иногда это недовольство бываетъ сознательнымъ, иногда бессознательнымъ. Сознательное недовольство бываетъ у мыслящихъ людей, бессознательное у толпы. Она понимаетъ, что ей тяжело, что ее что-то давитъ, что-то мѣшаетъ ей на каждомъ шагѣ, но по своей недалекорукости она не видитъ главныхъ причинъ своего *status quo*. Вотъ и бываетъ, что ея борьба противъ всему ходу дѣлъ начинается сначала борьбой противъ произвольнаго зла; окончательный исходъ ея обыкновенно бываетъ или совершившійся разрывъ ме-

ты съ обществомъ, когда послѣднее не поощряетъ своихъ ошибокъ по отношенію къ ней; или же введеніе новаго порядка вещей.

Вотъ почему реформаторскія движенія въ народѣ иногда принимаютъ характеръ чисто-случайныхъ событій. Въ XVI вѣкѣ Лютеръ, какъ извѣстно, произвелъ реформу на западѣ. На первый взглядъ, такъ этотъ фактъ своимъ происхожденіемъ одолжонъ чисто случаю. Леону X нужны были деньги на постройку петровской капеллы. Какъ человѣкъ предприимчивый и въ высшей степени сообразительный, онъ сообразилъ, что если грѣшникамъ продавать свидѣтельства объ отпущеніи ихъ грѣховъ или индульгенціи, такъ лягутъ и деньги, потому что кому же не захочется откупиться отъ ада? Случилось, что одинъ монахъ, Тецель, продавалъ въ Виртембергѣ эти индульгенціи, а въ Виртембергѣ жилъ Лютеръ, не любившій ни ордена, къ которому принадлежалъ Тецель, ни его индульгенцій. Вотъ они и поссорились между собою; бѣда не велика, потому что ктожь не ссорится? И въ Виртембергѣ дѣло затѣялось повидимому совершенно случайно. Вѣдь продавался же индульгенціи и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Виртемберга, но тамъ эта продажа сошла съ рукъ. Подъ вліяніемъ такого рода соображеній, другой quasi-историкъ пожалуй и скажетъ, что не будь Лютера, Меланхтона да Тецеля, такъ не было бы и реформаціи; что дескать какъ Москва загорѣлась отъ конечной свѣчи, такъ и реформаторскій духъ одолѣлъ западомъ именно вслѣдствіе ссоры двухъ монаховъ, къ которой пристали и другіе злонамѣренные люди, впоследствии увлекшіе за собою цѣлыя страны. Точно также въ глазахъ недалекаго историка сама французская революція можетъ показаться дѣломъ совершенно случайнымъ. Будь у королей французскихъ деньги, или лучше не будь банкира Лоу, да не правъ Франціей герцогъ орлеанскій, не сзывай Людовикъ XVI констаблей, не будь въ числѣ ихъ Мирабо — революціи не было бы. Вѣдь французская революція повидимому совершенно случайное событіе? Да такъ она и объясняется во многихъ исторіяхъ, что ее произвели въпервыхъ сочиненія извѣстныхъ писателей; некорректный духъ революціонеровъ, а главное, главное — Мирабо, отчаянный — де нотъ и кутяла.

Между тѣмъ, какъ говоритъ Куно Фишеръ, съ нѣкоторыми тенденціями котораго наши читатели уже познакомились, наобидно очень и очень глубоко искать причину всякому реформатскому движенію въ средѣ извѣстнаго народа или цѣлаго человѣчества. Исторія слишкомъ слуха на случайности. Она такъ же рѣдки въ ней, какъ въ естественной природѣ рѣдки такъ называемые монстры. Историческія событія подготавливаются цѣлыми вѣками; они подго-

товляются цѣлою предшествовавшей жизнью общества. Это въ особенности должно замѣтить при объясненіи какаго-либо народнаго движенія. Извѣстные случаи, которые дали поводъ къ обнаруженію реформаторскаго духа — не болѣе, какъ простой поводъ къ событію.

Такъ, говоримъ, историческія причины каждаго народнаго движенія залегаютъ очень глубоко, хотя обнаруженіемъ своимъ оно большею частью бываетъ обязано случаю. Извѣстный народъ глубоко понимаетъ необходимость обновленія своего быта, или по крайней мѣрѣ разрыва съ окружающею его дѣйствительностью; онъ враждебно смотритъ на все, что его окружаетъ, и ищетъ только случая отречься отъ всего, что его давитъ и гнететъ. Случай представляется и онъ отказывается отъ прежнихъ своихъ связей иногда просто изъ-за какихъ-либо частныхъ. Вотъ почему бываетъ, что за теологическимъ споромъ слѣдуетъ реформа не теологическая только, но и социальная, или за социальными неудовольствіями понимается реформа не социальная только, но и теологическая. Такъ было въ XVI вѣкѣ, въ лютеровы времена. Споръ объ индульгенціяхъ поднималъ вопросъ о справедливости цѣлой системы, управлявшей тогда ходомъ вещей. И теологическая реформа повлекла за собой реформу социальную, которая извѣстна каждому, сколько-нибудь знакомому съ исторіей реформаціи. Такъ было, только нѣсколько наоборотъ, во французскую революцію. Неудовольствія социальныя повлекли за собой ниспроверженіе самой религіи, уже послѣ возстановленной Наполеономъ I. Удивительнаго впрочемъ тутъ ничего нѣтъ. Все въ жизни тѣсно связано одно съ другимъ: за недовольствомъ одной стороны ея всегда скрывается, хотя на первый разъ и не обнаруживается, недовольство цѣлою жизнью. Это такъ же достоверно, какъ достоверно и то, что недовольство индульгенціями только повело человечество къ реформѣ религіознаго и общественнаго быта въ XVI вѣкѣ.

Такъ вотъ и о появленіи нашего русскаго раскола надобно рассуждать съ большою осторожностью. Всякому извѣстенъ фактъ, что въ XVII вѣкѣ простой народъ цѣлыми массами отказывался отъ церкви, съ которой состоялъ въ связи, а затѣмъ и отъ самаго общества, въ которомъ находилась эта церковь. Для всякаго теперь очевиденъ фактъ, что расколъ стоитъ уединенно отъ современнаго общества, имѣетъ свое религіозное ученіе, отличное отъ ученія вѣщей церкви, имѣетъ свой социальный бытъ; исторія образовала у него свои нравы и обычаи, свои воззрѣнія на вещи. Откуда же взялся у насъ въ исторіи такой фактъ? Но прежде нежели мы приступимъ

нѣтъ объ этомъ предметѣ собственное мнѣніе, послушаемъ, что обыкновенно нѣтъ говорить другіе.

Намъ тароватъ, чтобы по части исторіи происхожденія и развитія русскаго раскола у насъ было ужь очень мало сочиненій. Въ послѣднее время особенно какъ-то развилась у насъ охота заниматься расколомъ. Вопросъ о русскомъ расколѣ чуть не сдѣлался моднымъ вопросомъ, о которомъ толковать у всякаго пробудилась охота. Такъ вотъ явилось много и печатныхъ толкователей о немъ. Но главное—то дѣло въ томъ, что, за немногими исключеніями, никто не постарался заглянуть въ дѣло поглубже. Иные изъ этихъ изслѣдователей старались фактъ объяснять самимъ же фактомъ. Это одна фаланга писателей. Другіе, понимая, что фактъ объяснять самимъ же фактомъ значить переливать изъ пустого въ порожнее, хотѣли поглубокомысленнѣй объяснить появленіе раскола и тоже въ свою очередь представили въ объясненіе историческаго факта какія-то бѣдныя наглядныя. Это другая фаланга изслѣдователей по расколу. Первая фаланга, ставя вопросъ о происхожденіи раскола, поставляла себѣ задачей объяснить, какъ образовались и мало-помалу развились тѣ мнѣнія, которыя легли потомъ въ основу раскола. Эти мнѣнія—о сугубой аллилуія, о хожденіи посолонь, о крестѣ, объ Иисусовомъ ишени и проч. На вопросъ, какъ образовались эти мнѣнія, отъчали обыкновенно такъ: когда возникли эти мнѣнія, неизвѣстно; вотъ въ такомъ-то вѣкѣ мы находимъ такое-то мнѣніе окончательно утвердившимся и созрѣвшимъ въ такой-то странѣ. Объясненіе, какъ видно, весьма удобное для писателя, но не совсѣмъ полное для читателя, потому что послѣдній ровно ничего отсюда не видитъ, и вопросъ о происхожденіи раскола послѣ чтенія такихъ объясненій еще остается для него все еще вопросомъ. Мы сказали выше, что исторіи строго нужно различать поводъ къ извѣстному событію отъ самихъ причинъ его происхожденія, а мнѣніе о сугубой аллилуія, объ ишени Иисусовомъ и т. п., послужило для раскола не болѣе какъ поводъ къ его отдѣленію отъ господствующей церкви; слѣдовательно, фактъ объясняется самимъ же фактомъ, т. е. что раскольники потому отдѣлились отъ церкви, не принимавшей ихъ мнѣній объ аллилуія ишени Иисусовомъ, что у нихъ было своеобразное мнѣніе о такихъ вещахъ. Объясненіе, какъ видно, не совсѣмъ глубокомысленно. Да и ставился вопросъ о происхожденіи и образованіи этихъ мнѣній такъ, что его никакая исторія никогда не могла рѣшить. Какъ извѣстно, объ аллилуія раскольники думаютъ, что его должно читать и пѣть въ извѣстныхъ случаяхъ дважды, а не трижды, какъ дѣлаетъ это русская церковь. Ну, скажите на милость, не словозверженіемъ ли будетъ вопросъ: когда возникло двоеніе аллилуія и какъ разви-

лось и образовалось подобное заблужденіе? Говорятъ, что прежде старину пѣли аллилуія трижды, а потомъ оказалось въ XV вѣдѣ, что во Псковѣ пѣютъ дважды... Ну какая же серьезная исторія возмѣется прослѣдить, какъ отъ троевѣя аллилуія перешли къ ея двоювѣю. Не такъ ли, что дескать понеминому стали уклоняться отъ еретицеского ривна, и въ такомъ-то году, въ такомъ-то мѣстѣ стали пѣть аллилуія по $2\frac{3}{4}$ раза, а потомъ по $2\frac{1}{2}$; дескать не дошли до двухъ разъ, что уже заставятъ самая достойная исторія. Вслѣдствіе подобнаго изысканій оказывалось въ результатѣ, что главной причиною появленія раскола была то пнецы армяніе въ книгахъ, которыя черпывали; то просто недоразумѣніе, какъ это случилось съ крестнымъ знаменіемъ, недоразумѣніе, которое свѣщено два вида армянскаго знаменія — именословное съ простымъ, и первымъ замѣшало изгнана въ употребленія въ известной мѣстности второе; то близость съ латинянами, у которыхъ тоже замѣчается мѣсто-можемо да цѣлострыя мѣстна раскола. Словъ, какъ видно, говорится очень много, а дѣло-то остается все-еще потропутьмъ; существенныхъ-то армянн появленія раскола все-таки не оказывалось въ такихъ изслѣдованіяхъ. Пробовали свазить вину и на Никона, который предпринималъ исправленіе книгъ, — что дескать онъ повелъ дѣло слишкомъ горячо и неблагоприятно; на бояръ, которые упизивъ Никона, будто бы дѣло начатое имъ. Конечнымъ результатомъ всѣхъ изысканій этой фалангѣ ученыхъ оказывалось, что не будь Микона, не будь бояръ, низвергнувшихъ его, а еще лучше не будь мѣшій о ругубей аллилуія, о крестномъ знаменіи, — раскола и запаку не было бы. Появленіе раскола потому выходитъ у нихъ дѣломъ слишкомъ случайнымъ. По не объяснимыхъ обстоятельствамъ, мѣшій, ирмистово во Псковѣ напрымѣръ, вдругъ распространилось въ Соловкахъ, нижегородскихъ, черниговскихъ дѣсахъ, а мѣшій общеринетамъ подходили себѣ доступу во Псковъ. Все это выходило у нихъ какъ-то ужъ слишкомъ чудесно. Впрочемъ, мы не будемъ отапанавестити на такихъ изслѣдованіяхъ, вовсе лишонныхъ научно-характера. Пусть остается въ покоѣ эта добрая, важная фаланга исторіи...

Теперь перейдемъ къ другой фалангѣ, которая повидимому не довольствуется объясненіями, образецъ которыхъ мы представили выше, и хочетъ указать свои причины происхожденія раскола. Она говоритъ, что три причины главнымъ образомъ способствовали происхожденію раскола: во-первыхъ нечужество русскаго царя во вторыхъ его суевѣріе, третьихъ, исправленіе книгъ предпринятое Никономъ. Недавно появилась даже брошюра, которая специально занимается вопросомъ происхожденія раскола и указываетъ на тѣ именно его причины, на какія мы выше указали. Мы слы-

хорошо объяснять, какъ создается подобныя взгляды у разбравшей насъ Фаланги невольной. Берется, видите ли, фактъ величина; кто наша престой народъ, держащійся раскола, невѣжа и суевѣръ. Известно, какъ невѣстно, какъ не читаетъ, особенно нашихъ; тамовато о политикѣ, о разныхъ такихъ серьезныхъ вещахъ онъ не помнитъ; отъ разсужденій съ нами, образованными людьми, большею частію отказывается; — доскаты гдѣ: развѣ проститкамъ туда же съ нами разсуждать! Известно, какъ есть; онъ невѣжа; между тѣмъ онъ — невѣжа этаней — вздумалъ протавиться власти церковной и гражданской, сталъ держаться своей религиозной доктрины, въ общественной жизни велелъ свои нравы и обычаи, однимъ словомъ произвелъ расколъ. Такая близость невѣжества съ расколомъ, естественно, навела нашихъ изслѣдователей на расколъ на мысль, что и въ самомъ дѣлѣ, не было ли невѣжество русскаго народа главной причиной распространенія русскаго раскола? Вотъ и пошли гдѣ то и невѣжествѣ народа, и стали они чуть-чуть не исключать нуикомъ очень многихъ сомненій, занимающихся его исторіей. Все это канешно очень мало и правдоподобно, тѣмъ болѣе, тѣмъ не говорить о невѣжествѣ русскіхъ простыхъ людей значить компрометировать себя, какъ знатока ихъ быта. — Также точно канешнозначительная Фаланга приходила и къ другой причинѣ происхожденія раскола — къ суевѣрью простого народа. Известно, что раскольники всегда обнаруживали и теперь обнаруживаютъ особенную любовь къ стариннымъ книгамъ, спорятъ объ аллалюя, двестерствіи и т. п. Отсюда нашей Фалангѣ писателей понавалось думать, что народъ нашъ очень и очень суевѣренъ, значить и расколъ — происхожденіе его суевѣрія. И эта причина какъ-будто правдоподобна. Наконецъ третья причина заключается уже въ Никонѣ. Но чтобы не компрометировать Никона, наша Фаланга такъ пальтируетъ положеніе третьей причины: какъ невѣжа и суевѣръ, нашъ простой народъ не пошли значенія великаго дѣла, предпринятаго Никонемъ; подкидываетъ и некоторымъ заманчивымъ ирдыни; выѣвшими личностями Никонемъ, онъ возсталъ претивъ его святого дѣла. По своимъ вышеозначеннымъ причинамъ и произошло расколъ въ русской церкви.

Понятному, такъ всѣ эти объясненія очень правдоподобны. Но дѣло то вотъ въ чемъ. Они не выдерживаютъ самой легкой критики, даже если стать на одну съ нашими объяснителями точку. Говоря о расколѣ, они канешно уже подразумеваютъ, что много церквенно съ ними нечего, что она непроститна, — дѣло невидѣть и суевѣрность, что онъ однимъ словомъ, гдѣшніе фактовъ невѣжества и суевѣрія. Ну съ такимъ образомъ объяснѣть какъ

ставить вопрос: какъ объяснить чуждыя свойства и свойства русского народа? — и отвѣчаютъ, что эти свойства всего лучшій и истиннѣй объясняются епоше невѣжества и суевѣрія, т. е. говоря просто, невѣжество и суевѣрие проказало въ невѣжество и суевѣрие. Такъ объясняютъ историческія факты: чрезъ какое дело, за что и вѣдывались. Видите ли: въ вѣдѣ патриаршества на Руси народъ нашъ отличался совершенностью правоты; тутъ онъ съ весьма разнъ извѣдывалъ и присягъ, то присягая Борису Годунову, то самоизвѣдывалъ; смотря потому, кто требовалъ отъ него присяги съ вѣрноподданствѣмъ; тогда онъ особенно смѣло развилъ истиннѣй взглядъ на самого себя, какъ лучшій народъ въ мірѣ и т. п. Представлю же себѣ, что ставится въ исторіи вопросъ: откуда произошла такая испорченность правоты? А историкъ и отвѣчаетъ вамъ, что дѣла не было распространено началъ доброй нравственности и т. п. Видѣ что такое подобныя объясненія, какъ на вещи, принадлежащія къ обширной сферѣ словоизверженія? Или, естественнѣе ставить вопросъ: отчего дерево сухо, листья на немъ истѣвъ, плодотворенъ и т. п.? А отрубъ армифро вы дали бы ему такой: оттого что дерево гнило; или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. Видѣ, право, онъ призналъ бы васъ скорѣй за шутника, чѣмъ за глубокаго естественнѣе мыслителя. Подобныя разсужденія и не боюся назвать, какъ только заступившись вопросъ, отталкивать отъ его рѣшенія читателей и наполнять его голову безплоднѣйшими замѣчаниями. — Разокопавшись до историческія изслѣдованія, наши историки раскола глубокомысленно разсуждаютъ: дескать вотъ тогда-начало принимать въ русскую среду невѣжество и суевѣрие, затѣмъ успѣдалось тогда-то и обнаруживалось съ расколѣ въ такое-то время. Оно какъ-будто и ладно выходитъ, а посмотрѣвъ съ дѣломъ съ стороны, да подумаешь, такъ увидишь, что такіе разсужденія просто, мерзоченье добрыхъ людей. Я, поверѣннѣйшій вамъ слуга, славко въ люблю приказы, и потому съ вашего позволенія смѣю объяснить вамъ своимъ привѣромъ. Видите ли: вамъ нужно знать, откуда берется вода въ устьѣ Волги близъ Астрахани? Вамъ говорятъ въ отвѣтъ: это есть вода близъ Саратова, что она такъ и по великимъ путемъ течетъ до Астрахани; охота до указанія достигнуть у васъ до учителя до такихъ размѣровъ, что онъ укажетъ вамъ великіе закоулки, великіе вероги, чрезъ которые саратовская и волжская вода протекаетъ до Астрахани. Указанія и вѣрныя, и изобрѣтены; но приводить ли они васъ хотя на каблу къ отъѣву на дѣлѣ вопросъ? А то укажетъ вамъ при этомъ на такую воду, которая вовсе не имѣетъ отношенія къ волжской астраханской водѣ. Это равно, какъ еслибы кто сталъ объяснить правоту, почему въ отъ

вѣтъ, какъ другія сообщаются между собою сосуды есть вода, такія начертанія: вода оттечетъ въ одномъ сосудѣ, что она есть въ другомъ; такъ въ другомъ оттого, что есть въ первомъ и т. д. А вѣдь это-таки она будетъ говорить правду: докажете-ли, что онъ лжотъ. Впрочемъ, чтожь тутъ удивляться? Мы на своемъ роду, а замѣтимъ, что все еще не очень стары, издали не такіе еще виды...
 ..Достоинства разбираемой нами Фаланги писателей строятся по своему строному силлогизму. Поэтому и первая причина прискорбнаго раскола обыкновенно излагается такъ: до монгольскаго вѣка у насъ было просвѣщеніе на Русь потому, что мы тогда находились въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Византіей; но монгольское иго уничтожило на Русь просвѣщеніе, и потому русскій народъ впалъ въ нечестіе и суевѣріе, и тутъ-то стали расти мѣшья, легшія потомъ въ основу раскола. И коротко и ясно. Оказывается, что была же прова, когда мы были образованы, и не суевѣры. И кончить тутъ дѣлается: нашему мягкому русскому сердцу и слово глупо выходитъ помятый и... правильный. Впрочемъ негодимъ сказать «правильный»; довольно будетъ на первый рязъ сказать «помятый». А помятый онъ потому, что тутъ все посылки, и большая и меньшая, и заключеніе удовлетворять какому ни есть логика. Мы не хотимъ разбирать, вполне этого полнаго силлогизма: это значило бы прискорбать вниманіемъ нашихъ читателей; скажемъ кое-что только о первой посылкѣ. А вѣрность второй пусть докажетъ намъ русскій историкъ Соловьевъ, о которомъ что бы ни говорили «Отечественныя Записки», нельзя сказать, что онъ не историкъ. Онъ слышитъ, что вліяніе монголовъ на Русь не было на столько связано, чтобы все на Русь перевернуть вверхъ дномъ. Ну-съ, такъ первая посылка вышесказаннаго силлогизма гласитъ слѣдующее. До монгольскаго періода у насъ было просвѣщеніе на Русь, источникомъ котораго была Византія. Этимъ-то просвѣтительнымъ вліяніемъ Валентинъ мы теперь немного и займемся. Что Византія имѣла вліяніе на ходъ русской жизни, это не подлежитъ сомнѣнію, но было ли оно просвѣтительнымъ для Руси — это еще вопросъ. Чтобы доказать это, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ доказать и слѣдующее: были ли сами митрополиты и епархіальные епископы, прибывавшіе съ нами съ востока, на столько образованы, чтобы умѣть что-нибудь перелать намъ? Не споримъ, что они были люди благочестивые, вѣрно привязанные къ интересамъ греческой церкви. Но объ ихъ образованіи нужно говорить съ большою осторожностію, тѣмъ болѣе, что сама Греція послѣ X вѣка не очень-то была богата просвѣщеніемъ; даже нужно доказать, что она именно, а не сама князь устроили, удаляясь, которая дѣйствительно была на Русь до

монгольского ига; затѣмъ нужно доказать, что старинное православство разливалось на Русь свѣтъ просвѣщеній; придется даже найти, что паломники впервыхъ сами были люди довольно образованные, восторжхъ путешествовали не по одному монастырю, а т. д. А вѣдь доказать все это свѣтами, да же такими, которые принадлежатъ къ исключеніямъ, очень трудно, но крайней мѣрѣ в снхъ поръ все это остается еще недоказаннымъ. Задача дѣйствительно очень трудная, до тѣхъ поръ, покада положительное не докажутъ силу влияния Византіи на Русь. Дѣлать его негодными предметомъ какихъ угодно разсужденій, значить допускать *positio prima*: повѣрьте дескать тому, что я напередъ вамъ скажу, а потомъ я вамъ объясню дѣло — вотъ такъ.. Пожалуй объясните, если хотите, для развлечения отъ скуки, но пожалуйста не претендуйте на этотъ на истину.

Точно также строится и второй syllogismus, и на самомъ дѣлѣ построить его мы предоставляемъ самимъ читателямъ. Событій въ этомъ случаѣ впервыхъ взять за образецъ первый syllogismus, а восторжхъ замѣнить слово невѣжество — суевѣріемъ; затѣмъ мы будемъ его касаться, потому что это отняло бы у насъ много вѣста и времени, да и скука-то была бы какая, — а у насъ еще вперед много дѣла. Опять тутъ замѣшалось бы и монгольское иго, и православительное влияние Византіи и т. д. О третьей причинѣ и говорить нечего, потому что ктожъ не видитъ, что исправленіе Никоновыя церковныхъ книгъ — единъ только поводъ къ обнаруженію раскола, свѣдѣтельно тутъ разсуждать и полемизировать съ разбросанной вами фалангой писателей по расколу; значить тоже торать время. Но вѣдь мы еще въ долгу предъ читателями... Въ началѣ своего разсужденія о расколѣ мы обѣщались сказать о причинахъ его явления — свое собственное слово. Мы и скажемъ его... но не потому, чтобъ сами ужъ считали непогрѣшимымъ свое собственное мнѣніе: нѣтъ, просто потому, что не любимъ лаять: бить же не было долговъ. И опять оговорка. Мы вовсе не обѣщаемъ учтившихъ цитать, глубокомысленныхъ разсужденій... ну, хоть такія; книги читаемъ въ каждой книгѣ «Отчечественныхъ Записокъ». Мы слишкомъ недоувѣрчивы къ самимъ себѣ, слишкомъ болѣе — робки, а потому будемъ высказывать свое мнѣніе гонимотически. Мы пожалуй сами готовы сказать, что мнѣніи наши — парадоксы. А потому читатель ничего не потеряетъ, если смутится безъ влияния сѣдующую страницу нашего журнала.

Не было ли причинъ къ отдѣленію нашего простого народа отъ русской церкви въ самомъ социальномъ положеніи тогдашней части своего народа? Этотъ парадоксъ относится къ вопросу: существовалъ

ли простой народъ нужду въ отдѣленіи отъ общества, съ которымъ прежде состоялъ въ связи? Это первое.

Не было ли въ самой тогдашней религиозной русской жизни причина, почему въ расколѣ образовался известный всплывъ на поверхность рода вещи, и не способствовала ли вся она образованію людей, въ свое время поднявшихъ знамя раскола? Этому нармонецъ отвѣтитъ въ вопросу объ естественности такого явленія, каковы расколы.

Опять говоримъ, что все это не болѣе, какъ парадисы и шато-тези. Вы, мнѣ кажется, можете и не обращать на нихъ никакого вниманія. Не мы, мнѣ въ виду сдѣлать ихъ еще болѣе парадоксальными, рѣшаемся прибавить къ двумъ вышесказаннымъ возраженіямъ еще вооруженія разсужденія.

Вотъ видите ли дѣло въ чемъ: исторія раскола той эпохи, когда оно только что помыслился, и современной намъ эпохи по-настоящему два замѣчательныхъ факта. Первый тотъ, что куда ни проникалъ расколъ, онъ вездѣ распространялся съ большою скоростью, какъ-будто вездѣ была подготовлена для него почва. Не забудемъ при этомъ, что въ основѣ раскола всегда, какъ прежде, такъ и теперь, лежала и лежитъ мысль о необходимости для раскольника отдѣленія отъ общества и образованія своего. Не правда ли, что подобный фактъ указываетъ на то, какъ сильно вездѣ было распространено между простымъ народомъ мнѣніе, что не изъ его среды, и что стало тогда, походить на кому-нибудь простому монаху, который бы казался отсутствующимъ отъ интересамъ — народъ готовъ былъ прервать всякую связь съ вышнимъ для него обществомъ. Тутъ нельзя сказать на ты, что народъ отступился отъ церкви именно вслѣдствіе религиознаго разномыслія, а не него-нибудь другого. Въ подтвержденіе нашей мысли мы можемъ указать на слѣдующій чисто-современный фактъ. Известно, какъ держитъ себя всякій раскольникъ въ обществѣ, обратившись къ православію. Ему пожалуй и докажутъ, что азмалюю нужно прегубить, а не сугубить и т. д., а онъ все держитъ своего, — все поворитъ что нѣтъ ужъ, бачно, оставь меня, гдѣ вамъ, и т. д.: такъ и видно, что ему дорого общество, а въ коворомъ онъ живетъ, что не религиозное разномысліе, относительно азмалюя удерживаетъ его въ цомъ, а кое-что другое. Скорѣй всего можно предположить, что это «кое-что другое» есть именно вся система, которую онъ олицетворяетъ подъ видомъ азмалюя и т. и. Опять-таки тутъ нельзя утверждать, что это уморство въ своемъ извѣстн. есть порожденіе невѣжества, ничего непонимающаго. Нѣтъ! чуждымъ раскольникъ — человекъ, и тоже способенъ понимать что-

нибудь, — объ этомъ совѣстно и говорить болѣе. Теперь вы укажемъ пункты, на которые исторія раскола должна обратить вниманіе для уясненія себѣ его происхожденія. Овечь говоримъ, что наше мнѣніе — парадоксъ. Но ужь такъ пришлось бетноваться и немъ, можетъ-быть просто для развлеченія. Историкъ развѣдательно бы сдѣлалъ, уяснивъ намъ:

... Какое положеніе въ обществѣ занималъ нашъ крестьянство во XVII вѣка? Какая была система, заправлявшая тогда отношеніями сословными?

... Въ какой мѣрѣ она была усвоена администраціей церкви, некогда вѣтовавшей себя въ средѣ, въ которой съ особенною силой распространялся расколъ?

... Какое обстоятельство способствовало попыткамъ простаго народа отдѣлаться отъ общества, съ которыми онъ жилъ прежде въ связи, — слиться съ попыткой жить самостоятельную религиозную жизнь, независимую отъ религиозной жизни остального общества и т. д.?

... Теперь объяснимся по второму парадоксу. Вотъ видите ли для въ чемъ:

... Всякой почвѣ такъ-сказать прирождены своего рода травы. На глинистой почвѣ не растетъ лапушникъ, это всякому извѣстно. Посѣете овесъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ сѣяли, — не будетъ ржи; а непременно вырастетъ овесъ; огуречное сѣмя даетъ вамъ огурецъ, а не смокву, дыню, или что-нибудь другое. Посадите яблоно, будете ходить за ней, да холить ее, — будутъ у васъ и яблоки хорошіе, а много ихъ будетъ. Нѣтъ? — на нѣтъ и суда нѣтъ. Законы-природы неизмѣнны; все въ ней развивается только въ то, чѣмъ можетъ-быть оно по самому существу своему и развивается только при извѣстныхъ условіяхъ. Такъ вотъ точно также и въ нравственномъ царствѣ. Что посадите... нѣтъ, прежде всего — что вы въ составѣмъ посадить, какъ будете помогать расти посадку, то у васъ и будетъ. У хорошаго отца большею частью бываетъ хорошей сыновъ, хотя бываютъ исключенія; изъ хорошей нравственной семьи выходятъ люди хорошіе, хотя тоже и тутъ бываютъ исключенія. Развитие человека въ такую или другую личность много и очень много зависитъ отъ воспитанія, какое получаетъ онъ. У много образуется такіе взгляды на вещи, у другого другіе, а все оттого, что онъ обращался и росъ въ различныхъ кружкахъ. Иной выходитъ фанатикъ; иной не-фанатикъ, а все-опять таки оттого, что онъ одного сдѣлалъ фанатика, изъ другого нѣтъ. Говоря такимъ образомъ, мы воное не думаемъ считать человекъ — какъ *tabula rasa* дескать что на этой *tabula* отпечаталось, съ тѣмъ она и остается

У всякаго человека есть конечно природенныя личныя свойства, которыхъ не изглаживаютъ въ немъ никакимъ воспитаніемъ и которые имѣютъ безспорное вліяніе на полное развитіе всякой личности. Говорить ли, что указанныя нами явленія повторяются и въ религіозномъ воспитаніи народовъ? Итакъ историкъ раскола, по нашему парадоксу, долженъ обратить вниманіе на слѣдующій естественно-научкающій отсюда вопросъ :

Почему простой народъ между главными причинами своего отпаденія отъ церкви, поставилъ сугубую аллюзію, двуперстное знаменіе и т. п. вещи ?

Все это, повторяемъ, парадоксы, и мы за нихъ не хотимъ отвѣчать. А высказывали ихъ потому, что не хотимъ остаться въ долгу у нашихъ читателей. Мы знаемъ, что они несогласны съ нашимъ воззрѣніемъ. Пусть мы говоримъ парадоксы, а вотъ, отчего же это ученіе-то ваше не разъясняетъ дѣла? Вопросъ о расколѣ—одинъ изъ важныхъ вопросовъ; многіе занимаются имъ, но когда приходится имъ рѣшать его, они рѣшаютъ его такъ-себѣ, какъ издумается. Они совершенно не держатся при этомъ самаго древняго латинскаго присловья : *audiatur et altera pars*. Вотъ другой-то *pars* и не слушаютъ, а можно бы много кой-чего нужнаго узнать изъ того, что говорилъ расколъ.

Мы говоримъ о сочиненіяхъ раскольническихъ и хотимъ указать всю важность ихъ значенія въ дѣлѣ рѣшенія вопросовъ по расколу. Что они имѣютъ большую важность для всякаго, кто занимается расколомъ, это дѣло несомнѣнное. Сочиненій раскольниковъ очень много. Всѣ они написаны большею частью въ перахъ эпохи развитія раскола и притомъ людьми, которые ближе всего приближились къ сердцу раскола. Лица эти извѣстны: Аввакумъ, Лазарь, Феодоръ, Сава и др. Отъ этого обстоятельства сочиненія раскольниковъ получаютъ въ глазахъ изслѣдователя особенное достоинство, равно отъ него же и теряютъ нѣсколько своей цѣны. Достоинство потому, что писатели историческихъ раскольническихъ книгъ были большею частью очевидцы событій; а теряютъ часть своей цѣны потому, что, какъ люди, слишкомъ много заинтересованные въ дѣлѣ, они не могли отнестись къ нему съ полнымъ безпристрастіемъ. Особенно это обстоятельство имѣло вліяніе на раскольническихъ писателей потому, что эпоха появленія раскольническихъ сочиненій была эпохой только-что появившейся секты; а извѣстно то совершенно вѣрное историческое замѣчаніе, что каждая секта на первыхъ порахъ своей жизни отличается особеннымъ фанатизмомъ. Это время было самой лучшей эпохой въ жизни раскола. Раскольническія убѣжденія исповѣдывались тогда съ осо-

бессильной силой. Чтобы сохранить для них свободу, державшихся эту лагу не задумывались понимать свой реальный статус, творца своего рожденья и воспитания; для них они не задумывались разрывать узы родства, крови, бѣжали въ дѣла, подвергались лишениямъ, пыткамъ и различнымъ родамъ казни. Таковой силой и творчествомъ расколъ никогда не достигалъ во все послѣдующее время своей исторической жизни. Предводителямъ раскола работали въ пользу его сколько хватало силъ и способностей; и словомъ и писаніемъ защищали дѣло, которое считали святымъ, своимъ, дѣломъ жизни. Оттого-то сочиненія раскольниковъ и дышатъ той восторженностью, которая при чтеніи такъ обязательно дѣйствуетъ даже на человека совершенно нерасположеннаго въ пользу раскола. Въ каждой строчкѣ, въ каждой мысли проглядываетъ какой-то несокрушимая сила убѣжденія, какой-то нечеловѣческій преданность одной предположенной цѣли. Вотъ почему теперешняя мысль раскольниковъ съ любовью всегда обращается къ этой эпохѣ, полной историческихъ воспоминаній, съ любовью вспоминаетъ тѣхъ дѣателей, которые всю свою жизнь употребили на дѣло распространенія раскола и наконецъ сложили голову за свои убѣжденія.

Въ этихъ-то раскольническихъ сочиненіяхъ между прочимъ заключаются весьма важныя для насъ матеріалы для изученія нашей народности. Извѣстно, писатели большей части раскольническихъ сочиненій: вышли изъ самой среды народа, всю жизнь свою обращались именно въ этой средѣ, усвоили себѣ ея воззрѣнія на вещи, смотрѣли на весь міръ подъ ея угломъ зрѣнія, одними словами были волевыми представителями народныхъ нуждъ, стремленій, хотѣньятовъ. Въ ихъ сочиненіяхъ отразилось именно міросозерцаніе нашего народа, воспитавшагося при извѣстныхъ намъ историческихъ обстоятельствахъ, та простота, съ какою судить о вещахъ, и искренность гнѣва или радости, смотря потому, чѣмъ въ какой мѣрѣ возбуждены въ немъ гнѣвъ или радость. Мы сколько не преувеличимъ значенія ихъ, если скажемъ, что раскольническія сочиненія даютъ намъ возможность полнѣе и всестороннѣе изучить народный типъ XVII столѣтія. Въ другихъ писаніяхъ этого вѣка мы не найдемъ полного отраженія его страстей, его стремленій, характера, образа его мышленія; не найдемъ потому, что близость писателя къ властямъ контролировала волею свободное выраженіе внутренней жизни, сглаживала всякое болѣе рѣзкое проявленіе какъ индивидуальности, такъ и жизни общества. Ихъ языкъ не могъ быть откровененъ, потому что откровенность приносила большею частью къ батогамъ, особенно сильное суровѣе отвовавшимъ на Русь въ XVII вѣкѣ; потому, мысль общества,

даром въ особенности, и не могла выразиться въ нихъ со всею определенностью и полнотой. Дѣло же расколочителей было совсѣмъ другое дѣло. Бояться они ничего не боялись, говорили что думали, потому что въ жару религіозности они не боялись богомья градской казни. Вы скажете, они были фанатики? — можетъ-быть! во всемъ и фанатизма нѣтъ отгнѣсить народными чертами; въ нихъ-то и выразился фанатизмъ XVII столѣтія.

Впрочемъ мы должны говорить о той сторонѣ раскольническихъ сочиненій, которую они соприкасаются собственно съ предметомъ нашихъ, т. е. расколомъ, а мы говоримъ объ ихъ важности для изученія русской народности вообще и исторіи XVII вѣка въ частности. Объ этомъ, пожалуй скажете вы, лучше всего говорить напр. г. Буслеву и г. Соловьеву: эти вещи — ихъ собственно спеціальная предметъ. Такъ конечно. Оттого-то вѣдь мы поверхностно и касаясь этихъ пунктовъ, вовсе не желая пресловутъ себя чужую область изслѣдованій. *Sunt cuique*. Мы только хотѣли обратить вниманіе нашихъ читателей на тотъ кладъ, который у насъ лежитъ вовсе нетронутымъ: авось-либо кто задумаетъ воспользоваться имъ и тѣмъ принесетъ пользу наукъ. Затѣмъ мы возвращаемся опять къ своему предмету.

По раскольническимъ сочиненіямъ можно услѣдить, что за главная причина побудила массы нашего простого народа отдѣлиться отъ церкви и общества, съ которымъ прежде онъ состоялъ въ связи. Тамъ вы найдете исторію событій, имѣющихъ очень важное значеніе въ жизни раскола. Тамъ вы найдете средства узлать то звено, около котораго группировался расколъ.

Опять-таки повторю, тутъ нужно умѣнье искать, умѣнье не сбиваться съ толку догматическимъ разногласіемъ и не считать частности главными вещами. Тогда сочиненія раскольническія будутъ чѣмъ-то такимъ, съ чѣмъ вужно знакомиться только *ex officio*, что вужно знать потому только, что писаны они раскольниками. Можетъ-быть добросовѣстное и безпристрастное изученіе ихъ повеле бы къ рѣшенію нѣкоторыхъ очень трудныхъ вопросовъ, касающихся раскола.

Къ сожалѣнію мы должны замѣтить, что авторъ описанія раскольническихъ сочиненій вовсе не умѣлъ, надлежащимъ образомъ приступить къ изученію ихъ. Изъ его сочиненія видно, что онъ хотѣлъ чего-то добиться отъ раскольническихъ сочиненій, но по крайней мѣрѣ желаніе осталось у него не болѣе какъ желаніемъ. Дѣло въ томъ, что онъ подступалъ къ раскольническимъ сочиненіямъ не съ такими вопросами, которыхъ вовсе не стоило задавать, а не съ вопросами дѣльными, но самъ-то вовсе не умѣлъ

найти на нихъ отвѣта въ раскольнической литературѣ. И если изъ его толстой книжки выкинуть все что написано безъ всякой опредѣленной цѣли, то мы изумились бы ничтожности того, что осталось бы стоящимъ нѣкотораго вниманія.

Авторъ, г. Александръ Б. приступалъ къ труду со всѣми скептическими приѣмами. О каждомъ сочиненіи онъ хотѣлъ предложить читателямъ: 1) свѣдѣнія касательно внѣшней его стороны, о его писателѣ, о тѣхъ особенно обстоятельствахъ жизни писателя, которыя сопровождали появленіе на свѣтъ его сочиненія, *о впечатлѣніяхъ и вліяніяхъ, какія сочиненіе произвело или можетъ производить*; «потомъ»: 2) свѣдѣнія касательно внутренней стороны сочиненія, именно свѣдѣнія о главномъ предложеніи, главной мысли, или идеѣ сочиненія; его планѣ, выдержанности идеи и плана въ отдѣльных частяхъ сочиненія, обстоятельности каждой изъ частей, общемъ характерѣ, языкѣ и замѣчательнѣйшихъ мѣстахъ сочиненія, наконецъ о значеніи сочиненія въ отношеніи къ старообрядству.

Не правда ли, что рубрикъ тутъ чрезвычайно много, хотя, какъ увидимъ ниже, и не Богъ-знаетъ сколько пользы принесла многочисленность этихъ рубрикъ. Происхожденіе ихъ у автора объяснить очень легко. Авторъ просто хотѣлъ приложить къ раскольническимъ сочиненіямъ тотъ методъ, какииъ обозрѣваются въ духовныхъ заведеніяхъ книги св. писанія и еще самъ приложилъ кое-что такое, чего вельзя прилагать къ анигамъ, которыя считаются непогрѣшимыми. Оно повидимому и хорошо такъ описывать книги, какъ это дѣлаетъ авторъ. Предъ вами книга, пожалуй хоть житіе протопопа Аввакума. Въ видахъ облегчить ея пониманіе, вамъ скажутъ, кто былъ писатель (конечно съ приличными аргументами), съ какою цѣлью написана книга, какія были побужденія и поводъ къ написанію ея, гдѣ и когда написана она, какое впечатлѣніе и вліяніе она произвела или можетъ производить; затѣмъ скажутъ, кака я главная идея и т. д., — все скажутъ, а вы только слушайте. Узнаете ли изъ всего этого о книгѣ то, что вамъ нужно — это вопросъ другой; только слушать вамъ приходится много. Вопросъ напредвѣръ идетъ о цѣли, поводѣ или побужденіяхъ къ написанію книги. Побужденіемъ къ написанію книги послужило, говорятъ вамъ, то обстоятельство, что такой-то побужденъ былъ таимъ-то, «да не забавно предано будетъ дѣло божіе». Вамъ пожалуй можетъ представиться вопросъ: да какія же могутъ быть у автора особыя побужденія къ написанію того или другого сочиненія? Просто захотѣлъ заняться — и написалъ; а захотѣлъ потому, что считалъ такое-то дѣло важнымъ, стоящимъ того, чтобъ изъ-за него взять перо въ руки. Давскиваться тутъ особыиъ побужденій нечего: это значитъ ле-

или только идти тѣмъ, въслѣдствіе какихъ побужденій Язонъ на-
примѣръ побѣдъ въ Колхиду. Но вы послушайте, вамъ еще ска-
жутъ о цѣли книги. Видите ли, побужденіе къ написанію ея со-
стояло въ томъ, чтобы не прелать забвенію такое-то дѣло; задается
вопросъ о цѣли, и вамъ снова повторяется тоже самое, только въ
другой формѣ: цѣль состоитъ въ томъ, чтобы разсказать во славу
божью то и то. А то еще не угодно ли послушать что-нибудь о по-
ведѣ при написаніи книгъ? Или нѣтъ, довольно. Мы и то бѣжимъ
утомлять вниманіе читателей.

Не значитъ ли все это, правду сказать, перелмывать изъ мустого
въ пороженое? Развѣ это ученая манера — говорить о томъ впечатлѣ-
ніи или вліяніи, какое производило въ прежнія времена или те-
перь: производить чтеніе извѣстнаго сочиненія? Гдѣ это г. авторъ
исключалъ, какими вздохами въ старыя времена сопровождалось
чтеніе напримѣръ писемъ Аввакума? Неслишкомъ ли ужъ онъ рис-
куетъ тутъ своею личностію? На одного человѣка чтеніе нрав-
ственнаго сочиненія производитъ такое впечатлѣніе, а на другого со-
всѣмъ иное. Вѣдь нельзя не согласиться, что бываютъ люди съ раз-
личными степенями воспримчивости. Такъ какъ же послѣ этого г.
Александръ Б. можетъ категорически объявлять всѣмъ своимъ чи-
тателямъ, что такое сочиненіе производитъ—де такое впечатлѣніе, а
такое-то совсѣмъ другое? Или нѣтъ ли ужъ и тутъ у автора особен-
ныхъ цѣлей? Можетъ—статься онъ полагалъ, что сказавъ о худомъ
вліяніи извѣстнаго сочиненія, онъ отниметъ тѣмъ охоту у дубавки
читать такую книгу. Не правда ли, что это очень и очень наивно?
Или авторъ хочетъ показать слишкомъ большой запасъ своихъ пси-
хологическихъ свѣдѣній и хочетъ выставить ихъ во всемъ объемѣ?
Не потому ли онъ часто и принимается опредѣлять, какое вліяніе
производитъ извѣстное сочиненіе на человѣка необразованнаго и
какое на образованнаго? Необразованный человѣкъ — извѣстное
дѣло — невѣжда, дуракъ, его обмануть легко; и вотъ, авторъ обычно-
венно говоритъ, что такое-то сочиненіе на необразованнаго чело-
вѣка производитъ впечатлѣніе довольно сильное и можетъ сокра-
тить его съ истиннаго пути. А на образованнаго то же сочиненіе,
по его словамъ, дѣйствуетъ увлекательно; хотя тутъ дѣло дѣлается
уже безобидное, т. е. хотя такое-то раскольническое сочиненіе
производитъ на образованнаго челоѣка увлекательное дѣйствіе, на
оно уже не на того напало: образованнаго-де челоѣка трудно обма-
нуть. Вѣдь сколько тутъ можно извлечь пользы для жизни изъ не-
обиднаго открытія г. Александра Б. ! Вотъ все говоримъ, что трудно
узнать людей! Теперь ларчикъ просто открывается: стоять только
дать раскольническую книгу: какому угодно челоѣку, и потому смо-

трѣть, какое вліяніе производитъ на него чтеніе этой книги; а гнѣвъ остается только узнать изъ речиси г. Александра Б., каковы результаты сопровождается чтеніе той книги у образованнаго необразованнаго челоука: попла-вое-это-сдѣлаво, можно уже дѣлать заключеніе и къ уму испытываемаго лица.

Писатель имѣетъ тенденціи говорить объ языкѣ, какимъ писаны расколыническія книги, и по всему видно, что онъ въ совершенствѣ знаетъ грамматическія правила г. Грона о словосочиненіи. Затожъ и досталось отъ него этимъ неучамъ—писателямъ XVIII вѣка. Люди они, какъ извѣстно, были необразованныя; они выходили изъ законопасской школы, а прямо изъ среды народа, следовательно знали только то, что Богъ послалъ. Уже одно то слишкомъ ярко выставляетъ ихъ невѣжественность, что они издавали въ свѣтъ свои труды не подумавъ, что скажутъ объ нихъ ученые XIX вѣка. Ну, развѣ не стытъ имъ, неучамъ, что они, не учившись грамотѣ, тоже пустились въ занятія въ некотораго рода литературой? И за дѣло къ ихъ наказываетъ г. Александръ Б.! Хорошенько ска! Грамматикъ не знаютъ, а тоже пускаются въ ивѣноватость, употребляютъ ироническій языкъ. Мы совершенно раздѣляемъ авторскіе негодованіе на безграмотность расколыническихъ писателей. Впрочемъ всякое дѣло на землѣ нельзя считать такимъ уже совершеннымъ, что нельзя бы было пожелать отъ него чего-либо лучшаго. Такъ и тутъ. Мы хотѣли бы спросить автора, отчего онъ не удостоился въ изслѣдованіи хотя бы о народномъ языкѣ, употребленномъ въ эпоху появленія расколыническихъ сочиненій? Безъ нужды, мы торжко жалѣемъ, что онъ не подѣлилася съ нами своею ученостію. А вѣдъ тутъ можнобы было пуститься въ онтологическія изслѣдованія, сказать нѣчто объ исторіи языка, поумучто перилъ между самымъ раннимъ расколыническимъ сочиненіемъ и самымъ позднимъ обвиняетъ собой: никакъ не можетъ цѣлаго столѣтія.

И при разборѣ внутренней стороны, авторъ не пожелалъ расколынической литературы. Тутъ вездѣ слышится его благородный и смѣлый уворъ за ея невѣжество въ знаніяхъ грамматическихъ, логическихъ и историческихъ и т. п. Однимъ словомъ „суеи-сѣ-вѣжда быи эти расколыническіе писатели. Не знали грамматики, а пускались тоже писать обширныя сочиненія; не знали логики, а тоже издумали выслетъ, тоже пустились въ поэтику, какъ будто и возможно было ихъ невѣжественнымъ и злобнымъ, поделавъ уличить кого-либо въ недостатокъ знанія истинны! Оттого при разборѣ внутренней стороны каждаго расколыническаго сочиненія автора оказывается:

Приступъ: «Здѣсь беззастѣнливая сѣбѣ историческая артерія;

близъ соединѣнныя послѣдствія (еще бы!), такого-то св. отца, свѣтъ, ютъ и! бездѣльщина, однако имѣющая злопамятную цѣль и прѣ-

Моложе: здѣсь безпорядочный сборъ такихъ и такихъ вещей.

Всѣмъ онымъ такъ производится общее рѣшеніе о сочиненіи въ роль слѣдующаго: «присутствіе естественнѣ нехудо»: по совершенному отсутствію морала и логическаго смысла; онъ неважно, хотя живость речей сочинителя въ немъ выказалась достаточно, и т. д.

А то г. Аничковъ въ В. приметъ излагать, что собственно содержитъ въ книгѣ и пущется въ подробности, послѣ предварительнаго неважнаго замѣчанія, что тутъ-де все сумбуръ, безпорядочная свѣтъ. Тутъ онъ вамъ разсказываетъ, сколько частей въ книгѣ, въ сколько онъ раздѣляется главы, и главы—на сколько частей, и вѣтъ-вѣтъ предлагаетъ подробный кодексъ этихъ главъ, съ краткими указаніемъ на содержаніе. Да такъ разговорится иногда о содержаніи этихъ книгъ; что хоть къ самому описанію его дѣлай новое описаніе. Авторъ вѣроятно хотѣлъ познакомить публику съ живыми писаніи у него подъ руками раскольничьи сочиненіями; но за нѣкоторыми исключеніями, онъ описанъ большую часть ихъ такъ, что знакомиться съ ними нужно вотъ какъ: въ одной рукѣ держать его описаніе, а въ другой описываемую книгу. Только при этомъ разнѣ условия читатель можетъ рассчитывать, что прочтеть самое сочиненіе и описаніе; онъ пойметъ что говорится какъ въ первомъ, такъ и во второмъ.

Между тѣмъ подобнаго рода изслѣдованіями авторъ думалъ достигнуть чего какой цѣли: «Въ отношеніи къ лицамъ, которые должны основательно и во всей обширности изучить русский расколъ; чтобъ послѣ успѣшно дѣйствовать на него и брами убѣжденія, это описаніе имѣетъ цѣлью не только ознакомить эти лица съ истинными мнѣніями, въ которыхъ расколъ распростирается, но и показать, какъ онъ распространялся и овладѣвалъ умами старообрядцевъ, какъ образовался въ систему старообрядства и защищался своими поборниками;—чтобъ эти лица, зная, какое оружіе употребляли и употребляютъ они противъ насъ, лучше понимали; какое оружіе мы должны употребить противъ раскола. Для другихъ читателей сочиненіе это можетъ открыть глубину и чистоту враки въ которомъ бредитъ нашъ расколъ; раскрывая истинность самыхъ поточниковъ его. Наконецъ читателямъ, разумающимъ по расколу и способнымъ размышлять о немъ, это сочиненіе можетъ показать, какими баснями они обучаются, отрицая истиннаго Благодетеля».

А по нашему мнѣнію, такъ напрасно авторъ предпослалъ такую тиреду своему сочиненію; потому что онъ просто не достигъ имъ

никакой цѣли. Очень трудно сказать, въ какой мѣрѣ его сочиненіе можетъ кому-либо пособить основательно и до всей обширности ивунить расколъ. Авторъ повидимому подробно раскрываетъ, какое раскольничье ученіе помещено въ такомъ-то сочиненіи. Но читая описаніе его, скорѣй всего приходишь къ убѣжденію, что онъ не имѣлъ въ виду различія раскольничьяго ученія не потому, что онъ данъ самой описываемой книгой, а потому, что отыскавы въ ней самимъ авторомъ, какъ предназначенныя данныя. Оттого и выводитъ, что какъ вы описываетъ раскольничьскія сочиненія г. авторъ, въ каждомъ изъ нихъ, по его словамъ, все одно и то же. Поэтому вмѣстѣ обширнаго-то знанія раскола, изъ чтенія всей его книги вы вынесете убѣжденіе, что не стоитъ занимать раскольничьской литературой, а нужно ознакомиться только съ однимъ или двумя сочиненіями и потомъ заключать отъ нихъ къ остальнымъ. Въ этакъ г. Александръ Б. уничтожитъ пожалуй въ насъ охоту заниматься расколомъ! Делать автору хотѣлось показать, какъ расколъ распространялся и овладевалъ умами старообрядцевъ, какъ образовался въ систему и защищался... чтобы и мы, жители XIX столѣтія, могли тѣмъ же орудіемъ противодѣйствовать расколу, нажимъ онъ дѣйствуетъ противъ насъ. Вотъ что значитъ ужь сильно разораторствоваться! Ну, скажите на милость, развѣ это не слова, сказанныя надобумъ, не обвиненія, исполнить которыхъ авторъ вовсе и не думалъ? Мы видѣли методъ, какой употребляетъ онъ при разборѣ раскольничьскихъ сочиненій; развѣ можно достигнуть имъ такихъ цѣлей? Авторъ говоритъ еще, что онъ хотѣлъ осветить густоту мрака, въ какомъ ходятъ раскольники. Правда, что онъ хотѣлъ; это видно изъ его труда, но вѣдь и остался при выномъ воляе хотѣнія. Хотѣлъ онъ указать густоту раскольничьяго мрака, а вышло что оказалась наполненной голословными, нисколько не доказательными возгласами, о безземельности и безграмотности раскольничьскихъ сочиненій!

А вѣдь говоря правду, мы вовсе не противъ изученія раскольничьскихъ сочиненій, Богъ съ вами, изучайте ихъ сколько хотите; можете по нѣму тѣмъ оказать обществу. Только изучайте съ добросовѣстностью и безпристрастіемъ; приступая къ труду, не набейтесь никакихъ предназначенныхъ цѣлей, не беритесь только за трудъ съ предвѣстной цѣлью—одно похвалить, другое осудить. Вотъ это-то и есть *conditio sine qua non*; пожалуйста побольше безпристрастна и добросовѣстности! Ничего тутъ пускаться въ собственные, крайне иногда неудачныя разсужденія, стараться представить дѣло въ томъ именно свѣтѣ, въ какомъ вы хотите представить; заставьте дѣло говорить само за себя; повѣрьте, оно само лучше и краснорѣ-

чиіи вѣсь скажетъ, что нужно. Тогда за вами останется роль безпристрастнаго и добросовѣстнаго изслѣдователя, вѣсь ничто не оклеветать подозрительнымъ взглядомъ, вы тогда будете двигать науку въ собственномъ смыслѣ, а не дѣлать изъ нея орудіе для какихъ-нибудь предположенныхъ цѣлей.

Мы очень хорошо понимаемъ причину, почему такія повидному серьезныя изслѣдованія не достигаютъ вовсе никакой цѣли. Дѣло въ томъ, что мы при всякомъ дѣлѣ стараемся достигать окончательныхъ результатовъ и рѣдко довольствуемся ролью простаго разработчика матерьяловъ. Предварительная работа надъ чѣмъ бы то ни было какъ-то не по нашему характеру. Мы всегда не прочь щегольнуть послѣдними результатами науки, а какъ самимъ дойти до нихъ, какой путь ведетъ къ нимъ — это для насъ слишкомъ неважно. Тщательнее время, по отношенію къ народной литературѣ, къ которой мы причисляемъ и сочиненія раскольниковъ, есть время только разработки матерьяловъ; мы еще влохо вышквали въ смыслъ ея, умѣемъ въ ней разбирать только начальные буквы... Нуженъ цѣлый рядъ добросовѣстныхъ, безпристрастныхъ, серьезно ученыхъ людей, чтобъ посредствомъ долгихъ, непрерывныхъ трудовъ дойти до какихъ-либо положительныхъ результатовъ. Потому еще не рановата ли такая работа, образецъ которой представилъ г. Александръ Б.? Извѣстно, какъ рѣдки экземпляры раскольниковскихъ сочиненій; большинство публики, интересующейся ими, вовсе не имѣетъ ихъ подъ руками. Оно поэтому и не можетъ слѣдить за тѣмъ, насколько вѣрно всякій описыватель раскольниковскихъ сочиненій относится къ нимъ. Значитъ всѣ эти описыватели по необходимости требуютъ отъ публики довѣрія къ своей честности и добросовѣстности: вы дескать вѣрите мнѣ и слушайте, что я буду описывать вамъ. Согласитесь, что публика никакъ не можетъ быть слишкомъ расточительна на довѣріе всякому лицу, имя котораго въ первый разъ является въ печати. Вѣдь почему знать: можетъ-статься, второй авторъ изъ подобныхъ описаній можетъ слѣдять средства для какихъ-нибудь узкихъ, исключительныхъ цѣлей? Если у васъ есть желаніе познакомить публику съ раскольниковскими сочиненіями, такъ издайте ихъ въ подлинникъ. Для публики это будетъ большимъ подаркомъ, потому что она очень интересуется ими. Да и вы можете даже тутъ показать всю свою ученость. Нѣкоторыя раскольниковскія сочиненія существуютъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Вотъ и сравните ихъ, да покажите, которая редакція вѣрнѣе: тогда и ваша ученость и публика будутъ въ выигрышѣ. А иначе какъ же? нельзя отдѣлываться набѣло того, чего не приготоуишь вчернѣ.

Или отчего бы напрямѣръ не составить исторіи раскола по его

сочинениямъ, строго считая въ нихъ одно извѣстiе съ другими и подвергая, гдѣ нужно, исторической критикѣ? Вѣдь дѣлается даже наприимѣръ въ Иллюстраціи, кажется г. Максимовымъ. Тогда облегчались бы изслѣдованiя и нашихъ историковъ XVII столѣтія; вмѣсто того чтобы рыться въ запыленныхъ рукописяхъ, да терять нужное для нихъ время иногда безплодно, они могли бы найти готовые изслѣдованiя въ хорошей монографіи, составленной какинъ-либо умнымъ и трудолюбивымъ ученымъ.

Опять повторяешь, что описывать наши старыя рукописи такъ, какъ это дѣлаетъ г. Александръ Б., значить недостигнуть никакой цѣли: Его трудъ нельзя назвать предварительной разработкой матеріаловъ, потомучто во всемъ его сочиненіи проглядываетъ тенденція произносить окончательный судъ надъ сочиненіями. Нельзя назвать его трудъ и окончательнымъ выводомъ науки, потомучто ему не достаетъ основательности и безпристрастія. Такъ чтожъ это такое? спросите вы насъ. Послѣ всего, что мы уже сказали о его трудѣ, отвѣтъ на этотъ вопросъ мы предоставляемъ сдѣлать уже самимъ читателямъ.

ДЕРЖАВИНЪ-ГРАЖДАНИНЪ

Записки Гавриила Романовича Державина

1843—1849. Изданіе Русской Бесѣды. Москва 1860.

Помните, читатель, время вашего воспитанія, годы въ школь — помните классъ русской словесности? Но впрочемъ можетъ-быть вы, выросшій и образовавшійся подъ другими впечатлѣніями, не раздѣлите этихъ воспоминаній... Въ воображеніи нашемъ непремѣнно въ ту минуту, какъ долетаетъ до насъ громкое слово «Державинъ», ярко возникаетъ почтенная личность нашего бывшаго наставника. Читая лекцію о Державинѣ, онъ обыкновенно всякій разъ восторгался до того, что причислялъ поэта къ какимъ-то неземнымъ существамъ; онъ никакъ не постигалъ возможности, кромѣ похвалы, говорить о Державинѣ что-нибудь другое. Лекція начиналась декламациею оды «Богъ»: безконечное умиленіе, безконечное благоговѣніе выражало лицо педагога. Затѣмъ говорилось о великости Державина: о томъ, какой онъ былъ добродѣтельный старецъ, какой примѣрный ревнитель закона, какъ перекладывалъ онъ псалмы и сочинялъ оды духовнаго содержанія, какъ за «Фелицу» получилъ онъ подарокъ отъ Екатерины II, попалъ къ ней въ милость и сдѣлался потомъ вельможей; ко всему этому добавлялось, что никто изъ поэтовъ лучше его не былъ проникнутъ духомъ священнаго писанія, и что семейная жизнь его представляетъ образецъ самый поучительный. Останавливаясь на посланіяхъ къ Голикову (*Первому соседу*), Скопихину, онъ указывалъ на нихъ какъ на увѣщанія, которыя Державинъ писалъ своимъ современникамъ, удерживая ихъ отъ праздности, роскоши и другихъ пороковъ. Ода «Зубову» (на возвращеніе его изъ Персіи), говоря о которой, педагогъ никогда не позабывалъ добавить, что «она написана въ похвалу вельможѣ, находившемуся въ немилости», служила неисчерпаемымъ источникомъ для самыхъ восторженныхъ возгласовъ о Державинѣ:

«Великій!.. знаменитый!.. совершившій благотворные перевороты въ жизни русскаго общества XVIII столѣтія!.. Мужъ государствен- ный!.. за правду, за все высокое воевавшій съ сильными, полага- шій за ближняго душу свою, защищавшій бѣдныхъ отъ сильныхъ вельможъ! Безсмертный! божественный! гениальный Державинъ, невинно пострадавшій и за свои высокія убѣжденія, и за свои вели- кія дѣла!» Такіе отзывы раздавались обыкновенно среди мертвой тишины цѣлаго класса благоговѣнно внимающихъ фоношей. Самъ Гоголь (скрѣпялая свою рѣчь педагогъ) сказалъ, что Державинъ постоянно стремился начертать образъ мужа праводѣйствующаго... Когда же дѣло доходило до чтенія «Вельможи», гдѣ Державинъ «об- чуетъ свѣтлѣйшаго», по выраженію педагога, тогда взмѣтывалась вся его фizioномія: глаза сверкали, лицо какъ-то передергивало, но рта была нѣна негодованія; онъ размахивалъ руками, задыхался и дрожалъ всѣмъ тѣломъ...

• А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Поирова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принести.

• А тамъ — на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медалями украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

• А тамъ — гдѣ жирный песь лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,
Замодолавецъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, сибаритъ! — Ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь!
Несчастныхъ голосу не внимаешь! (*)

(*) Сочиненія Державина. Изданіе Д. П. Штукина. С. Петербургъ. 1845 г. стр. 176.

И странно! что-то неуловимое западало тогда въ душу, брадо за сердце, такъ-будто выживало на что-то великое и святое, уносило куда-то въ туманную даль... Мы мечтали и забывались среди своенъ мечтаній...

О наша юность!.. о наша свѣжесть,

легко увлекающаяся, легко довѣрчивая ко всякому слову, ко всякой фразѣ, лишь бы они были за правду, за все высокое и прекрасное!..

Да, лекція о Державинѣ проходила не безъ обаянія на насъ. Ограниченность званій не давала возможности повѣрять убѣжденія педагога, а сила молодости и полнота чувства рисовали Державина въ воображеніи великимъ, стяжавшимъ вѣнецъ безсмертія за борьбу, за правое дѣло... И мы благоговѣли передъ нимъ.

А теперь?..

•Свѣжо предаіе, а вѣрится съ трудомъ!•

Кажется и времени-то немного прошло съ тѣхъ поръ какъ читались эти лекціи, а между тѣмъ, что осталось отъ нихъ?.. Однакоже убѣжденія нашего педагога не были исключительно его убѣжденіями: онѣ существовали въ продолженіе слѣшкомъ цѣлаго поустолѣтія и печатно высказывались еще съ большою силою.

Критика, современная Державинѣ, исключительно ограничивалась безусловнымъ благоговѣніемъ къ нему, разсыпалась передъ нимъ въ самыхъ лестныхъ похвалахъ, выраженныхъ приторными, цвѣтистыми эпитетами: такъ кромѣ общихъ фразъ о немъ, какъ о великомъ, гениальномъ, божественномъ пѣвцѣ Фелицы и т. п., до насъ не дошло ни одного болѣе дѣльнаго и основательнаго разбора его стихотвореній. Вообще Державинъ былъ сильнымъ авторитетомъ для современныхъ ему поэтовъ и литераторовъ и пользовался отъ нихъ большимъ почетомъ⁽¹⁾. Они старались посвящать ему свои произведенія, считая это великою честью для себя; такъ поступилъ Озеровъ, поднесшій Державину въ 1804 году свою трагедію «Эдипъ въ Афинахъ»⁽²⁾; такъ поступилъ С. П. Жихаревъ

⁽¹⁾ Москвитянинъ на 1842 г. № 1. статья *Державинъ. Изъ Записокъ Павла Павловича Дмитріева*. Стр. 150, 151.—*Мелочи изъ запаса моей памяти* Дмитріева въ Москв. 1853 г. № 23. декабрь, кн. 1, стр. 157.—*Дневникъ Чиновника* С. П. Жихарева. Статья 1, въ «Отеч. Зап.» 1855 г., апрѣль, стр. 394; и статья 3, въ «Отеч. Зап.» 1854 г., июль, стр. 125, 126, 140.—*Семейная Хроника и Воспоминанія* С. Т. Аксакова. Москва 1856 года. Издан. 1, стр. 520—521; 527—528; 531—532; 542.

⁽²⁾ *Объясненіи на сочиненія Державина*, имъ самимъ диктованныя родной его племянницѣ, Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой въ 1809 г. Изданныя О. П. Львовымъ, въ четырехъ частяхъ. С. Петербургъ 1834. Ч. 1 стр. 67—68. Также см.

автора «Дневника Чиновника», испрашивавший у Державина позволение посвятить ему своего «Артабана» (1). Поэты писали ему грація, торжественныя посланія; таково напримѣръ было стихотвореніе А. П. Буниной «Видѣніе въ сумерки», написанное съ цѣлю польстить Державину, очень слабое и не выраженію и по содержанію (2); таковы были сильныя стихи Родзика, которыми оплакивалъ онъ смерть Державина (3).

Взгляды на Державина и его произведенія болѣе позднѣйшихъ его современниковъ: И. И. Дмитріева, С. П. Жихарева (автора «Дневника Чиновника») и С. Т. Аксакова, познававшася съ Державинымъ уже при самомъ концѣ дней его, доказываютъ тоже, что лица эти были самыми горячими поклонниками поэта (4).

Далѣе. Князь Вяземскій въ статьѣ своей «Державинъ», написанной вскорѣ послѣ смерти поэта, величаетъ его могущественнымъ, гениальнымъ, великимъ, «лучезарнѣйшимъ свѣтиломъ» нашей поэзіи, «почтеннымъ Несторомъ музъ», «знаменитымъ мужемъ, предшавшимъ со славою и пользою цоприще долгой жизни», «пѣвцомъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ», которому даже «вся природа нечужда» и котораго «гений природа образовала въ особенномъ сосудѣ — и бросила сосудъ» и проч. и проч. (5).

Мерзляковъ въ публичныхъ своихъ лекціяхъ о Державинѣ, помѣщенныхъ въ журналѣ его «Амеіонъ», разбирая построчно оу Державина, восторгается безусловно каждымъ ея стихомъ и превозноситъ поэта чуть не до небесъ (6).

-Сочиненія Державина- изд. Смирдина 1847. Т. I, стр. 30: примѣчаніе къ стих. г. Озеру -На приписаніе Эдиша.

(1) Отеч. Зап. 1855, апрѣль. Дневникъ Чиновника, ст. 1, стр. 395.

(2) Отеч. Зап. 1855 г. Августъ. -Дневникъ Чиновника, ст. 4, стр. 401—402.

(3) Семейн. Хрон. и Воспом. Аксакова 1856. 1-ое изд., стр. 346.

(4) Москвит. на 1842 г. № 1, стр. 149—164 (Державинъ. Изъ Записокъ Его И. Дмитріева). — Семейн. Хрон. и Воспом. Аксаков., изд. 1-е 1856 г., стр. 520—521. Въ Дневникѣ Чиновника записано:

-Быль у Державина — и до сихъ поръ не могу прийти въ себя отъ сердечнаго восхищенія. Съ именемъ Державина соединено было все въ моемъ понятіи, все, что составляетъ достоинство человѣка: вѣра въ Бога, честь, правда, любовь къ ближнему, преданность къ государю и отечеству, высокій талантъ и трудъ безкорыстный... и вотъ я увидѣлъ этого мужа:

Кто, строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ!

(Отеч. Зап. 1855 г. Апрель, стр. 394.)

(5) Полная Русская Хрестоматія А. Галахова. Изд. шестой, Москва 1833 г. Ч. 1, стр. 267, 268, 270.

(6) Амеіонъ, издав. Мерзляковымъ 1813 г. июль, стр. 113—116.

Критика свободѣла, обыкновенно дѣлвшая разборъ произведеній Державина на части историческую и эстетическую, признавала сафому вѣсту некое-то небывалое гражданское подвиги, великіе перевороты въ жизни общественной вѣка Екатерины II. Таковы были двѣ статьи о Державинѣ въ «Библіотекѣ для чтенія» 1843 года за мартъ и апрѣль мѣсяцы, потомъ статья профессора Никитенки (въ «Библіотекѣ для чтенія» 1846 г., за январь мѣсяць), статія Полюсова (въ изданіи содвѣсній Державина, Штукина, 1845 года и въ «Февраль» русской литературы» 1839 года). Всѣхъ болѣе въ этомъ отношеніи замѣчательно краснорѣчивое ораторствованіе г. Никитенки: «Державинъ (говоритъ онъ) былъ поэтомъ—нужемъ, дальнѣмъ краснотѣмъ порядка, вѣждительнымъ могуществомъ, великимъ собиетъ (Н), тѣмъ могуществомъ, которое не испаряется въ пустыхъ свѣдѣнствѣхъ, а печаталетъ себя злѣнкіями неизладными на ооѣхъ эвалъ» (?). (Библіотека для чтенія 1846 года, январь. Кривина; стр. 8).

«Онъ не былъ поэтомъ мечты и сладостныхъ грезъ, потому что онъ былъ мужъ—дѣятель»... (стр. 19). Патриотическіе восторги: «были ли ослѣпленіе и общія мьста (?): это былъ могущій мѣкъ ере-оиданна (?), одушевленнаго разумною возможностью и дѣйствовать иерашать свой гонѣтъ о дѣйствіяхъ другикъ» (стр. 13).

«Быть представителемъ идей (?!), которыми, возраждающаюя Россія формула: «е союз ео всемірною образованностью», онъ смотрѣлъ на Екатерину какъ на олицетворенный принципъ новаго мележенія своей отчизны, какъ на генія, организовающаго промадное твореніе Петра съ могуществомъ державнаго властелина и тонкою неботливостью любящаго сердца. Онъ благоговѣлъ перелъ нею; какъ гражданинъ и какъ человекъ. Оттого хвалы, произносимыя имъ монарху, достойны ихъ обоихъ; онъ чужды кошлой лести столько же, сколько и официальныхъ восторговъ (?); онъ свободны, какъ гонѣтъ чести; важны и серьезны, какъ убѣжденіе; (?!) теплы и живы, какъ сердце. Ихъ можетъ принять Россія на свою отпѣтственностью (въ дѣлѣ какъ!) — и въ этомъ смыслѣ Державинъ поетъ народный» (стр. 14).

«Державинъ однакожъ, въ качествѣ защитника и представителя олазъ благородныхъ евраоній (?!), недовольтвовался внутреннимъ осужденіемъ того, что заражало ихъ своимъ нечистымъ пѣвкосно-веніемъ: онъ ополчился противъ него грозною сатирою, которая, какъ карающая молнія, упала на общество съ тѣхъ же высотъ, откуда летѣло къ нему роскошное, животворное дыханіе весны» (стр. 21).

«Мы должны быть благородны безсмертному Державину, кото-

рый, оказывая обществу услугу въ его высшихъ требованіяхъ, не оставилъ безъ удовлетворенія и другой насущной его нужды — нужды въ мужественномъ голюбѣ противъ современныхъ пороковъ. Этимъ онъ довершилъ свой союзъ съ обществомъ, и такимъ образомъ разилъ въ себѣ вновь элементъ новизны истинны и вѣдѣй, новизны дѣйствительности» (стр. 22).

«Направленіе его сатиры также оригинально. Этого мощнаго духа, обнимавшаго жизнь только въ огромныхъ размахѣхъ, ихъ же принималъ и къ различнымъ ея явленіямъ, свѣтлымъ и темнымъ. Чтѣ аму въ мелкіхъ повседневныхъ сплетняхъ страстей (!?), въ которыхъ закручиваются люди столь мелкіе, что ихъ ничтожество можетъ въ одно время служить и пятномъ и извиненіемъ и казнью? Но люте тамъ, гдѣ побѣда покупается опасностью поразенія и гдѣ сама поразеніе оствѣляетъ еще герою своего рода торжество — право сказать: «все потеряно, кромѣ чести» (!?). Онъ выходитъ на бой съ порокомъ могучимъ, осыпаннымъ дарами фортуны, способнымъ проводить въ смѣлкѣхъ нравственный порядокъ (!?), истерзать слезы и слезы изъ сердца людей и обладающимъ средствами избытка заслуженной кары. Онъ долженъ напасть на злоупотребленіе силой, предвзвѣженнаго благотворить и распространять по землѣ сладкощество добра и разума, на безумную гордыню, презирающую все (!?) и проч. и проч. (стр. 23).

Наговоривъ въ подобномъ духѣ и приведа въ нѣсколько отрывковъ изъ оды «Богъ», «Изображеніе Фелицы», «Видѣніе музы», «Нисеженія Екатерины» и отрывокъ изъ стихотворенія «На перекаръ Альпійскихъ горъ» г. Никитенко объявляетъ, что «показалъ то, что ставитъ его (Державина) въ число призванныхъ и великихъ дѣятелей эпохи» (стр. 25).

Теперь разумѣтся подобныя риторическія возгласы о Державинѣ, какъ о «глашатаѣ правды, добра и истинной славы», какъ о «великомъ призванномъ дѣятелѣ эпохи», покажутъ весь на странномъ.

А было время, когда стихотворныя замѣтки поэта о самомъ себѣ вмѣстѣ съ ихъ объясненіями въ книгѣ «Львова» (диктованными самимъ же Державинымъ) да съ Ключемъ «Остолопова» (1), вѣдали въ сильное заблужденіе критику. Съ благоговѣніемъ и безграничною вѣрою смотрѣла она напиримѣръ на слѣдующія отрывки державинскихъ стихотвореній:

(1) Ключъ къ сочиненіямъ Державина 1822 г. Остолопова.

ПРОБЛЕСКЪ

• Коль не былъ гордъ и, подль, и лишь изъ самолюбыя
Пронырствомъ не пролѣзъ въ замокъ и въ сонъ...

Когда не царскія желалъ, искалъ награды,
И мзды цѣй за труды; за подвигъ мой,
Но домогался лишь вездѣ единой правды,
Считая жребій всѣхъ за жребій свой...

Но, искренной душой презря пренятства,
Невиновныхъ въ вредъ себѣ спасалъ людей...

Не изъ корысти коль себѣ хвалы и славы,
Но изъ желанія лишь всѣмъ добра,
Смиреньемъ укрощавъ враждебны нравы,
Судилъ, мирилъ, на сильныхъ мощь не зря... (1)

МЕРКУРИЮ

• Да вѣсто виста и бостону,
Я съ пей на дѣрѣ черкались,
Монаршу, божеску закону,
Суду и правдѣ, поучусь;
Не дамъ волкамъ овачки скушать... (2)

НА УМѢВЕННОСТЬ

• Собразъ не ацеть милліонавъ;
Не скалитса на жирный столъ;
Не требуетъ ничьихъ поклоновъ;
И не дощитъ ничей самъ поавъ;
Не вьется въ душу къ адреку другу;
Не ловить таинствъ и не льстити... (3)

МОЙ ИСТУКАНЪ

• Мнѣ добрая пріятна слава;
Хочу я челоѣкомъ быть,
Котораго страстей отрава
Безсилна сердце развратить;

(1) Соч. Держав., изд. Штукина 1845 г. стр. 27.

(2) Ibid. стр. 218.

(3) Ibid. стр. 206.

Кого ни мада не осѣпляеть,
 Ни санъ, ни мѣста; ни блескъ; порфиръ;
 Кого лишь правда научаетъ,
 Любя себя, любить весь мѣръ
 Любовью мудрой, провидѣнной,
 По добродѣтели священной... (1)

ИЗДАТЕЛЮ МОИХЪ ПИСЕМЪ

... Долгъ поэта
 Въ мѣръ правду вѣщать. (2)

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ РУМЯНЦЕВОЙ

• Меня-жъ ничто вредить не можетъ:
 Я злобу твердостью сотру;
 Враговъ моихъ червь кости сглохнетъ;
 А я пить — и не умру. (3)

ТОНЧЮ

Иль вѣтъ, ты лучше напиши
 Меня натурой самой грубой;
 Въ жестокой мразь съ огнемъ души,
 Въ косматой шапкѣ, скутавъ шубой;
 Чтобъ шоль, природой лишь кожанъ,
 Противъ погоду, вольфъ, горъ-временнѣхъ;
 Въ знакъ, что рожденъ въ странахъ я льдистыхъ;
 Что былъ прапращуръ мой Багрякъ (4)

ЧЕРТА КЪ БІОГРАФІИ ДЕРЖАВИНА

• Кто вѣдь его на Голынонь
 И управлялъ его шаши?
 Не школь виновникомъ седла,
 Природа, нужда и врагъ (5)

КЪ САМОМУ СЕБѢ

• Но я тѣмъ коль бесполезенъ,
 Что горячъ и въ правдѣ чортъ (6).

(1) Ibid. стр. 219.

(2) Ibid. стр. 140.

(3) Ibid. стр. 158.

(4) Ibid. стр. 133.

(5) Ibid. стр. 222.

(6) Соч. Держав. изд. Смирд. 1847 г. Т. II, стр. 52.

ХРАПОВИЦКОМУ

• Боговъ пѣвецъ

Не будешь никогда подлець • (1).

Да и какъ въ самомъ дѣлѣ было не приходить въ восторгъ отъ этихъ стихотворныхъ замѣтокъ поэта о самомъ себѣ, когда въ ушахъ многихъ раздавались еще благоговѣйныя клики профессора Мерзлагова, авторитетомъ Державина воспитавшаго цѣлыя поколѣнія студентовъ московскаго университета. Какъ было не увлекаться ими въ то время, когда умѣнье въ пышныхъ фразахъ, въ безпрестанныхъ туманныхъ отступленіяхъ и воззваніяхъ къ читателю, въ безпрестанныхъ пробѣлахъ, наполненныхъ краснорѣчивыми точками, когда это умѣнье наговорить много, не высказать ровно ничего, считалось необходимою принадлежностью всякой хорошей критики? Какъ въ самомъ дѣлѣ было не довѣрять этимъ замѣткамъ, когда онѣ такъ убѣдительно толкуютъ о великости Державина, придавая значеніе каждому самому обыкновенному происшествію съ нимъ, ставя каждое мелкое событіе и всякій ничтожный фактъ въ его жизни особенною для него заслугою?..

Что удивительнаго въ томъ, что Державинъ въ турецкую войну освободилъ изъ плѣна около полсотни тысячъ козачествъ, захваченныхъ киргизами (2)? — развѣ этого не сдѣлалъ бы и другой на его мѣстѣ, и развѣ это не есть самое простое исполненіе служебныхъ обязанностей?

Что за диковинка въ томъ, что Державинъ, бывши статсъ-секретаремъ Екатерины II, читалъ во время торжества послѣднѣго мира съ турками объявленіе о наградахъ отличившимся на войнѣ? А между тѣмъ онъ возводитъ себя за это въ какой-то «органъ монаршихъ благовѣщаній» (3)! Прочтя подобную выпренность, невозможно подумаетъ: «что такое за благо и миръ, который даровалъ Державинъ?» Впрочемъ, благодаря комментарію, загадка разрѣшается скоро, но зато ужъ послѣ не знаешь, какую силу вѣроятію дать остальнымъ замѣткамъ безъ поясненія, какъ смотрѣть на нихъ: «вѣрить или нѣтъ», тѣмъ болѣе, что показанія самого Державина (какъ увидимъ мы ниже) часто грѣшатъ противъ истины и въ книгѣ Львова, и въ замѣткахъ поэта. Словомъ, Державинъ въ своихъ объясненіяхъ не пропускаетъ ни одного самаго ничтожнаго

(1) Соч. Держав. изд. Штукина 1845 г., стр. 128.

(2) Объясненія на соч. Держав. Львова. Ч. 1, стр. 38.

(3) Ibid. стр. 39.

обстоятельства, чтобы не выставить себя въ болѣе выгодномъ свѣтъ, чтобы не сказать о себѣ лестныхъ словъ. Такъ напримѣръ, въ примѣчаніи къ одѣ, написанной въ честь графа Алексѣя Григорьевича Орлова, читаемъ: «графъ былъ давно уже въ отставкѣ, когда сія иносказательная ода въ честь ему была написана. Авторъ былъ уже сенаторомъ и до отставнаго графа Орлова никакого не имѣлъ дѣла, но написалъ ему похвалу изъ единаго чувства благодарности...» и проч. (1). К чему эти добавленія? Развѣ для того только, чтобы порисоваться собою? «Замѣчайте же, замѣчайте мое благопродство!...» какъ бы говоритъ Державинъ, «Этимъ вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе!...»

Подобнымъ тщеславіемъ, доходящимъ нерѣдко до смѣшнаго, до унизительной наивности и мелочности, проникнуты и самыя автобіографическія *Записки Державина*. Стоитъ только хорошенько изучить ихъ, присмотрѣться къ характеру и тону ихъ языка, чтобы въ его малѣйшихъ оттѣнкахъ понимать внутреннюю жизнь Державина; тѣ едва уловимыя изгибы его сердца, тѣ едва замѣтныя движенія его души, въ которыхъ иногда, какъ въ зеркалѣ, ясно отражаются всѣ его природныя свойства, всѣ его наклонности и стремленія въ жизни.

Такъ во время пугачевщины, «повергаясь въ меланхолію» (2), оттого что не имѣлъ «средства и удобства» (3) «употребленъ быть въ войнѣ или въ какомъ либо отличномъ порученіи» (4), какъ потомъ обрадовался Державинъ, что Бибииковъ, умѣвшій «проникнуть» (5) его, взялъ въ свою экспедицію! Съ первыхъ же дней этой командировки Державинъ, сильно возмечтавъ о себѣ, засуетился и завертѣлся около Бибиикова: изъ желанія выслужиться передъ нимъ, онъ основательно на весьма отдаленныхъ и смутныхъ толкахъ доноситъ объ имѣнцѣ, задуманной при встрѣчѣ съ Пугачевымъ частью войска посланныхъ для его усмиренія (6)... Какъ восхищается Державинъ своимъ новымъ положеніемъ!.. Какъ распрыгается онъ въ разговорахъ съ Бибииковымъ (7), который, поручая сильный «отрядъ на злодѣйному офицеру» (8), «хотѣлъ проникнуть, таковъ ли онъ рыцарь на дѣлѣ, какъ на словахъ» (9)... А на дѣлѣ-то какъ рисуется Державинъ?

(1) Ibid. Ч. 2, стр. 63—64.

(2) *Записки Державина*, стр. 51.

(3) *Записки Державина*, стр. 51.

(4) Ibid. стр. 51.

(5) Ibid. стр. 51.

(6) Ibid. стр. 52, 53, 54.

(7) Ibid. стр. 54.

(8) Ibid. стр. 55.

(9) Ibid. стр. 55.

жившиъ собою и какое значеніе придаетъ онъ каждому своему ничтожному дѣйствию!.. То онъ «съ почетомъ умаличиваетъ» (1) о себѣ, то говоритъ, что всего болѣе надѣялись «на его ревность и разсужденіе» (2)... Съ какими полнымъ самодовольствомъ наслаждается онъ каждымъ своимъ распоряженіемъ, каждымъ своимъ поступкомъ, каждымъ движеніемъ, и какія эффектные сцены и обстановки придумываетъ онъ для нихъ (3). Ясно, все это было слишкомъ близко сердцу Державина, до того насыпало его тщеславную, честолюбивую душу, что за всѣмъ этимъ онъ уже не понималъ другой жизни, другихъ стремленій, кромѣ стремленія быть представителемъ высшему начальству (4), тереться при дворѣ, около знати, среди шума, блеска и роскоши... Понятно, почему такъ сильно озадачивалъ его холодный приемъ въ Москвѣ, въ полку, гдѣ не только что его не «представили прямо къ высочайшему престолу» (5), какъ общались ему многіе генералы и вельможи, но даже, позабывъ про всѣ его геройскіе подвиги, обошли наградами въ сравненіи съ товарищами (6)... Понятно, почему онъ впалъ въ тоску и уныніе, почему досадовалъ и не могъ помириться съ своимъ настоящимъ, съ своею участію (7). Давъ ему возможность «лигать черезъ свои соображенія корпусами генераловъ, брать деньги въ городахъ сколько хотѣлъ, посылать лазутчиковъ, казнить смертью» (8) и проч., этимъ самымъ только подождли его тщеславныя стремленія, и позволявъ имъ немногое разгорѣться, тотчасъ же потушили ихъ, перевели Державина въ полкъ, гдѣ не только что дали ему незначущую роль обыкновеннаго офицера, но еще за невинную ошибку въ наказаніе безотчетливо нарядили на палочный караулъ (9). Державинъ былъ только раздраженъ, только обманутъ сладкими мечтами на извѣстность, на славу, на гласность, но не остановился на этой досадѣ, а пошелъ далѣе, рѣшился во что бы ни стало заявить себя передъ императрицей и требовать награды. «Размысливъ непріязнь къ себѣ сильныхъ людей и не имѣя ни единой подпоры, пролилъ горькія слезы» (10) и потомъ долго, настойчиво, хотя напрасно, обивалъ онъ пороги Потемкина. Подавая письмо Екатерины II, онъ конечно не за-

(1) Ibid. стр. 58.

(2) Ibid. стр. 64.

(3) Ibid. стр. 59, 60, 72, 80—82, 89, 91, 94.

(4) Ibid. стр. 106.

(5) Ibid. стр. 106.

(6) Ibid. стр. 107.

(7) Ibid. стр. 106—107.

(8) Ibid. стр. 106.

(9) Ibid. стр. 107.

(10) Ibid. стр. 107.

былъ наговорить, что «вреслабавалъ хищниковъ иайсаюша» (1), что «избавилъ изъ ихъ плѣна однихъ колонистовъ около тысячи человекъ» (2), что «отъ самыхъ крутизнихъ несчастій, подвергнется личнымъ опасностямъ, былъ почти два раза въ руинахъ Пугачева» (3), что если онъ не захватитъ самозванца, то дес-таки «дерзкой осмелу дальъ знать» о его воинствѣ (4) и проч., — и просилъ за это чина полковника и награжденіе деревнями (5).

Отношенія Державина къ Панину (во время пугачевщины) имѣютъ странный и на первый взглядъ мало понятный характеръ. Зачѣмъ бѣдетъ поэтъ къ этому гордому вельможѣ? «На, воинную страсть» (6); порисоваться собою, — «гвардіи офицеромъ» (7), и въ силу атого безъ позволенія сѣсть за графскій столъ, раздражать этимъ поступкомъ надменнаго вельможу, потомъ льстить ему, чтобы загладить свой промахъ, и наконецъ по недалковности промахнуться снова (8), чтобы въ послѣдующую жизнь свою внести въ который навѣкъ и умѣнье ласкать чужія самолюбія и за это собирать съ дѣтокъ материальную даму, извлекать существенныя выгоды...

Въ дальнѣйшей жизни, для своихъ тщеславныхъ стремленій Державинъ не останавливается уже ни передъ чѣмъ: онъ приноситъ имъ въ жертву и собственный покой, и честность, и благородіе своихъ поступковъ, и прямоту образа своихъ дѣйствій. Обращеніе его съ Вяземскимъ уже не остается безъ болѣе выгодныхъ для него послѣдствій: къ князю, въ надеждѣ полученія мѣстечка, онъ подбирается чтевіемъ ему книгъ, игрою въ карты, а, мѣстечкомъ, приторными стихами, восхваляющими красоту княгини, согласие и счастье ея супружеской жизни, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было (9). Получивъ отъ Вяземскаго мѣстечко, онъ впоследствии когда и негодуеть на него за несправедливыя замѣчки и критическія, хотя выслушиваетъ его гнѣвные выговоры съ чувствительнымъ огорченіемъ и проливающимъ слезы (10), да все-таки сгибается передъ нимъ, руководясь пословицей: «съ сильнымъ не боротся, а съ бе-

(1) Ibid. стр. 114.

(2) Ibid. стр. 114.

(3) Ibid. стр. 114.

(4) Ibid. стр. 115.

(5) Ibid. стр. 118.

(6) Ibid. стр. 97.

(7) Ibid. стр. 99.

(8) Ibid. стр. 90—101.

(9) Ibid. стр. 122—124.

(10) Ibid. стр. 243.

нельзя не считать» (1), какъ имъ тяжело ему прѣвѣннѣе до тѣхъ поръ, когда за Фелицу поступаетъ онъ наконецъ подъ верховнѣе-государство-своей Екатерины II. Это все еще похвалуй спосно и извѣстнѣе, особенно въ XVIII столѣтіи. Но вотъ, если пристально взглянуть на Державина по случаю его отъ табукованнаго губернаторства, когда повелѣно горестея уже всякое къ нему уваженію. Находасы «въ безднѣ погребели» (2), оттого что графъ Меньковъ, любоводъ Екатерины II, «ни съ какой стороны не былъ знакомъ ему» (3), Державинъ однакоже кое-какъ съ помощью графа Панина (котораго прежде, во время пугачевщины, бранилъ онъ), да съ помощью двухъ тысячъ, отданныхъ сенатскому оберъ-секретарю, уладываетъ табукованное дѣло и получаетъ наконецъ прощеніе Екатерины II (4). Но съ этимъ только Державинъ не мирится: ему спосно нужны почести, извѣстность, слава... И вотъ для нихъ рѣшается онъ явиться въ холъ талантъ свой, чтобы получить доступъ къ Зубову, фавориту Екатерины II, и ииеть олу «на изображеніе Фелицы» (5), за которую дѣйствительно императрица, въ благодарности Державину, велитъ Зубову пригласить къ себѣ автора на ужинъ и «всему доуказать его въ свои бесѣды» (6). Въ квартирѣ Зубова повтъ играть самую жалкую роль: въ то время, когда онъ обиваетъ полъ фаворита, стибляется пердъ нимъ, льститъ ему, Зубовъ еленъ обращаетъ на него вниманіе; онъ толаетъ по необходимости, по приказанію Екатерины II ласкаетъ его шарѣдка (7), но зато уже и емомъ забывается надъ нимъ, страдливая его напримѣръ съ Елпннѣе въ несколько не думая сдѣлать для него что-нибудь болѣе еущее ственное (8)». Какая иззавианная, жалкая обстановка!.. Но съ обстановкѣ этой Державинъ не вынужаетъ къ себѣ уваженію, онъ не вынужаетъ въ участіи, ни состраданія къ себѣ: самъ, по еобственноей ехотѣ напросился онъ на эту роль, — на возмутительную роль шути въ палатахъ царскаго фаворита, и рѣшка толаетъ въ видѣ полтечка доузнающаго его до еветхъ ужиновъ. И однакоже, несмотря на это Державинъ сильно доволенъ своимъ поелѣе елеленіемъ... Онъ радъ напримѣръ, что между Потемкинѣе и Зубовнѣе «случилась пріятная для него исторія» (9), в что Потемкинъ —

(1) Ibid. стр. 240.

(2) Ibid. стр. 283.

(3) Ibid. стр. 283.

(4) Ibid. стр. 293, 294.

(5) Ibid. стр. 298.

(6) Ibid. стр. 298.

(7) Ibid. стр. 298.

(8) Ibid. стр. 311, 309, 310.

(9) Ibid. стр. 302.

даже самъ великодушный Потемкинъ) — сталъ сообщивъ о своемъ *дѣлѣ* (1) къ нему (чему разумѣется нельзя вѣрить) и засылать къ разнымъ предложеними (2)... Какъ рады тебѣ Державинъ корреспондентомъ, поощрять передъ свѣтлѣйшимъ!... И дѣйствительно, въ *Земскихъ* своихъ онъ говоритъ, что въ сочиненномъ имъ описаніи известнаго праздника въ Таврическомъ дворцѣ, онъ, вопреки ожиданію Потемкина, не похвалилъ ему (3).... Еще бы льстить Потемкину въ то время, когда Зубовъ (говорятъ, по приказанію Суворова) (4) подкапывался подъ Потемкина, и когда слѣдовательно зломъ Державинъ могъ только наклепать на себя неудовольствіе отъ двора, отъ Екатерины II и ея фаворита!

Вообще должно замѣтить, что Державинъ въ дѣлѣ *подѣлки* оказывается человекомъ весьма ловкимъ и уклончивымъ: онъ, какъ говорится, «и нашимъ и вашимъ». Въ то время какъ Потемкинъ и Зубовъ враждовали между собою, а Державинъ одновременно имѣлъ къ нимъ равный доступъ, — онъ въ таковыя мудреныхъ обстоятельствахъ не зналъ что дѣлать и на которую сторону искренно предаться, ибо отъ обоихъ былъ ласкаемъ (5). Зубову онъ угождаетъ тѣмъ, что слушается его приказаній откровенно Потемкина, не принимая отъ него никакихъ подарковъ (6). Отъ Потемкина же, не отвергавшись слѣдующей орадой: «что намъ отъ кидая онъ никакихъ еще благодарній личныхъ не видалъ, а кратко великихъ его качествъ не знаетъ» (7), то и превозносить его не можетъ, — не отвергавшись этими словами, потому что за нимъ тотчасъ же посѣдовали гнѣвъ и брань Потемкина (8); Державинъ однако вкорѣ же, въ первое воскресенье, ѣдетъ къ свѣтлѣйшему засвидѣтельствовать ему свое шжайшее почтеніе (9). Вообще Державинъ одновременно недоволенъ и Зубовымъ, и Потемкинымъ, и Вяземскимъ и другими, бранитъ ихъ всѣхъ разомъ, но въ тотъ же день ѣздитъ къ нимъ съ поклонами изъ дому, льститъ и угождаетъ имъ... Къ Вяземскому — и притомъ Богу знаетъ зачѣмъ — несмотря на нестерпимыя неприятности, которыми вредилъ онъ Державину, послѣдній асс-таки обшариваетъ княжескіе пороги до тѣхъ поръ, когда жена

(1) Ibid. стр. 301, 304.

(2) Ibid. стр. 304.

(3) Ibid. стр. 307.

(4) Ibid. стр. 305 и примѣч. 1-е.

(5) Ibid. стр. 305.

(6) Ibid. стр. 304.

(7) Ibid. стр. 307.

(8) Ibid. стр. 307—308.

(9) Ibid. стр. 308.

Васильева, перешлившись съ Зубовымъ, показываетъ ему свою опись (1)...

Подобныя черты не рѣдкость въ Запискахъ Державина: они встрѣчаются и въ царствованіи Екатерины II, и въ царствованіи Павла I и Александра I.

Любители гражданскаго значенія Державина говорили обыкновенно, что онъ въ дѣлѣ правды и чести всегда смѣлъ, гордъ, непоколебимъ, отваженъ и за ближняго готовъ положить душу свою; въ доказательство они приводили замѣтки Державина о собственныхъ подвигахъ, въ родѣ на примѣръ слѣдующихъ (2) что поэтъ возвращалъ законнымъ владѣльцамъ несправедливо, съ помощью злобначества отгнанныя деревни, что онъ при производствѣ дѣлъ людей сильныхъ и богатыхъ не щадилъ, а судилъ ихъ строго, изобличая всѣ ихъ плутни и каверзы (3)... и проч. Близкое знакомство поэтикамъ Державина съ происшествіями подобнаго рода удостовѣряетъ вполне, что личность поэта на дѣлѣ вовсе не такъ свята и чиста, какъ она обрисовывается имъ самимъ, на словахъ.

Въ исторію съ деревней (о которой упоминается и въ стихотвореніяхъ поэта; и въ объясненіяхъ книги Львова (3)), принадлежавшей Бехтѣеву и отиатой у него сутягой Зубовымъ, отцомъ фаворита; Державинъ замѣшанъ былъ противъ всякаго желанія, совершенно нечеловѣчнымъ образомъ. Когда явился Бехтѣевъ къ Державину и сталъ усильно просить, чтобы онъ былъ съ его стороны въ совѣстномъ судѣ посредникомъ, въ который онъ подалъ на старика Зубова прошеніе, — Державинъ, сколько могъ, отговаривался отъ сей чести, извиняясь, что онъ не можетъ идти противъ отца того, который оказываетъ ему свое благорасположеніе (4)!

Гдѣ же тутъ геройская, неуклончивая борьба съ пороками? Гдѣ тутъ наконецъ самое обыкновенное исполненіе долга, служебныхъ обязанностей?

Далѣе, когда Бехтѣевъ настаиваетъ въ своей просьбѣ, ссылаясь на учрежденіе о губерніяхъ, гдѣ именно воспрещено отказываться отъ посредничества въ совѣстномъ судѣ, Державинъ не знаетъ

(1) Ibid. стр. 298.

(2) Объясненія на соч. Держав. Львова. Ч. 1, стр. 29. См. стих. «На умѣренность». Также стих. «Проблескъ»: стр. 27 въ изд. Штукина. 1845.

(3) Объясненія на соч. Держав. Львова. Ч. 1, стр. 29:

«Крезь завладѣлъ чужой деревней»

«Одинъ богатый и случайный человекъ неправильно приобрѣлъ деревню, которая ходатайствомъ автора по закону возвращена владѣльцу».

(4) Записки Державина, стр. 303.

что дѣлать; какъ идти противъ Зубова? (1) Онъ бѣжитъ въ Москву, вертится передъ нимъ, и кое-какъ съ согласіемъ его уладитъ дѣло (2); торжественно творитъ пономъ (и въ словескѣ стиктовернікѣ, и въ объясненіяхъ къ явль, и въ самыхъ запискахъ), что онъ возвращалъ деревни, спасалъ во вредъ собѣ помещикѣмъ людей (3), и проч.

Что касается до Логинова (о которомъ говорится замѣтамъ въ стиктоверніяхъ поэта, и въ объясненіяхъ къ явль (4)), то Державинъ выводитъ наружу плутни его въ то время, когда сильный покровитель его Погемкинъ умеръ (5) и его многоволеиная партія значительно ослабѣвала; да кромѣ того сама Екатерина II, послѣ дерзкихъ и рабывчавыхъ объясненій этого отступника, жестоко требовала отъ Державина, чтобы съ нимъ поступалъ еще круче, по всей строгости законовъ (6)... Какъ же послѣ этого несли было *оправить* (7) Логинова, когда сама императрица не могла не дать его?..

Еще другіе случаи: напримѣръ пропала 600,000 рубл. изъ земнаго банка и дѣло Сивцова. Въ первомъ, въ которомъ былъ замѣшанъ директоръ банка Завадовскій, вышедшій къ себѣ на домъ тайно ночью два сундука, одинъ съ серебромъ, другой съ золотомъ (8), Державинъ, выбравшій по этому дѣлу въ члены судной комиссіи, дѣйствуетъ еще осторожнѣе, еще осмотрительнѣе: онъ выслушиваетъ каждое свое слово, каждое движеніе, боится чтобы не навредить себѣ бѣды, такъ какъ партія Завадовскаго была слышнѣе вѣдья. Когда Терскій, генералъ-рекетмейстеръ и локалчикъ по тѣмъ же самымъ процессамъ, человекъ весьма близкій къ императрицѣ, имѣвшій вліяніе на дѣла въ государствѣ, объявилъ ему на ухо съ заклятіемъ никому не оказывать о пропавшѣ денегъ ни о поступкѣ Завадовскаго, тогда Державинъ соображаетъ: «Терскій не выдаетъ ему подобной тайны просто, безъ участія императрицы, безъ от-

(1) Ibid. стр. 303.

(2) Ibid. стр. 303—304.

(3) Объясн. Львова. Ч. 1, стр. 29. Соч. Держав. изд. Штукина, стр. 27. Записки Держав. стр. 349—350

(4) Въ объясненіяхъ Львова (ч. 1, стр. 43—44) находимъ слѣдующее примѣч. къ стих. «Храповицкому»:

—Какъ Л. дать оправить.»

—То-есть какъ Логинова дать оправить. Логиновъ былъ откупщикъ и вѣлъ въ преступленія: дѣло его рассматривалъ авторъ».

(5) Записки Держ. стр. 331.

(6) Ibid. стр. 331—332.

(7) Въ стих. Храповицкому: «Какъ Л. оправить.

(8) Записки Держав. ст. 371.

бешной цѣли»; и тутъ же отправляется къ ея любимцу Зубову, выдѣлать какого онъ мнѣнія объ этомъ происшествіи, какъ отзовется о немъ ⁽¹⁾. «Сей молодой временщикъ, хотя по обыкновенію его не казалъ, ни да, ни нѣтъ; но на лицѣ его написано было, что онъ не безъ удовольствія принялъ сіе извѣстіе. И такъ Державинъ принялъ намѣреніе дѣйствовать по сущей правдѣ и доводить о семъ чрезъ него до свѣдѣнія государыни; ибо, что ему было извѣстно, то всемирно и она знала; но это такъ было искусно скрыто, что какимъ образомъ участія ея въ чомъ-либо дознаться было не возможно ⁽²⁾.» Ясно, *сущая правда*, по которой рѣшился дѣйствовать Державинъ, не была его обыкновеннымъ принципомъ; здѣсь, независимо отъ его стремленій, она сложилась сама собою — придворными интригами, отзывомъ временщика. Взгляни иначе на это дѣло Зубовъ, слѣдовательно Екатерина — и Державинъ взглянулъ бы на него иначе, дѣйствовалъ бы сообразно съ этими взглядами, разумѣется по своей привычкѣ уклончиво, стараясь не раздражить слишкомъ противъ себя ни той, ни другой стороны: какъ-нибудь заглядеть, замазать дѣльцо, обдѣлать такъ, чтобы выдти изъ него зраву и невредиму. Даже и послѣ объясненій съ Зубовымъ, Державинъ, произволя слѣдствіе о пропавшихъ деньгахъ, все еще ожидаетъ и сдерживается: вода наприимѣрь, что президентъ комиссіи Завадовскій (онъ же полсудимый и директоръ банка) вымаралъ многіе весьма нужные вопросные пункты, написанные Державинымъ для наосира и кассирши, и заключая изъ этого о его явномъ пристрастіи къ этимъ лицамъ, Державинъ однакоже ничего не возорать въ комиссію, не противорѣчить Завадовскому ⁽³⁾ — и потому именно, что боится обнаружить намѣренія Зубова, испавшаго вредить Завадовскому... Такая же точно осторожность по этому дѣлу замѣтна и въ составленіи доклада императрицѣ: «а паче, какъ председатель самъ былъ причисловенъ къ дѣлу, то чтобы не зацѣпить его какъ-либо обидно и слишкомъ выразительно, да также и не закрыть, а потому и требовалось великой осторожности...» ⁽⁴⁾ то есть въ простомъ переводѣ: чтобы уголить и тѣмъ и другимъ, чтобы «и волки были сыты, и овцы цѣлы»...

Въ дѣлѣ Свищова о подложной завѣщательной записи на имѣніе покойной жены этого помѣщика, Державинъ дѣйствуетъ еще хуже, еще уклончивѣе... Отъ своего голоса, отъ своего ходатайства (Дер-

⁽¹⁾ Ibid. стр. 371.

⁽²⁾ Ibid. стр. 371.

⁽³⁾ Ibid. стр. 371.

⁽⁴⁾ Ibid. стр. 375.

жавниъ избранъ былъ посредникомъ съ правой стороны), онъ отступается тотчасъ же, какъ только Зубовъ Дмитрій Александровичъ грозитъ ему враждою брата, любимца Екатерины II и всей ихъ фамилии, если онъ станетъ защищать этотъ процессъ ⁽¹⁾. И Державицъ, «подумавъ, что навлекать на себя неприязнь такихъ людей, которые ему благопріятны ⁽²⁾», невыгодно, — уклонился... Уклонился онъ также опять въ этомъ же самомъ дѣлѣ черезъ два года, — и тогда не только не отстаивалъ смѣло и открыто *правыхъ*, но угрозами отъ имени временщика Кутайсова доведенъ былъ до того, что перешолъ на сторону неправыхъ и потакалъ ихъ незаконнымъ требованіямъ... ⁽³⁾

Такихъ примѣровъ уклончивости поэта не мало найдется въ его *земискахъ*. И Державицъ, если иногда и обращаетъ на себя вниманіе смѣлымъ и прямымъ отвѣтомъ Павлу, Екатеринѣ II и другимъ сильнымъ людямъ, то это происходитъ больше отъ его недалекости, отъ необдуманности, неосторожности, или отъ его поэтической забывчивости: отъ увлеченія самимъ собою, своими достоинствами и добродѣтелями — отъ мысли: «такъ онъ великъ и уменъ, что сильныя міра сего допускаютъ его къ себѣ, говорятъ съ нимъ, а иногда даже обращаются къ нему съ важными вопросами, выжидаютъ его многозначнаго слова...» Или просто эти выходы случались въ слишкомъ большихъ припадкахъ раздражительности, съ которою Державицъ, какъ извѣстно, никогда не умѣлъ совладать, даже въ лѣта глубокой старости ⁽⁴⁾. Да и вслѣдъ за этими выходками идутъ тревожныя мысли о собственной неловкости, досада на самого себя за промахъ и беззвучное ожиданіе царскихъ вниманостей... Припомните, что дѣлалъ Державицъ послѣ объясненій съ Павломъ, послѣ отвѣта Екатеринѣ II: «что наследница съ императрицею судить не можетъ.» Онъ обиваетъ пороги придворныхъ, заискиваетъ у любимцевъ, проситъ, чтобы они замолвили о немъ доброе словечко... ⁽⁵⁾ Нѣтъ, Державицъ вовсе не былъ изъ такихъ, чтобы сознательно и обдуманно идти на борьбу съ пороками и за правду стоять горюю, не уступая ей ни для какихъ обстоятельствъ... Онъ всегда выбираетъ положенія болѣе выгодныя для себя и своего матеріальнаго благосостоянія, переходитъ на сторону

⁽¹⁾ Ibid. стр. 421.

⁽²⁾ Ibid. стр. 421.

⁽³⁾ Ibid. стр. 423.

⁽⁴⁾ См. «Семейн. Хроника и Воспомин.» Аксакова 1856 г. Изд. 1, стр. 521, 540—542.

⁽⁵⁾ Записки Держав. 393, 394;

тѣхъ, которые осмѣялъ, и въ неравный бой не кинуется, какъ кричалъ: объ немъ нѣкоторые критики... (1)

И послѣ всего этого какими глазами смотрѣть на разсѣянные повсюду въ запискахъ Державина его приторныя самовосхваленія, въ родѣ напримѣръ слѣдующихъ: что онъ «сначала и въ продолженіи всей своей службы имѣлъ себѣ въ неперемѣнное правило, чтобъ никогда, никого, ни о чемъ не просить, и ни на что не спрашивать, и напротивъ ни отъ чего не отказываться, и когда какое поручать служеніе, исполнять оное со всею вѣрностію и честію; по правдѣ и по законамъ, сколько его силъ доставеть, основывая то правило на священномъ писаніи: что никто же пріиметь честь токмо званый отъ Бога, и что пастырь добрый не прелазитъ чрезъ ограду, но входитъ дверью и пасетъ новѣренныя ему овецъ, полагая за нихъ свою душу...» (2); что «о своихъ дѣлахъ не заботился и не радѣлъ, а хлопоталъ и ссорился всегда за казенныя и за чужія, ему по должности порученныя» (3)?

А между тѣмъ, кромѣ указанныхъ случаевъ недобросовѣстности и происковъ Державина, мы видимъ еще изъ «Записокъ Храповицкаго», (4) какъ черезъ холатайство Потемкина добывается поэтъ владимірскаго крестика; мы слышимъ также въ плачевномъ тонѣ разсказа самыхъ его записокъ, какъ огорченъ онъ, когда узналъ, что его не представили къ анненской лентѣ, тогда какъ многихъ другихъ сенаторовъ представили, и какъ радъ потомъ, когда ему надѣваютъ эту ленту: какъ отъ этого обстоятельства ему хочется умиляться, расплыться въ приторныхъ, ни къ чему не ведущихъ благодарностяхъ, «что ежели онъ чѣмъ виноватъ...» (5) и проч.

Говоря въ своихъ *Запискахъ* про другихъ, Державинъ не забывалъ упоминать, что они унижались или ласкались передъ тѣмъ или другимъ. Напримѣръ о Тутолминѣ, который (по словамъ составителя примѣчаній къ Запискамъ Державина), пользуется болѣе выгодной репутаціей, какъ человекъ дѣятельный и трудолюбивый въ царствованіе Екатерины II (6), — объ этомъ Тутолминѣ Державинъ отзывался, что «онъ подлымъ образомъ ласкалъ и угож-

(1) Библиот. для чтенія 1846 г. № 1 стр. 23.

(2) Записки Державина, стр. 349.

(3) Ibid. стр. 350.

(4) Библиограф., Записки 1858 г. № 5 стр. 141.

(5) Записки Державина, стр. 428—429.

(6) Записки Державина стр. 249.

дѣлъ⁽¹⁾ Зубову...! А развѣ самъ онъ не льститъ Зубову, не полѣзаетъ къ нему? Развѣ не писалъ онъ стиховъ для достижимыя своихъ тщеславныхъ капризовъ, не продавалъ своего таланта за того только, чтобъ втереться въ покой царскаго любимца?

Вообщо, должно замѣтить, живость показаній Державина о самомъ себѣ заставляетъ недовѣрчиво смотрѣть на рассказы его Записокъ о другихъ лицахъ и другихъ событіяхъ, предварительно не изслѣдовавъ ихъ критически, не повѣривъ другими документами, мемуарами другихъ личностей. На это многіе пожалуй возразятъ намъ, что такъ, какъ автобіографія Державина писана имъ за три года до его смерти, въ глубочайшей старости, то слабѣющая память легко могла измѣнить ему и вовлечь его въ невольныя ошибки, особенно въ рассказахъ объ отдаленномъ прошломъ. Совершенно правда. Но дѣло въ томъ, что ошибки, причипою которыхъ была единственно ослабѣвшая память Державина, заключаются въ мелочахъ: въ неточности хронологическихъ указаній на тѣ или другія происшествія, въ невѣрности и перепутанности названія именъ и фамилій личностей мелкихъ, занимавшихъ ничтожныя роли въ отношеніяхъ своихъ къ Державину, или наконецъ въ рассказахъ поэта о какихъ-либо незначительныхъ происшествіяхъ. Разуется подобнаго рода ошибки не бросаются въ глаза; проходя незамѣченными и нисколько не измѣняя характера записокъ поэта, она вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ и вовлечь читателя въ ложное сужденіе о его душевныхъ свойствахъ... Другое дѣло — лица и событія, имѣвшія болѣе сильное значеніе въ жизни Державина: тамъ невѣрность разсказа записокъ уже не можетъ подтверждаться ослабѣвшею памятью, и для разъясненія дѣла необходимо искать другихъ причинъ, происшедшихъ чисто изъ личныхъ свойствъ поэта, изъ его душевныхъ наклонностей и стремленій въ жизни. Вотъ свѣдѣнія въ нѣсколько подобныхъ разсказовъ, несогласныхъ съ разсказами о томъ же самомъ въ запискахъ другихъ личностей.

Такъ о характерѣ статей-секретарской дѣятельности Державина дошли до насъ совершенно различныя показанія. Самъ поэтъ въ *Запискахъ* своихъ, и въ *объявленіяхъ* къ своимъ стихотвореніямъ отзывается о себѣ съ самой выгодной стороны. Онъ говоритъ, что на его разсмотрѣніе поручались всегда важныя и весьма непріятныя дѣла, лежавшія вершюными дѣтъ по двадцати, что онъ при докладахъ не вертѣлся на всѣ стороны, но читалъ что было написано, несмотря на лица; что императрица верѣдко скучала, когда онъ обременялъ ее докладами, но онъ, желая доставить право-

(1) Ibid. стр. 383.

судю и шикство людей достойныхъ, не обращалъ ни въ внима- ніе; что нередко даже императрица, признаваясь ему въ скорно- стижномъ гнѣвѣ, просила у него прощенья ⁽¹⁾, и проч. и проч.

Въ Запискахъ же «Храповицкаго» находимъ друзей: тамъ го- ворится, что вторая жена Державина и ея мать выѣхавшись въ дѣла поэта изъ корыстныхъ видовъ, и что это обстоятельство вы- стѣ съ пустымъ надоблязьемъ и раздражительностью Державина были главными причинами, вызывавшими неудовольствіе и гнѣвъ Екатерины II. Вотъ что читаемъ мы въ въ этикъ любовитныхъ Запискахъ:

«13 декабря 1794 года. Г. Р. Державинъ опредѣленъ въ секре- тари.

«15. Державинъ явился. Объ немъ докладывали; подоугъ. Но- слѣ объѣда впущенъ. Приласкали, но не очень.

«18. Со гнѣвомъ у меня и у Турчанинова спрашивали, почему знаетъ графъ Кобенцель, что Державину поручены меморіи бо- ната? Онъ пишетъ о томъ въ нермостраціи. Я оправдался тѣмъ; что и самъ такой новой должности не зналъ и съ министрами ника- кой связи не имѣю.

«18 февраля 1792. Сказали мнѣ послѣ доклада Державина; что онъ ходитъ съ такими просьбами, какими дабы (?) (вѣроятно бабы) разжаловали тещу и жену его. Я промолчалъ.

«14 февраля. Державинъ не пріѣзжалъ во дворецъ, приславъ сказать, что болятъ зубы.

«1792 марта 2. Какъ-то не въ добрый часъ Державинъ доклады- валь по дѣлу графа Мочениго съ банкиромъ Сутерландомъ. Но на- клоненія его не захотѣли рѣшить на основаніи приговора, въ Питѣ учиненнаго, и съ неудовольствіемъ отпустили. Потому тотчасъ призывавъ меня, рассказывали объ обстоятельствахъ дѣла: какъ мнѣ это рѣшить? пусть разбираются межъ собой, или помирятся; онъ (т. е. Державинъ) со всякимъ вздоромъ ко мнѣ лѣзеть. Я отвѣчалъ, что какъ это дѣло заключается только въ коммерческихъ расчетахъ, то могли выбрать посредниковъ, коммерцію знающихъ, и кончить расчетъ. Пошли къ прическѣ волость и скоро кликнувъ Державина, при парикмахерахъ со словъ моихъ дали резолюцію. Послѣ и безъ него говорили: «Онъ такъ новъ, что ходить съ дѣлами до меня не принадлежащими».

«4 марта. Говорили мнѣ о Д—нѣ по случаю просьбы купца Ми- мотина, по почтѣ изъ Софіи присланной, гдѣ ссымается на просьбу

(1) Объясненія Львова. Ч. 1, стр. 30. — Записки Державина, стр. 320, 321, 323, 336, 337.

Д. (Державину) подумую, что Д. принимает всё прошеніе о должностяхъ, готовъ принять на милліонъ; это работа его тещи. Говорю съ жаромъ.

«5 апрѣля. Подписашъ указъ, чтобъ Васильеву, Державину и Новосильцову ревизовать Сутерашидову контору. Державинъ привлеченъ Зубовымъ.

«21 апрѣля. По просьбѣ Елмановой велѣно ей сказать: j'ai un souve de poche, и спросить Державина: не знакома ли ему? Теща его всёхъ просвѣтѣльницъ знаетъ.

«28 апрѣля. Послѣ обѣда прѣехали въ царское село. — — — Тутъ лежала записка Попова о капитанахъ гвардіи, назначенныхъ въ полковники, также заготовленный Державинимъ указъ о томъ, что по два года не выходятъ приговоры въ сенатѣ. Обѣ пьесы не состоялись и теперь попали въ запечатанный пакетъ.

«30. При отлечѣ мнѣ бумажекъ для доклада, графъ Безбородко сказывалъ, что и съ нимъ говорили о Державинѣ. Графъ внушилъ, что по меморіалъ именныхъ указомъ давать сенату нельзя. Сказалъ а. графу о предположеніяхъ князя Потемкина-Таврическаго, поданныхъ Поповымъ. Онъ дополнилъ, что сказали: «давай ихъ сюда», думая найти проекты какіе, но увидѣли только записки о дачѣ Державину 2-мъ Владиміра, о помещеніи бывшаго въ Астрахани губернатора Алексѣева, о гвардейскихъ капитанахъ, назначенныхъ въ полковники, — все очень худо принято и особенно о Д. отвѣчали, «что долженъ быть много доволенъ, что взять изъ-подъ суда въ секретари, а орденъ безъ заслугъ не дается» (1).

Какъ согласить подобныя противорѣчія? Какое заключеніе выроста изъ нихъ?..

Про вторую жену Державина мы очень мало знаемъ. Изъ разсказовъ о ней поэта мы видимъ только, что это была женщина респектабельная и практичная, погруженная въ матеріальные интересы, занятая своимъ хозяйствомъ и прилежнымъ смотрѣніемъ за домомъ» (2), нежели чѣмъ-либо другимъ, болѣе высшимъ и лучшимъ. Она, «исправляя разстроенное состояніе, присоветовала втеченіе 17 лѣтъ недвижимаго имѣнія, считая съ великолѣпными пристройками домовъ, едва ли не половину, такъ что въ 1812 году, когда сія записка писана, было за ними вообще въ разныхъ губерніяхъ уже около 2000 душъ и два въ Петербургѣ каменные знатные дома» (3). Известно также изъ Записокъ, что она и родственнице всегда имѣла

(1) Библиографическія Записки 1858 г. № 5, стр. 139—141.

(2) Записки Державина стр. 369.

(3) Ibid. стр. 369.

слышавъ разсказъ имъ: онъ направилъ послѣ неудачнаго разговора Державина съ имъ Павломъ, «осыпавъ его со всѣхъ сторонъ хурбою», «принудили его искать средствъ преклонить на милость императрицы» (1). Вотъ все, на чемъ приходится основывать дальнѣйшія выводы о характерѣ статей-секретарской дѣтельности Державина.

Причину своего увольненія отъ статей-секретарства Державинъ опять-таки объясняетъ совершенно иначе, нежели другое, до насъ дошедшее свидѣтельство.

Самъ поэтъ разсказываетъ, что въ Царскомъ солѣ 15 июля 1793 года, докладывая Екатеринѣ II по своимъ дѣламъ, онъ пробывъ въ ея кабинетѣ до седьмого часа вечера, и потомъ выполнивъ вѣночки изъ ея приказаній, отиралися гулять въ садъ, гдѣ встрѣтили императрицу «сидящую подъ тѣнью дерева въ задумчивости». Статсъ-секретарь Петръ Ивановичъ Турчаниновъ, желая развеселить государыню, придумалъ играть въ горѣлки, въ которыхъ по недостатку кавалеровъ упросилъ участвовать и Державина (2). Дворянъ великаго князя Александра Павловича, онъ упалъ и вынулъ себѣ лѣвую руку. «Великій князь и прочіе придворные побѣжали къ нему и, поднявъ едва живаго, отвезли его въ его комнату. Хотя дварашили руку, но онъ не могъ одѣться и долженъ былъ остаться дома, обыкновенныхъ 6 недѣль, пока нѣсколько руки съостанѣ своею не затвердѣла» (3). Въ объясненіяхъ къ своимъ стихамъ поэтъ прибавляетъ, что это было причиною, по которой онъ «удалился отъ двора и опредѣленъ въ сенаторы» (4).

Вовсе не такъ разсказываетъ объ этой причеси *Дневникъ Члочева* С. П. Жихарева.

«Однажды (говорится тамъ) Державинъ докладывалъ императрицѣ по какому-то очень важному дѣлу и, по случаю отъѣзжанго ея возвращенія, до того забылся въ горячности своего объясненія, что осмѣлился схватить ее за конецъ мантильи, какъ бы въ спорѣ съ какою-нибудь обыкновенною знакомою дамою. Государыня тотчасъ позвонила. «Кто еще тамъ есть?» спросила она очень хладнокровно вошедшаго на звукъ колокольчика камердинера своего, Зотова. «Статсъ-секретарь Поповъ», отвѣчалъ Зотовъ. — «Нозовъ его сюда». Поповъ вошелъ. «Побудь здѣсь, Василій Степанычъ», сказала императрица ему съ улыбкою: «а то вотъ этотъ господи́нь много дастъ воли рукамъ своимъ».

(1) Ibid. стр. 393.

(2) Объясненія Львова Ч. 1, стр. 42. Записки Держав. 322.

(3) Записки Держав. стр. 323.

(4) Объясненія Львова Ч. 1, стр. 43.

«Державинъ описывался и въ отпадках бросался государиннѣмъ негд. «Ничего», приговаривала императрица: «продолжайте доислаивать; я слушаю».

«Эта простоватость (прибавляетъ Дневникъ), которое разсказывалъ Поповъ и въ которомъ сознавался самъ Державинъ, было вѣроятнѣе причиною поремѣщенія его въ статусъ-секретарей въ сенаторы» (1).

Точно также изъ записокъ И. И. Дмитриева видно, что записка Державина о консультаціи и о лѣности И. И. Дмитриева, какъ генераль-прокурора (2), оказываются совершенно невѣрными (3). И причина дурного отзыва о Дмитриевѣ, съ которымъ Державинъ до 1812 года былъ всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, легко объясняется слѣдующимъ случаемъ :

«Когда Дмитриевъ былъ министромъ юстиціи, Державинъ просилъ его за кого-то по одному дѣлу. Просьбы его или ходатайства въ пользу этого лица, по закону никакъ пользы было уважить. Дмитриевъ, по окончаніи уже дѣла, на упрекъ Державина сталъ объяснять ему обстоятельства этого дѣла; а онъ, какъ человекъ горячій и весьма чинный, не слушая его, отвѣчалъ только: «Ну что говорить, Иванъ Ивановичъ! покривилъ душой! покривилъ душой!» (4)

Такъ какъ записка Державина писана въкорѣ послѣ этого происшествія, то ясно, и отзывъ Державина о Дмитриевѣ сложился скоропа воли влияния дослѣ, которая еще не успѣла остынуть и изгладиться.

Громадное самовлюбіе (5) Державина, его упрямый, упорный и раздражительный нравъ (6) не терпѣли никакихъ противорѣчій себѣ; какъ бы законны и основательны они ни были. Особенно часто онъ спорилъ за это съ своими современниками, если они даже были и самыми близкими ему людьми, его друзьями: противорѣчіе его просьбамъ и заступничеству, разъясненіе всѣхъ подробностей дѣла, представленіе его дѣйствительнаго значенія, а не того какъ-

(1) Дневн. Чиновн. С. П. Жихарева ст. 4, стр. 379—380. Отеч. Зап. 1855 г. августъ.

(2) Записки Державина, стр. 498.

(3) Московск. Вѣдомости, 1860 № 69, 27 марта стр. 539.

(4) Ibid.

(5) Державинъ. Изъ записокъ Ив. Ив. Дмитриева. Москвитян. 1842 г. № 1, стр. 162—163.

Семейн. Хрон. и Воспомин. Аксак. Москва 1856 г., изд. 1, стр. 521, 552; 526—531; 536, 537, 540. Москвитян. 1853 г. № 23, стр. 151. Дневн. Чиновн. Отеч. Зап. 1855 г. апрѣль, стр. 397. Июль стр. 153—154, 129—130.

(6) Семейн. Хрон. и Воспомин. Аксакова. Москва 1856 г., изд. 1, стр. 321, 540—542. Дневн. Чиновн. Отеч. Зап. 1855 г. июль, стр. 1271.

щелости, которое вображаетъ себя поэтъ, — тогда раздражали его самолюбіе; и тогда, въ привалкахъ горячности и эсцилличности, онъ уже не помнилъ себя, не могъ удержать своихъ порывовъ и дѣлалъ иногда вещи несправедливыя и непростительныя въ высшей степени.

Жившій всегда подъ вліяніемъ одного чувства, Державинъ рѣдко соображалъ что-нибудь и безпрестанно увлекался; впечатлительность его, какъ поэта, доходившая до поражающихъ размѣровъ, одна расноряжалась всѣми его побужденіями и направляла его поступки такъ или иначе... Часто случалось, что эта впечатлительность и душевная настроенность Державина представляла ему дурное хорошимъ, хорошее дурнымъ, смотря потому, въ какомъ расположеніи духа находился онъ, какъ *настроивали его домашніе*: жена (1) (относится до второй жены Державина), его друзья, и проч.

Случалось, вдругъ иногда ему переставало нравиться то, чѣмъ вчера онъ восторгался до безумія, — и онъ тотчасъ же начиналъ хвалить то, что вчера бранилъ самымъ жестокимъ образомъ. Увидѣлъ онъ напримѣръ челоуѣка, и если на первый взглядъ онъ ему понравился и произвелъ на него впечатлѣніе — а это случалось обыкновенно, когда Державину въ цвѣтистыхъ фразахъ высказывали похвалу и лестные комплименты (2), хвалили его стихотворенія, или оказывали какую-нибудь услугу, и проч. — поэтъ, придя домой, тотчасъ же брался за перо и создавалъ торжественное и вычурное посланіе... Но если этотъ же самый господинъ, вчера вдохновившій Державина, на другой день не исполнялъ никакой-нибудь его хотя бы и невозможной для исполненія просьбы, не удовлетворялъ его поэтическимъ капризамъ, или наконецъ просто противорѣчалъ его словамъ, Державинъ вдругъ становился его *заклятымъ врагомъ*, отзываясь о немъ уже съ дурной стороны. Вышеприведен-

(1) Записки Держав. стр. 393.

(2) Въ запискахъ Ив. Ив. Дмитріева разсказанъ между прочимъ слѣдующій случай:

«Однажды слуга входитъ въ кабинетъ его (Державина) съ докладомъ, что какой-то живописецъ проситъ позволенія войти къ нему. Державинъ, принявъ его за челоубитчика, приказываетъ тотчасъ позвать его. Входитъ румяный живописецъ, начинаетъ высокопарною рѣчью извинять свою дерзость, происшедшую, по его словамъ, *единственно отъ непреодолимаго желанія насладиться лицезрѣніемъ великаго мужа, знаменитаго стиготворца* и проч. Потомъ бросается цѣловать его руки. Державинъ хотѣлъ отплатить ему пощлеумъ въ щеку. Живописецъ повисъ къ нему на шею и насилу выпустилъ его изъ своихъ объятій. Наконецъ онъ вышелъ изъ кабинета, утирая слезы восторга, поднимая руки къ небу и обсылая хозяина хвалами. Я примѣтилъ, что это явленіе не непріятно было для простодушнаго поэта». См. Москвит. 1842 г., № 1 стр. 163.

ный случай съ Н. И. Дмитриевымъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ это свойство характера Державина. Вообще подтверждаетъ его также и отношенія поэта къ Рѣшнину, которому онъ сперва написалъ похвальную оду ⁽¹⁾, а потомъ, въ примѣчаніяхъ къ ней ⁽²⁾ и

(1) См. оду *Памятникъ Герою*, въ которой Рѣшнинъ расхваленъ въ самыхъ громкихъ и лестныхъ выраженіяхъ:

Прямой Герой страстными недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
Къ богатствамъ, титуламъ, власти, славъ,
Внутри онъ сердца не приверженъ;
Сокровище его любовно —
Спокойный духъ и чиста совѣсть.

Въ терпѣнны твердъ, и мудръ въ напасти,
Не рабствуетъ блестящей части:
Считаетъ тѣмъ себя довольнымъ,
Коль общихъ благъ гдѣ былъ споспѣшникъ:
Блаженъ, блаженъ еще стократно,
Что страсти могъ свои умѣрить!

Всѣми-ль гдѣ, мечемъ ли править,
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ.
Его Царь — долгъ; его Богъ — правда;
Лишь Имъ онъ жертвуетъ собою;
Искусень, осторожень, точень,
Рачителевъ, не быстръ ко славъ;

Дѣлами исполнителъ Вѣры:
Великодушія примѣры
Его всѣ мысли наполняютъ,
И Богъ его благословляетъ
Побѣдою почти безъ крови,
Который миръ даруетъ царствамъ.

Такого мужа обелиски
Не тѣмъ славны, что къ небу близки
Не мраморомъ, не мѣдью тверды:
Пускай ихъ разрушаетъ время,
Но вовсе истребить не можетъ:
Живеть въ преданьяхъ добродѣтель.

Строй, Муза, памятникъ Герою,
Кто мужественъ и щедръ душою,
Кто больше разумомъ, чѣмъ силой,
Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ,
Далъ малой тратой много пользы.
Благословенъ, Рѣшнинъ, потомствомъ!

(Соч. Держав., изд. Штукина 1845 г., стр. 115—116.)

(2) Объяснен. Львова. Ч. 2, стр. 112.

въ запискахъ своихъ отзывался о Рѣпиннѣ совершенно иначе (1). Дѣло въ томъ, что какъ только Рѣпиннѣ приналъ Державина весьма холодно и паотрѣзъ отказался ходатайствовать за него передъ имп. Павломъ, такъ и Державинъ тотчасъ же «поклонясь вышелъ, почувствовавъ въ душѣ своей во всей силѣ омерзѣніе къ человѣку, который носилъ на себѣ личину благочестія и любви къ ближнему, а въ сердцѣ адскую гордость и лицемеріе. Скоро послѣ этого (прѣдставляють записки) визость души сего князя узнали и многіе, и императоръ его отъ себя отдалилъ. Таковы—то почти все святоши...» (2)

Разумѣется во всемъ этомъ нѣтъ даже и тѣни вѣроятія. Что касается холодности и рѣзкой невнимательности, которою встрѣтилъ Рѣпиннѣ Державина, то она совершенно понятна и вполне законна. Гуманный и просвѣщенный покровитель Новикова, другъ И. В. Лопухина, который эту дружбу считалъ лучшею для себя похвалою — какими глазами могъ онъ смотрѣть на Державина послѣ его поступка съ извѣстною книгою Радищева? Извѣстно, что Державинъ въ экземплярѣ *Путешествія*, присланнаго ему самимъ авторомъ съ полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ къ нему, отмѣтилъ карандашомъ все важнѣйшія мѣста и книгу поднесъ потомъ на разсмотрѣніе императрицы. Кромѣ того, стихотворная насмѣшка Державина надъ Радищевымъ : (3)

«Бада твоя въ Москву со истинною сходна,
 Не кстати лишъ смѣла, дерака и сумазбродна.
 Я слышу, на копей амщикъ кричить: вирь, вирь!
 Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь.» (4)

Какое сильное негодованіе вызывала она у Рѣпинина и у всѣхъ передовыхъ людей времени.

Вообще должно замѣтить, что какъ зависимость произведеній Державина отъ его личнаго расположенія и душевной настроенности, такъ и быструю безосновательную переимѣнячивость въ его образѣ чувствъ и мыслей и въ его стремленіяхъ, можно повѣрять на многихъ его стихотвореніяхъ. Оды Державина — сатирическія—ли, или похвальныя — были плодомъ или мгновенной вспышки поэта и писались безъ повѣрки собственныхъ чувствъ и мыслей, или плодомъ его личныхъ пристрастныхъ отношеній къ предмету, составлявшему ихъ содержаніе, или наконецъ сочинялись съ цѣлью войти

(1) Записки Держав. стр. 393.

(2) Ibid стр. 393.

(3) См. Русск. Вѣстн. 1858 г. № 23, стр. 430.

(4) Записки Держав. стр. 392

въ монаршее расположеніе или въ расположеніе вельможъ, приближенныхъ ко двору и сильныхъ по своему общественному значенію. Такова наиримѣръ ода «На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи», вызванная противорѣчіемъ кн. С. Ѳ. Р., рѣзко затронувшаго самолюбіе Державина (1). Такова ода «На счастье», въ которой поэтъ сатирически смѣется надъ нѣкоторыми особенностями въ жизни русскаго общества XVIII столѣтія: она написана Державинымъ въ припадкахъ досады и оскорбленнаго самолюбія, подъ вліяніемъ жолчи и негодованія за то, что его не только отрѣшили отъ губернаторства въ Тамбовѣ, но и отдали еще подъ судъ (2). Къ этому же времени принадлежитъ и льстивая ода Потемкину (по случаю дѣйствія <его подъ Очаковымъ> (3), на котораго онъ вѣроотно расчитывалъ

(1) Объяснен. на соч. Держав. Львова. Ч. 2, стр. 71.

(2) Ключъ къ соч. Держав. 1822 г., Остолопова, стр. 44.—Объяснен. на соч. Держав. Львова. Ч. 1, стр. 20—24.

(3) Ода «Побѣдителю», написанная въ 1788 во время нахождения Державина подъ судомъ за тамбовское дѣло. Каждая строчка этой оды — дѣсть самая выспренняя, самая напыщенная.

—Тебя Онъ предызбралъ Свой судъ свершить.

Тебя, — и зло къ тебѣ не придетъ,
Ни рана къ тѣлу твоему;
На сердцѣ здравіе почиетъ,
Веселье сердце и уму
Пойдетъ со плесками тебѣ во слѣдъ:
По торжествамъ тебя познаетъ свѣтъ.

Подъ надзираніе ты преданъ
Невидимыхъ, безплотныхъ силъ,
И легионамъ заповѣданъ
Всѣхъ ангеловъ, чтобъ цѣль ты былъ:
Сафирныя свои они крыла,
Расширя надъ тобой, блюдутъ отъ зла.

Блюдутъ тебя и сохраняютъ
Они во всѣхъ путяхъ твоихъ,
Повсюду вокругъ тебя летаютъ,
И носятъ на рукахъ своихъ,
И вѣтру на тебя претягъ порхнутъ,
Въ пыли твоихъ о камень ногъ преткнутъ..

На аспидовъ, на василисковъ,
На тигровъ, на эхиднъ, на львовъ,
Вдали рыкающихъ, и близко
На пресмыкающихъ гадовъ,
Шипящихъ вокругъ тебя ужей и змѣй,
Ты ступишь и попрешь ногой твоей.

Надеждъ твоихъ и всѣхъ желаній
Ты никому не объявилъ;

какъ находитая за себя передъ Екатериной II; сюда же относятся и множество переложенныхъ псалмовъ и стихотвореній духовнаго содержания. Замѣчательно, что эти стихотворенія въ особенномъ изобиліи появлялись у Державина въ то время, когда съ нимъ происходили какія-либо несчастія: увольненіе отъ занимаемыхъ имъ должностей и другія непріятности по службѣ. Кто знаетъ, что кромѣ сильнаго огорченія и сердечныхъ страданій поэтъ не имѣлъ при этомъ и другихъ мыслей и видовъ? Императрица изъ его скорби пойметъ раскаяніе, а за раскаяніемъ, какъ извѣстно, слѣдуетъ прощеніе, за прощеніемъ — опредѣленіе къ новому мѣстечку... Все это вѣдь было въ характерѣ и убѣжденіяхъ русскаго общества начала XVIII столѣтія, общества, изъ котораго Державинъ выдѣлялся развѣ только своимъ стихотворнымъ талантомъ.

По крайней мѣрѣ мы совершенно утвердительно можемъ сказать, что никогда бы въ русской литературѣ не было оды *Изображеніе Фелицы*, еслибы Державину не нуженъ былъ входъ къ Зубову (1), а чрезъ него милостивое расположеніе Екатерины II, служебныя отличія — звѣзды, ленты, почести при дворѣ, значительныя мѣста.

На небо воздѣвая длани,
Ты втайнѣ Бога лишь молягъ;
Его превѣчное ты имя звалъ,
Его изъ устъ твоихъ не выпускагъ.

Господь отъ звѣздъ тебя услышалъ,
Твою мольбу проразумилъ;
Изъ пренебесной бездны вышелъ,
Невидимую длань простеръ.
Отъ солнца какъ бѣжить ночь, тьма и мгла:
Такъ отъ тебя печаль, брань, смерть ушла.

Какъ въ зеркалѣ, въ тебѣ оставилъ
Сіянье Онъ своихъ лучей,
Побѣдами тебя прославилъ,
Число твоихъ прибавилъ дней;
Спасеніе людямъ Своимъ явилъ,
Величіе свое въ тебѣ открылъ.

Но кто ты, вождь, кѣмъ стѣны пали,
Кѣмъ твердь Очаковска взята?
Чья вѣра, чьи уста зывали
Намъ Бога въ помощь и Христа?
Чей духъ, чья грудь несла Монаршій ликъ? —
Потемкинъ ты! — Съ тобой, знать, Богъ великъ! —

(Сочиненія Держав. Изд. Штукина 1845 г., стр. 113—114). Ключъ къ сочинен. Держав., Остолопова, стр. 23.

(1) Записки Держав. стр. 298.

на которыхъ онъ, до нѣкоторой степени, могъ бы самовластно распоряжаться и повелѣвать. Никогда не поднялось бы льстивой оды имп. Павлу (на новый 1797 годъ), еслибы Державину не нужно было его прощеніе и право входа во дворцъ за кавалергардовъ (1). Никогда наконецъ не нашли бы мы въ стихотвореніяхъ поэта піесы «Къ самому себѣ», шзобличающей злоупотребленія государственнаго казначея Васильева, а также генералъ-прокуроровъ князя Лопухина и особенно князя Куракина, который въ началѣ царствованія императора Павла «выпросилъ себѣ и многимъ пріятелямъ великое количество на выборъ лучшихъ земель, которыя у казенныхъ поселнцъ, лишнее сверхъ 8 десятинъ, отбирали даже подъ огородами, не токмо подъ пашнями, а тѣ, кому они были отданы, продавали тѣмъ же самымъ поселянамъ рублевъ по 300 и по 500 десятину; и такимъ образомъ удовлетворяли ненасытную свою алчность» (2) — никогда, повторяемъ, не нашли бы мы этой піесы, еслибы Державинъ, просившій черезъ Лопухина изъ Ямской, лежащей за Волховомъ дачи 200 четвертей земли въ обмѣнъ на Званку, не получилъ въ этомъ отказа (3)...

Подобныхъ примѣровъ бездна.

Отсюда ясно слѣдовательно, до какой степени правда, безпристрастіе и вѣрный взглядъ на вещи, гуманнѣйшій и просвѣщенный — присущи стихотвореніямъ Державина. И любителямъ историческаго значенія произведеній Державина, охотникамъ до сличеній его одъ, относящихся къ царствованію Екатерины II, съ современными историческими записками и другими историческими документами, не много найдется пиесъ въ его стихотвореніяхъ (мы не упоминаемъ уже объ одахъ, относящихся къ царствованіямъ Павла I и Александра I — тѣ изъ рукъ вонъ плохи). Сличите-ка ихъ хоть напримѣръ съ Путешествіемъ Радищева, съ историческими замѣтками Щербатова, или съ разсказами иностранныхъ писателей о царствованіи Екатерины II: приговоръ выйдетъ не многословный, но зато рѣшительный. Правда, хотя всѣ стихотворенія, относящіяся до исторіи Екатерины II, и можно раздѣлить на нѣсколько разрядовъ: одни напримѣръ воспѣваютъ блескъ царствованія Екатерины, ея распоряженія и заботы о внутреннемъ благоустройствѣ государства, касаются также и другихъ лицъ царственнаго семейства и вообще при-

(1) Записки Держав. стр. 394. Соч. Держав., изд. Штукина 1845 г., стр. 61: Ода На новый 1797 годъ.

(2) Записки Держав. стр. 426.

(3) Записки Державина стр. 426. — Объясн. на соч. Державина, Львоча. Ч. 3, стр. 9—10.

дворныхъ событій; другія прославляютъ доблести людей вѣка Екатерины II, ея полководцевъ, войско и вообще доблести русскаго народа; третья касаются современнаго русскаго общества, изображаютъ праздную и порочную жизнь вельможъ XVIII столѣтія и проч. и проч. Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ замѣтенъ неафранный и пристрастный взглядъ поэта, постоянный риторизмъ, весьма рѣзкія отступленія отъ дѣйствительности, общія мѣста, не прикрытыя ни острою, ни мѣткою выраженіемъ; что въ этихъ стихотвореніяхъ мы нерѣдко знакомимся съ однимъ сухимъ перечнемъ историческихъ фактовъ, изложенныхъ въ стихотворной формѣ.

Полуобразованный Державинъ, отъ природы недалый (¹) и вмѣстѣ съ тѣмъ еще щедро надѣленный богатырскими свойствами души — размахистой фантазіей, гиперболизмомъ во взглядахъ на предметы и въ ихъ изображеніи, не могъ до глубины проникать въ явленія, проходившія передъ глазами его, разомъ мѣтко и вѣрно охватывать весь ихъ скрытый смыслъ, все ихъ внутреннее значеніе. Оттого въ произведеніяхъ Державина мы нерѣдко знакомимся съ предметами какъ бы сквозь туманъ, мѣшающій ясно различать всѣ ихъ тончайшія очертанія. Оттого наконецъ самъ поэтъ въ стихотвореніяхъ своихъ смотритъ на эти явленія глазами простолюдина: болѣе увлекается громомъ, блескомъ — внѣшностью, изъ-за которой не видитъ причинъ, ихъ породившихъ. Возьмите хоть лучшія его стихотворенія, изображающія Екатерину II. Что въ нихъ? Одна внѣшность: повтореніе того, о чемъ твердили всѣ ея манифесты, всѣ указы, одна официальная сторона, воспѣвавшаяся на разные лады безчисленными голосами современныхъ Державину поэтовъ и писателей. Дальше этого Державинъ нейдетъ. Онъ не разоблачаетъ того, что скрывалось за громомъ и блескомъ, за пышностью и роскошью, — онъ не добирается до тѣхъ тайныхъ побужденій, изъ-за которыхъ возникали различнаго рода событія въ царствованіе Екатерины II; до всего этого какъ-будто и дѣла нѣтъ Державину!

А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы ужъ кромѣ одной только официальной стороны, ничего другого онъ совершенно не понималъ. Признается же онъ въ *Запискахъ* своихъ, что «сія мудрая и сильная государыня, ежели въ сужденіи строгаго потомства не удержитъ по вѣчность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окру-

(¹) *Дневникъ Чююевника*. Отеч. Звп. 1855 г., апрѣль, стр. 397; июль 129, 191. Сем. Хрон. и Воспом. Аксак. Москва 1856 г. Изд. 1, стр. 523—529; 532—534; 540, 544 — *Москвитинъ* 1842 г. № 1, стр. 163.

жающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ; и потому добродѣтель не могла, такъ-сказать, сквозь сей закоулокъ пробиться, и вознестись до надлежащаго величiя; но если разсуждать, что она была человекъ, что первый шагъ ея возшествiя на престолъ былъ не непороченъ, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать можетъ-быть и опасалась; ибо они ее поддерживали» (1). Признается же Державинъ, что «издалека, тѣ предметы, которые ему казались божественными и приводили духъ его въ воспламененiе, явились ему, при приближенiи къ двору, весьма человѣческими и даже недостойными великой Екатерины, то и охладѣлъ такъ его духъ, что онъ почти ничего не могъ написать гордымъ чистымъ сердцемъ въ похвалу ея. Напримѣръ, я скажу, что она управляла государствомъ и самымъ правосудiемъ болѣе по политикѣ или своимъ видамъ, нежели по святой правдѣ» (2). (Въ доказательство слѣдуетъ нѣсколько примѣровъ) (3).

Положимъ, многого Державинъ не могъ высказывать гласно, противъ многого не могъ явно вооружаться: на подобные подвиги шло только развѣ Радищева и другихъ. Но зачѣмъ онъ, разглядѣвъ въ послѣдствiи дворъ въ настоящемъ свѣтѣ, продолжаетъ еще составлять льстивыя оды и для этого запирается къ кабинету на цѣлыя недѣли? И если онъ жалуется, что у него «все выходило холодное, натянутае и обыкновенное» (4), то не потому что вмѣсто своего прежняго высокаго идеала онъ увидѣлъ вблизи подлинникъ человѣческiй съ великими слабостями (5), — нѣтъ! вся сила заключалась «въ разныхъ придворныхъ каверзахъ, конми его безпрестанно раздражали» (6), да еще въ томъ, что съ наступленiемъ старости, угасали его творческiя способности, и онъ уже не могъ проявить себя такъ, какъ проявлялъ въ лѣта возмужалыя. А вернись къ Державину прежняя сила его таланта и вмѣстѣ съ тѣмъ поласкай Екатерина его самолюбiе — дай ему возможность распоряжаться и повелѣвать гдѣ-нибудь на почетномъ мѣстѣ, похвали его, отлучи лентою — и Державинъ расплылся бы, и написалъ тысячу посланiй, одно другого льстивѣе и неправдоподобнѣе...

Все это было совершенно въ характерѣ и стремленiяхъ поэта, у

(1) Записки Держав. стр. 387.

(2) Ibid. стр. 339.

(3) Ibid. стр. 339—342 и др.

(4) Ibid. стр. 379.

(5) Ibid. стр. 379.

(6) Ibid. стр. 379.

котораго продолженіе цѣлой жизни на первый планъ выдвигалось всегда собственное я, а не польза общаа...

Изъ всѣхъ стихотвореній Державина значеніе историческое могутъ имѣть только развѣ оды, изображающія порочную вельможескую жизнь XVIII столѣтія. Обладая замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ, Державинъ разумѣется съ помощью его могъ бы, еслибы захотѣлъ, выйти на борьбу съ современными пороками и обличать безчисленныя злоупотребленія временщиковъ и другихъ личностей сильныхъ по своему общественному положенію. Но онъ не только ничего подобнаго не сдѣлалъ, — онъ, напротивъ, талантомъ своимъ служилъ злу и неправдѣ, осмѣялъ напримѣръ Радищева, вполне сочувствуя ссылкѣ его въ Сибирь (1)... пошлымъ образомъ осмѣялъ человѣка, въ лицѣ котораго восходила заря будущаго Россіи — пробуждалась русская мысль и, встряхнувъ съ себя вѣками навѣянный гнетъ рутинныхъ понятій и привычекъ, взглянула на событія, проходившія передъ ней, взглядомъ глубокимъ, свободнымъ и отраднымъ...

И такъ въ жизни Державина лежало два пути: первый путь былъ служебный, дѣловой, на которомъ Державинъ, занимавшій важныя мѣста въ государствѣ и близкій ко дворцу, къ императрицѣ, легко могъ бы попасть «въ число призванныхъ и великихъ дѣателей эпохи», по выраженію профессора Никитенки. Второй путь, широко открытый Державину, былъ путь литературный, на которомъ онъ легко могъ бы сдѣлаться «глашатаемъ и правды, добра и истинной славы» (2), по недавнему выраженію академика Я. Грота. Но ни на одномъ изъ этихъ путей Державинъ ровно ничего не внесъ въ исторію развитія нашей гражданственности: все дѣло ограничилось разными происками, кляузами, да удовлетвореніемъ мелкому личному эгоизму въ ущербъ пользы общественной. Напримѣръ досаду, что его выключили изъ государственнаго совѣта, и что «нѣкоторый подлый стиходѣй» (3) пустилъ по этому поводу эпиграму:

• Тебя въ совѣтъ намъ не надо:

Царшивая овца

Все перепортитъ стало, —

досаду на это Державинъ послѣ утѣшается тѣмъ, что «избранными въ совѣтъ членами, послѣ его отставки, доведено стало государство до близкой въ 1812 году гибели» (4).

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1853 г. № 23, стр. 430. Записки Держав. стр. 302.

(2) С. Петерб. Вѣдом. 1859 г. № 102, 14 мая, стр. 456.

(3) Записки Держав. стр. 438.

(4) Ibid. стр. 438.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ за двѣ, за три сентенціи, наполненныя резонерствующими фразами въ родѣ слѣдующихъ :

• Блаженъ, кто можетъ веселиться
 Безперерывно въ жизни сей !
 Но рѣдкому пловцу случится
 Безобѣдно плавать средь морей :
 Тамъ бурны дышутъ непогоды,
 Горами подобно гонять воды,
 И съ пѣною песокъ мутать.
 Петрополь сосны осыпали ;
 Но, вихремъ поражены, пали :
 Теперь корнями вверхъ лежатъ.

Непостоянство доля смертныхъ ;
 Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ ;
 Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
 Желаетъ мы утѣхъ иныхъ.
 Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
 Когда твои лавиты тучны
 Престанутъ граціи трепать ;
 И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ,
 Твоя ужъ Пенелопы въ скукѣ
 Коверъ не будетъ распускать ;

Не будетъ, можетъ быть, легчать
 Судьба ужъ болѣе тебя,
 И вѣтръ благопріятный вѣять
 Во твой парнасъ : — брега себя !
 Доколь текутъ часы златые
 И не приспѣли скорби злыя,
 Пей, ѣшь и веселись, сосѣдь !
 На свѣтѣ жить намъ время срочно ;
 Веселье то лишь непорочно,
 Раскаянья за коимъ нѣтъ • (1).

Въ увѣщаніяхъ Скопихину :

• Престань и ты жить въ погребѣхъ,
 Какъ крокъ, въ ущельяхъ подземельныхъ,
 И на чугунныхъ тамъ цѣпяхъ
 Стеречь, при блескѣ искръ елейныхъ,

(1) Стих. -Къ первому сосѣду- (М. С. Голикову). Соч. Держ. изд. Штукина 1845 г. стр. 134.

Висящи бочки серебра,
Иль лаять псы въ округъ двора.

Томимый скорбью водяной
Чѣмъ больше пьетъ, тѣмъ больше жаждетъ ;
Вредомъ вредъ умножая свой,
Сугубой слабостію страждетъ,
Доколь, причину онъ бѣды,
Не выгонитъ изъ жилъ воды» (1).

Или въ стихотвореніи «На ворожбу»:»

• Не любопытствуй запрещеннымъ
Халдейскимъ мудрованьемъ знать :
Какая есть судьба рожденнымъ,
И сколь намъ долго проживать?
Полезнѣе о томъ не вѣдать
И не гадать что будетъ впредь;
Ни лиха, ни добра не бѣгать,
А принимать, что ни придетъ.

Пусть боги свыше посылаютъ
Жестокій зной, иль лютый мразъ ;
Пусть бури грозы повторяютъ,
Иль грянетъ громъ въ послѣдній разъ —
Что нужды? — Будь мудрѣй, чѣмъ прежде;
Въ прокъ винъ не запасай драгихъ;
Обрѣзывать крилъ надеждъ
По краткости ты дней своихъ.

Такъ! время злое быстротечно,
Летитъ межъ тѣмъ, какъ говоримъ;
Щипли жъ веселіе сердечно
Съ тѣхъ разъ, на кои мы глядимъ ;
Красуйся дня сего благими;
Пей чашу радости теперь!.. (2) и проч.

Нельзя же за это признавать его великимъ гражданиномъ, совершившимъ благотворные перевороты! Развѣ подобныя сентенціи были исключеніемъ въ тогдашней стихотворной литературѣ? Развѣ въ безчисленномъ количествѣ не повторялись онѣ у всякаго мелкаго стихоплета, у всей писавшей братіи? Подобная философія

(1) Соч. Держав. изд. Штукина 1845 г. стр. 209.

(2) Ibid. стр. 208.

даже и XVIII вѣкѣ не много зароняла благотворныхъ сѣмянъ въ душу человѣка для его умственнаго и нравственнаго развитія, для его будущей общественной дѣятельности...

Чтоже касается до остального, напримѣръ хотя того, что Державинъ написалъ сатирическую оду на Потемкина, то она вѣдь перелѣлана была изъ оды «На знатность» въ 1794 г., т. е. по смерти свѣтлѣйшаго, и появилась въ печати подъ названіемъ «Вельможи» уже по смерти Екатерины II, когда слѣдовательно этой одой Державинъ только могъ расположить къ себѣ императора Павла (1); ктому же мы знаемъ, что Державинъ расхвалилъ Потемкина въ одѣ «Побѣдителю». Ода «Властителямъ и судіямъ», которую критика за нѣкоторыя ея рѣзкія и смѣлыя выраженія ставила обыкновенно въ величайшую заслугу Державину, есть ничто иное какъ буквальное переложеніе 81 псалма, написанное въ 1787 году, а не во время французской революціи. И если Державинъ, поднося въ 1795 году произведенія свои императрицѣ Екатеринѣ II, помѣстилъ тутъ же «Властителямъ и судіямъ», то послѣднее сдѣлалъ онъ безъ всякихъ цѣлей, совершенно безсознательно; для этого даже и доказательства никакихъ не нужно; потомучто самъ поэтъ, откровенно признаваясь во всемъ, оправдывается только тѣмъ, что «тотъ 81 псаломъ перефразированъ имъ безъ всякаго дурнаго намѣренія и напечатанъ въ мѣсячныхъ изданіяхъ подъ именемъ «Зеркало Свѣта» въ 1786 г.», и что «если онъ тогда не произвелъ никакого зла, какъ и подобныя ему иные стихи, то и нынѣ не произведетъ» (2).

Объ одѣ графу Zubову (*На возвращеніе его изъ Персіи*) можно сказать: «какая польза обществу въ томъ, что упрекъ и насмѣшка князя С. О. Г. заставили Державина написать похвалу Zubову во время монаршей къ нему немилости (3)?» Да и стоило ли заниматься подобными похвалами? Выходки такого рода, если онѣ и дѣйствительно бывали у Державина, удовлетворяли развѣ только самолюбивымъ претензіямъ его раздражительнаго и настойчиваго нрава, были только личностями, почему и не могли производить никакого благотворнаго вліянія на общество.

Но теперь намъ пора уже нѣсколько оговориться... Многіе пожалуй, упрекнувъ насъ въ односторонности воззрѣнія на личность Державина, скажутъ, что мы беремъ одиѣ только крайности, составляемъ одиѣ дурныя свойства Державина, позабывая, что эти свойства были общія его вѣку, и что кромѣ нихъ въ Державинѣ

(1) Объясн. на соч. Держ. Львова. Ч. 1, стр. 32.

(2) Записки Держ. стр. 381.

(3) Объясн. на соч. Держ. Львова. Ч. 2, стр. 71.

было еще много хорошихъ сторонъ. «Не забывайте», говоритъ г. Лонгиновъ, «что вы имѣете дѣло не съ отвлеченнымъ понятіемъ, а съ живымъ человѣкомъ и притомъ выросшимъ въ средѣ и въ вѣкѣ, гдѣ понятія у людей были другія чѣмъ теперь» (1). Совершенная правда; время и обстоятельства, при которыхъ дѣйствуетъ человѣкъ — лучшія оправданія его поступкамъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что многое извиняя Державину, и притомъ еще предвзято, вмѣстѣ съ тѣмъ должно и смотрѣть на него другими глазами: не изображать его такимъ, какимъ онъ былъ дѣйствительно, а по старой давнишней привычкѣ безусловно умиляться передъ нимъ, величать его «глашатаемъ правды, добра и истинной славы», и проч. Такъ какъ задача нашей статьи заключалась именно въ рѣшеніи вопроса: «Что въ гражданскомъ отношеніи сдѣлалъ Державинъ для общества, для своихъ современниковъ», то понятна и самая односторонность, неизбежная при такихъ условіяхъ.

Теперь дополнимъ нѣсколько наши сужденія о Державинѣ.

Въ вѣкѣ, къ которому относится поэтъ, онъ, какъ по своему образу дѣйствія, по своимъ житейскимъ стремленіямъ, по своимъ склонностямъ, такъ и по природной неадаптивности и по неразвитости своего ума, по своимъ понятіямъ и взглядамъ вовсе не глубокихъ, вовсе не гуманныхъ и не просвѣщеннымъ, принадлежалъ къ большинству массы общественной, а никакъ не къ тому меньшинству передовыхъ людей времени, во главѣ которыхъ стояли Новиковъ, Радищевъ и другіе...

Однакоже личность Державина, поэтическая, одаренная самобытными творческими силами, заключала въ себѣ много хорошаго и привлекательнаго (2). Отъ природы душа дана была ему добрая, честная и искренняя, сердце благородное и теплое, полное любви къ человѣчеству, склонное на все великое и прекрасное. Но громадное самолюбіе, сильная страсть къ тщеславію, вспыльчивый, упрямый, нетерпѣливый и раздражительный нравъ его, вмѣстѣ съ поверхностнымъ и крайне неразвитымъ умомъ, да съ природнымъ гиперболизмомъ (2), если не совершенно оспивали въ Державинѣ эти хорошія свойства, не заглушили ихъ вовсе, то по крайней мѣ-

(1) Моск. Вѣдом. 1859 г. № 194, 16 августа.

(2) *Девятикъ Чиновника*: Отеч. Зап. 1855 г. апрѣль: 394—399; 402; 403; сентябрь: стр. 129, 130; 143, 144. *Семейная Хроника и Воспоминанія* Аксак. Москва 1856 г. изд. 1, стр. 520, 523, 524, 525, 534, 536, 538, 544, 545. *Москвит.* 1842 г. № 1, стр. 163—164.

(3) *Семейная Хроника и Воспоминанія* Аксак. Москва 1856 г. изд. 1, 521; 523—531; 536, 537; 540—542. *Москвит.* 1853 г. № 23, стр. 151. *Отеч. Зап.* 1855 г. апрѣль, стр. 397; июль: стр. 127; 129—130; 153—154.

рѣ всегда мѣшали имъ принести истинную пользу, оставить послѣ себя слѣдъ дѣйствительно благотворный.

Жизнь Державина, вообще всѣ его поступки и сердечныя движенія показываютъ, какъ странно въ характерѣ его перемѣшались всѣ эти самыя разнообразныя его душевныя наклонности; ярко выдѣлялось изъ нихъ одно только громадное самолюбіе.

Жажда гласности, жажда безсмертія постоянно жгла душу Державина; она не давала ему покою до самой его могилы, выразившись въ его послѣднемъ, предсмертномъ стихотвореніи:

Рѣка время въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей;
А если что и остается
Черезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется —
И общей не уидеть судьбы (1).

И въ этомъ случаѣ замѣтки Державина о томъ, что злобу состретъ онъ твердостью, и руководимый желаніемъ общаго блага, съ огнемъ души пойдетъ онъ наперекоръ всѣмъ служебнымъ неприяностямъ, житейскимъ невзгодамъ: горю, нуждѣ, страданіямъ (2), — всѣ эти замѣтки ни болѣе, ни менѣе, какъ

«Бредъ души его больной!..»

И этому бреду онъ самъ вполне вѣрилъ. Въ пылкомъ воображеніи поэта иногда дѣйствительно составлялись самыя возвышенныя геройскіе планы, поражающіе идеальной законченностью, невозможною для исполненія. Нерѣдко Державинъ можетъ-быть такъ и шолъ по этимъ планамъ, разумѣется примѣняя ихъ не такъ какъ бы слѣдовало: болѣе занимаясь собою, нежели дѣломъ, и не видѣвъ мелочей, которыя необходимо бросались въ глаза человѣку съ умомъ всестороннимъ и дѣйствительно занятому дѣломъ, а не останавливающемуся на немъ ради того только, чтобы порисоваться собою.

Въ Державинѣ эта страсть рисоваться да любовь къ эскизамъ, за немнѣшнѣмъ тонкаго и провицательнаго ума, за отсутствіемъ глубокаго содержанія въ его внутреннемъ мірѣ — истинно высокаго и гуманнаго направленія, играли важную роль въ его жизни; разу-

(1) Соч. Держав. изд. Штукина 1845 г. стр. 223.

(2) Соч. Держ. изд. Штукина 1845 г., стр. 158 («На смерть графини Румянцевой»); 133 («Тончію») 222 и проч.

мѣется этому увлеченію поэта виѣшностью немало способствовали и его поэтическая природа, его гиперболизмъ и малообразованность. Увлеченіе громомъ, блескомъ, грандіозными, колоссальными видами, представительною, картинною наружностью людей, трагическими, натапнутыми сценами, напыщенными эффектами и ложными положеніями — безпрестанно повторяется съ Державинимъ въ его жизни; весь вѣкъ свой онъ прожилъ этими увлеченіями, постоянно высказывая ихъ и въ своихъ торжественныхъ одахъ, иногда напыщенныхъ до карикатуры и курьезностей, и въ пристрастіи къ собственнымъ трагедіямъ, которыми онъ чрезвычайно восторгается (1), и въ своемъ благоговѣннн къ Боброву (2), и въ замѣткахъ о самомъ себѣ, и наконецъ во всѣхъ своихъ поступкахъ и сердечныхъ движеніяхъ. Напримѣръ на желаніе имп. Павла сдѣлать его правителемъ дѣлъ государственнаго совѣта, онъ отвѣчаетъ государю, что «если ему угодно любить правду, какъ любилъ ее Петръ Великій, то онъ употребитъ всѣ силы свои угодить ему» (3). Какой эффектный, смѣлый отвѣтъ!.. Но зачѣмъ зашолъ онъ сюда, когда слѣдомъ за нимъ же являются и поклоны Державина вельможамъ, съ цѣлью черезъ нихъ снова получить монаршее благоволеніе, право входа за кавалергарловъ, когда за нимъ же является и писанье лестныхъ одъ, наполненныхъ всевозможными комплиментами!..

Нельзя допустить вполнѣ, что Державинъ, зависѣвшій отъ своихъ чувствъ и впечатлѣній, былъ человекомъ прямымъ и открытымъ, у котораго *«что на умъ, то и на языкъ.»* Жизнь, какъ видѣли мы, выработала въ немъ до нѣкоторой степени тѣ практическіе приемы, которыми отличаются люди *себѣ на умъ*: мы знаемъ, что Державинъ хитрилъ насколько позволяли ему его недалкій умъ, его непроницательность и раздражительный нравъ.

Нельзя также и допустить, чтобы жажда славы и безсмертія въ будущемъ, постоянно тревожившая душу Державина, была единственнымъ его стремленіемъ въ продолженіе цѣлой жизни и вытѣс-

(1) Сем. Хрон. и Воспом. Ансакова Москва 1856, изд. 1, 520, 528—529.

(2) Въ *Дневникъ Чиновника* находимъ:

«Не постигаю пристрастія Державина къ Боброву. Я читалъ и читаю его съ величайшимъ вниманіемъ, старался отыскать въ немъ что-нибудь, что бы затронуло душу: ничего, рѣшительно ничего! Воображеніе не только что мрачное, какъ у Юнга, но какое-то безпорядочное, и въ картинахъ не нахожу никакой вѣрности. При утомительномъ многословіи, мыслей мало; правда, грому много, но этотъ громъ театралный и не поражаетъ. Вотъ ужъ можно сказать: *много шуму изъ пустяковъ.*» (Отеч. Зап. 1855 г. апрѣль, стр. 418.)

(3) *Объясн. Львова. Ч. 2, стр. 110. Зап. Держ. стр. 390.*

няла собою все другое въ его внутреннемъ мірѣ, что кромѣ ея, поэтъ не думалъ и не заботился уже ни о чемъ: ни о матеріальной обстановкѣ своего быта, ни о богатствѣ, ни о мѣстахъ по службѣ; что его не занимали ни почести при дворѣ, ни монаршія награды, ни связи съ людьми сильнѣйшими и болѣе вельможными чѣмъ онъ самъ, и что если все это и было у него въ жизни, то приходило всегда случайно къ нему, безъ малѣйшихъ со стороны его просковъ и желаній, что всѣмъ этимъ онъ легко жертвовалъ своимъ поэтическимъ претензіямъ на гражданское безсмертіе и капризамъ своего вспыльчиваго, раздражительнаго нрава... Еслибъ это было такъ, то что же вызываетъ въ Державинѣ постоянныя сильныя его заботы и хлопоты о приобрѣтеніи деревенскъ и земель ⁽¹⁾; что вызываетъ въ немъ боязнь лишиться этихъ деревенскъ ⁽²⁾; что заставляетъ его быть «непокойнымъ о домашнихъ недостаткахъ» ⁽³⁾; и притомъ въ то время, когда онъ, вдовый, одинокій и безсемейный, разъѣзжалъ въ каретахъ, имѣлъ значительныя помѣстья, получалъ сенаторское жалованье?.. Что наконецъ заставляетъ его быть непокойнымъ «о непріятностяхъ по службѣ», и вслѣдствіе этого заискивать у разныхъ вельможъ и фаворитовъ, вертѣться при дворѣ, хитрить, кланяться, унижаться передъ разными камердинерами и проч.?

Неужели во всемъ этомъ видѣлъ поэтъ будущее свое гражданское безсмертіе?.. Или наконецъ неужели онъ былъ такъ простоватъ, что принималъ подобныя немилости за нравственный ему укоръ, тревожившій его совѣсть и лишавшій его душевнаго спокойствія?.. Развѣ, оставивъ все это въ сторонѣ, при своемъ независимомъ положеніи, при средствахъ къ жизни, Державинъ не могъ избрать себѣ дѣятельность другого рода? Или онъ въ самомъ дѣлѣ не признавалъ пользы отъ этой дѣятельности? Но и этого опять-таки нельзя допустить безусловно.

Вообще жизнь Державина оставила намъ множество самыхъ разнообразныхъ, самыхъ противорѣчащихъ фактовъ. Изъ нихъ совершенно ясно одно только, что весь вѣкъ свой Державинъ прожилъ исключительно для самого себя, что никакой пользы обществу въ гражданскомъ отношеніи онъ не принесъ, потому что этой пользѣ онъ не былъ преданъ на столько, чтобы исполнять ее во имя ея же самое, не тщеславничая и не рисуясь ею; что если у него въ душѣ иногда и зарождалось что-то похожее, то оно служило ему

(1) Зап. Держ. стр. 118, 127.

(2) Зап. Держ. стр. 310.

(3) Зап. Держ. стр. 367.

же самому, для его же самоуслажденія и нравственнаго самодовольства, омрачалось его же тщеславными выходками; что вообще къ этой пользѣ онъ не былъ привязанъ на столько, чтобы во имя ея идти наперекоръ всѣмъ обстоятельствамъ, а не отказываться и не отступать отъ нея изъ-за какихъ-нибудь личностей, мелочныхъ неудачъ по службѣ или матерьяльныхъ расчетовъ и честолюбивыхъ стремленій... Вглядитесь въ Державина пристальнѣе, внимательно прослѣдите всю его жизненную дѣятельность, изслѣдуйте хорошенько всѣ его поступки, изучите всѣ его природныя свойства, глубже проникните въ его внутренній міръ, — и вы согласитесь съ нашимъ мнѣніемъ о поэтѣ, какъ можетъ-быть ни привыкли вы видѣть въ немъ другого человѣка, нежели какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ...

Что оставила намъ жизнь Державина, какъ гражданина?.. Гдѣ слѣды ея?..

Въ самую раннюю пору ея, судьба кое-какъ выручила поэта изъ бѣдности и помогла ему нѣсколько образоваться... За отличіе перевели его въ Преображенскій полкъ — дали дорогу для будущихъ почестей... Но служба солдатская тяжела и утомительна... и вотъ нетерпѣливый Державинъ, желая поскорѣй выбраться изъ нея, бѣжитъ къ Орлову и проситъ о скорѣйшемъ производствѣ въ капраны... Этотъ періодъ жизни Державина оставилъ за собою не много хорошаго: любовныя шашни, картежныя продѣлки, грязь и безнравственность, да слишкомъ замѣтное отсутствіе всякаго высокаго направленія, замѣтный недостатокъ въ проявленіи болѣе гуманныхъ и благородныхъ стремленій — вотъ что безпрестанно встрѣчается въ немъ. Наконецъ Державинъ и офицеръ... Но здѣсь опять начинаются скандальныя исторіи. Въ Москвѣ онъ то и дѣло шатается по трактирамъ, играетъ въ карты, проигрываясь безпрестанно: проигрывая и послѣдній капиталъ матери, поручившей ему купить для себя деревню, проигрывая и девьги, постоянно шмъ занимаемая то у знакомыхъ матери, то у садоваго ученика, вѣхавшаго въ Петербургъ, то у многихъ другихъ (1)... Въ Петербургѣ, въ казармахъ онъ то сводитъ связи «съ одною хорошаго и благороднаго поведенія дамою» (2), то поддѣлывается къ своему ротному командиру, сочиняя для него любовныя письма (3), то попрежнему играть въ карты, но только «съ честными людьми, по необходи-

(1) Зап. Держ. стр. 28, 37, 38, 39, 41, 43, 44.

(2) Ibid. стр. 46.

(3) Ibid. стр. 45.

мости для прожитку»... (1) Положимъ и это извинительно въ XVIII столѣтїи. Но за всѣмъ этимъ ужъ болѣе-то ничего вѣдъ не остается отъ жизни Державина... Невидно въ немъ ни малѣйшихъ зачатковъ для лучшаго направленія въ будущемъ, тѣхъ началъ высшаго умственаго и нравственнаго развитія, которыя необходимо высказутся всегда, отмѣтять человѣка, какая бы обстановка ни окружала его. Что дѣлаетъ онъ? Ему напримѣръ «жалко было и ужасно видѣть терзаніе ихъ катомъ (блѣднаго, изнуреннаго унтеръ-офицера Оловянишникова) и другихъ» (2). А во время пугачевщины онъ самъ уже сбѣчетъ и вѣшаетъ подлюю чернь: то съ церемоніями и парадированіями, то просто безъ церемоній, въ страхъ другимъ... (3) За свое участіе въ этой экспедиціи Державинъ получаетъ наконецъ чины, помѣстья, и выходитъ потомъ въ отставку, а вскорѣ слова опредѣляется въ службу къ гражданскимъ дѣламъ... Далѣе: изъ экзекуторовъ перваго департамента сената дѣлается онъ совѣтникомъ въ экспедиціи государственныхъ доходовъ... Здѣсь случай съ «Фелицей» открываетъ ему впереди славу, удобства въ жизни и наслажденія всѣми ея благами, какія только выберетъ онъ для себя. Державинъ не упускаетъ этого изъ виду, и вскорѣ дѣлается однимъ изъ блаженныхъ смертныхъ, наслаждаясь жизнью вполнѣ, такъ, какъ хотѣлъ онъ наслаждаться ею... Да, эту жизнь онъ умѣлъ обставить совершенно по своему вкусу, по своимъ любимымъ, завѣтнымъ планамъ: теперь онъ и любимецъ императрицы, заслужившій ея ласки и внимательность... «Фелицею» прославился онъ на всю читающую Россію; онъ и занимаетъ не послѣднее мѣсто при дворѣ, и надѣется современемъ достигнуть еще большихъ почестей... а чего же еще остается желать честолюбивому Державину? Съ этихъ поръ онъ постоянно уже остается при дворѣ до того времени, когда императоръ Александръ I положительно объявилъ, что ему нѣтъ въ немъ нужды, хотя бы онъ и вовсе не прїѣзжалъ» (4), и послѣ не обращалъ уже вниманія на тѣ его разные совѣты и проекты въ родѣ напримѣръ записокъ «о мѣрахъ, какимъ образомъ укротить наглость французовъ и оборонить Россію отъ нападенія Бонапарта», или «о нѣкоторыхъ къ оборонѣ служащихъ мѣрахъ» (5), которыми безпрестанно надоѣдалъ онъ государю и съ помощью которыхъ онъ все еще не терялъ надежды снова попасть

(1) Ibid. стр. 47.

(2) Ibid. стр. 48.

(3) Ibid. стр. 59, 60; 80—82; 89; 91; 94.

(4) Ibid. стр. 472.

(5) Ibid. стр. 500—501.

ко двору. Слѣвомъ, дѣятельность Державина принимается уже одно направленіе: онъ становится ни болѣе, ни менѣе, какъ пѣвцомъ придворныхъ событій и пѣвцомъ блестящихъ предводителей російскаго побѣдоноснаго воинства, получаетъ нѣсколько орденовъ... возводится въ губернаторы, статсъ-секретари, сенаторы... Жизнь семейная также удается ему какъ нельзя лучше по вкусу: въ ней онъ точь-вточь Аванасій Ивановичъ съ своей Пульхеріей Ивановой, немного развѣ повыше ихъ... Счастливый собою, онъ и не выходитъ за предѣлы своего домашняго счастья и литературныхъ бесѣдъ, «гдѣ онъ домашній пріютъ свой просвѣщалъ собранными вмѣ дучами высокою и великою царшцы, его покровительствующей» (1)... Онъ занимается тѣмъ только, что такъ изящно и пріятно для глазъ, манитъ взоръ, услаждаетъ и восхищаетъ душу, — своими родственными и литературными пріятельми (2), да придворными интересами... Онъ если и страдаетъ, глядя на мученья и горе другихъ, то больше на бумагѣ, да и страданія эти относятся у него къ людямъ высшей сферы, высшаго полета, у которыхъ и такъ много утѣхъ и сожалѣтелей, кромѣ литературныхъ, а не къ людямъ, у которыхъ страданія дѣйствительно сильны, глубоки и безвыходны. Исключенія изъ этого, если они и были, то всегда почти попадали не туда, куда бы слѣдовало: состраданіе Державина, по возможности легко обмануть его, относилось больше къ людямъ недостойнымъ. Занятый собою и своимъ, онъ правда можетъ-быть и не думалъ вовсе, что есть на свѣтѣ другой міръ, другая сфера, меньшіе братья, которые самыя вопіющія требованія для жизни покупаютъ цѣною кроваваго пота, и которые взываютъ о помощи, о защитѣ... Да и когда ему думать объ этомъ, занятому планами своего будущаго безсмертія, выѣздомъ ко двору, сочиненіемъ торжественныхъ одъ и начальственными распоряженіями въ губерніяхъ? Когда тутъ страдать за другихъ, когда столько своихъ собственныхъ, хотя нерѣдко и воображаемыхъ страданій отъ Вяземскаго, Туттолмина, Гуловича и другихъ, невинно гнавшихъ его — страдальца за правду! — когда страданій о томъ, что лентою обшпи, денежныхъ наградъ не дали, въ крестьянахъ отказали (3), — когда и этихъ угнетеній не успѣваетъ онъ смиренно оплакивать псалмами, ожидая помощи свыше и новаго мѣстечка! Про Державина въ царствованіе Павла I и Александра I и говорить нечего это уже человѣкъ, дальше своей обстановки ничего не видящій и

(1) Объявл. на соч. Державина Львова. Ч. 1. стр. 25.

(2) Объявл. на соч. Державина Львова. Ч. 1, стр. 25—27.

(3) Зап. Держ. стр. 428, 387, 436.

вникуда не выходящей. Новымъ началомъ обновляющейся русской жизни, новымъ стремленіемъ общества онъ не только не сочувствуетъ, но даже и вовсе не понимаетъ ихъ. Своими почестями и наградами онъ до того доволенъ, до того наслаждается ими, что лишиться ихъ — страшный, невыносимый для него ударъ...

Въ царствованіе Александра I онъ представляется намъ старикомъ, вцѣпшимъ въ дѣтство, увеселяющимъ себя чтеніемъ и сочиненіемъ алакреонтическихъ пѣсокъ двусмысленнаго содержания вродѣ «Мельника» съ ею уже не беруцимъ жерновомъ, пѣсокъ, въ которыхъ истина, за отсутствіемъ вдохновенія, выставляется напоказъ рѣзко, голо и безцеремонно, прикрытая прелестью поэтическаго изображенія⁽¹⁾. Добившись чиновъ и крестовъ, почестей и льстивыхъ возгласовъ современниковъ, онъ не ограничивается этимъ: любовь къ себѣ до того сильна въ немъ, что она проявляется у него на каждомъ шагу, въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ малѣйшемъ его движеніи... То напримѣръ заботится онъ о новыхъ надписяхъ въ своемъ вельможескомъ гербѣ и проситъ герольдію о выдачѣ на это грамоты⁽²⁾, то... посмотрите: вотъ, въ трудные для Россіи годы, въ то время, когда она занята была великимъ вопросомъ — войною съ Франціею, Державинъ пристаетъ къ императору съ просьбою — за сочиненіе имъ солянаго устава⁽³⁾ передать собственную фамилію своему родному племяннику, для того чтобы не пресѣлся родъ знаменитаго Багрима⁽³⁾!.. Смотрите

(1) Семейная Хроника и Воспоминанія Аксакова. Москва 1856 г. изд. 1, стр. 334. Соч. Держ., изд. Д. П. Шуккина 1845 г., стр. 133.

(2) Зап. Держ. стр. 427.

(3) «Теперь я догадываюсь (записано въ Дневникѣ Чиновника), отчего Гаврила Романовичъ вчера былъ такъ невеселъ и задумчивъ. У него въ головѣ письмо къ государю о дозволеніи передать свою фамилію старшему изъ своихъ племянниковъ, Леониду Львову. Онъ намѣренъ былъ просить объ этомъ на первой педѣлѣ великаго поста, но его извѣстили, что государь скоро отъѣзжаетъ въ армию, и что теперь не время безиконить его величество. «Боюсь, чтобы не ушло время», сказалъ Гаврила Романовичъ, «и чтобы не сбылось мое предсказаніе:

«Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима».

«Отсутствіе государя, вѣроятно, продолжится не долго» замѣтилъ я. — «Богъ вѣсть, братецъ; а смерть не за горами».

Въ томъ же году (добавлено въ примѣчанія къ Дневнику) Гаврила Романовичъ поручилъ автору «Дневника» отнести всеподданнѣйшее письмо его объ усыновленіи Л. Н. Львова къ П. С. Молчанову, назначенному тогда статс-секретаремъ у принятія прошеній (вмѣсто умершаго М. П. Муравьева). Молчановъ тотчасъ же доложилъ о немъ государю; но высочайшаго соизволенія на усыновленіе Львова не послѣдовало. Это письмо, написанное собственною рукою Державина, передано авторомъ «Дневника» въ подлинникѣ, съ разными другими бумагами,

даже: вотъ онъ съ утра до вечера заставляетъ читать себѣ свои произведенія, восторгается и восхищается ими до корчей и заслушивается ихъ до болѣзни... вотъ онъ переплетаетъ ихъ въ золото и сафьянъ, дѣлитъ по сортамъ и разрядамъ, и для каждаго сорта отдѣльно устроиваетъ ящички изъ дерева и съ бронзовыми надписями о времени созданія этихъ сочиненій (1)...

Что это такое? Кому могла быть полезна подобная дѣятельность? Кому она была нужна?

И такъ, повторимъ еще разъ: не было въ жизни Державина той энергической высокой дѣятельности, которая имѣла бы важное значеніе въ исторіи развитія нашей гражданственности, и цвѣтистыя фразы писавшихъ о Державинѣ, къ сожалѣнію — невѣрное, неосмысленное переложеніе приведенныхъ нами замѣтокъ поэта о самомъ себѣ, этого «пѣтушинаго крика» (2), по справедливому выраженію Пушкина. Высокая нравственная дѣятельность, выразившаяся благотворнымъ преобразованиемъ общественной жизни Россіи XVIII столѣтія, принадлежитъ не Державину. То были другіе люди — Радичевы, Новиковы... Какое сравненіе съ Новиковымъ, какая противоположность въ самыхъ обстановкахъ ихъ жизни!.. Одному воздвигнуть памятникъ; онъ придворный поэтъ, окруженный удобствами, счастливый въ жизни *по-своему*, запирающій почетныя мѣста, пріобрѣтшій литературную извѣстность и... рисующійся собою, зачитывающійся собственными произведеніями! Другой — въ ранней молодости тоже полуобразованный, какъ и Державинъ, но зато послѣ, въ лѣта возмужалыя, силою своего глубокаго ума и силою своего безконечно теплаго, безконечно любящаго сердца, развившійся широко и полно... Этотъ другой, горячо преданный добру, творилъ его во имя его же самого, тихо, безъ шума, безъ возгласовъ о себѣ... Его мало знали и понимали его не многіе... Въ массѣ народной, если и носились объ немъ слухи, то они были далеко не въ его пользу. Толпа людская изображала его червонкнижникомъ, еретикомъ-отступникомъ; отзывались о немъ и хуже... А между тѣмъ этотъ отступникъ всю жизнь свою отдалъ другимъ, толпѣ. И исполняя *высокіе завѣты любви и братства*, онъ отдавался имъ весь, безъ размысленія, не омрачая ихъ ни мелкимъ

М. П. Погодину; оно весьма любопытно въ томъ отношеніи, что поэтъ право свое на испрашиваемую милость основываетъ на сочиненіи имъ *Солянаго Устава*. Державинъ — и соляной уставъ!» (Отеч. Зап. 1855 г. июль, стр. 153—154).

(1) *Семейная Хроника и Воспоминанія* Аксакова. Москва 1856 г., изд. 1, стр. 525—540.

(2) Соч. Пушкина, изд. П. В. Анненкова 1855 г. Т. I, стр. 147.

личнымъ эгоизмомъ, ни житейскими расчетами. Польза общая, благополучіе ближняго были цѣлью его жизни. Ни скорбный путь, ни страданія за истину не уменьшали его великой любви къ человечеству, къ родинѣ, къ меньшимъ братьямъ!..

А Державинъ?

ДМИТРИЙ МАСЛОВЪ

ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ ЗА 1860—61 ГОДЪ

На выставкѣ есть одна картина, передъ которой съ утра до вечера стоитъ толпа зрителей. Одинъ уходитъ, другой подходитъ, тѣшатся, пробиваются, чтобы какъ-нибудь посмотрѣть поближе, пролѣзаютъ между толпою зрителей и картиной. Толпа состоитъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: тутъ и головки въ драгоценныхъ шляпкахъ, и головки, повязанныя платками; тутъ и долгополые сертуки, и короткіе мундиры, и каски, и сибирки, и бороды. Картина всѣмъ нравится, ни передъ одною болѣе картиною нѣтъ такой постоянной толпы. Приговоръ публики не заключаетъ въ себѣ ничего неопредѣленнаго или двусмысленнаго: дѣло ясно, — картина нравится болѣе всѣхъ остальныхъ на нынѣшней выставкѣ.

Картина стоитъ во второй античной галлерей; Указатель выставки гласитъ, что она изображаетъ «партію арестантовъ на привалѣ», что писалъ ее г. Якоби, что цѣна ей 1500 рублей, и что художникъ получилъ за нее первую золотую медаль, стало-быть на счетъ общественный поѣдетъ за границу на три или на четыре года, для дальнѣйшаго развитія своего таланта. Такимъ образомъ художникъ получилъ высшую награду, какая только можетъ быть дана ученику академіи. Ктому же еще на картинѣ, весьма скоро послѣ начала выставки, явился билетикъ съ надписью: *продана*. Выходитъ, что цѣль художника достигнута съ большою полнотою: его работа понравилась, онъ получилъ извѣстность, славу, и сверхъ того дымъ славы принялъ для него плотскую, осязательную форму порлочнаго куша презрѣннаго металла. Кромѣ того еще у него впереди три или четыре года жизни въ прекрасной Италіи. Со всѣми этими благами мы поздравляемъ художника, котораго карьера начинается такими блестящими задатками, и желаемъ ему дальнѣйшихъ, еще болѣе блестящихъ и звонкихъ успѣховъ.

Но, во имя искусства, скажемъ нѣсколько словъ о самой картинѣ. Вѣдь и сказка «Три Мушкетера» имѣла огромное количество читателей, и она принесла своему автору хорошіе капиталы. Но этихъ обстоятельствъ еще нельзя принять за безспорное доказательство того, будто слишкомъ знаменитая сказка Александра Дюма-отца — верхъ совершенства. Мы не оскорбимъ добросовѣстнаго и правдиваго художника дальнѣйшимъ сравненіемъ съ знаменитымъ сказочникомъ; впрочемъ это говоримъ мы потому только, что наша критика смотритъ на А. Дюма какъ на что-то ужъ очень дурное. Знаменитый благеръ имѣетъ нѣкоторыя особенности, которыми многое выкупается, и совершенно презрительный тонъ относительно его несомнѣнъ умѣстенъ. У Александра Дюма есть между нашими художниками не менѣе знаменитый двойникъ-живописецъ; но объ этомъ послѣ. Вспомнивъ о Дюма, мы только хотѣли сказать, что судъ большинства еще не всегда бываетъ одинаковъ съ судомъ потомства. Отъ времени, точно также какъ и отъ вѣрной критической оцѣнки, мишура чернѣетъ, опадаетъ; остается чистая и вѣчная правда.

Партія арестантовъ на привалѣ. Привалъ сдѣланъ поневолѣ, потому что одна телѣга сломалась; колесо лежитъ ступицей кверху; мужикъ въ страшно-изорваномъ кафтанѣ отпрягаетъ лошадь. На телѣгѣ лежитъ человекъ, котораго путешествіе кончилось: онъ умеръ, а ноги еще скованы; трупъ его еще арестантъ, и тогда только выйдетъ изъ этапнаго вѣдомства, когда окончательно поступитъ въ землю. По дорожному перстню на пальцѣ видно, что это не совсѣмъ обыкновенный арестантъ; ясно, что онъ не былъ бродягой, убійцей или воромъ. Трупъ лежитъ на телѣгѣ, полуоткрытый ветхою рогожей. Лѣвая рука покойника, покрытая мертвенною блѣдностью, повисла; пальцы согнуты такъ, какъ они сгибаются въ минуту смерти. На одномъ пальцѣ дорогой перстень. Можетъ-быть это послѣдній символъ того, что было драгоценнѣйшаго для покойника; можетъ-быть это заветный подарокъ любимой женщины, память друга. Онъ не разставался съ нимъ до конца, даже и въ кандалахъ.

Подъ сломанную телѣгу забрался другой арестантъ, съ отвратительнымъ лицомъ, какой-нибудь закоренѣлый мошенникъ, котораго общество съ омерзѣніемъ выбросило изъ среды своей. Тамъ, подъ телѣгой, перегнувшись самымъ неестественнымъ образомъ, потому что тамъ тѣсно и неловко, онъ тащитъ съ пальца покойника драгоценный перстень. Преступникъ одѣтъ въ лохмотья и прожѣ-

видитъ на зрителя такое же точно впечатлѣніе, какъ гадина мерзкая въ то же время опасная, въ родѣ скорпіона.

Возмѣ той же тѣлѣи стоитъ этапный осницеръ. Онъ одною рукою стариваетъ одинъ глазъ покойника, чтобы убѣдиться, вѣроятно, въ его смерти. Открывается мертвый большой глазъ, съ подворнутыми внизу зрачкомъ. Осницеръ, очень равнодушно покуривая трубку, спокойно смотритъ на поблекшій глазъ, и на черствомъ лицѣ его не выражается ровно ничего: ни участія, ни состраданія, ни удивленія, совершенно ничего, такъ какъ еслибы онъ смотрѣлъ на дохлую кошку или на придорожную трасохвостку. Онъ даже гораздо больше занятъ своей трубкой, чѣмъ покойникомъ, которому въ глаза заглянуть только мимоходомъ. Между сослуживцами этого господина попадаетса очень много подобныхъ лицъ. Иначе и быть не можетъ. Эти господа всю свою жизнь только провожаютъ партіи арестантовъ, и уже насмотрѣлись на этихъ несчастныхъ, приглядѣлись къ ихъ страданіямъ, къ ихъ болѣзнямъ, привыкли видѣть между ними людей по большей части дурныхъ. Родъ ихъ служебной дѣятельности притупляетъ въ нихъ чувствительность, и они навсегда такъ же спокойно бьютъ арестантовъ, какъ набиваютъ свою трубку.

На первомъ планѣ картины, съ правой стороны, арестантъ въ лохмотьяхъ, не обращая вниманія ни на что происходящее кругомъ, занятъ своими собственными дѣлами: онъ осматриваетъ рану, нагертую у него на ногѣ кандалами. Черствое лицо этого человѣка, вѣроятно высвѣдѣшаго многіе годы въ разныхъ тюрьмахъ, нѣсколько разъ пересланнаго изъ одного острога въ другой на цѣльи тысячи верстъ, приняло отпечатокъ довольно общій людямъ этого рода, — отпечатокъ совершеннѣйшаго равнодушія ко всему на свѣтѣ: и къ погодѣ, и къ времени года, и къ истязанію пріятеля, и къ своему собственному страданію. Съ этимъ-то тупымъ равнодушіемъ онъ смотритъ на свою рану, и затѣмъ никакого выраженія нельзя отыскать на его жесткомъ лицѣ, полузакрытомъ растрепаными волосами.

Кромѣ того, въ картинѣ еще много лицъ второстепенныхъ: женщина съ дѣтми, другіе арестанты, лошадь, мужики, телѣга, но все это на заднихъ планахъ. Картина поражаетъ удивительною вѣрностью. Все точно такъ бываетъ и въ природѣ, какъ представлено художникомъ на картинѣ, если смотрѣть на природу такъ-сказать только снаружи. Зритель дѣйствительно видитъ на картинѣ г. Якоби настоящихъ арестантовъ, такъ, какъ видѣлъ бы ихъ напри- мѣръ въ зеркалѣ, или въ фотографіи, раскрашенной потомъ съ большимъ знаніемъ дѣла. Но это-то и есть отсутствіе художества:

Фотографическій снимокъ и отраженіе въ зеркалѣ — даюте еще не художественныя произведенія. Еслибы и то и другое было художественнымъ произведеніемъ, — мы могли бы довольствоваться только фотографіями и хорошими зеркалами, а самая академія художествъ была бы одною огромною безполезнастью. Нѣтъ, не то требуется отъ художника, не фотографическая вѣрность, не механическая точность, а кое-что другое, больше, шире, глубже. Точность и вѣрность нужны, элементарно необходимы, но ихъ слишкомъ мало; точность и вѣрность покажутъ только еще матеріалъ, изъ котораго потомъ создается художественное произведеніе; это орудіе творчества. Въ зеркальномъ отраженіи не видно, какъ зеркало смотритъ на предметъ, или лучше-сказать видно, что оно никакъ не смотритъ, а отражаетъ пассивно, механически. Истинный художникъ этого не можетъ: въ картинѣ ли, въ разсказѣ ли, въ музыкальномъ ли произведеніи непременно видѣнъ будетъ онъ самъ; онъ отразится невольно, даже противъ своей воли, выскажется со всеми своими взглядами, съ своимъ характеромъ, съ степенью своего развитія. Это не требуетъ и доказательства. Пусть два человѣка разсказываютъ о какомъ-нибудь одномъ, хоть на примѣръ обыкновенномъ уличномъ событіи. Очень часто изъ другой комнаты, даже вовсе не видя самихъ разсказчиковъ, можно угадать и сколько которому лѣтъ, и въ какой службѣ который изъ нихъ служить, въ гражданской или въ военной, и который изъ двухъ болѣе развитъ, и даже какъ великъ чинъ cadaго изъ нихъ. Эпического, безучастнаго spectatorства въ наше время нѣтъ и быть не можетъ; еслибы оно и было, то развѣ только у людей, лишонныхъ всякаго развитія или одаренныхъ чисто-лягушечьей натурой, для которой никакое участіе невозможно, или наконецъ у людей, вовсе выжившихъ изъ ума. Такъ какъ въ художникѣ нельзя предпологать этихъ трехъ печальныхъ возможностей, то зритель и вправдѣ требовать отъ него, чтобы онъ видѣлъ природу не такъ какъ видитъ ее фотографическій объективъ, а какъ человѣкъ. Встарину сказали бы, что онъ долженъ смотреть глазами тѣлесными и сверхъ того глазами души или окомъ духовнымъ. Пусть же онъ видитъ въ «несчастныхъ» арестантахъ людей, да пусть же и намъ покажетъ это. Положимъ, что этапные офицеры верѣдко народъ безчувственный по одному уже тому, что служебныя обязанности не допускаютъ особой чувствительности. Но нашолся же художникъ, который въ извѣстной повѣсти: «Разсказъ этапнаго офицера» сумѣлъ въ своемъ черствомъ героѣ отковать человѣка. Допустимъ, что большою частью арестанты такъ живутъ съ своимъ безвыходнымъ положеніемъ, что становятся ко

всему равнодушны; но въ то же время нельзя не допустить, что они ленивы. Такъ давайте же намъ нѣтъ чакъ людей, если вы художникъ; а фотографіи ихъ пусть занимается френологъ и судебные слѣдователи.

Художественности въ этомъ смыслѣ въ картинѣ г. Якоби нѣтъ ни намолось; онъ фотографировалъ каждого изъ своихъ субъектовъ, и не картину написалъ, а совершилъ слѣдственную ошибку. Всѣ у него равно негодаки, и всѣ одинакіе, какъ-будто потому, что въ его мнѣніи сравила ихъ этапная цѣпь. Всѣ у него равно безобразны, начиная съ кривого этапнаго офицера до клмча, которую отираетъ мужикъ. Есть одно только исключеніе: это исключеніе — герой картины, покойникъ, накрытый изорваной рогожей. Этотъ кѣротно былъ красавецъ, судя по остаткамъ его, но такъ и слѣдовало по академическимъ требованіямъ; ему невозможно было при-дѣлать чертъ болѣе обыкновенныхъ или менѣе классическихъ: такъ и видѣшь человѣкъ родовитый среди подлаго народа, подлаго въ томъ смыслѣ, какъ онъ разумѣлъ это весь свой вѣкъ.

Изъ этой картины очевидно, что г. Якоби, ученикъ академіи, употребилъ всѣ свои силы, все стараніе, чтобы правильно, вѣрно, точно передать дѣйствительность. Это весьма полезное, необходимое стараніе, и весьма похвальное для ученика академіи. Но это дока-зываетъ еще только механическая сторона искусства, его азбука и орфографія. Конечно, и тѣмъ и другимъ надо овладѣть совершенно, прежде нежели приступить къ художественному творчеству. Прежде надо одолѣть трудности передачи правды дѣйствительной, чтобы потомъ подняться на высоту правды художественной.

А знаете ли вы, г. Якоби, что гонясь до натянутости за правдой фотографической, вы ужъ поэтому одному написали ложь? Вѣдь ваша картина невѣрна положительно. Это мелодрама, а не дѣйствительность. Вы слишкомъ гнались за эффектомъ и натянули эффектъ. Вы не согласились даже пощадить этотъ разодранный тулупъ на мужикѣ. Ну когда же такъ дерутся тулупы (влодь по всей спинѣ)? Вамъ нуженъ былъ хаосъ, беспорядокъ во чтобы то ни стало. Зачѣмъ воръ воруетъ съ пальца перстень именно въ ту минуту, когда подошолъ офицеръ? Будьте увѣрены, что еще прежде чѣмъ доложили офицеру, что умеръ человѣкъ, — арестанты всѣ разомъ, всѣмъ кагаломъ свазали ему, что у него есть золотой перстень на пальцѣ, да еще то-ропнулись высказать это наперерывъ другъ передъ другомъ, можетъ быть даже перессорились во время разсказа. Будьте увѣрены тоже, что прежде еще, чѣмъ партія двинулась изъ Москвы и прежде чѣмъ новый арестантъ съ перстнемъ появился въ кругу своихъ будущихъ

товарищомъ, арестантъмъ, еще не видѣвъ его; уже знали, что у него есть на пальцѣ перстень. Известно ли вамъ тоже, что маленькимъ образомъ воръ не могъ украсть изъ-подъ толги перстень? Знаете ли почему? А потому, что этотъ перстень уже слишкомъ невѣроятно шарман. Еще когда этотъ арестантъ хворалъ и готовился умереть, у многихъ, очень у многихъ была эта мысль: «какъ бы украсть, когда уреть!» Допустить ли теперь всѣ остальные воспользоваться такимъ случаемъ какому-нибудь Василь Миронову, когда того же хотѣли и Ивановъ, и Петровъ, и Александровъ? Да они изъ заишты не дадутъ его украсть. А еслибъ укралъ, такъ размысли бы самъ тотчасъ же. Каждый думалъ: «если не мнѣ, такъ никому и не доставайси!» и каждый другъ за другомъ смотрѣлъ во всѣ глаза. Но вы погнались за эффектомъ; вамъ непременно нужно было, чтобы именно въ ту минуту, когда подошелъ офицеръ, ловкій воръ и совершилъ бы свою покражу. Тутъ и ловкость воровства, тутъ и святотатство — все вмѣстѣ очень эффектно. Замѣтимъ тоже, что прежде чѣмъ смотрѣть въ мертвый глазъ, офицеръ навѣрно бы посмотрѣлъ на перстень. Вѣдь онъ собственность казны: арестантъ не можетъ ишты шмушества; пропустилъ ли бы это офицеръ? Мы увѣрены, что онъ (изъ наземнаго интереса разумѣется) даже на сапоги его (довольно хорошіе) посмотрѣлъ прежде чѣмъ на глазъ. Драка арестантовъ за картами тоже какъ-будто подобрана для эффекта. Повѣрьте, что тѣ арестанты не могутъ сидѣть въ эту минуту за картами, а непременно бы подошли посмотреть, что будетъ дѣлать офицеръ съ мертвецомъ, и особенно — что станется съ перстнемъ?

Есть еще одна очень забавная фотографическая невѣрность; об ней конечно говорить бы не стоило. Арестанты въ кандалахъ, одинъ даже натеръ себѣ рану отъ нихъ, а всѣ безъ подкандалниковъ. Будьте увѣрены, что не только нѣсколькихъ тысячъ, но даже одной версты нельзя пройти безъ кожаныхъ подкандалниковъ, чтобы не стереть себѣ ногу. А на разстояніи одного этапа безъ нихъ можно протереть тѣло до костей. Между тѣмъ ихъ нѣтъ. Вы конечно ихъ забыли, а можетъ-быть и не справились совершенно съ дѣйствительностью. Разумѣется нельзя ставить этого въ значительный недостатокъ, хотя это почти точно тоже, какъ еслибъ кто рисовалъ лошадей безъ хвостовъ. Вы сами же гнались за фотографическою вѣрностью; оттого мы это и замѣчаемъ. Самая художественная фигура: воесей картинѣ, это конечно офицеръ; онъ очень хорошъ.

Будемъ надѣяться, что г. Якобя стоять на хорошей дорогѣ и на полупути не остановится. Онъ уже добирается до правды дѣйствительной; далѣе, до остальной, высшей правды онъ дойдетъ уже не

художественными работами, не подъ руководствомъ своихъ профессоровъ живописи, а общимъ развитіемъ, общимъ образованіемъ, чего, какъ извѣстно, всегда недоставало не во всемъ, а болышинству нашихъ художниковъ.

И въ этомъ отношеніи академія ничего не можетъ сдѣлать. Всѣ ея усилія клонятся къ образованію специалистовъ, и всѣ академическія лекціи имѣютъ утилитарный характеръ, всѣ направлены къ специальности. Напримѣръ тамъ читается исторія съ точки зрѣнія... костюмовъ. Тамъ читается архитектура, перспектива безъ начертательной геометріи (т. е. правила перспективы — *оцумью*), теорія изиднаго безъ общаго философскаго приготовленія, анатомія съ точки зрѣнія костей, мускуловъ и крововъ, безъ естественной исторіи человѣка, и т. д. Такое утилитарное направленіе конечно не даетъ того общаго образованія, которое крайне необходимо для художника, а художества у насъ никогда не подвинется впередъ безъ серьезнаго къ нему приготовленія въ университетахъ. Иначе мы никогда не выйдемся или изъ дагеротипированія, болѣе или менѣе удачнаго, или изъ непроходимаго псевдоклассицизма.

Касательно этого послѣдняго надо объясняться нѣсколько подробнѣе. Въ нынѣшнемъ голу выставлено три картины, изображающія Харона, который перевозитъ души черезъ рѣку Стиксъ. Выше четвертой того же содержанія картины стоитъ, для пользы или для красоты, пустая рама, безъ картицы, съ подписью, что картина окончивается. Можно догадываться, что картина очень хороша, потому что за неявнѣею картиною, академія выставила хоть ея рамку. Впрочемъ рамка довольно обыкновенной работы, и имя мастера не выставлено. Такого рода задача, какъ Харонъ съ душами, предлагается ученикамъ академіи на томъ основаніи, что тутъ можно писать тѣло, что безъ тѣла нѣтъ академической картины. По мнѣнію академіи, картина особенно хороша, когда тѣло представлено голое, безъ одежды, или по крайней мѣрѣ съ нѣкоторою драпировкой, не болѣе. Правда, что художнику необходимо изучить анатомію, точно также какъ и врачу; но у того и у другого это только средство, а не цѣль. Да ужъ и времена пришли не тѣ. Милоны кротонскіе, хотя бы они справлялись не съ быками, а съ словами, теперь уже намъ вовсе не интересны. Въ древней Греціи они были очень важны, потому что тогда неизвѣстны были ни штуцеръ, ни ривольверъ. Отъ развитія того или другого мускула тогда зависѣла судьба республики; поэтому одному граждане уже должны были съ любовью смотрѣть на мускулы. Сверхъ того климатъ Греціи позволялъ не прикрывать одеждой тѣло такъ старательно, какъ приходится

это дѣлать намъ. Это другая причина, почему тѣло въ Греческомъ у художниковъ въ большомъ почетѣ. Затѣмъ у насъ остается одна съ нами общая причина: поклоненіе прекрасному; а конечно ничего нѣтъ на свѣтѣ прекраснѣе прекраснаго тѣла. Но гдѣ же взять женщину художникамъ тѣло? Гдѣ взять натуру, чтобы написать тѣло въ самомъ дѣлѣ прекрасное, такую натуру, послѣ которой не очень мною оставалась бы идеализировать? У насъ еще есть возможность за хорошія деньги найти мордачного натурщика, но сколько-нибудь свеслыхъ натурщицъ — вовсе нѣтъ. Ноги изуродованы банниками, животъ испорченъ картофелемъ и глупымъ перехватомъ юбки, такъ что бѣвному художеству приходится хотъ выдумывать женщину. И въ самомъ дѣлѣ, что за женщину мы видимъ на выставкѣ. Г. Аделовъ поставилъ «Ванканку», которая выставила непомѣрную лѣвую грудь, и «Нимфу съ сатиромъ» г. Мане изъ Парижа. Ужасъ, ужасъ, ужасъ! Послѣдняя картина выставлена конечно съ намѣреніемъ, чтобы показать, до какого безобразія можетъ дойти фантазія художника, который написалъ самую плоскую вещь и далъ тѣлу нимфы колоритъ пятидневнаго труна. Съ другой стороны женщина въ вышнемъ костюмѣ въ серьезную картину нейдетъ, потому что кринолинъ и перетянутая талія — верхъ безобразія, отъ котораго отвернется съ ужасомъ художникъ, который имѣетъ претензію писать что-нибудь долговѣчнѣе модной картинки. Впрочемъ и такая картина есть на выставкѣ, и не одна. Г. Страшинскій напримѣръ выставилъ «Дѣвицу въ кабинетѣ брата». Дѣвица эта, держа въ рукахъ недочитанный романъ, отдергиваетъ занавѣсъ, которымъ закрыта была какал-то неблагопристойная картина и любитъ ея. Дѣло не въ сюжетѣ, а въ томъ что дѣвица написана хорошая, настоящая, въ ровномъ платьѣ, съ перетянутою таліей, въ кринолинѣ, въ лежащемъ корсетѣ. Черезъ пять лѣтъ не дальше, по случаю какой-нибудь другой, новой моды, ея розовое платье устарѣетъ такъ, что на него забавно будетъ смотрѣть, оно будетъ производить впечатлѣніе модной картинки, выдранной изъ «Телеграфа». Но какъ же быть художнику? Чтоже дѣлать? Тѣла гдѣ взять, а кринолинъ, корсетъ и фракъ — прятать человѣку съ сколько-нибудь развитымъ вкусомъ.

Но чтоже именно дѣлать — объ этомъ поговоримъ впоследствии. А между тѣмъ замѣтимъ, что ложно-классическое направленіе не только не можетъ обойтись безъ тѣльца и преувеличенно-широкихъ драпировокъ, но требуетъ непременно, чтобы Харонъ былъ представленъ здоровеннымъ мужчиной съ сильно развитыми и рѣзко обозначенными мускулами. Псевдоклассицизму въ живописи, въ

лучше-сказать академизму дѣла нѣтъ до того, что Харонъ драхмный старикъ, и дѣла нѣтъ, что онъ перевозитъ души, а не нѣтъ съ мукой, стало-быть лодка его не тяжела, и слишкомъ большихъ усилий отъ него не требуется. Потому академизму дѣла нѣтъ до того, что Харонъ старикъ не сердитый, что онъ разсердился только увидѣвъ между тѣнями живого человѣка, Данта, а потомъ гнѣвъ его пропалъ, и онъ хладнокровно занялся своимъ вѣчнымъ дѣломъ. Что за нужда академизму до всѣхъ тѣхъ соображеній, которыя могутъ представиться при обдумываніи заданной темы! Ужъ ежели перевозчикъ, то поданой его всего, съ такими мышцами какъ у самыхъ сильныхъ въ служащихъ у г. Тайвани перевозчиковъ.

Но зритель очень легко помирится со всѣми этими картинами, изображающими Харона и души, если вспомнить, что это работы еще только ученическія, что стало-быть живописцы въ нихъ только искали природы, добивались вѣрности рисунка и тѣней, и съ этой стороны картины очень удовлетворительны. Въ нихъ видно изученіе натурщика, стараніе, а можетъ-быть въ послѣдствіи окажется у этихъ господъ и художественный талантъ. Вліяніе Флаксмана видно въ рисункѣ, но вліяніе не лучшей, не высокой половины Флаксмана, а только самаго рисунка его; а художественный смыслъ его не отразился ни въ композиціи, ни въ колоритѣ. Конечно, у Флаксмана колорита нѣтъ, но уже самые очерки фигуры показываютъ, что онъ смотрѣлъ на дантовскія души какъ на что-то прозрачное, съ тѣломъ почти туманнымъ, почти сливающимся съ окружающею ередою. Еслибы живописцы вздумали передать это въ своихъ картинахъ, то можетъ-быть это было бы художественнѣе, ближе къ дантовской фантазіи, но это было бы несообразно съ академическими требованіями. Старикъ Харонъ далеко не силачъ; его драхмы мускулы движутся по непреложной волѣ рока, онъ не старается, не лѣзетъ въ кожи; его дѣятельность автоматическая, произвольная, ненуждающаяся ни въ малѣйшемъ усиленіи; но академизмъ не позволяетъ такъ его изобразить, потому что такъ не выйдетъ пожалуй ярко очерченныхъ мускуловъ, а выйдетъ, чего добраго, художественное произведеніе.

Публика любитъ также четырема картинами одинаковаго содержанія: «Великая княгиня Софія Витовтовна вырываетъ поля у князя Василя Косого на свадьбѣ Василя II Темнаго». Три изъ этихъ картинъ награждены первыми золотыми медалями — что составляетъ высшую академическую награду. Тоже трое изъ этихъ художниковъ получили въ прошломъ году вторыя золотыя медали за картины, сильно смѣшившія въ свое время петербургскихъ жи-

полой, видѣвшихъ выставку, — за «Олимпійскія игры». Нынѣшнее «Вырыванье пояса» тоже занимательный сюжетъ, обработанный четырьмя художниками чрезвычайно одинаково. Главное дѣйствующее лицо, Софія Витовтовна, дама болѣе или менѣе полная, стоитъ досреда сцены съ поясомъ, въ положеніи танцовщика, который, надлежащимъ образомъ отблавъ свои на и старательно повернувшись на одной ногѣ, становится передъ публикой, разставивъ руки и ноги. Вотъ такъ стоитъ Софія Витовтовна въ трехъ картинкахъ, съ тою только разницею, что въ рукахъ она держитъ поясъ князя Василія Косого, тогда какъ танцовщикъ упражняется обыкновенно съ голыми руками. Всѣ остальные фигуры разставлены такъ точно, какъ въ послѣдней картинѣ балета, когда опускается завѣсъ. На театрѣ группировка исполняется по указанію балетмейстера; дѣло театральнаго группъ состоитъ въ произведеніи возможно большаго эффекта, безъ особенно большихъ хлопотъ о естественности; а эффектъ сценическаго совѣтъ не тотъ, совершенно другой, чѣмъ естественный. Сценическій условенъ: онъ обуславливается потребностями театральнаго подмостокъ, и чтобы не говорить о другихъ условіяхъ, впрочемъ только о томъ, что актеры не имѣютъ права стать спиною къ зрителямъ, и становятся не иначе, какъ лицомъ, и ужъ не далѣе повертываются какъ въ профиль. Черезъ это естественность искажается; но зрители такъ привыкли къ условіямъ сценическаго эффекта, что мирятся съ ними и — иначе быть не можетъ. Эта привычка доходитъ до того, что зрители сносятъ терпѣливо и не подвергаютъ позорнѣйшимъ свисткамъ даже обыкновенное весло, выведенное на сцену въ одномъ балетѣ. Весло, правда, не совѣтъ обыкновенное: оно значительно толще тѣхъ, которыя употребляютъ для управленія лодкой, и имѣетъ посрединѣ нѣкоторый выступъ или зарубку. Танцовщикъ, представляющій рыбака, нѣсколько разъ является съ весломъ, чтобы придать дѣлу извѣстную степень условной, сценической естественности. Зритель только не понимаетъ, какой тутъ умыселъ въ этой зарубкѣ и въ томъ, что бѣдному танцовщику звалили весло далеко не граціозное и толще обыкновеннаго. Впослѣдствіи дѣло объясняется. Когда по порядку наступаютъ общіе танцы съ извѣстными группами, танцовщикъ, между разными поворотами и изложеніемъ своихъ чувствъ посредствомъ ногъ, приспособляется на самой срединѣ сцены, опирая конецъ злокачественнаго весла упираетъ въ полъ, а другой себѣ въ плечо. Все это дѣлается какъ можно мягче, плавнѣе, граціознѣе. Затѣмъ танцовщица, главная изъ танцующихъ дамъ, примадонна, при помощи другаго танцовщика, тоже между разными граціозными

поворотами и изворотами, становится одною ногой на вышеупомянутую злокачественную зарубку весла, а другую протягиваетъ такъ, какъ протянута рука на Фальконетовомъ монументѣ. Затѣмъ, она медленно обводитъ ногою кругъ. Дюкій танцовщикъ крѣпко держитъ весло, но старается показать, что это ничего, такъ только, даже что это для него составляетъ большую пріятность. Танцовщица, для сохраненія равновѣсія, держится одною рукою за его плечо, а другою, только одними пальчиками, за пальцы другого танцовщика, который помогъ ей взобраться на зарубку весла и продѣлать всю эту штуку. Потомъ танцовщица, съ легкостью пуха, летящаго «отъ устъ зола», соскакиваетъ на полъ и продолжаетъ излагать свои чувства ногами. Зрители не оскорблены нисколько; напротивъ, они остались довольны и приказываютъ повторить тѣ же самыя продѣлки. Танцовщикъ опять выдерживаетъ на своемъ плечѣ трехъ или четырехъ-пудовую тяжесть легкой какъ пухъ танцовщицы, и нога, напоминающая Фальконетовскую руку, опять торжественно и медленно дѣлаетъ надлежащій кругъ, при звукахъ болѣе или менѣе очаровательной музыки.

Понятно, что естественность сценическая — не то что естественная. Поэтому и прекрасное на сценѣ — не тоже что прекрасное въ природѣ и въ другихъ искусствахъ, напр. въ словесности. Чтобы за доказательствами далеко не ходить, вспомнимъ, что иная театральная пьеса, очень хорошая на сценѣ, въ чтеніи не хороша, и точно также наоборотъ. Но въ особенности картинность сцены нигде не годится для живописи. Въ этомъ всякій легко убѣдится, если только посмотритъ на тѣ изображенія сценъ изъ балетовъ и оперъ, которыя печатаются иногда въ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Точь-вточь такое же впечатлѣніе производятъ четыре картины, изображающія Софію Витовтовну съ помсомъ Василіа Косого. Во всѣхъ этихъ картинахъ группировка чисто сценическая, а не та, которая бываетъ въ природѣ. Затѣмъ разнообразныя костюмы, золото, феразы и прочее, что слѣдуетъ, составляетъ эффектъ совершенно балетный, недостойный чистаго художества.

Къ такимъ же театральностямъ слѣдуетъ причислить и огромную картину: «Государственный сеймъ, на которомъ Ив. Замойскій приноситъ жалобы народа королю Зигмунду III». Здѣсь около сотни христовъ, одѣтыхъ въ лиловые длиннополое кафтаны, сидятъ и стоятъ, а одинъ сидитъ на особенномъ креслѣ. Лица все серьезныя, оживленныя движеніемъ страсти: всѣ заботятся о народныхъ выгодахъ, то есть о себѣ, а все остальное — свѣтлолиловое, въ дот

вольно узкихъ складкахъ. Очень можетъ быть, что въ натурѣ даже именно такъ и было; кресло съ королею и магнаты сѣйма точно такъ и были расположены, и точно такъ одноцвѣтно были одѣты; но мало ли что бываетъ въ природѣ, что не можетъ быть воспроизведено въ картинѣ, безъ оскорбленія художественнаго смысла! А впрочемъ картина весьма рѣдкая, по необычному количеству свѣтло-яловой краски.

Немалое вниманіе зрителей обращаютъ на себя еще двѣ картины, стоящія рядомъ. Это «Умирающій отецъ», г. Журавлева, и «Духовное завѣщаніе», г. Черкаскаго. Первая изъ этихъ картинъ сгруппирована несравненно удачнѣе другой. Въ «Духовномъ завѣщаніи» всѣ фигуры поставлены рядомъ и всѣ движутся въ лѣвую отъ зрителя сторону, ни дать ни взять стройный кордебалетъ. Съ правой стороны стоитъ какой-то оборванный пилигримъ, грязное существо, вродѣ московскаго Ивана Яковлевича; онъ обращенъ влѣво отъ зрителя, къ умирающей. Она, героиня, лежитъ на постели, и только что подписала или собирается подписать духовное завѣщаніе. Рука ея протянута влѣво, къ перу. Лѣвѣе, за кроватью, стоитъ что-то въ родѣ приживалки, обращаясь влѣво, къ племяннику съ гнусно-плутоватымъ и веселымъ лицомъ. Онъ тоже обращается влѣво, къ полчячему, еще болѣе гнусно-плутоватаго вида, а тотъ зачѣмъ-то еще протягиваетъ руку влѣво, кажется къ дверямъ. Очень веселенькая картинка, несмотря на то, что блѣдность умирающей передана очень вѣрно. Но работа ученическая, какъ по композиціи, такъ и по исполненію; художникъ въ прошломъ году получилъ первую серебряную медаль.

Но что же наконецъ за неудача? Здѣсь ученическая работа, такъ ученическая, дальше — тоже. Чуть не вся выставка состоитъ изъ ученическихъ работъ. Въ чемъ же тутъ дѣло? Въ чемъ состоитъ цѣль выставки? Какія намѣренія распорядителей? Какъ надо смотрѣть на всю выставку?

Судя потому, что большая часть работъ принадлежитъ ученикамъ академіи, надо заключить, что годичная выставка есть нѣчто вродѣ публичнаго торжественнаго экзамена и акта, вродѣ тѣхъ, какіе бываютъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь еще экзамень тѣмъ удобнѣе, что отчетъ объ успѣхахъ каждаго ученика весь тутъ, цѣлкомъ, и можетъ быть окинутъ однимъ взглядомъ. Тутъ и публичный экзамень и актъ: за публично-показанныя успѣхи присуждены всякому очевидныя награды. Поэтому казалось бы здѣсь слѣдовало бы ожидать однихъ только ученическихъ работъ, безо всякой примѣси другихъ. Но въ такомъ случаѣ, если академія

отдасть отчетъ публикѣ въ своей классной дѣятельности, то по естественному ходу дѣлъ, надо бы ожидать и тѣхъ картинъ, которыя работаны на серебряныя медали, начиная съ первой, и лучшихъ рисунковъ съ гипсовъ и съ натурщиковъ. Тогда у зрителя составилось бы ясное понятіе обо всемъ академическомъ курсѣ, видна была бы зрителю послѣдовательность успѣховъ, и главное, отчетъ обо всей дѣятельности академіи былъ бы ясенъ. Полноты все еще не было бы совершенной; до сихъ поръ академикъ и профессоръ чрезвычайно рѣдко выставляютъ свои работы. Положимъ, что профессора-преподаватели видны въ работахъ учениковъ; но есть еще профессора не по должности, а по званію; есть академики не члены совѣта, но все-таки до нѣкоторой степени члены академіи. Что они изволятъ дѣлать — они не удостоиваются сообщать объ этомъ публикѣ. Они не считаютъ это нужнымъ, несмотря на то, что безъ публички художества не имѣли бы разумнаго новода существовать, не было бы и самой академіи, стоящей теперь обществу значительныхъ суммъ.

Какъ бы то ни было, но выставка неполна, какъ годичный отчетъ о дѣятельности академіи; она такъ же неполна, какъ чисто педагогическій отчетъ о преподаваніи; да сверхъ того въ ней есть картины иностранныхъ художниковъ и русскихъ, не принадлежащихъ къ академіи. Въ чемъ же заключается смыслъ выставки? Не въ томъ ли, чтобы поучать зрителей? Но на это Россія имѣетъ громадное эрмитажное собраніе.

И такъ не станемъ удивляться, что на каждомъ шагу приходится говорить только объ ученическихъ работахъ, такъ какъ это и есть выставка собственно работъ ученическихъ, за исключеніемъ немногихъ произведеній, о которыхъ слѣдовало бы намъ говорить съ самаго начала.

Между произведеніями давно признанныхъ мастеровъ первое мѣсто занимаютъ три картины знаменитаго профессора Айвазовскаго. 1) Овцы, загоняемыя вьюгой въ море. 2) Партенитъ на южномъ берегу Крыма. 3) Буря подъ Евпаторіей. Талантъ г. Айвазовскаго всѣми признанъ несомнѣнно точно такъ же, какъ и талантъ Александра Дюма-отца; и между этими двумя художниками чрезвычайно много общаго. Г. Дюма пишетъ съ необычайною легкостью и быстротою, и г. Айвазовскій тоже. Г. Дюма написалъ ужасно много, г. Айвазовскій тоже. И тотъ и другой художникъ поражаютъ чрезвычайною эффектною, и именно чрезвычайною, потому что обыкновенныхъ вещей они вовсе и не пишутъ, презираютъ вещи обыкновенныя. Занимательность ихъ композицій не подле-

жить сомнѣнію: Дюма читался съ жадностью, съ азартомъ; картины г. Айвазовскаго раскупаются нарасхватъ. У того и у другого произведенія имѣютъ сказочный характеръ: бенгальскіе огни, трескотня, воли, вой вѣтра, молнія. И тотъ и другой употребляютъ краски вопервыхъ обыкновенныя, а потомъ, вдобавокъ къ нимъ, пускаютъ тамъ и сямъ эффекты — тоже съ естественнымъ источникомъ, но преувеличенные до послѣдней степени, до той точки, гдѣ начинается уже карикатура. Собственно говоря, въ этомъ сравненіи для г. Айвазовскаго оскорбительнаго ничего нѣтъ; все искусство состоитъ въ извѣстной долѣ преувеличенія, съ тѣмъ однакожъ, чтобы не переходить извѣстныхъ границъ. Портретисты знаютъ это очень хорошо. Напримѣръ у оригинала нѣсколько великъ носъ; для сильнѣйшаго сходства надо сдѣлать его чуть-чуть поменьше; но затѣмъ если прибавить носа еще немножко, выйдетъ карикатура. Зная это очень хорошо, плохіе портретисты никакъ не могутъ справиться съ обыкновенными лицами, въ которыхъ носъ не слишкомъ великъ, однако нето чтобы и слишкомъ малъ, а ротъ и подбородокъ въ самомъ дѣлѣ умѣренные. Отъ этого художнику средней руки, не Гоголю, низачто бы не удался портретъ Павла Ивановича, человѣка съ пріятными манерами, съ ловкостью почти военнаго человѣка, безо всякихъ рѣзкостей въ характерѣ и въ поступкахъ. Александръ Дюма за такіе портреты не берется. Г. Айвазовскій тоже не любитъ такихъ обыкновенныхъ предметовъ. Съ тремя знаменитыми героями Дюма случаются все вещи необыкновенныя: то они втроемъ осаждаютъ городъ, то спасаютъ Францію и совершаютъ подвиги неслыханные. У г. Айвазовскаго мы видимъ тоже самое. Скала; объ нее со всего разбѣгу расшиблась волна; на скалѣ сидитъ чайка. И больше ничего. Точно Арамисъ или Портосъ, обращающій въ бѣгство непріятельскую армію. Идетъ большое стадо бѣлыхъ курчавыхъ овецъ; на нихъ свѣтитъ солнце такъ ярко, что смотрѣть больно, какъ на всякій бѣлый предметъ, въ упоръ освѣщенный солнцемъ. Г. Айвазовскій передаетъ это на полотнѣ, и на его овецъ въ самомъ дѣлѣ больно смотрѣть. Природа есть, даже преувеличенная, но это еще не художество; это длинный носъ, сдѣланный втрое длиннѣе чѣмъ нужно. Художникъ можетъ-быть позволилъ бы себѣ въ большой картинѣ двѣ-три овцы, освѣщенныя такимъ образомъ; но цѣлое стадо — никакъ, и цѣлая картина, написанная нарочно такъ эффектно, что на нее больно смотрѣть, сильно напоминаетъ подвиги д'Артаньяна. На нынѣшней выставкѣ есть стадо овецъ, загоняемыхъ вьюгой въ море. Съ отлогаго берега мчится стадо; два пастуха стараются остановить его; нѣкоторые

овцы уже въ волѣ; ихъ бьетъ волна, а въ этой сумятицѣ не разберешь, гдѣ начинаются волны и гдѣ кончаются овцы; все покрыто свицовымъ колоритомъ выюги. Очень хорошо, все это возможно; естественная правда тутъ есть, но нѣтъ правды художественной. Знаменитый герой охотничьихъ карикатуръ Хама, баронъ Кракъ выходилъ однажды изъ болота, гдѣ доставалъ убитую утку, запнулся, упалъ, и растянувшись, прямо попалъ рукою на лежавшаго въ травѣ зайца. Въ тоже время его ружье неожиданно выстрѣлило, и попало въ летѣвшаго мимо бекаса. Все это физически возможно, но художникъ не рѣшился бы написать это въ картинѣ, точно такъ же, какъ не рассказалъ бы этого Аксаковъ, еслибы съ нимъ что-нибудь подобное случилось. Но г. Айвазовскій не останавливается передъ подобною нехудожественною правдой. Бываетъ мгновеніе, когда вечернее солнце золотитъ предметы, на которые свѣтитъ. Г. Айвазовскій беретъ это мгновеніе и пишетъ золоченую картину, какъ «Парусникъ на южномъ берегу Крыма»: въ ней корабль, стоящій на якорѣ подъ берегомъ, освѣщенъ солнцемъ такъ, что правый бортъ его весь изъ розоваго золота. Бросьте два-три пятна изъ розоваго золота, какъ сдѣлалъ Гоголь въ описаніи степи, но покажите глаза зрителей и не давайте золотой картины. Оттого-то Дюма и не художникъ, что онъ не можетъ удержаться въ своей разпузданной фантазіи отъ преувеличенныхъ эффектовъ. Положимъ, что графъ Монте-Кристо богатъ; но къ чему же изумрудный флаконъ для лгу? Къ чему то питательное вещество, которымъ онъ могъ одной щепоткой насытиться на нѣсколько дней? Конечно, есть физическая вѣроятность отыскать въ природѣ крупный изумрудъ, который годится на флаконъ. Но надо же знать мѣру, надо уметь удержаться въремя. Известно, что солнце дѣлаетъ чудеса своимъ свѣтомъ и тѣлами, и кто присматривался къ его эффектамъ, тотъ видѣлъ много передаваемыхъ, почти неудовимыхъ — не столько красотъ, сколько странностей. Но передавая намъ о чудесахъ, давайте же имъ настоящее ихъ мѣсто, сдѣлайте ихъ рѣдкими въ той же мѣрѣ, какъ они рѣдки въ теченіи дня, и въ теченіи года; не забудьте передать намъ и обычные, ежедневные, будничные подвиги солнца. А то если станете толковать только о чудесахъ, поневолѣ впадете въ смятку, въ Монте-Кристо. Истинные художники знаютъ мѣру съ изумительнымъ тактомъ, чувствуютъ ее чрезвычайно правильно. У Гоголя Маниловъ съ Чичиковымъ въ своихъ сладостяхъ только разъ договорились до «мнѣнья сердца». Другой, не Гоголь, по поводу разговора въ дверяхъ о томъ, кому прежде пройти, на вопросъ Чичикова, «отчего-же онъ образованный», непременно заставилъ

бы Манилова наказать какой-нибудь чепухи вроде влияния сердца и праздника души. Но художникъ зналъ мѣру, и Маниловъ отвѣчалъ все-таки очень мило, но весьма скромно: «да ужь оттого». Г. Дюма и г. Айвазовскій низачто бы не могли удержаться, не дали бы такого безличнаго отвѣта, и при семъ удобномъ случаѣ одинъ наговорилъ бы вздору, а другой пустилъ бы блескъ удивительно эффектный, неожиданный, преувеличенный.

«Буря подъ Евпаторіей» г. Айвазовскаго также изумительно хороша, какъ всѣ его бури, и здѣсь онъ мастеръ — безъ соперниковъ, здѣсь онъ вполне художникъ. Въ его бурѣ есть упоеніе, есть та вѣчная красота, которая поражаетъ зрителя въ живой, настоящей бурѣ. И этого свойства таланта г. Айвазовскаго нельзя назвать односторонностью уже и потому, что буря само по себѣ безконечно разнообразна. Замѣтимъ только, что можетъ-быть въ изображеніи безконечнаго разнообразія бури никакой эффектъ не можетъ казаться преувеличеннымъ, и не потому ли зритель не замѣчаетъ излишнихъ эффектовъ въ буряхъ г. Айвазовскаго?

Воды у насъ довольно много на выставкѣ. Кромѣ г. Айвазовскаго, есть вода г. Ларсона, шведскаго живописца, который прислалъ 13 картинъ; есть ніагарскій водопадъ г. Рейснера, два вида г. Горавскаго, буря г. Велсжева, «Озеро четырехъ кантоновъ» Калама и даже работа г. Иванова, которая поставлена въ первой комнатѣ и озадачивала всѣхъ посѣтителей выставки. Въ этомъ послѣднемъ пейзажѣ, попавшемъ на выставку неизвѣстно какимъ образомъ, на правой сторонѣ картины берегъ и двѣ башни, на лѣвой вода. Чтó онъ изображаетъ, неизвѣстно: онъ не цокалъ въ указатель. Но съ какой цѣлью онъ выставленъ? Это уже не ученическая работа: это произведеніе опытнаго и заматерѣлаго въ живописи судальца. Такіе пейзажи нерѣдко попадаются на станціяхъ и въ трактирахъ уѣздныхъ городовъ. Надо надѣяться, что онъ выставленъ собственно для противоположности, для показанія ученикамъ академіи, какъ не должно писать, чего бояться и до чего можетъ доходить бездарность.

Тринадцать картинъ шведскаго живописца Ларсона отличаются огромностью размѣровъ, огромностью цѣвъ и буровато-желтымъ цвѣтомъ. У него подъ бурожелтымъ небомъ буровато-желтыя волны разбиваются о бурожелтоватыя камни. Физиологія говоритъ, что есть люди, имѣющіе ненормальное зрѣніе относительно цвѣтовъ и красокъ. Но въ обыкновенныхъ людяхъ это не такъ замѣтно, какъ въ живописцѣ. Если живописецъ не различаетъ желтаго цвѣта отъ синяго, то происходятъ такіа печальныя явленія, какъ произзе-

деніи г. Ларсона. Одна изъ его картинъ, величиною чуть не съ «Послѣдній день Помпеи», изображаетъ кораблекрушеніе въ Богусландскихъ шхерахъ, при закатѣ солнца. Можетъ-быть, еслибы вода, небо и скалы выѣли своей естественный цвѣтъ, то картина была бы хороша.

Картина Калама «Озеро четырехъ кантоновъ» составляетъ истинное украшеніе выставки. Огромное, извилистое озеро лежитъ между высокихъ горъ. Кромѣ изумительной вѣрности природѣ, кромѣ того что каждая часть, каждая подробность отдѣлана совершенно тщательно, картина поражаетъ тѣмъ, что волшебникъ-художникъ вложилъ въ нее свою душу. И ровно ничего нѣтъ особеннаго въ картинѣ: горы и спокойная вода съ легонькимъ туманомъ. Но всякій безъ исключенія зритель глубоко и сладко задумается надъ этою картиною, всякій увидитъ, что художникъ самъ былъ погруженъ въ какую-то грустную задумчивость всматриваясь, въ далекія горы, въ ясное небо, въ туманную даль. Какъ онъ сдѣлалъ, чтобы перелать все это на картинѣ — это уже его тайна; но ясно, что онъ не фотографировалъ природу, а только взялъ ее средствомъ, чтобы навѣять на зрителя свое собственное кроткое, мирное, сладко-задумчивое расположеніе духа. Ничего нѣтъ легче, какъ скопировать подобную простую картину; но перейти ли въ копію душа оригинала — сомнительно.

Другой швейцарецъ, Диде (Diday), выставилъ водопадъ Рейхенбахъ въ швейцарскихъ Альпахъ. Это почти столь же мастерское произведеніе, и тоже не голая фотографія водопада. Диде не искалъ сверхъестественнаго или случайнаго освѣщенія; онъ не хлопоталъ объ эффектѣ, и не писалъ портрета своего водопада, а передавалъ то впечатлѣніе и то расположеніе духа, какое произвонилъ въ немъ Рейхенбахъ съ своею грандіозною обстановкой.

Если сравнить громадное «Кораблекрушеніе» Ларсона (цѣна 4000 р.) съ маленькимъ видомъ «Озера» Калама (цѣна 1200 р.) или съ небольшою картиною «Рейхенбаха» Диде (цѣна 1500 р.), то жалко станетъ того господина, который вздумаетъ истратить деньги на приобрѣтеніе огромнаго холста Ларсона, раскрашенаго желто-красною краской. Г. Ларсонъ можетъ-быть думалъ озадачить объемомъ и полагалъ, что у насъ, у варваровъ, это будетъ принято за достоинство.

Пейзажъ у насъ процвѣтаетъ и далеко опередилъ историческую живопись. Россія можетъ съ гордостью назвать нѣсколько почтенныхъ именъ, возлѣ которыхъ господа Ларсоны имѣютъ полное право спрятать свои кисти и продать запасы бурожелтой краски. Пей-

важная живопись обязана у нас своими успехами можетъ—быть двумъ обстоятельствамъ: тому, что мы народъ по преимуществу съ сельскими наклонностями, и тому еще, что въ пейзажной живописи академизмъ гораздо труднѣе можетъ быть водворенъ и стало—быть ему не такъ легко связывать и ограничивать развитіе талантовъ. Въ пейзажной живописи учитель несравненно разнообразнѣе всѣхъ на свѣтѣ профессоровъ, какъ бы они талантливы ни были: это сама природа. Для души, открытой ея лекціямъ, преподаваніе идетъ необыкновенно успѣшно, кратко, безъ заносчивости, и стало—быть не только не забываетъ ученика, а ведетъ каждого по пути его призванія такъ медленно для такъ скоро, какъ только можетъ каждый идти.

Трудно вычислить всѣ прекрасныя пейзажи, какіе выставлены въ нынѣшнемъ году. Первое мѣсто занимаютъ два прекрасныя вида г. Горавскаго. Затѣмъ нельзя не упомянуть о прекрасныхъ работахъ гг. Разанова, д'Альгейма, Камнева, Дюкера, Сухомельскаго, Грязнова, Попова, Мещерскаго и въ особенности г. Клодта I-го. Во многихъ изъ картинъ этихъ мастеровъ чувство природы очень живо, и въ некоторые, какъ напримѣръ г. Клодта I-й, обращаются къ природѣ съ тою художественною наивностью, съ тѣмъ безыскусственнымъ, чистосердечнымъ довѣріемъ, которое всегда показываетъ истиннаго художника. Мѣстами замѣтно, какъ напримѣръ г. Горавскій трезво воздержался отъ преувеличенія эффектовъ, вродѣ г. Айвазовскаго, хотя эта воздержность и не вездѣ выдержана. Между всѣми этими пейзажами есть и такіе, въ которыхъ оказываются прекрасныя стремленія, великолѣпныя задатки, но исполненіе небрежное, безъ любви, подмалевки, какъ напримѣръ картины г. д'Альгейма. Спѣшность дѣ работы (которая однакоже не была заказана) тутъ причиною, или прервѣніе къ публикѣ, только подмалевки г. д'Альгейма, показывая прекрасный, многообѣщующій талантъ, остаются подмалевками.

Между жанристами первое мѣсто въ нынѣшнемъ году принадлежитъ г. Бракемеру, который выставилъ картину: «Ловля мышей». Наивность этой сцены очаровательна; натяжки, придуманныхъ эффектовъ — вовсе нѣтъ. Содержаніе картины такъ просто и такъ она оживлена сильнымъ, хотя будничнымъ интересомъ, что всякій зритель невольно улыбнется, но не улыбкою насмѣшки, а участія. Дѣло въ томъ, что мышь забралась въ шкафъ, а старикъ и старуха намѣрены ее оттуда добыть и подвергнуть смертной казни. Старикъ, волнуемый ожиданіемъ, стоитъ съ метлой, готовой соразить домашняго вора, а старуха достаетъ изъ шкапа шивцами вса-

кую вслѣпину, за которой мѣшь прячется. Ясно, что у хозяйки тутъ затронуты самыя живые интересы хозяйской души; она приноситъ въ жертву видимый порядокъ, для водворенія порядка внутренняго.

Г. Морозова «Отдыхъ на сѣнокосѣ» и г. Корзухина «Пьяный отецъ семейства» награждены академіею вторыми золотыми медалями совершенно по заслугамъ, такъ что зритель, незнакомый съ требованіями псевдоклассицизма, недоумѣваетъ, какимъ образомъ тою же медалью награждена картина г. Литовченко «Харонъ, перевозающій души». Но въ требованіяхъ академизма есть чудеса, которыя и не снились нашимъ мудрецамъ.

Настоящіе жанристы, не въ шутку, это гг. Шильдеръ и Перовъ. Г. Шильдеръ за картину «Расплата съ кредиторомъ» признанъ академикомъ, а г. Перовъ за «Проповѣдь въ селѣ» получилъ первую золотую медаль. «Расплата съ кредиторомъ» очень сильно отзывается мелодрамой, а по случайности своей напоминаетъ водевилъ средней руки, въ которыхъ развязка наступастъ не въ силу естественнаго хода обстоятельствъ, а совершенно случайно. Герой этого водевиля, молодой человѣкъ прекрасной наружности, только-что пріѣхалъ въ ту минуту, какъ кредиторъ явился за полученіемъ денегъ по векселю. Должникъ, больной старикъ, сидитъ въ креслахъ и самъ себя не помнитъ отъ радости. На полу лежитъ разорванный вексель, тутъ же только-что раскрытый чемоданъ, изъ котораго очевидно вынуты деньги для расплаты. Герой, къ которому на шею въ знакъ благодарности, бросилась дочь старика, не обращая надлежащаго вниманія на ея сладостныя объятія, грозно смотритъ на кредитора, который ретируется въ двери, а за нимъ Немезида, въ видѣ квартальнаго надзирателя. Есть еще нѣсколько лицъ: жена, дѣти; обстановка бѣдная, но героиня, дѣвица, въ довольно богатомъ платьѣ. И представляется зрителю все что за симъ слѣдуетъ: дочь, благодарная за спасеніе отца отъ тюрьмы или отъ описи имѣнія, выходитъ за освободителя и надлежащимъ образомъ любитъ великодушнаго своего мужа; въ послѣдствіи старикъ весело умираетъ, попирававъ на крестинахъ своихъ внучатъ, и такъ далѣе, впредь до будущихъ подобныхъ сценъ, когда нынѣшній освободитель, тоже больной и дряхлый, будетъ сидѣть на креслахъ и будетъ сильно пугаться въ освободителя, и такового не окажется такъ кстати, какъ теперь, потому что до такой степени кстати случается это только въ водевиляхъ.

«Проповѣдь въ селѣ» г. Перова отличается очаровательною правдивостью. Тутъ почти все правда, та художественная правда, ко-

торая дается только истинному таланту: и мужики и бабы, и заснувшій помѣщикъ, и ясное небо, и крестный ходъ, и ребятишки.

Еще одна замѣчательная картина отличена высшею академическою наградой, первую золотою медалью: картина г. Клодта 2-го «Послѣдняя весна». Большая, умирающая дѣвица сидитъ въ большомъ креслѣ противъ открытаго окна. У нея чахотка, дольше весны она не проживетъ, и домашніе это знаютъ. Сестра ея стоитъ у окна и плачетъ; другая сестра стоитъ возлѣ больной на колѣняхъ. За ширмами отецъ умирающей и мать сидятъ и толкуютъ между собой. Невеселый долженъ быть ихъ разговоръ; нехорошо положеніе умирающей, скверно положеніе сестеръ ея, и все это освѣщено прекраснымъ, яркимъ весеннимъ солнцемъ. Вся картина написана прекрасно, безукоризненно, но въ итогѣ картина далеко не прекрасная. Кто захочетъ повѣсить такую патологическую картину въ своемъ кабинетѣ или въ своей гостиной? Разумѣется никто, равно никто. Это безпрерывное temento mori для себя и для своихъ ближнихъ мы все знаемъ очень хорошо и весьма удобно можемъ обойтись безъ напоминанья, которое къ тому же равно никому не служить, кромѣ постоянной и непрерывной отравы жизни. Сама по себѣ смерть — отвратительное дѣло; но ожиданіе ея гораздо еще отвратительнѣе. Художникъ выбралъ себѣ такимъ образомъ чрезвычайно трудную задачу: отвратительное представить прекрасно; это никогда никому не удастся. Смерть близкихъ болѣе или менѣе каждому изъ насъ знакома. Это такой роковой, тупой, бессмысленный ударъ, къ которому, говорятъ, надо быть всякому готовымъ. Это совершенный вздоръ; какъ ни готовъ бываетъ къ нему человѣкъ, но все-таки онъ какъ-будто неожиданъ. Есть драматическія произведенія, въ которыхъ смерть выводится на сцену. Почему же и нѣтъ? Смерть — дѣло житейское, какъ говорятъ плакальщицы, промышленяющія по кладбищамъ. Но представьте же себѣ, что актеръ или актриса стали бы умирать на сценѣ по всѣмъ правиламъ патологій, со всевозможною не сценическою, а естественною правдой, передавая всю агонію, одно явленіе за другимъ, такъ какъ это бываетъ въ природѣ: то умирающаго поведетъ, какъ кусокъ бересты въ печкѣ; то онъ привстанетъ и посмотритъ большими мертвыми глазами, то онъ лепечетъ что-то сухимъ, воспаленнымъ языкомъ и синими пальцами хватаетъ, будто щиплетъ воздухъ, а зрачки катаются въ бѣлкахъ, какъ у плохого провинціального актера, играющаго Отелло, и ноги между тѣмъ стынугъ, и пальцы на ногахъ подкорчиваются. Да все зрители разбѣжались бы отъ такого представленія. А г. Клодтъ 2-й представляетъ вамъ агонію умирающей

дѣсь, ною почти—что агонію всего семейства, и не день, не мѣсяцъ будетъ продолжаться эта агонія, а вѣчно, пока висѣть будетъ на стѣнѣ эта прекрасно выполненная, но злочестная картина. Никакой зритель не выдержитъ, — убѣжитъ. Нѣтъ, художественная правда совѣсть не та, совѣсть другая, чѣмъ правда естественная.

Нѣкоторые живописцы пользуются уже готовымъ содержаніемъ и выполняютъ его какъ задачу. Такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ художникъ, кажется г. Бронниковъ, выставилъ умирающаго гладиатора, по Лермонтову. Въ картинѣ гладиаторъ точно умираетъ; но такъ какъ у поэта онъ умирая вспоминаетъ родину, то это воспоминаніе повторено у г. Бронникова надъ гладиаторомъ въ облакахъ, довольно тумано. Это сильно напоминаетъ старинныя гравюры, на которыхъ отъ рта дѣйствующихъ лицъ проводилась тессемка съ надписью ихъ рѣчей. Еще тоже нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ господинъ выставилъ двѣ отдѣльныя картины: на одной была недурно написана сосна, а на другой прекрасно написана пальма, и объявилъ, что это изъ Лермонтова или изъ Гейне; сосна думаетъ, какъ далеко на югѣ растетъ пальма.

Въ нынѣшнемъ году тоже есть три подобныя картины: «Весталка», по г. Полонскому, «Капитанская дочка» по Пушкину и «Фаустъ съ Мефистофелемъ» по Гёте. Едва ли когда-нибудь такого рода вещи могутъ быть улачны. Въ произведеніи литературномъ излагается вся исторія чувства, а въ живописи — одно только мгновеніе. Какъ же тутъ быть? Очень просто: или написать пять или десять Весталокъ, то—есть ту же Весталку въ пяти или десяти отгѣнкахъ чувства, или не браться за невозможное дѣло.

Нынѣшняя выставка между прочимъ замѣчательна отсутствіемъ батальныхъ картинъ, которыхъ встарину бывало каждый разъ такъ много. Чтоже дѣлать? Такое уже видно пришло время, что общественное вниманіе обращено теперь на другіе, неменѣе важные предметы. Есть правда и нынче нѣсколько сценъ изъ военнаго быта, но къ счастью немного, и именно къ счастью, потому что художественнаго въ нихъ ничего нѣтъ, да и быть не можетъ. — «Сцены изъ военнаго быта» выставлены г. Иебенсомъ. Въ указателѣ выставки сказано съ большою любовью, что «г. Иебенсъ, Адольфъ (Jebens), ученикъ Поля Делароша, пріѣхалъ въ Россію въ 1818 и имѣлъ счастье поднести государю императору Николаю I картину, изображающую военную сцену, вслѣдствіе чего получилъ порученіе отъ Его Величества писать коллекцію военныхъ сценъ, чѣмъ и нынѣ занимается.» Г. Иебенсъ выставилъ двѣ сцены, или вѣрнѣе группы, состоящія изъ солдатъ, одѣтыхъ въ надлежащіе

мундиръ со всѣми необходимыми вышукками и петличками, и такъ какъ онъ въ этомъ дѣлѣ спеціалистъ, то надо полагать, что все нарисовано какъ слѣдуетъ и форма соблюдена вполне.

Портретовъ выставлено довольно много, точно также немало и фотографій. Но мы поговоримъ о нихъ въ другой разъ, именно по поводу сочиненій г. Дала.

Архитектурныхъ проектовъ выставлено очень мало, не болѣе одиннадцати; всѣ они отличаются великолѣпіемъ и необычайною грандіозностью. Вообще академія не любитъ у насъ простой, утилитарной архитектуры, и все дѣлаетъ проекты колоссальные. Но и объ архитектурныхъ проектахъ мы поговоримъ въ другой разъ.

**Поездка въ Южную Россію А. Афанасьева — Чу-
женскаго. Часть I. Очерки Дибра**

Не дальше какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, ѣхалъ я на чухонской таратайкѣ. Чухна, мой возница, всѣми силами старался увѣрить меня, что онъ русскій.

— Да какой же ты русскій? говорилъ я ему: — ты и говорить-то поруски не умѣешь.

— Вотъ только что говоримъ-то мы почухонски; а то мы всѣ русскіе, и въ русскую церковь ходимъ.

— Значитъ вы православные, а все же вы чухны.

— Нѣтъ, русскіе.

Ему такъ хотѣлось быть русскимъ, что мнѣ даже стало жаль его. Изъ чего хлопочетъ этотъ человекъ? И еще больше мнѣ стало жаль его жаль, когда при встрѣчѣ съ русскими крестьянами, онъ, снявъ шапку, такъ учтиво и осторожно спрашивалъ у нихъ, какъ ближе проѣхать, куда намъ нужно было. Такъ обратился бы какой-нибудь господинъ изъ благородныхъ, но забытыхъ, къ какому-нибудь важному лицу съ просьбой объ огонькѣ для закуренья папиросочки. И какое-то особенное удовольствіе проявлялось на его лицѣ, когда нашъ мужикъ подробно объяснялъ ему, какъ проѣхать. Совсѣмъ не чувствовалось этого при встрѣчѣ моего чухны съ чухнами. Тутъ онъ былъ свой и былъ несравненно развязнѣе.

Глядя на него, я поневолѣ вспоминалъ другое обстоятельство. Проезжая по нѣкоторымъ мѣстамъ Россіи съ смѣшаннымъ народонаселеніемъ, напримѣръ подѣзжая къ харьковской губерніи, гдѣ начинаются малороссійскія деревни; ѣдучи по таврической губерніи, гдѣ тогда было много татаръ, и гдѣ попадаются нѣмецкія колоніи, спрашивалъ я нашихъ ямщиковъ о хохлахъ, о татарахъ, о нѣмцахъ, и всегда встрѣчалъ такіе добрые отзывы, столько похвалъ этимъ людямъ, что во всемъ этомъ смутно чувствовалось какое-то странное, тоже очень трогательное, маленькое самоуничи-

женіе. Иногда совершенно откровенно вырывалось слово: «Гдѣ намъ до нихъ!»

Такое чувство совершенно понятно, особенно когда припомнишь, что и между нами — не въ тѣсномъ смыслѣ людей образованныхъ, но въ болѣе обширномъ смыслѣ — людей, кое-чему учившихся — встрѣчается еще много людей стараго времени, ищущихъ еще по старой привычкѣ успокоенія въ какомъ-то отчаянномъ убѣжденіи, что изъ насъ ничего путнаго выйти не можетъ, и лучше жеманщиковъ на этомъ успокоиться, нежели вѣчно волноваться сладкой надеждою на какія-нибудь перемѣны и улучшенія. Нужно много силы душевной для того, чтобы не терять надежды ни въ какихъ обстоятельствахъ. Только не слѣдуетъ смѣшивать этого отчаянія съ довольствомъ: вотъ ошибка, въ которую впадаютъ всѣ поверхностные наблюдатели. Породить отчаяніе и оббить крылья очень легко; но это вовсе не значитъ удовлетворить или уничтожить тѣ или другія потребности. Онѣ перестанутъ навремя высказываться, но не уничтожатся. И самое то самоуничиженіе, въ которое добровольно ставили себя допрашиваемые мною ямщики относительно кропистовъ, было все-таки ничѣмъ инымъ, какъ признаемъ превосходствъ этихъ колонистовъ. А это уже есть признакъ движенія впередъ. Я спрашивалъ о тѣхъ же колонистахъ татаръ: татары не сознавали передъ собой ихъ преимуществъ. Въ этомъ уже видна неподвижность. А колонисты, такъ тѣ считали русскихъ чѣмъ-то родъ свиней, о которыхъ и говорить не стоитъ: это ужъ безнадежно-печальное довольство самимъ собою, за которымъ возможны развѣ одни только матеріальныя улучшенія.

Научиться уважать другихъ гораздо легче, нежели научиться уважать себя, ибо для послѣдняго нужно еще, чтобы другіе насъ уважали. Давно ли было время, когда между нами очень образованные люди почти не считали нужнымъ изучать Россію и совершенно ею не интересовались, несмотря на то, что тогда были больше въ ходу, нежели нынче, фразы о любви къ отечеству? Нужно прежде всего чувствовать себя на своихъ ногахъ, чтобы уважать себя; нужно имѣть возможность заявлять свою національность для того, чтобы любить ее. И вотъ, едва намъ дали немножко распахнуть свои крылья, какъ мы начинаемъ интересоваться преимущественно своимъ, и вмѣсто книгъ, изъ которыхъ мы такъ подробно узнавали прежде положеніе Парижа и Лондона, мы съ большимъ интересомъ бросаемся теперь на книгу, изъ которой мы можемъ узнать положеніе Дибра наприимѣръ. Конечно, мнѣ только тогда интересно узнавать подробности о какомъ-нибудь предметѣ, когда я самъ, если не дѣломъ, такъ хоть словомъ могу принять участіе въ его положе-

ни, особенно если предметъ этотъ по свойствамъ своимъ долженъ неминуемо вызвать мое участіе. Всякое стѣсненіе человѣческихъ стремленій вызываетъ анатію, равнодушіе.

Книга г. Чужбинскаго должна непременно обратить на себя всеобщее вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ ней разсказывается все, хорошее и худое, безъ утайки, товаръ продается на лицо, слѣдовательно и купить его можно безъ опасенія.

Одна только бѣда, что у насъ такихъ книгъ мало; мы мало слышали разсказовъ хоть о Дибпрѣ, и потому мы можетъ-быть слишкомъ многого потребуемъ отъ одной книги; но чтоже дѣлать? Увидимъ мы путника изъ чужой земли и ужь вѣрно мы его не задаемъ такъ вопросами, какъ другого путника, побывавшаго на нашей родинѣ и видѣвшаго родныхъ и друзей нашихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, все мы знаемъ каждую улицу, каждую площадь въ Парижѣ; берега Рейна знаемъ какъ свои пять пальцевъ, хотя ни когда не бывали тамъ; но ничего не знаемъ о своемъ Дибпрѣ. Выходить книга г. Чужбинскаго, и намъ хочется сейчасъ же изъ нея узнать все; а всего-то мы и не узнаемъ. Живописная часть Дибпра, напримѣръ, остается для насъ совершенно неизвѣстною, хотя объ этомъ и говорится въ книгѣ. Но говорится въ ней объ этомъ какъ-то вразбросъ: мелькаютъ передъ нами описанія отдѣльныхъ деревень, мѣстъ, городовъ, — все въ высшей степени интересное, но мѣшающее общему представленію. Было бы гораздо пріятнѣе, еслибы все это было расположено такъ, чтобы легко было составить всю картину Дибпра съ его деревнями, порогами, городами, селами, плавнями; интересно бы было видѣть топографическую карту Дибпра приложенною къ этому сочиненію. Но все это маленькое недовольство все-таки прекрасною княгою родится только вслѣдствіе чрезвычайнаго интереса, ею возбуждаемаго, вслѣдствіе горючливаго нашего желанія узнать все разомъ, и все это несколько не мѣшаетъ читать книгу отъ доски до доски съ удовольствіемъ и интересомъ, не ослабѣвающими ни на минуту, тѣмъ болѣе, что живописная сторона этого путешествія и не составляла, собственно говоря, главной цѣли автора. Наконецъ, можетъ-быть, при многократномъ прочтеніи этой книги и возникаетъ до нѣкоторой степени полное, хотя ни въ какомъ случаѣ не географически-точное желаніе представленіе. Ему много вредитъ то, что авторъ описываетъ два берега Дибпра не одновременно, но сперва правый, а потомъ лѣвый берегъ, такъ что при самомъ усиленномъ вниманіи не знаешь, какая мѣстность одного берега приходится противъ какой мѣстности другого, или, зная это, не въ одно время видишь обѣ

мѣстности, такъ, что приходится переворачивать много десятковъ страницъ для того, чтобы сравнить жизнь двухъ лежащихъ одна противъ другой мѣстностей, какъ напр. Берислава и Каховки. Бериславъ городъ, Каховка помѣщичье село; но въ Каховѣ и гостинный дворъ, и двѣ ярмарки, на которыхъ предлагаются даже предметы роскоши; въ Бериславѣ — деготь, канаты и т. п. круглый годъ.

Хотя не въ этомъ главное дѣло; главное дѣло въ томъ, что книга г. Аванасьева-Чужбинскаго знакомитъ насъ съ бытомъ придипровскихъ городовъ и селеній, начиная съ Екатеринослава и кончая Кинбурномъ и Очаковымъ. Мы видимъ всю жизнь, всю суматоху, все скромное довольство или страданія то тѣхъ, то другихъ селеній; мы видимъ и снычье мертвымъ сномъ, повременамъ только пробуждающіеся города, какъ Александровскъ, Никополь, Алексики, и совершенно уснувшіе, какъ Очаковъ и Кинбурнъ, и трудолюбивыя, сравнительно благоденствующія вѣмецкія колоніи, какъ Киякасъ, Кустерка; и богатыя, благоустроенныя села барона Штиглица, и бѣдствующія и до сихъ поръ плачущія, какъ на рѣкѣхъ днѣпровскихъ, еврейскія колоніи, и дивныя обозы чумаковъ, переправляющихся черезъ Днѣпръ въ Каховкѣ, и самую эту Каховку и Бериславъ, и общины вольныхъ матросовъ, и общины днѣпровскихъ лодмановъ. Все это проходитъ передъ нами живо, со всѣми своими пѣнями, костюмами, привычками, жалобами, со всѣми своими столкновеніями съ мѣстными и отдаленными властями, я мы то радуемся, то сквозь слезы улыбаемся, то негодуемъ и ропщемъ, задѣтые за живое, нечаянно увидавши въ горѣ далекаго придипровскаго жителя повтореніе своихъ собственныхъ неудобствъ и неудовольствій. А порадоваться есть чему, также точно какъ есть отъ чего и прѣдти въ негодованіе. Впервые очень радуется оживленность многихъ мѣстъ, происходящая отъ добросовѣстной распорядительности многихъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ. Напримѣръ опять-таки тамъ Каховка, село помѣщика Куликовскаго. Тутъ идетъ главный путь чумаковъ, отправляющихся въ Крымъ за солью. Проходитъ до 200.000 возовъ, и тутъ же существуетъ переправа. Село это давно уже было замѣчательно, такъ что на картѣ Ланя, составленной въ 1812 г. по Мальтъ-Брену, оно уже означено на маленькой картѣ Россіи; но еще недавно бѣднымъ чумакамъ приходилось богъ-вѣсть сколько времени ждать въ Бериславѣ очереди для переправы или платить опромныя деньги вольнымъ паромщикамъ. Теперь же владѣтель Каховки завелъ паромъ, который безъ остаточка буксируетъ паромы съ платою по 30 к. съ возовъ, и чумаки себя не чуютъ отъ радости. Вольные паромщики стараются

увѣрять ихъ, что это нечистая сила ихъ возитъ, да они говорятъ, что надо благодарить и чорта, когда онъ добро дѣлаетъ. Намъ жалъ только, что г. Чужбинскій въ большей части случаевъ встрѣчалъ очень ласковій и предупредительный пріемъ со стороны владѣльца продаваемыхъ имѣній. Мы совсѣмъ не думаемъ заподозрить чистосердечіе его описаній; но дѣло въ томъ, что сердце человѣческое всегда пристрастно, и замѣчательно то, что чѣмъ оно лучше, чѣмъ оно выше по своему развитію, тѣмъ оно пристрастнѣе. И всѣ мы, едва познакомимся съ человѣкомъ, едва успѣемъ полюбить его, какъ уже сейчасъ рождается въ нашемъ сердцѣ маленькая способность — смотрѣть, съ величайшей уступчивостью, на поступки и распоряженія этого господина его собственными глазами. Позаключите пожалуйста покороче съ какимъ угодно становымъ или слѣдственнымъ приставомъ, и если только у васъ нѣтъ съ нимъ столкновеній въ вашихъ собственныхъ интересахъ, вы впервыя увидите, что онъ прекрасный отецъ семейства, большая часть этихъ господа очень добрые отцы; кромѣ того — хлѣбосоль, гостепримный хозяинъ, такой ласковій, добрый въ своей семьѣ, такъ онъ дѣлаетъ все что можно, такими хорошими сигарами васъ угощаетъ, что незамѣтно и вы перейдете на его сторону. Да и главное дѣло состоитъ еще въ томъ, что у каждаго человѣка есть всегда совершенно достаточно причинъ, чтобы быть именно тѣмъ, а не этимъ, и стоить намъ только узнать всю подноготную его задушевныхъ побужденій, чтобы все то, что насъ возмущало бы со стороны, показалося намъ вовсе не такъ возмутительнымъ. Вся наша ошибка въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что слыша о какихъ-нибудь злоупотребленіяхъ, мы представляемъ себѣ человѣка, въ нихъ обвиняемаго, такимъ точно какъ мы, съ нашими чувствами и понятіями, вслѣдствіе чего дѣйствительно иногда его поступки идутъ къ нему, по нашему предположенію, какъ къ коровѣ обгло, и составляють горбы на его тѣлѣ, паросты, уродливостъ. Но подходить мы къ нему ближе, и видимъ, что онъ и его поступки составляютъ одно; что они выходятъ изъ всего существа его; что они совершенно гармонируютъ съ его понятіями объ умѣ, долгѣ, чести; что они даже не противорѣчатъ самымъ лучшимъ качествамъ души его, и у насъ опускаются руки, и мы не можемъ не опустить того камня, который приготовили, чтобы кинуть въ него.

На Дибирѣ есть нѣсколько еврейскихъ колоній. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ Новый-Бердславъ и Львова. Обѣ колоніи состоятъ изъ переселенцевъ изъ Литвы и Курляндіи, которые, имѣя въ виду обѣщаніе воловъ, хаты и разныя другія пособія, отозвались на вызовъ правительства переселиться. Въ обѣихъ колоніяхъ

управляющей вѣмецкѣй колонистъ, и у него все отлично, а у евреевъ — грязь, соръ, нечистота, неряшество, запущеніе. У вѣда и нивы полны, и вокругъ дома сады; а евреи увѣряютъ, что почва нехороша и что на ней никакое дерево не принимается. Идутъ они — умираютъ; жнутъ, косятъ — еще того хуже: мечется жидъ съ косой въ разныя стороны; и туда не поспѣетъ, и здѣсь не захватитъ, до поту лица бьется и все скверно выходитъ. Идетъ жидовка полоть и чулокъ несетъ съ собой: сквозь слезы поплотъ немножко, а потомъ сидитъ и чулокъ вяжетъ между градами. Видно, засадили ихъ не за свое дѣло. А колонистъ-вѣмецъ требуетъ еще отъ нихъ чистоты и опрятности, требуетъ, чтобы они сады вокругъ домовъ разводили. Хорошо разводить сады тому, кто своей жизнью доволенъ, у кого на душѣ спокойно, кто любитъ то мѣсто, на которомъ живетъ: онъ и радѣетъ о немъ, онъ и украшаетъ его; а еврей только и смотритъ, какъ бы улизнуть ему изъ деревни куда-нибудь въ городъ, или въ другую деревню, словно все еще мучимый лютой тоскою по отнятой у него родинѣ, и у него все свое соображеніе: «Положимъ, я посѣю 5 четвертей; соберу 20 — это уже хорошо. Пять должень оставитъ я на посѣвъ; могу продать только патнацать. Пусть будетъ 7 карбованцевъ четверть — значитъ, я заработаю 105 кербелей. И какая работа! Весна, лѣто и осень пропадутъ за 105 рублей! Дайте же мнѣ 30 кербелей, и пустите меня съ лошадью хотъ въ Херсонъ: я буду *ничего не дѣлать*, а черезъ полгода заработаю 150 карбованцевъ и возврату вамъ деньги съ большимъ процентомъ.»

И конечно онъ правъ, какъ равно правъ и въ слѣдующемъ разговорѣ, приводимомъ г. Афанасьевымъ-Чужбинскимъ:

Еврей жалуется г. Чужбинскому на вѣмца смотрителя:

— Пусть онъ бьетъ меня за то, что дурию пашу, ебю — тутъ значтъ есть выгода: больше было бы хлѣба и стало-быть больше денегъ; но да что же меня штрафовать, если я не поливаю деревьяхъ или не выметаю двора! Вай, вай! Что мнѣ изъ деревца? А еще больше — какая мнѣ польза, что будетъ чистый дворъ?

Я старался убѣдить его, что чистота необходима человеку также какъ воздухъ, и желая, чтобы онъ понялъ яснѣ мои убѣжденія, привелъ ему примѣръ изъ жизни животныхъ.

— Вѣдь ты видѣлъ, что и кошка, если только поѣстъ что-нибудь или выпачкаетъ лапку, тотчасъ умывается и вытирается.

— Да, точно такъ, однако же кошкѣ это ничего не стоитъ: ей не надо расходовать воды и покупать мыло и полотенце.

Я не нашелся что отвѣчать своему собесѣднику противъ такой находчивости еврейскаго ума, обладающаго способностію прилагать вездѣ

оно (работенную) артистику, однако живъ все-таки не хотѣлъ оставить разговора. — Тамъ неужели по какому-нибудь случаю ходитъ въ храмъ? —

— А развѣ она нѣмаетъ? —

— Да вѣдь пріятно же войти въ чистую хату, пахнетъ чистое бѣлье, слышишь? —

— Гдѣ намъ! Въ хатѣ, лишь бы тепло было, а чистое бѣлье мы держимъ про шабашу! —

— А зачѣмъ такое у васъ грязное бѣлье? —

— Поищите, кто же будетъ стирать чистое бѣлье, то оно испортится! —

— Ты же видѣла какъ вѣщцы живутъ чистому дѣлу! —

— Вѣщцы другое дѣло. —

— Отчего же другое дѣло? —

— Тамъ такъ заведено. —

— Отчего же тамъ не заведи? —

— Намъ некогда! —

— Ну ужь, любезный, это оущій вздоръ! Вѣщцы гораздо больше васъ заняты; а ты думай скани, что дѣнь заняться чистовою. Я же знаю какъ вы живете: вѣдь войти въ избу нельзя — запахъ такой, что съ ногъ сплываеъ. —

— Отчего? —

— Оттого, что съ бжему человеку дышать нельзя. —

— А намъ ничего. —

— Привыкли, должно-быть. —

— Свое никогда не нахнеъ хурно, проговориъ еврей, въобразая что удивительно състрилъ. —

Да онъ не хотѣлъ и острить. Ему совсѣмъ, и не до остроты: онъ удивился тому, что произнесъ слово несовольтельное; а это его глубочайшее убѣжденіе. Нужно нѣкоторое довольство собой, чтобы потребовалась нѣкоторая роскошь вокругъ, чистота; а когда человекъ самъ собой недоволенъ, когда все кругомъ презираеъ его такъ, что онъ самъ чуть не заражаеъ этимъ же къ самому себѣ презрѣніемъ, такъ для чего будетъ онъ искать приличнаго помѣщенія для своего брѣннаго тѣла, которому было бы только куда укрыться, и то впору? Вѣдь не дальше какъ за нѣсколько десятковъ страницъ до вышеприведеннаго нами разговора, читали мы слѣдующій разговоръ г. Чужбинскаго съ малоруссомъ, крестьянникомъ деревни Гадриловки, лежащей нѣсколько выше Новобереславской волости:

— Что это, старина, у васъ такъ невесело: молодежь не поетъ пѣсень, даже ребятишки не играютъ по чулицамъ! —

— Теперь не въ веселости, отбѣчалъ онъ: какъ разъ работаю пора, всякій устанетъ... —

Работаютъ всѣмъ, единственно по молодости моему беретъ въ вечернее въ разныхъ концахъ села дѣвушки и парни выходятъ на улицу и поютъ.

— Село село, равныя нѣтъ дѣлается у земляковъ, там же всегда можно въ господскихъ.

— Вроде же у васъ нѣтъ запрещенія? —

— Запрещенія нѣтъ, да какъ-то знаете лучше сидѣть молча.

— А подростки у васъ не вѣнчаютъ на работу? —

— Гоняютъ всѣхъ, развѣ не трогаютъ такихъ какъ я, что когда де передвигаю.

— Однако, любезный, и вольные крестьяне въ эту пору не ставятъ сложа руки; напротивъ, у каждого хозяина выходятъ въ поле даже ребятишки. Нѣтъ, ужъ видно выдалось такое молчаливое село.

— А можетъ-быть, кто его знаетъ! отвѣчалъ старикъ, ничто съ нимъ какъ луна голову.

Село ни съ того, ни съ другого, молчаливымъ не выдѣтся. И если поприлежишь вникнуть да разобрать, то можетъ-быть и выйдетъ что-нибудь вродѣ слѣдующаго (мы это выписываемъ изъ той же книги в Чужбинскаго, нѣсколько страницъ выше):

Въ ненастный вечеръ, возвратясь однажды изъ пустынной плави, пошолъ я въ умномъ крестьянину побесѣдовать о разныхъ разностяхъ. Рѣчь склонилась на коноводство, и я началъ надегаться на то, — отчего бы и прочимъ добрымъ людямъ не жить какъ живутъ цѣмцы?

— Мы никогда не можемъ достигнуть этого; во первыхъ имъ дано очень много земли, во вторыхъ они съ издавна приучаются къ работѣ и порядку, а въ третьихъ, у нихъ совсѣмъ другое началство.

— Такъ, любезный другъ, но вѣдь есть нѣбиты безземельные, а посмотри какъ они стараются: и въ нѣбѣ и во зѣбѣ нѣбы у нихъ чистота, опрятность, да и каждый обувь и одѣтъ хорошо.

— Я это и сама знаю. Видите ли, у него малые дѣти, сколько ихъ есть, мальчики и дѣвочки, ходятъ въ школу; тамъ не слажутъ, что нѣтъ мѣста, а приходи и учись сколько хочешь. У насъ же этого нѣтъ. Наша школа маленькая, и еслибы все село задумало учить дѣтей, такъ иному хлопцу пришлось бы стоять на выговѣ, а какъ же онъ учился бы за версту?

— Ну, а грамотность, по твоему, полезна?

— А какъ же! Одно то, что человекъ можетъ читать свѣтое письмо (свѣт. писаніе) — стало быть у него другія мысли, а другое — сумѣетъ разсчитать или записать что-нибудь по хозяйству.

Кромѣ того, парню легко сдѣлаться писаремъ.

— Боже сохрани! Это навѣрное сдѣлаться горячайшимъ дьячкомъ. Писарь такъ и даровитъ, чтобы сорвать съ кого на водку, или вымогаетъ угощеніе. Это народъ ледящій (дрянной).

— Мы говоримъ однакоже о постороннемъ, а расскажи-ка почему вѣдь недѣла жить какъ живутъ вѣнды.

— Я жъ вамъ говорю, что они всѣ грамотныя, у вѣнды есть часы и все дѣлается по часамъ. Да и порядки у нихъ мудренѣе, чертъ ихъ не беру! Мы иногда не сумѣемъ поравняться съ вѣндыями. Да вотъ хоть бы ихъ *оранка* (паханье)! Выѣдетъ пахать — а вѣды лошадейми, на какое хочешь твердое поле. Смотришь, *бисова лимона* (бѣсныя вѣнды) едва не рысью бѣгають за плугомъ, и не успеешь мигнуть глазомъ, какъ онъ и напахалъ десятину, а тамъ ажирегъ лошадей, сложишь плугъ на сургонъ и бѣдетъ себя домой, а хоти бы за десять верстъ.

— Для этого же не надо быть грамотнымъ.

— Знаю, да я хотѣю и грамотнымъ, а не умѣю дѣлать этого. Какъ его пахать лошадами? Мой предѣдъ, дѣдъ и отецъ пахали волами, да вѣсѣмъ добрыми людьми.

— Это ничего не значитъ, что дѣдъ и отецъ...

— Позвольте! да какъ его и завести такихъ лошадей? Чмоу-бѣтъ боится кушать лошадуку. Чуть завелъ что-нибудь порядкомъ, — тотчасъ возьмутъ и завѣдятъ. Очередь ли, не очередь, а давай, да еще какъ попадется — подь какое начальство. Выравѣ не знаете какъ бѣгають наше начальство!.. Прогонювъ, если тамъ кто и шлетъ, мы никогда не видаемъ: старшина и шмаръ прѣидуть, а съ ними не получимъ. А ты держи въ исправности лошадей и упряжковъ.

— Мнѣ кажется и волами можно напахать хорошеуко, и я знаю многихъ богатыхъ людей, которые могли бы перенять вѣндыярые полевые обычай, да не хотятъ.

— Ести что и не хотять. Ония то сказать, построитъ себѣ наприпрѣ хорошуу кагу, то и ее въ глаза не увидимъ, а то вѣды начальство, то поля построй... А вѣтъ жон небогатый человекъ, а думаю построятъ вѣндыюу машину (вѣтреную мельницу). Надо правду сказать — вѣмецъ сдержитъ ш дорого, да ужъ если построятъ, такъ и жуки будутъ благодарить. Ну чтожъ? машина машиной, а жить намъ не выйдуть такъ вѣндыямъ у насъ другіе обычай.

— Я и не говорю чтобы вы ошѣмечались, но почему бы не перенять что-хорошаго? Несмотря, наприпрѣ, какъ у колонистовъ разрослись садкии возлѣ каждаго дома.

— Правда, на это мило смотреть, да намъ не рука.

— Отчего не рука? Стоитъ захотѣть.

— У насъ не дѣя порядки; посадишь деревцо, а какъ уйдешь въ поле на работу, то его или выроютъ свиньи, или поведергаютъ дѣти.

— Это все вздоръ.

— Нѣтъ не вздоръ! Нѣмецъ привыкъ къ порядку.

— За чѣмъ же и намъ не привыкнуть?

— Насъ такъ ужъ привыкли свиньи.

— Такъ выучате хети своихъ дѣтей.

читать неяршество не есть недостатокъ ихъ племени; какъ замѣчаетъ г. Чужбинскій; также нельзя заподозрѣть, чтобы и религія ихъ къ этому содѣйствовала: это свойство всякаго заблужденнаго чело-вѣка.

Убирать свою комнату такъ же иногда не хочется, какъ не хочется пѣть.

Впрочемъ нельзя упрекать г. Чужбинскаго за то, что онъ не указываетъ связи между приводимыми имъ фактами. Можетъ-быть именно это обстоятельство дѣлаетъ книгу его особенно драгоценною. Потому что для связи иногда натягиваются факты, искажается смыслъ ихъ; а г. Чужбинскій рассказываетъ то что видѣлъ, и на его поясненія нѣкоторыхъ фактовъ можно смотрѣть какъ на личные его ощущенія. Тѣмъ болѣе, что эти личные ощущенія обращаютъ только большее вниманіе на фактъ, который ими не затеняется.

Досаду напримѣръ на какое-то упорное молчаніе жителей села Гавриловки, онъ забываетъ, что такое же точно, только совсѣмъ не добровольное молчаніе онъ уже встрѣтилъ однажды, въ началѣ своего путешествія, въ другомъ мѣстѣ, именно въ Децманской Камени, въ той самой Камени, гдѣ осматриваются, и въ случаѣ нужды разгружаются не въ мѣру нагруженныя суда; для перехода черезъ пороги днѣпровскіе рѣчь той Камени, гдѣ сосредоточивается главное управленіе Децмановъ, проводящихъ суда черезъ пороги.

Собираюсь прожить недѣлю днѣ въ Камени; — рассказываетъ г. Чужбинскій, — я тотчасъ же нахвѣрнула приступить къ собранію пѣсень; но меня удивило, что по вечерамъ я не слыхала пѣнія, какъ это водится въ Малороссіи. Тихой ночью изъ сосѣдней деревни доносятся ко мнѣ знакомыя ноты, но въ Камени тишина. Дѣвушки мнѣ объяснили это тѣмъ, что священникъ запрещаетъ пѣть по вечерамъ пѣсню. Я не вѣрила и полагала, что священникъ обращается только къ молодежи, воселитса наканунѣ праздникова, но къ кому ни обращалась, всѣ отпалывали, что пѣть строжайше не приказано. Матери парня, прибавила одна дѣвушка, знаютъ довольно пѣсню, а надъ немногимъ — ну, свой же, милая, хоть немного, а я запишу. — Э, не хочу я пѣть батюшка (священникъ) дозидетьца — буде буда. — Мнѣ показалось страннымъ, что дѣвушки не соглашались пѣть у меня въ хатѣ, да еще днемъ, когда имъ позволено, и когда я убѣдилась, что онѣ, считая меня въ числѣ чужацества, и полагая, что пѣсня — преступленіе, не рѣшались вознакомить меня съ своимъ репертуаромъ. Съ парнями было тоже самое. Принадлежь, а первый разъ въ жизни нашелъ само, полное гостеприимство, добрыхъ людей, съ отсутствіемъ дѣвнѣ, этого, девольнаго слутника, каждаго, крестьянина и

крестьяни. У простомыя люди обыкновенно думать, какъ бы облегченіемъ труда, дасть десята тяжелее, что можно замѣтить въ юльскіе жары во время жатвы. Я нарочно узнавалъ, не у поселавъ, точно ли не позволено пѣние, и мнѣ сказали, что запрещено пѣть по вечерамъ, а днемъ можно. Но въдъ днемъ молодежь не можетъ сидѣть въ постѣ, значитъ она лишена увеселеній своего возраста. Я со всѣми разговаривалъ объ этомъ, во многимъ казалось даже страннѣе мое удивленіе.

Непремѣнно есть связь между тѣмъ и другимъ обстоятельствомъ, связь конечно не непосредственная, но тѣмъ не менѣе существенная. Связь есть во всемъ, что существуетъ въ мирѣ, и врядъ ли есть хоть одно совершенно отдѣльно стоящее явленіе, въ мирѣ нравственномъ, дакъ въ мирѣ физическомъ. — Отъ этого же самаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители деревни находятъ въ окрестныхъ курганахъ разные древности, такъ трудно достать у нихъ эти выкопаныя ими вещи. Впрочемъ, самъ г. Чужовскій объясняетъ причину этого въ слѣдующихъ словахъ:

«Крестьяне боятся всякаго прѣзрѣго, видя въ немъ чиновника, и у насъ не знаю, что равнѣе похлѣбѣ, но вѣрнѣе мнѣ я слышалъ это на себѣ, что ни спросишь съѣстнаго у хозяекъ въ деревняхъ — масла, молока, яицъ, курицу, всегда одна отвѣтъ: пойдите къ сосѣдямъ, можете быть и дадутъ. Но если предположить предисловіе, что за все будетъ заплачено, съѣстные припасы являются въ изобиліи, и хозяйка сама предлагаетъ услуги сварить обѣдъ.

Оттого же ты оказывала спорва? спрашиваемъ иную хозяйку.

«Боялась я васъ, что не дадите вшей».

И потомъ еще:

«Не могу не привести здѣсь одной исторіи: въ селѣ Володковомъ, потому что этого грустнаго факта, въ сожалѣніе мое, дождались въ провинціи. Не успѣвъ войти въ ямбу и переодѣться послѣ дороги, я изъ ямбы поспѣшилъ въ пензенскомъ цѣлѣ, пушачу какой-то формы. Старая въ моемъ путешествіи имѣла смелость знати съ простомыя, я не слишкомъ люблю заводить въ деревняхъ знакомства съ людьми подобнаго покроя. Однако же совѣтно было показать гостю, что видишь его неумышленно. Оказавшись лишъ изобрѣты средство какъ бы сократить неожиданное посѣщеніе. Гость мой самъ помогъ мнѣ въ этомъ случаѣ. Объявивъ при входѣ чинъ и фамилію, оны прежде меня уже закурили сигару.

— Вижу, что выгдѣ въ ямбу, оказавъ оны, поспѣшаетъ окури — одна мужикъ, дурачье съ ямбу, уна сойдемъ.

— Собираюсь отъѣхать.

— Приславъ сойдъ на съѣдѣте, продолжая оны, знаете, герольдъ какой, издержавъ, вѣдь, скажу вамъ, подельца, вродѣ, рубль».

называть меня генералом, и давая сигару, и извинив удивление по случаю подлинно визитного.

— Случивъ же вы меня поздравляете?

— Получилъ извѣстіе, что завтра въ восемь часовъ будетъ свиданіе. Теперь вы какъ можете до утра одолжить три рубля, и вотъ росписка.

При этомъ гость положилъ мнѣ на столъ ключи бушаги.

— Росписку можете взять, денегъ у меня нѣтъ, и я буду васъ покорнѣе просить оставить меня въ покое.

— Ахъ, подподковывать, мнѣ очень нужно. Ужъ за проценты я вамъ услужилъ бы.

При этомъ онъ мнѣ сдѣлалъ одно предложеніе, прибавивъ, что запитанъ за подобную услугу далъ ему денегъ. Съ чрезвычайно грустнымъ чувствомъ я настоятельно просилъ оставить меня въ покоѣ, и не выходя безцеремоннаго господина слышать какъ онъ въ сѣняхъ совѣтовалъ моему Ивану утащить у меня десятокъ сигаръ, обѣщая за это на выпивку.

Такъ вотъ какія личности попадаются еще въ форменныхъ шапкахъ и въ фуражкахъ съ кокардами.

Но вотъ что рассказываетъ г. Чудбинскій о своей собственной особѣ:

«Изъ Калужска меня отправили въ Кронвейнъ, а изъ этой колонии дали лошадей до Бырдиной. Приѣзжаю. Деревенка небольшая, саражиская и разбросанная на большомъ разстояніи. Повѣ множить разспросовъ мнѣ удалось узнать, что близъ господнаго двора широтъ подручникъ, заведующій поездами. Я отправилъ съ открытымъ листомъ требовать лошадей до Языковой. Въ простоту нѣбѣ на какомъ-то подобии кровати лежалъ подручникъ съ большою ногою. После объясненій разспросовъ подручникъ объяснилъ мнѣ, что въ деревнѣ Бырдиной лошадей нѣтъ и никогда не бывало и что поды этакъ даются только въ тѣхъ мѣстахъ предетояждать до завтра, потому что отравленъ большой транспортъ арестантовъ. Мнѣ такъ хотѣлось быть поскорѣе у себя, хотя бы въ самой бѣдной избушкѣ. Былъ часъ второй пополудни и начинали собираться предательскія октябрскія туманы.

— Какъ же мнѣ быть? нельзя ли продать у помѣщика?

— Помѣщика здѣсь нѣтъ. Да у воевы откуды лошади?

— Изъ Кронвейна.

— Ахъ, какъ жаль! Эти колонисты всегда ставятъ. Да вы вонъ что! Нѣтъ, не шедъ, мнѣ совѣтъ дальше, и вмѣсто проговору покажите ему широтъ въ широтѣ помѣщенной надобности.

Объяснивъ подручнику неудобство подобнаго происшествія, я узналъ отъ него, что здѣсь живетъ становой, къ которому я немедленно и отправилъ. Выслушавъ меня, становой нахлѣбъ прикинулъ, что вѣстѣ съ халатомъ придавало ему смущающій видъ, и съшелъ со

мной къ дороге, гдѣ вѣнцы, стоя вѣзлѣ фургона: покуривалъ свою трубочку. Предпослѣдъ вѣрже весьма крупную энергическую фразу, становой началъ приказывать вѣнцу отвезти меня дальше, но вѣнцы притворился непонимающимъ русскаго языка; я тотчасъ же хотѣлъ вступить въ должность переводчика, но становой величественно поназалъ вѣнцу увѣсистый кулакъ, и мой возница въ одинъ моментъ, на плохомъ малорусскомъ языкѣ изъавилъ готовность отвезти меня въ Языкову за прогоны, и если я дамъ ему на водку. Поблагодаривъ грознаго чиновника за одолженіе, я отправился дальше.

Конечно, въ дорогѣ очень непріятно остаться безъ лошадей; но раздѣ это не опасно? Мы очень рады, что г. Чужбинскій не воспользовался предложеніемъ подпоручика и отказался показать вѣнцу, идущъ вмѣсто прогоновъ. Но пріятно-ли было человѣку везти г. Чужбинскаго и за прогоны на усталой уже лошади, на которой ему сѣдловало еще возвращаться домой? Въ самомъ сердцѣ г. Чужбинскаго лежитъ загадка, отчего иногда мужикъ не поетъ вѣнцы, хотъ ему этого и не запрещаетъ никто. *Grattez un peu un russe, vous y trouverez un tartare; grattez encore, vous y trouverez un oug.* — Но это напрасно. Намолосенъ сказалъ объ однихъ русскахъ; это же самое можно сказать обо всѣхъ людяхъ въ мірѣ; но самомъ французѣ, подъ шерстью котораго великій полководецъ не надѣялся никакъ ужъ найти Медвѣдъ. Вѣдъ французъ, какъ и всѣ другіе народы, едва успѣють пріѣхать къ намъ въ гости, какъ живо пріобрѣтутъ всѣ наши привычки и наклонности, и короткая, своевольная расправа, подъ рукой, для своего употребленія всегда для всякаго окажется пригодна всякой другой расправы: мы только другимъ боимся ее предоставить, опасаясь, чтобы не было злоупотребленія, а за себя кто же опасается! Пока мы великодушно не сознаемъ всѣ своихъ слабостей и не станемъ въ спокойныя минуты хотъ исполнять писать законы противъ самихъ себя, для блага ближняго, до тѣхъ поръ ни мы, ни ближніе наши не будемъ застрахованы отъ злоупотребленій выгодами различныхъ положеній. Вѣдъ посмотрите, послушайте г. Чужбинскаго, такъ кажется, что онъ мухи не обилить; видъ кулака, показаннаго даже другому, для него невыносимъ и оскорбляетъ его такъ, что всѣ нервы и жилы у него содрогаются; а поназалъ человѣкъ кулакъ вѣнцу не виноватому вѣнцу и заставилъ этого вѣнца противъ желанія везти самого г. Чужбинскаго, и г. Чужбинскій не находитъ этотъ кулакъ вовсе возмутительнымъ, жметъ руку, его показавшую, и по всей вѣроятности, весело садится въ экипажъ, радуясь, что такъ счастливо все кончилось, что онъ наконецъ ѣдетъ въ вѣмецкомъ фургонѣ, а не сидитъ въ дрянной,

разбросанной деревушкой, где нибудь у какого-нибудь крестьянина, без всякой нужды, да еще посылывается внутренно на то, какую глупую реку сбавить ибещь, увидавши увѣсистой кулакъ величественнаго становаго, да еще пожалуй съ нѣкоторымъ трепетомъ сердца подумываетъ о своемъ *открытомъ листѣ*, о которомъ онъ часто рассказываетъ въ своемъ путешествіи не безъ нѣкоторой даже гордости и всегда съ большимъ самоудовольствіемъ.

«Не знаю я — говорить онъ въ одномъ мѣстѣ — управляющаго какъ администратора, но знаю, что несмотря на генераль-губернаторскій открытый листъ, онъ мнѣ не хотѣлъ дать помѣщенія ни въ одной крестьянской избѣ и располагалъ даже отказать въ обыкновенскихъ лошадяхъ.»

Ну такъ чтожь? Это совѣтъ не такое важное обстоятельство, чтобы объ немъ стоило говорить, тѣмъ болѣе что онъ никому изъ крестьянъ не запрещалъ принимать къ себѣ ностальца съ открытымъ листомъ и давать ему лошадей за деньги. Вотъ напримеръ происшествіе съ этимъ открытымъ листомъ въ Кибурнѣ ибещь смыслъ; да тамъ совѣтъ другое дѣло:

Кибурнъ — разоренная въ послѣднюю войну союзными войсками крѣпость, въ которой теперь никакой жизни нѣтъ и никакого народа, кромѣ людей все еще пишущихъ и отписывающихся въ крѣпостской канцеляріи. Г. Чужбинскаго приняли тамъ за кого-то другого, и какой-то чиновникъ военного министерства, за отсутствіемъ комманданта, показалъ ему по этому случаю всю крѣпость со всеми подвалами, заключающими въ себѣ разную рухлядь, оставшуюся послѣ союзниковъ: старые деревянные французскіе башмаки, нѣсколько обрывковъ жорныхъ цѣпей и два якоря. Объ этихъ-то вещахъ и шла еще во время посѣщенія Кибурна г. Чужбинскимъ перенеска. Осмотрѣвъ г. Чужбинскій, не подозревая никакой ошибки и еще удивляясь услужливости чиновника, крѣпость воротилась домой, гдѣ остановился, въ избу къ перевозчику.

«Не успѣвъ я поблагодарить хозяйку за обѣдъ и отпереть сапожки, — рассказываетъ дальше самъ г. Чужбинскій, — какъ въ соседней комнатѣ послышался топотъ, и вслѣдъ затѣмъ два огромныхъ солдата съ зелеными вылушками, вошли ко мнѣ и остановились у двери.

— Что вамъ нужно, братья? спросилъ я, занимаясь своимъ дѣломъ.

— Пожалуйте къ капитану.

— Къ какому капитану?

— Къ В—ну.

— Я его не знаю.

— Они васъ требуютъ.

— Во первыхъ капитанъ не можетъ меня требовать, во вторыхъ не пойду, потому что не имѣю ни малѣйшаго желанія съ нимъ познакомиться.

Солдаты переглянулись, и одинъ, который посмышлентѣ, велѣлъ оварищу остаться въ кухнѣ, а самъ побѣжалъ доложить командиру моему послушанію. Я рѣшительно не понималъ, что за исторія и, навѣвъ себѣ стаканъ чаю, кликнулъ хозяина.

— Что это за капитанъ такой?

Хозяинъ указавъ сперва жестомъ на дверь, за которою стоялъ солдатъ и сказалъ громко:

— Кордонный начальникъ.

— Да вѣдь онъ не городничій?

— Какой городничій! ихъ тутъ и въ заводѣ не бывало.

Дальнѣйшихъ разспросовъ дѣлать было неловко, не ставя хозяина въ неприятное положеніе, и потому я заговорилъ о другомъ. Черезъ нѣсколько минутъ возвратился солдатъ и сказалъ, что капитанъ требуетъ мой паспортъ. Тотчасъ же я досталъ изъ сумки открытый листъ за подписью новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора и былъ въ полной увѣренности, что грамотному человѣку достаточно взглянуть на эту бумагу, чтобы прекратить всякіе разспросы. На этотъ разъ солдаты ушли оба. Я снова кликнулъ хозяина.

— Что это за капитанъ такой, скажи мнѣ пожалуста?

— Это онъ васъ хочетъ запугать.

— Ну запугать-то меня нельзя, да я и не имѣю никакого дѣла до таможи.

— А если вы можете съ нимъ поспорить, то не поддавайтесь.

Я улыбнулся наивному совѣту хозяина и, предложивъ стаканъ чаю, началъ разспрашивать о жизни кинбурнскихъ обывателей.

Долго мы разговаривали, а бумага моя не возвращалась. Меня начало тревожить нетерпѣніе, и не ближе какъ черезъ часъ хозяйка сбѣжала съ возгласомъ:

— Самъ капитанъ идетъ!

Я выглянулъ въ окно. Къ моей квартирѣ подходила высокая фигура въ сопровожденіи двухъ сателлитовъ. Послышались тяжелые шаги въ кухнѣ и ко мнѣ вошелъ грозный капитанъ съ подобающею важностью. Безъ всякаго привѣтствія, даже легкаго поклона, онъ положилъ на столъ открытый листъ.

— Это вашъ видъ? спросилъ онъ меня самымъ грубымъ тономъ.

Я съ своей стороны не счителъ нужнымъ привстать и отвѣчалъ лаконически:

— Мой.

— А знаете ли, онъ подозрителенъ?

— Не думаю.

— Я имѣю право васъ арестовать.

— Вы не имѣете на это никакого права, но если пришла подобная фантазія, то силѣ противиться не буду.

- Я вамъ говорю, вашъ видъ подозрителенъ.
- А я вамъ говорю, что вы ошибаетесь. Открытый листъ подписанъ генералъ-губернаторомъ, вамъ вѣроятно известна подпись графа.
- Подпись вѣрна.
- И печать графская.
- И печать его сиятельства.
- Чего же вы хотите?
- У васъ не проставленъ чинъ въ бумагѣ, произнесъ капитанъ съ улыбкой, которая выражала: а! попался, голубчикъ.
- А если у меня нѣтъ чина? спросилъ я, смотря ему прямо въ глаза.

Капитанъ немного смѣшался.

- Какъ нѣтъ чина?
- Да такъ, если нѣтъ: гдѣ же мнѣ его взять?
- Но это не можетъ быть.
- Какъ вамъ угодно.
- Пельзя же безъ чина! Это подозрительно. Я не могу отпустить васъ.
- Да вы развѣ полицейскій чиновникъ?
- Помилуйте, я кордонный начальникъ. Здѣсь, знаете, граница.
- Я вѣдь не ѣду за границу, а путешествую по Новороссійскому краю.
- Во всякомъ случаѣ я донесу начальству.
- Сколько угодно. Этими вы должны бѣ начать; но присылать за мной солдатъ и не уважать подписи генералъ-губернатора, своего начальника, не имѣли права, не имѣли права потому, что впервыхъ оскорбляете незнакомаго человѣка, который не имѣлъ и не имѣетъ никакого желанія знакомиться съ вами, вовторыхъ потому, что въ открытомъ листѣ графъ не только не предписываетъ дѣлать мнѣ не-пріятности, а напротивъ приказываетъ содѣйствовать мнѣ при моихъ развѣздахъ.
- Еслибы у васъ былъ чинъ...
- Это до такой степени непріятно и утомительно, что я попрошу васъ оставить меня въ покоѣ.
- Вы забываете, что я капитанъ.
- Это для меня совершенно все равно.
- Я буду жаловаться.
- Сдѣлайте одолженіе, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Разгнѣванный капитанъ ушелъ и съ досады хлопнулъ дверью. Хозяинъ торжествовалъ. Но мой день былъ испорченъ, и я скоро уѣхалъ въ Покровку, чему отчасти способствовала мысль: не раздумалъ бы капитанъ и не арестовалъ бы меня въ самомъ дѣлѣ.

Все это произошло оттого, что жена коменданта, остававшаяся дома, обилѣлась, что какой-то господинъ осматривалъ крѣпость

безъ ея позволенія, такъ какъ за отсутствіемъ мужа, она ближайшая начальница, и пожаловалась кордонному капитану:

Конечно, это вещь любопытная, какъ и все въ книгѣ г. Чужбинскаго; но однако въ ней часто встрѣчаются и такія вещи, въ которыхъ всего любопытнѣе взглядъ на вещи разказчика.

Мы наприимѣръ замѣтили, что авторъ разбираемой нами книги очень часто удивляется такимъ вещамъ, въ которыхъ нѣтъ ничего удивительнаго, и возмущается тому, въ чемъ ничего возмутительнаго не заключается.

Въ Херсонѣ стоитъ памятникъ Говарду, знаменитому филантропу, хлопотавшему много о тюрьмахъ и объ улучшеніи быта арестантовъ. Англичанинъ Говардъ умеръ въ Херсонѣ; оттого ему тамъ и памятникъ поставленъ. Но не знать, кто былъ Говардъ, очень позволительно. А г. Чужбинскій приходитъ въ негодование, когда видитъ, что одна дама, стоящая у памятника съ дѣтьми, не знаетъ ничего о Говардѣ, и даже послѣ объясненія г. Чужбинскимъ о томъ, кто такой Говардъ, спрашиваетъ: «Чтоже онъ здѣсь, побѣдилъ кого-нибудь?..»

Потомъ г. Чужбинскій часто удивляется такимъ вещамъ, которыя въ сущности есть только гораздо грубѣйшее проявленіе того же обстоятельства, которое ему позволило не застрять безъ нужды въ совершенно ненужной ему деревушкѣ. Все это производить немножко непріятное впечатлѣніе фразы, и заставляетъ, можетъ быть совершенно несправедливо, заподозрить въ авторѣ нѣкоторое желаніе порисоваться своею собственною особою, что вымче въ болышомъ ходу вообще, и конечно будетъ болѣе или менѣе часто являться до тѣхъ поръ, пока серьезныя преобразования, а за ними ученые не уравниють всѣхъ насъ до нѣкоторой степени.

Очень непріятно наприимѣръ читать подобныя мѣста въ «Очеркахъ Дибпра»:

Вообще на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на меня смотрятъ какъ-то очень подозрительно и стараются быть какъ можно осторожнѣе. Шиннокъ по праздникамъ представляетъ самое обильное поле для изслѣдованій этнографа, и я иногда отпавляюсь въ это заведеніе, гдѣ нѣрѣдко присутствуютъ представители всѣхъ партій сельскаго міра. Здѣсь мнѣ попадаются и интересныя пѣсни, вызванныя веселымъ расположеніемъ духа, которыхъ я не могъ слышать въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же раскрываются за лишней чаркой всѣ подробности быта, которыя непремѣнно ускользнутъ при всѣхъ прочихъ условіяхъ. У порога шинка иногда веселая молодежь, лѣтнимъ вечеромъ, танцуетъ подь звуки скрипки туземнаго маэстро. Мнѣ это ставится въ большую вину: . вмѣсто того, чтобы заняться образованной бесѣдой въ кругу по-

Т. V. — Отд. II. 1/16

радочныйх людей, онъ ходитъ по шинкамъ и за панибрата съ мужиками. Я считаю лишнимъ оправдываться противъ этихъ обвиненій. У каждаго свои понятія объ образованной бесѣдѣ, о порядочномъ кругу и о мужикахъ. Я съ большимъ удовольствіемъ послушаю разумнаго мужика, когда онъ мнѣ просто рассказываетъ о своей вчерашней рыбной ловлѣ, нежели инаго барина, который съ жаромъ опишетъ мнѣ какъ онъ травилъ русаковъ и какъ собственноручно *отсалил* глазнаго своего охотника, который, *ракалія*, прозѣвалъ лисицу. Я полагаю, что не потеряю моего достоинства, коснувшись пріятельски грубой руки простолюдина, но господинъ, предающійся своимъ феодаальнымъ привычкамъ, и рука котораго въ пылу гнѣва касается физиономіи ближняго, можетъ быть названъ порядочнымъ развѣ въ южныхъ штатахъ Америки.

Въ этихъ поступкахъ г. Чужбинскаго ничего нѣтъ такого, что бы требовало объясненія или оправданія. Если же есть люди, которые находятъ страннымъ, когда человѣкъ предпочитаетъ ихъ бесѣду бесѣдѣ простолюдина, такъ объ этомъ тоже говорить не стоить, и ужь если сказать, такъ развѣ для того, чтобы имъ отъ этого не поздоровилось, а совсѣмъ не для того, чтобы объяснить свои собственные поступки и побужденія.

Также точно иногда читаешь съ улыбкою тѣ мѣста въ «Очеркахъ Днѣпра», изъ которыхъ узнаешь напимѣръ, что г. Чужбинскій любить молочную кашу съ запахомъ дыма, или какъ онъ протѣ въ обращеніи съ простолюдинами. Ну и хорошо, такъ и слѣдуетъ.

Вотъ потому-то вездѣ, гдѣ г. Чужбинскій говоритъ о себѣ, кажется, что книга его написана для дѣтей; тамъ же, гдѣ идутъ описанія фактовъ и мѣстностей, книга снова становится серьезною, и вымисливать изъ нея интересныя мѣста значило бы всю ее перепечатать, за исключеніемъ очень немногихъ страницъ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ второй части этой книги — очерковъ Днѣстра, и очень желаемъ побольше такихъ книгъ нашей литературы.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Австрійскій дѣла. — Закрытие венгерскаго сейма. — Закрытие пестскаго комитатскаго собранія. — Арестъ вице-бана Гелачича.

Французскіе дѣла. — Высочайшая степень благополучія и благоденствія Франціи. — Маленькія непріятности на пивецарской границѣ.

Итальянскіе дѣла. — Новый циркуляръ г. Рикасоли. — Умеренное разбои. — Празднества въ Неаполѣ, въ Римѣ и во Флоренціи.

Турецкіе дѣла. — Финансы. — Движеніе въ Герцеговинѣ и въ Черноторіи.

Американскіе дѣла. — Война и долги.

Общедовольное положеніе. — Последнія извѣстія.

Осенняя погода наступила для Австріи. Все небо заволокло густыми облаками съ плоскими и тупыми осевыми характеромъ. Это не лѣтнія тучи, которыя часто бываютъ темнѣе осевыхъ, разражаются страшною грозой, очищаютъ воздухъ, и всван погода возвращается. Теперь, наоборотъ, тучи мало-помалу опускаются до самой земли, и все заволакиваетъ туманомъ: въ двухъ шагахъ ничего не видно. Небо склеивъ облжился такъ, что куда ни помотришь — слеза иругомъ, безнадѣжная жгда, и врена еще новорачиваетъ къ морозу. Рѣки, озера, соки въ деревьяхъ, мысли въ соловяхъ, — все мало-помалу замерзаетъ, все становится неподвижнымъ и погружается въ шивило спячку.. Когда-то еще придетъ весна? Когда-то еще полдце взломаетъ дель, прогонитъ снѣгъ и расчешетъ непроходимые туманы?..

Венгерскій сеймъ закрытъ; пестское комитатское собраніе закрыто; вице-банъ Блачичъ арестованъ за рѣчь, сказанную имъ на аграрномъ сеймѣ; подати собираются вооруженною рукою въ ирландской странѣ, среди безоружныхъ жителей, какъ въ завоеванномъ краю. Все это дѣлается не пыхивето, но съ шумомъ, безъ грубыхъ приемовъ дикаго дасилія, безъ провокацій и безъ шумящаго гремя. Все это дѣлается во имя законности, исторически, рас-

четливо, для блага народовъ, какъ встарину тѣлесныя наказанія употреблялись для блага пациентовъ. Такъ и венгерскій сеймъ уничтоженъ, для его же собственнаго блага, слѣдующимъ рескриптомъ:

«Любезно-вѣрныя, венгерскій сеймъ продолжался четыре мѣсяца и не согласился на слѣданныя ему отъ насъ предложенія. Къ весьма великой печали нашего сердца, мы впредь не можемъ ожидать полезныхъ для блага Венгрии работъ отъ сейма, который въ столь важное время не понялъ своего великаго призванія къ невыгодѣ всѣхъ, до кого это касалось, и даже объявилъ прерванною нить переговоровъ, на томъ основаніи, что нельзя было исполнить требованій, которыхъ объемъ далеко превосходитъ мѣру того, что можетъ быть допущено. Поэтому мы признали за благо распустить нынѣшній сеймъ, созданный ко 2 апрѣля сего года, представляя объѣдъ созвать новый сеймъ — если возможно, черезъ шесть мѣсяцевъ.»

Этотъ рескриптъ былъ прочитанъ президентомъ 22 августа во второй палатѣ венгерскаго сейма. Рескриптомъ же назначенъ былъ фельдцейхмейстеръ графъ Галлеръ королевскимъ комиссаромъ для закрытія сейма. Президентъ потомъ объявилъ, что графъ Галлеръ, вручая ему рескриптъ, сообщилъ объ имѣющемся у него предписаніи, въ случаѣ сопротивленія, распустить сеймъ вооруженною силою. Тогда встала Демаъ, и сказала:

«Дочерняя палата, вооруженная силаю монарха, всевозможнаго противится силѣ. Утверждаю еще разъ протестъ, который разсматриваю ячара, въ который присоединяется другая палата.»

Палата встала съ живыми возгласами; она проводила вѣселою и объявила, что мысли нынѣшняго засѣданія ее раскрываютъ Загъ и королевскій рескриптъ были опославлены въ верхнюю палату. Передъ самымъ закрытіемъ заглавнѣе президентъ благодарилъ палату, и изъяснилъ надежды на будущее — и т. д.

Нарѣзнія отыскало кабинета были известны сарафѣ, и потому палата еще плавучею утвердила слѣдующій протестъ отъ той палаты: «Сеймъ не могъ законнымъ образомъ исполнить своего присяжнаго долга, какъ на основаніи венгерской конституціи, и вѣроятно не уступилъ для восстановления этой оцѣны и для помянутой утвержденія. Актъ сейма, фальшь присутствія, и составленіе мандатовъ, происшедшее было законнымъ образомъ, его допущеніе и утвержденіе отъ гетмановъ и военнаго министра, и отъ высшихъ законовъ. На законъ мы настаивали прежде, но теперь мы настаиваемъ безъ послѣдствій, и такъ же образомъ работа сейма ограничивается только»

чрезвычайно защитой правъ страны; сеймъ имѣлъ право, даже обязанъ былъ это сдѣлать въ своемъ исполненіи составъ. Пять переговоровъ были разорваны королевскими рескриптомъ, который, въ рѣшительность основанныхъ договоровъ, измѣнилъ наше старинное устройство въ самой сущности, самодержавною властью и хотѣлъ ограничить наши прерогативы императорскихъ патентовъ и дипломовъ, на что мы не могли законно согласиться. Этотъ королевскій рескриптъ убѣдилъ насъ, что это величество не имѣлъ намѣренія возстановить нашу конституцію въ смыслѣ прагматической санкціи, которой мы никогда не измѣнили. И это убѣжденіе ставитъ еще сильнѣе, если вмѣсто законнаго дополненія сейма и возстановленія парламентскаго управленія, сеймъ будетъ закрывать, что противно закону! По смыслу статьи IV закона 1848 года, сеймъ не можетъ быть распущенъ прежде нежели министерство представитъ отчетъ за прошлый годъ и свѣту на слѣдующій, а сеймъ на нѣтъ сдѣлаетъ свое постановленіе. Но это постановленіе закона не было исполнено; оно даже исполнено быть не можетъ, пока не возстановлено отвѣтственное министерство и сеймъ не дополненъ, потому что вътъ законнато правительствя; а такъ какъ сеймъ законнымъ образомъ не дополненъ, то онъ и не можетъ утвердить свѣты; — Висносканная статья постановляетъ также, что послѣ распущенія сейма втеченіи трехъ мѣсяцевъ собирается новый сеймъ. Если, по закрытіи, новый сеймъ не будетъ собранъ въ срокъ, предписанный закономъ, то постановленія закона этиаъ опять будутъ нарушены. И такъ мы принуждены заранѣе всякій незаконный поступокъ такого рода считать противнымъ конституціи и продолженіемъ неограниченной системы, существовавшей двѣнадцать лѣтъ. Мы не можемъ сопротивляться силѣ, но мы торжественно протестуемъ противъ того, что дѣлается такимъ образомъ, и объявляемъ, что мы неизменно преданы законамъ, существующимъ по праву, равно какъ и законамъ 1848 года, и будемъ считать неконституціонною всякую вѣру правительства, противную этимъ законамъ.

... Ся своей стороны, г. фонъ Шмерлингъ, сообщая палатѣ о закрытіи венгерскаго сейма, по приказанію императора, изложилъ очень подробно причины этого событія и принципы будущей политики правительства. Онъ говорилъ, что Венгрія не поняла благихъ намереній императора касательно ея устройства. Предполагено было воскресить ея старинное устройство всецѣло, но такъ, чтобы оно гармонировало съ единствомъ австрійской монархіи. Для этого надо было, чтобы Венгрія уступила некоторую долю своей законной самостоятельности, отказались бы отъ распоряженій своими силами и рекрутскими наборами. Но она не хотѣла понять, что

ей же это будетъ лучше, легче и удобнѣе, что это очень хлопотливое дѣло — считать свои деньги, и что императоръ, требуя отъ Венгрии такихъ уступокъ, дѣлаетъ ей благодѣліе, и въ тоже время поступаетъ справедливо относительно остальныхъ своихъ королевствъ и земель. По мнѣнію г. фонъ Шмерлинга, уступка со стороны Венгрии требовалась самая ничтожная: только отказаться отъ распоряженія своими деньгами; но такъ какъ Венгрия не хотѣла исполнить этого отеческаго требованія, аншюндаге чувствомъ любви къ народу, то сеймъ и закрывается. Несмотря на неовиновеніе мадяровъ, императоръ однакоже, отступая отъ венгерской вѣковой конституціи, не можетъ и не хочетъ допустить другого порядка дѣйствій, какъ порядокъ конституціонный, по конституціи, допущенной г. фонъ Шмерлингомъ 20 октября прошлаго года, передъ варшавскимъ свиданіемъ. По этой конституціи всѣ королевства и народы Австріи будутъ имѣть одинаковыя права, безъ особенныхъ исключеній для Венгрии, исключеній, обидныхъ для другихъ народовъ, въ особенности для нѣмцевъ. Независимо отъ разрушенія венгерской конституціи, его величество хочетъ поддерживать единство монархіи и законно установленную самостоятельность всѣхъ королевствъ и земель, и то и другое, единство и самостоятельность, въ конституціонной свободѣ. «Его величество, укрѣпленный совнѣніемъ чистоты своихъ намѣреній, убѣжденный въ томъ, что право государя — проявлять необходимую строгость въ исполненіи формъ — прекрасно, а съ другой стороны въ томъ, что обязанность государя требуетъ твердости непоколебимой, рѣшился въ этомъ дѣлѣ показать твердость и милосердіе.»

По поводу этой рѣчи г. фонъ Шмерлинга, «The Review» дѣлаетъ нѣкоторыя размышленія. «Отчаянный идеалистъ г. фонъ Шмерлингъ задалъ себѣ задачу, неразрѣшимую человеческими средствами, — соединить единство съ самостоятельностью, разрушеніе законности съ поддержаніемъ и утвержденіемъ законовъ, непоколебимую твердость и милосердіе. Во второй половинѣ XIX вѣка жить путемъ ходятъ только люди, которые во что бы то ни стало хотятъ не помясть на настоящую дорогу, боятся встрѣтиться съ дѣйствительностью и посмотреть ей прямо въ лицо. Куда же приведутъ эти отвлеченности, эта схоластическая идеологія, игра въ слова, которая однакоже отзывается разореніемъ цѣлаго края, утвержденіемъ и увѣковѣченіемъ взаимной вражды двухъ племенъ, которыя при справедливости могли бы жить очень согласно подъ сѣнотрономъ одного и того же государя какой угодно династіи? На идеалистической почвѣ г. фонъ Шмерлинга нѣтъ возможности найти твердую точку опоры: все кругомъ колеблется, дрожитъ, падаетъ,

и попытка быть одновременно только искусственно, искусством. Близкая связь между законом и беззаконіемъ, между покоемъ и твердостью, и милосердіемъ, — это въ томъ же мѣрѣ практическое, какъ стараться достигивать естественныя цѣли такъ, чтобы они совершенно были похожи на искусственныя. Заранѣе постановить себѣ рѣшеніе и потомъ гнуть къ нему факты — дѣло деспотическое, дѣло обманливое, занутовое, которое не ведетъ ни къ чему, кромя несилія. Г. фонъ Шмерлингъ генералъ ерзацъ очень шибко и занимательна; милосердіе, твердость, соединеніе двухъ лицъ въ одномъ нераздѣльно, единство, самостоятельность... Это по слову объясняетъ все дѣло, и затѣмъ совершенно безспорнымъ становится все остальнымъ образомъ. Фактъ состоитъ въ томъ, что Венгрія имѣетъ недостаточное гражданское зрѣніе, чтобы заниматься своими дѣлами; онака здѣсь со стороны г. фонъ Шмерлинга — совершенно лишняя. Еслибы это обстоятельство когда еще подлежало сомнѣнію, то выдержка сейма, его дисциплина разсѣлали всякое сомнѣніе. Не признать фактъ, презирать его, значить добровольно впасть въ обманъ и идти по ложной, тенной и опасной дорогѣ, гдѣ каждый слѣдующій шагъ совершенно непоправимъ. Только что выйдете изъ рельсовъ, какъ пойдутъ толпы, крики, переломанныя руны, разбитыя абы, раскашениныя носы. Исторія, философія, все говоритъ, что надо остерегаться всякихъ предпріятій; г. фонъ Шмерлингъ этого не слушается и идетъ по пути идеализма. Ну, скоро повятра раскашениныя носы, а пошлаутъ и всея вѣзда свалится съ откоса. Ничего нѣтъ ужаснаго, гдѣ-то кондукторъ-идеалиста.»

Государственный совѣтъ, гдѣ г. фонъ Шмерлингъ произнесъ рѣчь, такъ не повравившуюся газетѣ «The Press», отвѣчать на рѣчь восторженными рукоплесканіями. Потому баронъ фонъ Пиллерсдорфъ предложилъ отвѣтить на это сообщеніе почтительнымъ адресомъ его величеству, для чего тотчасъ же и составлена была коммиссія. Черезъ недѣлю составленный адресъ предложенъ на разсмотрѣніе палаты. Произнесено нѣсколько рѣчей, изъ которыхъ стоитъ упомянуть только о рѣчи галицкаго представителя г. Смолика. Онъ прише привласа за разсмотрѣніе событій 1848 и 1849 годовъ въ Венгріи. По его мнѣнію, венгерскій вопросъ есть жизненный вопросъ для Австріи; отъ его рѣшенія зависятъ будущность имперіи. Когда въ 1849 году пала свобода Венгріи, вождь за нею была скоронена свобода другихъ земель. Поэтому вышеписанное министерское сообщеніе требуетъ самаго тщательнаго обсуждения и самаго обдуманнаго отвѣта. По поведи политики въ Венгріи, надо выразить министерству довѣріе или недовѣріе. Должно ли оно про-

должны были по принятому выражению манюфактуръ Г. Симова, и
 мазать и чужого шуты (несчастный), что лесъ немцы должны
 удалять отъ вѣселаго рѣченія, венгерскаго вопроса, погостъ до
 вѣдворенія венгерской націи. Бѣзъ удовольствія Венгріи, воз-
 можно и благополучное развитіе конституціи, ни, удачливое
 венгровыхъ дѣлъ, ни начало національнаго боватства, ни даже без-
 пасность имперіи. — Палата выслушала министрскаго общественаго
 на императорское посланіе, и въ рѣчь его величества, и в дачно дво-
 ковъ, министерская программа, и Сметла, очень сожалѣть, и те мн-
 ностерство, въ всѣхъ, своихъ дѣлахъ, и все, выставляются впередъ
 само его величества. — Монархъ никогда не, можетъ, поступить, дри
 чинъ отъ боица, в министерство, (слова), переживемъ и императоръ
 карову, цареваніемъ. — Многіе, принявъ, и считающаго, тридцатъ
 дѣтъ, тому, мазать, непрактичныими, и мазать, и тамъ, и тамъ,
 министерства, не, должно, вставать, и въ свои, дорды, и въ свои, рѣ-
 шенія, если, онъ, не, хочетъ, наводитъ, сомнѣнія, въ, дѣлахъ, конститу-
 ціонныхъ, чувствѣхъ. — Палата, не, имѣетъ, права, принимать, въ, себѣ,
 варскомъ, вопросъ, рѣшеній, которыя, были, бы, само, кого-нибудь,
 областного, Венгерскія дѣла, находятъ, въ, зависящихъ, тамъ, отъ
 тамъ, и на народнаго, представительства, и отъ, королю. — Далеко, отъ
 тому, доказывающъ, что, венгерскія, событія, 1848, года, были, рѣшны
 не, венгерцами, и не, конституціей, 1848, года, что, правительствъ
 само, мирно, разъ, объявлено, буди, тогда, и вад, революція, и вадъ,
 небольшою, партією, закондѣранныхъ, людей, и додому, мазать, и
 ставлять, дечерь, всю, націю, икупать, грѣхъ, немцевъ, и Г. Симова
 слѣблалъ, такого, рода, выводъ, что, Венгрія, совершавша, и вадъ, и вадъ,
 вадъ, и вадъ, совершенно, и вадъ, и что, онъ, по, этому, дѣлу, не, до-
 раетъ, министерству.

Послѣ довольно оживленныхъ преній, послѣ отнѣта Г. фонъ
 Шмерлинга, адресъ былъ принятъ и утвержденъ. Въ концѣ вырече-
 лась благодарность палаты за поддержаніе конституціи, благодар-
 ность за открытіе венгерскаго сейма, и признавалось благодарное
 небесное на главу его величества.

Императоръ отнѣчалъ на это рескриптомъ, въ которомъ бла-
 дарилъ палату за ее вѣрнополданническа я нувства, за вѣрности кон-
 ституціи. Тѣмъ и кончился, пока, венгерское дѣло, Венгрія, и вадъ,
 вадъ, до, созванія, новаго, сейма.

Газета «Evening Mail», по доводу, этихъ преній, и утверждающаго
 государственнымъ совѣтомъ адреса, замѣчаетъ, что, палата, такимъ
 образомъ совершенно произвольно, отнѣблаетъ даже, и отъ, той, консти-
 туціи, которая, дана, ей, 20, октября. Важнѣйшій дорды, и вадъ,
 Г. фонъ Шмерлингомъ, дда, оправданія, насильдія, сдѣланнаго, старе-

исключеній отъ нея: благополучіе, благодѣтели и всѣхъ возлюб-
 ливыхъ благъ. Она задыхается, даже задохнется отъ счастья. Обидливою критеріемъ доказываютъ это: воры, злое шалешии злона-
 ма, и притворныя: Франціи новое нечего болѣе желать; у нея все
 есть, и даже еще болѣе, какъ говоритъ Маннелль: «Императоръ до-
 рожай Франціи: порядки, котораго имени она желала: въ предѣло-
 не шестидесять лѣтъ; славу, которая есть: терзаемъ ея: истощаетъ
 нирь, который составляетъ поразу на потребности; благополучіе,
 на которому она стремится: всю дѣятельность своего труда и про-
 изводительности; императору; съ ризами милости: своего благополуче-
 ства, спрашивалъ себя, пришло ли время усовершенствовать наши
 законы; и 24-го ноября, тѣмъ достоиметливимъ департаментъ, кото-
 рый составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ его царствования, она
 добровольно уступила намъ политическую свободу. (Обозрѣніе)
 Этотъ сибиллинъ авторъ, котораго никто не ожидалъ, императору
 предсказалъ желаніе своего правительства и даже своей стра-
 ны.»

«Но нѣтъ возможности, да и нелюбопытно ожидать за разсказомъ
 описаніемъ общаго Маннелля. Чтобы полнѣе достигнуть
 своей цѣли, она порицаетъ прежде болѣе правительствъ. «Она
 лишь — говоритъ она — потому, что ихъ основаніе не была доволъ-
 но широка, потому что она была правительствомъ не цѣлой нации,
 а только части ея. Да и что такое реставрація? Статуи короля в ней
 съ уваженіемъ: она пролетѣла изъ великаго преемства: достоин-
 ства монархія: Феодалнаго аристократическаго коррумпонна власти
 во Франціи; это — прошлое нашей исторіи, а это — прошлое
 славы. Старинныя историческія семьи, конечно, всегда предств-
 ляютъ общественное вліяніе, которое нельзя не принять во вниманіе;
 когда они взошли, то войдутъ и въ государства: во вѣнны: вѣнны;
 иное значеніе въ странѣ. Но когда вилось старинное монархи-
 чество: право съ одними только ручательствомъ и политическаго сво-
 боды по хартіи, то что случилось? Реставрація немедленно востан-
 вилась противъ себя: буржуазію и демократію, а лица и т. д.»

«Что касается до буржуазіи, то это ужъ страны; она значеніемъ
 огромнее нѣбо; когда она была ничѣмъ, по словамъ Сиссея; она
 хотѣла быть всѣмъ. Ну, это было уже слишкомъ много. Она нелю-
 бовалась властью: продолженіе восемнадцати лѣтъ, съ избиратель-
 нымъ корпусомъ, который почти весь въ ней заключался; еслибы
 буржуазія могла одна управлять Франціей, то она была бы во главѣ
 и теперь; потому что у нея были искусныя государственныя люди;
 славные писатели; знаменитые воины; одержимы парламентская
 королевская власть рухнула въ свою очередь; не сумѣвъ выдти»

то она все-таки не может разумно обречься ожидать, чтобы другія державы отказались от своихъ правъ и предоставили ей одной распоряжаться европейскими дѣлами.

«Когда Франція вооружается, другія державы должны тоже вооружаться; если не хотятъ быть сведены на ступень малочисленныхъ людей. Еслибы имперія въ своемъ дѣлѣ была шире, и собралась своей первоначальной программѣ, еслибы Франція обѣ руки протянула союзницамъ, и въ то же время держала одну руку на шею своей шпалы, — тогда мы открыли бы всекую мысль воевать. А теперь мы не можемъ вступать никуда, какъ она; вѣсть ей правую руку своей правой рукой совсемъ откровенностью, а лѣвую приборочимъ защитой. Мы вовсе не думаемъ, чтобы Франція испала изъ нашего чувства враждебности. Мы приняли всѣ ея предложенія, — не коммерческія дѣлами. Если она задумаетъ бросить свою шпалу въ сторону и отказаться отъ претензій все принимать отъ насъ оружіемъ, тогда мы дадимъ ей и въ этомъ случаѣ симпатическій откликъ. Но когда слытъ ораторъ, который шалуетъ на нашу недоброжелательность, особенно своимъ доказательствомъ, что боясь этой недоброжелательности наша страна была бы доведена до бѣдствія, то намъ нельзя допустить своего образа дѣйствій. Мы отсюда не думаемъ — и признаемъ его быть отращеніемъ, — чтобы вооруженія Франціи не послужили для вторженія въ Англію. Мы думаемъ, что императоръ очень откровенно удерживаетъ союзъ съ Англіей; но мы не совершенно увѣрены, что эти шпалы, которыя будутъ приняты Франціей въ качествѣ европейскаго бойца, будутъ пользоваться нашимъ сочувствіемъ и согласіемъ. У насъ есть важные интересы во всѣхъ частяхъ земного шара. Мы должны уметь сказать свое слово касательно многихъ вопросовъ изъ нашихъ границы. Чтобы имѣть возможность вѣнчаться съ дѣйствіемъ надеждою на успѣхъ, намъ надо быть въ условіяхъ равенства. Другіея слова, Англія должна быть такъ же смѣла, какъ Франція; равенство ея составляетъ условіе взаимнаго уваженія и въ томъ же время составляетъ единственную прочную основу шара и дружбы между государствами.»

«Но чтобы тамъ ни говорила газета «Times», — Франція, по словамъ официальныхъ ораторовъ, открывавшихъ генеральное совѣщаніе по департаментамъ, есть боецъ за потину, есть оцора угнетенныхъ, сама не только не угнетена, но пользуется полнѣйшею свободою; она несетъ мечъ христіанства, она имѣетъ неодолимое вліяніе на дѣла цѣлаго міра; она богаче всѣхъ; она всѣмъ умѣетъ и просвѣщеннѣе; ее императоръ размышлялъ, прежде чѣмъ сдѣлался императоромъ; его побѣдоносныя войска навѣщаютъ своею силою цѣлый міръ, и т. д.; даже почти до «кипящихъ сердецъ». — Еслибы со-

брать всё восемьдесятъ дюймовъ рѣчай, сказанныхъ, нынче при открытіи хемартаментскихъ софитовъ, то сестра-дочь бы два или три тома великоблуднѣйшихъ манегриковъ.

Въ послѣднее время только произошло маленькая неприятность на швейцарской границѣ, называемая слѣдомъ Villa-la-Grand. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ (съ 18 на 19 августа) произошло на савойской границѣ происшествіе. Ville-la-Grand — небольшая деревенька, раздѣлена была, постановадіемъ вѣнскаго конгресса, на двѣ части, изъ которыхъ одна, большая, отошла къ Савойѣ, а другая осталась швейцарскою. Двѣ грядыя харчевни этой деревни прихотѣли въ Швейцарію, изъ числа Женевскаго кантона; и одна изъ харчевенъ, по пресмотрѣтельности вѣнскаго конгресса, стоитъ на шеневокой землѣ, а окна ея выхотѣли на улицу, которая уже на землѣ савойской. По случаю присоединенія Савойи къ Франціи, изъ окна харчевни Шаффа стотѣли протолкнуть только руку, и рука очутилась уже за границей, а высунуть голову былъ особеннаго паспорта, препицаннаго у консула почти на дозволяется. 18 августа въ Ville-la-Grand бываетъ храмовой праздникъ, по случаю котораго и дѣлается вѣроятно исключеніе. По естественной притягательной силѣ харчевенъ, деревенскій народъ обыкновенно толпится около этихъ харчевенъ, и гульба продолжается всю ночь, до утра. Всегда праздникъ проходитъ благополучно, хотя на всякій случай приемыли на него жандармы съ обѣихъ сторонъ, съ савойской и съ женевской. И нынче были жандармы, но случилось несчастье. Какая-то женщина, торговка, воздержавъ съ французскими жандармами, перецѣла до этого случая на два аршина въ сторону, въ Швейцарію, разстала тамъ свои стодѣкъ и разложила товары. По закону, для торговли въ Швейцарію, она должна была внести пошлину, всего одинъ франкъ, на записку въ подлежащія книги. Деньги эти она заветала охотро, и благополучно продавала свои вещи. Какъ водится на храмовыхъ праздникахъ, прихожане вынули болѣе или менѣе надлежащее количество горячительныхъ напитковъ, а вѣскольке молодыхъ парней стали бранить швейцарскихъ жандармовъ за несправильный будто бы оборотъ съ торговли. Одинъ молодой парень, французъ, очельный, вошелъ въ харчевню Шаффа съ своимъ отцомъ и началъ уже слѣшкомъ сильно буянить. Его арестовали швейцарскіе жандармы, несмотря на то, что онъ защищился энергически; арестовали и его отца, который вѣщъ на былъ, но слѣшкомъ горячо отбивалъ своего сына. Это было уже около десяти часовъ вечера. Женевская полиція видѣла, что народу все прибавляется, и потому велѣла запретить обѣ харчевни. Между тѣмъ человекъ полтора

многочисленными писемъ. Упомянутое буржуазное удовольствие является такого рода неизвестностью, получившая и воспеваемая въ падежающей благополучияхъ и министерскимъ представлении.

ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА

Первый издворъ итальянскаго королевства принадлежатъ къ Риму; это для него важнѣйшая точка, почему тамъ какъ и для всей Италіи. Писемный циркуляръ его къ представителямъ королевства (при пространнѣхъ дворахъ) представляетъ замечательное явление въ дипломатическомъ мірѣ. Монархическія разбойничья оны прямо такъ и вламываются разбойничьи и среанистости: какъ дѣло въ родеганахъ амидейдѣ и съ партизанами: лана Карлоси и Стюартовъ. Сравненіе оказывается даже омыль разбойничести, которая какъ съобщено, применяется въ беззащитнымъ деревнямъ, средѣхъ: убиваются и шпугу. Въ этомъ издворѣ разбирательствъ, враніи разбой, и т. д. Рисуется прямо: находится изъ въ самой исторіи, въ самыхъ провинціяхъ страны. Я не буду останавливаться на другомъ явлении буржюазной въ важныхъ провинціяхъ; я не буду строго представлять двостороннихъ державъ на парижскомъ конгрессѣ 1856 года, которые наверху его на судъ Карлоси; я не буду строго достоючевнаго г. Гламтона, который въ британскомъ парламентѣ называлъ это явленіе отрываемымъ Бода. Ману является великимъ чудомъ; какъ этотъ благополучный народъ знаетъ еще въ себя довольно силы, чтобы выдаться отъ разоренія; но, влече организованнѣмъ правительствомъ (примлетъ силу, держитъ народъ въ дисциплинѣ и въ предѣлахъ правотвенности, слушало тамъ только къ ослабленію и къ разоранію. Политика была признателію, услуженною обществу влудбавъ для мучанія народа не изъ вранію и для димоніе въ пользу правителства. Такова была намера, Вейке, за и въ которыхъ искомченіи, быме отобрито тшательна, и шшительна возмнзаво озунтани и шавелавана въ самыя сѣнныя предрассудкахъ; шшаного не было шенгія обь ошварностихъ относителаме отечества; она обзавности иль сошала также въ томъ, чтобы защитить короля противъ гражданъ, не потеряхъ шотрнхъ какъ на вретонъ, въ безвраніонномъ возстннн, но враніи мірѣ въ шаврннн бунтованн. Ишсан это шобрежаемое возстаніе переходило въ дѣйствительность, то вейке знало очель королю; что днвнн и собственности гражданъ принадлежали ему, и что тогда свободно развудывавнцы всѣ шнрннн шенннцы,

вѣя аличность, такъ легко внушаемая въ грубые организмы. Затѣмъ не было никакихъ правилъ, которыя поддерживали бы дисциплину, или внушали бы солдату уваженіе къ его званію и къ самому себѣ. Солдаты было 180.000, хорошо вооруженныхъ, съ деньгами, съ крѣпостями, со всѣмъ, что необходимо для войны; однакоже они не дрались; они отступали передъ горстью героевъ, которые смѣло шли имъ навстрѣчу; цѣлые полки, цѣлые корпуса отдавались въ плѣнъ. Ихъ распустили по домамъ; но привыкнувъ къ праздности и къ разврату, отвыкнувъ отъ работы, они слѣлались разбойниками. Если въ отвратительныхъ предпріятіяхъ своихъ они иногда поднимаютъ знамя бурбоновъ, то это только по привычкѣ, а не по любви. Они обезчестили себя, когда не защищали этого знамени, а теперь безчестятъ его, ставя его вымѣною убійства и грабежа.

Такъ образовались неаполитанскіе разбойники, но къ нимъ присоединяются еще мошенники, бѣглые каторжники съ цѣлаго свѣта, посланники европейской реакціи; всѣ туда бѣгутъ, потому что чувтъ, гдѣ разыгрывается ихъ послѣдняя ставка. Для дополненія картины, мнѣ горестно, но я нахожусь въ необходимости упомянуть о лицѣ, о которомъ въ качествѣ католика и итальянца, мнѣ хотѣлось бы говорить лишь съ уваженіемъ; но умолчать я не могу, не должень: неаполитанскіе разбой составляютъ надежду европейской реакціи, а европейская реакція устроила главную цитадель свою въ Римѣ. Теперь, лишенный власти король неаполитанскій — ея боець, а Неаполь — его цѣль. Бывшій король живетъ въ Римѣ въ Квириналѣ, чеканитъ тамъ фальшивую монету и снабжаетъ ею неаполитанскихъ разбойниковъ. Копейки, собранныя у католиковъ со всей земли во имя святого Петра, идутъ на вербовку разбойниковъ со всей Европы. Въ Римѣ они записываются публично, получаютъ наставленія и благословенія, съ которыми, въ своемъ невѣжествѣ, весело идутъ на грабежъ и на убійства. Изъ Рима они получаютъ заряды и оружіе, сколько имъ нужно. На римско-неаполитанской границѣ у нихъ складочныя мѣста, и тамъ же они собираются, туда уходятъ и оттуда опять кидаются съ новыми силами за добычей.

Аресты и слѣдствія, произведенные въ послѣднее время французскими войсками, не оставляютъ въ этомъ случаѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Враждебное положеніе одной части духовенства и слова, произнесенныя имъ въ разныхъ торжественныхъ обстоятельствахъ; оружіе, порохъ, прокламаціи, открытыя въ нѣкоторыхъ монастыряхъ; священники, монахи, захваченные въ рядахъ разбойниковъ, на мѣстѣ преступленій, — все показываетъ, откуда и во имя кого дѣлаются подстрекательства. И такъ какъ тутъ рѣчь идетъ не о защитѣ религіозныхъ интересовъ (а еслибы они и были, то не такимъ

оружіемъ, не такими бѣйцами и не такими средствами ихъ сдѣлать защищать), то ясно, что соумышленность и соучастіе римскаго двора съ неаполитанскими разбоями происходитъ отъ общности свѣтскихъ интересовъ, и что тамъ хлопочуть о поддержаніи возстанія и безпорядковъ въ южныхъ провинціяхъ только для того, чтобы свѣтская власть папы не лишилась въ Италіи своей послѣдней поддержки. Мы надѣемся, что это будетъ новымъ и сильнымъ до очевидности доказательствомъ того, что свѣтская власть отвергается не только неодолимою логикою національнаго единства, но что она уже стала несовмѣстна съ цивилизаціей и съ человѣколюбіемъ».

Далѣе, описавъ, какъ хорошо держатъ себя Неаполь и бодливство народонаселенія бывшаго королевства, г. Риказоли прибавляетъ: «Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ этихъ фактовъ для насъ будетъ совершенно ясно, что неаполитанскіе разбой не имѣютъ политическаго характера; что ихъ питаетъ европейская реакція, основанная свою главную квартиру въ Римѣ и тамъ поощряемая, во имя династическихъ интересовъ, во имя свѣтской власти папы, злоупотребляя присутствіемъ и некровительствомъ французскихъ войскъ, поставленныхъ тамъ съ другою, болѣе высокою и болѣе духовною цѣлью. Цивилизація и человѣколюбивыя стремленія нынѣшняго вѣка не могутъ долѣе терпѣть, чтобы дѣло притѣсненій приготавливалось въ мѣстообитываніи и въ центрѣ католицизма, не только съ снисхожденіемъ, но и съ поощреніемъ со стороны министерствъ того, кто на землѣ служитъ представителемъ Бога любви и мира. Религіозная совѣсть возмущается злоупотребленіемъ священныя предмета для цѣлей чисто свѣтскихъ; робкія души приведены въ смущеніе при видѣ возрастающаго разлада между ученіемъ евангельскимъ и дѣйствіями того, кто долженъ бы быть толкователемъ и учителемъ евангелія».

При сообщеніи этого циркуляра, г. Тувсенель сообщилъ итальянскому посланнику, что тотъ циркуляръ г. Риказоли не можетъ доставить особеннаго удовольствія тюльерійскому двору, который впрочемъ имѣетъ весьма вѣрныя донесенія о дѣлахъ Италіи отъ своихъ тамошнихъ агентовъ.

«Times» по поволу циркуляра замѣчаетъ, что противъ такихъ затрудненій средство одно: чтобы соединенная Италія вошла въ Римъ и разогнала тамошнее разбойничье гнѣздо. Это было бы всего проще; Чіальдини могъ бы это сдѣлать въ недѣлю, а черезъ недѣлю послѣ того Италія заняла бы свое мѣсто между правильно-организованными государствами. Но имѣется препятствіе. Императоръ французскій говоритъ, что итальянцы не сдѣлаютъ этого. Кто же видовать во всей этой пролитой крови, въ смугахъ, въ отсутствіи

безопасности на всемъ пространствѣ этой богатой и прекрасной страны? Неудобно ли говорить, что виновать не кто иной, какъ императоръ французовъ? Этотъ другъ итальянской свободы отрицаетъ теперь у Италіи, имъ самимъ созданной, право свободы дышать. Это не можетъ долго продолжаться. «Daily News» говоритъ, что эта депеша есть могучее, полное и ясное изложеніе существующихъ затрудненій, «Morning Chronicle» находитъ, что депеша составлена искусно; ясность ея заслужила бы одобреніе Макиавеля, а гъ оиѣлькихъ порицаній вапы втрепетало бы радостью сердце Люера. «Globe» находитъ, что депеша полная и искусная; «Daily Télégraph» — что депеша искусная и ясная. Клерикальныя газеты, напротивъ, съ шѣшою у рта, предають проклятію перваго министра и все его министерство; онѣ находятъ, что эта депеша — гнусная ложь, подлая клевета, наглый обманъ. Кардиналъ Антонелли протестовалъ противъ депеши г. Риказоли дипломатическою нотой, въ которой утверждаетъ, что папское правительство наблюдало строжайшій нейтралитетъ въ отправленіи бурбонистскихъ шаекъ. Протестовалъ также и министръ бывшаго неаполитанскаго короля, г. дель-Ре. Онъ утверждаетъ, что возстаніе имѣетъ чисто политическій характеръ, что народъ только по ошибкѣ въ прошедшемъ году прижинулъ къ Гарибальди и возсталъ противъ своего законнаго короля, а что на дѣлѣ онъ обожаетъ своего любимаго монарха. Сильнѣйшимъ доводомъ г. дель-Ре служить то обстоятельство, что «инсурренты» вслѣдъ ходятъ подь королевскимъ знаменемъ, съ военною дисциплиной, что они нападаютъ и защищаются въ военномъ порядкѣ, въ что въ горелахъ, которые они занимають, первую заботу ихъ бываетъ — разбить савойскій гербъ, выѣсть съ портретами Виктора-Эммануила и Гарибальди, и замѣтить ихъ изображеніемъ законнаго своего государя».

Но кто бы, что ни говорилъ о циркулярѣ г. Риказоли, нельзя не сознаться, что это явленіе весьма знаменательное. Въ циркулярѣ нѣтъ ничего новаго; всѣ итальянцы и даже неитальянцы знаютъ очень хорошо все что тамъ сказано, знали, какъ и кто разбойничаетъ, кто даетъ разбойникамъ деньги и наставленія. Все это извѣстно; новое же здѣсь то, что такого рода рѣчи являются не въ какомъ-нибудь презрѣнномъ красномъ журналѣ, котораго никто не читаетъ, или не въ устахъ какого-нибудь агитатора, держащаго рѣчь гдѣ-нибудь въ кабакѣ на проселочной дорогѣ, а въ официальной дипломатической нотѣ, которая читается открыто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ настоящимъ министромъ и докладывается потомъ его государю. Это явленіе тѣмъ важнѣе, что люди привыкли читать вещи по изл. обстояжѣ, и если два человека говорятъ

одно и тоже, слово въ слово, а изъ нихъ одинъ темный агитаторъ, а другой — признанный министръ великой державы, то уже и слушаютъ различно, и выходятъ какъ-будто не одно и тоже.

Люди, которые съ неодолимою храбростью сражаются противъ того, что дѣлалъ Кавуръ, въ этомъ вѣроятно отдадутъ ему справедливость; этимъ Италия обязана чисто ему, одному ему. Онъ съ изумительною ловкостью провелъ итальянскую революцію сначала въ видѣ пьемонтской конституціи въ Туринъ, потомъ въ видѣ членнаго конгресса въ Парижъ, потомъ въ видѣ Гарибальди въ Сицилію и въ Неаполь; ему обязана она, что теперь заявляетъ себя трюмо въ иностранныхъ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ, и только господа Туленели находятъ, что топятъ ея депешъ несовсѣмъ благоприличенъ.

То, что по Риказола называется разбоемъ, а по дель-Ре — бурбонистскимъ движеніемъ въ Неаполь, начинается мало-помалу утихать, благодаря дѣятельности Чіальдини, его войска и національной гвардіи. Новая шайка безпрестанно входитъ въ бывшія неаполитанскія провинціи и высаживаются на ихъ берега; но зато внутри южныхъ провинцій разбой почти подавленъ. Пишутъ, что тамъ переловлена шайка человекъ въ пятьдесятъ, здѣсь человекъ двѣсти взято въ плѣнъ; въ другомъ мѣстѣ разбойники не выдержали напора національной гвардіи и разбѣжались. Для удобнѣйшаго дѣйствія въ горахъ, итальянскимъ офицерамъ приходится дробить свои отряды на маленькія партіи, такъ что иной командуетъ тридцатью или пятьюдесятью отрядами, окружаетъ или дѣль или гору, и забираетъ любителей римскихъ денегъ и чужого добра. Даже клерикальныя газеты начинаютъ уже поговаривать, что злочестіе одерживаетъ верхъ, что порокъ торжествуетъ, что впрочемъ въ сей юдоли плача бываетъ нерѣдко. Онъ все меньше и меньше рассказываютъ о подвигахъ преверженцевъ блага знамени и о подлой трусости защитниковъ единства Италіи, а больше начинаютъ возлагать надежды свои на Бога. Это съ ихъ стороны весьма хорошо; но крайней мѣрѣ прекрасныя южныя области отдохнутъ немного.

Несмотря на завыванье клерикальныхъ газетъ, Неаполь живетъ очень спокойно и весело. 7 сентября праздновалась годовщина вступленія въ Неаполь Гарибальди; 8 числа былъ праздникъ Piedigrotta. Это часовня, у подошвы Позилипова грота, посвященная Богоматери; 8 сентября, встарину, король отправлялся на поклоненіе въ эту часовню. И нынче было, какъ прежде, большое торжество съ военнымъ смотромъ. И сошлось очень удачно три праздника: богомольные люди праздновали день Мадоны; рождисты — восшествіе на престолъ Карма III, родоначальника бурбон-

ской династіи въ Неаполѣ; патриоты — побѣду надъ австрійцами при Велетри. Бѣднымъ было роздано 9000 дукатовъ. По наступившій праздникъ начался собственно еще за два дня, и приготовленія къ 7 числу дѣлались самыя блестящія. Работники, женщины, дѣти, граждане непрерывно покупали куски матерій національныхъ итальянскихъ цвѣтовъ, чтобы дѣлать изъ нихъ флаги. Кажется, уже на всѣхъ окнахъ были флаги, а продажа все еще шла. Въ день вступленія Гарибальди было нѣсколько процессій. Прошли работавшіе со знаменомъ; прошли дѣти, нѣвшіе нарочно для этого сочиненный гимнъ; прошли сорентскіе инвалиды. Эти товарищи Гарибальди, которые ранами вынуждены къ бездѣйствію, были встрѣчены депутаціей отъ національной гвардіи. Они прошли по городу съ криками: да здравствуетъ Италия! да здравствуетъ Гарибальди! да здравствуетъ Викторъ Эммануилъ! Также слышались крики: *въ Римъ!* но въ нихъ ничего не было особенно воинственнаго.

А въ Римѣ тоже былъ въ этотъ день праздникъ. Папа въ торжественной процессіи отправился въ церковь *Santa Maria del Popolo*, гдѣ присутствовалъ при богослуженіи. Смотрѣть на процессію стеклось безчисленное множество народу, который громкими криками требовалъ апостольскаго благословенія и оглашалъ воздухъ криками ура! называя папу и отцомъ и королемъ. «Народнымъ энтузіазмомъ сильно было тронуть и папа, и толпа», прибавляетъ къ этому *Римская газета*. Другая газета, *Римскій наблюдатель* говоритъ: «Изъ всѣхъ устъ слышался одинъ крикъ: не хотимъ другого государя, ты нашъ король! Всѣ были въ высшей степени взволнованы. Августѣйшій первосвященникъ безпрестанно поднималъ руку для благословенія народа, и тогда восклицанія раздавались еще восторженнѣе. Глаза папы увлажнились, и толпа была точно такъ же тронута, какъ и онъ».

Наконецъ и во Флоренціи былъ праздникъ, но тамъ не церковный, а гражданскій, по случаю выставки итальянскихъ произведеній. Король въѣхалъ во Флоренцію 10 сентября и былъ встрѣченъ на выставкѣ рѣчью распорядителя ея, маркиза Ридольфи. Онъ говорилъ, что Италия была извлечена королемъ изъ ея древняго рабства и призвана къ занятію мѣста среди образованнѣйшихъ государствъ, а теперь по его же голосу собралась въ одно мѣсто произведенія земледѣлія, промышленности и искусствъ. Еслибы не было другихъ доказательствъ, то уже одно зрѣлище общенациональной выставки могло бы служить блестящимъ доказательствомъ, что отъ вершинъ Альповъ до дальнихъ береговъ Сициліи есть уже теперь одинъ народъ, соединенный въ одну семью, гдѣ все общее: и силы, и богатства, и чувства».

Блестящая музыка, великолѣпные хоры, восторженные клики обѣжавшей толпы, все способствовало къ украшенію праздника. Говорятъ, что послѣ выставки король поѣдетъ въ Неаполь, и что къ тому времени разбои будутъ прекращены. Послѣ наказанія предводителей, всѣ остальные пѣвчіе, которыми теперь наполнены и переполнены тюрьмы, будутъ помилованы, и дѣла Италіи пойдутъ болѣе правильно. Затѣмъ однакоже ей много останется дѣла. Не говоря уже о томъ, что ей необходимо дополниться Римомъ и Венеціей, надо позаботиться о дорогахъ и промышленности, о торговлѣ, объ уменьшеніи пошлнвъ, и т. д.

ТУРЕЦКІЯ ДѢЛА

Первые шаги нынѣшняго султана по вступленіи его на престолъ возбудили всеобщій восторгъ туркофиловъ. Но теперь, когда Кибризли-паша палъ, а великимъ визиремъ сдѣлался Аали-паша, всѣ самообольщенія рушились. Государственный колесница ввалилась къ ту самую колею, по которой шла при покойномъ султанѣ, и всѣми умами овладѣла совершенная безнадежность. Добрая воля султана не ослабѣла; онъ попрежнему хочетъ добра, порядка, вѣстоми, виды его и чувства прекрасны; но его прекрасныя намѣренія разбиваются, какъ лодка о гранитныя скалы, — о страшную, плотную лигу чиновниковъ, привыкшихъ жить въ безпорядкѣ и бездѣйствіи. Эта лига и свергла визиря. Онъ хотѣлъ вести дѣло слишкомъ скоро, онъ хотѣлъ вдругъ очистить весь накопившійся соръ, и — не совладалъ съ нимъ. Напримѣръ онъ хотѣлъ сократить штаты привратниковъ. Этихъ людей, занимающихся подниманіемъ занавѣса въ дверяхъ, когда кто-нибудь проходитъ, состоитъ теперь по штату шестьсотъ человекъ; онъ хотѣлъ убавить ихъ до сорока. что тоже было бы числомъ еще слишкомъ большимъ. Остальные 560 всхлопотались: пошли въ дѣло сплетни, происки, доносы, ползаясь и всплыла наружу всякая грязь... И это не одно уменьшеніе количества дармоѣдовъ, это только примѣръ, и всѣ недовольные вмѣстѣ свергли наконецъ Кибризли-пашу. Султанъ уменьшилъ издержки своего дома ровно въ три съ половиною раза противъ того, что было при его предшественникѣ, и несмотря на то, что онъ такимъ образомъ подвергъ себя нѣкоторымъ лишеніямъ, все еще денегъ нѣтъ, все еще денежныя знанія не доходятъ до своей нормальной цѣны, и все спрашиваютъ, отчего же это? — Но у него нѣтъ опытности, онъ не понимаетъ, что сдѣлать преобразованія во дворцѣ, это вовсе не то, что преобразовать государство.

Въ сравненіи съ другими государствами Европы, финансы Турціи еще не въ очень дурномъ состояніи. Считая піастръ по нынѣшнему нашему курсу въ $5\frac{1}{4}$ копѣекъ, внутрешній долгъ Турціи простирается до 105 миліоновъ рублей, а внѣшній долгъ не болѣе 96 миліоновъ, а всего 201 миліонъ рублей. При чистомъ доходѣ въ 79 миліоновъ, это долгъ ничтожный, особенно если принять во вниманіе, что здѣсь же заключается до 30 миліоновъ рублей текущаго долга. Проценты вмѣстѣ съ погашеніемъ потребуютъ въ годъ до 17 миліоновъ, а остальные 62 миліона останутся на государственныя нужды. При хорошемъ управленіи, при надлежащей бережливости, этой суммы совершенно достаточно. Но въ такомъ случаѣ надо бы прекратить бесполезную и разорительную войну, происходящую теперь въ Черногорьѣ и въ Герцеговинѣ.

Эта послѣдняя страна заключаетъ въ себѣ до 650,000 жителей; большая часть изъ нихъ принадлежитъ къ греческой церкви, и не болѣе 25,000 мусульманъ. Земля почти вся находится въ рукахъ правовѣрныхъ. Въ тамошней гористой странѣ для земледѣлія имѣютъ значеніе только долины; всѣ онѣ заняты мусульманами. Виноградники, шелковичныя плантаціи и всѣ тѣ промыслы, которые требуютъ сколько-нибудь европейскихъ свѣдѣній, находятся въ рукахъ христіанъ. Но ихъ *пользованіе*, несмотря на гатти-гумаюнъ, никакъ не можетъ перейти въ *собственность*. Торговля въ Герцеговинѣ самая ничтожная: черезъ Далмацію ввозятся кое-какіе товары, съ которыхъ Австрія беретъ невѣроятныя пошлины; вывозятся только овцы, на славонскія границы. Герцеговинское возстаніе 1853 года было удачно подавлено Омеромъ-пашой, но броженіе бывшаго возстанія осталось. Тогда много имѣній было конфисковано, и христіанскіе предводители, возставшіе вмѣстѣ съ мусульманами противъ всевозможныхъ неправдъ правителей, были казнены, изгнаны, заточены или усилѣи скрыться. Впослѣдствіи султаны разрѣшили многимъ изъ магометанъ возвратиться, но зародыши возстанія далеко не были искоренены. При Ишакъ-пашѣ, бывшемъ гражданскимъ губернаторомъ Герцеговины, непокорность страны опять готова была проявиться открыто, и борьба готовилась. Въ 1857 году *муширомъ*, или военнымъ губернаторомъ назначенъ былъ Измаиль-паша, а *сарефомъ*, или губернаторомъ гражданскимъ — Василь-паша, извѣстный тѣмъ, что одно время былъ въ изгнаніи за взятки въ діарбекирскомъ пашалыкѣ. Всемиловѣйше прощенный, онъ былъ опредѣленъ губернаторомъ въ Герцеговину, и конечно продолжалъ здѣсь вести дѣла на тѣхъ же началахъ какъ въ Діарбекирѣ. Уѣздные начальники при немъ требовали съ управляемыхъ такіе налоги, о какихъ прежде не смѣли и думать. *Зактіи* или

жандармы силою врываются въ дома и не уходятъ безъ полученія денегъ. Многія церкви были закрыты, нѣкоторыя даже были разрушены. Наконецъ народъ не выдержалъ, и юговосточные уѣзды провинціи возстали открыто. Три нахія или уѣзда объявили себя подданными черногорскаго князя Даніила, и до сихъ поръ эти три уѣзда, Либреникъ, Пира и Дробнякъ, составляютъ яблоко раздора между турками и черногорцами. Въ восточной части, тамъ, гдѣ Зла-гора, отъ самой Требиньи до Никсика, возставіе сдѣлалось хроническимъ. Съ 1857 года каждую осень и каждую весну начинаются военныя дѣйствія. Зимой горы покрыты глубокимъ снѣгомъ, а лѣтомъ всѣ рѣчки, ручьи и колодцы пересыхаютъ почти до послѣдней капли, такъ что большому количеству людей существовать нельзя. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему турки до сихъ поръ не подавили тамошняго возстанія. Съ іюня мѣсяца Омеръ-паша собираетъ силы для того, чтобы привести страну въ порядокъ. Омеръ-паша окружилъ непокорную страну со всѣхъ сторонъ низамомъ въ 25000, и отрядомъ башибузуковъ въ 11000 человекъ. Низамъ, или регулярное войско, не получало жалованья за послѣдніе семнадцать мѣсяцевъ, но башибузуки получили все сполна, и постоянно получаютъ. Въ случаѣ же, еслибы имъ хоть что-нибудь не было заплачено, они только того и смотрятъ, какъ бы разбрестись или даже передаться неприятелямъ. Мало-помалу подходятъ къ Омеру-пашѣ еще башибузуки изъ албанцевъ, арнаутовъ, изъ Янины. Каждый изъ этихъ головорѣзовъ получаетъ въ мѣсяць по 150 піастровъ или по 7 р. 87 коп. Не говоря уже о томъ, что это для нихъ большія деньги, они чувствуютъ къ Черногорью какую-то глубокую, историческую ненависть, и каждый изъ нихъ съ наслажденіемъ рискнетъ своею жизнью, только чтобы отрѣзать носъ и уши черногорцу.

Такимъ образомъ все готово и военныя дѣйствія начались. Международная комиссія, состоящая изъ консуловъ великихъ державъ, намѣревалась помирить враждующія стороны. Совершенно было приготовлено свиданіе между Омеромъ-пашой и черногорскимъ владыкой Николаемъ; но въ назначенный день владыка прислалъ сказать, что онъ не пріѣдетъ, потому что у него сдѣлалась лихорадка. Послѣ этой неудачи, комиссія пригласила къ себѣ Луку Вукаловича, предводителя возставшихъ жителей Герцеговины; но онъ объявилъ, что его христіане ровно ничего не хотятъ слышать о договорахъ и не имѣютъ ни малѣйшаго довѣрія къ обѣщаніямъ турокъ. Тѣмъ и кончилось. Объ этомъ печальномъ результатѣ вѣдательства комиссія допесено было въ Константинополь; посланники приказали консуламъ прекратить переговоры, а султанъ приказалъ

Омеру-пашѣ начать военныя дѣйствія. Тотчасъ же турецкій главнокомандующій приступилъ къ приведенію непокорныхъ въ порядокъ, и началъ съ того, что зажегъ дѣса по всей сѣверной черногорской границѣ, начиная отъ Петрова до Слана, близь Рагузы. Для успѣшнѣйшаго водворенія спокойствія между заблуждающимися черногорцами и герцеговинцами, для ихъ же собственнаго блага, Австрія разрѣшила турецкимъ войскамъ проходить къ театру военныя дѣйствія черезъ австрійскія земли. Въ Черногораѣ всѣ военныя силы, то-есть всѣ мужчины отъ пятнадцати до шестидесяти лѣтъ, отправились къ своей сѣверной границѣ подъ главнымъ предводительствомъ Петра Степановича Буковича. Владыка Николай съ колоновожатыми отправился туда же. Все населеніе вооружено; красное знамя съ бѣлымъ крестомъ развѣвается передъ домомъ владыки. Съ юга тоже дѣйствуютъ. Тамъ командуетъ Абди-паша; онъ рассчитывалъ какъ-то на дняхъ истребить жителей Вранины, направилъ уже на нихъ, но тамошніе сербы убили тридцать человѣкъ турокъ, девятерыхъ взяли въ плѣнъ, и отбились.

Однакоже это ничего не значить, и частныя успѣхи не отвратятъ отъ христіанъ висящей надъ ними бѣды. Порядокъ конечно восторжествуетъ, еслибы даже пришлось для порядка истребить черногорцевъ вмѣстѣ съ непокорвою частью герцеговинцевъ. И тогда Вассиф-паша будетъ продолжать свои упражненія касательно пытокъ, обиранья у отцовъ дочерей, разрушенія церквей и т. д., и будетъ все въ порядкѣ.

АМЕРИКАНСКІЯ ДѢЛА

Какъ только вашингтонское правительство, созданное великимъ основателемъ Соединенныхъ Республикъ для мира, для спокойнаго и нормальнаго развитія, вступило на путь насильственныхъ мѣръ, такъ и пошли насилія. Понадобились деньги, для сбора которыхъ оказалось нужнымъ постановить налоги, которыхъ прежде не было. До сихъ поръ доходъ не былъ обложенъ никакимъ налогомъ, а теперь постановлено собирать три процента со всякаго дохода, превосходящаго тысячу рублей, получается ли доходъ съ недвижимаго имущества, или съ промышленнаго предпріятія, или съ торговыхъ оборотовъ, или если даже онъ весь состоитъ изъ жалованья или задѣльной платы. Сдѣлано и другое насиліе: всякій человѣкъ, живущій въ Соединенныхъ Штатахъ нѣкоторый доходъ, но живущій за границей, платитъ 2^о/₁₀. Штаты, въ которыхъ теперь, по случаю военныхъ обстоятельствъ, сборъ этотъ производимъ быть не

можеть, будутъ считаться должниками въ той суммѣ; какая на ихъ долю приходится, съ платою съ этой суммы по пяти процентовъ въ годъ. Увеличены также таможенные пошлины, введены бумажныя деньги и — чего до сихъ поръ не бывало — казначейство производить уплаты не золотомъ, а шестипроцентными билетами, вылавая при этомъ золотомъ только небольшую долю всей суммы. Необходимымъ слѣдствіемъ этого было то, что казначейскіе билеты нѣсколько упали въ цѣнѣ и ходять теперь на нью-Йорской биржѣ чѣтырьмя процентами дешевле своей номинальной цѣны. Это обстоятельство всегда ведетъ правительство къ дальнѣйшему выпуску бумажекъ уже не во сто долларовъ, а въ пятьдесятъ, въ двадцать пять въ десять. Добромъ такія вещи не кончаются, и легкость, съ какою выпускаются бумажки, потомъ жестоко отзывается на денежныхъ курсахъ, а стало-быть и на всѣхъ дѣлахъ.

Въ половинѣ августа палата представителей приняла большинствомъ 60 голосовъ противъ 48 законъ о конфискаціи всей собственности инсургентовъ. По этому случаю прочитано было письмо генерала Бутлера, который спрашиваетъ, что ему дѣлать съ невольниками, которые къ нему перебѣгутъ или будутъ захвачены въ неприятельскомъ лагерѣ. Здоровые и годные въ работу невольники есть ибъчто въ рождъ военной контрабанды, стало-быть ихъ слѣдовало бы задерживать; но какъ же быть съ женщинами, съ дѣтьми, со стариками? При очищеніи Гамтона перешло подъ покровительство гарнизона форта Монро не менѣе 900 невольниковъ. Въ этомъ числѣ было не болѣе 300 человекъ рабочихъ, а остальные — дѣти, женщины, старики. Такъ если, по законамъ Соединенныхъ Штатовъ невольники составляютъ признанную, законную собственность своихъ господъ, то передавшись въ плѣнъ, остаются ли они вещами или становятся существами свободными? Если оид принадлежали своимъ господамъ, то достались войску въ видѣ добычи; но войско такой добычи не хочетъ и бросаетъ ее: потому невольники становятся ничьей собственностью, то-есть свободными.

Вашингтонскій кабинетъ принялъ это толкованіе. Необходимымъ слѣдствіемъ его оказывается то обстоятельство, что послѣ войны, если сѣверные штаты одержать верхъ, дѣла не могутъ остаться въ прежнемъ положеніи, то-есть невольничество южныхъ штатовъ уже не можеть быть гарантировано, какъ право, соединеннымъ правительствомъ: а то пришлось бы возвращать прежнимъ владѣльцамъ выгнанныхъ бѣглыхъ невольниковъ послѣ того уже, какъ они воспользуются полною свободой во все время войны. Къ счастью, законъ о конфискаціи имущества инсургентовъ разрѣшаетъ этотъ во-

просы вполне удовлетворительно, и невольничество послѣ войны уже не будетъ существовать, если побѣда останется за сѣверомъ.

Но едва ли это будетъ такъ. Послѣ двухъ большихъ поражений, волонтеры, составляющіе сѣверное войско, остаются на службѣ очень неохотно. Начались побѣги, такъ что въ иной день сѣверное войско убавлялось на нѣсколько сотъ человекъ. Противъ этого принять мѣры; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стрѣляли уже въ солдатъ, собиравшихся уйти, и порядокъ восстанавливается; но это плохой порядокъ, и солдаты, которыхъ удерживаютъ подъ знаменами посредствомъ выстрѣловъ, будутъ очень плохо драться, когда придетъ пора. Президентъ южныхъ отдѣлившихся штатовъ уже дѣлалъ г. Линкольну предложеніе кончить дѣло переговорами, во избѣжаніе дальнѣйшихъ кровопролитій. Но такое предложеніе разумѣется принято не будетъ, потому что г. Джефферсонъ Дэвисъ требуетъ признанія независимости южныхъ штатовъ и полной ихъ самостоятельности. Теперь уже г. Линкольнъ согласиться на это не можетъ, потому что раздутый имъ огонекъ принялъ размѣры неодолимаго пожара. Воинственный энтузіазмъ въ тѣхъ людяхъ, которые сами лично не участвуютъ въ войнѣ, доходитъ теперь до высочайшей степени. Въ Нью-Йоркѣ теперь нельзя ни слова сказать противъ войны, чтобы не подвергнуться большимъ непріятностямъ. Народъ ломаетъ прессы тѣхъ газетъ, которыя подозреваются въ сочувствіи къ мирному окончанію нынѣшнихъ затрудненій. Капиталисты охотно даютъ свои деньги, и въ августѣ правительство очень легко нашло 150 миліоновъ по 7%. Говорятъ, что по окончаніи войны бумаги этого займа будутъ выгодно продаваться на европейскихъ биржахъ. Въ августѣ же соединенные банки Нью-Йорка, Бостона и Филадельфіи назначили правительству въ пособіе на продолженіе войны 50 миліоновъ долларовъ; но передъ закрытіемъ засѣданія комитетъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе: «Комитетъ принимаетъ на себя великую отвѣтственность, давая средства для поддержанія правительства; и потому онъ считаетъ своею обязанностью почтительнѣйше выразить президенту Соединенныхъ Штатовъ довѣріе свое къ правительству, которое конечно, не принимая во вниманіе никакихъ партій или лицъ, будетъ направлять дѣла по каждому изъ департаментовъ своихъ со всею силою, честностью, бережливостью и дѣятельностью, какія необходимы для успѣшнаго оковчанія войны». Копія съ этого постановленія, подписанная президентомъ и секретаремъ комитета, была послана г. Линкольну.

Невозможно деликатнѣе этого высказать, что въ администраціи многое надо передрать, и что если вы не можете управлять веденіемъ войны съ большою силою, съ большою бережливостью и дѣй-

ствительностью, то мы вперед не можем приписать на себя ответственности снабжать насъ капиталами. Такимъ образомъ, имѣя главное оружіе, деньги, сѣверные штаты поведутъ войну съ обычною энергіей своего племени. Близкіе наблюдатели говорятъ даже, что въ сѣверо-американцахъ заключается именно французская живость съ упорною настойчивостью англичанъ. Для войны на сторонѣ южныхъ штатовъ есть важное преимущество, именно дисциплина, которой въ сѣверномъ войскѣ очень мало. И на югѣ дисциплина почти составляетъ привычку: тамъ далеко нѣтъ того равенства, какъ замѣчается на сѣверѣ; общественныя положенія людей на югѣ строже разграничены по степенямъ, и тоже самое оказалось въ войскѣ. Тамъ ротный командиръ непременно знатнѣе, и богаче, и больше имѣетъ значенія въ своемъ краю, нежели простой прапорщикъ его отряда. На сѣверѣ же этого нѣтъ; тамъ иной солдатъ гораздо богаче своего полковника, и потому до нѣкоторой степени чувствуетъ себя такимъ же точно человѣкомъ, какъ самъ командиръ. Мы пока не говоримъ о степени нравственности этого явленія на югѣ; мы указываемъ только на дрессировку людей въ общественномъ быту какъ на явленіе весьма выгодное для военной дисциплины. — Съ другой стороны, у сѣвера есть преимущество, какого не имѣетъ югъ. Онъ можетъ объявить (что и слѣдано уже генераломъ Фремонтомъ въ штатѣ Миссури), что ежели гражданинъ возставеть противъ союзныхъ войскъ и захваченъ будетъ съ оружіемъ въ рукахъ, то онъ будетъ судимъ военнымъ судомъ, и если окажется виновнымъ, то разстрѣлянъ, и сверхъ того, его недвижимая и движимая собственность конфискуются въ пользу государства, а невольники объявляются свободными. Противъ такой ужасающей прокламаціи южнымъ штатамъ гораздо труднѣе устоять, чѣмъ противъ пушки-револьвера и парового ружья. Какъ скрыть ее отъ невольниковъ? Непременно проникнетъ она въ самыя отдаленныя отъ театра войны захолустья и развратитъ невольниковъ несправимымъ образомъ. Въ 1856 году этотъ Фремонъ былъ кандидатомъ въ президенты республики; тогда все цвѣтное населеніе было увѣрено, что вслѣдъ за его выборомъ всѣ невольники освободятся. Теперь этотъ же самый человѣкъ наноситъ первый ударъ невольничеству. Понятно, что всѣ рабы тотчасъ развратятся сладостною надеждою на лучшую долю, на свободу, на право считаться людьми.

Общее положеніе. Последнія извѣстія

Кромѣ войны въ Соединенныхъ Штатахъ, въ южныхъ областяхъ Италіи, въ сѣверозападной части Турціи, въ центральныхъ

областяхъ Китая, въ Мексикѣ, въ Аргентинской республикѣ, въ Кохинхинѣ, кромѣ хронической охоты за невольниками въ прибрежныхъ частяхъ центральной Африки, кромѣ голодныхъ смертей англійскихъ фабричныхъ съ семействами и кромѣ каторжной работы ирландскихъ и въ некоторыхъ другихъ рабочихъ, приговоренныхъ общественнымъ устройствомъ, все обстоитъ на земномъ шарѣ почти благополучно. Только въ Англіи экономисты, а за ними и филантропы сильно озабочены положеніемъ хлопчатобумажныхъ дѣлъ. Начинаетъ чувствоваться недостатокъ въ хлопчатой бумагѣ: порты отложившихся штатовъ блокированы союзными кораблями; г. Джефферсонъ Дэвисъ сверхъ того запретилъ вывозъ хлопка; на складахъ въ Англіи не болѣе 800.000 кипъ этого матеріала, питающаго бумагопрядильни и ткацкія фабрики, и въ нихъ въ скольку десятковъ тысячъ рабочаго народа. Индійскій хлопокъ тоже есть, но въ незначительномъ количествѣ и довольно низкаго качества, такъ что онъ не годится для товаровъ высокаго достоинства. Наступитъ скоро для этихъ десяти тысячъ работниковъ и для ихъ семействъ время воздержанія отъ работы, а стало-быть и отъ пищи; наступитъ голодъ. Англичане привыкли видѣть въ своихъ статистическихъ таблицахъ графу, въ которой обозначено число людей, умершихъ въ такъ называемомъ благоустроенномъ государствѣ съ голоду; но дѣло влестъ къ тому, что цифры этой графы грѣзятъ выйти изъ своей нормы, и экономисты съ филантропами начинаютъ совѣщаться о сокращеніи неумолимой цифры. Къ счастью для государства, для его спокойствія, порядка и благосостоянія, другіе классы общества, не прядильщики, не-ткачи и не-филантропы не очень озабочены предстоящей бѣдой. Извѣстно изъ биржевыхъ газетъ, сколько гдѣ хлопка на складѣ: извѣстно также, сколько его надо, чтобы существующее число фабрикъ было занято впродолженіе зимы, сколько на нихъ занято рабочихъ; стало-быть легко сосчитать, сколько именно человекъ рабочихъ приговорены къ голодной смерти и съ котораго дня они начнутъ умирать. Даже приблизительно вѣрно можно опредѣлить, по скольку человекъ въ день будетъ умирать, принявъ въ соображеніе живучесть человека и замѣчательную способность его питаться въ некоторое время старыми сапожными голенищами и ремешками. Но къ несчастью для спокойствія страны, объ этомъ не хлопочутъ понапрасну тѣ, до кого это не касается. Епископъ Рипонскій напримѣръ недавно употребилъ 62.000 рублей на пристройку къ епископскому дому, изъ денегъ прихожанъ; кромѣ того, ему надо было прибавить четыре стоила къ своей конюшнѣ; да еще 2500 рублей было возвращено ему за обон, которыми онъ на свой счетъ заново оклеилъ епископское

жилице; да сверхъ того назначено на устройство цѣвѣдка при домѣ 1662 рубля, а всего на епископскій домъ 66.162 рубля. Для той же цѣли епископу глочестерскому изъ церковныхъ суммъ выдано 150.000 рублей. Но не останавливаясь на этихъ двухъ епископахъ, надо отдать честь и другимъ, которые точно также занялись улучшеніями своихъ жилищъ и увеличеніемъ пріятностей своего быта. Стадо-быть можно надѣяться, что наступающее время голода для рабочихъ не смутитъ, не потрясетъ установленнаго порядка вещей. Попржежнему лорды и члены палаты будутъ говорить послѣ сытныхъ обѣдовъ пышныя рѣчи, стараясь въ нихъ гнуть факты каждый въ свою сторону или въ сторону своей партіи, какъ недавно говорилъ знаменитый г. Робукъ на банкетѣ въ Шеффилдѣ. Тамъ какъ у этого господина есть дѣла въ Австріи, именно онъ тамъ устроилъ парохолную компанію, то и говорилъ онъ въ особенности объ Австріи, восхвалялъ министровъ, зная очень хорошо, что общественное мнѣніе о большей и меньшей прочности извѣстнаго правительства имѣетъ значительное вліяніе на курсы той страны. Онъ находилъ, что нынѣшнее устройство Австріи очень похоже на англійское устройство, и что нѣтъ на свѣтѣ страны болѣе Австріи похожей на Англію. Въ сущности это довольно справедливо. Но затѣмъ онъ порицалъ Венгрію за то, что она отстаиваетъ свои вѣковые права, и тѣмъ препятствуетъ образованію въ центрѣ Европы большого и могущественнаго государства; а послѣ, говоря о борьбѣ, происходящей въ Соединенныхъ Штатахъ, выражалъ сочувствіе къ невольникамъ и увѣрялъ, что ежели торговые интересы Англій на югъ, то тѣмъ не менѣе пламенные желанія ея — за угнетенныхъ. Но чтобы не останавливаться на этихъ противорѣчіяхъ, вспомнимъ, что не надо искать большой послѣдовательности въ рѣчахъ, которыя говорятся на банкетахъ.

Кстати объ угнетенныхъ: нельзя не вспомнить любопытнаго спора, происходившаго 29 августа въ баварской палатѣ депутатовъ по новоду угнетенной промышленности. Шла рѣчь объ отмигѣи доходовъ, которые теперь ровно ни къ чему не служатъ, кромѣ стѣсненія труда. Вопросъ этотъ уже рѣшонъ почти во всей Германіи, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старина держится еще очень упорно. И баварская палата *въ принципѣ* допускаетъ пользу свободы промышленности, признаетъ бесполезность цеховъ, но на практикѣ — нѣтъ, какъ можно такъ вдругъ! Все были цеха, а вдругъ ихъ не будетъ! Такъ-то такъ, цеха бесполезны, даже допустимъ, что вредны, да все же — не оставить ли пока такъ, какъ есть, «а то на первыхъ порахъ какъ бы не потерять убытки»? — И цеха оставлены, свобода промышленности отложена на неопредѣленное время, боль-

лишествомъ 69 голосовъ противъ 61. Какъ не вспомнить нашу по-
мѣщицу Коробочку?

Признаніе полезности, даже необходимости известной мѣры и
въ тоже время ея отбывающае, какъ говорится, въ долгій ящикъ —
случается довольно часто и всегда найдутся любители оттяжекъ и
проволочекъ. Такъ въ вѣнскомъ парламентѣ были въ прошломъ
мѣсяцѣ большіе толки объ общинахъ. Зашла рѣчь о томъ, должны
ли крупныя собственники быть членами своихъ сельскихъ общинъ,
или они должны-быть отчислены куда-нибудь особо? Земли ихъ
будутъ ли составлять часть общинъ, относительно налоговъ и по-
вѣностей, или будутъ обложены особо, такъ что общинамъ до
нихъ не будетъ дѣла? Не говоря уже о томъ, что *крупная собствен-*
ность есть довольно относительное и весьма неясное, эти господа за-
были, что царь лицомъ закона, въ образованномъ государствѣ,
всѣ равны, что крупнейшая въ мірѣ собственность все-таки ле-
житъ на землѣ, а не на облакахъ, и наконецъ, что крупный со-
вѣстникъ тоже имѣетъ сосѣдей, съ которыми у него множество
общихъ интересовъ, много встрѣчъ, и могутъ быть недоразумѣнія,
которыя должны же быть гдѣ-нибудь разрѣшаемы, и нигдѣ явче,
какъ въ своей же общинѣ. Говорили-говорили, и рѣшили цолумъ-
рой. Постановлено, что «провинціальныя сеймы опредѣлять, дол-
жна ли, и если да, то въ какихъ условіяхъ должна крупная позе-
мельная собственность рассматриваться отдѣльно отъ общины». За-
мѣчательно, что министры полагали голоса *противъ* этого постано-
вленія, также какъ русины и большая часть нѣмцевъ; а аристо-
кратическій центръ, поляки и чехи — *за* постановленіе. Принято
оно большинствомъ 88 голосовъ противъ 75.

Въ послѣднее время были слухи, что президентъ Соединенныхъ
Штатовъ приглашалъ Гарибальди принять начальство надъ союз-
нымъ войскомъ для приведенія въ порядокъ невольничьихъ шта-
товъ. Говорятъ, будто знаменитый патріотъ отбѣчалъ, что въ
Европѣ еще не все кончено, еще слишкомъ много дѣла. Другія га-
зеты увѣряютъ, будто онъ свой отказъ объяснилъ тѣмъ, что Римъ
и Венеція еще не освобождены, и потому онъ не можетъ оставить
Европу. Вѣроятно, это пустой слухъ, и г. Линкольнъ не рѣшился
бы предложить Гарибальди начальство: это значило бы — слиш-
комъ горько обидѣть своихъ генераловъ.

Неаполитанскіе работники, которые любятъ Гарибальди, какъ
своего избавителя и благодѣтеля, недавно сдѣлали складчину и от-
правили на ос. Капреру корабликъ, нагруженный съѣстными при-
пасами, макаронами, мукой и даже каменнымъ углемъ. Знаменитый
пустыльникъ очень небогатъ, и такъ какъ нигдѣ и *никому* теперь не

служить, то и не зарабатываетъ себѣ на хлѣбъ. Приношеніе нево-
литанцевъ будетъ для него очень кстати. Отъ короля нельзя ему
принять денежной награды, а община, которой онъ сослужилъ
большую, неоцѣненную службу, естественнымъ образомъ должна
его кормить. Съ этимъ хлѣбомъ-солью отправилась и депутація.

Печально-знаменитый студентъ Беккеръ, совершившій покуше-
ніе на жизнь прусскаго короля, судомъ приговоренъ къ каторжной
работѣ на двадцать лѣтъ, и потомъ — къ изгнанію. Крейц-дей-
тунгъ удивляется кротости приговора и говоритъ, что гораздо бы
лучше такого отъявленнаго злодѣя повѣсить.

Другой сумасшедшій недавно покушался точно также на жизнь
королевы греческой, въ то время, когда ея величество была на двор-
цовой площади. Къ счастью, выстрѣлъ былъ неудаченъ и пуля
пролетѣла мимо. Разумѣется, столь великое злодѣяніе вызвало ед-
нодушный взрывъ всеобщаго негодованія. Преступникъ арестованъ
и нарядево строжайшее слѣдствіе.

Еще печально-знаменитый, Миресь, окончательно провалился
во второй инстанціи, по своей апелляціи. Второй судъ подтвердилъ,
что Миресь виноватъ въ мошенничествѣ, и за нимъ остались нака-
занія, къ которымъ онъ приговоренъ въ первой инстанціи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Наклонность дѣлъ къ войнѣ. — Причины этой наклонности.

Французскія дѣла. — Посѣщеніе Франціи королями прусскимъ и голландскимъ. — Приведеніе въ порядокъ благотворительныхъ обществъ. — Общество мошенничества.

Англійскія дѣла. — Мнѣнія газетъ объ императорско-королевскихъ свиданіяхъ.

Последнія извѣстія.

Общее положеніе

Положеніе дѣлъ въ Европѣ приближается къ идеальному совершенству. Европа ликуетъ, торжествуетъ, иллюминируется, говоритъ пышно-торжественныя рѣчи, съ благоразумнымъ хладнокровіемъ обсуживаетъ готовящіяся событія, съ довѣріемъ смотритъ впередъ и твердыми шагами идетъ по пути преусианія къ славѣ, спокойствію, счастію, благоденствію и богатству вѣрноподданныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, націи богатѣютъ, капиталы растутъ, богатства увеличиваются, промышленность дѣлаетъ чудесныя успѣхи, торговля бросаетъ цѣлыя грузы товаровъ съ одного конца свѣта на другой, а машины обѣщаютъ взять на себя весь трудъ человѣка, предоставляя затѣмъ человѣчеству читать романы, изучать Гегеля и наблюдать затмѣніе спутниковъ Юпитера. Выѣстъ съ общимъ благополучіемъ увеличиваются также общественныя и частныя долги; но политическая экономія увѣряетъ, что это ничего, даже что это очень хорошо, ибо чѣмъ нація богаче, тѣмъ болѣе у нея долговъ, а это означаетъ, что нація пользуется кредитомъ. Увеличивается въ тоже время, въ густонаселенныхъ странахъ, количество голодныхъ смертей; но политическая экономія говоритъ, что это ничего, что это показываетъ только перевѣсъ предложенія труда передъ спросомъ, а законъ, открытый наукою, гласитъ то-то; при этомъ законъ приводится съ спокойствіемъ дьяка, въ приказахъ посѣдлагаго. Торго-

вля находятся въ тоже время подъ постоянною грозою кризиса, или терпятъ кризисъ хроническій; но политическая экономія говоритъ, что это ничего, что это очень естественно, такъ какъ торговля находится подъ вѣчнымъ страхомъ войны, вслѣдствіе преувеличенныхъ вооруженій густонаселенныхъ государствъ. Такъ докторъ, къ которому пришолъ за совѣтомъ майоръ Ковалевъ — какъ ему быть съ пропавшимъ посомъ, говорилъ ему: «вѣтъ, нельзя; ужь лучше такъ оставайтесь, потомучто можно слѣдять еще хуже». Впрочемъ политическая экономія говоритъ (а человѣчество должно вѣрять, когда говоритъ наука), что всѣ эти мелкія неудобства пройдутъ, что чрезмѣрныя вооруженія прекратятся, люди перестанутъ умирать голодною смертію, настанетъ на землѣ вѣчный миръ, торговля будетъ приносить еще большіе барыши, промышленность еще быстрѣйшіе будетъ дѣлать успѣха, долги будутъ погашаться и ликование благоденствующаго человѣчества не будетъ омрачено ничемъ тѣнью какого бы то ни было неудовольствія. Все это произойдетъ тогда, когда люди будутъ знать политическую экономію и слушаться ея мудрыхъ наставленій.

Но безъ сомнѣнія наука говоритъ правду, что все это ничего, потомучто и теперь Европа ликуетъ, и празднества смѣняются празднествами. Давно ожиданное и всестороннимъ образомъ обсуженное газетами свиданіе короля прусскаго съ императоромъ французовъ совершилось. Охота, обѣды, катанья, торжественныя спектакли, смотръ войскъ — все тутъ было. Потомъ въ Кенигсбергѣ совершилось священнѣйшее коронаваніе короля прусскаго. Представитель императора французовъ при торжествѣ коронаціи, графъ де Моранъ, долундѣлъ въ свое распоряженіе полтора миліона франковъ, чтобы ослабить своими пиршествами и балами, а французскіе работники, сидя за своей работой, или сгибаясь надъ плугомъ, будутъ радоваться, что такимъ образомъ и ихъ копейка не щербата. Надо замѣтить, что полтора миліона франковъ, это только издали кажется крушкою цифрою, а съ тридцати восьми миліоновъ французовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, это приходится всего только по 25½ сантимовъ съ души, или съ семейства въ четыре человѣка — мужъ, жена и двое дѣтей — какой-нибудь франкъ. — Между тѣмъ, императоръ французовъ посѣтилъ еще король голландскій, и торжества его встрѣчи и проводовъ тоже отличались изяществомъ и великолѣпіемъ. — Король итальянскій совершилъ небольшую поѣздку по сѣвернымъ своимъ провинціямъ, и вездѣ былъ встрѣчаемъ неподдѣльнымъ восторгомъ своихъ вѣрноподанныхъ. Даже совершаемыя теперь приготовленія къ войнѣ, именно къ походу въ Мексику для истребованія съ правительства разныхъ долговъ, имѣють ха-

характеръ торжественнаго спокойствія, и война будетъ скорѣе походить на увеселительную прогулку шеститысячнаго корпуса, чѣмъ на настоящую войну. Къ довершенію картины, война будетъ имѣть какой-то странный оттѣнокъ совершенно миролюбиваго характера. Испанія, Франція и Англія согласились надавить на Мексику общими силами, съ тѣмъ чтобы не трогать ея правительства, не касаться внутреннихъ дѣлъ по управленію, а только получить деньги. Для этой цѣли только будутъ заняты важнѣйшіе порты республики и конфискованъ будетъ въ пользу кредиторовъ получаемый въ нихъ таможенный доходъ. Дѣло совершится спокойно, безъ шума, со всемъ неоспоримымъ авторитетомъ силы, точно такъ какъ совершается взысканіе долга съ частнаго человѣка. Эта война будетъ чѣмъ-то въ родѣ процесса, въ которомъ проигравшій заплатитъ что долженъ, да еще заплатитъ за судебныя, т. е. военныя издержки.

Стоитъ замѣтить, что этотъ походъ есть простѣйшій видъ войны. Одна сторона считаетъ, что другая ей должна и идетъ силой требовать свое; другая сторона защищаетъ то, что она привыкла считать своимъ. Въ сущности впрочемъ это содержаніе и смыслъ всякой войны, безъ исключенія; одна сторона привыкла считать своею или независимостью, или право заключать такіе или другіе трактаты, а другая сторона можетъ желать, въ слѣдствіе честолюбія или выгоды, прекратить эту независимость или это право и поработить ихъ себѣ, стало-быть нѣкоторымъ образомъ тоже смотритъ на нихъ какъ на нѣчто свое. Надо замѣтить, что такое поработеніе въ большей части случаевъ разрѣшается въ доходъ, въ денежный вопросъ, или проще-сказать въ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ, въ стремленіи улучшить этотъ кусокъ и одолѣть науперѣзмъ, нищету, которая насъ одолѣваетъ.

Изъ всѣхъ потребностей человѣка самая безусловная, самая необходимая есть потребность питанія. Для ея удовлетворенія человѣкъ прибѣгаетъ къ труду и къ промышленности. Трудъ столько же необходимъ человѣку для поддержанія физической его жизни, сколько и для умственнаго развитія. Все что у насъ есть, все что мы знаемъ, имѣетъ источникомъ трудъ; наука, искусство, богатства обязаны существованіемъ своимъ труду.

Затѣмъ представляется важнѣйшій вопросъ: что надо человѣку для его питанія или вообще для его потребленія? Сколько онъ стало-быть можетъ произвестъ? Сколько ему надо трудиться?

Способность потребленія у человѣка безпредѣльна; способность производить, напротивъ, довольно ограничена. Это такъ по самой природѣ вещей. Потреблять, пожирать, разрушать, упичтожать — способность отрицательная, хаотическая, неопредѣленная.

Напротивъ производить, создавать, организовать, давать жизнь — способность положительная, подчиненная законамъ числа и мѣры, стало-быть ограниченію.

Въ природѣ на все граница, предѣлъ, извѣстныя правила, отъ которыхъ не отступаютъ ни вещи, ни растенія, ни животныя, ни человѣкъ. Силы человѣка очень ограниченны; мускульная сила человѣка среднимъ счетомъ не достигаетъ десятой части силы паровой лошади. Человѣкъ не можетъ, безъ изнуренія, работать болѣе десяти полныхъ часовъ въ сутки, а въ годъ болѣе трехсотъ дней. Онъ не можетъ провести одного дня безъ пищи, и на другой день работать съ прежней силой; онъ не можетъ ограничиться половиною порціей и въ тоже время оставаться здоровымъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ народонаселеніе довольно тѣсно, необходимость труда чувствуется съ каждымъ днемъ все сильнѣе; тамъ, гдѣ населеніе довольно еще просторно, голодъ не такъ свирѣпо лаетъ себя чувствовать. Въ малонаселенныхъ странахъ работа гораздо льготнѣе, легче, потомучто большая часть потребностей, какъ на примѣръ въ Россіи и въ Австріи, удовлетворяется домашнимъ производствомъ. Правда, что въ менѣе населенныхъ и въ тоже время менѣе цивилизованныхъ странахъ потребностей у человѣка меньше, чѣмъ въ густо-населенныхъ, или лучше-сказать потребности эти проще, вслѣдствіе чего и менѣе требуется труда для ихъ удовлетворенія; эти страны относительно степени физическаго обезпеченія своихъ жителей составляютъ въ Европѣ пока мѣстъ счастливыя исключенія.

Но почти вездѣ на свѣтѣ человѣкъ, на нѣкоторой степени цивилизация, добываетъ посредствомъ труда столько, сколько нужно для удовлетворенія его физическихъ и умственныхъ потребностей, ни больше, ни меньше. Здѣсь рѣчь идетъ о большинствѣ, о девятистахъ девяносто девяти изъ тысячи. Иной зарабатываетъ только буквально на хлѣбъ, и конечно съѣдаетъ его, дождавъ въ праздникъ остатки будничной добычи. Другой зарабатываетъ гораздо больше, но ему до крайности необходимо тоже гораздо больше хлѣба; кромѣ чаю и различныхъ вкусныхъ вещей къ обѣду, ему необходимо дать воспитанце дѣтямъ и послушать итальянской оперы. Это для него такая же потребность, какъ для иного чернѣй хлѣбъ. Это роковое ограниченіе потребленія производствомъ въ тоже время дѣйствуетъ и взаимно: производство тоже ограничивается потребленіемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить неаполитанскаго ладзарони, который ни за какія деньги не тронется съ мѣста поѣвши макароць; его дѣятельность совершенно ограничена потребностями: кромѣ обѣда ему ничего не нужно.

Это взаимное ограниченіе нашего производства и нашего потре-

бленія и есть *бѣдность*. Это непреложный законъ нашей природы, котораго однакоже на слѣдуетъ смѣшивать съ пауперизмомъ, явленіемъ ненормальнымъ, случайнымъ.

На это есть множество готовыхъ возраженій. Говорятъ напримѣръ, что природа неистощима, а трудъ становится все болѣе и болѣе производительнымъ. Земля далеко еще не даетъ всего, что она дать можетъ. Придетъ время, когда всевозможныхъ благъ на землѣ будетъ такъ много, что ихъ дѣвать будетъ некуда, и человѣчество будетъ жить въ довольствѣ, съ излишками, среди мира и радостей. Стало-быть вѣтъ никакого закона бѣдности.

Но не совсѣмъ это такъ. Дѣйствительно, природа неистощима, но только въ томъ смыслѣ, что въ ней человѣкъ безпрерывно открываетъ новыя полезныя вещи и свойства, но съ условіемъ безпрерывнаго увеличенія труда; а это не выходитъ изъ правила. Самыя промышленныя, самыя богатыя націи — именно тѣ, которыя упорнѣе и болѣе работаютъ. Но въ этихъ-то націяхъ нищета свирѣпствуетъ всего болѣе.

Причина и двигатель производства есть нужда. Поэтому между продуктомъ и нуждою, заставляющею производить его, существуетъ естественная связь. Какъ только ослабѣваетъ нужда — и работа въ свою очередь ослабѣваетъ. Если предположить, что нужда уменьшилась, а производство остается тоже, то произойдетъ слѣдующее: явится много продуктовъ, на которые вѣтъ спроса, и тогда они упадутъ въ цѣнѣ, все равно какъ-будто часть этихъ продуктовъ вовсе не была произведена; при совершенной бесполезности цѣнность ихъ обратится даже въ нуль. Въ самомъ дѣлѣ, какую цѣнность имѣетъ предметъ, неудовлетворяющій никакой нуждѣ; все равно — назначался ли онъ первоначально для удовлетворенія первыхъ потребностей, или роскоши? Да и нѣтъ возможности провести рѣзкую границу между предметами первой необходимости и предметами роскоши. Это понятія условныя, различныя у различныхъ людей.

Всматриваясь въ существованіе, въ привычки, наклонности, степень образованности огромнаго большинства работниковъ всѣхъ націй, нельзя не замѣтить, что у нихъ трудъ доходитъ до высшей степени напряженности, когда двигатель его — нужда. Онъ быстро повышается и скоро угасаетъ, когда удовлетворены нужды первой необходимости. Вообще, человѣкъ любитъ трудиться только надъ тѣмъ, что ему полезно въ-обрѣзъ. Потомъ, добившись необходимаго, онъ стремится къ отдыху, который составляетъ первую и наиболѣе жадно желаемую роскошь. Чтобы получить отъ человѣка прибавку работы, надо бы удвоить или утроить плату за трудъ, то-есть заплатить за работу больше нежели она стоитъ, а это совершенно

претивно закону не только выгоднаго, но и всякаго производства. Тутъ теорія опять подтверждается практикою. Производство развивается только тамъ, гдѣ народонаселеніе увеличивается, то-есть становится тѣснѣе: тогда имѣется большая нужда въ пропитаніи и следовательно постоянный спросъ на трудъ. Тогда конечно производство увеличивается, но въ то же время возрастаетъ и населеніе, следовательно дѣла остаются въ прежнемъ, относительно, видѣ, — остается бѣдность.

Но можетъ случиться, и уже случалось, что посредствомъ образованія рабочія массы поднимаются на одну ступень въ цивилизаціи, то-есть, можно сказать, въ духовной своей жизни; тогда чувствительность рабочаго станетъ нѣжнѣе, воображеніе утонченнѣе, нужды многочисленнѣе, деликатнѣе, и весь человекъ взыскательнѣе, и въ то же время потребленіе поднимется на одинъ уровень съ новыми требованіями, въ той же самой пропорціи увеличится или улучшится трудъ, а положеніе останется то же, то-есть человечество, развиваясь умственно, будетъ зарабатывать только хлѣбъ насущный для тѣла и души, и все-таки останется бѣднымъ.

Часто упрекаютъ русскаго человека въ томъ, что онъ плохо работаетъ, мало работаетъ, много гуляетъ, и такъ далѣе. Конечно, если сравнять его съ англійскимъ рабочимъ, то преимущество останется на сторонѣ послѣдняго. Это фактъ, но за него упрекать человека нельзя, точно также какъ нельзя упрекать его за горбъ или за длинный носъ. Дѣло тутъ въ степени умственного развитія, въ томъ, что хлѣбъ насущный англійскаго работника разнообразнѣе и дороже чѣмъ у русскаго. Англійскому работнику напримѣръ совершенно необходимо въ полдень, во время отдыха, купить хотя вечерашнюю газету и прочитать ее; это для него нужнѣе, чѣмъ нашему рабочему чайку напиться. Для удовлетворенія этой новой потребности усиливается или улучшается работа. Англійскій земледѣль, работникъ на фермѣ, не будетъ спать иначе какъ разлѣвшись, на простынѣ и покрытый другою простыней. Это ему такъ же точно необходимо, какъ русскому рабочему сходить въ баню, но значительно дороже: для покрытія этого расхода опять работа улучшается.

Все чтѣ происходитъ теперь у насъ и въ болѣе населенныхъ странахъ, подтверждаетъ то же самое. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ производство конечно весьма усилилось; оно даже стало больше относительно народонаселенія, то-есть на каждую душу теперь приходится больше продуктовъ, чѣмъ было въ 1821 году. Однакоже всакій, жившій въ концѣ царствованія императора Александра I, скажетъ, что теперь во всѣхъ классахъ общества дѣла находятся въ болѣе стѣсненномъ положеніи, чѣмъ тогда. Это особенно видно въ

Англіи, во Франціи, въ Пермаи, въ Бельгіи. Отчего же это? Оттого что нравы въ среднихъ и высшихъ классахъ сдѣлались утонченнѣе; и въ тоже время нѣтъ равнобвсія, нѣтъ утѣренности, бѣдность стала тѣготнѣе; изъ естественнаго положенія она сдѣлалась мученіемъ. У насъ преувеличены излишки; такъ что нехватаетъ на необходимое. Доказательства вѣднко: въ послѣднія вероки лѣтъ взято нѣсколько тысячъ привилегій, настроено множество паровыхъ машинъ, желѣзныхъ дорогъ, финансовыя спекуляціи развились, общественныя долги удвоились, цѣна жемчуженій и всѣхъ предметовъ потребленія увеличилась на 50 и на 100 процентовъ, а въ итогѣ это составляетъ всѣми признанное стѣсненное положеніе и вѣчный, непрерывный кризисъ.

Выходитъ, что всякая нація бѣдна, каковы бы ни были ея учрежденія и правительство, и тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ болѣе удаляется отъ первобытнаго состоянія. Въ бывшихъ Соединенныхъ Штатахъ народонаселеніе увеличивается немѣрно, земля захватывается, естественныя источники изобилія изсякаютъ, законъ труда становится все настоятельнѣе: что истарину давалось даромъ, нынѣ почти даромъ, дѣлается все дороже, и начинается образовываться пролетаріатъ. Нѣчто подобное происходитъ и въ Испаніи. Послѣ нѣсколькихъ вѣковъ спячки, Испанія проснулась для труда и свободы. Она взялась за обработку земля, и тотчасъ явилось всеобщее изобиліе, что дадо возможность общему умственному уровню нѣсколько подняться; но въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ народонаселеніе увеличилось, сдѣлалось пропорціональнымъ изобилію, и наступило равнобвсіе, то-есть бѣдность.

Но на это можетъ кто-нибудь возразить, что стало-быть не зачѣмъ за чего намъ такъ сильно хлопотать; что если такъ, то всѣ огромныя предпріятія, всѣ колюсальныя работы, удивительныя машины, плодотворныя изобрѣтенія, промышленность,—все это безполезно, все это обманъ, самообольщеніе. Кчему подыматься на разныя высоты, когда трудъ ничего не даетъ, кромѣ необходимаго? Выходить, что счастье и мудрость заключаются въ узкости понатій, въ невѣстности въ желаніи лучшаго, въ мелкости и ограниченности.

Нѣтъ, не выходитъ. Сначала можетъ-быть было время, что человекъ добывалъ себѣ необходимое лопаткой; потомъ прибѣгнулъ къ сохѣ, а когда люди еще размножились, то принуждены были обратиться къ плугу, а потомъ, вследствие того же развитія, обратились къ механикѣ, къ паровому и локомотиву. Мало ли нужно бѣдѣ гататься, чтобы пронорвать на пространство 28½ тысячъ квадратныхъ верстъ 1.600.000 человекъ, какъ въ московской губерніи, что составляетъ по 55 человекъ на каждую квадратную версту, если еще

половина пространства занята лѣсами? Нѣтъ, приходится усилренно работать, потому что иначе придется всѣмъ перемереть съ голоду. Приходится желчески увеличивать и развѣивать свои средства, изобрѣтать машины, искать удобреній, воздѣлывать новыя питательныя растенія, устраивать водотягу, сѣять рыбку въ рѣкахъ и въ прудахъ; отыскивать каменный уголь, ткать, прядь, особенно дѣлать бумагу, открывать способы сбыта. Все это до крайности необходимо, потому что при тѣснотѣ, да безо всего этого — голодная смерть. И при всемъ этомъ, при величайшемъ усиліи производительнаго труда, окажется, что мы заработали только свой хлѣбъ насущный и что никакой нѣтъ возможности отпраздновать маслянцу длиною въ двѣ недѣли, не почувствовавъ голода.

Правда, что при усиленномъ трудѣ довольно тѣснаго народонаселенія значительно улучшится существованіе каждаго отдѣльнаго человѣка: пища его будетъ лучше, питательнѣе и разнообразнѣе, одежда будетъ чище, отдыхъ будетъ изыщнѣе и разумнѣе, чѣмъ въ состояніи дикости. Въ этомъ состоитъ прогрессъ. Но это не мѣшаетъ человѣчеству оставаться бѣднымъ, потому что оно всегда имѣетъ только необходимое и не можетъ потерять ни одного дня, чтобы тотчасъ не почувствовать голода.

Никакъ нельзя устроить, чтобы человѣкъ могъ работать, среднимъ счетомъ, болѣе десяти или двѣнадцати часовъ въ сутки. Невозможно устроить, чтобы двадцать-пять человѣкъ исполняли работу пятидесяти или чтобы человѣкъ, зарабатывающій четвертакъ издерживалъ всякій день полтинникъ. Можетъ-быть есть возможность съ точностью сосчитать, сколько получаетъ за работу въ годъ цѣлое народонаселеніе большого государства, напр. Великобританіи. Спрашивается, издерживаются ли въ годъ всѣ эти заработки, или нѣтъ? Политическая экономія увѣряетъ, будто образуются запасы, составляющіе капиталы. Но эти запасы, эти остатки образуются обыкновенно въ сундукахъ богачей, гдѣ уже заранѣе были положены прочныя фундаменты накопленію капиталовъ.

Вся роскошь городовъ, колоссальныя богатства, публичныя работы, трескотня и шумъ банковъ, биржи, миліоновъ и миліардовъ, всѣ утѣительныя наслажденія великолѣпныхъ пировъ, о которыхъ рассказы доходятъ иногда до бѣднака, — все это собирается съ трудовыхъ копѣекъ. Но тутъ ничего нѣтъ ни обиднаго, ни оскорбительнаго; обо всемъ этомъ жалѣтъ нечего. Всякій мужественно долженъ смотрѣть на свое положеніе и воснитать въ себѣ такого рода убѣжденіе, что самый счастливый человѣкъ есть тотъ, который лучше другихъ умѣетъ быть бѣднымъ.

Такая бѣдность, о которой мы говоримъ, далеко не есть нищета и

въ тоже время далеко не есть довольство. Человѣку негодится быть слишкомъ благополучнымъ; надо напротивъ, чтобы онъ постоянно чувствовалъ напоры нужды. Понятно, что человѣчеству нечего и думать вырваться изъ-подъ этого неизбежнаго закона природы и общества. Такая бѣдность дѣло хорошее: она составляетъ начало труда, умѣренности, начало семейныхъ, кроткихъ наслажденій, причину спокойствія совѣсти.

Еслибы человечество могло жить въ такой спокойной бѣдности, то на землѣ царствовалъ бы совершенный порядокъ. Не было бы ни пороковъ, ни преступленій; люди составляли бы общество мудрецовъ. Но теперь это не можетъ быть, и никогда этого не было, вслѣдствіе нарушенія двухъ великихъ законовъ, бѣдности и умѣренности.

Когда человѣкъ вышелъ изъ первобытныхъ временъ непритомливаго, дикаго довольства, и вынужденъ былъ работать, онъ началъ цѣнить вещи по труду, какого эти вещи стоили, у него явилась лихорадка богатства: съ перваго шагу онъ сбился съ дороги.

Человѣкъ вѣрить возможности богатства. Обязанный производить то что потребляетъ, человѣкъ привыкъ смотрѣть на скопленіе богатствъ и на наслажденія, изъ этого произтекающія, какъ на свою цѣль. Эту цѣль человѣкъ преслѣдуетъ съ великимъ жаромъ: по примѣру вѣсколькихъ разбогатѣвшихъ людей ему кажется, что и всякому это можно. И человѣкъ откладываетъ, копится, собираетъ; душа его плаваетъ въ будущихъ наслажденіяхъ, онъ наслаждается... мысленно. Нынѣшній вѣкъ глубоко проникнутъ этимъ убѣжденіемъ. Умы направлены къ этому изученіемъ новорожденной, лепечущей науки, политической экономіи; особенно социалисты толкали человечество по этому пути. Создавать богатство, дѣлать деньги, богатѣть, окружать себя роскошью, — это сдѣлалось какимъ-то нравственнымъ принципомъ.

Но всякому, кто хоть минуту подумаетъ объ экономическомъ порядкѣ вещей, ясно, что богатство не есть ничто дѣйствительное, а только относительное. Предположите, что всѣ безъ исключенія жители земного шара, по какому-нибудь невозможному степенію обогатѣвъ, отложили, въ видѣ звонкой монеты, все то, что заработали въ теченіи года. Спрашивается, стали ли они отъ этого богаче? Нисколько. По сокращеніи и приведеніи всего этого къ одному знаменателю, оказалось бы, что ихъ положеніе точь-в-точь тоже самое, что теперь. Богатство есть отношеніе производства къ потребленію, предложенія къ спросу, труда къ капиталу, нужды къ дѣйствию.

Для цѣлой націи или для цѣлаго человечества вопросъ о богатствѣ сводится на *рабочій день*. Все что нація или человечество

произвестись в течение своего рабочего дня; не может заштыковать образом превосходить количество необходимого, того, что мы зовемъ хлебомъ насущнымъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Къ словамъ тутъ конечно никто придираться не станетъ, и вѣсто рабочаго дня можно пожалуй взять рабочий годъ. Мысль о томъ, чтобы удвоить и утроить производство страны, какъ можно удвоить и утроить заказъ на фабрикѣ, независимо отъ пропорціональнаго увеличенія труда, капитала, народонаселенія и сбыта, въ особенности независимо отъ современнаго развитія умовъ (что требуетъ большихъ заботъ и обходится очень дорого), — мысль такая нелѣпа, еще нелѣпѣе квадратуры круга; это противорѣчіе, бессмыслица.

Любопытно было бы вычислить средній дневной доходъ человечества. Для одной Франціи лѣтъ тридцать назадъ считали кто 56 сантимовъ, кто 69 сантимовъ. Г. Шевалье, членъ законодательнаго собранія, въ недавней рѣчи своей о бюджетѣ, опредѣлялъ весь годовой доходъ цѣлой Франціи въ 13 миллиардовъ. Потомъ въ его рѣчи были указаны въкоторыя ошибки и преувеличенія, такъ что можно довольно приблизительно положить этотъ доходъ въ 11½ миллиардовъ. Это составитъ на душу въ день 87½ сантимовъ или 22 копѣйки, а на семью, состоящую изъ отца, матери и двоихъ дѣтей — 88 копѣекъ. На эти деньги можно жить бѣдно, но можно быть сытымъ, обутымъ, одѣтымъ. Еслибы даже наименьшій доходъ былъ не болѣе 44 копѣекъ для всѣхъ почти семействъ Франціи, а наибольшій доходъ немногихъ семействъ 4 или 5 рублей въ день, причемъ каждое семейство производило бы то, что потреблеть, то при общей бѣдности не было бы вовсе пауперизма, нищеты. Нація пользовалась бы тогда неслыханнымъ благосостояніемъ.

Но разстоянія между богатствами далеко не такъ умѣренны. Бѣдныя семейства далеко не получаютъ 44 коп. въ день, а богатые не довольствуются десятичнымъ доходомъ. По недавнимъ вычислениямъ одного ученаго и добросовѣстнаго экономиста, большая часть населенія Британіи тратитъ на себя въ день не болѣе 6 копѣекъ на душу и не считается нищимъ. Съ другой стороны извѣстно, что въкоторыя богатства простираются не до четырехъ или пяти рублей дневнаго дохода, а до 20, 50, 100, 1000 и даже до 3000 рублей дохода въ день. Такое большое неравенство составляетъ причину нищеты: семейство, получающее менѣе 44 коп. въ день за работу, должно по справедливости считаться нищимъ.

Бѣдность далеко еще не есть несчастье; бѣдность — естественное, нормальное состояніе человѣка, а нищета есть бѣдность ненормальная, дѣйствующая разрушительно. Отчего бы она ни происходила, она состоитъ въ недостаткѣ равновѣсія между издержками че-

ловѣка и его нуждами. Когда работникъ получаетъ для себя и своей семьи менѣе 41 коп. въ день, онъ не можетъ возстановить свои силы, поддерживать хозяйство, воспитывать дѣтей и еще менѣе того — развивать свой разумъ. Незамѣтно онъ впадаетъ въ уныніе, въ безправственность. Онъ терпитъ медленный голодь, продолжающійся каждую минуту, всякій день, круглый годъ, всю жизнь. Этотъ голодь не убиваетъ сразу, въ одинъ день, а состоитъ изъ всѣхъ лишеній и всѣхъ сожалѣній; онъ безпрерывно подкапывается подъ здоровье человѣка, изсушаетъ умъ, производитъ всѣ болѣзни и всѣ пороки; производитъ лѣность, отвращеніе отъ работы, нищету, робость характера, низость чувства.

У такъ-называемыхъ богатыхъ людей дѣло идетъ иначе. Доказано опытомъ, что чѣмъ болѣе непронзводительный человѣкъ истреляетъ, тѣмъ болѣе и болѣе всякій день ему нужно, вслѣдствіе раздраженія аппетита и недѣятельности мускуловъ и мозга. И по мѣрѣ того какъ богатый уступаетъ этимъ потребностямъ, нищета осаждаетъ его все болѣе и болѣе, онъ становится расточительнымъ и въ тоже время скупымъ и жаднымъ. Все касающееся алчности, относится и до другихъ наслажденій: человѣкъ становится въискательнѣе, по мѣрѣ ихъ удовлетворенія. Мало-помалу фантазія и тщеславіе принимаютъ участіе въ дѣлѣ, и тогда недостаетъ уже никакихъ богатствъ; среди наслажденій онъ становится бѣднякомъ. Касса у него пустѣетъ, и пауперизмъ овладѣваетъ имъ совершенно, толкаетъ его въ раскованныя предпріятія, въ нелѣпыя спекуляціи, въ игру, въ мошенничество, и наступаетъ позорнѣйшее разореніе.

Это только крайности пауперизма: но между ними происходитъ тоже самое. Люди средней руки тянутся за богачами. Отецъ семейства, мучимый воображаемыми нуждами, мечтаетъ о томъ, чтобы, какъ онъ говоритъ, *поправиться, улучшить свое положеніе*, что чаще всего значить — увеличить роскошь и издержки. Заранѣе наслаждаясь этою мыслью, онъ дѣлаетъ заемъ у будущаго, и скоро наступаетъ повсюду недочетъ. Отсюда общее затрудненіе въ дѣлахъ, финансовыя и коммерческія кризисы, банкротства, увеличенія долговъ.

Привычное поклоненіе демону богатства могло имѣть мѣсто нѣ въ которое время. Но оно должно исчезнуть передъ явнымъ опытомъ, который гласитъ, что человѣкъ, осужденный на ежедневный трудъ, на строгую умѣренность, долженъ искать своего человѣческаго достоинства не въ удовлетвореніи роскоши, не въ пустомъ тщеславіи. А мы, возло природѣ и правдѣ, протестуемъ противъ законовъ бѣдности и умѣренности; — вотъ за это всѣхъ насъ и одолеваетъ паупе-

ризмъ, а за нимъ, за нищетою, идутъ неизбежные спутники ея: несогласія, вражда, война.

Что внутреннія несогласія, вражда и перевороты происходятъ всё отъ пауперизма, этого не надо и доказывать. Вся исторія это показываетъ. Отъ того времени, какъ римскій народъ удался на священную гору до послѣдняго провозглашенія принципа свободной торговли трактатомъ между Франціей и Англіей, всё политическіе, экономическіе и религіозные перевороты сводятся на заботы объ обеспеченіи для рабочихъ массъ хотя наименьшаго дохода, напр. 44 коп. въ день на семью.

Въ 1789 произошла во Франціи революція противъ финансоваго недочета, противъ феодальныхъ правъ, противъ привилегій корпорацій, противъ неправильнаго распределенія тягостей — стало-быть противъ порядка вещей, наиболѣе способствующаго уничиженію народа. Въ 1799 пауперизмъ одолѣлъ среднее сословіе, мѣщанство. Всѣ кричатъ о бѣдности. Директорія объявляетъ банкротство; пятипроцентныя облигаціи продаются за десятую долю своей цѣны; капиталисты получаютъ свой непрерывный доходъ ассигнаціями и умираютъ съ голоду; эти обстоятельства производятъ переворотъ, которымъ свергнута директорія, и Бонапартъ объявленъ первымъ консуломъ. Въ 1830 старшая линія Бурбоновъ пала, потому что всѣ платившіе были недовольны; имъ казалось, что они заплатили миллиардъ эмигрантамъ въ счетъ возстановленія ихъ феодальныхъ правъ. Церковь тоже протестовала и требовала возвращенія своихъ имуществъ. Въ 1848 дѣла были въ застоѣ, спросъ на трудъ ничтожный; массы требовали себѣ правъ, думая, что только при помощи этихъ правъ они могутъ найти работу и хлѣбъ. Въ 1851 году обстоятельства сложились наоборотъ, и принцъ Наполеонъ имѣлъ блестящій успѣхъ потому, что консерваторы смотрѣли на него какъ на охрану, а народъ видѣлъ въ немъ покровителя противъ злоупотребленій сильныхъ міра сего.

Все это повторяется во всѣхъ переворотахъ политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ. Всѣ перевороты основаны въ глубинѣ своей на интересахъ, стало-быть обращены противъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, привилегій, дармоѣдства, нищеты, голода. Въ XVI вѣкѣ, во время реформаціи, стѣсненіе въ дѣлахъ было общее и давно общій голосъ объявлялъ въ этомъ Римъ. Католическая церковь, кромѣ доходовъ съ огромныхъ имѣній своихъ, начала всевозможные сборы десятинами, аннатами, индульгенціями и пр., и большая часть этихъ доходовъ стекалась въ Римъ. Народъ былъ бѣденъ, а религіозныя конгрегаціи богаты. Зависть стѣдала бѣдняковъ, и богачей, и знатныхъ, и знатнѣйшихъ. Главная, освоен-

ная причина переворотовъ всегда оставалась таже, но поводы приводятся совсѣмъ иные, смотря по обстоятельствамъ. Такъ Филиппъ-красивый, весьма нуждавшійся въ богатствахъ рыцарей храмовниковъ, обвинилъ ихъ въ безнравственности и въ безбожїи. Конечно, они были народъ не совсѣмъ невинный; но вѣкто же не сталъ бы очень сильно заботиться о ихъ добродѣтеляхъ, еслибы они были не такъ богаты.

Такъ причиною внутреннихъ переворотовъ и несогласій всегда бываетъ пауперизмъ. Онъ же составляетъ всегда причину вѣшнихъ войнъ. Статистика доказала несомнѣнно, что посягательства на чужую собственность становятся рѣже по мѣрѣ увеличенія благосостоянія массъ. У кого есть чѣмъ жить, тотъ вообще мало занимается своимъ сосѣдомъ. Точно также и у народовъ. Какъ въ государствѣ не будетъ рѣзкихъ переворотовъ, когда потребности гражданъ удовлетворены, такъ и между государствами не будетъ войны, ежели не встанетъ ихъ въ войну неодолимая сила пауперизма. Если у націи есть извѣстная доля свободы (пропорціальная степени умственного развитія), безопасности и средствъ къ жизни, она не очень будетъ заботиться о сосѣдяхъ, не станетъ толковать о слитїи, о присоединенїи, объ исправленїи границъ. Вся исторїя подтверждаетъ это самымъ несомнѣннымъ и безспорнымъ образомъ.

Когда народы-пастыри накинулись на Египетъ, они дѣйствовали очевидно подъ вліяніемъ жестокой нищеты. Нѣсколько вѣковъ держали они Египетъ какъ оброчную статью, а когда потомъ египтяне ихъ прогоняли, то они повиновались той же самой причинѣ. Но были тутъ приводимы и политическіе доводы. «Вы работали, — могли сказать древніе бедуины, — вы нарыли каналовъ, вспахали землю, настроили городовъ; это прекрасно. Но кто далъ вамъ эту собственность? Если вы намъ будете платить дань, то это будетъ только справедливымъ вознагражденїемъ». — Одни требуютъ, другїе отказываютъ: война. Въ старину, въ древности война была простымъ грабежомъ, безъ всякой маски, и древніе герои этого не скрывали. Вся политика древнихъ египтянъ, ассиріянъ, мидянъ, персовъ состояла въ томъ, чтобы дѣлать набѣги, требовать дани, подъ страхомъ пожаровъ и поголовнаго истребленія. Знаменитые аргонавты плавали въ Колхиду за золотомъ, и считались героями. Гаалы, кимвры, тевтоны, гунны, аланы, монголы, мадьяры, всѣ дѣйствовали такимъ же образомъ. Народъ встаетъ какъ одинъ человекъ, идетъ гурьбою въ болѣе богатую страну, забираетъ земли, или по крайней мѣрѣ требуетъ права прохода, и ведетъ переговоры, и проходя, пользуется правомъ войны, грабить. Тамъ, гдѣ такая ватага остановится и успѣетъ одолѣть

туземцевъ, если сама не будетъ истреблена, тамъ образуется новое государство, и риторы, поэты, историки ищутъ славу основателя. Долгое время разбойничество и пиратство было въ большомъ почетѣ. Скандинавскія саги только и дѣлаютъ, что восхваляютъ разбойничьи подвиги. До послѣдняго времени вылавливались крейсерекии свилѣтельства, имѣющія цѣлью вооруженія частныхъ людей для пиратства. До сихъ поръ въ горахъ Греціи, Испаніи и Калабріи разбойники пользуются большою популярностью.

Въ историческія времена Греціи обыкновенное пиратство и разбой замѣнились положеніемъ дани. Но Спарта еще была организованною шайкою разбойниковъ. Война для грабежа, и грабежъ какъ средство жизни — вотъ въ чемъ состояли учрежденія Лакурга. Ссора между Спартой и Афинами произошла изъ раздѣла городовъ-даниковъ. Теперь, въ XIX вѣкѣ, все это кажется намъ возмутительнымъ, чудовищнымъ. Цѣлые города и области составляютъ оброчныя статьи двухъ-трехъ городовъ. При воспоминаніи объ этомъ много теряетъ слава бойцовъ при Маратонѣ и Термопилахъ. Любопытенъ поводъ пелопонезской войны. Корцира, колонія Коринѳа, сама основала колонію Эпидавръ. Вѣроятно на основаніи того, что приплодъ отъ животныхъ принадлежитъ хозяину, коринѳяне требовали себѣ Эпидавръ, а корциряне его не давали. Афиняне приняли сторону корцирянъ, то-есть признали за данникомъ право имѣть своихъ данниковъ. Оиванцы взяли сторону коринѳянъ, и война возгорѣлась. Въ тѣ времена грабежъ былъ до такой степени сущностью войны, причиною, поводомъ и цѣлью, что спартанцы напрямѣръ вступили сухимъ путемъ въ Аттику, а афиняне на корабляхъ поплыли грабить Пелопонезъ. Посовѣтовалъ эту мѣру Периклъ, считывая, что нечего рисковать битвой, когда можно безъ всякой опасности добыть столько добычи, что разореніе вслѣдствіе спартанскаго вторженія съ излишкомъ окупится.

Александръ-македонскій, вступивъ на престолъ, началъ съ того, что освободилъ всѣхъ своихъ подданныхъ отъ всевозможныхъ налоговъ и тягостей, а требовалъ только людей для войска. Стало-быть онъ варягѣ, съ намѣреніемъ отнялъ у себя всѣ средства, считывая, какъ въ началѣ вышнѣшняго столѣтія другой знаменитый воевода, войну питать войною. Тѣмъ, кто остался дома, заранѣе зачитывалась ихъ доля добычи освобожденіемъ отъ налога.

Впослѣдствіи завоеватели стали присоединять данниковъ къ своему государству. Римляне присоединяли области и царства, чтобы кормить голодный городъ; но присоединеніемъ только называлось обложеніе данью. Ближе къ нашему времени войны приняли другой характеръ. Въ большихъ государствахъ, какъ напр. въ Англіи

и Франціи, недостатокъ экономическаго равновѣсія заставляетъ без-
мрестанно искать въѣ страны средства для пополненія непрерывныхъ
недочетовъ. Государству, котораго населеніе увеличивается, которое
страдаетъ пауверизмомъ, нужно увеличить свои средства, расши-
риться, нужны колоніи, сообщенія, необходимо обладаніе цѣлымъ
теченіемъ рѣкъ, горныхъ проходовъ, моря, нужно все это завое-
вать и присоединить. Потомъ нужно завоеванное сохранить, обез-
нечить себѣ съ него доходъ, противиться вторженіямъ извнѣ и
внутреннимъ возстаніямъ: все это требуетъ непрерывнаго разви-
тія силъ, поддержанія хроническаго военнаго положенія. Но всего
этого еще мало. Государство, какъ тѣло органическое, стремится
къ росту, къ увеличенію, до тѣхъ поръ пока его увеличеніе не бу-
детъ ограничено другимъ, сосѣднимъ органическимъ тѣломъ. Надо
округляться, занять стратегическіе пункты, овладѣть проходами,
установить границы, защититься отъ вторженія не только чужихъ
войскъ, но и чужихъ товаровъ. Дѣятельность таможенъ имѣетъ
видъ покровительства интересовъ, предохраненія отъ убытковъ, отъ
той же нищеты, отъ пролетаріата.

А теперь всѣ государства въ Европѣ терпятъ недочеты. Каждая
нація производитъ только свое необходимое, и человѣчество всякій
день проситъ у Бога и у труда своего хлѣба насущнаго. Но расходъ
постоянно и несравненно выше прихода, именно потому, что чело-
вѣчество, вѣри въ возможность богатства, сообразно съ этой вѣрой
и поступаетъ. Долги европейцевъ, какъ государственные, такъ и
закладные, доходятъ до цифры, можетъ-быть превышающей сто
миллиардовъ, и замѣчательно, что болѣе всего отягощены страны
самыя производительныя, дѣлающія наиболѣе дѣль. Эти же страны
оказываютъ наиболѣе наклонности къ войнѣ, къ завоеваніямъ, къ
захватамъ. Въ послѣдніе четыре вѣка открытія мореходовъ дали
различнымъ державамъ Европы многіе источники доходовъ и
огромныя пространства для колонизаціи. Различныя колоніи въ
другихъ частяхъ свѣта имѣли большой вѣсъ въ мирѣ Европы. Но
это положеніе долго продолжаться не можетъ. Скоро на свѣтѣ не оста-
нется ни одного свободнаго уголка; вездѣ почти земля составляетъ
уже собственность; нѣкогда пустынные страны наполняются евро-
пейскими колонистами и потомъ становятся неприятелями своимъ
метрополіи. Что же останется для новыхъ захватовъ? Когда Индія,
Австралія, острова Океаніи, Африки, всѣ страны, изъ которыхъ
теперь европейцы высасываютъ себѣ выгоды, объявятъ себя сво-
бодными; когда эти страны устроятъ свои фабрики, возвысятъ
цѣну своихъ продуктовъ, и не станутъ давать Европѣ ничего ина-
че, какъ за настоящую цѣну, — тогда всѣ народы земнаго шара бу-

дутъ блокированы одни другими и оттѣснены каждый въ глубину своего пауперизма. Тогда, если не возстановится вездѣ равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, между размноженіемъ людей и усиленіемъ промышленныхъ способовъ, тогда въ политическихъ поводахъ недостатка не будетъ, и разразится борьба неумолимая, всемірная, борьба изъ-за куска хлѣба.

Теперь война смотритъ во всѣ окна, стучится во всѣ двери, и если смотрѣть только съ политической точки зрѣнія, то такой запутанности еще никогда не бывало. Возникаютъ вмѣстѣ всѣ вопросы, трудные, раздражающіе, поставленные съ неопредѣленностью и сложностью, которыя способны привести въ отчаяніе самаго опытнаго дипломата и бросить въ войну массы народовъ: вопросъ политической реформы и національностей; вопросъ европейскаго равновѣсія и естественныхъ границъ; вопросъ централизаціи и федераціи; вопросъ о вмѣшательствѣ, невмѣшательствѣ и протекторствѣ; вопросъ о духовномъ и свѣтскомъ; вопросъ рабства и вопросъ невольничества; вопросъ о торговлѣ свободной и обязательной; вопросъ о жизни и смерти государствъ и о наследованіи остатками; вопросъ о ихъ полной независимости и о подчиненіи верховному конгрессу или сейму. Это все общіе вопросы; а сколько еще частныхъ или спеціальныхъ!

Правительства, въ высокой практической мудрости своей бояся войны и дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы ее избѣгнуть. Но они обязаны предвидѣть ее и къ ней готовиться: а только этого и надо, чтобы война разразилась.

Говорятъ еще, что нѣкоторые полководцы ведутъ войны за идеи. За торжество своей идеи, справедливость которой требуется еще доказать, бросить въ добычу смерти сотню тысячъ людей, это — было бы жестоко, еслибы не было фразой. Что представляютъ идеи? — Конечно интересы, то-есть выгоды, то-есть то же бѣгство отъ пролетаріата. Изъ-за чего поддерживать независимость Турціи? Пустяки! Бейрутская экспедиція и вмѣшательство европейской комиссіи въ черногорскія дѣла показываютъ, что эта независимость цѣнится ни во что. Дѣло въ томъ, что Турція, такъ какъ она есть, составляетъ хорошій рынокъ и потому — стоитъ на пути въ Индію. Стало-быть ея независимость есть только фигуральное выраженіе, означающее только то, что бумажные фабриканты требуютъ сбыта, а сообщенія съ выгодною въ денежномъ отношеніи Индіей требуютъ обезпеченія, и потому должны быть въ слабыхъ рукахъ. Изъ-за чего затѣвается теперь походъ? Причина все таже: пауперизмъ. Много испанцевъ, французовъ и англичавъ искали счастья, то-есть богатства въ Мексикѣ. Если они

уѣхали туда, то ужь конечно выгнаны были ницетю, потому что отъ добра добра не ищутъ. Тамъ они потерпѣли большіе убытки и впади въ пролетаріятъ горше прежняго. Точно также много европейскихъ капиталовъ, бѣжавшихъ изъ дому отъ малыхъ, но вѣрныхъ процентовъ къ большимъ, но невѣрнымъ, затрачено въ мексиканскій заемъ, который вовсе не платится. Капиталы эти переведены были въ Мексику тоже вслѣдствіе ницеты капиталистовъ, которымъ не хватило процентовъ на прожитокъ. Поэтому теперь правительство испанское, французское и англійское вынуждены выручать своихъ изъ ницеты и предпринимаютъ походъ аргонавтовъ за золотымъ руномъ. Добрый путь! тѣмъ болѣе, что это далеко не послѣдній походъ.

ФРАНЦУЗСКІЯ ДѢЛА

Третьяго октября, въ 65 верстахъ отъ Парижа, въ городѣ Компьенѣ, произошла большая суматоха. Достопочтенный меръ этого города, г. Арашкенъ собралъ муниципальный совѣтъ, объявилъ ему, что 6 числа будетъ въ ихъ городѣ его величество король прусскій и предложилъ на обсужденіе, какія должны быть приняты мѣры и сколько можетъ быть израсходовано денегъ, чтобы сдѣлать какъ можно болѣе блестящую встрѣчу его прусскому величеству. Муниципальный совѣтъ, понимая всю важность дѣла, разрѣшилъ ему тратить деньги безъ всякаго ограниченія какой бы то нибыло цифрой, только чтобы было хорошо и исполнѣ достойно добраго императорскаго города Компьеня. Въ ночь съ 3 на 4 октября началась въ городѣ возня неслыханная. Вся дорога отъ станціи желѣзной дороги до императорскаго дворца покрылась рабочими, которые начали строить разныя колонны, триумфальныя арки и прочія украшенія. Работа кипѣла впродолженіе всего четвертаго числа, и жители города заранѣе восхищались выраженіемъ своихъ политическихъ убѣжденій плотничной работы. Г. Арашкенъ работалъ за десятерыхъ, былъ всадъ, все видѣлъ, все наблюдалъ, и распоряжался какъ главнокомандующій, который никогда не знаетъ покою и ни въ какихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ не теряетъ присутствія духа.

Городъ Компьень лежитъ въ 65 верстахъ отъ Парижа. Это красивый городокъ съ 11,000 жителей, процвѣтающій, благодаря таинственному старинному дворцу, отдѣланному при нынѣшнемъ императорѣ великолѣпно. При дворцѣ прекрасный лѣсъ въ 15,000 десятинъ, прорѣзанный въ разныхъ направленіяхъ шоссейными дорогами, а въ этомъ лѣсу еще особенный небольшой, плотно огорожен-

ный паркъ, туго набитый дичью, зайцами, оленями, дикими козами, фазанами и т. д., точно какъ рыбный садокъ наполненъ бываетъ рыбой.

Вечеромъ 4 числа, въ самомъ разгарѣ работъ, получено было повелѣніе не дѣлать никакихъ торжественныхъ приготовленій. Вдругъ приказано было все сломать, и рабочіе, не покидая товара, стали ломать еще порошннѣе чѣмъ строили. Триумфальныя арки, разные колоны, столбы съ перекладинами, шиты съ изображеніемъ вензеля короля Вильгельма, все было снесено и щепки тщательно убраны. Достоятелнннй мэръ Арашкенъ былъ очень огорченъ, но совершенно напрасно, такъ какъ дѣло для него состоитъ не въ триумфальныхъ аркахъ, а въ оказаніи достодолжнаго усердія, вензеля денегъ своихъ согражданъ. Не теперь, такъ послѣ готовность его отзовется; усердіе его не пропадетъ. Но добрые жители добраго города Компьеня были очень огорчены: имъ показалось уже, что его величество король прусскій опять отложилъ свой прїѣздъ. Но эти мрачныя оцасенія скоро разсѣялись, когда слѣзилось извѣстннмъ, что самъ король Вильгельмъ не желалъ пышной встрѣчи. Пятаго числа, въ 5 часовъ и 5 минутъ пополудни, на колокольнѣ императорской придворной церкви св. Іакова раздадся радостный набатъ, раздававшій жителямъ прїѣздъ на станцію императорскаго вокзала. День былъ торговый; народу изъ окрестныхъ деревень было множество, и ни одинъ крестьянинъ не ушелъ домой, не добившись чести взглянуть на своего императора. Поэтому дорога отъ станціи до дворца была запружена народомъ. Безъ сомнѣнія, густая толпа радостнаго и благодарнаго народа, носящаго триумфальныя арки въ своемъ снрацѣ, гораздо почетнѣе триумфальныхъ аркеъ плодннчной работы.

На другой день, 6 числа, изъ Парнжа съѣхалось въ Компьенъ безчисленное множество любопытныхъ. Поѣзды желѣзной дороги одирались каждый часъ, а потомъ и каждые полчаса, и все-таки мѣста въ вагонахъ не было. Очень многимъ пришлось ночевать въ Компьенѣ; но не только не было мѣста въ гостнннцахъ, трудно было достать мѣсто, даже въ какой-нибудь комнннѣ, чтобы переночевать. Небогатые домовладѣннцы въ этотъ день и въ слѣдующій дѣлали хорошія дѣла, какъ встарину у насъ въ Петербургѣ. Имели да комнату съ тремя напр. кроватами, они брали по 150 и по 200 фр. въ сутки.

Около половины шестого дня прїѣзды придворныхъ каретъ, такъ какъ дверней, прїѣхали на станцію желѣзной дороги, чтобы тамъ ожидать короля прусскаго. Черезъ полчаса послѣ того послѣ торжественные крики: да здравствуетъ императоръ! вознѣстнли шр-

бытіе еще кареты, которой никто не ожидаетъ. Самъ императоръ пріѣхалъ на станцію съ двумя адъютантами, генераломъ Флэри и генераломъ Монтебелло и съ однимъ изъ своихъ шталмейстеровъ, маркизомъ де Ко, чтобы встрѣтить своего августѣйшаго гостя. Ожидая королевскаго поѣзда, его величество четверть часа прохаживался по станціи и съ участіемъ распрашивалъ обо всѣхъ подробностяхъ желѣзной дороги.

Ровно въ шесть часовъ на станціи остановился поѣздъ великолѣпныхъ императорскихъ вагоновъ съ королемъ Вильгельмомъ I и всею его свитой. Король прусскій, во фракѣ, первый ступилъ на платформу, и повидному былъ въ восторгѣ отъ чрезвычайной внимательности, съ какою императоръ пріѣхалъ его встрѣтить. Оба государя дружелюбно пожали другъ другу руки, обмѣнялись нѣсколькими словами, тотчасъ прошли залъ станціи и сѣли въ первую карету, которая подѣхала. Императору угодно было, чтобы король Вильгельмъ занялъ въ ней почетное мѣсто, а самъ сѣлъ съ лѣвой стороны. Ни одинъ изъ адъютантовъ не сѣлъ въ ту же карету, и такъ какъ было условлено, что встрѣча произойдетъ безъ всякой торжественности, то за каретой не было никакой почетной охраны. Черезъ четверть часа весь поѣздъ каретъ выѣхалъ на дворцовый дворъ.

Ея величество императрица, имѣя у себя съ правой стороны княгиню д'Эслингъ, а кругомъ статсъ-дамъ и другихъ придворныхъ чиновъ, встрѣтила короля внизу большой почетной лѣстницы. Чувствуя такую высокую предупредительность, король прусскій наклонился два раза, чтобы дважды поцѣловать руку императрицы, которую король держалъ въ своей рукѣ, а потомъ подъ руку съ нею поднялся въ первый этажъ. Императоръ шолъ подъ руку съ княгинею д'Эслингъ. Оставшись нѣсколько минутъ въ большомъ залѣ, гдѣ огромныя вазы севрскаго фарфора были нагружены тропическими ароматическими растеніями, императоръ отвелъ короля въ приготовленные ему покои. Эти покои помѣщаются въ правомъ флигелѣ дворца. Меблировка комнатъ — въ стилѣ Людовика XVI. Спальня короля была обтянута бѣлою шелковою матеріей, тканую въ узоръ. Кресла и стулья голубого полку.

Въ половинѣ седьмого ихъ величества сѣли за столъ. Это былъ семейный обѣдъ, всего на тридцать приборовъ; тамъ присутствовали только три министра, бывшіе въ Компьенѣ: министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Персигни, государственный министръ Валевскій и министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенель. Остальные собесѣдники были разныя придворныя дежурныя при императорѣ и императрицѣ, а

послѣ обѣда, въ девять часовъ, была на дворцовомъ дворѣ охота за оленемъ.

Втеченіи дня императорская охота, подъ начальствомъ барона Ламберта, охотилась за оленемъ, который потомъ живой и былъ доставленъ во дворецъ. Въ девять часовъ открылись окна оружейнаго зала; король Вильгельмъ показался на балконѣ подъ руку съ императрицей, а императоръ сталъ по правую его руку. Шестьдесятъ лакеевъ въ великолѣпныхъ ливреяхъ освѣтили дворъ факелами и сдерживали любопытство толпы, для которой открыты были всѣ ворота. Три раза трубы проиграли торжественные охотничьи туши, три раза собаки бросались на оленя, но всякій разъ были отхлонуты бѣжачи, оглашая дворъ, дворецъ и всю окрестность радостнымъ лаемъ и жалобнымъ визгомъ. Наконецъ олень былъ имъ данъ. Короля прусскаго весьма заняло это зрѣлище.

Вечеръ долженъ былъ кончиться бесѣдою.

На другой день, 7 числа, въ девять часовъ утра августѣйшій гость любовался великолѣпнымъ отдѣльнымъ паркомъ и видомъ на прекрасный комьеньскій лѣсъ. Вокругъ ихъ величествъ была вся императорская охота, маршалъ Маньянъ, князь де-ла Москова и маркизъ Тулонжонъ. Началась ружейная охота, съ такимъ жаромъ, съ такимъ оживленіемъ, что продолжалась до половины перваго. При чрезвычайномъ изобиліи дичи, убито было 762 штуки. Императоръ убилъ сто три штуки, король прусскій сто одну, а князь Рейсъ — сто сем.

Было уже около часу, когда весь дворъ сѣлъ за завтракъ, приготовленный съ изумительнымъ великолѣпіемъ на 76 приборовъ.

Въ три часа пополудни изъ дворца въѣхало въ лѣсъ пять большихъ шарабановъ, по двѣнадцати мѣстъ каждый. Императоръ, императрица и король прусскій занимали первую лавку въ первомъ шарабанѣ. Императрица была одѣта во вкусъ временъ Людовика XV, въ сѣромъ платьѣ. На головѣ у нея была низенькая шляпа съ поднятыми по бокамъ полями, украшенная пѣтушьими перьями. Сначала предполагалось остановиться у Петровскихъ прудовъ, гдѣ была приготовлена закуска въ новомъ императорскомъ сельскомъ домикѣ. Но такъ какъ было уже довольно поздно, то проѣхали прямо въ Пьерфонъ, котораго великолѣпныя развалины теперь реставрируются и возобновляются.

Пьерфонъ — живописная развалина стариннаго феодальнаго замка, построеннаго въ XIV столѣтіи Людовиномъ орлеанскимъ, въ шестнадцати верстахъ отъ Компьена. Весьма часто онъ служилъ разбойничьимъ притономъ. Знаменитый Ріе занималъ этотъ замокъ отъ имени лиги, держался тамъ съ большою шайкою разбойниковъ и при помощи ихъ собиралъ дань съ окрестныхъ селъ, грабилъ

кунцовъ и всакихъ профаннхъ. Онъ сопротивлялся тамъ всѣмъ атакамъ, лучшнхъ полководцевъ Генриха IV... Теперь эта развалина съ большою любовью возобновляется императоромъ Наполеономъ.

Въ стѣнахъ самаго замка, на глыбахъ камней была приготовлена закуска, состоявшая изъ холоднаго мяса и плодовъ. Генералъ Флеря сдѣлалъ тутъ ихъ величествамъ поэтической сюрпризъ: онъ повѣстнлъ во рву замка оркестръ гвардейскихъ музыкантовъ. Первыя звуки музыки послышались слабо, едва внятно, подобно звукамъ золотой арфы, пощажонной временемъ среди развалинъ. Король прусскій казался въ восторгѣ отъ этой деликатной сценической обстановки. Закуска была очень оживлена: императрица любить эти маленькіе сельскіе праздники.

Въ шесть часовъ, когда уже становилось темно, дворъ вернулся въ Компьень, объѣхавъ кругомъ пьерфонскія развалины. За императорскимъ поѣздомъ ѣхало по лѣсу вѣскольке сотъ экипажей.

Въ семь часовъ былъ большой обѣдъ на восемьдесятъ приборовъ. Въ девять часовъ король прусскій, подъ руку съ императрицей, и императоръ, подъ руку съ княгинею Анною Мюратъ, вошли въ императорскую ложу компьеньскаго театра. Императоръ и король прусскій, оба въ черныхъ фракахъ, сѣли посрединѣ ложи. Налѣво отъ короля сидѣла императрица, направо отъ императора княгиня Анна Мюратъ. На императрицѣ было бѣлое платье помпадуръ съ букетами розъ; на шеѣ великолѣпное брильянтовое ожерелье. На императорѣ была лента чернаго орла, а на королѣ прусскомъ лента почетнаго легіона. Позади ихъ величества, блистая лентами, орденами и нарядами, сидѣли маршалы, генералы, министры, придворныя чины и дамы.

Сыграны были двѣ веселенькія пьесы, по поводу которыхъ ихъ величества вѣскольке разъ подавали сигналы къ восторженнымъ рукоплесканіямъ, а въ половинѣ двѣнадцатаго спектакля былъ концертъ, и дворъ возвратился въ пріемныя апартаменты.

Осьмого октября, около десяти часовъ утра, полкъ колоновожатыхъ и батальонъ гвардейскихъ зуавовъ въ полной парадной формѣ вступили во дворецъ. Смотръ, который хотѣлъ сдѣлать король прусскій, ожидался на главной дорогѣ, ведущей черезъ лѣсъ, почему эта дорога заранѣе осаждена была зрителями. Другіе говорили, что смотръ будетъ на дворцовомъ дворѣ: и тамъ собралось множество народу. Каково же было общее удивленіе, когда войско вошло въ отдѣльный паркъ, куда уже никто попасть не могъ. Императоръ и король, оба въ гражданской одеждѣ, прогуливались уже на большой азелсинной терасѣ, когда зуавы и колоновожатые двистроились на большомъ дугу, перелѣвляя, Вскорѣ ихъ величе-

ства, и събировавшихся приехъ маршаловъ и высшихъ генера-ловъ; сошли внивъ, а императрица и придворныя дамы остались на террасѣ, чтобы наслаждаться общимъ видомъ. Король прусскій объѣзжалъ всея подробности вооруженія пѣхотнаго и коннаго бо-даты и съ болѣебшнми похвалами говорилъ о французскомъ войскѣ.

Въ полудни двѣнадцатаго были подали завтракъ на всемъде-сятъ приборовъ въ большомъ залѣ Дианы, знаменитомъ богатѣй-пиею позлавою и необыкновеннымъ вкусомъ отдѣлки. Въ четверть перваго король простился съ императрицей и поѣхалъ вмѣстѣ съ императоромъ на станцію желѣзной дороги. Императоръ оставилъ своего августѣйшаго гостя на ступеняхъ вагона; и все бывшiе при прощаннн государей явственно могли слышать, что король прусскій выражалъ императору свою благодарность за внимательный приѣмъ. Онъ прибавилъ даже, тономъ болѣе короткимъ и дружельюбнымъ: «попробуйте за меня вашего сына». Потомъ онъ дружески пожалъ руку императора и пошелъ въ вагонъ. Тогда откланялись импера-тору генералы и офицеры королевской свиты; каждому изъ нихъ это величество пожалъ руку, и остался на площадкѣ до тѣхъ поръ, пока поѣздъ тронулся.

Черезъ пять дней послѣ того прѣхалъ въ Кошнень король ви-хбергидскнй Вилгельмъ III. Его посѣщенiе было продолжительнѣе только что разсказаннаго нами, и въ немъ довольно много сходнаго, такъ что мы не станемъ разсказывать о немъ такъ подробно. Онъ прѣхалъ 13 числа. На другой день точно также ѣздилъ въ Пьер-фонъ, закусывали тамъ и слушали музыку, а вечеромъ присутство-вали на парадномъ спектаклѣ. На третнй день быласовая охота за оленемъ, замѣчательная въ особенности тѣмъ, что въ этотъ день вѣнгерскнй братъ императорскнй принцъ присутствовалъ на охотѣ въ настоящемъ охотничьемъ костюмѣ и съ начала охоты верхомъ. Онъ получилъ пулю, что и было причиною особеннаго прекраснаго семейнаго праздника. Известно, что немногие удостоиваются чести быть приглашеннымъ на императорскую охоту, а въ приглашен-нымъ весьма немногие; за свою ловкость и прнтное обращенiе, по-лучаютъ право являться на охоту въ особенномъ, присвоенномъ для охоты мундирѣ: зеленый пиджакъ съ золотымъ и серебрянымъ шнуромъ по швамъ, амагантовнй жилетъ и бѣлые лосины. Удо-стоенные этой высокой чести получаютъ особенную музыку, а это въ родѣ орденна почетнаго охотничьяго легiона. Публика, стоявши толпами на всехъ перекресткахъ кошненьскаго лѣса; встрѣчалъ троякимъ рукоплесканнми юнаго тештвѣчнаго принца, вхавшаго на сборное мѣсто въ полной охотничьей формѣ на маленькой ло-шадкѣ плавной масти. Императоръ и императрица, вхавше сяди

сы переломъ Вильгельмовъ въ шардбанѣ, — не могутъ быть военнаго вида, — самое трогательное впечатлѣніе производитъ на зрителей новый кавалеръ императорской охоты.

Ночью началась охота, императоръ и императрица съ дворянами, также какъ и принцеса Анна Миорать и большая часть придворныхъ. Загнали оленя, прогонявъ его цѣлые полтора часа. Вечеромъ того же оленя травилъ собаками на дворцовомъ дворѣ, при саадакѣ, со всею пышностью, какая была при королѣ прусскомъ.

Черезъ два дня послѣ этого король осматриваетъ ферманскую палатку, а послѣ завтрака, близъ Трианона, была охота большая охота, но не этотъ разъ ружейная, — подъ руководствомъ князя дель-Мосева, императорскаго оберъ-егермейстера. Ихъ величества со свитомъ убили 1320 штукъ дичи. Цѣлье три часа продолжался въ лесу батальный огонь. На долю ихъ величествъ досталось штукъ по нѣскольку.

Между тѣмъ на мадонномъ дворѣ трианоннаго павильона выстроилась батарея гвардейской артилеріи, чтобы извѣстивать при присутствіи нидерландскаго короля, который выразилъ желаніе видѣть это новаское представленіе. Въ четыре часа началась маневры, передвиженія, перестроенія, приѣрное заражанье, отступленія, переѣзна положенія, и все это съ изумительною точностью и правильностью, на самомъ небольшомъ пространствѣ. Послѣ переменызнаго марша, артилерія выстроилась во орунты, пропустила карету, въ которыхъ императоръ, король и вся свита возвращались въ Парижъ, а потомъ, въ качествѣ тѣлохранителей, во весь опоръ провозила императорскую карету до самого выѣзда изъ версалей снаго лѣса Пушкин и зарядные ящики производилъ страшный шумъ и громъ, и побѣдъ былъ самый величественный. Эта батарея полубатарея, передъ выѣздомъ изъ Трианона, пятьдесятъ выѣздовъ императорской охоты, а встрѣчные прохожіе улыбаются, а въ тоже время бѣгутъ трепуть, видя войско, привѣщенныхъ изъ свѣдѣній въ которыхъ солдаты, да, были трепуты величественно императора, который катѣлъ, чтобы всѣ, даже простое солдаты, принимали участіе въ его празднествѣ.

Но довольно — въ этихъ шашках, дружельныхъ, трогательныхъ встрѣчкахъ, смѣлахъ, празднествахъ, закускахъ. Мы забыли только сказать, что при встрѣчѣ короля нидерландскаго и императрица была въ волубомъ шаткѣ, а императорскій принцъ въ германскомъ туманѣ. Довольно обо всемъ этомъ. Слѣдуетъ Франція не знаетъ гонеры другой политикой, а гонеры, на этихъ двухъ корольскихъ шашкахъ, манѣвъ манѣвъ, вышесловны, узоры всемо

собственнаго изобрѣженія. И судя по явнѣ самоуверенности ихъ по ихъ словамъ, видно, что каждая изъ нихъ предостережала при бесѣдахъ королей съ императоромъ, каждая имѣла своего собственнаго корреспондента тамъ, гдѣ двѣ королевскія особы разговаривали съ глазу на глазъ, только вдвоемъ.

Одна газета говоритъ, что теперь уже рѣшена участь Германіи: къ Франціи присоединяется лѣвый берегъ Рейна и Бельгія, вся, а Пруссія за эту уступку станетъ во главѣ германской имперіи. Другая газета говоритъ, что неправда, что объ этомъ и разговоръ не было, что императоръ затѣмъ только и пригласилъ къ себѣ короля, чтобы внушить ему, какъ поступать въ голштинскомъ вопросѣ. Третья утверждаетъ, будто все это дустяки и ничего этого не было, а толковали только о признаніи италіанскаго королевства и о томъ, что Австрія уже недолго осталось жить на свѣтѣ. Четвертая трубитъ во весь голосъ, что теперь Германія почти-что наша, потому что генералы и офицеры свиты короля прусскаго, откланиваясь императору, цѣловали ему руку. Такое храброе сочиненіе вызвало протестъ въ прусскаихъ газетахъ, которые утверждаютъ, что прусскіе офицеры не цѣлуютъ руку своему королю, такъ съ какой же стати стали бы цѣловатьъ руку чужому императору? Но этотъ протестъ до французскихъ читателей не дойдетъ, да еслибы и дошло, то уже поздно: тщеславная нація уже успѣла насладиться новымъ, хоть и воображаемымъ торжествомъ, и уста тамъ себѣ толкуеть что что хочеть, а мы, французы, первый народъ въ мірѣ, ведемъ войну за идеи, и наши моды и идеи торжествуютъ. Нѣтъ возможности, даже и не любопытно слѣдить за всѣми разглагомошествованіями газетъ по поводу свиданій. Газетный муравейникъ располося по всѣмъ направленіямъ; имѣя однакоже одну общую мысль, что воинская слава Франціи гремитъ по всей вселенной, и всякая либеральная идея всегда будетъ имѣть Францію защитницей, покровительницей и проводницей.

Какъ бы то ни было, въ послѣднія двѣ недѣли очень многія газеты и даже двухнедѣльное изданіе «Revue des deux Mondes», получивъ предостереженія, будто бы за возбужденіе ненависти и презрѣнія къ правительству. Подвергнувшаяся ещѣ статья «Revue des deux Mondes» перепечатана въ нашемъ «Journal de St. Pétersbourg»; но г. Персины становится все болѣе и болѣе осторожнымъ, старается не давать нуждѣ и потребностямъ высказываться публично. Исторія научаетъ его, что вслухъ высказанныя нужды могутъ, чего добраго, возбудить сочувствіе и искать удовлетворенія. А этого онъ никакъ позволить не можетъ: ежели правительству придется слушать нужды народныя,

то оно, не мѣняю г. Персины, хотя и будетъ полезно, не можетъ пожалуй потерять свое обаятельное, недоступное величіе.

Между другими предостереженіями, сдѣлано одно очень замѣчательное: предостереженіе благотворительнымъ обществамъ. Министръ разослалъ префектамъ циркуляры, въ которыхъ обращается ихъ вниманіе на то, что нѣкоторыя благотворительныя общества существуютъ въ провинціяхъ безъ особеннаго разрѣшенія ихъ правительствомъ и потому имѣютъ нѣкоторымъ образомъ видъ тайныхъ обществъ. Такъ какъ въ благоустроенномъ государствѣ такого рода общества терпимы быть не могутъ, то приказано префектамъ всѣ ихъ разрѣшить и утвердить, такъ какъ благотворительность — дѣло святое. Но это дѣло по преимуществу мѣстное; благотворители всего лучше исполняютъ свое великое призваніе относительно тѣхъ немощныхъ, которые живутъ возлѣ нихъ, стало-быть они, благотворители, никакой не имѣютъ нужды въ центральныхъ комитетахъ, и дѣйствуя въ провинціи, не нуждаются въ руководствѣ и указаніяхъ какого-нибудь комитета въ Парижѣ, такъ какъ подобный комитетъ, не зная близко дѣлъ и вмѣшиваясь въ нихъ, можетъ только стѣснять и ничѣмъ не пособить благому дѣлу. Поэтому всѣ центральные комитеты такого рода предположено закрыть, чтобы не вводить ихъ въ искушеніе заниматься политическими дѣлами, которыя вовсе до нихъ не касаются.

Эта мѣра была вообще благосклонно принята газетами. Не только въ дѣлахъ благотворительныхъ, но и въ большей части остальныхъ дѣлъ жители каждой общины лучше всѣхъ знаютъ свои потребности и нужды, и ежели въ чемъ-нибудь имъ нуженъ бываетъ центръ, напр. для согласнаго дѣйствія по общимъ дѣламъ въ одномъ направленіи, то конечно центральный комитетъ, дающій направление дѣламъ, долженъ быть избранъ различными мѣстными комитетами, а не навязываться силою, какъ это дѣлаетъ парижскій комитетъ благотворительнаго общества Saint-Vincent de Paul, въ чемъ справедливо упрекаетъ его министръ въ своемъ циркулярѣ.

Но всѣ эти прекрасныя фразы разрѣшаются очень просто. Католическое духовенство, подъ вліяніемъ Рима, составляетъ оппозицію глухую, закрытую, дѣйствующую внутри совѣти наждаго изъ прихожанъ; и тоже самое духовенство принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ благотворительнаго общества Saint-Vincent de Paul, которое такимъ образомъ составляетъ нѣчто въ родѣ политической оппозиціи. Нужно было прекратить это, и министръ сдѣлалъ это подъ весьма благовиднымъ предлогомъ освобожденія мѣстныхъ комитетовъ отъ центрального. Жаль только (съ его же точки зрѣнія), что онъ говоритъ непріязненно о центральномъ па-

рижскомъ комитетѣ, который изъязывается: Другиѣ насильно. Это можетъ повести къ обличеніямъ, неблагопріятнымъ для централизаціи, къ которой такъ склонна Франція.

Кстати: говоря о католическомъ духовенствѣ, нельзя не вспомнить недавняго процесса Берара. Въ этомъ процессѣ играли очень незавидную роль весьма многіе каноники. Все это дѣло, грязное, гадкое, воровское, состоитъ вотъ въ чемъ... Но странно же, что говоря о Франціи, почти всякій мѣсяць приходится завестись въ хронику одно или нѣсколько грязнѣйшихъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшаны лица съ прекрасными, почтенными именами или званіями!

Нѣкоторая дама, которой мужъ пользуется общимъ уваженіемъ, госпожа де Берти, жила довольно открыто; ея гостиная, часто посѣщаемая многими духовными лицами, канониками благородной наружности и щеголеватой, но благопріятной выдержки, была мѣстомъ всевозможныхъ интригъ. Тамъ занимались направленіемъ совѣстей; свадьбами, морганатическими или побочными браками, сомнительнымъ помѣщеніемъ капиталовъ, комиссіонерствами разнаго рода. Героями этой гостиной были нѣкто г. Бераръ, кавалеръ ордена почетнаго легіона, ловкій пройдоха, и графъ д'Омбръ, еще болѣе ловкій промышленникъ, почти можно сказать, что маловѣкій Миресъ. Это почтенное общество, состоящее изъ мадамъ де Берти, маось де Берара, графа д'Омбра, нѣсколькихъ священниковъ, мадамъ де Шофье и другихъ, въ послѣднее время дѣятельно занималось разработкою чужихъ кармановъ при помощи изобрѣтенныхъ ими богатѣйшихъ каменноугольныхъ копей въ владѣствѣ Валлійскомъ. Добыли бумаги на какія-то давно заброшенныя по невыгодности копи, купили въ другихъ мѣстахъ каменнаго угля и продали его въ Парижѣ. Это было нечто въ родѣ образцовъ, шесть барокъ. Такъ какъ дѣло обрабатывалось откровенно, такъ сказать на чистоту, продажа прекраснаго угля происходила само, кому же переговоры или въ великолѣпномъ салонѣ мадамъ де Берти, то и нашлось немало довѣрчивыхъ людей, которые просили принять ихъ въ долю, и внесли свои деньги на разработку копей въ большихъ размѣрахъ. Кто внесъ 11,000 франковъ, кто 70,000, кто 90,000, кто 34,000, кто 20,000, и т. д., и дѣло пошло на ладъ: после де Бераръ и мадамъ де Берти зажили было отаично; но, по просьбѣ одного изъ обобранныхъ, судъ нашолъ, что они воры, и посадилъ ихъ въ тюрьму. Графъ д'Омбръ успѣлъ скрыться и притвориться заочно.

АНГЛІЙСКІЯ ДѢЛА

Когда англійскій парламентъ несетъ сборы, тамъ вѣтъ дѣль политическихъ. Зато газеты тѣмъ усерднѣе занимаются политикой и вершаютъ европейскіе вопросы каждая на свой ладъ, вѣрель до слѣдующаго перерѣшенія. Въ государствѣ съ такими прочими основными учрежденіями не можетъ быть большихъ внутровнихъ переворотовъ, и тамъ уже считается ужасно смѣлымъ преобразованиемъ тотъ, кто предложитъ иѣру самую естественную по обыкновенному человѣческому разуму, не искаженному предразсудками насть. Казалось бы, что ежели устроено правленіе представительное, то должно быть по одному выборному съ извѣстнаго числа жителей, покамѣсть все равно съ какого. Въ Англійи эта мысль кажется не только слишкомъ смѣлою, но даже революціонною, чуть ли не республиканскою. Многіе государственные люди Англійи, повинная всю неѣпность этого, старались звести преобразование на болѣе разумный ладъ; но не успѣвали въ этомъ, встрѣчая тупое, рутинное сопротивленіе представителей. При такой преувеличенной склонности къ поддержанію старыхъ порядковъ во что бы то ни стало, нечего ждать изъ Англійи особенныхъ важныхъ и любознательныхъ новостей. Зато различные вопросы наперерывъ обсуживаются газетами, которыя служатъ тамъ довольно вѣрными зеркаломъ общественнаго мнѣнія. Это послѣднее само бываетъ измѣчиво смотря по своимъ и отдѣламъ общества и по времени, и потому ничего вѣтъ удивительнаго, что и газетныя мнѣнія мѣняются съ большою легкостью.

Напримѣръ извѣстная газета «Times» перемѣняетъ свои мнѣнія два раза въ недѣлю, иногда черезъ день, но случается, что и вслѣдствіе дня. По поводу коммеморативнаго посѣщенія короля прусскаго, явилась въ этой газетѣ энергическая выходка противъ Франціи; въ отвѣтъ на это французскія газеты разразились возраженіями; а черезъ день, еще не получивъ парижскихъ возраженій, таже газета помѣстила равнодушнѣйшую статью, которая не подозреваетъ въ визитѣ, сдѣланномъ императору французамъ королемъ прусскимъ ничего, кроме обыкновенной, ничего незначащей вѣжливости, безъ какого бы то ни было политическаго намѣренія.

«Король прусскій — говоритъ «Times» — былъ принятъ въ Коммеморативъ съ великою учтивостью. Печать встрѣтила его съ совершенно непонятною лестно, и полуофициальный публицистъ, эта новая сила, которую Людовикъ-Наполеонъ имѣлъ честь изобрѣсти, привѣтствовалъ его брошюрою: Король прусскій болѣе обранигъ внима-

ніа на брошюру, чѣмъ на лести печати и на учтивости монарха, не потому чтобы въ брошюрѣ выражались истинныя мысли французскаго правительства, а потому, что въ ней изложено то что правительство хочетъ выдать за свои убѣжденія. Конечно, никому не придетъ въ голову болѣе страннаго способа поздравить съ пріѣздомъ важнаго гостя, пріѣхавшаго изъ-за границы, какъ тогъ способъ, который придуманъ французскою печатью.

«Принимая важнаго иностранца, удивительно странно увѣрять его, что вы не имѣете ни малѣйшаго намѣренія захватить его, обобрать или убить. Между друзьями, даже между обыкновенными знакомыми такое прекрасное намѣреніе считается обыкновенно извѣстнымъ заранѣе. Но что сдѣлала Франція? Вѣроятно же французское правительство унало въ своихъ собственныхъ глазахъ, если сочло нужнымъ дружественнаго государя, посѣтившаго Францію, увѣрять, будто оно не имѣетъ намѣренія слѣзть изъ рѣки, текущей по Пруссіи, свою естественную границу. Цѣль брошюры *Рейнъ и Висла* состоитъ въ томъ, чтобы увѣрять короля прусскаго, будто Франція не намѣрена раздвинуть свои границы до большой германской рѣки потому собственно, что это невыгодно. Эта аргументація сама по себѣ неуспокоительна. Да и ни одинъ человекъ не считалъ бы себя въ безопасности, еслибы очень сильный иностранецъ увѣрлялъ его, что онъ ненамѣренъ отнять у него часы потому собственно, что часы ему теперь ненужны. Можно бы имѣть къ нему нѣсколько болѣе довѣрія, еслибы онъ сослался на принципы нѣсколько болѣе возвышенной нравственности. Справедливое и несправедливое неизмѣнны; но всякій день человекъ можетъ перемѣнить свое мнѣніе касательно своихъ выгодъ, и можетъ найти полезнымъ выразить по этому поводу новое мнѣніе.

«Совершенно справедливо, какъ утверждаетъ брошюра, что рѣка — дурная граница, дурная линія защиты; правда, что сила Франціи заключается въ ея однородности; и мы можемъ прибавить, что военныя операціи для овладѣнія Рейномъ, и ударъ, который былъ бы этимъ нанесенъ возникающей промышленности, были бы слишкомъ высокою цѣною. Брошюра говоритъ намъ, что французское войско неодолимо; а неодолимыя войска не ищутъ сильныхъ границъ. Правда, что Савойя и Ницца требовались не въ предѣлѣ; будто надо усилить восточныя границы Франціи; но тогда это никого не обмануло. Всѣ поняли, что Савойя и Ницца присоединены были только для удовлетворенія страсти къ расширенію, что брошюра отрицаетъ у Франціи.

«Не ради отыскиванія границъ первая республика и первая

имперія перенесли оружіе на Эльбу, на Вислу, на Нѣманъ и дальше. Если Рейвъ дурная граница, то можетъ-быть найдется лучшая на востокъ отъ него, въ горахъ. Кто объясняетъ, что не беретъ извѣстной вещи собственно потому, что это ему невыгодно, этимъ самымъ допускаетъ, что онъ готовъ брать все что найдетъ выгоднымъ взять. Тѣ, которые хвалятся, что они разорвали вѣнскій трактатъ и не признаютъ своимъ желаніемъ иныхъ предѣловъ, кровъ того, что они считаютъ выгоднымъ, тѣ можетъ-быть внушать страхъ своими силами, но не могутъ надѣяться внушить прочное довѣріе на такомъ шаткомъ основаніи...»

Другая статья той же газеты, черезъ два дня, говоритъ нѣсколько иначе, но тоже несомнѣннѣ дружелюбно :

«Можетъ-быть было бы ошибочно приписывать большую важность свиданіямъ государей, которые въ послѣдніе годы стали довольно часты. Государи — тоже люди, и очень естественно, что когда всѣ путешествуютъ, имъ тоже хочется посмотрѣть в столицы, в государства, гдѣ правятъ ихъ августѣйшіе братья. Потомъ любопытство, вѣжливость и сверхъ-того добрыя чувства, возбужденныя почестями, вызываютъ ихъ къ отдачѣ болѣе или менѣе торжественныхъ визитовъ. Можетъ-быть посѣщеніе короля Вильгельма прускаго было поводомъ къ какому-нибудь важнымъ и таинственнымъ объясненіямъ; но гораздо вѣроятнѣе, что два государя великихъ военныхъ сопредѣльныхъ державъ, другъ друга подозрѣвающіе, сочли удобнымъ оказать взаимную вѣжливость, чтобы разсѣять страхи, возникшіе въ Европѣ по поводу ихъ предполагаемыхъ несогласій.

«Хотя императоръ французовъ есть государь признанный и могущественный, хотя онъ в началѣ двѣ войны, оконченныя имъ успѣшно, однако онъ еще не такъ совершенно вошелъ въ категорию законныхъ государей, чтобы совершенно быть равнодушнымъ къ обществу германскаго государя первой величины. Замечъ прускаго короля въ свою гостиную, угостить его великолѣпно, покрыть его сауту орденами, принимать важныя комплименты берлинскихъ придворныхъ, — это не послѣднее удовольствіе даже для побѣдителя при Маджентѣ в Сольферино. Съ другой стороны, король, еще такъ недавно сдѣлавшійся прусскимъ государемъ, весьма можетъ съ удовольствіемъ принять приглашеніе такого могущественнаго и политичнаго главы государства. Если прусскій дворъ не очень измѣнился, то онъ извѣстенъ именво за самый честолюбивѣйшій дворъ въ Германіи. Встарину главное стремленіе его состояло въ расширеніи прусскихъ границъ: теперъ мечта о при-

соединеніи провинцій замѣна мечтою о приобрѣтеніи преобладаванія надъ всею Германіей...»

Одна изъ самыхъ лучшихъ охотничьихъ газетъ въ Англій дѣлаетъ преимущественно замѣчанія объ охотѣ, происходящей въ юмьенскомъ и трианонскомъ паркахъ.

«Не станемъ говорить о политической сторонѣ знаменитыхъ визитовъ. Очень можетъ быть, что они имѣютъ чудное, колоссальное, ужасающее, неодолимое вліяніе на судьбы міра; можетъ быть при слѣдующемъ свиданіи будутъ подаваться на охотничьемъ завтракѣ тартинки... можетъ быть это будетъ вкусно и даже удобоваримо. Ничего мы этого не знаемъ: наше дѣло спортъ и охота,

«Говорятъ, что короли любятъ охоту, что это королевское удовольствіе. Слѣдуетъ замѣтить, что короли едва ли имѣютъ понятіе объ истинныхъ наслажденіяхъ охоты. Чтобы пить съ удовольствіемъ, надо чувствовать жажду, а охотиться значитъ, — съ жаждою искать; въ надеждѣ найти и убить. Чтобы чувствовать удовольствіе, доставляемое полнымъ яхтасомъ, надо испытать иногда, что значитъ нести его пустымъ, такъ что онъ развѣвается по вѣтру. Карлъ X былъ великій охотникъ; онъ убивалъ по семи и по восьми сотъ штукъ въ день; мимо его непрерывно тапцалась вереница куро-патокъ и кроликовъ, зайцевъ и фазановъ, и ему оставалось только выбирать. По-нашему, это весьма печальное занятіе. Вообразите фермера, котораго птичный дворъ находится въ большой исправности и хорошо населенъ. Беретъ нашъ фермеръ охотничье ружье, стрѣляетъ направо и налево; и по окончаніи охоты восклицаетъ радостно, что убилъ триста штукъ! — Чтобы находить настоящее удовольствіе въ охотѣ, надо отправляться съ смутнымъ страхомъ, что ничего не принесешь. Первая убитая штука доставляетъ огромное наслажденіе: что-нибудь уже да есть въ карманѣ, и охотникъ идетъ далѣе спокойнѣе, болѣе твердымъ шагомъ. Далѣе двѣ-шесть штукъ едва съѣсть доставляютъ такое удовольствіе, какъ одна первая. Но когда счастливый день исчисляется въ восемьсотъ штукъ, а несчастливые въ семьсотъ, — разницы нѣтъ никакой: что за дѣло, шарружомъ-ли фурговыя верхомъ, или только монты пощомъ? Удовольствіе настоящаго охотника, начинающаго съ те мгно-веніе, когда собака нападетъ на охотничьяго. У породистыхъ дичавыхъ собакъ, а если и есть, то они сѣтъ не употребляютъ: дол-жность собаки исправляють сотни полторы или двѣ законченныхъ дичавы, удовольствіе усиливается, когда собака оставалась не въ пританасеюся въ правѣ дичаво, дѣлаетъ стойку. Короли никогда не видывали стойки хорошей собаки: черель прии течеть венерфьяная рѣка дича. Охотникъ наслаждается, принявше дичь

въ шестн сабани; разсматривая убитую птичку, онъ видитъ, какъ мональ зарядъ; по этому поводу онъ дѣлаетъ комментаріи, которые повторяются, когда дичина является въ видѣ жаркого, подъ кирасой въ сѣнномъ сѣнѣ. Онъ подробно разсказываетъ друзьямъ, какъ что было, какъ она поднялась, какой сдѣлала кровь, и все слегка преувеличиваетъ, чтобы видѣе была его ловкость, все въ пользу своего самолюбія. Короли видятъ дичину не иначе, какъ на разстояніи двадцати шаговъ, не трогаютъ ее никогда и кушаютъ безъ удовольствія. Дѣло ихъ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать тысячу выстрѣловъ. — Герцогъ бурбонскій стрѣлялъ, говорятъ, хорошо; это возможно; но всегда есть поводы сомнѣваться въ ловкости принца; когда онъ не стрѣляетъ иначе, какъ въ стадо зайцевъ. Двѣнадцать охотей зарыжали ему ружье, сто загонщиковъ гнались; принцъ стрѣлялъ, стрѣлялъ; поле битвы покрыто было мертвыми. Не любопытно бы посмотреть, какъ этотъ принцъ безполезно шарилъ бы по кустамъ въ продолженіи двухъ часовъ битвы, а потомъ вдругъ неожиданно выскочилъ бы заяцъ отъ него въ сорока шагахъ. Попалъ ли бы онъ? — Весьма сомнительно.

«Надо вскакъ дичь; если она идетъ къ вамъ сама, то удовольствіе далеко не то. Впрочемъ, можетъ быть имъ некогда ухаживать за дичью и потому они предпочитаютъ готовую. Но все же это не охота...»

Последніе извѣстія

Въ Австріи дѣла мало-помалу устроиваются, улаживаются и приводятся въ порядокъ. 5 октября собирались въ Генуѣ нѣкоторые венгерскіе эмигранты и многіе члены бывшаго и распущеннаго пестерскаго сейма, собрались и постановили слѣдующія рѣшенія: «То, что происходитъ въ нашей странѣ, можетъ съ минуты на минуту привести политическій переворотъ, и потому необходимо теперь же заняться будущаго нашего дорогого отечества. Поэтому, призывая въ лицѣ князя Круи-Манеля венгерскаго наследника Андрея III, прозваннаго венеціанскимъ, мы ругаемся ему за оцнне: оодѣйствіе въ томъ, чтобы всеобщей подачею голосовъ призываны были его права на корону. Восшествіе на престолъ наследника-овъ Стефана только и можетъ возвратитъ Венгріи спокойствіе, благосостояніе и независимость»!

Между тѣмъ, такъ какъ австрійскій государственный совѣтъ не въ полномъ составѣ, и онъ, по смыслу февральской конституціи, не могъ заняться разсмотрѣніемъ бюджета на 1862 годъ, то на слѣдующій годъ, особеннымъ рескриптомъ, утвержденъ старшій бю-

дженъ 1861 года безъ измѣненій, съ тѣмъ, что измѣненія могутъ происходить вполнѣдствіи, если государственный совѣтъ пожелаетъ всѣми неприсланными къ нему членами.

Въ Венгріи объявленъ рекрутскій наборъ, но мѣстныя власти полагаютъ, что онъ не можетъ произойти успѣшно, ибо на каждомъ шагѣ будетъ встрѣчаться сопротивленіе. Комитаты получили даже приглашеніе изъ Вѣны содѣйствовать рекрутскому набору; а на это предложеніе отвѣчалъ кардиналъ-примасъ, монсеньоръ Щитовскій, въ качествѣ начальника гранскаго комитата, объявляя, что тамошнія присутственныя мѣста не только не рекомендуютъ своимъ чиновникамъ содѣйствовать набору, но прямо имъ это запретятъ. Кардиналъ предлагаетъ императору пріѣхать въ Буду, чтобы разсѣять опасенія касательно конституціи, находящейся въ опасности, и принять мѣры для скорѣйшаго созванія сейма. До тѣхъ поръ пока императоръ такимъ образомъ не избавится отъ мноземнаго вліянія, не могутъ разрѣшиться вопросы о налогахъ и рекрутскомъ наборѣ.

Вслѣдствіе этого кардиналъ-телеграфомъ вызванъ въ Вѣну, чтобы оправдаться или объяснить по поводу письма, адресованнаго имъ канцлеру. Между тѣмъ канцлеръ получилъ на свой циркуляръ отвѣты отъ всѣхъ комитатскихъ начальниковъ или губернаторовъ: всѣ отвѣты согласны съ словами князя-примаса и заключаютъ въ себѣ отказы отъ содѣйствія рекрутскому набору.

Кроатскій сеймъ, безъ всякихъ объясненій, просто отказалъ послать своихъ представителей въ государственный совѣтъ, а въ Трансильваніи, гдѣ сеймъ скоро долженъ былъ собраться, встрѣтились разныя конституціонныя препятствія, и сеймъ не соберется ранѣе конца ноября или даже въ декабрѣ. Но вѣнскія газеты никакого не ждутъ проку отъ этого собранія, такъ какъ и при самыхъ выборахъ венгерскій элементъ не довольно отстраненъ.

Такимъ образомъ австрійскія дѣла и отношенія улсняются все болѣе и болѣе, и въ самомъ скоромъ времени конечно придутъ въ совершенный порядокъ: наступитъ царство силы, и страна выйдетъ въ глубокой, метаргическій сонъ, застынетъ.

Но уже Австрія и вся Европа ждутъ отставки пераго министра и фюръ Шмерлинга. Сочиненная имъ февральская конституція не принимается; очевидно, что его сочиненіе не нравится никому; ясно, что этому сочиненію суждено провалиться на полкахъ книгопродавцевъ, оно не разоидется. А навязать его насильно, сдѣлать обязательнымъ — нельзя.

Въ Италіи дѣла, напротивъ, запутываются, благодаря особен-

тому усердію мѣракальныхъ и вообще реакціонныхъ газетъ. Они утверждаютъ, что полвѣсами, такъ называемыхъ приверженцевъ законнаго парламента и короля, мѣмонтецы, разбойническимъ образомъ захватившіе Неаполь, стѣсняны до послѣдней степени въ бывшемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, такъ что уже молалека теперь во время, когда законный король можетъ возвратиться, чтобы стать во главѣ сводихъ вѣрныхъ вожновъ. Съ другой стороны, газеты итальянскія утверждаютъ, что разбойники, во имя бывшего короля грабятъ города, села, деревни, убиваютъ мирныхъ гражданъ и путешественниковъ, скоро будутъ истреблены до послѣднего, что теперь уже ихъ немного, такъ что и говорить о нихъ нечего; стоитъ только послать небольшие отряды пошарить въ горахъ и переломить горы. Правда конечно заключается между этими двумя крайностями.

Между тѣмъ бывший іезуитъ, патеръ Пассалья, выдалъ одну за другою двѣ брошюры, въ которыхъ доказываетъ, на основаніи религиозныхъ источниковъ, что для цѣлости, благополучія и преуспѣванія католичества, свѣтская власть паша вовсе ненужна, что она есть плодъ желовѣческихъ комбинацій и ухищреній, а донос не священное, религиозное учрежденіе. Съ другой стороны, бывший министръ Людовика Фиданца, в. Гизо, протестантъ, въ своемъ воззвѣщеніи доказываетъ, что свѣтская власть духовнаго главы католичества совершенно необходима для сохраненія мира Европы, для блага католичества, для счастья желовѣчества, и такъ далѣе.

Въ тоже время говорятъ, что въ марту будущаго года Италия снаряжаетъ 300.000 человекъ войска и будетъ готова ко всевозможнымъ случайностямъ.

Въ Кенигсбергѣ благополучно и чрезвычайно торжественно совершилось коронованіе его величества короля Вильгельма I, въ присутствіи большого числа представителей всѣхъ европейскихъ дворовъ. При этомъ было много колокольнаго звона, пушечныхъ выстрѣловъ, торжественныхъ гимновъ, поздравительныхъ и отвѣтныхъ рѣчей. Король говорилъ много разъ, по поводу представлявшихся ему представителей разныхъ вѣдомствъ, и преимущественно обращалъ ихъ вниманіе на то, что онъ «получаетъ корону отъ Бога, и потому созвалъ ихъ для присутствованія при возложеніи имъ на себя короны предковъ». Въ привѣтственныхъ рѣчахъ были выражены чувства преданности, самопожертвованія, готовности къ услугамъ и тому подобное.

Такимъ образомъ по цѣлой Европѣ хотя и дѣлаются военныя

приготовленія, но дѣла вышюти характеръ торжественно-широкий, заневоно-спокойный. Только въ Турціи законныя власти вовсе не законно обращаются съ порабощенными христіанами; грабятъ ихъ, рѣжутъ, насилуютъ. Только во Франціи наступила неслыханныя дороговизна на хлѣбъ, такъ что въ Парижѣ цѣна пшеничнаго хлѣба дошла до 50 сантимовъ за килограмъ. Это произвело значительное неудовольствіе, почти даже возмуніе. Но правительство, черезъ кассу булочницкую приняло мѣры для предупрежденія еще большаго возмунія цѣны. Къ счастію, и цѣна растенія цѣны прекратилось само собою, и дѣло пошло на убыль. Килограмъ раздается 2 1/2 пшеницы фунтъ, и 50 сантимовъ (по послѣднему курсу въ 350 франковъ за 100 рублей) въсюлько менѣе 11 копѣекъ. Стало быть фунтъ свѣтаго хлѣба въ Парижѣ стоитъ 4 1/2 копѣекъ, что тамъ составляетъ уже огромную дороговизну. У насъ же фунтъ ситника второго и перваго сорта продается за 3 1/2 и 5 копѣекъ, а въ французскихъ булкахъ 6 копѣекъ.

Въ Америкѣ война застыла. Два вражескія стана, сѣверные и южные, другъ друга хитро облегли въ трехъ девольно отдѣльных пунктахъ. Любопытно видѣть на сколько подымаются дѣла отъ прихода въ сѣверный лагерь двухъ принцевъ орлеанской фамиліи, которые до сихъ поръ жили въ Англіи. Нѣкоторыя англійскія газеты утверждать, что смѣлыхъ и рыцарственныхъ молодыхъ людей дома орлеанскаго привлекаетъ въ Америку жажда крови, и другія, будто республиканское начало въ Америкѣ отжило своей восьмидесятилѣтній вѣкъ, и молодые люди хотятъ попытаться счастья, устроить тамъ прочную и сильную монархію.

Въ Америкѣ война застыла. Два вражескія стана, сѣверные и южные, другъ друга хитро облегли въ трехъ девольно отдѣльных пунктахъ. Любопытно видѣть на сколько подымаются дѣла отъ прихода въ сѣверный лагерь двухъ принцевъ орлеанской фамиліи, которые до сихъ поръ жили въ Англіи. Нѣкоторыя англійскія газеты утверждать, что смѣлыхъ и рыцарственныхъ молодыхъ людей дома орлеанскаго привлекаетъ въ Америку жажда крови, и другія, будто республиканское начало въ Америкѣ отжило своей восьмидесятилѣтній вѣкъ, и молодые люди хотятъ попытаться счастья, устроить тамъ прочную и сильную монархію.

Въ Америкѣ война застыла. Два вражескія стана, сѣверные и южные, другъ друга хитро облегли въ трехъ девольно отдѣльных пунктахъ.

С М Ъ С Ъ

ВОПРОСЪ О КОЛОНИЗАЦИИ

Цѣль колонизации. — Выборъ мѣстъ. — Необходимость точныхъ свѣдѣній о колонизируемыхъ странахъ. — Выборъ колонистовъ. — Обязательныя переселенія. — Колоніи штрафныхъ. — Колоніи иностранцевъ. — Способы выселенія и перевозки колонистовъ. — Водвореніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. — Продажа земель. — Нравственныя потребности колонистовъ. — Самостоятельность колоній.

Вопросъ о колонизации мѣсяцевъ пять назадъ подвергался публичному обсужденію въ политико-экономическомъ комитетѣ географическаго общества. Члены разныхъ ученыхъ сословій и обществъ, экономисты, путешественники и другія лица, богатыя многосторонними свѣденіями и опытомъ, собирались въ теченіи трехъ вечеровъ на эти засѣданія. Протоколы этихъ собраній напечатаны, и вѣроятно прочитаны публикою, интересующеюся предметомъ преній или ихъ содержаніемъ.

Надобно однакожь сознаться, что того значенія, какое ожидалось сначала, эти сужденія вовсе не получили. Публика какъ-будто забыла о нихъ на другой же день послѣ собраній. Замедленіе ли въ обнародованія отчетовъ о засѣданіяхъ, или другія обстоятельства были причиною этого, мы не можемъ сказать; но полагаемъ лично отъ себя, что самый характеръ преній, ихъ отвлеченность и, если позволено сказать, бессистемность были не малымъ поводомъ къ признанію бесплоднымъ прекраснаго начинанія. Отсутствіе точныхъ, опредѣлительныхъ выводовъ, которые бы въ краткихъ словахъ представляли всю сущность преній и ихъ результаты, также не мало повредило популярности этихъ ученыхъ бесѣдъ.

Не будемъ впрочемъ разбирать содержанія заранее приготовлявшихся или импровизированныхъ въ собраніяхъ рѣчей. Онѣ, какъ замѣчено было при самыхъ засѣданіяхъ, существенно принадлежали двумъ направленіямъ: отвлеченно-теоретическому, соответствовавшему программѣ, и чисто-практическому, вызванному знакомствомъ съ колонизаціею или съ колонизируемыми краями нѣсколькихъ лицъ, преимущественно гостей комитета. Пользуясь протоколами засѣданій и нѣсколькими другими источниками, особенно историческими, попробуемъ теперь формулировать нѣкоторые главные вопросы о колонизаціи, вмѣстѣ съ короткими, по возможности исчерпывающими сущность дѣла отвѣтами. Кажется, не будетъ ошибкою, если мы скажемъ, что важнѣйшіе изъ нихъ состоятъ въ слѣдующемъ :

Для *какихъ цѣлей* можетъ производиться колонизація? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ почти все остальное. Въ самомъ дѣлѣ, переселеніе можетъ совершаться или по личной волѣ колонистовъ, или по государственнымъ надобностямъ, напр. для удаленія изъ общества порочныхъ членовъ, занятія какихъ-либо важныхъ земель или усиленія людности въ занятыхъ уже краяхъ. Нельзя же во всѣхъ этихъ случаяхъ руководствоваться одними правилами. Очевидно, что колонизація, вызываемая правительственными выгодами, должна и совершаться подъ руководствомъ и отчасти вѣсчетъ правительства. На это вызываетъ государственная необходимость, которая въ ближайшемъ будущемъ и настоящемъ не всегда же есть необходимость экономическая. Мы видимъ изъ исторіи, что колоніи были и есть трехъ родовъ. Англія, напримѣръ, выселяетъ въ Канаду, на мысъ Доброй Надежды, въ Новый Южный Валлесъ только добровольно идущихъ туда честныхъ гражданъ; напротивъ въ Гвіану, на нѣкоторые вестъ-индскіе острова, на Шуло-Пенангъ перевозятъ преступниковъ, а населеніе Новой Зеландіи составлялось еще недавно изъ тѣхъ и другихъ. У насъ въ Россіи Сибирь представляетъ всѣ три вида колонизаціи: туда ссылаютъ преступниковъ, тамъ заводятъ поселенія на Амурѣ и въ Киргизской степи по соображеніямъ политическимъ и военнымъ, и наконецъ туда же правительство предоставляетъ переходить свободнымъ гражданамъ по ихъ личному выбору. Очевидно, что система колонизаціи не можетъ быть во всѣхъ этихъ случаяхъ одинакова.

Вопросъ о *выборѣ мѣстъ* для колоній кажется намъ вторымъ важнымъ вопросомъ въ разбираемомъ дѣлѣ. Кто укажетъ эти мѣста? Гг. Терверъ и Лѣсковъ въ засѣданіяхъ комитета замѣтили, что это нужно предоставить передовымъ колонистамъ, ходокамъ, такъ-сказать согладаіямъ всего переходящаго населенія — и ни-

кому больше. Осмѣлимся однако замѣтить, что это положеніе не совсѣмъ практично. Отправить ходоковъ, хоть изъ курской губерніи въ Приморскую область, съ тѣмъ чтобъ они вернулись назадъ и потомъ служили вожаками переселяющейся общинѣ, должно обойтись ей очень недешево, не считая уже огромной потери времени. Притомъ, если бы предоставить на примѣръ нашимъ крестьянамъ заселять по этой системѣ Амуръ, то они вѣроятно на первое время, да и долго впослѣдствіи, не пошли бы никуда, кромѣ пространства между Зесю и Хинганомъ. Страна здѣсь прекрасна; русскій селянинъ привыкъ къ равнинамъ и не любитъ гористыхъ мѣстъ; климатъ достаточно тепелъ и напоминаетъ отечественный: чего же болѣе? Могло бы пожалуй случиться, что даже превосходѣйшая часть амурской долины, отъ Хингана до Усури, осталась незаселенною. «Зачѣмъ дескать намъ идти за горы, когда и здѣсь хорошо?..» Въѣзъ возникало же у казаковъ желаніе селиться на Бурѣ и нигдѣ болѣе. Всѣ хотѣли туда: насилу можно было убѣдить переселившихся напр. къ Усури, что они не только ничего не потеряютъ, но еще выиграютъ.

Здѣсь очень важно коснуться одного обстоятельства, которое, къ сожалѣнію, въ большей части случаевъ упускалось при началѣ колонизаціи не только у насъ, но и у другихъ европейскихъ народовъ. Страны новыя, выбираемыя для заселенія, большею частію суть страны малоизвѣстныя. Путешественники, проникающіе въ нихъ первыми, — будутъ ли то ученые натуралисты, астрономы или же просто работники, обыкновенно привносятъ лишь общія свѣденія. Страна хороша, прекрасна, богата лугами, лѣсомъ, звѣрами, иногда золотомъ, или гориста, болотиста — и ничего болѣе. Молва быстро распространяетъ этого рода свѣденія и вселяетъ въ готовящихся къ переселенію извѣстнаго рода предубѣжденія, обмануться въ которыхъ потомъ тяжело. Точныя свѣденія, въ простой, общедоступной формѣ обнародуемыя, были бы чрезвычайно полезны для дѣла колонизаціи во всѣхъ ея видахъ. Сѣверо-американцы на примѣръ, отнявъ у Мексики Калифорнію, тотчасъ нарядивъ туда экспедицію Фримона, Имори, Аберта, Пика и пр., и ихъ въ высшей степени поучительные отчеты быстро познакомили съ новымъ краемъ не только ихъ согражданъ въ Америкѣ, но и массу европейцевъ, искавшихъ выѣзда изъ отечества. Мы не можемъ рѣшительно похвалиться ничѣмъ подобнымъ. У насъ Сибирь находится уже 280 лѣтъ въ нашихъ рукахъ и до сихъ поръ лишена хорошаго описанія. Мы не говоримъ о прекрасномъ трудѣ Гагемейстера: но онъ и изъ образованнаго класса доступенъ лишь тѣмъ,

кто служить въ одномъ изъ немногихъ учреждений, существующихъ для Сибири или въ самой этой странѣ.

Но допуская нѣкоторое внимательство правительства въ дѣло выбора мѣстъ для колоній, и особенно желая видѣть отъ него, обыкновенно имѣющаго всѣ средства узнать хорошо колонизируемый край, *обнародованіе свидѣній объ этомъ крайѣ*, непосредственно для колонистовъ необходимыхъ, мы конечно должны предоставить затѣмъ самыя подробности водворенія — здѣсь или тамъ — свободному выбору поселенцевъ. Нельзя же напр. дѣлать такъ, что имъ понадобилось имѣть вотъ здѣсь почтовую станцію, и я давай сельтъ въ окрестности пятнадцать-двадцать семействъ, хотя бы въ степи, въ болотѣ или въ дремучемъ лѣсу, гдѣ вѣтъ даже лужаекъ для пашень и огородовъ. О подобнаго рода вещахъ конечно не должно бы было вести и рѣчи, еслибъ, къ сожалѣнію, не бывало примѣровъ, подходящихъ къ сказаннымъ нами словамъ. Возьмемъ напр. Илійское укрѣпленіе въ Киргизской степи. Кто же захочетъ водворяться среди голыхъ песковъ, въ бездождной почти странѣ, хотя бы и на судоходной рѣкѣ, у большой дороги? Возьмемъ Барабу: она вся заселена подобнымъ образомъ и не болѣе, какъ въ два года. Эвергическій генералъ-губернаторъ Чпчеринъ нашолъ необходимыми заселить эту печальную, болотистую страну, по крайней мѣрѣ вдоль почтовой дороги, — и вотъ приказано строить дома, ввести въ нихъ поселенцевъ не только изъ ссыльныхъ, но и изъ свободныхъ крестьянъ, и затѣмъ они обязаны жить здѣсь со всѣмъ потомствомъ. Г. Поповъ предлагалъ нѣчто подобное и для Киргизской степи между Коряковымъ и Каркаралами, гдѣ находятся его мѣдные рудники: какъ заводчикъ, онъ безъ сомнѣнія правъ, но какъ экономистъ... сомнѣваемся.

Пойдемъ теперь далѣе. Иногда регламентація заходитъ такъ далеко, что думаетъ создать въ извѣстномъ мѣстѣ важный промышленный пунктъ, и для этого всѣми силами привлекаетъ въ этотъ пунктъ колонистовъ. Мы имѣемъ прекрасный примѣръ этого рода въ Сергіополѣ. Имѣлось въ виду вновь возникавшій въ степи окружный приказъ поставить на выгодной точкѣ. И поставили на мѣстѣ пересѣченія большой караванной дороги, изъ Китая, съ рѣкой Аягузомъ, самой значительной въ этой части степи. Чего бы кажется лучше?.. Но караваны, по особымъ соображеніямъ, стали ходить значительно сѣвернѣе. Тогда рѣшено было перенести городокъ на новое мѣсто, въ надеждѣ, что онъ сдѣлается — такъ торговымъ. Для большаго обезпеченія въ достиженіи этой цѣли, приселено было къ крѣпости до сотни семействъ казаковъ. И что же

случилось?.. Караваны вернулись на прежній путь, а Сергіополь остался жалчайшею деревушкою.

И такъ мы думаемъ, что если уже вмѣшательство власти въ дѣло выбора мѣстъ для колоній почему-нибудь неизбежно, то задача ея должна состоять только въ указаніи цѣлаго края, но не собственно мѣстъ для селеній. Относительно послѣднихъ полезно сообщить колонистамъ точныя свѣденія; но стѣснять ихъ въ размѣнѣхъ вовсе нѣтъ надобности. Внутренній смыслъ дѣла и положеніе заселяемыхъ мѣстностей рѣшить, которая изъ нихъ будетъ важнѣйшею, сдѣлается центромъ колоній; а опредѣлять это произвольно заранѣе нѣтъ никакой нужды (*). Разумѣется, есть случаи, когда угадать важность мѣста легко и безъ особенно глубокихъ соображеній, какъ напримѣръ было въ Благовѣщенскѣ, Хабаровкѣ и проч.; но тогда оцѣнка этой важности доступна и простому переселенцу, который самъ охотно пойдетъ на точку сліянія двухъ большихъ рѣкъ или въ пунктъ, лежащій на важномъ коммерческомъ трактѣ, у гавани, въ центрѣ золотыхъ пріисковъ и т. п.

Теперь о *выборѣ самихъ колонистовъ*, если такъ можно выразиться относительно свободно-разумныхъ личностей. Принудительная система выселеній возможна въ строгомъ смыслѣ только для преступниковъ или отверженцевъ общества. Но бываюгъ случаи, когда правительственная власть нуждается въ заселеніи тѣхъ или другихъ пространствъ, а между тѣмъ по особымъ соображеніямъ не хочетъ вводить туда порочнаго, ненадежнаго населенія. Такъ напримѣръ было и есть на Кавказѣ, у подножія горъ, на Иртышѣ, на Амурѣ. Что тогда дѣлать?.. Мы думаемъ, что правительство имѣетъ полное право выселять въ такомъ случаѣ тѣ классы общества, которые, будучи разъ призваны на службу отечеству и получивъ за это особыя льготы отъ общественныхъ тягостей, предоставлены въ его распоряженіе законами края. Таковы напримѣръ у насъ казаки. Конечно, употреблять ихъ въ дѣло колонизаціи нужно какъ можно менѣе; но если ужъ зло неизбежно, то нѣтъ никакой возможности подвергнуть кого-либо упреку за то, что въ ви-

(*) Въ Соединенныхъ Штатахъ правительство однакоже продаетъ иногда антрепренерамъ большіе участки земель для основанія городковъ. Тогда спекуляторъ разбиваетъ на мѣстности улицы, дѣлитъ кварталы на дачи и продаетъ ихъ желающимъ. Иногда эту обязанность исполняетъ само правительство. Новые горожане во всякомъ случаѣ обязаны застраивать свой городъ по утвержденному плану. Но и въ этомъ случаѣ *принужденія* къ выбору мѣстъ нѣтъ никакого. Кто хочетъ, только и идетъ въ новый городъ. Бываютъ случаи, что такіе city и town'ы остаются пустыми, а соседнія villages заселяются и становятся потомъ важными городами. См. J. Neumann's Reise nach den Ver. Staaten, и сочиненія Лакіера, Циммермана и пр.

дахъ государственной надобности пришлось выселять людей противъ ихъ воли или, по крайней мѣрѣ, не спросивъ ихъ желанія. Часто экономическій принципъ тутъ, по праву, долженъ отступить въ второй планъ и проявляться развѣ въ выборѣ къ переселенію члѣнѣ защиточныхъ обывателей, которые бы въ новомъ краю, при пособіи отъ правительства, могли поправить свое состояніе и пожалѣли потомъ объ отчизнѣ.

Вопросъ о колоніяхъ преступниковъ много занималъ членовъ комитета географическаго общества. Приведено было много примеровъ изъ исторіи колоній англійскихъ, и повидимому нѣкоторые изъ членовъ осуждалось дарованіе преступникамъ права устроить свой бытъ вдали отъ отечества наравнѣ съ свободными гражданами. Этого рода негуманный, безсердечный приговоръ тяжело было слышать между строками въ нѣкоторыхъ рѣчахъ. Какъ-будто въ преступникѣ нѣтъ ничего человѣческаго, какъ-будто преступленіе часто не вызывается страстностью натуры или увлеченіемъ или даже незнаніемъ условныхъ, не вытекающихъ изъ чистаго разума законоположеній (*) страны? Какъ-будто падшій развѣ человекъ не можетъ быть потомъ превосходнымъ гражданомъ, честнымъ, спокойнымъ, уважающимъ права общества и отдѣльных лицъ! Неужели въ самомъ дѣлѣ преступнику, даже смертубійцѣ, не остается ничего, кромѣ галеръ, работы въ рудникахъ на заводахъ и проч.? Говоримъ: тяжело было слушать даже намеки на эту мысль, хотя разумѣется она не была нигдѣ формулирована въ ея окончательномъ видѣ... Мы думаемъ, напротивъ, — даны факты говорятъ въ нашу пользу, — что переселеніе преступниковъ въ далекія страны есть вѣрнѣйшій путь къ ихъ исправленію, къ возвращенію цѣлой странѣ, государству полезныхъ гражданъ. Особенно это справедливо насчетъ людей, доведенныхъ до преступленія своею природною страстностью, высшимъ честолюбіемъ, хотя бы и не раскаявшихся вполне по наружности. Этихъ людей, съ переселеніемъ ихъ въ новый край и послѣ нужнаго испытанія, общество должно простить, принять вновь въ свои полноправные члены и ничѣмъ не стѣснять въ тяжелыя для нихъ минуты переходнаго состоянія. Извѣстно, что ничто такъ не убиваетъ человека нравственно, ничто не вызываетъ на новое преступленіе, какъ безжалостныя попреки прежними его заблужденіями. Да и имѣютъ ли право люди, сами всегда способные ошибаться, лишать другихъ

(*) Одинъ изъ членовъ экономическаго комитета справедливо замѣтилъ, что нѣрѣдко дѣйствіе преступное въ одномъ государствѣ, не считается даже преступкомъ въ другомъ. Такъ у насъ безпаспортный человекъ есть бродяга, подлежащій ссылкѣ на поселеніе; въ Англія паспортъ не знаетъ никто.

го нравств вѣяаго бытія только потому, что эти другіе подпали
ѣ закона? Мы не думаемъ: такой строгій суль принадлежить
не людямъ...

И такъ колоніи преступниковъ не только возможны, но даже не-
ходимы. Не нужна только безотвязчивая регламентация ихъ, из-
шне-строгій присмотръ за каждымъ шагомъ переселенца-преступ-
ка. Разумѣется, что общество, лишивъ людей свободы и средствъ,
жно имъ дать на первое время въ новомъ краю средства для
строенія быта; оно можетъ за это требовать отъ нихъ особыхъ
внностей и работъ (какъ въ Китаѣ, гдѣ ссыльные обыкновенно
ужать поставщиками хлѣба въ казну), можетъ лишать ихъ части
олитическихъ правъ, напримѣръ права выборовъ; но не должно,
по духу христіанской нравственности, и по основаніямъ чисто
сихологическимъ, тѣснить людей, уже разъ наказанныхъ, растрав-
лять раны ихъ сердца безпрестаннымъ напоминаніемъ, что они
преступники. Мы приведемъ этому убѣдительный доводъ. Масса
ашихъ ссыльныхъ въ Сибирь конечно пошла туда за нарушеніе
равъ чужой собственности, и однакоже нигдѣ нельзя такъ мало
пасаться за свое имущество, какъ въ Сибири. Отчего это? —
Оттого, что эти люди, эти воры и грабители, разъ узнавъ горькія
послѣдствія нарушенія права и ставъ потомъ снова свободными,
больше всего заботятся, чтобы вновь не навлечь на себя укоризны.
Попробуйте попрекать ихъ прежнимъ — и вы увидите, что они
скоро возьмутся опять за прежнее. Подобный же примѣръ нрав-
ственнаго усовершенствованія отверженцевъ общества привелъ изъ
исторіи заселенія Австраліи г. Калиновскій. Онъ довольно подробно
разказалъ, какъ преступники-колонисты въ Новомъ Южномъ Вал-
лисѣ и Тасманіи дѣлались постепенно порядочными гражданами,
такъ что англійское правительство, которое въ 1792 году держало
ихъ подъ строгимъ надзоромъ, въ 1822 году предоставило уже имъ
контроль надъ властью губернатора, а въ 1829 дало право участво-
вать въ составленіи законовъ.

Говорилось также о томъ, что преступники и штрафные не дол-
жны быть смѣшиваемы съ честными гражданами, не должны быть
водворяемы съ ними рядомъ. Чтѣ сказать намъ на это? Неужели
ученые экономисты, столь враждебные всякой регламентации,
столь горячіе защитники всякой свободы, захотѣли тутъ отступить
отъ своего начала собственно потому, что люди, о которыхъ шла
рѣчь, заклеимены *вѣчными* позоромъ, какъ говорили нѣкоторые?..
Да не вѣчнымъ, замѣтимъ мы, вовсе не вѣчнымъ. Вѣчное осу-
женіе принадлежитъ только будущей жизни, а на нашемъ свѣтѣ
оно можетъ быть произнесено лишь относительно тѣхъ, которые

на свободѣ, при полныхъ правахъ гражданина остаются заворонченными въ своихъ предрасудкахъ, заблужденіяхъ и порокахъ. Такъ напримѣръ упреку подлежитъ либераль, придерживающійся неподатлишка деспотизма, юристъ, торгующій правосудіемъ; но тотъ, кого общество разъ наказало, кто былъ виновенъ лишь въ одномъ частномъ преступленіи, на того послѣ понесеннаго наказанія не должно падать никакой укоризны... Колонизировать страну штрафными, съ полнымъ успѣхомъ, повторяемъ, всегда возможно; нужно только, чтобъ число этихъ людей не перевѣшивало числа честныхъ гражданъ, нужно дать переселенцамъ произволь въ выборѣ мѣсть и занятій, да нужно наблюденіе общества, чтобъ никто изъ нихъ не оставался безъ честнаго дѣла. При этихъ условіяхъ, конечно, штрафные и сами скоро убѣдятся, что лучше быть порядочными людьми, чѣмъ бездомными бобылями и бродягами.

Гдѣ наиболѣе случается преступленій, въ какого рода колоніяхъ?.. Тамъ, гдѣ совершенно свободные, самолюбивые граждане ищутъ прибылей или исключительныхъ правъ. Такова напримѣръ была Калифорнія въ первые годы по открытіи золота на р. Сакраменто. Ни австралійскія колоніи, ни Сибирь, заселенныя массами официальныхъ преступниковъ, не представляютъ особой деморализаціи въ нравахъ своихъ обитателей. Про Сибирь можно даже сказать противное, т. е. что въ ней средній уровень нравственнаго развитія выше, чѣмъ въ европейской Россіи. Не говоримъ уже про образованіе, которымъ сибиряки обязаны опять-таки толпамъ сильныхъ; даже собственно нравственный, этический элементъ въ нихъ сильнѣе, чѣмъ напримѣръ въ подмосковныхъ крестьянахъ, совершенно свободныхъ и даже пользующихся матеріальнымъ довольствомъ.

И такъ при выборѣ колонистовъ, по нашему мнѣнію, могутъ быть допущены не только переселенцы свободные, охотно идущіе въ новый край, но и другіе разряды народныхъ массъ. Обязательное переселеніе казаковъ, въ небольшомъ впрочемъ числѣ и не иначе какъ по крайней необходимости, намъ тоже не кажется противнымъ началамъ здравой политики. Ссылка на поселеніе преступниковъ и штрафныхъ и того меньше подлежитъ упреку, если только она также направляется раціональнымъ путемъ и производится въ должныхъ размѣрахъ. Ущербъ экономическаго и даже нравственнаго отъ этихъ выселеній новымъ краямъ опасаться нечего. Въ одно, а ужъ навѣрное въ два поколѣнія всѣ кажущіяся неудобства колоній штрафныхъ исчезнутъ, а выгода отъ нихъ сохранится навѣки.

Но кромѣ исчисленныхъ классовъ переселенцевъ, государство, стремящееся водворить на извѣстной территоріи возможно боль-

шную массу жителей, можетъ прибѣгнуть къ особой мѣрѣ ея пополненія. Разумѣемъ *колонизацію иностранцевъ*. Этотъ способъ доставлялъ населеніе почти всѣмъ Соединеннымъ Америкаскимъ Штатамъ, да употреблялся отчасти и въ нашемъ отечествѣ. Польза отъ него можетъ быть очень значительна, но только при соблюденіи нѣкоторыхъ условій. Несомнѣнно, по нашему мнѣнію, что не слѣдуетъ привлекать иностранцевъ какими бы ни было льготами и преимуществами противъ собственныхъ подданныхъ. Это не только оскорбительно для народнаго самолюбія, но и вредно съ политико-экономической точки зрѣнія. Вонервыхъ иностранцы, особенно въ пустынномъ краю, на границахъ страны, всегда менѣе надежны въ политическомъ смыслѣ. Вонторыхъ они, если пользуются особыми льготами, скоро становятся властителями извѣстнаго края и начинаютъ тяготѣть надъ соотѣнными жителями-туземцами. Нерасположеніе послѣднихъ не можетъ не поддерживаться, когда они видятъ, что иностранцы напримѣръ избавлены отъ военной службы или отъ натуральныхъ земскихъ повинностей. Саратовскія и самарскія колоніи намъ служатъ примѣромъ. При всей пользѣ, которую онѣ приносятъ казнѣ, по справедливости можно жалѣть, что ихъ жители отличены особыми правами отъ своихъ сосѣдей русскихъ, которые, подъ вліяніемъ отчужденности, не заимствуютъ даже у трудолюбивыхъ нѣмцевъ лучшихъ способовъ домоводства и земледѣлія. На Амурѣ напримѣръ намъ очень хотѣлось бы видѣть нѣсколько образцовъ рациональной культуры; но если для этого нужно водворить тамъ массу вторыхъ сарептцевъ, то да позволено будетъ пожелать, чтобы это благо миновало далекаго края. Пусть колонистъ-нѣмецъ станетъ тѣмъ же крестьяниномъ, какого мы видимъ въ Богородскомъ, Михайловскомъ, въ Кизи, — тогда можно будетъ надѣяться, что онъ сроднится съ господствующею массою населенія и привьетъ ей свои занятія, свой опытъ, свое трудолюбіе. Такой взглядъ мы высказываемъ конечно не подъ вліяніемъ узкаго чувства національности, а исключительно по твердому, основанному на ознакомленіи съ фактами убѣжденію, что единство правъ разныхъ народностей въ новыхъ краяхъ есть всегда важнѣйшій залогъ сближенія ихъ, а слѣдовательно и залогъ связи съ метрополіею и самаго преуспѣянія колоній.

Теперь коснемся четвертаго важнаго вопроса въ дѣлѣ о заселеніи новыхъ странъ, именно вопроса о *способѣ выселенія* колонистовъ. Само собою разумѣется, что выселеніе штрафныхъ и преступниковъ, лишенныхъ свободы, а часто и имущества, должно дѣлаться насчетъ государства. То же можно сказать и о принудительной колонизаціи свободныхъ гражданъ, хотя бы даже казаковъ.

Лишая этихъ людей дома, части хозяйства, связи съ знакомыми и родными, надобно же вознаграждать ихъ за потерю всѣхъ этихъ благъ. И вознагражденію этому, намъ кажется, должно быть тѣмъ больше, чѣмъ рѣвче переходъ, который долженъ будетъ послѣдовать для переселенца съ водвореніемъ его въ новой мѣстности. Такъ напримѣръ нельзя, по нашему мнѣнію, одинаково вознаграждать переселенца изъ вологодской губерніи въ Сибирь или въ прикавказскія степи. Вознагражденіе въ первомъ случаѣ, при томъ же разстояніи до мѣста водворенія, можетъ быть меньше уже по одному тому, что бытъ вологодскаго охотника невозможнѣ отличается отъ быта сибирскаго звѣролова. Устюжцу или тетемцу гораздо легче будетъ устроиться въ томской тайгѣ, чѣмъ въ шенорусскомъ безлѣсѣ. Разумѣется, что естественныя богатства новаго края также должны быть принимаемы въ расчетъ, и напримѣръ мы сдѣлали бы большую ошибку, еслибъ задумали одинаково помогать переселенцамъ изъ Перми на Алтай и въ Киргизскую степь.

Впрочемъ извѣстно, что вопросъ о вспомошествованіяхъ, какъ и самая принудительная колонизація, подверглись въ комитетѣ строгому осужденію.

Какъ выселять тѣхъ, которые пожелаемъ оставить родныя воли или призваны къ этому народною властью? это вопросъ тоже важный въ дѣлѣ колонизаціи. Само собою разумѣется, что переселенцамъ-охотникамъ нужно предоставить и полную свободу въ выборѣ способа выселенія. Если государство нуждается въ гражданахъ на мѣстахъ, избираемыхъ ими для водворенія, то можно простить имъ недолжикъ, дать пять-шесть лѣтъ льготы отъ податей въ новыхъ жилищахъ и даже предоставить какія-нибудь исключительныя права. лишь бы онѣ не были «вѣчными.» Но если надобности большой въ переселенцахъ нѣтъ, то конечно нѣтъ и позвола прощать имъ какія-либо общественныя повинности. Правда, всякій переселенецъ остается за бездѣнокъ на своей родинѣ часть нажитыхъ уже имъ богатствъ и имѣетъ необходимость заводить ся потомъ всѣмъ въ новомъ краю, а потому нуждается въ средствахъ; но лучше озаботиться открытіемъ ему кредита, чѣмъ прощать долги государству, поощряя такимъ образомъ бродяжничество и производя колебанія въ бюджетѣ доходовъ.

Важнымъ облегченіемъ для переселенія колонистовъ могутъ служить свѣденія о дорогахъ къ новымъ краямъ или, по меньшей мѣрѣ, краткіе маршруты съ обозначеніемъ разстояній и переправъ черезъ рѣки. Когда выступающій въ путь колонистъ знаетъ, гдѣ ему лучше ѣхать, гдѣ онъ можетъ встрѣтить задержки, гдѣ найти болѣе дешовое продовольствіе для себя и перевозящихъ его лоша-

дей, то можно сказать, что онъ избавленъ не меньше, какъ отъ половинны дорожныхъ убытковъ. Къ сожалѣнію, только въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Германіи издаются такія руководства для колонистовъ; у насъ же ничего подобнаго неизвѣстно. Разсматривая прекрасныя изданія Бюлова, Флейшмана, Юнглера, Битнера и другихъ, легко поймешь, что колонисту-нѣмцу въ Соединенныхъ Штатахъ нетрудно было найдтись съ перваго раза и прямо направить свой путь туда, гдѣ могъ онъ найти себѣ больше всего удобствъ. Если бы напримѣръ у насъ было подробное описаніе пути на Амуръ съ точной характеристикой всѣхъ пригоднѣйшихъ для заселенія мѣстъ на самой этой рѣкѣ, на Усури и у Японскаго моря, то нѣтъ сомнѣній, что простолюдины напримѣръ изъ Бѣлоруссіи и сѣверо-западныхъ губерній съ удовольствіемъ промѣняли бы свои родныя болота и скудныя пашни на изобиліе новаго края.

Самый способъ перевозки колонистовъ на новыя мѣста заслуживаетъ при каждомъ переселеніи особаго вниманія тѣхъ лицъ, на которыхъ лежитъ отвѣтственность за успѣхъ всего дѣла. Въ заведеніяхъ комитета была высказана мысль, что перевозка моремъ обходится въ нѣкоторыхъ случаяхъ дороже, чѣмъ перевозка сухимъ путемъ. Говорилось напримѣръ, что изъ Петербурга на устье Амура выгоднѣе доставлять людей на почтовыхъ лошадяхъ, чѣмъ на судахъ вокругъ свѣта. Примѣръ этотъ однакоже намъ не кажется убѣдительнымъ, а самая мысль справедливою. Море есть всегда самая дешовая и удобная дорога для всякаго рода передвиженій, разумѣется если только колонисты не очень далеко жили отъ него въ своемъ старомъ отечествѣ и не должны уходить далеко же въ глубь новой страны. Конечно, морской перевозъ всегда сопряженъ съ нѣкоторыми лишеніями, неизвѣстными на сухомъ пути; для колонистовъ въ пустынные страны онъ невыгоденъ особенно тѣмъ, что они не могутъ взять съ собою или купить на дорогѣ достаточное число скота, который такъ нуженъ бываетъ въ первое же время ихъ водворенія. Но, повторяемъ, все это горе поправимое, а между тѣмъ при перевозкѣ моремъ и переѣздъ обыкновенно дѣлается скорѣе, и имущество переселенцевъ гораздо болѣе сохраняется. Возьмемъ для поясненія довольно неблагоприятный намъ примѣръ: берега Японскаго моря отъ Кастри до устья Тумень-улы. Какъ всего удобнѣе населять ихъ? Переселеніемъ изъ западно-русскихъ губерній, съ перевозомъ колонистовъ моремъ изъ Риги и Петербурга. Разумѣется, что небольшой авангардъ долженъ быть отправленъ сухопутно самими переселенцами на мѣста будущихъ колоній для ближайшаго осмотра и выбора мѣстъ, закупки скота, подготовки строительныхъ матеріаловъ и проч. Сѣмена для первыхъ посѣвовъ,

столь дорогія въ амурскомъ краѣ, переселенцы могли бы взять съ собою. Конечно, этого рода колонизація предполагаетъ помощь со стороны государства судами, но вѣдь и сухопутныя переселенія обходятся казнѣ да и народу недешево. Кромѣ отягощенія казначейства расходомъ на денежное вспомошествованіе, онѣ тяжело ложатся на жителей странъ, чрезъ которыя колонисты слѣдуютъ. Примѣры 1859—60 годовъ тому ясное доказательство. Одна изъ партій переселенцевъ, въ 200 слишкомъ семействъ, даже не дошла до Амура, оттого что нечѣмъ было ее кормить на дорогѣ. Къ великому гору переселенцевъ, имъ пришлось повернуть по направленію къ Киргизской степи и потомъ водвориться на песчаной почвѣ у Семипалатинска, вмѣсто богатыхъ земель Праамурыя. При перевозкѣ шоремъ этого не случилось бы.

Вопросъ объ *условіяхъ водворенія* колонистовъ также принадлежитъ къ существеннѣйшимъ въ разсматриваемомъ нами предметѣ. Г. Тернеръ справедливо замѣтилъ, что главными условіями успѣха колонизаціи съ этой точки зрѣнія должны быть: предоставленіе переселенцамъ полной свободы въ выборѣ ремесла и занятій и возможность пріобрѣтенія ими поземельной собственности. Ученый экономистъ основательно предположилъ первый пунктъ не требующимъ доказательствъ (въ самомъ дѣлѣ, нельзя же заставлятъ парожника шить сапоги), и остановился съ нѣкоторою подробностью на второмъ. Онъ справедливо замѣтилъ, что переселенецъ-собственникъ извлечетъ изъ земли гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ арендаторъ, что онъ не подверженъ опасности быть согнаннымъ съ воздѣлываемаго имъ участка, и потому охотно употребитъ на обработку его все стараніе, а быть-можетъ и капиталъ. Арендаторъ или земледѣлецъ-общинникъ конечно всегда будутъ находиться въ менѣе счастливыхъ условіяхъ; но тутъ, намъ кажется, возможно одно серьезное возраженіе. Община во многихъ странахъ, и особливо у насъ, давно уже сдѣлалась естественнѣйшею формою быта земледѣлывающихъ сословіи; она стала явленіемъ не только фискальнымъ, имѣющимъ свою цѣль въ облегченіи казны собирать подати, но и вполне народнымъ, допускающимъ безобидный раздѣлъ естественныхъ произведеній страны. Аграрный коммунизмъ, по справедливому замѣчанію Гакстгаузена, сроднился съ понятіями славянскихъ племенъ и дорогъ для нихъ какъ наслѣдье отцовъ. Положимъ, что патріархальность предковъ не можетъ служить закономъ для ихъ потомковъ; но должно же уважать главнѣйшія формы національнаго быта (*), чтобъ не дѣлать реформъ, для которыхъ складъ

(*) Это и сдѣлано у насъ положеніемъ объ амурской колонизаціи, которое,

народнаго ума еще вовсе не подготовленъ. Притомъ замѣчаніе Рощера, что земледѣльческія колоніи требуютъ массивныхъ переселеній и только въ такомъ случаѣ обѣщаютъ быть прочными, — это замѣчаніе намъ кажется нѣсколько совпадающимъ съ общиннымъ деревенскимъ устройствомъ. Отчего напримѣръ китайцы на Амурѣ не умѣли водвориться вполне основательно? Мы думаемъ потому, между прочимъ, что они поселяли въ этомъ краю одиночныхъ колонистовъ и не занимали важнѣйшихъ мѣстъ цѣлыми общинами.

Должно ли *продавать* землю вновь поселяющимся въ пустынныхъ краяхъ или же удобнѣе надѣлять ея даромъ? Этотъ вопросъ былъ рѣшонъ въ засѣданіяхъ комитета, если не ошибаемся, въ пользу перваго положенія. Говорилось, что только *купленная* земля пріобрѣтаетъ цѣнность въ глазахъ колониста, что только ею будетъ онъ дорожить, что лишь на нее будетъ употреблять трудъ разумный. Однако, признаемся, что это замѣчаніе показалось намъ не совсѣмъ практичнымъ, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ нашимъ колонистамъ. Какимъ образомъ я, колонистъ, буду считать себя вполне счастливымъ, если мнѣ отведены, за мои скудныя деньги, на Амурѣ три десятины, на которыхъ наконецъ почва истощилась и дала худой урожай, когда я вижу, что рядомъ лежитъ пустое, никому ненужное поле, которое мнѣ стоило только вспахать, чтобы получить обильную жатву? Скажутъ, что я могу купить не три десятины, а тридцать, и на нихъ уже завести перемѣну полей; но вѣдь за 30 десятинъ надобно заплатить въ десять разъ больше, чѣмъ за три, а у меня вовсе нѣтъ для этого свободнаго капитала. Завести прямо плодоперемѣнную систему хозяйства, хорошо удобрить свои пашни?.. Это все легко говорить, но не такъ-то легко сдѣлать на самомъ дѣлѣ. Шелеховъ и другіе ученые хозяева твердили это же самое въ европейской Россіи болѣе двадцати лѣтъ назадъ; однако и до сихъ поръ чуть ли не во всей имперіи (кромѣ дорого-стоящихъ земледѣльческихъ училищъ и фермъ) господствующая система — трехпольная. Плодоперемѣнное хозяйство требуетъ немало наукообразныхъ свѣденій и свободныхъ капиталовъ для своего введенія; а гдѣ же искать ихъ напр. у нашего сельскаго населенія?

Впрочемъ мы готовы были бы признать вопросъ о надѣлѣ землею за деньги безспорнымъ, еслибы не одно важное обстоятельство. Въ Соединенныхъ Штатахъ ни одинъ акръ не данъ правительствомъ даромъ на всемъ пространствѣ отъ Аллегановъ до Тихаго океана; рядомъ съ ними, въ Мексикѣ, хотя бы предлагали и даромъ,

предполагая общину главною формою экономическаго устройства колонистовъ, допускаетъ и частное владѣніе землею.

ни одинъ порядочный европеецъ не возьметъ самъ ни акра. Отчего это? — Понятно, оттого что колонисты ищеть въ новомъ отечествѣ не одного вещественнаго благосостоянія, а и гарантій нравственныхъ. Чѣмъ больше эти гарантіи, тѣмъ выше могутъ быть условія для покупки земли. Разумѣется, что правдецъ, оставляющій свое, даже бѣдное, разоренное отечество, лучше предпочтетъ купить клочекъ въ Висконсинѣ, въ Иллинойсѣ, чѣмъ въ Мексикѣ, не смотря на богатство ея природы. А если напимѣръ ганноверскому выходцу, которому ужъ надоѣлъ домашній абсолютизмъ, придется выбирать между тѣми же странами, — неужели онъ позволитъ себѣ задуматься хоть минуту? — Этотъ элементъ, къ сожалѣнію, вовсе не былъ затронутъ въ засѣданіяхъ ученаго комитета, и намъ бы хотѣлось, чтобы его принимали въ соображеніе тѣ, которые полагаютъ возможнымъ скоро населять ту или другую страну потому только, что о богатствахъ ея много писалось въ журналахъ. Конечно, въ Китаѣ быть-можетъ этого было бы и достаточно, потому что китайцу (особенно если онъ долго питался водорослями на морскихъ берегахъ) все равно, гдѣ ни подставлять спину подъ бамбуки, гдѣ ни отдавать карманъ въ распоряженіе мавлариновъ — на Формозѣ или въ Кульдждѣ; — но вѣдь кромѣ китайскихъ колонистовъ есть много другихъ.

Здѣсь мы могли бы кончить послѣдныя замѣчанія наши о предметѣ, который обсуждался ученымъ собраніемъ экономистовъ въ мартѣ текущаго года; но позволимъ себѣ коснуться еще одного вопроса, который по существу своему и важности долженъ бы былъ занять мѣсто при началѣ этихъ замѣтокъ. Вопросъ этотъ возникъ въ комитетѣ изъ нападокъ г. барона Мейендорфа на самую мысль о расширеніи, помощью колоній, тѣхъ государствъ, въ которыхъ населеніе и безъ того мало сравнительно съ обширностью территоріи. Ораторъ замѣтилъ, что «предполагая даже, что мы успѣемъ устроить «благосостояніе всѣхъ новыхъ поселеній, мы этимъ только будемъ «способствовать ихъ отдѣленію отъ метрополи, какъ учитъ исторія всѣхъ колоній». Этого рода опасеніе вовсе не ново и, признаемся, мы полагаемъ, что не можетъ и быть иначе при сознательномъ стремленіи, всюду обнаруживающемся, къ децентрализаціи управленія. Но это не составляетъ зла и вовсе не грозитъ распаденіемъ народности, какъ думалъ вѣроятно баронъ Мейендорфъ. Академикъ Бэръ справедливо сдѣлалъ ему возраженіе въ слѣдующихъ (*) словахъ: «Весьма справедлива мысль, что колоніи рано или поздно стремятся къ приобрѣтенію независимости отъ метропо-

(*) См. «Вѣкъ» 1861 года. № 22.

ли. Подобныя стремленія всѣхъ колоній могутъ быть доказаны исторіей; но въ нихъ нѣтъ еще никакого бѣдствія, если мы будемъ смотрѣть на нихъ съ прямой точки зрѣнія. Государственные люди Англіи совершенно убѣдились и нѣсколько разъ громко высказывали, что Великобританія имѣетъ гораздо болѣе выгодъ отъ своихъ колоній съ тѣхъ поръ, какъ онѣ сдѣлались самостоятельными, нежели когда онѣ были въ зависимости отъ метрополіс. Это убѣжденіе привело даже къ тому, что Великобританія старается давать своимъ колоніямъ тѣмъ болѣе самостоятельности, чѣмъ болѣе она усиливаетъ развивать ихъ способности къ самоуправленію, и отсюда происходитъ между прочимъ ея благосостояніе. Такъ Канада уже имѣетъ свой собственный парламентъ, и ея связь съ Великобританіею болѣе номинальная. Колонія мыса Доброй Надежды предоставлено имѣть собственныя военныя силы, и съ тѣхъ поръ прекратились кровавыя войны съ кафрами. Въ Австраліи также водворены нѣкоторыя начала самоуправления. Несмотря однако на такое постепенное освобожденіе колоній, онѣ продолжали приносить пользу метрополіс; въ нихъ распространялись употребленіе общаго съ метрополіс языка, ея нравы и обычаи, что значительно облегчало торговныя сношенія, возрастающія съ каждымъ новымъ шагомъ къ независимости. При этомъ надлежитъ только заботиться объ одномъ: не возбуждать, чрезъ сопротивленіе самостоятельности, горечи въ отношеніяхъ, которая конечно не можетъ содѣйствовать торговлѣ. Еслибы было справедливо, что нужно воздерживаться отъ колонизаціи вслѣдствіе стремленія колоній къ самостоятельности, тогда и отецъ никогда не долженъ бы желать имѣть сына изъ опасенія, что послѣдній рано или поздно пожелаетъ приобрести самостоятельность. Но никогда благоразумный отецъ не можетъ имѣть такихъ опасеній».

Этими благородными словами академика мы и заключимъ нашу замѣтку о предметѣ, занимавшемъ экономическій комитетъ русскаго географическаго общества. Тотъ, кто захочетъ сравнить съ нею программу комитета, конечно найдетъ между ними немало различій и быть-можетъ упрекнетъ насъ за склонность къ протекціонизму, за то, что мы больше говорили о колонизаціи принудительной, чѣмъ свободной, защитѣ которой, судя по программѣ, должны были посвящаться засѣданія комитета. Но осмѣлимся замѣтить, что мы совершенно чужды склонности отрицать положенія науки и достоинство гражданской свободы во всѣхъ ея видахъ. Мы потому и не говорили почти о нихъ, что считаемъ излишнимъ подтверждать истины давно всѣми признанныя. Задача наша была ска-

зять нѣсколько словъ, какъ намъ казалось, болѣе близкихъ къ практикѣ, чѣмъ содержаніе комитетской программы и нѣкоторыхъ изрѣчей, произнесенныхъ въ средѣ комитета. Достигли ли мы этого, нѣтъ ли, — судить конечно не намъ.

И. В.

ОДИНЪ ИЗЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ВОПРОСОВЪ

Какое мѣсто должно занимать изученіе греческаго и латинскаго языковъ въ нашихъ общественныхъ школахъ?

Вотъ вопросъ, о которомъ намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ. Онъ теперь на очереди, и разрѣшеніе его въ ту или другую сторону слишкомъ важно не только для возрастающаго поколѣнія, но и для всей образованной Россіи.

Мы очень хорошо знаемъ, въ какую сторону склоняется мнѣніе большинства по поводу рѣшенія этого вопроса. Намъ не менѣе извѣстны результаты прежнихъ усилій сдѣлать у насъ основою общественного образованія преподаваніе классическихъ языковъ. Эти результаты, нельзя не сознаться, до сихъ поръ воишь оправдываютъ неблагопріятное мнѣніе большинства. Наша литература, приглашенная обсудить предварительно «Проектъ устава высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній», обратила вниманіе и на этотъ вопросъ и высказала свое рго и contra. Безпристрастіе требуетъ признаться, что противники и защитники классическихъ языковъ имѣютъ каждый на своей сторонѣ хорошіе доводы; на чемъ же теперь остановиться? Какъ рѣшить этотъ вопросъ? Не большинствомъ же голосовъ? Да оно и не рѣшило бы подобнаго вопроса. Не можетъ ли этотъ вопросъ рѣшиться самъ собою, т. е. не можетъ ли изученіе классическихъ языковъ представлять намъ исторію своего происхожденія, услугъ, оказанныхъ имъ въ свое время, и современное положеніе его у тѣхъ народовъ, которые воспользовались имъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, чтобы страхнуть съ себя невѣжество политической и интеллектуальной жизни? Но это именно тотъ главный приемъ, къ которому обыкновенно прибѣгалъ защитники классическихъ языковъ. Эпоха «возрожденія», выведшая западный умъ изъ лабиринта схоластики, была вызвана, говорятъ они, изученіемъ греческаго и римскаго міра. Господство изученія классической литературы въ западной Европѣ до настоящаго времени, и въ особенности въ Ав-

глин, гдѣ оно остается почти исключительнымъ, служило вторымъ главнымъ доводомъ для защитниковъ нашего вопроса.

Все это такъ, но не могло ли повториться съ авторитетомъ классическихъ языковъ въ дѣлѣ школьнаго образованія того, что случилось въ исторіи со многими авторитетами, когда они, утративъ прежнее значеніе, продолжали предъавлять свои требованія на власть? Католичество въ борьбѣ съ язычествомъ оказало конечно громадную услугу человечеству; но когда оно, освободивъ общество отъ языческихъ оковъ, взяло его на свою опеку, оно обратилось въ напизмъ, который напрасно ссылался на свое великое значеніе въ прежнее время. Не могло ли облечься въ форму напизма и ученіе о необходимости всеобщаго преподаванія классическихъ языковъ?

Скажемъ прямо: могло, и дѣйствительно обратилось.

Если въ XVI столѣтіи думали одною пошуккою индивидуальности приобрести вѣчное спасеніе души, то въ наше время точно также многіе весьма серьезно утверждаютъ, что достаточно научиться въизъ латинскому и греческому языкамъ, чтобы упрочить образованіе тамъ, гдѣ его не было.

Удивительно ли, что такой фактъ вызвалъ крайнее противное мнѣніе? Между тѣмъ дѣло идетъ вовсе не о томъ, что быть или не быть изученію классическихъ языковъ, а только о томъ, чтобы ему *быть тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть* и чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ было и даже есть, въ такихъ странахъ, какъ напримеръ Англія. Мы хотѣли бы, на уничтоженіи классическихъ языковъ, а уничтоженія приписыванія имъ излишне важнаго значенія. Странно, а между тѣмъ совершенно справедливо, что усилія защитниковъ классическаго образованія всего болѣе содѣйствовали паденію классической образованности. Эта образованность вытѣснила нѣкогда схоластику и воцарила тѣмъ, что сама сдѣлалась схоластикой. Между тѣмъ мы, повидному возстаемъ противъ классическихъ языковъ, хотѣли бы именно всего болѣе возстановить всю важность и громадное значеніе, которое могло бы имѣть и всегда будетъ имѣть *филологическое* изученіе древности.

Да развѣ это изученіе было даже и въ XVI столѣтіи основой народнаго образованія? Много ли было тогда Рейхлингеръ, Эразмъ, Кроловъ, Рубановъ, Кобановъ, Муціановъ Руфовъ и др. Думали ли они о томъ, чтобы дѣтей 12—13 лѣтъ посадить за латинскія и греческія склоненія? Въ наше время, когда на древнихъ языкахъ ничего уже болѣе не ищутъ и они уже не играютъ прежней роли, такіе люди менше, а между тѣмъ очень многіе дѣлаютъ такое требованіе. То были люди жизни; они боролись съ трудностями бунтъ и діамантовъ, а съ грубыми прелестьями,

которыя ставили схоластика и отжившая политика средннхъ вѣковъ. Не таковы потомки Рейхлиновъ, наши современные защитники изученія классическихъ языковъ: они приняли весьма серьезно то, что для Рейхлиновъ было однимъ орудіемъ къ достиженію другихъ жнзельныхъ цѣлей.

Наприсно также эти защитники ссылаются на примѣръ западной Европы, а въ особенности Англій; и тамъ подымались сильно, по-доса въ пользу возвращенія настоящаго значенія классическому преподаванію. Мы приведемъ почти цѣликомъ мнѣніе одного французскаго публициста по поводу этого вопроса. Оно замѣчательно особенно по популярности своего изложенія; авторъ пишетъ, разъ пишетъ къ своей сестрѣ, и въ одномъ изъ своихъ говоритъ о совопнн и результатахъ классическаго преподаванія въ французскихъ коллегіяхъ и лицеехъ (гимназіяхъ). Какъ ни предосудительны задня мнѣся бонапартистскаго публициста, но картина нѣтъ очерчена вѣрно; онъ весьма ошибается въ своихъ цѣляхъ и нѣкоторыхъ изобрѣненіяхъ, но для насъ важенъ заявленный имъ фактъ. Число знающихъ латинскія склоненія и спряженія дѣйствительно теперь велико во Франціи. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, извѣстный гуманистъ XVI столѣтія и другъ Рейхлина, осмѣивая схоластиковъ, упрекалъ ихъ за то, что онъ не имѣеть ученой степени магистра, и называвшихъ его Nichts, нулей, написалъ остроумную поэму подъ заглавіемъ Nemo, т. е. Никто. Въ посвященіи его Кроту, Гуттенъ говоритъ: «теперь обществомъ управляютъ люди, которые имѣють степень и титулъ, и о которыхъ не спрашиваютъ, знаютъ ли они что-нибудь, но — имѣють ли они степень магистра?» Гуттенъ могъ бы написать теперь тоже о Франціи, гдѣ безъ степени бакалавра классическія языковъ надобно оставаться Nemo. Кто же такіе эти бакалавры?

«Въ прошлый понедѣльникъ, — пишетъ авторъ называвшихъ насъ писемъ своей сестрѣ, — вечеромъ около 4 часовъ, ко мнѣ пришла добрая тетюшка Кашила съ своимъ сыномъ. Ты помнишь эту миленькую крошку Октава, котораго все семейство называло Тото? Ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ; русые волосы Октава обстрижены, и его можно назвать взрослымъ человѣкомъ въ миниатюрѣ. Впрочемъ онъ хорошо воспитанъ, держитъ себя прилично: мать его не отускала отъ себя ни на шагъ. Мнѣ было очень пріятно видѣть его подросткомъ и сложившимся, хотя такія метаморфозы дѣтей; родители хва на нашихъ глазахъ, ужасно какъ подгоняють насъ къ старости.»

«Я отдыхала, окончивъ свою ежедневную работу, и перелистывала; вмѣсто отдыха, превосходную брошюру, присланную мнѣ

утромъ отъ Дантыо. Я обожаю людей, которые думаютъ какъ я, не требуя при этомъ чужой головы, и я пришолъ въ десторгъ, аща, что Anatole de la Forge, изъ благородныхъ, разрѣшилъ такъ справедливо *сopросъ о герцогаствѣ*.

— Дѣло идетъ не объ Италін, заговорила тетушка Камилла, женщина дѣятельная и положительная, и которая не любитъ терять своего времени. — Миѣ нужно у васъ попросить совѣта, и весьма важнаго совѣта, потому что отъ него будетъ зависеть судьба моего сына.

Такое предисловіе испугало меня. Я не прочь самъ попросить совѣта, потому что никто меня не обязываетъ послѣдовать ему; но если дѣло идетъ о томъ, чтобы я его далъ, миѣ всегда страшно и подумать, что что-нибудь неубрилъ моимъ словамъ, и что я потомъ буду упрекать себя за несчастіе другихъ. Тетушка Камилла не обратила никакого вниманія на мое замѣшательство и продолжала, не сдвигая, что я покраснѣлъ до ушей:

— Октаву шора начать заниматься: я пердала ему то немногое, что сама знала; отъ меня ему нечего больше учиться. Вы его родственникъ, вы кончили свой курсъ; вы начинаете знакомиться съ Парижемъ; теперь время приема въ учебныя заведенія: куда вы посоветуете отдать миѣ своего сына? Чѣмъ ему заняться? Какой путь ему избрать, чтобы чего-нибудь достигнуть?

Она говорила довольно долго, все въ этомъ родѣ, съ болтливостью, свойственной дамамъ. Между тѣмъ я придумывалъ, кого бы рекомендовать ей для совѣта изъ людей болѣе опытныхъ, и такимъ образомъ оказывать услугу, но принимая на себя никакой отвѣтственности? Я вспомнилъ весьма кстати одного стараго учителя латинскаго языка, съ которымъ я познакомился за общимъ столомъ въ ресторанѣ. Не разъ мы разсуждали съ нимъ вмѣстѣ, обнимая грушу или ошпыивая вѣтку винограда. Его идеи меня часто удивляли своею причудливостью; но онъ былъ въ нихъ убѣжденъ и защищалъ ихъ со всѣмъ жаромъ добросовѣстнаго человѣка. Я его считалъ честнѣйшею душою въ мірѣ, не смотря на его манію перевернуть все обученіе.

— Тетушка! говорю я Камиллѣ, — доброй воли недостаточно для добраго совѣта. Я былъ въ гимназін (collège), какъ и всѣ; но я такъ мало этимъ воспользовался, что мой родитель лучше бы сдѣлалъ, сохранивъ плату за мое содержаніе въ дансіонѣ. Учителя меня считали заразой, наблюдатели предсказывали, что я кончу жизнь на эшафотѣ, а товарищи смотрѣли на меня какъ на дикаря, потому что я творилъ пелѣности во всѣхъ отношеніяхъ. Въ послѣдній годъ, я выучилъ наизусть толстѣйшую книгу подъ заглавіемъ Ру-

ководство для выпускныхъ (Manuel du baccalauréat). Факультетъ заставилъ меня проговорить оттуда нѣсколько мѣстъ, и далъ мнѣ дипломъ, пожимая плечами.

«Послѣ этой церемоніи, я началъ работать по своему вкусу, занимался съ наслажденіемъ, доказалъ другимъ и самому себѣ, что я не зараба, и не умру на эшафотѣ, развѣ только случится какая-нибудь совершенно непредвидѣнная революція. Изъ этого слѣдуетъ, что я нисколько не сожалѣлъ о гимназій, потомучто я, только оставивъ ее, научился чему-нибудь, считалъ себя нѣсколько счастливымъ и уважаемымъ. Однако я продолжаю вѣрить, что классическія занятія и изученіе греческихъ и латинскихъ писателей необходимы для воспитанія и развитія ума. Можетъ-быть меня рано стали начинать этою хорошею пищею, или учителя забывали ее приравливать? Не умѣю сказать... Во всякомъ случаѣ мои десять лѣтъ въ гимназій были для меня слишкомъ непріятны и бесполезны, чтобы я могъ пожелать того же вашему шлому сыну.

«Не примите мои слова за совѣтъ: это одно воспоминаніе дѣтства. Я не могу объяснить самому себѣ, отчего я смотрю на классическія занятія съ величайшимъ уваженіемъ, а на уроки гимназій съ глубокимъ отвращеніемъ. Но, если вы мнѣ позволите, я позову сюда одного стараго ученаго, который живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ; онъ можетъ-быть приведетъ въ согласіе мои противорѣчія и объяснитъ намъ обоимъ нѣкоторыя вещи, о которыхъ я имѣю сбивчивыя понятія, безъ возможности найти для нихъ выраженіе.

«Тетушка Камилла приняла мое предложеніе. Я побѣжалъ за моимъ ученымъ, и такъ какъ онъ выходилъ только на уроки да на обѣдъ, то я и засталъ его дома. Онъ съ охотою послѣдовалъ за мною, и предложилъ свои услуги теткѣ съ радушіемъ, которое ее тронуло.

«— Вотъ мой единственный сынъ», говорила она. Онъ вся надежда моей жизни, и я могу сказать вамъ — единственная подпора, которую мнѣ далъ Богъ для моихъ преклонныхъ лѣтъ. Мое главное желаніе состояло бы въ томъ, чтобы онъ въ хорошей гимназій научился греческому и латинскому языку для того, чтобы получить степень (баккалавра) и съ нею достигнуть всего. Мой родственникъ, повидимому, оуждастъ мое честолюбіе и въ то же время боится лѣтъ совѣтъ. Вы — наставникъ; я обращаюсь къ вамъ; скажите, что я должна дѣлать?

«Наставникъ медленно втянулъ щепотку табаку, взялъ за подбородокъ маленькаго Октава и сказалъ нѣсколько докторальнымъ тономъ:

«— Вашу планъ заслуживалъ бы похвалу во всѣхъ отношеніяхъ, если бы этотъ милый мальчикъ современемъ имѣлъ сто тысячъ франковъ доходу...

«Я вскрикнулъ; тетушка также.

«— Позвольте! замѣтилъ онъ:— вы перервали вторую часть моего предложенія. Я говорю: если бы вашъ сынъ имѣлъ современемъ сто тысячъ франковъ доходу въѣрнаго и несомнѣннаго, или если бы вы его предназначили сдѣлаться такимъ же старымъ педантомъ, какъ я, Преподаваніе древнихъ языковъ, какъ оно было установлено нашими предками и какъ оно существуетъ до сихъ поръ въ нашихъ общественныхъ заведеніяхъ, годно только какъ украшеніе ума молодыхъ и богатыхъ людей, или какъ способъ доставить профессоровъ греческаго и латинскаго языка.

«— Я вдова, замѣтила тетушка съ скромностью, не лишююю достоинства, — я вдова и не имѣю состоянія. Мой мужъ занималъ почетное мѣсто въ одномъ частномъ управленіи; съ его смертью я не получила никакихъ правъ на пенсію. Наше общее имущество, увеличенное всевозможными сбереженіями, составляетъ до того ничтожный капиталъ, что я принуждена сама лично пускать его въ оборотъ. Я открыла небольшую лавочку съ холстомъ въ кварталѣ Бонапартовскаго лица, и вотъ уже два года, какъ я выручаю среднимъ насломъ въ день отъ 7 до 8 франковъ. Въ Парижѣ этого едва достаточно на предметы первой необходимости, при настоящей дороговизнѣ. Однако я подумала, что осудить себя на нѣкоторые изъшенія, я могла бы опредѣлить моего сына въ лицей вольноприходнымъ, чтобы дать ему классическое образованіе, которое ведетъ къ деньгамъ, а къ почестямъ.

«— Увы! отвѣчалъ онъ, вашъ сынъ въ томъ же положеніи, какъ и девять десятыхъ нашихъ учениковъ. Девять семействъ изъ десяти, не только въ Парижѣ, но и во всей Франціи, даютъ своимъ дѣтямъ классическое образованіе и думаютъ тѣмъ доставить имъ кусокъ хлѣба. Вся буржуазія въ нашей странѣ, отъ 1789 года и до 1859, слѣдо стремится по этой ложной дорогѣ.

«— Почему же ложной?

«— Отвѣтъ на это требуетъ нѣкотораго историческаго объясненія... но не опасайтесь, я да начну отъ начала. Онъ молча улыбнулся при такой шуткѣ и продолжалъ:

«До революціи, во Франціи было около 50,000 молодыхъ людей, которые рождались богатыми. Каждый изъ нихъ находилъ въ своей колыбели все что ему было нужно, чтобъ жить, в жистъ хорошо. Ихъ будущность была готова напередъ, ихъ доходы обеспечены. Если бы имъ вдумалось жить въ своихъ имѣньяхъ,

ода не имѣла бы надобности ни въ комъ и ни въ чемъ. Еслибы они предпочли жить въ Версали или въ Парижѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ замѣчательномъ городѣ государства, всѣ придворныя должности, всѣ гражданскія мѣста принадлежали имъ по праву рожденія. Равные почти другъ другу и по роженію и по богатству, они могли отличатся внутренними достоинствами; потому-то ихъ родители преимущественно и заботились о томъ. Одни воспитывались въ отелдхъ или замкахъ своихъ отцовъ, подъ руководствомъ опытнаго наставника; другіе поступали въ гимназіи, или одни, или вмѣстѣ съ гувернеромъ. Въ гимназіяхъ они пользовались всѣми выгодами общественнаго воспитанія, потому что оно приучало дѣтей жить въ обществѣ. Такъ какъ у нихъ было довольно времени вперед, и никакое спѣшное дѣло не призывало ихъ къ свѣту, то они оставались по десяти лѣтъ въ тѣхъ нѣкотораго рода интеллектуальныхъ монастыряхъ.

«Нѣсколько хорошихъ учителей, которые не были ни свѣтскими ни духовными, но которые походили на тѣхъ и другихъ, заботились только объ умственной развитіи молодыхъ людей. Ихъ обучивали на изящной литературѣ, читали наилучшую прозу и совершеннѣйшими стихами; въ совѣтники и друзья имъ назначались величайшіе люди древности; они обѣдали въ сообществѣ Гомера и засыпали съ Цицерономъ. Очень скоро прикосновеніе такихъ знаменитыхъ образцовъ переродило ихъ умъ и языкъ, они думали погречески и полатыни, говорили нарѣчіями забытыми, писали рѣчи безъ всякаго содержанія, но на прекрасномъ языкѣ Саллюстія. Учители радовались, и какъ имъ было не радоваться? Всѣ эти юноши были люди свободные. Они не имѣли ничего, что могло бы ихъ приневолить къ труду, чѣмъ они могли бы быть болѣе полезными обществу, своимъ семействамъ и самимъ себѣ. Когда они выходили изъ гимназіи, они были въ состояніи играть хорошую роль въ свѣтѣ, написать безупречно записку, произнести безошибочно рѣчь, здраво обсудить бельетристическое произведеніе и доказать людямъ хорошаго происхожденія во всей Европѣ, что они кончили курсъ классическаго образованія. Въ тѣ времена, обученіе въ гимназіяхъ было именно тѣмъ, чѣмъ оно должно было быть, и по моему мнѣнію, оно достойно всякой похвалы.

«Къ обществу тѣхъ богатыхъ людей и хорошаго происхожденія, которые платили за себя большія суммы въ пансіонъ, гимназія старалась присоединять нѣсколькихъ казеннокоштныхъ, избранныхъ за ихъ таланты въ нисшихъ слояхъ общества. Эти бѣдные молодые люди получали даромъ то же самое образованіе, которое другимъ продавалось дорого; но за то они предназначались обучать

другихъ въ свою очередь и вступали на кафедру своихъ учителей. Такъ Ролленъ, сынъ бѣднаго ремесленника въ Парижѣ, былъ принятъ изъ милости, или скорѣе по ловкому расчету, въ Collège du Plessis, гдѣ онъ замѣстилъ своего наставника, бывшъ двадцатидвухъ лѣтъ отъ роду. Все это шло какъ нельзя лучше, если я не ошибаюсь. Гимназія назначалась не для людей средняго класса. Туда принимали богатыхъ дѣтей для развитія въ нихъ блестящихъ качествъ ума, и нѣсколькихъ жалкихъ бѣдняжекъ, предназначенныхъ на тяжелый трудъ обученія. Ремесленники, лавочники, которые назначали своихъ дѣтей на трудъ для жизни, не осуждали ихъ на чтеніе или писаніе латинскихъ стиховъ втеченіе десяти лѣтъ.

«Англичане не имѣли у себя 89 года; публичное воспитаніе у нихъ осталось тѣмъ же, чѣмъ оно было до революціи у насъ. Эта нація, имѣющая много у себя посредственнаго, всегда была велика въ вопросахъ практической жизни; она не кормила быковъ апельсинами, а буржуазію латынью. Знаете ли, сколько она имѣетъ у себя коллегій, лицеевъ и классическихъ факультетовъ? Всего только два: въ Оксфордѣ да въ Кембриджѣ. Два изумительныхъ учрежденія, первыхъ въ свѣтѣ для изученія греческой и латинской литературы; но туда поступаетъ не всякій. Дѣти, предназначенныя въ палату лордовъ, маленькіе миллионеры, которыхъ положеніе въ свѣтѣ совершенно упрочено, являются въ Оксфордъ и Кембриджъ отполировать свой умъ на плитахъ древности. Они тамъ остаются долго, и посвящаютъ себя трудамъ самымъ бесполезнымъ и самымъ потеплымъ; они пишутъ не только латинскіе стихи, но даже и греческіе. У нихъ для того довольно времени. Кусокъ ихъ хлѣба обезпеченъ. Среди нихъ образуется нѣсколько почтенныхъ профессоровъ, вышедшихъ изъ толпы, и которые въ изученіи латинскаго и греческаго языка видятъ средство къ существованію. Остальная масса націи учится поспѣшно, въ первоначальныхъ школахъ, предметамъ необходимымъ для жизни, и расходится потомъ по различнымъ дорогамъ промышленности и торговли.

«Не таковы мы, французы. Послѣ революціи, буржуазія хотѣла, чтобы дѣти ея воспитывались, какъ прежде дѣти принцевъ. Она не знала нахѣрное, къ чему это можетъ повести, но ей хотѣлось взять приступомъ старыя коллегіи, какъ взята была Бастилія. Всѣ правительства, какія пребывали у насъ, въ послѣднія семьдесятъ лѣтъ, поддерживали такую манію въ народѣ. Они строили лицей на лицей, коллегію на коллегію; они образовывали ученыхъ профессоровъ тысячами, великодушно понизили цѣну классическаго обученія и облили французскій мозгъ до верху латынью. Такое честолюбіе однихъ и уступчивость другихъ привели насъ, вы знаете,

нѣ чему. Каждый годъ, въ концѣ лѣта, учебныя публичныя заведенія разливаютъ по странѣ ужасный потокъ бакалавровъ, невѣжественныхъ во всемъ, кромѣ латинскаго языка, и убѣжденных, что ниръ принадлежитъ имъ. Большой части изъ нихъ вѣдь жить. Чтѣ же имъ дѣлать? Правительство дало имъ такое образованіе; у правительства они и спрашиваютъ кусокъ хлѣба.

«Правительство, какъ добрый отецъ, начало удовлетворять требованіямъ, которыя оно возбудило само. Оно роздало своимъ питомцамъ всѣ общественныя мѣста, которыя сдѣлались вакантными послѣ паденія аристократіи. Но толпа бакалавровъ прибывала. Правительство открыло новыя должности. Но и этотъ запасъ истощился; надобно было придумать сверхштатныхъ, т. е. рядъ мѣстъ, на которыхъ работаютъ бесплатно. Число бакалавровъ увеличилось, и даже сверхштатныхъ мѣстъ не хватало. Правительство учредило кандидатство на сверхштатныя мѣста... насмѣшка на насмѣшкѣ!

«Теперь со всѣхъ сторонъ семейства кричатъ правительству: «науците нашихъ дѣтей тому, чтѣ было бы имъ полезно; мы не оставляемъ имъ никакихъ доходовъ; дайте имъ кусокъ хлѣба». Правительство, воодушевленное самыми лучшими памфлетами, во привыкшее дѣлать все вполовину, колеблется, идетъ ощупью, предписываетъ и отиѣняетъ, судитъ и пересушиваетъ, передѣлываетъ программы и не приходитъ ни къ какому результату. Оно присоединяетъ къ классическому обученію новѣйшіе языки, рисованіе, математику естественныя науки и физику. Отлично! кричатъ положительныя люди. Но скоро начинаютъ замѣчать, что не хватаетъ мѣста, т. е. времени для обученія греческому и латинскому языку. Какъ помочь дѣлу? Коллегіи раздѣляютъ на два отдѣла. Въ однихъ учатъ полезнымъ наукамъ, въ другихъ — тѣмъ прекраснымъ и знаменитымъ бесполезностямъ, которымъ обучалъ Ролленъ въ 1687 году. Но тутъ новая бѣда. Полезный отдѣлъ преисполненъ учениковъ: таковъ духъ времени и требованіе вѣка; а учитель классическихъ наукъ остается одинъ на кафедрѣ, и проповѣдуетъ пустымъ скамейкамъ. Правительство полагаетъ, что оно стало на ложную дорогу; оно возвращается назадъ. Оно ведетъ заблудшихся и разбѣжавшихся овечекъ на поле латинской и греческой словесности; оно обязываетъ всѣхъ имѣть степень бакалавра литературы, кто хочетъ быть чѣмъ-нибудь. Даже бакалавръ математическихъ наукъ долженъ пройти чрезъ кавдинскіе проходы латинской націи. Всѣ повинуются, но ронщутъ; никто недоволенъ порядкомъ, установленнымъ въ публичныхъ школахъ, ни даже само правительство.

— Но, замѣтаетъ тетушка Камилла, — вы не сказали однако, что же вы сдѣлаете съ сыномъ?

— Дѣло идетъ не объ одномъ ребенкѣ съидѣ, а о сотнѣ тысячъ дѣтей того же возраста, которые каждый годъ, въ началѣ октября, находятся въ подобномъ же затрудненіи. Если бы правительство удостоило спросить у меня совета! Мой планъ готовъ, я все предлагаю. И какъ было бы легко преобразовать въ самое короткое время наше бѣдное народное просвѣщеніе!

— Что же вы сдѣлали бы? спросилъ я въ свою очередь.

— Что я сдѣлалъ бы? я устроилъ бы въ каждой общинѣ хорошее заведеніе первокласснаго и дарового обученія, но не обязательнаго.

— Это уже сдѣлано.

— Да, почти. Въ каждомъ департаментскомъ городѣ и во всѣхъ городахъ болѣе значительныхъ я имѣлъ бы второклассное учебное заведеніе, гдѣ дѣти отъ 10 до 15 лѣтъ учились бы французскому и одному иностранному языку, арифметикѣ и геометріи, физикѣ и химіи, съ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ космографіи, исторіи Франціи и элементарнымъ фактамъ всеобщей исторіи, рисованію, музыкѣ и гимнастикѣ.

«Знаете ли, какъ трудно у насъ найти грамотнаго человѣка? Пятнадцати бакалавровъ изъ двадцати отказываютъ за неумѣнье ихъ правильно писать. Рисованію учатъ немного въ специальныхъ школахъ, и между тѣмъ каждый имѣетъ надобность умѣть сколько-нибудь рисовать. Музыка для большей части нашихъ согражданъ болѣе нужна, чѣмъ китайскій языкъ, между тѣмъ какъ метода, изобрѣтенная Руссо и усовершенствованная Шеве, удивительная по своей простотѣ, сдѣлала ее доступною для каждаго. Гимнастика, постыдно забытая нами, укрѣпила бы новыя поколѣнія и возстановила бы ущербъ силъ, причиняемый сидячими занятіями. Вотъ коллегія, о которой я мечтаю; вотъ школа, куда средній классъ нашей страны охотно посылалъ бы своихъ дѣтей, потому что тамъ научили бы полезному; были бы довольны и университеты, потому что они увидѣли бы около своихъ кафедръ людей. По выходѣ оттуда, каждый слѣдуетъ своему призванію. Одни вступаютъ въ академію художествъ, другіе въ коммерческое училище, трети на образцовую ферму. Морское училище, военные корпуса вербовали бы у насъ моряковъ и воиновъ.

— Но что же вы сдѣлаете съ греческимъ и латинскимъ языками? спросилъ я.

— То, чѣмъ имъ должно быть въ обществѣ, подобномъ нашему:

украшеніе въсколыхнухъ умовъ, которые не дѣютъ въ этомъ мірѣ другой заботы, кромѣ собственнаго развитія. Я не уничтожилъ бы этихъ дивесовъ, но оставилъ бы ихъ не въ большемъ числѣ, сколько ихъ въпрямую въ Англіи. Въмѣсто того, чтобы понизить годовую плату, въ этихъ школахъ, я бы удвоилъ ее для даже учетверилъ. Я пришилъ бы туда, только, дѣтей достаточныхъ родителей, вмѣстѣ съ бѣдными дѣлами хорошихъ способностей, которые назначаютъ себя для профессорскихъ должностей. Тамъ будутъ глотать цѣлкомъ греческія и латинскія, и не въ видѣ крошечныхъ тартинокъ, какъ это дѣлается, въ нашихъ коллегіяхъ, но большими ломтями, цѣлыми кусками, какъ Боссюетъ ифкогда угощалъ дофина Франціи».

Нельзя безусловно согласиться съ Эдмондомъ Абу относительно его мнѣнія о той родѣ, которую онъ думаетъ назначить для классическаго языковъ, въ дѣлѣ общественнаго образованія. Его уваженіе къ нимъ отзывается ироніей. Для него классическіе языки годны для одного украшенія ума, который счастливымъ матеріальнымъ положеніемъ освобожденъ отъ тяжелой мысли о необходимости зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Еще менѣе можно согласиться съ побужденіями г. Абу, которые вызвали его противъ классическихъ языковъ. Онъ является матеріалистомъ; но этотъ матеріализмъ отзывается матеріализмомъ времени римской имперіи: пусть каждый знаетъ свое ремесло, трудится въ своей мастерской и не терять даромъ времени на знакомство съ Цидерономъ, Тацитомъ, Фукидидомъ; такое знакомство вызоветъ въ немъ вопросы иного рода, между тѣмъ какъ матеріализмъ привлекаетъ человѣка къ инструменту и дѣлаетъ безразличнымъ въ отношеніи вопросовъ мыслительнаго интереса. Если въ самомъ дѣлѣ таковы результаты г. Абу, то онъ забываетъ, что мы живемъ не въ XVI столѣтіи. Тогда конечно для своей эманципаціи человѣкъ не ищетъ предъ собою ничего, кромѣ произведеній классической литературы. Таково ли положеніе современной образованности? Неужели наши литературы находятся теперь въ томъ же отношеніи къ классической литературѣ, въ какомъ находилась литература среднихъ вѣковъ? Можно ли серьезно опасаться, что нашъ современникъ, прочтя Макоеда, Гизо, Бекля, Канта, Гегеля и др., останется въ томъ же туломъ состояніи, въ какомъ его оставили бы средневѣковыя произведенія, если бы не явилась на помощь классическая литература? Но съ другой стороны, родственіе новѣйшей образованности нисколько не исключаетъ необходимости классическихъ языковъ. Они остаются, и теперь, и всегда останутся, не только украшеніемъ празднаго ума, какъ утверждаетъ г. Абу, но насущною необходимостью каждого

человѣческаго общества, въ которомъ не угасли преданія о вѣчности свободной человѣческой мысли. Слѣдуетъ ли изъ этого однако, что изученіе классическихъ языковъ должно быть принято за главную основу школьнаго народнаго образованія? Какъ такая основа, это изученіе классическихъ языковъ будетъ всегда сводиться на ознакомленіе съ склоненіями и спряженіями, и будетъ потому вызывать справедливо другое крайнее мнѣніе — вообще о бесполезности древнихъ языковъ. Если мы желаемъ, чтобы эти языки приносили обществу такую же пользу, какую они принесли уже однажды человечеству, то мы должны ожидать такой пользы вовсе не отъ того, что все население страны будетъ склонять и спрягать полатыни и погречески. Въ странѣ образованной всегда найдутся люди, которые своимъ глубокимъ изученіемъ классической образованности извлекутъ изъ нея великія истины и внесутъ ихъ въ народную жизнь. Мы не можемъ сказать, чтобы въ наше время мы еще не имѣли теперь людей; но безъ сомнѣнія, они обязаны своимъ филологическимъ званіями не тому, что обученіе классическимъ языкамъ было главною основою нашего школьнаго образованія. Какъ же рѣшить этотъ вопросъ у насъ? Во всякомъ случаѣ было бы жаль, еслибы у насъ повторилось то, что происходило во Франціи втеченіе послѣднихъ семидесяти лѣтъ. Древніе языки очень хорошая вещь; но еслибы для изученія ихъ пришлось пожертвовать другими званіями, напримеръ хоть естественными науками, то, скажемъ прямо, по нашему мнѣнію, мѣна эта не могла бы принести ожидаемой отъ нея пользы. Въ наше время — время легкаго знакомства со всевозможными литературами посредствомъ очень хорошихъ переводовъ — гораздо полезнѣе обойтись безъ древнихъ языковъ, чѣмъ безъ тѣхъ наукъ, которыя объясняютъ намъ жизнь, даютъ хлѣбъ, а главное, дѣлаютъ насъ людьми вполне развитыми и образованными. Съ одними древними языками еще недалеко уйдешь въ дѣлѣ настоящаго образованія. Съ древней, классической литературой можно познакомиться и безъ изученія этихъ языковъ. Да и много ли, скажете, изъ тѣхъ, которые учились этимъ языкамъ, знаютъ ихъ основательно? Они останавливаются на склоненіяхъ и спряженіяхъ; другіе, читавшіе когда-то Цицерона и Тацита, перестаютъ читать ихъ, лишь только выйдутъ изъ университетовъ.

Прежде, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, древніе языки конечно дѣлали людей людьми. Теперь не они уже это дѣлаютъ. Одни они были бы уже недостаточны. И безъ нихъ современный, вполне развитый и образованный человѣкъ можетъ познакомиться съ классическою литературой.

Но изучая эти языки, познакомится ли онъ съ тѣми знаніями, которыми пришлось бы пожертвовать для нихъ изученію?

Напримѣръ, хотъ съ естественными науками?

А безъ этихъ наукъ вѣдь ужь очень плохо современному человеку.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

I. ЖУРНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Быль споръ литературный, о которомъ мы не очень давно имѣли честь доводить до свѣдѣнія нашихъ читателей. О чемъ былъ споръ, — это все равно, и не въ томъ теперь дѣло: дѣло только въ томъ, что у одного изъ спорившихъ сорвалось тогда съ языка словечко: «*интересы* народной массы», т. е. интересы русскаго народа, къ достиженію которыхъ означенная масса якобы «стремится путемъ всякихъ темныхъ дѣлъ.» Другой спорившій не пропустилъ мимо ушей этого словечка и отвѣтилъ противнику въ такихъ или подобныхъ выраженіяхъ: «Эхъ, государь мой! да полно знакомили вы еще съ *интересами*-то русскаго народа? знаете ли вы» и проч. Не помнимъ, какъ тамъ дальше было выражено, но смыслъ состоялъ въ томъ, что дескать интересы русскаго народа и пути къ достиженію ихъ не совсѣмъ то, что вы думаете; что если вы будете ихъ мѣрять аршиномъ вашихъ собственныхъ интересовъ и путей, то можете сильно ошибиться и приписать народу такіа свойства, желанія и стремленія, какихъ у него вовсе нѣтъ. При этомъ кажется было пояснено и то, что интересы русскаго народа въ сущности очень просты и крайне немногосложны, такъ что если начать умствовать и опредѣлять ихъ издали, прикидывая на свой-то умозрительный аршинъ, то легко можно перехитрить, увлечься, уйти въ сторону и, начавъ во имя народныхъ интересовъ, предаться другимъ интересамъ, народу совершенно чуждымъ...

Впрочемъ не ручаемся, дѣйствительно ли все это было высказано по поволу упомянутаго спора, и не прибавили ли мы послѣднихъ отгѣнковъ той же мысли изъ другого мѣста и изъ другого журнала. Въ самомъ дѣлѣ, было нѣчто подобное и въ другомъ жур-

наль, который попиоль въ этомъ отношеніи дальбе: оны чзалиль горь-
не упрёки на нѣкоторые журнальнхъ кародилоеъ зато, что оны
толкують о народности, сами не зная хорошеько народа; насмлы-
иются рѣзко и неуиьвенно на людей; выказывающихъ мнѣнія,
противныя ихъ мнѣніамъ, и тѣмъ мѣшаютъ свободной разработкѣ
вопросовъ, а главное — нарушаютъ условія литературнаго при-
личія...

Теперь мы принимаемъ и каемси, что послѣдняя фраза вы-
шеприведенной мысли, възванной словомъ «интересъ народа»,
принадлежитъ намъ самимъ. Именно такъ! Читая горькимъ жалобы
на нарушителей условій литературнаго приличія, мы тогда же по-
думали: какъ легко увлекается вообще человекъ! Начнетъ во имя
какого-нибудь интереса, искренно, благородно начнетъ, а потомъ
незамѣтно и нечувствительно сойдетъ въ сторону, предастся дру-
тому, независимому отъ перваго интересу и погрузится въ него по-
чти всецѣло, т. е. отдастъ этому новому интересу главнѣйшій
нѣтъ своего одушевленія, а старому уже удѣлитъ одинъ только те-
плевые остаточки его. Уже не годъ и не два, какъ наши журналы
предались интересамъ народа, благородно одушевившись ими и
считая ихъ необходимѣйшею и лучшею потребностью читающей
публики и всего русскаго общества. Коснувшись такой живой и чув-
ствительной струны, конечно нельзя было избѣжать столкновенія
нѣтъ; и такъ какъ струна-то была очень чувствительна и жива,
то в столкновенія могли иногда послѣдовать чувствительныя и рѣ-
кія... Обидѣлись обидчивые люди и вспомнили о законахъ литера-
турнаго приличія... Съ тѣхъ поръ законы приличія сдѣлались пре-
обладающимъ интересомъ обидчивыхъ людей и предметомъ домаш-
нихъ хлопотъ многихъ журналовъ. А извѣстно, что у кого заве-
дуютъ домашніи хлопоты, у того, по слабости человѣческой пра-
роды, все прочее, постороннее неизбѣжно отойдетъ на второй, если
не на третій планъ. И дѣйствительно, если теперь послушать вним-
ательно говоръ разныхъ журналовъ, то нельзя не замѣтить намъ
большаго одушевленія тамъ, гдѣ вливается негодование на брагчи-
вое направление нашей журналистики, на крикуновъ и нарушителей
литературныхъ приличій. Досугъ ли же тутъ еще преслѣдовать чуж-
жіе интересы, хотя бы наиримѣръ интересъ поодаль стоящаго на-
рода? Въдь такъ пожалуй и одушевленія неостанетъ!

Но чтожь такое? Если уже убѣдились люди въ великой важно-
сти преступленій и проступковъ противъ законовъ литературнаго
приличія, то почему жъ имъ не избрать себѣ исключительной, хотя
временной цѣлью преслѣдованіе и искорененіе этихъ преступленій
и проступковъ? Но вотъ что непостижимо: бываетъ такъ, что са-

мые строеніе и жаркіе преслѣдователи этого журнальнаго зла, обидчая преступника, въ то же время сами нарушаютъ исповѣдуемые ими законы, и какъ нарушаютъ! Не словомъ, а дѣломъ, т. е. не рѣдкостью выраженій, а выкапываніемъ фактовъ, неподходящихъ даже подъ нашіе законы и литературнаго, и общежитійскаго приличія.

Напримѣръ: наистражайшій преслѣдователь крикуновъ, «Русскій Вѣстникъ» однажды отыскалъ въ «Современникѣ» юмористическое стихотвореніе, въ которомъ ради шутки говорится о тяжеломъ положеніи журналиста, о трудности приобретать хорошія статьи, украшенныя громкими именами, и между прочимъ есть четверостишіе:

Дорогъ ужасно Тургеневъ —
Публики первый герой —
Эта Елена, Берсенева,
Этотъ Инсаровъ... ой-ой!

Эти стидки «Русскій Вѣстникъ» растолковалъ такъ, что «Современникъ» измѣнилъ свой тонъ относительно г. Тургенева и называетъ «скорбныя сѣтованія на дороговизну его произведеній».

«Современникъ», вѣроятно сообразивъ, что шутить и говорить серьезно — дѣлѣ вещи разныя, замѣтилъ, что «Русскій Вѣстникъ» своимъ толкованіемъ «ущипнулъ» г. Тургенева, и затѣмъ въ своихъ отношеніяхъ къ этому писателю объяснился такъ:

«Нашъ образъ мыслей проявился для г. Тургенева на столько, что онъ пересталъ олобзать его. Намъ стало казаться, что послѣднія повѣсти г. Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе, не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ ли? Ссылаемся на самого г. Тургенева.»

Заслышавъ такія рѣчи, «Русскій Вѣстникъ» говоритъ: «На насъ лежитъ *долгъ* поправить *дѣло*.» И начинаетъ поправлять дѣло тѣмъ, что извинившись и сказавъ, что онъ не хотѣлъ «щипать» г. Тургенева, тотчасъ же заявляетъ, что г. Тургеневъ не напечаталъ своей послѣдней повѣсти въ «Современникѣ» совсѣмъ не изъ расчёта; *на потому*, что «Русскій Вѣстникъ» предлагалъ ему болѣе выгодныя условія, а напротивъ *несмотря на то*, что условія, которыя предлагались ему съ другой стороны, были несравненно значительнѣе.»

Скажите же, развѣ это *примливо*? Развѣ можно приснать какому-нибудь разумное побужденіе журналу — доводить серьезно до общаго свѣдѣнія или публично заявлять, какимъ образомъ и по какимъ причинамъ другой журналъ разошлся съ извѣстнымъ писателемъ и кто отъ кого отвернулся, — журналъ отъ писателя, или писатель отъ

журнала? Или такіе замѣтки могутъ пожалуй кому-нибудь дойти въ правыя взаимныя отношенія двухъ державъ. Откровенно говоря, не имѣя отношеній въ связи по дружеству? И какъ бы это умножить статью, или въ немецкаго литератора или въ французскаго критика, которые бы оправдывали это домашнее замѣчаніе? Или не оправдываютъ ли его какіе-нибудь общественныя интересы? Въ интересахъ какой части публики можетъ оно относиться? Какими общественными нуждами оно могло быть вызвано? Уже, что интересамъ русскаго народа мы имѣемъ отъ разъясненія вопроса: кто больше предлагалъ за повѣсть г-на Тургенева — «Современникъ» или «Русскій Вѣстникъ»? Сдѣлавъ не краснѣя это многозначительное замѣчаніе, «Русскій Вѣстникъ» какъ-будто немножко сконфузился, да и говоритъ:

«Довольно! Намъ очень неприятно, что мы должны были попытаться въ этомъ объясненіи (итожъ просилъ?)... Но что же одна поставитъ эти объясненія? Увы, это очень грустно, но мы должны сознаться, что въ нашемъ литературномъ положеніи есть что-то очень ненормальное! Нигдѣ въ дѣломъ мірѣ нѣтъ того, что мы имѣемъ въ нашей литературѣ: нигдѣ журналы не объясняютъ извѣстно другъ друга, не перебраниваются, и даже не объясняются между собою. Кромѣ полемикъ по горячимъ вопросамъ политическимъ въ ежедневныхъ газетахъ, ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ Англіи журналы не вступаютъ ни въ какія объясненія между собою. Возьмите какой угодно изъ порядочныхъ европейскихъ журналовъ: вы даже не узнаете изъ него, существуютъ ли еще другіе журналы въ той странѣ, гдѣ онъ издается».

Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, какіе благовопитанные люди эти корреспонденты! Да ужь полно правда ли это? Впрочемъ должно быть правда, если такъ говорятъ бывалые люди. Вотъ и г. Женавичъ, тоже бывшій человекъ, долго стоявшій съ эскадрой у сицилійскихъ береговъ, рассказывалъ собравшемуся кружку писателей руки Агати Тихоновны, что у нихъ въ Сициліи живетъ такой обрѣзанный народъ, что тамъ даже отъ простаго мужика не услышишь русскаго слова: всѣ говорятъ по-французски...

Да! дѣйствительно, не припомнимъ вы, чтобы между какими-нибудь порядочными европейскими журналами выходили перекоры изъ-за сотрудника или возникали объясненія о томъ, который журналъ предлагаетъ и платитъ за статьи больше и который меньше. А вотъ, что касается до столкновенія и борьбы мнѣній и направленій, не однихъ политическихъ, но также нравственныхъ, эстетическихъ и иныхъ, то не постигаетъ разумъ нашъ, отчего бы неприлично было одному журналу поспорить, и горячо поспорить съ дру-

твѣ, особенно у насъ, среди неустановившихся мнѣній и запрещеній! Въ подобныхъ случаяхъ почему-то безъ одного журнала не обходятся съ друзьями? Почему не сказать ему, что выискивать паролите гдуть не въ ту сторону, что ваши мнѣнія принадлежатъ такому-то направлению, которое мы считаемъ похвальною тенденціею, потому-то и пр.? Сверхъ того, не должно забывать, что въ западной литературѣ главную роль играютъ ежедневныя газеты, а у насъ наоборотъ, еженеѣдечныя издавія. А повесть, должно ли не намъ обезьяничать? Поищите, совѣтующе не вострѣ палешики, *потому-то на западѣ этого не водится!*

Въ числѣ предметовъ жалобы есть еще рѣзкость выраженій, которую у насъ называютъ бранью, сарказмомъ, и приписываютъ ее отсутствію *благовоспитанности, щепетивости, грубости нравовъ.* Но вѣдь здѣсь нельзя же измерять въ расчетъ предмета, по поводу котораго высказаться надо. Вотъ въ призмѣ исторія г-на Чернышевскаго съ Токвилемъ — какойто провозглашеніе даже въ лагерѣ перепитыхъ противниковъ сарказма! Последнія книги журналовъ всѣ наполнены полемикой противъ г. Чернышевскаго. Ассютовская книга «Отецъ Запорожья», въ призмѣ даже всѣ посвящена ему. Въ ней мы имѣемъ даже доминирующую статью, старящуюся доказать, что онъ ничего не знаетъ. Въ одной московской газетѣ есть даже статья, колы заблудившимъ взглядомъ: «Чернышевскій и его время». Говорите послѣ этого, что г. Чернышевскій не есть явленіе въ нашей литературѣ! Недавно только послѣ этого, если 172 № «Спбл. Вѣдомостей» перемогая всѣхъ возможныхъ свистуновъ, сравнилъ г-на Чернышевскаго съ человекомъ... *подулалашимъ!* Тутъ конечно шлоу дѣтревный человекъ и подумаетъ: «шолджима Токвиля великій человекъ, да зачѣмъ же емуль-то ломать?..»

Покорѣйше просимъ обратить вниманіе на существенный недостатокъ нашей восточной рѣчи: мы собираемъ литературные, мы выражалась тѣснѣе, журнальные интересы, которые должны быть въ нашу жизнь въ числѣ другихъ современныхъ интересовъ. Не въ журнальными интересами, отличающимися отъ всѣхъ прочихъ, мы разумѣемъ въ этотъ разъ тѣ собственно интересы, которые, каждаго исключительно журнальнаго, мира, чуждыя всему остальному человечеству, которые начинаются тамъ гдѣ кончаются интересами остального человечества, и которые являются въ мирѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда журналъ заклоничаетъ на своему домашнему хозяйству, да и выбѣжить въ юды весь подъ вліяніемъ этихъ домовъ, забывъ на время тѣ болѣе общіе интересы, по имя которыхъ онъ открылъ миру свое существованіе и свою дѣятельность. Мы знаемъ

всем на эти частные или домашние интересы впервыкъ потому, что они, будучи обнародованы, становятся общественнымъ достояніемъ, а вторыхъ потому, что внутренній процессъ ихъ обнародованія перфектно представляетъ любопытное психологическое явленіе, какъ читатели могли замѣтить изъ вышележащаго. Пытаясь усвоить себѣ это явленіе, мы можемъ сдѣлать такое предположеніе, что когда совершается процессъ означеннаго обнародованія, тогда воображенію лица обнародывющаго представляется только известная малая группа читателей, напримѣръ членовъ какой-нибудь редакціи, а все остальное читающее человечество для него въ эту роковую минуту какъ бы перестаетъ существовать; если же оно и припоминается ему смутно, то вѣроятно тутъ же является успокоительная мысль, что завѣтную публикацію, непричастную дѣлу человечество читать не будетъ, по чувству скромности; все равно какъ бы это было чужое, не къ нему адресованное письмо.

Еще разъ являемъ оговорку, что гдѣ хотя слегка замѣталась какая-нибудь человѣческая идея, или общественный вопросъ, или отдаленный фактъ, имѣющій значеніе въ жизни общества, или что-нибудь подобное; лишь бы оно носило сколько-нибудь свойственную публичности физиономію, — тамъ всѣ возможные журнальные споры, безъ сниса и съ присвистомъ, принадлежать въ нашихъ глазахъ къ области общихъ, а не исключительно журнальныхъ интересовъ и, во имя этихъ интересовъ, имѣютъ законное право существованія. Если же насъ попрекнуть тѣмъ, что мы такимъ образомъ допускаемъ снисъ и покрываемъ нарушителей законовъ литературнаго приличія, да если еще заговорить о необходимости и священномъ долгѣ литературы — воспитывать общественные вкусы, то мы попросимъ прежде опредѣлить логичнѣе и посознательнѣе, чѣмъ именно воспитываются общественные вкусы, и при этомъ пораздумать хорошенько, не слишкомъ ли много приписываемъ имъ, въ дѣлѣ этого воспитанія, благоприлично тона, чистотѣ и сладости звуковъ безъ крика и сниса? Да еще — не успѣивъ ли воспитываются и не яснѣ ли опредѣляются общественные вкусы сумною усвоенныхъ понятій, мыслей и чувствъ? А если такъ, то прежде нежели воздвигать гоненіе на снисуновъ, сопряжаемое горькими жалобами на зловерное и ведущее къ разгнѣнію нравовъ нарушенію законовъ литературнаго приличія, сдѣлало бы кажется всякому, предназначающему себя въ воспитателя общественныхъ вкусовъ, освободить свои помыслы отъ всѣхъ домашнихъ хлопотъ, съ которыми неразлучны пѣкоторые молочные, неприятно развлекающіе дразги, въ ролѣ расчетовъ за статьи, и пономъ уже выступать на поярще съ помыслами чистыми, вос-

питателя достойными; да при этомъ помнить также слово, сказанное Спасителемъ: «не называйте себя учителями». Выступивъ такимъ образомъ, воспитатель, если онъ вооруженъ и наукой, и твердыми убѣжденіями, а главное — вѣрнымъ пониманіемъ воспитываемой среды, не будетъ имѣть причины бояться или считать себя помѣхою какой бы то ни было свистѣ: свистеть за чуждымъ раздраженіемъ словомъ, или онъ свистеть заграживая мыслью; какъ бы ни показалось воспитателю, или какъ бы ни было на самомъ дѣлѣ дико это заграживанье, оно не раздражитъ его, не выведетъ изъ себя и не помѣшаетъ его благимъ урокамъ, потому что чѣмъ рѣзче дикость, тѣмъ труднѣе обмануть ею воспитываемую среду, тѣмъ кратковременнѣе ея успѣхъ и тѣмъ легче восторжествовать благимъ урокамъ, если только въ нихъ дѣйствительно кроется источникъ блага, если въ нихъ въ самомъ дѣлѣ таится зерно истины...

Однако мы кажется начинаемъ сбиваться на тонъ проповѣди, чего, признаться, ужасно боимся. Попробуемъ отдѣлаться отъ такого настроенія и переимѣнить хоть тонъ, если не самый предметъ рѣчи, потому что... вотъ эти литературныя приличія все еще мелькаютъ передъ нами...

«Московскія Вѣдомости» недавно посвятили довольно большую статью разсужденію о журнальныхъ объясненіяхъ. Это разсужденіе — нѣчто въ родѣ обвинительнаго акта, обличающаго нѣкоторые журналы въ спекулятивномъ направленіи, въ духѣ торгашества, такъ какъ ихъ «широковѣщательныя» объявленія — ничто иное, какъ зазыванье подписчиковъ посредствомъ пышныхъ обѣщаній, не всегда или даже очень рѣдко исполняемыхъ. Говорится въ этомъ актѣ, что такимъ образомъ журналы роняютъ свое достоинство и подрываютъ кредитъ другихъ періодическихъ изданій; что публика давно перестала вѣрить въ пышныя обѣщанія и уже свиститъ надъ ними, между тѣмъ какъ тѣ журналы, которые «скромно и просто заявляютъ о своемъ существованіи», расходятся въ тысячи экземпляровъ.

Такъ, такъ! слѣдуетъ карать его, журнальное шарлатанство, потому что оно роняетъ достоинство литературы, не соблюдаетъ законовъ литературнаго приличія. Но... подумаешь, какіе бываютъ оригиналы! У насъ есть одинъ пріятель, который не подписывается ни на одинъ журналъ, заимствуясь нимъ отъ добрыхъ людей, но страстно любитъ читать журнальныя объявленія. Осень для него едва ли не самое лучшее время года; по крайней мѣрѣ съ наступленіемъ сентября, онъ какъ-то особенно оживляется, какъ бы прелещуя близкое наслажденіе. Все его знакомые, получающіе ка-

не-нибудь газеты или журналы; знаю страсть чужака, собирать для него всё объявленія и вручаютъ ихъ ему иногда цѣлыми пачками. Садится онъ за эти пачки точно такъ, какъ гастрономъ садится за роскошный обѣдъ; въ числѣ блюдъ этого обѣда попадаютъ ему иногда и великолѣпныя объявленія отъ книжнаго магачева Маврикія Осиповича Вольфа, и прейсъ-куръиты китайскихъ чашекъ; но онъ хладнокровно откладываетъ эту примѣсь въ сторону; и отбросивъ пачку, приступаетъ къ чтенію собственно — журнальныхъ объявленій, а потомъ, начитавшись всласть, составляетъ изъ нихъ коллекцію для своей бібліотеки. Объясняя свою страстную охоту, онъ рассуждаетъ очень краснорѣчиво. «Вѣдь нельзя думать, говоритъ онъ, чтобы какой-нибудь журналъ могъ издаваться и редактироваться людьми ограниченными, — это совѣтъ невѣроятный! А гдѣ же найдете вы самую-то, что называется, слишкомъ редакторскую уму, какъ не въ объявленіи объ изданіи журнала? Тутъ ужъ онъ весь, въ сосредоточенномъ такъ-сказать видѣ. Въ книгѣ иногда книжальное произведеніе посторонняго автора красуется на первомъ планѣ, какъ звѣзда первой величины, и замѣняетъ собою редакцію или выкупаетъ ея слабыя стороны; а въ объявленіи редакціи спрятаться незачто: тутъ она сама является лицомъ къ лицу съ публикой и рекомендуетъ, и старается высказать самую лучшую, самую горячую свою мысль. Ну, вотъ мнѣ и любовицею послушать, что скажутъ умные люди, что они думаютъ и что намѣрены дѣлать. Изъ того, что они наговорятъ, у меня составляетъ цѣлая группа свѣтлыхъ надеждъ, — и мнѣ весело! Положите, что половина этихъ надеждъ можетъ-быть и не сбудется; да послушайте: вѣдь еслибы наши надежды сбывались всё до одной, то мы ужъ давно шагнули бы за предѣлы мелкой житейской суеты и очутились бы въ идеальномъ мірѣ...

— Чтоже толку, возражаютъ нашему оригиналу, — обольщать себя надеждами, если знаешь напередъ ихъ несбыточность?

— Какъ несбыточность?

— Да вѣдь вы сами говорите, что половина вашихъ надеждъ не сбудется.

— Я допускаю возможность такого несчастія; но пока оно не случилось, передо мною желанія редакцій — исполнить мои надежды.

— А если у нихъ совсѣмъ нѣтъ твоихъ желаній, какия вы предполагаете, а есть одно только желаніе — наловить побольше подписчиковъ?

— Э, полноте! Наловить подписчиковъ!.. Какъ вамъ не стыдно питать такія мысли и во всемъ видѣть одну темную сторону!.. Конечно, нельзя же представить себѣ такую безплотную редакцію, ко-

торое было оставлено совершенно равнодушным изъ число своихъ подписчиковъ; которой было бы все равно, оставить ли это дело пяти еденицъ или пять тысячъ еденицъ. Для кого же и издается журналъ, какъ не для подписчиковъ, т. е. читателей? Кому прелесть охота проповѣдывать въ пустынь? Стало быть отъ — какъ вы говорите — доля подписчиковъ неизбежно должна входить въ число цѣлей волею, даже самой пестрою и добросовѣстною редакціи. Въ ли редакція равно достигаютъ этой цѣли — это уже другой вопросъ; да это-то и зависитъ отъ существенныхъ достоинствъ редакціи, о которыхъ я суку по объявленію, и, знаете ли, суку довольно вѣрно. Вѣдь есть же для чего-нибудь у насъ съ вами и смыслъ, и вкусъ, и наблюдательности. Неужели вы думаете, что всѣ журнальные объявления дѣйствительно вращаются и возбуждаютъ во мнѣ одностороннюю надежду? Если вы такъ думаете, значитъ вы никогда не читывались какъ слѣдуетъ въ журнальные объявления, не дѣлали надъ ними достаточно-внимательныхъ наблюдений. Тутъ, я вамъ скажу, не только видны различныя степени умственныхъ силъ и эстетическаго разнообразіе мыслей и направленій, но отыскиваемъ также разнообразіе личныхъ характеровъ, даже темпераментовъ и сердечныхъ свойствъ. Бываютъ на примѣръ характеры мрачныя, склонныя къ левизнѣ; эти характеры болшую частью съ достоинствомъ, за себя суки и къ нимъ какъ-то не тинеть, — сердце не лежитъ. Бываютъ и наоборотъ — характеры открытыя, которыми ужасно хочется, чтобы ихъ хорошеняко поняли; они иногда повторяются, во это ничего; я ихъ люблю; въ нихъ жизни много. Иногда бываетъ замѣтно, что прежде чѣмъ приступить къ объявленію, редакція какъ-будто раздумывала: какою бы отгѣнокъ дать ей своей дѣятельности подумала — и придумала извѣстный отгѣнокъ, разумѣется болѣе или менѣе соотвѣтствующій ея индивидуальной личности... Вотъ личность-то и прорвалась наружу, а ея и не думѣть, а потомъ — симпатизировать ли ей или нѣтъ, это уже мое дѣло. Впрочемъ случается и такъ, что индивидуальная-то личность спрячется, если она не довольно рельефна, а вмѣсто нея выступятъ «современныя потребности образованной публики», или «новѣйшее направлевіе умовъ», или «исключительныя выводы науки», за которыми дескать мы, редакторы, почтемъ священнымъ долгомъ слѣдить неустанно и неуслбно... Ну, къ этимъ высокимъ цѣлямъ я уже прислушался, и онѣ не производятъ на меня впечатлѣній... дѣло извѣстное! Что касается до поименныхъ обѣщаній, т. е. реестровъ капитальныхъ статей съ именами, то я ихъ тоже сортирую; они имѣютъ для меня значеніе не по ихъ буквальному смыслу, а по дѣйствительнымъ заключеніямъ, которыя я вывожу изъ нихъ, т. е. изъ цѣлей реестровъ,

«Мисленіи и вѣдѣности» въ другой разъ любимою тематою образованнаго общества, близкаго почти къ ирриванью, будетъ библіографическое извѣщеніе.

«Юль» въ виду вѣсковыхъ извѣстій, описывая свои извѣщанія, предупреждаетъ, мы должны упоминать о нихъ, хотя бы того было въ угоду нищему другу, и побителю объявленій (который изъ пріизвн. системы не читаетъ наше изданіе), да притомъ надо признать, что оно сестрѣланъ нелегко и на часъ иногда ибѣтуютъ, а разсчитываясь.

«Вспервыхъ» — наша духовная покровительная литература обогащается новымъ журналомъ: «Духъ Христіанства»; Мечеть быть въ то время, когда слова нѣтъ дойдутъ до читателя, передъ нимъ уже будетъ первый номеръ «Духа Христіанства», потому что журналъ этотъ выйдетъ съ перваго наступающаго сентября.

— «Слѣдуетъ» изданы журналы «Средствъ» и «Братствъ», уже объявленныя и назначенныя къ выходу съ октября вышедшаго года, въ Петербургѣ, подъ редакціею Я. Ивановскаго, и другой — «Крестьянскій Листокъ», о которомъ идутъ только слухи, предположенныя въ Москвѣ, подъ редакціею А. Муромова, и намѣренныя принять преимущественно характеръ сельско-хозяйственной. Разоритъ эти стикъ будущихъ журналахъ пока ничего. Въ объявленіи объ изданіи «Грамоты» мы получили никакой новой мысли: цель извѣстная — удовлетвореніе насущныхъ потребностей народа, точно такъ какъ цель всѣхъ возможныхъ журналовъ — удовлетворять насущнымъ потребностямъ общества или той части его, для которой журналъ въ особенности назначается. Дѣло стало быть въ исполненіи, въ которомъ мы все еще не можемъ сравниться съ шароу.

«Объ этомъ много было говорено и безъ сомнѣнія еще много будетъ говорить и безъ насъ; а мы (т. е. я, составитель этой лѣтописи), какъ уже сказали разъ, не беремъ на себя разрѣшенія мудреныхъ вопросовъ.

«Есть еще слухи предпологаемыхъ журналахъ, мѣстныхъ, напримеръ въ Одессѣ готовится научно-литературный журналъ «Юль», цель котораго — «открыть новый органъ для самостоятельнаго и беззависимаго обслуженія вопросовъ, возникающихъ въ общественной жизни Одессы»; въ Харьковѣ составлена, говорятъ, программа литературно-политической газеты «Харьковскій Вѣстникъ», основная мысль которой — «пронести и осуществить материальную и духовную побужденія края». Стало быть стѣлжновое и другого изданія очень сходны между собою, а изъ этого можно заключить, что потребность въ новыхъ мѣстныхъ органахъ есть...

«Вѣстникъ» говоритъ, что онъ пріятельно не вѣритъ въ возможность процвѣтанія литературной дѣятельности въ нашихъ провин-

составляют сущность устного учения. Уловить эти приемы и вынести из них законы, составить задачу нашей школы и ее отделимость — отсюда нашего журнала, названного «Низолой Яеной-Пеланки».

«Сотрудниками нашими повтору будут преимущественно учителя вено-ноланской школы, и могут быть только учителя, смотрящие на свое занятие не только как на средство существования, но только как на обязанность обучения дѣтей, но и какъ на область деятельности для науки педагогикъ.

«Но части народной литературы, вы убедились, что для того, чтобы имать книги для народа, нужно больше чѣмъ необыкновенный талантъ и кабинетное изученіе народа, — нужно такое существование народа, нужно, чтобы книжечками для него были или самим одобренны. Съ этою цѣлью вы намѣрены предположить не судъ народа, собирающагося въ нашей школѣ, всѣ тѣ книги, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, ближе подходятъ къ нему, и не стѣсняясь ничѣмъ, печатать въ отдѣлѣ «Книжки Низолой-Пеланки» только тѣ статьи и книги, которыя будутъ или одобренны.

«Намъ остается отъ души желать, чтобы удалось этотъ свѣдѣній опытъ выбора книгъ и статей для народа.

«Если случалось вамъ, читатель, наткнуться въ журналахъ на статьи, посвященныя ихъ личнымъ дѣламъ и отношеніямъ, никакого общаго значенія не имѣющимъ и никакого любознательнаго факта не представляющимъ, въ такія минуты, когда вы были подъ впечатлѣніемъ отъ шумѣвшихъ вокругъ васъ устныхъ голосовъ, слышавшихъ горячими и шибко-ростущими вуждами дѣйствительной жизни, — то вы безъ сомнѣнія поймете и оправдаете побужденіе, по которому мы заговорили и такъ много наговорили объ этихъ исключительно-журнальных интересахъ. Можетъ быть въ подобныя минуты вамъ самимъ приходилось подумать такъ: еслибы авторы этихъ статей знали, какими глубокими равнодушіемъ забоченное человечество можетъ встрѣтить ихъ отчеты, еслибы вѣрно иначе взглянули бы на свое право публичныхъ заявленій и положили бы себя пользоваться имъ съ болѣею разборчивостію. Если жѣ съ вами этого не бывало, и вамъ непонятно наше побужденіе, въ такомъ случаѣ простите, что мы поддались впечатлѣнію минуты.

И, выходящая вилы и косы!

Осень наступает и несетъ съ собою результаты предшествовавшей лѣтней поры. Въ области мысли и творческой фантазіи готовится осуществленіе замысловъ; можетъ-быть родинныхъ чреда вліяніемъ тѣхъ же нѣжатихъ лучей солнца; подъ которыми растутъ и зрѣютъ всѣ плоды земные; а въ низиннѣхъ слѣхъ жизни сводится счетъ этимъ плодамъ земнымъ; т. е. хлѣбу насущному: Сказать бы готовыи стихи:

Уже румяна осень носить

Снопы златые на гумно,

И роскошь...

Но: за этимъ послѣднемъ словѣ, но вычленимъ обстоятельствамъ, можетъ-быть оборачивая, особенно если вспомнить, какія мысля родились въ головѣ г. Погодина, въ дождливый вѣз, трехъ вчерашнѣхъ, проведенныхъ имъ въ Петербургѣ, и до чего довели самого г. Погодина эти мысли, которыя въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, прекоснувшись съ свойственною имъ самодѣятельностью, къ одной почтенной науцѣ, такъ умасно ассистѣли, что наука, говоря, принуждена была закрыть уши и удалиться отъ непріятнѣйшихъ чувствованій... Какая именно участь на нынѣшній разъ постигла въ опустѣвшемъ Крыму виноградъ, котораго красота на видъ эта всепоглощающая никакимъ названіемъ роскошь — въ еще дѣтскихъ халдъ нѣтрехъ; а что насчетъ до самой румяной осени, то можетъ-быть встарину или только въ воображеніи поэта бывала, еще всягда и всюду румяною; въ настоящей же дѣйствительности эта гостя ладается, говорить, въ иныхъ мѣстахъ довольно блѣвною и негустою на гумно, вмѣсто златыхъ сноповъ, какіе-то грязноватые и нечистые. И толкустъ озабоченный, людъ объ этомъ явленіи: тамъ разлопашка дожда, застигнувъ кой-кого опоздавшихъ, среди размытыхъ недоразумѣній, а хлѣбъ оттаявъ въ волѣ, то на корню, то въ снопахъ, смѣшавшихся съ землею; тамъ была въ началѣ дѣла запсуха, травы сгорѣли, яровой хлѣбъ сгорѣлъ, иль сѣна, иль яровой соломѣ, — куда со скотомъ дѣваться? Крестьяне собираются, оставивъ на зиму по одной лошади да по одной коровѣ, расчитывая, что и тѣхъ съ зрудомъ прокормить; но откуда же придетъ, къ нимъ съ весной улобреніе? — Ну, ужъ гонимъ! произносятся дѣлоторые хозяева, грустно поглядывая на окулные дары, принесенныя имъ осенью. Между тѣмъ изъ другихъ мѣстъ прилетаютъ къ нимъ

и утѣшительныя вѣсти : гдѣ однимъ чѣмъ-нибудь Богъ благословилъ, гдѣ другимъ. Все это слагается въ сердца и все ходитъ въ размышленія о практической жизни, съ дѣтскими предметомъ заботъ думъ и соображеній... Что будетъ съ цѣнами? — вотъ вопросъ, къ которому, влечется, дсѣ эти соображенія.

... Изъ Оренбургскаго края пишутъ г. Небольшину : « Работы процвѣтаетъ, рабочія руки дороги; урожаи хорошіе; можно полагать еще и, сами-десять... И обитатели, менѣе счастливыхъ мѣсть, каковыя головы повторяя, « сами-двадцать! Какое? а у насъ овсы привезли въ пашора-раза!»

На югѣ хвалились великолѣпнымъ урожаемъ, но — саранга! Сколько она изволила скушать и сколько соблаговолила оставить людямъ, — это кажется еще не приведено въ положительную извѣстность; но что пировала она на славу и не стѣснялась, что пиръ ея совершался не въ одномъ, а во многихъ мѣстахъ южнаго края, это уже несомнѣнно извѣстно. Какъ тамъ вели съ нею войну; какъ истребляли не вели войны; считал, по народному поверью, грѣшны убивать врага, посланнаго Богомъ; какъ въ другихъ мѣстахъ бѣдствовали иногда снѣжные люди; не считал грѣшны отказываться въ помощи и помощи братьямъ, бѣднымъ воеводамъ, и какіе наконецъ случались при этойъ грустной анекдоты, — все это описано, все было предметомъ толковъ; и теперь уже ничему не поможеть.

... Съ другихъ сторонъ несутся грозныя слухи о сибирской лавѣ и пугаютъ озбоченный людъ. И объ этомъ страшномъ явленіи ходятъ разные анекдоты. Рассказываютъ напрямѣръ, что въ какой-то усадьбѣ, въ отсутствіе хозяина, уѣзжавшаго куда-то далеко, настигли эти бѣды и уничтожила весь скотъ; всеимные мош, составившіе преледуру, разбѣжались въ умясь, потому что знала одною изъ нихъ захватила. Осталась одинокая хозяйка, да одна чудомъ уцѣлѣвшая лошадь, любимца хозяина, и хозяйка принялась ухаживать за этимъ единственнѣйшм оставшимся съ нею живымъ существомъ, сама и кормить лошадю давала, и на водопой ее водила, пока не вернулась хозяйка... Слышан съ немалымъ страхомъ такіе, очень грубительныя анекдоты; хозяева, имѣющіе скотъ, очень еростисно находятъ великій интересъ въ какой-нибудь публикациіи объ иштанномъ и оказавшемся весьма удовлетворительнымъ способомъ леченія лавы. Сочувствуя этимъ простымъ и совершенно незамысленнымъ интересамъ, мы готовы даже повторить одну изъ такихъ публикацій; въ которой нѣкто г. Н. С. сообщаетъ способъ, указанный имъ отъ казана, котораго научили ему какой-то сибирскій эвазаръ. — Когда зимнито (такъ излагается ишбобъ) у порожнаго лавы дивотнаго онухоль; тотчасъ дѣдите надрызы вдоль и поперегъ

уменьше духомъ преобразованій, что пошлению оглядѣ на устройство водопроводовъ, для удобнѣйшаго и скорѣйшаго добышии воды при гашеніи пожаровъ. Мы нарочно привели слово въ слово это извѣстіе, сообщенное почти одновременно въ газетѣхъ обнѣхъ столицъ; потому что оно очень характерно. Такъ и видишь какъ все это происходило; а думавши до конца, непревѣнно подумавши: вотъ что значитъ у русскаго человека «беречь разыгрался и рука расколослась!» Будемъ молчать на чин! — преобразованія, такъ преобразованія! Чего ужъ тутъ жаться-то? А иной можетъ быть тутъ же еще промолвить или подумать: «Ужъ такъ и быть, рогъшииъ господина чиновника! Человекъ-то чинно-хорошій, обходительный!»

«О городѣ Павлоградѣ пишутъ въ скатерноблavoвскихъ губернскаихъ вълoкостаихъ нѣчто подобное; но неинного времени». Жители Павлограда предложили назначить для пожарной части; отъ общества купцовъ и мѣщанъ, одного старосту, двухъ помощниковъ къ нему и двадцать человекъ; обязавшихъ въ случаѣ пожара исполнять всѣ обязанности наживныхъ чиновъ пожарной команды, а для подъема пожарныхъ инструментовъ оставлять отъ городскихъ обывателей десять лошадей; которые не жару старосты должны быть въ готовности при первомъ сигналѣ. Сверхъ того, по желанию въ Павлоградѣ государственныхъ крестьянъ, предложено возложить на нихъ обязанность имѣть отъ себя, къ услаженію пожарной части, лошадей, людей и, по возможности, всѣ необходимыя пожарныя снаряды съ городскихъ же доколовъ; къ находящемуся въ настоящее время при городской полиціи инструменту (одна большая пожарная труба, восемь бочекъ и проч.); приобрести еще двѣ трубы и два шеста.»

Но много еще остается у насъ узданныхъ городовъ отъ стариннаго шатравнаго пожарнаго команданъ, а еще больше сель и деревень безъ всякихъ командъ и безъ всякихъ средствъ унимать пожары. И кажется ничкому разуму человѣческому не изобрать, даже приблизительно, времени, продолженіе котораго заведутся у насъ во всѣхъ населенныхъ достаточныя огнегасительныя средства. А между тѣмъ, кому случалось видѣть деревенскіе пожары, тому покажется ниль и ничтоженъ тотъ страхъ, который они внушаютъ русскому народу. «Чтого народа — fatalистъ!» подумаетъ онъ. И дѣйствительно, ничѣмъ промѣ fatalизма не объяснишь того, какъ поступаетъ русский народъ относительно огражденія своего достоянія отъ огня. Принудивъ эти уроки былъ недавно свидѣтелемъ одной небольшой пожарной сценки. Въ качествѣ нѣшегода, находился я въ двухъ-трехъ верстахъ отъ неизвѣстной мнѣ деревеньки, об-

тешей, государственными предвѣтима и каза этъ кой-то такъ сильно задымилось. Пока я шолъ эти двѣ-три версты, дровъ не хватаетъ бѣжать, нечего, и дымъ сталъ какъ будто унакапывать. Когда я подходилъ къ деревнѣ, увидѣлъ бѣжачи въ полей, вѣдь, охраняю убогихъ отъ злой деревнѣ, и челоуки нѣтъ крестьянъ, отъ тебѣрами и безъ таковой; я нѣтъ меромъ выпалася нѣсколько женщинъ. Встрѣтившись, они перепугались, развалились, и мучились пощадилась, и женщины пролазили полагаться на свои наветрѣны.

— Что горитъ? спросилъ я ихъ.
— Огонь, батюшка.

— И почему?
— Только Навъ съ салами — тамъ и поросились, а вѣтъ мучав-то

И пришелъ на дожаръ: Огонь уже нѣтъ; онъ, какъ свѣдѣе въ ту, материално вылезетъ соломою и порожками изъ-подъ под бревнами. Вкругъ ямы раскиданы также дымящіяся бревна, соломою и бревнами, и солома бѣгаютъ огоньки. Саженьхъ отъ десяти отъ дымящей амы, в дрямо идаль ятравъ, стоитъ одна изба, а въ домъ съ нею другой, оцѣтъ. Вдругъ пожара движется наловѣтъ, и дядца крестьянъ, вѣдѣтъ имъ, служить оубоимъ, единственнѣй батюшкѣ, которые они, касаются, изъ амы, дымящія бревна и бросаютъ тутъ же на разбросаную солому. Вереница женщинъ тачется отъ избъ съ ведрами, въ которыхъ онѣ носятъ откуда-то воду, а мужики принимаютъ отъ нихъ ведра и выплескиваютъ въ аму. Ведро опростаны; яма продолжаетъ пылать, женщины стоятъ кучкой и смотрятъ на огонь.

— Развѣ нѣтъ лошади, чтобъ привезти бочку воды? говорю я стоящему безъ всякаго дѣла обывателю.

— Бочки-то у насъ во всей деревнѣ нѣтъ.

— Какъ бочки нѣтъ?

— Такъ! У насъ и въ заведеніи нѣтъ бочекъ-то.

— Какъ же это вы съ пожарами справляетесь? Хорошо еще — огонь, далеко отъ избъ. Ну, а какъ въ самой деревнѣ?

— Чтѣ дѣлать? Богъ милостивъ; а то вотъ ведрами таскаемъ изъ пруда.

Кучка ирекрасныхъ обывательницъ продолжаетъ посматривать на огонь.

— Бабы! говорю я нерѣшительно, ужасно боюсь сконфузиться: вода-то была бы велишняя, еслибы вы, а еще, впрочемъ, —

Онѣ посмотрѣли на меня, потомъ перешагнувшись, между собою шло нѣтъ мѣста; одна помоложе отпернулась и засмѣялась. Видно, что легкомысленная. Я разумѣется сконфузился, и отошелъ.

— Бабьё! кричатъ мужики, суетясь раз-селемъ выт-реть вы-стала? давай-те воду-то!

— Да вотъ выжили бедеръ-то мало, не у всехъ есть, — отвѣчаютъ прекрасныя обыкновенныя и чинутая-адресничейка бабы.

— Ага! думаю я, — что-же вамъ, насмѣшныя! — Хотимъ смот-рѣть на конну-а-бѣду и раздѣлываемый овинокъ, и самимъ себя вопро-симъ: чужой чужой могъ уцѣлѣть это добро? Съ тѣмъ же неразрѣши-мымъ для меня вопросомъ обращаемся къ близку стоящей публичкѣ, и одинъ туземный мыслитель, повидимому мудро промѣрившій сущ-ность вещей и въ естественныя причины являющійся, разрѣшаетъ — нѣтъ его такъ: по другую сторону сгорѣвшаго овина, стало-было прямо на вѣтрѣ, случилось дѣстѣ огромной и разсѣдистой ветлѣ; она за-слонила огонь отъ вѣтра; вѣтеръ обѣгалъ кругомъ, и оттого пламя не билось на сторону, а крутилось завитками надъ сгорѣвшемъ ови-нокомъ; между тѣмъ же конну и на осѣдлѣй сѣмѣ устали-целаскаты изъ бедеръ.

Совершенно удовлетворившись этимъ рѣшеніемъ вопроса, при-писывавшій почти всю честь спасенія конны въ другого овина ветлѣ, я насколько возможно оставилъ потухавшій пожаръ; кото-рому и безъ меня ничто не могло помѣшать совершенно потухнуть. Того же мѣста вѣроятно былъ одинъ помилей мужичекъ; двину-вшись впередъ со мной отъ пожара:

— Ты здѣшній же? спрашиваю я спутника.

— Я вонъ оттолева, но съѣзству, отвѣчаетъ онъ, потнувъ го-ловой на видѣющуюся недалекѣ другую деревню.

— У васъ есть бочки?

— Бочекъ у насъ нѣтъ.

— Отчего же?

— Заведенія нѣтъ такого, чтобы бочки... На всей деревнѣ отро-дась не бывало.

— А вѣдь да случай пожара нужно бы.

— Надо-то бы надо! И бумага была, приказано было, — да по-ды ты съ димомъ! У насъ донъ скорѣй пропьюти, чѣмъ что-либо.

— А у васъ кажется и бѣндаръ свой есть?

— Есть.

— Чтожь вы? Вѣдь слѣдовало бы вамъ, старикамъ, подумать да похлопотать объ этомъ.

— Да вотъ поди-ты съ вами!

— Ну, хоть бы-те первый заговорилъ.

Мужичекъ отканивнулся. Я приготовился слушать, но онъ что-ничего не сказалъ. Дороги наши скоро разошлись, а мы также:

одъ малѣво, д.направо. Такъ и я не узналъ, что думалъ мужичекъ въ ту минуту, когда откашлянулся.

III. ИНТЕРЕСЫ БОЛЬШИХЪ РАЗМѢРОВЪ

Мелкіе житейскіе интересы, обобщаясь и сцѣпляясь одинъ съ другимъ, образуютъ интересы крупныя и производятъ тѣ трудныя общественныя вопросы, которые мучатъ головы мыслителей-экономистовъ. У насъ они все еще сводятся на одну главную заботу, на одну мысль о тяжеломъ финансовомъ времени, которое переживаютъ русскіе люди. Мы невольно останавливались и теперь останавливаемся на этой заботѣ, потому что невозможно выдѣлать изъ нея все тѣ элементы, которыми характеризуется наше время; мы указывали и теперь думаемъ указать на мнѣнія людей, принимающихъ на себя разработку вопроса или близко-стоящихъ къ его предмету, для того чтобы хотя слегка замѣтить путь, по которому мысль пробивается къ истинѣ, обещаясь довести насъ до желаннаго выхода изъ образованнейшей тѣмноты общественнаго положенія. Мы давно слушаемъ экономическія разсужденія и споры, и если люди, умудренныя наукой и громко исповѣдывающіеся законы, до того рѣзко ставятся въ мнѣніяхъ, что одно изъ нихъ положительно уничтожаетъ другое и авторы ихъ взаимно другъ друга повергаютъ въ прахъ, то какъ же требовать отъ насъ, простыхъ наблюдателей, внимающихъ мудрецамъ, чтобы мы не почили себя въ непроницаемомъ туманѣ и не смутились духомъ, отлагая всякое помышленіе не только отъ разбора этихъ мнѣній, но и отъ изысканія причинъ ихъ взаимнаго противорѣчія?

Прежде мы слышали, что нашъ экономическій бытъ страдаетъ недостаткомъ оборотнаго капитала и въ тоже время избыткомъ денежныхъ, именно бумажныхъ знаковъ; и назадъ тому мѣсяць пришло статью «Вѣстника промышленности», доказывающую, что мы богаты вещественными, недвижимыми капиталами, почти не имѣющими въ настоящее время никакой цѣны, но страдаемъ недостаткомъ денежныхъ знаковъ. Теперь г. А. Козловъ («Московскія вѣдомости» № 165), сведя эти два противоположныя мнѣнія, говоритъ:

«Мы думаемъ, что въ настоящее время обнаруживается и недостатокъ капиталовъ, и недостатокъ денежныхъ знаковъ. Авторы статьи, помѣщенной въ «Вѣстникъ промышленности», были очень близки къ тому, чтобы признать и то и другое, но заключилъ только въ послѣднемъ, не обративъ должнаго вниманія на различіе по-

стояннаго капитала и оборотнаго. «Земля, лѣса, заводы; государственныя облигаціи (говорить онъ) продаются за безцѣнокъ; а ни кто не покупаетъ; слѣдовательно нѣтъ денегъ». Слѣдовательно, скажемъ мы, нѣтъ капиталовъ *оборотныхъ вообще*, и оборотнаго капитала по преимуществу — денегъ. Для того, чтобы покупать за *безцѣнокъ* вышеупомянутыя вещи, денегъ, обращающихся у насъ, еще достало бы; но чтобы получать какую-нибудь выгоду съ земель, лѣсовъ, заводовъ, нужно употребить для нихъ значительное количество различныхъ оборотныхъ капиталовъ, какъ-то: навозъ, скоть, рабочій скоть, сѣмена, земледѣльческія орудія, сырыя матерьялы разнаго рода, машины, наконецъ рабочія руки, — а все это стоитъ весьма дорого; слѣдовательно никто и не купитъ лѣсовъ, земель и т. п., когда нечего приложить къ нимъ, т. е. когда дороги оборотные капиталы, потому что ихъ нѣтъ.

Далѣе:

«Первому (недостатку денежныхъ знаковъ) легко помочь... Гораздо труднѣе помочь недостатку капиталовъ. Для этого нужна сильное напряженіе всей хозяйственной дѣятельности народа, оживленіе торговли, мануфактурной и особенно земледѣльческой промышленности, безъ которой шагу не могутъ сдѣлать остальные...»

Съ другой стороны слышимъ другой голосъ:

«Бѣда наша въ томъ (это говоритъ г. Н. Перовіо), что большая часть затратъ внѣ государства съ нѣкоторато времени производится звонкою монетою; что эти затраты не покрываются суммою отвозныхъ товаровъ; что они увеличиваются ежегодно, и наконецъ, что вывозъ товаровъ изъ Россіи постоянно уменьшается. По этимъ причинамъ, если онѣ не измѣнятся, нельзя ожидать и поправленія нашего денежнаго рынка. Ничто не можетъ привлечь звонкой монеты въ количествѣ достаточномъ для того, чтобы пополнить ея недостатокъ при такихъ обстоятельствахъ, если только торговля не будетъ въ состояніи покрыть съ избыткомъ всѣ частныя и правительственныя затраты въ чужихъ краяхъ. Поэтому мы остаемся въ убѣжденіи, что для пособія нашему денежному стѣсненію необходимо обратить вниманіе на то, чтобы *уменьшить привозъ и увеличить отвозъ товаровъ*, а это, мы увѣрены, не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда. Пусть торговое сословіе употребитъ болѣе дѣятельности на торгъ отвозными товарами; пусть старается доставлять эти товары въ мѣста сбыта ихъ, для отвоза за границу; пусть достигнетъ только *удешевленія цѣны и улучшенія качества нашихъ сырыхъ продуктовъ*, а вмѣсто нелѣпой идеи монополіи и биржевой игры, пусть наше купечество обратитъ главнѣйшее вниманіе на то, чтобы отвозъ постоянно увеличивался и достигъ того,

чтобы цѣнность его превзошла всѣ наши затраты въ чужихъ краяхъ!»

Все это для г. Н. Перозіо «не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда». Не знаемъ, съ котораго взгляда исчезнетъ тутъ трудность для нашего купечества... «Удешевить цѣны и улучшить качество сырыхъ продуктовъ!» Только и нужно! Велико ли дѣло, кажется? Стоитъ только *большому числу*, а еще лучше — *большинству* промышленниковъ и торговцовъ просвѣтиться до усвоенія себѣ этой мысли, до возможности одушевиться ею, до признанія ея необходимѣйшею и лучшею цѣлью, — и тогда они «употребятъ болѣе дѣятельности» и проч. Потомъ останется только создать условія удешевленія продуктовъ, т. е. дешевизну производства и (вотъ это — задача!) дешевизну доставки къ мѣстамъ сбыта... При болѣе сильной, т. е. усиленной дѣятельности конечно всего достигнуть можно, если только твердое, искреннее, сознательное единодушіе... Впрочемъ, мы пустились въ собственныя размышленія, чего не предполагали; эти размышленія начинаютъ увлекать насъ въ область мечтаній, а между тѣмъ существенность еще не перестаетъ представлять намъ «факты въ родѣ новѣйшей исторіи съ серебряными лавками... Будемъ лучше слушать другихъ!»

Дилетантъ въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ, издающій свои *Записки*, первая часть которыхъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вышла въ свѣтъ и уже была въ виду нашихъ читателей, выступилъ теперь съ *антрактомъ* между этой первой и будущей второй частью *Записокъ*. Антрактъ начинается уподобленіемъ его театральному антракту. «Не случилось ли вамъ (спрашиваетъ г. дилетантъ) бывать въ Александрийскомъ театрѣ, хоть по какому-нибудь чрезвычайному случаю? Конечно вы знакомы съ этимъ театромъ на столько, на сколько позволяютъ это вамъ ваши свѣтскія приличія», и проч.

Намъ непременно захотѣлось увидѣть въ этихъ словахъ болѣе или менѣе злую иронию надъ свѣтскими приличіями, вслѣдствіе чего они, т. е. слова эти, потеряли для насъ всякое отталкивающее свойство, такъ что мы съ великимъ любопытствомъ прочли весь антрактъ до конца. Вотъ какія умныя рѣчи есть между прочимъ въ этомъ антрактѣ:

«Народная промышленность бываетъ естественная и искусственная.

«Естественная, имѣющая цѣлью выработку мѣстныхъ сырыхъ произведеній — независима.

«Искусственная возникаетъ и можетъ существовать единственно подъ покровительствомъ таможеннаго тарифа. Это косвенный на-

логъ на потребителей: ихъ (чтобы мѣстные деньги не брали слишкомъ обширнаго заморскаго полета) принуждаютъ платить въ тридорога, у себя дома, за такіе предметы, которые можно пріобрѣтать чуть не за безцѣнокъ, сдѣлавъ два-три шага черезъ сосѣдную границу. До какой степени подобный косвенный налогъ необходимъ для государствъ вообще, а для нашего въ особенности, — that is the question...

...«Многіе удивляются, что наше золото, подобно нашимъ больнымъ, все отправляется за границу. Винять путешественниковъ... «Можно запретить ѣздить за границу, но уже никакая сила въ мірѣ, никакая китайская стѣна не удержитъ у насъ дома ни золота, ни серебра, покуда нужды наши на заграничные предметы будутъ превышать заморскія потребности въ нашихъ продуктахъ»... «Неужели гг. тарифисты въ самомъ дѣлѣ полагаютъ, что мы теперь много издерживаемся на заграничные предметы роскоши? Если они прикидываются вѣрующими въ это изъ своихъ расчетцевъ, тогда они хоть и не совѣтъ, а все-таки тонко дѣйствуютъ; если же они вѣруютъ въ это отъ чистаго сердца, то жестоко заблуждаются. Куда ужъ намъ теперь роскошничать (хоть и рады бы), когда у насъ всеобщее безденежье!»..

Ой, не ручайтесь, г. дилетантъ (вставляемъ мы, не удержавшись, свое слово)! Ни у кого не найдется столько, какъ у насъ, искусства при самомъ крайнемъ безденежьи, находить деньги именно на предметы роскоши. Наша извѣстная всему міру тороватость еще далеко не сдѣлалась анахронизмомъ, и ей-то ужъ именно «иностранцы справедливо удивляются»... Выпужденная безденежемъ бережливость еще ожидается, и ею только грозятъ благоразумные люди, въ минуты негодованія на роскошь. Но — г. дилетантъ продолжаетъ:

«Э, вѣтъ, господа! отложите-ка въ сторону свою врожденную безпечность, свою ледяную, бесплодную, эгонстическую любовь къ отечеству, принимайтесь-ка за дѣла, не бросаясь отъ одного предмета къ другому, не окончивъ какъ слѣдуетъ перваго — этимъ доказывается только жадность къ большымъ барышамъ, всегда близкая къ банкротству; обратите-ка лучше вниманіе на *мѣстную выработку сырыхъ нашихъ продуктовъ, чтобы уменьшить ихъ объемъ и сдѣлать ихъ такимъ образомъ доступными на заграничныхъ рынкахъ*: тогда вы увидите, что вопросъ измѣнится вполне, и что сколько бы ни взяли съ собой золота ваши заграничныя, прадношатающіяся дѣтища, все оно безъ изъятія воротится къ намъ, да еще въ компаніи съ голландскими червонцами, американскими долларами и французскими наполеондорами»..

Теперь мы видимъ, что предположенная нами въ начальныхъ словахъ *антракта* яронія нагъ свѣтскими приличіями, по поводу Александринскаго театра, совершенно согласуется съ послѣдующими мыслями г. дилетанта. Вѣдь у насъ многое, что могло бы дать жизнь и душу этому театру, остается также невыработаннымъ сырымъ продуктомъ, частью отъ «врожденной безпечности» русскихъ людей, а частью и оттого, что многіе изъ нихъ, при мысли хотя бы объ Александринскомъ театрѣ, все еще имѣютъ слабость принимать въ расчетъ свои «свѣтскія приличія».

Это — отступленіе; но невозможно пропустить безъ должнаго вниманія главнаго предмета мысли г-на дилетанта — разработки мѣстныхъ матеріальныхъ продуктовъ. Намъ кажется, что мысль эта сама по себѣ не новая, по крайней мѣрѣ мы давно, еще въ дѣтскости, слыхивали рѣчи нѣкоторыхъ практическихъ мыслителей, недоумѣвавшихъ, какимъ образомъ и по какимъ логическимъ законамъ люди, еще не научившись ничего порядочнаго сдѣлать изъ того, что имъ даетъ и суесть прямо въ руки ихъ родная земля и окружающая природа, какъ-будто слѣпые, не виаяціе, что у нихъ подъ руками, — таятся всѣми силами за далекія моря, тащатъ оттуда и начинаютъ обрабатывать чужой продуктъ, который уже давно и безъ насъ обрабатываютъ другіе, обрабатываютъ въ огромнѣйшихъ размѣрахъ и уже такъ набіли на немъ руку, что тягаться съ ними не знаю кому подъ силу?.. Помнимъ, что и мы тогда раздѣляли недоумѣніе мыслителей, покачивали вмѣстѣ съ ними головой, да потомъ и забыли. Теперь одинъ изъ этихъ мыслителей, обитающій далеко отъ насъ, прочитавъ *антрактъ* г-на дилетанта, непременно скажетъ, какъ бывало говаривалъ встарь: «А вѣдь мысль-то моя!» — Да, ваша! примолвили бы мы ему: — а ктожъ вамъ велѣлъ сидѣть до сихъ поръ съ вашей мыслью, излагая ее только въ устной бесѣдѣ съ людьми, ничего не умѣвшими изъ нея сдѣлать?.. Встрѣтившись съ этой знакомой, какъ-будто родной намъ по воспоминанію мыслью, мы рады еще нѣсколько послѣдовать за дилетантомъ.

«Надо бы намъ приняться за дѣло (повторяетъ онъ). Пора бы и намъ привниматься и пиры пировать, и войны воевать не на свои кроввныя, а на чужія деньги! Не можетъ же быть, чтобы мы, являясь рьяными патріотами, когда дѣло доходитъ до кулаковъ, оказывались только говорунами и борзоницами, когда дѣло касается улучшенія быта, образованія, переформированія гнилыхъ мертвыхъ обычаевъ въ новую, живую жизнь; не можетъ это быть, — и вслѣдствіе того предлагаю устроить компанію на паяхъ, но компанію, которая имѣла бы для Россіи громадное значеніе...»

«Въ этомъ дѣлѣ надо только побольше энергіи, поменьше нашего прагматическаго сна, побольше работы мыслью. Нужно хорошенько вникнуть и удостовѣриться, что въ настоящее время для Россіи сильно требуется.

«Нужны ей деньги!

«Деньги можно привлечь посредствомъ возбужденія требованій на заграничныхъ рынкахъ нашихъ сырыхъ продуктовъ, въ разработанномъ уже видѣ.

«Поэтому-то я и предлагаю составить компанію на паяхъ».

Такимъ образомъ г. дилетантъ вешутя предлагаетъ составить товарищество на паяхъ, которому называться *«Товариществомъ для разработки сырыхъ продуктовъ въ Россіи»*. Особенности этого предлагаемаго товарищества состоятъ въ томъ, что на каждое лицо дается не больше одного пая, стоящаго тысячу рублей, и что въ первоначальные годы на эти пая биржевая игра не допускается. Дилетантъ, говоримъ мы, не шутитъ; онъ говоритъ дальше: «Какъ во время штурма вызываются отважные охотники для взятія приступомъ передовыхъ линій и бастіоновъ, такъ точно и здѣсь вызываю я предприимчивыхъ людей, немногихъ, для начала, изъяснить согласіе идти со мной впередъ, во что бы то ни стадо». Онъ приглашаетъ желающихъ обратиться письменно *въ С. Петербургъ, въ контору Языкова и Комп.*, прибавляя, что денегъ впередъ онъ не проситъ, а только желаетъ имѣть предварительное согласіе, чтобы знать число людей, ему сочувствующихъ...

Но въ чемъ же именно дѣло? спросите вы. На что соглашаться? — Пояснимъ, сколько можемъ, словами дилеганта:

«Необходимо (говоритъ онъ) начать съ чего-нибудь. Для примѣра возьмемъ хоть одно дѣло, вполне мнѣ извѣстное и уже изслѣдованное... Цѣль этого дѣла — спасти отъ гибели одну часть такого сырого продукта, которая до сихъ поръ, въ цѣлой Россіи, при нынѣшнемъ всеобщемъ способѣ производства одной изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности въ госудаство, пропала совершенно; однимъ словомъ, возродить ее и стараться сдѣлать изъ нея новый предметъ для нашей вышней торговли.

«Этотъ дѣло — куда тайна».

Дальше, какъ видите, идти намъ некуда. Мы и такъ уже забрались въ предметъ, касающійся собственно тѣхъ, у кого есть лишняя тысячка рублей; для нихъ-то и прослѣдили мы вторую половину *актракта*, перешагнувъ отъ общихъ разсужденій къ существенному и определенному дѣлу. Тѣхъ изъ нихъ, въ комъ пробудится сочувствіе къ этому дѣлу, мы обращаемъ къ 176 и 177 № *«Сиб. вѣдомостей»*, гдѣ помѣщенъ весь *актрактъ*, изъ котораго я о предло-

женіи дилетанта узнаютъ они нѣсколько подробнѣе. Онъ самъ называетъ способъ этого предложенія нѣсколько оригинальнымъ. Оригинальность въ глазахъ умныхъ людей не есть недостатокъ. Что касается до самаго предложенія, то судить о немъ конечно не намъ, и не тѣмъ, для которыхъ, какъ для насъ, существенная часть его остается тайною. Но первоначальному источнику, на мысли, изъ которой выведено предложеніе, нельзя не сочувствовать и нельзя не желать, чтобы и у тѣхъ, для кого разъяснится все дѣло и всякая тайна разоблачится, не нашлось ни малѣйшей причины отвернуться отъ него съ охлажденнымъ сочувствіемъ.

Здѣсь кстати привести примѣръ, доказывающій, какъ много у насъ въ разныхъ мѣстахъ кроется добра, никому невѣдомаго до поры до времени, потому что его не ищутъ, устремляя взоры вдале, за моря и океаны... Вотъ этотъ примѣръ, недавно сообщенный въ газетахъ. Въ троицкомъ уездѣ (оренбургской губерніи), недалеко отъ Куевскаго завода, въ башкирскихъ дачахъ, открыта «превосходная» фарфоровая глина. Предпримчивые люди тотчасъ воспользовались открытіемъ и построили было въ этомъ мѣстѣ фабрику; уже все было готово къ началу работъ, какъ пожаръ разрушилъ предприятие до основанія. Теперь постройка фабрики начата вновь, и скоро надѣются приступить къ работамъ.

Къ слову, — такъ какъ дѣло пошло на факты. Выше мы привели указаніе на необходимость удешевленія цѣнъ и улучшенія качества нашихъ продуктовъ. Слышали мы на дняхъ разговоръ о томъ, что на нынѣшней нижегородской ярмаркѣ торговля шла удовлетворительно, исключая желѣза, на которое предлагаемыя цѣны были низки, «потому дескать, что теперь иностранное желѣзо конкурируетъ». Тутъ же люди, имѣющіе случай обращаться съ желѣзными издѣліями, подтверждали давно всѣмъ извѣстное, что иностранное желѣзо невпримѣръ хуже нашего, что наше мягко, а иностранное «хрупко какъ соль». Тутъ стало-быть дѣло только уже въ легенькомъ удешевленіи производства, да... доставка-то, отцы родные! — отъ Рифса до невскихъ береговъ!.. Случился въ разговоръ и заводчикъ, имѣющій дѣло съ машинами. «А зато (замѣтилъ онъ) въ дѣлѣ все иностранное — чудо! У насъ вотъ крана никакъ не умѣютъ сдѣлать: здѣшній кранъ непремѣнно каплетъ. Поневолю пожелаешь иностраннаго!»

Какъ бы въ опроверженіе недовольнаго кранами заводчика, находимъ вдругъ въ газетѣ «Акціонеръ» нѣчто весьма рѣдкое у насъ. Это — заявленіе, подписанное Иваномъ Черновымъ, изъ Кострома, подъ заглавіемъ: *Пріятная неточность въ исполненіи заказа*

механическииъ заводоиъ господъ Шидовыиъ, въ Костромъ. Вотъ въ чемъ дѣло :

«Къ навигаціи нынѣшняго года (пишетъ г. Черновъ) былъ принятъ отъ меня на заводѣ заказъ буксирнаго парохода въ 80 силъ, высокаго давленія, съ передаточными шестернями, горизонтальными (лежащими) цилиндрами и съ расширительными коробками, съ тѣмъ чтобы пароходъ везъ до 60.000 пудовъ груза; употребляя отъ 18 до 20 сажень аршинныхъ дровъ въ сутки.

«Согласно этимъ условіямъ пароходъ былъ мною и принятъ. Но что же оказалось? вмѣсто 60-ти тысячъ пудовъ груза, пароходъ буксируетъ 90 тысячъ пудовъ, и вмѣсто того, чтобы жечь отъ 18 до 20 сажень дровъ, онъ довольствуется 12-ю саженами».

Дальше г. Черновъ, замѣтивъ, что черезъ такую неточность онъ выгадываетъ до 30% въ грузѣ и до 40% въ топливѣ, и описавъ отличное устройство парохода, высказываетъ свою благодарность инженеръ-технологу К.Н. Цыганову, по чертежамъ и при наблюденіи котораго построены пароходы.

Всегда слышать эти признаки поступательнаго движенія впередъ, и вслушавшись, какъ-разъ предѣтся мной манюловскимъ мечтателямъ о мостѣ черезъ прудъ, съ устроенными на немъ лавками, въ которыхъ бы продавались разные товары... Что если бы, думаемъ мы, хоть на примѣръ телеграфы имѣли такое свойство, какое, по словамъ давнишняго смѣшнаго анекдота, приписалъ имъ одинъ чудакъ, повѣсившій на телеграфный проводъ сапоги, добродушно повѣривъ, что они точнѣйшимъ образомъ будутъ переланы его сыну, проживающему въ томъ городѣ, куда идетъ телеграфъ! Что если бы, повторяемъ, телеграфы передавали не одни слова, но и вещи, потяжелѣе сапоговъ: какое движеніе уже кипѣло бы у насъ теперь, потому что не многія изъ механическихъ устройствъ въ Россіи такъ быстро развиваются, какъ устройство телеграфовъ. Что такъ называемыя телеграфныя остановки, если вѣрить всѣмъ слухамъ, ежемѣсячно составляютъ не малой длины списки — это уже куда ни шло; по новости дѣла, нельзя ставить каждое лыко въ строкъ; во вѣдь по послѣднимъ свѣдѣніямъ теперь въ европейской Россіи телеграфныхъ линий больше чѣмъ на 20,000 верстъ, и на этомъ дѣло не останавливается: все строится и впредь предполагается новыя линіи, а съ нынѣшняго года электрической токъ проникаетъ даже въ глубину Сибири, направляясь къ Иркутску. Официально извѣстно, что проектъ сибирскаго телеграфа уже исполняется; въ нынѣшнемъ году назначено устроить часть линіи, именно отъ Казани до Омска, на протяженіи безъ малаго двухъ тысячъ верстъ, а вся-то линія до Иркутска составитъ съ небольшимъ пять тысячъ

вереть; стало-быть и всю ее жатву не придется долго. Затѣмъ останется продолженіе ея по Забайкалью и Амурскому краю; о чемъ также производится изслѣдованіе.

Конечно по самому свойству разныхъ государственныхъ и общественныхъ задачъ, по степени ихъ многосложности, не каждая изъ нихъ можетъ выполняться одинаково быстро. Мы видимъ, что такіе-же люди уже положительно видятъ вѣрнѣйшій и даже единственный выходъ изъ нашихъ затрудненій—въ усиленіи отпуски на границу нашихъ мѣстныхъ продуктовъ; но разве легко въ самомъ дѣлѣ опредѣлять, когда это можетъ осуществиться въ желанныхъ размѣрахъ? Между тѣмъ изъ «Морского Сборника» узнаемъ, что въ морскомъ министерствѣ, безъ сомнѣнія, въ виду этого будущаго осуществленія, готовятся соотвѣтствующія ему мѣры, составляющія также многотрудную и нескоро-исполнимую задачу. Это—мѣры къ развитію русскаго торговаго мореплаванія: въ морскомъ министерствѣ работаютъ надъ изслѣдованіемъ этихъ мѣръ; въ шайскомъ номерѣ «Морского Сборника» напечатано «Краткое обзорніе» работъ, еще приготовительныхъ; коснуться содержанія этой статьи нельзя безъ того, чтобы не войти въ подробности, которыя увлекли бы насъ за предѣлы нашей статьи. Ограничиваемся указаніемъ важнаго факта, касающагося великаго общественнаго интереса.

— Къ интересамъ огромнаго размѣра и первостепенной важности долженъ быть отнесенъ предметъ слѣдующаго коротенькаго сообщенія, встрѣченнаго нами въ «Экономич. Указателѣ». Къ прежней извѣстію о томъ, что ко всѣмъ нашимъ ученымъ и юристамъ были разосланы проекты устава о гласномъ и устномъ судопроизводствѣ, теперь прибавляютъ, что для составленія устава приглашены изъ Москвы, какъ представившіе лучшія сужденія о проектѣ: губернский прокуроръ Равинскій, оберъ-прокуроръ VII департ. сената Буцковскій и оберъ-секретарь общаго собранія сената и профессоръ университета Пюблоносцевъ.

IV. Нѣчто о крестьянскомъ дѣлѣ

— Пьютъ, сударь мой, отлично, и дерутся тоже отлично, словно шальные; — говорилъ недавно посторонній человѣкъ, промышленникъ, присмотрѣвшійся, въ нѣкоторой знакомой ему мѣстности, къ вышнему племени изъ крѣпостной зависимости люду.

— Удивительно! отвѣтилъ ему собесѣдникъ:— чѣмъ бы выикать въ новыя бытъ и улучшаться, а они... Чего же ждать, когда вотъ

по новому положению будеть важная продажа, вина, — соблазны на каждомъ шагу?..

— Ничего, сударь, ничего! Будьте спокойны! И дастъ ужь нравъ и обычай такой; праздникъ, такъ медъзя не погулять; а у нихъ теперь общій, мирской праздникъ — волю празднуютъ... Они ведь кородуются этакъ годокъ другой, а тамъ и за дѣло примутся — медъзя! И посмотрите еще, какъ примутся! Вотъ теперь я бытъ уг. Ш... къ нему пришла сто человекъ иностранцевъ, рабочихъ — выписалъ онъ ихъ; народъ все такой здоровый. Ужъ работать начали; работаютъ, говорятъ, хорошо. Наши-то стады-было смѣшны —

— Чему же смѣяться?

— Ну вотъ, что говорить не умѣютъ порусски... Только господня-то запретишь, строго запретишь, чтобъ ни смѣлись. Я и говорю теперь: какъ появятся этакъ чужія руки те здѣсь, то такъ наши-то и опомнятся; послѣ и гуляба на разумъ не пойдеть. Въ томъ и ловинности, и все — медъзя!

Указываемъ на это разсужденіе, какъ на образчикъ дѣтства въ народѣ престога, близко стоящаго къ нему человека, Конечно оно должно быть върѣе многихъ опасеній черезчуръ боязливыхъ и недоверчивыхъ людей. Конечно, тяжело было слышать о такъ называемыхъ недоразумѣніяхъ, возникшихъ въ разныхъ мѣстахъ съ началомъ челемныхъ работъ. Но теперь изъ печатныхъ свѣдѣній, и изъ устныхъ отзывовъ и разсказовъ даже противоположной изъ леуль заинтересованныхъ сторонъ, узнаемъ, что почти ни въ одномъ изъ этихъ недоразумѣній не было безусловно доказать самъ народъ, если не ставить ему въ вину его невѣдѣнія; что эти недоразумѣнія были вызваны отдельными недобрыми личностями...

Потомъ думали недоверчивые люди, что мировые посредники, какъ принадлежаніе къ одному изъ двухъ заинтересованныхъ классовъ, не будутъ одинаково безпристрастны къ обѣимъ сторонамъ. Но сколько ни есть теперь печатныхъ и устныхъ слуховъ, ни одинъ не подтверждаетъ этого опасенія. Намъ удалось слышать въ некоторыхъ лицъ, удивляющихся, откуда вдругъ набралось столько хорошихъ людей! А вотъ для примѣра и мѣстные газетныя вѣсти:

Изъ калужской губерніи: «Должности мировыхъ посредниковъ всѣ замѣщены, и открытіе волостей и сельскихъ обществъ подвигается впередъ. Самый важный результатъ введенія новаго сельскаго управленія, по отзывамъ въкоторыхъ мировыхъ посредниковъ, есть тотъ, что крестьяне, потерявъ значеніе старшинъ и сельскаго схода, замѣтно стали спокойнѣе, а сильно развѣвшеяся между ними въ послѣднее время пьянство — умѣреннѣе. Жалобы и недоразумѣнія болышею частію оканчиваются миромъ. Въ одномъ изъ

ровомъ участіи въ теченіи мѣсяца было 70 разбирательствъ; изъ нихъ окончено миролюбиво 66, арестованы только два человека и двое оштрафованы деньгами».

Извѣстіе изъ *тверской губерніи* гласитъ, что мировые посредники назначены во всѣхъ уѣздахъ и дѣйствуютъ во многихъ мѣстахъ очень успѣшно... За этимъ общимъ словомъ слѣдуютъ два замѣчанія, составляющія между собою довольно рѣзкій контрастъ. Во первыхъ корреспондентъ жалѣеть, что «нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ требовали войскъ для усмиренія мѣстной, гдѣ не работали дѣйствовать словомъ убѣжденія, гдѣ даже и не были сами, а посылали только приказы.» Потомъ рассказываетъ:

«Ныне дѣтъ мировыхъ посредниковъ, желая дѣйствовать какъ можно деликатнѣе съ крестьянами, разговаривая съ ними, не только употребляютъ мѣстоименіе *вы*, но и называютъ крестьянъ не иначе, какъ съ прибавленіемъ слова *господинъ*, что не только смѣнитъ присутствующихъ при этихъ разговорахъ дворянъ, но и самихъ крестьянъ, называющихъ такихъ посредниковъ обыкновенно французами... Одинъ посредникъ ошибочно уладилъ крестьянина отъ *выборговъ*, а затѣмъ извинился передъ нимъ, называя его по фамиліи, съ прибавленіемъ титула *господинъ*».

Въ заключеніе выражается весьма уважительное и естественное желаніе: «чтобы мировые съѣзды были какъ можно публичнѣе, чтобы гласность проникла въ эти новыя учрежденія, и чтобы всѣ желающіе, какъ дворяне, такъ купцы, мѣщане и крестьяне, могли присутствовать при съѣздахъ, разумѣется безъ права голоса. Не излишне мѣрою было бы предварительное объявленіе въ губернскихъ вѣдомостяхъ о датѣ сбора того или другого мирового съѣзда.»

Эта крайность деликатности нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ, если отложить въ сторону ея комическій характеръ, приводитъ на мысль одно обстоятельство, которое не принимается въ расчетъ недобрыми людьми, опасавшимися небезпристрастныхъ дѣйствій со стороны мировыхъ посредниковъ. Эти люди не приидутъ въ расчетъ щекотливаго положенія посредника, положеніе, происходящаго именно отъ легкости возбудить означенныя опасенія: посредникъ самъ чувствуетъ, что со стороны могутъ ожидать отъ него пристрастія, и что ему необходимо опровергнуть на дѣлѣ эти недостойныя ожиданія... Мы знаемъ, что нѣкоторые помѣщики, видя въ эту щекотливость положенія и сами стараются не доводить посредника до хлопотъ и непріятностей. Есть конечно и такіе (мы навѣрное знаемъ, что есть), которые говорятъ такъ: «чтожь вы за посредникъ, если не потержите и не отстоите своего брата, дво-

равна? Въдъ вы дворянинъ?» — Дворянинъ. — «Такъ не сравнивайте же вы меня со всякимъ»... Но эти едва ли не составляютъ теперь весьма слабого меньшинства; по крайней мѣрѣ намъ приходилось слышать о подобныхъ явленіяхъ только такихъ лицъ, у которыхъ не столько тѣло, сколько умъ утрученъ годами и уже не въ силахъ оторвать затвердѣвшихъ въ немъ старыхъ понятій.

Остается одно неотклонимое, которое именно наступившей теперь осенью должно совершиться. Это то, что множество мелкихъ помѣщичьихъ хозяйствъ (въ которыхъ однако числится больше душъ), не обладавъ запасными денежными капиталами, должны будутъ закрыться. Съ окончаніемъ полевыхъ работъ, они безъ сомнѣнія предстанутъ уставнымъ грамоты и, по утвержденіи ихъ посредниками, закончатъ свое экономическое существованіе. Судя по извѣстнымъ намъ намѣреніямъ нѣкоторыхъ, они или продадутъ все оставшееся у нихъ за крестьянскимъ надѣломъ, или, отдавъ въ наемъ луга, — собственно пахатную, удобренную землю оставятъ впустѣ, боясь истощенія ея наемщиками, что очень естественно по неимѣнію у насъ понятія о правильной арендаторской системѣ. Это неминуемо грустно, потому что грустно вообще запусканіе какаго бы то ни было угла, а запусканіе части нашихъ полей, которыя и безъ того еще далеки были отъ полнаго кипѣнія жизнью и дѣятельностью, должно быть грустно въ особености.

Но такъ какъ мы живемъ упованіями и всюду ждемъ возрожденій, то и здѣсь будемъ ждать оживленія.

V. РАЗЛИЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ ГЛАСНОСТИ

Назадъ тому мѣсяца два, именно въ іюльской книгѣ, мы съ горестнующимъ видомъ указали, какъ на примѣръ энергическаго начинанія въ дѣлѣ распространенія грамотности, — на пожертвованіе кузнецкимъ предводителемъ дворянства Д. И. Хардинымъ трехъ тысячъ рублей для открытія школъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Читатели можетъ-быть помнятъ, что мы объяснили тогда, что это извѣстіе сообщено въ «Московскія вѣдомости» г. Богдановымъ, который описалъ какъ было дѣло: какъ г. Хардинъ, у себя на обѣдѣ, говоря дворянамъ рѣчь объ обязанности ихъ содѣйствовать распространенію грамотности, прибавилъ, что жертвуетъ три тысячи рублей въ доказательство того, что говорить не пустыя слова.

Вскорѣ послѣ выхода іюльской книги, посѣтили мы одного нашего знакомаго и застали его именно надъ страницей, на которой

красовались имена гг. Хардина и Богданова. Завидѣвъ насъ, знакомый вздумалъ тотчасъ же, ни съ того ни съ сего, разсказать намъ о дѣлѣ, будто бы сохранившійся у него въ памяти фактъ, о которомъ, какъ говорилъ онъ, ему напомнило выраженіе: «не пустыя слова».

«Во время послѣдней войны (говорилъ нашъ пріятель), одинъ довольно богатый и молодой помѣщикъ, также въ какомъ-то уѣздномъ городѣ и также у себя на обѣдѣ, промѣнявъ нѣчто въ рѣчи о долгѣ каждаго гражданина жертвовать всѣмъ отечеству, и въ доказательство того, что говорить «не пустыя слова», тутъ же торжественно объявилъ, что онъ поступаетъ въ сформировавшееся тогда ополченіе и ведетъ съ собою въ ратники тридцать человѣкъ дворовыхъ людей. Спустя нѣкоторое время, въ которое молва объ этомъ усилила распространиться за предѣлы города, а можетъ-быть и уѣзда, нашъ герой почувствовалъ возобновленіе давнишней боли въ ногѣ, что однако не помѣшало ему, съ тридцатью обреченными въ ратники молодцами, отправиться на всю слѣдующую осень въ отъѣзжее поле травить русаковъ, а въ ополченіе, говорили тогда, поступилъ вмѣсто его какой-то писецъ или кто-то въ этомъ родѣ... Дай то Богъ (прибавлялъ разсказчикъ), чтобы настоящее ополченіе противъ безграмотности было подѣйствительнѣе, нежели какъ ополченіе противъ англо-французскихъ войскъ.»

Этотъ разсказъ, показавшійся намъ вовсе нейдущимъ къ дѣлу, не знаю почему произвелъ тогда на насъ непріятное впечатлѣніе, какъ-будто онъ былъ какимъ-то недобримъ предзнаменованіемъ. Вообразите же, читатель, что наше предчувствіе (если только это было дѣйствительно предчувствіе) сбылось. Теперь мы оставлены въ самое странное положеніе: намъ слѣдуетъ извиниться предъ гг. Богдановымъ и Хардинымъ, и въ чемъ извиняться?.. въ томъ, что мы, разгорячившись, хотя и съ чужихъ словъ, но все же такъ приписали одному изъ нихъ сообщеніе хорошей вѣсти, другому доблестный поступокъ, отъ которыхъ они, и тотъ и другой, торжественно отказываются... Да! оба они прислали въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», по письму (1), въ которыхъ увѣряютъ: одинъ, что онъ ничего подобнаго никогда не сообщалъ, другой — что все сообщенное о немъ — и обѣдъ, и рѣчь, и пожертвованіе — ложь. Кромѣ того, г. Богдановъ проситъ редакцію прислать ему подлинное, написанное отъ его имени письмо, для того чтобы онъ могъ по черкчу открыть злонамѣреннаго человѣка, который такъ дерзко рѣшился во зло употребить гласность, незаконно присвоить имя

(1) Письма напечатаны въ 154 № «Моск. Вѣд.»

его, г. Богданова, и оклеветать г. Харашна... но что мы сказали? Оклеветать!.. Какъ странно звучить здѣсь это слово!.. Однако что же именно этотъ злонамеренный человекъ сдѣлалъ съ г. Харашнымъ? Мы слова приличнаго не можемъ подобрать!.. Подшутить? Но нѣтъ! это какъ-то совсѣмъ непохоже на шутку... Словомъ: непонятенъ человекъ, совершившій такой невыразимый поступокъ! Редакція «Московскихъ Вѣдомостей» говоритъ, что она послала въ Кузнецкъ ровное полагное письмо. Если можно желать г. Богданову успеха въ отысканіи виновнаго, то именно для того, чтобы получить разъясненіе побудительныхъ причинъ этого любобытнаго для наблюдателя акта!

— Такъ какъ гласность мы считаемъ великимъ двигателемъ общественной жизни, то и не можемъ не съйти съ особеннымъ участіемъ за ея успѣхами и лучшими проявленіями. Поэтому не можемъ не указать на одинъ примѣръ ея, который кажется намъ такъ серьезень, смѣлъ и чистъ, что намъ даже какъ-то неловко перейти къ нему прямо отъ вышеназванной странной исторіи... Просимъ читателя забыть на время эту исторію и выслушать слѣдующее, напечатанное въ № 188 «Московскихъ Вѣдомостей» извѣщеніе, поражающее благородствомъ тона, не нарушаемаго ни одной рѣзкой мыслью и ни однимъ жесткимъ словомъ:

«Считаю долгомъ сообщить гг. помѣщикамъ мологскаго уѣзда (1) слѣдующее обстоятельство:

«10 августа прибыли ко мнѣ московскіе помѣщики: Николай Андреевичъ Глѣбовъ, Дмитрій Владиміровичъ Михайловъ, графъ Алексѣй Владиміровичъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Владиміръ Владиміровичъ Мусинъ-Пушкинъ, Сергій Михайловичъ Селифонтовъ, Николай Андреевичъ Чистяковъ и Петръ Алексѣевичъ Щепочкинъ. Они объявили мнѣ, отъ имени большинства дворянства мологскаго уѣзда, что обсуждали мои дѣйствія, они находятъ мои убѣжденія совершенно несогласными и даже прямо противоположными съ ихъ убѣжденіями; что при исполненіи моихъ обязанностей, я часто увлекаюсь ложными мечтами, и въ продолженіе почти трехлѣтней моей службы, они имѣли случай удостовѣриться, что я будто бы постоянно дѣйствовалъ пристрастно противъ дворянскаго сословія, а потому въ настоящее важное время они не рѣшаются долге довѣрять мнѣ свои общественныя дворянскія дѣла и интересы.

«Послѣ этого я тотчасъ же просилъ распоряженія г. начальника губерніи о немедленномъ увольненіи меня отъ службы. *Мологскій уѣздный предводитель дворянства Авдѣй Ивановъ Шиповъ*».

(1) Ярославской губерніи.

Всѣ люди не могутъ быть одинаковыхъ убѣжденій. Если убѣжденія одного человѣка несогласны съ убѣжденіями, общими нѣсколькимъ другимъ людямъ, — это еще ничего не доказываетъ и не можетъ служить нареканіемъ ни тому, ни другимъ. Шутить убѣжденіями нельзя; можно пожалуй посмѣяться надъ словомъ «убѣжденіе», но это непременно будетъ насмѣшка циническая. Имѣть твердыя, сросшіяся съ душою убѣжденія и дѣйствовать согласно съ ними, не мочь дѣйствовать вопреки имъ, не мочь жертвовать ими никому и ни для чего, — это и есть быть честнымъ человѣкомъ. Что же можно думать о человѣкѣ, который съ своими убѣжденіями, проводимыми имъ не на бумагѣ, а на дѣлѣ и въ жизни, смѣло рѣшается выступить на судъ общественнаго мнѣнія?

Въ обстоятельствѣ, сейчасъ нами приведенномъ, можетъ быть судьбою только общественное мнѣніе.

ВЪДНАЯ ДОЛОРЕСТЬ

(повѣсть, съ испанскаго, Фернандо Кавальеро.)

Между Сан-Люкаромъ де Баррамеда, гдѣ Бетисъ покидаетъ земли Испаніи, а смѣющийся Кадиксъ бросается по средняѣ водѣ, какъ бы для того, чтобъ идти навстрѣчу своимъ флотамъ, лежитъ на возвышеніи скромная и смиренная деревенька. Она называется Рота. Исторія и великолѣпный замокъ, принадлежащій герцогамъ аркосскимъ, свидѣтельствуютъ, что эта деревенька древняго и благороднаго происхожденія.

Со стороны, обращенной къ юго-западу, т. е. къ Атлантическому океану, площадка, на которой разстилается деревня, перерѣзана вертикально; внизу плоскій берегъ, имѣющій тотъ однообразный видъ, какой море придаетъ берегамъ, омываемымъ его водами: ихъ бесплодные пески то появляются, то исчезаютъ въ волнахъ. Напрасно бы стали тамъ отыскивать таинствъ океана, которыя иногда вырываются изъ его нѣдра, или печальныхъ признаковъ пустыннаго и неизвѣстнаго кораблекрушенія: на плоскомъ берегу Роты можно найти одніи ничтожныя раковины; морскія звѣзды (звѣздчатки), которыя вмѣстѣ съ жизнью теряютъ свой свѣтъ; хлонки пѣны, разъ оторванныя отъ волны, лишились и блеска и формы; несчастнаго полипа, неизвѣстно — живого или мертваго, потому что въ немъ жизнь такъ же бездѣйствена, какъ и смерть; неуклюжаго морского рака, который поднимаетъ свою тяжелую массу на безобразныхъ ногахъ и бѣжитъ съ усніемъ и веловкостью хромоногаго, ковыляющаго на своихъ костыляхъ; кучи водорослей, которыя волны съ презрѣніемъ выбрасываютъ на землю; копецъ каната, или кусокъ дерева, брошенныя за негодностью съ рыбацкихъ лодокъ, и красивыя арабески, выведенныя на песокъ легкими слѣдами чашки. Вотъ все, что представляютъ намъ эти пу-

тинныя плоскости, окружающія Испанію: среднее поле между землей и водами, почву безъ цвѣтовъ, берегъ безъ жемчужныхъ раковинъ.

По лѣвую сторону деревни, колышется море и образуетъ бухту, которая могла бы быть портомъ, еслибы она была глубже и еслибы волны послѣ отлива не оставляли большаго пространства черной грязи, усыпанной камнями. Во время прилива, море доходитъ до самыхъ жилищъ, которыя защищаются самороднымъ валомъ изъ утесовъ, о которые волны бьются какъ сердце отъ напора крови.

Противъ остраго конца треугольника, который образуетъ селеніе, находится гавань, гдѣ привязаны (морск. обивартованы) ядуки, назначенныя для ежедневной перевозки плодовъ и овощей въ городъ, и штурманскія лодки, которыя ходятъ павстрѣчу богатымъ жителямъ Кадикской бухты, чтобъ довести ихъ безопасно до пристани.

Отдѣленіе Роты отъ проѣзжихъ дорогъ, недостатокъ сообщенія съ другими селеніями, ея смиренное и незначительное положеніе, кладутъ на нее печать патриархальнаго спокойствія и простоты, которыхъ вообще не имѣютъ морскіе порты.

Идеаль сельской жизни не такъ представляется въ нашемъ воображеніи. Не эта скромная деревня, расположенная на берегу океана, оглушонная безирерывной суетой и движеніемъ, подхожимъ на суету нашего свѣта: гдѣ барки смѣло причаливаютъ каждая съ своимъ вымпеломъ, одни при попутномъ вѣтрѣ, другія противъ волнъ и быстрины, какъ люди, которые волнуются въ житейскомъ морѣ нашего времени. Мы лучше любимъ мечтать объ избушкѣ, которой служатъ горизонтомъ поля съ хлѣбомъ и оливковыми плантаціями, у которой вмѣсто шума и движенія — шипеніе птицъ и возгласы вѣтуховъ; шопотъ деревьевъ и звонъ колокола, а суета — другая такая же избушка, которую она называютъ *кумушъ пош*. Здѣсь море и земля лежатъ бокъ-о-бокъ, какъ миръ и брань; какъ тишина и движеніе; какъ спокойствіе и опасность, какъ созиданіе и разрушеніе.

А со всемъ тѣмъ, трудно найти болѣе спокойное мѣсто, какъ Рота: жители болѣе трудолюбивы и искусны въ земледѣльствѣ; потому что произведенія земли составляютъ промыселъ этой стороны. Каждый житель Роты имѣетъ небольшою угодь, который онъ обрабатываетъ, и только немногіе закупаютъ большее количество земли. Виноградъ, дыни, арбузы, всякаго рода овощи, всегда ранніе и превосходныя — вотъ главныя произведенія почвы. Кромѣ этихъ, отличаются своей величиной, количествомъ и качествомъ тыква и морковь; изобиліе послѣднихъ доставило ротан-

цамъ названіе «морковниковъ». Не менѣе любопытно великое множество новыхъ корзинъ, употребляемыхъ для перевозки овощей.

Андалузцы, какъ извѣстно, большіе насмѣшники, которые не щадятъ ни лица, ни вещи, придумали насчетъ добрыхъ ротанцевъ множество сказокъ, поговорокъ, пѣсенъ и острогъ.

Мы сообщимъ нѣкоторыя изъ нихъ — не потому только, что онѣ намъ кажутся забавными, но потому, что онѣ дадутъ точное понятіе о способности этого умнаго и веселаго народа давать всякой вещи смѣшной оборотъ.

Однажды ротанцы вздумали праздновать день святого Роха, своего патрона. Съ этою цѣлью они прислали извѣстнаго проповѣдника и двухъ клерковъ, которымъ отвели помѣщеніе въ домъ алькада. Хозяинъ, узнавши, что гости его изъявили желаніе пить шоколадъ за ужиномъ, позвалъ кухарку и приказалъ ей приготовить.

— Но, сказала кухарка съ замѣшательствомъ, — чего же тутъ положить?

— Воды, отвѣчалъ хозяинъ.

Недовольная этимъ, кухарка пошла къ сосѣдкѣ, которая была очень свѣдущей хозяйкой и спросила ее, какъ дѣлается шоколатъ?

— А что сказалъ тебѣ хозяинъ?

— Велѣлъ налить воды.

— Воды? и больше ничего? отвѣчала профессорша. — Господи Іисусе! Неужели ты не знаешь, матушка, что шоколатъ безъ моркови никуда не годится?

Вотъ еще другой:

Ротанцы вздумали достать небо, при помощи своихъ корзинокъ. Вотъ они и взгромоздили цѣлую кучу, одну на другую, такъ высоко, что стали выше луны и звѣздъ. Нужно было поставить еще одну, чтобъ достать до неба, но корзинки нигдѣ не нашлось. Не желая отказаться отъ своего предпріятія изъ-за такой бездѣлщины, они вынули изъ-подъ своего зданія первую, которая служила основаніемъ и — всѣ другія разсыпались.

Одна старуха изъ Роты встрѣтилась на дорогѣ съ человѣкомъ изъ Порто-санта-Марія, который напѣвалъ пѣсню великаго полководца. Когда они сошлись носъ съ носомъ, этотъ человѣкъ пѣлъ слѣдующія стихи:

Та страшная шмага,
Которая разсѣтъ варваровъ...

— Эй ты, нищій! закричала раздраженная старуха: — варвары-то живутъ въ Порто-санта-Марія, слышишь ли?

Чтожь касается до пѣсенъ, то мы предлагаемъ для образца нѣсколько строфъ одной изъ нихъ :

Никогда не знали
И никогда не узнаютъ
Какъ велико число ословъ,
Живущихъ въ Ротѣ.
Ихъ безчисленное множество.
У ротанцевъ есть обычай
Угощать своихъ невѣстъ
Зернами плодовъ —
Лакоствою съ своей стороны.
Однѣ умный чловѣкъ изъ Роты
Думалъ однажды очень умно,
Что если не будетъ моркови,
То и свѣтъ кончится.

Скажемъ наконецъ, что даже эпоха вторженія французовъ, не дала повода къ слѣдующему куплету :

Если они будутъ грозить Ротѣ пушками,
То достанется и моркови.

II

Какъ отрадно сердцу, какъ весело глазамъ смотрѣть, когда вечеромъ поселяне возвращаются съ работы домой. Они идутъ на своихъ ослицахъ; за ними бѣгутъ и скачутъ ослата, которые спѣшатъ насладиться своей скоротечной молодостью, какъ-будто какой-то пророческій инстинктъ говоритъ имъ, что эта радость, это блаженство, веселье прыжки — первые и послѣднiе въ этой скучной жизни, жизни труда и нищеты. Мужичекъ везетъ полныя корзины плодовъ и овощей; дневной сборъ наполняется пучкомъ маисовыхъ колосьевъ, для ужина. Хозяйка дожидается мужа на порогѣ дома и посылаетъ дѣтей навстрѣчу къ отцу; за ними бѣжитъ, какъ членъ семейства, собака дохматая, гадкая, но преданная и вѣрная, которая не промѣняетъ хозяйскую корку хлѣба на богатые дворцы. Нѣкоторые отцы берутъ на руки младшаго изъ дѣтей и сажаютъ его съ собой, а старшіе договяютъ осленка и бѣгутъ вмѣстѣ съ нимъ. Другіе слѣзаютъ съ ословъ и велютъ садиться самымъ старшимъ изъ дѣтей, а сами, взявши на руки маленькихъ, группами идутъ домой, гдѣ ждетъ ихъ добрая мать и счастливая жена.

Сколько разъ мы съ сердечнымъ умиленіемъ глядѣли на картины истиннаго домашнего счастья, которое не ищетъ тайны и не

выставляется напоказъ, которое не требуетъ ни блеска, ни извѣстности, подобно кроткому свѣту души! Часто мы спрашиваемъ самихъ себя, съ глубокимъ чувствомъ грусти: зачѣмъ жизнь матерьяльная, съ своимъ ненасытнымъ честолюбіемъ, съ своимъ утонченнымъ вкусомъ и глупой мотой, замѣнила эти чистыя, святыя радости другими, которыя не удовлетворяютъ ни сердца, ни поэзіи души, ни совѣсти? Зачѣмъ она, пренебрегая тѣмъ счастьемъ, которое Богъ далъ, создала мысль о существованіи подлѣльномъ, которое своими стремленіями къ невозможному, осмѣливается бросать презрительный взглядъ на то счастье, которое намъ указываютъ судьба, Богъ и разумъ? Когда же мы поймемъ, что воображаемаго счастья нельзя сыскать ни въ облакахъ, ни въ воздушномъ шару, увлекаемомъ дувомъ страстей, безъ направленія вѣдѣи; и что то, которое нужно намъ, такъ близко, почти пальцею рукой, какъ дышать, которыми Господь устьялъ нашу предназначенный путь? Когда же поэты, эти птицы чистыя, забавляющія насъ во время ясныхъ дней и утѣшающія во время безмолвныхъ ночей, изъ которыхъ составлена наша жизнь, поймутъ, что вмѣсто того, чтобы воспламенять, прувеличивать, идеализировать страсти человѣка, они могутъ наставлять, просвѣщать его, и такимъ образомъ сдѣлать его гораздо лучше, гораздо счастливѣе? Страсти, къ моральному отношенію — тоже, что лихорадка въ отношеніи физическомъ: это болѣзни рода человѣческаго, которыхъ не могутъ побѣдить ни усилія моралистовъ, ни опыты медиковъ; и не напишутъ ни одной пилли, ни одной сцены изъ жизни человѣческой, безъ того, чтобы не дать мѣста страстямъ. Но мнѣ кажется, что излѣчать прекраснымъ, благороднымъ то состояніемъ, въ какое повергаютъ насъ страсти — весьма дурная и неумная попытка; называть эту принадлежность душъ возвышенныхъ, — есть опасное заблужденіе. Возвышенныя души управляютъ своими добрыми склонностями и господствуютъ надъ дурными.

Въ прекрасный лѣтній вечеръ, одинъ старикъ, верхомъ на ослицѣ, возвращался въ Роту. За нимъ шли два красивые мальчика, статные, съ загорѣлыми лицами и несли на плечахъ мотыку. Недалеко отъ дому, они увидѣли ребенка лѣтъ пяти, который шло къ нимъ навстрѣчу, таща за собою крошечную дѣвочку; онъ весь раскраснѣлся отъ усилій ускорить колеблющіяся шаги своей маленькой сестрички. Остановивши ослицу, одинъ изъ молодыхъ людей подпаялъ дѣтей, посадилъ ихъ къ старику, одного направо, другую лѣво, и ослица, не дожидаясь побужденія, пошла спокойнымъ шагомъ къ дому, сама остановилась, не дожидаясь, куда звонкое «о!» раздастся въ ея повислыхъ ушахъ.

Прежде чѣмъ войдемъ въ домъ старика, постараемся описать его и познакомиться съ его жителями.

Пройдя черезъ главную дверь, выйдешь на большой дворъ, вымощенный камнемъ; направо — цвѣтникъ, съ такимъ множествомъ цвѣтовъ, кустарниковъ и ползучихъ растений, что можно додумать, что они съѣхались на свой конгрессъ; налево — обширная бесѣдка изъ лучшихъ виноградныхъ лозъ. Въ глубинѣ двора — жилая кухня съ залой; задній дворъ и массивная наружная лѣстница изъ кирпича, безъ крыши, на чердакъ. Направо дверь на улицу. Домъ состоялъ изъ небольшой залы и еще одной комнаты. Точка также была расположена и лѣвая сторона, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ маленькихъ комнатъ, изъ которыхъ выходъ былъ на дворъ; небольшая комнатка уютная и отдельная, подлѣ кухни, съ окнами на задній дворъ.

Хозяинъ дома, дядя Матео Лопецъ, занималъ всю лѣвую сторону съ своимъ семействомъ, не исключая дочери его Катерини, которая была замужемъ за *Негуро* (1), матери двоихъ дѣтей, которыхъ мы видѣли плущихъ навстрѣчу дѣдушкѣ. Чердакъ навимала за шесть реаловъ вдова несчастнаго, утопущаго моряка; послѣ него она осталась съ двоими дѣтьми. Бѣдная женщина не давала денегъ дядѣ Матео за квартиру, а дядя Матео боялся у нее требовать, разсуждая очень просто и справедливо: «Если у бѣдной ничего нѣтъ, то чѣмъ же она заплатитъ?»

Отдѣльная комнатка подлѣ кухни отдана была бѣдному монаху, послѣ уничтоженія монастырей. Комнаты съ правой стороны принадлежали карабинеру съ женой — они одни только и платили хозяину.

Карабинеръ Кануто былъ превосходный человекъ. Имя его значило тростицкъ; никогда человекъ длиннѣе, прямѣе и пустѣе нашего карабинера не носилъ такого приличнаго имени. Онъ прежде былъ солдатомъ, солдатомъ серьезнымъ, суровымъ и молчаливымъ; а съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался карабинеромъ, то-есть человекомъ довѣреннымъ у правительства, эта суровость обратилась въ безпристрастіе прапорнаго Катона.

Кануто, отъ самаго рожденія не имѣвшій собственной воли, не тщеславился своей властью; онъ мѣнялъ свой жилетъ не иначе, какъ спросивши у жены, какой она прикажетъ ему надѣть. Лѣтъ 50 тому назадъ, онъ былъ бѣлокурый, или бѣлый, что неумолимо

(1) *Негуро* называется стадо кобылицъ, предназначенныхъ для приноса и, которыхъ оставляютъ на свободѣ цѣлою дѣлою на пастбищѣ. Пастухъ этого стада называется *Негуро*.

время и трудности службы не оставили другихъ слѣдовъ прошедшей красоты, кромѣ ужасныхъ усомъ, похожихъ на двѣ отымаки. А жена его говорила между прочимъ, что онъ былъ блѣде лица, блѣлокурѣ пеньки, и что на спинѣ его можно и теперь еще писать какъ на почтовой бумагѣ.

Цапа (такъ называлась жена его) была моложе мужа. Это была одна изъ тѣхъ образцовыхъ женщинъ, которыя внутри самихъ себя носятъ драгоценное приданое, и которыя отдаютъ его мужьямъ больше изъ любви, чѣмъ по долгу, или лучше—сказать сплавляютъ любовь вмѣстѣ съ долгомъ; и изъ этого сплавленія выходятъ что-то отрадное, святое, мудрое и достойное удивленія. Эти женщины обладаютъ искусствомъ управлять своими мужьями, исправлять сдѣланные ими промахи, увѣрить в нихъ, и самихъ себя, и другихъ, что онѣ всегда правы, и что онѣ ведутъ дѣла свои какъ должно. У этихъ женщинъ есть благоразуміе, которое, смягчая всѣ ихъ дѣйствія, не даетъ мужьямъ и повода отгадывать ихъ намѣренія; такъ у матерей есть пѣсни, чтобъ утѣшить и убаюкать своихъ дѣтей; у нихъ есть покорность судьбѣ, которую онѣ умѣютъ передать имъ и словомъ и примѣромъ; у нихъ есть любовь къ порядку и чистотѣ, что заставляетъ и мужей наблюдать за собою; снисходительность ихъ до того велика, что онѣ скрываютъ свои собственные пожертвованія, для того чтобъ не дать повода обвинить въ строгости тѣхъ, кто имѣетъ право требовать жертвъ; а сверхъ всего этого, у нихъ есть преданная любовь, самоотверженіе, униженіе самихъ себя — чувства, которыя могли бы перейти въ смѣшное, при недостаткахъ мужа, еслибы начало ихъ не было достойно уваженія.

Кауто почти никогда не открывалъ рта и хорошо дѣлалъ; но когда приходилось говорить, онъ говорилъ коротко, сентенціями, съ удареніемъ, въ твердой увѣренности, что всѣ уши на свѣтѣ такъ же благосклонны, какъ уши жены. А сказать правду, нашъ добрый карабинеръ и не совсѣмъ былъ неправъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи своихъ хозяевъ.

III

Отецъ Ноласко, бѣдный монастырскій изгнанникъ, котораго превосходное семейство Лопеца пріютило у себя, былъ достойный человекъ; онъ не выдумалъ ни пороку, ни книгопечатанія; онъ не былъ сотрудникомъ ни одной энциклопедіи; но онъ зналъ то, что ему должно было знать для исполненія своихъ обязанностей. Если

у него и былъ маленькій недостатокъ чувства собственнаго достоинства, зато онъ былъ очень благочестивъ, зналъ духъ народа, его нравы, его языкъ, на столько, чтобъ наставить его на путь истинны. Нелишнимъ онъ считалъ иногда употреблять сагатба съ людьми взрослыми, и щелчки по носу съ маленькими. Народъ, съ своей природной смѣтливостью, хорошо понималъ, что добрый отецъ самъ шолъ истиннымъ путемъ; зато любилъ и уважалъ его, хоть иногда и посмѣивался надъ нимъ.

Здѣсь нужно сдѣлать замѣчаніе. Есть два разительные, или лучше сказать, два противоположные способа смѣяться: одинъ смѣхъ — благосклонный, другой — чисто-насмѣшливый. Одинъ — пріятный, веселый, безобидчивый; другой — горькій, мрачный и язвительный. Одинъ выходитъ изъ сердца честнаго и похожъ на веселый потокъ чистой ключевой воды; другой — изъ сердца жестокаго, жолчнаго; онъ такъ же тлетворенъ, какъ та жидкость, которая разъѣдаетъ и сожигаетъ все, на что попадетъ; одинъ — увѣнчанъ цвѣтами, другой — колючками. Не нужно говорить, что смѣхъ, возбуждаемый поступками и жестами святаго отца, былъ смѣхъ благосклонный.

О. Ноласко былъ немного глухъ, и потому выходило, что онъ часто не такъ понималъ вещи; и наставленія, которыя онъ дѣлалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, имѣли двойной исходъ: кающемуся онъ говорилъ наудачу, а то, что говорено было въ видѣ проповѣди, могло быть пригодно ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни. Онъ вовсе не былъ жолченъ, но не менѣе того, былъ порядочно хитеръ и нелегко поддавался тѣмъ, кто хотѣлъ его обмануть. Трудно было найти человѣка искреннѣе и правдивѣе его; онъ, безъ всякой колкости и не принимая на себя вида превосходства, умѣлъ каждому дать замѣтить, что хорошо и что дурно, и, слушая его, никто не оскорблялся.

По наружности о. Ноласко походилъ на резинковую фигурку, которую можно вытягивать на столько, на сколько она можетъ тянуться. Голова у него была длинная, узкая; носъ длинный, подбородокъ длинный, руки и пальцы длинные, ноги и ступни длинныя. Съ тѣхъ поръ какъ онъ вышелъ изъ монастыря, по милости одного благодѣтеля, дона Марцелино Торо, пріѣхавшаго изъ Америки, у него былъ кафтанъ, жилетъ и панталоны изъ черной матеріи, которые до того были выношены и вытерты хозяйкиной щеткой, что очень похожи были на вощанку.

Хоть отцу Ноласко и было ужъ лѣтъ 60, но онъ былъ довольно проворенъ; и исключая вѣтровъ въ животѣ, которые прогонялись чаемъ, онъ наслаждался полнымъ здоровьемъ, разумѣется благо-

даря своей умеренности и простоты пищи. Сестра его покровителя, дочь Брауна Торо, давала ему каждый месяц по два фунта шоколату въ 7 или 8 реаловъ: этотъ шоколатъ и поджаренный хлѣбъ, составляли его завтракъ. Богатый кумъ, дядя Гиль Пийбонесъ, выдавалъ ему ежемѣсячно известное количество сѣраго гороху, за то, что онъ училъ его сыновей служить при обѣдѣ; и такъ — горохъ, нѣсколько унцій говядины и ветчиннаго сала, которыя прислали ему тѣ, кому онъ писалъ вмѣсто нихъ письма, составляли его обыкновенную пищу, втеченіи 365 дней. На ужинъ онъ отливалъ себѣ въ чашку бульону, а остальное отлавалъ бѣдной вдовѣ, жившей на чердакѣ.

О. Ноласко говорилъ *ты* всѣмъ, родившимся въ этотъ вѣкъ въ посвященія. Однажды докторъ, молодой человекъ, замѣтилъ ему, что эта вольность въ разговорѣ противна достоинству человека. «Достоинству человека! — отвѣчалъ о. Ноласко: — кто имъ занимается нынче! Полно: достоинство въ словахъ — недостоинство въ дѣйствіяхъ. Я говорю «ты» моему духовному отцу, святому о. Франциску, а тебѣ, такому молокососу, буду говорить «ваша милость» или «ваше благородіе»? Помолъ! или-ка лечить горячки, а меня не учу: я не очень подчиняюсь моимъ обычаямъ: эти корки слишкомъ жестки для моихъ старыхъ зубовъ. Слышишь ли?»

Самымъ злымъ противникомъ о. Ноласко былъ сынъ бѣдной вдовы. Это былъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, ловкій, проворный, хорошенкій и симпатичный; онъ непремѣнно хотѣлъ сдѣлаться морякомъ, вопреки желанію матери. Она, потерявши мужа, погибшаго во время бури, трепетала при мысли, что сынъ ея пойдетъ въ море, и просила отца Ноласко помочь ей уговорить сына оставить свое намѣреніе; но все было бесполезно. Чѣмъ больше добрый монахъ выхвалялъ выгоды твердой земли и прелесть мирной жизни, тѣмъ больше отважный ребенокъ выказывалъ энтузіазма къ длиннымъ странствованіямъ по непостояннымъ волнамъ морскимъ. Въ отищеніе себѣ, о. Ноласко прозвалъ его *Монтевидео*: известно, что для нѣкоторыхъ людей долгимъ путешествіемъ составляетъ путешествіе въ Америку; а Монтевидео есть его Финистеръ.

— Ты не пойдешь на море, говорилъ добрый отецъ.

— Отчего же? отвѣчалъ Томазилю, съ какой-то особенной улыбкой, принадлежащей только ему и сестрѣ, и въ которой читалась радость и кротость, какъ свѣтъ и блескъ въ солнцѣ.

— Потомучто море врагъ человека, ты это знаешь. Твой отецъ умеръ на морѣ; и я не понимаю, упрямая голова, какъ тебѣ пришла охота быть морякомъ?

— А вашъ отецъ, о. Ноласко, гдѣ умеръ? спросилъ Томазилю.

— Очень покойно, на своей постели, отвѣдаль отецъ.

— Какъ же вамъ-то пригодно приходить охота ложиться на постель?

— Оставь свои шутки, молодой английскій изъумокъ, Тома-айло; ты видишь, что изъ дѣштерыхъ служащихъ на корабляхъ, девять погибаютъ въ цѣль дѣтъ и умираютъ безъ надежды! А такъ какъ ты хуже другихъ, то съ тобой скорѣй и случится это. Если ты промѣняешь море на землю, то тебѣ же будетъ хуже, а никто другой ничего отъ этого не потеряетъ. Я говорю это для тебя же и для пользы твоей бѣдной матери, которая любитъ тебя, потому что родила тебя; и которой ты долженъ быть опорой. Да!

— Чего же хочешь предолобный отецъ? Подаско? Чтобы яи на-свѣдѣнсе дѣло своятъ на бороздахъ поля лана Матко, съ пруткомъ въ рукахъ и голыя маленькыя птыцкыдо...

— Ну гдѣ же тутъ опасность?

— Я люблю опасность, отецъ Ноласко. Я вѣдь не умираю! Могиа ты, крылатая рыба. Кто любитъ опасность, тотъ и погибнетъ въ опасности. Я говорилъ объ любви моему другу, ланѣ Гилю Пишонесу; онъ обѣщали вѣтъ тебѣ въ свинопасы.

— Не пойду! Что мнѣ за невода парта дѣвнцей? Холяныя сагъ можетъ ихъ пасти.

— Ну, такъ ты же хочешь трудиться, господить бардытъ? Ты не хочешь сдѣлаться хоронимъ человекомъ и помогать матерц? при-знайся, мошенникъ!

— Хочу! Только не хочу быть ломовой лошадию, не хочу всю жизнь просидѣть дома, какъ улитка. Если я умру — такъ тому дѣлу и быть; но не хочу, чтобы меня прозвали морковникомъ, не хочу!

— Ты хочешь, чтобы тебя звали Моптевидео? Посмотримъ какъ ты не пойдешь къ куму Гилю Пишонесу. Я самъ отвѣду тебя къ нему; а если ты будешь упрямиться, я возьму тебя за ухо. Цолно! довольно я говорилъ, довольно безпокоюсь себя! Ты думаешь, что ты самъ по себѣ легко получишь бы должность свинопаса у кума Пишонеса? Ты сейчасъ же долженъ съ намъ поладить, чтобы завтра съ ранняго утра отправиться въ поле.

На слѣдующее утро мальчикъ убѣжалъ и скрылся на лодкѣ, отъ которой невозможно было оторвать его. А такъ какъ онъ былъ ловокъ, веселъ, проворенъ и симпатиченъ, то скоро онъ понравился спосму патрону; онъ оставилъ его у себя и въ короткое время сдѣлалъ его *капртероломъ*. (Такъ называютъ мальчковъ, кои чинятъ ученье и пѣвотнѣхъ право имѣютъ четвертую часть жиднаго, получаемаго взрослымъ работникомъ.)

— Монтевидео, сказалъ ему о Ноласко, когда тотъ пришлогда по-видаться съ нимъ: — ты похожъ на сосновую шишку Раниты, которую надо толочь семь лѣтъ, и первое зернышко, которое изъ нея выско-чить, выбьетъ тебѣ глазъ.

— Отецъ Ноласко, отвѣчалъ Томазилю, — три вещи образуютъ челоѣка: наука, море и королевская гвардія.

IV

Послѣ ужина все семейство собралось у воротъ дома, исключая бѣдной вдовы, которую болѣзнь и работа удерживали въ комнатѣ.

На скамейкѣ по правую сторону сидѣли о. Ноласко и Кануто, который этотъ вечеръ былъ свободенъ отъ караула, и дядя Матео. Между колѣнами онъ держалъ маленькаго внучка, который обѣими рученками упирался въ лѣдушку.

Налѣво сидѣли Эстебанъ, старшій изъ сыновей, которыхъ мы видѣли идущими съ поля за отцомъ, — ему было двадцать лѣтъ; братъ его, Лоренцо, восемнадцати лѣтъ, и съ ними хорошенькая дочка вдовы, Марія Долоресъ, которую оба брата любили какъ милую сестру.

— Славный мальчикъ, этотъ Томазилю! говорилъ дядя Матео. — Онъ веселѣе фанданго; онъ встаетъ и ложится, расцѣпая какъ птичка.

— Это правда, отвѣчала тетка Мельхиора. — А Марія Долоресъ какой ангелъ!

Долоресъ исполнилось 14 лѣтъ; въ этомъ возрастѣ лѣтство и юность заключаютъ между собой такой тѣсной союзъ, что нужно чтобы годы призвали на помощь слезы, для того чтобы разорвать его.

Тетка Мельхиора сидѣла на порогѣ съ маленькой внучкой, кото-рая, положивши головку на бабушкину юбку и не выпуская изъ рукъ виноградной кисти, заснула какъ маленькая вакханка.

Пепа, жена карабинера, и Катерина, мать маленькихъ дѣтей, вы-несли два низенькіе стула и усѣлись рядомъ; онѣ искренно любили другъ друга. У Катерины на рукахъ былъ спящій ребенокъ, кото-раго она еще кормила.

— Я думаю, что будетъ дождь, сказалъ карабинеръ: — подни-мается восточный вѣтеръ; а въ это время года, когда подуетъ вос-точный вѣтеръ, то непременно пойдетъ дождь. Чтѣ вы думаете, дядя Матео?

— Вы правы, отвѣчалъ онъ: — сегодня четвергъ, замѣтный день; когда солнце садится въ тучку, быть перемильи погоды.

— Ты пойдешь со мной Лоренцо, сказалъ Естеванъ, который очень любилъ брата: — тамъ собрались молодые люди съ гитарой и будутъ танцовать.

— Нѣтъ, я останусь, отвѣчалъ Лоренцо, который былъ не въ духѣ.

— Ну такъ не ходи, сказалъ Естеванъ: — ты сердился за всякую бездѣлицу; оставайся, если хочешь. Ты всегда гладишь какъ человѣкъ, у котораго занимають деньги, да не отдають. Не болитъ ли у тебя что?

— Голова болитъ.

— Ну, Господь съ тобой, дитя мое! Когда зубъ болитъ; то надо его или выдернуть, или терпѣть.

Естеванъ ушелъ.

— Отчего ты не идешь? спросила Долоресь.

— Мнѣ здѣсь лучше.

— Отчего?

— Не знаю.

— А еслибы мнѣ можно было идти туда, гдѣ есть гитара, я бы не осталась здѣсь.

— Еслибъ даже и землю нехали цѣлый день?

— Полно, лѣннвецъ! Развѣ другіе не работали также какъ ты?

— У тебя есть возлюбленный, Лоренцо?

— Нѣтъ, отвѣчалъ отрывисто молодой человѣкъ. — Вотъ что, Долоресь, прибавилъ онъ минутой спустя: — я хочу объявить тебѣ однажды навсегда, что когда я захочу влюбиться, то полюблю тебя; и покуда Богъ продлитъ мою жизнь, я не буду любить другой женщины, кромѣ тебя.

Марія Долоресь громко засмѣялась.

— Ты смѣешься? спросилъ оскорбленный Лоренцо.

— А почему же и не смѣяться? Ты, въ меня влюбился? Странная мысль!

— Не такъ странна! И ужь если я развѣ заберу въ голову быть твоимъ любовникомъ, то такъ буду приставать къ тебѣ, что ты не будешь смѣяться какъ дурочка Анна.

— Я не буду твоей любовницей, съ твердостью отвѣчала Долоресь.

— Не будешь? Увидишь! Будешь, хеть и не хочешь.

— Нѣтъ!

— Да!

— Нѣтъ же!

Видишь? Будешь! — говорившая — одно слово! — давай!

— Проще нѣтъ? — сказала девушка молча со слезами.

Въ это время боюлась соседній и чистый годось, который прирлжаавовышльагогом ашлосъ, гудитъ —

О мать, благодаря Господа:
Дитя твоё воротилось.

Маленькая птичка не может потеряться

Покуда Богъ Ураитъ ея глѣзды!

— Это Томасъ, радостно вскричала Долоресъ, и побѣжала навстрѣчу тому кто пѣлъ.

— Здравствуйте, господа! сказала Томасъ, подая въ рукахъ коровинку съ рыбой!

— Милости просимъ, сынъ мой!

— Тетя Мельхиора, говорилъ мальчикъ, раздавая рыбу; — вотъ вамъ морской ракъ; я знаю, что вы любите супъ изъ раковъ.

Госпожа Пена, вотъ вамъ молодья семги. Отецъ, Ноласко, возьмемте всю эту мелочь себѣ на ужинъ.

— А, ты ужь и вернулся, Монтевидео? сказалъ о. Ноласко. —

Какой ты проворный! Ты бѣгичишь быстрее я мѣдъ дурнѣл въ сть.

Что скажешь новенькаго?

— Я скажу вамъ, отецъ, ваиривать Томазилю; — прозвѣстите эту

рыбу себѣ заужиши!

— Нѣтъ, нѣтъ, я же хону супу; въ мои дѣта здоровье есть

домисной бульонъ, чѣмъ рыбный.

— Да благословитъ тебя Богъ, Томазилю, сказала тетка Мельхиора.

— Благодарю, прибавила Пена.

— Не стоитъ, отвѣчалъ мальчикъ; еслибы я назвалъ лучше

этой рыбы, я бы и ту вамъ принесть.

— Далече шты въ динь; Томазилю, спросила Катерина.

— Господи! До Гибралтара, въ страну андичандъ.

— Какъ? Ты былъ въ Англии? спросила Катерина.

— Нѣтъ, это большая наменная гора въ Менации, принадлежащая

англичанамъ. Не правда ли, отецъ Ноласко?

— Слушай, сказала тетка Мельхиора — не говори Ноласко, дел-

осядо говоритъ Ноласко, а ужь я говорю больше; тридцати разъ напоми-

нала объ этомъ.

— Такъ вы соварииваютъ въ Кадиксъ, люди хорошаго тона; не

правда ли, господишъ Капуто?

Угрюмый и молчаливый Капуто, вызванный на отвѣтъ прямо

къ нему относившимся вопросомъ, отвѣчалъ:

— Не говорить *Нонаско*? этого ты и не знаешь, отъ гдѣ! К —

— Видишь ли? — сказала Катерина, и какъ-то

— Да и *Нонаско* не говорить! — возразилъ кто-то изъ гдѣ! —

— Смотрите! — сказала Катерина, и указала на одного изъ гдѣ!

— Говорятъ *Нонато*! — сказалъ кто-то изъ гдѣ! и какъ-то

— Но, прервала Мелъхора, такъ называють святаго Раймонда (!).

— Потому что оба посѣтъ одного тебѣ слышавъ, съ удивленіемъ сказали Кануто.

— Что сказалъ господишь Кануто, сказала Катерина, не прерывая, онъ знаетъ больше чѣмъ Сенекъ.

— Послушайте, что такое Сенекъ! спросилъ квартеронъ.

— Почему я знаю? отвѣчала Катерина; — вѣрно какой-нибудь адвокатъ.

— Отецъ Нонаско, закричалъ маленькой морякъ; — не угодно ли вашему пренодобию сказать мнѣ, что такое Сенекъ? —

— Ресекка? переспросилъ Нонаско, не развѣспанивъ рта, и не ступилъ въ стравъ вноземской.

— И не объ томъ такъ спрашиваю, прервалъ его квартеронъ. Что такое Сенекъ, Сенекъ, Сенекъ?

— Не знаю, отвѣчалъ добродушный морякъ; этого имени нѣтъ ни въ требникѣ, ни въ четы-мисен.

— Г. Кануто, сказала Томазилю, вновь обращаясь къ нему; — прошу покорно вашу милость разрешить мое невѣдніе и сказать мнѣ, что это такое — Сенекъ? Мнѣ чрезвычайно любопытно узнать.

— Сенекъ, отвѣчалъ карабинеръ съ той же самоувѣренностью; — Сенекъ — еврейскій мудрецъ, который своими совѣтами направляетъ волю короля, точно также какъ у насъ папа.

— Вотъ какъ! А я и не знала этого, сказала жена. — Впрочемъ, я всекда слышала, что евреи очень ученые.

— Вотъ видите ли, благодарюмя вамъ, поступаютъ тѣ, которые запирають женщины? Не правда ли, что она немножко глупа, отецъ Нонаско?

— Можетъ-быть, отвѣчалъ онъ. Но тебѣ о ней стали говорить, потому, который прорывався вовсѣмъ изъ гдѣ! —

— Послушай-ка, квартеронъ! прервала дядя Матронеи, не отдавая ли твѣ на морѣ сирень?

(*) *Нонато* есть действительно прозвание Раймонда, одного изъ святыхъ, представляемыхъ испанскою легендой. Игра словъ уже не имѣетъ никакого значенія въ подлинникѣ.

— Я? нѣтъ. То, объ чемъ вы хотите знать, это просто морская собака, или морская свинья.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала тетка Мельхіора; — сирена, — безстыжая дѣвушка, которая ходила по нашей сторонѣ, прельщая своей красотой и пѣснями моряковъ; но въ одинъ день отецъ проклялъ ее и пожелалъ, чтобъ она обратилась въ рыбу. И оттого-то она и сдѣлалась рыбой отъ пояса до ногъ. Устыдившись самое себя, она бросилась въ море и уплыла въ самую глубину; тамъ она продолжала пѣть, точно также какъ пѣла и на берегу, и увлекать людей къ погибелю. Вотъ слова ея пѣсни:

Морская сирена —
 Прекрасная женщина;
 Отецъ проклялъ ее,
 А Богъ далъ ей мѣсто въ морѣ.

— Такъ ты не зналъ, Томазилю, что когда дельфины прыгаютъ и сирены полетъ, то это вѣрный признакъ бури и кораблекрушенія?

— Нѣтъ, г-жа Мельхіора, я ничего другого не слышалъ, кромѣ хрипѣнія морскаго угря; а сирена, это должно-быть рыба не нашихъ морей. Вотъ я пойду теперь къ матери, и скажу ей, что я отправляюсь юнгой на такомъ же огромномъ фрегатѣ, какъ этотъ замокъ.

— Куда жъ ты ѣдешь, мальчикъ? спросили всѣ присутствующіе.

— Дальше Америки.

— Господи Іисусе! вскричали всѣ вмѣстѣ.

— Объ чемъ это говорить? спросилъ о. Ноласко. Дядя Матео повторилъ ему.

— Не предвидѣлъ ли я этого? сказалъ монахъ. — Въ Индію! въ Монтевидео! Онъ не зналъ себѣ покоя до тѣхъ поръ, покуда не достигъ желаемого; этотъ негодяй гораздо вѣтренѣе карнавала. Смотрите пожалуйста! онъ отказался быть свинопасомъ у кума Жюля Пивьонеса, чтобъ сдѣлаться нищею рыбъ морскихъ! Вѣроятно ли это?

— Промѣнять нашу мать — землю на злую мачиху — море! сказала тетка Мельхіора.

— Нѣтъ, подлѣ лежащій камень и вода не течетъ, лежа на боку ничего не приобрѣтешь. А я хочу заработать много денегъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, чтобъ успокоить старость моей бѣдной матушки.

— Томазилю! кто хочетъ разбогатѣть въ одинъ годъ, того непременно повѣсятъ черезъ шесть мѣсяцевъ.

— О, Боже мой! возлюбленный братъ мой, сказала Додорестъ съ

горькими слезами: — не уходи за эти дальнія моря, которыя служатъ могиллой христіанамъ.

— Молчи, молчи, Долорзилья; я вернусь, какъ довѣ Марцелино и привезу съ собой много золота. Матушкѣ я привезу цѣлый коробъ сахару для сиропа, тебѣ попугая, а о. Ноласко араиченка, чтобы прислуживать ему во время обѣды.

— Оставь пожалуста своихъ араиченковъ, сказалъ о. Ноласко, и помни, что кто ищетъ опасности, тотъ въ опасности и погибнетъ. Но къ чему служить говорить нѣкоторымъ людямъ «*día*», а другимъ «*holà*» (*)?

— О. Ноласко, слава и деньги принадлежать тому, кто ихъ приобретаетъ.

— А если, черезъ приобретіе того и другого, ты потеряешь жизнь или здоровье? Если ты не вернешься?

— Вернусь, отецъ, вернусь живъ и здоровъ; привезу денежекъ, которыя и есть настоящее-то здоровье! — весело отвѣчалъ квартаронъ, уходя къ матери.

V

Ничто не могло остановить предприимчиваго и рѣшительнаго мальчика: ни совѣты добрыхъ людей, ни увѣщанія и слезы матери и сестры. Кто боится, тотъ не пускайся въ море, говорилъ онъ. Знаете, что гласитъ пѣсенка:

Если судьба не дала тебѣ
Майората въ Испаніи —
Сядись на корабль, спустишься въ море
И плыви на другую сторону!

Томасъ уѣхалъ. Ни кистью, ни перомъ невозможно описать горестъ матери. Жизнь ея, раздѣленная между прошедшимъ горемъ и настоящими страданіями, угасала, какъ жизнь дуба, пораженнаго громомъ и въ тоже время подточенаго червемъ. Такъ прошолъ годъ.

Однажды въ комнату бѣлой вдовы вошелъ старшій кормчій, пріятель ея покойнаго мужа. Онъ принесъ письмо. Письмо это было диктовано Томасомъ, изъ Монтевидео.

Мальчикъ былъ счастливѣе больше, чѣмъ когда-нибудь. Онъ писалъ, что благополучно совершилъ путешествіе, что онъ веселъ

(*) -*Día* — слово употребляемое извозчиками, когда нужно, чтобы кто своротилъ вагъво. -*Holà* — значить -гей! — Можно сказать: иди вагъво, иди направо.

как рыба въ морѣ, что онъ выросъ на дѣлѣйшій локоть, что онъ вернется на томъ же суднѣ, съ тѣмъ же капитаномъ, который очень любитъ его. Съ этой минуты не прошло дни, чтобы мать не сходила на пристань и не всматривалась въ ту безграничную лазурную стѣну, на которой должно показаться судно и везущее сына, какъ жемчужное кольцо, охватывающее брилліантъ. Напрасно старалась удѣрять се, что эти безполезныя хожденія вредятъ ей слабому здоровью. Когда дѣйствительность отнимаетъ у насъ счастье, тогда счастіе превращается въ мечту, и не покидаетъ ея, и живетъ ею. Но проходили и дни, и волны, и облака, — а Томаса нѣтъ какъ нѣтъ.

Былъ вѣтеръ равнодушія. Свѣтлое и жаркое дѣло уходило, оставляя землю сухою, истощенною; холодная, угрюмая зима настаивала, чтобы дать время отдохнуть отъ цѣлаго урагановъ, чтобы оплодотворить ее потокомъ дождя. Она дѣйствовала о своемъ приближеніи, тѣмъ мурмуромъ движеньемъ въ природѣ, которое поселяетъ всюду безпокойство, даже и въ сердцѣ человека.

Счастлива та семья, которая, въ бурные зимніе вечера, спитъ вся вмѣстѣ, около свѣтильника ночного и которая, поблагодаривши Бога за свое собственное счастье, молится за тѣхъ, кто страдаетъ и за тѣхъ, кто въ опасности.

Не такъ была участь несчастной вдовы. Обожаемый сынъ былъ на морѣ; каждый морникъ вращался въ тѣнѣхъ цѣль глаза свирепѣющихъ силъ, какъ срывается послѣднее дѣтство съ дерева, и колышетъ въ сердцѣ широкими страданіями, какъ цѣлая гора, волну колышетъ море. Такъ прошла ночь въ ужасномъ безпокойствѣ. По утру вдова не могла встать съ постели. Дождь, подаривъ ей чашку суну, которую о. Поласко оставилъ ей ежедневю отъ своего обѣда, пошла отбрасывать зерна, въ богатой хлѣбницѣ.

Какъ скоро бѣдная женщина осталась одна, она не могла совладѣть съ своимъ горемъ, встала съ постели и пришла на побережье.

Кто могъ смотрѣть безъ потрясающаго удивленія на величественный океанъ въ ту минуту, когда онъ заразъ сыплетъ на берегъ и вѣтры, и волны; когда эти неизмѣримыя волны сталкиваются одна съ другою и, какъ говоритъ Шекспиръ, встаютъ, подымая сводъ чудотворныя, курчащія головы? Кто, глядя на это ужасное воздыманіе волвъ, не думалъ, что слышитъ дрожанье его гнѣва, или страшный ревъ разъяренныхъ дикихъ звѣрей, выходящій изъ глубины его? Кто не трепеталъ при взглядѣ на разрушительныя дѣйствія этой безграничной власти, противъ которой ничто не можетъ устоять на землѣ? Кто, видѣвши, какъ на побережьѣ бьется и умираетъ грозная волна, смѣняющая одна другую, не подумалъ о баснословной дщери, которую ни одна потеря не обезсильвала, у ко-

торой ни одна побѣда не уменьшала ея безчисленныхъ головъ? Казалось, что горизонтъ закрылся цѣлой стѣной дождя, а дождь борясь съ дѣтронъ, образовалъ косвенныя линіи, за которыми исчезъ Кадякъ съ своимъ мякомъ, какъ-будто всемогущая рука времени стерла его съ великой карты свѣта. Отяжелѣвшія облака потеряли свою летучесть и воздушныя формы; они падали быстро, какъ все нисходящее.

Бѣдная вдова осталась на побережьѣ, пораженная ураганомъ, который, прибывая ея платью къ тѣлу, обрисовывалъ худобу ея членовъ. Она смотрѣла на море и ничего не видала, кромѣ ужасныхъ судорогъ природы, въ продолженіе которыхъ всякое живое существо казалось куда-то занесено шкваломъ. Бѣдная женщина стояла твердо и собирала послѣднія силы въ материнской любви; она была непоколебима, думая видѣть на каждомъ пѣнящемся гребнѣ, на верху волнъ, бѣлые маруса барки, отыскивающей пристань.

VI

Въ этотъ вечеръ Кануто пришолъ домой съ видомъ своего обыкновеннаго достоинства. Жемы не было дома; онъ сѣлъ, чѣмъ-то недовольный; часто вставалъ съ мѣста, дѣлалъ нѣсколько шаговъ, останавливался и почесывалъ за ухомъ, ворча что-то про себя; все въ немъ выражало нетерпѣніе.

— Что съ вами, господинъ Кануто? спросила его тетка Мельхіора.

— У меня... у меня большое горе, отвѣчала карабиньеръ.

— Что такое? Господи Боже мой! Вы не изъ числа тѣхъ, что выходить изъ себя отъ бездѣлицы.

— Я... я нашолъ мертвую женщину на побережьѣ.

— Матерь божія! убитую?

— Нѣтъ; умершую законно, физическою смертю. Это еще ничего; а вотъ ято худо: эта женщина ваша жилица, тетка Томаза.

— Пресвятая Богородица! Что вы говорите, господинъ Кануто?

— Правду, безъ всякихъ обвиняковъ, тетка Мельхіора. Только и всего; а я сейчасъ долженъ донести объ этомъ.

— Это самое послѣднее дѣло, сказала Мельхіора, заливаясь слезами.

— Нѣтъ, это не шутка! Вы думаете, что рапортъ написать все равно что бить испечь? И Цены нѣтъ дома! Я такъ и думалъ,

прибавилъ карabinеръ; когда увидѣлъ всѣхъ сосѣдей, собравшихся въ кучку и услышалъ ихъ плачь! — Извольте писать рапортъ въ этой сумятицѣ! Я мало говорю, и ниразу не приходилось говорить такъ, чтобъ послѣ не раскаялся. Ты не можешь помолчать; Капуто, чортовъ говорунъ? Ты забылъ, что въ услугахъ сиромашаго человека должно оставаться тайною даже и то, что всѣмъ известно?

Къ счастью, жена пришла въ эту минуту; онъ взялъ у нея ключъ отъ своей комнаты и заперся тамъ писать свой рапортъ.

— Это милость божія для бѣдной женщины, что она перестала страдать, сказала тетка Мельхиора: — она была святая мученица, и вѣрно получить хорошее мѣстечко на небѣ. Богъ ее благословил!

— Правда ваша, тетка Мельхиора; ученые люди говорятъ, что Богъ не послалъ смерти Каину за наказаніе: одни говорятъ, что онъ подъ землей, а другія — что онъ сидитъ на рогахъ луны; а дѣло-то въ томъ, что онъ не умираетъ. Смерть — суищее благодѣаніе для бѣдной Томазы.

— Отъѣздъ сына доканалъ ее, сказала Катерина: — всѣхъ жалче теперь ея бѣдная дочь.

— Госпожа Пена, сказала одна сосѣдка: — вы любите ее, у васъ дѣтей нѣтъ, вы бы усыновили ее.

Эта прекрасная, благодѣтельная мысль ужь заглядывала въ сердце доброй женщины; но не смѣя рѣшиться сама собою и не смѣя высказать желаніе, изъ опасенія, что въ случаѣ неудачи все это нежеланіе слѣдуетъ доброе дѣло приписать ея мужу, она отвѣчала:

— Я буду помогать ей всѣмъ, чѣмъ могу; но взять на себя попеченіе о чужихъ дѣтяхъ — это обязанность важныхъ людей. Тѣмъ труднѣе становится эта обязанность, что она добровольная и какъ говорить пословица: кто беретъ чужого ребенка, тотъ кладетъ головешку себѣ за-пазуху.

— А кто сказалъ бѣдной Долоресъ о смерти матери? спросила Катерина.

— Отецъ Ноласко скажетъ ей, когда придетъ изъ церкви, отвѣчала тетка Мельхиора. — Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ всегда лучше поможитесь на святыхъ отцовъ: они знаютъ какъ поступить.

Пена вошла въ горницу; она нашла мужа, кончающаго рапортъ, который онъ писалъ очень прилежно. Скоро онъ вышелъ, чтобъ послать нарочно къ судѣ въ Порто-санта-Марія, въ мѣдомствѣ котораго находилась Рота.

— Завелъ ли, что мы сейчасъ говорили? начала добрая старушка: — надо непременно, чтобы Богъ послалъ полнору этой бѣдной

оставленной сироты и что этой подворою можешь быть ты, потому что Пепя очень любитъ бѣдную Долоресъ.

— А что Пепя сказала? спросилъ карабинеръ.

— Она сказала, что брать чужихъ дѣтей есть обязанность большахъ людей; но слабы ты захотѣлъ...

— Чтобъ я захотѣлъ? — закричалъ карабинеръ и вытаращивъ глаза. — Развѣ у меня есть майоратъ, приносящій шильонъ дохода, чтобъ сдѣлать сиротскій пріютъ, какъ сдѣлала королева? Но истина, тетка Мельхиора, у тебя буранныя идеи. Ты знаешь повѣроче:

Вѣрь и не вѣрь;

Чужихъ дѣтей не бери;

Не воспитывай цыпленка, не сажай виноградныхъ лозъ

И не хвали никогда свою жену?

Сказавши это, карабинеръ съ грознымъ видомъ ушелъ въ свою комнату.

— Кануто! спросила Пепя, когда онъ опять вошелъ: — и такъ, бѣдная женщина ужъ не дышала, когда ты напоилъ ее?

— Она была такъ мертва, какъ будто бы три дня лежала на прибрежьи и начинающійся приливъ ужъ затопилъ ей ноги.

— Бѣдная, несчастная женщина! Хотъ бы она тебя увидала прежде чѣмъ испустить духъ! Ты всегда былъ дружелюбенъ къ ней!

— Правда, жена.

— Хотъ бы ты усладилъ ея послѣднія минуты, сказавши ей: — «умирай покойно; я беру на себя позаботиться о твоей дочери, и Пепя скажу, чтобъ и она позаботилась объ бѣдной Долоресъ».

— Какъ ты хорошо говоришь, жена! отвѣчалъ карабинеръ, на лицѣ котораго мѣсто суровости заступило чувство сожалѣнія, какъ только увидѣлъ слезы жены.

— Какое несчастіе, Кануто, что у тебя не было времени сдѣлать это доброе дѣло, достойное твоего благороднаго сердца!

— Жена, не сама ли ты сказала теткѣ Мельхиорѣ, что воспитывать чужихъ дѣтей есть обязанность большахъ людей?

— Я и не отрицаюсь. Но я не говорила, что боюсь этой обязанности и никогда не забываю завѣтъ Христовъ: «Другъ друга тяжело носите!» А теперь прибавлю, что почту себя счастливой, если ты будешь согласенъ; ты знаешь, что я всегда желала имѣть дочь; конечно Богъ потому и не далъ намъ дочери, что оберегалъ насъ для этой несчастной дѣвочки.

— Ну, Пепя, и мнѣ кажется, что это будетъ доброе дѣло, и вре-

мя-то не ушло. Да, въ самомъ дѣлѣ, это хорошо будетъ; она станетъ тебѣ помогать, и ты немножко отдохнешь.

— Не дѣлай для этой причины, а дѣлай такъ, изъ милосердія. Кто дѣлаетъ добро, тотъ дѣлаетъ для себя. Будь я на твоёмъ мѣстѣ, я бы распорядилась послать за бѣдной покойницей и велѣла бы перенести ее въ церковь, гдѣ по крайней мѣрѣ есть мѣсто свѣчи; потому что у бѣдной женщины некому объ этомъ подумать.

Карабинеръ надѣлъ свой клеенчатый картузь, вышелъ на дворъ и сказалъ теткѣ Мельхіорѣ съ напыщеннымъ тономъ:

— Тетка Мельхіора, я беру къ себѣ дѣвочку. Богъ сказалъ: «другъ друга тяготы носите», и эта малютка будетъ полезна для Пены.

— А я думала, что она не хочетъ ее брать, сказала уязвленная старушка.

— Я хозяинъ у себя, тетка Мельхіора, и моя Пена не имѣетъ другой воли кромѣ моей, слышите?

Сказавши это, Капуто пошелъ важной поступью, какъ король.

Въ это время пришло о. Ноласко и ему пересказали о происшедшемъ.

О. Ноласко обладалъ даромъ безстрастія, даромъ столько же полезнымъ для хирурговъ во время страданій тѣлесныхъ, сколько священнымъ во время недуговъ души. У людей избранныхъ, это безстрастіе есть слѣдствіе силы воли и возвышенной души; у людей обыкновенныхъ, оно рождается отъ привычки къ ихъ печальной обязанности; какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ оно равно драгоценно и всегда имѣетъ счастливыя послѣдствія.

— Да будетъ воля господня! сказалъ добрый отецъ, выслушавши все:—сегодня ты, завтра я; всѣ мы пойдемъ по одной дорогѣ. Несчастіе состоитъ не въ томъ, что она умерла, а въ томъ, что она не успѣла приобщиться св. таинъ и умерла какъ варварійскій мавръ. Но бѣдная несчастливица была праведница, и она не будетъ вмѣстѣ съ грѣшниками, не будетъ.

Тутъ послышалось свѣжее, веселое пѣніе Долоресъ, возвращавшейся съ работы отъ хлѣбницы.

— Пошли вамъ Господь добрый вечеръ, сказала она. — Вашу руку, отецъ Ноласко! — и взглянувши вверхъ, она увидѣла, что дверь на чердакъ затворена.

— А маменика вышла? спросила она. Испуганнымъ взоромъ окинула она окружающихъ ее женщинъ и замѣтила, что всѣ онѣ молча плачутъ.

— Чтó случилось? спросила она задыхающимся голозомъ.

Никто не отвѣчалъ.

Можно было замѣтить, что вся кровь прилила у ней къ сердцу ; оно не билось, она замыкалась.

— Маменька ! маменька ! Гдѣ маменька ? закричала она наконецъ.

— Мать, твой тамъ , гдѣ всѣ мыжедады бы быть , сказалъ отецъ Ноласко. — Помочь нельзя тому, что случилось, и наше дѣло только молиться Господу Богу, чтобы онъ принялъ ее какъ достойную дочь и какъ добрую христіанку. Поступить иначе, значить быть непокорной промыслу, что противно нашему долгу.

Долоресь испустила пронзительный крикъ и бросилась на лѣстницу.

Катерина и Пепя бросились за ней, схватили ее за руки и сказали : Ее нѣтъ здѣсь, дитя мое, нѣтъ ее.

— Ее здѣсь нѣтъ !.. сказала несчастная сирота видѣ себя ; — ее здѣсь нѣтъ ! гдѣжь она ?

— Въ церкви.

Дѣвушка вырвалась изъ ихъ рукъ и побѣжала къ калиткѣ на улицу.

Катерина и Пепя побѣжали за ней.

— Не удерживайте меня, не останавливайте меня ! кричала бѣдная дѣвушка, вырываясь отъ нихъ : — я хочу ее видѣть, я хочу видѣть мою милую мать !

— Не ходи туда ! я, твой духовный отецъ, запрещаю тебѣ ! — говорилъ отецъ Ноласко, догоняя ее. — Ты хочешь взволновать народъ и сдѣлать смущеніе въ церкви ? Чѣмъ можешь ты, если пойдешь туда ? Пойдемъ, дочь моя, успокойся ; мы всѣ должны умереть ; смерть страшитъ только грѣшниковъ.

Долоресь бросилась на руки Пепы и Катерины, со стономъ и рыданіями, и обѣ женщины отвнесли ее на свою постель. Скоро пришелъ съ поля дядя Матео съ сыновьями ; тетка Мельхиора посылала за ними. Всѣ они казались очень смущены. Долоресь, лежа на постели, плакала и рыдала ; всѣ стояли около нея. « Я хочу идти за маменькой ! Пустите меня идти къ маменькѣ ! Я хочу ее видѣть ! Если ее похоронятъ, я ужь не увижу ее ! Кто имѣетъ право запретить мнѣ идти къ ней ? Мать моя одна въ церкви, одна, совершенно одна, нѣтъ у ней товарищей, кромѣ четырехъ свѣтъ ; нѣтъ никакого шума, кромѣ вѣтра, который раскачиваетъ рамы ; нѣтъ другого сторожа, кромѣ птицы ночной на колокольнѣ. Мать ! мать ! Я хочу видѣть мою мать !.. »

— Не печалься, Долоресь ! я пойду караулить твою мать, сказалъ Лоренцо.

— И я также, прибавилъ Эстебанъ.

— Да благословити васъ Господь Богъ и пречистая Матерь Его, и всѣ святые за вашу святую милостью! отвѣчала Дolorесъ со слезами. После этого горестъ ей навалошь притихла и она безъ чувствъ, съ закрытыми глазами, упала на постоль.

По прошествіи четверти часа она вдругъ вскочила и приложила объ руки къ сердцу, испустила длинный вопль.

— Что будетъ со мной? сказала она.

— То что будетъ со мной, отвѣчала Пепя, цѣлуя ее, — потому что отнынѣ мы не разлучимся. Ты потеряла мать, но найдешь ее во мнѣ, милое дитя.

Dolorесъ обвила руками шею Пепы, съ горячимъ выраженіемъ благодарности, не въ силахъ будучи выдвинуть ее ничѣмъ, кромѣ слезъ.

VII

Была полночь. Глубокая тишина, царствовавшая въ селеніи, нарушалась только звучнымъ и отрывчатымъ шумомъ волнъ морскихъ прибываемыхъ приливомъ къ улесамъ и валунамъ. Холодный и блѣдный свѣтъ луны такъ тихо проливался на землю, какъ продвигается звукъ отдаленнаго эха; деревья была бы похожа на остановившіеся часы, еслибы время отъ времени наглый пѣтухъ не огуливалъ воздухъ тремя пронзительными нотами, похожими на крикъ часовыхъ, которыми они окликають другъ друга.

Въ домѣ дяди Матео, молодой человекъ стоялъ подлѣ окна, выходящаго на дворъ. Во внутренности окна видѣлось хорошенечкое личико молодой дѣвушки. Свѣтъ луны, падающій на это кроткое, блѣдное лицо, ясно выказывалъ на немъ выраженіе грусти: на этому глубокому и полному достоинства взгляду, можно было подуматъ, что это стоитъ изображеніе Размысленія, обдумывающаго свое горькое прошлое и печальное будущее.

Напротивъ того, юноша имѣлъ физиономію ясную, энергическую, выказывающую дѣятельнаго человека; со взглядомъ кристальнымъ и выликомъ, обличающимъ сильныя страсти, съ гордымъ челоу человека неукротимаго, котораго ничто не возмущаетъ, и который идетъ навстрѣчу всѣмъ неудачамъ съ надменной фривольностью.

— Не предсказывалъ ли я тебѣ, говорилъ онъ, что ты полюбишь меня? Все, чего я желаю, исполняется силою моей воли; какъ ни смѣялась ты, какъ ни сердилась...

— Тогда я была ребенокъ, отвѣчала она.

— Тогда!.. Цѣлый вѣкъ, какъ говорятъ... а прошло три года только!

— Не знаю, сколько прошло времени; но съ тѣхъ поръ я перестала быть ребенкомъ и въ это время ты сдѣлалъ такой поступокъ, который навсегда покорила тебѣ мое сердце; еслибы у меня были сотни сердецъ, я всѣ бы отдала тебѣ.

— Я не хочу, Долоресъ, чтобъ ты любила меня изъ благодарности: такая любовь похожа на долгъ, который уплачиваютъ, а не на подарокъ, который даютъ.

— Если вода, которую ты пьешь, утоляетъ твою жажду, — зачѣмъ ты будешь доискиваться, изъ какого источника она взята?

— Нужно для того, чтобъ узнать ея качество.

— Она добраго качества, Лоренцо.

— Посмотримъ: я еще не пробовалъ ее. Я не могу тебя испытать, но кажется, что ты меня не любишь.

— Отчего, негодный человекъ?

— Оттого что ты всегда печальна: изъ этого слѣдуетъ, что любви моей мало для тебя.

— Послушай, Лоренцо: любовь, уничтожающая всѣ другія чувства — нехорошая любовь; сердце безъ воспоминаній не можетъ быть достойно въ своихъ привязанностяхъ...

— Любовь, пренебрегающая настоящимъ и живущая прошедшимъ, по твоему мнѣнью, хорошая любовь? Ты живешь своею грустью, тогда какъ должна жить надеждой, еслибы ты любила меня.

— Дай Богъ, чтобъ я могла стереть съ моей памяти образъ, безпреставно представляющей мнѣ! — образъ возлюбленной матери, одинокой, оставленной, умирающей на холодномъ берегу моря, не слышащей ничего, кромѣ рева волнъ, которыя съ каждой минутой подходили ближе, ближе — и наконецъ затопили ей ноги. Конечно, бѣдная женщина умерла больше отъ страха, чѣмъ отъ болѣзни... А меня не было съ ней!.. И я не видала ее послѣ того, какъ она умерла!.. Вотъ, Лоренцо, двѣ завозы, вонзившіяся въ мое сердце, которыхъ никакъ нельзя вырвать... Изъ всего семейства у меня остался одинъ любимый братъ, и Богъ-знаетъ, не поглотило ли его море, въ отмщеніе зато, что не удалось поглотить и мать, также какъ поглотило отца? Могу ли же я забыть объ этомъ? Могу ли я быть весела?

— Стало-быть никогда не должно снимать траура, потому что каждому изъ насъ есть объ чемъ пожалѣть?

— Правда, сказала Долоресъ вздыхая.

— Ну какъ скажи мнѣ, зачѣмъ же Богъ сотворилъ различные цвѣта ?

— Для дѣтей, для птицъ и для цвѣтовъ, отвѣчала молодая дѣвушка, склонивши голову на желѣзную оконную рѣшетку.

— Марія Долоресъ! отвѣчала съ горечью Лоренцо: — кто такъ сильно любить мертвыхъ и отсутствующихъ, тотъ не много можетъ удѣлять любви присутствующимъ!

— Ошибаешься, Лоренцо: одно и тоже солнце живить и кипирить, и розу. Повѣрь, что твоя недовѣрчивость обратится въ жолчь, которая слѣдуетъ горькою нашу жизнь.

— Только тотъ боится недовѣрчивости, кто можетъ укорить себя чѣмъ-нибудь.

— Я не боюсь ее, но стыжусь, какъ бы устыдился каждый честный человѣкъ при одной мысли, что его считаютъ контрабандистомъ.

— Знаешь отчего? Потому что многіе, не будучи контрабандистами, занимаются контрабандой.

— И я, Лоренцо, занимаюсь контрабандой? спросила Долоресъ съ легкимъ оттѣнкомъ укоризны.

— Отецъ Ноласко говоритъ, что женщины лгутъ, не желая лгать, и обманываютъ только ради обмана.

— Онъ говоритъ такъ о дурныхъ женщинахъ; обо мнѣ онъ этого не скажетъ.

— Ну вотъ, скажетъ ли онъ это про тебя, про свой правый глазъ? У кого отецъ алькадомъ, тотъ идетъ въ судъ, высоко поднявши голову.

— Видишь ли, если отецъ Ноласко вѣритъ мнѣ, — а онъ вовсе не иженъ и не влюбленъ въ меня, — значитъ, что я говорю правду. И ты всегда будешь таковъ, Лоренцо?

— Да, если только мать не переродитъ меня.

— Замѣть, что постоянно носить въ себѣ сомнѣніе, есть болѣзнь; а отъ болѣзни человѣкъ умираетъ.

— А ты помни вотъ что: что женщина похожа на море, отъ нее происходитъ все горькое. Кажется, что ужъ обладаешь женщиной, не тутъ-то было, ускользнула!

— Дай Богъ, Лоренцо, чтобъ другія выслушивали твои злыя сужденія съ такимъ же терпѣніемъ, какъ я!

Связанная благодарностью за благодѣаніе, одаренная характеромъ кроткимъ и терпѣливымъ, подавленная деспотизмомъ Лоренцо, Долоресъ предвидѣла для себя судьбу равную той, какую несутъ всѣ добрыя жены и матери въ простомъ классѣ людей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, обнародовали извѣст. Это

былъ общій ударъ кинжала, который поражалъ всѣхъ жителей, разрушалъ счастье многихъ, разрывалъ много сердечныхъ связей и глубже всѣхъ оставался въ сердцахъ матерей: велико было просать жеребій.

Несчастье поселенина заключается не въ работѣ, къ которой онъ привыкъ; не въ недостаткахъ и лишеніяхъ, которые онъ легко переноситъ; не въ большомъ количествѣ дѣтей, потому что онъ ихъ любитъ; но драму его жизни составляетъ конскрипція.

Оба сына тетки Мельхиоры были призваны вѣстѣ. Отчаянію ея не было границъ; она знала въ какое-то оцѣпенѣніе.

Эстебанъ отдѣлился отъ перваго тиража: жеребій не вынулъ изъ его долю, а мать говорила, что непостоянная судьба не даетъ два раза счастья. Она думала, что и съ Лоренцо будетъ тоже, а самъ онъ предчувствовалъ, что рука его будетъ его врагомъ. Ни мать, ни сынъ не обманулись въ своихъ предчувствіяхъ: жребій палъ на обоихъ братьевъ.

VIII

Булочница, къ которой ходила Долоресъ перебирать зерна, была молодая вдова. Она имѣла склонность къ Лоренцо и всегда находила какой-нибудь предлогъ, чтобъ прийти къ теткѣ Мельхиорѣ и пользовалась всѣми случаями, чтобъ завлечь къ себѣ Лоренцо. Но онъ, отъ природы гордый, смотрѣлъ съ презрѣніемъ и жестокостью на всѣ искательства молодой, прекрасной и богатой женщины; булочница же показывала видъ, что ничего не замѣчаетъ и любила его попрежнему.

Лоренцо былъ у нея въ вечеръ, назначенный для бросанія жеребья. Купивши у нея то было нужно, и по обыкновенію не говоря ни слова, онъ сталъ уходить, когда вдова вернула его.

— И такъ, сказала она: — теперь ты солдатъ!

— Такъ должно было быть, отвѣчалъ Лоренцо: — судьба мнѣ не благоприятствуетъ.

— погоди, сказала вдова: — еслибы тебѣ дали денегъ откупиться?

Сердце молодого человѣка встрепенулось, какъ отъ примосновенія вольтова столба.

— Развѣ кто-нибудь хочетъ дать мнѣ денегъ? спросилъ онъ, какъ-то съ страданіемъ.

— Да, отвѣчала она: — я даже знаю человѣка, который дастъ вамъ денегъ.

При этихъ словахъ Лоренцо, давно подозревавшій любовь вдовы, отгадалъ ея намѣреніе. Его минутная радость потухла какъ огонь, и лицо приняло обычное ему выраженіе.

— Ну, Лоренцо, что скажешь ты? Неужели мое предложеніе такъ дурно, что лицо твое потемнѣло, какъ декабрьское небо?

— Вы знаете, сударыня, что говорится въ пѣснѣ: «Не беря ни отъ кого подарковъ, если не хочешь быть обязаннымъ.»

— Полно, дитя, не сердись. К чему такая осторожность? Не хочешь ли ты быть вторымъ дядей Мингуземъ, который стыдился всего на свѣтѣ, даже быть добрымъ человѣкомъ? Въ адѣйствіи мірѣ можно отъ всего избавиться, кромѣ смерти. Еслибы ты не былъ такимъ дикаремъ, мы бы поняли другъ друга. Ты знаешь, что мой добрый Хуанъ оставилъ мнѣ въ домъ и хлѣбное заведеніе; мнѣ, какъ хлѣбъ насущный, нуженъ человѣкъ, который бы урядилъ на себя заведеніе хозяйствомъ; дѣла ему будутъ немного, а прибыли онъ будетъ получать большую.

— Сударыня, я ничего не смыслю по пекарнѣ.

— Ты знаешь также, что онъ оставилъ мнѣ многочисленное стадо...

— Сударыня, я ничего не понимаю въ скотоводствѣ.

— И порядочное количество денегодокъ. Ты увидишь ихъ чистогамомъ.

— Что же съ ними дѣлать?

— Ты пустишь ихъ въ проценты.

— Нѣтъ, это не по моей части, отвѣчала Лоренцо, улаживаясь: — я не хочу никакой должности; не хочу ни заботъ, ни скуки.

— Вся твой отвѣты. — чистое ребячество; не ясно ли я говорю тебѣ, что стоитъ только пожелать — и все будетъ твое.

— Не хочу богатства, подъ которымъ скрыта западня, отвѣчала молодой человѣкъ ухомъ.

— Негодный гордецъ! проворчала вдова, смотря ему вслѣдъ.

Хлѣбница была увѣрена, что Лоренцо приметъ ея предложеніе: она думала, что если жребій вымалеть на долю Лоренцо, онъ не захочетъ надѣть солдатскій мундиръ, не захочетъ ходить по грязи и ѣсть въ солдатской артели.

И въ городѣ и въ деревнѣ обо всякомъ дѣлѣ повторяютъ съ прибавленіями и варьяціями; намѣреніе вдовы откупить Лоренцо, дошло до семейства Лопеца, пополняясь съ каждымъ изданіемъ. Дядя Матео не хотѣлъ ничему вѣрить, тетка Мельхиора съ ума сколила отъ радости, Долоресъ была въ смущеніи.

— Лоренцо! закричала добрая мать, едва завидя сына: — правда ли, что вдова хочетъ купить за тебя рекрута?

— Что вы говорите, матушка?

— Всѣ говорятъ, что она дастъ тебѣ денегъ на этотъ случай.

— Давать! давать! Матушка! дають только добрый день.

— Она не даритъ, а займы даетъ.

— Въ займы дають только терпѣніе, матушка.

— Ты не хотѣлъ взять, Лоренцо?

— Я, матушка? Душа моя непохожа на душѣ въ чистилищѣ, которыя все ожидаютъ, что имъ дадутъ.

— Онъ хорошо сдѣлалъ, что не взялъ займы, сказалъ отецъ. — Онъ хорошей работникъ, всѣ его любятъ и желаютъ жить у себя; но Богъ знаетъ, когда онъ будетъ въ состояніи отдать долгъ. Въ долгъ взята свинья хрюкаетъ цѣлый вѣкъ.

— Лоренцо, сынъ мой! продолжала мать: — еще говорятъ, что она предлагала тебѣ жениться на ней; ты отказался?

— Кто это рассказываетъ? Вы знаете, матушка, что не мужчине слѣдуетъ говорить: нѣтъ. Нѣтъ, слово знатнаго происхожденія; оно предоставлено женщинамъ. Зачѣмъ нападать на доброе имя вдовы?

— Никто не нападаетъ, сынъ мой; объ ней ничего дурного не говорятъ.

— Да, конечно, ее не топчутъ ногами, но выставляютъ ее напоказъ. О, зависть, зависть! Оттого что она богата и хороша, другіе хотятъ треснуть съ досады!

Лоренцо сидѣлъ на отдельной скамьѣ; а между тѣмъ цѣлая семья собравшись въ кучку около двери, оплакивала отъѣздъ обонхъ братьевъ. Онъ замѣтилъ, какое грустное впечатлѣніе сдѣлало на Долоресъ то, что было говорено о богатой хлѣбницѣ, и приклонившись головой къ стѣнѣ, съ глазами поднятыми вверхъ, казалось онъ пѣлъ звѣздамъ пѣсню, которая прямо относилась къ молодой дѣвушкѣ.

Лоренцо пѣлъ тихимъ голосомъ, но съ большою отчетливостью, съ удивительной гибкостью и вѣрностью, которыхъ требуютъ нѣжныя и часто страшныя модуляціи народныхъ пѣсень. Долоресъ не проронила ни одного слова, ни одного тона; и то и другое, касаясь слуха, доходило прямо до ея сердца:

— Прекрасный пастухъ! ты живешь въ поляхъ,
Сердце твое не знаетъ любви.

Скажи мнѣ, я пришла тебя спросить:

Не хочешь ли ты жениться? —

• Не хочу я жениться! •

Отвѣчаетъ ей грубый мужикъ:

• У меня на горѣ стадо пахнетъ —

Прощай! я уйду отъ тебя. •

— Прекрасный пастух! на тебѣ надѣты
Штаны изъ толстой холстины;
Если ты на мнѣ женишься,
Я дамъ тебѣ панталоны. —

• Не хочу я твоихъ панталонъ!.
Отвѣчаетъ ей грубый мужикъ:
• У меня на горѣ стадо пасется —
Прощай! я уйду отъ тебя. •

• Прекрасный пастухъ! у тебя на власяхъ
Негодный камзолъ,
Женись на мнѣ — и я тебѣ дамъ
Богатый и теплый кафтанъ. —

• Не хочу я твоего кафтана!.
Отвѣчаетъ ей и проч.

— Прекрасный пастухъ! ты питаешься
Дурнымъ ячменнымъ хлѣбомъ;
Женись на мнѣ — и будешь ты ѣсть
Сытный бѣлый пшеничный хлѣбъ. —

• Не хочу твоего пшеничного хлѣба!.
Отвѣчаетъ ей и проч...

— Прекрасный пастухъ! ты всегда спишь
На рогожѣ, или на соломѣ;
Если ты женишься на мнѣ,
Ты можешь спать на моихъ тюфякахъ —

• Я не хочу твоихъ тюфяковъ!.
Отвѣчаетъ ей и пр...

— Если ты женишься на мнѣ, мой отецъ
Хочетъ дать тебѣ лошадей и повозку,
И ты можешь приѣзжать ко мнѣ
Каждую субботу по вечерамъ. —

• Я не хочу ѣздить въ повозкѣ!.
Отвѣчаетъ ей и пр...

— Я велю сбѣлать фонтанъ
Съ четырьмя вызолоченными трубками,
Для того чтобъ ты водилъ туда
Твое стадо, пить воду. —

— Я не хочу твоего фантазма!

Отвѣчаетъ ей грубыми шушукми:

— Не хочу я и самое тебя;

Красотка! ты слишкомъ влюблена!

Въ то время какъ Лоренцо вѣлъ, другіе конспириты, болѣе его веселые или менѣе печальные, пили, чтобъ скрыть или утопить въ винѣ свою горе; они бродили по улицѣ и наивѣвали:

Если вы желаете имѣть любовниковъ,

Молодыя дѣвушки, то велите написать портретовъ.

Потому что теперь сыны Испаніи

Принадлежатъ нашей королеви Изабеллѣ

Лоренцо, дрожащими голосомъ и съ горечью говорилъ Доло-
ресъ:

— Я увѣренъ былъ, что жребій мнѣ выпадеть. Вотъ теперь ты счастлива.

— Да простить тебя Богъ, отвѣчала со слезами Долоресъ; ты смѣешься надо мной, Лоренцо, для того чтобы твое отсутствіе сдѣлать для меня еще невыносимѣе.

— Ты забудешь меня, Долоресъ?

— Нѣтъ, даже и тогда, когда ты меня забудешь.

— Ты знаешь, что этого не можетъ быть.

— Скорѣе забудешь ты, нежели я.

— Отчего жь?

— Оттого, что у тебя нѣтъ такого воспоминанія, которое построило тебѣ алтарь въ моемъ сердцѣ.

— Именно поэтому—то я и не могу вѣрить тебѣ: любовь твоя есть скорѣе любовь дочери, чѣмъ любовь невѣсты.

— Не будь такъ мелоченъ. Чувство, внутреннее воспоминаніе объ матери, не радное чувство; эта любовь продолжительнѣе, свѣтлѣе той, которая рождается при звукахъ гитары.

— Ну такъ клянись же мнѣ, сберечь эту любовь.

— Клянусь.

— Чѣмъ?

— Спасеніемъ души моей.

— Этого мало.

— Моею жизнью.

— Мало.

— Жизнью вѣчною.

— И этого мало.

— Душой моей матери. К чему такая недовѣрчивость?

— Сердце говоритъ мнѣ, что ты забудешь меня.

— Твое сердце — твой мучитель, Лоренцо.

— Оттого что оно чисто. Клянись другимъ.

— Чѣмъ же?

— Что ты никогда не уйдешь; не уйдешь отъ моей матери и тогда даже, когда Пепя уйдетъ отсюда.

— Хорошо, клянусь.

— Теперь скажу тебѣ одно: если ты бросишь жену для другого, то этотъ другой перестанетъ быть хлѣбъ; онъ умретъ отъ моей руки.

— Не грози, Лоренцо, это нехорошо.

— Я не грожу, а предупреждаю тебя.

— Я никогда не сдѣлаю изъ страха того, чего не сдѣлаю изъ любви, Лоренцо. Если ужъ ты отъ природы недовѣрчивъ, то совѣтую тебѣ не вѣрить въ ту любовь, которой ты угрожаешь; но отдайся совершенно той, которую ты имѣешь. Пользуйся ею какъ цѣла пользуется медомъ, а не разрывай ее на части, какъ дождь свою добычу, и уѣзжая, оставь мнѣ по себѣ воспоминаніе, которое бы утѣшало меня, а не огорчало.

IX

Прошелъ годъ, и въ домѣ дяди Матео съ каждымъ днемъ все больше и больше чувствовалось отсутствіе сыновей. Старый отецъ, оставшись одинъ, успѣвалъ обрабатывать только половину земель.

Добрые, веселые глаза тетя Мельхiorъ померкли отъ слезъ, а постоянная сердечная грусть придала имъ грустное выраженіе. Въ домѣ не было уже того мирное блаженство, которое давало ему такой веселый видъ.

Новое неудовольствіе готовилось для семейства; а въ жизни тихой, однообразной, всякая перемена похожа на ураганъ въ ясную погоду. Кануто потребовали въ Севилью и онъ собрался ѣхать. Что для всѣхъ было огорченіемъ, то для бѣдной Долоресъ было жестокой мукой; ей не хотѣлось разлучиться съ Пепей, добрейшей женщиной, такъ нѣжно любившей ее; а данная ей Лоренцо удерживала ее въ деревнѣ. Да и могла ли она оставить семейство Лоренцо, которое съ отсутствіемъ сыновей было въ затруднительномъ положеніи? Пепя желала взять ее съ собою, а тетя Мельхiorа хотѣла оставить ее при себѣ. Она любила Долоресъ горѣчо и нѣжно, какъ свойственно матери любить дѣвушку, любящую ее сына; въ сердцѣ ея входила она вѣрнѣе отголосокъ; своимъ опасеніемъ

и привязанности. Бѣдная Долоресъ чувствовала, что должна отказаться и той и другой.

Многимъ можетъ быть покажется пустымъ вымысломъ фантазіи эта великодушная борьба двухъ бѣдныхъ семействъ, въ отношеніи бѣдной сироты. Тогда мы пригласимъ тѣхъ, которые не вѣрятъ, прогуляться по нашимъ деревнямъ: они не найдутъ тамъ воспитательныхъ домовъ и не услышатъ о дѣтубійствѣ; но они могутъ справиться и узнать, что дѣлается съ сиротами. Они удостовѣрятся, что у насъ довольно этихъ несчастныхъ созданій, потому что люди долговѣчны въ сторонѣ, подверженной климатическимъ измѣненіямъ, неизвѣстнымъ на сѣверѣ.

Долоресъ призвала на совѣтъ о. Ноласко. Если достойный монахъ не имѣлъ понятія о Сенека, оттого-что онъ не повалъ въ число его чтимыхъ святыхъ, за то онъ хорошо изучилъ сердце, страсти и привычки деревенскаго жителя. Здравымъ смысломъ и простыми доводами онъ умѣлъ отклонять всякое затрудненіе лучше, чѣмъ другой ученый съ большими познаніями. Не ломая головы, чего въпрочемъ онъ и не привыкъ дѣлать, о. Ноласко предложилъ Долоресъ средства выйти изъ затруднительнаго положенія.

— Послушай, сказалъ онъ ей: — донья Браулія просила меня рекомендовать ей молоденькую горничную. Она желаетъ имѣть дѣвушку добрую, смиренную, опрятную, трудолюбивую, однимъ словомъ, она полагается на мой выборъ. Иди къ ней въ услуженіе; это хорошіе люди; не увѣжай отсюда, не будь никому въ тягость и получай 20 реаловъ въ мѣсяцъ: въ цѣлый годъ приходится 240 реаловъ: вотъ тебѣ и будетъ на приданое, когда вернется Лоренцо. Еслибы твой вѣтранный братъ поступилъ съвѣдомо въ кому Жиліо (Жилюнесу), въ то время, какъ я ему предлагалъ, онъ не скажалъ бы теперь изъ моря въ море. Болтуни! не думай поучить его чему-нибудь; разъ скажетъ: *это вотъ такъ*, — такъ ужь ничего не-переговаривать. А между тѣмъ онъ былъ кротокъ какъ агненокъ, веселъ какъ день, свѣтелъ какъ реалъ, но управъ какъ астурийскій осель.

Долоресъ согласилась на предложеніе лобраге отца, какъ ни тяжело ей было расставаться съ Ценой, которая, съ своей стороны, затаивши свою грусть, не могла ничего найти противъ этого благо-разумнаго рѣшенія.

Донья Браулія была женщина добрая, простая, невысокаго роста и большая говорунья. Но это послѣнее качество она бросила съ тѣхъ поръ, какъ получила наслѣдство отъ брата Марцелино Торо. Мѣсто его она замѣнила претензіей на остроуміе, которое наполнило жизнь ея горечью. Свое простосердечіе и откровенность она при-

крыла какой-то мелочной принужденностью, точно также как толстые члены затянула въ корсетъ, выписанный мзъ Кадикса. Но, какъ корсетъ безобразилъ всю ея фигуру, такъ натяжка въ обращеніи дѣлала ея смѣшно и отнимала у ней природный видъ добродушія.

За то Роза, ея единственная дочь, тринадцати-лѣтняя дѣвочка, была настоящей дочерью Андалузій: откровенная, живая, ловкая, плутоватая и прямодушная. Наружность гармонировала какъ нельзя лучше съ характеромъ и возрастомъ ея. Лицо круглое, улыбающееся; свѣжій ротикъ, бывшій въ вѣчномъ движеніи, показывалъ рядъ ослѣпительной бѣлизны зубовъ, всякій разъ какъ открывался для разговора, шутки, или смѣха; прекрасные глаза ея бросали то насмѣшливые, то веселые взгляды; по временамъ отражались въ нихъ гордость, или лукавство, но безъ злобы, или невѣжливость, но безъ скромности. Прекрасная головка, всегда убранная цвѣтами, безпрестанно поворачивалась; ея быстрыя движенія, ея рѣзвость, наконецъ доброе сердце и прямодушіе, составляли такое прелестное, очаровательное цѣлое, что всѣ сердца поддавались ей съ какимъ-то непреодолимымъ увлеченіемъ, точно такъ, какъ невольно поддаешься свѣжему, тихому дыханію весны.

Роза не знала слезъ и не понимала горя; она говорила, что веселость, естественность и откровенность — единственное состояніе духа, приличное человѣку. Она боялась людей угрюмыхъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ мать ея сдѣлалась жеманною и притворно-скромною; она бѣжала бы на край свѣта отъ скучныхъ людей. Двухъ минутъ сряду она не могла думать объ одномъ и томъ же; для такой головки, которая ничего не носила кромѣ цвѣтовъ, размышленіе было бы значительной тяжестью. Не вриченная матерью къ противорѣчію, она отражала въ себѣ всѣ выгоды и невыгоды такого воспитанія. Трудно было поселить серьезную мысль въ ея ненормальномъ разумѣ, еще труднѣе — заронить дурное чувство въ ея ненормальномъ сердцѣ. Роза бѣгала по тропинкамъ жизни, какъ по аллеямъ своего сада; и здѣсь и тамъ она требовала цвѣтовъ, какъ дани; вся забота ея была — украшаться ими.

У Розы были два важныя желанія: одно, и очень старое — имѣть куклу, которая бы открывала и закрывала глаза; другое, новѣйшее — имѣть обожателя, который доставлялъ бы ей невыразимое удовольствіе, и потихоньку отъ матери, разговаривать съ нимъ подъ окошкомъ, какъ другія дѣвушки. И еслибы оба эти желанія исполнились, то кукла, открывающая и закрывающая глаза, была бы страшной соперницей ея обожателя, и навѣрное скорѣй, чѣмъ родительская власть, часто заставляла бы ее не являться на свиданія.

Когда мать вздумала пригласить учителей, то было уже поздно: не было возможности заставить ее выучить а, или написать палочки.

— Неужели вы хотите, говорила она матери, — заставить меня, какъ маленькую дѣвочку, складывать: б, а, ба; б, а, ба? Я не знаю азбуки; но не приглашайте учителей — и завтра же я буду читать; не хочу, чтобъ другія дѣвушки смѣялись надо мной.

— Какое ребенокъ! Какая дѣвочка! говорила мать. — Воспитаніе есть принадлежность высокаго круга людей — это капиталъ.

— Ахъ, мамъ! отвѣчала молодая дѣвушка, — послушайте пѣсню:

Много знать, и ничего не имѣть, —
 Очень печальное преимущество;
 И чтожь приобретаеть ученый? —
 Голодь — отъ утра и до вечера!

Дошья Браулія призвала на совѣтъ о. Ноласко; но и тотъ видѣлъ не лучшей успѣхъ.

— Во всякомъ возрастѣ можно учиться, говорилъ добрый монахъ: — дядя твой пятидесяти лѣтъ сталъ рисовать, и наконецъ сдѣлался чужомъ.

— А вы отчего не учились рисовать?

— Одни богатые учатся рисовать; но учиться читать можетъ всякій; а кто умѣеть читать, тотъ все знаетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Роза. — А вы, со всей своей ученостью, не знаете одной вещи; а по званію своему вы должны бы се знать.

— Какой вещи?

— Чѣмъ похожи одинъ на другого чахоточный и пустынный?

— Какаа нелѣпость! Чѣмъ похожи? Ничѣмъ на свѣтѣ.

— Анъ нѣтъ, похожи!

— Перестань, замолчи.

— Говорю вамъ, что похожи, и вамъ лучше слѣдуетъ знать объ этомъ, потомучто я ни докторъ, ни ученый.

— Что ты рассказываешь, глупенькая?

— Что ваша милость, при умѣньи читать и писать, не знаетъ, что чахоточный и пустынный похожи другъ на друга тѣмъ, что оба они немалечины. Теперь знаете, о. Ноласко?

— Мадринокка-то улетѣла! сказала монахъ, смотря вслѣдъ Розы, которая бѣжала и прыгала по саду.

— «Теперь мы должны познакомить читателя с доном Марцелино Торро, который несколько раз появлялся в нашей развѣлкѣ.»

X

Донъ Марцелино, сынъ богатаго купца, былъ посланъ дономъ Марцелино-отцомъ въ Америку; потому что двумя нечестно было дѣлать въ его конторѣ. Тамъ онъ нашолъ выгодное мѣсто; голландскія и яснаго труда доставили ему, по словамъ соотечественниковъ, милыоны, а на самомъ дѣлѣ у него было только 25,000 дуро-совъ. Онъ торжественно возвратился въ свою деревню, и сверхъ того съ великимъ изобиліемъ шитья, гадуновъ и сардиновъ на рукавахъ; эти сардины, зашивавшіе тутъ неизвестно какую должность, составляли впрочемъ послѣдній рядъ украшеній, которыя носилъ на себѣ неизмѣющіе права носить настоящихъ знаковъ отличія.

«Очень часто бываетъ, что великое счастье и великія бѣдствія проходятъ незамѣченными въ мірѣ. И дѣйствительно, трудно составить себѣ идею о переворотѣ, случившемся съ дономъ Марцелино: онъ былъ бѣденъ какъ Іовъ, тогда какъ выхаживъ изъ отечества — и возвратился туда богатъ какъ Крезъ.»

Тотчасъ же по пріѣздѣ онъ купилъ домъ, достойный своей знатной особы. Добрый человекъ любилъ богатство и наружный блескъ; но любилъ также и мексиканчики, сладкій плодъ своихъ трудовъ. Увлекаемый одной страстью и удерживаемый другою, онъ боролся между скупостью и любовью къ роскоши, но наконецъ кое-какъ устроился. Не желая принять на себя заботы о постройкѣ, онъ купилъ лучший домъ изъ продававшихся въ то время; немного спустя, этотъ домъ показался ему слишкомъ малъ; онъ купилъ другой, по соседству, и соединилъ его съ первымъ. Теперь недоставало сада — а донъ Марцелино хотѣлъ имѣть садъ во что бы то ни стало; но садъ аристократическій, который бы совершенно гармонировалъ съ сардинами владѣтеля, — садъ съ тисовыми деревьями, статуями, перспективами, бассейнами съ краснеющими рыбками, и особенно съ лабиринтомъ лабиринтъ — былъ идеалъ Марцелино. Вотъ онъ купилъ третій домъ, съ большимъ дворомъ, соединяющимся съ его землей, обвелъ все кругомъ стѣною и развелъ садъ. Тутъ онъ собралъ все, объ чемъ мы говорили, исключая перспективъ, чего невозможно было сдѣлать; но онъ утѣшился тѣмъ, что велѣлъ написать ихъ на стѣнахъ. Для этого онъ выписалъ изъ Мадрита плохого живописца, съ которымъ, какъ увидимъ впоследствии, свелъ самыхъ дру-

пестряки, сатины. Были въ немъ и живицы; и нарциссы, и лилии, розовыхъ кустовъ, миртъ и другихъ приворывающихъ цвѣтовъ (флора), отдѣляясь въ короткое время истощающею расой; поспѣвая же въ зиму распускались. Изъ лаванды, изъ розовыхъ много забываются только цвѣты (прѣты), цвѣты прекрасной миртовой букеты, и маленькая раса въ образѣхъ на стѣнахъ божественное маленькое красное; и въ родѣ венскихъ, украшенные жемчуги и розовыми цвѣтами. Изъ баобабовъ красные рейкины, обобщеннаго снѣжно-краснаго; сдѣлалась предостая вустышка, саванна в проламыва. Возле и другіе кустарники бросая гнѣть стѣдливости на деревенско-овую чихоточной. Диамы и прелестной Венеры, какъ что, вразвѣтъ вѣтвей свѣтавилась одинъ только цвѣтъ, венер и цохоміе на тростякѣ.

Когда дошло дѣло до мебелировки дома, то поводомъ заботой дома Марцеллине было заставить живописца написать свой портретъ, чтобы украсить комнату своихъ сараиновъ. Малая приняла старая давать огромному полотну славную фигуру дома Марцеллине, которая казалась еще печальнѣе отъ какой-то зеленой гнѣть, и лучшей видъ двухъ угловъ рта; протянувшейся въ выемкѣ, какъ жалобный престоуръ отъ желодной боли, и ованчивающей на носу, въ видѣ бароды. Но, взирая на все, живописецъ отличился въ славу; чистота портрета; бѣлая рука, приложенная къ груди, возмужавъ въ жалеть время, каляцами, похожие на кодыши, а на рукавѣ блуждала знаменитая сараина. Въ другой рукѣ держъ Марцеллине держала отарытое письмо, которое очень было похоже на письмо в бѣтъ божествъ; можно было прочесть:

Juan Almazarrón fecit.

Это произведеніе искусства поставлено было въ садъ на самомъ видномъ мѣстѣ в прирѣчѣ вазомъ, для защиты отъ жаждущей небыльщины мухъ. Домъ Марцеллине такъ возмужалъ зинъ великодушный образецъ величественнаго искусства, что и самъ обидѣлся защищаясь отъ свободной чины.

Какъ въ мѣстѣхъ оформили Момера вдругъ сдѣлаюся въ сорокъ мѣтъ цвѣтомъ, такъ у дома Марцеллине въ пятидесять пробудилась страсть сдѣлаться артистомъ. Живописецъ подстрекая сузотничего добрыня, мирялюбивыми ветеранами, и успѣлъ поселить въ немъ божородное соревнованіе и нылакуръ любовь въ знаменитыхъ произведеніяхъ Мурильо.

Предоставляю читателямъ судить о чудовищности рисунковъ учителя и ученика! А между гнѣтъ они имѣли многоисчисленныхъ пленниковъ, между которыми самый убогій былъ о. Нахаса,

друга доня Марцелино. И за это доброй молотъ молучилъ нѣско-
 лую сержевую расу. . . .
 . . . Первые свѣты съ натурой, сдѣланные нашимъ уродливомъ ар-
 стистомъ, вѣлы были изъ предметовъ домашней жизни. Живописецъ,
 доктору поручена была композиция картинъ, стирившаяся чуть,
 казалъ сповореду, подвѣшникъ, четыре отымалки, раздѣлы свѣдѣ-
 я чести и славы Роты — знаменитую колбасу, которой онъ называлъ
 дѣло на первомъ планѣ. Колбасу молочили на отымалки, которые
 очень походили на длинную бороду сапера; рѣва тоже была на пер-
 вомъ планѣ; а токъ и слакъ герчала сварка; какъ-будто-своемъ въ
 караулъ. Подвѣшникъ нарисовали вермильономъ и, поставивши
 въ глубинѣ картинъ; онъ бросилъ свой красный цѣтъ за рѣву
 превращалъ ее въ свеклу; а отымалки придавали колбасѣ больше
 сходство съ лицомъ вѣстнаго шута Барбарутсы.

. . . Нечастливою окончаніемъ картинъ, украсившей столовую, ука-
 завъ ослабленъ писать лжи святыхъ. Размѣръ рамки увеличи-
 вался по мѣрѣ того какъ увеличивался ситуивный сюжетъ, а вы-
 шель наоще до размѣра: колосальнаго святого Христовора, ко-
 торому въ окрестные нѣтели страны поделали вѣдѣтъ и докторъ
 произвелъ всеобщее удивленіе. Ю. Подзко, германскій картинъ
 болыше чѣвъ сими ученикъ, приводилъ анекдотъ послѣдствѣй мо-
 боватся на святого: «Бюда, говорилъ онъ, уаждола нхъ на про-
 вележдный конецъ мастерской, — сюда! На живописи, на караулъ
 въ колдѣ/должно «смотрѣть издали». И за тѣтъ, показывая крестъ
 и плащи, онъ прибавлялъ: «Это, Мигель, стоить дорожо проѣ-
 жатвы; какже, друзья мои, можно душно рисовать, когда имѣетъ
 столько красокъ и кистей? Вотъ любопытно было бы посмотрѣть,
 еслибъ онъ нехорошо нарисовалъ! Съ хорошими припасами, обѣтъ
 не бываетъ дурень».

. . . При лицехъ гержесту въ Христовора, страсть доня Марцелино
 закусила удина и повеселась; не было границъ это прилежанію. Онъ
 натанулъ доловне въ восемь локтей ширины и въ четыре локтя вы-
 шины, съ цѣлю испробовать свои силы надъ исторической сер-
 тивной. Она колебалась въ выборѣ: изобразить ли вѣстіе Роты въ
 двухсотыхъ годахъ, Альфонсомъ XII, прозваннымъ *Мудрымъ*, или
 вѣстіе той же Роты графомъ Эссексомъ, который высадиетъ на бе-
 регъ въ 1700 г., при помощи нѣтъны губернатора замка, итальян-
 це имоши Сплідола Бранканчи. Донъ Марцелино рѣшилъ въ пользу
 перваго происшествія, не потому чтобы онъ было патристично, но
 оттого, что ему представлялся случай писать намы.

. . . Не тутъ вышло важныя затрудненія, на аргументесніа — въ
 не существовало ни для Алмацарома, ни для ученика его, — поже

трудненія матеріальныя. Донъ Марцелино былъ малъ ростомъ и не могъ достать даже до трети вышины полотна; отецъ Ноласко помогъ ему въ этомъ дѣлѣ: онъ отыскалъ въ своемъ монастырѣ кассету, съ которой говорили проповѣдя; колесникъ поддѣлалъ подъ нее колесо въ кассету; поставили въ чудовищной парижѣ, погналъ писавшаго на дворѣ, на фельденъ еседухъ, надѣлъ огромныя зантомы. Сталъ имъ изобрѣтъ какъ проповѣдникъ; донъ Марцелино съ своимъ помощникомъ олеичилъ вторую чюловину картинѣ; осталась третья часть, и онъ не могъ достать ее; даже старше ца цѣлою на своей изобрѣтѣ. Напрасно учителя, учителя и отецъ Ноласко, ломали голову, какъ бы укрѣпить помочь горю. Отчаяніе замышляло изобрѣтеніе; какъ на серебрянѣ отливъ кѣшивается прилазить.

Однако нельзя же было оставить башни безъ зубцовъ, лошадей, безъ ушей, терезы безъ головы, шваровъ безъ шорбановъ, лошаля безъ значковъ и небо безъ облаковъ изъ борлашской лазури; поэтому было принято средство пристроить донъ Марцелино такъ, чтобы онъ могъ присѣсть въ зубцы, и уши, и шорбаны, и значки. Отецъ Ноласко предложилъ ходули, учитель лѣстницу; но въ то же время донъ Марцелино нашелъ не ловкии въ опасныи, и какъ Мелеадкъ, который придумываетъ самъ для себя, шоре ютысквалъ удобное и первое средство подняться до подлежащей высоты. Онъ пушилъ подиррующую шаяянаго сѣда, привязалъ къ ней толстую веревку, свернулъ въ крышу арочное желѣзное кольцо; вверлъ въ него веревку и обинилъ ее кругомъ гѣла; вслѣлъ учителю и отцу Ноласко вознннать себя до вышнихъ картинъ. Все шло какъ шальная луна, и вѣста поитенный донъ Марцелино, съ палитрой и кистями въ рукахъ, взлетѣлъ на воздухъ какъ птица, съ величайшиму чудесельствію своихъ машинистовъ.

Но когда аргистъ поднялся до известной степени высоты, то началъ шартитъ веревка; начала расиручивалась съ возрастающей быстротой. Учитель и отецъ Ноласко, увидѣвши, что донъ Марцелино съ расиростертыми руками и въ страшныхъ вопляхъ кружился въ воздухѣ, испугались, выпустили изъ рукъ веревку и бѣжали, а несчастный донъ Марцелино упалъ на землю, брызкая каша; какъ лягушка.

Это происшествіе, которое стоило жизни бѣдному Шурмо, оладное аргистическій энтузіазмъ нашего общества; и онъ положила оружіе Аппелера.

— На другой день своего разговора съ Долоресъ, д. Ноластро пришла къ Браулиа, и сказала ей: —

— Браулиа, я нашла для тебя превосходную едужанку.

— Твоя, лучше, отвечала она: — очень рада; у меня ли, она? Хорошая ли, она христианка? умна ли, она, старая? бѣдная? охотна ли она? особенно, не нравится ли похожа на деревенщину?

— Говоришь такъ, женщина, что это находка!

— Огень, Ноластро! сказала Роза: — не правда ли, что данному портрету точно шепчетъ дама? онъ весь исполнился.

— О, Ноластро поминяла голову, посмотрѣла на портретъ и отвѣтила:

— Невеселая? и такъ, онъ такъ же прелезъ, какъ быть той дама,

иногда ему покой. Балея прекрасная женщина! Это вообще охотна

Видно, что Хуанъ Алмацарронъ хорошо знаетъ свое дѣло; намедни

онамъ сказала, что въ Мадридѣ теперь приметъ портретъ

королевы дона Фредерико-Мадрадо. Говорятъ, что выводитъ удивительно

хорошо, но все не то. Еслибъ Хуанъ Алмацарронъ, быль

къ Мадридѣ, тогда была бы другая пѣснь! Еслибъ увидѣли этотъ

портретъ! Прекрасная фигура! Одно дѣло, а дама онъ, прежде

жалъ шепчетъ, какъ шепчетъ, какъ шепчетъ, какъ шепчетъ.

— Поступки твои, очень грубы, сказала дочь Браулиа, дочери

зная, что святой отецъ не услышитъ ея выговора, — и молодая, хороша

на воспитанная дѣвушка, не должна себя позволять этого; если ты

своя, вращаешься за, тоже, и такъ утѣшу тебя, что ты, мадемуазель

только оближешь отъ удовольствія; и желаю, чтобы ты была дѣв

шавка: ведь ужъ я ничего для тебя не знаю!

— Ахъ, мама, оставьте эту вѣжливость. Всему свое время.

Дайте мнѣ лучше, дитя мое, винограду; вы, берете его, какъ драгоцѣнные

камни.

— Хорошо, воспитанные люди, но вѣдь безпрестанно, отвѣчала

скуная мать.

— Охъ, Ноластро! закричала молодая дѣвушка; — дай, не хочеть

мнѣ дать винограду; она говорила, что это, нешто, не для тоиъ

На правахъ дѣ, что мада, Марцелино, который былъ очень хорошо

образованъ, кушалъ виноградъ моськи?

— Прелезъ, отвѣчала, Ноластро, улыбаясь при этомъ воспомина

ннн: — мускатный виноградъ приносилъ цѣлыми охапками.

— А какъ, отъ винограда толстѣешь! сказала Роза со захономъ: —

онъ, быль, похожъ на дознана, выкорытенаго отъ двухъ козь-

Нынѣшній годъ, я продая мускаты; сказала дочь Браулиа.

— Солгала, пробормотала дѣвушка.

— Чтось ты, говоришь? спросила мадама.

— Не замѣчаете ли вы, закричала Роза, — что у дѣда на вискахъ точно пластыри отъ зубной боли, какъ у цѣлителя, и большая муха въ носу?

— Собою вѣтъ, отвѣчалъ о. Ноласко, смотря на портреты: — все очень вѣрно; эта рука — его. Многимъ помогла эта рука, вторымъ выльте и дѣла вѣтъ до нея! Мин' оу' даль это платье и сказалъ: «Отецъ Ноласко, желаю, чтобъ ваши здоровые дочки продолжали!» — А наша жизнь еще долже», отвѣчала в'ему! Но желаніе мое исполнилось также какъ исползаетъ и его: потому что платье пережидеть меня. Прекрасная фигура! сказала в'а, влохнувши. — Да спасетъ его Господь Богъ! Отче нашъ...

— Ой, ой! закричала Роза, вуетившись в'вѣтъ. Она почувствовала на рукѣ своей прикосновение достойныхъ мальчиковъ своей прелестной мненьки.

— На слѣдующій день Долоресъ поступила въ шк'ль въ домъ. Она была печальна и робка, но покорна и старалась угодить, исполнилась въ свою новую должность.

— Въ короткое время Роза привязалась къ ней; а донья Брауліа объявила, что она очень довольна ею. Она была малчица, охотна, трудолюбива и сверхъ того имѣла два великія достоинства, которыхъ больше всего нравились скупой хозяйкѣ: она мало ѣла и была вѣжлива.

— Долоресъ очень мила, сказала однажды мать дочери: — малъ только, что она похожа на индѣйку. Она вѣрика какъ омертвѣвшая муха, и ходитъ какъ червячекъ гороховый.

— Чудесно! сказала Роза, помирая со смѣху: — а до смерти люблю ваши сраженія; васъ можно сразу повать.

— Я хотѣла сказать, что она очень кокетлива, сказала донья Брауліа съ замѣшательствомъ.

— Неужели вы хотите, мненьки, съ живостью возразила Роза, — чтобъ все дѣлалось само-собою.

— Никогда не говорить «мненьки», должно говорить «мнана» или «мнана», индѣйка ты ланас!

— Ради Бога, сеньора, оставьте эти слова: нана, мнана, тата, нана. Все это голится для дѣтей, или для тѣхъ, кто неумеренно поговариваетъ и у кого лзвиль тушой; а я, слава Богу, говорю очень чисто и лзвиль мой ризаванъ.

— Прошу покорно, какова дѣрзость! Откуда что берется!

— Не хотите ли слышать какъ моя женщина барышню? Вѣтъ, этого не будетъ, сеньора! Я хочу работать какъ асурійскій мулъ; а, какъ доброе вино, не нуждаюсь въ переголцѣ.

— Я не хочу, чтобъ вы работала, у меня для этого есть слу-

жизни, отвѣчала мать: — но хочу, чтобы ты шла, потому что ты очень дурно пишешь; у тебя стѣжки отъ стѣжки на цѣлую версту.

Долоресъ впрямь въ этомъ домѣ цѣлымъ годъ покойно, даже можно сказать счастливо, еслибы грустное воспоминаніе о матери не гналось въ сердце ея, какъ огонь въ печь, еслибы воспоминаніе о Томасѣ и Лоренцо не жгло, какъ пламя, это сердце.

Однажды Роза печально спросила ее:

— Долоресъ, есть у тебя обожатель?

— Въ деревнѣ любовь всегда бываетъ предтечею замужества. Это дѣло такое естественное, дозволенное, законное, что ты, который ужъ завязалъ это дѣло, никогда не скрываешь его; а потому Долоресъ очень просто отвѣчала:

— Да, есть.

— Ты очень счастлива, отвѣчала Роза: — но гдѣ же онъ? я еще не видала его.

— Онъ ухаживаетъ.

— Ухаживаетъ! Ахъ, Боже мой! Почему же ты знаешь, что онъ твой обожатель?

— Потому что мы любимъ другъ друга; онъ знаетъ, что я люблю его.

— Отсутствующій обожатель, это — какъ членокъ, который не поестъ! Къ чему онъ пригоденъ? Я бы не хотѣла такого. Если бы у меня былъ обожатель, то я заставляла бы его веселить меня музыкой, а я бы сейчасъ вышла за него замужъ.

— Отчего ты такъ спѣшишь выйти замужъ?

— А ты думаешь, что у меня нѣтъ причины? Для того, чтобы выйти изъ-подъ власти матери, которая гораздо тяжелѣ большой муки, во время отдыха. Но послушай, когда твой возлюбленный возвратится... Какъ его зовутъ?

— Лоренцо.

— Лоренцо Лопецъ? Ахъ, Господи Иисусе! если это правда, вымыслъ, лучше онъ дурецъ за четвертакъ, тебѣ иль жаль тебя, бѣдная Долоресъ! Ну, когда Лоренцо возвратится и придетъ сюда свидѣться съ тобой, мама пожалуй упретъ отъ тебя, какъ настоящій воробей. Мама знаетъ, что она всѣхъ обожателей предтекаетъ себя убійцами. Я увѣрена, что отецъ мой женится на ней, не вѣршишь ея обожателемъ.

— Онъ не придетъ сюда, отвѣчала Долоресъ, тихо улыбаясь.

— Тебѣ надо будетъ вѣтъ окошко поговорить съ мамой, если мама узнаетъ. Она убѣждена, говорю тебѣ, что всѣ обожатели приносятъ съ собою заразу.

— Я не подойду къ окошку, сударыня, сказала Долоресъ.

— Не называй меня дурачиной, когда тут нетъ мама. Я просила добра, объёмъ больше, одиннадцати тысячъ разъ. Въ этой юбкѣ ж, корсетѣ, въ которыхъ она ватагулась въ этой модной панталонѣ, моя бедная мать съ своей дурной задницей, похожая на худое святыньи. Ужель назавтра самъ отецъ въ домъ, такъ же съ ней пришли стали, какъ ко мнѣ дядя съ личнымъ швейцаромъ нашей инфанты. Такъ и во всемъ другомъ. Въ прежнее время она приготовляла такіа лакомыя блюда, что можно было угощать самого короля; кремы, чудаки, блинчики, желе, сладкіе пирожки, торты, дава им кто могъ, такъ садить какъ она; а теперь, что на дѣлаетъ, все сожжотъ, для не доварить, такъ что совсемъ есть недѣля. Но скажи мнѣ, Долоресъ, у тебя есть обожатель, тебѣ бы надо быть покойной и веселой; а ты похожа на какую-то скорбящую; во всю твою свято-святую жизнь, ты не говорила, не смѣялась, не пѣла!

— Было время, отвѣчала Долоресъ, — когда я и пѣла, и смѣялась! Но съ тѣхъ поръ, такъ отецъ мой утонулъ, бѣдная мать ушла одиноко на побережь, мой возлюбленный братъ ухалъ такъ далеко отъ меня, что отсутствіе его можетъ продолжиться цѣлый вѣкъ, а Лоренцо попалъ въ солдаты и тоже ухалъ, — какъ же дичишь ты, Роза, чтобъ я говорила, пѣла и смѣялась?

— Правда, сказала Роза, и на глазахъ ея блеснула слеза; — бѣдная Долоресъ! Но утѣшься, милая; мертвые у Бога, а живые возвратятся.

— Аини! отвѣчала Долоресъ, вздыхая.

XII

Однажды вечеромъ Долоресъ работала въ саду. Ея родственная хозяйка, дочь Брауна, родственя съ духомъ земледельца, такъ вълезла на него въ наше время, презрѣла его въ огородѣ. Больше не было конуть съ скрамными лѣтками задѣвши марку; стали шійся муш, заравалъ прокутъ на темъ шійнѣ, долоресъ проше блебукала, велекомъ одалокъ, и полеталъ рѣна, ухаласъ на мѣсте пререкатьхъ далай.

Можно себѣ представить, въ какомъ отпаденіи была Роза жервыла, жидки слезы она прѣла, слезы, кончишь шѣвнѣхъ. Вылестрблалъ вой, шѣвты, сказала, она, вперемывельнымъ шерономъ, а жѣскере въ саду, вортаетея другой рѣны, шранъ маша. Дай Богъ, чтобъ ваша капуста посохла, дакъ садыи завалы, а чтобъ дамы рѣны, далай!

Вечеръ была сумрачна, но въѣтре предвѣщала приближеніе зимы. Долоресъ смотрѣла, какъ бѣжали облака, бѣжали споры, какъ ждали холода; но сраженіе, она предчувствовала къ неожиданному шуму вѣтра, алесившихся в бурю, и въ воздухѣ между горами распространилась темнота. Даршная, черная, палла, пролетѣла по горизонту и покрыла все пространство къ небу.

— Ты бы! думали они, гдѣ-то мой бѣдный Томасъ встрѣтится съ наступающей бурей? На морѣ, на землѣ или въ негнѣди? Могло бытъ и въ никогда большаго не платя взаимнаго братства.

Въ эту минуту постучались въ ворота. Долоресъ побѣжала открывать. За калиткой стоялъ высокій, стройный молодой человекъ, въ красномъ платьѣ моряка. На его блѣду, мудрой толстой лонко была надѣта каталашская шапочка; но загорѣвшійся, улыбающимися щѣками текли двѣ слезинки, такъ сильно противорѣчившія и его улыбка, и вообще той радости, которая выражалась во всѣхъ чертахъ его.

— Ты не узнаешь меня? сказалъ онъ, вида, что Долоресъ безмолвно ждетъ отъ него объясненія причины его прихода.

При этомъ голосѣ вырвался крикъ изъ глубины сердца Долоресъ, вмѣстѣ съ словами: «братъ!» И она бросилась на шею моряка. Но радость ея была минутная. Бѣдная дѣвушка, привыкшая къ страданіямъ и обезсиленная непрерывной работой, не могла вынести такого нечаяннаго счастья и упала безъ чувствъ.

На крикъ Долоресъ приближала донья Браулія и Роза.

— Что это такое? кто ты, молодой человекъ? спросила первая.

— Я братъ ея, сеньора, отвѣчалъ Томасъ.

— Еслибъ ты былъ ей братъ, она бы не испугалась тебя.

— Но, сеньора.

— Ступай, ступай вонъ, у тебя нѣтъ въ рукахъ моего дядьки, моего о. крещенія, и Богъ знаетъ, какія у тебя намѣренія!

— Машенька, сказала Роза съ твердостью: — этого молодого человека, Томаса, брата Долоресъ, стѣнны только заглазны на него, чтобы узнатъ еще разъ ихъ другъ на друга; пусть красная дева на бѣду.

— Молча, третата, сказала мать: — подумайте, красная дева, оу и мой побѣхачъ Долоресъ. А ты, прибавила она, обращаясь къ первой: — дубришься вонъ, ты злѣе лшнвй. Ты думаешь, что ослепило влочеа тая по себѣ, какъ Пандра влочеа я въ з мой домъ?

Молча, подумавъ, что какой-то пророческій инстинктъ свѣтовалъ, плече Браулія прогнать пророчество молодого человека. Если влочеа в дѣлѣ ея были безопасны въ присутствіи его,

зого зловещь была на сорокѣхъ другого спросиши; образъ же и бытъ онъ до смерти.

— Можно ли смотреть, брата, у дна моря и любовнаго огни дымчатая и резвые облака, которые несется по морю? Кому приходить на голову доискиваться, что, совершить, шлю и шлю чезе они, сретавшая и кто имъ движеть?

— Тамъ, братъ, не, спыскаю: врыдны, не, описываю, ни, обоготворяю, ни, устѣваю; мы сравниваемъ душистую, свободулю, резвую любовь молодого моряка и корошешкой Розы — съ дымчатыхъ, темныхъ облаками.

Долорестъ протавидася этой любви; она знала, что, донья Браудя, будетъ сердиться; но ей не слушали ни Роза, ни, братъ. Къ несчастью, добрыя совѣты, предлагаемые рождающейся любви, — все равно, какъ, капи, масла, выливаемыя на огонь, который, дѣлается отъ того еще ярче.

— Роза, говорила Долорестъ: — помни, что эта любовь не должна продолжаться и не можетъ имѣть хорошаго исхода; мать твоя захочетъ имѣть зятя богатаго и чиновнаго.

— Ну долго придется ей ждать исполненія своего желанія! Я не люблю чиновныхъ людей. Целавно сюда прѣхали изъ Кадикса молодые господчики. Пресвятая Дѣва! Что это за сбродъ такой, эти господчики! На однихъ были шляпы безъ всякой формы и фасона, съ большими полями, просто какъ зонтики, платье безъ рукавовъ, широкое, какъ кафтанъ у пастуховъ; всѣ они разстегнуты и расстрепаны, хуже чѣмъ св. Сераніо. Одинъ изъ нихъ вздумалъ любезничать со мной: «Вы бы, сеньоръ, поприличіе отѣлись», отвѣчала я ему: — у васъ точно всѣ члены вывихнуты.» Нѣтъ, нѣтъ, Долорестъ, эти господа могутъ идти подъ пару дѣвушкамъ въ нарядныхъ шляпкахъ и въ богатыхъ мантильяхъ; у всякой овечки есть своя парочка, душа моя!

И такъ въ этой дѣтской любви все было зосерное. — и листья и чѣбты, промѣ корня, который состоитъ изъ твердой волни.

— Они слобдан другъ другъ и такъ же безоснатебны, какъ, чувствъ вода идути ручеекъ по одному скату горы, соединяются; не знаю для чего и какъ въ долины, и бѣгутъ имѣсть по зеленому дугу, между лазоревыхъ доревьевъ. Томасъ не устоялъ противъ искушенія бросить якорь своего разгруженнаго сердца; Роза, подлакая величайшему удовольствію доказать метерина дѣла; такъ она уже пробовала те дѣлать словами; что живіе ее оубавишнытъ несправедливо. — Оны, широкое, и вогда съ большимъ удовольствіемъ она обманывала зосеб, спрашаво, яруса, и, валоная, возможность разговаривать, подъ локоть, съ Томасомъ. — Ваши врыдны, мае дѣ-

Она вѣдала въ себѣ

Достойнаго имени

Вспала на сердце

Назадъ, паръ назадъ

— Глаза назадъ, стрѣлка впередъ... Это павлинье.

— Какой догадливый! А двѣ сестры! Ножницы, глупенкой, ножницы! Скажи же и мнѣ какую-нибудь загадку, которая бы по забавила меня. Начинай.

Томасъ сказалъ:

Я влюбъ одну прекрасную дѣву

Которая всегда бѣжитъ отъ опасности,

Она рѣжетъ безъ ножницъ

И шьетъ безъ иглы.

Безъ орудій и инструментовъ

— Прекрасная дѣва? Это я. Которая всегда въ опасности? Это я вѣсегда чертѣшькую въ близости мамы. Безъ иглы безъ ножницъ? Это не я!

— Но ты же привлеклашь меня съ твоему ому, сама-буде привлеклашь безъ иглы, иная малютка?

— Ахъ, и въ сенихъ дѣвъ!

— Не это совсѣмъ не то, ты не отгадала.

— Чтось это?

— Флюиды. Ахъ, Боже мой! ить влеть! заричала Роза. — Если она застанетъ меня здѣсь, то непременно прибѣжитъ. Ну да это ничего: да вотъ, если она вздумаетъ заложить окошко, это будетъ для меня гораздо важнѣе.

Сказавши это, она бросилась бѣжать, но поворотъ вернулакъ и сказала:

— Пожалуста, Томасъ, не забудь привести мнѣ морскія раковны

слѣдующій разъ какъ ты вернешиса съ моря

Потомъ этого она тихо ускользнула, какъ легкая дѣлва.

Малы чадъ стѣ злобазнѣ легкѣ проступки називають ожертеланнымъ грѣшанимъ какъ часто молодья дѣвушки, отъ недостатка осторожности и стромности, подвергаютъ клеветѣ свое доброе имя.

XII

Покуда Роза и Томасъ плели себя вънокъ. Итъ, весеннихъ цѣлв товъ, наступилъ 1830 годъ, и всѣ войска прѣменно распустали. Оба

брата Лопеца получили отъ него, вѣроятно, рѣзкую сторону, и желая лѣзть нечаянно посреди своего семейства, не увѣдомляли объ этомъ никого. Мысль Лоренцо исключать не въ одной только нечаянной радости своихъ родныхъ, но онъ желалъ скрыть свой прїездъ больше для того, чтобъ не дать времени утратить отъ себя, еслибъ что-нибудь необыкновенное случилось во время его отсутствія.

Было воскресенье. Вечеръ клонился къ концу и уступалъ мѣсто ночнымъ тѣнямъ. Солнце уходило въ свое ночное убѣжище, какъ будто увлекаемое тяжестью своего вѣнца изъ золотыхъ лучей. Вѣтеръ носилъ въ отъ холоднаго дыханія ночи. Пронзительный крикъ ласточекъ замолкъ — онъ утѣхъ на мѣста. Одна робкая сова, избѣгающая свѣта, стонала, какъ стонетъ паря въ пустынѣ о бѣдствіяхъ своей касты. Безстрастные волны морскія покошались на прибрежьи; ихъ громкій голосъ превращался въ глухой и одинообразный гулъ лесной тишины; а птицы, перелетывая по воздуху одна на одну, какъ еслибъ робко и жалко, назвали приключенія касты въ покой.

Два маленькія мальчика шли гверыми въ лопкатахъ, шестеро по дороге въ Сан-Люкара въ Роту. Съ каждой минутой дождь изъ раздался, какъ будто предметы, встрѣчаемые на пути, издавали и кричали имъ: «Идите!»

— Я жалѣю, сказалъ старшій, что мы не предупредили Долоресъ; она, бѣдная, не такъ сотворена, чтобъ переносить такіа потрясенія.

— А я такъ въ жалѣю, отвѣчалъ младшій; радость можетъ допресечь и такими образомъ я думалъ задать, что дѣлаетъ Долоресъ!

— Замолчи, Лоренцо, замолчи; твоя недовѣрчивость дѣлаетъ тебя недостойнымъ такого секретства, какъ Долоресъ.

— Эстебанъ, ты знаешь пословицу: «доброму не вѣрь, а злому берись». Долоресъ противъ моего желанія поступила въ услуженіе къ донѣ Браудіи; а зачѣмъ она такъ сдѣлала, я не знаю. Стало бытъ у ней есть причина, да она не хотѣла мнѣ сказать. Она ушла изъ нашего дома. Та подкова непрочна, у которой пододаетъ оловяно вкола. Зачѣмъ идти въ чужой домъ, когда она могла жить у ма тушки? Перебиралъ всѣ мои сомнѣнія, одно по одному, и наконецъ убѣждаться, что червячекъ завелся подъ скорлупкой.

— Типунъ бы тебѣ на языкъ! Бѣдная Долоресъ! такъ-то ты думаешь объ ней? Какъ она будетъ несчастна! Положимъ, что она поступила въ услуженіе; надо знать, мой другъ, въ какой домъ? Ко вдовѣ, донѣ Браудіи, у которой никого нѣтъ, прощѣ фододевой дочери, такой же скромной и невинной, какъ св. Моника.

— Я не говорю ничего о вдовѣ; но знаетъ ли она, что дѣлается у ней въ домѣ?

— Братъ, сказалъ Эстеваъ: — перестань говорить, лишь говори только одно хорошее; мы разговариваемъ о такихъ вещахъ, которые нѣтъ даже было. А хорошо было бы, еслибы Долоресъ въ наказание за твое дурное мѣшье, отказалась отъ тебя.

— Не говори этого, братъ, даже и въ шутку. Шутка причинитъ несчастье.

Была ночь, когда они вошли въ селеніе.

— Пройдемъ мимо дома вдовы, сказалъ Лоренцо.

— Другъ мой, ты сходишь послѣ; пойдемъ домой; прежде роженое не бываетъ и кумоустанъ.

— Братъ, сказалъ Лоренцо, поворачивая назадъ: — намъ только два шага лишннихъ.

Эстеваъ колебался; но чтобы не думать одному въ отцовскій домъ, онъ подошелъ за братомъ въ некоторомъ разстояніи.

Тотъ подошелъ къ дому. У послѣдняго окна онъ задремалъ на лѣвѣ, облокотившагся на рѣшетку. Ночь была темная; человѣкъ стоялъ къ нему спиной; Лоренцо могъ видѣть только то, что онъ молодъ и высокъ.

При этомъ зрѣніи глаза его расширились, облако закрыло взоръ его, все тѣло задрожало какъ трясется земля, когда горячая лава ищетъ себѣ выхода. Онъ подходилъ тихо, чтобы шумъ шаговъ его не обеспокоилъ и не прервалъ разговоръ человѣка, стоящаго у рѣшетки.

— Эстеваъ зналъ что-нибудь! пробормоталъ Лоренцо, сжавъ счастые зубы.

— И такъ, говорилъ человекъ голосомъ, который казался, какъ боился быть подслушаннымъ: — ты всегда будешь любить меня?

— Вѣрно, прошепталъ пріятный и веселый голосъ женщины.

— И ты выйдешь за меня замужъ?

— Непременно; это рѣшено.

— Даже если будутъ противиться?

— Если даже будетъ противиться король и все его войско, подъ предводительствомъ отца Ноласко.

— Господи, помилуй меня!.. я умираю! закричалъ молодой человекъ, падая какъ трупъ на землю.

— Это я! сказалъ Лоренцо гробовымъ и гнѣвнымъ голосомъ; посмотримъ, какъ вы женитесь безъ вмѣшательства того, кто имѣетъ право противиться вашему браку.

— Лоренцо! братъ мой, это ты! сказалъ раненый, кроткимъ голосомъ, узнавши своего убійцу.

— Боже мой! кто называетъ тебя по имени? вскричалъ испуганный и трепещущій Лоренцо.

— Я! — Темиэль! — Неужели ты не узнаешь меня?

— Ты!.. Ты!.. пробормоталъ Лоренцо сквозь зубы:

И бросившись къ раненому, онъ съ ужасомъ узналъ молодое, прекрасное лицо брата Долореси. Станави на ноги, онъ медленными руками къ небу въ страшномъ отчаяніи вскричалъ:

— О я, проклятый!

— Нѣтъ, нѣтъ, сказать раненый слабымъ голосомъ: — Богъ проститъ тебя, какъ я прощаю.

И бѣдный злодей челою упалъ безъ чувствъ.

— Братъ, уйди, спасайся! сказалъ Эстебанъ, который, несмотря на свои страданія и опасенія, сохранялъ все присутствіе духа.

На крикъ Розы всѣ сбѣжались.

— Уйди, говорилъ братъ: — я позабочусь о несчастномъ; можетъ-быть, по милости Божіей, онъ останется живъ; спасайся, и не убей съ горести отца и мать.

Лоренцо оставался на мѣстѣ и билъ себя кулаками въ голову; но братъ толкнулъ его въ переулокъ.

Лоренцо исчезъ въ темнотѣ.

Много уми народу собралось, когда Эстебану пришло въ голову, что если онъ придетъ одинъ въ домъ отца, то возбудитъ его подозрѣніе. Онъ рѣшился идти отыскивать брата, который имѣлъ нужду въ помощи и утѣшеніи. Онъ заглянулъ въ толпу пришедшихъ; но уже невозможно было скрыться такъ, чтобы его не заметили.

Напрасно избѣгалъ онъ всѣ окрестности — онъ не отыскалъ Лоренцо. Онъ пошелъ въ Сан-Лукаръ; и продолжалъ свои поиски, на другой день; но онъ не зналъ, что въ нинѣ слѣдуетъ, и приходилъ въ таверны, куда онъ входилъ послушать, не говоритъ ли чего о его братѣ, или о раненомъ, — его схватили и арестовали.

XIV

Долоресъ проводила всѣ воскресные вечера у Лопесовъ; а со времени возвращенія Томаса, посвящала эти часы, наслушенія которыхъ ожидала еще съ бѣлшимъ нетерпѣніемъ; брату, и проводила ихъ вмѣстѣ съ нимъ въ своемъ старомъ жилищѣ. Томасъ, вышедши на берегъ, прямо приходилъ туда, гдѣ жила мать, но Лопесы, любившіе его какъ сына, и слышать не хотѣли, чтобы онъ жилъ не съ ними вмѣстѣ.

Братъ и сестра провели вечеръ по обыкновенію. Долоресь говорила о своей бѣдной матери, а Томась, чтобы развлечь ее, рассказывалъ о своихъ путешествіяхъ, о своихъ удачахъ и неудачахъ.

— Все это очень хорошо, Монтевидео, возражала на все его рассказы о. Ноласко, — но было бы гораздо лучше, еслибъ ты избѣгалъ всякихъ злыхъ, противныхъ случайностей. Ты былъ бы гораздо покойнѣе и счастливѣе, еслибъ остался пасти свиней у ма Филъ Пьянчеста.

— Отецъ Ноласко, говорилъ Томасъ, видите видите облака?

— Вижу. Что же изъ этого?

— Велите мнѣ стоять на мѣстѣ — вы увидите, сдѣлаютъ ли они это?

— Прекрасное сравненіе! У нихъ есть вѣрный путеводаитель, который управляетъ ими.

— Ну, отецъ, и какой же онъ путеводаитель, который не дастъ мнѣ сдѣлать на мѣстѣ.

— Скажи мнѣ! Ты съ своимъ моремъ — тоже что бабочка съ огнемъ: ты тогда только замолчишь, когда море поглотитъ тебя!

— Прощай, Долоресь, сказала Томась подъ конецъ вечера.

— Ты уми уходишь? спросила она печально.

— У меня есть дѣло, отвѣчала онъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Ему не сидится никакойно, сказалъ о. Ноласко.

— Томась, Томась! сказала сестра, догадываясь куда онъ идетъ: — ты не слушаешь моихъ совѣтовъ?

— Престань, отвѣчала братъ со смѣхомъ: — ты хочешь быть вторымъ томомъ отца Ноласко. Послушай, я тоже хочу дать тебѣ совѣтъ, черезъ эту ибсеку:

Пусть дождь идетъ изъ облаковъ,

Пусть солнце свѣтитъ въ непогоду;

Пусть льются слезы стариковъ,

Пусть любить юноши свободу.

— Еслибъ я была королевой и имѣла бы дочь, я не задумалась бы отдать ее замужъ за него, сказала Долоресь, провожая брата глазами.

— Какъ онъ сталъ хорошъ! отвѣчала тетя Мельхіора: — я смотрю не внасмотрюсь на него.

— Онъ сохранилъ свой прежній характеръ: все тотъ же умъ, та же находчивость, та же веселость, та же откровенность, прибавила къ ихъ похваламъ Катерина.

— Правда, сказалъ о. Ноласко: — онъ былъ бы малой совершенный, еслибъ былъ не такъ упрямъ.

Въ то время какъ происходила ошесанная нами катастрофа, Долоресъ собиралась возвратиться къ хозяйкѣ; вдругъ во цѣлой деревнѣ пронеслось страшное слово: раненый!

Когда это зловѣщее слово распространяется по небольшому селенію, то дѣйствіе его бываетъ гораздо сильнѣе и возмутительнѣе: пѣсни, игры, смѣхъ прекращаются въ одну минуту, мрачное молчаніе заступаетъ ихъ мѣсто; потомъ слышатся восклицанія горести и ужаса; изъ всѣхъ домовъ выходятъ блѣдныя, испуганныя женщины; поправляя наскоро свою одежду, онѣ спѣшатъ скорѣе прибѣжать на роковое мѣсто; всѣ съ сердечнымъ томленіемъ шепчутъ слова: «мой мужъ, мой сынъ, мой братъ!» Сколько разъ случалось видѣть, что во время ссоры, женщины очень рѣшительно бросались между дерущимися, не боясь ни брани, ни ударовъ. Это доказываетъ, что идеализмъ гораздо совершеннѣе и чаще въ природѣ, нежели въ романтическихъ созданіяхъ воображенія; потому что идеаль чувства находится въ сердцахъ, а не въ головахъ.

— Это Томасъ, Томасъ, сынъ бѣдной тетки Томазини! говорили нѣсколько женщинъ, прохода по улицѣ.

— Что онѣ говорятъ? спросила Долоресъ, слухъ которой поразили имена матери и брата; — что онѣ сказали? и упала на стулъ, не въ силахъ будучи держаться на ногахъ.

Катерина выбѣжала на улицу, и бѣжала что есть духу вслѣдъ за женщинами, прошедшими мимо дома.

— Я ничего не поняла, отвѣчала тетка Мельхіора, которая стояла подлѣ Долоресъ ни жива, ни мертва, хотя и слышала мимоходомъ тѣ же имена.

Отецъ Ноласко ничего не слышалъ, а дядя Матео былъ на дворѣ.

Въ это время тихо и молча прошли нѣсколько мужчинъ, неся раненаго на лѣстницѣ, вмѣсто носилокъ. Онъ лежалъ безъ чувствъ, весь бѣлый, какъ цвѣтокъ жасмина, упавшій съ стебелька; онъ, казалось, заснулъ безъ горя и безъ гнѣва.

— Братъ! вскрикнула Долоресъ задыхающимъ голосомъ, скрестивши на груди руки съ судорожнымъ движеніемъ.

— Боже мой! Томасъ! сказалъ съ отчаяніемъ дядя Матео: — кто тотъ злодѣй, который поднялъ руку на невиннаго?

— Никто не знаетъ, отвѣчали мужчины.

— Томасъ, сынъ мой, ты не слышишь меня! сказалъ о. Ноласко, взявши безжизненные руки молодого человѣка. — Не умеръ ли онъ? и дотронулся до лица раненаго. Нѣтъ! бѣгите скорѣй за сельдшеромъ.

— Идетъ! отвѣчалъ кто-то.

Томаса положили на бывшую постель Лоренцо.

Хирургъ пришолъ, осмотрѣлъ рану, перевязалъ ее, дамъ прѣпис-
тельнаго лекарства и ухода, сказалъ отцу Ноласко :

— Какъ только онъ опаматуется, то причастиве его ; онъ не пе-
решиветъ этой ночи.

О. Ноласко сѣлъ у изголовья раненаго, который черезъ минуту
открылъ глаза и спросилъ :

— Гдѣ я ?

— У меня, у меня, сказала дебраи старушка, — на постели моего
Лоренцо.

— Снимите меня, снимите меня съ этой постели! сказалъ ране-
ный одушевленнымъ голосомъ, выражавшимъ ужась.

— Зачѣмъ же, сынъ мой ?

— Затѣмъ, что если я умру здѣсь, Лоренцо не захочетъ лечь въ
эту постель.

— Ты выздоровѣешь на ней, сынъ мой, отвѣчала тетка Мель-
хиора.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ бѣдный юноша, — я умираю ; видите
ли, отецъ мой, сказалъ онъ съ кроткой улыбкой, обращаясь къ от-
цу Ноласко, — что смерть ждала меня не на морѣ !

— Тѣмъ лучше для тебя: ты умрешь какъ праведникъ, окружен-
ный всѣми, кто тебя любитъ ; и я здѣсь, я приобщу тебя святыхъ
таинъ.

Алькадъ пришолъ взять показаніе съ раненаго. Томасъ отвѣчалъ,
что должно быть его ранили по ошибкѣ, какъ онъ могъ заключить
изъ словъ незнакомаго ему убійцы. И ктобъ онъ ни былъ, онъ его
прощаетъ.

Всѣ присутствующіе скоро ушли и оставили его одного съ о. Но-
ласко, чтобъ дать ему время пргготовиться къ причастію.

По окончаніи исповѣди, когда монахъ спросилъ у Томаса, не
осталось ли у него чего-нибудь на совѣсти, бѣдный юноша отвѣ-
чалъ :

— Да, отецъ мой, сейчасъ я немного солгалъ.

— Какъ это, сынъ мой, немного, сейчасъ ?

— Да, отвѣчалъ умирающій, — я отвѣчалъ алькаду, что не знаю
своего убійцу.

— А ты знаешь его ?

— Подъ тайной исповѣди, говорю вамъ, что знаю !

— Ктожъ онъ такой ?

— Этого я не скажу вамъ, отецъ мой, и совѣтъ не упрекаетъ
меня въ томъ, что я скрываю его имя.

Въ эту минуту кровь въ огромномъ количествѣ показалаь изъ
горла несчастнаго и посреди волненія, которое произошло по этому

случай, Долоресъ: выпрлалась изъ толпы женщинъ, ускорившихъ ее вдали отъ брата. Она, съ блуждающими глазами, блѣдная, какъ мраморная надмогильная статуя, ворвалась въ комнату.

— Бѣдная Долоресъ! сказала умирающій, ослабѣвшій и прерывавшійся голосомъ, и дѣвочка выпрлалась изъ потугающихъ, но все еще прекрасныхъ, борящихся съ жизнью, глазъ его.

— Ему нуженъ покой; уйди, сказала о. Ноласко, передавая съ себя на руки женщины, послѣдникъ вашей. — Уйди, ты сому ублажи его душу. И подошла опять къ умирающему: — Думай объ одномъ голыне Бога, отца твоего, призывающемъ тебя.

— Я объ немъ одномъ и буду думать, отвѣтила Томасъ, поднимая глаза къ небу.

— Теперь, сынъ мой, внеси сердце твое къ милосердому Господу, предъ котораго ты скоро предстанешь, и умри съ миромъ. Я буду охранять душу твою, какъ бы ты былъ мой собственный сынъ.

Томасъ тихо лежалъ руну добраго монаха, улыбнулся, закрылъ глаза, и не раскрывалъ ихъ болѣе.

Сначала шопотомъ, потомъ вслухъ, и наконецъ, среди женщинъ и рыдающаго, страшное слово: конь умеръ! переходило громко изъ устъ въ уста.

— О горе, горе! кричали женщины. — Колокола сами собою будутъ звонить. Какое безчеловѣчье — лишитъ жизнь невиннаго, никогда не оскорбившаго, даже мысленно!

— И онъ простилъ, говорили другія со слезами. — Это былъ ангелъ; онъ умеръ такъ какъ жилъ, не сдѣлавши никому зла. Это смерть Авеля!

Долоресъ казалась совсѣмъ уничтоженною: глаза ея плакали, губы не жаловались, только судорожныя движенія, время отъ времени, доказывали, что она жива еще. Добрыя женщины положили ей на сердце лоскутокъ краснаго сукна, вспрыскивали лицо холодной водой; но безчувственное состоянiе упорно продолжалось. Вдругъ она вскочила, подошла къ шкапу, который тетка Мелхіора опредѣлила для ея вещей, вынула оттуда всѣ выработанныя деньги, которыя она откладывала и берегла себѣ на приданое, и отдавала ихъ доброй старушкѣ, сказала едва слышнымъ голосомъ:

— На покупку гроба, тетка Мелхіора, и за обѣдню: я хочу, чтобъ у него былъ приличный гробъ и чтобъ молились за него.

Сказавши это, она простонала, и упала какъ мертвая на полъ.

XV

Эстевава препроводили въ Бельвиль, гдѣ она должна была быть судима по своимъ убійствамъ.

Она твердо и спокойно выдержала допросы, при которыхъ говорилось одно и то же, — что не она виновница совершеннаго преступленія. Сидешица дрянь Браулин, который пришелъ первыи на мѣсто убійства, показалъ, что она узнала его и разговаривала съ нимъ; она не отвергала истины этого показанія, но не признала въ преступленіи. Ему возразили, что такъ какъ она находилась на томъ мѣстѣ, въ самое то время, какъ совершилось убійство, то она непременно должна была видѣть убійцу; она твердо стояла въ томъ, что ничего не знала и не видѣла, что еще болѣе увеличивало подозрѣніе судей. Его побѣгъ изъ Роты въ послѣднѣе время мѣсяца, тогда какъ она говорила, что именно и жила въ Роту; безсмысленность и неслыханность, съ которой она обижала всѣхъ камеръ въ Сандларъ, приключившаяся къ разговорамъ распрѣи о положеніи ранковаго, санітарнаго и нервнаго отбѣты на нѣкоторые вопросы, — все это, взятое вмѣстѣ, такъ ясно свидѣтельствовало, что она была виновница убійства; что при единственномъ произшествіи ея смертной приговору.

Эстевавъ выслушалъ этотъ приговоръ равнодушно. Ничего сама не дѣлая, насмѣшливая смерть должна была не такъ ужасна, когда она составляетъ жертву, а не наказаніе за преступленіе.

Въ ту минуту, какъ приговоренная хотѣла вывести изъ камеры совѣта, отъ толпы отдѣлился молодой человѣкъ и твердымъ шагомъ подошелъ къ судьямъ. Синеватая блѣдность его изразительнаго лица, казалась; не была мгновеннымъ признакомъ душевнаго влеченія. Можно было подумать, что таковъ природный цвѣтъ его лица, а всѣ черты котораго показывали совершенное отсутствіе жизни, кромѣ черныхъ глазъ, въ которыхъ свѣтлела мрачная оговь.

— Этотъ человѣкъ несмотря на то, что онъ твердымъ и самоувереннымъ обращеніемъ къ собратію:

— Почему ты знаешь это, въ чемъ докажешь?

— Представь вамъ виновнаго:

— Когда?

— Сію минуту.

— Укажи его.

— Она зѣвотъ.

— Кто же онъ?

— Я.

— Ты?

— Я самъ обвиняю и предаю себя.

На минуту возвырился глубокой мечтателемъ.

— Братъ! вскричалъ наконецъ Эстеванъ: — не бойсь, слышишь?

— А ты думалъ, отвѣчалъ тотъ, — что я дамъ тебѣ умереть? Ты считаешь меня подлецомъ? Я знаю, что я некогда не былъ добрымъ; а всегда лгалъ въ сердцѣ своемъ какому-то праву; который рано или поздно долженъ былъ меня погубить; на это возманишь, что я способенъ быть подлецомъ и могу дать умереть за себя женщину. Я хотѣлъ освободить тебя изъ тюрьмы, и не могъ, потому что ничто хорошее не удается тому, кого оставила руна божія. Пусть же законъ накажетъ виновнаго и пусть совершится надо мною правосудіе суда. Поднимающій мечъ на ближняго своего, нечестъ и погибнетъ. Прощай! Утѣшай родителей нашихъ; и простите меня жѣ.

Послѣ этого печальнаго происшествія, совѣты закрыли присутствіе; Доренце отнесъ въ тюрьму, а Эстевана отпустили на свободу. Но онъ, какъ порожненный громомъ, остался на мѣстѣ безъ движенія, безъ воли и безъ словъ. Онъ понунолствовалъ, какъ что-то оцѣплено потянуло его за руку и увлекло за собою съ этого роженища мѣста. Безъ малѣйшаго сопротивленія онъ позволилъ вести себя въ какой-то домъ, гдѣ тотчасъ же заперли двери, лишь только онъ вошелъ туда.

— Ободрись! сказали ему, подавая стаканъ вина: — твои друзья желаютъ этого.

Эстеванъ поднималъ глаза, и первый разъ изглазнулъ на того, кому онъ позволялъ увести себя.

— Это вы! вскричалъ онъ въ восторгѣ.

Друзья берогутся для случая, отвѣчалъ ему собосвѣдникъ, который былъ не другой кто, какъ нѣкъ старейшій жемецъ, карабинеръ.

— И ты потовѣ былъ умереть! сказалъ приближенный Пепы, видя Эстевана со связками.

— Неужели надо было довести на брата? отвѣчалъ онъ.

Скоже минуту, сказавъ карабинеру, садясь на каровое судно и отправляясь въ Сан-Люкаръ, а оттуда въ Рету; ожидая будешь цѣлѣе, когда глаза не будутъ слѣпы.

— Извините меня, отвѣчалъ Эстеванъ, возвратившійся въ свою бодрость: — а хочу остаться съ братомъ.

Пепы и мужъ ея напрасно старались отаратить его отъ этого намеренія.

Карабинеръ пошелъ съ нимъ вмѣстѣ; но когда они пришли въ

торьму; къ нимъ вышелъ наострѣчу оендеръ, тотъ самый, который защищалъ Эстеваиа и который какъ-будто ожидалъ нѣкъ по-свѣщенія:

— Преступникъ поручилъ мнѣ выйти къ вамъ наострѣчу и сказать, что онъ не желаетъ васъ видѣть. Не новому, чтобъ у него недоставало мужества — онъ покоренъ и покоренъ судьбѣ; и не потому, чтобъ онъ не любилъ васъ, но именно изъ любви и участія въ немъ; онъ хочетъ избавить васъ отъ той горести, которую вы поистинѣ должны будете испытать при свиданіи съ нимъ, тѣмъ болѣе, что ваша горестъ не будетъ скорогечна, какъ его собственная. Онъ сказалъ мнѣ, что если воли умирающаго священна, то вы должны увѣжить ее: увѣжайте сію же минуту; поспѣшайте утѣшить родителей, и доставьте ему черезъ это послѣднее утѣшеніе. Когда вы ирѣдете домой, распечатайте это писъмъ: это его послѣднее сообщеніе съ міромъ; и съ тѣхъ поръ, какъ онъ продолговалъ мнѣ его, онъ ни о чемъ не думаетъ кромѣ вѣчности, которой никогда не кажется намъ такъ несобятна, какъ въ минуту смерти. Не приходите въ отчаяніе; вѣрьте, что если возможно что-нибудь для него сдѣлать, то будетъ сдѣлано.

При этихъ словахъ несчастный Эстеваиа вынулъ изъ ту же безчувственность.

«Добросердечный карабинеръ, не говори ни слова, узналъ съ собою Эстеваиа.

— Ободришь, ободришь, говорилъ онъ: — наде стать лицомъ къ лицу съ несчастіемъ. Ступай домой; чѣ ты будешь вдѣо дѣлать?

Говоря такимъ образомъ, онъ притащилъ его къ рѣкѣ, гдѣ уже стояла лодка, готовая къ отплытію въ Сан-Люкаръ. Онъ посадилъ его, заплатилъ за перевозъ, поручилъ его знакомому моряку и вернулся домой тогда только, когда судно отплыло.

Какое перо можетъ описать сцены отчаянія и слѣдующія одна за другой, въ томъ домѣ, гдѣ прежде жило столько радости и счастья, въ семействѣ Лопецова, когда они узнали все, что переживалъ нѣкъ Эстеваиа? Кто можетъ описать эту глубокую, нескончаемую скорестъ? Все, что бы ни на сказали, будетъ гораздо слабѣе дѣйствительности, такъ точно, какъ живописецъ, изображая опору впаду, не можетъ дать теплоты одному движенію другой.

Наконецъ онъ Ноласно сталъ читать писъмо Лоренцо. Онъ писалъ слѣдующее:

«Никогда прощеніе не испрашивается напрасно у Бога и у отца, Я спросилъ прощенія у Бога: также точно прошу и у васъ, который я такъ худо занялъ за любовь во мнѣ. Не плачьте о судьбѣ моей: я понимаю те, чѣ несвалъ, и съ покорностью смотрю на

вспоминаніе, какъ та исполненіе приѣда. Богу же направитъ тебя, братъ мой, за твою преданность ко мнѣ. Еслибы я остался живъ, а ты знакъ благодарности, цѣловалъ бы землю, гдѣ ступала нога твоя.

— «Есть одно дѣло, которое ты долженъ совершить, если хочешь, чтобы я умеръ покойно. Будь покровителемъ и опорою блудной дѣвочки, которой я доставилъ несчастье; женись на ней; сдѣлай жизнь ея пріятною на столѣцкѣ, на сколько я отразилъ ее. Дайте другъ другу слезу, при чтеніи моего письма, которое я получитъ это слово, вмѣсто того, кто долженъ умереть; и мысль, что вы исполните мое желаніе, есть единственное утѣшеніе, которое я уповаю изъ земной жизни.

— «Простите меня и поручите душу мою Богу, утѣшаемого всѣмъ.»

По окончаніи письма, во время чтенія, котораго слышались стоны и предвзвѣстныя слезы, Эстебанъ подошелъ къ постели, на которой лежала несчастная Долоресъ, какъ безжизненный трупъ.

— Долоресъ, сказала онъ ей: — послѣдняя воля брата омащенна: ты не можешь имѣть другого мужа, кромѣ меня, и не можешь имѣть другой жизни, кромѣ тебя. Онъ вѣритъ, что мы исполнимъ его послѣднее желаніе, а мы не должны измѣнять ему.

Долоресъ молчала и продолжала рыдать.

— Если ты не согласишься, съ грустью продолжалъ Эстебанъ: — ты доказываешь тѣмъ, что не любишь брата, пренебрегаешь мною и не уважаешь наше семейство. Общай, Долоресъ, время дороге.

— Общай, отвѣчала Долоресъ, со стономъ, исполнить то, что онъ хочетъ и чего ты требуешь.

XVI

Эта агонія продолжалась шесть дней. Блудная мать была въ безпрерывно-судорожномъ состояніи; отецъ вдругъ постарѣлъ и тѣмъ еще, до снѣжъ цоръ приливъ и крѣпкое, согнулось какъ дерево, сложенное бурей. Жизнь Долоресъ была въ опасности. Катерина потеряла силы, чтобы, не часть совершенно седьмъ тяжестью гора, къ любви матерней; Эстебанъ не высказывала всей своей грусти, чтобы не увеличить страданія семейства. Одинъ ю. Нолазона была женщина, теперь еще была проводникомъ тѣмъ добрыхъ людей, которые прежде помогали ему. Онъ за всѣми ухаживалъ, всѣхъ уговаривалъ самыми убедительными доводами, полагаясь на доброту испытаніемъ; указывая имъ на волю божію и на пріимчивость Матери божіей. Иногда онъ читалъ молитвы вслухъ; этого знаменитый и любимый голосъ, среди мертвой тишины, доходилъ

до сердца слушателей; и какъ-будто волшебной силой, наделенъ былъ то утѣшеніемъ, то воспоминаніемъ, то надеждой, охватывающае къ каѣмъ-нибудь узламъ, связывающимъ живыхъ съ мертвыми; жизнь здѣшнюю съ жизнью будущей.

Собѣданъ, который прерываетъ ходомъ прислуживать, несчастному семейству, ждалъ однажды выхода доктора.

— Никакое, предвѣщающее вамъ лекарство, сказали онъ, не помогаетъ бѣдной матери; нечего ободывать себя надеждой, она скоро умретъ.

— Отецъ безпокоитъ меня больше, отвѣчалъ докторъ: — не смотрите на его наружное спокойствіе.

— А Долоресъ? Не нужно ли причастить ее?

— Нѣтъ, погодите, она молода; еще можно помочь; кризисъ можетъ спасти ее.

Въ эту минуту дверь съ шумомъ растворилась и карабинеръ, задыхаясь отъ усталости, весь въ пыли, ворвался въ комнату, крича изъ всей силы:

— Друзья, есть Богъ, есть и милосердіе! Помилованъ! помилованъ!

Больше онъ ничего не сказалъ, и не могъ сказать; но было бесполезно и говорить больше, чтобъ возвратить къ жизни всѣхъ умирающихъ.

Эстебанъ внѣ себя бросился къ карабинеру.

— Что ты говоришь? Помилованъ!

— Помиловать!

— Мой сынъ? вскричала мать, вскочивши съ постели, на которой лежала.

— Лоренцо.

— Судомъ? спросилъ отецъ, вставая и выпрямляясь, какъ молодой человекъ.

— Какъ судомъ? Королевой! Да здравствуетъ королева! да здравствуетъ Изабелла! кричалъ карабинеръ, поднимая вверхъ каску.

— Онъ не умретъ? прошепталъ слабый голосъ Долоресъ.

— Когда угодно будетъ Богу, но не прежде, отвѣчалъ карабинеръ.

Сцену, которая затѣмъ послѣдовала, мудрено описать, потому что сами дѣйствующія лица не сохранили ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, что происходило. Мать узнала безъ чувствъ на руки мужа Эстебанъ и Катерина поддерживали грудь, которую составляли въ родители; Долоресъ отыскала довольно силы, чтобъ сидѣть на постели, скрестивши руки и горячо молиться,

благодарственною молитвою; добрыя сосѣдки плакали навзрыдъ; карабинеръ безпрестанно дотрогивался рукою до усовъ, чтобы стереть упавшую на нихъ слезу; одинъ о. Ноласко былъ безстрастенъ.

— Видите, дѣти мои, сказалъ онъ: — Богъ посылаетъ огорченія, но не поражаетъ ударомъ. Я говорилъ вамъ: будьте некорывы. Надежда — послѣднее благо, которое отъ насъ исчезаетъ; и если надежды земныя обманчивы, зато надежды на жизнь вѣчную неизмѣнны. Потому-то божественная премудрость сдѣлала надежду добродѣтелью и заповѣдала всѣмъ тварямъ сохранять ее въ сердцѣ своемъ, чтобы предохранить себя отъ паденія подъ бременемъ отчаянiя. Сердце, которое отчаявается, не есть сердце христіанина.

— О милосердіе! пусть по внушенію твоему рука, нѣбующая властью миловать, беретъ почаще перо, если не изъ состраданія къ виновному, то изъ жалости къ невинному семейству, не участвовавшему въ его преступленіи!

Странное происшествіе, случившееся въ военномъ совѣтѣ, возбуждало всеобщее любопытство и участіе, особенно участіе офицеровъ, бывшихъ свидѣтелями сцены братской любви и чести. Благородная простота обращенія и языка людей, которыхъ называютъ необразованными, тронула ихъ. Лица, загорѣвшія отъ солнца, руки, окрѣпшія отъ владѣнія мечемъ, не мѣшаютъ сердцамъ быть чувствительными и великодушными, и еще гораздо въ большей степени, нежели способны на то сердца людей высшаго круга, которыя иногда расчувствуются отъ одного разговора.

Нѣкоторые знаменитыя лица присоединились къ числу сочувствующихъ, и подали королевѣ просьбу.

— Онъ свободенъ, онъ придетъ сюда? спросила мать, послѣ того какъ первое волненіе утишилось.

— Еслибъ это зависѣло отъ королевы, онъ пришолъ бы... Друзья мои, да здравствуетъ королева! сказала карабинеръ.

— Богъ да благословитъ королеву! воскликнули всѣ, въ восторгѣ благодарности.

— Еслибъ это зависѣло отъ королевы, онъ пришолъ бы, прервалъ карабинеръ; но королева не можетъ сдѣлать ничего больше, какъ даровать жизнь; есть еще другія наказанія.

— Сырка? вскричала несчастная мать.

— Да, такъ и должно быть, отвѣчалъ карабинеръ. Кто дѣлаетъ зло, тотъ долженъ и поплатиться за него, хенка Мольхиора.

— Не Томасъ престоилъ его, Томасъ, этотъ проткій ангелъ, который умеръ какъ Аваль!

— Это обстоятельство говорить въ его пользу; но этого недостаточно.

Мать начала горько плакать.

— Мельхиора, не оскорбляй Бога, сказалъ дядя Матео, стань котораго опять согнулся, голова опять опустилась на грудь.

— Я думала, что онъ свободенъ, говорила мать рыдая.

— Ваччѣмъ оболыцать себя подобными надеждами, жена? Преступленіе его считается однимъ изъ самыхъ важныхъ, наказаніе непременно должно послѣдовать, отвѣчалъ достойный старикъ.

— Куда же отослать его, сонворъ Кануто? спросила бѣдная мать.

— На Маріанскіе острова.

— На сколько времени?

— Незвѣстно, отвѣчалъ карабинеръ, который зналъ очень хорошо, что на всю жизнь.

Бѣдный дядя Матео пошелъ его.

Между тѣмъ Долоресъ подовала съ своей востела Эстевана и говорила ему:

— Эстеванъ, такъ какъ Лоренцо, благодаря милосердію божьему и человѣческому, остался въ живыхъ, то это освобождаетъ насъ отъ обѣта, даннаго покойнику. Покуда Лоренцо будетъ жить, до тѣхъ поръ я не буду женой другого.

— И я также думаю, отвѣчалъ Эстеванъ; я очень люблю тебя, столько же, какъ сестру Катерину; но всегда смотрѣлъ на тебя, какъ на жену Лоренцо. Жениться при жизни его было бы стыдно и безчестно. Ты останешься съ нами, Долоресъ; у меня есть добрыя руки, чтобъ прокормить сестру. Ктому же, я дважды тебѣ братъ: одинъ разъ по Лоренцо, другой по Томасу.

Долоресъ заплакала.

— Послушай, сказалъ отецъ Ноласко, когда Эстеванъ вышелъ: — Роза поручила мнѣ сказать тебѣ, что она не навѣщаетъ тебя потому, что не хочетъ ни переступить черезъ порогъ этого дома, ни видѣть кого бы то ни было изъ семейства Лоренцо. Я старался доказать ей, что она дурно дѣлаетъ, но ничѣмъ не могъ убѣдить ее, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Еще она поручила мнѣ сказать тебѣ, что покуда она жива, ты должна жить вмѣстѣ съ нею. Теперь ты все знаешь.

Роза, также какъ и Долоресъ, перешла отъ дѣтства къ юности слезнымъ путемъ; свѣжій румянецъ и веселая улыбка, украшавшіе ея личико, пропали навсегда. Ея рѣзвая веселость исчезла какъ свѣтъ отъ набѣжавшаго вихря; она ужъ не вызывала больше вниманія отца Ноласко на портретъ дяди; она не противорѣчила боль-

ше матеря своимъ рѣшительнѣе возраженіемъ. Она повела жизнь строгую, ходила въ церковь, посѣщала больныхъ и занималась кезвйствомъ.

5 сентября, въ день годовщины по покойникѣ, старшій священникъ, въ монастырѣ, на берегу морскомъ, медленно сужилъ заупокойную общаю. Двѣ женщины, оказавшая между собою тѣсною дружбой, пришли вмѣстѣ въ церковь: одна изъ нихъ была молода, хорошо одѣта, съ замѣчательнѣе, но не пострадавшимъ отъ болѣзни лицомъ; замѣтно было, что она обрекла себѣ на жизнь строгую и полезную. Другая была тоже молодая, въ черномъ платьѣ, блѣдная, изнуренная и худая; казалось, она приближалась къ концу своихъ страданій и испытаній. Первая была Роза, другая Дolorесъ.

Когда онѣ идутъ вмѣстѣ, всѣ говорятъ съ чувствомъ сердечнаго уславленія:

— Какая произошла перемена въ Розѣ, дочери донна Браунита! Она сдѣлалась степенной женщиной, какъ и должно быть. — Еще съ болѣзней учащенно прибавляютъ: — Дolorесъ, дочь тети Томмазы, склоняется какъ луна къ западу; она такъ исхудала, что почти не имѣетъ на лѣтѣ, чтобъ перекреститься; она носитъ въ груди маршало сердце; она и родилась для однихъ страданій.

— **Блѣдная Дolorесъ!**

— Дolorесъ, дочь тети Томмазы, склоняется какъ луна къ западу; она такъ исхудала, что почти не имѣетъ на лѣтѣ, чтобъ перекреститься; она носитъ въ груди маршало сердце; она и родилась для однихъ страданій.

— **Блѣдная Дolorесъ!**

— Дolorесъ, дочь тети Томмазы, склоняется какъ луна къ западу; она такъ исхудала, что почти не имѣетъ на лѣтѣ, чтобъ перекреститься; она носитъ въ груди маршало сердце; она и родилась для однихъ страданій.

С М Ъ С Ъ

ПЛАЧЪ КОРЕКТОРА

Я помню лиру строю...

Случайныя обстоятельства заставили меня взять на себя обязанность корректора. Корректоромъ я недавно, всего четвертый мѣсяць. Меня всегда пугали корректурные листы, испещренные какими-то іероглифами. Теперь я съ этими іероглифами свыкъ совершенно и до того втянулся въ корректуру, что какъ въ былую пору для большинства русской читающей публики «печатный всякій листъ казался быть святымъ», такъ теперь для меня всякій печатный листъ быть кажется корректурой. Нешутя, какъ только возьмешься за какую-нибудь книгу, такъ прежде всего слѣдишь не за мыслью, а за грамматической ошибкой, и только потомъ, уже подъ конецъ страницы, порядочно хлопнешь себя по лбу ладонью и прошепчешь: «Богъ мой, да въѣзъ это не корректура!» И снова читать принимаешься, но на этотъ разъ уже безъ мысли объ орфографическихъ ошибкахъ.

Въ первые дни меня ужасно занимали типографскіе промахи и поправлять ихъ было какъ-то отраднo. Цы или ца какая-нибудь хвостъ кверху подняла, противъ всякихъ правилъ типографскаго приличія — и мнѣ очень смѣшно было; становилось скучно, когда бывало на семи-восьми строкахъ не найдешь видной ошибки. Держать корректуру я кажется могъ смѣло: правильно писать я умѣлъ еще когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, а съ тѣми немногими орфографическими особенностями, которыя исключительно принадлежатъ «Времени» (напр. *потому что* писать слитно, въ прилагательныхъ муж. р. въ родительномъ ед. ч. писать *ого* вмѣсто *аго*, если удареніе находится на предпоследнемъ слогѣ, и друг.), типографія познакомила меня скоро. Назначеніе шрифтовъ, исправленіе сло-

га — въ кругъ моего вѣдомства не входили. Его составляли только *правила правописанія*: тутъ я можно-сказать былъ маленькій царекъ, хотя власть мою надъ ятемъ и запятыми и ограничивала по временамъ редакция.

Корректурные листы смѣнялись одни другими, время шло себѣ впередъ, и чѣмъ дальше оно подвигалось, тѣмъ крѣпче одолевало меня сомнѣнье: мнѣ стало казаться, что такое-то слово не такъ слѣдуетъ писать, какъ его пишутъ и какъ самъ же я писалъ до сихъ поръ, а *вѣрнѣе* было бы писать вотъ какъ; здѣсь запятая не у мѣста, тутъ прописная буква слишкомъ глаза рѣжетъ, тамъ перенесено невѣрно — такъ переносить нельзя, и проч. и проч., — и я все больше и больше убѣждался, что правильно писать порусски не умѣю. Я сталъ записывать отдѣльные случаи правописанія, казавшіеся мнѣ сомнительными, и мало-помалу мое убѣжденіе превратилось въ другое: я пришолъ къ той мысли, что мы, русскіе, до сихъ поръ еще не научились правильно писать на своемъ языкѣ. Всякъ молодецъ у насъ на свой образецъ, всякій на свой ладъ пишетъ. И странная вещь: всѣ журналы кажется однимъ языкомъ говорятъ, отчего же пишутъ они всякій по-своему? Удивительно странно. Если нашему литературному языку, для котораго не существуетъ ни вятскаго, ни новгородскаго, ни московскаго, ни другого какаго варьчія, была возможность установиться, то вслѣдствіе какихъ же особенныхъ причинъ не можетъ у насъ установиться правописаніе?

— Ну, это еще вопросъ — установился ли нашъ языкъ, замѣтить мнѣ. — Уже одно многое множество иностранныхъ словъ указываетъ на недалекость его развитія.

Боже мой! да вѣдь не говорю же я, что нашъ языкъ развился и сложился окончательно, «и дай-богъ, чтобъ онъ еще какъ можно долѣе не установился, потому что чѣмъ долѣе будетъ онъ устанавливаться, тѣмъ лучше и богаче установится онъ», добавлю а словами Бѣлинскаго (*). Однакожь на столько-то вѣдь онъ установи-

(*) Не цитируя каждую выписку изъ Бѣлинскаго отдѣльно, скажемъ просто, что всѣ онѣ взяты изъ двухъ его рецензій, помѣщенныхъ одна въ девятомъ томѣ его сочиненій (стр. 484—510, гдѣ онъ разбираетъ «Упрощеніе русской грамматики» Кюдинскаго), другая въ десятомъ (стр. 113—132, разборъ «Грамматическихъ разысканій» Васильева). Обѣ рецензіи мы прочли тогда уже, когда наши замѣтки были почти окончены. Признаемся откровенно, мы съ изумленіемъ увидали, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ нашей литературѣ раздавался такой же плачъ и рыданіе, съ какимъ мы теперь выступаемъ передъ публикой. Но — *regant qui ante nos nostra dixerunt!* Можетъ и про насъ это когда-нибудь скажутъ, можетъ скорбящіе и плачущіе корректоры явятся и впоследствии... А вотъ поживемъ, увидимъ.

ся же, что напримѣръ при исправленіи перевода съ какого-нибудь иностраннаго языка вы руководствуетесь (положимъ даже и инстинктивно, или вѣрнѣе — по слѣпой привычкѣ) просто тѣмъ, что дескать «порусски такъ не говорится». Такое выраженіе необходимо заставляетъ предполагать извѣстный складъ языка, извѣстную опредѣленность его формъ; а эта опредѣленность — вѣрнѣйшій признакъ того, что языкъ установился, хоть на время да установился.

Дальше-сть. Формы языка опредѣляются грамматикой. Съ перваго взгляда можно бы подумать, что ежели языкъ развивается, то и грамматика его, это систематическое обобщеніе формъ языка, тоже должна идти съ нимъ въ-ногу. Ну оно хоть и такъ, да не совсѣмъ. Намъ кажется, что грамматика является такимъ же консервативнымъ элементомъ въ жизни языка, какимъ напримѣръ юридическія учрежденія являются въ жизни народа. Все что есть подвижнаго въ языкѣ, съ чѣмъ можно обращаться такъ и эдакъ — не входитъ въ грамматику; грамматика вовсе и не знаетъ слова «можно»; *должно* — вотъ ея слово. И какъ юридическія установленія тогда только и хороши, цѣльны, тогда только исполнѣ достигаютъ своей цѣли, когда отвѣчаютъ на современныя требованія (въ противномъ случаѣ они хоть и существуютъ по имени, но *de facto* они умерли), — такъ и грамматика тогда только и дорога, когда доставляетъ возможность узнать современныя ей формы языка. А посмотрите-ка на наши грамматики, полюбуйтесь. Тутъ недомолвка, здѣсь положительная дичь, тамъ правило черезчуръ ужъ произвольное... Иной разъ крѣпко хотѣлось бы посоветоваться съ грамматикой, да повертись-повертись ее въ рукахъ, не найдешь чего искалъ, подъ столъ и кинешь. Чтожъ это за грамматика?

Вамъ хочется положимъ справиться, какъ слѣдуетъ произносить такое-то слово, ну хоть напримѣръ «расположенъ», или «расположенъ»? Вотъ вы беретесь за грамматику, въ полной увѣренности, что тамъ для ортоэпій, т. е. для правильнаго произношенія словъ, должно быть отведено мѣстечко. И вдругъ вмѣсто ортоэпій вы какъ куръ во щи попадаете въ просакъ, т. е. въ просодію! Вѣдь это какъ обухомъ по лбу. Впрочемъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, просодію вынудили изъ грамматики, и куда она теперь бѣжала, кто принялъ ее подъ свою защиту — неизвѣстно. Посланы темные слухи, будто «Домашняя бесѣда» осѣнила ее своимъ вниманіемъ и подъ ея тактъ слагаетъ свои двкозвучные гимны. Слухи эти прояснились, послѣ того какъ редакторъ оной «Бесѣды» заявилъ публикѣ; что его фамилія не Аскоченскій, какъ полагалъ кажется Гейне изъ Тамбова, а Аскоченскій: ясно, что его подстрекнула просодія.

А въ правописаніи—то что у насъ творится!

Изъ трехъ частей грамматики (четвертой, слогуударенія, мы не признаемъ) правописаніе — самая практическая часть. Авторитеты здѣсь мы, корректоры. Правописаніе наша наука, мы въ ней спеціалисты.

Съ грустью должны мы сказать, что наука наша шкогда не могла достигнуть самостоятельнаго значенія. Разрабатывалась она большею частью спустя рукава, и въ грамматикахъ ей всегда отводилось самое скромное помѣщеніе. Спеціальными сочиненіями литература нашей науки весьма бѣдна. Какъ на особенно замѣчательный трудъ, мы можемъ указать пока на монографію о буквѣ *ять*. Здѣсь вы найдете увлекательное житіе многострадальнаго ятя, составленное на основаніи записокъ очевидцевъ и разныхъ подлинныхъ документовъ въ родѣ метрическаго свидѣтельства о рожденіи и проч.; потомъ разсказываются разные походы ятя и его метаморфозы, такъ что ять является какимъ-то героемъ водевиля съ переодѣвашемъ. Между прочимъ вы тутъ встрѣтите правила, какъ долженъ вести себя ять, правила, которымъ онъ безпрекословно долженъ повиноваться; тутъ же означено, какое получилъ онъ воспитаніе, его лѣта и мѣсто жительства, не бывалъ ли подъ судомъ и слѣдствіемъ, въ походахъ противъ непріятеля не участвовалъ ли и не подвергался ли какимъ-то изысканіямъ... Окончивъ это, авторъ приходитъ наконецъ къ заключенію, т. е. къ задней оберткѣ своего творенія («конецъ дѣло вѣнчаетъ»), и на ней извѣщаетъ особъ, соблаговолившихъ взять его книжечку въ руки, что «цѣна» оной тридцать копѣекъ. Особы разумѣется всего меньше думаютъ купить эту книжечку, расчитывая, весьма основательно, что коли всякая буква въ тридцать копѣекъ станетъ, такъ нѣтъ брать, дулки! болно накладно карману будетъ цѣлой-то азбукой обзавестись. Такъ и не берутъ книжечки. — Всѣ же остальные буквы нашего богатаго алфавита не удостоились монографій. Тѣмъ не менѣе судьба нѣкоторыхъ изъ нихъ заслуживаетъ полнаго вниманія грамматика-историка. *Ѹ*та наиримѣрь — буква забытая, юродливая; кругъ ея дѣятельности въ послѣднее время сильно стѣснился; теперь рѣдко когда показывается она въ литературѣ подъ своимъ именемъ, а больше является подъ псевдонимомъ *Ѹрта*. Даже была попытка изгнать ее изъ области нашей науки (помните, Бѣлипскій—то? «А что, говорятъ, не пора ли и вовсе выкинуть ее, какъ ненужную?»), но какимъ-то чудомъ она спаслась, благодаря кажется византійской протекціи. — Пресловутая *Ѹжица* теперь принимаетъ миѳическій характеръ; можно надѣяться, что скоро будетъ время, когда выраженіе: «лицо его приняло видъ *Ѹжицы*» (го-

горя наиримѣрь о подписчикѣ на «Орла» какого-нибудь или на «Очень зашумательный вѣстникъ» Рюмина, или о сотрудникѣ «Юридическаго журнала» Салманова и т. д.) будетъ нуждаться въ комментаріѣ. — Немало горя привелось вытерпѣть и буквѣ э. Эпоху гоненій пережила и она, моя голубушка, но со своимъ твердымъ характеромъ все вынесла, все вынесла! Ее потому больше гнали, что въ славянскомъ алфавитѣ искали-искали ее, да такъ и не нашли (ужь вѣдь что въ палимпсестахъ, и тамъ не нашли): слѣдовательно, заключили, она не должна существовать и въ русскомъ алфавитѣ. Присковокушимъ къ этому, что въ печатной русской литературѣ буква э не находитъ себѣ мѣста въ «Памятникахъ московской древности» Свєгирева, а въ письменной — въ любовныхъ запискахъ дворниковъ, горничныхъ, лакеевъ и другихъ истинныхъ ревнителей грамотности (всѣхъ этихъ особъ мы относимъ къ скептической школѣ, какъ читатель увидитъ впоследствии).

До начальныхъ буквъ а, б, в и такъ далѣе дѣло пока еще не доходило, безъ сомнѣнія на основаніи русской поговорки: начини съ конца». Впрочемъ, оно пожалуй и доходило — до буквы жже наиримѣрь. Но Бѣлинскій хоть и увѣрялъ, что она и дурна собой, и толста невѣру, не то-что красавица і, и больше і занимаетъ мѣста, хоть и кричалъ «вонъ ес!» и ногами топалъ — нѣтъ! ничего не помогло. Упрямыца не унялась, ужасъ какая неговорчивая!

Но дальнѣйшее и болѣе подробное изложеніе литературы нашего предмета мы оставляемъ до другого раза, а если здѣсь и замолвили о ней слово, такъ для того только, чтобъ познакомить читателя съ тономъ послѣдующихъ нашихъ статей. Продолжаемъ дальше.

Меня, какъ корректора, сильно поражаетъ одинъ случай съ Пушкинымъ. Разъ Пушкинъ писалъ что-то и вдругъ наткнулся на слово «прийти». Сперва онъ написалъ *прійти*, но такое правописаніе показалось ему дико. Зачеркнулъ, и написалъ *притти*. Нѣтъ, и это не понравилось; зачеркнулъ и это, и написалъ *прити*. На этомъ правописаніи онъ успокоился. Чѣмъ, спрашивается, побуждался Пушкинъ, когда одно и тоже слово писалъ на три лады? Онъ могъ побуждаться или произношеніемъ этого слова (вотъ почему онъ написалъ *притти*), или его этимологіей (вотъ почему онъ написалъ *прити*, отъ *приду*), или наконецъ до него принятымъ произношеніемъ (а до него писали *прійти*).

Въ нынѣшнемъ нашемъ правописаніи оттого такая и путаница; что общаго-то начала въ немъ никакого не принято. Произношеніемъ исключительно мы не руководствуемся, на основаніи одной этимологіи писать намъ тоже не всегда сподручно, а писать такъ, какъ писали прежде, намъ и неохота, и совѣстно. Да правду ска-

звѣтъ, одного-то общаго начала для правописанія и принять мнѣмъ. Попробуйте напримѣръ писать согласно съ однимъ произношеніемъ; насъ мало того что обзовутъ безграмотнымъ, да еще пожалуй въ видѣ поученія прибавятъ, что-де ни въ одномъ живомъ языкѣ такъ не водится. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ у насъ не было попытки писать такимъ манеромъ. Велико бывало. Въ 1842 году г. Кодинскій, соболѣзнуя объ отчаянномъ положеніи нашихъ грамматическихъ правилъ вообще и правилъ правописанія въ особенности, предложилъ намъ «Упрощеніе русской грамматики». Упрощеніе это, надобно замѣтить, касалось преимущественно шрифта: нашъ шрифтъ, по мнѣнію господина Кодинскаго, очень еострагательнаго господина, ужасно неудобенъ какъ для красиваго и четкаго письма, такъ и для красивой и четкой печати. Поэтому онъ предлагаетъ замѣнить нашъ шрифтъ латинскимъ...

Впрочемъ вопросъ о шрифтѣ насъ не касается, и мы оставимъ его всторонѣ. Обращаемся къ занимающему насъ вопросу о правописаніи, такъ какъ, по мнѣнію г. Кодинскаго, упрощеніе шрифта необходимо будетъ имѣть благотворное вліяніе на нашу ортографію. Онъ увѣряетъ, что правописаніе наше тогда только *можетъ облігиваться*, когда «каждый звукъ рѣчи будетъ имѣть только одно, собственно ему принадлежащее правописаніе» (это его собственныя слова), т. е. просто-напросто онъ хочетъ, чтобы всѣ слова писались такъ, какъ они выговариваются. Досталось же ему отъ Бѣлинскаго за это упрощеніе! «Вмѣсто *упрощенія* русской грамматики — говоритъ нашъ критикъ — г. Кодинскій изобрѣлъ истинное *затрудненіе* ея, выдумавъ такое правописаніе, которое въ тысячу разъ сбивчивѣе и безтолковѣе существующаго теперь.» Послѣ этого врядъ ли кому придетъ охота пооригинальничать ортографіей, основанной на живомъ произношеніи. А если вамъ вздумается руководствоваться исключительно однимъ прежнимъ правописаніемъ, т. е. писать постариному, какъ писали напримѣръ въ концѣ семисотыхъ годовъ, такъ у насъ рука не подымется теперь вмѣсто *меу-жеди* написать *не ужсе ли*, или *въ прочемъ* вмѣсто *впрочемъ*.

Но если изъ только-что указанныхъ трехъ началъ ни на одномъ исключительно нельзя основывать правописанія, то что же остается дѣлать, чтобъ научиться писать правильно?

Вотъ объ этомъ-то мнѣ и хотѣлось бы поговорить въ этой «жеступительной» статьѣ.

Если бы дѣло касалось однихъ звуковъ препинанія, а не цѣлой системы нашей ортографіи, то мы бы незадумавшись сослались на одинъ авторитетъ... «Тщательный разборъ нѣкоторыхъ басенъ и постоянное наблюденіе ученика за самими собою лучше всѣхъ пра-

видъ о знакахъ препинанія. Только невѣжды оправдываютъ себя незнаніемъ правилъ.» Такую мудрую рѣчь ведетъ г. Викторъ Половцовъ въ своей «Русской грамматикѣ для русскихъ» (Спб. 1843). Мысль откровенно тронкая и умная. Поистинѣ златое изрѣченіе! Жаль только, что не въ стихотворной формѣ, а въ смѣхотворной. Особенно послѣдній афоризмъ — объ оправданіи невѣждъ — въ стихахъ былъ бы очень хорошъ... Воображаю себѣ, какъ долженъ быть мнѣ пропитанный сентенціями г. Виктора Половцова учитель грамматичи въ ту минуту, когда, окончивши со своимъ ученикомъ первую двѣ части грамматики, онъ приступаетъ (именно приступаетъ) къ третьей, къ правописанію. Нужно замѣтить, что о правописаніи онъ и самъ-то имѣетъ смутное понятіе: знаетъ наприимѣръ, что такое-то слово такъ пишется, но можно писать его и вотъ иначе. Его бросаетъ въ ноги, но онъ не унываетъ, не падаетъ духомъ, утираетъ лицо платкомъ, отдувается, раздумываетъ, долго раздумываетъ... тутъ на него находитъ вдохновеніе свыше, и онъ торжественно декламируетъ, обращаясь къ своему ученику, раздумавшему ротъ и развѣвшаему уши:

ВНЕМЛИ УБО

Наука, братъ, трудная правописанье,
 Но лучше всѣхъ правилъ, гдѣ знакъ препинанья
 Такой-то поставить, никакъ не другой —
 Для этого надо, любезный ты мой,
 Какъ можно почаще слѣдить за собой.
 Да вотъ еще что не забудь наблюдать:
 Ты тщательно долженъ умѣть разбирать
 Хоть нѣсколько басень. Признаться сказать,
 Одни лишь невѣжды, братъ, правилъ незнанья
 Безстыдно приносятъ себѣ въ оправданья.

Ученикъ разумѣется слушается, на то онъ и ученикъ; онъ отлично дѣлаетъ разборъ басень, постоянно наблюдаетъ за самимъ собою, и — вообразите его отчаяніе: знаковъ-то препинанія всегдѣ такъ вѣрно разставитъ не умѣетъ. Однѣ эти занятія проклятыя, чортъ ихъ побори...

Охъ, ужъ мнѣ эти занятія! У меня просто волосъ дыбомъ становится всякій разъ, когда мнѣ попадается на глаза одно письмо, писаное ко мнѣ дѣтъ десять тому назадъ однимъ строгимъ блондинъ телемъ правописанія. Оно такъ начнется: «Оригиналь! чудакъ! восхитицишь, быть можетъ, ты, глядя въ ружд мое письмо, нациг

саинное, какъ видишь, на in 16° тетрадкѣ. Назови, какъ хочешь, меня, только не полѣнись, прошу, прочитаетъ мое, не слишкомъ, кажется, занимательное для тебя, писанье». Пятнадцать запятыхъ на четырехъ строкахъ! Въдъ это ужасъ, ужасъ! Что ни шагъ, то и запятая. И замѣтите, по нашимъ грамматическимъ понятіямъ, эти строки написаны правильно.

Вы чай слышали анекдотъ про писца одного, которому столоначальникъ что ли, или вообще начальникъ, отдалъ переписать какое-то отношеніе. Писецъ переписалъ, и — такъ какъ былъ ужасный либералъ — ни одной запятой злодѣй не поставилъ. Начальникъ возвратилъ ему бумагу и велѣлъ разставить запятые. Вотъ тотъ и разставилъ: что ни слово, то и запятая; вся бумага въ запятыхъ; запятая явилась альфой и омегой его отношенія. Начальникъ такъ и ахнулъ. К чему дескать столько запятыхъ? ну к чему? — «Для красоты-съ», флегматически отвѣтилъ писарь.

Гимназисту третьяго класса учитель русской словесности велѣлъ разставить знаки въ какой-то длинной фразѣ, которая начиналась словами: «Отецъ его Иванъ Петровичъ служилъ землевѣдомъ» и т. д. Ученикъ думалъ, думалъ, вертелъ мѣлъ въ рукахъ и наконецъ что-то такое осторожно, нѣжно черкнулъ на доскѣ передъ словами «Иванъ Петровичъ» и послѣ нихъ. — Что это ты тамъ поставилъ? спрашиваетъ деликатный учитель. — Двѣ маааленькихъ запятыхъ! отвѣчалъ какъ-то смѣшно съезжившись гимназистикъ и даже отириль величину ихъ на кончикъ мѣла: вотъ дескать какихъ.

Эти два анекдота часто приходятъ мнѣ въ голову, когда я сижу за первой корректурой, которую я долженъ сличать съ рукописью автора, съ оригиналомъ. Вотъ гдѣ полюбоваться-то стоить правописаниемъ, вотъ гдѣ всего убѣдительнѣе доказывается, что у всякаго пишущаго непременно есть грамматика для собственнаго употребленія! Это еще ничего, что всякій журналъ отличается у насъ своими особенностями въ правописаніи: въ нихъ по крайней мѣрѣ нашъ братъ корректоръ все-таки приводитъ всѣ статьи книжки хоть къ какому-нибудь орфографическому единству. Нѣтъ, а вы возьмите сырой-то продуктъ, рукописныя-то подлинники, да полюбуйтесь. Благодаря нашимъ весьма глупымъ правиламъ правописанія, авторъ иной разъ должно-быть крѣпко задумывается: запятую поставить, думаетъ — жирно будетъ, безъ запятой — какъ-то неловко; вотъ скрѣпя сердце и ставитъ маааленькую запятую, — такая знаете тоненькая, нѣженькая черточка... запятая не запятая, да и не волосокъ. А наборщики этой уловки и не поймутъ: видятъ въ рукописи нѣчто по образу и по подобию запятой — ну и ставятъ запятую, обыкновенную впрочемъ, какъ двѣ капли похожую на всѣ другія

запятая, а не то что мелкопородистую; развѣ только для разнообразія внизъ головкой ее поставлять. Смотришь — въ печати-то строка съ маленькими запятыми и превратилась въ нѣчто зубастое, такъ и глядѣть страшно...

Теперь время запятыхъ слава-богу проходить. Конечно всего бы лучше было, еслибъ никакихъ запятыхъ у насъ не было. Было же вѣдь время, когда мы не знали запятыхъ: взгляните на наши старинныя рукописи...

Говорять, по почерку можно судить о характерѣ человѣка. Если это справедливо, то позвольте же и мнѣ, корректору, сказать, что по правописанію той или другой книги можно судить о характерѣ того времени, въ которое она издана. Возьмите на примѣръ любой номеръ. — ну хоть конца сороковыхъ годовъ — той газетки, что издавалась у насъ блюстителями чистоты русскаго языка... Нѣтъ впрочемъ, киднемте лучше на Петра, оно легче будетъ. Возьмемте иностранное что-нибудь. Сейчасъ найду.

Вотъ на примѣръ французская книжонка 1763 года. Позвольте привести изъ нея нѣсколько строкъ изъ разныхъ мѣстъ. «...mais les Rois de Danemark, plus puissants que leurs Cadets...» «le Titre de cet Ouvrage Allemand, est...» «Le Duché de Schleswic fut enfin adjugé en 1720 au Roi de Danemark par la France et l'Angleterre, qui furent garantes du Traité qui fut fait à cette occasion». Неправда ли, какъ отъ этихъ большихъ буквъ вѣетъ низкопоклонничествомъ, угодли-востью? Такъ какъ-будто и слышишь отъ каждой изъ нихъ: «voû très-humble serviteur... prêt à vous servir... tout-à-vous... ради стараться!» Какъ выразительно говорятъ эти буквы-аристократы отъ лица своей эпохи! После тѣхъ норъ много воды утекло, и теперь вотъ ужъ какъ пишутъ французы: «mais les rois... que leurs cadets... le titre de cet ouvrage allemand... le duché... au roi... garantes du traité...» Уваженіе къ авторитетамъ, какъ видите, уже не выражаются прописными буквами...

У насъ еще въ 1835 году «Библиотека для чтенія» жаловалась на то, что наше правописаніе нестрить страницу безо всякой нужды прописными буквами, и что кланяться прописными буквами извѣстнымъ званіямъ ниничто непохоже, потому что буквы созданы не для поклоновъ и должны стоять прямо. Разумѣется теперь мы ужъ этого не скажемъ: въ четверть столѣтія прописныя буквы мало-помалу до того уже успѣли проникнуться чувствомъ собственнаго достоинства, что больше уже не гнутъ спину, и обвинять ихъ въ низкопоклонничествѣ теперь было бы немножко грѣшно.

Кстати: когда впервые появились въ божьемъ свѣтѣ заглавныя буквы? Это пренинтересно. То-есть интересно собственно то, что за-

ставило ихъ лѣдиться? Было же вѣдь время, когда прописныхъ буквъ не знали. А почему ихъ не знали, такъ это очень понятно и очень естественно: потому что въ произношеніи ихъ не существуетъ. Какъ же въ письмо-то онѣ попали, вопросъ?

Ясно, что прописныя буквы — вещь чисто условная. Вѣдь точно также условная вещь — писать, какъ мы пишемъ, отъ лѣвой руки къ правой, а не наоборотъ, тогда какъ наоборотъ писать было бы еловчѣе, и естественнѣе. Писать безъ заглавныхъ буквъ тоже было бы естественнѣе; а ужъ что еловчѣе — про это и говорить нечего. Напримѣръ волокита-лакей пишетъ къ юной прачкѣ: «мишья машина? ты Сама тому Виною што пленился я taboo севодня Вѣчѣромъ я васъ ждать буду Уподъезда и тамъ дадѣ: вѣдь жалость смотрѣть здѣсь на прописныя-то буквы. Ну кчему онѣ тутъ ватыкашы? Для красоты? Изъ уваженія къ любимой особѣ? Ни того ни другого мы здѣсь не видимъ, а просто видимъ неестественность прописныхъ буквъ. Прачка и безъ прописныхъ буквъ навѣрно пойметъ въ чемъ дѣло; прописныя буквы нисколько не уяснятъ, не затемнятъ дѣла. Восточные языки вѣдь обходятся же безъ прописныхъ буквъ, и зато какъ красива напримѣръ турецкая печать!

Вы пожалуй скажете, что извѣстныя понятія, въ сущности весьма различныя, но выражаемыя одинаковыми словами, будутъ смѣшиваться, если не станемъ отличать ихъ большими буквами (напр. диванъ и Диванъ, богъ и Богъ). А какъ же вы не боитесь смѣшивать ихъ въ произношеніи? Пора бы кажется перестать заниматься этими глупыми форменными отличками.

Не меньше запятыхъ и заглавныхъ буквъ возмущаетъ мою ректорскую душу куча разныхъ мелкихъ словечекъ, въ родѣ предлоговъ, союзовъ, вообще частичекъ, рѣчи. Недавно мнѣ вздумалось прочесть трагелію Крылова «Проказника» (вѣрнѣе «Помѣшаные», а всего вѣрнѣе «Дураки»). Вѣрите ли, я сразу не могъ ее окончить потому только, что встрѣтилъ въ ней *ме уоде ли; ни какъ и т. д.* Что это за безсмыслица, такое раздѣленіе? «Частица отрицанія *ме* отдѣляется: передъ глаголами и проч.», говорятъ наши грамматикъ. Это къ какой стати? Наши прелки въ этомъ случаѣ передеголяли насъ здравымъ смысломъ. Посмотрите на наши старинныя акты: писавшіе ихъ очень хорошо понимали, что частички въ родѣ *ме*, предлоговъ, союзовъ — безсмыслица *an sich und für sich* и имѣютъ смыслъ тогда только, когда соединены съ другими словами, имѣющими самостоятельное значеніе — и отдѣльно ихъ не писали. Цушными предлагалъ же вѣдь нашимъ литераторамъ прислушаться къ говору московскихъ кадишницъ, въ видахъ обогащенія языка: от-

чего же бы не приглядѣться намъ къ стариннымъ актамъ, въ видахъ осмысленія нашей ортографіи?

И какъ пораздумашь обо всемъ этомъ — и о забытыхъ, и о забытыхъ главныхъ буквахъ, и о мелкихъ словечкахъ, — такъ бы право и не глядѣть ни на что. Особенно на грамматики наши. Всю онѣ душу мнѣ воротятъ!..

(Тутъ къ плачу присоединяется скрежетъ зубовой. Корректоръ приходитъ въ остервенѣніе и на чемъ свѣтъ стоитъ ругаетъ современное правописаніе. Наконецъ силы оставляютъ его, и онъ падаетъ безъ чувствъ. Прибѣгаютъ хозяева, поднимаютъ его съ полу, относятъ на постель и покрываютъ съ головы до ногъ самыми свѣжими корректурными листами — Политическимъ обозрѣніемъ наметов.)

Aidons-nous mutuellement.

Поговоримте серьезно.

Произволь у насъ въ правописаніи ужаснѣйшій; средствъ къ ограниченію его невидать никакихъ. Чѣмъ равнодушнѣе мы будемъ смотрѣть на этотъ произволь, тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе будетъ онъ дѣйствовать. Дойдетъ до того, что въ программы своихъ изданій наши журналисты будутъ включать и то, какого правописанія они намѣрены держаться. Вѣдь изданія ихъ читать будетъ трудно.

Я не дѣлаю изъ мухи слона и говорю то, что легко предвидѣть. Даже теперь выходятъ книжки (правда не часто), въ которыхъ правописаніе такое я вамъ скажу, что съ перваго разу никакъ не подумаешь, что онѣ писаны на русскомъ языкѣ. Мнѣ случалось видѣть одну такую книжонку еще въ прошломъ году... эдакая дѣсада, позабылъ заглавіе; помню только, что она духовнаго содержанія и издана чуть ли не въ Москвѣ. Еровъ нѣтъ знаете, ить намется тоже не признается, восьмиричное і (иже) тоже... Что же дальше — то будетъ, если ужъ теперь появляются такіа книжки? Грамматическій терроръ! То-то потѣшатся тогда волю наши грамматическіе робесыеры въ родѣ г. Кодвинскаго! Чернилъ-то типографскихъ сколько задаромъ прольется, господи-боже ты мой!

И въ концѣ концовъ наша грамматика превращается въ чудовище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лай,,. Главное лай: не подступайся дескать ко мнѣ пикто.

Такъ не лучше ли будетъ теперь, пока время еще не ушло, ограничить возмутительный произволь въ нашей грамматикѣ, въ право-

писаніи по крайней мѣрѣ («у кого что болеть, тотъ о томъ и говорить»)? Неопредѣленность и шаткость нашихъ орфографическихъ правилъ и вообще грамматическихъ отнимаютъ всякую возможность знать грамматику; а незнаніе грамматики — говоря словами Бѣлинскаго — «сводитъ языку народа, дѣлая его неопредѣленнымъ и подчиняя произволу личностей... Въ формахъ языка должно быть единство. А этого единства можно достигнуть только строгимъ изслѣдованіемъ, какъ правильнѣе должно говорить или писать то или другое».

Его-то у насъ и нѣтъ, этого единства. Напротивъ, вмѣсто стремленія къ единству мы видимъ, что у насъ чинится разрывъ великаго. Гдѣ бы надо дѣйствовать сообща, а мы тутъ отворачиваемся, махнемъ рукой и говоримъ: да ну васъ!

Non nostrum inter vos tantas componere lites!

наше дескать дѣло сторона, наша хата съ краю и т. д. Разумѣется, что при такомъ отсутствіи единодушія, при такой разъединенности у насъ никогда и ничего порядочнаго не выйдетъ, и мы весь вѣкъ свой не будемъ умѣть писать правильно.

Съ какими искреннимъ, теплымъ радушіемъ встрѣтилъ въ 45 году Бѣлинскій брошюрку г. Васильева: «Грамматическія разысканія!» Она такъ много сулила ему въ будущемъ...

— Можетъ-быть — говорилъ Бѣлинскій — ею начинается безконечный рядъ филологико-грамматическихъ брошюръ, разсужденій, полемическихъ статей и статей, которыми должна разработаться наша грамматика и прійти въ единство наша орфографія...

Онъ не угадалъ. Грамматическіе вопросы не возбудили у насъ даже и холодной полемики; мы, знаете, больше все перебранивались другъ съ другомъ... до грамматики ли намъ! Теперь насъ ужасно-важно занимаютъ «полемическія красоты» нашихъ журналовъ, мы съ жаждою вдыхаемъ въ себя ароматъ этой triple-essence нашей журнальной полемики. До грамматики ли намъ!

Нѣтъ-чтобы полюбоваться «грамматическими красотами» нашихъ журналовъ! А было бы чѣмъ.

Впрочемъ — почему знать, можетъ еще и придется полюбоваться ими, и вотъ почему.

Писать правильно насъ бы собственно должна была учить грамматика, но учить-то она какъ-то плохо; оно конечно, кофчему изъ нея научишься, да все мало. Окончательно приходится намъ учиться писать правильно — не столько изъ новѣйшихъ книгъ, сколько изъ журналовъ. Въ сороковыхъ годахъ наприимѣръ

фраза: «Отечественныя записки вотъ какъ пишутъ то-то или то-то» равнялась грамматическому правилу и употреблялась въ случаѣ если грамматика не давала никакого отвѣта и ухомъ не вела, когда ее спрашивали, какъ слѣдуетъ писать то-то или то-то.

Отсюда ясно кажется, что у насъ *установленіе правописанія, орфографическое единство зависитъ исключительно отъ журналовъ.* Согласятся они такое-то слово писать всѣ одинаково — оно и въ книгахъ будетъ такъ писаться, такъ и въ грамматику войдетъ въ видѣ правила; а не согласятся — и никакая грамматика тогда не поможетъ, и книги никакія не помогутъ, всякій будетъ писать по-своему. Причина ясная: грамматика вѣдь не только не даетъ правилъ языку, а наоборотъ, извлекаетъ правила изъ языка. Не грамматика служитъ матерьяломъ для развитія языка, а языкъ для грамматики. А гдѣ же и совершается у насъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, выработка языка, какъ не въ журналахъ?

Теперь позвольте мнѣ представить нѣкоторыя соображенія касательно возможности устранить произволъ въ нашей орфографіи.

Единственный путь, по которому мы думаемъ идти и наконецъ придти къ установленію правописанія, есть *аналогія.* Не принимая исключительно ни одного изъ трехъ орфографическихъ принциповъ за исходный пунктъ, т. е. ни произношенія, ни этимологіи, ни прежняго правописанія, мы беремъ извѣстный способъ писанія, общепринятый и неподлежащій сомнѣнію, за норму и — ежели дѣло идетъ объ отдѣльныхъ словахъ — подводимъ подъ нее слова одинаковымъ образомъ составленныя. И наша орфографія будетъ тѣмъ незамысловатѣе, тѣмъ проще, чѣмъ ограниченнѣе будетъ число такихъ нормъ. Понятная вещь, что каждая изъ этихъ нормъ должна явиться самостоятельнымъ правиломъ, и что между ними не должно быть противорѣчій. Собственно говоря, всякое исключеніе изъ правила есть уже противорѣчіе этому правилу, но мы настаиваемъ, чтобъ этихъ исключеній или вовсе не было (если только это возможно), или чтобъ ихъ было какъ можно меньше. Въ крайнихъ случаяхъ, когда путь аналогіи окажется недостаточнымъ, мы будемъ обращаться къ другимъ языкамъ, разумѣется только живымъ, а не мертвымъ: *de mortuis*, какъ извѣстно, *aut bene, aut nihil* — и мы выберемъ послѣднее.

Но если эти нормы, какъ бы ничтожно ни было ихъ число, въ свою очередь не будутъ связаны однимъ началомъ, тогда правописанію опять не дождаться единства. Такимъ началомъ, единымъ и нераздѣльнымъ, къ которому будутъ сводиться всѣ правила правописанія, мы ставимъ *красоту печати.* Такъ какъ эту красоту (въ чемъ, надѣмся, съ нами согласится всякій) портятъ только три

сія : а) прописныя буквы — въ доказательство укажемъ на вѣнечную печать; б) знаки препинанія, употребляемые безъ особенной нужды — посмотрите на французскую печать, и с) крошечныя слова въ одну-двѣ-три буквы — въ этомъ отношеніи отвратительнѣе англійской печати ничего представить себѣ нельзя, — то отсюда ясно, къ чему клонятея всѣ наши орфографическія правила : къ тому, чтобъ быть какъ только можно скупѣе на прописныя буквы, на знаки препинанія и на крошечныя слова.

— Позвольте, позвольте! перебиваеъ меня одинъ изъ моихъ собратьевъ по ремеслу: — ужь не лучше ли всю эту дрянь — и прописныя буквы, и знаки препинанія, и крошечныя слова совсѣмъ по-боку? Красота печати отъ этого ужасно какъ выиграетъ. Да и не только выиграетъ, но можно-сказать идеаломъ красоты будетъ. Вы посмотрите-ка... стойте, на что бы? ну хоть на остроумно евангеліе: вѣдь это на вашъ взглядъ должно быть прелесть что такое! Знаковъ препинанія почти-что нѣтъ, прописныхъ буквъ и вовсе нѣтъ, а про крошечныя слова и говорить нечего: ни большихъ, ни крошечныхъ словъ тамъ не найдете; отдѣлены только строка отъ строки, а не слово отъ слова. Такъ стало-быть вы къ ХІ вѣку насъ ведете? Ужь не слишкомъ ли широко вы шагаете?

— Что вы, что вы! говорю я оторопѣвъ, — Съ нами крестная сала! К чему же такая крайность...

— Какая же крайность! Вѣдь вы сами же объявляете, что единичъ и нераздѣльнымъ началомъ (вы это замѣтите, единичъ и нераздѣльнымъ) вы станите красоту печати. Хорошо-съ. Ве, говорите вы, морщить то и то. Чѣмъ меньше будетъ этой морщи, тѣмъ больше слѣдовательно будетъ выигрывать красота; а когда порча совершенно будетъ устранена, тогда значить красота будетъ полная, во всей своей красотѣ престанетъ такъ-сказать. Кажется ужь логичнѣе-то этого и разсуждать нельзя.

— Да, ваша правда. Одной...

— Еще бы не правда! Правдивѣ логики...

— Ахъ, да ну васъ тутъ и съ логикой-то совсѣмъ. Дайте поправиться. Чтобъ васъ.. завалили корректурой! Только разстроши меня. Теперь и не сообразишь пожалуй.

Разумѣется, что... Чтѣ я хотѣлъ сказать? Да! Разумѣется, что исключительно одной красотой печати нельзя же руководствоваться при установленіи правилъ правописанія. Но все-таки не слѣдуетъ упускать ее изъ виду, какъ это дѣлали до сихъ поръ наши грамматики. Въ настоящую пору наша орфографія звать не хочетъ о кра-

свѣтъ печати. Эстетическаго вкуса у нашихъ грамматиковъ нѣтъ, вотъ что-съ.

Такииъ образомъ мы ставимъ такого рода задачу: *установить единство правописанія, имѣя при этомъ въ виду красоту печати.* И вотъ почему отъ своего грамматическаго прошлаго мы точно также не въ правѣ отказаться, какъ и отъ прошлаго историческаго. Мы не въ правѣ оставить безъ вниманія добросовѣстные труды нашихъ грамматиковъ; намъ не слѣдуетъ упускать изъ виду даже тѣхъ книжонковъ, которые величаютъ себя русскими или россійскими грамматиками и которые въ сущности ничто иное какъ второе издание какой-нибудь прежде вышедшей грамматики, искаженное до безобразія и нестиху укороченное. Впослѣдствіи, перечисливъ все грамматикки, какія только у насъ вышли по настоящее время, мы отиѣтимъ достоинства каждой изъ нихъ (по отношенію правилъ правописанія конечно, только). Негодныя отложимъ всторону, а въ дѣльныхъ одну примемъ за текстъ, который и будемъ дополнять вариантами изъ остальныхъ дѣльныхъ грамматикъ. Такииъ образомъ мы получимъ *сводъ всѣхъ орфографическихъ правилъ, признаваемыхъ* нашими грамматиками, со всѣми противорѣчіями ихъ и дикими красотами. Составленіемъ этого свода закончится *первая часть* нашего труда.

Не беремъ слѣдить за историческимъ ходомъ развитія нашего правописанія: исторію нашей ортографіи предоставляемъ нашимъ специалистамъ-филологамъ, которые больше меня, не-филолога, имѣютъ научныхъ средствъ быть историками русскаго правописанія, начиная разумѣется съ древнѣйшихъ нашихъ рукописей и имѣя для себя одну изъ драгоценнѣйшихъ данныхъ въ изданіи г. Костомарова «Памятники старинной русской литературы», гдѣ удержано правописаніе подлинниковъ. Только въ сомнительныхъ, крайнихъ случаяхъ намъ придется ссылаться на наше старинное правописаніе; вообще же для разрѣшенія подобныхъ случаевъ мы будемъ обращаться къ филологическимъ изслѣдованіямъ Павскаго, Буслаева и къ общесравнительной грамматикѣ русскаго языка, изданной П отдѣленіемъ академіи наукъ.

Такого рода справки будутъ относиться ко *второй части* предприняемаго нами труда. Кромѣ того въ нее войдутъ мои собственные наблюденія, и тутъ же взору читателя представатся грамматическія, или точиѣе, орфографическія красоты нашихъ журналовъ. Мы составимъ фразу въ пять-шесть строкъ, и на основаніи заранѣе собранныхъ данныхъ покажемъ, какъ пишутъ эту самую фразу наши журналы. При этомъ послѣднее слово останется за «Домашней бесѣдой», какъ за журналомъ самымъ либеральнымъ во всѣхъ отно-

шевіяхъ, даже въ отношеніи правописанія (*). Надгробившегъ рыданіемъ «Домашней бесѣды» окончится *вторая*, важнѣйшая часть нашего труда — *матеріалы для установленія русской орфографіи*.

Третью и послѣднюю часть составитъ разработка добытыхъ матеріаловъ, и въ ней предложены будутъ *правила правописанія*, результатъ моихъ изслѣдованій, если не то чтобы ужъ очень добросовѣстныхъ, но по крайней мѣрѣ не безсовѣстныхъ.

Вотъ мои три ленты въ сокровищницу нашей грамматики.

И если редакціи нашихъ журналовъ удостоятъ мои грамматическіе этюды своимъ лестнымъ вниманіемъ и предложатъ ихъ въ руководство своимъ корректорамъ, тогда миръ и согласіе вѣцарятъ между нашими журналами... по крайней мѣрѣ въ грамматическихъ убѣжденіяхъ. Тогда корректоры перестанутъ плакаться на то, что безтолковая наша грамматика волкъ-неволей заставляетъ ихъ думать и разсуждать; то-есть вообще заваню своему неприличное пристрастіе имѣть. Тогда наборщики исполнятся радостію великою, выграютъ въ гусли и сопѣлн, и въ веселіи другъ друга обшуютъ... Тогда наше общ...

— Батюшки, корректуры-то сколько притащили!

К. СУ—ВЪ

(*) Мѣсяца два-три тому назадъ мнѣ совершенно случайно попалась подъ руку третья книжка путешествія Дюма «De Paris à Astrakan». Между разными курьозными вѣщами тамъ онъ говоритъ о нашихъ журналахъ, о «Messenger russe» — напримѣръ, о «Contemporain» и проч., и сказавши про каждый изъ нихъ семь-восемь строкъ чепухи, въ самомъ концѣ прибавляетъ всякій разъ: *Tendances libérales. Tendances libérales..* Какая досада, что услужливый чичерове-знаменитого-романиста не шепнулъ ему нисполслова про «Домашнюю бесѣду». Вдругъ бы мы читали у Дюма: «La Conversation Russe (Domachniaia Besieda), redigée par M. Askotchénsky. L'opinion publique... on raconte encore... Tendances très-libérales». Вотъ-то бы одолжилъ, голубчикъ!

С Я С Ъ

Вѣтеръ былъ съ ладожскаго озера, когда мы утромъ переправлялись черезъ Волховъ изъ Ладоги въ сяскій каналъ. Нуженъ опытный рулевой, хорошія лошади и привычные погонщики, чтобы, переправляясь въ каналъ при противномъ вѣтрѣ, не сѣсть на мель у праваго берега: зазѣвался рулевой, лошадь не пятанула бичеви, или погонщикъ побоялся вѣхатъ въ воду по брюхо, а иногда и по шею лошади, — барка повернула носомъ къ берегу и ужъ врѣзалась въ рыхлый песокъ. Пока идутъ крики рулевого — стой! отдай бичеву! приправленные ругательствами, барка стала бортомъ къ берегу и сѣла на все свое плоское дно. Продолжайся вѣтеръ долго, барка болѣе и болѣе будетъ приближаться къ берегу, и всѣ усилия рабочихъ столкнуть ее не поведутъ ни къ чему. Мы видѣли въ такомъ положеніи двѣ большія барки: работники, раздѣвшись донага, подсунувъ подъ нихъ стяги (бревна вершка въ два толщиной), старались съ криками столкнуть на фарватеръ, но барки съ помощью вѣтра и волнъ тѣснили ихъ къ берегу. Наша переправа прошла благополучно: мы безъ остановокъ вѣхали въ сяскій каналъ.

Сяскій каналъ проведенъ между устьями Волхова и Сяси на пространствѣ десяти верствъ. Каналъ довольно широкъ, берега ровны и бичевникъ очень хорошъ. Вода, неспертая шлюзами, несравненно чище воды ладожскаго канала, воды грязной, вонючей, съ пескомъ, гнилью и всякою гадостью, стекающею сюда изъ окрестныхъ болотъ и оставляемою проходящими судами и гонками дровъ. И такую отвратительную воду барочникъ пьетъ двое сутокъ, иногда четверы (если барка тяжела), а бурлакъ и еще болѣе!.. Несмотря на то, что каналъ былъ половъ водою, рулевой далъ лошади длинную бичеву и шолъ посреднѣй. На вопросъ нашъ, почему онъ не ведетъ барки около берега, онъ отвѣчалъ, что всегда, при вѣтрѣ съ озера, каналъ наполняется водою до краевъ, но стоитъ стихнуть вѣтру, — вода сѣживитъ, и тогда можно сѣсть на берегу. На серединѣ канала есть какая-то маленькая, чуть замѣтная деревушка. По сяскому каналу съ

высокими, ровными, открытыми берегами гораздо веселѣ ѣхать, чѣмъ по ладожскому съ низкими, грязными, застресенными плохими деревнюшками, будками и казармами съ своими непремѣнными караульными, расхаживающими по берегу и зорко осматривающими все что есть на баркѣ. Конечно они такъ зорко всматриваются въ видахъ исполненія своихъ обязанностей, соблюденія закона, во все-таки я не нахожу ничего пріятнаго въ томъ, что въ продолженіи двухъ сутокъ пути находившся людь надзоромъ... То ли дѣло сакскій каналъ: плывешь себѣ одинъ, вдали прямой каналъ да его высокіе зеленые берега; нѣтъ ни казармъ, ни вонючихъ деревень, ни форменныхъ шинелей съ зелеными кантами... Но съ божьей помощью скоро обновится и ладожскій каналъ: не будетъ шлюзовъ, илѣсть, не будетъ гнилой, заразительной воды, не будетъ будокъ, казармъ и проч., и путешественникъ благословитъ время переѣзда по ладожскому каналу, если онъ будетъ хоть такой какъ олакий; а онъ, говорятъ, будетъ куда лучше!

Мы проѣхали каналъ въ полтора часа, и еще разъ увидѣли желтую гладь ладожскаго озера черезъ устье Сяси. Широкой возвышенностью подымалось озеро до черты соединенія съ горизонтомъ, близъ которой стояли на якорѣ рядъ барикъ. Черные кузова ихъ рѣзко обрисовывались на чистой водѣ, а мачты упирались въ небо.

По Сяси мы ѣхали четыре дня. Берега ея во многихъ мѣстахъ замѣчательно хороши; такъ высоки, что деревенки на вершинахъ кажутся игрушечными домиками, часто отъ самой воды до вершины покрыты сплошнымъ, густымъ лѣсомъ, надъ которымъ узкой лентой вьется полоса гладкой, покрытой свѣжей зеленою вершиной. Въ другихъ мѣстахъ почти отвѣсный, песчаный берегъ наукрашенъ тутъ кое-гдѣ, елочками, то прилеглими къ нему, то висащими на половинѣ паденія, то наконецъ совоѣмъ перекувыркинувшимися вершиной внизъ. Какъ оживляется картина, когда на высотѣ берега показывается человекъ! Нашъ погонщикъ и его лошадь вечеромъ на темномъ небосклонѣ кажутся волшебными тѣлами, движущимися по чуть замѣтной линіи бичевника.

Направленіе бичевника по Сяси самое трудное для людей и лошадей: то лошадь идетъ по самому краю отвѣснаго берега саженъ въ тридцать, — недостатокъ бичевы, — или встрѣча съ другой барней легко можетъ стащить ее въ обрывъ; то она идетъ подлѣ воды по тонкой глини, погонщикъ не можетъ идти пѣшкомъ, садится верхомъ, лошадь на каждомъ шагѣ вьзметъ по колѣно, и во время всего путешествія по Сяси ее не одинъ разъ приходится вытаскивать изъ глины веревками, или выворачивать шестами. Сколько

это отнимаетъ времени, сколько убиваетъ лошадей и какъ надры-
ваются работники въ такихъ мѣстахъ!.. Въ прошломъ годѣ, въ
это же самое время, въ серединѣ юня, ѣхалъ я на баркѣ по Сяси
и замѣтилъ два мѣста, гдѣ мы стояли часа по полтора; пока хозяинъ
съ работниками вытаскивали лошадь изъ глины, пока отмывали ее, —
лошадь до того намучилась, что когда ее вытащили и поставили
на твердое мѣсто, она не устояла на ногахъ и упала. Проѣзжаемъ
вышній годъ — опять на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ лошадь чуть не
во шюю завязла въ глину... Къ этому нужно прибавить, что изъ-
нуть глины нельзя, потому что отвѣсный берегъ не позволяетъ взять
выше. Есть мѣста, гдѣ берегъ плоскій, довольно высокъ и сухъ, но
зато покрытъ мелкимъ булыжникомъ, который не лучше, скорѣе ху-
же, жидкой глины; слой его такъ толстъ и твердъ, что въ серединѣ
юня тысячи прошедшихъ ногъ оставили едва замѣтную тропу. Ну-
жно представить себѣ положеніе погонщика, который безостановоч-
но долженъ идти за лошадью, иногда бѣжать рысью, отсоривать
бичеву, по этому булыжнику, который колетъ ногу черезъ какую
угодно подошву, а погонщикъ въ видахъ экономіи большую часть
дороги идетъ босикомъ. На этой водной дорогѣ въ продолженіе лѣта
пройдетъ людей, лошадей, провезется товаровъ въ десять или
болѣе разъ, чѣмъ по другому шоссе, изукрашенному верстовыми
столбами и разноцвѣтными камешками, показывающими четверти
на ней ѣтъ ни одного верстового столба!.. Правда, разъ гдѣ то въ
кустахъ, далеко отъ берега мы нашли полустигнувшій столбъ и утѣ-
шились, что хоть одинъ да есть.

Берега Сяси состоятъ то изъ песку и глины, то изъ известняка,
котораго пласты убрала удивительными рисунками правый, часто
совершенно голый берегъ. Иногда разноцвѣтные пласты его пред-
ставляютъ стѣну неровной феодальной постройки съ воротами,
окнами или бойницами, уступами и выпуклостями. Въ другихъ мѣ-
стахъ соединеніе красокъ такъ правильно и постепенно подобрано,
что на отвѣсномъ берегу думаешь видѣть гротъ, внутри котораго,
въ тѣни, такъ прокладно... какъ бы тамъ хорошо отдохнуть отъ
солнца, которое накалило палубу и шенкло насъ совсѣмъ! Тутъ
обрамленная зеленью мелкихъ березъ и шивака стройно стоятъ вы-
сокая арка; тамъ видишь какое-то безымянное зданіе — не домъ, не
церковь, но что-то до того красивое, что не можешь оторвать отъ
него глазъ! Подъѣзжаешь ближе, — тогда только, и то съ трудомъ за-
мѣнаешь, что это обманъ грунированныхъ цвѣтовъ известняка, перехо-
дящихъ отъ совершенно бѣлыхъ въ красные, бурые и черные.

На обоихъ берегахъ идетъ разработка извести. Печи, въ кото-
рыхъ ее жгутъ, сажень въ восемь и десять въ основаніи и около

полуторы въ вышину, сложенныя изъ известковаго плитника, горятъ постоянно. Лѣвый берегъ просто загроможденъ этими печами, что, я думаю, доказываетъ успѣшную разработку. Печи, горящія въ отдаленіи, чрезвычайно эффектны: сперва видишь въ туманѣ чуть теплящійся огонекъ; подлѣзая ближе, онъ увеличивается, превращается въ большое огненное пятно, въ длинную, широкую полосу огня, наконецъ раскрывается въ десятокъ и болѣе жорлъ, выбрасывающихъ пламя. Известь горитъ такъ сильно, пламя такъ массивно, что пролѣзая въ пятидесяти или болѣе сажоняхъ отъ нихъ, думаешь чувствовать жаръ. Кругомъ печей навалены огромныя груды еще нежженой извести.

Сясь даетъ не одну только известь: берега ея покрыты огромными лѣсными дачами. Рядъ известковыхъ печей сѣвается рядомъ угольныхъ ямъ, которыя тоже всѣ на лѣвомъ берегу, по которому къ несчастью идетъ бичевникъ. Къ несчастью говорю, потому что тутъ бичева чуть не ежеминутно задѣваетъ то за полѣвницы дровъ, то за барки съ известью, съ углемъ, или пустыя, которыя ждутъ груза. Лѣсныя дачи заготавливаютъ огромный запасъ угля и дровъ (на сколько можно замѣтить съ барки). Уголь жгутъ слѣдующимъ образомъ: заготавливаютъ бревна и, поставивъ ихъ конусомъ, сушатъ на солнцѣ, потомъ вырываютъ глубокую и широкую яму и складываютъ въ нее конусомъ же сухія бревна, что составляетъ огромную пирамиду, и снизу поджигаютъ. Сверху пирамида обложена дерномъ, чтобы пламень не былъ слишкомъ силенъ и не обратилъ уголь въ пепель, и чтобы въ самомъ углѣ осталось больше вещества для горѣнія.

На Сяси составила компанія купцовъ, занимающихся заготовкою дровъ. Лѣсъ рубятъ на обѣихъ сторонахъ рѣки, на прострѣствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ, подводятъ къ берегу и прямо бросаютъ въ рѣку. Каждый хозяинъ на бревнахъ своей порубки кладетъ мѣтки, чтобы послѣ, при разборкѣ, отличить ихъ. Брошенные въ рѣку дрова собираются въ запани. Запаня есть плотъ шарнирою бревна въ четыре или пять, длиною съ версту и болѣе. Запаня перебрасываются или съ одного берега на другой, или окружаютъ часть одного берега и служатъ для того, чтобы не дать расплыться срубленому лѣсу. Устройство запаней должно быть очень прочное, чтобы дрова не прорвали ихъ, и стоитъ нѣсколько тысячъ. По окончаніи порубки хозяева посылаютъ приказчиковъ и работниковъ зачищать хвостъ, т. е. отыскивать дрова, которыя остались у береговъ или около камней и мелей, и спускать ихъ внизъ къ запанямъ. Такъ какъ зачищать хвостъ приходится въ нѣсколько дней, то для приказчиковъ и работниковъ строятся особыя лодки въ родѣ паса-

жирскихъ тихвинокъ; лодки эти всегда находятся въ концѣ хвоста. Сопнанныя въ одно мѣсто дрова, запертыя запанями, сплошь покрываютъ рѣку на нѣсколько верстъ; до начала выгрузки, ихъ бываетъ такъ густо, что по нимъ ходять какъ по землѣ; затѣмъ ихъ выгружаютъ на берегъ и складываютъ въ полѣнницы; полѣнницы дровъ — мученье погонщиковъ и лошадей, потому что бичева постоянно задѣваетъ за нихъ. Впрочемъ не меньше безпокойства приносятъ погонщикамъ угольные барки. Передъ каждой угольной ямой стоитъ барка для нагрузки. Барки эти устроены на манеръ петербургскихъ барокъ съ сѣномъ: на бортахъ поставленъ плетень изъ шестовъ сажени въ двѣ съ половиной вышины, связанныхъ прутьями, такъ что барка представляетъ огромную корзину, изъ которой уголь ужъ не можетъ вынестъ. Около нихъ-то чрезвычайно трудно ѣхать бичевой.

Сясь представляетъ много матерьяла для обработки и торговли, матерьяла очень важнаго въ Россіи, обработка котораго изъ сырого вида въ предметъ торговли требуетъ много рукъ и большіе капиталы. О ходѣ торговли известію, плитнякомъ, дровами и углемъ, о вліяніи ея на окрестныхъ жителей и о мѣстѣ въ общей торговлѣ Россіи я не могу сказать ничего, потому что пишу только то, что успѣлъ замѣтить съ барки и запомнить изъ рассказовъ хозяина.

Отъ сяскаго канала до села Колчанова по Сяси мы ѣхали спокойно, любясь прекрасными мѣстами — отвѣсами, обрывами, рисунками плитняка, лѣсами, деревнями, дачами и проч. Спокойное созерцаніе природы повременамъ было прерываемо страхомъ за лошадь и погонщика, которые то скользили надъ обрывомъ, то купались въ глинѣ на окраинѣ рѣки, или наконецъ совсѣмъ тонули; да еще непрошенные пѣвуны-комары неотступно толпились около насъ. Впрочемъ они безпощадно мучатъ только въ жаръ, а въ другое время съ ними какъ-нибудь можно ладить. Правда, бичева часто засоривалась за барки, полѣнницы и проч. и проч., но она отсоривалась своимъ порядкомъ и мы почти безостановочно плыли посредствѣ.

Живя въ Петербургѣ и слушая въ первый разъ рассказъ про путешествіе по Сяси въ баркѣ, я расхохотался, когда лодочникъ сказалъ мнѣ, что нѣсколько верстъ придется ѣхать по дровамъ. О дровахъ на водѣ я имѣлъ то понятіе, что они стоятъ (или идутъ) связанныя въ плоты. Если ихъ такъ много, что они занимаютъ всю рѣку, какъ же можно по нимъ ѣхать? вѣдь плоты тождо самое что земля,

поль — какъ же можно ѣхать по землѣ или по полу въ баркѣ? Ни и не вѣрилъ лодочнику, думая, что онъ шутить. А оказалось, что мы и дѣйствительно въ баркѣ проѣхались по дровамъ. Оставалось вереть пять до Колчапова. Мы вѣхали въ огромную запань, конецъ которой терялся изъ виду гдѣ-то далеко вверхъ по теченію. Хозяинъ снялъ шапку, перекрестился искомандовалъ: «молись, ребята, Богу». Работники начали креститься и обдергиваться, приготовляясь къ сильной работѣ. Хозяинъ обратился ко мнѣ: «снѣ, не вѣришь ты мнѣ, баринъ, что по дровамъ поѣдешь, — а вонъ за мыскомъ и онѣ». Мы обогнули мысъ и мнѣ казалось, что ѣхать далѣе вельзя: вода исчезла, вся рѣка была покрыта дровами, какъ-будто на рѣкѣ сдѣлана мостовая... Какъ же ѣхать-то?.. Къ бичевѣ припрягли еще двухъ лошадей, носовые вооружились самыми длинными шестами, и барка наша безъ другихъ особенныхъ приготовленій вѣхала въ дрова, пробивая носомъ дорогу въ ихъ при началѣ слабомъ слогѣ. Чѣмъ болѣе подвигались мы, слогъ становился плотнѣе — пошла такая стукотня, какъ-будто мы ѣхали въ телѣгѣ по бревенчатой мостовой: бревна били барку и снизу, и съ носу, и въ борта; попадавшіеся поперегъ носу барка тащила съ собой; тяжесть увеличилась и лошади едва-едва подымались впередъ. Носовые отталкивали бревна. Во многихъ мѣстахъ дровъ было такъ густо, что лошади не могли тащить и барка столла, пока работники немного расчищали дорогу впередъ. Хозяинъ рассказывалъ, что иногда барка, забравшись въ самую гущу, стоитъ въ ней не одинъ день: работники только ходятъ по дровамъ — разбить ихъ и слустать внизъ нѣтъ возможности. Конечно эти путешествія по дровамъ не составляютъ удобства воднаго пути, потому что бревна пробиваютъ барку и ужъ во всякомъ случаѣ если и не пробьютъ, то убавятъ ей вѣку. Кромѣ того эти нерасчитанныя остановки приносятъ двойной убытокъ: купцу, котораго товаръ перевозится, и перевозчику-хозяину лодки — онъ платитъ за лишніе дни работникамъ. Скорость ѣзды въ дровахъ такова: обыкновенно мы ѣхали по 5—6 верстѣ въ часъ, а тутъ пять верстѣ ѣхали болѣе трехъ часовъ. Нужно замѣтить, что дровъ уже было немного — ходить по нимъ было вельзя. Ёзда въ дровахъ сначала, по новости, занимаетъ; но потомъ стукъ, меленность съ постоянными остановками, въ перспективѣ дрова, которымъ не видишь конца — все это наскучиваетъ. Наконецъ зыбкій бурый помость кончается: вонъ видны двѣ новыя лодки съ народомъ, который зачищаетъ хвостъ, за ними и рѣка. «Молись Богу», кричитъ хозяинъ въ знакъ того, что благополучно пробрались въ дровахъ.

Благочестіе играетъ важную роль во время всего путешествія: выѣхали изъ Петербурга — молись Богу! проѣхали нескіе пороги —

пошли Богу; переправляясь черезъ Волховъ, проѣхали сясскіе пороги, Сясьь, тихвинскіе пороги, каждое утро съ отчаломъ — вездѣ. Но вотъ перебрались за послѣдній шлюзъ, что близъ Тихвина, — дальше вѣтъ ни мелей, ни пороговъ, ни камней — какъ въ канавѣ; да Тихвинку и зовутъ въ тѣхъ мѣстахъ канавой съ тѣхъ поръ, какъ надѣлалъ на ней шлюзовъ и углубили.

— Чтоже хозяинъ не кричитъ — молиться Богу? спросилъ я носовыхъ.

Работники улыбнулись.

— А зачѣмъ? отвѣчалъ одинъ: — вѣдь пороги больше нѣтъ, барку не разобьетъ!

Хозяинъ, слыша нашъ разговоръ, прибавилъ:

— Въ Тихвинѣ, баринъ, помолимся, а теперь выишть да закусить надо: слободно — въ канавѣ работы нѣтъ!

За Колчановымъ начинаются пороги. Берега и дно Сяси въ порогахъ обращаются изъ песчаныхъ въ каменистые. Течение чрезвычайно быстрое: были примѣры, что барка поднималась вверхъ въ то время когда другая спускалась — встрѣчная разрѣзывала ее до яхты. Пороги состоятъ преимущественно изъ одной огромной известняковой плиты, занимающей все дно, или изъ нѣсколькихъ, лежащихъ одна на другой; паденіе до $\frac{3}{4}$ аршина и болѣе. Рѣка суживается и дѣлается извилюстою. Такъ какъ мы ѣхали противъ теченія, то хозяинъ нанялъ четверку лошадей на всѣ пороги; пара всегда была готова переправиться вилавъ на другой берегъ и тащить барку двумя бичевами, чтобы сохранить ей прямое направленіе: иначе, если тащить съ одной стороны, она будетъ стукаться о камни и задѣвать за всѣ мысы. Сильныя лошади и знающій рулевой — вотъ что нужно, чтобы подняться въ пороги безъ большихъ остановокъ. У насъ рулемъ правилъ самъ хозяинъ лодки, тихвинскій мѣщанинъ, разъ больше десяти бывшій въ порогахъ. Онъ хорошо ведетъ лодку въ открытомъ мѣстѣ, но мало знаетъ пороги; потому нашъ подъемъ былъ очень неудаченъ: мы то и дѣло сидѣли на мель, вѣзжались на камни. Труся за лодку, въ порогъ онъ постоянно дѣлалъ ошибки: обходя какой-нибудь опасный камень, повернетъ въ сторону больше чѣмъ слѣдуетъ, — барка теряетъ направленіе, упирается носомъ въ берегъ, одна бичева слабнетъ, на долю другой достается вся тяжесть; теченіе быстро подхватываетъ барку и, несмотря на усилія носовыхъ и лошадей, скатитъ внизъ, ступавуъ по дорогѣ о встрѣчные камни. Такимъ образомъ мы чуть не на каждомъ порогѣ раза по два катались внизъ. Носовые, упершись грудью въ шесты, употребляютъ всѣ силы, чтобы остановить лодку; поговорики палками бьютъ лошадей — и все ни к чему! те-

ченіе снесетъ таки внизъ , а люди и лошади измучатся , и пока не отлохнутъ , впередъ идти нельзя. Эти постоянныя остановки (въ которыхъ не всегда виноватъ рулевой : ударилъ носовой не съ той стороны , одна бичева натянулась больше — барка ужъ и свернула съ дороги) раздражаютъ всѣхъ рабочихъ , съ рулевого до погонщиковъ. Начинаются страшныя ругательства : «стой, дьяволъ!» «отдай, анаема!» «вычалъ!» «вчалъ, еретникъ!» раздается цѣлый день и дѣлаетъ путешествіе невыносимымъ. Къ вечеру остановки чаще и чаще: работники думаютъ объ отдыхѣ, усталыя лошади не могутъ поднять бичевы , которая , тащась по землѣ , задѣваетъ за кусты , камни , брета ; хозяинъ срывающимся охриплымъ голосомъ кричитъ погонщику : «отсорь , разбойникъ!» носовымъ : «держите , лармоѣды!»

Погонщики , не обращая вниманія на ругательства , кричатъ , что пора остановиться , носовые опираются назадъ. Такимъ образомъ и люди и лошади часовъ въ шесть вечера не въ состояніи больше работать , и барка , пройдя верстъ девять впродолженіи всего дня , останавливается на ночлегъ.

Работники нанимаются въ Петербургѣ съ платой около 2 р. 50 к. въ недѣлю съ хозяйскими харчами. Усилія ихъ въ порогахъ изумительны ; но требованія хозяина всегда больше , а награда — ругательства. Расчетъ хозяина — привести барку какъ можно скорѣе на мѣсто ; потому работники спятъ , послѣ дня безирерывной работы , не болѣе трехъ-четырехъ часовъ : чуть немного разсѣло , хозяинъ ужъ будитъ ихъ. Правда , онъ заботится о своихъ выгодахъ ; но зато , чтобы идти скорѣе , онъ не щадитъ силъ работниковъ : въ порогахъ присваляютъ четыре лошади , но тѣ же самые работники должны своей грудью подвигать барку впередъ противъ быстрого теченія , отталкивать отъ камней , лѣзть въ воду со стагомъ , если барка сѣла на мель или на камень. За каждый неудачный ударъ шестомъ , не слишкомъ быстрое движеніе ихъ ругаютъ , какъ можно только ругать тамъ , гдѣ некому остановиться. Будь работникъ старателенъ , не жалѣй своихъ силъ , лѣзь изъ кожи — хозяину дѣла нѣтъ ; онъ ругаетъ чуть не каждую минуту , требуетъ чтобы онъ не зналъ усталости , одинъ остановилъ барку , которую несетъ быстрѣе ; онъ цѣнитъ работника меньше лошади : продави себѣ грудь , сломи спину , а работай , когда нанялся — таковы требованія хозяина и таковы отношенія его къ носовому работнику. Положеніе погонщика еще хуже. Носовой въ канавѣ , въ открытомъ мѣстѣ , гдѣ лодка идетъ посерединѣ рѣки , отдыхаетъ. Погонщикъ отъ Петербурга до мѣста почти буквально не знаетъ отдыха , не считая трехъ-четырехъ часовъ ночи. Онъ взбирается съ лошадью

на горы, влезеть съ ней въ глинѣ, колетъ небѣ ноги булыжникомъ, скачетъ черезъ лужи, бревна, бѣжитъ отсоривать бичеву; около дровъ и угольныхъ ямъ ему приходится отсоривать разъ десять краду — въ водѣ отсорь отъ полѣна, лѣзь на барку, отсорь отъ мачты, на берегу отъ полѣнницы. При переѣздѣ черезъ рѣку, лужу, ему позволено съѣсть верхомъ; но попробуй онъ въ другомъ мѣстѣ съѣсть отъ усталости — хозяинъ ругательствами сгонитъ его. Брани на его долю достается еще больше: находясь далеко отъ барки, за криками съ другихъ судовъ, онъ часто не разбираетъ команды своего рулевого. Какъ дѣйствуетъ на здоровье подобная жизнь, я видѣлъ нынѣшній годъ: погонщикомъ къ намъ нанялся отставной солдатъ, здоровый, видный мужчина, — на половинѣ дороги его нельзя было узнать: пожелтѣлъ, похудѣлъ, потерялъ всю солдатскую выправку — весь расклепался... Работники за ругательское обращеніе платятъ хозяину грубостью и ругательствомъ же; между собой говорятъ о немъ съ ненавистью. И до того въ нихъ развилось недоброжелательство къ хозяевамъ, что будь и хорошій, они бранятъ его за скаредничество, нехорошую нищу; корми хорошо — будутъ жаловаться, что ихъ не поятъ виномъ.

Въ первый день въ порогахъ мы проѣхали двадцать, во второй девять верстъ и только въ третій должны были кончить ихъ. Хозяинъ проснулся съ солнцемъ и разбудилъ работниковъ. Работники подвинулись, неторопясь надѣли сапоги, штаны, сплесли лицо водой изъ рѣки и отправились каждый къ своему дѣлу. «Ну-ну, шевелитесь! солдатъ, запрягай! сходню (доска, по которой сходятъ съ барки на берегъ) возьмите!» торопилъ хозяинъ. Все готово — лошадь запряжена, носовые вооружились шестами. «Вынось легонько!» отвосится къ солдату, «отчаливай!» — къ работникамъ. Работники уперлись шестами въ берегъ, барка вышла на середину и неслѣдша поплыла къ порогу. «Молись богу!» скомандовалъ рулевой.

Хорошо утро на рѣкѣ! Солнце поднялось изъ-за лѣса; не жжотъ; свѣжій воздухъ прогоняетъ сонъ. Подулъ холодноватый утренній вѣтерокъ, пропали комары, мучившіе насъ всю ночь. Широкая рѣка слегка дымитъ неуспѣвшими еще подняться парами. Справа зелень, посеребренная росой, слѣва мокрый желтый песокъ; тутъ и тамъ густой лѣсъ, темный, неосвѣщенный еще солнцемъ. Подвигаемся впередъ. Рѣка суживается и собираетъ всю воду въ маленькое русло къ правому берегу; лѣвая часть дна

постепенно выходитъ изъ воды и обращается въ плоскій, поемный берегъ желтосѣраго цвѣта, покрытый известковымъ щебнемъ; дальше онъ расширится болѣе и болѣе и прижимаетъ рѣку вплотъ къ правому берегу, въ маленькую прогалину въ кусты. Мы думали, что это порогъ: нѣтъ, порогъ дальше. Изъ этого узкаго прохода рѣка немного расширяется и вдругъ беретъ лѣво: правый берегъ выходитъ голою площадью изъ воды, лѣвый отодвигается къ своей настоящей границѣ — лѣсу на крутомъ спускѣ. Впереди широкая сѣрая равнина, разрѣзанная черною чертой сжатой рѣки. Крутые, высокіе берега, покрытые лѣсомъ далеко по сторонамъ. Вонъ и порогъ. Три барки останавливаются внизу; двѣ идутъ сверху. Шумъ порога, крикъ погонщиковъ, команда рулевыхъ, уханье носовыхъ, брань — все сливается въ какой-то общій, базарный крикъ. Намъ нужно объѣзжать косу. «Воронье, переуправляйтесь! да захватите бичеву!» вскричалъ хозяинъ наемной парѣ, до сихъ поръ шедшей безъ дѣла. Воронье вѣхало въ воду; погонщикъ схватилъ брошенную бичеву, на ходу, по поясъ въ водѣ, привязалъ къ оглоблямъ (въ порогахъ вообще мелко) и отправился на противоположный берегъ. «Съ правой, съ лѣвой!» командовалъ рулевой, лавируя около камней. — «Вынось, вынось, воронье! солдатъ, стой! стой, ашафема!» Воронье шло тихо — бичева тащилась въ водѣ, солдатъ съ тройкой тянулъ сильно, и лодка вѣхала на берегъ. «Стой! стой! ношенникъ, солдатская рожа!» кричалъ хозяинъ. «Вали, вали съ берега!» Носовые, крихта, уперлись шестью въ берегъ; лодка двигалась мало — значитъ крѣпко застряла. «Вали-вали-ж!.. Да ну! вали, говорятъ вамъ!..» — Ладо! не кричи! — «Вали, говорятъ тебѣ, не разговаривай!» — Не слѣпъ, видишь, что не такъ сидимъ! отгрызались носовые. «Еретники прокленутые!» ворчалъ хозяинъ, воруя рулемъ. Лодка не двигалась. «Раздѣвайся одинъ, да ступай въ воду!» вскричалъ хозяинъ. — Раздѣвайся! самъ бы, чертъ, полѣзъ! — заругался носовой, очередь котораго была лѣзть въ воду. — Въ погонщики началъ такихъ же дураковъ, какъ и самъ — ни одного камня объѣхать не можемъ! — Наконецъ лодка пошла. «Вынось, вынось, воронья!» опять заголосоилъ хозяинъ. «Солдатъ—легчая! Съ правой! съ лѣвой!» Носовые только успѣвали перебѣгать съ шестью съ одной стороны на другую. Рѣка раза три перебросилась отъ берега къ берегу: упрется въ одинъ, сажени двѣ идетъ около него, потомъ сразу отбросится къ другому. Мы огибали мысы со страхомъ застыть на каждомъ. Хозяинъ не переставалъ кричать: «оба съ правой!» чтобы отодвинуть барку отъ берега. — «Воронья, натягивай! солдатъ, легчай! Бери на ходъ!» Носовые шестью прилащивали ходу... Барки благополучно

обошла новый мысъ. «Вали на ходъ!» и носовые, согнувъ спины, утверпись грудью въ шесты, опять зашагали по бортамъ, придавая ходу... Еще мысъ: снова тѣ же крики, только солдатъ мѣняется ролью съ рулевымъ, а носовые оба прутъ съ другою стороны. Порогъ близко; лодка хотя тихо, по подвигается къ нему. Криковъ вѣтъ; разятъ только солдатъ, неполяѣ изучившій искусство погонщика, засорить за камень: обругаетъ его оборванцемъ, жоржей — и опять тихо. (Я ужъ привыкъ не обращать вниманія на крики съ другихъ лодокъ). Хозяинъ молчитъ, работники тоже. И тотъ и другіе всматриваются въ порогъ: первый можетъ-быть гадаетъ, какъ онъ пройдетъ порогъ? не посадитъ ли въ немъ барку? вторые съ обычной безстрастностью работника — вонъ, дескать, порогъ! за тѣмъ поплывиваютъ на руки, приготовляеъ къ сильной работѣ. Обогнувши еще мысъ, мы подошли къ порогу и причалили къ берегу позади трехъ лодокъ, стоявшихъ раньше, — переждать, пока дѣтъ, идущія сверху, спустятся въ порогъ. «Ну, барянтъ, теперь погулять можно», сказалъ хозяинъ, садясь на кормѣ закусывать. Носовые тоже сѣли по бортамъ, достали хлѣбъ и подлнчили имъ, въ прикуску съ селедкой. Я пригласилъ моихъ товарищей выйти на берегъ; но они предпочли остаться въ каютѣ, и я самъ тоже остался посмотреть, какъ барки спустятся въ порогъ и всталъ на бортъ, чтобы лучше видѣть. Вода съ шумомъ несется черезъ порогъ: съ боковъ ея тѣснятъ гряда камней, со дна поднимается гребень известковой плиты. Вдали, за порогомъ, опять видна рѣка во всю ширину, гладкая, спокойная; ближе сюда, сжатая берегами, она собираетъ свои воды и разомъ бросаетъ ихъ на порогъ: толкаемыя сюда, онѣ толчутъ другъ друга, ударяются о каменные берега, отскакиваютъ, рвутся дальше; тутъ подхватываетъ ихъ гребень плиты, стираетъ въ пыль и выбрасываетъ за порогъ въ широкое русло, гдѣ онѣ успокоиваются... Быстро несется рѣка черезъ порогъ. На эту-то быстрину вѣзжаетъ барка. Рулевой молчитъ, командовать и ругаться некогда: все вниманіе устремлено на руль и камни; молча носовые исполняютъ свое дѣло: длинные шесты со свистомъ сѣиутъ воздухъ, однимъ ударомъ отталкивая барку отъ камня. Носовые и рулевой работаютъ однодушно: въ глазахъ ихъ одна мысль, — пройти неразбившись. Барка летитъ со всей силой, давною ей токомъ, и прямо на насъ... Въ головѣ мелькнули рассказы, какъ барки сверху рѣжутъ пополамъ низовыя, въ минуту обращая ихъ въ щепы съ товаромъ и людьми... Барка не мѣняетъ направленія... носовые упорно смотрятъ въ воду... вотъ-вотъ со всего размаху она ударится въ нашу барку... еще минута... Я отскакиваю на другую сторону, не безъ дрожи смотрю что будетъ: во — шесты

свистнули въ воздухѣ, проскресли по камню — мимо насъ летить ужъ рулевой, угрюмо ворочая рулемъ. Только наши носовые по-свѣялись надъ моимъ скачкомъ: «испугался, баринъ!» Понятно почему рулевой угрюмъ: барка — все его имущество, домъ, кормилица; онъ десять разъ провелъ ее хорошо, — кто поручится, что въ этотъ разъ онъ не посадитъ? Вода то падаетъ, то подымается, то высовываетъ камня, то прячетъ ихъ для большей опасности... Когда порогъ посадитъ на свой хребетъ барку, тутъ нѣтъ времени рассчитывать, на какихъ мѣстахъ были камни въ прошломъ году. Я еще разъ соскочилъ съ борта съ замирающимъ сердцемъ, когда мимо насъ неслась вторая барка, и еще разъ отдохнулъ, когда съ нами поравнялся рулевой. «Отчаливай!» раздалось съ переднихъ барокъ. Теперь лучше идти на берегъ, — успѣю наслушаться криковъ, успѣю насмотрѣться, когда пойдетъ наша барка.

Боже мой! по этому щебню невозможно идти: черезъ подошву онъ колетъ, рѣжетъ, накаленный солнцемъ жжотъ... До берега, до зелени, еще сажень тридцать и все щебень. А тутъ еще нужно перескакать черезъ лужи... сверху палитъ солнце, и какъ палитъ, какой духотой наполняетъ воздухъ — невыносимо! Не свернуть ли? Да нѣтъ! все-таки сколько-нибудь пройдуся, а на баркѣ все сидишь... Какъ же ходять по этимъ жгучимъ, острымъ камнямъ погоньщики, и еще босикомъ? Вотъ жизнь-то въ самомъ дѣлѣ: я въ сапогахъ съ двойными подошвами не могу пройти двадцать сажень, а погонщикъ цѣлый день идетъ по такой мостовой... Наконецъ добрался до зелени. Берегъ-то какъ высокъ: фуражка валится! А не сидѣть же здѣсь, прислонившись къ голому корню, или протянуть ноги на горячую известь... И лѣсъ-то какъ идетъ: сосна, ель, шва, береза, шипишникъ — все мелкое, все перепелось, ступить негдѣ... Что за спускъ! дѣйствительно, деревья должны переплестись, чтобы помогать другъ другу держаться прямо: иначе они или перекувыркнутся вершиной внизъ, или съѣдутъ съ горы, какъ ѣдутъ мои ноги, несмотря на то, что взбираюсь хватаясь за сучья. Тутъ еще налетѣла стая оводовъ, бросающихся на всякаго, кто войдетъ въ лѣсъ... А до верхушки еще далеко, я только на серединѣ; тамъ вѣтерокъ перебираетъ листья, а здѣсь и комарамъ дали знать, что я въ лѣсу... Все же мнѣ лучше, чѣмъ погонщику: вонъ «засорило!» кричать — и онъ долженъ со всѣхъ ногъ бѣжать по щебню; меня и не жжотъ, а его какъ пропекаетъ черезъ рубашку!.. Наконецъ добрался! Да какъ я усталъ! не до прогулки по берегу, лучше лечь подъ кустикомъ на зеленой травкѣ, да отдохнуть. Трава мягка, душиста; свѣжій вѣтерокъ отгоняетъ комаровъ. Небо-то, облитое лучами, какъ хорошо! Далеко видно отсюда. Вездѣ лѣсъ, зеленый,

густой, высокой; только вонъ вправо на томъ берегу поднимаются два холма, покрытые какъ коврами разнымъ житомъ; за ними видны кровли и невысокій шпицъ деревенской церкви. Самой церкви и домовъ невидно за лѣсомъ. Кула ни взглянешь, вездѣ лѣсъ. на обоихъ берегахъ, на горахъ, на скатахъ... Желтосѣрое дво рѣки рѣзко прерываетъ его зеленыя массы. Какимъ безлюдьемъ, пустыней отзывается оно: кажется люди не только стараются побѣдить силу теченія, но и уйти скорѣе изъ этого безжизненнаго мѣста. Шумъ порога, крикъ, ругательства лодочниковъ не оживляютъ его: они слишкомъ малы, чтобы оживить все накаленное его пространство. Что это? трескъ? Шестъ сломался, а за нимъ упалъ въ воду носовой. Въ первый разъ значитъ идетъ на баркѣ: нужно бы было бросить шестъ. Вонъ онъ лѣзетъ на барку. «Зъворотъ! переломай всѣ шесты!» съ угрозой кричитъ хозяинъ. Пусть ихъ бранятся, я пока отдохну. Что за мука тамъ на баркѣ въ жары! Выйдешь днемъ на палубу, печеть, душно; пойдешь въ каюту — миллионы комаровъ, нельзя ничѣмъ запяться! Ночью — укроешься хорошенько отъ комаровъ — жарко; раскроешься, — забьдять комары; бьнешся, бьнешся часа два — и выйдешь на палубу ждаты утра, когда вѣтеръ разгонитъ этихъ мучителей.

Но наша барка отчаливаетъ, нужно идти садиться (такъ говорить — какъ будто ѣдемъ въ дилижансѣ или въ вагонѣ по желѣзной дорогѣ). Все готово: хозяинъ у руля, работники съ шестами по бортамъ, солдатъ поднялъ кнутъ, воронье взяли бичеву и переправились на другой берегъ. «Отчаливай! Солдатъ, вынось! воронье, пошолъ!» Мы въѣхали въ порогъ. Небольшія, но быстрыя и сильныя волны бьютъ въ борта, въ дно, въ носъ — какъ будто мы опять ѣдемъ по дровамъ — и толкаютъ барку назадъ. Бичева вытянулась, мачта накренилась, погоньщики подняли страшный вой, кнутъ и палка гуляютъ по выгнутымъ спинамъ лошадокъ. Хозяинъ кричитъ сколько хватаетъ голоса: пошолъ, погоняй! Лошади, поощряемая палками и страшными криками, настрягли всѣ свои силы; барка идетъ хорошо... Стоитъ!.. въѣхала на плиту! Хозяинъ развелъ руками, плюнулъ и началъ ругаться. Вирочемъ ругательства ни къ чему не вели: барка все-таки съѣхала внизъ, таща за собой на бичевѣ задомъ разгоряченныхъ лошадей. Пришлось снова подыматься въ порогъ. Этотъ разъ былъ удачѣе: поднялся какъ слѣдуетъ; еще неуставшія лошади провезли скоро по порогу, вѣремя оттолкнулись отъ камней — и вотъ мы опять въ рѣкѣ. Опять она, широкая, плавная, окаймленная зелеными берегами, открылась передъ нами. Слѣдующаго порога еще невидно и неслышно; что дѣлать? Читать не хочется. Не смотрѣть же все на зеленые берега да думать

вслухъ съ товарищами : здѣсь вотъ хорошо пообѣдать, подѣ гѣтъ кустомъ павиться чаю, на той горѣ поставить башню и проч. и проч. Это занятіе ужъ надоѣло намъ въ первые дни пути.

Погода мѣняется : подулъ сильный вѣтеръ, комары исчезли — чего же лучше? — пойду спать. Я и такъ почти двѣ ночи не спалъ во милости жара и комаровъ... Я проснулся, когда мы вѣзжали въ Тихвинку. Хозяинъ говоритъ, что послѣдніе пороги мы проѣхали скоро и безъ всякихъ остановокъ. Сяса раздѣлилась : вправо шла она же, влѣво Тихвинка. Мы повернули въ Тихвинку (очень узенькую рѣчку при устьѣ; выше она гораздо шире). «Новая рѣка — молитесь, ребята, Богу!» сказалъ хозяинъ. — «Рано, отвѣчали работники : нось въ Тихвинкѣ, а задъ-отъ еще въ Сяса !..»

Н. ГУДЛЕВЪ

НАШИ ДОМАШНЯЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

О томъ, чѣмъ живетъ теперь нашъ народъ. — Нѣкоторыя изъ его проявленій и взгляды наблюдателей. — Характеристическіе факты изъ постановленій губернскихъ присутствій. — Нѣчто о внимательствѣ въ семейныя дѣла и о народномъ здоровьѣ. — *Женскій крестьянскій комитетъ*. — Рѣшительное признаніе потребности въ грамотности и проектируемаго общества. — Женскій вопросъ, переходящій въ женскія руки. — О сословномъ характерѣ учебныхъ заведеній: упраздненіе училищъ дѣтей канцелярскихъ служителей. — Петровская академія. — Еще *самоучки*. — Возстановляющаяся кафедра. — Печальный случай въ Останкинѣ. — Новое поприще для общественной благотворительности.

Обширна земля наша, разнообразны ея климаты, далеки, ужасно далеки концы, по которымъ разсыпалась русская семья. Если окинуть мысленнымъ взоромъ пространство —

отъ Перми до Тавриды,
отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая, —

и попытаться опредѣлить нравственное состояніе, настроеніе и текущіе интересы живущаго на немъ общества, то можно испугаться собственнаго покушенія. Ежедневно слышимъ мы паровозные сигналы и чуемъ, какъ чрезъ просѣки и недавнія труцобы

Летитъ звѣда-чугунка
Съ шипѣніемъ и свистомъ;

ежедневно и непрерывно по разнымъ направленіямъ почти всея этой изумляющей своей обширностью площади совершается электромагнитный токъ, переносятъ изъ конца въ конецъ слова и мысли, верѣлку (говорятъ, что не всегда) опережая самую чугунку; грохочутъ денно и ночно скоропечатныя машины, изъ-подъ которыхъ излетаетъ еще не исчисленное въ точности нѣкъмъ изъ современ-

никовъ количество листовъ бумаги, и ежемѣсячно, еженедѣльно и ежедневно разносить всюду многообразныя жизненныя вѣсти... Но несмотря на все это, сила пространства еще противостоитъ челонѣческой мысли, которая иногда какъ-будто не хочетъ поровняться въ быстротѣ съ электромагнитнымъ токомъ и, не обобщаясь, остается въ первобытномъ разнообразіи, подобномъ разнообразію климатовъ нашего обширнаго отечества. Человѣкъ, прибывшій изъ какой-нибудь точки окружности къ центру, слушаетъ, широко открывъ глаза, какъ бы незнакомыя рѣчи и неожиданныя мысли, слышитъ вопросъ: что тамъ, вдали, дѣлается и думается, отвѣчаетъ, и — обитатель центра открываетъ въ свою очередь глаза и внемлетъ новымъ и тоже можетъ-быть неожиданнымъ для него рѣчамъ и мыслямъ.

Въ центрѣ всегда движеніе быстрѣе, и потому текущіе интересы здѣсь обновляются и смѣняются чаще. Въ центрѣ организма образуются жизненные соки, питающіе прочія его части; нужно же время, чтобъ разнестись этимъ сокамъ по организму, переработаться и усвоиться имъ его частями. Отъ характера и предметовъ дѣятельности центра зависитъ качество образующихся соковъ, а отъ качества соковъ зависитъ степень жизненности и здороваго состоянія въ частяхъ организма. Въ нашемъ единственномъ общественномъ центрѣ къ 19 февраля нынѣшняго года образовался питательный, животворный продуктъ, который теперь разрабатывается всѣми частями огромнаго организма. Имъ надолго станетъ этой пицци; онѣ будутъ жить ею и въ то время, когда въ центрѣ образуются (если уже и теперь не образовались) другіе элементы, долженствующіе поглотить его дѣятельность. Теперь весь народъ живетъ положеніями 19 февраля и разрабатываетъ ихъ. Мы постоянно читаемъ соображенія и постановленія мировыхъ учреждений, губернскихъ присутствій и главнаго комитета, разъясненіе статей положеній, дополненіе или измѣненіе ихъ, и вотъ въ чемъ состоитъ существеннѣйшая черта этой общей работы: она порождается практическимъ примѣненіемъ этихъ статей, вызывается условіями народной жизни и тотчасъ вся входитъ въ эту жизнь. Понятно, что по мѣрѣ того какъ народъ будетъ глубже проникать въ смыслъ положеній и яснѣе сознавать права свои, — вопросы будутъ возникать все изъ болѣе и болѣе глубокихъ основъ его жизни и отвѣты на нихъ болѣе и болѣе будутъ соответствовать характеру и потребностямъ народа.

Эта разработка имѣетъ еще то важное свойство, что въ ней должны постепенно выясниться духъ народа и коренныя черты его характера. До сихъ поръ конечно еще немного открылось въ этомъ

отношеніи ; обнаружилась только скрытность народа и крайняя недоверчивость его къ бывшимъ господамъ. Хотя съ одной стороны слышимъ, что вслѣдствіе справедливыхъ и безпристрастныхъ дѣйствій большинства мировыхъ посредниковъ народъ обращается къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ ; но съ другой говорятъ, что народъ уклоняется отъ подписанія уставныхъ грамотъ и вообще отъ подписанія чего бы то ни было, какъ-будто боясь даться въ обманъ и утратить права, дарованныя ему его *хартією* — положеніемъ. Такъ крѣпко, говорятъ, держится онъ за эту *хартію* ! Одинъ корреспондентъ съ юга увѣряетъ (Соврем. дѣлоп. № 40), что помѣщики жаждутся на холодность и недостатокъ сочувствія народа. Что бы ни предлагалъ помѣщикъ — говоритъ онъ — крестьяне все недовольны, и все жаждутъ чего-то другого, болѣе широкаго ; какія бы уступки ни дѣлалъ помѣщикъ въ ихъ пользу, они ничего не относятъ къ его великодушію, и все считаютъ только исполненіемъ закона. Яркій примѣръ недоверчивости крестьянъ и темныхъ надеждъ ихъ «на что-то другое, болѣе широкое», представляетъ дѣло помѣщика самарской губерніи Кавелина, который подарилъ крестьянамъ четвертую часть надѣла. Вотъ что разсказывается объ этомъ въ «Самар. губ. вѣдомостяхъ» : «Дѣло состоялось при полномъ согласіи со стороны крестьянъ ; но даръ помѣщика тѣмъ не менѣе не остановилъ ихъ отъ предположенія большихъ правъ съ ихъ стороны на землю, на полный надѣлъ, что по ихъ мнѣнію должно послѣдовать по истеченіи временно-обязаннаго положенія. Въ силу такого сомнѣнія они просили владѣльца включить въ грамоту дополнительное условіе, которымъ бы онъ обязался остальное количество земли, находившейся въ ихъ пользованіи, не отчуждать на правѣ неограниченной собственности въ теченіе одиннадцати лѣтъ. Чтобы устранить всякую тѣнь сомнѣнія, г. Кавелинъ далъ это обязательство ; тѣмъ не менѣе онъ замѣтилъ крестьянамъ шаткость ихъ надеждъ и неизмѣнную волю правительства... Данное г. Кавелинымъ обязательство вызвало порицанія въ томъ отношеніи, что исполненіемъ просьбы крестьянъ онъ какъ бы подкрѣпляетъ ихъ надежду, не имѣющую опоры въ положеніи, и губернское присутствіе даже сочло необходимымъ высказаться въ этомъ смыслѣ. Съ другой стороны, намъ сообщали, что это обстоятельство произвело на крестьянъ обратное впечатлѣніе : говорятъ, они убѣдились, что ихъ надежда напрасная, такъ какъ въ противномъ случаѣ владѣлецъ не согласился бы такъ охотно дать на себя письмо».

Вотъ и наблюдайте пріемы народнаго мышленія!.. О томъ, какъ вообще проявляется въ послѣднее время народъ, разные наблюдатели замѣчаютъ слѣдующее :

«Крестьяне (говорить блины) въ короткое время значительно выросли въ смыслъ свободныхъ людей; они уже смотрятъ намъ прямо въ глаза, а не пенура голову, и говорятъ прямо что они желаютъ, а не обвиняютъ».

«Новымъ духомъ вѣетъ въ селахъ русскаго царства (замѣчаетъ другой). Этотъ новый духъ чувствуется во всемъ; вы слышите его въ крестьянскихъ рѣчахъ, вы видите его на крестьянскихъ лицахъ. И можетъ ли быть иначе?.. Цѣлыя массы народа вдругъ очутились въ совершенно новомъ положеніи. Вдругъ прекратилось право безответственнаго и произвольнаго распоряженія трудомъ и личностью людей. Тѣлесныя наказанія, если еще по совѣщанію исчезли, то перестали быть личной расправой; но и по суду неправомерныя тѣлесныя наказанія назначались нынѣшнимъ лѣтомъ очень рѣдко, несравненно рѣже чѣмъ прежде. Патриархальный способъ моретай расправы повсе выходитъ изъ употребленія. Это всеобщій фактъ. Нельзя не признать этого факта, подтверждаемаго нами со всѣхъ сторонъ; тѣмъ болѣе нельзя не признать его, что рука объ руку съ нимъ идетъ другой фактъ — усиливающаяся увѣренность въ совершенной личной безопасности помѣщиковъ. Трусливая и невѣжественность, ожидавшая богъ-знаетъ какихъ неурядицъ, становится теперь воспоминаніемъ, надъ которымъ подтруниваютъ даже самые робкіе изъ робкихъ. Никому въ голову не приходитъ опасаться за себя и свое семейство. Никто уже не трусатъ вѣхать въ свою деревню, и помѣщики живутъ въ своихъ деревняхъ такъ же спокойно, какъ прежде; если они что опасаются, то отнюдь не насилія, а экономическаго ущерба. Крестьяне держатъ себя вѣжливо, чѣмъ даже можно было ожидать...»

Чувствуется, что въ этихъ наблюденіяхъ очень много сущей правды; но мы имѣемъ право сдѣлать скромное предположеніе, что нѣкоторые факты здѣсь немного слишкомъ обобщены. Напримеръ, что тѣлесныя наказанія перестали быть личной расправой; — это конечно должно быть такъ; но чтобы и по суду они назначались нынѣшнимъ лѣтомъ *очень рѣдко*, въ этомъ если не возразить, то усомниться можно. Нынѣшнимъ лѣтомъ было много поводовъ къ этой печальной мѣрѣ: сколько мы читали свѣдѣній о такъ называемыхъ недоразумѣніяхъ, а сколько еще осталось ненапечатанныхъ и слѣдовательно неспрочтенныхъ частныхъ случаевъ личнаго уклоненія отъ исполненія предписанныхъ обязанностей!.. Кроме того, еще одинъ наблюдатель замѣчаетъ, что «чаще всего предаются на судъ общественнаго мѣстнаго требованія иныхъ землевладѣльцевъ, добывающихся примѣрнаго наказанія, безъ суда, крестьянъ; особенно жевщанъ, изъ какихъ-нибудь пустыхъ причинъ. Между

тѣмъ по высочайшему повелѣнію уже объявлено, что нынче нельзя потѣшаться розгами по произволу...» Это говорится о циркулярномъ предложеніи управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній отъ 11 августа, гдѣ сказано, что «изъ числа крестьянокъ и дворовыхъ женскаго пола, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, не могутъ быть приговариваемы къ тѣлесному наказанію :

- а) достигшія пятидесятилѣтняго возраста ;
- б) получившія образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ ;
- в) занимающія должности повивальныхъ бабокъ, смотрительницъ больницъ, сельскихъ училищъ и школъ ;
- г) принадлежащія къ семействамъ изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія».

Въ то же время обнаружено, что во II отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцелярія находится на разсмотрѣніи вопросъ *объ отмене вообще тѣлесныхъ наказаній для лицъ женскаго пола.*

Такимъ образомъ уменьшеніе, а потомъ можетъ-быть и совершенное исчезновеніе тѣлесныхъ наказаній относится еще къ свѣтлому будущему и составляетъ только предметъ сладкой надежды. Что касается до замѣчаемой со стороны крестьянъ *възвлости*, то гдѣ это понятіе крайне относительно, и всѣ условія его ни въ какомъ законѣ не исчислены, между тѣмъ крестьяне, какъ выше сказано, крѣпко держатся только за свою хартію. Мы напримѣръ слышали много частныхъ случаевъ, въ которыхъ нѣкоторые помѣщики, найдя обращеніе крестьянъ не исполнѣ удовлетворяющимъ всѣмъ условіямъ възвлости, благоразумно притворяются незамѣчающими этого, и скоро побуждаютъ своей великодушной терпимостью временную запосчивость людей упоенныхъ быстрой переменою положенія. Другіе помѣщики напротивъ входятъ въ амбіцію и предъявляютъ претензію, что крестьяне не ломаютъ предъ ними шапки. Конечно эти претензіи, какъ смѣшныя по своей мелочности, и кончатся болѣею частью смѣшнымъ; но все-таки фактъ крестьянской възвлости намъ кажется немножко слишкомъ обобщеннымъ.

Продолжаемъ наблюденіе надъ проявленіями народа.

«На мировыхъ сѣздахъ (сказано въ одной корреспонденціи) всегда присутствуетъ множество внимательныхъ зрителей новаго и непривычнаго для насъ публичнаго разсмотрѣнія жалобъ на посредниковъ и обсуживанія экономическихъ вопросовъ».

Г. Мельгуновъ пишетъ изъ другой мѣстности : «Мнѣ было во многихъ отношеніяхъ пріятно видѣть, въ послѣднюю мою поѣзду

въ Рязань, что крестьяне ближайшихъ мѣстъ, ихъ старшины и другіе выборные люди сидѣли въ большой залѣ дворянскаго собранія и слушали, какъ члены мирового съѣзда разсуждали между собой объ ихъ дѣлахъ. Конечно мужички многого не уясняли себѣ; но по ихъ сосредоточенному вниманію видно было, что предметъ совѣщаній очень ихъ занималъ, даромъ что дѣла, бывшія на очереди, не касались присутствовавшихъ. Это были простые зрители, наравнѣ со всѣми другими гражданами. Тѣ изъ поселянъ, о которыхъ заходила рѣчь, призывались особенно: ихъ спрашивали, съ ними совѣщались. Но зрители, какъ и слѣдуетъ, должны были молчать да слушать, или уйти. Вотъ для крестьянъ новая школа, гражданская и отчасти юридическая!»

Если при этомъ вспомнимъ общее замѣчаніе, что мировыя учрежденія видимо скоро привились у насъ, то можно получить твердую увѣренность въ ихъ живучести и въ великихъ послѣдствіяхъ ихъ полого укорененія. «Мировые посредники (говорить одинъ мѣстный наблюдатель) подають добрый примѣръ безкорыстія и уваженія къ правдѣ, а это, вмѣстѣ съ распространеніемъ грамотности и развитіемъ частнаго самоуправленія, скоро уничтожить взяточничество въ самомъ его основаніи, т. е. въ измѣнившихся взглядахъ народа на судъ и судей: будутъ бояться праваго суда, но не прозвола судей. Нечестнымъ мужику противъ мужика въ настоящее время, при возбужденномъ состояніи умовъ, рѣшительно быть нельзя: его просто заѣли бы всѣмъ міромъ, еслибы онъ только попробовалъ покривить душой... Чиновнику тоже нельзя быть нечестнымъ противъ мужика, потому что у него подъ бокомъ честный мировой посредникъ, за нимъ мировой съѣздъ и губернское присутствіе... Мужикъ это очень хорошо сознаетъ, а потому не пресмыкается предъ тѣмъ, кого прежде трепеталъ».

Таково должно быть будущее значеніе нашихъ мировыхъ учреждений! Дѣйствительно, если подъ бодомъ у мужика честный мировой посредникъ, а за нимъ мировой съѣздъ и губернское присутствіе, то онъ можетъ не пресмыкаться. Въ примѣръ того, какую защиту и теперь находятъ мужикъ въ своихъ мировыхъ учрежденияхъ, можно привести нѣсколько постановленій орловскаго губернскаго присутствія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаютъ, что обширная земля наша и что понятія и нравы въ ней все еще такъ же разнообразны, какъ климаты. Вотъ что узнаемъ мы на примѣръ изъ этихъ постановленій:

1) Помѣщикъ орловскаго уѣзда *Ефимовъ* жаловался мировому посреднику Нарышкину и (кажется) губернскому присутствію на неовиновеніе крестьянъ. По этимъ жалобамъ сдѣлано дознаніе, и

онѣ оказались совершенно неосновательными: г. Ефимовъ (и съ нимъ вмѣстѣ г. *Бурнашевъ*) требовалъ какъ прежде, такъ и на предстоящую уборку, чтобы крестьяне поднимали паръ на сороковой десятинѣ въ двѣ сохи, что, по свидѣтельству всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ и управляющихъ, совершенно невозможно. Въ тѣхъ окрестныхъ имѣніяхъ, гдѣ десятины тридцатыя, требуется двѣ сохи на десятину и по двѣ косы для косьбы хлѣба; на сороковыя же десятины всегда требовались три сохи для пахоты, три косы для косьбы ржи и пять косъ на двѣ десятины для косьбы овса и гречихи. На этомъ основаніи мировой посредникъ рѣшилъ, «что требованія гг. Бурнашева и Ефимова неосновательны и чрезмѣрно обременительны для крестьянъ, и утвердилъ въ ихъ имѣніяхъ размѣръ работы, существовавшій доселѣ во всѣхъ окрестныхъ имѣніяхъ». Губернское присутствіе постановило: увѣдомленіе его объ этомъ принять къ свѣдѣнію.

2) Малоархангельскій мировой посредникъ Чиркинъ увѣдомилъ присутствіе, что временно-обязанный дворовый человѣкъ Козьма Прохоровъ приходилъ къ нему нѣсколько разъ съ жалобами на притѣсненія отъ помѣщика Владиміра *Мацнева* и на дурное содержаніе. Посредникъ два раза просилъ письменно г. Мацнева выдать Прохорову увольнительный актъ; но г. Мацневъ, вмѣсто того, пригласилъ къ себѣ непремѣннаго члена малоархангельскаго земскаго суда *Нелюбова*, чтобы привести въ повиновеніе Козьму Прохорова, который, по словамъ г. Мацнева, отказывается ходить на работу, ссылаясь на приказаніе мирового посредника. Нелюбовъ прибылъ въ имѣніе Мацнева, призвалъ Козьму Прохорова для внушенія повиновенія, наказалъ его розгами и, по показанію Прохорова, подбилъ ему кулакомъ глазъ. Трое свидѣтелей удостовѣрили, что г. Нелюбовъ билъ Прохорова, и глазъ оказался дѣйствительно *подбитымъ жестоко*. Прохоровъ положительно отрицаетъ показаніе г. Мацнева, что будто бы онъ ссылаясь на приказаніе посредника — не ходитъ на работу. При слушаніи этого увѣдомленія въ губернскомъ присутствіи, начальникъ губерніи заявилъ, что по полученному имъ отъ г. Чиркина донесенію, уже сдѣлано распоряженіе о производствѣ по этому дѣлу слѣдствія. Присутствіе постановило: просить мирового посредника Чиркина выдать дворовому человѣку Козьмѣ Прохорову, на основаніи 18 статьи положенія о дворовыхъ людяхъ, если онъ того пожелаетъ, *увольнительный актъ*.

3) Здѣсь мы хотимъ разсказать дѣло, объ окупательной развязкѣ котораго еще не знаемъ; но разскажемъ его, потому что оно очень любопытно, и разскажемъ словами обнародованнаго постановленія губернскаго присутствія. «Ботоговской волости, Брянскаго

уѣзда, деревни Полтчанки, въ имѣніи г. Жаковского, крестьяне въ 1841 году начали дѣло о свободѣ, доказывая, что они принадлежатъ Бѣлобережскому монастырю. Дѣло это болѣе пятнадцати лѣтъ было на разсмотрѣніи разныхъ судебныхъ мѣстъ и рѣшилось въ пользу помѣщика; но крестьяне отказались ему работать, и за противоэкономныя ихъ дѣйствія, всѣ домохозяева, числомъ болѣе сорока-пяти человекъ, были заключены въ тюрьму и содержались тамъ около четырехъ лѣтъ. Въ это время помѣщикъ отрѣзалъ всю ихъ землю къ господской запашикѣ, такъ что когда крестьяне были освобождены изъ тюремнаго заключенія, то остались совершенно безъ земли. Дѣло объ этихъ крестьянахъ еще неокончено, и всѣ они состоятъ подѣломъ судомъ; поэтому никто изъ нихъ не можетъ быть, на основаніи 144 ст. общаго положенія, избранъ въ должности. Бранскій мировой посредникъ Головинъ, не стѣсняясь этою статьею, учредилъ тамъ сельское общество; а что касается до работъ на помѣщика, то такъ какъ крестьяне не пользуются никакими земельными угодьями, исключая очень маленькаго огорода, то г. Головинъ не считалъ себя вправе заставлять крестьянъ работать на помѣщика три дня въ недѣлю, тѣмъ болѣе, что состояніе крестьянъ, живущихъ *три-столыми именами*, исполнѣ несправедливо. По собраніи сельскаго схода, г. Головинъ убѣдился, что крестьяне не такъ испорчены, какъ объяснилъ ему о нихъ помѣщикъ; они съ готовностью объявили желаніе отбывать какъ казенныя, такъ и на помѣщика повинности, если только имъ будетъ выдѣлена та самая земля, которую они владѣли до своего заключенія въ тюрьму; но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что предпочитаютъ лучше платить оброкъ, нежели отправлять издѣльную повинность, *потому что послѣдняя можетъ служить поводомъ къ новымъ на нихъ жалобамъ*. Г. Жаковский изъявилъ желаніе отдѣлить имъ землю, но только не ту, которою они владѣли, но запольную, требуя при томъ, на основаніи положенія, уплаты половины оброка впередъ. Посредникъ нашолъ, что какъ надѣлъ запольной земли, такъ и требованіе полнаго оброка несправедливо: крестьяне въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что нельзя и думать о переселеніи ихъ на другую землю, которая безъ удобренія не будетъ въ состояніи вознаградить за уплаченный оброкъ; требованіе же за нынѣшній годъ оброка потому неправильно, что крестьяне не могутъ воспользоваться всѣми доходами съ земли, не посѣявъ въ яровомъ и пропустявъ время пахоты подѣ озимь, слѣдовательно у нихъ останутся только одни луга, за которые будетъ несправедливо взыскивать полный оброкъ, положенный за всѣ полевыя угодья. Губернское присутствіе, принимая во вниманіе, что въ отношеніи мирового посредника не объяснено, какимъ количе-

своими земли пользоваться крестьяне, какое имъ предлагаетъ помѣщикъ въ настоящее время, и что вопросъ этотъ, по своей важности, требуетъ обстоятельнаго и тщательнаго разсмотрѣнія на мѣстѣ, постановивши; просить посредника, по открытіи мироаго съѣзда, внести это дѣло на его разсмотрѣніе, въ одно изъ первыхъ заведеній, и затѣмъ просить съѣздъ, не правда въ исполненіе своего постановленія по сему предмету, представить его на разсмотрѣніе губернскаго присутствія.

Мы не можемъ вести подробную лѣтопись примѣненія новаго положенія; но позволили себѣ выписать эти три, въ одно и то же время обнародованные случаи, какъ характеристику нравовъ в той обстановкѣ, въ которой застали народъ мировыя учрежденія, должностную поэтому взять на себя часть подвига очищенія нашихъ нравовъ. Здѣсь имѣтъ особенно громкихъ словъ, особенно рѣзкихъ и исключительныхъ событій; говорится о вещахъ или менѣе обыкновенныхъ, дѣмашнихъ, въ которыхъ однако оказалась необходимому и спасительному зашиты со стороны мировыхъ посредниковъ и губернскаго присутствія... Если съ одной стороны справедливо, что въ распространеніемъ грамотности и развитіемъ частнаго самоуправленія измѣнятся взгляды народа, то съ другой — отъ чего будетъ зависеть измѣненіе взглядовъ гг. Мацнева и Жаковского на себя и другихъ людей? Грамотность между ними вѣроятно уже распространена; стало быть остается въ виду развитіе частнаго самоуправления, вліяніе котораго будетъ безъ сомнѣнія всеобщее, а не ограничивающееся однимъ сословіемъ крестьянъ. Впрочемъ и грамотность принимается здѣсь конечно не въ буквальномъ и тѣсномъ ея значеніи, а въ смыслѣ истиннаго образованія, которое должно способствовать устраненію и такихъ явленій, какое, по словамъ одной официальной статьи, представила помѣщица Кочетурова, требовавшая отъ священника, чтобъ онъ не вѣнчалъ ея дѣвки, на томъ будто бы основаніи, что вышла новыи указъ, чтобъ всѣ выходящія замужъ платили барышъ оброкъ. Чтобъ растолковать помѣщицѣ значеніе закона, превратно его понимаемаго, необходимо, говорить, было нравственное вмѣшательство и главнаго начальника драг. и мѣстнаго преосвященнаго.

Вѣроятно этотъ, а можетъ-быть другіе подобныя случаи вызвали слѣдующее правительственное распоряженіе: святѣйшій синодъ опредѣлилъ предписать по духовному вѣдомству циркулярными указами, чтобы крестьяне и дворовые люди, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, были вѣнчаны безъ требованія на то дозволенія бывшихъ ихъ владѣльцевъ.

Что такое собственно для народа грамотность и идущее за нею

просвѣтлѣніе понятій — объ этомъ уже нечего говорить ; особенно нечего говорить о значеніи этого блага въ устройствѣ и развитіи политическаго и общественнаго быта народа ; но еще остается его внутренній индивидуальный и домашній міръ, въ который ни мировыя и никакія учрежденія не вибѣютъ ни возможности, ни права вторгаться, который между тѣмъ еще половъ для насъ такой глубокой тьмы, а черты, прорывающіяся повременамъ изъ этой тьмы, возбуждаютъ такое живое участіе, а иногда и состраданіе !.. Вотъ хоть бы на примѣръ возбужденный въ той же орловской губерніи, жалоархангельскимъ мировымъ посредникомъ Мейеромъ вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ. Г. Мейеръ противъ раздѣловъ ; онъ пришолъ къ убѣжденію, что жалобы крестьянъ на неудобства совместной жизни и просьбы о дозволеніи раздѣловъ большею частью пренеходятъ черезъ ссоры женщинъ или во избѣжаніе рекрутства, або крестьяне вѣрятъ, что три брата, разошедшіеся въ разныя дворы, уже не будутъ подлежать рекрутству. Посредникъ внушалъ крестьянамъ, что раздѣлы ведутъ къ неминуемой неисправности раздѣланныхъ въ отбываніи казенныхъ и помѣщичьихъ повинностей ; но общества, несмотря на эти внушенія, продолжаютъ весьма легко дозволать раздѣлы. Находя въ этомъ вредъ и источникъ разоренія для крестьянскихъ семействъ, г. Мейеръ просилъ губернское присутствіе указать правила : въ какихъ случаяхъ сельскія сходы могутъ дозволать семейные раздѣлы. Но губернское присутствіе, какъ видно, иначе смотритъ на предметъ : оно нашло, что ограничивать предоставленное сельскимъ сходкамъ право разрѣшать семейные раздѣлы нѣтъ никакой необходимости, потому что если на семейный раздѣлъ согласны общество и желающіе раздѣла члены семьи, — стороны прямо заинтересованныя въ этомъ, — то необходимо предоставить все это ихъ собственному усмотрѣнію. «Русская рѣчь» говоритъ по этому поводу : «О несправедливости вмѣшательства какой бы ни было сторонней власти во внутреннюю жизнь семьи, хотя бы и съ самыми гуманными цѣлями — въ наше время говорить неумѣстно, потому что въ несправедливости этого вмѣшательства нѣтъ, не сомнѣвается. Въ ней не сомнѣвается и весь народъ, на здравый смыслъ котораго нельзя не полагаться. Но здѣсь можетъ-быть нѣсто напомнить, что ратующая за принципъ невмѣшательства экономическая наука разсматриваетъ выгоды моральнаго положенія народа, какъ самый прочный залогъ народнаго благоденствія. Съ научной, да и опытной точки зрѣнія, цѣль возвышенія благоденствія искусственными мѣрами соединенія людей, не имѣющихъ духовной связи, обусловливающей дружное взаимодѣйствіе ихъ къ достиженію общихъ интересовъ, — невозможна. Люди, которыхъ

духовный иррь разорванъ чѣмъ бы то ни было — враждою ли бабь, или диаметральною противоположною побужденій — не могутъ согласно идти рука объ руку къ одной цѣли».

Мысль о противодѣйствіи раздѣламъ г. Мейеръ вынесъ конечно изъ практики, изъ дѣйствительнаго сельскаго быта. Въ сколько нибудь знакомые съ этимъ бытомъ очень хорошо знаютъ, что одиночныя семьи рѣдко благодеиствуютъ, что раздѣлившася семья непремѣнно бѣднѣетъ. Между тѣмъ несправедливость посторонняго вмешательства въ дѣла семьи также не подлежитъ сомнѣнію. Чѣмъ же можно помочь горю? Чѣмъ можетъ быть устранено зло, кромѣ единственнаго средства — просвѣтленія народныхъ понятій? Мы недавно слышали разговоръ бывалыхъ людей по этой части. «Вотъ бросился въ раздѣлъ, говорилъ бывалый человекъ: — отболѣеть отъ желающихъ раздѣла; дошло до того, что ужъ мужъ съ женой дѣлается...

— Это какъ? спрашиваютъ рассказчика: — что за побывальщина?

— Такъ! У старика съ старухой два сына женатыхъ. Одинъ-то сынъ иногда поколачивалъ отца, а другой — мать. Братья не ладили и пошли въ раздѣлъ, и старики туда же: отецъ пошелъ къ тому сыну, который колотилъ мать, а мать къ тому, который колотилъ отца.

Можно желать уменьшенія семейныхъ раздѣловъ, но къ исполненію этого желанія ведетъ ужъ никакъ не постороннее вторженіе въ семейныя дѣла, а только нравственное просвѣтленіе и возвышеніе понятій народа. И сколько еще вообще лежитъ на народѣ тѣмъ, которую предстоитъ разогнать будущему свѣту! Сколько предразсудковъ, стравныхъ, совсѣмъ дѣтскихъ!.. Не угодно ли напримѣръ, мы напомнимъ нѣкоторые случаи, недавно напечатанныя въ газетахъ?

Вотъ одинъ «интересный сельско-хозяйственный случай», какъ озаглавила его «Сѣверная Пчела». Крестьянинъ волоколамскаго уѣзда Иванъ Оедуловъ развелъ на своей землѣ питомникъ туземныхъ и иностранныхъ растений, именно: тополя серебристаго, аблени, крыжовника, малины, сибирской сирени, воздушнаго жасмина, *gambus grategus*, — съ цѣлью торговать ими. Крестьяне, его односельцы, по случаю повторяющихся неурожаевъ и болѣзней на хлѣбъ, возстали на Оедулова, приписывая эти несчастія влѣзшю питомника, особенно заморскихъ растений, и стали грозить уничтожить этотъ питомникъ. Оедуловъ, для опыта, послѣлъ хлѣбъ въ десяти саженьяхъ отъ питомника, и хлѣбъ уродился, и никакой болѣзни не подвергся. Это однако его не успокоило, и вотъ — прино-

дальше онъ въ вельное экономическое общество и просить разрешить вопросъ: не можетъ ли въ самомъ дѣлѣ имѣть такое вредное вліаніе питомникъ, а если имѣть, то выдать ему въ этомъ удостовѣреніе, для условія односторонняго и ограниченаго питомника отъ всякихъ нападѣй.

А крестьяне вятской губерніи, употребляющіе парилы изъ красного, такъ-называемаго французскаго ситца, считая ихъ причиною гадъза божія — неурожаю, потому что они видятъ ихъ крашеными собатей кровью, такъ что въ нихъ и въ церковь ходятъ шельзы. И это ужь вѣрно, потому что одному мужичку на ногѣ жалалась два чудные старца, которые шѣрали поле ланотной веревочкой, приговаривая: «что выпалитъ жаромъ, а это огнемъ сжечь». Они-то, эти старцы, и велѣли истребить красныя парилы.

Эти явленія крайней мѣрѣ способны вызвать улыбку и имѣютъ такое свойство, что можно спокойно ждать постепеннаго ихъ исчезновенія. Но есть, именно въ домашней жизни народа, такіа стороны, надъ которыми уже никакъ не улыбнешься, и для которыхъ потребность въ образованіи самая неотложная. Напримѣръ въ той же «Русской Рѣчѣ» все заговариваютъ о мѣрѣхъ къ сохраненію народнаго здоровья, въ виду вліанія этой мысли недавно разсуждали о недостаткѣ врачебныхъ пособій въ деревняхъ и о беззачинномъ, безотрадно-печальномъ состояніи деревенскихъ жилищъ.

Разоматривалась высказанная гдѣ-то, кажется въ «С. петербургскихъ вѣдомостяхъ», мысль о необходимости *облагодѣланныхъ* содержаній врачей крестьянскими обществами; говорилось о томъ, что крестьяне содержатъ повелѣнъ врача, сами все-таки пойдутъ къ выкарабкинъ и ворожеямъ, которымъ больше вѣрять, нежели врачамъ. Что касается до обязательности содержанія врачей, то пусть каждый самъ принаѣршитъ, въ какой степени полезно и пріятно обязательное содержаніе кого бы то ни было. Напримѣръ, въ Петербургѣ прислуга обязана жить по адреснымъ билетамъ, дающимъ право на безплатное поступленіе въ больницу для чернорабочихъ. Но можно почти съ увѣренностью сказать, что изъ ста человекъ, живущихъ по адреснымъ билетамъ, найдется одинъ или два, которые признаютъ для себя пользу отъ билета и респектъ имѣютъ, въ случаѣ болѣзни, на больницу; а остальные девяносто восемь тамъ покорятся введенному порядку, не думая о больницѣ, и... отшатываются отъ нея. Недовѣріе же крестьянъ вообще къ врачамъ — дѣла чертѣное. Мы напримѣръ знаемъ одного оставшаго врача, оставшаго практику, а занимающагося въ небольшой деревенскій сельскій козайствѣ. Онъ кота говоритъ, что уже не практикуетъ, но въ сущности его практика не прекратилась, потому что 40

всего околodka къ нему безпрестанно являются больные, приносятъ большихъ взрослыхъ, приносятъ больныхъ дѣтей; совѣты его крестьяне исполняютъ, вѣрятъ въ нихъ и благословляютъ его. Знаемъ еще одну вѣтку врача, которая при жизни мужа набралась отъ него кой-какихъ простыхъ медицинскихъ свѣдѣній; — у ней также постоянныя консультаціи съ больными крестьянами. Изъ этихъ фактовъ пожалуй можно заключить, что если есть недовѣріе, то къ неананіямъ врача и не къ дѣйствительности его средствъ, а къ извѣстному официально или неофициально поставившему себя лицу. Къ надлежащимъ врачевнымъ средствамъ не можетъ быть недовѣрія со стороны крестьянъ, потому что вѣдь они не вѣдуютъ; но врачу, такъ же какъ священнику, надо умѣть жить съ народомъ, чтобы дѣйствовать спасительно на его тѣло и душу...

Настоятельная потребность въ нравственномъ просвѣщеніи народа не только давно провозглашена литературой, но и давно чувствуется даже въ глубинѣ нашего отечества. Въ ней кажется уже нѣмто не сомнѣвается, и теперь намъ дороги тѣ факты, гдѣ сознаніе этой потребности переходитъ въ чистую и искреннюю частную дѣятельность. Къ такимъ фактамъ надо отнести извѣстіе, сообщенное редакціи «Сѣверной Пчелы» г. В. Половцовымъ изъ села Воскресенскаго, лежащаго во ста верстахъ отъ Казани.

«Богъ помогъ (пишетъ г. Половцовъ) учредить въ здѣшнемъ мѣстѣ *женскій крестьянскій комитетъ*, которымъ страдаютъ (?) не только бабъ, но и мужиковъ. А всего только двухъ женщинъ и призвали для наставленія, да и тѣхъ отпустили съ миромъ. Цѣль комитета — возверненіе доброй нравственности и вспоможеніе истинно-нуждающимся, а на первый разъ — изученіе молитвъ. Это такой рычагъ, что имъ всего удобнѣе было тронуть возъ съ мѣста, чтобъ привести въ движеніе и дать надлежащее религиозно-нравственное направленіе. Достиженіе этой цѣли разумѣется не легко, но фундаментъ этому положенъ здѣсь уже восемь лѣтъ тому назадъ. Двигателемъ была во все время одна и таже особа: дѣвица Полагая Алексѣевна Бахарева, выдавшая около полусотни приютокъ замужъ, все тутъ же, въ одномъ мѣстѣ. Разумѣется, что горюшекъ было немало, когда теперь и старухи олдвдцати участвуютъ выбрали ее питомицъ въ старшія. Эти-то старшія и составляютъ членами женскаго крестьянскаго комитета. Теперь я всталъ за мужчинъ и высвращиваю, кто какія молитвы знаетъ.»

Въ этой мысли есть много хорошаго, но есть также и дѣлго ближе какъ-будто неясное или недосказанное. Что значить, что комитетомъ *страдаютъ*? Что значить: «да и тѣхъ отпустили съ миромъ?» А развѣ предполагается отпустить внихъ и съ вреж-

дой? Въдѣ въ такомъ добровольномъ и сердечномъ дѣлѣ только и могутъ быть дѣйствительны — миръ да любовь. Недосказанность почувалась намъ вѣроятно оттого, что мы впервыи не совсемъ поняли составъ комитета, т. е. кто эти старшія, выдѣланныя замужъ пріютки: вышедшія ли изъ народа, или изъ среды чуждой народу; и восторыхъ не знаемъ, какіе именно приемы употребить члены комитета для достиженія предположенной цѣли, а отъ приемовъ-то и заблестъ весь успѣхъ дѣла... Можетъ-быть г. Половцовъ будетъ продолжать печатныя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла. Тогда увидимъ.

Въ заключеніе свѣдѣній о народномъ дѣлѣ приведемъ слухъ о прекрасномъ предпріятіи Е. Н. Карновича: онъ, говорятъ, предполагаетъ съ начала будущаго года издавать газету подѣ названіемъ: «Мировой Посредникъ.» Газета будетъ служить органомъ для обмена мыслей между лицами, принявшими на себя званіе мировыхъ посредниковъ, для выраженія ихъ недоразумѣній и вообще для передачи всего, что будетъ выработываться на мировыхъ съѣздахъ. Кромѣ того, газета будетъ представлять статьи юридическаго и историческаго содержанія, относящіяся къ развитію общаго началъ мирового посредничества.

Переходя собственно къ дѣлу образованія, мы прежде всего упомянемъ о нѣкоторыхъ частныхъ начинаніяхъ, которыя обыкновенно дѣйствуютъ прямо и просто, а потому и воспринимаются легко и скоро.

Въ бузулукскомъ уѣздѣ (самарской губ.) въ селѣ Коноваловкѣ священникъ Фальковъ открылъ воскресную школу для толкованія закона божія. Въ извѣстіи говорится, что слушатели у него преимущественно мордва и что число ихъ постоянно увеличивается. Можно догадаться, что это — воскресная школа для взрослыхъ, и дѣятельность священника Фалькова также представляетъ, по выраженію г. Половцова, рычагъ, которымъ можно двинуть возъ; а мордва, кто ихъ знаетъ, возъ довольно тяжелый.

О томъ, какъ крестьяне желаютъ учить дѣтей грамотѣ, свидѣтельствуетъ г. М. Турскій, которому пришлось жить выѣхавшее лѣто въ селѣцѣ Пажинѣ гдовскаго уѣзда, — въ мѣстности глухой, лѣсной и болотистой. Деревня (разсказываетъ г. Турскій) изобилуетъ дѣтьми, вѣчно играющими на улицѣ. Нельзя было не пожелать научить ихъ чему-нибудь, хотя читать да писать на первый случай! Выбравъ удобное время, мы отправились по крестьянскимъ изъясненіямъ приглашать желающихъ учиться грамотѣ. Намъ казалось почему-то, что мы встрѣтимъ оппозицію со стороны крестьянъ. Не тутъ-то было. Хозяинъ первой избыи прямо объявилъ намъ, что

онъ бы радъ учить свою дочь, да это дорого стоитъ, не по его карману, и много благодарилъ насъ, когда его дочь каждый день начала ходить къ намъ въ классъ. Въ другой избѣ мы узнали, что крестьянинъ давно уже подумывалъ отдать своего сынишку въ ученье, да не зналъ куда. Мы предложили услуги. Мальчикъ, о которомъ мы хлопотали, былъ тутъ же въ избѣ. — «Хочешь учиться?» спросилъ его одинъ изъ насъ. — «Не гораздо», отвѣчало дитя. — «Дурчина ты! замѣтилъ отецъ: выучишься — хорошо будетъ, будешь писарь; выучишься считать, лавочникомъ можешь быть.» Одинъ крестьянинъ до того былъ взволнованъ нашимъ предложениемъ, что не желая упустить случая, сталъ навязывать намъ своего пятнадцатилѣтняго сына. Мы отказывались, но мужикъ настаивалъ. «Возьмите, говорилъ онъ: маленькій—то еще лучше въ толкъ возьметъ; вотъ развѣ только бояться будетъ, если пристрастишь когда, а то можно, ничего.»

Короче сказать: по словамъ г. Турскаго, во всей деревнѣ нашолся только одинъ мужикъ, отказавшійся посылать въ ученье четырнадцатилѣтняго мальчика, который былъ нуженъ ему для работы; но зато самъ мальчикъ почувствовалъ сильную охоту учиться и урывками прибѣгалъ въ классъ. Женщины, въ особенности старухи, были какъ-быто не совсѣмъ довольны, а обратно боясь, что дѣтей будутъ бить; мужики же напротивъ сами просили посылать ребятъ, рассуждая такъ: «Нельзя чтобъ не побить: дѣло божье, нелегкое, сразу не поймашь; побьютъ, такъ оно лучше пойдетъ.»

Еще разъ: пора окончательно признать, что неохота простыхъ людей отдавать дѣтей въ книжное ученье, — неохота, о которой прежде бывало обыкновенно говорили, составляетъ уже прошедшее. Она прошла, и прошла какъ-то вдругъ, какъ-быто дукой ее сняло. Откуда же взялось вдругъ это разумное стремленіе? Если изъ новаго положенія, то могло ли оно такъ широко развиться въ иѣсколько мѣсяцевъ, съ 19 февраля? «Это — магическое дѣйствіе свободы!» скажете вы съ удивленіемъ. Да! но если говорить проще, то не всегда ли оно существовало и сознавалось, только признаніе дѣлаю въ людѣ и не выходило наружу? На народъ чуть ли не нагоръ ворсила напраслину: дѣла зналъ же онъ всегда, что ученье съѣтъ, а неученье тьма, только не принималъ этой мысли, къ дѣлу, не принималъ ея къ себѣ, полагадъ, что она къ нему не относится, ято онъ обреченъ на тьму, изъ которой выходитъ ему судьба не велѣла. Теперь стоило только намекнуть ему о противномъ, — и человеческое стремленіе разомъ вспыхнуло, и уже нельзя удержать его естественнаго хода! Теперь пока еще отецъ рисуетъ сыну блестящую будущ-

несть; представляя его писаремъ или лапочникомъ, а скоро и эти образы исчезнутъ изъ народнаго воображенія и замѣнятся другими; болѣе чистыми идеалами.

И такъ — грамотность слѣдовалась народной потребностью, требующею удовлетворенія. Слава-богу, что эта потребность, этотъ крикъ голодныхъ душъ не остался неуслышаннымъ, потому что... мы ужасно много говоримъ объ этомъ, и даже дѣлаемъ, — хотя не очень быстро и съ нѣкоторыми запинками, но все-таки дѣлаемъ. У насъ даже являются иногда новыя формы предпріятій поэтому дѣлу; такъ напримѣръ читаемъ: «Въ г. Якобштадтѣ высочайше утверждено акціонерное общество для постройки зданія для частнаго училища съ пансіономъ». Такого общества съ такою цѣлью у насъ еще не бывало.

Но главное — не промышленныя, а безкорыстныя общества распространенія грамотности, — они-то нужны, отъ нихъ-то многого слѣдовало бы ждать. Мы знаемъ, что кромѣ комитета грамотности при вольномъ экономическомъ обществѣ, возникаютъ подобныя же общества и въ разныхъ другихъ пунктахъ; но многія изъ нихъ уже дожили до открытія своихъ дѣйствій, — этого не знаемъ. Слышали напримѣръ давно, что въ Полтавѣ зародилась мысль объ учрежденіи общества для распространенія грамотности и элементарныхъ знаній въ народѣ. Теперь рассказываютъ, что уже составленъ проектъ устава общества, что извѣстны желаніе около шестидесяти лицъ быть действительными членами и двѣнадцать лицъ — почетными членами, и что остается только обществу получить утвержденіе отъ правительства.

Изъ Кіева также несетса вѣсть о «прекрасной мысли учредить общество распространенія грамотности и православнаго образованія въ югозападныхъ губерніяхъ». Здѣсь также говорятъ, что нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ жителей Кіева уже составили проектъ устава и вошли въ прошеніемъ о дозволеніи приступить къ учрежденію самаго общества; выставивъ въ прошеніи убѣдительнѣйшія причины, почему образованіе такого общества въ томъ краю даже можетъ быть необходимое, чѣмъ въ какихъ-нибудь другихъ частяхъ Россіи. Далѣе излагаются вкратцѣ эти убѣдительнѣйшія причины, а оканчивается извѣстіе молитвою о томъ, «чтобы все это не осталось однимъ проектомъ».

Мы не дерзнули бы сравнивать степени необходимости общества грамотности для разныхъ частей Россіи, а просто желаемъ, чтобы они были вездѣ. Еслибы не осталось ни одного уголка, гдѣ бы не дѣйствовало подобное общество, то это было бы самое лучшее.

Въ Ярославской губерніи въ г. Романовѣ открыто 30 августа жемъ

слово приходское училище. Ученицы поступили двадцать дѣтъ, болышею частью изъ торговаго сословія; основной капиталъ училища — триста рублей; преподавателями вызвались быть безмездно штатный смотритель и учителя уѣзднаго училища и священникъ Покровскій.

Въ недавнее время женскихъ народныхъ училищъ было у насъ такъ мало... такъ мало, что почти совсѣмъ не было; теперь они множатся чуть не съ каждымъ днемъ.

Въ одной изъ передовыхъ статей «Сѣверной Пчелы», недавно, печатае какъ 22 сентября, опять читаемъ слѣдующіе не въ первый разъ задаваемые вопросы: «отчего женщина, занятая тѣмъ же дѣломъ, какъ и мужчина, работаетъ болыше, а выработываетъ меньше его? Отчего кухарка беретъ меньше жалованья, нежели поварь? наставница меньше, нежели наставникъ? повивальная бабка беретъ меньше за визитъ, нежели акушоръ?» и т. д. Ответъ на эти вопросы очень простой: оттого что въ болышей части случается женщины меньше знаютъ нежели мужчины, а меньше знаетъ она оттого, что ее не всему тому учатъ, чему учатъ мужчину. Все это авторъ знаетъ конечно и безъ насъ, и потому идетъ дальше...

«Мы того живѣе (говоритъ онъ), что женщины лучше учатъ; что онѣ могли бы исправлять виновныхъ лучше нежели мужчины, точно также какъ лучше ухотъ ихъ за больными; а болышею частью что такое виновный? — тотъ же больной! Почему же не участвуютъ женщины въ разбирательствахъ, права и правды? Почему ихъ не учатъ основательно «медицинѣ?» и т. д. Въ заключеніи ставится слѣдующее положеніе: «до той поры мало будетъ и толку и добра не свѣтъ, пока надъ женщиной будетъ преобладать чуждая ответственность и легкомысліе мужчинъ».

Появленіе теперь этихъ вопросовъ и этого положенія, въ передовой статьѣ «Сѣверной Пчелы», отчасти удивило насъ. Нѣсколько времени тому назадъ они поднимались было въ нашей литературѣ съ особенной силой, и мы еще тогда (если припомнимъ благосклонный читателю) замѣтили какъ-то, что душно дѣлаютъ тѣ люди, которые слишкомъ показаворски гадаютъ надъ такими дѣлами; шарая бравадой непонявша какъ слѣдуетъ его смущая, какъ будто чувственно стараясь всѣми силами опонять его въ глаза; ситонидей публики. Тогда (сказать не врандъ, это было недавно) встала даже челобитная или журналъ, который не знаю для чего притворился простачкомъ и очень важно, съ видомъ какого-то зашвареннаго степняка; спросивъ во всеулыбашіе: «а да о чемъ чушь клеветаютъ? какихъ еще правъ нужно женщинамъ? Въдъ онѣ же пользуются всѣми гражданскими правами!» Не была раздался громкій голосъ

сего вопрошателя, вдруг все глумящееся смолкло; веселые ноты перестроили свои лиры и запѣли о чемъ-то другомъ, кажется о мыльныхъ столахъ и стearиновыхъ колонахъ. Надо полагать, что послѣ этого вопроса всѣмъ стало совѣстно продолжать и идти дальше... Мы начинали—было думать, что вопросъ, сбитый такимъ образомъ съ толку, западетъ надолго, и онъ можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ замалеть бы, еслбмы не вступились тѣ, до которыхъ онъ непосредственно касается, т. е. сами женщины. Перемолчавъ время, кишѣвшее глумленіемъ, онъ вышелъ съ твердою рѣчью на защиту своихъ правъ, и въ ихъ устахъ вопросъ начинаетъ входить въ свои законныя границы, дѣлается вопросомъ о воспитаніи и образованіи женщинъ... Можетъ-быть и авторъ статьи въ «Сѣверной Пчелѣ» задавалъ свои вопросы въ минуту одушевленія головами женщинъ? — Гдѣ же слышны эти голоса? спросите вы. Указываемъ на г-жу Союзю Андрееву, явившуюся въ августовскомъ номерѣ «Отеч. Записокъ» съ критической статьей по своему предмету; указываемъ на г-жу Е. С.—ну... Послѣдняя-то и заставила насъ заговорить объ этой женской исторіи, попавшейся-было въ мужскія руки; собственно мы хотѣли говорить о ней, т. е. о ея статьѣ въ 35 № *Современной Летописи*: яно поводу учрежденія екатеринславской женской гимназіи». Вотъ что г-жа Е. С.—на говоритъ въ началѣ своей статьи:

«Съ тѣхъ поръ какъ издано положеніе объ учрежденіи женскихъ училищъ перваго и втораго разряда, въ короткое время въ Россіи успѣло возникнуть множество новыхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Желательно было бы знать всѣ подробности объ открытіи этихъ заведеній и о ходѣ въ нихъ образованія. Но къ сожалѣнію и то и другое, особенно для насъ, жителей отдаленныхъ провинцій, открыто совершеннымъ мракомъ неизвѣстности. Мы читаемъ только, что тамъ-то и тамъ-то женскія гимназіи открыты; что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ учителя предложили невозможное преподаваніе, но на какихъ началахъ основаны эти новыя женскія учебныя заведенія, какіе начала приняты въ нихъ для умственного и религіозна-нравственнаго образованія, какими матеріальными средствами располагаетъ общество при ихъ учрежденіи, какия *сословія* преимущественно жертвовали, какия *сословія* дѣвочки по преимуществу пользуются въ этихъ образованіяхъ, кѣмъ ж на основаніи какихъ данныхъ избраны преподавательницы и дѣвочки женскихъ гимназій и училищъ, — ни о чемъ этомъ мы не встрѣчаемъ свѣдѣній ни въ литературныхъ, наиболее распространенныхъ журналахъ, ни въ газетахъ; вообще нельзя себѣ составить яснаго понятія о вновь открываемыхъ женскихъ гимназіяхъ. И принимаемъ, несмотря на это нед-

чаніе, мы не можемъ не удивляться равнодушію общества къ одному изъ главныхъ его интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, общество кажется сознало уже и высказало, что причина нравственнаго бездѣія, которое замѣчается во всѣхъ образованныхъ классахъ нашего общества, — безспіе, на которое всѣ такъ жалуются — кроется отчасти въ ничтожности, ложно направленномъ воспитаніи женщинъ, въ воспитаніи, которое преимущественно развиваетъ въ женщинахъ съ дѣтства мелочную суетность и пустое, унизительное тщеславіе. Общество сознало уже и высказало, что средства къ исправленію этого зла, и слѣдовательно къ улучшенію нравовъ вообще, должно искать между прочимъ въ *возстановленіи достоинства женщины*. Какъ же послѣ этого не считать женскаго воспитанія однимъ изъ главныхъ интересовъ общественныхъ, и какъ не удивляться замѣчаемому равнодушію къ этому вопросу?..»

Этотъ голосъ, поданный русскою женщиною, этотъ взвѣженный и искренній — мы и заносимъ въ лѣтпися, какъ ручательство за то, что среда русскихъ женщинъ скоро озарится полнымъ сознаніемъ своего нравственнаго и общественнаго положенія, и полныя о нихъ вопросы не заглохнутъ... Предметъ и цѣль статьи г-жи С.—ной составляютъ слѣдующія мысли:

1) Независимо отъ женскихъ гимназій, и даже прежде нихъ, необходимо заботиться объ учрежденіи женскихъ училищъ втораго разряда, чтобы обезпечить элементарное образованіе всѣхъ классовъ общества.

2) Женскія гимназіи назначаются преимущественно для дворянскихъ классовъ, т. е. дворянства; а такъ какъ большая часть дворянскихъ семействъ живетъ въ городахъ, то при гимназіяхъ необходимы націоны, безъ которыхъ онѣ для дочерей помѣщичьихъ были бы недоступны.

3) Такъ какъ дворянству даровано вышѣ права устраивать женскія учебныя заведенія посредствомъ частныхъ ассоціацій, то оно, дворянство, и должно воспользоваться этимъ правомъ съ полнымъ единодушіемъ и энергіею; оно должно — изыскать у себя матеріальныя средства, принять на себя опредѣленія, самую широкую систему воспитанія и наблюденія за примѣненіемъ и развитіемъ этой системы (снять эту тягломую заботу съ центральной административной власти). Жертвуя своими матеріальными средствами, оно само должно и распорядиться ими: вѣрить попечительство предводителю дворянства (чтобы такимъ образомъ новое учрежденіе прицкнуло къ учрежденію уже существующему), избрать изъ среды себя комитетъ для обсужденія проекта организаціи женскаго воспитанія, и при этомъ (необходимѣйшее условіе) вызвать дѣятельное участіе

образованнѣйшихъ матерей-воспитательницъ, которыя бы высказали свое мнѣніе о болѣе правильной системѣ нравственнаго и умственнаго образованія дѣвушекъ.

Хотя г-жа С.—ина въ одной мѣстѣ своей статьи говоритъ: «чтобъ не вводить въ новое учрежденіе сословныхъ предрасудковъ, мы должны были бы допустить въ него воспитанницъ и изъ другихъ сословій», — но другія мѣста статьи и все ея направленіе какъ будто и не исключаютъ вполне сословнаго духа. Мы напримеръ читаемъ въ ней такія строки: «Для дочерей бѣдныхъ родителей, высшаго сословія, необходимы собственно училища второго разряда, съ необширною программой. Болѣе образованныя и достаточныя семейства городскихъ жителей могутъ давать дочерямъ образованіе болѣе обширное... Вообще намъ кажется утопіей мысль объ учрежденіи одного общественнаго учебнаго заведенія для образованія женщинъ всѣхъ сословій. Сближеніе сословій, нѣтъ сомнѣній, цѣль прекрасная, но конечно странно полагать, чтобъ этой цѣли можно было достигнуть именно одинаковою программой наукъ для дѣвицъ высшаго и низшаго классовъ общества».

Все это повидимому очень благоразумно; но кажется не ознакомили бы мы противодѣйствія прекрасной цѣли сближенія сословій, еслибы не стали учреждать ни одного такого заведенія, которое бы предназначалось исключительно или преимущественно для одного какого-либо сословія, будетъ ли то заведеніе мужское или женское. На знанія не должно бы казаться быть ценса; школьныя и бумажныя издѣлія могутъ предназначаться — одни для богатыхъ; другія для бѣдныхъ; но знанія и этому раздѣленію подчинить нельзя. Надо быть высшимъ заведеніемъ, съ ограниченной программой; надо быть и высшимъ, съ программой болѣе обширной. Но почему жъ бы иной дворянкѣ не остановиться въ концѣ низшаго курса; еслибы случилось такое устройство ея головки, что большае ничего въ нее не вѣстится? Почему съ другой стороны не пройти и мѣщанской дочери высшего курса, еслибы понудилъ ее къ тому внутренній голосъ? Конечно большая часть мѣщанскихъ дочекъ ограничена низшимъ курсомъ, находя его для себя совершенно достаточнымъ; но зачѣмъ же говорить инакъ, что дескать вышнее-то не про насъ?.. Почему не учреждаться заведенію для всѣхъ *окладныхъ образованій*; и почему бы не поставить при этомъ главною заботою — чтобы заведеніе было доступно по возможности всѣмъ и привлекало бы всѣхъ; а потомъ — всѣмъ ли пойдуть въ него и какого званія воспитанницы будутъ въ немъ преобладать — это уже дѣло не вполне отъ самого заведенія зависящее.

Можетъ-быть многіе найдутъ наши рѣчи сильно непрактич-

ными, владающими въ утопію; но чтоже дѣлать, если практика-то наша все еще идетъ врозь съ безусловной правдой. А вотъ, какъ вы найдете слѣдующую мысль г-жи С—иной, которою она вчеты подтверждаетъ неудобство слитія сословій въ учебныхъ заведеніяхъ:

«Воспитаніе женщинъ нашего высшаго сословія (говоритъ она) далеко не можетъ похвалиться направленіемъ, которое бы прямо вело общество къ лучшему, къ прогрессу. — Не передадимъ ли мы женщинамъ другихъ сословій суетность, роскошь и тщесловіе, которыми заражены сами?»

Чтоже такое? мы какъ-то не можемъ въ толкъ взять; вѣдь это кажется значитъ: отдѣлять нашихъ высшихъ отъ высшихъ, изъ опасенія, чтобы высшіе не заразили низшихъ? Да искренно ли вы это сказали? Такъ-таки и оцѣнить по карантиннымъ правиламъ, какъ зачумленныхъ?.. Положимъ, что опасенія ваши и имѣютъ основаніе; но вѣдь вы думаете о радикальномъ преобразованіи системы воспитанія, о созданіи такой системы, которая бы искоренила тщесловіе и суетность. Такъ не лучше ли, составивъ проектъ преобразованія, т. е. придумавъ систему, вмѣстѣ съ введеніемъ ея допустить, какъ вспомогательное средство противъ сказанныхъ недуговъ, дѣйствіе примѣра низшихъ, недугами не зараженныхъ?.. Мы не стоимъ за дѣйствительность средства, а только дѣлаемъ выводъ изъ вашихъ посылокъ: если можно опасаться, что въ общемъ учебномъ заведеніи недостатки высшаго сословія передадутся низшимъ, и если поэтому низшія признаются свободными отъ этихъ недостатковъ, то при радикальной системѣ воспитанія не вѣроятнѣе ли предположить обратное дѣйствіе, отъ низшихъ къ высшимъ?

Какъ бы то ни было, вопросъ очень важенъ, а мы только набрасываемъ бѣглыя замѣтки, къ общему соображенію. Во всякомъ же случаѣ торжествуемъ тотъ фактъ, что русскія женщины вступились за свое дѣло. «Женщины лучше мужчинъ», говоритъ «Сѣверная Пчела». Можетъ-быть женщины и докажутъ это на дѣлѣ; что въ настоящемъ случаѣ имъ и не слишкомъ трудно будетъ сдѣлать; послѣ того, какъ нѣкоторые гг. мужчины стали было поступать съ женскимиъ вопросами.

А что касается до сословнаго характера учебныхъ заведеній, то мы имѣемъ офіціальный фактъ, относящійся къ этому предмету. У насъ существовали училища для дѣтей канцелярскихъ служителей, бывшія подъ вѣдѣніемъ приказовъ общественнаго призрѣнія. По общему отзыву, училища эти не отличались особенными пріобрѣтательствомъ и пользы обществу приносили мало. Теперь послѣдствіемъ высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, которыми дозволено:

«1) Дальнѣйшій пріемъ воспитанниковъ въ училища дѣтей канцелярскихъ служителей, въ томъ числѣ и въ особый для нихъ пансіонъ при оловецкой гимназій, нынѣ же прекратить.

«2) Взамѣнъ того, предоставитъ приказамъ общественнаго призрѣнія употреблять соразмѣрную со средствами ихъ сумму на помѣщеніе дѣтей канцелярскихъ служителей и бѣдныхъ чиновниковъ стипендіатами въ другія учебныя заведенія, какъ общія, такъ и спеціальныя, съ необходимымъ пособіемъ на одежду и учебныя принадлежности, оставляя впрочемъ сихъ дѣтей на попеченіи родителей, родственниковъ, опекуновъ и даже постороннихъ, но въ половѣ благонадежныхъ семействъ, съ тѣмъ чтобы лишь при совершенной къ тому невозможности, указы содержали таковыхъ дѣтей въ сиротскихъ домахъ или другихъ воспитательныхъ заведенійхъ, либо своими пансіонерами въ учебныхъ заведеніяхъ.

«3) На изложенныхъ основаніяхъ (п. 2) должны быть размѣщены и воспитанники, находящіеся нынѣ въ училищахъ дѣтей канцелярскихъ служителей; по мѣрѣ же распредѣленія ихъ, самыя училища имѣютъ быть закрыты, съ присоединеніемъ экономическихъ капиталовъ ихъ къ суммамъ приказовъ, въ распоряженіе коихъ поступятъ и зданія, принадлежащія симъ училищамъ.

«4) Министерству внутреннихъ дѣлъ предоставитъ тѣ зданія упраздненныхъ канцелярскихъ училищъ, въ коихъ не будетъ предостоять надобности для приказовъ, передать въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, для помѣщенія въ нихъ заведеній для образованія сельскихъ учителей» и пр.

Такимъ образомъ это постановленіе касается двухъ современныхъ потребностей: съ одной стороны полагаетъ конецъ несвоевременному, обветшалому учрежденію, а съ другой — оказываетъ содѣйствіе къ открытію новыхъ, необходимо нужныхъ заведеній.

Говоря о народномъ образованіи, мы не можемъ умолчать объ одномъ правительственномъ начинаніи, которое можетъ считаться событіемъ нынѣшняго года. Это — высочайше утвержденное предположеніе объ основаніи *петровской земледѣльческой академіи*. Въ журналѣ министерства государственныхъ имуществъ помѣщена подробная статья, въ которой изложены историческій ходъ этого предположенія, и начала, на которыхъ учреждается академія. Мы остановимся нѣсколько на послѣднихъ, чтобы дать хотя общее понятіе о духѣ и характерѣ будущаго учрежденія.

Академія учреждается въ купленномъ для этой цѣли министерствомъ государственныхъ имуществъ у частнаго владѣльца имѣнія — селѣ Петровскомъ-Разумовскомъ, находящемся близъ Мо-

скны, въ десяти верстахъ отъ кремля, по дорогѣ въ Петровскій паркъ, и въ восьми верстахъ отъ станціи желѣзной дороги.

Полный академическій курсъ будутъ составлять слѣдующіе предметы: 1) математика (геометрія, тригонометрія, алгебра, упражненія въ коммерческихъ исчисленіяхъ, практика съемки, нивелировки, разбивки плановъ въ натурѣ), 2) физика, 3) химія, 4) механика, 5) ботаника, 6) зоологія, 7) строительная наука, 8) лѣсоводство, 9) агрономія, 10) сельская экономія, 11) скотоводство и 12) технологія.

При академіи будутъ слѣдующія заведенія:

- 1) Библіотека, физическій кабинетъ и химическая лабораторія.
- 2) Консерваторія, въ которой можно было бы изучать: проповѣдательныя силы Россіи, положеніе ея сельской промышленности и современное состояніе сельско-хозяйственной техники.
- 3) Опытное поле.
- 4) Ботаническій садъ.
- 5) Особое отдѣленіе въ оранжереяхъ для физиологическихъ изслѣдованій надъ растеніями.
- 6) Фруктовый садъ и огородъ.
- 7) Заведеніе искусственнаго рыбоводства.
- 8) Птичій дворъ.

Сверхъ этого предполагено тутъ же основать ферму.

Академія будетъ открыта, за извѣстную плату, для *всѣхъ*, безъ различія званій и лѣтъ.

Въ ней будутъ только вольнослушатели. Начальство будетъ заботиться только объ устройствѣ для нихъ помѣщеній при академіи и удобнаго сообщенія съ Москвою.

Вступительныхъ и переводныхъ экзаменовъ совсѣмъ не будетъ.

Посѣтителямъ предоставляется по произволу — слушать полный курсъ, или только нѣкоторые предметы, или даже одинъ извѣстный предметъ.

Кто пожелаетъ имѣть удостовѣреніе въ приобрѣтенныхъ познаніяхъ, тотъ можетъ добровольно подвергнуть себя выпускному экзамену, и выдержавъ его, получаетъ — за полный курсъ дипломъ, за одинъ или нѣкоторые только предметы — свидѣтельство. Свидѣтельство не даетъ никакихъ правъ, кромѣ удостовѣренія въ знаніяхъ, а дипломъ даетъ права наравнѣ съ высшими учебными заведеніями.

Управленіе заведеніями ввѣряется директору (въ эту должность уже избранъ и назначенъ академикъ Желѣзновъ); учебною частью завѣдуетъ collegія профессоровъ.

Выборъ профессоровъ предоставляется самой ихъ collegіи,

... Все профессора академій пользуются одинаковыми правами, безъ раздѣленія ихъ на степени, какъ это введено въ университетахъ.

Такииъ образомъ (какъ сказано въ самой статьѣ) «доступъ въ академію открытъ для всѣхъ; выборъ предметовъ предоставляется каждому; пособія для науки положено имѣть возможно полныя; избраніе профессоровъ обезпечено судомъ ихъ самихъ: таковы пріядины, которые положены фундаментомъ заведенія и на которыхъ долженъ расти его успѣхъ. Отсутствие всякихъ формальностей для слушателей должно обратить все усилія ихъ на самое дѣло... Съ одной стороны устранены все преграды къ доступу въ заведеніе, а съ другой — въ самомъ заведеніи устранено все, что можетъ мѣшать дѣлу.»

Это напоминаетъ намъ о «настежь-растворенныхъ дверяхъ академій и университетовъ», о которыхъ мы говорили нѣсколько мѣсяцовъ назадъ. Здѣсь дѣйствительно обѣщаются «настежь-раствореннымъ дверямъ», въ которыя вѣрнѣе и войдутъ окошко тѣ, которые при прежнихъ средствахъ колотились вѣнъ самоучками... Насчетъ самоучекъ недавно встрѣтили мы въ газетахъ еще одно замѣчательное явленіе: это — разсказъ г. А. Ломоносова о знакомствѣ его съ Василемъ Михайловичемъ Кочькинымъ, бывшимъ крѣпостнымъ, а теперь временно-обязаннымъ крестьяниномъ г-жи Орловой, — родомъ изъ владимірской губерніи, ковровскаго уѣзда, деревни Аргуновой, — живущимъ въ Москвѣ и занимающимся «болѣе по лѣвой частѣ».

«В. М. Кочькинъ (разсказываетъ г. Ломоноскій) пріивольно имѣлъ съ просьбой одолжить ему численные таблицы Адлерскрона и Кюлика. Меня удивила правильность, съ которою онъ произноситъ иностранныя имена. На вопросъ, зачѣмъ понадобились ему эти таблицы, Кочькинъ отвѣчалъ, и совершенно толковито, что первыя, т. е. адлерскроновы, заключаютъ въ себѣ объемы усѣченныхъ конусовъ разныхъ размѣровъ, а вторыя — квадраты, кубы и корни чиселъ отъ 1 до 100,000, и что онѣ ему нужны по лѣвому дѣлу. Это повело къ разговору, продолжавшемуся нѣсколько часовъ, и тутъ-то я имѣлъ случай разсмотрѣть ближе эту выдающуюся изъ ряда личность. Оказалось, что В. М. Кочькинъ обстоятельно знаетъ арифметику, геометрію, тригонометрію и употребляетъ въ вычисленіяхъ таблицы логарифмовъ Каллета; онъ умѣетъ производить топографическую съемку и составилъ свои таблицы натуральныхъ синусовъ и косинусовъ, находя ихъ выгодами для большей точности... Математическія знанія приобрѣлъ онъ самоучкою, по курсу штыкъ-юнкера Войтхонскаго...» «Разговоръ его

вообще сплоскнута; а если и толковать, то говоря о дѣлѣ, онъ приходитъ въ особое одурившеніе... «Когда слушаешь его болтовня-тый разговоръ, когда смотришь на его высованное лицо и видишь напорченные умомъ глаза его, дѣлается какъ-то легко на душѣ. Впрочемъ не одинъ подобный Кочкинъ вылезаетъ еще на свѣтъ божій!..»

Конечно не одинъ! Вотъ хоть бы и Иванъ Терентьевъ Сыроезъ, поселенецъ енисейской губерніи, минусинскаго округа, азобравшій какой-то новый механическій двигатель и не изобрѣтшій средствъ одѣлать модель, о немъ съ большимъ участіемъ говоритъ «Вѣсть» въ № 39.

Мы говоримъ о народномъ образованіи; но сами-то мы (какъ уже оказано было въ одной статьѣ нашего журнала), мы люди болѣе или менѣе грамотные, развѣ не народъ? И мы-то развѣ не чувствуемъ потребности въ средствахъ къ дальнѣйшему развитію образованія? Въ этомъ отношеніи, для грамотныхъ людей должно упомянуть про одну пріятную новость, которую въ особенности оцѣнять тѣ, которые сидѣли на университетскихъ скамьяхъ, но давно, лѣтъ десять или больше назадъ, когда еще существовала въ нашихъ университетахъ кафедра *исторіи философіи*. Потомъ эта кафедра исчезла, и вотъ теперь только возстановляется ирѣ петербургскомъ университетѣ. Лица, желающія занять эту кафедру, приглашаются представить на конкурсъ, къ 1 декабря нынѣшняго года, свои сочиненія и дать три пробныя лекціи въ присутствіи ректора и факультета. При этомъ объявляютъ, что «въ видахъ дѣйствительнаго замѣщенія кафедры, не будутъ стѣсняться учебной степенью конкурента.»

Новая редація «Русскаго Ивалида» обращается къ общественной благотворительности, вызываясь быть посредницею между ею и нуждающимися юношами; «Русская Рѣчь» сабдуетъ ей притѣру; «Русское Слово» предлагаетъ въ пользу поступающихъ въ студенты молодыхъ людей жертвовать съ литературнаго гонорарія по 1%... Редація нашего журнала, съ общаго согласія своихъ сотрудниковъ, дѣлаетъ такое же предложеніе...

Далѣе. Изъ Рязани доставлено въ пользу московскихъ студентовъ болѣе трехсотъ рублей; изъ Твери получено редакціею «Московскихъ вѣдомостей» на тотъ же предметъ пятьсотъ рублей; въ редакцію «Русской Рѣчи» поступило нѣсколько мелкихъ предложеній... Изъ нихъ составила небольшая сумма, всего *тридцать четыре* руб., но въ этой суммѣ заключаются *пятьдесятъ коп.*, полу-

четырех от временно-обязанного крестьянина Ивана Тимофеева Нового. Это — лента евангельской вдовицы, и она примется точно также, какъ была принята та лента. Действительно, эта лента временно-обязанного крестьянина имеетъ для насъ большее нравственное значеніе, нежели полсотни рублей, пожертвованная богатымъ человѣкомъ. Мы ищемъ общаго теплаго сочувствія, съ которымъ можно всякую нужду обойти, всякую бѣду поправить. На сочувствіи просвѣщенныхъ и болѣе или менѣе достаточныхъ людей можно рачитывать; сочувствіе же простаго человѣка и къ дѣлу просвѣщенія у насъ еще ново и дорого. Въ искренности сочувствія Ивана Тимофѣича Нового нельзя сомнѣваться, потому что не можетъ быть другого источника, другого побужденія къ его жертвѣ; но → еслибы онъ былъ въ этомъ случаѣ представителемъ всего своего сословія!.. Еслибы всѣ временно-обязанные пожертвовали хоть по одной копѣйкѣ, понимая, на что они жертвуютъ, сознавая добро, которое они дѣлаютъ всему обществу, слѣдовательно и себѣ также, — Господи, что бы это было!

Мы говорили, что народъ весь живетъ теперь разработкою своего новаго положенія. Это — сельскіе обыватели; но почти тоже самое можно сказать и о городскихъ обывателяхъ въ собственномъ смыслѣ, которыхъ сильно занимаютъ отдаленные на общее обсужденіе проекты преобразованій торговыхъ пошлинъ и мѣщанскихъ повинностей. У русскихъ людей начинаетъ развязываться языкъ: купцы и мѣщане, отдѣльными лицами и цѣлыми обществами, подають голоса, представляютъ замѣчанія на проекты, отстаивая болѣе или менѣе свои права и выгоды. Какія изъ этихъ замѣчаній будутъ приняты и какія нѣтъ — мы конечно не знаемъ, а разбирать ихъ въ лѣтописи — не мѣсто.

Некоторые города, напримѣръ Кіевъ, Ростовъ на Дону и, какъ слышно, Тверь, думаютъ и выражаютъ желаніе о введеніи у нихъ городского управленія, т. е. состава думы по примѣру петербургской...

12 сентября открыта рижско-динабургская желѣзная дорога, и, какъ мы слышали стороной (не выдасмъ впрочемъ за несомнѣную правду), общество дороги предполагаетъ взять на себя продолженіе второй линіи на соединеніе съ будущею, пока еще воображаемою, — московско-восточною дорогою.

По части частной промышленности, «Эконом. Указатель» сообщаетъ, что въ костромской губерніи готовится большой льнопр-

дальней заводъ. Мы поправляемъ себя съ этииъ предприятіемъ, если ему суждено осуществиться, и получить полное и правильное развитіе.

По части литературной есть слухи объ одной находкѣ, о которой мы не можемъ не упомянуть, по собственному неодолимому влеченію, хотя ея еще не живетъ наше общество. Извѣщаютъ, что открыто нѣсколько сочиненій Н. В. Гоголя, совершенно-неизвѣстныхъ публикѣ; что они были переданы авторомъ покойнику А. И. Иванову, по смерти котораго перешли къ брату его; что всѣ эти сочиненія принадлежать къ лучшей порѣ дѣятельности Гоголя, и что теперь ждутъ только прибытія въ Москву его родственниковъ, чтобы приступить къ изданію драгоценной находки.

Въ настоящее время, когда... и проч.

(Извѣстный изъ употребленія приступъ)

Нашъ заинтересовало заглавіе фельетонной статьи въ «Сѣверной Пчелѣ»: *Провинціальныя корреспонденты и г. Щедринъ*, подписанной г. Ал. Пятковскимъ. Прочли мы эту статью и узнали вотъ что. Г. Щедринъ, какъ извѣстно, въ одномъ изъ номеровъ «Современника» за нынѣшній годъ помѣстилъ разсказъ: *Литераторы-обыватели*; въ немъ объ распекъ провинціальныхъ корреспондентовъ, т. е. литераторовъ-обывателей, и распекъ очень хорошо, съ достоинствомъ. Слова исшута, г. Щедринъ замѣтилъ за нѣкоторыми корреспондентами-обличителями значительную долю безтактности, замѣтилъ въ ихъ корреспонденціяхъ смѣшную сторону и, желая безъ сомнѣнія оградить нашу формирующуюся гласность отъ опошленія, поразилъ эту смѣшную сторону корреспондентовъ своимъ мощнымъ словомъ, но въ то же время далъ имъ такъ-сказать превосходную программу, какъ слѣдуетъ подвизаться на поприщѣ гласности. Г. Пятковскому чрезвычайно понравился этотъ разсказъ; онъ увидѣлъ въ немъ «болѣе глубокую мысль, чѣмъ сколько можно бы предполагать по его игривой, юмористической формѣ». Увидѣвъ эту мысль, г. Пятковскій долго молчалъ и вдругъ 25 августа сего 1861 года накинулся на гг. провинціальныхъ корреспондентовъ-обличителей со всею силою своего негодованія. Зачто же это? Развѣ еще мало щедринскихъ ударовъ? — Разсказъ: *Литераторы-обыватели* вѣроятно уже произвелъ свое дѣйствіе: если между корреспондентами были дѣйствительно неиззванные, то они безъ сомнѣнія смутились и смолкли; а сознавшіе въ себѣ силы и появившіе суще-

ственный смыслъ разсказа, принявъ его къ свѣдѣнію и еще олушавшись имъ. Въ самомъ дѣлѣ, если прослѣдить хорошенько за провинціальными корреспонденціями, то нельзя сказать, чтобы онѣ остановились на одной точкѣ и не шли впередъ. Притомъ вса до сихъ поръ ведшаяся корреспонденція, дѣльная и мелочная, развѣ осталась совсѣмъ безплодною? Развѣ не вызвала она многихъ именъ, справившихся въ мути съ своими грѣшками? Развѣ не ввела она въ обиходъ, чтобы обвиняемый оправдывался предъ обществомъ? Наконецъ — развѣ бесполезно было намъ знакомство съ самими корреспондентами, съ ихъ силами и средствами, съ ихъ положеніемъ, съ ихъ достоинствами и недостатками?.. По какому же поводу г. Петковский теперь-то именно напалъ на нихъ? И чѣмъ онъ окончилъ свою статью? Онъ перифразировалъ слова г. Щедрина, вложенныя имъ въ уста обличителя: «чѣмъ икру-то пожирать, не лучше ли было бы пожертвовать эти деньги на воскресную школу?» и говорить, обращаясь къ обличителю: «чѣмъ бумагу-то марать и толковать о ликазинскихъ птицахъ, не лучше ли употребить свое время и ту же самую бумагу на пользу обучающагося народа?»

Ну, слушайте же добрые люди: мы уже года два-три прообланили всѣмъ міромъ, — довольно! Теперь бросайте обличительныя перья, всѣ берите указки, собирайтесь въ кругъ и давайте также всѣмъ міромъ учить народъ и сочинять для него книжка! Да чуръ начинать всѣмъ! Неумѣняемъ никто не смѣй отговариваться!.. Такъ-таки и огласить окружнымъ посланіемъ, или лучше — циркулярнымъ предписаніемъ: дѣлай то что велать, а не то, что ты тамъ у себя въ углу нашолъ себѣ сподручнымъ... Вѣдь это ужъ въ самомъ дѣлѣ совершенное подобіе той икрѣ, на которую негодуетъ щедринскій обличитель! И какъ, подумаешь, гонимъ мы нашу жизнь! Точно на курьерскихъ!.. Теперь-то газета «Амуръ» понуваетъ неудобство отдаленнаго мѣстожителства: она думаетъ, что мы все еще живемъ въ періодъ обличеній, и не знаетъ, что этого переходъ мы уже пережили и вступаемъ въ періодъ учительства; она все еще толкуетъ о необходимости карать зло, насилію и несправедліе выставленіемъ его къ позорному столбу и бичовать его ледяною насмѣшкою, а также о тѣхъ мелкихъ изваяхъ, которыя причиняютъ самыя большія боли общественному тѣлу»; она все еще толкуетъ о томъ, что изъ агентовъ администраціи, для народа самыя важныя тѣ, которые стоятъ къ нему ближе, — агенты нисніе, третестепенные; что ими-то и должны быть лучшіе люди, и что стало-быть изъ ихъ-то среды и надлежитъ всячески вытѣснить зло... Что вы будете дѣлать съ этой запоздалой газетой?..

Между тѣмъ кто же эти провинціальныя корреспонденты? Неу-

желаніе все праздныя зрители, занимающіеся подглядываніемъ и производящіе всеобщее рылокошеніе, какъ выразился г. Щедринъ? Нѣтъ, не все такіе! Въ корреспонденціяхъ мы часто слышимъ голоса изъ среды съмовъ народа, которыми приходится сталкиваться съ высшими агентами администраціи, ближайшими къ народу представителями ея, и намъ передаютъ ощущенія, производимыя этимъ столкновеніемъ... Г. Пятковскій дѣлаетъ оговорку, что онъ не противъ гражданской гласности. — Да противъ чего же онъ? Противъ стереотипныхъ фразъ: «въ настоящее время, когда...» и проч., или «въ нашу вѣкъ прогресса...» и проч.? Но вѣдь это такой малевый предметъ, что о немъ теперь, послѣ статьи г. Щедрина, ужъ и заговаривать не стоитъ. Или онъ противъ тѣхъ, которые сообщаютъ ничтожныя по его мнѣнію факты? А гдѣ же вѣрка ничтожности? И можно бы кажется послужить дѣлу терпимости и не карать слабыхъ силу за ихъ слабость.

Приведемъ, въ видѣ примѣровъ, небольшую групу фактовъ, взятыхъ изъ разныхъ корреспонденцій, отлаивая на судъ читателямъ степень ихъ важности или ничтожности.

Во первыхъ — *проводы экспедитора*. Г. Василій Бѣловъ разсказываетъ, что онъ отъѣзжалъ изъ Нижняго въ Петербургъ и взялъ билетъ въ почтовой каретѣ до Владимира на 6 іюля. Что отправившись въ шесть назначенныхъ шести часовъ утра, въ шесть часовъ вечера, это еще ничего, — почта опоздала; но вотъ двинулись. Въ числѣ пассажировъ былъ чиновникъ нижегородской почтовой конторы, экспедиторъ; его провожали нѣсколько молодыхъ людей, съ томъ числѣмъ и почтовые чиновники. Доѣхали до гостиницы Ермолаева (вѣроятно вѣсть известной въ Нижнемѣ); послѣдовала остановка: гг. чиновники пошли къ Ермолаеву проводить экспедитора; пассажиры съ должнымъ смиреніемъ ждали въ каретѣ съ полчаса и побольше. Совершивъ проводы, чиновники вышли и за ними появился неизвѣстный кулекъ, скромно помѣстившійся въ логахъ кондуктора. Тронулся дальше, а противъ станціи желѣзной дороги опять послѣдовала остановка: гг. чиновники вышли на шоссе; кулекъ раскрылъ свою внутренность и была совершена вторая часть проводовъ съ взліаніемъ. Пассажиры еще разъ смиренно ждали. На первой станціи г. Бѣловъ хотѣлъ было насчетъ самовара, но оказалось, что нельзя: станціонная комната была занята, — въ ней были чиновники. Г. Бѣловъ предложилъ было другому пассажиру, г. Раушенбаху, принять общими силами какія-нибудь вѣры, чтобы предупредить могущій быть со стороны охмелѣвшихъ скандалъ; но одинъ изъ пившихъ, чиновникъ казенной палаты Николай Иванычъ, оказался предупредительнѣе ихъ; онъ сдѣлалъ скандалъ, на-

звать который въ печати г. Бѣловъ не считаетъ себя въ правѣ, но го ворить, что скандалъ былъ ужасно крупный...

Тутъ мы хотимъ только указать на смиреніе и благоправіе рус-ской публики. Ужъ такого смиренія, какое являли жаждущіе пассажиры, не найдете вы въ другихъ стравахъ! Гг. чиновники, знаѣ это, такъ и поступали, сообразно съ обстоятельствами.

У г. В. Целевкова не оказалось такого смиренія. Отъѣзжая изъ Москвы по подорожной, онъ хотѣлъ послать на почтовую станцію за лошадьми, но услышалъ, что «на станціи лошадей не дадутъ мѣ-му», и что «кто желаетъ выѣхать изъ Москвы, тотъ *долженъ* взять *вольмы* до первой станціи, за четверные или тройные прогоны». Слѣдовало бы тотчасъ же смиренно-покориться обычаю, но г. Целевковъ не покорился: онъ отправился самъ; несмотря на рѣши-тельные отзывы г. Губинова или Губанова, что лошадей нѣтъ, добрался по книгамъ, что лошади есть, и не только самъ получилъ лошадей, но и помогъ получить таковыхъ же другому, болѣе тер-пѣливому отъѣзжающему г. Махову, да еще тутъ же имѣлъ случай пособолѣзновать о дѣвущкѣ, пришедшей за лошадьми отъ штабс-капитана Коха и съ горькими слезами просившей записочки, въ удостовѣреніе того, что ее задержали на станціи по неимѣнію буд-то бы лошадей.

Должно-быть г. Целевковъ принадлежитъ къ исключеніямъ, по-тому что больше встрѣчается примѣровъ терпѣнія, нежели настой-чивости. Таковъ и эпизодъ изъ нижегородской армарки, который можно было бы озаглавить словами: *Хлопокъ лѣзетъ въ гору*. Его рассказываетъ приказчикъ И. О. Б. слѣдующимъ образомъ:

«Три дня для сряду хожу и ѣзжу въ Кунавино на телеграфъ, и каждый разъ только дѣлаю, что поклонюсь два раза посаженному господину, а онъ никогда и не кланяется.

«Третьяго дня онъ сказалъ мнѣ: «Сегодня депеша ваша идти не можетъ, приходите завтра.» Вотъ я прѣѣжаю вчера, а онъ и гово-рить: «Теперь телеграфъ не въ дѣйствіи — поврежденъ; приходите завтра.» Ну что будешь дѣлать? Поврежденъ, значить не дѣй-ствуетъ, а депешу-то отправить хочется. Вотъ я стою и переми-няюсь съ ноги на ногу, а онъ все что-то пишетъ да исподлобья по-сматриваетъ на меня. Я постоялъ — постоялъ, вижу, что толку не будетъ — и вышелъ. Сегодня въ восемь часовъ утра посылаю въ Кунавино съ депешей молодца (самоу-то было некогла), а тамъ ему опять говорятъ: «Скажи твоему хозяину, что депеша его не можетъ идти сегодня, а пойдетъ завтра къ вечеру; лежать же де-пешѣ все равно, что здѣсь, что у хозяйна.» Вижу: дѣло худо! Хло-покъ все «лѣзетъ выше», а купить приказано — цѣной. Надо спро-

снѣтъ хозина, велѣтъ ли прибавить, коли хочетъ купить. Дѣлать нечего, бросилъ дѣло и ѣду самъ; а дождь какъ изъ ведра, такъ ж окатылъ съ головы до ногъ. Вотъ я такимъ суслякомъ, только-что вышитымъ изъ норы, и являюсь на телеграфъ...»

Тутъ опять сдѣдуетъ сцена, кончившаяся тѣмъ, что депешу не привали. Побрелъ суслякъ по грязи обратно, а навстрѣчу ему тащется на извозчикѣ Филиппъ Петровичъ...

«— Куда это вы, Филиппъ Петровичъ?»

«— Да депешу отправить въ Рыбинскъ.»

«— Ну, не совѣтую вамъ и ходить; толку не будетъ: не примутъ.»

«— Почему?»

«— Да кто знаетъ почему. Просто не примутъ депешу, да и дѣлу конецъ.»

«— Нѣтъ, извините — не конецъ! Я поѣду къ начальству...»

Слѣдуетъ: *Путешествіе Яна Черешонка по этапу*. Въ прошломъ году въ кievской губерніи, въ радомысльскомъ уѣздѣ нашли на дорогѣ убитаго солдата, прозывавшагося Алляпымымъ. За три дня видѣли, что онъ шолъ по дорогѣ съ другимъ *молодымъ* солдатомъ. Алляпъ былъ отправленъ изъ Петербурга по этапу, въ отставку, на родину; шолъ такъ до Кіева, а оттуда пошолъ свободно, на своемъ содержаніи. Вытребованы были списки всѣхъ шедшихъ съ нимъ по этапу, а такъ какъ въ спискахъ не было примѣтъ, то описали примѣты подозрѣваемаго и разослали къ тѣмъ начальствамъ, къ которымъ поступили шедшіе по этапу, съ тѣмъ чтобы они сличили ихъ съ примѣтами, и если найдется сходный, то слѣжали бы у него обыскъ и выслали его въ радомысльскій уѣздъ. Въ спискахъ былъ между прочимъ Янъ Черешонокъ; бумага о сличеніи его съ примѣтами поступила къ командиру ковенскаго батальона внутренней стражи, который, справившись, что Черешонокъ ушолъ на родину въ вилькомирскій уѣздъ, написалъ къ тамошнему исправнику, чтобъ найти его, и отправить въ радомысльскій уѣздъ. Исправникъ поручилъ исполненіе этого становому приставу Орловскому. Нашли Черешонка; Черешонокъ *старъ* (шестидесяти лѣтъ), *болежъ*, работать не можетъ — задыхается, живетъ на пропитаніи помѣщика Поморницкаго... Слѣжали обыскъ, ничего не нашли; а все-таки его взяли, посадили въ острогъ, потомъ приковали къ пруту и повели за 1250 верстъ. И шолъ смиренно Черешонокъ три мѣсяца и пришолъ на мѣсто убійства и слѣдствія. Посмотрѣлъ на него слѣдователь, посмотрѣли видѣвшіе подозрѣваемаго убійцу; сказали, что это не тотъ, и — Черешовка повели съ миромъ обратно въ велько-

иверскій уѣздъ, только уже къ пруту на этотъ разъ не приковали... Вотъ и все.

Можно еще много набрать другихъ, менѣе крупныхъ фактовъ, но — всего не перечтешь; мы наприѣвъ слышимъ много жалобъ на безцеремонность и жестокость представителей разныхъ частныхъ администрацій; но тамъ все дѣйствуютъ больше оскорбленныя личныя самолюбія и недостатокъ смиренія, такъ что эти факты и не гармонировали бы съ приведенными нами. Впрочемъ мы можемъ, не нарушая гармоніи, выписать маленькую сценку изъ путешествія профессора Киттары, отправившагося нынѣшнимъ лѣтомъ въ петровскій уѣздъ саратовской губерніи, по приглашенію тамошнихъ землевладѣльцевъ, для разсмотрѣнія и обсуждения условій ихъ хозяйства. Отправляясь изъ Москвы, профессоръ заглянулъ въ третьеклассную залу московской станціи нижегородской желѣзной дороги...

«Въ этой залѣ (говоритъ онъ) тѣснота доходитъ до размѣровъ духоты и давки. Здѣсь уже мало стоящихъ вдоль стѣнъ лавокъ: здѣсь весь полъ устланъ лежащими путниками. Намъ поразило въ особенности множество выбитыхъ стеколъ въ дверяхъ и окнахъ. «Отчего это?» спросили мы одного изъ охранявшихъ выходъ...

«— Да видите, что за народъ — жарно стало, ну и давай бить стекла!»

«— Ну, окна бы отворить, замѣтали мы.

«— Порядокъ нарушать — выскочать прежде времени.

«— Ну, фортокъ бы побольше подѣлать.

«— Фортокъ? Фортокъ больше нѣтъ, вѣрю не положено.

«Въ залахъ перваго и втораго классовъ стекла были цѣлы; тамъ были и диванчики, и кресла, и стулья; тамъ меньше, далеко меньше было и путниковъ и зато видимо несравненно больше къ нимъ вниманія. Дѣло значитъ не въ количествѣ, а въ качествѣ, что бесспорно весьма резонно; да отчего жъ бы не дать залѣ третьяго класса свѣжаго воздуха? Воздухъ, благодареніе Богу, ничего пока не стоить.»

Этимъ словомъ намъ хочется окончить нашу статью; чтобы не нарушать впечатлѣнія, которое производитъ его благодушный, теплый, сердечный тонъ.

ПО ПОВОДУ ЭЛЕГИЧЕСКОЙ ЗАМѢТКИ «РУССКАГО ВѢСТНИКА»

«Стоветь сизый голубчикъ....»

Прежде всего выпишемъ то, что мы между прочимъ говорили Русскому же Вѣстнику въ майской книжкѣ нашего журнала. Это нужно къ дѣлу:

• Во всякомъ обществѣ съ начала міра всегда есть огромное большинство людей, стоящихъ за то, что по ихъ понятіямъ неизбежно и неподвижно. Эту неизбежность и неподвижность они любятъ преимущественно зато, что она совпадаетъ съ ихъ матеріальными текущими интересами, часто въ ущербъ остальнымъ и многочисленнымъ ихъ собратьямъ, и для нихъ хоть весь свѣтъ горя, было бы имъ хорошо. Въ интересахъ своихъ они составляютъ себѣ и нравственность, и другія правила, обыкновенно взявъ первоначальную, праведную идею и для собственныхъ выгодъ извративъ ее до того, что отъ первоначальной сущности ея не остается даже и тѣни. Разумѣется, это большинство съ ненавистью смотритъ на всякій намекъ о прогрессѣ, на всякое нововведеніе, откуда бы оно ни шло; — явленіе впрочемъ нормальное и происходящее отъ потребности самосохраненія. Рядомъ съ этой наибольшей частью общества всегда есть и меньшинство, которое съ огорченіемъ смотритъ на неподвижность большинства, на его озлобленную тупость, на нерасчетъ въ пониманіи своихъ собственныхъ выгодъ, на извращеніе всѣхъ естественныхъ и праведнѣйшихъ идей въ угоду грубымъ интересамъ; а главное, на извратителей, угодишковъ и оболыстителей толпы, дѣйствующихъ почти всегда изъ собственной, личной выгоды. Въ этомъ меньшинствѣ таятся прогрессивныя, жизненные силы въ противоположность застою всего общества. И та и другая сторона сами по себѣ законны и даже необходимы одна другой. Но ненависть и борьба между ними непрерывны. А между тѣмъ въ обихъ лагеряхъ бываютъ почти всегда люди честные и высокихъ нравственныхъ качествъ. Между меньшинствомъ являются иногда люди гениальныя; кромѣ того, всегда есть люди честные, прямые, готовые всѣмъ пожертвовать для блага общества и стойчески переносить всевозможныя гоненія. Но рядомъ съ ними существуютъ мальчишки и

Скрикуны. Они суетятся, забѣгаютъ впередъ, исповѣдуютъ новую идею до крайностей, бездарно и грубо схватываютъ однѣ только ея верхушки, и они-то наиболѣе вредятъ всякой новой идеѣ, опошлявая ее въ глазахъ и безъ того уже враждебнаго къ ней большинства. Эти крикуны неизбѣжны; они существовали вездѣ и всегда, во всѣ времена и во всѣхъ народахъ, и существуютъ тоже по какому-то неизбѣжному закону природы. А между тѣмъ, какъ ни смѣшны эти крикуны, изъ числа ихъ бываетъ много людей честно и благородно предавшихъ дѣлу. Да и вообще между людьми гораздо болѣе честныхъ и благородныхъ, чѣмъ подлецовъ. Прозорливый человѣкъ никогда не будетъ судить по этимъ крикунамъ о стойкости и истинности какой-нибудь новой прогрессивной идеи, проповѣдуемой въ избранномъ меньшинствѣ общества лучшими его представителями. Но тѣ, которые льстятъ большинству изъ выгоды, немедленно подхватываютъ смѣшную сторону крикуновъ, указываютъ и растолковываютъ ее всѣмъ желающимъ слушать ихъ: ума тутъ много не нужно; надо только глумиться, а иногда и поклеветать — и дѣло въ шляпѣ. Поклеветать же необходимо.

Теперь выпишемъ для читателей нашихъ всю главную часть тирады «Русскаго Вѣстника», которую онъ тиснулъ въ своей послѣдней (августовской) книжкѣ, подъ названіемъ «Элегическая замѣтка». Въ томъ же номерѣ есть и другая «замѣтка»... Но мы только скажемъ объ элегической.

• Обо многомъ были мы намѣрены поговорить въ этой книжкѣ; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Обстоятельства заставляютъ насъ отложить наблюденія наши надъ русскою литературой до другой, болѣе благопріятной минуты.

• Бѣдное русское слово, бѣдное русское образованіе! Какая-то участь ожидаетъ насъ? Позади немного, впереди смутно и темно. Во всемъ чувствуется пустота и безсиліе, отсутствіе жизненной почвы, недостатокъ мысли, вытекающей изъ дѣла и идущей къ дѣлу. Никогда еще въ такомъ обилии не расплодилось у насъ словъ и фразъ какъ въ теперешнее время, когда всѣ толкуютъ о самостоятельной мысли, никогда еще не доходила до такого всевластнаго господства самая пошлая рутинна, самое безмысленное и раболѣпное повтореніе мнѣній изъ чужой жизни, остывшихъ и забытыхъ, или случайныхъ и отрывочныхъ, лишенныхъ связи и смысла, какъ именно теперь, когда всѣ повидимому изъ того лишь и бьются, чтобы жить своимъ умомъ и не поклоняться авторитетамъ. Еслибы не разныя обстоятельства, какъ легко было бы прослѣдить генеалогію каждой фразы, выдаваемой за мысль, какъ легко было бы изобличить ея ничтожество и пошлость! Будущій историкъ нашего образованія конечно сдѣлаетъ это, и тогда сами собой обнаружатся причины тѣхъ эфемерныхъ явленій, которыя представляютъ наша жизнь. Явленія эти сдѣлаются съ

поражительною быстротою; мы переживаемъ фазу за фазой; повидному неистощимыя творческя начала таятся въ основѣ нашей жизни и безъ отдыха работаютъ, (ежеминутно покидая старое, ежеминутно слагая новое.

Въ дѣйствительности же, какъ извѣстно, ничего нѣтъ, и весь этотъ прогрессъ, всѣ эти движенія, всѣ эти смѣны доктринъ, всѣ эти фазы развитія, не болѣе какъ мыльные пузыри. Нѣтъ ничего забавнѣе той серіозной мины или того задора, съ которыми наши мыслители толкуютъ о жизни и прогрессѣ. Они думаютъ, кто занимается очень горячими вопросами, и издѣваются надъ тѣми, кто посвящаетъ свои труды наукѣ, по предметамъ отдаленнымъ или далекимъ. Но въ наукѣ нѣтъ ничего такого, что не шло бы къ дѣлу; для серьезнаго знанія нѣтъ вопроса, нѣтъ факта, которые не заслужили бы изученія или были бы безплодны. Зато, наоборотъ, въ этихъ доктринахъ, которыя пекутся для жизни и величаютъ себя жизненными, часто нѣтъ ни одного слова годнаго для дѣла, ничего годнаго для жизни. Эти доктрины, гдѣ рѣчь идетъ о жизни, бываютъ несравненно болѣе удалены отъ нея чѣмъ самыя абстрактныя выкладки математики, чѣмъ самыя дробныя изслѣдованія эрудиціи. Математическая формула таится подлѣ явленія жизни, и она необходима для ихъ уразумѣнія. Всякая эрудиція, какъ бы ни была она спеціальна, имѣетъ своимъ предметомъ фактъ дѣйствительной жизни, и также необходима для ея уразумѣнія. Но всѣ эти пустяки, всѣ эти правности словъ, весь этотъ перецъ фразъ, выдаваемый за живое дѣло жизни, по большей части выражаетъ только отсутствіе жизни въ умахъ своихъ виновниковъ, безсиліе и косность мысли. Въ этихъ ученіяхъ не высказывается ничего заслуживающаго вниманія, ничего сколько-нибудь годнаго. Интересъ ихъ заключается не въ томъ, что ими высказывается, а въ самомъ ихъ существованіи, въ возможности ихъ появленія, въ тѣхъ причинахъ, которыя порождаютъ ихъ. У насъ причины этихъ явленій очевидны. Въ обществѣ нашемъ нѣтъ жизни: мудро ли, что отсутствіе жизни ознаменовывается этою гнилью, этою фосфорическою блестящей, этимъ потокомъ словъ безъ мысли? У насъ до сихъ поръ нѣтъ ничего похожаго на науку; до сихъ поръ наука не пустила въ нашей почвѣ никакихъ побѣговъ. Науку считали у насъ роскошью, дѣломъ щелюшнымъ, даже опаснымъ. Науку прилагивали къ разнымъ постороннимъ ей условіямъ; ее презирали, ея пренебрегали; она была жалкимъ педантомъ въ нашемъ обществѣ, запуганнымъ, прибитымъ Тродяковскимъ. И вотъ затоптанные начатки умственной дѣятельности даютъ себя знать. Духъ знанія, свободный и неизмѣющій другихъ цѣлей кромѣ истины, мысль, неизмѣющая другихъ цѣлей кромѣ знанія, блистательно заявляютъ свое отсутствіе нашею литературой, этими мыльными пузырями нашихъ доктринъ, всеми этими отвратительными карикатурами на мысль, знаніе, прогрессъ. Чему учать пустозвонны нашихъ дней? Не говорятъ ли они точно также, что наука сама по себѣ есть чѣло излишнее и негодное? Не готовы ли они дать на вса-

кого, кто въ области знанія не признаётъ другихъ цѣлей кромѣ чистой истины? Не возводятъ ли они въ теорію то, что у насъ такъ долго было на практикѣ? Не являются ли они достойными толкователями и выразителями того духа презрѣнія и недобѣрія къ высшимъ дарамъ человѣческой природы, который господствовалъ у насъ въ жизни?

• У насъ нѣтъ общества, нѣтъ общественнаго дѣла, въ которомъ каждый принималъ бы живое участіе и которое давало бы предметы, направленіе и внутреннюю норму для дѣятельности. У насъ нѣтъ общества, но есть кружки, фальшивыя подобія общества. Въ этихъ-то кружкахъ съ ихъ спертый воздухомъ, въ этихъ маленькнхъ, ничтожныхъ подобіяхъ общества, въ этихъ кружкахъ съ ихъ ребяческии самодевольствомъ, разобщенныхъ съ жизнью, лишонныхъ всякой почвы, осужденныхъ на умственную и практическую враждебность, разлагаются всѣ тѣ чудеса прогресса, о которыхъ мы упомянули выше; здѣсь-то совершаются эти быстрыя развитія, — быстрыя, потомучто пустыя, — здѣсь-то, на словахъ, передвигаются горы, и на фразахъ перевертывается міръ; здѣсь-то мѣсяцами и недѣлями переживаютъ цѣлые вѣка, смѣняются философскія системы, общественныя доктрины, великіе гени, передающіе другъ другу свѣточъ прогресса.

• Вотъ причины жалкаго состоянія нашего образованія; вотъ причины пустоцвѣтовъ, которыми наша литература безпрерывно наваливается съ отчаяннымъ изобиліемъ; вотъ причины этого ребяческаго нахальства, этого невѣжества, прикрытаго фразами украденными у науки, этого непониманія жизни, соединеннаго съ нелѣпыми притязаніями на перестройку ея основаній, — на разрѣшеніе ея задачъ. Вотъ также причины, почему всякая нелѣпость можетъ имѣть у насъ кодъ и рассчитывать на успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ такой нелѣпости, которая могла бы у насъ отчаяваться въ успѣхѣ. Нѣтъ у насъ такихъ соотвѣстствъ людей, за которыхъ можно было бы поручиться, что они вѣдутъ, къ изумленію окружающихъ, не пустяка въ трудахъ. Кого же винить и что дѣлать? Должно ли съ сугубою силой налетѣть на тѣ незамѣтные, на тѣ ничтожныя зачатія знанія и мысли, чтобъ окончательно подавить ихъ? Должно ли усиливать тѣ причины, которыми поражаются правдыя кружки, правдыя доктрины, тѣ причины, которыми поддерживаются ребячество мысли и безоосновность слова? Будемъ ли мы придавать серіозное значеніе всѣмъ этимъ нелѣпостямъ, которыя зараждаются въ атмосферѣ кружковъ, какъ бы эти нелѣпости ни казались намъ чудовищны? Будемъ ли мы усиливать ихъ и давать имъ *raison d'être*, считая ихъ чѣмъ-нибудь существеннымъ, а не тѣмъ, что онѣ есть въ дѣйствительности — пустыни иражами?

• Наши *esprits-forts*, наши прогрессисты, герои нашихъ кружковъ, борзоницы нашихъ журналовъ не представляютъ никакихъ задачъ будущаго; все это одна гниль разложенія. Пусть начнется жизнь, и гниль исчезнетъ сама собой.

Мы впрочемъ не речемъ, что все это мѣсто цѣлкомъ; мы не хотѣли передать его своими словами, чтобъ не упреннулъ насъ «Русскій Вѣстникъ» (какъ уже и сбѣлалъ это однажды), что мы захватили изъ него фразъ и злоумышленно представили дѣло въ искаженномъ видѣ.

И такъ вотъ каково мнѣніе «Русскаго Вѣстника» о современномъ положеніи вещей въ нашей литературѣ, въ нашей наукѣ, и даже въ нашей жизни. Нѣтъ у насъ «совѣстныхъ» людей, говоритъ онъ обо всѣхъ безъ исключенія. «У насъ ничто и ничего не представляетъ никакихъ задатковъ будущаго: все это одна гниль разложенія.» Однимъ словомъ; все гниль, и всѣ гниль!..

Сильно сказано.

И пусть «Русскій Вѣстникъ» не придирается къ намъ; пусть не говоритъ потому, что мы сами выдумали про *се* и про *всѣхъ*, а онъ никогда ничего не говорилъ подобнаго. Еслибъ онъ говорилъ не обо всѣхъ безъ исключенія, то онъ отнесся бы къ этой «гниющей» средѣ, также какъ мы опредѣлили ея мѣсто въ общемъ движеніи. (Ссылаемся на выписку изъ майской книжки нашего журнала.) Онъ не принялъ бы крикуновъ за дѣателей, бездарныхъ фразеровъ и пустошниковъ за всѣхъ и за все. — *Все, все!* Но вѣдь это послышавшая дерзость противъ здраваго смысла! кричать читатель.

Конечно такъ; но «Русскому Вѣстнику» какое дѣло до криковъ и даже въ вѣхъ случаяхъ до здраваго смысла. Ему надо доказать, что *все гниль*, одна гниль, и даже вовсе не отъ обстоятельствъ какихъ-нибудь гниль, а просто отъ собственной нашей безсовѣстности... Впрочемъ онъ вѣдь и не доказываетъ. Онъ только кричитъ... Не разберемъ однакоже, такъ ли онъ кричитъ?

То мѣсто вашей замѣтки, гдѣ вы, «Русскій Вѣстникъ», сравнивали нашу науку съ «Тредьяковскимъ», намъ показалось значительнымъ. Показалось намъ, что вы именно указываете на большое мѣсто и недалеко отъ настоящей причины плачевнаго состоянія нашей образованности. Но надежды наши тотчасъ разсѣялись. Какъ обернули вы дѣло? Вы начали ругать нашихъ «прогрессистовъ», нашихъ «борзопидцевъ», нашихъ «крикуновъ», не только за ихъ увлеченія и малодуміе, — это пусть бы! — нѣтъ, вамъ надо было еще доказать, что они нечестные люди, что они *безсовѣстные*. Мы даже убѣждены, что вы собственно для этого-то и пустили вашу эггическую плачь... Безъ этого чтожъ за выгода была бы вамъ повторять, что у насъ нѣтъ науки, нѣтъ литературы? Вѣдь это все такъ старо! Вы ужъ такъ часто объ этомъ говорили и прежде... Вы даже утверждали, что и русской народности-то нѣтъ... Нѣтъ, у насъ

была другая цѣль, и именно та, на которую мы указали. Вы раздражены. Мы знаемъ отчего произошелъ вашъ задоръ... Но объ этомъ послѣ.

И такъ между борзописцами, между заблуждающимися (ужъ уступимъ вамъ это, навремя, вполне) нѣтъ ни одной чистой свѣсти, ни одного честнаго существа, ни одного неустого человѣка, ни одного дѣйствительно-трудолюбиваго, заботящагося, страдающаго, мученика мысли и науки. Какже вы говорите: «начнется жизнь, и гниль исчезнетъ сама собой»? Да какъ же она начнется въ такой средѣ, съ такими людьми? По шучьему велѣнью?

Но позвольте, мы начнемъ по порядку.

Вы говорите, что никогда еще не расплодилось такъ много словъ и фразъ, какъ теперь, когда всѣ толкуютъ о самостоятельности мысли. Согласны; но это понятно: готовимъ ничего не дается; все нужно сдѣлать, выжить и даже выстрадать, и все начинается сначала, а начинается всегда такъ. Никто разомъ не доходитъ до послѣдняго слова, до окончательной гармоніи въ жизни. Вы говорите: «никогда еще не доходила до такого всевластнаго господства рутинна, бессмысленное и рабское повтореніе мнѣній изъ чужой жизни, какъ теперь, когда всѣ повиданному ищутъ того лишь бьются, чтобъ жить своимъ умомъ и не поклоняться авторитетамъ». Но вѣдь и вы знаете, что если нѣтъ почвы и если невозможна дѣятельность, то стремящійся духъ именно выразится въ явленіяхъ ненормальныхъ и безпорядочныхъ, именно — приметъ фразу за жизнь, накинется на готовую чужую формулу, обрадуется даже ей и сю замѣнитъ дѣйствительность? Въ фантастической жизни и всѣ отправленія фантастическія. Но по-нашему это страданія, это безвыходныя муки. А по-нашему, всѣ фразеры. Да развѣ это возможно? Развѣ увлекающійся фразой, готовой формулой непременно долженъ быть безсвѣстный человѣкъ, пустой крикунъ, мыльный пузырь? Развѣ не можетъ увлекаться и ошибаться истинная, честная пылливость ума, честный и совѣстливый человѣкъ? Съ стремленіемъ ища выхода, онъ спотыкается, падаетъ... Да такіе-то люди и спотыкаются. Зачѣмъ же пятнать ихъ названіемъ безсвѣстныхъ? Кому придетъ въ голову, особенно въ иную минуту, смѣяться надъ такими людьми, кромѣ васъ, изъ глубины кабинета, въ которомъ вы сидите съ вашимъ олимпійскимъ спокойствіемъ? Вы даже какъ будто рады этому. Блаженъ тотъ, который и въ уродливомъ явленіи способенъ увидѣть его историческую, серьезную сторону! Блаженъ тотъ, который не думаетъ, что къ нему и въ ротъ будутъ готовыя галушки падать! Блаженъ тотъ, кто отъ залѣзшаго, чуть не въ трубу, трубочиста, не потребуетъ непременно академическихъ позъ

и красоты Авеллоха бельведерскаго! Блаженъ наконецъ тотъ, который не оскорбляетъ своимъ свистомъ несчастнаго, въ минуту его несчастья!

Эти доктрины, — говорите вы, — гдѣ рѣчь идетъ о жизни, бывають несравненно болѣе удалены отъ нея, чѣмъ самыя абструзныя (абструзіи! эко словечко-то! тридцать педантовъ, сойдясь вмѣстѣ, не выдумаютъ ничего лучше этого слова!) выкладки математики... Математическая формула таятся подъ явленіями жизни, и она необходима для ихъ уразумѣнія...»

А вы знаете ее, эту формулу? Чтожъ вы намъ ее не откроете, коли знаете? Вы такъ свысока говорите, что можно подумать, вы ужъ ее и нашли, и бержете про себя это сокровище. Вѣдь вамъ все такъ легко: у васъ вонъ жизнь придетъ когда-нибудь сама собою; вы сердитесь, что нѣтъ до сихъ поръ общества, а есть кружки, какъ будто общество такъ само собою и устроится безъ первоначальныхъ кружковъ? Вамъ все такъ легко! Чтожъ если другіе-то именно и ищутъ эту формулу, о которой вы говорите; не довольствуются однимъ утѣшеніемъ, изъ прописей, что она есть и должна быть, а именно хотятъ сами найти ее, или споспѣшествовать ея открытію, ищутъ, иногда пресмѣшно, ошибаются, падаютъ, а вы только стоите да посмѣиваетесь надъ ними, надъ ихъ судорогами и ошибками, пальцемъ не желая къ дѣлу притронуться, чтобъ не замарать ручекъ. Да ужъ не вы ли и есть одинъ изъ тѣхъ фразеровъ, на которыхъ вы такъ сердитесь? И вотъ что еще: вы ужасно легкомысленны. Вы думаете, что такъ легко обмануть людей: «да я-то тоскую и тоскую, я науку защищаю, которую унижаютъ и уничтожаютъ крикунья и мальчишки; я самъ тоскую и скорблю глядя на это, и вотъ, пустилъ свой элегическій плачъ.» Но при всемъ нашемъ умѣнии фразерствовать, вы вѣдь такъ наивно высказываете свою настоящую цѣль! Вы не за науку стараетесь, вы ровно ни о чемъ не тоскуете. Вамъ просто надо было назвать всѣхъ «прогрессистовъ» безсовѣстными, лустозвонами и манкенами. Вѣдь такое презрѣніе не можетъ быть у серьезно и свято сочувствующаго дѣлу человѣка, у умѣющаго хоть что-нибудь различать человѣка. Съ какимъ цинизмомъ вы обнажили себя! О Боже! еслибъ вы говорили только о крикунахъ и мальчишкахъ, бездарныхъ, бездарно и грубо схватывающихъ однѣ верхушки идей, толкующихъ ее односторонне, съ предательскимъ легкомысліемъ вредящихъ всякой новой идеѣ ужъ тѣмъ однимъ, что они кричать и звенятъ о ней, опошливающихъ ее въ глазахъ и безъ того уже враждебнаго къ ней большинства, — о, тогда мы бы сами присоединились къ вамъ, рады бы вы или не рады были такой компаніи! Но вы роверныхъ *покалоно* всѣхъ мыслящихъ и желающихъ свѣта, кромѣ

себя, считаете крикунами, а вторыхъ всѣхъ этикъ-не-вашему крикуновъ и прогресистовъ считаете *бессоветными*, и именно на это-то наираете, именно это хотите доказать. Вы говорите: нѣтъ у насъ такихъ *совестливыхъ* людей, за которыхъ можно было бы поручиться... Это ваши собственные слова. Вы говорите далѣе, что мы (ли-туть разунѣтся для красы) оттого прогресисты, что боимся про-слать людямъ отсталыми, что «мы готовы вести или выслушивать всевозможную чепуху, *чтобы только не подать подозрѣнія, что мы не прогресисты*» (слѣдовательно сознательно-безсовестны), что зако-нецъ «гаркии кто-нибудь, что прогресса нѣтъ, что все въ жизни бессмысленно и случайно... и мы готовы смиренно подчиниться и такому рѣшенію, *лишь бы только остался на счету прогрес-истовъ*».

Такъ ли? такъ ли? Ради здраваго смысла, возможно ли это для всѣхъ, для всѣхъ поголовно? Возможно ли, чтобы въ цѣломъ об-ществѣ не было нисколько признаковъ жизни? Чтѣ за безо-травный, чтѣ за ужасный, невозможный взглядъ? Очень можетъ быть, что усилія этихъ прогресистовъ не отвѣчаютъ жизни; но неужели-жъ не жизнь, не стремленіе жить и формулировать эти стра-мленія управляютъ ихъ дѣйствіями, а одно тупое, бессознательное же-ланіе прослать прогресистами, какъ увѣрите вы? Неужели-жъ всѣ они только марионетки, а не живые люди? Неужели не всѣ тѣ, кото-рые въ послѣднее время порывались хоть что-нибудь высказать, хоть что-нибудь формулировать, — одни бездушныя, вынужденныя куклы, которыхъ двигали бездушныя, механическія игрушки, а не дѣйствительная жажда познанія и истины? И всѣ, всѣ такіе? Неужели-жъ вы только одинъ и есть на всей Руси, вы, просе-сорствующій «Русскій Вѣстникъ», которому такъ легко на все вле-нуть и все раздавить ногой? Да ужъ не вы ли одинъ и остались для спасенія нашего? Такъ скорѣе, скорѣе спасайте насъ! «Иванъ Александровичъ! ступайте управлять департаментовъ!»

И чтѣ проповѣдуете вы? Кто-жъ не знаетъ (и увѣрю васъ, даже самыя бездарныя крикуны и мальчишки это понимаютъ), что дѣй-ствительность и настоящая дѣятельность обогородили бы насъ, дали бы каждому изъ насъ свой удѣльный вѣсъ и значеніе, навѣри-ли бы силы наши и привели бы насъ къ самопознанію. Кроме не знаетъ, что съ прикосновеніемъ къ дѣйствительности, съ началомъ дѣятельности, мечала бы эта вереница предвзвѣдшихъ идестъ, успокоительныхъ формулъ и проч. и проч., чѣмъ задается въ наше время чуть не всякой человекъ, жаждущій дѣятельности. Но не-возмоу такъ легко успокоиться и не тосновать; такъ легко забѣжитъ грезъ, мечтаній, не унасть, не надѣлать ошибокъ. Это спомощество,

эта легкость, недоверительны. Они показываютъ равнодушіе и обнаруживаютъ самолюбивый до сладострастія (ужъ позвольте такъ выразиться) эгоизмъ. Да вѣдь вы сами формулами зааетесь! Праздный, но беспокойный, пылливый умъ, безъ дѣйствительности, естественно долженъ отклониться отъ нормальнаго пути и увлекаться теоретическими бреднями. Чѣмъ бы осмыслить это явленіе, чѣмъ бы проникнуть въ него (какъ-было и начали вы), вы кончили тѣмъ, что этихъ же несчастныхъ, этихъ же алчущихъ и жаждущихъ назвали чуть не подлецами и даже отняли у нихъ всякое право жизни, признавъ ихъ одними пустыми фарсерами и даже отказавъ имъ въ человѣческихъ чувствахъ. Да развѣ ошибающійся человѣкъ непремѣнно подлець? Да иногда именно чѣмъ уродливѣе проявляется жизнь, чѣмъ судорожнѣе, чѣмъ безобразнѣе, чѣмъ неустанивѣе это явленіе, тѣмъ больше значить жизнь хочетъ заявить себя, во чтобы то ни стало, — а вы говорите, что и жизни-то нѣтъ. Тутъ тоска, страданіе, да вамъ-то что за дѣло? Все это не соответствуетъ вашей тайной идейкѣ, слѣдственно нечего и признавать въ этомъ ни тоски, ни жалы жизни. — Все мыльные пузыри!

И вотъ вы напримѣръ: гонорите свысока и даете уроки, а вѣдь все это такая яропись — ваши уроки, такая тупая отвѣченность, такая абструзность (о милое словечко! гдѣ это вы его достали? по дѣлу видѣвъ художникъ). Тѣ, отверженцы-то, хоть что-нибудь дѣлають, хоть впадаютъ, чтобъ выйти на дорогу, хоть ошибаются, и такимъ образомъ избавляютъ другихъ, послѣдующихъ дѣателей отъ подобныхъ же ошибокъ, слѣдственно хоть отрицательно, да полезны; а вы, мелодраматически сирестивъ руки, стоите да посмѣиваетесь. Навалъ жидъ работника рубить дрова; мужикъ рубить и крахтитъ съ каждымъ ударомъ. Жидъ смотритъ и спрашиваетъ: — Зачѣмъ ты крахтишь? — «А такъ легче.» — Ну такъ ты руби, а я буду за тебя крахтѣть, говоритъ жидъ. Мужикъ какъ ни взмахнетъ топоромъ, а жидъ подкрахтывается. Изрубивъ дрова, мужикъ проситъ денегъ; жидъ и даетъ меньше чѣмъ уговаривались. «Какъ же такъ? — говоритъ мужикъ: — вѣдь я все изрубилъ?..» — А я крахтѣлъ, — говоритъ жидъ: — тебѣ легче было. — Жидли хитрый народъ! Ужъ не крахтите ли и вы понапрасну-то? Но нѣтъ, у васъ на умѣ выгода: вамъ именно хочется провозгласить: всѣ фальшиво поютъ, одинъ я соловей. Такъ мы и повѣримъ вамъ? Нѣтъ, вы самъ сами слѣдите свое собственное фю-фю-фю — какъ говоритъ г. Щедринъ, котораго вы такъ хорошо знаете. Нѣтъ, если ужъ вы желаете добра, такъ попомните-на сами какъ бы вы слѣдали, безъ ошибокъ-то. Но вижу, вы высокомерно улыбаются. Вы вѣдь увѣрены, что жизнь придетъ сама собою и принесетъ что-нибудь, самое лучшее, аглиц-

каго товару-съ, а до тѣхъ поръ и нечего бѣзпокоиться. Налегаете бремена тяжкія и неудобь-носимыя... и т. д. Разумѣется, вся ваша выгода стоять теперь передъ всѣми въ загадочномъ спокойствіи. Чего добраго, пожалуй за такого nenочатаго мудреца примуть, что и въ Англіи не найдешь!

Да и кчему въ самомъ дѣлѣ вамъ со всякой этой «гнилью» якшаться? Вы увѣрены, что «придетъ жизнь — и гниль исчезнетъ сама собою». Когда же она придетъ? какъ же она придетъ? Какое удивительное знаніе дѣйствительности! Правда, Булгаринъ и Аскоченскій разрѣшаютъ загадки жизни еще легче. У нихъ все такъ готово, такъ все разликовано. «Когда придетъ жизнь»... видно, что вы объ этомъ не очень задумываетесь; да и зачѣмъ? Тѣ, кто объ этомъ заботятся, могутъ ошибаться, окомпрометировать себя, ну а вамъ неприлично ошибаться и себя компрометировать. На это есть чернорабочіе; надъ ними смѣются, они крикуны, свистуны, пустозвоны; и работа такая черная, скучная, хлопотливая даже. Надо лазить, трубы чистить, тяжести таскать, крочиться... Неприлично. Академической позы не выйдетъ. А вѣдь мы герои!

И вѣдь мы вамъ уступили. Мы согласились, что крикуны ошибаются. Оно такъ, ошибаются. Вонъ они науки не признаютъ, они легкомысленны, они на все бросаются... правда! А знаете ли вы, что историческій ходъ дѣла — странная вещь? И такъ непохожъ иногда на теоретическій! Да почти всегда. Кажется смекаешь все теоріей, у себя въ кабинетѣ: вотъ такъ, вотъ именно такъ все должно случиться, и примѣръ есть, — такъ вотъ и въ Англіи было. Смотришь: вовсе не такъ выходитъ на дѣлѣ. Ничего предсказать и предугадать нельзя заранѣ. Странная вещь; даже предосазная вещь!

А знаете ли что мы вамъ скажемъ въ заключеніе. Вѣдь это васъ г. Чернышевскій разобидѣлъ недавно, своими «полемиическими красотами», вотъ вы и испустили свой элегическій плачь. Мы по крайней мѣрѣ увѣрены въ этомъ. Онъ даже не улоостомлъ заговорить съ вами языкомъ приличнымъ. Такая обида! Намъ можно говорить о г. Чернышевскомъ не боясь, что насъ примутъ за его сендовъ и отъявленныхъ партизановъ. Мы такъ часто задѣвали уже нашего капризнаго публициста, такъ часто не соглашались съ нимъ. И вѣдь престранная судьба г. Чернышевскаго въ русской литературѣ! Всѣ изъ кожи лѣзутъ убѣдять всѣхъ и cadaго, что онъ невѣжда, даже нахаль; что въ немъ ничего, ровно ничего нѣтъ, пустозвонъ и пустоцифъ, больше ничего. Вдругъ г. Чернышевскій выходитъ на примѣръ съ чѣмъ-нибудь въ родѣ «полемиическихъ красоть»... Господи! Подымается скрежетъ зубовный, раздастся элегическій вой. «Отечественныя Записки», послѣ этихъ красоть, пош-

стали въ одной своей книжкѣ чуть не шесть статей разомъ (да кажется именно шесть и было), единственно о г. Чернышевскомъ, и именно съ тѣмъ, чтобъ доказать всему свѣту его ничтожество. Одинъ шутникъ даже сказалъ, что въ той книжкѣ «Отеч. Зап.» только въ «Десяти итальянкахъ» и не было упомянуто имя г. Чернышевскаго. Но если онъ такъ ничтоженъ и смѣшонъ, для чего же шесть статей въ такомъ серьезномъ и ученомъ журналѣ, да еще разомъ, въ одной книжкѣ? Тоже и въ Москвѣ: тамъ тоже было вродѣ маленькаго землетрясенія. Писались даже отдѣльныя брошюры о г. Чернышевскомъ. К чему бы кажется такъ беспокоиться? Угадать нельзя. Странная, дѣйствительно странная судьба этого страннаго писателя!..

Но такъ какъ ужъ пошло на отгадки, — скажите, «Русскій Вѣстникъ», к чему вы напечатали стихотвореніе князя Ваземскаго: «Замѣтка» въ той же августовской книжкѣ, въ которой и элегическая ваша замѣтка? Конечно это стихотвореніе для насъ замѣчательно не само по себѣ, а потому что вы его у себя помѣстали. Не за такіе же стихи, какъ:

На всѣхъ свернаетъ онъ *молніеноснымъ* *глазомъ,*

или:

Враждѣ людей — ея твердьни *не потрясть* —

помѣстали вы это стихотвореніе. Конечно не такіе стихи соблазнили васъ. Но к чему спрашивать? к чему задавать такіе затруднительные вопросы?..

Да, «Русскій Вѣстникъ», мы уже вамъ пророчили прежде, что вы рано ли, поздно ли, поворотите на одну дорожку. Дорожка эта торная, гладкая. Вѣроятно найдете и товарищей... Счастливыи путь! И весело, и выгодно! Останавливать не будемъ!

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

КНИГА

ДЛЯ

ПЕРЕВОДОВЪ

СЪ РУССКАГО ЯЗЫКА НА ФРАНЦУЗСКІЙ И НѢМЕЦКІЙ

СОСТАВЛЕННАЯ

ПЛ. КУСКОВЫМЪ И А. КРЕСТЛИНГКОМЪ

Книги эти состоятъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) Книги для переводовъ, 2) Приложенія. Приложенія состоятъ изъ трехъ частей: а) фразы и выраженія, требующія небуквального перевода, б) примѣры перевода предложений и в) лексиконъ.

Текстъ книги составленъ изъ отрывковъ сочиненій лучшихъ европейскихкихъ и русскихъ писателей; большая половина книги состоятъ изъ переводныхъ статей, такъ какъ нельзя набрать изъ произведеній русской словесности такихъ отрывковъ, которые, будучи переведены на иностранный языкъ, не внесли бы въ этотъ переводъ чиста русскаго, совершенно чуждаго тому языку элемента. И литературные переводы на иностранные языки нашихъ писателей представляютъ нѣкоторую часть французскаго съ нижнегородскими; что же можно ожидать отъ класнаго, школьнаго перевода? Чтобы избѣжать такого неудобства, нужно было именно дать для класныхъ переводовъ самыя близкіе переводы съ тѣхъ же самыхъ языковъ, которые изучаются.

Въ книгѣ есть отрывки не только французскихъ и нѣмецкихъ, но и другихъ европейскихкихъ писателей. При выборѣ сихъ послѣднихъ постоянно имѣлись въ виду французскіе и нѣмецкіе переводы ихъ.

Кромѣ того, составители этой книги имѣли въ виду и нѣкоторое развитіе вкуса учениковъ, для чего выбраны граціознѣйшіе отрывки изъ сочиненій Гёте, Шиллера, Гейне, Шекспира, Байрона и проч.

Книга эта не заключаетъ въ себѣ ничего удушливо-класнаго; докучливая мораль замѣнена въ ней легкостью, общепонятностью и изяществомъ переводныхъ отрывковъ, а *приложенія* должны способствовать къ тому, чтобы удалить даже и отъ класнаго перевода ученическую небрежность и очень часто бессмысленность.

ЦѢНА КНИГИ 1 РУБЛЬ. Перес. за 1 фунтъ.

Для учебныхъ заведеній, покупающихъ у авторовъ (Загородный проспектъ № 30, кв. № 6), хотя бы чрезъ посредство своихъ комисіонеровъ, болѣе 10 экз., дѣляется уступка 25%.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

За чѣмъ пойдешь, то и найдешь. Женитьба Бальзаминова. Картины московской жизни. А. Островскаго	5
Мое дѣтство. (Изъ одного записокъ). М. Володина	50
Отъ Босфора до Неревскаго вала. Изъ записокъ, веденныхъ во время четырехлѣтняго путешествія демаркаціонной комиссіи по Турціи и Персіи. М. Г. (Продолженіе)	82
Изъ стихотворенія Дерягина. Э. Берга	115
Ученіе Спинозы о Богѣ. (Изъ исторіи философіи Куно Фишера).	117
Изъ Гейне. Стих. Страннопольскаго	141
Съ чешскаго. (Изъ Гавличка). Стих. Его же	142
Мера Бартоновъ. Повѣсть о манчестерскихъ труженикахъ. (Съ англійскаго). Часть шестая и послѣдняя. Пер. Е. Бекетовой	179
Въ горахъ. Стих. А. Миллера	180
Записки изъ Мертваго Дома. Э. М. Достоевскаго	243
Глава пятая и шестая	461
Глава седьмая и восьмая	473
Покуда. (Повѣсть). А. С—вой	273
Свѣжее преданье. (Романъ въ стихахъ). Я. Полонскаго	301
Мормоны въ Соединенные Штаты	322
Крестянскія дѣла. Н. Некрасова	356
Уголокъ Андалузіи (изъ путевыхъ записокъ). Д. Григоровича	364
Два разсказа, съ французскаго:	
I. Голубити	433
II. Бѣдный мальчикъ	447
Мадамъ Дакость (изъ уголовныхъ дѣлъ Франціи)	497
Легенды сарбонъ	519
Но поводу уничтоженія откупной системы и замѣны ея акцизной.	
I. Шилля. Статья первая	545

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Подвиги нашихъ колумбовъ въ восточномъ океанѣ. — Историческое обозрѣніе образованія російско-американской компаніи и дѣйствія ея до настоящаго времени. Составилъ П. Тихомиринъ. Часть I. — Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана. Четыре выпуска. Приложение къ Морскому Сборнику	1
Явленія современной литературы, пропущенныя нашей критикой. Г-жа Кохановская и ея повѣсти	20
Разсвѣтъ. Журналъ для дѣвицъ	34
О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства въ Западной Европѣ и Россіи. Сочиненіе А. Корсака	42
Объ андешскихъ и о Гегелѣ (Испытаніе въ редакцію «Времени»)	69
Описание нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими рисовальщиками въ пользу раскола. Записки Александра Ф	79
✓ Державинъ-гражданинъ. Записки Гавріила Романовича Державина 1743—1812 Дмитрія Маслова	101
Выставка въ академіи художествъ за 1860—61 годъ	119
✓ Поездка въ Южную Россію А. Леваньскаго-Чужбинскаго. Часть I. Очерки Дибра	169

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

✓ Австрійскія дѣла. — Закрытіе венгерскаго сейма — Закрытіе пестерскаго комитатскаго собранія. — Арестъ вице-бага Елачича. — Французскія дѣла. — Высочайшая степень благополучія и благоденствія Франціи. — Маленькія непріятности на швейцарской границѣ. — Итальянскія дѣла. — Новый циркуляръ г. Риказоли. — Усиженіе разбоевъ. — Празднества въ Неаполѣ, въ Римѣ и во Флоренціи. — Турецкія дѣла. — Финансы. — Движеніе въ Герцеговинѣ и въ Черногоріи. — Американскія дѣла. — Война и деньги. — Общее положеніе. — Последнія извѣстія	1
Общее положеніе. — Наклонность дѣлъ къ войнѣ. — Причины этой наклонности. — Французскія дѣла. — Посѣщеніе Франціи королями прусскимъ и голландскимъ. — Приведеніе въ порядокъ благотворительныхъ обществъ. — Общество мошенничества. — Англійскія дѣла. — Мнѣнія газетъ объ императорско-королевскихъ свиданіяхъ. — Последнія извѣстія	69

I. ...
 II. ...
 III. ...
 IV. ...
 V. ...
 VI. ...
 VII. ...
 VIII. ...
 IX. ...
 X. ...
 XI. ...
 XII. ...
 XIII. ...
 XIV. ...
 XV. ...
 XVI. ...
 XVII. ...
 XVIII. ...
 XIX. ...
 XX. ...
 XXI. ...
 XXII. ...
 XXIII. ...
 XXIV. ...
 XXV. ...
 XXVI. ...
 XXVII. ...
 XXVIII. ...
 XXIX. ...
 XXX. ...

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
указанное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 27 октября 1861 года

Ценсоръ *О. Веселого*

